This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

3 2044 021 941 315

Digitized by Google

P 3127 443.23

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

BOUGHT WITH INCOME
FROM THE BEQUEST OF
HENRY LILLIE PIERCE
OF BOSTON

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ.

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ПОГАШЕНО

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

№ 11. НОЯБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Редакція и главная контора помѣщаются на углу Стремянной и Владимірской ул., № д. 1—6, кв. 14.
1891.

ТИПОГРАФІЯ С. ДОБРОДѢЕВА, КОВЕНСКІЙ ПЕР., СОБСТВ. ДОМЪ, № 14.

Digitized by Google

PSlav 475.65 (1891 11-12)

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЛИТЕРАТ.-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„НАБЛЮДАТЕЛЬ"

ВЪ 1892 ГОДУ (ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ).

Журналъ издается подъ прежней редакціей, при участіи прежнихъ и новыхъ сотрудниковъ, безъ предварительной цензуры.

Въ журналѣ, за время его изданія, принимали участіе: Я. В. Абрамовъ, проф. И. Е. Андреевскій, Н. Ѳ. Бажинъ, П. В. Безобразовъ, В. И. Вибиковъ, П. Д. Боборыкинъ, графъ П. Д. Бутурлинъ, П. В. Быковъ, А. А. Быковъ, В. В., И. Ф. Василевскій (Буква), П. И. Вейнбергъ, В. Л. Величко, проф. В. П. Даневскій, Н. П. Дружининъ, Ю. Г. Зависѣцкій, проф. А. И. Загоровскій, П. В. Засодимскій, В. Р. Зотовъ, проф. А. А. Исаевъ, П. Ѳ. Каптеревъ, А. В. Кругловъ, В. А. Крыловъ, проф. Ѳ. И. Леонтовичъ, П. Лѣтневъ, О. В. Максимовъ, В. Л. Марковъ, Г. А. Мачтетъ, Н. Мизантроповъ, Н. Минскій, Д. Л. Мордовцевъ, П. О. Морозовъ, К. В. Назарьева, Вас. И. Немировичъ-Данченко, М. В. Неручевъ, Ф. Д. Нефедовъ, Л. И. Пальминъ, Л. К. Поповъ, Я. П. Полонскій, Ѳ. Э. Ромеръ, Г. П. Сазоновъ, В. Свѣтловъ, проф. В. И. Сергѣевичъ, Д. Сибирякъ, А. И. Скребицкій, В. К. Случевскій. А. В. Старчевскій, Д. И. Стахѣевъ, Н. Северинъ, Н. Сѣверовъ, Л. Н. Трефолевъ, проф. А. С. Трачевскій, Н. Флеровскій, К. М. Фофановъ, В. В. Чуйко, О. Н. Чюмина, А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ), І. І. Ясинскій и др.

«Наблюдатель» выходитъ ежемѣсячно, *1-го числа*, книгами отъ 25-ти до 30-ти печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ:		За полгода:	
Безъ доставки	12 р.	Безъ доставки	6 р.
Съ доставкою въ Спб.	13 р.	Съ доставкою въ Спб. .	6 р. 50 к.
Съ пер. въ др. мѣста имперіи	14 р.	Съ пер. въ др. мѣста Россіи	7 р.
Съ пересылкою за границу. .	17 р.	Съ пересылкою за границу	9 р.

Иногородные годовые подписчики „Наблюдателя", желающіе получить второе дополненное, изданіе монографій редактора: „Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія", высылаютъ 16 р. Городскіе и заграничные приплачиваютъ къ подписной цѣнѣ 2 рубля.

Уступка книгопродавцамъ—50 к. съ годоваго экземпляра.

Разсрочка платы *допускается исключительно при подпискѣ черезъ Главную Контору*, причемъ вносится:

	при подпискѣ.	къ 1 мая.	къ 1 сент.
Безъ доставки. . . .	5 р.	4 р.	3 р.
Съ доставкою	6 р.	4 р.	3 р.
Съ пересылкою . . .	6 р.	5 р.	3 р.
Съ перес. за границу .	8 р.	5 р.	4 р.

Библіотеки и кабинеты для чтенія (а также и книжные магазины, при которыхъ они состоятъ) *пользуются разсрочкою платы подъ тѣмъ лишь условіемъ, если выписываютъ не менѣе 15-ти годовыхъ экземпляровъ.*

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи (уголъ Стремянной и Владимірской ул., д. 1—6). Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія на почту только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые подпишутся въ Главной Конторѣ журнала.

Редакторъ-издатель А. П. ПЯТКОВСКІЙ.

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY 1971

Digitized by Google

Сказаніе о сибирскомъ ханѣ, старомъ Кучюмѣ.

Легенда.

I.

Пѣсня про сибирскаго хана, стараго Кучюма—пѣсня самая печальная и для того, кто ее поетъ, и для тѣхъ, кто слушаетъ. Заплакало бы небо, застонала земля; лѣса и степи покрылись бы печалью, а рѣки вскипѣли горячей кровью, еслибы нашелся человѣкъ, который съумѣлъ бы разсказать все, что было тогда, когда старый ханъ Кучюмъ сидѣлъ въ Искерѣ и потомъ бился съ невѣрными. Плачь, человѣкъ, если есть у тебя сердце и запасъ слезъ; плачь, кто бы ты ни былъ: вѣрный или невѣрный!..

Старая ханша Лелипакъ-Канышъ упрекала своего мужа, хана Кучюма:

— Ты, старый Кучюмъ, сынъ Муртазы-хана и внукъ Ибакъ-хана, ты забылъ меня, забылъ, кто тебѣ родилъ трехъ батырей: красавца Алея, Абдулъ-Хаира и Арсланъ-хана. Кто лучше Арслайъ-хана проѣдетъ на конѣ, кто храбрѣе Абдулъ-Хаира, а про Алея дѣвушки поютъ пѣсни въ самой Бухарѣ. Трехъ сыновей родила я тебѣ и красавицу дочь Лейле-Канышъ... Безсовѣстный ты человѣкъ, Кучюмъ!.. Мою красоту, которая цвѣтетъ въ моихъ дѣтяхъ, твои несытые глаза ищутъ промѣнять на первую, попавшуюся на глаза, дѣвчонку... Мало тебѣ семи законныхъ женъ, мало двадцати наложницъ, мало русскихъ плѣнницъ, которыхъ Махметкулъ приводитъ съ Камы:—нѣтъ, ты, какъ волкъ, забравшійся въ овечье стадо, хочешь зарѣзать самую лучшую овцу!..

— Молчи, Лелипакъ, молчи, отродье Шигая!—отвѣчалъ Кучюмъ, грозно сдвигая сѣдыя брови.—Еслибы не дѣти, я давно сдѣлалъ бы съ тобою то же, что твой отецъ Шигай-ханъ сдѣлалъ съ моимъ братомъ Ахметъ-Киреемъ. Родная твоя сестра

Digitized by Google

была жена Ахметъ-Кирея, а Шигай-ханъ не постыдился убить зятя. Молчи, отродье Шигая!..

— Я все молчала, всю жизнь молчала, Кучюмъ... Ты бралъ наложницъ—я молчала, ты привелъ вторую жену Симбулу—я молчала; еще четырехъ женъ взялъ—я тоже молчала; послѣднюю жену, красавицу Сузгэ, привелъ—я молчала; всю жизнь провела въ молчаніи. Но ты забылъ, Кучюмъ, что я ханская дочь и твоя старшая жена, и что меня нельзя выгнать, какъ другихъ женъ или наложницъ. Моя кровь встанетъ за мою старую голову, а твои глаза смотрятъ день и ночь на Карача-Куль. О, будь проклято это озеро, которое налито не водой, а моими старыми слезами... Много тамъ моихъ слезъ, Кучюмъ, и Сайханъ-Доланьгэ не высушить ихъ своимъ дѣвичьимъ смѣхомъ, веселыми пѣснями и огнемъ поцѣлуевъ. У нея есть свои глаза, Кучюмъ, и смотрятъ они на другаго, а мурза Карача обманетъ тебя. У него подъ каждымъ словомъ спрятано двѣ змѣи... О, Кучюмъ, Кучюмъ! зачѣмъ хочешь ты опозорить мою старую голову и ввести новую ханшу; вѣдь Сайханъ-Доланьгэ—старой княжеской кости, проклятой кости Тайбуги. Когда она войдетъ въ одну дверь, я уйду въ другую...

Закипѣло волчье сердце Кучюма отъ этихъ словъ, огнемъ вспыхнули глаза—старая ханша сказала горькую правду. Онъ уже схватился за кривой бухарскій ножъ, но остановился и глухо застоналъ.

— Ну, что же ты не убьешь меня?—спрашивала Лелипакъ-Канышъ.—Зачѣмъ ты прячешь отъ меня свои глаза, ханъ Кучюмъ?.. Ты, который ничего не боишься и ничего не стыдишься—ты струсилъ беззащитной старухи... Твое сердце давно утонуло въ чужой крови, такъ убей еще мать твоихъ дѣтей, а Сайханъ-Доланьгэ утѣшитъ тебя.

— Молчи, Лелипакъ-Канышъ: въ тебѣ сидитъ шайтанъ. Я когда нибудь вырву твой проклятый языкъ...

— А ты забылъ убитаго тобой сибирскаго хана Эдигера?.. Забылъ его жену, ханшу Тэсъ-Удуль, которая бѣжала въ Бухару и тамъ родила сына—это кость Тайбуги и она заплатитъ тебѣ за мои слезы. Мало тебѣ этого?.. Ты же убилъ и брата хана Сейдяка, храбраго Бикъ-Булата... О, Кучюмъ, Кучюмъ, ты и съ своимъ царствомъ поступаешь, какъ со мной: ты забылъ и его для Сайханъ-Доланьгэ. Проснись, ханъ, пока не поздно, а я не хочу накликать бѣду на твою сѣдую голову, въ которой, какъ змѣи, шевелятся черныя мысли...

— Не говори мнѣ ничего: я знаю, что дѣлаю, и не тебѣ учить меня. Ты давно выжила изъ ума и каркаешь, какъ ворона. А

Digitized by Google

мои сыновья не виноваты, что въ ихъ мать вселился шайтанъ... И Сайханъ-Доланьгэ не виновата, что моложе и красивѣе всѣхъ на свѣтѣ. Она будетъ моя, если я захочу, и ты будешь счастлива, если я позволю тебѣ обувать и разувать ее.

Такъ бранились и попрекали другъ друга старики. Они и не замѣтили, какъ вошелъ сѣдой, какъ лунь, Ханъ-Сеидъ, остановился у дверей и со стыдомъ въ лицѣ опустилъ свои святые глаза. Лелипакъ-Канышъ уже раскрыла ротъ, чтобы бросить въ лицо мужу послѣднее и самое сильное обвиненіе, но оглянулась и—смутилась. У старой ханши упало сердце со страха, и она горько заплакала.

— О, пророкъ, да благословитъ Богъ Сеида и да привѣтствуетъ,—говорилъ Кучюмъ, кланяясь Ханъ-Сеиду въ поясъ, какъ никому не кланялся.

— О чемъ ты плачешь, Лелипакъ-Канышъ, дочь Шигай-хана?—спрашивалъ Ханъ-Сеидъ, не отвѣчая Кучюму.—Радуйся настоящимъ горемъ и печалься настоящей радостью: такъ нужно... Ужь вороны летаютъ надъ Иртышемъ, въ степи воютъ волки, а ты ничего не бойся. У тебя останутся хоть глаза, чтобы оплакивать твое старое горе, а у другихъ и этого не будетъ. Ты сейчасъ гордилась своими дѣтьми, а стрѣла уже легла на тетиву, и много матерей не найдутъ достаточно слезъ, чтобы оплакать погибшихъ дѣтей. Твое сердце, ханша, крѣпче Искера, и въ немъ найдутъ мѣсто всѣ, кого ты любишь. Горе идетъ, какъ туча, и не останется отъ храбрыхъ ни мяса, которое могли бы ѣсть вороны, ни крови, которую могли бы лизать собаки. Вотъ что будетъ, Лелипакъ-Канышъ! Горе побѣжденнымъ, которые будутъ рады питаться собственнымъ тѣломъ, какъ это дѣлалъ Темиръ-Ленкъ... Вотъ что я сказалъ тебѣ, ханша Лелипакъ-Канышъ, а ты оставь мужчинъ дѣлать свое дѣло.

— Святой человѣкъ, образумь моего мужа — со слезами молила Лелипакъ-Канышъ, хватаясь за полы зеленаго халата Ханъ-Сеида:—онъ и себя, и всѣхъ погубитъ... Казаки ужь плывутъ по Турѣ и взяли городокъ мурзы Епанчи, а ханъ Кучюмъ думаетъ о дѣвичьихъ глазахъ и его сердце смѣется на Карача-Куль.

— Все знаю, ханша Лелипакъ-Канышъ, дочь Шигай-хана,—печальнымъ голосомъ отвѣчалъ Ханъ-Сеидъ. — Но вотъ что я скажу тебѣ: смерть близко... Смерть всѣхъ сравняетъ: и богатыхъ, и бѣдныхъ, и старыхъ, и молодыхъ, счастливыхъ и несчастныхъ. Аллахъ великъ, а мы будемъ молиться...

Лелипакъ-Канышъ поклонилась въ ноги Сеиду и вышла на свою женскую половину, а Ханъ-Сеидъ опять опустилъ свои свя-

Digitized by Google

тые глаза въ землю, чтобы старый Кучюмъ не видѣлъ глядѣвшую изъ нихъ святую печаль. О, святой человѣкъ видѣлъ все, видѣлъ живыхъ людей мертвыми, видѣлъ убитыми лучшихъ сибирскихъ батырей, обезчещенныхъ женщинъ и уведенныхъ въ неволю дѣтей; пожары и грабежъ видѣлъ онъ, и еще хуже того: видѣлъ измѣнниковъ, которые притворяются храбрыми и предадутъ родину, Но ничего не могъ сказать Ханъ-Сеидъ даже Кучюму, и только святая печаль глядѣла его святыми глазами.

— Кучюмъ-ханъ, сынъ Муртазы-хана и внукъ Ибакъ-хана, вотъ тебѣ мое слово,—заговорилъ Ханъ-Сеидъ, не вытирая катившихся по сѣдой бородѣ слезъ. — Да, я скажу тебѣ, внукъ Ибакъ-хана: твое волчье сердце упилось давно чужой кровью, нѣтъ въ тебѣ жалости, и твои враги считали за счастье умереть, только бы не попасть въ твои руки... По колѣни ты ходишь въ грѣхѣ, сынъ Муртазы-хана, и твоя сѣдая голова всегда переполнена гнусными замыслами. Ты плаваешь въ чужой крови, внукъ Ибакъ-хана и давно потерялъ счетъ убитымъ тобой... Правду ли я говорю, Кучюмъ?

— Святой человѣкъ, ты все знаешь и видишь, — отвѣчалъ Кучюмъ:—но ты также знаешь и то, что всѣ ханы на свѣтѣ одинаковы... Чѣмъ лучше меня бухарскій Абдулла-ханъ, который послалъ тебя ко мнѣ и который убилъ шестнадцать родныхъ братьевъ, чтобы одному завладѣть отцовскимъ престоломъ. Я убилъ хана Едигера. я убилъ его брата Бикъ-Булата, я истреблю до конца проклятую кость Тайбуги, потому что хочу быть однимъ ханомъ сибирскимъ, а Искеръ всегда будетъ моей столицей... Когда Чингисъ завоевалъ великую Бухару, онъ подарилъ костямъ Тайбуги всю Сибирь, а Сибирь всегда принадлежала хану Ибаку и его кости: я—изъ кости Ибака и крѣпко держу свою отчину и дѣдину.

— Вотъ тебѣ еще мое слово, Кучюмъ-ханъ: идутъ на Искеръ казаки, они убиваютъ татаръ громомъ и молніей, — заговорилъ Ханъ-Сеидъ, поднимая глаза. — Вотъ тебѣ случай смыть всю кровь съ себя... Проснется твое волчье сердце, сынъ Муртазы-хана, и, когда другіе сдѣлаются данниками Бѣлаго Царя или убѣгутъ въ степь, ты одинъ будешь наводить страхъ на всѣхъ. Большое горе ждетъ тебя на каждомъ шагу, но оно покроется молодой радостью, какъ выжженная зноемъ степь покрывается зеленой травой и яркими цвѣтами отъ перваго дождя.

Digitized by Google

Андрей Тимофеевичъ
9 - МАРТ. 1909
ПОСТРОЕНЪ

II.

Ночь стоитъ надъ Искеромъ, плачетъ и стонетъ подъ горой Иртышъ, а на городской стѣнѣ стонетъ и плачетъ Лелипакъ-Канышъ, схватившись за свою сѣдую голову костлявыми руками. Днемъ она все смотритъ въ московскую сторону, куда увезли ея милаго сына Арсланъ-хана, а по ночамъ бродитъ по городу, какъ старая волчица, у которой отняли волчонка. Зачѣмъ она ханша, зачѣмъ жена Кучюма, а не простая татарка, которая умираетъ на рукахъ своихъ дѣтей? Самыя бѣдныя татарки теперь ужь давно спятъ, не спитъ одна ханша Лелипакъ-Канышъ и не можетъ утишить своего стараго сердца... Думаетъ ли о ней Арсланъ-ханъ, сидя заложникомъ въ Москвѣ, или забылъ мать, какъ прирученный соколъ забываетъ родное гнѣздо? Много въ Москвѣ зажилось татарскихъ царевичей, а Бѣлый Царь опутываетъ ихъ своими княжнами и помѣстьями. Слышитъ ли твое молодое, горячее сердце, Арсланъ-ханъ, какъ убивается старуха-мать, или полюбилась тебѣ московская неволя? Измѣнитъ мужъ своей женѣ, лучшая красавица полюбитъ другаго, самый храбрый батырь побѣжитъ передъ кровавымъ страхомъ смерти, а материнское сердце всегда вѣрно себѣ; не думаетъ Лелипакъ-Канышъ о четырехъ сыновьяхъ, которые у нея на глазахъ, не думаетъ о красавицѣ дочери Лейле-Канышъ, а всѣ ея мысли, какъ ночныя птицы надъ огнемъ, вьются около Арсланъ-хана...

Грозно шумитъ Иртышъ, высоко на берегу поднимается Искеръ; а кругомъ города день и ночь роютъ окопы, дѣлаютъ рвы и засѣки. Нужно защитить городъ отъ надвигающейся московской грозы, а Искеръ—сердце Сибири. Ночью работа идетъ при огняхъ, и ханъ Кучюмъ самъ слѣдитъ за всѣмъ: онъ никому не вѣритъ, кромѣ своего глаза. И теперь кипитъ работа, но Лелипакъ-Канышъ не видитъ огней, не слышитъ человѣческихъ голосовъ и бродитъ по городу, какъ тѣнь. Развѣ уйдешь отъ бѣды, еслибы поднять стѣны до самаго неба и повернуть Иртышъ отъ студенаго моря къ теплому?.. Бродитъ Лелипакъ-Канышъ изъ улицы въ улицу и все чего-то ждетъ, а сама слышитъ, какъ бьется ея сердце въ груди. Идутъ казаки, будетъ война, а ея Арсланъ-ханъ все будетъ томиться въ московской неволѣ, и не увидятъ его ея старые глаза. Ханъ-Сеидъ—святой человѣкъ, а и онъ ничего не говоритъ объ Арсланъ-ханѣ.

Ходитъ Лелипакъ-Канышъ и не слышитъ конскаго топота: это

Digitized by Google

мчится старый Кучюмъ-ханъ на своемъ лучшемъ аргамакѣ, а его прислужники едва поспѣваютъ за нимъ, потому что быстрѣе коней летитъ ханское сердце. Мчатся за Кучюмомъ его лучшіе совѣтники и батыри: главный совѣтникъ Чинъ-Мурза, братъ молодой ханши, красавицы Симбулы, мурза Булатъ, киргизскій царевичъ Ураза-Магметъ; какъ тѣни, летятъ они молча за Кучюмомъ, и только нѣтъ въ этой свитѣ батыря Махметкула и ни одного изъ ханскихъ сыновей. Совѣстно стало Кучюму своей собственной крови, и онъ оставляетъ сыновей дома... Несется ханъ Кучюмъ, несется за нимъ, какъ вѣтеръ, его свита, и чуть они не смяли бродившую по улицамъ Лелипакъ-Канышъ. Съ крикомъ бросилась она въ сторону, прижалась къ стѣнѣ чужаго дома и все поняла,—поняла, что такъ гонитъ Кучюма ночью, почему нѣтъ съ нимъ сыновей. Святыя слова Ханъ-Сеида не подѣйствовали на него.

— О, будь проклятъ ты, отецъ моихъ дѣтей! — крикнула въ слѣдъ Кучюму старая Лилипакъ-Канышъ, поднимая руки къ небу.— И будь проклято мѣсто, куда тебя гонитъ твое волчье сердце!..

Но не слышитъ старый Кучюмъ этихъ словъ и несется впередъ: свои года и старость онъ оставилъ въ Искерѣ, а его сердце бьется молодой, горячей кровью. Раньше, также быстро леталъ онъ на своемъ аргамакѣ въ Сузгунъ, что красуется надъ Иртышемъ и гдѣ цвѣла своей красотой ханша Сузгэ, но заросла травой дорога въ Сузгунъ, и ханскій аргамакъ безъ поводьевъ знаетъ путь къ Карача-Куль. До Карача-Куль одинъ переѣздъ, но хану Кучюму онъ кажется дальше, чѣмъ до Ургенджа. Свѣтлое озеро Карача-Куль совсѣмъ спряталось въ зеленыхъ камышахъ, и крѣпко засѣлъ на немъ старый мурза Карача съ своимъ улусомъ. Хмуритъ онъ свои сѣдыя брови, когда заслышитъ знакомый топотъ ханскаго аргамака, а его дочь, красавица Сайханъ-Доланьгэ, только смѣется, потряхивая золотыми монетами, которыми усыпаны ея черные волосы и бѣлая грудь. Оставляетъ свою свиту ханъ Кучюмъ въ улусѣ, а самъ идетъ къ мурзѣ Карачѣ одинъ, чтобы не встревожить Сайханъ-Доланьгэ. Выходитъ къ нему на встрѣчу самъ мурза Карача и кланяется до земли.

— Да хранитъ богъ хана Кучюма,—говоритъ хитрый старикъ, принимая ханскаго коня. — Какая забота загнала хана въ такую пору ко мнѣ? Глаза стараго Карачи счастливы видѣть солнце въ своемъ улусѣ...

Молча идетъ Кучюмъ въ ставку Карачи, молча садится на дорогой бухарскій коверъ, а Сайханъ-Доланьгэ уже подноситъ ему

Digitized by Google

чашу съ кумысомъ, и смѣется ханское сердце. За Сайханъ-Доланьгэ, какъ тѣнь, ходитъ старая шаманка Найдыкъ.

— Да хранитъ богъ хана Кучюма и пусть радуется его сердце,—говоритъ Сайханъ-Доланьгэ, кланяясь Кучюму въ поясъ.— И ночью ханъ Кучюмъ не спитъ есть забота у хана.

— Ты давно знаешь мою заботу, Сайханъ-Доланьгэ—говоритъ Кучюмъ, не отрывая глазъ отъ красавицы.

— Казаки идутъ къ Искеру?..

— Искеръ крѣпко стоитъ и будетъ еще крѣпче...

— Не захворала ли красавица Сузгэ?

— И Сузгэ здорова...

Сидитъ ханъ Кучюмъ, пьетъ кумысъ и весело болтаетъ съ Сайханъ-Доланьгэ: нѣтъ для него ни Искера, ни казаковъ, ни красивой Сузгэ. Все на свѣтѣ забываетъ ханъ Кучюмъ для своей красавицы и, оставляя ханскую гордость, поетъ ей свои пѣсни, какъ самый бѣдный степной пастухъ:

Твои брови тонки, какъ новый мѣсяцъ,
Свѣжей розой запертъ жемчугъ зубовъ...
Весело горитъ молодой огонь въ твоемъ очагѣ, красавица,
А когда ты смѣешься—ночь озаряется свѣтомъ.
Двѣ полныхъ луны стыдливо дремлютъ на твоей бѣлой груди,
Двѣ звѣзды смотрятъ изъ подъ черныхъ рѣсницъ.
Но кто тотъ счастливецъ, для котораго побѣгутъ къ порогу твои маленькія ножки,
А бѣлыя руки съ тонкими пальцами разойдутся сами собою?
Колибы ты взглянула на меня ласково—разлился бы я чистымъ серебромъ;
Въ другой—расплавился бы золотомъ!
Пусть умру я мученикомъ,
Но только въ твоихъ объятіяхъ...
Но я ухожу отъ тебя печальный,
И сердце мое покрывается льдомъ;
Во снѣ я вижу тебя и мгновенно умираю,
Просыпаюсь—и еще разъ умираю.

Слушаетъ Сайханъ-Доланьгэ ханскую пѣсню и думаетъ о другомъ, думаетъ о молодомъ батырѣ, который уже три раза волчьими тропами ходилъ черезъ Камень и возвращался оттуда съ богатой добычей,—по степнымъ ауламъ ужь поютъ пѣсни про батыря Махметкула. Само счастье широкой тѣнью ходитъ за батыремъ Махметкуломъ; одно его имя наводитъ кровавый ужасъ на всѣхъ.

Digitized by Google

кромѣ Сайханъ-Доланьгэ, этой черноволосой красавицы съ розовыми ушами и тонкими пальцами. Да, ханъ Кучюмъ поетъ свои пѣсни Сайханъ-Доланьгэ, а Сайханъ-Доланьгэ думаетъ о батырѣ Махметкулѣ.

— Хана всѣ любятъ,—отвѣчаетъ съ улыбкой хитрая красавица.—А я тебѣ спою, ханъ, старую пѣсню. Слушай...

Храбрый молодецъ свое копье мочитъ въ крови,
А безстыдникъ проводитъ ночи безъ сна ..

Такъ начиналась старая пѣсня «о соломенкѣ», въ которой воспѣвались подвиги великаго хана Темиръ-Ленка. Всему научался Темиръ-Ленкъ у муравья. Это еще было тогда, когда, разбитый своими врагами, ханъ спасался въ развалинахъ какого-то стариннаго кладбища. Темиръ-Ленкъ, какъ змѣя, заползъ между могильными камнями и ждалъ здѣсь своей смерти. Онъ былъ одинъ, а врагъ гнался по пятамъ. Въ ожиданіи смерти, Темиръ-Ленкъ могъ наблюдать только муравья, который тащилъ длинную соломенку на могильную плиту. Сорокъ разъ онъ оборвался съ нея, а въ сорокъ первый втащилъ. Погоня пронеслась надъ головой Темиръ-Ленка, а онъ сдѣлался, благодаря мудрости муравья, величайшимъ изъ всѣхъ хановъ. Вотъ о чемъ пѣла красавица Сайханъ-Доланьгэ, весело позванивая своимъ дѣвичьимъ золотомъ и серебромъ.

Такъ смѣялась въ глаза надъ старымъ ханомъ Кучюмомъ капризная красавица, и онъ уѣзжалъ къ себѣ въ Искеръ, низко опустивъ голову. Но стыдъ не удерживалъ его, и ханъ опять пріѣзжалъ на Карача-Куль, а Сайханъ-Доланьгэ опять смѣялась надъ нимъ, спрашивая о Лелипакъ-Канышъ, о Сузгэ и другихъ ханшахъ. Но съ каждымъ разомъ старый Кучюмъ дѣлался все мрачнѣе и, наконецъ, сказалъ мурзѣ Карачѣ:

— Отдай мнѣ Сайханъ-Доланьгэ, Карача...

— Оставь, ханъ! этому никогда не бывать,—смѣло отвѣтилъ старый мурза.—У тебя большіе сыновья отъ Лелипакъ-Канышъ, и, когда ты умрешь, они выгонятъ мою дочь изъ ханской ставки, какъ опоенную лошадь.

— Карача, ты забылъ, съ кѣмъ говоришь?!

— Нѣтъ, я знаю тебя, ханъ, знаю больше другихъ... Вѣдь мы вмѣстѣ съ тобой рѣзали людей, вмѣстѣ и хана Сейдяка убили. И меня ты зарѣжешь, какъ овцу, чтобы взять Сайханъ, но самъ я все таки не могу отдать ее тебѣ.

— Я тебя осыплю золотомъ, старый упрямый верблюдъ...

— Развѣ моя дочь лошадь, что я буду ее продавать? Для

Digitized by Google

этого есть невольницы, а моя дочь старой ханской крови. Отними ее силой и владѣй!..

Развѣ любовь возьмешь силой? Ханъ Кучюмъ зазывалъ къ себѣ шаманку Найдыкъ и уговаривалъ ее приворожить сердце Сайханъ-Доланьгэ. Хитрая Найдыкъ принимала богатые ханскіе подарки и говорила:

— Ты будешь счастливъ, ханъ, какъ никто другой...

Она то же самое говорила и батырю Махметкулу, когда онъ привозилъ ей подарки изъ-за Камня, съ московской стороны.

III.

Какъ огонь идетъ по степи, такъ шли казаки все дальше и дальше. На переднемъ стругѣ плыветъ самъ Ермакъ съ любимымъ своимъ пятидесятникомъ Богданомъ Брязгой, а на другихъ стругахъ атаманятъ Иванъ Кольцо, Никита Панъ, Матвѣй Мещерякъ и Гроза Ивановичъ. Тонкими голосами запѣли татарскія стрѣлы на Турѣ, когда казаки приступили къ первому татарскому городку мурзы Епанчи. Гранулъ громъ въ рукахъ казаковъ, и бѣжали татары. Такъ взятъ былъ городокъ Епанчи и другой городокъ Цимги. Помутилась вода кровью въ самомъ Тоболѣ, а казацкіе струги плывутъ все дальше.

Укрѣпленъ Искеръ; Кучюмъ засѣлъ подъ Чувашьей горой. На Иртышѣ ждетъ казаковъ въ своемъ городкѣ мурза Атикъ, а недалеко отъ устьевъ Тобола, у бабасанскихъ юртъ, собрался цвѣтъ татарскаго войска съ батыремъ Махметкуломъ во главѣ. Пришли на помощь вогульскіе и остяцкіе князьки, которые вмѣстѣ съ Кучюмомъ засѣли подъ Чувашьей горой. Не вѣритъ старый Кучюмъ вогульской и остяцкой храбрости, но теперь всякая помощь дорога. Только два человѣка не боятся казаковъ: старый Кучюмъ и молодой Махметкулъ, и оба они думаютъ о лукавыхъ глазахъ Сайханъ-Доланьгэ. Какъ волкъ въ камышахъ, сидитъ Кучюмъ подъ Чувашьей горой, ждетъ Махметкулъ у бабасанскихъ юртъ, а казаки плывутъ все дальше. Запѣли стрѣлы уже на Тоболѣ и закипѣла жестокая сѣча, какой еще не было видано: встрѣтились въ первый разъ лицомъ къ лицу два батыря—Махметкулъ и Ермакъ. Цѣлый день они бились; какъ скошенная трава, полегли храбрые, а къ вечеру дрогнули татары, и Махметкулъ, батырь Махметкулъ, бѣжалъ съ поля битвы... Еслибы у ночи были глаза, она плакала бы, какъ мать, и надъ тѣми, кто честно положилъ свою голову за родину, и

Digitized by Google

особенно надъ тѣми, кто позорно бѣжалъ съ поля битвы. Нѣтъ пощады трусамъ, нѣтъ слова хуже, которымъ ихъ встрѣтитъ каждый мужчина и каждая женщина, а Махметкулъ бѣжалъ отъ Ермака, какъ заяцъ отъ охотничьей собаки. Забылъ онъ о прекрасныхъ глазахъ Сайханъ-Доланьгэ, забылъ о старой матери Кюнъ-Арыгъ, сѣдую голову которой покрылъ позоромъ.

— Нѣтъ у меня сына,—твердила Кюнъ-Арыгъ:—это заячьи ноги, а не мой сынъ... У бабасанскихъ юртъ умерла моя радость!..

— Твой батырь Махметкулъ—молокососъ и щенокъ,—говорилъ старый мурза Карача дочери.—Ему бы доить кобылицъ, а не воевать... Теперь казаки пойдутъ на Иртышъ и возьмутъ городокъ мурзы Атика.

Горько плакала Сайханъ-Доланьгэ, плакала вмѣстѣ съ ней шаманка Найдыкъ, а когда двѣ женщины сойдутся вмѣстѣ, то онѣ непремѣнно что нибудь придумаютъ. Снарядили онѣ стараго шамана Кукджу и послали его въ Искеръ, чтобы старикъ разыскалъ тамъ батыря Махметкула и заговорилъ его сердце,—все зналъ шаманъ Кукджу и все могъ онъ сдѣлать. Онъ выгналъ злаго духа изъ Лейле-Канышъ, когда ханская дочь совсѣмъ умирала, и вернетъ Махметкулу его храбрость. Сто лѣтъ шаману Кукджу; желтая борода у него росла отъ самыхъ глазъ, точно мохъ на старомъ пнѣ, но мурза Карача держалъ его въ своемъ улусѣ, какъ дорогаго гостя. Хитрый Карача и столѣтній шаманъ молились еще старымъ богамъ,—святой Оби и буйному Иртышу.

— Ханъ Кучюмъ оставилъ старыхъ боговъ, и старые боги его оставили,—говорилъ Кукджу мурзѣ Карачѣ.—Ханъ-Сеидъ съ своимъ пророкомъ не спасетъ хана Кучюма... Вотъ что видѣли столѣтніе глаза Кукджу: каждую ночь, на Иртышѣ съ татарской стороны выходитъ бѣлый волкъ, а съ московской черная собака и дерутся они до бѣлаго свѣта. Кровью покрывается вода, Иртышъ мечетъ огненныя искры, а надъ Искеромъ встаетъ московскій городъ съ бѣлыми церквями. Вотъ что видятъ столѣтніе глаза Кукджу! Еще раньше пришло въ Сибирь бѣлое дерево, а за нимъ придетъ и бѣлый царь... Вотъ что сдѣлали старые боги, которыхъ оставилъ ханъ Кучюмъ!

Мурза Карача думалъ одно, а вышло другое. Не боялся онъ за свой улусъ и даже жалѣлъ мурзу Атика, котораго разоритъ Ермакъ,—одна дорога по рѣкѣ у казаковъ, а Карача-Куль останется въ сторонѣ. Позоритъ Ермакъ другихъ мурзъ, награбитъ богатствъ, можетъ быть, и до Искера доберется, а по замороз-

Digitized by Google

камъ уйдетъ съ добычей за Камень, какъ дѣлалъ Махметкулъ съ закамской стороной. Останется тогда старый Карача богаче и сильнѣе всѣхъ, а Кучюмъ старъ, сыновья у него еще молоды, счастье перемѣнчиво и если Сайханъ-Доланьгэ не суждено быть ханшей, то она будетъ дочерью новаго сибирскаго хана. Не успѣлъ старый мурза додумать своихъ хитрыхъ мыслей, какъ на Карача-Куль налетѣла гроза. Пока самъ Ермакъ отдыхалъ у бабасанскихъ юртъ, атаманъ Кольцо бросился съ казаками на карачинскій улусъ, точно степной вихрь, который засыпаетъ пескомъ цѣлые города и вырываетъ столѣтнія деревья съ корнемъ. Не было времени даже подумать о защитѣ, а ноги сами бѣжали... Къ утру, гдѣ вчера стоялъ карачинскій улусъ, не осталось даже дыма отъ пожара, а валялись одни трупы убитыхъ да выли собаки. Самъ Карача едва успѣлъ спастись на одной лошади съ Сайханъ-Доланьгэ. Они опомнились только въ Искерѣ, куда народъ сбѣгался отъ казаковъ со всѣхъ сторонъ.

— Если Махметкулъ и твой отецъ не могли тебя защитить, такъ я тебя сберегу,—сказалъ старый Кучюмъ, когда увидѣлъ красавицу Сайханъ въ Искерѣ. — Теперь ты моя гостья... Не бойся ничего, пока живъ ханъ Кучюмъ.

Ласково говорилъ старый ханъ, забывая для красавицы даже висѣвшую на носу бѣду, а та по прежнему ненавидѣла его нечистую старую любовь и думала о Махметкулѣ.

Всѣ мурзы и улусники Кучюма собрались въ Искерѣ. Врагъ близко, нужно подумать о своихъ женахъ и дѣтяхъ, а военное счастье измѣнчиво. Долго думали и рѣшили отправить все имущество, женщинъ, дѣтей и стариковъ въ степь, гдѣ красовалось ханское лѣтнее стойбище Наоболакъ. Такъ бѣда соединила Лейлипакъ-Канышъ и Сайханъ-Доланьгэ, какъ зиму съ лѣтомъ, какъ вечернюю зарю съ утренней. Старая ханша не подала и виду, что ненавидитъ свою молодую гостью, которую съ радостью задушила бы своими костлявыми руками, а теперь должна была везти въ степь вмѣстѣ съ своей дочерью Лейле-Канышъ.

Много было слезъ, когда начали выѣзжать изъ Искера жены, наложницы и невольницы Кучюма, а за ними потянулись жены и дѣти разныхъ мурзъ. Остались въ городѣ только тѣ, которымъ некуда было бѣжать, да тѣ, которымъ суждено было здѣсь умереть. Всѣ руки, которыя могли еще бороться съ врагомъ, были впереди, на берегу Иртыша, а впереди всѣхъ опять стоялъ батырь Махметкулъ, грозный и неприступный, какъ рѣка, которая готова выступить изъ береговъ и затопить все кругомъ.

— Будетъ то, чего не миновать,—говорилъ батырю старый

Digitized by Google

шаманъ Кукджу.—У смерти нѣтъ глазъ, какъ и у счастья; но есть глаза у Сайханъ-Доланьгэ и онѣ смотрятъ на тебя давно... Женщина—тетива, которая посылаетъ стрѣлу-мужчину. Не бойся ничего: я буду съ тобой, какъ сказала Сайханъ-Доланьгэ.

Туча лежитъ на сердцѣ у Махметкула и ждетъ онъ новой сѣчи, какъ праздника, чтобы смыть свой позоръ вражеской кровью. О, онъ утонетъ въ этой чужой крови, чтобы не слышать страшнаго слова: «трусъ». А казаки ужь поднимаются вверхъ по Иртышу, къ городку мурзы Атика. Грозно надулась сердитая рѣка, со стономъ бьются о берега сѣдыя волны, разсыпаясь серебряной слезой, а сверху глядитъ на казаковъ осеннее сѣрое небо, холодное и суровое, какъ лицо мертвеца... Съ жалобой бѣжитъ вѣтеръ по высокой степной травѣ, точно онъ ищетъ кого-то и тоже стонетъ, какъ стонетъ по ночамъ Иртышъ. Черные вороны стаей провожаютъ казацкіе струги и ждутъ кровавой добычи. Тихо въ одномъ Искерѣ, гдѣ остался святой человѣкъ, Ханъ-Сеидъ. Онъ каждый день обходитъ всѣ стѣны и долго молится, поднявъ руки къ верху. По Иртышу къ Искеру идетъ страшное и великое горе, а надъ казацкими стругами невидимо летитъ смерть. Замерло бы въ груди сердце у самаго храбраго, еслибы онъ могъ видѣть то, что видѣлъ Ханъ-Сеидъ... Близится день и часъ, когда по степнымъ стойбищамъ, улусамъ и займищамъ горько заплачутъ тысячи татарокъ объ убитыхъ мужьяхъ, отцахъ и дѣтяхъ. а на далекой русской сторонѣ отвѣтятъ имъ тѣмъ же матери, жены и дочери казаковъ. Это судъ божій, и никто не можетъ остановить его ни на одно мгновеніе...

— О, пророкъ, дай силу Кучюму, — молится Ханъ-Сеидъ, падая ницъ.—Вотъ человѣкъ, сердце котораго не знаетъ страха и который будетъ великъ въ бѣдѣ, какъ никто другой...

Подъ Чувашьей горой сошлись храбрые грудь съ грудью, какъ еще не видалъ сѣдой Иртышъ. Тутъ были всѣ мурзы и всѣ князья вогульскіе и остяцкіе. Берегъ Иртыша почернѣлъ отъ двигавшагося по немъ войска, и смерть пряталась за окопами, во рвахъ и засѣкахъ. Самъ Кучюмъ здѣсь, старый Кучюмъ, который сотни разъ видалъ жестокія сѣчи и который сейчасъ ждетъ врага, какъ дорогаго гостя. Близко казаки... Гулкое эхо прокатилось по Иртышу отъ ихъ выстрѣловъ, и закипѣла кровавая сѣча. Бьются всѣ съ невиданной еще храбростью. Никому нѣтъ пощады, и люди сдѣлались страшнѣе звѣрей. Впереди всѣхъ бьется батырь Махметкулъ,—онъ выше всѣхъ цѣлой головой, и всѣ смотрятъ на его храбрость. Цѣлый день шла битва

Digitized by Google

и враговъ раздѣлила только ночь. Побѣда осталась нерѣшенной. Солнце еще не взошло, а стрѣлы уже запѣли. Бой загорѣлся съ новой яростью, и впереди всѣхъ опять батырь Махметкулъ, который молодымъ львомъ носился по полю мертвыхъ. Мало казаковъ, а убитыхъ много. Дрогнуло сердце у самыхъ храбрыхъ. Счастье переходитъ къ татарамъ, еще мигъ—и посыплются казацкія головы, какъ вызрѣвшее на горячемъ солнцѣ зерно. Схватился Ермакъ и двинулъ отчаянныхъ удальцевъ на засѣки, гдѣ скрывались остяки и вогулы. Не выдержали напора эти жалкіе трусы и побѣжали; но опять впереди всѣхъ Махметкулъ и еще сильнѣе напираютъ татары. Но вдругъ не стало батыря Махметкула, и все смѣшалось. Дрогнули татары, а по полю несется страшная вѣсть: «палъ Махметкулъ, убитъ батырь Махметкулъ»!..

Еще сильнѣе ударили казаки, и побѣжали татары, какъ застигнутое въ степи бураномъ стадо овецъ.

IV.

Красивое мѣсто—Наоболакъ. Два степныхъ озера смотрятъ въ небо, какъ два свѣтлыхъ глаза, опушенныхъ зелеными рѣсницами степныхъ камышей. Пестрымъ ковромъ обвегла степь это любимое ханомъ Кучюмомъ мѣсто, куда онъ лѣтомъ выѣзжалъ со всѣми своими женами, и гдѣ веселилось ханское сердце, покрываясь новыми цвѣтами. Но теперь—осень; въ степи шелеститъ высохшая трава; давно завяли степные цвѣты, и надъ веселымъ ханскимъ мѣстомъ черной тучей нависла печаль. Согни кибитокъ разбиты кое-какъ, какъ громадныя тюбетейки, упавшія съ богатырскихъ головъ; горятъ огни, ржутъ лошади, а печальныя женщины утромъ и вечеромъ смотрятъ въ ту сторону, гдѣ вольно катится Иртышъ и откуда всѣ ждутъ грозныхъ вѣстей. Сбѣжались сюда женщины изъ разоренныхъ городковъ Епанчи, Карачи и Атика, а лучшее мѣсто занимаетъ ставка ханскихъ женъ и наложницъ. Горе соединило всѣхъ въ одно стадо, но никакое горе не заставитъ Лелипакъ-Канышъ позабыть молодую красоту Сайханъ-Доланьгэ,—она каждый день у нея на глазахъ, и каждый день смертельно ноетъ сердце старой ханши.

Тоскуетъ и Сайханъ-Доланьгэ: молодость и красота ей въ тягость, потому что и цвѣты блекнутъ, когда на нихъ не смотритъ горячее солнце. Утѣшаетъ дѣвушку старая Кюнъ-Арыгъ, мать батыря Махметкула.

Digitized by Google

— За что ненавидитъ меня ханша Лелипакъ-Канышъ?—жаловалась ей Сайханъ-Доланьгэ.—Что я сдѣлала ей?.. Быть женой беззубаго старика я совсѣмъ не желаю, да и сердце у Кучюма горячее не по годамъ: сегодня одна жена, а завтра десять новыхъ. Я лучше пойду за степнаго батыря, которому не на что купить второй жены...

— Это говоритъ въ тебѣ гордость, моя красавица,—стыдила ее старая Кюнъ-Арыгъ и тяжело вздыхала.—У всякой дѣвушки свое счастье, а когда состаришься, тогда ничего не будетъ нужно...

— Но вѣдь я еще молода? Я хочу веселиться... Посмотри, какъ плачетъ красавица Сузгэ, которую Кучюмъ забылъ, какъ и другихъ женъ. Она—гордая киргизка, и Кучюмъ отбилъ ее у молодаго жениха. Спроси ея брата, царевича Уразу-Магмета: онъ знаетъ, какъ она убивалась въ Сузгунѣ... Лелипакъ-Канышъ утѣшаетъ себя дѣтьми, а Сузгэ остались однѣ ея слезы.

По вечерамъ, Сайханъ-Доланьгэ пѣла старыя пѣсни о старыхъ степныхъ батыряхъ, которыхъ любили степныя красавицы, и о великихъ ханахъ Темиръ-Ленкѣ, Чингисѣ, Искандерѣ и Бату. Хорошо пѣла Сайханъ-Доланьгэ, и около нея сбирались всѣ старухи, чтобы поплакать вмѣстѣ о настоящемъ горѣ. На эти пѣсни приходила и Лейле-Канышъ, какъ летитъ птица къ птицѣ,—она оставляла гордость ханской дочери въ своей кибиткѣ. Когда на глазахъ не было старухъ, красавицы весело смѣялись: ихъ молодая радость плавала поверхъ горя, какъ масло надъ водою. Онѣ обѣ любили батыря Махметкула и обманывали другъ друга, какъ молодыя лисицы, когда онѣ играютъ на солнцѣ.

— Зачѣмъ мы съ тобой не сестры?—ласково шептала Лейле-Канышъ.—Мать не любитъ тебя, а я не могу безъ тебя жить...

— И я тоже, — отвѣчала Сайханъ-Доланьгэ. — Когда твой отецъ прогонитъ казаковъ, онъ отдастъ тебя въ награду Махметкулу за его храбрость... Старая Кюнъ-Арыгъ и теперь провожаетъ тебя глазами, какъ свою молодость. У нея даже глаза слезятся отъ радости... Не забудь и меня позвать къ себѣ на свадьбу.

— Это будетъ, когда ледъ на Иртышѣ загорится огнемъ, — смѣялась Лейле-Канышъ.

Чѣмъ казалась веселѣе Сайханъ-Доланьгэ днемъ, тѣмъ сильнѣе она убивалась и плакала ночью, — молодое сердце чуяло бѣду. Шаманка Найдыкъ напрасно уговаривала ее—шептала надъ ней свои заклинанія и осыпала чудесной травой.

— Твоя звѣзда счастливая, — увѣряла Найдыкъ.—И Кукджу

Digitized by Google

тоже говоритъ, а онъ все знаетъ, столѣтній Кукджу... Онъ теперь съ Махметкуломъ, какъ тѣнь вокругъ дерева. Кукджу сказалъ: необыкновенное счастье ждетъ красавицу Сайханъ, дочь Карачи, и ты можешь спать подъ его словами, какъ подъ крышей изъ камня.

Не все говорила Найдыкъ, что знала: обманывала она и себя, и Сайханъ-Доланьгэ. Не счастье ждало красавицу, а кровавая бѣда... Разъ вечеромъ, когда Найдыкъ сидѣла передъ кибиткой у огня, въ степи показалось черное пятно. Всѣ женщины встрепенулись, какъ спустившаяся на воду стая птицъ, когда завидитъ лодку. Пятно росло и оказалось двумя лошадьми, которыхъ велъ старый Кукджу. Между лошадьми была натянута бѣлая кошма, а на кошмѣ лежалъ раненый подъ Чувашьей горой батырь Махметкулъ. Самъ Кукджу вынесъ его бездыханное тѣло изъ жестокой сѣчи и спасъ отъ погони одолѣвшихъ враговъ,— онъ на берестяной остяцкой лодкѣ перевезъ его черезъ Иртышъ. На другомъ берегу, столѣтній Кукджу хлопоталъ возлѣ батыря, прикладывая цѣлебныя травы къ его ранамъ, и читалъ свои заклинанія, а потомъ перевезъ въ той же лодкѣ назадъ. Три дня и три ночи шли лошади съ драгоцѣнной ношей, а Кукджу шелъ впереди ихъ и собиралъ новыя травы. Махметкулъ, усыпленный питьемъ, лежалъ, какъ мертвый. Весь Наоболакъ выбѣжалъ на встрѣчу къ шаману, и женщины съ воемъ окружили его. Съ крикомъ упала на землю Кюнъ-Арыгъ, когда узнала, кто лежитъ въ кошмѣ.

— Онъ будетъ живъ, твой Махметкулъ, — сказалъ Кукджу, отгоняя любопытныхъ женщинъ. — Онъ искалъ смерти и не нашелъ... Сотни матерей позавидуютъ твоему счастью, Кюнъ Арыгъ.

Сайханъ-Доланьгэ уступила свою кибитку батырю, и когда Махметкулъ очнулся, — онъ узналъ ковры съ Карача-Куль. Заиграло въ немъ весело молодое сердце, и снова открылись страшныя раны.

— Вези меня въ Искеръ...—шепталъ батырь.—Хочу умереть на его высокихъ стѣнахъ, а не въ женской кибиткѣ.

— Умрешь потомъ, когда придетъ время, — строго отвѣчалъ Кукджу и опять далъ Махметкулу усыпляющаго питья.

Такъ было нужно... Женщины не смѣли плакать, и только Кюнъ-Арыгъ неотступно сидѣла въ кибиткѣ сына, какъ птица надъ выпавшимъ изъ роднаго гнѣзда птенцомъ.

Не успѣли догорѣть огни у кибитокъ, какъ Наоболакъ опять встревожился,— вся степь точно застонала подъ конскими копытами. Заржали лошади, почуявъ верховыхъ, и скоро долетѣлъ

Digitized by Google

ПОГАШЕНО

первый топоть ханскихъ аргамаковъ. Это былъ самъ ханъ Кучюмъ, бѣжавшій изъ Искера, какъ загнанный собаками старый волкъ. Въ Искерѣ веселились казаки, а хану Кучюму осталась его степь... Степь вспоила и вскормила хана Кучюма, и ѣдетъ онъ по ней, низко опустивъ свою сѣдую голову. Не слышитъ онъ ни призывнаго ржанья коней, ни лая сторожевыхъ собакъ, точно онъ самъ остался въ Искерѣ, а вмѣсто него на конѣ ѣдетъ его тѣнь. Не слышитъ онъ и провожающихъ его мурзъ и совѣтниковъ; за нимъ все время неслась свита убитыхъ имъ князей, мурзъ и степныхъ батырей, подъ предводительствомъ убитаго сибирскаго хана Едигера и его брата, Бикъ-Булата... Неслышными шагами они старались обогнать его аргамака и загородить дорогу, но Кучюмъ точно проснпался и мчался впередъ, какъ бѣшеный. Только въ виду Наоболака, отстала отъ него эта нѣмая свита, и ханъ Кючумъ вдругъ опустился въ сѣдлѣ и изнемогъ. Лучше бы не видѣли его старые глаза этого проклятаго дня, когда казаки овладѣли его сердцемъ — Искеромъ...

— Ханъ Кючумъ, мы пріѣхали...—говорилъ Чинъ-мурза, ѣхавшій за нимъ вмѣстѣ съ Ханъ-Сеидомъ.

Спѣшились мурзы и сняли шапки, ожидая, когда сойдетъ съ сѣдла ханъ, а онъ все сидѣлъ и смотрѣлъ кругомъ, точно не понималъ, куда они пріѣхали. Женщины не смѣли плакать, задыхаясь отъ горя. Когда къ ханскому сѣдлу подошла Лелипакъ-Канышъ, Кучюмъ опомнился.

— Гдѣ Симбула?—спросилъ онъ.—Я не вижу Симбулы...

— Она въ кибиткѣ, ханъ.

— Лучше бы ей никогда не выходить изъ кибитки, чтобы не слышать о смерти брата, мурзы Булата... Много ихъ тамъ легло въ Искерѣ, и только недостаетъ моей сѣдой головы.

Кучюмъ заперся въ своей кибиткѣ съ Ханъ-Сеидомъ и всю ночь не сомкнулъ глазъ. Онъ то плакалъ, то жаловался, то просилъ Ханъ-Сеида убить его, стараго хана Кучюма, не умѣвшаго отстоять своего сердца—Искера. Ханъ-Сеидъ слушалъ его молча, а потомъ громко молился. Ханъ дико смотрѣлъ на него и все прислушивался къ тому, что дѣлается въ стойбищѣ — ни въ одной кибиткѣ не спали, потому что всѣ или ухаживали за ранеными, или оплакивали убитыхъ. Земля гудѣла, какъ живая: это все бѣжали со стороны Искера — кто пѣшій, кто конный, и все привозили новыхъ раненыхъ. Чинъ-мурза распорядился, чтобы женщины не смѣли громко плакать и тѣмъ наводить уныніе на живыхъ, но Кучюмъ послалъ сказать:

— Пусть женщины плачутъ...

Digitized by Google

Дрогнула даже степь отъ жалобныхъ криковъ горевавшихъ женщинъ... Онѣ рвали на себѣ волосы, царапали до крови лица и падали на землю, отнявшую у нихъ отцовъ, братьевъ, мужей и сыновей. Убивалась и плакала ханша Симбула, которую водили подъ руки; плакали жены мурзъ и простыя татарки — горе сравняло всѣхъ, какъ траву въ степи равняетъ острая коса.

V.

Три женщины мучились въ родахъ: схватилась одна за землю— отъ нея произошли китайцы, другая схватилась за дерево—родились русскіе, за конскую гриву схватилась третья — и всѣ ѣздящіе на конѣ считаютъ ее своей матерью. Отъ волка зачала эта третья, и волчья кровь осталась въ степи. Поэтому не боится сердце джигита ни волчьихъ глазъ, ни волчьяго воя, а въ буранъ оно веселится, какъ на праздникѣ. У первой матери смирныя дѣти — не любятъ войны, у второй матери — дѣти бьютъ только чужихъ и чужое любятъ больше своего, а дѣти третьей матери страшны для всѣхъ — не растетъ трава, гдѣ они пройдутъ. Міръ принадлежитъ имъ, ѣздящимъ на конѣ... Но волчья кровь не знаетъ покоя: когда нѣтъ войны съ чужими — бьются свои. Горько оплакивала эта третья мать и раненыхъ, и убитыхъ, и взятыхъ въ плѣнъ. Она все была дома, въ своей кибиткѣ, а кровавое горе ходило бураномъ по степи изъ конца въ конецъ. Такъ было и теперь... Чужая бѣда радуется въ Искерѣ, а своя бѣда собирается въ степи,— молодой ханъ Сейдякъ вышелъ изъ Бухары, молодой ханъ Сейдякъ хочетъ докончить то, что̀ оставалось еще отъ казаковъ. Поднялась опять кость Тайбуги, и крѣпко задумались самые храбрые мурзы стараго хана Кучюма.

— О, пророкъ, да благословитъ богъ Сеида и да привѣтствуетъ!—говоритъ ханъ Кучюмъ Ханъ-Сеиду, — ты пришелъ ко мнѣ изъ Ургенджа, тебя послалъ бухарскій ханъ Абдулла-ханъ... Зачѣмъ Абдулла-ханъ выпустилъ изъ Бухары молодаго Сейдяка? Вмѣсто одного врага, у меня теперь два... Это казакамъ на радость, когда двѣ кости схватятся въ степи.

— Богъ великъ, ханъ Кучюмъ, а будущее неизвѣстно, — отвѣчалъ Ханъ-Сеидъ. — Вотъ ты жалуешься, какъ женщина, которая умѣетъ только прясть шерсть... Дѣлай то, что̀ дѣлалъ: ты стоишь впереди всѣхъ. Не бойся ни молодаго Сейдяка, ни ногайской орды—у каждаго своя дорога. Не все ли равно: одна или двѣ бѣды...

Digitized by Google

Опять ударили большіе бубны, и собрались около Кучюма всѣ большіе люди — князьки, мурзы, батыри; ударили малые бубны, и сбѣжались къ Кучюму всѣ, кто могъ ѣздить на конѣ. Двойная бѣда удвоила силы стараго хана; онъ даже забылъ о красивыхъ глазахъ Сайханъ-Доланьгэ, которая больше не пѣла своихъ пѣсенъ. Боевая стрѣла, какъ молнія, облетѣла самые дальніе улусы и стойбища, вызывая всѣхъ въ поле. Убьютъ казаки десять человѣкъ, а на ихъ мѣсто выходятъ новыхъ десять, какъ весенняя трава смѣняетъ прошлогоднюю.

Долго не уходитъ степная зима; новый снѣгъ засыпаетъ весеннія проталины, а тронувшаяся днемъ вода застываетъ ночью. Но уже летятъ птицы съ теплаго моря, заиграли рѣчныя верховья, и зеленымъ бархатомъ одѣла первая весенняя трава рѣчные берега. Да, птицы летятъ къ оставленнымъ гнѣздамъ, на знакомыя стойбища, и по небу вмѣстѣ съ ними несется веселый крикъ. Только ханъ Кучюмъ не вернется больше на старое гнѣздо, на высокій берегъ Иртыша, гдѣ красуется Искеръ, и его сердце стынетъ, какъ выбившаяся изъ силъ перелетная птица.

— Кто помѣряется силой съ Ермакомъ?— спрашиваетъ ханъ Кучюмъ.

Мурзы, князьки и батыри только переглядывались, а отвѣчалъ одинъ батырь Махметкулъ, только что оправившійся послѣ тяжелыхъ ранъ:

— Я убью Ермака, ханъ Кучюмъ... Только бы мнѣ выманить его изъ Искера въ чистое поле.

— У тебя храброе сердце, Махметкулъ,—отвѣчаетъ ханъ Кучюмъ,—но Ермакъ старше тебя, а когда старый коршунъ спитъ сытый на высокомъ деревѣ, коршунята еще голодаютъ...

Обидное слово только разожгло еще больше Махметкула, а на стараго хана сердиться не стоило. Два свѣтлыхъ глаза посылали батыря туда, откуда немногіе возвращаются.

— Я выду замужъ за того, кто убьетъ Ермака, — говорила Сайханъ-Доланьгэ.—Убьетъ старый человѣкъ—онъ помолодѣетъ со мной, убьетъ молодой—будемъ радоваться. Храбрѣйшему изъ храбрыхъ моя красота будетъ наградой...

Махметкулъ уже напередъ видѣлъ красавицу своей, потому что кто же храбрѣе его отъ студенаго моря до теплаго? Только столѣтній шаманъ Кукджу качалъ своей головой: дѣвичьи слова, какъ зеленые листья на деревѣ—сегодня выросли, завтра опали, а Ермака не возьметъ ни сабля, ни стрѣла. Въ желѣзо заковано его сердце...

Digitized by Google

Какъ молодой левъ одинъ выходитъ по ночамъ на добычу, такъ отдѣлился отъ остальнаго татарскаго войска батырь Махметкулъ. Онъ ушелъ на рѣку Вагай съ небольшимъ отрядомъ и тамъ хотѣлъ выждать Ермака. Развеселилась и ты, маленькая рѣчка Вагай, разлилась отъ весенней воды и вышла изъ береговъ, а каждая твоя капля тянулась къ большому Иртышу, какъ маленькое горе къ большому. Мутна вода въ Вагаѣ, хитрыя мысли въ головѣ стараго атамана Ермака, который засѣлъ въ Искерѣ, какъ травленый звѣрь. Въ темную ночь это было, какъ накрыли казаки на Вагаѣ татарскую славу. Горько застонала старая Кюнъ-Арыгъ, когда узнала о всемъ случившемся на Вагаѣ. По стойбищамъ, улусамъ, зимовьямъ и ауламъ стрѣлой разнеслась печальная вѣсть, но женщины не будутъ пѣть славу Махметкула... Лучше было Махметкулу умереть у бабасанскихъ юртъ или подъ Искеромъ, а не попадать живому въ руки казаковъ. Утонула слава батыря Махметкула въ далекой Москвѣ.

— Для чего я мучилась, когда родила Махметкула? — повторяла неутѣшная Кюнъ-Арыгъ, обезумѣвшая отъ горя.—Для чего я плакала цѣлые дни и ночи, когда онъ волкомъ ходилъ за Камень? Зачѣмъ я лѣчила его глубокія раны, отъ которыхъ ему лучше было бы умереть у меня на рукахъ?

Вмѣстѣ съ неутѣшной матерью плакали всѣ другія женщины,— всѣмъ имъ было жаль Махметкула, какъ свою кровь.

— Я его считала своимъ сыномъ, — говорила Лелипакъ-Канышъ, ухаживавшая за Кюнъ-Арыгъ, какъ сестра.—Твое горе— мое горе, Кюнъ-Арыгъ. Вонъ и Лейле-Канышъ убивается, какъ не плакала о родныхъ братьяхъ, и Сайханъ-Доланьгэ... Мы, старухи, теряемъ только сыновей, а наши дѣвушки теряютъ все.

Кюнъ-Арыгъ не понимала ласковыхъ словъ Лелипакъ-Канышъ. Она походила на старое большое дерево, разбитое грозой: еще остались вѣтви съ зелеными листьями, но нѣтъ въ немъ больше жизни. Она даже не плакала, какъ другія женщины, а только стонала. Мужчинамъ было стыдно слушать эти стоны, особенно когда Кюнъ-Арыгъ начинала упрекать.

— Одинъ былъ храбрый изъ батырей—и вотъ онъ въ позорномъ плѣну!—кричала старуха, бѣгая по стойбищу съ распущенными волосами.—Кто же защититъ его? Кто выручитъ изъ неволи?.. О, будьте вы всѣ прокляты, тѣ трусы, которые продали моего сына... Я сама пойду къ атаману Ермаку и скажу: «это я, мать Махметкула, пришла къ тебѣ... Въ степи нѣтъ храбрыхъ, а только робкія женщины. Отдай мнѣ сына, отдай Махметкула... Еслибы я была богата, я заплатила бы тебѣ золотомъ; еслибы я была мо-

Digitized by Google

лода — своей красотой; а теперь я старуха и могу только плакать».

Обидно было слушать эти горькія слова всѣмъ, но никто не рѣшился унять обезумѣвшую отъ горя Кюнъ-Арыгъ. Хмурится старый ханъ Кучюмъ: слова старухи впивались въ его сердце, какъ стрѣлы; хмурятся старые мурзы и батыри, и думаетъ за всѣхъ одинъ Карача, у котораго въ головѣ мысли бѣгали, какъ лисицы въ норѣ, когда ихъ подкуриваютъ дымомъ. Старый Карача зналъ, что Ермакъ не будетъ держать Махметкула въ Искерѣ, а отправитъ поскорѣе въ Москву,—слишкомъ дорогую добычу не держатъ дома. Такъ оно и вышло: Махметкула увели въ московскую неволю по той дорогѣ, по которой онъ еще недавно ходилъ весенней грозой за Камень. Затихла степь, затихъ Искеръ. Обѣ стороны собирались съ силами, чтобы продолжать войну. Ермакъ ждалъ атамана Кольцо, посланнаго въ Москву съ повинной къ бѣлому царю. Только осенью вернулся Кольцо и привезъ милостивое царское слово казакамъ, а Ермаку—шубу съ царскаго плеча да тяжелую кольчугу. Веселится Ермакъ въ Искерѣ; веселятся съ нимъ всѣ казаки, а бѣда уже пришла къ самому Искеру, пришла съ покорнымъ словомъ и ласково смотритъ прямо въ глаза. Говоритъ Ермаку посолъ мурзы Карачи:

— Было царство сибирское и владѣлъ имъ ханъ Кучюмъ, а теперь владѣетъ Бѣлый царь... Не стало силы въ степи, изнемогли татары, а наши враги-ногаи разоряютъ наши степные аулы. Возьми насъ, Ермакъ, подъ свою защиту и пришли казаковъ, чтобы побили ногаевъ. Мы честно бились, а ногаи—разбойники, которые грабятъ убитыхъ или беззащитныхъ женщинъ.

Не обманулъ бы мурза Карача хитрымъ словомъ, но ослѣпила Ермака покорность. Повѣрилъ онъ бѣдѣ Карачи и послалъ ему на выручку своего лучшаго атамана Кольцо съ казаками; самъ послалъ, чтобы больше не видѣть его. Какъ весной оплакивалъ ханъ Кучюмъ своего лучшаго батыря Махметкула, такъ осенью Ермакъ заплакалъ по лучшемъ своемъ атаманѣ, попавшемъ въ хитрую западню. Нѣтъ жалости въ сердцѣ Карачи, и зарѣзалъ онъ Кольцо и всѣхъ посланныхъ съ нимъ казаковъ, а голову атамана послалъ неутѣшной Кюнъ-Арыгъ.

VI.

Черной тучей облегла бѣда со всѣхъ сторонъ сибирскаго хана Кучюма: онъ потерялъ ханство, столицу Искеръ, двухъ сыновей, и послѣдній свѣтъ изъ глазъ выкатился у хана Кучюма.

Digitized by Google

— Глаза не будутъ больше тебя обманывать и не будутъ искать новыхъ красавицъ, — коритъ его ханша Лелипакъ-Канышъ.—Услышалъ Богъ мои старыя слезы...

Ничего не могъ отвѣтить женѣ старый ханъ, да и что могъ сказать человѣкъ, котораго водили подъ руки? Но чѣмъ больше была бѣда, тѣмъ сильнѣе становился старый ханъ Кучюмъ: и слѣпой онъ нагонялъ страхъ на казаковъ и ногаевъ съ Сейдякомъ. Оставались у него еще мурзы и совѣтники, которые исполняли ханскія слова. Своими слѣпыми глазами онъ видѣлъ тайные замыслы своихъ лучшихъ совѣтниковъ и молчалъ. Первый захотѣлъ измѣнить ему мурза Карача, убившій двухъ казацкихъ атамановъ. Счастье отуманило голову стараго мурзы, и онъ замыслилъ одинъ взять Искеръ. Набралъ онъ бродившихъ по степи татаръ изъ разоренныхъ улусовъ, пригласилъ киргизовъ и ногаевъ, и съ этой силой обложилъ Искеръ. Мало казаковъ въ Искерѣ, а помощь далеко,—этимъ и хотѣлъ воспользоваться хитрый мурза. Главный станъ у Карачи былъ подъ Сауксаномъ, и весной онъ заперъ Ермака въ Искерѣ, какъ медвѣдя въ каменной берлогѣ. Мало казаковъ, и нельзя имъ выйти изъ города, а Карача захватилъ всѣ дороги и хвастается: «голодомъ заморю московскихъ батырей... Сами придутъ съ повинной ко мнѣ въ Сауксанъ».

Мѣсяцъ стоитъ мурза Карача подъ Искеромъ, стоитъ второй, и третій стоитъ, а все держатся казаки. Посылаетъ Кучюмъ сказать мурзѣ Карачѣ, чтобы не тратилъ напрасно времени и поберегъ татарскую силу, но далеко зашелъ старый Карача, чтобы идти ему съ повинной къ хану Кучюму. Тѣсно имъ двоимъ въ степи... Нѣтъ пощады у хана Кучюма, нѣтъ пощады и у мирзы Карачи. Пусть пока ханъ Кучюмъ воюетъ съ ногаями, а мурза Карача успѣетъ въ это время отнять у казаковъ Искеръ. Ханъ Кучюмъ старъ и слѣпъ; сынъ Едигера, ханъ Сейдякъ, еще молодъ, а мурза Карача самъ будетъ сибирскимъ ханомъ. Такъ думалъ мурза Карача, сидя въ Сауксанѣ, а Ермакъ отсиживался въ Искерѣ. Хитрѣе Ермакъ хитраго татарскаго мурзы и ждетъ только темной лѣтней ночи... Два атамана остались у Ермака: Мещерякъ да Брязга, какъ два глаза. Когда наступила темная ночь, тихо вышли казаки изъ Искера, прокрались въ татарскій станъ и начали жестокую сѣчу. Это былъ атаманъ Мещерякъ, а самъ Ермакъ оставался въ Искерѣ. Сонные татары не узнавали другъ друга и бросились бѣжать. Напрасно самъ Карача съ двумя своими сыновьями бросился впередъ на казаковъ—татары бѣжали, какъ зайцы. Бѣжалъ и самъ мурза Карача, оставивъ сыновей убитыми подъ Искеромъ.

Digitized by Google

Какъ бѣшеный, несется въ степи мурза Карача, и все ему кажется, что за нимъ погоня. Слѣзетъ съ коня, припадетъ ухомъ къ землѣ, а подъ землей—глухой стонъ и конскій топотъ... Опять летитъ Карача, опять прислушивается: тотъ же топотъ и тотъ же стонъ, и съ каждымъ разомъ все ближе и ближе. Нѣтъ спасенья старому Карачѣ, если вѣ-время не доберется онъ до ногаевъ. Молодой ханъ Сейдякъ приметъ его съ радостью, а старый ханъ Кучюмъ зарѣжетъ, какъ старую собаку. Нѣтъ конца-края степи, и загналъ Карача уже двухъ лошадей, — осталась послѣдняя, третья, и, если она не вынесетъ,—пропало все. Мурза Карача чувствуетъ, что и голова какъ будто ужь не его и готова сама отдѣлиться отъ туловища. Былъ день или стояла ночь—мурза не различалъ. Два дня и двѣ ночи несется онъ въ степи. Третья лошадь стала задыхаться—это пришелъ конецъ хитрому Карачѣ. Но все таки ѣдетъ онъ все впередъ и видитъ: точно изъ подъ земли выросъ передъ нимъ всадникъ. Ближе—всадникъ больше и машетъ ему копьемъ. Это сторожевой Кучюма, поставленный ловить его. Пригнулся Карача къ сѣдлу, вытянулъ пику и понесся впередъ на всадника: все равно умирать... Но что это значитъ: всадникъ бросилъ свое копье на землю и спокойно ждетъ его. Пріостановилъ своего скакуна мурза Карача и узналъ самого Ханъ-Сеида. Да, это былъ онъ, святой старикъ съ своей бѣлой бородой.

— Куда ты бѣжишь, Карача?—говоритъ Ханъ-Сеидъ.— Остановись... Ты налетишь на Кучюма и не сдобровать твоей головѣ.

Опустились руки у Карачи: онъ ѣхалъ къ ногаямъ, а попалъ на Кучюма. Обманули его свои собственные глаза, обманула неоглядная степь... Слѣзаетъ Карача съ коня, бросаетъ свою пику на землю и говоритъ:

— Некуда мнѣ больше бѣжать, Ханъ-Сеидъ... Веди меня къ Кучюму, пусть онъ сниметъ съ меня голову: не нужна она мнѣ.

— У хана Кучюма такое же безжалостное сердце, какъ и у тебя,—говоритъ Ханъ-Сеидъ.—Ты—кремень, онъ—сталь, а когда ударятъ сталь о кремень, то полетятъ искры...

Не слушаетъ ничего мурза Карача, а палъ на землю и говоритъ:

— Дѣти мои, дѣти... гдѣ мои сыновья? Ханъ-Сеидъ, два сына были у меня, а теперь я одинъ...Одинъ я, Ханъ-Сеидъ, и пусть ханъ Кучюмъ лучше зарѣжетъ меня, какъ барана.

— Такъ было нужно, мурза Карача, кость Тайбуги,—отвѣ-

Digitized by Google

чалъ съ печалью Ханъ-Сеидъ.—Но ты забылъ о дочери, забылъ о красавицѣ Сайханъ-Доланьгэ...

Засмѣялся мурза Карача... Что онъ будетъ дѣлать съ красавицей дочерью, когда у него ничего нѣтъ?.. Первый встрѣчный возьметъ его дочь, красавицу Сайханъ-Доланьгэ, уведетъ плѣнницей въ Бухару и продастъ Абдуллѣ-хану въ невольницы,—вотъ что значитъ дочь... Слѣпой Кучюмъ ужь не думаетъ о красавицахъ, а батырь Махметкулъ въ московской неволѣ,—для чего ему Сайханъ-Доланьгэ?.. Трава въ полѣ—вотъ что такое дочь; вешній ледъ на рѣкѣ—вотъ что такое дочь. Было у него два сына, а теперь онъ одинъ, какъ старый пень въ лѣсу! Лежитъ мурза Карача на землѣ, лежитъ и громко стонетъ, какъ слабая женщина, какъ ребенокъ, потерявшій мать.

— Ты забылъ, что твоя Сайханъ-Доланьгэ въ рукахъ Кучюма,—говорилъ Ханъ-Сеидъ.—Она теперь его плѣнница...

— Моя дочь? Ты говоришь о Кучюмѣ, который для нея забылъ свою сѣдую бороду?.. Что же, пусть беретъ ее силой. Я ему давно это говорилъ. Но ханъ добивается того, чего нельзя сдѣлать противъ желанія: Сайханъ никогда не полюбитъ его. Да и смѣшно думать объ этомъ дряхлому и слѣпому старику...

— Ты ничего не понимаешь, мурза!

— Убей меня, Ханъ-Сеидъ: — мнѣ некуда идти... Не все ли равно, кто меня зарѣжетъ: ханъ Кучюмъ или ногай.

Ночью провелъ Ханъ-Сеидъ упавшаго духомъ Карачу въ станъ Кучюма и спряталъ въ кибиткѣ Сайханъ-Доланьгэ.

— Пока сиди здѣсь, а тамъ увидимъ...—сказалъ Ханъ-Сеидъ.

Съ удивленіемъ смотрѣлъ кругомъ мурза Карача: и самъ онъ еще живъ, и сидитъ въ кибиткѣ своей дочери Сайханъ-Доланьгэ... Впрочемъ, у него только и оставалось на свѣтѣ, что свѣтлые глаза этой красавицы, а все остальное точно развѣяно по вѣтру

VII.

Старая ханша Лелипакъ-Канышъ попрекаетъ слѣпаго хана Кучюма:

— Что ты все лежишь, Кучюмъ, и нейдешь провѣдать любимаго своего мурзу и совѣтника Карачу: онъ всегда обманывалъ тебя, какъ твои ненасытные глаза... Карача выискивалъ тебѣ новыхъ наложницъ, онъ тебѣ доставилъ и красавицу Симбулу, и другую красавицу Сузгэ, и готовилъ тебѣ третью, свою родную дочь. Иди, утѣшь своего вѣрнаго слугу, который хотѣлъ вмѣсто

Digitized by Google

тебя сѣсть ханомъ въ Искерѣ... Иди, утѣшь Сайханъ-Доланьгэ, которая все еще не можетъ оплакать уведеннаго въ плѣнъ Махметкула. Всѣ тебя покинутъ, ханъ Кучюмъ, и останусь около тебя одна я, какъ застарѣлая болѣзнь, какъ вторая твоя слѣпота... Что же ты молчишь, ханъ Кучюмъ?

— Ты говоришь правду, Лелипакъ-Канышъ,—отвѣчалъ ханъ Кучюмъ, качая головой.—Твой языкъ, какъ степная колючая трава, колетъ мои слѣпые глаза. Мнѣ было бы легче, еслибы ты говорила неправду.

— Богъ тебя наказалъ за мои слезы, ханъ Кучюмъ... Да развѣ я одна плакала отъ твоей желѣзной руки? Сколько матерей осиротилъ ты, сколько молодыхъ женщинъ осталось вдовами; и старики, и дѣти проклинаютъ твое имя, которое носилось по степи, какъ ядовитая зараза... Я тебя проклинаю, ханъ Кучюмъ; проклинаю за свою материнскую кровь, за Арсланъ-султана, котораго ты послалъ въ московскую неволю, за двухъ другихъ сыновей, убитыхъ подъ Искеромъ!

Молчитъ ханъ Кучюмъ, трясется его сѣдая голова, а слѣпые глаза не видятъ старой ханши, которая въ неистовствѣ поноситъ мужа всякими худыми словами. И земля, и небо закрыты для стараго хана Кучюма, а осталось одно черное горе...

Старики не слыхали, какъ въ кибитку вошелъ Ханъ-Сеидъ и былъ свидѣтелемъ ссоры. Онъ выслушалъ все, опустивъ свои святые глаза, а потомъ взялъ слѣпаго хана Кучюма за руку и вывелъ изъ кибитки. Старая ханша сидѣла на землѣ и, припавъ сѣдой головой къ колѣнямъ, горько плакала. Въ кибитку опять вошелъ Ханъ-Сеидъ и сказалъ:

— Лелипакъ-Канышъ, дочь Шигай-хана, я все слышалъ. Слышалъ и то, чего не сказалъ твой языкъ, и скажу тебѣ то, что чуетъ твое материнское сердце.

Но, прежде чѣмъ говорить, Ханъ-Сеидъ опять замолчалъ, чтобы старая ханша впередъ выплакала свое горе. Пока она плакала и жаловалась, святой старикъ молился, поднявъ руки къ верху. Много женщинъ плакало по татарскимъ улусамъ, стойбищамъ и аулмъ, и всѣмъ имъ было тяжело.

— Я слушаю, Ханъ-Сеидъ,—говорила Лелипакъ-Канышъ, не вытирая катившихся по сморщенному лицу слезъ.

— Слушай, дочь Шигай-хана... Не я тебѣ говорю, а говоритъ пророкъ. Томится въ неволѣ твой сынъ Арсланъ-султанъ, а другая неволя уже готова Абдулъ-Хаиру. Такъ нужно, Лелипакъ-Канышъ! Ты стоишь впереди всѣхъ, и твое горе бѣжитъ впереди всѣхъ. Два сына у тебя убито подъ Искеромъ, будетъ

Digitized by Google

твой послѣдній сынъ, красавецъ Алей, ханомъ въ Искерѣ, но ты будешь оплакивать его голову. Старый ханъ Кучюмъ будетъ счастливъ, что не увидитъ своими слѣпыми глазами послѣдняго горя... Три сына убитыхъ, два въ неволѣ, а ты стара, Лелипакъ-Канышъ, и твое сердце затворилось давно. Ты, дочь Шигай-хана, какъ великая рѣка Обь, покрытая льдомъ. Вотъ что я скажу тебѣ, ханша, потому что такъ нужно.., Гордилась ты своими пятью сыновьями, а останется одно твое старое горе, и твое сердце заплачетъ кровавыми слезами. Да, заплачетъ мать, а ханша будетъ радоваться: великая радость—умереть за родину... Твоя кровь пролилась за святое дѣло. Вотъ что я тебѣ говорю, дочь Шигай-хана, и укрѣпится твое сердце до конца: оно крѣпче Искера. Твоя весна улетѣла и твои глаза не увидятъ новыхъ сыновей, а ханъ Кучюмъ останется безъ племени. Кто будетъ продолжать его волчью кость? Когда Кучюмъ умретъ, кто выдетъ въ поле противъ врага? Слушай, дочь Шигай-хана: ты смѣялась надъ красавицей Сайханъ-Доланьгэ, а теперь пойдешь къ ней и попросишь—замѣнить ея красотой твою старость. Разгорится сердце хана Кучюма и продолжится его волчья кость... Оставь свою гордость, Лелипакъ-Канышъ: ты стоишь впереди всѣхъ, и твое горе бѣжитъ впереди всѣхъ.

Пала на землю ханша Лелипакъ-Канышъ, какъ подрубленное дерево, и долго лежала она, какъ мертвая, а святой старикъ опять молился, поднявъ руки къ верху. Наступила ночь, когда она очнулась и сказала:

— Ханъ-Сеидъ, ты здѣсь? Веди меня къ Сайханъ-Доланьгэ... Я хочу ее видѣть.

Собрала послѣднія силы старая ханша и пошла за Ханъ-Сеидомъ. Встрѣчавшіеся давали имъ дорогу, а у кибитки Сайханъ-Доланьгэ встрѣтилъ ихъ старый шаманъ Кукджу и шаманка Найдыкъ. Поблѣднѣла красавица Сайханъ-Доланьгэ, когда къ ней въ кибитку вошла старая ханша Лелипакъ-Канышъ и посмотрѣла на нее заплаканными глазами.

— Здравствуй, Сайханъ-Доланьгэ,—сказала старая ханша.—Видишь, я пришла къ тебѣ... Пусть мужчины уйдутъ, я хочу говорить съ тобой.

Еще сильнѣе поблѣднѣла Сайханъ-Доланьгэ, когда онѣ остались въ кибиткѣ вдвоемъ. Долго молчала Лелипакъ-Канышъ и все смотрѣла на Сайханъ-Доланьгэ.

— Что ты такъ смотришь на меня, ханша?—спросила смущенная Сайханъ-Доланьгэ.—Я боюсь тебя.

— Любуюсь твоей красотой, Сайханъ-Доланьгэ; любуюсь твоей

Digitized by Google

молодостью и точно вижу себя, когда я была молода и красива. Себя я вижу въ тебѣ, красавица! Раньше я ненавидѣла тебя, когда ханъ Кучюмъ ѣздилъ веселиться на Карача-Куль; раньше я желала тебѣ всякаго зла и радовалась, когда твое сердце заплакало о батырѣ Махметкулѣ. Да, все это было, а теперь гордая, старая ханша пришла сама къ красавицѣ Сайханъ-Доланьгэ. Тебя ненавидѣла жена хана Кучюма, а старая бездѣтная ханша пришла со слезами просить—замѣнить ея старость.

Поблѣднѣла Сайханъ-Доланьгэ, какъ сорванный цвѣтокъ, а Лелипакъ-Канышъ все говорила, говорила то, что ей сказалъ святой Ханъ-Сеидъ.

— Лучше мнѣ умереть...—шептала Сайханъ-Доланьгэ, закрывая свои бархатные глаза.—Я никогда не любила стараго хана Кучюма, а слѣпаго старика ненавижу! Это падаль, которую не будутъ ѣсть даже собаки... Я ненавижу и тебя, Лелипакъ-Канышъ! Ты, какъ холодная змѣя, заползла въ мою кибитку... Не достанется никому моя красота, такъ скажи и Хану-Сеиду! Не хочу я даже видѣть слѣпаго старика и лучше умру дѣвушкой.

Степная ночь раскинулась синимъ, расшитымъ золотомъ, шатромъ надъ стойбищемъ хана Кучюма. Громко рыдаетъ въ своей кибиткѣ Сайханъ-Доланьгэ, а у входа въ кибитку стоятъ Ханъ-Сеидъ и шаманъ Кукджу. Старики долго шепчутся и ждутъ, когда выдетъ Найдыкъ и скажетъ, что можно видѣть Сайханъ-Доланьгэ. Плыветъ по небу молодой мѣсяцъ, гдѣ-то далеко кричитъ ночная птица, а Сайханъ-Доланьгэ все плачетъ... Вышла и Найдыкъ и поманила рукой Кукджу,—двѣ тѣни вошли въ кибитку. Столѣтній Кукджу наклонился надъ красавицей Сайханъ-Доланьгэ и шепчетъ ей:

— Смотри на меня, красавица, пристально смотри и увидишь великое чудо.

Страшно стало Сайханъ-Доланьгэ, но она не можетъ оторвать своихъ бархатныхъ глазъ отъ лица Кукджу. Ахъ, какое старое-старое это лицо, покрытое такими глубокими морщинами, точно земля, растрескавшаяся въ засуху. Заросло оно все волосами, какъ желтымъ мохомъ, и только свѣтятся одни глаза. Смотритъ Сайханъ-Доланьгэ, и смотритъ на нее Кукджу, а синія губы шамана беззвучно шевелятся—онъ шепчетъ свои заклинанія. Чувствуетъ Сайханъ-Доланьгэ, что ей легче и что горе неслышно отлетѣло отъ нея. Все шепчетъ Кукджу и еще пристальнѣе смотритъ на красавицу, а Сайханъ-Доланьгэ видитъ себя уже матерью. Два ребенка-сына смотрятъ на нее глазами хана Кучюма. И страшно, и хорошо дѣлается Сайханъ-Доланьгэ, и

Digitized by Google

чувствуетъ она, что любитъ стараго хана, любитъ въ своихъ дѣтяхъ, въ которыхъ проснулась кость стараго хана Ибака.

— Мнѣ хорошо,—шепчетъ Сайханъ-Доланьгэ и не можетъ очнуться отъ чуднаго сна.

А старый шаманъ Кукджу все шепчетъ и протягиваетъ свои костлявыя, узловатыя руки надъ головой Сайханъ-Доланьгэ, точно столѣтнее дерево простираетъ свои вѣтви надъ молодой зеленой травкой.

— Ты полюбишь стараго хана Кучюма, какъ не полюбила бы никогда десять лучшихъ батырей,—шепчетъ Кукджу.—Смотри, что будетъ дальше...

Степь. Трава точно вспрыснута драгоцѣнными камнями. Вольная степная птица серебромъ разливается въ воздухѣ. По степи медленно двигается разбившееся кучками татарское войско, а тамъ вдали пылаютъ русскія села и столбы дыма показываютъ кровавый слѣдъ уходящаго войска. Много русскихъ плѣнниковъ ведутъ татарскіе батыри; отъ богатой добычи не могутъ идти кони, а впереди всѣхъ ѣдетъ старикъ съ бубномъ и громко поетъ славу стараго хана Кучюма и его молодыхъ сыновей-Кучюмовичей. Бьетъ въ бубенъ старикъ и поетъ про молодую ханшу Сайханъ-Доланьгэ, красота которой цвѣтетъ въ ея сыновьяхъ и о которой поютъ въ святой Бухарѣ, какъ о лучшей степной звѣздѣ, освѣтившей очи стараго хана Кучюма. Проснулась кость хана Ибака, какъ зерно, брошенное осенью въ сырую землю...

Видитъ свой сонъ Сайханъ-Доланьгэ, сладко дышетъ ея молодая грудь и не можетъ она проснуться, а Ханъ-Сеидъ вводитъ въ палатку слѣпаго хана Кучюма, который руками ищетъ потерянную глазами красоту.

— Я тебя люблю, Кучюмъ... — шепчетъ Сайханъ-Доланьгэ, просыпаясь.

VIII.

Степью идетъ молодой ханъ Сейдякъ, сынъ Едигера; за нимъ несется свѣжее ногайское войско,—на высокихъ сѣдлахъ скачутъ ногаи, союзники Сейдяка, машутъ длинными копьями и жаждутъ добычи. Пройдетъ въ степи тысяча ногаевъ, а слѣдъ, какъ отъ десяти всадниковъ, — такъ ѣздятъ ногаи, заклятые враги слѣпаго хана Кучюма, точно волчья стая. Молодымъ орломъ несется ханъ Сейдякъ, хочетъ онъ нагнать слѣпаго хана Кучюма и отмстить ему за смерть отца и дяди. Вмѣстѣ съ жизнью отниметъ

Digitized by Google

Сейдякъ и всѣ награбленныя Кучюмомъ сокровища, и ханскихъ женъ,—и уведетъ въ неволю, какъ простую плѣнницу, ханскую дочь, красавицу Лейле-Канышъ. Зорки глаза у ногаевъ, какъ у ястребовъ, волчье чутье у нихъ, а слѣпой ханъ Кучюмъ хитрѣе ихъ: онъ то впереди ихъ, то назади. Не свою сѣдую голову бережетъ старый ханъ Кучюмъ, а молодое сокровище—Сайханъ-Доланьгэ.

Горе темнымъ лѣсомъ обступило Кучюма, а его сердце радуется — и днемъ радуется, и ночью радуется. Пока ханъ Сейдякъ гонялся за нимъ по степи, старый Кучюмъ подступалъ уже къ Искеру. Немного войска оставалось съ Кучюмомъ, а того меньше засѣло въ Искерѣ казаковъ. Посылаетъ ханъ Кучюмъ развѣдчиковъ каждую ночь и ждетъ своей добычи. Матерый атаманъ Ермакъ не знаетъ, кого ему больше бояться—стараго хана Кучюма или молодаго Сейдяка. Мало казаковъ въ Искерѣ, перебиты атаманы, остается атаманъ самъ-другъ съ Мещерякомъ. Засѣли два атамана въ Искерѣ, какъ два глаза во лбу, и зорко смотрятъ на немирную татарскую сторону, гдѣ, какъ вѣтеръ по степи, гуляетъ чужая бѣда.

— Нужно выманить московскаго медвѣдя изъ берлоги,—говоритъ мурза Карача хану Кучюму.—Не взять его намъ въ Искерѣ.

— Вымани, если умѣешь,—отвѣчаетъ слѣпой Кучюмъ.—Ты умѣешь обманывать... Ты у меня въ долгу, Карача.

Проглотилъ старый Карача эту обиду и крѣпко задумался. Подъ Искеромъ у него казаки убили двухъ сыновей, а самъ онъ бѣжалъ тогда отъ Ермака, какъ заяцъ. Нужно смыть свой позоръ, а то стыдно смотрѣть въ глаза Сайханъ-Доланьгэ. Молодая ханша не должна стыдиться своего отца. Обманулъ старый Карача атамана Кольцо, обманетъ и Ермака. Тогда онъ просилъ у Ермака защиты противъ ногаевъ, а теперь надо просить защиты отъ хана Кучюма. Сидитъ атаманъ Ермакъ въ Искерѣ, а смерть сама пришла къ нему и говоритъ:

— Нѣтъ тебя храбрѣе, атаманъ Ермакъ... Защити насъ, бухарскихъ купцовъ, отъ слѣпаго хана Кучюма, который не пропускаетъ нашъ караванъ съ дорогими товарами. Мы идемъ въ Искеръ...

Бухарскимъ купцомъ нарядился мурза Карача и безстрашно пришелъ прямо къ Ермаку въ Искеръ. Сгорбился хитрый мурза, и не узналъ его атаманъ Ермакъ. Отуманилъ желѣзную казацкую голову мурза Карача сладкимъ ядомъ своихъ хитрыхъ словъ.

— А гдѣ вашъ караванъ?—спрашивалъ Ермакъ, разсчитывая, что лучше самъ ограбитъ его.

Digitized by Google

— На Иртышѣ стоитъ караванъ, недалеко отъ Вагая...

Задумался Ермакъ при одномъ имени Вагая, — унесла эта рѣка у него двухъ лучшихъ атамановъ.

— Ты меня обманываешь!—закричалъ Ермакъ.—Меня ужь разъ обманулъ проклятый Карача, когда просилъ помощи противъ ногаевъ... И ты тоже зовешь меня на Вагай, гдѣ убитъ Кольцо! Я велю тебя повѣсить...

— Мнѣ все равно, кто меня ни повѣситъ: ты или ханъ Кучюмъ, — отвѣчалъ неустрашимый мурза Карача. — Если ужь ты боишься Карачи, такъ мнѣ нечего бояться смерти...

— Хорошо, я тебѣ доставлю удовольствіе: если ты меня обманываешь, то я тебя повѣшу рядомъ съ проклятымъ Карачей...

Собрался въ походъ самъ Ермакъ, а мурза Карача ведетъ его къ своимъ въ засаду. Вмѣстѣ они ѣдятъ и пьютъ, вмѣстѣ спятъ, а мысли разныя. Стережетъ Ермакъ бухарскаго купца, какъ свой глазъ, и не знаетъ, что это его смерть. Такъ они пришли къ устью Вагая и выкинулъ ночью Ермакъ станъ на островѣ. Бурлитъ Иртышъ отъ осеннихъ дождей, пѣнится вода въ Вагаѣ, а мурза Карача ждетъ своего часа. Устали казаки, полегли спать, — не спитъ одинъ мурза Карача. Какъ змѣя, выползъ онъ съ острова, рыбой переплылъ черезъ рѣку, а на берегу уже ждутъ его улусники и батыри.

— Теперь можно,—сказалъ Карача.—Я привелъ вамъ Ермака.

Шумитъ Иртышъ, пѣнится Вагай, крѣпко спятъ казаки, а черезъ рѣку на островъ въ бродъ переходятъ татары. Ведетъ ихъ самъ мурза Карача, безстрашный старикъ. Темно на островѣ, какъ въ могилѣ, а татарскія сабли нашли казацкія головы и напились горячей казацкой крови досыта. Обезумѣли съ просонья казаки, когда началась сѣча, а Ермакъ одинъ рубитъ татаръ... Впереди всѣхъ бьется казацкій атаманъ, и валятся кругомъ него татары; мало казаковъ и никто не откликается на атаманскій голосъ — одни лежатъ мертвые, другіе бросились въ воду и утонули. Къ самому берегу прижали татары казацкаго атамана, но онъ не сдался имъ живымъ, а бросился въ Иртышъ, какъ былъ, въ кованой желѣзной кольчугѣ, которую ему послалъ изъ Москвы царь въ подарокъ. Тяжела была царская милость вольному казацкому атаману и пошелъ онъ ко дну, какъ брошенный въ воду дорогой камень. Утонулъ въ Иртышѣ атаманъ Ермакъ; казаки всѣ были перебиты, и только одинъ вернулся въ Искеръ, чтобы передать страшную вѣсть. Три дня и три ночи татары искали утонувшаго Ермака въ Иртышѣ и боялись радоваться. Не вѣрилъ слѣпой Кучюмъ, что погибъ его заклятый

Digitized by Google

врагъ. Только на четвертый день Иртышъ отдалъ тѣло казацкаго атамана, и заплакали слѣпые глаза хана Кучюма отъ радости Три дня и три ночи веселились татары около мертваго Ермака... Женщины приходили издалека, чтобы на мертвомъ выместить смерть своихъ близкихъ. Одинъ Карача сидѣлъ печальный и не радовался: мертвый Ермакъ не воротилъ ему убитыхъ подъ Искеромъ сыновей. Сѣдая голова давила уже плечи стараго мурзы. Когда ханъ Кучюмъ хотѣлъ его наградить, Карача отвѣтилъ:

— Не нужно мнѣ награды, ханъ Кучюмъ... Пусть радуется за меня Сайханъ-Доланьгэ. Ей теперь не будетъ стыдно за отца...

И Сайханъ-Доланьгэ радовалась, позванивая ханскимъ золотомъ. Она любила своего слѣпаго стараго волка, а ханъ Кучюмъ нашелъ въ ней потерянный изъ глазъ свѣтъ. Когда татары радовались смерти Ермака, столѣтній шаманъ Кукджу молчалъ и только качалъ головой: не татары и не ханъ Кучумъ побѣдили атамана, а побѣдилъ его Иртышъ, буйный сынъ святой Оби.

— Сердится Иртышъ, — бормоталъ Кукджу: — много крови пролито въ Иртышъ...

Слушала старика одна шаманка Найдыкъ, которая по прежнему оставалась при красавицѣ Сайханъ-Доланьгэ.

Взять Искеръ, послѣ смерти Ермака, ничего не стоило,—казаки ушли за Камень, откуда пришли. Великая была радость, когда татары вступили въ родной Искеръ, и только одинъ ханъ Кучюмъ не могъ видѣть своими слѣпыми глазами того, что потерялъ зрячимъ. Слава о ханѣ Кучюмѣ пронеслась по всей степи, а изъ Ургенджа уже идутъ послы отъ сеида Али-Ходжи: они везутъ богатые дары красавицѣ Лейле-Канышъ.

— Берите ее, если она вамъ нравится,—сказалъ старый ханъ Кучюмъ посламъ. — Одна у меня дочь... Такъ и скажите сеиду Али-Ходжѣ.

По царски снарядили красавицу Лейле-Канышъ, а провожать ее въ Ургенджъ отправилась сама Лелипакъ-Канышъ: ханской кости Лейле-Канышъ, и нельзя ее отправить въ Ургенджъ одну, какъ привозятъ невольницъ. Тяжело разставаться старой ханшѣ съ Искеромъ, гдѣ она видѣла свои короткія радости, но не раздѣлить сердце на-двое, а о сыновьяхъ она уже довольно плакала. Два сына оставались у нея: красавецъ Алей и Абдулъ-Хаиръ, и оба желали провожать мать и сестру въ Ургенджъ, но старый ханъ Кучюмъ сказалъ красавцу Алею:

— Ты останешься въ Искерѣ, а я пойду въ степь на встрѣчу Сейдяку... Ты еще молодъ, а ноги хитры. Береги пока Искеръ,

Digitized by Google

а я провожу Лейле-Канышъ... Далеко Ургенджъ, чужіе люди въ Ургенджѣ, а у меня одна дочь.

Тяжело было разставаться старому хану Кучюму не съ дочерью, а съ старой ханшей Лелипакъ-Канышъ, которая уходила отъ него навсегда. Много разъ и напрасно обижалъ ханъ старую ханшу и теперь мучила его совѣсть. Ушелъ старый ханъ Кучюмъ въ степь, а красавецъ Алей заперся въ Искерѣ. Лучшее войско ушло съ ханомъ Кучюмомъ, а ногаи только этого и ждали: въ одну ночь обложили они Искеръ, какъ выпадаетъ осенній снѣгъ. Страшное дѣло началось, хуже того, когда сидѣли въ Искерѣ казаки: съ обѣихъ сторонъ полилась своя татарская кровь, а свой врагъ не знаетъ пощады!.. Далеко ушелъ въ степь слѣпой ханъ Кучюмъ, не чуетъ его волчье сердце неминучей бѣды, которая облегла Искеръ. Поблѣднѣлъ красавецъ Алей, когда смерть прилетѣла къ нему на концѣ тонкой ногайской стрѣлы и впилась въ молодое сердце. Бѣжали татары, заняли Искеръ ногаи съ Сейдякомъ, а слѣпой Кучюмъ ищетъ ихъ далеко въ степи..

IX.

Молодой мѣсяцъ на небѣ, молодой ханъ Сеидякъ въ Искерѣ, а въ степи, какъ зимній буранъ, ходитъ слѣпой ханъ Кучюмъ съ своими мурзами, совѣтниками и женами. Двухъ сыновей хана Кучюма убилъ атаманъ Ермакъ; красавца Алея убилъ ханъ Сейдякъ; четвертый сынъ Арсланъ-Султанъ въ московской неволѣ,— оставался пятый, послѣдній сынъ Абдулъ-Хаиръ, какъ зеница ока, да три молодыхъ жены, всѣ три красавицы. Всѣхъ ихъ любитъ старый ханъ, а всѣхъ больше самую младшую, Сайханъ-Доланьгэ, какъ свою молодость, какъ потерянный свѣтъ своихъ ханскихъ глазъ. Побиты два сына у мурзы Карачи, отведенъ въ полонъ богатырь Махметкулъ, а еще много силы у слѣпаго хана Кучюма — цѣлое орлиное гнѣздо онъ водитъ съ собой по степи.

— Погоди, ханъ, не трогай сейчасъ Сейдяка,—совѣтовалъ мурза Карача слѣпому хану Кучюму.—Войной съ ногаями мы не вернемъ убитаго Алея, а придутъ казаки и Сейдякъ не радъ будетъ, что забрался въ Искеръ... Зачѣмъ намъ проливать кровь напрасно?

Предсказанія мурзы Карачи всегда сбывались, какъ худые сны,—хитрый старикъ отлично видѣлъ чужія глупости и только не зналъ о своей головѣ, что ее ждетъ впереди. Сказалъ мурза Карача свое слово хану Кучюму, а на Тавдѣ уже показались ка-

Digitized by Google

заки. Шли московскіе воеводы, а дорогу показывалъ послѣдній изъ ермаковыхъ атамановъ—Мещерякъ. Широкая эта была дорога, по которой хаживалъ за Камень батырь Махметкулъ, а потомъ пришелъ Ермакъ; холодной слезой пролилась она съ Камня по дремучимъ лѣсамъ въ зеленую степь и необъятное сибирское приволье. Плывутъ воеводы уже къ Иртышу, а молодой Сейдякъ окапывается въ Искерѣ, какъ забравшійся въ широкую барсучью нору кротъ. Идетъ московская бѣда на ногаевъ, радуется волчье сердце Кучюма... Радуется это сердце и плачетъ за напрасную кровь, которая пролита въ междоусобной войнѣ между татарами. Дѣти одной матери-степи враждуютъ и отдаютъ ее на поруганіе врагу. Но нѣтъ примиренія между костью Тайбуги и костью Ибака, какъ между волкомъ и собакой, и только кровь ихъ льется вмѣстѣ... Такъ думалъ слѣпой ханъ Кучюмъ, сынъ Муртазы, внукъ Ибака, и кровавыми слезами кипѣло его ханское сердце. Закрылся тучами мѣсяцъ на небѣ, облегли казаки высокій Искеръ, а старый атаманъ Мещерякъ рыщетъ кругомъ, какъ поднятый изъ берлоги медвѣдь. Не боятся ногаи московскихъ воеводъ, а боятся Мещеряка, въ которомъ нѣтъ жалости. Выходитъ и заходитъ надъ Искеромъ солнце, шумитъ и стонетъ Иртышъ, поютъ ногайскія стрѣлы, а ханъ Кучюмъ стоитъ въ степи у озера Чили-Куль и ждетъ, когда казаки выгонятъ изъ Искера молодаго хана Сейдяка. Недаромъ мучилась въ родахъ Тэсъ-Удуль, жена убитаго Кучюмомъ хана Едигера: храбро отбивается молодой Сейдякъ отъ наступающаго врага... Но плохое счастье у молодаго хана Сейдяка,—онъ, какъ волчонокъ, попавшій лапой въ капканъ, не радъ и своей молодой храбрости. Даже святой Ханъ-Сеидъ пожалѣлъ храбраго Сейдяка и сказалъ хану Кучюму:

— Ханъ Кучюмъ, помоги Сейдяку... Ты ударишь на московскихъ воеводъ съ тылу, а Сейдякъ выдетъ на нихъ изъ Искера. Попадутъ казаки между двухъ огней...

— Не могу, Ханъ-Сеидъ,—отвѣчалъ ханъ Кучюмъ, опуская свою сѣдую голову.—Кровь между нами стоитъ... Когда московскіе воеводы выгонятъ Сейдяка изъ Искера, тогда и я ударю на казаковъ. А кость Ибака никогда не сростется съ костью Тайбуги...

Удивили хана Кучюма слова Ханъ-Сеида, а также и то, что его собственные совѣтники промолчали. Неужели онъ, слѣпой старикъ, останется одинъ въ степи?.. Пусть будетъ такъ, какъ будетъ, а онъ, слѣпой ханъ Кучюмъ, не помирится ни съ ногаями,

Digitized by Google

ни съ казаками. Подъ Искеромъ кипитъ жестокая сѣча: бьются московскіе воеводы съ Сейдякомъ, и льется казацкая кровь вмѣстѣ съ ногайской. Но изнемогли ногаи, ворвались въ Искеръ казаки,—и попалъ въ плѣнъ молодой Сейдякъ, какъ орленокъ съ подбитымъ крыломъ. Ушли ногаи въ свою степь, а московскіе воеводы не досчитались головы послѣдняго атамана Мещерика...

— Теперь наша очередь,—говоритъ мурза Карача.—Въ Искерѣ намъ не взять казаковъ, а выманимъ ихъ въ степь...

Смѣлѣе голоднаго волка мурза Карача. Съ небольшимъ отрядомъ онъ идетъ прямо подъ Искеръ и задираетъ отдыхающихъ казаковъ. Но крѣпко засѣли московскіе воеводы въ Искерѣ и не поддаются хитрости Карачи. Ждетъ слѣпой Кучюмъ у озера Чили-Куль мѣсяцъ, ждетъ другой, а мурза Карача все еще не показывается.

— Себя обманетъ Карача,—ворчитъ столѣтній Кукджу:—Москва хитритъ...

Каждый день рано утромъ выходитъ столѣтній Кукджу далеко въ степь, припадаетъ къ землѣ ухомъ и слушаетъ: подъ землей слышитъ онъ знакомый стонъ—это жалуется буйный Иртышъ. Нехорошій знакъ, но Кукджу молчитъ, чтобы не смущать напрасно храбрыхъ. Еще будетъ пролито много крови—и чужой, и своей. А слѣпой ханъ Кучюмъ горитъ нетерпѣніемъ помѣриться силой съ московскими воеводами... Около него всѣ три жены и жоны его мурзъ и улусниковъ: храбрѣе будутъ биться татары, чтобы не отдать казакамъ самаго дорогаго.

— Эй, вы, московскіе вороны!—кричитъ мурза Карача, гарцуя подъ Искеромъ на своемъ лучшемъ иноходцѣ.—Забрались въ чужое гнѣздо и носу показать не смѣете... Выходите, храбрецы, въ поле, помѣряемся силой. Я убилъ атамана Кольцо, я убилъ атамана Ермака и васъ убью...

Не стерпѣли московскіе воеводы и вышли изъ Искера ночью. Мурза Карача ждалъ ихъ и притворился трусомъ. Побѣжалъ Карача къ Чили-Куль и повелъ прямо казаковъ на самого Кучюма... Но хитрѣе оказались московскіе воеводы: раздѣлили они казаковъ на двѣ части—одна пошла въ погоню за Карачей, а другая съ тыла обходила Чили-Куль.

— Застонала земля, ханъ,—говоритъ столѣтній Кукджу хану Кучюму.—Бѣжитъ Карача, а за нимъ гонятся казаки.

Стоитъ ханъ Кучюмъ на холмѣ и ждетъ послѣдней битвы. Съ одной стороны его поддерживаетъ Ханъ-Сеидъ, а съ другой—шаманъ Кукджу. Татарское войско сошлось у озера, совсѣмъ

Digitized by Google

готовое къ битвѣ. Послѣдній сынъ хана Кучюма, молодой Абдулъ-Хаиръ скрылся въ засадѣ. Все готово; застыло сердце въ груди у робкихъ женщинъ, а земля стонетъ все ближе и ближе... Не видятъ ничего слѣпые глаза стараго Кучюма, но все слышитъ его волчье ухо... Вотъ горячій скокъ татарскихъ степныхъ лошадей, вотъ дикій крикъ Карачи, лязгъ скрестившихся сабель и стоны раненыхъ. Бѣжавшій отъ казаковъ Карача повернулъ свой отрядъ къ нимъ лицомъ и врубился въ самую середину.

— Молодецъ Карача!.. — повторяетъ слѣпой Кучюмъ. — Я слышу, какъ онъ рубитъ казаковъ... Пусть теперь Ураза-Магметъ ведетъ правое крыло на выручку Карачѣ.

Ханъ махнулъ рукой, и киргизскій царевичъ Ураза-Махметъ полетѣлъ въ битву. Напиравшіе на Карачу казаки дрогнули отъ этого натиска, а передніе ряды попятились. Слышитъ ханъ Кучюмъ, какъ смѣшались казаки, а бѣшеный Ураза-Магметъ рубитъ направо и налѣво. Но что это? опять собрались казаки и напираютъ на Карачу. Ураза-Магметъ врубился слишкомъ далеко и не можетъ поспѣть на помощь Карачѣ, а старый мурза бьется одинъ противъ пятерыхъ.

— Отчего я не слышу голоса Карачи?—спрашивалъ ханъ Кучюмъ стоящаго около него хана Сеида.—Живъ ли онъ?

— Нужно выпустить засаду, ханъ...

Второй разъ махнулъ рукой ханъ Кучюмъ, и вылетѣлъ съ своей засадой Абдулъ-Хаиръ, точно пущенная изъ лука стрѣла. Дрогнули казаки отъ радостнаго татарскаго крика, смѣшались и побѣжали. Радостно крикнулъ и слѣпой ханъ Кучюмъ, услышавъ знакомый побѣдный кликъ, и поднялъ обѣ руки къ верху, какъ стоялъ на молитвѣ. Но рано обрадовался слѣпой ханъ Кучюмъ... Обманули его казаки своимъ притворнымъ бѣгствомъ, какъ обманывалъ ихъ раньше мурза Карача: разступились казаки и засада Абдулъ-Хаира пролетѣла дальше, а когда казаки сомкнулись—татарское войско было уже раздѣлено. Отдѣльно бились всѣ: и мурза Карача, и Ураза-Магметъ, и Абдулъ-Хаиръ. Но это была еще только половина бѣды: изъ-за озера поспѣвала казацкая засада, вихремъ летѣвшая прямо на холмъ, гдѣ стоялъ самъ ханъ Кучюмъ.

— Бѣжимъ, ханъ!—кричалъ Кукджу, подводя Кучюму верховую лошадь.

— Я не хочу бѣжать, когда другихъ бьютъ...—отвѣчалъ неустрашимый ханъ.—Пусть и меня убьютъ!..

Поздно замѣтилъ мурза Карача грозившую хану Кучюму опасность, но все таки полетѣлъ на встрѣчу казацкой засадѣ, и еще

Digitized by Google

разъ ханъ Кучюмъ услышалъ голосъ храбрѣйшаго изъ своихъ мурзъ. Казаки давно замѣтили ханскую ставку и летѣли къ дорогой добычѣ: дорого бы далъ бѣлый царь за плѣннаго хана Кучюма... Близко казаки, замолкъ и голосъ Карачи, а ханъ Кучюмъ все не двигается и все стоитъ съ поднятыми руками, ожидая смерти. Разбѣжались всѣ въ страхѣ, и около слѣпаго хана Кучюма остались только: Сайханъ-Доланьгэ, шаманъ Кукджу, да святой Ханъ-Сеидъ. Когда казаки уже вынеслись на холмъ къ ханской ставкѣ, Ханъ-Сеидъ протянулъ свои руки надъ головой Кучюма, и сдѣлались они всѣ четверо невидимыми: слѣпой ханъ Кучюмъ, Сайханъ-Доланьгэ, шаманъ Кукджу и самъ Ханъ-Сеидъ.

Великая бѣда случилась и великое чудо!

X.

Послѣдній сынъ хана Кучюма, молодой Абдулъ-Хаиръ, киргизскій царевичъ Ураза-Магметъ и старый мурза Карача попали въ плѣнъ, а съ ними вмѣстѣ и двѣ ханши, двѣ красавицы, Симбула и Сузгэ. Остальные были перебиты, уведены въ Искеръ плѣнниками или разбѣжались по степи, какъ зайцы. Пока стояла въ степи кость Ибака, зеленая степная трава еще не видала такого горя... Но этого мало: тѣ, кого не взяли въ плѣнъ казаки, сами пришли въ Искеръ съ повинной. Такъ передался бѣлому царю старѣйшій изъ ханскихъ совѣтниковъ Чинъ-мурза, а съ нимъ пришла въ Искеръ неутѣшная Кюнъ-Арыгъ.

— Мнѣ бы хоть одинъ разъ взглянуть на Махметкула, — объясняла мать батыря:—всего одинъ разъ... А больше мнѣ нечего ждать, кромѣ смерти.

Съ честью принимали московскіе воеводы этихъ знатныхъ перебѣжчиковъ и съ честью отправили въ Москву, вмѣстѣ съ плѣнниками и плѣнницами. Лучшій цвѣтъ Искера ушелъ съ ними, и въ степи оставался одинъ слѣпой ханъ Кучюмъ, котораго не могли взять ни хитростью, ни лаской, ни силой. Далеко въ верховьяхъ Иртыша скрывался слѣпой ханъ, а съ нимъ скрывалась красавица-ханша Сайханъ-Доланьгэ. Страшную бурю уносила въ себѣ молодая ханша съ побоища на Чили-Куль: въ ней, въ Сайханъ-Доланьгэ, таилась рѣка крови, которая должна пролиться, страшная неволя враговъ и зарево пожарищъ. Уносила въ себѣ красавица-ханша и двухъ близнецовъ, двухъ Кучюмовичей. Нѣтъ, не умретъ волчья кровь слѣпаго хана Кучюма, а съ ней не умретъ и заклятая вражда къ русскимъ, ко всякому, кто про-

Digitized by Google

тянетъ руку въ степь. По вечерамъ долго сидитъ у огонька молодая ханша, Сайханъ-Доланьгэ, сидитъ и поетъ свою любимую «Пѣсню о соломенкѣ», а слѣпой ханъ Кучюмъ горько плачетъ...

— Было у тебя пять сыновей,—поетъ Сайханъ-Доланьгэ: — какъ пять пальцевъ на рукѣ... А теперь не осталось ни одного. Не печалься, мой ханъ: двухъ сыновей рожу я тебѣ, двухъ Кучюмовичей. Огнемъ пройдетъ кость Ибака по степи...

Бережетъ слѣпой ханъ Кучюмъ молодую ханшу, а ихъ обоихъ берегутъ Ханъ-Сеидъ и шаманъ Кукджу, какъ двѣ схватившихся руки. Четверо ихъ, и никого они не боятся: пусть отдохнетъ ханъ Кучюмъ, пусть поетъ свои пѣсни Сайханъ-Доланьгэ. То въ лѣсу они живутъ, то въ степи, а больше всего любитъ молодая ханша крутой берегъ пѣнистаго Иртыша. Здѣсь нашелъ хана Кучюма посолъ московскихъ воеводъ изъ Искера и сказалъ:

— Ханъ Кучюмъ, лучше тебѣ покориться бѣлому царю, чѣмъ одному скитаться въ степи... Твои сыновья и жены въ плѣну, мурзы и совѣтники перебиты или тоже въ плѣну: не на что тебѣ больше надѣяться. А бѣлый царь тебя пожалуетъ своей милостью, какъ и другихъ хановъ и князей...

— Бѣлый царь—мой братъ, и я не отдавалъ ему сибирскаго царства,—гордо отвѣчалъ ханъ Кучюмъ.—Если у меня взяли силой Искеръ, то это такъ нужно: Богъ великъ. Такъ и скажите моему брату, бѣлому царю! Когда я былъ въ счастьѣ, то не хотѣлъ ему покориться, а въ несчастіи покоряются только трусы.

Посолъ посмотрѣлъ на слѣпаго хана съ сожалѣніемъ, но Ханъ-Сеидъ сказалъ ему:

— Ты рано пожалѣлъ хана Кучюма... Да. Онъ сильнѣе вашихъ московскихъ воеводъ. Оставайся до вечера и самъ увидишь.

Улыбнулся посолъ словамъ ханскаго совѣтника, но все таки остался посмотрѣть на силу слѣпаго хана Кучюма. Это было на крутомъ берегу Иртыша,—правый берегъ крутой, а лѣвый разлегся степью. Сидитъ посолъ у ханской ставки и видитъ: вышла молодая ханша Сайханъ-Доланьгэ на берегъ, переплыла пѣнившуюся рѣку на деревянномъ плоту и пошла въ степь. Идетъ красавица-ханша по степи, рветъ траву и полными горстями бросаетъ по обѣ стороны. За ней идетъ шаманъ Кукджу и шепчетъ заклинанія надъ сорванной травой.

— Ты видишь, что дѣлаетъ красавица-ханша?—спрашиваетъ Ханъ-Сеидъ.

— Вижу: ходитъ по степи да рветъ траву...

— Смотри теперь, что будетъ дальше.

— Смотрю...

Digitized by Google

Долго ходила Сайханъ-Доланьгэ по степи, пока не исчезла изъ виду. А посолъ все смотритъ... Пропалъ вмѣстѣ съ ней и столѣтній шаманъ Кукджу. Тогда Ханъ-Сеидъ поднялъ обѣ руки къ верху, закрылъ глаза и дунулъ въ степь. Свершилось великое чудо на глазахъ посла: зашевелилась сорванная ханшей трава, какъ живая... Гдѣ-то ударили въ большой бубенъ — и вышли большіе люди; ударили въ малые бубны—вышли простые джигиты. Сколько сорвано было ханшей травы, столько вышло въ поле и джигитовъ. Весело развѣваются конскіе хвосты на высокихъ копьяхъ, ржутъ кони, бьютъ бубны, а войско все прибываетъ... Насколько хваталъ глазъ—вездѣ изъ земли выходили джигиты. Страшно стало послу, а Ханъ-Сеидъ опять поднялъ руку къ верху, дунулъ—и войско пропало.

— Иди въ Искеръ и скажи своимъ воеводамъ, что видѣлъ своими глазами,—объявилъ ему Ханъ-Сеидъ.—Много еще силы у слѣпаго хана Кучюма...

Такъ и сказалъ посолъ въ Искерѣ, а воеводы распустили слухъ, что ногаи зарѣзали слѣпаго хана. Не правда это: живъ старый ханъ Кучюмъ и сейчасъ, и сейчасъ онъ бродитъ по степи съ невидимымъ войскомъ. Гдѣ онъ прошелъ—тамъ лежитъ трава, сорванная ханшею Сайханъ-Доланьгэ. Одинъ онъ остался, потому что одинъ не измѣнилъ своей матери-степи и искалъ честной смерти въ открытомъ бою со врагомъ. Вотъ почему, гдѣ будетъ въ степи стоять кошъ и гдѣ будетъ куриться живой огонекъ, тамъ будетъ пѣться и слава старому хану Кучюму, красавицѣ-ханшѣ Сайханъ-Доланьгэ и грознымъ Кучюмовичамъ!

Д. Маминъ (Сибирякъ).

Digitized by Google

ЛУЧЪ СВѢТА.

Бываютъ дни, когда мнѣ все вокругъ
Покажется такимъ обыденнымъ и пошлымъ,
Когда противенъ мнѣ при встрѣчѣ лучшій другъ,
Когда въ душѣ—разладъ и съ будущимъ, и съ прошлымъ.
Въ грядущее, увы, нѣтъ вѣры: тамъ туманъ,
Ждутъ гибель тамъ и смерть съ коварной адской лаской;
Минувшее,—какъ сонъ, какъ призрачный обманъ,—
Сквозь дымку старыхъ лѣтъ мерцаетъ глупой сказкой.
Мнѣ жалокъ и смѣшенъ огонь былыхъ страстей,
Такъ пусты кажутся отцвѣтшія надежды,
И жизнь ничтожна такъ съ тревогою своей,
А мудрецы земли—лишь дѣти и невѣжды!
Мнѣ жалкимъ кажется прославленный герой,
Какъ будто бы актеръ на сценѣ балаганной;
Любовь и красота,—все жалкой мишурой
Впадаетъ въ тлѣніе подъ этой мглой туманной...
И вотъ, въ подобный мигъ невѣрія и зла,
Какъ словно волшебствомъ, я встрѣтился съ тобою:
Какъ ангелъ радостный, прекрасна и свѣтла,
Казалось, ты была мнѣ послана судьбою.
Съ такимъ участіемъ блеснулъ твой милый взоръ
Во тьму души моей чарующимъ цѣленьемъ,
Такъ нѣжно-кротокъ былъ волнующій укоръ,
Что передъ благостнымъ, плѣнительнымъ видѣньемъ
Моя тяжелая и мрачная хандра
Исчезла, будто ночь предъ золотымъ разсвѣтомъ,
И вѣрю снова я и въ жизнь, и въ мощь добра,—
И солнце на меня глядитъ съ былымъ привѣтомъ...

Л. Пальминъ.

Digitized by Google

Современныя теченія въ духовной жизни русскаго народа.

„Das Leben unserer Zeit wir mit Conglomeraten aus den verschiedenartigsten Culturepochen zu tun haben, welche nichts als die Zeit geeinigt hat."

Eman. Herrman.

I.

Дикари-язычники.

Леруа-Больё, въ одномъ изъ своихъ сочиненій [1]), сдѣлалъ попытку объяснить развитіе русскаго раскола вліяніемъ двухъ главнѣйшихъ факторовъ: исторіи и климата, т. е. среды нравственной и физической. По отношенію къ самарской губерніи, гдѣ расколъ и вообще всѣ вѣроученія, господствующія въ крестьянской средѣ, стали распространяться единовременно съ первой же колонизаціонной волной населенія, первый изъ этихъ факторовъ,—именно соціальная среда,—игралъ господствующую роль въ исторіи развитія народнаго міросозерцанія. И въ самомъ дѣлѣ: если мы сравнимъ между собою физико-географическія и соціальныя условія двухъ крайнихъ пунктовъ губерніи,—сѣверные уѣзды, бугульминскій и бугурусланскій, съ южными: николаевскимъ и новоузенскимъ, — то встрѣтимъ въ первыхъ чрезвычайно однообразныя, можно сказать, примитивныя соціальныя и бытовыя условія, среди которыхъ жилъ и развивался крестьянинъ. Тамъ, на сѣверѣ, начиная съ XVI столѣтія, когда на берегахъ исторической рѣки Ика, въ первый разъ послышалась русская рѣчь, крестьянинъ-поселенецъ столкнулся лицомъ къ лицу съ полудикими этнографическими группами населенія: татарами, чувашами, башкирами, черемисами и др., принадлежащими къ финско-тюркскому племени. Такимъ образомъ, на многіе десятки и сотни верстъ кругомъ русское населеніе издавна окружено было именно этими некультурными элементами, которые такъ или иначе должны были вліять на

[1]) „Le sentiment religieux en Russie" въ „Revue des deux mondes" 1887 г., 15 avril, p. 817.

Digitized by Google

религіозное міросозерцаніе русскаго человѣка и вообще на весь складъ его понятій. Да и первые русскіе поселенцы были совершенно некультурные люди. По свидѣтельству историка В. Н. Татищева, въ предѣлахъ двухъ упомянутыхъ уѣздовъ, — до перевода пахотныхъ солдатъ въ основанныя вдоль закаспійской линіи крѣпости, въ первой половинѣ XVIII столѣтія,—жили и селились «бѣглые и безпутные гуляки и плуты, отъ которыхъ и калмыкамъ крещенымъ добраго приклада получить не можно» [1]).

Въ упомянутые южные уѣзды шли сначала крестьяне изъ-за польскаго рубежа, принадлежащіе къ различнымъ раскольничьимъ сектамъ, или русскіе вольнодумцы, эмигрировавшіе за границу во времена бироновщины [2]); потомъ къ нимъ массами стали стекаться переселенцы-раскольники изъ нижегородской, тамбовской, пензенской и др. губерній, т. е. изъ такихъ пунктовъ, гдѣ издавна укрѣпилось и развилось главное ядро раскола. Еще въ 40-хъ годахъ текущаго столѣтія, въ двухъ первыхъ губерніяхъ, по свидѣтельству одного духовнаго лица (преосвящ. Іереміи), раскольниковъ было на лицо 433,000 душъ обоего пола [3]). Селились здѣсь люди, болѣе или менѣе тронутые культурой. Къ тому же, и окружающія соціальныя условія постоянно поддерживали въ населеніи эту культурность, благодаря постояннымъ его сношеніямъ съ такими болѣе или менѣе культурными центрами, какъ Хвалынскъ, Вольскъ, Саратовъ и Царицынъ. Благодаря именно вліянію вышеизложенныхъ историческихъ и соціальныхъ условій, мы можемъ съ достаточной ясностью объяснить себѣ слѣдующее явленіе: чѣмъ сѣвернѣе мы подвигаемся по самарской губерніи, тѣмъ болѣе некультурное, темное населеніе будетъ бросаться намъ въ глаза, тѣмъ болѣе религіозное сектантство будетъ отличаться характеромъ старообрядчества и изувѣрства, а чѣмъ южнѣе,—тѣмъ болѣе раціоналистическій элементъ начинаетъ преобладать въ религіозномъ міросозерцаніи крестьянства. Эволюціонный процессъ въ исторіи самарскаго сектантства проявляется главнымъ образомъ въ отрицаніи сектантами крайняго безпоповщинскаго формализма и въ переходѣ его къ раціонализму. Комбинація мистическаго и раціоналистическаго элементовъ составляетъ существенный характеръ всѣхъ сектантскихъ ученій въ самарскомъ краѣ.

На сѣверѣ издавна жили дикіе люди, были и есть дикіе нравы и первобытная земледѣльческая культура. Въ двухъ уѣздахъ, бугульминскомъ и бугурусланскомъ, до введенія земскихъ учрежденій, было всего 4 школы грамотности, слѣдовательно. крестьяне стали видѣть немножко свѣта только съ 1867 года. И до сихъ поръ тамъ, у чувашей и мордвы, существуютъ тѣсныя курныя избы. Въ одномъ мордовскомъ селѣ Борискинѣ, мы насчитали 97 избенокъ пятиаршинной вмѣстимости. Въ этихъ 97 избахъ помѣщалось общимъ числомъ 478 душъ обоего пола, значитъ—на каж-

---

[1]) „Сборн. стат. свѣд. по самарск. губ.“, т. V, стр. 10.

[2]) „Чтенія москов. общ. ист. и древн.“ 1858 г., кн. 2.

Варадиновъ. „Ист. мин. внутр. дѣлъ“, т. VIII, стр. 497, и „Собр. постан. по части раскола“, кн. 2, стр. 673.

Digitized by Google

дую избу въ среднемъ приходится по 4,8 человѣка. Тѣсное помѣщеніе мордовско-чувашскихъ избъ нерѣдко служитъ причиною того, что семья, состоящая изъ 5—6 человѣкъ, на ночь размѣщается по сосѣднимъ избамъ: у кума, свата, тетки, дяди и т. п. родни, ибо мордва и чуваши почти всѣ между собой родня. Живутъ эти люди грязно, одѣваются еще грязнѣе, ѣдятъ дурную непитательную пищу: ржаной хлѣбъ, капусту, картофель, свеклу, лукъ и рѣдьку, рѣдко гречневую кашу, а еще рѣже баранину.

Вслѣдствіе слабой ассимиляціи чувашъ съ русскими, отсутствія школъ и постоянныхъ сношеній съ татарами и башкирами, инородцы эти, хотя и давно крещеные въ православную вѣру, начали регрессировать. Чуваши деревень: Артемьевки и Абдуллиной (бугурусланскаго уѣзда) совершенно подчинились вліянію татарскихъ элементовъ: платье носятъ татарское; вся домашняя утварь, пища, даже самыя имена людей носятъ отпечатокъ татарскаго вліянія; говорятъ они по татарски не хуже настоящихъ татаръ, но по русски—плохо, женщины же и совсѣмъ не усвоили русскаго языка. Абдуллинскіе чуваши крещены были въ православную вѣру болѣе ста лѣтъ тому назадъ, но въ настоящее время совершенно отатарились: языкъ, платье, вся домашняя обстановка у нихъ совершенно татарскія.

Большинство чувашей, вмѣсто церкви, посѣщаютъ татарскія мечети [1]). Бугульминскіе чуваши, поселившіеся въ восточной части по лѣвому берегу р. Ика и крещеные 150 лѣтъ тому назадъ, тоже совершенно свыклись съ нравами и обычаями татаръ и сами частію отатарились, частію остались язычниками, придерживаясь въ лѣсахъ культа «кереметя». Такихъ язычниковъ—чувашъ и вотяковъ—въ этомъ уѣздѣ считается 540 дворовъ, въ числѣ 3,353 душъ обоего пола. Они не имѣютъ самыхъ элементарныхъ понятій о душѣ, о Богѣ, о загробной жизни. Считаясь православными, они въ то же время чтутъ восемь другихъ языческихъ божествъ. Самое божество, въ ихъ воображеніи, рисуется существомъ гнѣвнымъ, мстительнымъ, требующимъ умилостивленія путемъ жертвоприношеній домашнихъ животныхъ. Они акуратно совершаютъ языческіе обряды, вмѣсто воскресенья празднуютъ пятницу, не вѣнчаются, дѣтей не крестятъ, «крестовъ на шеѣ не носятъ, а про запасъ, на случай, хранятъ ихъ въ сундукахъ» [2]). Рѣдко при жизни предаваясь веселью, не зная никакихъ развлеченій, кромѣ кабака, видя во всѣхъ радостяхъ жизни дѣйствіе злаго духа, чуваши однако не могутъ свыкнуться съ мыслью, что и за гробомъ человѣкъ точно также обреченъ на скучную, монотонно-однообразную жизнь, какую влачитъ онъ теперь. По представленію чувашей, будущая жизнь будетъ веселѣе настоящей; хотя она есть ничто иное, какъ продолженіе настоящей:—и тамъ, за гробомъ, человѣкъ будетъ работать, плести лапти,—но только работать будетъ меньше и ѣсть вволю. Оттого, когда умираетъ человѣкъ, у его гроба родные и знакомые наигрываютъ на пузырѣ и волынкѣ, поютъ пѣсни и

[1]) „Сбор. стат. свѣд. по самар. губ.“, т. IV, стр. 10.

[2]) „Самар. епарх. вѣдом.“, 1890 г., № 6.

Digitized by Google

пляшутъ въ присядку съ цѣлью развеселить покойника. Въ гробъ съ покойникомъ кладутъ трубку, кочедыкъ и чашку полбенной каши.

По своему умственному развитію, всѣ чуваши стоятъ не выше дикарей. Многіе изъ нихъ не знаютъ даже счета дальше 20. Грамотность среди нихъ развита чрезвычайно мало. Изъ 3,979 чувашскихъ дворовъ въ бугульминскомъ уѣздѣ — дворовъ съ грамотными числится 192, а всѣхъ умѣющихъ только кое-какъ читать и вообще учащихся дѣтей обоего пола—227 человѣкъ, что составитъ 0,9% къ общему числу чувашскаго населенія. Вести перепись чувашскаго населенія было для насъ, статистиковъ, сущимъ наказаніемъ. Чувашъ отлично знаетъ по пальцамъ—сколько у него лошадей, коровъ, овецъ и свиней, но не можетъ опредѣлить ни численнаго состава своей семьи, ни даже назвать его поименно, а тѣмъ болѣе опредѣлить возрастъ каждаго изъ членовъ семьи. Онъ мнется на одномъ мѣстѣ, глаза заводитъ подъ лобъ и начинаетъ нерѣшительно перечислять по пальцамъ: «Семка, Ванька... Микулка... Микулка значитъ... Опроська»...

— Микулку-ту я сказалъ что ли, ваша благородья?

— Сказалъ... говори дальше!

Выраженіе лица у чуваша дѣлается мучительное. Онъ вдругъ оборветъ счетъ своихъ домочадцевъ и скажетъ: «всѣхъ 9 человѣкъ, ваша благородья!»

— Врешь—десять! — грубо отвѣтитъ ему съ палатей какая-то баба.

— Нешто ты считала у меня?—возражаетъ ей опрашиваемый, обернувъ голову къ палатямъ.

— Считала—не считала, а знаю.

— Ну, давай считать!

— Давай.

И опять пошло по пальцамъ: «Семка, значитъ, Микулка... Оекла, да—бишь—Дунька»...

Бьешься-бьешься съ нимъ и все ничего не выходитъ. Посылаешь его домой для счета домочадцевъ. Назадъ приходитъ чувашъ уже веселый и улыбающійся.

— Одиннадцать человѣкъ насчиталъ всѣхъ, ваша благородья! Вѣдь вонъ колько кормить надо! Гдѣ хлѣбъ взять? Годы нонче тяжелые...

— Какъ же ты давича сказалъ, что восемь?

— Вотъ что, послушай: старуха у меня есть на печи, больно ужь старая. Вотъ мало-мало умретъ скоро. Думаю, что ужь ее считать—какой она человѣкъ!

Которые поумнѣе, тѣ хохочутъ.

Въ маѣ 1886 года, намъ пришлось пріѣхать къ чувашамъ-язычникамъ, въ деревню Старую Устюшкину, въ моментъ свадебнаго пира. Деревня стояла на равнинѣ, при опушкѣ небольшаго перелѣска, состоявшаго изъ толстыхъ вѣковыхъ деревьевъ—липъ, дубовъ, осинъ, вязовъ и т. д., гдѣ, по словамъ чувашей, на одномъ изъ деревьевъ висѣлъ «кереметь» въ видѣ деревяннаго чурбана. По улицамъ бродило много пьянаго народу. Изъ-за угла быстро

Digitized by Google

выѣхали съ колокольчиками три повозки, буквально нагруженныя молодыми дѣвицами, которыя однако не сидѣли, а стояли, навалившись на кузовъ повозки, и неистово горланили пѣсни, другъ друга не слушая и перебивая. Одна изъ повозокъ, въ которой находилась невѣста, остановилась у воротъ той избы, въ которой мы сидѣли. Хозяинъ избы пригласилъ насъ выйти за ворота, ибоде невѣста хочетъ, чтобъ мы ее поздравили. Мы вышли. Изъ повозки вылѣзла невѣста, вся покрытая фатой или шалью, и тутъ же у повозки сѣла на корточки и, качаясь изъ стороны въ сторону, стала что-то жалобно пѣть по чувашски. Самъ староста вынесъ на улицу ведро пива и чайную чашку.

— Она поетъ, что вотъ такіе хорошіе люди пріѣхали поздравить ее, значитъ она счастливо жить будетъ, — замѣтилъ староста.—Въ поданную намъ грязную-прегрязную чашку, вѣроятно побывавшую въ сотнѣ рукъ, я опустилъ случившіеся у меня три ржавыхъ мѣдныхъ пятака и староста тотчасъ же налилъ туда пива. Невѣста отпила изъ чашки два глотка и подала намъ. Каждый изъ насъ тоже долженъ былъ отпить нѣсколько глотковъ, хотя пить какую-то мутную жидкость изъ посуды съ тремя ржавыми пятаками было отвратительно. Потомъ невѣста мигомъ вскочила опять на повозку и всѣ три повозки опять понеслись по деревнѣ. У жениха въ домѣ происходилъ въ это время другой пиръ. Вокругъ стола, посреднѣ котораго помѣщалось ведро съ пивомъ, вплотную стояли бабы и мужики, ежеминутно припрыгивая и неистово что-то припѣвая. Каждый изъ присутствующихъ черпалъ изъ ведра деревянной чашкой пиво, выпивалъ его и передавалъ другому. Случалось, что кто нибудь изъ компаніи заѣзжалъ одинъ другому кулакомъ въ рожу, получая отъ него сдачу; остальные неистово хохотали, и опять, какъ ни въ чемъ не бывало, пирушка продолжалась прежнимъ порядкомъ. Такимъ образомъ, разъѣзжая по улицамъ на измученныхъ клячахъ нѣсколько часовъ сряду, и часто останавливаясь то у той, то у другой избы для угощенія пивомъ, молодая дѣвичья компанія, уже пьяная, въ концѣ концовъ разомъ въѣхала во дворъ жениха и тамъ, опять угостившись пивомъ и подсолнечными сѣмечками, закончила свадебный обрядъ передачей пьяной невѣсты въ руки еще болѣе пьянаго жениха. Этой дикой языческой вакханаліей и закончился свадебный обрядъ. Попытки нашихъ миссіонеровъ разрушить наивное языческое міросозерцаніе чувашей и мордвы, слагавшееся цѣлыми вѣками, до сихъ поръ не могутъ привести къ прочнымъ результатамъ. Бесѣды, которыя ведутся миссіонерами съ чувашами-язычниками на тему обращенія ихъ въ православіе и указанія путей, вѣдущихъ къ душевному спасенію, а также отвѣты, даваемые на нихъ чувашами, указываютъ на примитивное состояніе ихъ умовъ, на ихъ дѣтски-наивное отношеніе ко всему окружающему. Въ 1874 году, священникъ-миссіонеръ о. Лепоринскій объѣхалъ чувашскія деревни: Новую Сережкину, Старую Устюжкину и Тимашево, съ цѣлью проповѣданія чувашамъ евангелія. Онъ началъ съ того, что пытался поколебать ихъ вѣру въ языческое божество Прихъ, впсѣвшее, въ видѣ деревяннаго чурбана, на деревѣ въ лѣсу.

Digitized by Google

— Вѣдь въ вашемъ Ирихѣ сидитъ чортъ, духъ нечистый,—замѣтилъ имъ миссіонеръ.

— Ты, бачка, началъ говорить неладно,—возразилъ ему чувашъ: — что тебѣ помѣшалъ Ирихъ? И радъ бы я не поклониться ему, да нужда заставитъ. И тебя поймаетъ, такъ и ты пойдешь, поклонишься, если не захочешь умирать. Не только ты, бачка, свою вѣру хвалишь, но и всякій свою вѣру хвалитъ. Вонъ и татары говорятъ, что ихняя вѣра лучше всѣхъ вѣръ. Да намъ ли, *темнымъ людямъ*, разбирать, которая изъ вѣръ лучше всѣхъ? Намъ хорошо жить и по старой вѣрѣ.

— Увѣруй, крестись и—просвѣтишься... Богъ, вѣдь, всегда видитъ все и знаетъ.

— А какъ же это ты узналъ, что Богъ всегда все видитъ и знаетъ? Мало ли людей на свѣтѣ? Ну, станетъ ли Богъ постоянно смотрѣть, что у каждаго человѣка на умѣ да въ сердцѣ?

— Что Богъ все видитъ и знаетъ людскія сердца, это намъ извѣстно изъ откровенія божественнаго, изложеннаго въ священномъ писаніи.

— Кому Богъ далъ эти книги, тотъ и долженъ читать или слушать ихъ; а намъ, чувашамъ, Богъ не давалъ книгъ, какъ вамъ, русскимъ,—стало быть, никакія книги намъ и не нужны.

Когда миссіонеръ, прощаясь съ чувашами, выразилъ желаніе скоро опять увидаться съ ними для разсужденій о Богѣ, то старикъ-чувашъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ ужь, бачка, теперь намъ некогда. Скоро будутъ собирать подати за два года: надобно будетъ молотить хлѣбъ, чтобъ успѣть ко времени продать его да уплатить подушныя.

Священникъ-миссіонеръ былъ у чувашей въ ноябрѣ и декабрѣ того же года. Они также скоро собирались, какъ скоро и уходили, постоянно отзываясь или недосугомъ, или прямо ссылаясь на то, что имъ нужно идти на мірскую сходку, «гдѣ дѣйствительно,—прибавляетъ миссіонеръ,—хотя и ночью, но собирались подати» [1]). Священники-миссіонеры пытаются вліять на чувашей-язычниковъ не только живыми, устными бесѣдами, но и разными религіозными церемоніями и процессіями. Въ томъ же 1874 году священникъ о. Абашевъ вздумалъ совершить при чувашахъ «крестныя моленья на поляхъ, чтобы Богъ благословилъ, да сѣяніе и жатва будутъ плодоносны». На молебнѣ присутствовали изъ любопытства и чуваши-язычники.

— Мы хорошо молились съ вами,—говорили священнику чуваши,—когда вы были на поляхъ.

— Да, я видѣлъ васъ среди пасомыхъ, но... ваше участіе ограничивалось однимъ внѣшнимъ присутствіемъ, безъ всякаго сердечнаго расположенія.

— Да, какъ же такъ?—наивно-обидчиво возразили чуваши:—вѣдь мы стояли съ вашими заодно, на одномъ полѣ, передъ тѣми же иконами...

Въ деревнѣ Старой Сережкиной живетъ чувашъ Ишмакаевъ,

---

[1]) „Самарск. епарх. вѣдом.“ 1875 г. № 11.

Digitized by Google

представляющій собой весьма типичное явленіе. Это — человѣкъ лѣтъ подъ 50, плотный, здоровый, съ довольно большой головой, съ умными, выразительными глазами. Уже будучи взрослымъ 20-лѣтнимъ работникомъ, Ишмакаевъ научился русской грамотѣ, которая далась ему хорошо. Весь свой досугъ онъ посвящаетъ чтенію божественныхъ книгъ, въ особенности библіи на русскомъ языкѣ; но, при всемъ томъ, это чтеніе нимало не озарило его головы свѣтомъ христіанскаго ученія. Его, какъ просвѣщеннаго грамотностью, не стала удовлетворять чувашская языческая вѣра, и вотъ онъ до сихъ поръ все еще ищетъ «истинной вѣры» и не находитъ ея, не смотря на чтеніе священныхъ книгъ, не смотря на бесѣды со священниками-миссіонерами. Вотъ что онъ говорилъ въ 1885 г. пріѣхавшему миссіонеру о. Перепелкину:

— И мы, язычники, такіе же люди, какъ и крещеные, и живемъ также, какъ и послѣдніе; и мы вѣруемъ и почитаемъ Бога по своему, слѣдовательно, и намъ даруетъ онъ ангела-хранителя; спастись же можемъ наравнѣ съ прочими людьми и безъ крещенія, если будемъ жить добродѣтельно [1]).

Близость татаръ, съ которыми чуваши имѣютъ нѣчто родственное, благодаря, быть можетъ, вѣковой совмѣстной жизни и дѣятельности, повела Имшакаева къ знакомству съ татарскими муллами, которые настолько съумѣли завладѣть его умомъ, что онъ сталъ видѣть въ муллахъ истолкователей «всякой вѣры». Библія у Ишмакаева,—уже довольно старая, истрепанная книга,—вся въ закладкахъ и испещрена на поляхъ карандашными замѣтками. Одна изъ этихъ замѣтокъ гласитъ: «не понимаю, спросить муллу». «Такимъ образомъ, — замѣчаетъ о. Перепелкинъ, — вліяніе муллъ замѣтно не только на чувашахъ-язычникахъ, но и на крещеныхъ чувашахъ, изъ коихъ нѣкоторые не имѣютъ въ своихъ домахъ иконъ и всячески избѣгаютъ принимать къ себѣ священниковъ съ молебнами, хотя крещены въ православную вѣру 150 лѣтъ тому назадъ, хотя и живутъ среди русскаго народа».

Въ сущности, чуваши совершенно индиферентны ко всякой религіи. Когда случится какая бѣда, чуваши и «кереметю» своему въ лѣсу помолятся, и въ мечеть съ муллой сходятъ, и предъ иконами съ православными постоятъ.—«Который нибудь богъ да послушаетъ,—говорятъ они:—кереметь не послушаетъ, такъ русскій Богъ услышитъ».

А между тѣмъ, не смотря на всю дикость и грубость языческихъ суевѣрій, не смотря на свою экономически-неприглядную жизнь, эти чуваши-язычники кажутся намъ чрезвычайно симпатичными. Мы въ этомъ убѣдились во время разъѣздовъ по бугурусланскому и бугульминскому уѣздамъ. Стоитъ только дать ребенку чуваша какой нибудь ничтожный гостинецъ-пряникъ или конфетку и приласкать его, чтобы отецъ и мать, въ благодарность за вашу ласку, угостили васъ всѣмъ, что есть у нихъ лучшаго и вкуснаго въ погребѣ или чуланѣ, чтобы на ночь уложили васъ на мягкую

[1]) Отчетъ самар. комит. прав. миссіон. общ. въ „Самар. епарх. вѣд.“ 1886 г. № 7.

Digitized by Google

перину. И намъ кажется, что проповѣдь евангелія этимъ дикарямъ должна идти рука объ руку съ распространеніемъ среди нихъ образованія, съ заботами о развитіи среди нихъ земледѣльческой культуры...

По этому случаю намъ припомнилась повѣсть г. Лѣскова: «*На краю свѣта*». Архіерей, отъ имени котораго ведется разсказъ, въ заботахъ о распространеніи христіанскаго ученія среди инородцевъ Сибири, встрѣчаетъ на первыхъ же порахъ нѣкоего монаха Киріака, — знатока миссіонерской проповѣди, — который порождаетъ въ немъ сомнѣніе, считая ненужной, несвоевременной эту проповѣдь. Крещеный зырянинъ, везшій Киріака по снѣжной пустынѣ, въ увѣренности, что «попъ проститъ его хрѣхи», бросилъ несчастнаго на произволъ судьбы, бѣжалъ съ дароносицею и съѣлъ хранящіеся въ ней св. дары и губку. Дикарь же зырянинъ геройски, съ опасностью собственной жизни, спасаетъ жизнь архіерея.

Послѣдній по справедливости могъ сравнить своего спасителя-дикаря съ «пустыннымъ ангеломъ». «Прости меня, блаженный Августинъ!—говорилъ самъ съ собою архіерей, стоя на колѣняхъ у изголовья спящаго дикаря, среди снѣжной пустыни: — а я и прежде разномыслилъ съ тобою, и сейчасъ съ тобою несогласенъ, что будто самыя добродѣтели языческія суть только скрытые пороки. Нѣтъ! сей, спасшій жизнь мою, сдѣлалъ это не по чему иному, какъ по добродѣтели, самоотверженному состраданію и благородству». А этотъ «успѣшный» священникъ-зырянинъ, крестившій массами язычниковъ и во второй разъ взявшій вдвое больше крестовъ, которые онъ «съ одного на другаго на шеи перевѣшивалъ», а потомъ оказавшійся просто плутомъ, ибо крестилъ съ угощеніемъ, по просту—съ водочкой,—развѣ онъ выше въ нравственномъ отношеніи того «пустыннаго ангела»?

Конечно, заботы о широкомъ просвѣщеніи этихъ инородцевъ и поднятіе ихъ экономическаго благосостоянія должны бы составить всю суть дѣятельности правительства, земства и нашихъ миссіонеровъ для блага дикарей-язычниковъ... Намъ становится больно и стыдно, когда мы читаемъ въ отчетѣ самарскаго миссіонерскаго общества слѣдующія слова: «до 1873 года, въ селѣ Туармѣ (чувашское село въ бугульминскомъ уѣздѣ) существовала земская школа, но была закрыта по несочувствію къ ней жителей. Наша миссіонерская школа, съ самаго открытія своего въ 1879 г., не можетъ пожаловаться на несочувствіе къ ней жителей, потому что дѣло въ этой школѣ ведется какъ должно» [1]). Очевидно, сочувствіе къ этой послѣдней школѣ чувашскаго населенія можетъ быть объяснено ничѣмъ инымъ, какъ хорошей, раціональной постановкой школьнаго дѣла; но этого на дѣлѣ мы не видимъ, ибо въ томъ же 1884 г., когда писались вышепоименованныя строки, на школу тратилось всего миссіонерскимъ обществомъ 330 руб., изъ которыхъ 240 руб. шли на жалованіе учителю, 56 руб. ему же на квартиру и только *6 руб. на покупку учебныхъ и библіотечныхъ книгъ*, — это для школы съ 41 учащимся... Но намъ еще грустнѣе станетъ, когда мы вздумаемъ обозрѣвать характеръ миссіонерской дѣятельности въ

[1]) „Самар. епарх. вѣд.“ 1884 г. № 7.

Digitized by Google

самарской губерніи. Въ 1889 году, миссіонеръ-крестьянинъ Колесовъ устроилъ, напр., 60 публичныхъ бесѣдъ съ раскольниками въ бугурусланскомъ уѣздѣ,—въ томъ уѣздѣ, гдѣ есть и чуваши-язычники,—о сугубомъ и трегубомъ аллилуіа, о непрерывности трехчинной іерархіи, о двуперстіи и троеперстіи; о томъ, какъ правильнѣе писать: Ісусъ или Іисусъ и т. п. При всемъ томъ, миссіонеръ Колесовъ счелъ нужнымъ похвалиться: «Замѣчаю въ средѣ мѣстныхъ раскольниковъ колебаніе въ истинности ихъ убѣжденія и усиливающуюся расположенность вступить въ общеніе съ православною церковью на правахъ единовѣрія».

II.

Крещеные дикари.

Не выше, въ культурномъ и умственномъ отношеніи, стоятъ и прочіе сектанты-раскольники, тоже распространенные главнымъ образомъ въ сѣверныхъ уѣздахъ: монтаны, калагуры и калагурки (чернички), хлысты, поморы и проч. Всѣ эти сектанты, отличаясь крайнимъ невѣжествомъ, характеризуются чрезвычайно мрачнымъ, аскетическимъ взглядомъ на жизнь и свое «грѣшное тѣло». Это—тѣ же дикари-язычники, только въ дѣтствѣ крещеные въ православіе. Одинъ изъ миссіонеровъ самарскаго уѣзда находитъ, что съ раскольниками нельзя вступать въ собесѣдованія, потому что они очень невѣжественны; миссіонеръ бузулукскаго уѣзда о. Щербаковъ увѣряетъ, что онъ «не могъ вести бесѣды съ безпоповцами и австрійцами, потому что между ними нѣтъ грамотныхъ, а потому и вести бесѣды не съ кѣмъ»; священникъ-миссіонеръ о. Бѣльскій, въ бугульминскомъ уѣздѣ, называетъ бѣглопоповцевъ малограмотными, почему и «вести бесѣды о вѣрѣ съ ними невозможно». И дѣйствительно, грамотныхъ, среди крестьянскаго населенія въ сѣверныхъ уѣздахъ, чрезвычайно мало. Такъ:

	На 1000 д. об. пола грамот. съ учащимися.
Въ самарскомъ	68 челов. [1])
» бузулукскомъ	58 »
» бугурусланскомъ . . .	43 »
» ставропольскомъ . . .	37 »
» бугульминскомъ . . .	21 »
Среднее . .	45,4 челов.

Рука объ руку съ безграмотностью населенія должно стоять и жалкое экономическое благосостояніе, ибо широко распространившееся благосостояніе всегда должно содѣйствовать и цивилизаціи народа, и наоборотъ. На основаніи этого мы можемъ опять составить слѣдующую табличку:

[1]) См. „Сборн. стат. свѣд. по самар. губ.“, т. V. стр. 137.

Digitized by Google

	Дворовъ мало-состоят. и несостоят. въ %.
Въ самарскомъ уѣздѣ	35,3 %
» бузулукскомъ	29,9 »
» бугурусланскомъ	31,3 »
» ставропольскомъ	44,5 »
» бугульминскомъ	46,8 »
Среднее . .	37,5 %.

Экономическія условія, т. е. степень обезпеченія крестьянскаго населенія матеріальными средствами, сильно вліяютъ на распространеніе въ его средѣ того или другаго раскольничьяго вѣроученія. Чѣмъ ниже экономическое благосостояніе населенія, тѣмъ мрачнѣе и безотраднѣе слагается у него міросозерцаніе, тѣмъ большій % является въ его средѣ калагурокъ, хлыстовъ, самобичующихся монтанъ и др. мистико-пессимистическихъ сектъ. «Калагурками» и «монтанами» наводнена вся сѣверная часть самарской губерніи: уѣзды самарскій, ставропольскій, бузулукскій, бугурусланскій и бугульминскій, въ которыхъ послѣдователей этихъ изувѣрскихъ сектъ насчитано земскими статистиками 8,195 душъ (кромѣ городовъ). Келейничество, или калагурство, особенно сильно распространено среди мордовскаго женскаго населенія. Семейный гнетъ, особенно сильный среди мордвы, непосильный женскій трудъ и матеріальная необезпеченность влекутъ многихъ женщинъ въ черничество,—это оригинальное явленіе русской жизни, не удовлетворяющейся монастырскимъ отшельничествомъ. Черничество, какъ и вообще всякая секта, не даетъ какого либо цѣльнаго ученія, опирающагося на извѣстный принципъ или систему; это—какая-то смѣсь аскетизма и изувѣрства съ угодничествомъ передъ «грѣховодными побужденіями души и тѣла»: съ одной стороны—стремленіе уподобиться по духу древнимъ христіанамъ-отшельникамъ, а съ другой — желаніе не терять связи и съ обществомъ, не чуждаться нѣкоторыхъ радостей здѣшней жизни. Чернички, или калагурки, живутъ отдѣльно отъ родныхъ въ особой кельѣ, которую строютъ имъ или сами же родные, или справляютъ міромъ изъ старыхъ бревенъ гдѣ нибудь на пустырѣ, на концѣ селенія. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ самарскаго и ставропольскаго уѣздовъ, черническими кельями сплошь застроены цѣлыя улицы (напр., въ селѣ Большой Каменкѣ самарскаго уѣзда). Одѣваются онѣ въ длинный черный «малахай», голову покрываютъ чернымъ же платкомъ. Лица обыкновенно у всѣхъ постныя, печальныя. Существенное занятіе калагурокъ — рукодѣлье; лѣтомъ жнитво, чтеніе по покойникамъ, иногда обмываніе покойницъ, «отчитыванье отъ глазу»; вечеромъ, въ свободное время, пѣніе божественныхъ гимновъ. Намъ случалось присутствовать въ одномъ мордовскомъ селеніи на пѣніи черничекъ. Хоръ состоялъ изъ 8 женщинъ и былъ составленъ хорошо. Всѣ напѣвы были церковные и пѣніе отличалось замѣчательной стройностью, гармоніей и мелодичностью. Нѣжные заунывные женскіе звуки такъ и хватали за душу; слышалась какая-то безнадежная грусть, не то по утраченному счастью, не то по тому, что эта разбитая, неудовлетворенная жизнь желала бы выбиться на свѣтъ,

Digitized by Google

да не можетъ или не хочетъ, такъ какъ нѣтъ толку въ этой безпросвѣтной жизни... Невѣжество черничекъ часто не можетъ отличать худаго отъ хорошаго, а потому нерѣдко влечетъ ихъ «къ грѣху». Воззрѣнія мордвы на соблюденіе женщинами цѣломудрія не отличаются строгимъ пуризмомъ и потому немудрено, что съ этими же взглядами вступаютъ въ келью и чернички. Въ нѣкоторыхъ мордовскихъ селеніяхъ бугульминскаго уѣзда, чернички не гнушаются ad libitum вступать въ близкія связи съ молодежью. Сами чернички весьма наивно мотивируютъ подобныя отношенія тѣмъ соображеніемъ, что «у нихъ никакихъ грѣховъ нѣтъ, а коли согрѣшить, такъ по крайности будетъ хоть какіе грѣхи замаливать» [1]).

Въ стѣнахъ черническихъ келій возникли, въ предѣлахъ самарской губерніи, и другія секты, — напр., *людей божьихъ* и *монтанъ*. Обѣ онѣ отличаются мрачнымъ пессимизмомъ, но только первая своими наставниками и законоучителями признаётъ мужчинъ, послѣдняя же, кромѣ того, и женщинъ. Секта «людей божьихъ» первоначально появилась въ оренбургской губерніи лѣтъ 20 тому назадъ и отсюда распространилась почти по всей губерніи, но главнымъ образомъ въ бузулукскомъ и самарскомъ уѣздахъ. Въ основѣ ея лежитъ ученіе о метампсихозѣ, или переселеніи человѣческихъ душъ въ животныхъ и людей, не по собственному желанію ихъ самихъ, а по заслугамъ, которыя опредѣляются наставниками, или «христами» [2]). Грѣшныя души переходятъ, по повелѣнію «христовъ», въ дикихъ и кровожадныхъ животныхъ и въ порочныхъ людей; безгрѣшныя и добродѣтельныя — въ животныхъ полезныхъ, напр., корову, лошадь и т. д., а когда животное околѣетъ, то—опять въ человѣка. Всѣ сектанты—вегетаріанцы. Они не признаютъ браковъ; поэтому женатые должны оставлять своихъ женъ, а послѣднія — мужей и избирать духовныхъ. Они совсѣмъ не ѣдятъ мяса [3]), не пьютъ водки, не курятъ табаку, не поютъ пѣсенъ, не сквернословятъ; они должны, по приказанію наставника-христа, раздавать свое имѣніе до послѣдней нитки, кому онъ велитъ. Упражняясь въ поименованныхъ подвигахъ, человѣкъ можетъ усовершенствоваться до степени святости, можетъ быть ангеломъ и христомъ. Христова рожденства не было,—это фикція. Христовъ много: христомъ можетъ быть всякій, кто учитъ другихъ закону божію, праведной жизни, такъ какъ тотъ спасаетъ другихъ отъ грѣха. Въ обоюдныхъ сношеніяхъ сектанты называютъ другъ друга братьями и сестрами [4]). Монтаны—это тѣ же хлысты, такъ какъ обряды или «радѣнія» ихъ всегда сопровождаются самобичеваніемъ и прыганьемъ. Самарскій епископъ Евсевій нашелъ, что ученіе этихъ сектантовъ аналогично съ ученіемъ древнихъ

---

[1]) „Мордовская община въ бугульм. у.“ „Сѣверн. Вѣстн.“ 1887 г., I.

[2]) *Кутеповъ*: „Секты хлыстовъ и скопцовъ“, 1882 г., стр. 301.

[3]) «Изъ опасенія, чтобы вмѣстѣ съ мясомъ не заразиться нечестіемъ злой души, заключенной въ животномъ» (*Кутеповъ*, 315).

[4]) „Самарск. епарх. вѣдом.“ 1887 г., № 2, ст. свящ. *Гребнева*: „Мордва самарской губерніи“.

Digitized by Google

монтанъ и приказалъ мѣстному духовенству называть ихъ монтанами, хотя сами раскольники совсѣмъ не носятъ этой клички, а называютъ себя различно: плясунами, хлыстами, иногда даже молоканами. Появленіе хлыстовской или монтанской секты въ самарскомъ краѣ совпало какъ разъ съ періодомъ гоненія иргизскихъ раскольничьихъ монастырей, почему нѣкоторые и думаютъ, что монтаны были просто бѣглецы изъ этихъ монастырей. Не имѣя возможности вернуться потомъ въ «гонимые» или «разоренные» монастыри, монтаны распространились мало по малу почти по всей самарской губерніи. Такъ, въ 1828 году, въ селѣ Давыдовкѣ (николаевскаго уѣзда) была поймана лжебогородица Анна Ѳедорова Скачкова и посажена въ саратовскій острогъ [1]). Въ концѣ 1834 г., въ Балаковѣ приведены были въ приказъ два молодыхъ парня: одинъ родомъ изъ Балакова, другой изъ Криволучья, которые назывались Паисіемъ и Корниліемъ. Взяты они были за бродяжество въ «неприличномъ видѣ»., т. е. въ монашескомъ одѣяніи. Когда ихъ спрашивали о причинахъ бродяжества, Корнилій отвѣчалъ:

— Мы, странники, *люди божіи* называемся, а не бродяги.

Паисій къ этому прибавилъ:

— Почитали бы вы священныя книги, то по вашему и святые апостолы вышли бы бродягами, поелику ходили они по Азіи и Греціи безъ пачпортовъ.

На вопросъ старшины, гдѣ они были и у кого укрывались, Паисій отвѣчалъ:

— Ходили мы по всему лицу земли, были въ Астрахани и на Дону, доходили вверхъ до Керженца и ни отъ кого мы не укрывались.

Старшина непремѣнно требовалъ указать пристанодержателей, иначе грозилъ отправить иноковъ въ острогъ.

— Имена нашихъ пристанодержателей помѣщены въ святцахъ: нѣтъ того имени въ святцахъ, который бы нашимъ пристанодержателемъ не былъ,—отвѣчалъ Паисій.

— Все уральское и донское войско есть наши пристанодержатели—вѣдайтесь съ оными, тако жъ и съ цѣлою приволжскою страною,—добавилъ Корнилій.

Старшина, въ виду «неприклончивости и озорничества» молодыхъ бродягъ, напомнилъ имъ о власти губернатора, о необходимости «представить ихъ, бродягъ, предъ лицо его превосходительства и кавалера».

— У насъ есть свои губернаторы и кавалеры,—отвѣчалъ «съ продерзостью» Паисій,—только наши будутъ познатнѣе вашихъ и посильнѣе. Теперь они молчатъ, а придетъ время—заговорятъ на всю нечестивую Россію,—хвастался Корнилій.

Когда дерзкихъ бродягъ стали запирать «въ секретную», они продолжали шумѣть:

— За насъ мужики-ста и солдаты, равно всѣ святители и угодники: наше войско сильнѣе вашего,—буянилъ Паисій.

---

[1]) „Правосл. обозр.“, 1858 г. ч. I, стр. 361.

Digitized by Google

Они были отправлены въ судъ [1]).

Этотъ инцидентъ служилъ признакомъ того, что расколъ, сосредоточивавшійся прежде въ одномъ главномъ пунктѣ—на Иргизѣ и въ его окрестностяхъ,—сталъ распространяться, со времени «гоненія» монастырей, по всему самарскому краю. Въ 1835 году, послѣдователей «людей божьихъ» и «монтанъ» мы встрѣчаемъ уже въ селѣ Рубовомъ Уметѣ, Чернорѣчьѣ, Колывани, Березовомъ Гаѣ и Томыловѣ, самарскаго уѣзда. Въ 1872 году, 1 декабря, въ томыловское волостное правленіе явился священникъ села Глушицъ, Хрисанфъ Протасовъ, и заявилъ, что въ его приходѣ появились монтаны. Священникъ открылъ существованіе этой секты совершенно случайно. Въ одномъ домѣ дружно и мирно жили два крестьянина: Данило Красновъ и Василій Шапошниковъ. Пока продолжалась ихъ дружба, оба они исповѣдывали хлыстовскую вѣру, но вотъ однажды вздумалось имъ почему-то разссориться. Шапошниковъ сталъ выгонять изъ дому Краснова и грозилъ даже ничего не давать ему изъ имущества. Тогда Красновъ, недолго думая, явился къ мѣстному священнику и заявилъ, что онъ «давно былъ все православнымъ, а вотъ сожитель его, Шапошниковъ, совратилъ его въ хлыстовскую (монтанскую) вѣру. Теперь онъ кается въ этомъ и снова готовъ присоединиться къ православію». Красновъ, при понятыхъ и батюшкѣ, пропѣлъ даже нѣсколько монтанскихъ пѣсенъ, распѣваемыхъ сектантами на собраніяхъ, называемыхъ «духовной баней», причемъ понятые и батюшка много хохотали. Вотъ одна изъ этихъ пѣсенъ:

«Христосъ-батюшка воскресъ!
У насъ радость нова здѣсь:
Духъ святой намъ пѣснь поетъ.
Воздавайте ему честь.
Илья-батюшка, пророкъ,
Печетъ сладкій намъ пирогъ;
Онъ начиночки кладетъ,
Всѣмъ по всѣмъ сердцамъ пойдетъ.
Ко престолу стамъ [2]) сходиться,
Душа съ духомъ говорить,
Тѣмъ матушкѣ угодить.
Сама матушка речетъ
И просвирочки печетъ,
Сама матушка взираетъ,
Аки солнышко сіяетъ» и т. д.

Шапошниковъ тутъ же, при понятыхъ, заявилъ, что вѣру эту исповѣдывалъ не онъ одинъ, а много другихъ не только въ этомъ селѣ, а и во многихъ. Дѣло это такъ ничѣмъ и не кончилось. Въ настоящее время, секта распространилась въ самарскомъ, бузулукскомъ и бугурусланскомъ уѣздахъ; въ ставрополь-

[1]) *Мордовцевъ:* „Послѣдн. годы иргиз. раскол. общинъ“ въ „Дѣлѣ“ 1872 г., кн. 4., стр. 299—300.

[2]) Станемъ.

Digitized by Google

скомъ уѣздѣ много ея по слѣдователей живетъ въ селеніяхъ: Старой Хмѣлевкѣ, Тинаркѣ, Кирилловкѣ и пригородѣ Ерыклинскѣ. Въ послѣднее время, сектанты появились и въ николаевскомъ уѣздѣ. Ученіе монтанъ полно мрачнаго пессимизма. Монтаны не видятъ въ этомъ мірѣ ничего отраднаго, ждутъ скорой кончины его, поэтому постоянно постятся, плачутъ и избѣгаютъ всякихъ развлеченій. Вѣруя, что грѣшно убивать вообще всякое животное, всякую букашку, монтаны не ѣдятъ мяса, не пьютъ водки, ибо винные заводы, склэды, кабаки—жилища бѣсовъ. Своихъ естественныхъ отцовъ и матерей они не признаютъ таковыми—ибо не тотъ отецъ, говорятъ они, который родилъ тебя, но тотъ, который научилъ; одинъ у тебя отецъ—руководитель въ правомъ дѣлѣ. Къ нему одному ты долженъ идти съ лаской и повинной, воздавать почести. Кромѣ него, нѣтъ никого выше на землѣ властей; нѣтъ никого ниже тебя—рабовъ; всѣ люди сотворены Богомъ равными... При вступленіи въ секту, даютъ слѣдующую клятву:

— Обѣщаешься ли про это дѣло (т. е., что ты принадлежишь къ монтанской сектѣ) никому не сказывать—ни отцу, ни матери, ни брату, ни сестрѣ, ни сродникамъ своимъ?

— Ей Боже, обѣщаюсь съ самой утробы своей, — говоритъ вступающій.

— Дай тебѣ, Господи! Если будутъ тебя огнемъ жечь, кнутомъ сѣчь, топоромъ рубить и ножемъ рѣзать, обѣщаешься ли и тогда никому не сказывать [1])?

— Ей Боже и т. д.

Надо думать, что клятва эта—остатокъ старины, когда сектантовъ преслѣдовали; въ настоящій моментъ, она, конечно, не больше, какъ одна пустая формальность.

Въ пригородѣ Ерыклинскѣ ставропольскаго уѣзда, въ которомъ монтанъ до 200 дворовъ, они кажутся особенно типичными по своей внѣшности, рѣзко бросающейся въ глаза при сравненіи съ прочимъ крестьянскимъ населеніемъ. Мужчины одѣты въ бѣлыя рубахи съ прямымъ воротомъ, женщины повязываются бѣлыми платками и носятъ черные сарафаны съ бѣлыми рукавами. Выраженіе лица почти у всѣхъ печальное, грустное; у пожилыхъ людей цвѣтъ лица желто-блѣдный, конечно, отъ истощенія организма постомъ. Въ прежнее время,—когда сектантовъ преслѣдовали,—во время сборища, окна завѣшивались внутри войлоками, а снаружи закрывались ставнями. Теперь «радѣніе» совершается открыто, хотя все таки больше ночью. Всѣ мужчины, не ниже 14-лѣтняго возраста, являются въ собраніе въ длинныхъ бѣлыхъ рубахахъ и широкихъ шароварахъ; женщины въ своемъ обычномъ сарафанѣ, причемъ и мужчины, и женщины оставляютъ свою обувь въ сѣняхъ и являются въ избу босикомъ, съ платочками въ рукахъ, свернутыми трубочкой [2]). Процессъ самаго «радѣнія» или «духовной бани» очень оригиналенъ. И мужчины, и женщины вьютъ жгуты изъ полотенецъ и затѣмъ начинаютъ кружиться по комнатѣ, сильно

[1]) „Самар. епарх. вѣдом." 1870 г., № 23.

[2]) Ibid., 1875 г., № 15.

Digitized by Google

бичуя по спинѣ жгутами, кружатся и бичуютъ другъ друга до одуренія, до тѣхъ поръ, пока не обезсилятъ себя совершенно. Бичеваніе жгутами, плачъ и рыданіе вызываются необходимостью прогнать изъ себя нечистаго духа, послѣ чего въ нихъ входитъ святой духъ и начинается пророчество. Во время радѣнія, припѣваютъ слѣдующія пѣсни:

Ну-ка, Паша,
Какова твоя духовная каша?
Ну-ка, братецъ ты Иванъ!
Я тебѣ спеку блинокъ,
Чтобы къ сердцу онъ прилегъ.

Умилился батюшка, царь небесный!
Пошли намъ, Господи,
Дань духовную
Содѣлать хвалу Богу,
Царю небесному,
Ангельскую радость,
Христову любовь.

Иногда пророчествующій или пророчествующая ничего не говорятъ, а просто плачутъ или истерически рыдаютъ и смѣются, причемъ нерѣдко всѣ присутствующіе невольно заражаются тѣми же рыданіями или смѣхомъ. Господствующая мысль всѣхъ пѣсенъ, которыя поются въ собраніяхъ сектантами,—это сознаніе своего собственнаго безсилія выйти на путь счастья и примиренія съ окружающими условіями жизни. Въ селѣ Дубовомъ Уметѣ, самарскаго уѣзда, мы присутствовали при пѣніи нѣкоторыхъ монтанскихъ пѣсенъ. Заунывные звуки стройно лились изъ сотенъ устъ этихъ несчастныхъ «радѣтелей» и, слушая ихъ, у насъ невольно сжималось сердце. Страшно становится за людей, за ихъ будущность, когда знаешь, что эти организмы изъ здоровыхъ и сильныхъ сдѣлались патологическими, нервно-болѣзненными.

Расплакалась дѣвица во высокомъ терему,
Растужилась красавица ко небесному отцу:
Нашъ батюшка, умились, государь нашъ, умились!
Помоги намъ, пособи, какъ намъ вѣкъ пережить,
Свои души похранить.
Зашаталася, растерялася вся духовная братья,
Стало тошно на землѣ
Намъ, послѣднимъ сиротамъ...

Изъ-подъ крутѣнькаго бережку,
Изъ-подъ бѣленькаго камешку
Быстра рѣченька бѣжитъ,
А по рѣченькѣ судёнышко плыветъ,
Превеликими волнами его бьетъ.
Съ высоты на нихъ создатель слезы льетъ.
Умились-ка ты, царь небесный, съ высоты,
Утиши ты превеликія волны!
У насъ бьетъ и щеплетъ все судно,
Намъ немножко по синему морю плыть:

Digitized by Google

У насъ выбило правильное весло,
И мы бросили все божье ремесло.

Сектанты—люди чрезвычайно смирные и исправные плательщики податей; живутъ они и между собой, и съ своими собратьями-православными въ дружественныхъ, даже любовныхъ отношеніяхъ. Въ пѣсняхъ монтанъ часто слышатся призывы къ любви, къ единенію, къ смиренію, тишинѣ и миру. Поэтому утвержденіе мѣстнаго миссіонера г. Грекулова, что будто руководители монтанъ «поощряютъ своихъ послѣдователей пить вино, буйствовать, сквернословить и воровать, бить жену и дѣтей, если послѣднія держатся православія»,—несправедливо.

Въ селѣ Раковкѣ, самарскаго уѣзда, проживаетъ наставница монтанъ, солдатская вдова К., которую мы лично видѣли. Своей наружностью, своимъ блѣднымъ, постнымъ, печальнымъ лицомъ, своимъ умѣньемъ держать себя въ обществѣ крестьянъ и говорить съ ними краснорѣчиво, своимъ искусствомъ облекать свою рѣчь въ художественные образы,—она производитъ впечатлѣніе средневѣковаго аскета-проповѣдника. Человѣкъ, проповѣдующій, что надо любить «не только человѣка, но и всякую тварь, всякую букашку», не можетъ въ одно и то же время учить своихъ послѣдователей воровству, буйству и брать рублевыя взятки за отпущеніе грѣховъ, какъ увѣряетъ тотъ же Грекуловъ.

III.

Раціоналисты.

Чрезвычайно любопытное явленіе представляютъ собою раскольники въ южныхъ уѣздахъ губерніи—николаевскомъ и новоузенскомъ, гдѣ расколъ сталъ распространяться единовременно съ колонизаціей уѣздовъ, со второй половины XVIII столѣтія. У поселенцевъ-вольнодумцевъ, — какъ нерѣдко называютъ историческіе акты первыхъ поселенцевъ этихъ уѣздовъ,—офиціальнаго духовенства не было до 1830 года, т. е. до того момента, когда начались преслѣдованія иргизскихъ раскольничьихъ монастырей, и духовенству не были даже извѣстны многія селенія въ этомъ степномъ и дикомъ краю. Первые поселенцы изъ православныхъ должны были за исправленіемъ требъ церковныхъ ѣздить за сотни верстъ въ города Саратовъ и Вольскъ. По необходимости, нѣкоторые крестьяне возили крестить уже взрослыхъ дѣтей къ нѣмецкимъ—католическимъ и лютеранскимъ—патерамъ, въ колоніи: Дубовый и Екатериненштадтъ (Баронскъ). Съ теченіемъ времени, большая часть, если не всѣ первые поселенцы, естественно вовсе отстали отъ церкви и забыли всю церковную обрядность. Когда явилось сюда духовенство и начало совершать различныя церковныя требы, а затѣмъ стало требовать за нихъ плату и собирать деньги на устройство церквей, тогда бѣглые поселенцы и всѣ

Digitized by Google

ссыльные, жившіе прежде на своей волѣ, стали разглашать, что церковныя требы выдуманы священниками для сбора хлѣба и денегъ. Къ тому же и духовенство было крайне невѣжественно, а нерѣдко и безнравственно. Саратовскому архіерею Іакову было доставлено много священническихъ записокъ, которыми дозволялось прихожанамъ обращаться съ духовными требами въ иргизскіе раскольничьи монастыри [1]).

Благодаря своему громадному протяженію и географическому положенію, а также обилію казенныхъ незаселенныхъ земель, оба поименованные уѣзда до сихъ поръ представляютъ собою, можно сказать, terram incognitam. Въ ихъ восточныхъ частяхъ, граничащихъ съ землями уральскихъ казаковъ и кочующихъ киргизовъ, по берегамъ рѣчекъ, и до сихъ поръ ютятся многочисленные раскольничьи хутора и деревни, къ которымъ не только въ зимнее, но и въ лѣтнее время нѣтъ возможности ни пройти, ни проѣхать. Ни волостное правленье, ни сами крестьяне нерѣдко не могутъ указать вамъ дороги къ хуторамъ. Они только неопредѣленно покажутъ рукой въ ту или другую сторону, пояснивъ при этомъ, что до такихъ-то хуторовъ «будетъ примѣрно верстъ 60—100». Намъ случалось не разъ ѣздить по такимъ мѣстамъ. Ѣдешь сначала по торной проселочной дорогѣ, на парѣ лошадей съ колокольчикомъ,—ѣдешь часъ, два, три, и вдругъ лошади въ недоумѣніи останавливаются; смотришь—дороги совсѣмъ не стало: передъ вами все равнинное необъятное пространство на многіе десятки верстъ распахано плугомъ, вездѣ видна одна черная распаханная земля и никакой дороги... Ямщикъ въ такомъ случаѣ обыкновенно не теряется, а успокоиваетъ васъ лаконически: «ничего. не сумлѣвайтесь, вотъ поѣдемъ теперь немножко вправо, а потомъ этакъ вкось и, Богъ дастъ, доѣдемъ». И ѣдемъ вправо, и ѣдемъ вкось, по кочкамъ, бороздамъ и рытвинамъ, опять часъ и два. У васъ до боли перевернетъ все нутро, прежде нежели вы дотащитесь до хутора,—иногда мальнькаго, въ 2—3 дома, а иногда домовъ въ 20—30. Потомъ опять ѣдете такой же дорогой до другаго хутора. Нерѣдко въ одномъ и томъ же хуторѣ, состоящемъ изъ 100—200 человѣкъ населенія, вы встрѣчаете и молоканъ, и «некудышниковъ», и штундистовъ, и хлыстовъ. Духовенство никогда сюда и не заглядываетъ, потому что церкви далеко—верстъ 30—40, да и дороги не проѣзжія. Поэтому оно хорошенько не знаетъ, гдѣ есть какіе раскольники; поэтому и въ отчетахъ своихъ епархіальному начальству такъ и пишетъ: «исчисленіе раскольниковъ затруднительно, особенно тѣхъ, которые живутъ по хуторамъ». Но, при всемъ томъ, люди здѣсь большею частію грамотные: учатся другъ отъ друга по зимамъ, или по зимамъ же нанимаютъ для этого сообща какого нибудь прохожаго человѣка. Спросишь того, другаго: откуда? Одинъ говоритъ: изъ калужской губерніи, другой—изъ курской, третій—изъ казанской, четвертый—изъ воронежской и. т. д. Оттого, конечно, и вѣра у

---

1) „Истор. свѣд. объ иргиз. раск. монастыряхъ“ въ „Правосл. Собесѣдн.“ 1857 г., кн. 2 и 3, стр. 576.

Digitized by Google

всѣхъ у нихъ разная. Пріѣзжайте сюда черезъ 2—3 года и вы отъ хутора или деревни не увидите и слѣда: онъ переселился на другое мѣсто, можетъ быть, опять верстъ за 50—100 отсюда, а, можетъ, верстъ за 5, и притомъ получилъ уже не прежнее, а новое названіе, хотя бы и тамъ, и здѣсь люди жили все одни и тѣ же. Прежній хуторъ назывался, напр., *Устюшкинъ*, а теперешній называется *Погоняй*. Удивительно ли послѣ этого, что, не находя нигдѣ и ни у кого разрѣшенія своихъ религіозно-нравственныхъ вопросовъ и недоумѣній, мучащихъ пробудившійся разумъ простыхъ людей, эти послѣдніе—въ формѣ раскола стали искать расширенія своего нравственнаго кругозора и умственной дѣятельности? При такихъ условіяхъ, было, конечно, непослѣдовательно и нелогично по отношенію къ иргизскимъ раскольникамъ ставить вопросъ ребромъ. Съ другой стороны, намъ кажется чрезвычайно странной и непонятной недальновидность такого просвѣщеннаго и неутомимо-дѣятельнаго въ научномъ отношеніи человѣка, какимъ былъ саратовскій епископъ Іаковъ, который, путемъ насильственнаго превращенія иргизскихъ раскольничьихъ монастырей въ единовѣрческіе, думалъ положить конецъ распространенію раскола среди крестьянскаго населенія по правую и лѣвую сторону Волги. Очень любопытна интимная переписка этого «ученаго» саратовскаго епископа съ ученымъ же и, вмѣстѣ съ тѣмъ, плохимъ романистомъ-губернаторомъ Степановымъ и преемникомъ его—Фадѣевымъ, которые особенно сильно трудились надъ тѣмъ, чтобы, какъ выражается г. Соколовъ (авторъ книги «*Расколъ въ сохатовскомъ краѣ*») затопить холодной водой и кровью иргизскій расколъ. 2 мая 1836 г. епископъ Іаковъ написалъ губернатору Степанову льстиво-похвальное письмо. «Посылаю орлиный, безпристрастный взглядъ на раскольничьи иргизскіе монастыри. Силы души вашего превосходительства восхищаютъ меня. Можно надѣяться, что при содѣйствіи Всевышняго мало останется цыплятъ въ главныхъ гнѣздахъ суевѣрія и разврата! Perge, eminentissime, quo coecepisti! Sic itur ad astra! (продолжайте, ваше превосходительство, что начали! Такъ идутъ къ звѣздамъ!) Истребивъ означенныя гнѣзда, вы истребите исходища заразы, опасной для церкви и полиціи». А вотъ и другое любопытное письмо того же епископа къ другому губернатору—Фадѣеву. «Поздравляю съ благополучнымъ исполненіемъ важной порученности по обращенію монастыря! Это прекрасное начало вашего новаго служенія престолу и отечеству! Это брильянтъ въ вѣнцѣ вашего губернаторства. Это твердое основаніе новаго вашего пóста и вмѣстѣ доказательство божія къ вамъ благоволенія. Святая саратовская церковь будетъ васъ помнить и молить о васъ Богу» [1]).

Въ томъ же 1836 г., къ Степанову явился богатый, вліятельный въ южномъ поволжьѣ купецъ - старовѣръ Сапожниковъ и доказывалъ ему несостоятельность мѣры, т. е. обращенія монастырей въ единовѣріе: «расколъ—говорилъ онъ—не уменьшится, а

[1]) Оба письма приведены въ упомянутой книгѣ г. *Соколова*, стр. 369 и 433.

Digitized by Google

напротивъ—ожесточится и преисполнится ненависти, которой по сіе время не было» [1]). Графъ Блудовъ и др. болѣе разсудительные люди тоже опасались, какъ бы обращеніе монастырей въ единовѣріе не заставило поповцевъ превратиться въ безпоповцевъ; но епископъ Іаковъ съ губернаторомъ Степановымъ не допускали и мысли объ этомъ, увѣряя сомнѣвающихся, что это опасеніе не имѣетъ подъ собой почвы, «потому что старообрядцы придерживающихся безпоповщины почитаютъ истинными отступниками». По мнѣнію губернатора Степанова, обращеніе монастырей, напротивъ, неминуемо повлечетъ ихъ къ православію; мало того,—если удалить изъ монастырей всѣхъ священниковъ, то всѣ 13,000 иргизскихъ старообрядцевъ лишены будутъ возможности совершать христіанскія требы и по необходимости «другъ за другомъ станутъ прибѣгать къ единовѣрію или православію» [2]).

Результаты разгрома иргизскихъ монастырей извѣстны. Военно-судная комисія приговорила однихъ изъ раскольниковъ къ наказанію кнутомъ и къ ссылкѣ въ каторжныя работы, другихъ — къ наказанію плетьми и ссылкѣ на поселеніе, и т. д. Говорятъ, что по ходатайству Бибикова тѣлесное наказаніе было для всѣхъ отмѣнено, только 17 старцевъ-поповцевъ, вмѣстѣ съ ихъ настоятелемъ Корниліемъ, были сосланы на Кавказъ, на ленкоранскій берегъ Каспійскаго моря, гдѣ ими и была основана новая деревня Вель. Извѣстный этнографъ-путешественникъ г. Максимовъ лично посѣтилъ этихъ старцевъ въ 1866 году и говоритъ, что они «ни на іоту не измѣнили ни своей старой вѣрѣ, ни обычаямъ прежней жизни. Одинъ изъ старцевъ, Серафимъ, на память прошедшаго оставилъ: на головѣ колпакъ, на плечахъ — сверхъ подрясника — черную монашескую пелеринку; старописные образа завѣшиваютъ они чистымъ рядномъ» [3]).

Живя въ невольномъ изгнаніи, эти старцы сочинили особую пѣсню, которую и распѣваютъ по вечерамъ «по церковному»:

Иргизскія воды въ море утекли,
Его жителей вонъ вытѣснили,
Поселили ихъ близь Ленкорана,
Имъ свобода тамъ вся вполнѣ дана и т. д.

Послѣ обращенія иргизскихъ раскольничьихъ монастырей въ единовѣрческіе, одни изъ раскольниковъ разбѣжались; другіе остались на мѣстѣ, въ тѣхъ же селеніяхъ, въ которыхъ жили и прежде; а третьи, болѣе упорные, были выселены въ предѣлы самарскаго уѣзда, напр., въ селенія Нижне-и Верхне-Печерскіе хутора, и Кашпировы хутора. По отношенію къ оставшимся на мѣстахъ раскольникамъ, епархіальное духовенство признало необходимымъ: учредить должность священниковъ-миссіонеровъ по одному и болѣе на уѣздъ, которые, «не требуя на разъѣзды денегъ, могли бы при каждомъ удобномъ случаѣ дѣйствовать на раскольниковъ путемъ

---

[1]) *Соколовъ*, стр. 373.
[2]) Ibid., стр. 371 и 400.
[3]) „Иргизскіе старцы", „Дѣло" 1867 г., кн. 5.

Digitized by Google

зрѣлыхъ увѣщаній». Что это были за люди въ правительственномъ отношеніи, объ этомъ мы встрѣчаемъ чрезвычайно любопытныя данныя въ упомянутой книгѣ г. Соколова, на стр. 436 и слѣдующихъ. Неудивительно поэтому, что, вмѣсто ожидаемаго обращенія всѣхъ раскольниковъ въ единовѣріе и православіе, мы встрѣчаемъ совершенно противоположное явленіе: расколъ на Иргизѣ и вообще по николаевскому и новоузенскому уѣздамъ не исчезъ, а дифференцировался, раздробился на нѣсколько отдѣльныхъ сектъ, т. е. какъ разъ случилось именно то, чего боялся Блудовъ и др. Г. Соколовъ довелъ свое изслѣдованіе поповщины только до 1850 года; но я имѣлъ возможность, въ качествѣ статистика, лично убѣдиться въ состояніи раскола на Иргизѣ и вообще во всемъ николаевскомъ уѣздѣ въ теченіе 1887—1888 и 1889 годовъ, а путемъ личныхъ наблюденій и подворнаго опроса всего крестьянскаго населенія — провѣрить на дѣлѣ: насколько оправдались предсказанія бывшаго саратовскаго губернатора Степанова и епископа Іакова, что, послѣ превращенія иргизскихъ монастырей въ единовѣріе, расколъ яко бы совершенно долженъ исчезнуть.

По статистической переписи въ 1827 году, раскольниковъ въ *окрестностяхъ Иргиза* (?) было 32,728 душъ обоего пола. Въ 1847 году, министерство внутреннихъ дѣлъ насчитывало всѣхъ раскольниковъ въ саратовскомъ краѣ,—считая въ томъ числѣ и николаевскій уѣздъ самарской губ., — 35,338 душъ обоего пола, а духовное вѣдомство — 33,989 душъ. По свѣдѣніямъ, собраннымъ самарскимъ статистическкмъ бюро путемъ подворной переписи въ николаевскомъ и новоузенскомъ уѣздахъ, раскольниковъ зарегистровано въ 182 селеніяхъ 46,038 душъ обоего пола, причемъ половина изъ нихъ живетъ въ приргизскихъ селеніяхъ. По свѣдѣніямъ самарской духовной консисторіи, любезно доставленнымъ намъ о. протоіереемъ каѳедральнаго собора, раскольниковъ въ двухъ упомянутыхъ уѣздахъ числится 44,747 душъ об. пола, — цифра, очень близкая къ цифрѣ статистиковъ; но мы имѣемъ основаніе поднять ее до полныхъ 46 тысячъ, такъ какъ сообщившій свѣдѣнія консисторскій чиновникъ оговаривается въ отчетѣ, что «7-ю миссіонерами не доставлены свѣдѣнія о числѣ раскольниковъ въ 1889 году». Гр. Блудовъ, очень опасавшійся того, какъ бы, послѣ разгрома иргизскихъ монастырей, поповцы не перешли въ безпоповство или бѣглопоповство, оказался правъ: въ настоящее время, безпоповцевъ, бѣглопоповцевъ и австрійцевъ состоитъ на лицо въ двухъ упомянутыхъ уѣздахъ—33,177 душъ, т. е. эти послѣдніе сектанты составляютъ 70 проц. общаго числа раскольниковъ въ этихъ уѣздахъ. Но что всего замѣчательнѣе, — это то, что въ прежнее дореформенное время здѣсь существовали лишь одни раскольники-старообрядцы, а теперь эти послѣдніе мало по малу переходятъ къ полному раціонализму: очевидно, по меткому выраженію Леруа-Больё, въ старыхъ мѣхахъ начинаетъ бродить новое вино. Теперь въ 3-хъ уѣздахъ — бузулукскомъ, николаевскомъ и новоузенскомъ — свили себѣ гнѣздо слѣдующія раціоналистическія секты:

Digitized by Google

Молокане въ числѣ	12,314	д. об. пола.
Субботники (жидовствующіе) . .	714	»
Некудышники	2,094	»
Штундисты	146	»
Баптисты и методисты	92	»
Мормоны	106	»
	15,466	д. об. пола.

Есть селенія, расположенныя по теченію Большаго Иргиза, въ которыхъ число раскольниковъ, до обращенія монастырей, было не болѣе $^1/_3$ или $^1/_2$, а въ настоящее время они составляютъ большинство населенія. Таковы, напр., селенія: Пузаниха, Теликовка, Давыдовка, Криволучье, въ которыхъ раскольники составляютъ болѣе 80 проц. общаго числа населенія. Въ кормежской волости, состоящей изъ 7 селеній съ 1,453 душами, раскольниковъ состоитъ на лицо 87 проц. населенія. Зимой 1887 года, намъ случилось посѣтить раскольничье село Давыдовку, и мы были крайне поражены, узнавъ, что болѣе половины населенія—раскольники-«некудышники», т. е. люди, не принадлежащіе «ни къ какой вѣрѣ». Въ селеніи, всѣ административныя власти — старшина, староста — некудышники. На въѣзжей избѣ мы встрѣтили сѣдаго, сгорбленнаго, лысаго старика-крестьянина, на видъ еще довольно бодраго, который былъ очевидцемъ разгрома иргизскихъ монастырей. «И крови немало пролили... холодной водой обливали,— говорилъ онъ,—а все таки не по ихнему вышло. Отъ разоренныхъ монастырей некудышники — ушли». Я старался допытаться отъ старика, какой въ сущности вѣры держатся «некудышники», но на все получалъ одинъ отвѣтъ: «какъ разорили монастыри, такъ и вѣра у насъ осталась только въ сердцѣ». Некудышники упорно держатся за свои старые раскольничьи устои. И прежде, ходя по праздникамъ въ монастырь, люди эти слышали и знали кой-какіе отрывки изъ обрядоваго раскольничьяго богослуженія, а теперь и старое, и молодое поколѣніе, болѣе 50 лѣтъ не имѣя никакого общенія ни съ монастырями, ни вообще съ какою бы то ни было церковью, утратило изъ своей памяти и эти отрывки. На божницѣ остались одни ржавые мѣдные и закоптѣлые деревянные образа, вѣроятно, нечищенные и немытые со времени разгрома монастырей; на полкахъ остались старопечатныя засаленныя книги, которыя время отъ времени читаютъ собравшемуся народу грамотѣи-начетчики. «Некудышники» не считаютъ даже нужнымъ учить своихъ дѣтей грамотѣ. Это—люди, отличающіеся крайне мрачнымъ міросозерцаніемъ, характерную черту котораго составляетъ вѣра въ близкое пришествіе антихриста. «Антихристъ скоро все попалитъ огнемъ, всѣхъ уведетъ съ собой въ адъ, — не останется ни одного праведника»...

«Нѣсть спасенья въ мірѣ, нѣсть!
Лесть одна лишь правитъ, лесть!
Смерть одна спасти насъ можетъ, смерть!
Нѣсть и Бога въ мірѣ, нѣсть!
Счесть нельзя безумства, счесть» [1]).

[1]) Я. *Абрамовъ* въ „Отеч. Зап." 1882, кн. 2, стр. 174.

Digitized by Google

Вотъ нѣкоторые подлинные отвѣты крестьянъ-раскольниковъ, записанные мною лично, при опросѣ населенія, въ моментъ производства подворной переписи въ 1887—1888 годахъ.

Село *Красная Поляна* падовской волости. Здѣсь есть скопцы. Основываясь на текстѣ: «аще садовникъ не ѣстъ отъ стада своего? Егда молотишь, не заградиши уста конямъ», скопцы допускаютъ сожительство съ своими семейными. Поэтому и браковъ никакихъ не признаютъ.

Малое Перекопное. Были монастырскіе; съ 1849 г. стали безпоповцами.

Криволучье. Послѣ разгрома монастырей, первое крупное обращеніе въ единовѣріе имѣло мѣсто въ Криволучьѣ. Туда командированъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ статскій совѣтникъ Алябьевъ, для содѣйствія по обращенію раскольниковъ въ единовѣріе. Искренно убѣжденный въ пользѣ единовѣрія, онъ дозволилъ, съ благословенія св. синода, 1,740 челов. криволуцкихъ крестьянъ перейти въ единовѣріе. Согласились на единовѣріе криволуцкіе крестьяне, благодаря давленію удѣльныхъ властей. Но въ 1850 г. криволуцкій единовѣрческій приходъ распался [1]). Съ тѣхъ поръ прошло 40 лѣтъ, и изъ 463 дворовъ въ Криволучьѣ теперь нѣтъ ни одного, ни православнаго, ни единовѣрца. «Были монастырскіе,—говорили намъ крестьяне,—а лѣтъ 10 назадъ стали австрійской вѣры. Сами не знаемъ теперь—какой путь прямой; идемъ, а не знаемъ—на кого надѣяться. Тѣ говорятъ—иди на всѣ четыре стороны. Думаемъ—такъ пойдемъ хоть кривымъ, да родительскимъ путемъ».

Ивантѣевка. Были монастырскіе, теперь разбѣжались... стали австрійскіе и бѣглопоповцы.

Теликовка. Здѣшніе раскольники, повидимому, искренно обратились въ единовѣріе; въ 1845 году былъ выстроенъ для единовѣрцевъ молитвенный домъ и данъ священникъ [2]). Теперь въ Теликовкѣ 452 двора, изъ которыхъ православныхъ только 52; остальные — раскольники австрійской секты, поморской и безпоповщинской. Прежде были монастырскіе, а потомъ, послѣ разореннаго года, перешли въ разныя секты. Поморы теперь разбились на 3 толка: поющихъ церковную службу просто, какъ въ книгѣ, поющихъ на ♀ и, наконецъ, на не признающихъ брака. Послѣдніе хотя и живутъ парами, но сожительницъ считаютъ не женами, а стряпками. Поющіе на ♀ устроили свою молельню. Теперь идетъ рѣчь о примиреніи между собой обѣихъ первыхъ группъ сектантовъ такимъ образомъ, чтобы одни пѣли на правомъ клиросѣ, другіе на лѣвомъ. Мѣстный крестьянинъ, старецъ Іаковъ, проповѣдуетъ избраніе іереевъ изъ среды крестьянъ жребіемъ, подобно тому, какъ жребіемъ былъ избранъ апостолами Матѳіи вмѣсто Іуды-Искаріота. Пресвитеры и дьяконы всѣ избраны; самъ Іаковъ избранъ епископомъ.

С. Богородское. Были всѣ монастырскіе, а послѣ перешли въ

---

[1]) *Соколовъ*, 440.

[2]) Ibid., 449.

Digitized by Google

безпоповство и бѣглопоповство; съ 1883 года, со времени дарованія льготы раскольникамъ, многіе стали переходить въ австрійскую секту.

Хуторъ Сестринскій. Всѣ перешли изъ Тяглаго Озера, были на родинѣ изъ секты «общихъ», теперь — молокане. Не ѣдятъ свиней, ибо онѣ жеванья не отрыгаютъ, и зайцевъ, потому что — «лапка собачья». Такъ-де упомянуто у Моисея. Изъ 360 душъ об. пола, 160 — молокане.

До сихъ поръ, въ самарскомъ краѣ существовали одни раскольники-старообрядцы; но почти въ то самое время, какъ мѣстная власть—духовная и свѣтская—изгоняла враговъ православія въ одну дверь, въ другую — тихо и незамѣтно входилъ новый, болѣе грозный врагъ. Въ 20 годахъ текущаго столѣтія, въ восточныхъ предѣлахъ николаевскаго и новоузенскаго уѣздовъ, вдали отъ иргизскихъ монастырей, появились молокане, которыхъ сама правительственная власть стала ссылать сюда на поселеніе изъ тамбовской и нижегородской губерній [1]). Правда, молоканство существовало здѣсь и раньше, еще въ концѣ XVIII столѣтія, когда извѣстный молоканъ Уклеинъ явился въ село Тяглое Озеро (николаевскаго уѣзда) изъ балашовскаго уѣзда саратовской губерніи съ цѣлью распространенія здѣсь молоканства; но это были большею частію отдѣльныя личности, совершенно терявшіяся въ общей массѣ старообрядцевъ. Въ 20 годахъ текущаго столѣтія, въ то же Тяглое Озеро явился другой послѣдователь Уклеина, М. А. Поповъ, который обратилъ главное вниманіе на практическое примѣненіе къ жизни религіозныхъ принциповъ. И въ Тягломъ Озерѣ, и Яблоновомъ Врагѣ появилась новая секта *общихъ*, въ которую почти цѣликомъ вступили оба селенія. Поповъ организовалъ здѣсь нѣчто въ родѣ коммуны. Работа производилась у послѣдователей сообща за счетъ всей общины; отдѣльныя братства получали все необходимое для жизни изъ общественныхъ магазиновъ и складовъ, а затѣмъ распредѣляли между отдѣльными членами. Общественный магазинъ пополнялся взносомъ 10-й части дохода отдѣльныхъ домохозяевъ: десятый рубль изъ прибыли — общій, десятый пудъ — ссыпай въ общій амбаръ. Хлѣбъ и деньги шли на сиротъ и калѣкъ. Было установлено строгое распредѣленіе обязанностей и работъ; для наблюденія и распоряженія всѣмъ, былъ учрежденъ цѣлый штатъ чиновъ, изъ которыхъ одинъ завѣдывалъ полевымъ хозяйствомъ, другой скотоводствомъ, третій—женщины—приготовленіемъ пищи, одежды и т. п. Чины мужчинъ, для большаго уясненія обязанностей, были переведены на болѣе ясный и упрощенный языкъ: очи назывались *видѣтелемъ*, уши—*жертвенникомъ*, ноги—*распорядителемъ*, уста—*молитвенникомъ*, языкъ—*словесникомъ*, голова—*мысленникомъ*, сердце—*тайникомъ*. Въ первые годы своего существованія, община была прочна. Но трудно допустить,

---

[1]) „Самар. епарх. вѣд." 1868 г.. статья бывш. свящ. о. *Люцернова*.

Digitized by Google

чтобы секта могла просуществовать многіе годы, такъ какъ коммунальная жизнь еще въ началѣ стала для крестьянъ невыносима, при невѣжествѣ населенія и невысокомъ уровнѣ его нравственныхъ чувствъ [1]). У сектантовъ не было интеллигенціи,—той живой, дѣятельной творческой силы, которая могла бы все оживотворять, поддерживать колеблющихся и направлять заблуждающихся. Причиною возникновенія секты была сознанная необходимость расширить умственный кругозоръ послѣдователей путемъ свободнаго толкованія священнаго писанія и примѣненія евангельскихъ принциповъ къ жизни; а между тѣмъ тотъ же Поповъ на практикѣ сталъ развивать какъ разъ противоположный принципъ, — принципъ нетерпимости. У «общихъ» не было свободы толкованія священнаго писанія, а каждый былъ обязанъ вѣрить особому чину — «*судьбѣ*» и признавать истиннымъ только его толкованіе, хотя бы оно совсѣмъ не согласовалось съ его личнымъ убѣжденіемъ. Къ тому же, въ 30-хъ годахъ, тяглоозерскіе «общіе», вмѣстѣ съ Поповымъ, были преданы суду за «вредное ученіе» и Поповъ былъ сосланъ вмѣстѣ съ 13 товарищами-пропагандистами въ Закавказье, въ шемахинскій уѣздъ, гдѣ на рѣчкѣ Агачѣ ссыльные основали деревню Николаевку, разросшуюся теперь до 130 семей, благодаря переселенію къ нимъ другихъ поселенцевъ-молоканъ. Въ 1844 году, Поповъ былъ снова сосланъ въ восточную Сибирь, въ минусинскій уѣздъ енисейской губерніи, въ Шушинскую волость, гдѣ онъ и умеръ старикомъ въ 70-хъ годахъ. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ основанія деревни Николаевки, по словамъ г. Максимова, тяглоозерскіе сектанты, «тоскуя о своихъ братьяхъ», пожелали узнать: устояли ли сосланные «общіе» въ своемъ ученіи, не измѣнили ли ему ради житейскихъ невзгодъ и лишеній? Собрались, потолковали, и рѣшили отправить въ Закавказье ходока посмотрѣть, поспрошать и оповѣстить обо всемъ, что узнаетъ. Ходокъ написалъ съ Кавказа на родину письмо: «Живутъ наши старички—въ одной избѣ, всѣ 13 вмѣстѣ; завели 3 лошади—одну кривую, да двѣ обезножѣли; на нихъ и землю пашутъ по очереди, но всѣ вмѣстѣ. Живутъ крѣпко-нужно, а расходиться не думаютъ; лучше-де въ сырую землю отъ бѣды ляжемъ, а общаго нашего дѣла рушить не станемъ. Краше такого житья и желать не надо». Ходокъ этотъ такъ домой и не вернулся и выписалъ къ себѣ свою семью. Г. Максимовъ лично посѣтилъ д. Николаевку въ концѣ 60-хъ годовъ. Ссыльные поселены на нездоровомъ мѣстѣ, посреди мусульманскаго населенія; но, не смотря на то, деревня, благодаря трудолюбію поселенцевъ, производитъ хорошее впечатлѣніе. Тщательная двойная обработка земли даетъ два раза въ году хорошій урожай хлѣбовъ. По пріѣздѣ г. Максимова въ деревню, «общіе» собрались всѣ, и мужчины, и женщины, и запѣли псаломный стихъ, переложенный на русскій языкъ. «Пѣніе шло стройно съ особенной торжественностью». Въ основныхъ тонахъ слышалась та заунывная грусть,

[1]) *Л. Абрамовъ*, „Отеч. Зап." 1882 г., кн. 1. — *Юзовъ*: „Русск. диссиденты", 165.

Digitized by Google

которою такъ богаты всѣ коренныя народныя пѣсни. Пѣніе «общихъ» также непріятно щемило сердце, надрывало душу: мы находились подъ какимъ-то свѣжимъ, но тоскливымъ обаяніемъ. Напѣвъ «общихъ»—что-то новое, своеобразное и самобытное».

— Вотъ тутъ и вся наша вѣра!—заключилъ самый старшій.

Тотъ же старшій изложилъ Максимову суть ученія *общихъ*. «Ни святокъ, ни масляницы у насъ нѣтъ; замѣсто пѣсенъ—наши стихи пѣть, замѣсто плясокъ—рукодѣльемъ заниматься. Кто охотникъ сказки разсказывать, тотъ евангеліе читай. Трезвая жизнь, и чтобы ни капли вина въ ротъ не брать, хотя на вино у насъ запрещенія не положено».

Другъ друга «общіе» ласково называютъ братьями, друзьями, голубчиками, какъ будто именъ не знаютъ и знать не хотятъ. Однако, въ послѣднее время, въ средѣ «общихъ» стали обнаруживаться признаки разложенія общины. Молокане про «общихъ» говорятъ: «тѣ изъ нихъ, которые не живутъ въ Николаевкѣ, стали браться за чарку, въ особенности молодые. Согласія у нихъ стало мало, какъ Попова въ ссылку угнали: овцы безъ пастыря! Не знаютъ, что изъ пищи запретнымъ полагать. На сахаръ, на хлѣбъ наложили запрещеніе. Десятина у нихъ не вездѣ соблюдается... Общественныхъ обѣдовъ не стало, а бываютъ только на случай поминокъ по усопшимъ, но не обязательны. Праздничные столы—отдѣльные, по семействамъ [1])». Хотя знаніе и было у нихъ обязательно, но они охотнѣе учатъ церковной, чѣмъ гражданской азбукѣ. Учить начинаютъ поздно и учатъ сами, кое-какъ; дальше умѣнья читать не ведутъ. Письменныхъ—мало. «Писать,—говорятъ,—намъ нечего». Главное, учатъ читать евангеліе.

Признаки разложенія сектантскихъ общинъ мы замѣтили всюду, гдѣ строгій ригоризмъ въ жизни возведенъ въ принципъ, напримѣръ, даже и у менонитовъ. И у этихъ послѣднихъ молодежь, отправляясь въ русскія селенія на базары, стала придерживаться чарочки; придерживаются ея и семейные въ самой общинѣ. У рѣдкаго менонита въ сундукѣ не сохраняется бутылка «очищенной». Разложенію этихъ общинъ содѣйствуетъ, съ другой стороны, и отсутствіе въ средѣ членовъ всякихъ умственныхъ интересовъ и вообще знаній. Все держится стариной, традиціями.

Въ настоящее время, ни въ Тягломъ Озерѣ, ни въ Яблоновомъ Врагѣ, изъ «общихъ» не осталось ни одного человѣка, но большинство изъ нихъ перешло въ молоканство. Въ первомъ изъ этихъ селеній, молоканъ числится 128 дворовъ въ числѣ 874 душъ обоего пола, въ послѣднемъ—77 дворовъ съ 497 душами; кромѣ того, въ обоихъ селеніяхъ числится человѣкъ 20 баптистовъ. Въ настоящее время, однако и здѣсь молоканство сдѣлало шагъ впередъ въ обрядовомъ богослуженіи. Многіе изъ тяглоозерскихъ молоканъ стали больше тянуть къ такъ называемому *Родіонову* согласію, которое совершенно отрицательно относится къ библіи, признавая библейскія пѣсни устарѣвшими и не отвѣчающими цѣлямъ и стремленіямъ вѣрующихъ; поэтому молоканскіе пресвитеры со-

[1]) „Дѣло“ 1867 г., кн. 6, ст. „За Кавказомъ“.

Digitized by Google

ставили свои собственныя пѣсни и стихи. Не смотря на то, что тяглоозерскіе крестьяне владѣютъ всего по 2,8 десятинъ на ревизскую душу, они живутъ довольно зажиточно, чему обязаны главнымъ образомъ своему необычайному трудолюбію и тщательной обработкѣ арендуемой земли. Грамотность у нихъ въ большомъ почетѣ, такъ что грамотное населеніе составляетъ 30 проц. общаго числа населенія, чего мы нигдѣ въ уѣздѣ почти не встрѣчаемъ. Посѣянное Поповымъ зерно не пропало безслѣдно, а принесло извѣстный плодъ, которымъ воспользовались другіе. Въ 1858 году, секта «общихъ» опять возродилась съ новою силой въ слободѣ Малоузенской, новоузенскаго уѣзда, благодаря энергіи крестьянин-Ивана Григорьева. Этотъ крестьянинъ-самородокъ—весьма незаурядная личность. По словамъ мѣстнаго священника о. Серебрякова, Григорьевъ—уроженецъ слободы Александрова Гая. Какъ прошло его дѣтство, гдѣ онъ получилъ первоначальное образованіе, въ народѣ не сохранилось никакихъ воспоминаній; извѣстно только, что онъ служилъ солдатомъ на Кавказѣ, откуда бѣжалъ въ Турцію, въ Тульчу. По словамъ самого Григорьева, молоканству онъ научился на границѣ Персіи отъ живущихъ тамъ молоканъ; но есть преданіе, что онъ жилъ нѣкоторое время у *общихъ* въ д. Николаевкѣ, откуда и вынесъ, вѣроятно, свое ученіе. Въ 1858 году, Григорьевъ неожиданно явился въ Самару, гдѣ, по ходатайству одного вліятельнаго молокана, добылъ билетъ на проживаніе въ слободѣ Орловомъ Гаѣ, новоузенскаго же уѣзда. Молодой, средняго роста, очень красивый собой, съ большими выразительными глазами, Иванъ Григорьевъ производилъ на крестьянъ чарующее впечатлѣніе; къ тому же онъ обладалъ особымъ даромъ—говорить умно, убѣдительно, краснорѣчиво; пѣлъ прекрасно: густымъ, пріятнымъ басомъ. Молоканы называли его «сладкопѣвцемъ» и «святодухомъ». Мекензи Уэллесъ, лично посѣтившій Александровогайскую слободу въ началѣ 70-хъ годовъ, слышалъ разсказы крестьянъ объ Иванѣ Григорьевѣ, какъ о человѣкѣ образованномъ, «обладавшемъ удивительнымъ даромъ говорить съ народомъ. Никто такъ хорошо не умѣлъ говорить съ народомъ, какъ онъ. Его понимали и старые, и малые». Уэллесъ возъимѣлъ было желаніе повидаться съ Григорьевымъ, но не могъ: послѣдній сидѣлъ въ то время въ новоузенскомъ острогѣ за проживаніе съ фальшивымъ паспортомъ [1]). Живя въ Орловомъ Гаѣ, Григорьевъ бывалъ на молоканскихъ собраніяхъ, посѣщалъ и окрестныя молоканскія селенія, напр., въ крѣпости Узенѣ; былъ также въ Маломъ Узенѣ, у крестьянина-начетчика Ѳедора Мельникова, впослѣдствіи пресвитера секты «общихъ». Священникъ донесъ на Григорьева епархіальному начальству, но послѣднее «не обратило на это никакого вниманія, отчего основанная Григорьевымъ секта распространилась и укоренилась». Сначала въ Орловомъ Гаѣ, а потомъ и въ Маломъ Узенѣ, Григорьевъ основалъ секту «общихъ». Основаніемъ ея послужилъ стихъ Дѣяній апостольскихъ: «всѣ вѣровавшіи бяху вкупѣ и имяху вся *общая*». Послѣдователи ея, въ числѣ болѣе чѣмъ 200 человѣкъ,

[1]) „Russia", vol. I, ed. 1878, p. 132—134.

Digitized by Google

оставивъ или совсѣмъ распродавъ свои дома, сошлись жить по нѣсколько семей вмѣстѣ, стали работать коллективнымъ трудомъ, сложили всѣ свои пожитки вмѣстѣ въ одинъ общественный домъ. Бѣднѣйшія семьи большею частью сходились жить вмѣстѣ съ зажиточными и работали у нихъ, не заботясь отдѣльно ни о чемъ, будучи удовлетворяемы богатыми во всѣхъ своихъ потребностяхъ пищей, одеждой и пр. Въ основанную общественную кассу каждый вносилъ $^1/_{10}$ часть своихъ доходовъ—къ пресвитеру-крестьянину, Ѳедору Мельникову. Эти деньги шли на удовлетвореніе общественныхъ потребностей, «ихъ же аще кто требовавше»; тѣмъ, кто отказывалъ жертвовать отъ имѣнія своего и денегъ, община угрожала участью Ананіи и Сапфиры. Однако, спустя годъ или два послѣ основанія секты, послѣдователи нашли общежитіе неудобнымъ и потому всѣ разошлись по своимъ домамъ, оставивъ въ силѣ одинъ коллективный полевой трудъ. Иванъ Григорьевъ учредилъ только одну кружку, въ которую каждый домохозяинъ обязанъ былъ вносить *жертву* ко святымъ, согласно одному тексту Дѣяній апостольскихъ: «при сборѣ для святыхъ поступайте такъ, какъ я установилъ въ церквяхъ галатійскихъ: въ первый день недѣли каждый изъ васъ пусть отлагаетъ у себя и сберегаетъ, сколько позволитъ ему состояніе» (1-е посл. корине., гл. 16, ст. 1—2). Но только жертвенная сумма предназначалась не для отсылки въ Іерусалимъ, какъ значилось въ Дѣян. апостольскихъ, а для бѣдныхъ. Получившій пособіе обязанъ былъ несть тяготу, т. е. помогать другимъ трудомъ и поститься въ теченіе 2 недѣль, по слову писанія: «другъ друга тяготы носите».

Тяглоозерскіе общіе не имѣли опредѣленнаго представленія о догматической сторонѣ своего ученія, малоузенскіе—старались формулировать ученіе болѣе опредѣленнымъ образомъ. Основные догматы этого ученія заключались въ слѣдующемъ:

1) Адамъ созданъ не по образу божію, а былъ только первый человѣкъ грѣха. Были люди и до Адама. 2) Адамъ и Ева въ раю не были, не было и древа познанія добра и зла, какъ не было ангеловъ и дьяволовъ. 3) Чудесъ тоже никакихъ не было, а тамъ, гдѣ говорится о нихъ, надо разумѣть иносказательно, духовно. Подъ насыщеніемъ 5,000 хлѣбами надо разумѣть насыщеніе словомъ божіимъ. 4) Втораго пришествія сына божія не будетъ, потому что оно было уже въ Іерусалимѣ для Израиля. Будущаго суда тоже не будетъ, ибо люди переродились къ лучшей жизни, поэтому они—сами всѣ—судьи, цари, іереи. 5) Родителей земныхъ не признаёмъ, а признаёмъ одного отца небеснаго. Браковъ тоже не признаёмъ, поэтому названія мужа и жены не существуетъ, а называемъ другъ друга братьями, сестрами и т. д.

Вся обрядовая сторона ученія заключается въ пѣніи псалмовъ всѣми присутствующими. Когда пресвитеръ читаетъ молитвы, то всѣ присутствующіе вмѣстѣ съ пресвитеромъ становятся на колѣни, читаютъ Отче Нашъ и псалмы 3, 5, 6, 8 и 50 [1]). Но поютъ стихи и собственнаго сочиненія, въ родѣ, напр., слѣдующаго:

[1]) „Самарск. епарх. вѣд.“ 1859 г., № 20.

Digitized by Google

«Ты, нашъ батюшка-отецъ,
Собери своихъ овецъ!
Мы живемъ среди волковъ;
Они насъ рвутъ, терзаютъ,
Въ темны остроги сажаютъ;
Они Богу досаждаютъ,
Ко злому дѣлу научаютъ.
Ко злому дѣлу не хотимъ,
Въ раи Господень покатимъ».

Въ 1860 году, Иванъ Григорьевъ вздумалъ отправиться за границу, главнымъ образомъ въ Америку, съ цѣлью ознакомленія съ ученіемъ методистовъ и баптистовъ. Въ его отсутствіе, между сектантами произошло разногласіе по поводу обрядовой стороны ученія: часть прозелитовъ считала недостаточнымъ при богослуженіи ограниваться однимъ пѣніемъ стиховъ и толкованіемъ священнаго писанія, а признавала необходимымъ при пѣніи *прыганіе*, и люди прыгавшіе назывались духовидцами. Мѣстный священникъ о. Серебряковъ считаетъ причинами, вызвавшими это явленіе—посты, продолжавшіеся до 2 недѣль. «Люди сидѣли безъ пищи и питья, что̀ сильно должно было дѣйствовать на ихъ разстроенное воображеніе. Появились апостолы и пророки. Пророчицей въ Маломъ Узенѣ была крестьянка Васса Захарова. При чтеніи библіи и пѣніи псалмовъ, люди соскакивали съ своихъ мѣстъ и, при восклицаніи: «восклйкните Богу гласомъ радованія», вдругъ всѣ чувствовали въ себѣ какое-то вѣяніе св. Духа и не могли отъ радости удержаться, чтобъ не прыгать. Прыганье, помнится мнѣ, въ то время до такой степени было развито въ населеніи, что усерднѣйшіе прыгуны не расходились изъ молитвеннаго дома, прыгая по цѣлымъ суткамъ и истощая себя постомъ» [1]).

Черезъ два года, Иванъ Григорьевъ вернулся изъ-за границы, называя себя уже не русскимъ крестьяниномъ, а американскимъ подданнымъ и методистомъ, какъ у него и значилось въ паспортѣ. Появившемуся среди сектантовъ прыганью Григорьевъ не противодѣйствовалъ, а только еще съ бо̀льшей энергіей принялся за пропаганду своего ученія. Онъ на время поселился въ Орловомъ Гаѣ съ цѣлью вербовать себѣ послѣдователей, благо почва для этого была уже заранѣе подготовлена крестьяниномъ Олимпіемъ Шевердяевымъ, переселившимся сюда изъ тамбовской губерніи и распространившимъ здѣсь секту «молоканъ-воскресенниковъ». Григорьевъ поставилъ здѣсь трехъ пресвитеровъ: Егора Капунова, Ивана Лопатина и Степана Крайнева. Начавшееся вскорѣ опять преслѣдованіе сектантовъ принудило его бѣжать въ Одессу, откуда онъ письменно не переставалъ поддерживать энергію въ своихъ послѣдователяхъ. Иванъ Григорьевъ до послѣдняго времени жилъ въ городѣ Новоузенскѣ, оставаясь по вѣрѣ методистомъ и, по словамъ однихъ, занимаясь содержаніемъ постоялаго двора, а по словамъ другихъ—содержаніемъ кабака. Мекензи Уэллесъ говоритъ,

[1]) Взято изъ церковной лѣтописи слободы Малаго Узеня.

Digitized by Google

что Григорьевъ проповѣдывалъ свободную любовь, но при всемъ томъ признаетъ несправедливымъ обвиненіе его въ обманѣ, какъ человѣка, исключительно преслѣдующаго свои личные интересы. По его словамъ, Григорьевъ искренно вѣрилъ, что осуществленіе его коммунистическихъ плановъ было бы благодѣтельно для народа. «Невѣроятное и удивительное смѣшеніе пророка, соціальнаго реформатора и въ то же время коварнаго обманщика»! восклицаетъ Уэллесъ; невѣроятное тѣмъ болѣе,—скажемъ мы отъ себя,—что послѣ смерти Ивана Григорьева, 3—4 года тому назадъ, малоузенскіе, куриловскіе и орловогайскіе сектанты признали своимъ главой и руководителемъ сына Григорьева, Ивана, называемаго послѣдователями «сыномъ божіимъ». Это—богатый и вліятельный въ слободѣ баптистъ.

Въ концѣ концовъ, какъ мы сказали выше, секта «общихъ» распалась и замѣнилась молоканствомъ и баптизмомъ. Послѣдователи ея, вѣроятно изъ боязни преслѣдованія, стали называться *мормонами*, которыхъ въ николаевскомъ и новоузенскомъ уѣздахъ числится теперь 105 человѣкъ. Эти послѣдніе имѣютъ однако нѣкоторыя черты, аналогичныя съ настоящимъ мормонствомъ, какъ напр., проповѣдь свободной любви, слѣдствіемъ чего является и многоженство, выборъ апостоловъ и т. п. Когда вы обратитесь къ его послѣдователямъ съ вопросомъ: откуда явилась эта секта? они отвѣчаютъ—«изъ Америки», что̀ и неудивительно, такъ какъ нѣкоторые изъ русскихъ сектантовъ, напримѣръ, вышеупомянутый Иванъ Григорьевъ, ѣздили въ Америку для изученія тамошняго сектантства.

Въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ прежде существовала секта «общихъ», преобладающее значеніе осталось теперь за молоканствомъ. По церковной лѣтописи слободы Орлова-Гая, молоканъ состояло здѣсь на лицо (въ 1868 году) 604 души обоего пола, а черезъ 10 лѣтъ (т. е. въ 1888 г.), по тѣмъ же даннымъ, число ихъ въ той же слободѣ возросло до 1,082 человѣкъ. Въ Маломъ Узенѣ молоканъ числится теперь 312 душъ и баптистовъ 16 человѣкъ; распространенію послѣднихъ особенно содѣйствовалъ крестьянинъ Василій Павловъ, который крестилъ своихъ новообращенныхъ въ рѣкѣ, чрезъ погруженіе, хотя бы то и зимой.

IV.

Общее заключеніе о сектантахъ и раскольникахъ.

Усиленное распространеніе раскола въ самарскомъ краѣ относится къ началу 60-хъ годовъ текущаго столѣтія, ко времени реформы 19-го февраля, когда въ самарскій край нахлынули массы новыхъ переселенцевъ изъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ-раскольниковъ. Реформа 19-го февраля произвела совершенный переворотъ въ нравственно-религіозномъ міросозерцаніи крестьянскаго населенія. Со свободой физической крестьяне связывали въ

Digitized by Google

своемъ умѣ представленіе о свободѣ нравственно-религіозной. У крестьянъ б. помѣщичьихъ с. Натальина (новоузенскаго уѣзда), въ числѣ 413 душъ обоего пола, тотчасъ же послѣ выхода изъ обязательныхъ отношеній къ своему владѣльцу г. Давыдову, проявилось стремленіе къ юридическому признанію за ними правъ, какъ раскольниковъ поморскаго толка. «Довольно намъ было истязаній,—говорили они миссіонеру-священнику:—и ссылали насъ въ другія вотчины, и били, и увѣчили безъ милосердія; теперь стали свободны, не желаемъ слушать увѣщаній духовенства, какихъ довольно наслушались въ барщинное время». Священникъ началъ было ихъ увѣщевать, но они твердили одно: «нынѣ отъ начальства ничего нѣтъ никому, какъ бывало при барщинѣ, всякъ воленъ спасаться по своему умѣнью; насильно къ церкви не принудишь и свое дитя. Мы издавна были такіе, а принадлежали къ церкви по страху отъ господина и примѣняли свой законъ нужды ради». Желавшихъ отпасть въ расколъ въ одномъ этомъ селеніи оказалось 459 человѣкъ. Точно также и субботники села Павлова (бузулукскаго уѣзда) прямо заявили пріѣхавшему къ нимъ миссіонеру, что «теперь не тѣ времена, — теперь дана воля вѣрить кому какъ угодно». Въ 1862—63 г., вскорѣ послѣ прочтенія въ церквяхъ манифеста 19-го февраля, крестьяне селеній *Березоваго Яра*, *Пановки* (*Чиржовки*), *Натальина*, *Никольской*, *Нижняго Санчелѣева*, *Новыхъ Костычей*, *Кашпѣровыхъ хуторовъ*, *Луговой Александровки* и *Троицкаго* подали самарскому губернатору прошеніе объ «отпискѣ изъ православія». Мотивомъ къ переходу въ расколъ служили не только право каждаго «свободно вѣровать», но и причины чисто экономическаго свойства: съ переходомъ-де въ расколъ крестьяне «будутъ освобождены отъ всѣхъ повинностей, и они будутъ богаты». Само епархіальное начальство старается объяснить стремленіе крестьянъ къ перечисленію въ расколъ слѣдствіемъ опрометчивости чиновника, посланнаго для разслѣдованія на мѣстѣ причинъ заявленнаго крестьянами желанія перечислиться въ расколъ. Отыскивая по домамъ такихъ крестьянъ, чиновникъ дозволилъ себѣ въ каждомъ домѣ, вызывая хозяевъ, спрашивать: «кто еще хочетъ отписаться въ расколъ?» Хозяева въ громадномъ количествѣ заявляли объ этомъ желаніи записаться въ списокъ раскольниковъ. Фактъ массоваго отложенія крестьянъ отъ православія нельзя, конечно, объяснять какой-то внѣшней, случайной причиной: фактъ этотъ скорѣе объясняется тѣмъ, что крестьяне уже заранѣе подготовлены пропагандой — отнестись совершенно отрицательно къ той самой вѣрѣ, въ которую они были крещены въ дѣтствѣ, и весьма благопріятно относились къ расколу. Массовое обращеніе крестьянъ въ расколъ, въ описываемое и въ послѣдующее время, встрѣчается и во многихъ другихъ селеніяхъ. Въ 1863 году, крестьяне села *Аннина Верха*, николаевскаго уѣзда, подали самарскому губернатору заявленіе о томъ, что «ихъ утвердилъ въ молоканской сектѣ своими поученіями мѣстный священникъ о. Іосифъ Андреевъ, который училъ, что «Богъ не во ощутительности или явѣ всему творенію его предвидѣлъ (?). Онъ есть безтѣлесный, невидимый и непостижимый духъ, которому и кла-

Digitized by Google

няться должно духомъ и истиною». При этомъ крестьяне извѣщаютъ губернатора, что «отъ приходскихъ священниковъ и распоряженій ихъ надъ ними они рѣшительно отказываются и въ дома свои съ требами пускать не будутъ, а потому просятъ оставить ихъ безъ преслѣдованія со стороны гражданскихъ и духовныхъ властей, а также просятъ отвести имъ особое отъ православныхъ кладбище» [1]).

Въ 1877 г., священникъ-миссіонеръ сообщилъ архіерею, что крестьяне села *Крѣпости Узеня* новоузенскаго уѣзда, состоящаго изъ 300 домохозяевъ, «прежде отличались отъ другихъ селеній чистотою православія, своею религіозностью и усердіемъ къ храму божію... Теперь заблужденіе молоканской ереси охватило все селеніе, проникло въ самый корень его. Многіе 60-лѣтніе старики стали смотрѣть на православіе съ подозрѣніемъ и недовѣріемъ» [2]). Уже на нашихъ глазахъ, въ 80-хъ годахъ, крестьяне двухъ селеній: *Елатмонки* и *Старовѣровки*, бугурусланскаго уѣзда, въ числѣ 330 дворовъ, всѣ поголовно обратились въ расколъ; въ Елатмонкѣ, изъ 185 семей считается православной только одна семья волостнаго писаря. Всѣ они—бѣглопоповцы, кромѣ 15 семей австрійской секты [3]). Въ селеніяхъ *Васильевкѣ* и *Балахоновкѣ*, въ послѣднее время, появилось много бѣглопоповцевъ. Въ 1889 году, по пріѣздѣ туда миссіонера о. Бѣльскаго, раскольники, «освѣдомившись о личности миссіонера, заявили ему, что истины православной вѣры имъ извѣстны и безъ него, миссіонера, и потому на бесѣды не ходятъ». Въ 1886 г. въ губерніи появилась секта *пашковская* и *голубчиковъ;* въ 1888 году, въ николаевскомъ и новоузенскомъ уѣздахъ, стали появляться *методисты*, а въ селеніяхъ Палимовкѣ и Александровкѣ, бузулукскаго уѣзда, и въ селѣ Константиновкѣ, николаевскаго уѣзда, обнаружились слѣды хлыстовщины, распространяемой крестьянкой Ефросиніей Ефремовой, называемой сектантами божіей матерью. Полиціей обнаружено, что собранія сектантовъ происходятъ ночью передъ праздниками и сопровождаются пѣніемъ хлыстовскихъ стиховъ, бѣганьемъ и кружеиьемъ въ одномъ нижнемъ бѣльѣ съ произнесеніемъ: «духъ, духъ»!

Какъ видимъ, расколъ въ самарскомъ краѣ не только не уменьшается, а съ каждымъ годомъ растетъ все болѣе и болѣе, что̀ именно доказываютъ отчеты самарскаго комитета православнаго миссіонерскаго общества, печатающіеся въ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ. Пользуясь этого рода данными о числѣ раскольниковъ въ самарской губерніи, мы составимъ таблицу количественнаго возрастанія раскольниковъ по годамъ, начиная съ 1878 года.

Число раскольниковъ (по свѣдѣніямъ «Сам. епарх. вѣдом.»):

---

[1]) „Изъ исторіи раскола самар. епархіи", свящ. о. *Гребнева*, въ „Епарх. вѣд." 1887 г., № 6.

[2]) „Самарск. епарх. вѣд.» 1878 г., № 13.

[3]) Ibid., 1890 г., № 6.

Digitized by Google

Годъ.	Мужскаго пола.	Женскаго пола.	Обоего пола.
1878	25,685	26,870	52,555
1879	25,810	27,957	53,767
1880	28,025	30,509	58,534
1881	29,801	32,212	62,013
1882	27,049	30,665	57,714
1883	32,740	35,517	68,257
1884	31,635	34,317	65,952
1885	35,419	38,689	74,108
1886	37,764	40,432	78,196
1888	37,676	40,310	77,986
1889	»	»	80,607

Изъ этой таблицы видно, что въ теченіе 12 послѣднихъ лѣтъ количество раскольниковъ въ губерніи возросло на 28,052, или на 52,3 проц. Мы должны однако признать наиболѣе близкими къ истинѣ данныя самарскаго статистическаго комитета, который доводитъ цифру раскольниковъ въ 1889 г. до 96,839 душъ обоего пола, что составитъ 3,7 проц. къ общему числу крестьянскаго населенія въ губерніи [1]). Мы говоримъ: «наиболѣе близкими», но невполнѣ соотвѣтствующими дѣйствительности, такъ какъ нѣкоторые сектанты, изъ послѣдователей ересей мистическаго направленія, вовсе скрываютъ свою принадлежность къ сектантству и такимъ образомъ не входятъ въ общее исчисленіе раскольниковъ [2]); поэтому общее число раскольниковъ смѣло можно поднять до 100 тысячъ душъ. Въ самомъ городѣ Самарѣ и его уѣздѣ,—вопреки увѣренію отчета, что съ открытіемъ публичныхъ собесѣдованій пропаганда сектантовъ «довольно утратила силы и значенія между простаками и колеблющимися въ вѣрѣ православными» [3])—расколъ нимало не уменьшился, а возрастаетъ въ той же прогрессіи, какъ и во всей губерніи вообще. Такъ, по свѣдѣніямъ епархіальныхъ вѣдомостей, раскольниковъ числилось, въ 1880 году, въ самарскомъ уѣздѣ 11,401 душа обоего пола, а въ 1886 г. число ихъ возросло уже до 13,890 душъ, т. е. *въ пятилѣтіе увеличилось на 2,489 душъ, или на 21 проц.*

Вышеприведенная таблица оказывается весьма интересной еще и въ томъ отношеніи, что въ ней замѣчается преобладаніе женскаго раскольничьяго элемента надъ мужскимъ, такъ что въ пятилѣтіе, начиная съ 1878 и по 1882 годъ включительно, раскольничій женскій элементъ возросъ по отношенію къ мужскому на 2,1 проц. Это явленіе находитъ свое объясненіе въ тяжеломъ семейномъ и общественномъ положеніи крестьянской женщины, обыкновенно считающейся неразумнымъ малолѣткомъ въ семьѣ, рабой и угодницей домовладыки-мужа. Обращаясь въ сектантство, она становится равноправной и болѣе независимой, если не въ семьѣ, то, по крайнѣй мѣрѣ, въ обществѣ, дѣлаясь «пророчицей»

[1]) „Списокъ населен. мѣстъ самар. губ." 1890 г., стр. XIII.

[2]) Изъ рукописнаго отчета епарх. начальства за 1888 г.

[3]) „Самар. епарх. вѣд." 1872 г. № 24.

Digitized by Google

и проповѣдницей, т. е. проводникомъ въ народную среду сектантскихъ идей. Неудивительно поэтому, что въ самарскомъ краѣ крестьянскія женщины, обращаясь въ расколъ и сектантство, всегда становятся его ярыми прозелитками и пропагандистками.

Какого рода сектантство распространено въ самарской губерніи, видно изъ нижеслѣдующихъ данныхъ, заимствованныхъ нами частію изъ земскихъ статистическихъ сборниковъ, частію изъ поселенныхъ бланокъ статистическаго бюро, до сихъ поръ еще не утилизированныхъ.

Безпоповцевъ и бѣглопоповцевъ. . . .	39,085	об. пола.	51,5
» молоканъ.	13,022	» »	17,1
» австрійской секты. . .	7,827	» »	10,3
» монтанъ или хлыстовъ	7,410	» »	9,1
» » поморц. »	4,860	» »	6,4
» штундистовъ »	1,442		
» некудышниковъ »	1,243		
Субботниковъ или жидовствующихъ . .	614	» »	5
Баптистовъ и методистовъ	254		
» мормоновъ (общихъ) . .	105		
	75,862 [1])		

Принимая во вниманіе цифровыя данныя о количествѣ послѣдователей однихъ раціоналистическихъ сектъ безъ старообрядцевъ, мы найдемъ, что первые составляютъ 21,9 % къ общему числу сектантовъ въ губерніи. Всѣ они пополняются изъ многоземельныхъ крестьянъ, бывшихъ государственныхъ, переселившихся сюда изъ губерній: тамбовской, пензенской и нижегородской; тогда какъ большинство послѣдователей старообрядческихъ сектъ состоитъ почти исключительно изъ малоземельныхъ крестьянъ, бывшихъ удѣльныхъ и помѣщичьихъ. Замѣчательно, что къ молоканской и субботнической сектамъ, кромѣ русскихъ, немало принадлежитъ мордвы (особенно къ субботникамъ), но ни одинъ мордвинъ не придерживается старообрядчества.

Большинство самарскихъ миссіонеровъ видятъ причину «упорства» раскольниковъ: во 1) въ попущеніи раскольникамъ слишкомъ преувеличенно пользоваться данными закономъ 3 мая 1886 г. льготами по отправленію богослуженія; во 2) въ «толкахъ нѣкоторыхъ органовъ либеральной печати, доселѣ еще восхищающихся религіозно-нравственнымъ состояніемъ мнимо-старообрядцевъ» [2]). Не прочь бросить камнемъ «въ такъ называемый образованный классъ общества» и г. Рождественскій, авторъ книги «*Южнорусскій штундизмъ*», который видитъ причину распространенія раскола отчасти и въ «дурномъ вліяніи образованнаго класса». Логика у г. Рождественскаго замѣчательна. Одно и то же соціальное явленіе, какъ напримѣръ, русскій расколъ, онъ приписы-

[1]) Здѣсь не зарегистрованы данныя о числѣ раскольниковъ по самарскому уѣзду и вообще по всѣмъ городамъ въ губерніи.

[2]) См. Отчетъ самар. епарх. комит. правосл. миссіонер. общ. за 1886 г.

Digitized by Google

ваетъ вліянію двухъ совершенно противоположныхъ и одна другую исключающихъ причинъ. Такъ, расколъ вызвали къ жизни, по его мнѣнію: «съ одной стороны, распространеніе въ средѣ народа св. писанія на русскомъ языкѣ и развитіе грамотности», а съ другой—причиною его распространенія онъ считаетъ «невѣжество и малораспространенность народной школы» [1]). По мнѣнію нашихъ самарскихъ миссіонеровъ, «для разсѣянія раскольничьихъ заблужденій», достаточно однихъ обличительныхъ и поучительныхъ бесѣдъ съ раскольниками и примѣненія къ нимъ строгихъ полицейскихъ мѣръ. Однако, просматривая отчеты о дѣятельности миссіонеровъ въ самарскомъ краѣ, мы убѣждаемся, что въ этой области не все обстоитъ благополучно. Миссіонеръ Муравьевъ, мѣщанинъ г. Николаевска, которому за миссіонерскую дѣятельность комитетъ самарскаго «православнаго миссіонерскаго общества» нѣсколько лѣтъ сряду ежегодно платитъ по 180 руб., говоритъ, что «бѣглопоповцы и поморцы нерѣдко высказывали ему, Муравьеву, сознаніе послѣ его бесѣдъ съ ними, что безъ церкви и законнаго священства дѣйствительно спастись невозможно» [2]). Между тѣмъ, эта похвальба невѣжественнаго миссіонера-мѣщанина оказалась вздоромъ, такъ какъ въ слѣдующемъ же году комитетъ не сталъ выдавать ему за миссіонерство ни копѣйки, такъ какъ онъ оказался «малоспособнымъ къ миссіонерству» [3]). Но дѣло вовсе не въ этомъ. Мы считаемъ нужнымъ обратить вниманіе на одно рѣзко выдающееся явленіе въ области сектантства: это наклонность всѣхъ сектантовъ къ формамъ хлыстовщины. Даже болѣе раціоналистическія секты, напримѣръ, молоканство и субботничество, стали прибѣгать къ «радѣнію», къ прыганью и бичеванію въ общественныхъ собраніяхъ. Новоузенскіе нѣмцы такъ и называютъ своихъ молоканъ «танцующими». Это направленіе въ обрядовой сторонѣ раціоналистическихъ и старообрядческихъ сектъ было подмѣчено еще 10 лѣтъ тому назадъ бывшимъ профессоромъ гейдельбергскаго университета Эшеромъ, посѣтившимъ лично новоузенскихъ молоканъ въ 1879 году. «Религія молоканъ,—говоритъ онъ,—носитъ слѣды того источника, изъ котораго произошла, т. е. ученія англійскихъ квакеровъ въ Москвѣ и іудейской секты. Они (молокане) составляютъ ничто иное, какъ окаменѣлые остатки ученія духоборцевъ, старѣйшей секты, изъ которой произошло молоканство... Молоканство—вполнѣ практическая и безусловно не догматическая религія. Она признаётъ себя существующей, не пытаясь изслѣдовать своей сущности... Съ большимъ сожалѣніемъ наблюдаемъ мы многочисленные и постоянно увеличивающіеся симптомы разложенія, проявляющіеся въ молоканствѣ въ настоящее время. Цѣлованье и судорожная пляска появились на нѣкоторыхъ конгрегаціонныхъ собраніяхъ». Всѣ эти движенія, по мнѣнію Эшера, ничто иное, какъ реакція противъ индиферентизма, открывающагося повсемѣстно: ослабленнаго интереса къ религіознымъ дѣламъ, не-

---

1) „Южно-русскій штундизмъ", стр. 19—20.
2) „Самар. епар. вѣдом." 1884 г., № 6.
3) Ibid., 1885 г., № 7.

Digitized by Google

брежнаго посѣщенія конгрегаціонныхъ моленій[1]). Леруа-Больё считаетъ комбинацію раціонализма и мистицизма существенной чертой религіознаго характера новѣйшей Россіи и объясняетъ это явленіе двумя господствующими факторами: исторіей и нашимъ суровымъ климатомъ, т. е. средой нравственной и физической. Но если такъ объяснять развитіе и распространеніе раскола въ нашей странѣ, то чѣмъ же тогда объяснить появленіе средневѣковыхъ сектъ плясуновъ, бичующихся и пр. въ такой прекрасной по климату странѣ, какъ Италія? И объясненіе Эшера точно также страдаетъ односторонностью: онъ только констатируетъ фактъ, но не объясняетъ его. Само собой разумѣется, молоканство, какъ и всякая другая секта, не организованная въ систему, не опирающаяся на опредѣленные принципы, не развивающаяся и не измѣняющаяся соотвѣтственно духу времени, въ концѣ концовъ должна застыть на одномъ мертвомъ формализмѣ. Наше сектантство, при поголовномъ невѣжествѣ крестьянъ, при отсутствіи въ его средѣ интелигентныхъ руководителей и учителей, только и могло дойти до мертваго формализма. Очевидно, есть причины, общія всѣмъ странамъ и климатамъ, которыя вызываютъ одинаковыя явленія въ психической дѣятельности народа. Причины эти — соціально-экономическія; онѣ собственно и произвели въ массѣ то психопатологическое состояніе человѣческихъ организмовъ, которое стало замѣчаться теперь у нашихъ прыгуновъ. Начиная съ 1873 года, экономическое благосостояніе самарскихъ крестьянъ начало постепенно клониться къ упадку и, единовременно съ этимъ, въ крестьянскую среду стали проникать дурные элементы, въ лицѣ міроѣдовъ, ростовщиковъ и др. эксплуататоровъ народнаго труда. Кабаки, трактиры, гостинницы, во множествѣ появившіеся по деревнямъ, картежная игра, легкость и общедоступность всяческихъ развлеченій отвлекли деревенскую молодежь отъ прежней патріархальной жизни, сдѣлали её индиферентной къ завѣтамъ отцовъ. Постоянная борьба «отцовъ» съ нуждой, порча нравовъ «дѣтей», ихъ стремленіе отбиться отъ земли и уходить на заработки «неизвѣстно куда»; мысль, что правда, какъ будто, «улетаетъ на небо», какъ выразился одинъ изъ деревенскихъ стариковъ, а въ то же время непреодолимое стремленіе «отцовъ» отыскать и пріютить у себя въ деревнѣ эту правду,—все это несомнѣнно должно было наложить извѣстную печать грусти и тоски на формы проявленія религіозной мысли крестьянина. «За грѣхи наши прогнѣвался на насъ Богъ, оставилъ намъ тяжкую долю и взялъ правду отъ насъ»,—вотъ какія рѣчи приходится слышать отъ стариковъ. Отсюда уже недалеко до мысли—очистить, усовершенствовать себя покаяніемъ, бичеваніемъ и радѣніемъ. Не видя исхода изъ своего положенія, не зная, какъ и чѣмъ помочь своей нуждѣ, своему горю, гдѣ искать источникъ соціальныхъ золъ, люди сами надѣли на себя ярмо и предали свое тѣло бичеванію, думая тѣмъ угодить Богу и получить отъ него прощеніе грѣховъ.

[1]) „Молокане или христіане-спиритуалисты“ въ „Вѣстн. Евр.“ 1879 г., кн. 9, стр. 382.

Digitized by Google

Какъ извѣстно, въ особенно важные моменты своей жизни, люди возвышаются надъ обычнымъ уровнемъ своей дѣятельности и способны бываютъ проявить огромную энергію и широту взгляда на жизненныя задачи. Средневѣковые вальденсы тѣмъ и были сильны, по крайней мѣрѣ, въ первое время, что они любили просвѣщеніе; они одни были свѣтомъ разума, освѣщающимъ средневѣковой мракъ невѣжества. Они сами открывали даровыя школы, содержали на свой счетъ студентовъ въ парижскомъ университетѣ, дѣлали добро даже и иновѣрцамъ [1]). Значитъ, они оплодотворяли жизнь, а не убивали, не мертвили ея. Въ первое время появленія раскольническихъ сектъ, ихъ представители несомнѣнно были люди незаурядные; они невольно вдумывались въ важнѣйшіе предметы, касавшіеся общественнаго строя, человѣческой природы и человѣческой исторіи. Такіе поморы—вѣдосѣевцы и хлысты, какъ напр., Любопытный, Скачковъ, Адріанъ Крыловъ, Никифоръ Петровъ, Андрей Выгорѣцкій, Аввакумъ Конциловъ и др., хотѣли заведенія училищъ и правильнаго образованія юношества; хотѣли «учиться словесности и всѣмъ наукамъ [2])», «доходить по книгамъ», что̀ грѣхъ, что̀ спасеніе. Такой же широтой взгляда на науку и общественные вопросы отличались лучшіе представители молоканской секты. Они говорили: «пусть богатство идетъ на общую пользу нашихъ братій, а не на прихоти богача; пусть богачъ въ томъ себѣ поставитъ высочайшее удовольствіе, что можетъ быть полезенъ болѣе другихъ своему обществу». Наука нужна, а не вода (водное крещеніе),—наука и мысль ученія. Теперь молокане и другіе сектанты наши «терпятъ» лишь одну грамотность. Г. Эшеръ, въ цитируемой нами статьѣ, говоритъ, что «воспитаніе юношества не входитъ въ обязанности молоканской конгрегаціи; у молоканъ нѣтъ и никогда не было школъ, но сами родители обучаютъ своихъ дѣтей». При личномъ объѣздѣ губерніи съ цѣлью статистическо-экономическаго изслѣдованія, мы нашли только одну молоканскую школу,—хотя и считающуюся земской,—въ богатомъ молоканскомъ селѣ Коржевкѣ (Максимовкѣ), въ бузулукскомъ уѣздѣ; мы называемъ ее молоканской потому, что она устроена въ 1879 году по иниціативѣ молоканскаго общества, состоящаго изъ 234 домохозяевъ и 1,629 душъ об. пола. Въ этой школѣ, за исключеніемъ 5—6 дѣтей православныхъ, обучаются дѣти молоканскихъ родителей въ числѣ болѣе чѣмъ ста человѣкъ, изъ коихъ только 7 дѣвочекъ. Школа производитъ жалкое впечатлѣніе. Изъ всѣхъ 67 школъ въ уѣздѣ наиболѣе скверно обставлены въ педагогическомъ отношеніи только двѣ—Тихановская и Максимовская, молоканская; изъ нихъ въ послѣдней мы не нашли ни одной книги для чтенія—ни для учителя, ни для дѣтей [3]). Во всѣхъ молоканскихъ селеніяхъ мы не встрѣтили въ домахъ ни одной книги беллетри-

---

[1]) Em. *Gebhart*: „L'Italie mystique", 1890 г., p. 34.

[2]) Н. И. *Костомаровъ*: „Исторія раскола", въ „Вѣстн. Евр." 1871, кн. 4, стр. 529 и 532.

[3]) „Сборн. стат. свѣд. по бузулук. уѣзду", т. III, стр. 190.

Digitized by Google

стическаго или научнаго содержанія, чего совсѣмъ нельзя сказать про меннонитскія колоніи, особенно въ новоузенскомъ уѣздѣ. Въ двухъ только селеніяхъ намъ попались подъ руку книги: *Ливанова:*—«Раскольники и острожники» и *Каптерева*: «Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ». Поэтому невѣжество одинаково велико какъ среди православнаго, такъ и молоканскаго населенія. Но еще болѣе великъ мракъ невѣжества среди другихъ раскольниковъ-старообрядцевъ, изъ коихъ многіе считаютъ даже грѣхомъ учить своихъ дѣтей грамотѣ въ земскихъ школахъ. Вездѣ въ самарской губерніи не только раскольники, но даже и многіе родители, считающіе себя православными, предпочитаютъ отдавать своихъ дѣтей «въ учобу» черничкамъ по книгамъ церковной печати, причемъ и самое обученіе ограничивается лишь умѣньемъ читать псалтырь и часословъ, такъ что родители очень часто нанимаютъ черничекъ выучить одну азбуку за особую плату, а «довести до псалтыря»—за другую. Прибавьте еще ко всему этому, что вся домашняя жизнь крестьянина, отъ колыбели и до могилы, опутана сѣтью всевозможныхъ суевѣрій и предразсудковъ, рѣшительно не дающихъ ему шагу ступить безъ того, чтобы онъ одно не считалъ «грѣхомъ,» другое «дьявольскимъ навожденіемъ» и. т. д. А сколько несвоевременныхъ смертей бываетъ результатомъ невѣжества, суевѣрій и предразсудковъ! Таковы факты, констатированные самарскими статистиками повсемѣстно въ губерніи. Лучшіе изъ миссіонеровъ соглашаются съ тѣмъ, что съ «распространеніемъ просвѣщенія мракъ молоканскаго заблужденія разсѣется самъ собой». Но населенію нужна не *одна грамотность*, а широкое, всестороннее, общее образованіе. Можно будетъ надѣяться вполнѣ, что чрезъ два-три людскихъ поколѣнія, съ распространеніемъ просвѣщенія въ народной массѣ, многія—если не всѣ—раскольничьи секты исчезнутъ предъ свѣтомъ просвѣщенія. Миссіонерамъ нашимъ не придется тогда ѣздить по селамъ и деревнямъ и «бесѣдовать» съ раскольниками о двуперстномъ и трехперстномъ сложеніи, о двугубомъ и трегубомъ аллилуіа, о трехчинной іерархіи и т. д. Подводя итогъ всему вышесказанному, мы приходимъ къ слѣдующему заключенію: расколъ въ самарскомъ краѣ,—выражаясь словами Н. И. Костомарова,—«выпалъ изъ рукъ духовенства» и съ каждымъ годомъ прогрессивно увеличивается, являясь здѣсь не только вноснымъ элементомъ вмѣстѣ съ ежегодно прибывающими сюда переселенцами, но усиливаясь еще болѣе въ средѣ кореннаго населенія путемъ пропаганды.

Въ эволюціонномъ процессѣ развитія раскольническихъ сектъ замѣчается *тенденція къ раціонализму;* но, не освѣщенное свѣтомъ разума, сектантство все болѣе и болѣе стремится исключить изъ своего ученія жизнерадостное начало, видя въ жизни лишь «юдоль плача и страданій». Борьба съ расколомъ тѣми средствами и способами, какими она ведется здѣсь по традиціи отъ временъ саратовскаго епископа Іакова, т. е. путемъ собесѣдованій и обличеній, безцѣльна и недѣйствительна. Миссіонерскую дѣятельность въ самарской губерніи можно охарактеризировать тѣми же чер-

Digitized by Google

тами, какими очень метко характеризовало назадъ тому 40 лѣтъ правленіе саратовской семинаріи миссіонеровъ въ николаевскомъ уѣздѣ: «собесѣдованія наводятъ на сомнѣніе въ ихъ дѣйствительной бытности... Во всѣхъ собесѣдованіяхъ раскольники представляются страдательными существами, жертвами, обреченными на неотвратимое вниманіе и готовыми то и дѣло сказать: «говорите, говорите, только насъ ради Бога не тѣсните!» а священники—величественными ораторами, которые нисколько, впрочемъ, не смягчаютъ строптивости раскольниковъ, не сближаются съ ними сердцемъ, а проповѣдуютъ имъ какъ будто по заказу».

И. Красноперовъ.

Digitized by Google

СОНЪ.

Вечерняя звѣзда, какъ свѣчка херувима,
Зажглась на западѣ; синѣетъ небосклонъ,
И надъ серпомъ луны застыло недвижимо
Сѣдое облако, какъ сказочный драконъ.
Какъ вешнихъ мотыльковъ серебряное стадо,
Осыпалъ бѣлый цвѣтъ и вишни, и сирень,
И мѣсяцъ мертвецомъ взглянулъ въ аллею сада,
Бросая на траву узорчатую тѣнь.
Я тихо погасилъ передъ тетрадью свѣчи,
Волшебнымъ заревомъ видѣній осіянъ.
Мнѣ снится тихій плескъ и ласковыя рѣчи,
И съ нѣжной жалобой серебряный фонтанъ.
И звѣзды тлѣютъ въ немъ, какъ угли золотые,
И облачная тѣнь проходитъ по волнамъ,
И тихимъ шопотомъ мнѣ голоса ночные
Лепечутъ что-то по кустамъ.
А я лежу въ саду безъ жизни и движенья,
Разверзлась предо мной загадочная даль:
Я вижу райскій садъ и райскія селенья—
Блаженство райское и райскую печаль.
И ангелъ прилетѣлъ изъ тихой сѣни рая,
Склонился надо мной безоблачнымъ челомъ
И грудь мою разсѣкъ и, сердце раскрывая,
Земные помыслы вырѣзывалъ мечемъ.
Но было жалко мнѣ моихъ земныхъ мученій
И бился я въ крови, и въ потѣ, и въ пыли,
И жалобно стоналъ: «оставь, блаженный геній,
Меня, преступнаго, мученіямъ земли!..»

А. Будищевъ.

Digitized by Google

СВОИ-ЧУЖІЕ.

Романъ.

X.

Наталья Григорьевна была очень довольна, что зять принялъ Лидію такъ радушно, «даже съ почетомъ», какъ выразился Маркъ Васильевичъ. Она была довольна и тѣмъ, что Лидія пойдетъ гулять съ сестрой. Натальѣ Григорьевнѣ казалось, что Лидія будетъ чуждаться, даже, пожалуй, стыдиться неученой сестры, станетъ избѣгать ея общества. Между тѣмъ, она уже три раза была у Вѣры и, когда та приходила къ нимъ, Лидія ласково разговаривала съ ней, видимо, была ей рада, а теперь вмѣстѣ съ нею идетъ на бульваръ. Желая показать дочери расположеніе, она предложила ей брошку и браслетъ. Но Лидія отказалась отъ того и другаго.

— Я не люблю носить чужихъ вещей,—сказала она.

— Какъ чужихъ? Мать-то чужая—вотъ такъ разъ!

— Ахъ, мамочка, вы уже и обидѣлись! Вѣдь совсѣмъ не въ томъ смыслѣ сказано. Я, вообще, люблю носить только то, что̀ мнѣ принадлежитъ. У меня есть браслетъ.

— Какъ хочешь! Я тебѣ отъ души предлагала, а ужь ты больно̀ горда, какъ я посмотрю.

— Нисколько! Причемъ тутъ гордость, мама?

— Какъ же: *что̀ мнѣ принадлежитъ*! Материно или твое—все одно. Вонъ у Вѣры недавно и не родные, а знакомые только фермуаръ на свадьбу брали... и мало ли берутъ!

— А я не беру, и своихъ вещей не даю. У насъ, среди студентокъ, тоже распространено обыкновеніе — одна у другой беретъ. И у меня платье просили надѣть—я не дала. Что̀ хорошаго: сегодня на мнѣ, завтра на васъ видятъ одну и ту же вещь.

Digitized by Google

Да и по многимъ причинамъ не люблю я этого, — закончила Лидія.

Передъ Вѣрой она казалась совсѣмъ бѣдной дѣвушкой — въ своемъ синемъ сатиновомъ платьѣ и въ скромной шляпкѣ. Сережекъ Лидія не носила, не изъ принципа, какъ думали многіе, а просто не любила. Вѣра была одѣта шикарно, въ купеческомъ вкусѣ: тяжелое шолковое платье, шолковая накидка съ аграмантомъ, пышная шляпка съ обильной отдѣлкой, зонтикъ изъ цвѣтной матеріи и золото, золото безъ конца: и браслеты, и серьги, и кольца, и часы съ цѣпочкой въ нѣсколько рядовъ. Народу на бульварѣ было немного. Дамы и мужчины плавно и медленно, точно по предписанію врача, ходили по единственной аллеѣ. Уставшіе садились на деревянные диванчики и, оглядывая проходившихъ, «разбирали ихъ по косточкамъ».

— Какъ публики-то мало сегодня,—замѣтила Вѣра, зѣвая.— Вѣрно, на вокзалѣ всѣ.

— Развѣ тамъ лучше?

— Не лучше, да... А вонъ Ильина на скамьѣ сидитъ.

— Гдѣ?

— А вонъ на лавочкѣ-то. Ужь гдѣ она, тамъ и Сачковъ.

— Кто такой Сачковъ?

— Машинистъ. Франтъ и ужасный ухаживатель. Онъ такъ и увивается за Дашей.

— Нравится она ему?

— Вѣроятно. А то, можетъ, и деньги ея нравятся.

— А онъ ей?

— И не говори. Совсѣмъ втюримшись.

Онѣ уже поравнялись съ диванчикомъ, на которомъ сидѣла Даша, ея мать и Сачковъ, одѣтый въ сѣрую пару, подъ цвѣтъ которой подходилъ и «котелокъ». Сачковъ сидѣлъ рядомъ съ дѣвушкой и, чертя тросточкой по песку, говорилъ что-то ей. Это былъ высокій здоровенный брюнетъ, съ налитымъ, какъ яблоко, румянымъ лицомъ, очень красивый, но съ непріятными, нѣсколько нахальными глазами.

Поздоровались,—причемъ Даша привстала, а мать ея, сидя, раскланялась, не разжимая тонкихъ губъ. Сачковъ поздоровался за руку съ Вѣрой.

— А это моя сестра, позвольте вамъ представить, — сказала Вѣра, указывая на Лидію.

Сачковъ поклонился и, первый, протянулъ руку дѣвушкѣ. Представленіе дамы мужчинѣ, а не наоборотъ, равно какъ и то, что Сачковъ первый подалъ руку,—все это шло въ разрѣзъ съ

Digitized by Google

приличіемъ. Но Лидія не обратила на это вниманія, такъ какъ въ студенческой средѣ не соблюдаются строго такія тонкости этикета. Но она не могла не обратить вниманія на то, что Сачковъ слишкомъ крѣпко пожалъ ей руку, и затѣмъ, какъ устремилъ на нее взоръ, такъ и не сводилъ его. Привыкшая къ мужскому обществу и державшаяся въ немъ непринужденно, Лидія невольно смутилась отъ этого наглаго, пристально устремленнаго на нее, взгляда. Она разсердилась и недружелюбно отвѣтила на какой-то вопросъ Сачкова. Онъ загадочно улыбнулся, покрутилъ свои длинные красивые усы, но ничего не сказалъ. Скоро разговоръ дамъ, плохо вязавшійся, коснулся образованія. Мать Даши спросила у Лидіи, какъ называется то училище, въ которомъ она кончила курсъ. Лидія сказала.

— Такъ, такъ,—промолвила Ильина, но изъ ея тона нельзя было узнать, поняла ли она, или нѣтъ.

— А какія у васъ науки тамъ проходились?—спросилъ Сачковъ.

— Разныя,—отвѣтила Лидія.

Ей не хотѣлось говорить съ Сачковымъ, къ которому она вдругъ почувствовала антипатію.

— У васъ, говорятъ, тамъ занимаются нигилизмомъ?—опять промолвилъ Сачковъ.

Лидія вспыхнула, глаза ея метнули искорки; думая, что онъ смѣется на манеръ Сергѣя, она рѣзко отвѣтила ему:

— Да, каждый день, по два часа.

Вѣра и Даша недоумѣвающими глазами посмотрѣли на нее.

— А что же мы сидимъ? Пойдемте лучше, — предложила Вѣра.

— А и то пойдемте,—сказала мать Даши.—Сидимъ, сидимъ, у меня даже ноженьки отекли.

Она встала, за нею поднялись и остальные. Раздраженіе не исчезало у Лидіи, но Сачковъ или не замѣчалъ его, или не хотѣлъ замѣчать; онъ продолжалъ разговаривать съ дѣвушкой. Она отвѣчала коротко, нерѣдко колко, а на два-три вопроса не отвѣтила совсѣмъ.

Вниманіе Сачкова къ Лидіи начало безпокоить Дашу. Она нѣсколько разъ мѣнялась въ лицѣ и старалась помѣшать своему кавалеру въ ухаживаньѣ за «студенткой», какъ мысленно назвала она Лидію. Но Сачковъ, вѣжливо отвѣтивъ Дашѣ, снова заговаривалъ съ Лидіей. Онъ хотѣлъ блеснуть своей галантностью и умѣньемъ говорить съ ученой барышней, которая ему очень понравилась. Сачковъ считалъ себя первымъ красавцемъ, ловкимъ

Digitized by Google

кавалеромъ и умнымъ человѣкомъ. Его самолюбію льстило то что онъ именно говоритъ съ ученой! Ему хотѣлось произвести на нее впечатлѣніе. Серьезныхъ видовъ онъ, конечно, не имѣлъ, но отчего не поухаживать за барышней, пріѣхавшей изъ столицы? Онъ замѣтилъ, что Даша волнуется, но не обращалъ вниманія на ея тревоги. Что за важность: стоитъ ей сказать два-три слова, и она все проститъ. Онъ продолжалъ надоѣдать Лидіи ухаживаньемъ и глупыми разговорами. Чѣмъ больше онъ говорилъ, тѣмъ яснѣе Лидія убѣждалась, что онъ непроходимо глупъ, хотя много думаетъ о себѣ. Дѣвушка уже не сомнѣвалась, что вопросомъ о нигилизмѣ Сачковъ не желалъ ее кольнуть, а дѣйствительно думалъ, что есть такая наука — нигилизмъ. Ей стало жалко, что она обидѣла его, и въ то же время сдѣлалось невыразимо весело. Она смѣялась, слушая Сачкова, и начала отвѣчать въ его же тонѣ, что̀ еще болѣе смѣшило ее. Сачковъ сіялъ и лѣзъ, что называется, изъ кожи. Перемѣну въ настроеніи дѣвушки онъ объяснилъ по своему и торжествовалъ. Въ сердцѣ Даши смѣхъ Лидіи отзывался мучительной болью. Бѣдная дѣвушка была увѣрена, что Лидія увлеклась Сачковымъ. Слезы душили ее. Она вдругъ возненавидѣла Лидію, и ей захотѣлось чѣмъ нибудь страшно обидѣть студентку. Она ни передъ чѣмъ бы не остановилась, но ничего не могла придумать.

Мать Даши, уже давно недружелюбно посматривавшая на Лидію, не выдержала и сказала:

— Что это всѣ на насъ смотрятъ, будто на диковинку... кажись бы, нечего...

— Да какъ же не смотрѣть, если Лидія Марковна такъ хохочетъ, что за двѣ версты слышно,—промолвила Даша, обрадовавшись возможности уколоть соперницу.

Лидія измѣнилась въ лицѣ и сразу смолкла. Достаточно ей было взглянуть на Дашу, на которую она доселѣ не обращала вниманія, чтобы понять все. «Неужели она могла вообразить, что я прельщусь этимъ дуракомъ»?—подумала Лидія и даже покраснѣла отъ такого предположенія.—«Эхъ, да вѣдь они другъ друга стоютъ», рѣшила она. Даша была очень рада, что отомстила «ученой» и переглянулась съ матерью; та еще плотнѣе сжала губы. Сачковъ понялъ, что Даша задѣла Лидію изъ ревности и, желая наказать ее, совсѣмъ пересталъ съ ней говорить. Та готова была расплакаться. «Господи,—съ отчаяніемъ думала она:—да чѣмъ она съумѣла такъ приколдовать его? Что̀ въ ней особеннаго»?

Digitized by Google

— Мнѣ надоѣло гулять: я пойду, Вѣра, домой,—вдругъ объявила Лидія.

— Да и я, пожалуй, пойду съ тобою,—сказала сестра:—публики совсѣмъ нѣтъ.

Сачковъ хотѣлъ ихъ проводить, но Лидія отклонила услуги такимъ тономъ, что Сачкову показалось неловкимъ навязываться. Онъ навѣрное обидѣлся бы на Лидію, но такъ какъ рѣзкость ея отказа онъ объяснилъ тѣмъ, что она оскорблена Дашей, то и перенесъ свое неудовольствіе на Ильину. Только что Вѣра и Лидія ушли, сталъ прощаться и онъ.

— Да куда же вы?—чуть не со слезами спросила Даша.

— Надо сходить въ депо. Можетъ быть, моя очередь ѣхать.

Онъ ничѣмъ другимъ сильнѣе не могъ огорчить Дашу.

— А и краснобай же этотъ Сачковъ, — обратилась Вѣра къ сестрѣ, когда онѣ отошли отъ компаніи: — говоритъ, говоритъ, и откуда только у него слова берутся.

— Глупости говорить не трудно,—сказала Лидія.—А по твоему умно онъ говорилъ?

— По правдѣ сказать, я и не слыхала всего, что̀ онъ такое мололъ, а только у насъ онъ считается виднымъ кавалеромъ. Онъ да Мауринъ!

— Не знаю, кто такой вашъ Мауринъ, а Сачковъ — дуракъ и нахалъ,—рѣзко сказала Лидія.

Простясь съ сестрой, она быстро дошла до дому и поднялась на верхъ. Черезъ нѣсколько минутъ, ей крикнула мать:

— Лидія, иди ужинать!

— Не хочу. У меня голова разболѣлась.

— Вотъ оно, ученіе-то!—прошептала Наталья Григорьевна:—то и дѣло, что голова болитъ. О-охъ, Господи, Господи!

XI.

Лидія сидѣла въ палисадникѣ и читала, когда вдругъ вблизи нея раздался мягкій, нѣсколько глухой голосъ:

— Здравствуйте, милая барышня.

Она невольно вздрогнула и быстро подняла голову. Въ палисадникъ входилъ средняго роста блондинъ, лѣтъ подъ сорокъ, съ сѣрыми глазами, съ помятымъ одутловатымъ лицомъ земляничнаго цвѣта, блѣдными тонкими губами и запущенными желтоватыми зубами. Черты его были мягки, обличали добродушіе, а короткій подбородокъ — слабость воли. Это былъ человѣкъ, ко-

Digitized by Google

торый не могъ назваться красивымъ, но онъ возбуждалъ симпатію. Съ минуту дѣвушка недоумѣвающимъ взглядомъ смотрѣла на того, кто такъ просто, на правахъ хорошаго знакомаго, окликнулъ ее. Но вотъ она что-то вспомнила, радостно улыбнулась, встала и пошла на встрѣчу входившему.

— Юрій Осиповичъ! Вы какими судьбами?—воскликнула она. и въ ея голосѣ прозвучала та же радость, какою озарилось лицо.

— А по дѣламъ службы, милая барышня; вѣдь я теперь въ здѣшнемъ земствѣ служу,—отвѣтилъ онъ, крѣпко пожимая протянутую ему руку.

— Да? Такъ вы здѣсь и живете въ городѣ? Какъ же это я не знала до сихъ поръ?

Они подошли къ скамейкѣ и сѣли.

— Нѣтъ, я живу не здѣсь, а въ тридцати верстахъ, въ Акатовкѣ.

Онъ снялъ соломенную шляпу съ широкими полями и отеръ потъ, катившійся съ него градомъ.

— Экая жарища,—произнесъ онъ.

Она посмотрѣла на него, видимо, припоминая что-то. Она познакомилась съ нимъ, когда еще ей было пятнадцать-шестнадцать лѣтъ; тогда Лебедевъ служилъ въ Сонскѣ въ городской больницѣ и, какъ домовый врачъ Платоновыхъ, часто бывалъ у нихъ. Левъ Львовичъ отзывался о немъ хорошо, хотя прибавлялъ съ грустью: «а жаль! опустится человѣкъ, такъ обстоятельства слагаются», Лидія тогда не поинтересовалась узнать: какія именно «обстоятельства», да и считала неловкимъ задавать такой вопросъ. Теперь она припомнила слова Платонова и какъ бы хотѣла разгадать: сбылись ли они, а сама въ то же время подумала: вѣдь, кажется, у него тогда не было лысины?

— Спасибо, что зашли,—промолвила она вслухъ,—я такъ рада васъ видѣть.

— Какъ же можно не зайти, милая барышня. Какъ узналъ только, что вы здѣсь, такъ сейчасъ же изъ управы и сюда: дай, молъ, погляжу на ту, о которой говоритъ весь городъ. Авось насъ не забыла и приметъ благосклонно.

— А безъ иронiи нельзя?—съ шутливой укоризной покачала головой Лидія.

— Никакой иронiи, а, напротивъ, благоговѣнiе и удивленiе! Вы одна изъ пiонерокъ...

— Можете не продолжать. Все это давнымъ-давно извѣстно изъ газетъ. Вотъ вы лучше скажите мнѣ: помните ли вы, какъ меня зовутъ?

Digitized by Google

— А что? Это вы по поводу того, что я зову васъ милой барышней. Нельзя? Ну, не буду. Покоряюсь. А имя ваше я прекрасно помню: Лидія... Матвѣевна.

— И вовсе не Матвѣевна, а Марковна.

— Это все равно. Главное, имя ваше не забылъ. Оно неизгладимо начертано въ моемъ сердцѣ.

— Вы все тотъ же! Года васъ нисколько не измѣнили.

— Ну, сказали! А это что?—показалъ онъ рукою на лысину.

— Но вы все такой же шутникъ.

— По привычкѣ, милая барышня... виноватъ! Лидія Марковна! Шутя, жить легче. Смотрите: нашъ народъ при всякой работѣ поетъ, вотъ я у него и научился.

— Развѣ вамъ трудно живется?—участливо спросила дѣвушка.

— Мнѣ? Какъ бы ни жилось, съ собой не покончу. Э, да что обо мнѣ говорить: мнѣ умаляться, а вамъ цвѣсти. О васъ и поговоримъ. Какъ вы? Надолго ли сюда? Совсѣмъ?

— Можетъ быть, и совсѣмъ. Отецъ хочетъ мнѣ здѣсь мѣсто найти,—отвѣтила Лидія, проводя по песку носкомъ ботинки.

— На дѣло, значитъ? просвѣщать глушь?

Впередъ, безъ страха и сомнѣнья,
На подвигъ доблестный...

— Безъ всякаго подвига. Просто учить ребятъ.

— А вы еще не соскучились по Петербургу?

— Пока, н-нѣтъ.

Онъ пытливо посмотрѣлъ на нее.

— Ой-ли?

— Почему вы такъ говорите?

— Да разница больно велика. Впрочемъ, дай Богъ. Пошли онъ вамъ крѣпости и силы... А сбѣжите—вспомните меня...

— Но вѣдь вы же не сбѣжали сами, Юрій Осиповичъ?

— А вы думаете почему? Потому что нашему брату труднѣе сбѣжать. Ну, куда я сбѣгу, когда у меня на шеѣ семья?

— А раньше? Вѣдь тогда, я помню, вы не были женаты.

— Не былъ. А тогда, извольте видѣть, идеализмъ во мнѣ не исчезъ, подвиговъ тоже желалъ, боролся. Изъ-за чего и Сонскъ я покинулъ? Все ради борьбы. Думалъ, въ земство пойду, не буду зависѣть отъ главнаго доктора, больше будетъ самостоятельности—и пошелъ.

— Ну, и что же?—съ любопытствомъ спросила Лидія.

— А то, что все ерунда-съ. Не та мы нація, чтобы бороться и работать въ тиши. Мы очень хороши всѣ, пока собираемся

Digitized by Google

дѣлать дѣло, да говоримъ. А попадемъ въ глушь, и пиши пропало.

— Это не правда, Юрій Осиповичъ, есть люди...

— Которые остаются вѣрны своимъ мечтамъ и прочее, прочее? Да много ли ихъ? Гдѣ они? Вѣдь еслибы изъ ста хоть двадцать процентовъ падало на нихъ, такъ развѣ бы такая гадость и сквернота окружали насъ! Нѣтъ, барышня, мы безъ перцу не можемъ не окиснуть. Намъ нуженъ перецъ.

— Какъ перецъ?—изумилась Лидія.

— Ха-ха-ха,—захохоталъ Лебедевъ,—а вотъ какъ-съ. Нужно, чтобы насъ подогрѣвали, подбадривали громкія рѣчи, хорошія слова, чтобы жизнь спать не давала. Въ столицахъ, въ большихъ центрахъ все это есть. Вотъ тамъ мы еще и работаемъ помаленьку, не опускаемся; ну, а въ глуши, гдѣ всѣ спятъ,—и мы засыпаемъ. Ужь больно намъ Питеръ, напримѣръ, нервы разстраиваетъ, пріучаетъ къ такой смѣнѣ впечатлѣній, къ такому обилію ощущеній, что мы безъ всего этого и жизни не понимаемъ; вотъ и начинаемъ скучать. Давно ли вы здѣсь?

— Недѣли три.

— А, поди, ужь соскучились? Вы привыкли въ Петербургѣ къ ненормальной жизни, къ шуму, къ блеску, а здѣсь ничего этого нѣтъ. Здѣсь и отдохнуть не на чемъ. Мы вѣдь не нѣмцы. Вотъ какой нибудь Карлъ Карловичъ заберется въ глухой городишка и цѣлыя десятки лѣтъ работаетъ надъ разысканіемъ травъ; какъ муравей, трудится для науки. Безъ нѣмцевъ, фармакологіи — капутъ. А мы не такъ-съ мы борьбы хотимъ. Мы скорѣе на подвигъ способны, погибнемъ «за идею», а изо дня въ день для нея работать, гдѣ нибудь въ глуши—это не по намъ-съ! Ужь если мы кончили университетъ, то, значитъ — мы титаны, мечтаемъ всю вселенную перевернуть, весь свѣтъ облагодѣтельствовать. Все, что не бросается въ глаза — все то мелко, не по намъ! А какая борьба у насъ можетъ быть? Самая жалкая! А силы-то уходятъ, устаетъ человѣкъ и смиряется. Сначала всякое помышленіе о тепломъ уголкѣ мы зовемъ чуть ли не подлостью, а потомъ, кромѣ этого угла, и знать ничего не хотимъ. А нѣмецъ и семьянинъ хорошій, да и дѣло дѣлаетъ.

— Однако, какъ вы влюблены въ нѣмцевъ!

— Да правда вѣдь, а впрочемъ, я только для краткости говорю: «нѣмецъ»... Вонъ въ пятнадцати верстахъ отъ меня живетъ одинъ помѣщикъ... университетскій. Онъ весь тоже зарылся въ ботанику и работаетъ не хуже любаго Карла Карловича. Но

Digitized by Google

вѣдь это все же—исключеніе, а не правило! Онъ не типиченъ... да такъ оно и есть: у него мать нѣмка!

— Отчасти вы правы, Юрій Осиповичъ, нападая на русскую натуру, но вы забываете одно: условія русской жизни... Въ Европѣ другая культура.

— Что вѣрно, то вѣрно. Противъ поправки вашей не спорю. Да, «нѣмецъ» возвращается совсѣмъ въ другую среду, чѣмъ нашъ образованный человѣкъ. Тамъ, если Карлъ Карловичъ ученый—то его всѣ и уважаютъ, слушаютъ чуть не съ благоговѣніемъ, а у насъ въ глуши надъ ученымъ человѣкомъ смѣяться готовы, сейчасъ въ безбожники запишутъ. Да, вотъ я сейчасъ насчетъ борьбы сказалъ. У насъ изъ-за такихъ пустяковъ придется бороться—изъ-за какихъ тамъ и немыслимо. Попробуйте у насъ въ глуши какое нибудь самое маленькое дѣло устроить—ни помощи, ни сочувствія. На пустякъ потребуется столько силъ и столько «разрѣшеній», что... ну, право же надо быть гигантомъ, чтобы совершить плевое дѣло! Вонъ мой пріятель въ одномъ городѣ хотѣлъ чтенія устроить, такъ такія трудности оказались, что взялъ да и рукой махнулъ. Да-съ, вы вѣрно замѣтили, а все таки это дѣла не измѣняетъ.

— Пусть все такъ. Я потому сюда и ѣхать не хотѣла, что тоже въ «перцѣ» нуждаюсь,—а все таки хочу вѣрить, что можно и здѣсь работать. Во всякомъ случаѣ, разъ пришлось пріѣхать,—попробую.

— Попробуйте, и дай Богъ вамъ успѣха. Только вы не мечтайте о высокомъ. Сперва вамъ придется добиваться того, чтобы ваши ребята сморкаться научились, да не ходили грязными свиньями... Матерія скучная...

— Ничего.

— Да-съ... А знаете, что я вамъ скажу еще?

— Что?

— Только дайте слово не сердиться.

— Даю,—съ улыбкой сказала Лидія.

— По моему, для такого дѣла, какъ ученіе ребятъ въ городской школѣ, а въ сельской тѣмъ болѣе — простая дѣвушка, окончившая гимназію или даже училище — гораздо полезнѣе, чѣмъ курсистка.

— Это почему?—воскликнула Лидія, задѣтая за живое.

— Да претензій меньше, требованій отъ жизни. Вѣдь это только подъ шумъ красивыхъ словъ многое кажется веселымъ и пріятнымъ; я наблюдалъ, что ученые гораздо скорѣе дезертируютъ.

Digitized by Google

— Извините, ужь это вы клевещете, — горячо произнесла Лидія.—Сами факты...

— А гдѣ они?

— Гдѣ? А женщины-врачи? а фельдшерицы?

— О, это особь-статья, милая барышня. Тамъ дѣло веселѣе или, по крайней мѣрѣ, удобнѣе.

— Это еще вопросъ. Во всякомъ случаѣ, одинаково по полезности. Вѣдь педагогъ, если хотите, также какъ и скульпторъ, изъ безформенной глыбы создаетъ статую.

— Очень красиво сказано, барышня, но позвольте: вовсе не нужно быть на высшихъ курсахъ, чтобы обучать ребятишекъ. Здѣсь будетъ на своемъ мѣстѣ и та, что̀ кончитъ гимназію, и это вы, кончившая курсы, будете сознавать; вѣдь, будете?

— Положимъ,—согласилась Лидія.

— А медичка хорошо знаетъ, что, еслибы она не кончила своихъ медицинскихъ курсовъ, она бы не могла работать. И съ ней рядомъ работаютъ только ей равныя, а у васъ не то.

— Какое мнѣ дѣло до этого!

— Нѣтъ-съ, не говорите. Именно, курсистка потому-то и не захочетъ ограничиться скромною ролью. Ея идеалъ шире. Оно, можетъ быть, и хорошо, что такъ, но вы припомните опять условія нашей жизни. Вѣдь чуть учитель проявитъ особое рвеніе, такъ сказать, внѣ казенныхъ рамокъ, что̀ его ожидаетъ, ну-ка?

— Вы ужасный пессимистъ, Юрій Осиповичъ. И, какъ докторъ, вы стоите за медицинскіе курсы, а я скажу, что наши курсы имѣютъ также громадное значеніе,—съ жаромъ воскликнула Лидія.—Вы смотрите на дѣло съ узкой точки зрѣнія, какъ спеціалистъ, и забываете моральное значеніе нашихъ курсовъ, а это важнѣе всего. Пока женщина по образованію слишкомъ далека отъ мужчины, всѣ хорошія слова такъ и останутся словами. Чтобы общество двигалось впередъ, женщина должна идти впереди, какъ мать и жена. Будетъ ли мужъ уважать жену, если она глупа, чужда ему и его интересамъ; а сынъ—мать, когда онъ къ ней относится со снисхожденіемъ? Наконецъ, курсы навсегда оставятъ... да мнѣ такъ хорошо не высказаться, а вотъ вамъ... Я читаю «Рудина». Вотъ вамъ мѣсто изъ него.

Лидія поспѣшно раскрыла книгу, которая лежала у нея на колѣняхъ, и отыскала нужную страницу.

— Вотъ, слушайте,—сказала она, и нервно прочитала слѣдующія строки, принадлежавшія Лежневу: «Эхъ! славное было время тогда, и не хочу вѣрить, чтобы оно пропало даромъ! Да, оно и не пропало,—не пропало даже для тѣхъ, которыхъ жизнь опош-

Digitized by Google

лила потомъ... Сколько разъ мнѣ случалось встрѣтить такихъ людей, прежнихъ товарищей! Кажется, совсѣмъ звѣремъ сталъ человѣкъ, а стоитъ только произнести при немъ имя Покорскаго— и всѣ остатки благородства въ немъ зашевелятся, точно ты въ грязной и темной комнатѣ раскупорилъ забытую склянку съ духами»... Не правда ли хорошо сказано? И это столько же примѣнимо къ вамъ, какъ и къ намъ.

— Да, въ этомъ смыслѣ, я не спорю,—курсы, конечно, благо. Но и тутъ опять таки является вопросъ: въ какую среду вернется дѣвушка. Эхъ, барышня, образованіе прекрасно, что̀ говорить, да вѣдь много и несчастія оно приноситъ. Иная вернется домой и смотритъ: всѣ свои—чужими стали... что̀ ужаснѣе этого?... Образованному человѣку гораздо труднѣе найти это самое счастье. Возьмемъ, къ примѣру, вашу сестрицу, которую я имѣю честь знать. Пресчастливое созданіе! Мужъ ее любитъ, и она его любитъ, и дай Богъ вѣчно ей жить такъ, а ну-ка, если васъ отдать за Василія Ивановича? А за кого же вы здѣсь выдете? Да вы году не проживете съ вашимъ мужемъ и сбѣжите, право.

— Я ужь лучше сбѣгу до замужства,—засмѣялась Лидія.

— И хорошо сдѣлаете, милая барышня! Я вотъ не сбѣжалъ, и...

Онъ вдругъ осѣкся и закончилъ дѣланнымъ смѣхомъ.

— Э, да что мы за матерію подняли, совсѣмъ не по сезону Угостите-ка меня лучше стаканомъ воды, я и побѣгу.

— Да не хотите ли вы чаю?—предложила Лидія.

— Вѣдь это долго?

— Нисколько. Я сейчасъ распоряжусь. Пойдемте въ комнату.

— А какъ ваша мамаша? я вѣдь съ нею незнакомъ.

— Такъ что же! Я васъ къ себѣ проведу. У меня отдѣльная комната на верху.

Наталья Григорьевна хотя ничего не сказала дочери, отдавшей приказаніе Марьѣ поставить самоваръ, но такъ посмотрѣла на нее, что она сейчасъ же подумала: «будетъ потомъ исторія». «Ну, такъ что же,—рѣшила она:—не могу же я совсѣмъ стѣснять себя, это смѣшно», и веселая поднялась на верхъ, куда уже прошелъ Лебедевъ. Скоро подали самоваръ. Лидія оживленно начала хлопотать около него. Она какъ бы опять почувствовала себя самостоятельной, въ Петербургѣ, въ своей милой комнаткѣ.

Лебедевъ довольно долго просидѣлъ у Лидіи. Къ нему скоро вернулось его добродушное юмористическое настроеніе. Онъ шутилъ, смѣялся, трунилъ надъ собою, надъ земцами, разспраши-

Digitized by Google

валъ про Дунечку, припомнилъ, какъ они вмѣстѣ разсуждали объ идеалахъ, и какъ-то случайно коснулся семьи.

— Да, скажите, пожалуйста, у васъ большая семья?—полюбопытствовала Лидія и невольно смутилась, замѣтивъ, что этотъ вопросъ поставилъ Лебедева въ нѣкоторое затрудненіе.

— Порядочная: пять человѣкъ. Э, да что, барышня, играть въ прятки. Съ вами можно быть откровеннымъ: я вѣдь не женатъ, а такъ, «по вольной милости», помните выраженіе Татьяны въ «Нови»?

— Да, помню,—тихо промолвила Лидія.

— Ну, вотъ-съ. Четвертый годъ уже. *Спасалъ* тоже, Лидія Марковна, отъ тирана-мужа спасалъ... послѣдній подвигъ идеализма!

Лидіи сдѣлалось тяжело, неловко, и въ то же время непріятно. «Зачѣмъ онъ это мнѣ говоритъ?»—подумала она. Лебедевъ замолкъ, поникши головой. Молчаніе длилось нѣсколько минутъ.

— Вашъ чай простылъ совсѣмъ,—напомнила Лидія гостю.

Онъ вдругъ встрепенулся, посмотрѣлъ на дѣвушку, и лицо его приняло прежнее веселое выраженіе.

— Надо убѣгать,—сказалъ онъ, дѣлая большой глотокъ,—а то..

Онъ залпомъ допилъ чай и добавилъ:

— Вы позволите мнѣ еще къ вамъ зайти?

— Пожалуйста, очень рада. А вы еще не скоро уѣдете?

— Нѣтъ-съ. Еще съ недѣльку, а то и всѣ двѣ проживу. Я въ Сонскъ ѣду, а потомъ опять сюда. Я, такъ сказать, въ отпуску. За меня работаетъ молодой идеалистъ—сынъ одного помѣщика. Онъ только что кончилъ курсъ. Ему это въ охотку.

И прежняя иронія послышалась въ голосѣ доктора.

Онъ всталъ, взялъ шляпу съ окна и протянулъ руку дѣвушкѣ.

— Итакъ, до свиданья.

— До свиданья.

— Значитъ, не убѣжите? Будете пробовать?

— Буду пробовать. Убѣгу ли, не знаю, а попробую.

— Пошли Аллахъ вамъ всякаго счастія!

Онъ вторично, по студенчески, пожалъ руку Лидіи и вышелъ.

Лидія не ошиблась. Въ тотъ же день, послѣ обѣда, Наталья Григорьевна высказала неудовольствіе по поводу того, что Лидія приняла Лебедева у себя на верху.

— Что же тутъ особеннаго?—сказала Лидія.

— Какъ что, матушка? Да статочное ли дѣло дѣвушкѣ принимать у себя мужчинъ?

Digitized by Google

— Да развѣ не все равно: что̀ въ залѣ принять, что̀ у себя на верху?

— Совсѣмъ не одно и то же. Да и не резонъ было приглашать. Мы его не знаемъ, а ты вдругъ...

— Ну, мать,—вмѣшался Маркъ Васильевичъ:—Лебедевъ—человѣкъ семейный.

— Хороша семья! нечего сказать, — ядовито усмѣхнулась жена,—вотъ изъ-за этого и подавно не слѣдовало: Лидія — дѣвушка! Но если ей можно еще простить по молодости, такъ тебѣ-то, отецъ, такъ говорить совсѣмъ стыдно.

— У нихъ, мать, это въ Петербургѣ допускается.

— Да плевать я хочу на Петербургъ,—перебила Наталья Григорьевна.—Тамъ она, можетъ быть, мужчинамъ на шею вѣшалась, а я въ своемъ домѣ не позволю.

— Мама, вы переходите границы! — не выдержала Лидія, вспыхнувъ.

Она поднялась съ мѣста и, не допивши чаю (брата не было), ушла на верхъ. Она почувствовала себя глубоко-оскорбленной.

Маркъ Васильевичъ встревожился и началъ было пенять женѣ за то, что она выражается такъ неосторожно. Но Наталья Григорьевна не дала ему продолжать:

— Ну, ужь, батюшка, для твоей образованной дочки я учиться не буду. Какъ умѣю, такъ и говорю.

И, сердито отодвинувъ чашку, она вышла изъ-за стола.

XII.

Когда Лидія успокоилась, ей опять показалось, что она напрасно такъ возмутилась словами матери. Разумѣется, та не хотѣла ее оскорбить. Просто привычка выражаться грубо и вульгарно. Лидія понимала, что матери поздно измѣняться, но въ то же время она сознавала, что и ей тяжело мириться съ этимъ, что не можетъ она связать себя по рукамъ и ногамъ. Нельзя же подчиняться всякой нелѣпости; послѣ этого придется признать правильнымъ и тотъ дикій взглядъ, по которому считается неприличнымъ гулять дѣвушкѣ въ будни. Ей невольно припомнились слова Лебедева: «а какова среда, въ которую приходится часто возвращаться образованной дѣвушкѣ: *свои—чужими становятся*». «Какая глубокая правда»,—думала дѣвушка. И тяжело опять становилось ей, и задавала она сама себѣ вопросъ: «какъ же я буду жить здѣсь?» Отношенія между матерью и дочерью снова сдѣла-

Digitized by Google

лись натянутыми. Лидіи хотѣлось уничтожить ихъ, но въ глубинѣ души она сознавала свою правоту, считала себя обиженной, и ей что-то мѣшало ласковымъ извиненіемъ возстановить миръ съ матерью. Наталья Григорьевна сознавала, что она обидѣла дочь, но въ то же время считала себя оскорбленной тѣмъ, что Лидія рѣзко отвѣтила ей, вышла изъ-за стола и весь слѣдующій день не спускалась внизъ. Наталья Григорьевна готова была примириться, но ждала перваго шага со стороны дочери. Спускаясь внизъ утромъ, Лидія здоровалась, но не такъ, какъ въ прежніе дни. Входя въ комнату, гдѣ сидѣли уже мать и отецъ, она говорила вслухъ: «здравствуйте!» обращаясь къ обоимъ за разъ. Отецъ отвѣчалъ обыкновенно: «здравствуй, Лидуша», или: «здорово, дружокъ». Наталья Григорьевна только слегка кивала головой. Чай и обѣдъ проходили въ глубокомъ молчаніи. На губахъ Сергѣя играла злорадная улыбка, а лицо выражало полное удовольствіе. Онъ, словно, ждалъ чего-то пріятнаго для себя отъ этой ссоры. Такъ прошло три дня. Въ послѣдній изъ нихъ она встрѣтила на улицѣ Лебедева. Онъ ѣхалъ въ кабріолетѣ, а рядомъ съ нимъ, правя лошадью, сидѣлъ красивый брюнетъ въ офицерскомъ кителѣ.

— Завтра ѣду въ Сонскъ. Вернусь, буду у васъ,—крикнулъ Лебедевъ, кланяясь.

Отвѣчая ему легкимъ поклономъ, Лидія подумала: «съ кѣмъ это онъ? Какой красавецъ!»

Когда она вернулась къ себѣ, къ ней зашелъ отецъ. Онъ часто къ ней подымался, но въ послѣднее время не заходилъ. Старикъ былъ грустенъ. Ссора, видимо, печалила его.

— Гуляла? — спросилъ Маркъ Васильевичъ, опускаясь на стулъ.—Скучно тебѣ, дружокъ, я вижу?

— Нѣтъ. Дѣлать только совсѣмъ нечего. Читать не хочется. Принималась вязать—тоже надоѣло.

— Такъ сходила бы къ Танѣ.

— Была у нея два раза, тоже скучно. Она занята по хозяйству, да и эта Марья Кирилловна... нѣтъ, ужь лучше дома сидѣть.

— Отчего ты перестала стряпать?

— Тоже надоѣло, папа. Не люблю вѣдь я,—для мамы только дѣлала... научусь, когда нужно будетъ, мудрость не велика. Право, папа, мы скорѣе понимаемъ, чѣмъ деревенскія: тѣмъ все кажется мудростью.

— Да, да, конечно. Умному человѣку все легче дается,—согласился отецъ и вздохнулъ.

— Что вы, папа, вздыхаете? Вамъ грустно?—спросила Лидія. Она подошла къ отцу, обняла его и поцѣловала.

Digitized by Google

— Такъ, дружокъ,—отвѣтилъ Маркъ Васильевичъ подавленнымъ голосомъ.—Какое же веселье, если вотъ... ты измѣнилась какъ-то, мать ходитъ сердитая...

— Ахъ, папочка, да чѣмъ же я виновата! Вы видѣли, я вѣдь старалась все сдѣлать, чтобы угодить мамѣ. Я — «Житія» читала, вязяла, стряпала, на многое не обращала вниманія; но зачѣмъ же она оскорбляетъ меня! И что это такое: точно я ребенокъ, не смѣй ничего сдѣлать безъ спроса; приняла Лебедева — исторія. А что тутъ дурнаго? Ну, скажите, папа, что?

— Конечно, ничего. Да вѣдь сама знаешь: городъ уѣздный... болтать будутъ.

— И пускай, какое мнѣ дѣло!

— Ахъ, Лида, да вѣдь дѣвушкѣ...

— Такъ, значитъ, мнѣ и оставаться, папа, нельзя! Не могу же я жить по предписанію здѣшнихъ кумушекъ!

Маркъ Васильевичъ опять вздохнулъ.

— Эхъ, дружокъ, все это я понимаю и матери говорилъ. Погоди, со временемъ все обойдется. Она уже и то иначе смотритъ на тебя. И это ты, ты все сдѣлала, моя умница, — съ улыбкой прибавилъ Маркъ Васильевичъ, цѣлуя дочь въ лобъ. — Не сердись на мать, она вѣдь тебя любитъ, а что груба-то... такъ она всегда такая была. Что съ нея требовать? Женщина простая, не ученая. Мы съ ней...

— Но вы никогда такъ не говорите, папочка!

— Что же я... У меня другой характеръ, Лидочка. Да и женщины всегда того... Знаешь поговорку: пятеро мужиковъ уживутся, а двѣ бабы раздерутся?

— Вотъ мы и разодрались,—засмѣялась Лидія такъ, какъ въ эти дни она не смѣялась.

— Вотъ сейчасъ и поймала,—засмѣялся также и Маркъ Васильевичъ, обрадованный перемѣной въ дочери.—Эдакъ и про меня скажешь, что я хотѣлъ тебя обидѣть и назвалъ бабой. Скажешь?

— Никогда я про васъ этого не скажу, добрый, милый папа!— воскликнула дѣвушка и снова обняла отца.—Я знаю, вы любите меня...

— И мать любитъ тебя. Это ты также знаешь — сказалъ онъ, лаская дочь. — Она ужь стара — ты ее извини

— Я и не думаю сердиться.

— А не думаешь, нечего такъ и держаться. Повѣрь мнѣ, она страшно мучится. Я ее знаю. Да вѣдь не ей же къ тебѣ

Digitized by Google

идти, а ты подойди да и помирись. Можетъ быть, тебѣ и трудно, ну, да для меня, Лидочка, для меня, дружокъ, сдѣлай,—помирись!

И въ его голосѣ зазвучала покорная мольба. Лидія взглянула на отца, и въ ея лицѣ что-то дрогнуло.

— Хорошо, папа, для васъ я это сдѣлаю,—сказала она.—Но, Боже мой, что же будетъ дальше? Вѣдь мама не удержится! Я не могу во всемъ, во всемъ подчиняться, какъ ребенокъ. Я отвыкла, съ какихъ вѣдь лѣтъ я жила иначе!

— Знаю, знаю. Ну, никто, какъ Богъ. Все устроится, я еще съ ней поговорю. Ты не серди ее, постарайся, сколько можешь, а тамъ... такъ ты помиришься, да?

— Я уже сказала, папа.

— Ну, вотъ спасибо. Я зналъ, что ты исполнишь мою просьбу Спасибо, голубушка!—сказалъ онъ и горячо поцѣловалъ дочь.

Лидія спустилась внизъ раньше обѣда, не желая дѣлать брата свидѣтелемъ примиренія. Ей и такъ было не легко, а при братѣ она ни за что бы не могла исполнить просьбу отца. Это она ясно сознавала.

— Мамочка, вы все еще сердитесь на меня? — промолвила Лидія, подходя къ матери.—Ну, полноте, простите, если я такъ грубо отвѣтила вамъ. Право, я не хотѣла... но вы... вы обидѣли меня, мама!

На ея глазахъ навернулись все таки слезы отъ сознанія своего оскорбленія. Она наклонилась и поцѣловала у матери руку.

Не столько самое извиненіе, сколько этотъ поцѣлуй тронулъ Наталью Григорьевну. Лидія не имѣла привычки цѣловать у нея руку, да это и не было въ обычаѣ у Шерстобитовыхъ. Вѣра тоже никогда не цѣловала.

— Не думала я тебя обидѣть, Лидія,—растроганнымъ голосомъ отвѣтила Наталья Григорьевна. — Сорвалось такъ. Я не хотѣла обидѣть. Да я глаза выцарапаю тому, кто тебя обидитъ. Разсердилась я тогда: ужь ты больно неладно сдѣлала.

— Да что же такое, мама?

— Э, что про старое говорить, — вмѣшался Маркъ Васильевичъ, боявшійся длинныхъ объясненій Лидіи съ матерью.—Обѣ вы тогда были неправы, да помирились, и слава Богу! Давай-ка, собирай обѣдъ, мать; я что-то ѣсть хочу. Скоро и Сергѣй придетъ.

Онъ, дѣйствительно, скоро пришелъ и былъ очень недоволенъ состоявшимся примиреніемъ. Лицо его сдѣлалось еще злѣе, улыбка исчезла съ губъ. Желая чѣмъ нибудь досадить сестрѣ, онъ не выдержалъ и сообщилъ, что въ городѣ говорятъ по поводу того,

Digitized by Google

что Лебедевъ былъ у нея въ гостяхъ. Никто на самомъ дѣлѣ и не думалъ говорить, потому что никто не зналъ. Сергѣй нарочно все выдумалъ. Онъ хотѣлъ вызвать мать на новое замѣчаніе, но ему пришлось ошибиться на этотъ разъ: мать заступилась за дочь.

— Пусть всякій за собой смотритъ, а нечего за другими. У Лидіи есть родители, и они знаютъ, что можно и чего нельзя. Кто тебѣ сказалъ-то?

— Тамъ, въ полиціи.

— И врешь ты навѣрное, — замѣтилъ отецъ.

— Я у васъ все вру.

— А ты бы взялъ да и заступился за сестру,—сказала опять мать.—Какой же ты братъ послѣ того?

— Ну, да что мнѣ. Она будетъ...

— Не твое дѣло! Молчать!—крикнулъ отецъ.—Только посмѣй еще. Я тебя вонъ выгоню, негодяй!

Обѣдъ кончился въ непріятномъ и неловкомъ молчаніи. Послѣ обѣда, Лидія получила письмо отъ Лебедева.

«Ученѣйшая изъ смертныхъ и просвѣтительница темныхъ! — писалъ Лебедевъ: — сейчасъ покидаю грязноводскія палестины. На вокзалѣ я встрѣтилъ здѣшняго богача, Мамонтова. Разговорились. Оказывается, онъ хотѣлъ нанять для своей Матреши и заодно для сына здѣшнюю учительницу, чтобы она наставляла уму-разуму его жирныхъ чадъ. Но сія дама пока еще не вернулась, о чемъ Мамонтовъ и сокрушался. У меня сейчасъ мелькнула блестящая мысль: «эге,—сказалъ я самъ себѣ:—а вотъ бы занятіе для Лидіи Марковны! Не такъ бы скучно было, да и практика». Каюсь, покривилъ я душой, наговорилъ купчинѣ столько о преимуществѣ васъ, какъ курсистки, передъ здѣшней учительницей, что онъ сейчасъ же выразилъ желаніе пригласить васъ. Итакъ, если угодно, идите немедленно къ нему. Кстати онъ и вашего отца знаетъ. Берите больше, у него карманъ толстъ, а впрочемъ виноватъ, я и забылъ, что вы идеалистка. До свиданія. Вернусь — заѣду.

Вѣчный вашъ поклонникъ Ю. Лебедевъ».

Лидія была очень рада. Она, дѣйствительно, начала скучать и не знала, что дѣлать. Деньги также имѣли для нея значеніе: она привыкла жить на свой заработокъ и не хотѣла зависѣть отъ отца. Она рѣшила взять урокъ. Отецъ и мать одобрили ея намѣреніе и она сейчасъ же отправилась къ Мамонтову. Онъ жилъ богато. Въ гостиной, куда провели Лидію,

Digitized by Google

мебель была роскошная, но на всемъ лежала печать чего-то аляповатаго, мѣщанскаго. Мамонтовъ встрѣтилъ дѣвушку любезно.

— Очень пріятно, очень пріятно, — произнесъ купецъ, опустился въ кресло, разставилъ широко ноги и уперся руками въ колѣни.

Онъ помолчалъ и промолвилъ:

— Вы въ Петербургѣ изволили обучаться, сказывалъ мнѣ Юрій Осиповичъ?

— Да, въ Петербургѣ, на высшихъ курсахъ.

— На высшихъ курсахъ? Такъ-съ! Это выше гимназіи, стало?

— Да. Это все равно, что университетъ.

— Ишь ты!

Въ комнату вошла жена Мамонтова, высокая женщина, вдвое толще, чѣмъ онъ самъ, хотя и онъ былъ достаточно широкихъ размѣровъ.

— Слышишь, Акулина Никифоровна, барышня-то въ университетѣ обучалась. Вонъ оно какъ нынче-то барышни хватаютъ,— сказалъ Мамонтовъ.

Акулина Никифоровна поздоровалась съ Лидіей, сѣла на диванъ и, скрестивъ руки на животѣ, промолвила, вздыхая:

— Ужь и дивное же творится нонѣ на свѣтѣ. Въ прежнее время, коли дѣвушка выучилась грамотѣ, то и слава Богу, а теперь на-ка что... О-охо-хо! Не грѣшно ли только это? По моему, грѣхъ одинъ.

— У тебя все грѣхъ, — басисто разсмѣялся Мамонтовъ.— Мясо въ постъ поѣлъ—грѣшно, поплясали—грѣшно!

— А что же, по твоему, спасенье что ли? Вѣстимо, грѣхъ.

— Ну, ладно. Будь по твоему,— махнулъ рукою мужъ и обратился къ Лидіи:

— Такъ, стало, вы согласны обучать мою дѣвчонку?

— Да, я взялась бы.

— Отлично. У меня еще сынишка есть. Во второй классъ долженъ былъ бы перейти, да лѣнивъ больно. Вы его тоже немножко того, поприсадите.

— Хорошо, я займусь и съ нимъ.

— Вотъ и чудесно, а сколько же вы съ насъ за все возьмете?

— Право, не знаю. Назначьте вы сами.

— Въ Петербургѣ-то вы обучали?

— Да, я тамъ имѣла урокъ.

— Что же вы получали?

— Мнѣ платили сорокъ рублей.

— Сорокъ?—удивился Мамонтовъ.—Гм! Одначе сумма...

Digitized by Google

— Господи! — всплеснула руками купчиха, — сорокъ рублей! Да эдакое жалованье и чиновникъ не всякій получаетъ.

— Я вѣдь не прошу столько. Я только отвѣтила на вашъ вопросъ,—отнеслась Лидія къ Мамонтову.

— У насъ, у тятеньки,—продолжала Акулина Никифоровна:— дьяконъ обучалъ. Такъ онъ за всѣхъ насъ пятерыхъ бралъ два рубля.

— Ну, что̀ пустое говорить! — перебилъ мужъ. — Оставь ты своего тятеньку. Мало ли что когда было, да вѣдь то и—дьяконъ, а барышня, слышишь, ниверситетъ кончила.

— А по моему, дьяконъ способнѣе: божественному лучше наставитъ, а то ученые и въ Бога-то не вѣруютъ.

— Молчи, жена,—остановилъ Мамонтовъ строго:—тутъ объ дѣлѣ, а она со своимъ скрипомъ. Нѣтъ, вотъ что, барышня,— обратился онъ къ Лидіи, — пятнадцать рублевъ я вамъ положу, а больше ни-ни, какъ вамъ угодно!

— Я согласна,—сказала Лидія.

— Ну, стало по рукамъ!

И онъ протянулъ свою широкую руку Лидіи.

— Такъ я съ завтрашняго дня и начну занятія, — сказала она, вставая.

— Дѣло,—промолвилъ Мамонтовъ:—будетъ Матрешкѣ слоны слонять, да и Костюшку надо подтянуть, а то что ни день—то новые штаны... Какъ на огнѣ горитъ одежа.

Лидія стала прощаться.

— Только вы ужь, пожалуйста, милая барышня, насчетъ божественнаго-то,—промолвила купчиха,—а то на кой прахъ и ученіе, если Матренушка Бога забудетъ.

— Пошла опять свое!—махнулъ рукою Мамонтовъ и вышелъ изъ комнаты.

Лидія, молча, поклонилась Акулинѣ Никифоровнѣ и также вышла.

XIII.

Лидія вообще любила заниматься съ дѣтьми, а теперь еще съ бо̀льшимъ жаромъ принялась за уроки, потому что начинала уже скучать безъ всякой работы. Мальчикъ оказался отчаяннымъ шалуномъ и отъявленнымъ лѣнивцемъ; онъ не училъ заданныхъ уроковъ, вмѣсто ариѳметическихъ задачъ въ тетрадкѣ рисовалъ кошекъ, лошадокъ и перебивалъ объясненія учительницы самыми

Digitized by Google

неподходящими замѣчаніями. Спрашивала его Лидія, напримѣръ, изъ грамматики. «Да, да,—отвѣчалъ онъ, глядя въ окно, и вдругъ восклицалъ, хватая дѣвушку за руку: — посмотрите, посмотрите, Лидія Марковна, какая собака бѣжитъ: безхвостая и точно опшаренная».—Лидія строго останавливала его, но онъ не обращалъ на это вниманія, и спустя нѣсколько минутъ, видя въ окно, какъ его знакомый мальчикъ цѣлится камнемъ въ кошку, кричалъ ему: «ты ей въ морду валяй, Мишка, въ морду».

При всемъ этомъ, онъ былъ очень способный мальчикъ и, когда хотѣлъ, училъ уроки хорошо и быстро.

— Вѣдь вотъ, Костя, можете же вы учиться, а не хотите,— замѣчала Лидія.

— Скучно учиться,—признавался онъ откровенно.

— Все таки, надо же!

— А зачѣмъ? Мнѣ не въ чиновники идти, я торговать буду.

Матреша была дѣвочка тихая, прилежная, но ей все давалось трудно и ко всему она относилась вяло и апатично. Чуть что — она принималась плакать, и Лидіи стоило большаго труда ее успокоить. Мать, изрѣдка заходившая въ классную комнату, сокрушалась все по поводу того, что Матреша занималась мало божественнымъ, и просила учительницу не очень «допекать дѣвочку науками». Она въ душѣ раздѣляла и мнѣніе сына, что ему незачѣмъ учиться, но громко этого не высказывала, зато относительно дочери выражалась прямо: — «какая наука дѣвочкѣ! Умѣла бы читать священное — вотъ и все. Рукодѣлье ей надо знать, а не книжки».

Вернувшись изъ Соиска, Лебедевъ заѣхалъ къ Лидіи, которая на этотъ разъ приняла его въ залѣ. Наталья Григорьевна выслала чай съ Марьей, но сама не вышла. Она была недовольна посѣщеніемъ доктора, но послѣ того, какъ онъ разъ уже былъ, она находила неловкимъ теперь не принять его.

— Ну, что ваши занятія съ этими буржуазными болванчиками?—освѣдомился Лебедевъ у Лидіи.—Не наскучило?

— Я люблю заниматься съ дѣтьми,—отвѣтила дѣвушка.

— Поди, и олухи царя небеснаго? Или нѣтъ?

— Дѣвочка туповата, а мальчикъ способный, только лѣнивъ, не хочетъ учиться.

— Да и зачѣмъ ему! У отца сума толстая; будетъ торговать, потомъ женится, богатую дуру возьметъ съ капиталомъ, въ гласные попадетъ, на церковь пожертвуетъ, увѣситъ грудь медалями, отечество надѣлитъ дюжиною ребятъ—и вотъ его земная миссія будетъ свято исполнена.

Digitized by Google

Лидія разсмѣялась.

— А, можетъ быть, его жизнь не такъ сложится?—сказала она.

— Если не буквально, то въ этомъ родѣ. Шаблонъ извѣстный.

Лебедевъ былъ не въ духѣ, обо всемъ говорилъ раздраженно и не долго оставался у Лидіи. Прощаясь, онъ сказалъ, что завтра уѣзжаетъ, но что опять скоро пріѣдетъ.

— А что питерскіе... Левъ Львовичъ какъ? Что онъ не-ѣдетъ?—спросилъ онъ, уходя.

— Его дѣла задержали. Я вчера отъ него получила письмо. А подруги меня все зовутъ къ осени въ Питеръ.

— Эхъ,—началъ было Лебедевъ, но не кончилъ и, махнувъ рукою, вышелъ.

Что онъ хотѣлъ сказать, Лидія такъ и не поняла.

Тупость Матреши и лѣность Кости не охлаждали рвенія молодой учительницы. Она хотѣла во что бы ни стало сломить упрямство одного и апатичность другой. Она послала письма Дунѣ и Крестовниковой, развернула передъ ними свой планъ, описала своихъ учениковъ и просила совѣта.

«Еслибы не эти уроки,—писала она, между прочимъ, Лизѣ,—я бы, право, не знала, что здѣсь и дѣлать. Гулять и гулять безцѣльно скучнѣе всего, да и гдѣ гулять, съ кѣмъ? Дома пока мирно, если не считать столкновенія съ братомъ, который не оставляетъ меня въ покоѣ, сердясь главнымъ образомъ за то, что я заняла его комнату. Я уже хотѣла отдать ее, но отецъ и мать воспротивились этому. Право, не знаю, что будетъ дальше. Вы зовете меня въ Петербургъ. Я и сама бы туда не медля поѣхала, но... ихъ нѣсколько, этихъ «но». Во-первыхъ, жалко отца. Онъ такъ безгранично любитъ меня, такъ старается во всемъ угодить, такъ смотритъ на меня порою, что даже неловко заикнуться объ отъѣздѣ. Онъ часто заходитъ ко мнѣ, мы говоримъ; больше я ему разсказываю. Онъ счастливъ уже тѣмъ, что я съ нимъ, и нерѣдко, когда я занята, онъ сидитъ въ моей комнатѣ и все время смотритъ на меня. Онъ такъ радъ моему возвращенію—и вдругъ уѣхать, оставить его. Это первое «но», и самое главное. Во-вторыхъ, я хочу попробовать свои силы: какъ-то стыдно уйти, не попробовавши. Если ничего не выдетъ или я не добьюсь мѣста, то, конечно, уѣду; но уѣхать такъ, безъ всякой причины—это значитъ обидѣть не только отца, но и мать—а я не хочу».

На это письмо Лидія получила отвѣтъ, въ которомъ Крестовникова одобряла планъ подруги и ея желаніе побѣдить «купече-

Digitized by Google

скую лѣнь и апатію», хотя и прибавляла: «только стоитъ ли класть силы на этихъ людишекъ»?

«Дѣло не въ людишкахъ—подумала Лидія:—но во мнѣ, въ томъ, что я одержу побѣду», и ревностно продолжала борьбу.

Наступилъ день рожденія Тани, который она всегда справляла вечеринкой. Лидія, конечно, была приглашена, и вотъ что на другой день писала она въ Петербургъ Лизѣ:

«Опять пишу тебѣ, другъ мой! Ты упрекала, что я пишу мало и рѣдко; теперь ты не можешь укорять меня. На этотъ разъ ты получишь такое длинное письмо, что навѣрное устанешь его читать. Нельзя иначе. Не могу молчать о побѣдахъ и не подѣлиться тѣмъ, что случилось вчера. Ты удивлена. «Какія побѣды?» спрашиваешь ты. А такія, что я покорила два мужскихъ сердца. Однако, позволь тебѣ написать все подробно. Я вчера была на вечеринкѣ у Тани, которую ты нѣсколько знаешь по моимъ письмамъ. На вечеринкѣ было много молодежи обоего пола. Танцовали сперва подъ гитару, а потомъ подъ скрипку. Всѣмъ, кромѣ меня, было очень весело. Барышни—все мѣщаночки, или дочери мелкихъ чиновниковъ. Нѣкоторыя кое-чему учились, а многія совсѣмъ безграмотны, хотя одѣваются по модѣ, и по виду, что называется, барышни. Разумѣется, это не мѣшаетъ имъ говорить: рукамъ, ногамъ, (вмѣсто: руками, ногами) офицерóвъ, дѣлóвъ и и д. Кавалеры—чиновники, прикащики, желѣзнодорожные служащіе. Между ними нѣкто Сачковъ, машинистъ, считается красавцемъ и первымъ кавалеромъ. Въ него влюблена одна купеческая дочка, которую я знала еще до Петербурга. Онъ ей тоже симпатизируетъ или, говоря проще, не прочь на ней жениться. Онъ еще не сватался, но дѣло уже «налажено», какъ говоритъ мама. Какъ-то на бульварѣ я встрѣтилась съ этимъ «красавцемъ». Пожалуйста, обрати вниманіе на то, что слово: красавецъ я ставлю въ ковычки. Вообрази, онъ удостоилъ меня своимъ вниманіемъ, я ему понравилась. Я писала Дунѣ о немъ, не знаю: говорила ли она тебѣ. Но онъ глупъ, какъ сто Папковыхъ вмѣстѣ. Теперь ты имѣешь о немъ понятіе. Да вотъ тебѣ: онъ серьезно убѣжденъ, что на нашихъ курсахъ читаютъ науку — нигилизмъ. Хорошъ? При этомъ—онъ самаго высокаго мнѣнія о себѣ, и страшно нахалѣнъ. Купеческая дочка вообразила, что я тоже имъ увлекаюсь, и чуть не сдѣлала мнѣ сцены на бульварѣ. Послѣ этого, встрѣчаясь со мной, онъ раскланивался самымъ любезнымъ образомъ, и одинъ разъ пробовалъ меня проводить, но потерпѣлъ фіаско. Онъ немножко знакомъ съ братомъ и приходилъ къ нему въ гости, но я сейчасъ же ушла къ себѣ на верхъ и просидѣла тамъ все

Digitized by Google

время. Братъ ставитъ его очень высоко, и чуть ли не подражаетъ ему. Онъ былъ обиженъ за своего кумира, и кольнулъ меня Лебедевымъ. Я сочла за лучшее промолчать. На вечеринкѣ мнѣ волей-неволей пришлось танцовать съ Сачковымъ. Я совсѣмъ не хотѣла танцовать, но Таня стала просить. Я согласилась, тутъ подошелъ Сачковъ — отказать было неловко. Онъ разсыпался въ любезностяхъ, понимая ихъ, конечно, по своему, и упрекнулъ меня въ гордости. Я отвѣтила ему, что я вовсе не горда, и спросила — почему онъ такъ думаетъ. Оказалось, что онъ приписываетъ гордости то, что я избѣгаю его. «Разумѣется,—сказалъ онъ съ дѣланною скромностью,—мы для васъ что̀: вы привыкли вести знакомство съ людьми просвѣщенными, съ докторами». Намекъ былъ глупъ и дерзокъ. Я хотѣла отвѣтить ему, что вообще предпочитаю людей умныхъ и вѣжливыхъ, но удержалась. И хорошо сдѣлала, потому что въ этотъ вечеръ одной дѣвушкѣ онъ сказалъ страшную дерзость. Ему не понравился ея отвѣтъ, и онъ прямо сказалъ ей: «плевать я на васъ хочу». Чего добраго, онъ бы не поцеремонился и со мною. Впрочемъ, не смотря на мою сухость, онъ продолжалъ ухаживать за мной, не обращая вниманія на свой «предметъ». Его ухаживаніе всѣмъ бросилось въ глаза, и одна изъ кумушекъ мнѣ прямо замѣтила: «что это нашъ Сачковъ все около васъ?—видно, вы ему очень понравились». И прибавила: «что же? онъ на дорогѣ; женихъ—хоть куда».—Еще бы!—отвѣтила я, улыбаясь. Но бѣдной Дашѣ совсѣмъ было не до смѣха. Мнѣ до того стало ее жалко, что я не удержалась и замѣтила Сачкову, который старался все время сидѣть непремѣнно около меня: — Послушайте, monsieur Сачковъ, вы поступаете очень дурно относительно одной особы. «Какой?»—спросилъ онъ, какъ будто не догадываясь.—Вы знаете сами. «А почему же дурно?»—спросилъ онъ. — Потому, что она васъ любитъ и страдаетъ. «Мало ли я кого люблю и страдаю», сказалъ онъ.—Но вѣдь и вы къ ней неравнодушны? «Позвольте,—перебилъ онъ съ усмѣшкой:—чувства мѣняются. Когда-то, дѣйствительно, она мнѣ нравилась, а теперь нравится совсѣмъ другая». Я поняла его намекъ и безъ того взгляда, которымъ онъ сопровождалъ свои слова.—Напрасно,—сказала я:—вы можете проиграть. Совѣтую вамъ остаться вѣрнымъ старому чувству.—«Вы рѣшительно мной пренебрегаете?»—вдругъ спросилъ онъ. Я была удивлена его смѣлостью.—Причемъ тутъ я?—Тогда онъ довольно прозрачно объяснился мнѣ въ любви и сказалъ, что онъ вовсе не «интересанъ», какъ о немъ говорятъ, что онъ не гонится за приданымъ. Конечно, Даша богата, но онъ понимаетъ и цѣнитъ въ

Digitized by Google

женѣ образованность, и если я ему отвѣчу согласіемъ, то... Я не стала слушать его дальше, встала и отошла отъ него. Даша сидѣла невдалекѣ, блѣдная, готовая разрыдаться. Глупенькая Таня подошла ко мнѣ и довольнымъ тономъ замѣтила: «Ахъ, какъ я рада, что ты понравилась Сачкову; конечно, онъ тебѣ не пара, но пусть Даша о себѣ много не думаетъ». Но я думала совсѣмъ иначе. Я подошла къ Дашѣ и прямо объявила ей, что она напрасно на меня сердится, воображая, что я увлечена Сачковымъ и хочу его отбить. — Пожалуйста, не думай, что я соглашусь когда нибудь выйти за него, — сказала я. Она встрѣтила меня недружелюбно и не сразу повѣрила моей искренности. Бѣдняжка! ей казалось просто невѣроятнымъ, что я добровольно отказываюсь отъ такого счастья. Я постаралась ее убѣдить. «А я думала, что вы влюблены въ него... а вы вотъ... Да правду ли вы говорите?» Я снова принялась убѣждать ее. — Да объявите ему, пожалуйста, прямо,—сказала я,—что онъ мнѣ смѣшенъ, жалокъ, ну, что хотите. «Онъ не повѣритъ мнѣ»,—призналась Даша наивно.—Тогда я сама скажу ему, — воскликнула я и дѣйствительно сказала. И что бы ты думала: смутился? Нисколько! «Мнѣ,— говоритъ, — часто дѣвушки сначала такъ отвѣчали, а кончалось совсѣмъ наоборотъ». Ну, можно ли быть еще глупѣе и нахальнѣе? Меня это взорвало, я ушла въ Танину комнату и рѣшила не выходить до ужина. Теперь я разскажу тебѣ одинъ курьезъ, который случился со мной въ тотъ же вечеръ. Право, такого курьеза даже не выдумать. Спустя нѣсколько минутъ послѣ того какъ я ушла въ комнату Тани, туда вдругъ является одинъ изъ здѣшнихъ чиновниковъ, нѣкто Померанскій. Ему двадцать пять лѣтъ, обрати на это вниманіе. «Позвольте, говоритъ, просить васъ на кадриль?» Я отказала. «Но вѣдь вы танцовали съ Сачковымъ?» — Да, а теперь не хочу. «Вотъ какъ-съ, съ Сачковымъ хотѣли, а со мной нѣтъ? Чѣмъ же я хуже?» Я чуть не расхохоталась. — Я вовсе не потому отказала вамъ, что вы хуже: я просто не хочу больше танцовать,—сказала я. У «господина чиновника» губы затряслись, я такъ и думала, что онъ расплачется; но онъ ушелъ. Однако, черезъ нѣсколько минутъ, онъ вернулся снова и съ пожилою дамою. «Вотъ онѣ-съ», указалъ онъ ей на меня. Я еще не поняла, въ чемъ дѣло, какъ вдругъ «дама» накинулась на меня: «это вы почему же не хотите плясать съ моимъ сыномъ?» Я только тутъ догадалась, что она ему мать. Не хочу, и только. Что за вопросъ!—сказала я, едва удерживаясь отъ смѣха. Посуди въ самомъ дѣлѣ: двадцатипятилѣтній мужчина бѣжитъ и жалуется маменькѣ, что такая-то

Digitized by Google

барышня не хочетъ съ нимъ танцовать. Не потѣха ли? Но что случилось затѣмъ, ты себѣ и вообразить не можешь. «Маменька» осыпала меня такимъ потокомъ упрековъ, намековъ, даже, если хочешь, брани, что я совсѣмъ опѣшила. «Да вы не очень-то много воображайте о себѣ,—затараторила она:—еще не велико дѣло, что вы въ Петербургѣ жили, да *кушерству* учились (откуда она взяла, что я училась акушерству!) и почище васъ съ Ваней танцуютъ. Экая невидаль: кушерка! Она ли, не она ли въ Питерѣ побывала, да и носъ задрала! Или что Сачковъ-то увивается? Ужь не думаете ли, что онъ на васъ женится? Никогда онъ не промѣняетъ на васъ Даши»... Я попробовала было рѣзко остановить, — но куда! Тогда я поспѣшила отъ нея уйти. Я вся горѣла, и сейчасъ же хотѣла ѣхать домой, но Таня со слезами стала упрашивать меня остаться.—Да у тебя какія-то сумашедшія бабы въ гостяхъ! — не удержалась я, и разсказала ей все. «Ахъ, не обращай вниманія, — воскликнула она: — эта Софья Степановна извѣстная ужь: только обидь ея сына, она Богъ знаетъ, чего наговорить готова, и глаза выцарапаетъ за своего Ванюшу. Она вѣдь думаетъ, что его и лучше нѣтъ». Когда я успокоилась, мнѣ самой стало смѣшно, но въ первую минуту, признаюсь, я совсѣмъ не была расположена смѣяться. Скоро подали ужинъ. Я увидѣла, что Сачковъ старается всѣми силами устроить такъ, чтобы сѣсть рядомъ со мной, но ему не удалось. Я сѣла рядомъ съ какимъ-то юношей, котораго до сихъ поръ не замѣчала, и не мудрено: онъ весь бѣлый, одно бѣлое пятно, даже и одѣтъ въ свѣтлую пару. Такой скромный: едва говоритъ. По другую руку сидѣла какая-то пышечка хохотунья, которая невольно даже и меня заразила своимъ беззавѣтнымъ смѣхомъ. Раза два мнѣ пришлось обратиться къ услугамъ моего скромнаго сосѣда. Онъ оказался очень неловкимъ. Впрочемъ, это, можетъ быть, происходило отъ смущенія. Я спросила его о чемъ-то, онъ покраснѣлъ и такъ тихо отвѣтилъ, что я ничего не разобрала. Онъ очень некрасивъ, но едва ли не симпатичнѣе изъ всѣхъ, бывшихъ на вечеринкѣ. По крайней мѣрѣ, онъ мнѣ показался такимъ, когда послѣ ужина пригласилъ меня на кадриль, которою рѣшено было закончить вечеринку. Мнѣ очень не хотѣлось танцовать, и я ни съ кѣмъ бы не пошла. Но я посмотрѣла на него и согласилась. Я сразу поняла, какого труда стоило ему пригласить меня и какъ бы сильно смутилъ его мой отказъ. Я подала ему руку, и мы заняли мѣсто. Мы почти не разговаривали въ теченіе всей кадрили. Онъ только поинтересовался узнать, гдѣ я училась, и наивно, и въ то же время съ нескрываемымъ уваженіемъ,

Digitized by Google

произнесъ:—«вамъ, должно быть, очень трудно было!» Я спросила о немъ Таню, и она сообщила, что онъ служитъ у мироваго судьи, получаетъ маленькое жалованье, но очень уважаетъ образованныхъ людей, хотя самъ вышелъ изъ втораго класса училища. «А знаешь, — объявила мнѣ Таня, — ты ему ужасно понравилась». — Ты почемъ знаешь? — спросила я. — «Да ужь знаю.» — Она подмигнула и прибавила: «онъ весь вечеръ за тобой слѣдилъ, ни съ кѣмъ не танцовалъ, только тебя и пригласилъ на кадриль. Вѣроятно, и раньше хотѣлъ, да не могъ рѣшиться. Надъ нимъ ужь подсмѣивались пріятели, я подслушала». Вотъ тебѣ, Лиза, сердце № 2, покоренное мною. Глупенькій! Мнѣ, право, будетъ жаль, если онъ влюбится серьезно. Однако, сколько уже страницъ я написала, и о чемъ! Ты навѣрное не думала получить такого письма. Но если пошло дѣло на побѣды, такъ сообщу теперь и о третьей. Моя *тупенькая* Матреша такъ мило передала недавно одинъ разсказъ, что привела меня въ восхищеніе. Она же сама попросила у меня почитать книжку. Пойми мой восторгъ и поздравь меня. Но зато «кавалеръ» невыносимъ. Совсѣмъ не учится, а вчера выскочилъ въ окошко и убѣжалъ. Я хотѣла пожаловаться отцу, но мать чуть не со слезами стала упрашивать *не подводить* Костеньку. Что тутъ дѣлать? Дома... Ахъ, братъ хочетъ меня совсѣмъ уничтожить. Онъ въ такомъ свѣтѣ представилъ мамѣ мое поведеніе на вечеринкѣ, что она въ ужасъ пришла. Мнѣ стоило большаго труда ее разубѣдить, но она все таки продолжаетъ немножко коситься и говорить, что я держу себя вольно, не такъ какъ слѣдуетъ дѣвушкѣ, и словно въ чемъ-то подозрѣваетъ. Я сегодня получила письмо отъ Веригина (онъ бросилъ урокъ и уѣхалъ къ матери въ Кострому). Письмо почтальонъ подалъ при мамѣ. «Отъ кого?» — спросила она. Я сказала, что отъ одного студента. Она нашла, что переписываться съ молодымъ человѣкъ неприлично. «Въ наше время— сказала она: — дѣвушка со стыда бы сгорѣла, еслибы мужчина ей написалъ... Поди, онъ и въ гости къ тебѣ ходилъ въ Петербургѣ?»—спросила она, спустя нѣсколько минутъ.—Да,—сказала я. Она только рукой махнула. Но это все таки не ссора. Прощай, голубчикъ. Пиши же мнѣ. Да что это Дуня? я ей писала два раза—не отвѣчаетъ. Здорова ли? Цѣлую тебя крѣпко.

Твоя *Лидія*.

PS. Если выйдетъ мѣсто мнѣ, дай немедленно знать».

А. Кругловъ.

(*Окончаніе будетъ*).

Digitized by Google

ИЗЪ ДНЕВНИКА.

Нѣтъ, мнѣ не перенесть мученія разлуки:
Забвенія найти напрасно хочетъ грудь,
И опускаются мои въ безсильѣ руки,
Какъ вспомню я слова твои: «забудь! забудь!»
Забудь! Но можно ли забыть—не атомъ жизни,
Не часть малѣйшую, а смыслъ ея и цѣль.
Возможно ли забыть о сердцѣ, объ отчизнѣ,
Возможно ли забыть родную колыбель?!.
А ты была мнѣ все: и жизни смыслъ, и счастье;
Ты сердцу жизнь дала, ты—думъ прекрасныхъ свѣтъ,
Ты—пѣснямъ родина, ты—колыбель участья,
Гдѣ я отъ прежнихъ бурь былъ съ лаской отогрѣтъ.
Нѣтъ, нѣтъ! И никогда! Пусть крики осужденья
До гроба будутъ насъ преслѣдовать съ тобой,
Пусть презираютъ насъ, пусть намъ готовятъ мщенье,
Иди безтрепетно, иди, мой другъ, со мной!

М. Языковъ.

Digitized by Google

СОКРОВИЩНИЦА АЦТЕКОВЪ.

Романъ изъ современной древности.

XIV.

Висячая цѣпь.

Винтообразная лѣстница, по которой мы пошли, руководимые царскимъ символомъ и стрѣлою, привела насъ къ выемкѣ утеса, черезъ которую воды верхняго озера хлынули на городъ въ долинѣ и затопили его. Здѣсь мы сдѣлали удивительное открытіе—именно убѣдились, что большая выемка въ скалахъ, послужившая дорогой наводненію, не была результатомъ какого нибудь геологическаго переворота, какъ мы предполагали раньше, но оказалась дѣломъ человѣческихъ рукъ. По направленію къ отверстію, откуда хлынула вода, скала была выдолблена, что доказывало, что тутъ провели искусственный каналъ, простиравшійся отъ края утеса до озера, которое нѣкогда наполняло долину, лежавшую теперь передъ нами обнаженной и пустой; съ помощью подзорной трубы мы могли разсмотрѣть, что это искусственное русло тянулось на далекое разстояніе. Наши сомнѣнія окончательно разсѣялись, когда мы нашли на землѣ необыкновенно длинный буравъ, сдѣланный изъ того же блестящаго твердаго металла, который мы часто теперь встрѣчали, не зная его состава; онъ лежалъ возлѣ самаго пролома.

— Вотъ настоящая дьявольская махинація,—сказалъ Рейбёрнъ, разсмотрѣвъ все въ подробности.—Тотъ, кто совершилъ такое дѣло, долженъ былъ употребить на это цѣлые

Digitized by Google

мѣсяцы, даже годы, работая подобнымъ орудіемъ. Очевидно, здѣсь былъ систематически обдуманный планъ съ явною цѣлью затопить разомъ всѣхъ жителей города. Съ точки зрѣнія инженернаго дѣла, я долженъ сознаться, что это выполнено чрезвычайно искусно. Посмотрите, напримѣръ, какъ умно выбрано здѣсь мѣсто, гдѣ скала почти перпендикулярно опускается въ озеро; здѣсь долженъ былъ сосредоточиться весь напоръ воды, когда ей открыли выходъ. Если не ошибаюсь, тутъ же была средняя линія отверстій, выдолбленныхъ въ каменной массѣ, которую надо было прорвать. Я сдѣлалъ бы то же самое. Но, въ самомъ дѣлѣ, надо быть дьяволомъ во плоти, чтобъ устроить подобную штуку!

Дѣйствительно, кровь застывала въ жилахъ при мысли о медленномъ, упорномъ трудѣ людей, которые работали здѣсь день за днемъ, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, пока не осуществили своего сатанинскаго плана уничтожить населеніе цѣлаго города, не нанеся ни единаго удара въ честномъ бою. Такая месть врагу не имѣла себѣ подобной по хладнокровному разсчету и лукавой жестокости съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ. Въ нижней долинѣ мы видѣли, подъ невозмутимой поверхностью озера, бѣлѣвшія кости многихъ тысячъ людей, погибшихъ разомъ, когда это дьявольское предпріятіе было окончено и воды, хлынувшія въ искусственный каналъ, блестя и сверкая на солнцѣ, ринулись впередъ исполнять свое убійственное назначеніе. А тѣ, кто спустилъ ихъ, вѣроятно, стояли на томъ же мѣстѣ, гдѣ остановились теперь и мы; при видѣ результата своихъ упорныхъ трудовъ, они ликовали, наслаждаясь мщеніемъ. Право, даже въ аду нѣтъ достаточнаго наказанія для такой безчеловѣчной жестокости!

Насъ пробирала нервная дрожь, когда мы повернули въ сторону отъ этого мѣста потрясающей трагедіи; страшная катастрофа скрывалась подъ завѣсой глубочайшей тайны; здѣсь все было безвозвратно погребено, кромѣ голаго факта, что это когда-то случилось.

На далекомъ пространствѣ нашъ путь продолжался по краю обнаженной глубокой долины, нѣкогда служившей бассейномъ озера, и мысль объ ужасномъ злодѣйствѣ, орудіемъ котораго сдѣлались ни въ чемъ неповинныя воды, наводила на насъ унынie. Невольно представляли мы себѣ этихъ людей

Digitized by Google

давно прошедшихъ временъ, совершившихъ отвратительное массовое убійство въ отмщеніе народу, который мы теперь отыскивали, и насъ волновалъ неопредѣленный страхъ за свою участь. Что́ будетъ съ нами, когда мы найдемъ то, чего искали? Можно ли ожидать милосердія отъ дикой расы, характеристическими чертами которой очевидно были тонкая хитрость и холодная, лукавая жестокость? Мы подвигались впередъ въ уныломъ молчаніи, погруженные въ задумчивость.

Наша теперешняя дорога была проложена также тщательно, какъ и та, которая спускалась изъ ущелья въ долину къ затопленному городу. Ея повороты и подъемы были удивительно ровны и удобны для ходьбы: гдѣ она пролегала по открытымъ мѣстамъ, камни были сдвинуты въ сторону и навалены кучами по ея окраинамъ; когда же она шла по краю пропасти, то утесы въ этомъ мѣстѣ были выдолблены, чтобы дать ей больше простора; трещины и разсѣлины въ скалахъ были заложены каменными глыбами, въ видѣ моста. Рейбёрнъ не могъ надивиться искусству этого сооруженія и сказалъ, что здѣсь понадобится немного труда, чтобъ проложить рельсовый путь.

Долина, которую мы огибали слѣва и гдѣ находилось прежде озеро, постепенно съуживалась; шоссе поднималось въ гору отлого и ровно, тогда какъ дно долины образовало крутой спускъ.

Когда мы достигли мѣста, гдѣ по нашему разсчету начиналось озеро, то открыли новое доказательство громадныхъ трудовъ, потраченныхъ на то, чтобы обратить невинныя воды въ страшное орудіе разрушенія. Глубоко подъ нами, по всей ширинѣ долины, которая, впрочемъ, съуживалась здѣсь до размѣровъ ущелья, мы увидали высокую, обширную каменную стѣну. Только тутъ дѣлался вполнѣ понятенъ дьявольскій планъ палачей и становилось яснымъ, сколько лѣтъ они употребили на его осуществленіе. Постройка стѣны повысила уровень озера на цѣлыхъ триста футовъ и такимъ образомъ была собрана масса воды, достаточная для того, чтобы пробить скалу, хлынувъ черезъ выдолбленныя отверстія въ центрѣ и по бокамъ. Это было возможно также и потому, что скала, въ которой хотѣли сдѣлать проломъ, была искусственно утончена при медленномъ подъемѣ воды, послѣ устройства гро-

Digitized by Google

мадной плотины. Ясно, что все это предпріятіе было задумано съ хладнокровной сатанинской изобрѣтательностью, ручавшейся за полную возможность достигнуть ужасной цѣли, къ которой стремились злодѣи. Еслибъ у насъ не было такого доказательства передъ глазами, мы никогда бы не подумали, что человѣческія сердца могли питать въ себѣ столько дьявольской злобы, что обыкновенные смертные употребили цѣлые годы кропотливаго, настойчиваго труда на то, чтобъ осуществить такое утонченное мщеніе. Мнѣ это казалось тѣмъ болѣе потрясающимъ, что съ момента катастрофы прошло такъ много времени. Цѣлыя столѣтія канули въ вѣчность, и убійцы,—проживъ положенное имъ число лѣтъ, — исчезли съ лица земли, какъ и ихъ безчисленныя жертвы, а между тѣмъ слѣды страшнаго преступленія остались на этихъ камняхъ, которые, пожалуй, просуществуютъ до конца міра. Такимъ образомъ, грѣшники собственными руками воздвигли себѣ памятникъ,—онъ до сихъ поръ служитъ живою лѣтописью ихъ грѣха, не оправдываемаго даже ослѣпленіемъ страсти, потому что онъ былъ совершонъ постепенно, съ мелочнымъ и хладнокровнымъ разсчетомъ.

Мы были рады уйти подальше отъ этого мѣста и вступили въ ущелье, заканчивающее долину; здѣсь насъ охватилъ мракъ, гармонировавшій съ нашимъ душевнымъ настроеніемъ. Утесы вздымались надъ нами такъ высоко, что ихъ вершины какъ будто сходились вмѣстѣ и между ними виднѣлась только узкая полоска яснаго голубаго неба, а подъ нашими ногами зіяла пропасть не менѣе тысячи футовъ глубины; въ этой безднѣ царилъ такой мракъ, что мы не могли бы въ ней ничего разсмотрѣть, еслибъ на самомъ днѣ не сверкалъ пѣнистый горный ручей. Здѣсь дорога была почти цѣликомъ высѣчена въ скалѣ и мы могли замѣтить точно такую же дорогу, вырубленную въ скалѣ на противоположной сторонѣ пропасти. Мы недоумѣвали, къ чему было затрачивать напрасно столько труда, потому что и одной тропинки было бы достаточно. Даже Янгъ несовсѣмъ вѣрилъ въ высказанное имъ предположеніе, будто бы двѣ до-историческихъ желѣзнодорожныхъ компаніи выхлопотали концессію на проведеніе своей линіи по обѣимъ сторонамъ ущелья и начали постройку, соперничая между собою.

Digitized by Google

Но эта загадка выяснилась, когда мы убѣдились, что другая дорога была только раздвоеніемъ той, по которой мы шли. Обогнувъ поворотъ въ ущельѣ, мы внезапно приблизились къ глубокой естественной разщелинѣ скалы, черезъ которую перевѣшивался большой уступъ утеса, закрывшій передъ нами небо. Здѣсь нашъ путь поднимался въ гору, а его продолженіе находилось по другую сторону глубокой пропасти въ добрыхъ шестидесяти футахъ разстоянія. — Нечего сказать, хорошъ прыжокъ! — произнесъ Рейбёрнъ, когда мы подошли къ краю бездны и въ недоумѣніи переглянулись между собою. Однако было очевидно, что люди, затратившіе столько времени и труда на проложеніе этихъ дорогъ по обѣимъ сторонамъ ущелья, какимъ нибудь образомъ преодолѣвали же это препятствіе. Оставалось предположить, что черезъ разщелину былъ устроенъ висячій мостъ изъ ліанъ, какія до сихъ поръ встрѣчаются въ жаркихъ странахъ Мексики въ такихъ пунктахъ, гдѣ нѣтъ обыкновеннаго моста черезъ рѣку. Но это относилось уже къ давнишнему прошлому и въ позднѣйшее время этотъ способъ переправы былъ совершенно устраненъ. Здѣсь же, если и существовалъ когда нибудь такой мостъ, то отъ него не осталось никакихъ слѣдовъ. И вотъ мы снова въ безвыходномъ положеніи! Идти впередъ было немыслимо, а возвращаться назадъ безполезно. Самое бо̀льшее, чего мы могли достичь, пустившись въ обратный путь, это прійти опять въ Долину Смерти, откуда только что выбрались съ такою радостью. Но каждый изъ насъ скорѣе былъ готовъ прыгнуть въ пропасть, зіявшую подъ ногами, чѣмъ вернуться въ очаровательный, печальный уголокъ, чтобы умереть въ немъ съ голоду.

Однако, пока мы стояли у обрыва въ мрачной задумчивости, не зная, что̀ предпринять, неунывающій Янгъ, по своей привычкѣ, началъ зорко вглядываться въ ближайшіе предметы и, дѣйствительно, скоро нашелъ средство къ нашему спасенію. Онъ сообщилъ объ этомъ крайне своеобразнымъ способомъ.

— Вотъ вы думаете, небось, что хватаете звѣзды съ неба въ инженерномъ искусствѣ, не такъ ли? — крикнулъ агентъ, обращаясь къ Рейбёрну. — А случалось ли вамъ слышать о

Digitized by Google

мостѣ, подвѣшенномъ съ одного конца, которымъ пользуются, раскачивая его туда и сюда, какъ часовой маятникъ?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Рейбёрнъ быстро и рѣшительно,— никогда я не слыхивалъ ни о чемъ подобномъ.

— Я такъ и думалъ,—продолжалъ Янгъ, — значитъ, вы допускаете, что человѣкъ, занимавшійся сооруженіями по этой части, можетъ поучить вашу милость кое-чему? Вотъ хоть бы такой качающійся мостъ представляетъ для васъ новинку. Не могу сказать, чтобъ я самъ придавалъ ему большое значеніе. Для желѣзныхъ дорогъ, напримѣръ, онъ совсѣмъ не годится. Но если онъ выручаетъ людей изъ такого безвыходнаго положенія, какъ наше, тогда и ему поневолѣ будешь радъ. Вотъ мостъ. Видите вы его?

Мы всѣ взглянули по тому направленію, куда указывалъ Янгъ—его жестикуляція была до того серьезна, что даже фра-Антоніо съ Пабло поняли ея значеніе—и увидали едва замѣтную во мракѣ длинную цѣпь, висѣвшую на выступѣ скалы надъ нами. Ея нижній конецъ былъ прицѣпленъ на металлическомъ крюкѣ на передней сторонѣ утеса, на самой крайней точкѣ обрыва, гдѣ мы стояли. Что касается меня, то я не понялъ словъ товарища, даже когда увидѣлъ цѣпь, но Рейбёрнъ сообразилъ все въ одну минуту.

— Клянусь Юпитеромъ,—воскликнулъ онъ,—это хорошій урокъ для меня! Надо взять конецъ цѣпи, раскачаться на ней и перемахнуть на ту сторону!

Янгъ уже снялъ цѣпь съ крюка и пробовалъ ея крѣпость. На концѣ у нея находилась перекладина, достаточно большая, чтобъ за нее ухватиться; какъ перекладина, такъ и самая цѣпь были выкованы изъ блестящаго твердаго металла, образцы котораго мы встрѣчали теперь такъ часто. Верхній конецъ цѣпи былъ прикрѣпленъ высоко надъ нами на выступѣ скалы, почти близь центра ущелья, такъ что немного требовалось силы, чтобы, ухватившись за перекладину, раскачнуться хорошенько и перемахнуть черезъ пропасть къ обрыву на другой сторонѣ. Но я долженъ сознаться, что мысль о такой переправѣ вызывала у меня дурноту; никогда еще не желалъ я такъ пламенно вернуться назадъ, въ мой кабинетъ въ Аннъ-Арборъ!

— Ну, кажется, тутъ все въ порядкѣ,—сказалъ Янгъ.—

Digitized by Google

Впрочемъ, я попрошу васъ, Рейбёрнъ, повиснуть на цѣпи со мной вмѣстѣ. Вѣдь это не шутка, если она оборвется, когда человѣкъ будетъ на полдорогѣ; осторожность не мѣшаетъ ни въ какомъ дѣлѣ.—Когда же цѣпь выдержала и двойную тяжесть, онъ прибавилъ:—Ну, теперь я попробую,—и говоря такимъ образомъ, разбѣжался, держась за цѣпь, и прыгнулъ въ бездну.

Сердце у меня мучительно замерло, когда онъ опустился внизъ, но въ ту же минуту цѣпь поднялась могучимъ взмахомъ и Янгъ благополучно очутился на другой сторонѣ.—Отличное изобрѣтеніе!—крикнулъ онъ онъ намъ оттуда.—Перемахнуть сюда также легко, какъ и катить бревно.—И чтобъ доказать легкость переправы, онъ перемахнулъ къ намъ обратно.

Пабло обнаруживалъ признаки сильнѣйшаго безпокойства, присматриваясь ко всему происходившему, и встревоженно спросилъ:—Какъ же намъ быть съ Мудрецомъ, сеньоръ?

— Пустяки,—тутъ же отозвался Янгъ, обращаясь по англійски ко мнѣ и Рейбёрну.—Переправить на ту сторону осла будетъ также легко, какъ отворить и затворить дверь. Мы опять обвяжемъ его веревками, прикрѣпимъ къ цѣпи и дадимъ ему хорошій толчокъ, такъ что оселъ и не опомнится, какъ перелетитъ на ту сторону.

Но едва мы принялись приводить этотъ планъ въ исполненіе, какъ нашли, что онъ очень труденъ. Когда мы стали обвязывать Эль-Сабіо веревками, онъ началъ сопротивляться, вѣроятно, вспоминая съ ужасомъ свое воздушное путешествіе въ гротѣ; упрямство животнаго еще возросло, когда мы стали прикрѣплять веревку къ цѣпи. Рейбёрнъ переправился на ту сторону заблаговременно и стоялъ, готовый принять Эль-Сабіо на противоположной сторонѣ—онъ перебросилъ къ намъ цѣпь, привязавъ къ ней камень. Тутъ, пожалуй, по причинѣ нашей неловкости или изъ упрямства, оселъ, когда мы толкнули его впередъ, вцѣпился передними ногами въ край утеса и сдержалъ этимъ размахъ, такъ что не долетѣлъ до того мѣста, гдѣ Рейбёрнъ могъ схватить его руками. Потомъ Эль-Сабіо перекачнулся къ намъ и опять назадъ; размахи цѣпи становились все короче, такъ что, наконецъ, онъ неподвижно повисъ надъ самой серединой пропасти въ тысячу

Digitized by Google

футовъ глубины. Отъ страха бѣдняга началъ корчиться и рваться, заставляя гремѣть каждое звено цѣпи.

При видѣ такой неудачи, Пабло обезумѣлъ отъ ужаса; мы также были страшно испуганы не только за несчастное животное, но и за самихъ себя. Наша компанія раздѣлилась и, если цѣпь порвется отъ конвульсивныхъ движеній Эль-Сабіо, мы будемъ разлучены навсегда. Рейбёрнъ, конечно, можетъ отправится дальше и, пожалуй, спасти свою жизнь, но для насъ остальныхъ не будетъ никакого спасенія. Позади намъ грозитъ голодная смерть, а впереди преграждаетъ путь непроходимая пропасть.

Ожидая съ каждой минутой разрыва цѣпи и гибели своего друга, Пабло совсѣмъ потерялъ голову и съ его стороны, повидимому, никто не могъ ожидать помощи. А между тѣмъ онъ-то и выручилъ насъ. Быстро сообразивъ, какъ нужно поступить, онъ сдѣлалъ подвижную петлю на концѣ длинной веревки и ловко забросилъ это импровизированное лассо на шею Эль-Сабіо, причемъ несчастное животное тотчасъ перестало биться и повисло неподвижно. Тутъ мы всѣ вмѣстѣ стали тянуть за веревку и въ одну минуту благополучно перетащили Эль-Сабіо на свою сторону; но онъ былъ до того перепуганъ, что жалко было на него смотрѣть.

Къ счастью, изнеможеніе, въ которое онъ впалъ, облегчило нашу задачу; теперь, когда мы раскачали его, привязавъ, впрочемъ, веревку къ цѣпи, осликъ разомъ перемахнулъ черезъ пропасть и Рейбёрнъ тотчасъ подхватилъ его. Какъ только цѣпь была отвязана, Пабло за веревку перетащилъ ее обратно, чтобы немедленно переправиться самому черезъ ущелье и успокоить измученнаго Мудреца своими ласками и попеченіями. Онъ такъ жалобно умолялъ насъ дать Эль-Сабіо напиться, что мы переправили ему боченокъ съ водою и ведро; съ нашего дозволенія, бѣдный осликъ выпилъ половину всего запаса воды. Никто не сталъ спорить противъ этого: бѣдняжка до того ослабѣлъ, что не могъ бы продолжать путь, не освѣжившись вдоволь прохладной влагой.

Пока Эль-Сабіо снова собрался съ духомъ и съ силами, Янгъ переправился на ту сторону, а вслѣдъ за нимъ мы переправили весь нашъ багажъ съ одного обрыва на другой, прикрѣпивъ веревки къ цѣпи, и такимъ образомъ спускали

Digitized by Google

вещи съ одной стороны и принимали съ другой. Это было нетрудно и мы скоро кончили. Потомъ настала моя очередь совершить воздушный полетъ черезъ пропасть; она была до того глубока, что ея дно терялось во мракѣ и сквозь эту дымку слабо виднѣлся только блескъ потока. Сердце у меня страшно билось, когда я схватился за перекладину, сознавая, что, если отпущу ее, меня тотчасъ постигнетъ смерть въ этой темной глубинѣ. Я задыхался отъ волненія и ужаса, и въ ушахъ у меня шумѣло. Въ сущности мнѣ слѣдовало меньше бояться, чѣмъ другимъ, потому что къ цѣпи были привязаны веревки и, еслибъ я не долетѣлъ съ размаху на ту сторону, меня вытащили бы товарищи. Къ стыду моему долженъ признаться, что я охотно привязалъ бы себя къ перекладинѣ и, такимъ образомъ, переправился бы на манеръ багажнаго тюка, а не живаго человѣка. Однако, стыдъ за такое малодушіе передъ товарищами взялъ верхъ надъ страхомъ, и это было моимъ спасеніемъ. Держась руками за перекладину, я быстро разбѣжался надъ обрывомъ, сильно оттолкнулся отъ края утеса и завертѣлся въ воздухѣ. Сперва меня потянуло къ низу, что̀ сопровождалось ужаснымъ ощущеніемъ—какъ при корабельной качкѣ—точно у васъ обрывается желудокъ. И тутъ, какъ разъ въ ту минуту, когда силы, казалось, покидали меня и мои руки чуть не выпустили перекладины, я замѣтилъ, что поднимаюсь снова; это нѣсколько воскресило мою бодрость и я сталъ держаться крѣпче. Чтобы перелетѣть это короткое пространство, понадобилось не болѣе десяти секундъ, но мнѣ онѣ показались тогда,—да кажутся и теперь, когда я о нихъ вспоминаю,—цѣлымъ десяткомъ лѣтъ. И до сихъ поръ меня пробираетъ дрожь, когда я вспомню, какъ близокъ былъ я тогда отъ ужасной смерти, потому что едва только мнѣ удалось стать на твердую почву на другой сторонѣ обрыва, какъ перекладина выскользнула изъ моихъ рукъ, послышался лязгъ металла объ камень, и когда я быстро обернулся, то увидалъ, какъ блеснула на солнцѣ громадная цѣпь, падая въ черную бездну подъ моими ногами.

Digitized by Google

XV.

Храмъ въ облакахъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что сильное дерганье цѣпи, въ то время какъ на ней корчился и бился несчастный Эль-Сабіо, расшатало закрѣпы, потому что цѣпь не лопнула, но сорвалась съ крюка на верхнемъ концѣ. Я упалъ на землю въ такомъ же изнеможеніи отъ испуга, какъ и бѣдный оселъ, и, подобно ему, жадно напился воды, а потомъ немного отдохнулъ, пока собрался съ духомъ.

Все таки я былъ счастливѣе фра-Антоніо. Хоть я чуть не убился, но мой воздушный полетъ окончился благополучно; что же касается францисканца, то положеніе его было критическимъ. Онъ, вѣроятно, сознавалъ опасность, потому что твердо выпрямился и улыбнулся намъ съ кроткой нѣжностью. Въ самомъ дѣлѣ, я не зналъ другаго человѣка, который, какъ этотъ монахъ, постоянно былъ бы готовъ разстаться съ жизнью, дарованной ему Богомъ, и считалъ бы ее временнымъ даромъ, полученнымъ на храненіе. Фра-Антоніо никогда не забывалъ, что Господь можетъ всякую минуту потребовать обратно этотъ даръ, чтобы возвратить его къ первоначальному источнику, откуда онъ взятъ. Но по той же самой причинѣ францисканецъ считалъ себя обязаннымъ дорожить этимъ залогомъ и беречь его. Въ настоящую рѣшительную минуту, онъ самъ сообщилъ намъ планъ своего спасенія.

Веревки, привязанныя къ цѣпи, къ счастью, почти уцѣлѣли; ихъ до того крѣпко держали съ одной стороны фра-Антоніо, съ другой—Янгъ, что, когда тяжелая цѣпь полетѣла внизъ, онѣ лопнули у самыхъ узловъ. Теперь же монахъ предложилъ намъ слѣдующее: онъ обвяжетъ себя этими веревками, а концы ихъ будемъ держать мы; потомъ онъ прыгнетъ гораздо ниже выступа скалы, на которомъ мы стояли. Для того, чтобы рѣшиться на такой прыжокъ, нужно было много смѣлости и уже одна мысль о немъ приводила въ содроганіе. Главная трудность этого плана заключалась въ томъ, чтобы перебросить веревку черезъ пропасть; кромѣ того, фра-Антоніо грозила опасность разбиться о скалы.

Digitized by Google

Однако Янгъ, умѣвшій преодолѣвать всякія затрудненія, взялъ мотокъ бичевокъ изъ нашего багажа, привязалъ къ одному концу камень и ловко перекинулъ его на другую сторону, послѣ чего было уже нетрудно перетащить къ намъ концы двойной веревки. Съ большимъ тщаніемъ, крѣпко затягивая каждый узелъ, обвязалъ фра-Антоніо двойную веревку вокругъ своего тѣла подъ мышками и стоялъ теперь наготовѣ на краю пропасти; мы же всѣ вчетверомъ держали другой конецъ веревки, заранѣе напрягая мускулы, чтобъ не податься впередъ, когда на ней повиснетъ тяжесть.

Фра-Антоніо остановился на минуту, обративъ лицо къ небу; его губы шевелились. Потомъ онъ махнулъ рукой, улыбнулся намъ, крикнулъ: „Да будетъ воля божія“, спрыгнулъ съ утеса и исчезъ у насъ изъ виду. Мы почувствовали сотрясеніе веревокъ, когда его тѣло стукнулось объ утесъ подъ нами, опять вынырнуло на видъ, и снова скрылось въ темной зіяющей пропасти.

Когда веревки перестали качаться, мы принялись тянуть его къ себѣ, боясь однако вытащить мертвеца вмѣсто живаго человѣка; фра-Антоніо не отзывался на наши крики да и поднимать его было что-то ужь черезчуръ тяжело. Дѣйствительно, когда тѣло монаха показалось на краю утеса, мы были готовы подумать, что наши опасенія оправдались, потому что на вискѣ у него была большая кровавая рана, члены висѣли безжизненно, а лицо покрывала мертвенная блѣдность. Эта картина произвела на меня такое потрясающее дѣйствіе, какъ будто кто нибудь ударилъ меня въ сердце. На глазахъ Янга показались слезы, Рейбёрнъ крѣпко выругался съ горя, а неустрашимый Пабло, молча выносившій всякую боль, причиненную ему, упалъ въ обморокъ.

Между тѣмъ фра-Антоніо чуть-чуть пошевелилъ губами и слегка вздохнулъ. Янгъ тотчасъ подпрыгнулъ отъ радости и далъ Пабло тумака, крикнувъ ему: — Ахъ, ты дрянь этакая, ахъ, ты грязный индѣецъ! Тоже еще падаетъ въ обморокъ! Вѣдь онъ живехонекъ!—Я поспѣшилъ какъ можно осторожнѣе обмыть рану на вискѣ фра-Антоніо и смочить водой его блѣдное лицо, хотя мои руки тряслись отъ страха; Рейбёрнъ далъ ему глотокъ виски изъ своей фляги. Монахъ открылъ глаза и оживился. Вскорѣ онъ опять былъ

Digitized by Google

на ногахъ и чувствовалъ себя хорошо; только ссадина на вискѣ причиняла ему боль и голова кружилась. Онъ не могъ сказать, что̀ съ нимъ произошло, хотя помнилъ, что оттолкнулся отъ скалы ногами, какъ и намѣревался сдѣлать; но тутъ, вѣроятно, онъ закружился и ударился головой о какой нибудь острый выступъ. Впрочемъ, эти подробности были не важны, благо фра-Антоніо не получилъ серьезныхъ ушибовъ; поэтому мы перестали его разспрашивать и старались развлечь спокойнымъ разговоромъ, чтобы онъ забылъ о пережитой опасности. Всѣмъ намъ хотѣлось отдохнуть; наши члены были страшно утомлены, а нервы разстроены. Мы съ удовольствіемъ напились бы кофе, но далеко вокругъ не было никакого топлива, чтобъ развести огонь. Все, что̀ мы могли сдѣлать,—хотя въ томъ было мало толку,—это пожевать кофейныя зерна послѣ ужина, состоявшаго изъ нашихъ прежнихъ мясныхъ консервовъ; потомъ мы завернулись въ одѣяла и легли на голой скалѣ. Долженъ сознаться, что еслибъ кто нибудь въ ту минуту спросилъ меня: сто̀итъ ли археологія такихъ жертвъ и хлопотъ? я, не колеблясь, отвѣчалъ бы отрицательно. Даже сонъ, въ которомъ я такъ сильно нуждался и котораго такъ жаждалъ, не скоро пришелъ ко мнѣ въ ту ночь; каждый разъ, когда мной овладѣвала дремота и я начиналъ приходить въ пріятное, безсознательное состояніе, мнѣ мерещилось, что я кидаюсь въ пропасть, держась за перекладину цѣпи и описывая дугу во мракѣ ущелья, между высокихъ стѣнъ, заслоняющихъ небо, а подъ ногами вижу глубокую черную бездну. Я вскакивалъ и просыпался, и даже когда мнѣ удалось крѣпко заснуть, опять видѣлъ эту страшную переправу, слышалъ лязганье цѣпи, когда она оторвалась и полетѣла внизъ, ударяясь о скалы; я чувствовалъ, какъ Рейбёрнъ схватилъ меня, когда перекладина выскользнула изъ моихъ рукъ. Наконецъ, я проснулся и увидалъ, что Янгъ трясетъ меня за плечо: — Чего вы тутъ дрыгаете ногами, профессоръ, точно у васъ корчи? да и все равно пора вставать. Удивительно, какъ эти мексиканскія утра оживляютъ человѣка! Въ воздухѣ разлита такая свѣжесть, что не только живой человѣкъ, а даже мертвецъ способенъ вскочить и заплясать джигу.

Даже фра-Антоніо чувствовалъ себя бодрымъ и здоро-

Digitized by Google

вымъ, не считая боли въ оцарапанномъ вискѣ; мы опять поѣли вдоволь сушенаго мяса и пошли по тропинкѣ, вырубленной сбоку утеса. Утро было до того ясное и радостное, что мы позабыли всякій страхъ и тягостную заботу. Сознаніе, что оборвавшаяся цѣпь опять отрѣзала намъ дорогу назадъ, нисколько насъ не смущало. Еслибъ мы даже имѣли возможность вернуться обратно, то не дошли бы дальше затопленной долины; а не все ли равно умереть тамъ или здѣсь? Теперь мы остановились на разумномъ убѣжденіи, что дорога, по которой мы шли, выведетъ насъ, наконецъ, куда нибудь изъ этихъ горъ, если и не приведетъ къ спрятанному городу, котораго мы искали.

На протяженіи пяти или шести миль, мы шли назадъ по ущелью, мимо тѣхъ же мѣстъ, которыя проходили наканунѣ по ту сторону пропасти, но теперешняя дорога понемногу поднималась въ гору, такъ что вчерашняя тропинка оказалась глубоко подъ нами и наконецъ мы перестали ее различать. Сдѣлавъ нѣсколько сотъ футовъ, мы достигли вершины утесовъ, гдѣ внезапный поворотъ влѣво привелъ насъ въ узкое ущелье между скалъ. Здѣсь, на нѣкоторомъ разстояніи дорога круто пошла въ гору, а затѣмъ намъ пришлось подниматься по грубо вырубленнымъ ступенямъ, до того крутымъ, что ноги подламывались подъ нами, когда мы дошли до конца. Но мы забыли всякую усталость, когда поднялись наконецъ на вершину и увидали передъ собою широкій горизонтъ; подъ нами ходили облака, а изъ нихъ выступали горные пики; мнѣ не случалось видѣть подобной картины, исключая панорамы Гуннисона съ Маршальскаго горнаго перевала. Но здѣсь мы видѣли окрестность во всѣ стороны, тогда какъ тамъ видъ открывается съ одной только стороны. Теперь мы стояли на обширной возвышенности, квадратной горной равнинѣ, очень похожей на Гигантскую, которая встаетъ передъ путешественникомъ влѣво отъ центральной мексиканской желѣзной дороги, когда онъ подъѣзжаетъ къ Силао. Куда ни оглянись, всюду горныя вершины и облака. Но мы не долго созерцали грандіозный ландшафтъ, потому что облако, почти окутавшее насъ, когда мы взошли на гору, стало удаляться въ сторону, уносимое вѣтромъ, и мы внезапно увидали передъ собой обширное зданіе, выступавшее

Digitized by Google

изъ этой легкой дымки; минуту спустя, оно ясно обрисовалось передъ нами. Найти на голой вершинѣ горы, среди глубокаго уединенія, въ самыхъ облакахъ, такой поразительный образчикъ человѣческаго труда и силы! Мы были потрясены и смотрѣли на это чудо почти съ благоговѣніемъ. Намъ казалось сверхъестественнымъ, невозможнымъ, возвести подобное сооруженіе въ такомъ дикомъ мѣстѣ. При видѣ его, невольно приходили на умъ фантастическія легенды о волшебныхъ замкахъ и твердыняхъ, построенныхъ съ помощью дьявола, цѣною человѣческой души.

Еслибъ въ этомъ величественномъ, монументальномъ зданіи или на самой горѣ, гдѣ оно стояло, были замѣтны признаки человѣческаго жилья, мы были бы менѣе удивлены. Но что подавляло насъ, такъ это мертвое молчаніе, царившее здѣсь, и отсутствіе всякой жизни, исключая полета облаковъ. Мы точно перешли изъ живаго современнаго міра въ мертвую область, принадлежавшую далекому прошлому. Съ содроганіемъ вспомнилось мнѣ, что мы попали сюда черезъ мрачную пещеру, гдѣ цѣлыя сотни умершихъ въ отдаленныя времена тѣснились въ безмолвномъ благоговѣніи передъ громаднымъ безмолвнымъ идоломъ, высѣченнымъ изъ несокрушимаго камня. Можно было подумать, что мы сами подпали тѣмъ же злымъ чарамъ и обречены скитаться по необитаемымъ дикимъ мѣстамъ, которыя тѣмъ болѣе поражали насъ, что въ нихъ на каждомъ шагу встрѣчались слѣды когда-то кипучей человѣческой дѣятельности и общественной жизни, бившей здѣсь ключомъ, но давно умершей и позабытой. Янгъ очень метко формулировалъ своимъ грубымъ языкомъ странныя мысли, проносившіяся у насъ въ головѣ. Онъ крѣпко выругался и сказалъ, что согласенъ биться съ индѣйцами три дня въ недѣлю весь остатокъ своей жизни, только бы выйти изъ этого удручающаго уединенія и видѣть вокругъ себя живыхъ людей.

XVI.

У запертаго входа.

Вся вершина горы, приблизительно въ квадратную милю, была такъ выровнена природой, что человѣку немного при-

Digitized by Google

шлось работать надъ ней. Но нельзя представить себѣ, какъ много было положено здѣсь труда только на одно подготовленіе къ постройкѣ громаднаго храма. Въ центрѣ плоской возвышенности, пирамидальная каменная масса, около тысячи квадратныхъ футъ, составлявшая одно цѣлое съ горою, была обдѣлана такимъ образомъ, что поднималась тремя большими террасами къ квадратной площадкѣ, служившей подножіемъ храму. Эти террасы отлого поднимались къ верху, извиваясь спиралью вокругъ пирамидальнаго подножія, причемъ онѣ начинались и оканчивались въ центрѣ восточнаго фронта; протяженіе этого подъема до самой вершины составляло болѣе полуторы мили.

— Только этимъ лѣнтяямъ и идолопоклонникамъ, которымъ все хочется дѣлать потихоньку да полегоньку, могла прійти въ голову такая дурацкая идея! — замѣтилъ Янгъ, когда мы стали подниматься. — Вотъ еслибъ конгрегаціонисты, среди которыхъ я былъ воспитанъ, выстроили церковь на такомъ мѣстѣ, какъ это, — хотя они не настолько глупы, чтобы сдѣлать подобную вещь, — они выстроили бы прямую лѣстницу отъ подножія до самой вершины и молельщики не теряли бы понапрасну времени. Но проклятые замарашки, индѣйцы, ужасно любятъ всякіе фокусы; это совершенно въ ихъ духѣ потратить сотню лѣтъ на постройку дороги въ пять миль вокругъ холма высотою съ бостонскую государственную палату, чтобъ имъ было легко по ней подниматься, не утруждая своихъ ногъ. Ужь пускай бы хоть понадѣлали бассейновъ для питья по дорогѣ! Вотъ я хочу пить, какъ послѣ соленой трески, а у насъ осталось самое ничтожное количество воды; мнѣ страшно къ ней и прикоснуться, чтобъ не выпить ее всю до капельки.

— Бассейны для питья? — отозвался Рейбёрнъ, немного опередившій насъ, — да они тутъ есть. Идите сюда и пейте, сколько вамъ угодно.

— Перестаньте, Рейбёрнъ, — отвѣчалъ Янгъ — я, право, умираю отъ жажды, и мнѣ не до шутокъ.

— Я и не думаю шутить, — тѣмъ временемъ мы поровнялись съ нимъ, — вотъ посмотрите сами.

Янгъ, вмѣсто отвѣта, бросился впередъ и жадно припалъ губами къ каменному бассейну при дорогѣ, куда стекала по

Digitized by Google

жолобу въ стѣнѣ тонкая струйка воды. Такое неожиданное открытіе удивило и обрадовало насъ; мы всѣ томились жаждой, но не смѣли напиться вдоволь, потому что нашъ запасъ воды былъ почти истощенъ. Я не могъ равнодушно слышать вздоха облегченія, съ которымъ Эль-Сабіо поднялъ отъ бассейна свою мокрую морду; потомъ онъ взглянулъ на Пабло съ глубокой благодарностью. Бѣдное животное оставалось безъ питья почти двадцать четыре часа,—съ тѣхъ поръ, какъ ему дали напиться послѣ опасной переправы черезъ пропасть,—и, вѣроятно, у него пересохло горло и всѣ внутренности. Когда наконецъ мы достигли вершины пирамиды, окутанной въ тотъ моментъ облаками такой же густоты, какъ лондонскіе туманы, мы поняли искусное приспособленіе, примѣненное здѣсь съ цѣлью постоянно имѣть въ изобиліи воду. Во всей скалѣ были прорыты маленькіе каналы, которые вели къ внутренней цистернѣ, вѣроятно, громадныхъ размѣровъ; такимъ образомъ, теплыя испаренія облаковъ, прикасаясь къ холодной каменной поверхности, обращались въ воду и стекали въ это водохранилище. Цистерна же, переполняясь, давала воду фонтанамъ внизу.

Однако, мы не остановились, чтобы внимательнѣе осмотрѣть это сооруженіе: до того намъ хотѣлось поскорѣе познакомиться съ удивительнымъ храмомъ. Онъ стоялъ на платформѣ изъ цѣльной скалы и отличался совершенной простотой постройки; его стѣны имѣли небольшой уклонъ къ центру и были лишены всякихъ украшеній. Тѣмъ не менѣе, эта постройка поражала своимъ величіемъ, благодаря гигантскимъ размѣрамъ и удивительной пропорціональности; возведенная изъ темнаго камня, изъ котораго состояла и самая гора, она отличалась характеромъ торжественной мрачности, напоминая образцы египетской архитектуры. Молча поднялись мы по нѣсколькимъ ступенямъ лѣстницы, которая вела къ широкому открытому ходу—единственному отверстію въ этихъ массивныхъ стѣнахъ, и такимъ образомъ вступили въ темную внутренность храма. Отъ фронта къ задней стѣнѣ поднимались здѣсь въ нѣсколько рядовъ каменныя колонны—похожія на тотъ единственный рядъ колоннъ, который былъ открытъ въ большой палатѣ среди развалинъ Митлы. Этими колоннами поддерживались громадныя каменныя глыбы, со-

Digitized by Google

ставлявшія крышу. Остановившись у входа, мы увидали въ концѣ этой длинной перспективы столбовъ каменный алтарь съ колоссальною фигурою Чакъ-Мооля, также высѣченной изъ камня. Оглянувшись назадъ ко входу, я замѣтилъ передъ собою значительный промежутокъ между горными пиками съ восточной стороны; слѣдовательно, лучи восходящаго солнца должны были освѣщать внутренность храма, падая прямо на дискъ въ рукахъ каменнаго изваянія. Едва Пабло увидалъ громаднаго идола на алтарѣ, какъ содрогнулся всѣмъ тѣломъ и началъ дѣлать какія-то движенія рукою передъ глазами, что̀ меня крайне удивило. Когда мы подошли ближе къ идолу, то увидали, что передъ нимъ находился жертвенный камень со слѣдами крови; а подъ каменнымъ мрамомъ, лежавшимъ здѣсь, виднѣлись вывѣтрившіеся остатки человѣческихъ позвонковъ. Страшно было найти сохранившійся подъ камнемъ,—который придерживалъ жертву, когда ее убивали,—этотъ слѣдъ кроваваго культа. Какъ въ опустѣлой долинѣ, такъ и на этой печальной горной высотѣ, единственные остатки человѣческой жизни были найдены при обстановкѣ насильственной смерти. Подъемъ на высокую пирамиду и осмотръ храма удовлетворили наше любопытство и дали возможность запастись водою. Инаго толку изъ этого не вышло. Янгъ, кажется, до сихъ поръ воображавшій, что всѣ статуи Чакъ-Мооля обладали способностью раскачиваться и открывать тайные проходы, долженъ былъ отказаться отъ такого легкомысленнаго обобщенія единичнаго факта. Съ самымъ серьезнымъ видомъ, который былъ бы забавенъ при менѣе грустныхъ обстоятельствахъ, взобрался онъ на алтарь и сѣлъсначала на голову идола, потомъ на ноги и даже попробовалъ, что̀ изъ этого выйдетъ, если онъ усядется на каменный дискъ въ рукахъ истукана. Однако, всѣ его эксперименты не привели ни къ чему.

— Вѣрно, только одинъ Джекъ-Мулинсъ умѣлъ кланяться, — замѣтилъ Янгъ,—а отъ этого не будетъ никакого толку. Пойдемте отсюда прочь. Еслибъ здѣсь былъ банкъ ацтековъ, который мы ищемъ, то навѣрно его очистили еще въ до-историческія времена какіе нибудь молодцы. Какъ думаете, профессоръ, вѣдь первобытные люди тоже мошенничали? Впрочемъ, какая намъ польза знать, что̀ они дѣлали и

Digitized by Google

чего не дѣлали? Запасемтесь-ка лучше водой да уйдемъ отсюда—конечно, если найдемъ другую дорогу, кромѣ той, по которой пришли. Въ противномъ же случаѣ, можно остаться и здѣсь, и комфортабельно умереть съ голоду, не изнашивая своей обуви въ напрасныхъ поискахъ. Но все же я предварительно обыщу каждый закоулокъ на этой проклятой горѣ; можетъ быть, и найдется какая нибудь лазейка.

Мои мысли были направлены на тотъ же предметъ, о которомъ толковалъ Янгъ; наше странствіе дѣйствительно могло закончиться на этой горѣ, гдѣ мы рисковали умереть съ голоду въ пустынныхъ заоблачныхъ сферахъ. Можетъ быть, судьба нарочно вела насъ такими трудными далекими путями, посреди мертвецовъ, только для того, чтобы натѣшиться надъ безпомощными путниками и заставить ихъ сложить свои кости въ этой глуши. Мрачныя фантазіи невольно разыгрывались среди мрачной дѣйствительности окружающаго. Между тѣмъ Янгъ съ такой бодрой рѣшимостью собирался поискать выхода изъ нашего критическаго положенія, прежде чѣмъ покориться неизбѣжному, что его слова невольно развеселили меня. Они звучали надеждой и отвагой, а отвага также заразительна, какъ и трусость.

Наши бочонки остались у подножія пирамиды и мы, дойдя до фонтана на обратномъ пути, подождали, пока Пабло съ Эль-Сабіо доставили намъ ихъ. По крайней мѣрѣ, намъ не грозила смерть отъ жажды; а это являлось уже немалымъ утѣшеніемъ. У подножія пирамиды мы оставили фра-Антоніо съ Пабло и осломъ, и вьюками, а сами отправились по разнымъ направленіямъ бродить по вершинѣ горы, отыскивая другаго спуска. Тяжелая масса облаковъ снова закутала гору. Вокругъ насъ былъ непроницаемый бѣлый туманъ, а дневной свѣтъ становился слабѣе по мѣрѣ наступленія сумерекъ. Дѣйствительно, на болѣе низменномъ мѣстѣ ночь уже давно настигла бы насъ.

Пробираться по краю пропасти при такихъ условіяхъ было дѣломъ не шуточнымъ—горное плато въ этомъ мѣстѣ кончалось обрывомъ. Частью забавныя, частью меланхолическія мысли проносились у насъ въ головѣ, относительно нелѣпости положенія эксъ-профессора высшей лингвистики мичиганскаго университета, принужденнаго отыскивать дорогу

Digitized by Google

среди горнаго безлюдья въ Мексикѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ бѣдѣ находишь странныхъ товарищей, но еще страннѣе передряги, въ которыя попадаетъ человѣкъ, вздумавшій изучать археологію изъ непосредственныхъ источниковъ. Однако, мои поиски оказались безуспѣшными; нигдѣ по краю горнаго плато не оказалось тропинки, удобной для спуска живаго существа, не обладающаго крыльями. Такъ прошло съ часъ времени. Облака опять разсѣялись и вскорѣ я увидалъ Рейбёрна, подвигавшагося ко мнѣ съ невеселой миной. Очевидно, и онъ не былъ счастливѣе меня.

— Неладно, профессоръ, — отрывисто замѣтилъ инженеръ, когда я сказалъ ему, что осмотрѣнная мною сторона горы вездѣ кончалась обрывомъ. Онъ наполнилъ трубку и закурилъ ее, послѣ чего мы въ унылomъ молчаніи повернули назадъ къ подошвѣ пирамиды. Янгъ еще не возвращался, но вскорѣ до насъ долетѣлъ такой радостный возгласъ, что мы не утерпѣли, вскочили на ноги и бросились на встрѣчу товарищу.

— Ну что, нашли дорогу внизъ?—крикнулъ ему Рейбёрнъ еще издали.

— Само собой разумѣется, — отозвался тотъ. — Да еще лучше того: я видѣлъ кое-что съѣдобное.

— Видѣли!—повторилъ инженеръ, когда Янгъ присоединился къ намъ.—Почему же вы, чортъ возьми, не достали этого съѣдобнаго?

— А потому, что оно было за милю отъ меня. Это „нѣчто“ сильно смахивало на горную овцу, насколько я могъ разсмотрѣть. Да навѣрно оно такъ и было. Ужь одна мысль о томъ, до чего вкусно это милое созданіе подъ видомъ жаркаго, вызвала у меня спазмы въ пустомъ желудкѣ! Но, главное, по ту сторону горы есть дичь. Я видѣлъ птицъ, не знаю только какой породы. Да и все въ той мѣстности совсѣмъ иначе, чѣмъ здѣсь; совсѣмъ не похоже на эти проклятые пустыри, гдѣ мы скитались цѣлую вѣчность! Точно Господь Богъ вспомнилъ тотъ уголокъ, и онъ ожилъ. Тамъ и пахнетъ-то иначе, и воздухъ совсѣмъ иной. Говорю вамъ, Рейбёрнъ, что я не понималъ, по какимъ проклятымъ пустырямъ бродили мы до сихъ поръ, пока не заглянулъ въ то благословенное мѣстечко, гдѣ, наконецъ, не встрѣтилъ запустѣнія

Digitized by Google

смерти, какъ здѣсь. Но лучше всего, профессоръ, то, что это настоящая наша дорога; у самаго спуска я отыскалъ и царскій символъ, и стрѣлу; все, какъ слѣдуетъ, вырѣзано на скалѣ.

— А можемъ мы немедленно пуститься по этой дорогѣ?— спросилъ Рейбёрнъ.—Черезъ полчаса наступитъ совершенная темнота, но я желалъ бы, во что бы то ни стало, уйти отсюда до наступленія ночи. Вѣдь съ каждымъ футомъ къ низу намъ будетъ теплѣе, а тутъ мы, право, замерзнемъ безъ огня!

— Дорога отличная, по крайней мѣрѣ, на полмили,—отвѣчалъ Янгъ, — и я полагаю, что она пойдетъ также и дальше. Она почти также ровна, какъ и та, по которой мы сюда поднялись. Если не надо дѣлать скачковъ черезъ пропасти, то можно отлично идти и въ потемкахъ. Впрочемъ, намъ необходимо поспѣшить, если мы хотимъ воспользоваться остаткомъ вечера.

Тѣмъ временемъ мы вернулись къ подножію пирамиды. Фра-Антоніо съ удовольствіемъ согласился пуститься въ путь. Въ разрѣженномъ воздухѣ на горной вершинѣ, онъ чувствовалъ ускоренное біеніе сердца, усиливавшее боль въ его ранѣ. Поэтому мы поспѣшили взвалить на спины свои ноши, навьючили Эль-Сабіо и пошли. Когда солнце скрылось за горными пиками, воздухъ посвѣжѣлъ еще болѣе. Такимъ образомъ, для насъ было менѣе риска путешествовать въ потемкахъ, чѣмъ остаться на ночлегъ на этихъ голыхъ утесахъ безъ огня.

Черезъ двадцать минутъ мы почувствовали уже благодѣтельную перемѣну температуры, а черезъ часъ, подвигаясь впередъ съ большою осторожностью въ совершенной темнотѣ, нашли, что можно сдѣлать привалъ. Но все таки мы находились еще на большой высотѣ, гдѣ воздухъ былъ рѣзокъ и холоденъ. Насъ пробирала дрожь, тѣмъ болѣе, что и скудный ужинъ не разогрѣлъ намъ крови, прежде чѣмъ мы завернулись въ свои одѣяла, чтобы подкрѣпиться сномъ.

— Всего два фунта вяленаго мяса на пятерыхъ!—съ гнѣвнымъ презрѣніемъ воскликнулъ Янгъ.—А между тѣмъ каждый изъ насъ до того голоденъ, что этой порціи едва хватило бы ему и одному. Ахъ, какъ досадно, что нельзя пойти на охоту, достать чего нибудь на хорошій ужинъ! У меня слюнки

Digitized by Google

текутъ, когда я вспомню видѣнную мною овцу! Случалось ли вамъ, Рейбёрнъ, ѣсть жареную баранью лопатку, приготовленную съ лукомъ и картофелемъ, съ густымъ слоемъ жи...

— Если вы не перестанете болтать о такихъ вещахъ, я васъ пришибу,—неожиданно крикнулъ Рейбёрнъ.

Въ его голосѣ дрожало такое бѣшенство, что Янгъ, хорошо знавшій горячность товарища, немного струсилъ и прикусилъ языкъ. Долженъ сознаться, что и я предпочелъ бы не слышать его пустыхъ разглагольствованій, потому что воображаемый соблазнительный запахъ баранины, тушеной вмѣстѣ съ лукомъ и картофелемъ, такъ сильно раздражалъ мое обоняніе, что у меня сосало подъ ложечкой и я долго не могъ уснуть; а когда уснулъ, меня преслѣдовали мучительныя видѣнія, и я чувствовалъ голодъ даже сквозь сонъ. Рѣшительно, Янгу не слѣдовало пускаться въ описаніе кулинарныхъ тонкостей въ такую неудобную минуту.

Къ счастью, это былъ послѣдній день, когда мы страдали отъ недостатка пищи. Рано поутру я былъ разбуженъ ружейнымъ выстрѣломъ и съ просонковъ вскочилъ на ноги, размахивая револьверомъ. Мнѣ вообразилось, что на насъ напали индѣйцы, но вмѣсто тревоги я почувствовалъ радость при мысли встрѣтиться съ живыми людьми, хотя бы въ смертельной схваткѣ.

— Успокойтесь, профессоръ,—сказалъ Рейбёрнъ.—Мы ни съ кѣмъ не сражаемся. Но я убилъ горную овцу и у насъ будетъ плотный завтракъ, еслибъ даже пришлось съѣсть ее сырьемъ. Она стояла вонъ на томъ выступѣ скалы и свалилась въ долину; чѣмъ скорѣе мы спустимся туда отыскивать ее, тѣмъ лучше.

Въ ясномъ свѣтѣ ранняго утра, мы теперь могли разсмотрѣть у себя подъ ногами живописную маленькую долину, гдѣ росли деревья, трава, а въ центрѣ синѣло озерко. Но что обрадовало насъ больше всего, такъ это птицы, рѣявшія надъ водою, и штукъ шесть дикихъ овецъ, спасавшихся въ горы послѣ выстрѣла Рейбёрна. Кажется, ничему въ жизни не радовался я такъ сильно, какъ этимъ живымъ существамъ, мелькавшимъ передо мною; при видѣ ихъ, я убѣдился наконецъ воочію, что мы вышли изъ предѣловъ безплодной, опустошенной смертью области, гдѣ, казалось, провели цѣлые

Digitized by Google

годы; глубокій, радостный вздохъ вырвался у меня въ приливѣ счастья. Мои товарищи испытывали то же самое: они радовались, что имъ не придется больше странствовать среди холодныхъ тѣней, осѣнявшихъ могилы невѣдомыхъ покойниковъ, и что они вернулись къ отрадной теплотѣ живаго міра.

Дорога, вырубленная по скату горы, представляла болѣе крутой уклонъ, чѣмъ та, по которой мы поднимались; мы весело пустились по ней бѣгомъ съ веселыми шутками и хохотомъ, которому вторило горное эхо. Пабло на бѣгу наигрывалъ съ грѣхомъ пополамъ „Янки дудль“ на своей свистулькѣ. Это еще въ первый разъ онъ собрался съ духомъ взяться за свой „инструментито“ съ тѣхъ поръ, когда мы переѣхали озеро, подъ которымъ лежалъ городъ мертвыхъ.

Черезъ часъ мы были въ веселой красивой долинѣ, оглашаемой пѣньемъ птицъ, и видъ этихъ живыхъ существъ, порхавшихъ по воздуху, приводилъ насъ въ восторгъ. Что касается овцы, убитой Рейбёрномъ, она обратилась въ бифштексъ, прокатившись добрыхъ полмили по горному склону. Но мы не были расположены къ слишкомъ большой требовательности и живо принялись жарить ея ребра на большомъ огнѣ: однако голодъ такъ громко заявлялъ о себѣ, что мы стали обгладывать косточки, едва мясо успѣло согрѣться. Когда же мы утолили первый апетитъ, Янгъ вытащилъ кофейникъ и сталъ варить кофе. Тутъ ужь мы основательно принялись уничтожать какъ слѣдуетъ приготовленное мясо и душистый подкрѣпляющій напитокъ, съ поспѣшностью людей, чуть не подвергшихся голодной смерти, которые вырвались изъ-подъ смертной сѣни на радостный божій свѣтъ. О томъ, что насъ ждутъ впереди, можетъ быть, другія опасности, мы не только не безпокоились, но даже не хотѣли и думать. Нашимъ преобладающимъ чувствомъ было чисто животное довольство, вызванное переходомъ отъ мрака и опасности къ новымъ свѣтлымъ надеждамъ.

Послѣ плотнаго завтрака, мы опять усѣлись на одѣяла и принялись курить. Впрочемъ, Рейбёрнъ зѣвнулъ во весь ротъ и отложилъ въ сторону свою трубку.—Хорошо бы немного вздремнуть,—сказалъ онъ. Янгъ давно уже клевалъ носомъ, а Пабло крѣпко спалъ, пока Эль-Сабіо, голодавшій больше насъ, съ наслажденіемъ щипалъ сочную траву. Мои вѣки

Digitized by Google

отяжелѣли; я растянулся на одѣялѣ, грѣя на солнышкѣ свои одеревенѣвшіе члены, и сладко задремалъ.

Нѣсколько минутъ спустя, я немного очнулся, когда фра-Антоніо всталъ, думая, что мы всѣ крѣпко спимъ, и отошелъ въ сторону. Онъ, единственный изъ насъ, ѣлъ умѣренно, и я понялъ, что теперь францисканецъ удалился на молитву. Мнѣ вдругъ захотѣлось встать и присоединиться къ нему, чтобы вмѣстѣ съ нимъ поблагодарить небо за наше избавленіе; но чары сна крѣпко держали меня въ своей власти. Я машинально опрокинулся на спину и мои вѣки закрылись; но и во снѣ я продолжалъ видѣть монаха, преклонившаго колѣни на зеленой лужайкѣ подъ сѣнью высокой сѣрой скалы. Сложивъ руки и обративъ лицо къ небу, фра-Антоніо изливалъ свою душу въ благодарственной молитвѣ.

Наступилъ уже вечеръ, когда мы всѣ проснулись; первымъ словомъ Янга было:—А не пора ли поужинать?—Рейбёрнъ быстро согласился съ его предложеніемъ, да и я тоже, удивляясь про себя, какимъ образомъ, послѣ такой плотной ѣды, у меня снова явился апетитъ. Мы поужинали съ неменьшимъ удовольствіемъ, какъ и позавтракали, а потомъ, немного погодя, закутались въ одѣяла, повернувъ ноги къ огню, погрузились въ глубокій сонъ и проспали до разсвѣта слѣдующаго дня. Чрезмѣрное нравственное напряженіе, вызванное окружавшими насъ мрачными картинами, и страхъ голодной смерти сильнѣе изнурили нашу физическую силу, чѣмъ лазенье по горамъ и недостатокъ питанія. Большое количество съѣденной теперь нами питательной пищи и долгій сонъ удовлетворили только естественнымъ потребностямъ природы, спѣшившей возмѣстить убыль въ нашемъ организмѣ.

Проснувшись на слѣдующее утро, мы были свѣжи, бодры и готовы продолжать свой путь. Отъ убитой овцы оставалось немного, но Рейбёрнъ настрѣлялъ съ полдюжины птицъ, похожихъ на утокъ, пока мы шли по берегу озера, и, такимъ образомъ, намъ нечего было бояться недостатка въ пищѣ. У своего западнаго конца долина съуживалась въ ущелье. Намъ не приходилось выбирать дорогу, потому что она была всего одна, и мы убѣдились, что идемъ настоящимъ путемъ, нашедши царскій символъ и стрѣлу на скалѣ. Ущелье круто спускалось подъ гору и около полудня мы опустились такъ

Digitized by Google

низко отъ уровня мексиканскаго плато, что въ воздухѣ чувствовалась уже тропическая жара, а ночь была до того тиха, что, продолжая спускаться весь вечеръ, мы не имѣли надобности въ теплыхъ одѣялахъ, когда улеглись спать.

Рейбёрнъ былъ того мнѣнія, что мы находимся у самой Тіерры-Каліента, въ жаркой области побережья; а когда мы отправились въ путь на слѣдующее утро, онъ пошелъ впередъ, чтобы осмотрѣться кругомъ. Если инженеръ былъ правъ въ опредѣленіи мѣстности, мы могли каждую минуту наткнуться на враждебныхъ индѣйцевъ. Около полудня онъ тихонько вернулся къ намъ и сказалъ, чтобъ мы оставили свои ноши, а потомъ слѣдовали за нимъ, захвативъ только оружіе.— Впереди что-то неладно; мнѣ казалось, будто я слышалъ голоса,—пояснилъ онъ.—Только не надо стрѣлять первымъ. Нѣкоторыя изъ здѣшнихъ индѣйскихъ племенъ дружественны европейцамъ и намъ не слѣдуетъ затѣвать съ ними ссоры, если они сами не подадутъ къ тому повода.

Ущелье было очень узко въ этомъ пунктѣ и его стѣны такъ близко соприкасались, что въ немъ царствовалъ мракъ. Когда мы обошли крутой поворотъ, то очутились подъ высокой аркой, образовавшей что-то въ родѣ естественнаго туннеля; на дальнемъ концѣ его виднѣлось свѣтлое пятно, указывавшее, что за туннелемъ разстилается обширное открытое пространство, освѣщенное солнцемъ. Но въ этомъ отверстіи были замѣтны перекладины, рѣзко выдѣлявшіяся на свѣтломъ фонѣ, какъ будто гигантскій паукъ соткалъ здѣсь массивную паутину. Когда же мы подошли ближе къ этому курьезному барьеру, то увидали за нимъ широкую, славную долину, поражавшую роскошью тропической растительности и всю залитую яркими лучами солнца.

Мы осторожно подвигались впередъ и наше удивленіе еще возросло, когда мы убѣдились, что эта загородка сдѣлана изъ того же блестящаго металла, который мы находили здѣсь повсюду; но окончательно поразило насъ то обстоятельство, что перекладины были задвинуты съ нашей стороны, такъ что мы легко могли отодвинуть ихъ, тогда какъ со стороны долины онѣ представляли неодолимую преграду. Въ большомъ волненіи отодвинули мы металлическіе засовы, задвинутые въ отверстія въ скалѣ и придерживавшіе такимъ образомъ

Digitized by Google

перекладины. Въ нѣсколько минутъ проходъ для насъ былъ открытъ. Какъ разъ въ тотъ моментъ, когда мы готовились миновать его, до насъ долетѣли звуки голосовъ; мы быстро отступили назадъ въ темное пространство, но тутъ къ намъ подбѣжало двое людей; они вскрикнули отъ изумленія, увидавъ, что нижнія перекладины были сняты. Впрочемъ, ихъ лица не выражали гнѣва, а скорѣе радостное волненіе и даже благоговѣйное чувство. Оба незнакомца были въ одеждѣ ацтекскихъ воиновъ, какъ ихъ изображали на древнихъ грамотахъ; одинъ изъ нихъ, судя по головному убору и широкой металлической опоясѣ на ребрахъ въ родѣ корсета, очевидно былъ начальникомъ. Оба они громко окликнули насъ на ацтекскомъ языкѣ.

Этотъ окликъ былъ такъ громокъ и неожиданъ, а мы были до того поражены появленіемъ этихъ людей передъ собою, что, когда отпрыгнули назадъ въ темноту туннеля, то инстинктивно схватились за оружіе. Между тѣмъ фра-Антоніо, вовсе не желавшій допускать враждебныхъ дѣйствій, выказалъ больше хладнокровія и тотчасъ понялъ, что здѣсь можно обойтись безъ драки. Онъ первый заговорилъ съ чужестранцами и его первое слово было: „друзья“!

Часовые — повидимому, эти люди держали стражу у воротъ — съ минуту потолковали между собою и двинулись къ туннелю взглянуть на насъ, но мы прятались въ темнотѣ, гдѣ они не могли ничего различить. Ближе всѣхъ стоялъ къ нимъ Пабло и меня поразило его сходство съ ними во внѣшности и манерахъ. Его-то они и увидали перваго, а, увидавъ, обратились къ выходу и, будто окликая кого-то въ нѣкоторомъ разстояніи, испустили радостный возгласъ. Въ ту же минуту крикъ повторился немного дальше и сталъ распространяться и разростаться, повторяемый множествомъ голосовъ; наконецъ онъ перешелъ въ оглушительный радостный гулъ, точно разливаясь по всей долинѣ и наполняя ее громкимъ ликованьемъ.

Тутъ, какъ будто исполнивъ завѣщанный имъ долгъ, воины снова обратились къ намъ и начальникъ крикнулъ на ацтекстомъ языкѣ, впрочемъ, съ незнакомыми мнѣ оборотами и измѣненіями:

— Идите къ намъ, идите къ намъ! Сегодня исполнилось древнее пророчество, и нашъ народъ, державшій стражу у

Digitized by Google

этого запертаго выхода цѣлыхъ двадцать цикловъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, наконецъ будетъ вознагражденъ. Идите къ намъ, наши братья, принесшіе заповѣдную вѣсть отъ нашего государя и царя!

Я взглянулъ на фра-Антоніо послѣ этихъ словъ и увидалъ по его лицу, что онъ раздѣляетъ мою радостную увѣренность. Дѣйствительно, мы наконецъ нашли потаенное мѣсто, котораго такъ долго искали, подвергаясь столькимъ опасностямъ. Здѣсь былъ спрятанъ народъ, о которомъ говорилъ умирающій кацикъ и писалъ монахъ въ своемъ письмѣ. Это былъ сильный контингентъ древняго ацтекскаго племени, поселенный въ дикой глуши, цѣлыя столѣтія назадъ, мудрымъ царемъ Чальзанциномъ, съ тѣмъ чтобы въ случаѣ надобности прійти на выручку своимъ болѣе слабымъ братьямъ и защитить ихъ отъ чужеземнаго ига. Это счастливое открытіе приводило меня въ невыразимый восторгъ.

Когда же мы вышли изъ своей засады и воины увидали насъ при солнечномъ сіяніи, они отпрянули назадъ, точно въ испугѣ. Тогда Рейбёрнъ въ знакъ добрыхъ намѣреній поднялъ правую руку, какъ это водится у всѣхъ индѣйцевъ сѣверной Америки; послѣ минутнаго колебанія, старшій воинъ сдѣлалъ то же. Тогда мы смѣло двинулись впередъ, но мнѣ показалось, что ацтеки смотрѣли на насъ съ меньшимъ благоговѣніемъ, чѣмъ прежде; они скорѣе дивились и недоумѣвали.

XVII.

Нашъ приходъ въ долину Астлана.

Мы такъ неожиданно попали къ этимъ чужеземцамъ и до того удивителенъ былъ конецъ нашей экспедиціи, что мнѣ невольно приходило въ голову: вотъ, вотъ я проснусь и все это окажется сномъ. Но и ацтекскіе воины посматривали на насъ съ сомнѣніемъ и нѣкоторымъ страхомъ, какъ будто спрашивая себя: простые ли мы смертные изъ плоти и крови, или выходцы изъ другаго міра?

Они молча выжидали, пока мы подойдемъ къ нимъ ближе. Тогда старшій воинъ, не спуская поднятой въ знакъ мира

Digitized by Google

правой руки, заговорилъ съ нами дрожащимъ голосомъ, какъ будто въ глубокомъ волненіи:—Не нуждаются ли наши братья въ помощи? Съ вами ли священный символъ, подкрѣпляющій ваше посольство?—Я съ удовольствіемъ посовѣтывался бы съ своими товарищами насчетъ того, что̀ слѣдуетъ отвѣчать на эти вопросы, понимая, что наше положеніе являлось крайне критическимъ и самая наша жизнь зависѣла отъ моего благоразумнаго отвѣта. Съ минуту я ждалъ въ надеждѣ, что фра-Антоніо заговоритъ съ ацтеками, но онъ молчалъ и мнѣ не оставалось ничего болѣе, какъ попытать счастья. Вынувъ старинную золотую монету изъ кожанаго мѣшочка, постоянно хранившагося у меня на груди по примѣру кацика и его предшественниковъ, я показалъ эту вещь человѣку, говорившему со мною, и съ твердостью отвѣтилъ ему:—Вотъ царскій знакъ полномочія, завѣщанный своему народу Чальзанциномъ; но мы пришли не съ тѣмъ, чтобъ звать васъ на битву; мы пришли сообщить вамъ, что судьба вашего народа, которую провидѣлъ мудрый царь и пророкъ, давно исполнилась. Въ положенное время, враждебные чужеземцы напали на вашихъ братьевъ и поработили ихъ, какъ предсказалъ Чальзанцинъ; а ихъ посольство съ просьбой о помощи не дошло до васъ, потому что даже мудрость великаго царя оказалась безсильной противъ воли боговъ. Впрочемъ, боги не хотѣли стереть съ лица земли вашихъ братьевъ, а только наказать ихъ; теперь же срокъ этой кары миновалъ. Они опять свободны и ими правитъ мудрый и достойный человѣкъ одной съ ними крови. Вотъ видите: мы принесли вамъ не горькія, а радостныя вѣсти.—Пока я говорилъ такимъ образомъ, крики, раздавшіеся по всей долинѣ при первой тревогѣ, становились все громче; но мы по прежнему видѣли передъ собой только двоихъ стражей, вышедшихъ къ намъ на встрѣчу, такъ какъ мы стояли далеко отъ склона горы и не могли видѣть, что̀ происходитъ у ея подножія; у насъ въ виду разстилались только зеленѣющіе луга, а за ними широкое озеро, за которымъ опять шли луга, а дальше синѣлъ строевой лѣсъ и горизонтъ замыкался высокими горами, выступавшими на ясномъ голубомъ небѣ.

По окончаніи моей рѣчи, прежде чѣмъ тѣ, къ которымъ она была обращена, успѣли обдумать ея смыслъ и рѣ-

Digitized by Google

шились отвѣчать намъ, человѣкъ шесть мужчинъ и двѣ женщины показались на дорогѣ передъ нами, съ трудомъ переводя духъ послѣ быстраго подъема въ гору. Между тѣмъ голоса другихъ, спѣшившихъ имъ вслѣдъ по горному склону, звучали все громче и вскорѣ насъ окружила толпа въ сотню человѣкъ; всѣ они смотрѣли съ удивленіемъ на чужестранцевъ и торопливо предлагали намъ вопросы. Бо́льшая часть изъ нихъ были, повидимому, земледѣльцы сосѣднихъ полей, такъ какъ въ рукахъ у нихъ находились земледѣльческія орудія, а голыя ноги и руки были покрыты брызгами грязи и черноземной пылью. Что касается ихъ внѣшности, то еслибъ не одежда женщинъ изъ бумажной ткани, вышитой прихотливыми узорами, я нашелъ бы ихъ совершенно похожими на высокихъ и статныхъ индѣйцевъ, живущихъ въ жаркихъ странахъ по прибрежью возлѣ Вера-Крусъ. Мужчины, имѣвшіе только опояску вокругъ бедръ, были великолѣпно сложены и смотрѣли молодцами, какъ на подборъ. Любой изъ нихъ былъ высокъ и статенъ, широкоплечъ, съ узкими бедрами и выпуклыми мускулами на рукахъ и ногахъ. Отъ нашего Пабло, который былъ тоже необыкновенно высокій и статный юноша, они отличались только болѣе темнымъ цвѣтомъ кожи, что̀ объяснялось тропическимъ климатомъ нхъ родины и низкимъ положеніемъ надъ уровнемъ моря.

Относительно Пабло они обнаруживали беззастѣнчивое любопытство, рѣзко отличавшееся отъ почтительнаго обращенія съ нами, какъ съ людьми чуждой расы, и Пабло настолько же смущался ихъ вопросами, насколько они его отвѣтами. Нашъ мальчикъ, видя въ нихъ такихъ же мексиканцевъ, какъ онъ самъ, говорящихъ на его родномъ языкѣ—индѣйцы, живущіе въ Гвадалахарѣ, предмѣстьѣ Мексикалсинго, прямые потомки первобытныхъ ацтековъ, говорятъ очень правильно на языкѣ нагуа—не могъ себѣ представить, чтобы онъ находился среди древней расы, которую такъ долго отыскивалъ. Онъ воображалъ, что мы, по увѣренью Рейбёрна, пришли въ приморскую область и здѣшніе люди были обыкновенными обитателями жаркихъ странъ. Ацтеки же, видя въ немъ соотечественника, безъ сомнѣнія полагали, что ему извѣстна причина, по которой они были отдѣлены

Digitized by Google

отъ остальнаго народа, и потому осыпали его вопросами о своихъ братьяхъ, разлученныхъ съ ними на многія столѣтія.

Мало по малу ихъ бесѣда съ каждымъ вопросомъ и отвѣтомъ стала принимать характеръ спора; Пабло показалось, что эти люди дурачатъ его, прикидываясь, будто бы они ничего не знаютъ о такомъ важномъ городѣ, какъ Гвадалахара, а тѣ съ своей стороны думали, что онъ лжетъ или поднимаетъ ихъ на смѣхъ. Къ счастію, прежде чѣмъ дѣло дошло до серьезныхъ недоразумѣній, разговоръ былъ прерванъ приходомъ новаго лица. При его появленіи, толпа разступилась и мы увидали передъ собой человѣка въ лѣтахъ, въ такой же одеждѣ, какъ и другіе воины, но болѣе дорогой и красивой; по ихъ почтенію къ нему, мы заключили, что онъ былъ важное лицо. Не смотря, однако, на сохраняемое имъ достоинство, этотъ человѣкъ не могъ скрыть своего глубокаго волненія, а его голосъ дрожалъ и прерывался, когда онъ спросилъ, кто мы такіе и откуда. Когда я повторилъ мой прежній отвѣтъ стражамъ и показалъ ему золотую монету, на его лицѣ отразилась сильная тревога. Что царскій знакъ давалъ намъ право на его уваженіе и даже почетъ, было очевидно по его обращенію съ нами, когда я показалъ ему завѣтную вещь; однако условія, при которыхъ она была ему представлена, повидимому, смущали его и онъ не зналъ, какъ ему поступить. Когда я кончилъ свои объясненія и положилъ монету обратно въ мѣшочекъ изъ змѣиной кожи (благоразуміе заставляло меня беречь этотъ могущественный талисманъ), почтенный воинъ обратился къ своимъ подчиненнымъ и, отведя ихъ въ сторону, заговорилъ съ ними вполголоса. Изъ ихъ разговора до меня долетѣли только немногія слова, но въ немъ не разъ повторялось имя Итцакоатля и упоминалось о какихъ-то двадцати правителяхъ. Я понялъ также, что ацтекскаго офицера звали Тицокомъ, а старшаго изъ двоихъ стражей, смуглаго человѣка, Икстлильтономъ. Тѣмъ временемъ толпа изъ уваженія къ офицеру отступила назадъ—она значительно увеличилась новоприбывшими—и всѣ эти люди продолжали дивиться на насъ, причемъ ихъ сдержанный говоръ напоминалъ жужжаніе въ пчелиномъ ульѣ. Когда совѣщаніе между воинами окончилось, Тицокъ подошелъ къ намъ,

Digitized by Google

а съ нимъ еще молодой человѣкъ, державшій въ рукѣ свитокъ бумаги. Лицо офицера по прежнему было взволновано и выражало сомнѣніе, сказавшееся и въ тонѣ его голоса, когда онъ заговорилъ:—Много столѣтій ожидали получить завѣтный знакъ своего повелителя Чальзанцина жители долины Азтлана. Но намъ было обѣщано, что мы получимъ его изъ рукъ своихъ братьевъ, когда ихъ постигнетъ бѣдствіе, причемъ посланникомъ будетъ нашъ соотечественникъ. Между тѣмъ, я слышу отъ васъ, что время бѣдствія нашего народа давно прошло да и вы сами, принесшіе священный знакъ, принадлежите къ чуждой расѣ; даже единственный изъ васъ, который, повидимому, происходитъ отъ нашихъ братьевъ, говоритъ странныя и непонятныя вещи. Еслибъ вы пришли такимъ образомъ, какъ намъ давно было обѣщено, я бы не сталъ допытываться о вашемъ правѣ войти сюда и о вашей власти надъ нами; я самъ,—хранитель прохода, прямой потомокъ того, кому предоставилъ нашъ повелитель Чальзанцинъ эту высокую должность, — первый воздалъ бы вамъ должныя почести. Но въ настоящемъ странномъ случаѣ я считаю своей обязанностью увѣдомить о вашемъ приходѣ верховнаго жреца Итцакоатля, чтобы онъ и его совѣтъ двадцати правителей рѣшили, какъ нужно поступить. Въ этомъ, я полагаю, нѣтъ для васъ никакой обиды. А пока мы узнаемъ о распоряженіяхъ начальства, позвольте предложить вамъ отдохнуть и подкрѣпиться съ дороги въ моемъ домѣ.

Я только что собрался отвѣтить въ одинаково любезныхъ выраженіяхъ на эту твердую, но радушную рѣчь—такъ какъ все, сказанное Тицокомъ, было вполнѣ разумно и не допускало возраженій—но тутъ наши переговоры были внезапно прерваны Янгомъ.

— Послушайте, молодой человѣкъ,—вскричалъ онъ, обращаясь къ провожатому Тицока.—Пускай меня застрѣлятъ, если я позволю такъ насмѣхаться надъ собою! Когда вы не можете снять съ меня лучшаго портрета, чѣмъ эта скверная мазня, то совѣтую вамъ лучше закрыть свою лавочку и приняться за другую профессію.

Я быстро обернулся и увидалъ, что Янгъ заглядываетъ въ листъ бумаги въ рукахъ у молодаго ацтека и въ самомъ дѣлѣ сердится, хотя въ то же время его разбираетъ смѣхъ.

Digitized by Google

Боясь, чтобъ изъ этого не вышло бѣды, я поспѣшилъ къ нимъ и только сознаніе серьезности нашего положенія заставило меня удержаться въ границахъ приличія, когда я увидалъ причину негодованія нашего весельчака. Мнѣ хотѣлось прыснуть со смѣху при видѣ эскизовъ красками, снятыхъ болѣе усерднымъ, чѣмъ искуснымъ секретаремъ начальника стражи съ каждаго члена нашей экспедиціи. Хотя всѣ эти снимки не могли польстить нашему самолюбію, но портретъ Янга съ непропорціонально громадной головой и огненно-красными волосами былъ самой обидной каррикатурой наружности агента, такъ что я отчасти оправдалъ его гнѣвъ.

Однако, теперь было не время давать волю личнымъ чувствамъ и я наскоро объяснилъ товарищу, что эти рисунки будутъ приложены въ поясненіе къ докладу, который долженъ быть представленъ Тицокомъ королю по поводу нашего прибытія.

— Какъ, онъ представитъ эту мазню королю и скажетъ, что это я?! Да ни за что на свѣтѣ! Вотъ взгляните сюда, профессоръ; я снялъ съ себя эту фотографическую карточку прошлой весной въ Бостонѣ, чтобы подарить ее одной дѣвицѣ передъ отъѣздомъ, но дѣвица мнѣ измѣнила и портретъ остался у меня. Хотя фотографія и неважная, но все же я не кажусь на ней такимъ красноголовымъ чудовищемъ. Если имъ необходимо послать съ насъ снимки, пускай пошлютъ лучше этотъ. И, прежде чѣмъ я успѣлъ остановить его, Янгъ вытащилъ карточку изъ своего бумажника и вручилъ ее секретарю, прибавивъ по моему адресу:—Непремѣнно внушите ему, профессоръ, чтобы онъ передалъ портретъ королю и объяснилъ, что на немъ снятъ Сетъ-Янгъ изъ Бостона, который свидѣтельствуетъ почтеніе его величеству.

Къ счастью, эта нелѣпая сцена не привела къ дурнымъ послѣдствіямъ. Секретарь показалъ фотографію Тицоку и оба они, а вмѣстѣ съ ними и двое стражниковъ, были поражены изумленіемъ при видѣ чудеснаго сходства портрета съ оригиналомъ. Послѣ того, ихъ почтеніе къ намъ замѣтно возросло. Еще бы, вѣдь мы были обладателями такого произведенія искусства! Но Янгъ остался недоволенъ; пачкотня секретарской кисти все таки была приложена къ докладу Тицока и препровождена по назначенію. По его словамъ,

Digitized by Google

если онъ послалъ хорошій свой портретъ королю, не было надобности посылать ему плохаго.

Когда же секретарь, получивъ нужныя наставленія, удалился, Тицокъ предложилъ намъ послѣдовать за нимъ въ ближайшій сторожевой домъ, чтобы освѣжить себя ванной и подкрѣпить силы пищей и напитками. Этому распоряженію мы подчинились съ большою охотой, такъ какъ чувствовали страшную усталость и голодъ. Перспектива хорошенько вымыться также была въ достаточной мѣрѣ заманчива. Янгъ положительно ликовалъ. Отрядъ воиновъ изъ сторожеваго дома приблизился къ намъ еще въ то время, когда молодой секретарь упражнялся въ живописи. Эти люди были также красиво экипированы, какъ Икстлильтонъ и его товарищъ, но я замѣтилъ, что всѣ они (исключая темнокожаго Икстлильтона) были гораздо бѣлѣе и граціознѣе простолюдиновъ въ толпѣ. Это различіе до того бросалось въ глаза, что тѣхъ и другихъ было трудно принять за представителей одной расы.

Когда мы двинулись впередъ среди разступившейся толпы, съ отрядомъ стражниковъ впереди и съ такимъ же позади, Пабло тронулъ меня за руку и только что собирался мнѣ что-то сказать, какъ вдругъ изъ туннеля, откуда мы пришли, раздался громкій ревъ осла.

— Красавчикъ мой! — воскликнулъ Пабло. — Слышите, какъ онъ меня зоветъ?—И это доказательство любви со стороны Эль-Сабіо до того растрогало юношу, что онъ сейчасъ же бросился бы къ нему со всѣхъ ногъ, еслибъ я не удержалъ его, схвативъ за руку. Ревъ осла обыкновенно сильно пугаетъ непривычныхъ къ нему людей, поэтому я нисколько не удивился, что значительная часть толпы, глазѣвшей на насъ, бросилась, что есть духу, въ разсыпную, и лучшимъ доказательствомъ храбрости нашего конвоя послужила мнѣ стойкость солдатъ въ этотъ критическій моментъ. Они тотчасъ бросились къ темному проходу, откуда неслись оглушительные звуки, но вмѣсто ожидаемаго грознаго непріятеля увидали передъ собою только кроткую морду нашего Мудреца, просунутую между перекладинами.

Тицоку, стоявшему возлѣ меня и даже не вздрогнувшему при дикомъ ревѣ, я объяснилъ, что ревущее животное совер-

Digitized by Google

шенно безобидно, отличается кротостью и послушаніемъ. Я попросилъ отодвинуть остальныя перекладины и выпустить осла изъ засады. Его готовность немедленно исполнить мою просьбу внушила мнѣ хорошее мнѣніе о благородствѣ и честности этого ацтека. Человѣкъ подозрительный и коварный тотчасъ вообразилъ бы, что я хочу поставить ему ловушку, но Тицокъ повѣрилъ сразу моей искренности. По его приказанію, запоры были сняты и мои слова оправдались, когда Эль-Сабіо подбѣжалъ къ Пабло, отвѣчая выраженіями радости и ласками на ласки мальчика. Но даже Тицокъ не могъ скрыть своего удивленія при видѣ незнакомаго животнаго. Онъ объяснилъ мнѣ потомъ, что самое крупное четвероногое, водившееся у нихъ въ долинѣ, былъ маленькій звѣрокъ изъ породы оленей, не больше зайца. Когда же я приказалъ Пабло сѣсть верхомъ на Эль-Сабіо, удивленіе на лицѣ умнаго ацтека смѣнилось тревожнымъ недоумѣніемъ и даже испугомъ. Я разслышалъ, какъ онъ пробормоталъ про себя: „Возможно ли это, что пророчество исполнится?“ Но какова бы ни была причина его внутренняго волненія, онъ не высказалъ ея, а только повернулся впередъ и подалъ знакъ идти.

Толпа народа, видя, что ей ничего не угрожаетъ, опять стала тѣсниться къ намъ и дивилась, разинувъ ротъ — мнѣ показалось даже, съ чувствомъ нѣкотораго благоговѣнія— на удивительное зрѣлище, которое представлялъ для этихъ дикарей нашъ Пабло, съ важностью сидѣвшій верхомъ на ослѣ. Итакъ, подъ конвоемъ въ авангардѣ и арьергардѣ, двинулись мы впередъ, въ долину Азтлана.

XVIII.

Зажигательная спичка.

Когда мы подошли къ спуску съ горы, вся долина открылась передъ нами и никогда еще человѣческій глазъ не любовался болѣе очаровательнымъ уголкомъ. Лигахъ въ шести прямо противъ насъ стояла гора съ отвѣснымъ обрывомъ; такія же стѣны поднимались справа и слѣва, соединяясь волнообразными очертаніями своихъ вершинъ съ высокими утесами, откуда мы пришли черезъ туннель. Величественное

Digitized by Google

озеро простиралось почти во всю длину долины, занимая приблизительно третью часть ея ширины, и потому больше походило на полноводную широкую рѣку. Отъ уровня воды почва поднималась широкими террасами, поросшими тамъ и сямъ строевымъ лѣсомъ и группами болѣе мелкихъ деревьевъ, которыя, судя по ихъ правильной разсадкѣ, я принялъ за фруктовыя плантаціи. Вся открытая мѣстность казалась однимъ обширнымъ садомъ, который содержался съ большимъ тщаніемъ и былъ повсюду прорѣзанъ маленькими канавами для искусственнаго орошенія. Домики жителей, утопавшіе въ зелени, были разсыпаны по всей долинѣ, и съ того пункта, гдѣ мы стояли, можно было различить четыре или пять маленькихъ городковъ, также защищенныхъ густой тѣнью рощицъ. По озеру плавали лодки и суда значительныхъ размѣровъ, нѣкоторыя съ парусами странной формы. И вся эта чарующая картина тропическаго міра съ обиліемъ воды и пышной растительностью цвѣла роскошной красой, пестрѣла яркими красками подъ яснымъ, темносинимъ тропическимъ небомъ.

Впрочемъ, наше вниманіе менѣе привлекали чудеса творенія божія, чѣмъ дивные образчики человѣческаго труда и генія. По ту сторону озера возвышалась масса строеній такихъ громадныхъ размѣровъ и величественнаго вида, что при первомъ взглядѣ мы приняли ее за одну изъ горъ съ квадратной вершиной, какія нерѣдко встрѣчаются въ этой части свѣта, причемъ у ихъ подножія обыкновенно нагромождены груды обломковъ скалъ, откалывавшихся въ теченіе цѣлыхъ столѣтій отъ ихъ источенныхъ атмосферными вліяніями склоновъ. Однако намъ тотчасъ стало ясно, что мы видимъ передъ собою ничто иное, какъ укрѣпленный городъ, построенный на большомъ мысѣ, который шелъ отъ склона горы и вдавался въ озеро. Тутъ я воскликнулъ въ одинъ голосъ съ фра-Антоніо: „вотъ городъ Кулхуаканъ!“ Услыхавъ это имя, Тицокъ быстро повернулся въ нашу сторону съ изумленной и встревоженной миной.

— Они не нашей расы,—пробормоталъ онъ про себя,—а между тѣмъ священное имя, извѣстное у насъ только немногимъ, знакомо имъ.—И смущеніе на его лицѣ все возрастало, пока мы подвигались впередъ.

Digitized by Google

Дорога въ этомъ мѣстѣ была узка; она спускалась зигзагами съ утеса—проходъ, черезъ который мы проникли въ долину, лежалъ на цѣлыхъ шестьсотъ футовъ выше уровня озера—и черезъ короткіе промежутки была защищена массивными стѣнами необыкновенно прочной кладки; въ нихъ были узкія лазейки, которыя могли пропускать только по одному человѣку за разъ. Что эти стѣны находились тутъ для защиты, было видно изъ того, что съ внутренней стороны каждой лазейки—считая отъ горы—стояли наготовѣ металлическія перекладины, прилаженныя такимъ образомъ, что ими можно было сейчасъ же заградить входъ, задвинувъ ихъ во впадины въ стѣнѣ.

Замѣтивъ, что мы съ удивленіемъ разсматриваемъ такую любопытную систему фортификаціи, Тицокъ объяснилъ:—Эти загородки сдѣланы для тлагуикосовъ, которые, вопреки волѣ нашего повелителя Чальзанцина, не разъ порывались уйти изъ долины,—такъ какъ между ними есть много дурныхъ людей, злыхъ и безнравственныхъ. Слово: „тлагуико“ было мнѣ знакомо; оно означало на языкѣ нагуа: „людей, обращенныхъ къ землѣ“, но какой смыслъ придавалъ ему Тицокъ въ настоящемъ случаѣ, трудно было понять. Я собирался уже разспросить его объ этомъ,—потому что открытое, дружеское обращеніе офицера невольно располагало къ нему,—но тутъ намъ пришлось пролѣзать въ узкое отверстіе въ стѣнѣ необычайной высоты и толщины, а затѣмъ мы вступили въ очаровательный садъ, гдѣ посреди нѣ возвышался обширный домъ, прекрасно выстроенный изъ камня. Чтобы сдѣлать этотъ садъ, со стороны горы была выстроена особая стѣна, поднимавшаяся изъ глубины во сто футовъ отъ горнаго склона, а на противоположномъ концѣ этого искусственнаго плато, гдѣ дорога спускалась въ долину, находились толстыя крѣпостныя стѣны. Около этого прохода было продолговатое низкое строеніе, которое я принялъ за сторожевой домъ.

Толпа народа, слѣдовавшая за нами съ возвышенности у главныхъ воротъ, пересѣкла площадку и вышла изъ калитки позади сторожеваго дома, причемъ многіе обернулись, посылая въ нашу сторону любопытные взгляды, тогда какъ стража, сопровождавшая насъ, по приказанію Тицока, разошлась по своимъ мѣстамъ. Самъ же Тицокъ провелъ насъ черезъ садъ

Digitized by Google

къ большому дому и, остановившись на порогѣ, съ церемонной любезностью просилъ войти, говоря, что здѣсь его собственное жилище и мы будемъ его дорогими гостями. Это зданіе своимъ видомъ походило на обыкновенные мексиканскіе дома, такъ что мы не нашли въ немъ ничего особеннаго. Оно было выстроено изъ камня, акуратно выложеннаго цементомъ, имѣло только одинъ этажъ и въ центрѣ его находился широкій дворъ, усаженный невысокими деревьями, кустами и пестрѣвшій цвѣточными клумбами. Посреди двора журчалъ фонтанъ. Всѣ внутреннія комнаты выходили на этотъ центральный дворъ, а въ наружной стѣнѣ было только одно отверстіе, куда мы вошли; рядомъ лежали наготовѣ металлическія перекладины, чтобы, смотря по надобности, немедленно закрыть входъ. Плоская крыша, также изъ камня, была снабжена каменной лѣстницей со двора и массивнымъ каменнымъ парапетомъ съ узкими бойницами для метанія дротиковъ и стрѣльбы изъ лука. Но эти приспособленія къ оборонѣ не производили мрачнаго впечатлѣнія, какъ въ томъ случаѣ, еслибы мы встрѣтили ихъ въ какомъ нибудь европейскомъ загородномъ домѣ; въ Мексикѣ же каждая „хасіэнда“ и въ наше время представляетъ маленькую крѣпость, такъ что даже я въ свое короткое пребываніе въ этой странѣ успѣлъ привыкнуть къ такимъ порядкамъ.

Громкій говоръ, въ которомъ преобладали женскіе голоса, внезапно стихъ, когда мы вошли во дворъ: по движенію и шелесту зановѣсокъ, повѣшенныхъ передъ дверьми комнатъ, мы догадались, что служимъ предметомъ любопытства обитателей дома. На зовъ Тицока вышло нѣсколько слугъ, которымъ онъ приказалъ приготовить для насъ пищу, послѣ чего мы были введены въ просторную комнату въ углу двора, превосходно устроенную для купанья. Здѣсь находился большой каменный бассейнъ, футовъ двадцать въ квадратѣ, съ углубляющимся дномъ, такъ что его глубина, начиная съ двухъ футовъ, доходила почти до пяти; бассейнъ былъ наполненъ свѣжей проточной водою и въ занимаемой имъ части комнаты не было потолка, а синѣло ясное небо. Каменный полъ устилали прекрасно сплетенныя цыновки, по стѣнамъ на гвоздяхъ висѣли бумажныя полотенца, а въ каменныхъ сосудахъ были положены сѣжіе куски мыльнаго корня, который употреб-

Digitized by Google

ляется индѣйцами въ Новой Мексикѣ. Тицока повидимому удивило, что мы предпочли искупаться поочередно, а не вмѣстѣ; но онъ былъ слишкомъ вѣжливъ, чтобъ позволить себѣ какія нибудь возраженія по поводу нашихъ странностей. Только Пабло, мывшійся послѣ всѣхъ, имѣлъ съ собою компаніона въ ваннѣ въ лицѣ Эль-Сабіо; потомъ онъ тщательно расчесалъ ему щеткой длинную шерсть и осликъ сдѣлался гладкимъ на диво. Освѣжившись купаньемъ, мы были очень рады отличному угощенію, поданному намъ въ прохладной тѣни веранды, окружавшей дворъ. Нашъ обѣдъ происходилъ отчасти на римскій ладъ, такъ какъ столомъ служила большая каменная глыба, немного поднимавшаяся надъ поломъ, и мы разлеглись вокругъ нея на матахъ, облокачиваясь на подушки, сплетенныя изъ тростника. Пища была превосходна—маленькое млекопитающее изъ породы оленей, но не больше зайца, зажаренное цѣликомъ; птицы въ родѣ перепеловъ, приготовленныя очень искусно; маленькіе кексы изъ маиса, болѣе похожіе на тѣ, которые приготовляются нашими южными неграми, чѣмъ на испанскіе *тортильясъ*; затѣмъ подали нѣчто въ родѣ сладкаго мармелада и массу апельсиновъ, манго, бананновъ и другихъ фруктовъ, свойственныхъ жаркимъ странамъ Мексики; только эти плоды были гораздо сочнѣе мексиканскихъ, что, какъ мы узнали послѣ, обусловливалось ихъ тщательной культурой. Къ обѣду подавали одну воду и лишь во время десерта принесли небольшой кувшинъ съ какимъ-то крѣпкимъ напиткомъ, чрезвычайно холоднымъ и превосходнаго пряного вкуса. Тицокъ предупредилъ насъ, чтобъ мы пили его умѣренно. И въ самомъ дѣлѣ, выпивъ всего полчашки, я почувствовалъ такую теплоту во всемъ тѣлѣ, такое ощущеніе довольства, что совершенно размякъ. Но самъ Тицокъ не придерживался умѣренности и, вѣроятно, поэтому съ большою откровенностью принялся бесѣдовать съ нами о серьезныхъ вещахъ, тогда какъ въ нормальномъ состояніи былъ очень сдержанъ.

— Спросите полковника, позволитъ ли онъ мнѣ выкурить трубочку, профессоръ, — сказалъ Янгъ послѣ обѣда.—Мнѣ также хотѣлось курить, да, вѣроятно, и Рейбёрну не меньше моего. Поэтому я спросилъ позволенія хозяина за всѣхъ насъ; но къ моему удивленію — такъ какъ я воображалъ, что всѣ

Digitized by Google

первобытныя расы въ Мексикѣ курятъ табакъ—Тицокъ очевидно не понялъ, чего мнѣ нужно. Но сообразивъ, что я чего-то желаю отъ него, онъ любезно изъявилъ свое согласіе; пока мы набивали трубки, ацтекъ съ любопытствомъ наблюдалъ за нами; когда же мы вынули изъ кармановъ спички и добыли огня, онъ вскочилъ на ноги въ непонятной тревогѣ и смотрѣлъ на насъ скорѣе съ благоговѣніемъ, чѣмъ со страхомъ. Его голосъ прерывался и онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ, когда спросилъ насъ: — Развѣ вы дѣти Чакъ-Мооля, бога огня, а вмѣстѣ съ тѣмъ избранные слуги Гуитцилопохтли, прозваннаго ужаснымъ, что вамъ доступно то, что дѣлаетъ у насъ только верховный жрецъ Итцакоатль?

Оба мы съ фра-Антоніо съ восторгомъ прислушивались къ этимъ словамъ, которыя подтверждали давнишній спорный вопросъ, былъ ли Чакъ-Мооль идоломъ; теперь же онъ рѣшался въ пользу геніальной гипотезы знаменитаго ученаго, сеньора Чаберо. Однако, въ данную минуту было бы некстати заниматься этимъ предметомъ съ археологической точки зрѣнія; намъ понадобилось много такта и находчивости, чтобы успокоить Тицока. Насколько это было возможно—а мы вдругъ поняли, какъ трудно выразить на языкѣ нагуа многія понятія, мало-мальски выходящія изъ сферы обыденной жизни—мы объяснили ему, какимъ образомъ дѣлаются спички, наглядно показывая, какъ вспыхиваетъ огонь отъ трѣнія, чего можно достичь также, потирая два обыкновенныхъ куска дерева одинъ о другой. Положимъ, это объясненіе было невполнѣ точно, но, по крайней мѣрѣ, доступно ацтеку; онъ понемногу успокоился и занялъ прежнее мѣсто, послѣ чего осушилъ залпомъ цѣлую чашку крѣпкаго прянаго ликера. Эта порція окончательно развязала ему языкъ и онъ до того расхрабрился, что взялъ спичку въ руки. Но даже и теперь бѣдный дикарь прикасался къ ней съ благоговѣніемъ; потомъ онъ вынулъ изъ мѣшочка, висѣвшаго у него на шеѣ, обгорѣлый остатокъ другой спички, который долго сравнивалъ съ нашими.—Такъ это то же самое?— спросилъ онъ наконецъ, сложивъ вмѣстѣ цѣлую спичку съ обгорѣвшей и показывая намъ.

— Конечно, то же самое,—отвѣчалъ фра-Антоніо,—от-

Digitized by Google

куда же у тебя этотъ кусочекъ, который ты бережешь такъ тщательно?

— Отъ главнаго жреца Итцакоатля; такими штуками онъ чудеснымъ образомъ зажигаетъ жертвенный огонь; но главный жрецъ не говоритъ о нихъ такъ небрежно, какъ вы. Онъ разсказываетъ намъ, что онѣ—дѣло рукъ бога огня Чакъ-Мооля, и, когда жертвенный огонь зажженъ, почтенный старецъ раздаетъ остатки спичекъ, какъ высшую награду тѣмъ, кто хорошо служитъ государству подвигами храбрости и доблестными дѣлами. Вотъ этотъ кусочекъ, который я берегу, достался мнѣ за усмиреніе бунта между тлагуикосами.

Фра-Антоніо и я переглянулись между собою, догадываясь, что верховный жрецъ, о которомъ говорилъ Тицокъ, или самъ изобрѣлъ зажигательныя спички, или сообщался съ внѣшнимъ міромъ черезъ какой нибудь потаенный ходъ. Въ обоихъ случаяхъ было очевидно, что онъ обладалъ недюжиннымъ умомъ, а, слѣдовательно, и его чувства къ намъ—такъ какъ мы могли творить чудеса, которыя онъ выдавалъ за сверхъестественныя проявленія собственной силы — не могли не быть враждебными.

Рейбёрнъ и Янгъ, не понимая нашего разговора, дивились странному поведенію Тицока; я наскоро перевелъ имъ его слова и объяснилъ, насколько усложняется наше положеніе въ виду такого неожиданнаго открытія.

— Ну, конечно, верховному жрецу не поздоровится отъ нашего прихода сюда,—пояснилъ Янгъ,—и я полагаю, профессоръ, что вы правы: этотъ старикашка станетъ до насъ добираться. Заставьте-ка почтеннаго полковника выложить все, что онъ знаетъ о старомъ пройдохѣ, благо нашъ хозяинъ хлебнулъ черезъ край своего стараго бургонскаго высокой марки—передайте мнѣ вонъ тотъ кувшинъ, Рейбёрнъ; не мѣшаетъ и намъ пропустить глоточекъ:—по крайней мѣрѣ, мы узнаемъ что нибудь полезное. Ну-ка, профессоръ, попытайтесь. Ваше здоровье, джентльмены!

Языкъ нашего товарища тоже заплетался подъ вліяніемъ пріятнаго напитка, но умственная воспріимчивость скорѣе обострилась, чѣмъ ослабѣла, и потому я послѣдовалъ его совѣту. Что же касается Тицока, то онъ подъ вліяніемъ вина, дѣйствительно, сдѣлался еще довѣрчивѣе и, по мѣрѣ того

Digitized by Google

какъ его разумъ лѣниво переваривалъ несомнѣнный фактъ, что главный жрецъ дурачилъ ихъ всѣхъ, выдавая за чудо простыя вещи, въ которыхъ не было ничего сверхъестественнаго, лицо ацтека загоралось румянцемъ, что было намъ какъ нельзя болѣе на руку. Этотъ гнѣвъ доказывалъ возрастающее неуваженіе къ человѣку, окруженному всеобщимъ почетомъ, которому уступали только почести, воздаваемыя богамъ. Нельзя было болѣе сомнѣваться, что наше присутствіе серьезно угрожало свѣтской и духовной власти теократическаго правителя. Тицока было легко заставить разговориться и мы съ величайшимъ интересомъ слушали его разсказы о странномъ народѣ, который отыскали такими опасными путями, и о главѣ этихъ полудикарей, верховномъ жрецѣ Итцакоатлѣ, съ которымъ намъ предстояло въ недалекомъ будущемъ неизбѣжное столкновеніе и борьба на смерть. Чтобы предвидѣть такую развязку, не надо было обладать даромъ пророчества.

XIX.

Сѣмена раздора.

Ради краткости, я изложу въ немногихъ словахъ то, что мы узнали отъ Тицока, и въ поясненіе прибавлю нѣкоторые факты меньшей важности, которые дошли до насъ позднѣе и характеризовали запутанное положеніе дѣлъ у жителей долины Астлана въ то время, когда мы появились среди нихъ.

Положеніе это было крайне критическимъ. Тамъ существовало три могущественныхъ партіи и миръ поддерживался только общимъ убѣжденіемъ, что открытое возстаніе каждой изъ нихъ немедленно будетъ подавлено временнымъ союзомъ двухъ остальныхъ. Начало раздора относилось къ періоду времени за шесть цикловъ—т. е. немного болѣе, чѣмъ за триста лѣтъ назадъ—и было прямымъ результатомъ нарушенія закона, установленнаго мудрымъ царемъ Чальзанциномъ, когда была основана колонія. По этому закону, тѣ изъ астланековъ, которые по достиженіи совершеннолѣтія оказывались слабосильными или калѣками, предавались смерти.

Отмѣна или смягченіе такого жестокаго устава нашло

Digitized by Google

много защитниковъ, когда объ этомъ былъ поднятъ вопросъ; конечно, болѣе всего возставали противъ постановленія царя Чальзанцина родители болѣзненныхъ или обладающихъ физическими недостатками дѣтей, которыхъ ожидала насильственная смерть во цвѣтѣ лѣтъ. На ихъ сторону перешли также многіе знатные люди, желавшіе повернуть дѣло такъ, чтобы отмѣна непопулярнаго закона создала особый классъ рабовъ; стояли за это и жрецы, чтобы имѣть всегда достаточный запасъ человѣческихъ жертвъ для своихъ боговъ. Такимъ образомъ, благодаря вліянію разнородныхъ элементовъ, преслѣдовавшихъ одинаковую цѣль, законъ, установленный Чальзанциномъ, былъ устраненъ, уступивъ мѣсто другому, удовлетворявшему требованію знати и жрецовъ. Этимъ новымъ закономъ былъ созданъ новый классъ общества, названный тлагуикосами—людьми, обращенными къ землѣ по причинѣ ихъ убожества. Послѣ того, больныхъ и калѣкъ перестали убивать по достиженіи зрѣлаго возраста, но исключали ихъ изъ того сословія, въ которомъ они родились, и дѣлали рабами. По истеченіи перваго цикла, съ тѣхъ поръ какъ былъ примѣненъ новый законъ, начали брать по жребію одного изъ каждаго десятка тлагуикосовъ, чтобы приносить ихъ въ жертву богамъ. Жрецы съ помощью лукавства присвоили себѣ эту варварскую привилегію, предусмотрительно отсрочивъ первое пользованіе ею на далекій срокъ впередъ, разсчитывая, что всѣ прочія условія, на которыхъ она основывалась, будутъ забыты, пока новое постановленіе войдетъ въ силу. Между тѣмъ, съ цѣлью избавить людей благороднаго происхожденія отъ позора неволи, родителямъ позволялось добровольно обрекать въ жертву богамъ собственныхъ дѣтей, которыя по своимъ физическимъ недостаткамъ должны были дѣлаться невольниками, достигнувъ совершенныхъ лѣтъ. Иной милости они не могли ожидать. Такимъ образомъ, у слабыхъ и калѣкъ не было выбора между смертью и рабствомъ.

Съ теченіемъ времени, тлагуикосы, вступая между собою въ браки, очень размножились и, вмѣсто того чтобы произвести слабосильное потомство, сдѣлались необыкновенно здоровыми и крѣпкими, благодаря умѣренному образу жизни и постоянному труду. Калѣками и болѣзненными въ ихъ средѣ были только вновь поступавшіе ежегодно въ ихъ число изъ

Digitized by Google

другихъ классовъ общества. Такимъ путемъ накопился въ средѣ народа настолько же опасный, насколько и легко воспламеняющійся матерьялъ; новые члены общины тлагуикосовъ постоянно поддерживали во всемъ ихъ контингентѣ духъ недовольства, такъ что когда наступало время вынимать жребіи, дѣло никогда не обходилось безъ вооруженнаго возстанія. Эти бунты имѣли цѣлью бѣгство изъ долины, вслѣдствіе чего выходъ оттуда былъ тщательно загражденъ крѣпостными стѣнами. Изъ тлагуикосовъ выбирали домашнюю прислугу для богачей, а на болѣе сильныхъ изъ этого презрѣннаго класса общества возлагались тяжелыя работы: воздѣлываніе полей, ломка камня, постройка домовъ, мостовъ, дорогъ, рубка лѣса, переноска всякихъ тяжестей и разработка громадныхъ золотыхъ рудниковъ, о которыхъ будетъ сказано ниже. Всѣ эти люди находились въ полнѣйшей неволѣ, или какъ рабы отдѣльныхъ господъ, или какъ собственность государства; каждый годъ, вновь причислявшихся къ классу рабовъ продавали съ публичнаго торга; тѣ же, которыхъ никто не покупалъ по причинѣ слишкомъ большаго убожества, переходили во владѣніе казны, а потомъ ихъ приносили въ жертву. Впрочемъ, обычай продавать тлагуикосовъ, варварскій самъ по себѣ, былъ впослѣдствіи смягченъ: такъ, родителямъ позволяли выкупать своихъ дѣтей, поступавшихъ къ нимъ обратно подъ видомъ невольниковъ, и такимъ образомъ несчастные спасались отъ смерти и рабства.—Главная причина ненависти къ верховному жрецу Итцакоатлю,—сказалъ Тицокъ (и мы удивились, какъ дрогнулъ у него при этомъ голосъ и какъ онъ измѣнился въ лицѣ),—заключалась въ томъ, что онъ недавно запретилъ такой компромиссъ, требуя строгаго выполненія буквы закона.

До обнародованія верховнымъ жрецомъ этого декрета, духовенство, военная аристократія и армія составляли въ политическомъ отношеніи одинъ классъ. Гражданское управленіе состояло изъ совѣта двадцати, члены котораго сначала были выбраны Чальзанциномъ и отъ него получили власть на вѣчныя времена пополнять вакансіи умершихъ членовъ, избирая въ совѣтники самыхъ мудрыхъ изъ каждаго новаго поколѣнія. Хотя составъ совѣта былъ чисто аристократическій,—потому что его члены выбирались или изъ знатныхъ военныхъ людей, или изъ жрецовъ высшаго званія,—но въ немъ былъ также

Digitized by Google

и демократическій элементъ, такъ какъ и духовное сословіе, и армія набирались изо всѣхъ классовъ общества (исключая только рабовъ); слѣдовательно, въ числѣ двадцати правителей всегда попадались люди темнаго происхожденія, достигшіе почестей личными заслугами. Во главѣ ихъ стоялъ главный жрецъ и распоряженія совѣта подтверждались имъ, какъ представителемъ боговъ, соединявшимъ въ своей личности ихъ высочайшую власть и страшное могущество. Между тѣмъ предшественники Итцакоатля, управлявшіе народомъ со временъ Чальзанцина, до того осмотрительно пользовались своими теократическими правами и выказывали столько мудрости въ своемъ правленіи, что между духовной и свѣтской властью до сихъ поръ не происходило никакого столкновенія. Такою же мудростью отличался и самъ Итцакоатль въ первые годы своего царствованія. Но по мѣрѣ приближенія старости — а теперь онъ былъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ — его характеръ началъ обнаруживать все бо́льшую наклонность къ тираніи. Онъ окружилъ себя приближенными жрецами, игравшими роль совѣтниковъ, а тѣ постоянно подстрекали его къ противодѣйствію распоряженіямъ двадцати правителей не только въ случаѣ разногласія, но даже когда воля цѣлаго народа согласовалась съ мнѣніемъ совѣта. Такимъ образомъ, въ государствѣ постепенно возникло двѣ враждебныхъ партіи: партія жрецовъ, непремѣнно желавшая поставить верховную власть Итцакоатля выше свѣтской, и партія знатныхъ и высокопоставленныхъ людей, поддерживавшая старинныя права совѣта въ свѣтскихъ дѣлахъ. Что же касается арміи, то она не склонялась ни въ ту, ни въ другую сторону, и потому ни одна партія не доходила до открытаго мятежа, изъ боязни, что другая прибѣгнетъ къ помощи презрѣннаго класса рабовъ; слѣдовательно, все политическое равновѣсіе страны въ сущности находилось во власти тлагуикосовъ. Однако, сами они, по словамъ Тицока — тутъ въ голосѣ нашего хозяина послышалось нѣкоторое колебаніе, какъ будто онъ зналъ больше, чѣмъ хотѣлъ сказать—невполнѣ сознавали это обстоятельство; между тѣмъ, имъ было хорошо извѣстно, что при теперешнемъ положеніи дѣлъ всякая попытка къ возстанію съ ихъ стороны, какъ и въ прежнія вре-

Digitized by Google

мена, встрѣтить дружный отпоръ отъ обѣихъ партій привилегированнаго класса, которыя и одержатъ надъ ними верхъ.

Но самой крѣпкой связью этой общины, гдѣ подъ видомъ внѣшняго спокойствія бушевали такіе сильные элементы раздора, служила благородная готовность исполнить свое назначеніе, ради котораго азтланеки были изолированы отъ остальнаго народа тысячу лѣтъ назадъ. Всѣ классы общества, исключая тлагуикосовъ, не принимавшихъ въ этомъ участія, пламенно желали, чтобъ ихъ поскорѣе потребовали на помощь къ братьямъ. Имъ хотѣлось сразиться съ чужеземнымъ врагомъ, согласно пророчеству мудраго царя. Это стремленіе къ возвышенной цѣли препятствовало явному разрыву, тогда какъ при другихъ обстоятельствахъ онъ не замедлилъ бы совершиться.—Честь запрещала ацтекамъ начать междоусобную войну,—говорилъ Тицокъ,—потому что внутренніе раздоры помѣшали бы имъ немедленно исполнить требованіе, которое могло явиться каждую минуту со стороны единоплеменниковъ, жившихъ на волѣ.—

Съ глубокимъ вниманіемъ — понимая всю важность этого дѣла – разспрашивалъ насъ Тицокъ, по окончаніи своей рѣчи, что̀ значили слова, сказанныя нами при вступленіи въ долину Азтлана, будто бы пророчество Чальзанцина давно исполнилось и что жителей Кулхуакана никогда больше не потребуютъ на помощь ихъ братьямъ, такъ какъ она не подоспѣла вò время, а теперь въ ней болѣе никто не нуждается. Съ благоговѣніемъ и въ грустномъ молчаніи слушалъ онъ, какъ фра-Антоніо и я разсказывали ему о судьбѣ ацтекскаго народа: пророчество мудраго царя оправдалось въ точности, пришли испанцы, завоевали Мексику и покорили ее своему владычеству; но черты Тицока опять просіяли, когда онъ узналъ о мужественной борьбѣ своихъ братьевъ за независимость и о ея счастливомъ исходѣ. Мы не описывали подробно періода со времени потери самостоятельности Мексики и до послѣднихъ лѣтъ, такъ какъ всякому, кто дружески расположенъ къ мексиканцамъ, не особенно пріятно вспоминать о томъ; мы сказали только, что народъ, такъ долго подвергавшійся притѣсненіямъ, возсталъ, наконецъ, противъ своихъ притѣснителей и сдѣлался вновь независимымъ подъ управленіемъ человѣка одной съ нимъ крови.

Digitized by Google

Къ той части нашего разсказа, гдѣ мы передавали Тицоку, какимъ образомъ намъ стало извѣстно о скрытомъ городѣ Кулхуаканѣ и какъ попалъ намъ въ руки завѣтный знакъ, онъ отнесся довольно разсѣянно. Очевидно, его умъ былъ поглощенъ болѣе серьезными предметами, о которыхъ онъ услышалъ отъ насъ, и теперь ацтекъ спрашивалъ себя, какъ отзовется все это на смутномъ положеніи дѣлъ въ средѣ его согражданъ. Замѣтивъ задумчивость хозяина, мы оставили его въ покоѣ и стали разговаривать между собою. Рейбёрнъ, по своей проницательности и быстротѣ соображенія, сдѣлалъ немедленную и точную оцѣнку существующему порядку дѣлъ:

— Мы перевернули вверхъ дномъ все существованіе этихъ людей,—сказалъ онъ:—то, къ чему они готовились тысячу лѣтъ, оказалось теперь ненужнымъ; весь строй ихъ жизни теперь нарушенъ. Янгъ совершенно вѣрно выразился, что верховному жрецу не поздоровится отъ нашего прихода; мы сами не хуже его умѣемъ творить чудеса съ коробкой зажигательныхъ спичекъ; но что въ концѣ подорветъ его авторитетъ, такъ это принесенныя нами неожиданныя новости; теперь низшій классъ народа сочтетъ себя вправѣ противиться деспоту. И я увѣренъ, что ацтеки возстанутъ, какъ только освоятся съ мыслью, что имъ не нужно больше ни воевать за своихъ братьевъ, ни выкупать ихъ изъ неволи. Вотъ помяните мое слово, что не пройдетъ трехъ дней, какъ тутъ начнется такая перепалка, что небу станетъ жарко.

— А вотъ помяните *мое* слово, — перебилъ Янгъ,—что нашъ полковникъ первый заваритъ кашу. Не знаю, за что онъ озлобленъ противъ верховнаго жреца, можетъ быть, по чувству справедливости, а, можетъ быть, у нихъ есть и личные счеты. Изъ словъ полковника я могу заключить, что его партія сильнѣе, потому что тѣ, кто стоитъ за духовенство, должны быть святоши: гдѣ ужь имъ драться! Намъ же слѣдуетъ хорошенько поджечь этого джентльмена, а когда мы поможемъ ему и его друзьямъ поколотить противную партію, они до того обрадуются, что позволятъ своимъ избавителямъ набить карманы изъ сокровищницы, устроенной ихъ царемъ. Да, кстати, профессоръ, я вспомнилъ, что вѣдь мы до сихъ поръ ничего не слыхали насчетъ клада. Вы спросите-ка пол-

Digitized by Google

ковника хорошенько. Если тутъ ничего нѣтъ, то намъ лучше убраться отсюда по добру, по здорову. На войнѣ, какъ во время крушенія желѣзнодорожнаго поѣзда, лучше заблаговременно унести свои ноги, если знаешь, что игра не стоитъ свѣчъ.

Тицокъ отвѣтилъ мнѣ на этотъ вопросъ довольно разсѣянно, очевидно поглощенный серьезными думами; однако его отвѣтъ вполнѣ удовлетворилъ Янга.—Въ самомъ центрѣ города,—сказалъ онъ,—находится сокровищница, выстроенная самимъ Чальзанциномъ, и тамъ хранятся завѣщанныя имъ богатства.—Въ чемъ они заключаются и какъ велика ихъ цѣнность, этого онъ никакъ не могъ сказать. Намъ стало ясно, что сокровищница помѣщалась въ главномъ храмѣ и была доступна одному верховному жрецу.—Въ нее складывали,—прибавилъ Тицокъ,—ежегодную дань, получаемую съ народа, и металлъ, добываемый изъ большой копи. Этотъ металлъ считался величайшей драгоцѣнностью въ ихъ имуществѣ, потому что изъ него, по словамъ ацтека, дѣлалось ихъ оружіе, а также земледѣльческія орудія и инструменты для обработки дерева и металла. Онъ не всегда имѣлъ такую цѣнность, потому что въ своемъ первоначальномъ видѣ былъ слишкомъ мягокъ, чтобы служить полезнымъ цѣлямъ; такимъ образомъ, прежде у ацтековъ все дѣлалось изъ камня, до тѣхъ поръ пока одинъ мудрый человѣкъ изъ ихъ среды не открылъ способа закалять блестящій металлъ; послѣ того, ацтланеки стали процвѣтать, такъ какъ металлическія орудія облегчили во всемъ ихъ работу. Но это случилось уже очень давно.

— А каковъ на взглядъ этотъ металлъ? — спросилъ я, сильно заинтересованный. Во мнѣ сейчасъ заговорилъ инстинктъ археолога, едва рѣчь Тицока коснулась предмета такой важности, какъ переходъ народа отъ каменнаго періода къ металлическому.

— А вотъ каковъ,—просто отвѣчалъ Тицокъ, снимая массивный браслетъ съ своей руки,—но здѣсь металлъ остался въ своемъ естественномъ состояніи мягкости. Для того чтобы онъ получилъ цѣнность, его необходимо было сначала закалить.

Я не сомнѣвался въ томъ, какого рода этотъ металлъ; но, зная, что Рейбёрнъ, обладавшій превосходными познаніями

Digitized by Google

въ металлургіи, можетъ рѣшить вопросъ, какъ спеціалистъ, обратился къ нему и спросилъ:

— Вѣдь это золото?

— Ну, разумѣется,—отвѣчалъ тотъ, не колеблясь.—И притомъ безо всякой примѣси.

— Тогда ваши предположенія насчетъ блестящаго твердаго металла, которыя казались намъ такими странными, вполнѣ подтверждаются. Это закаленное золото,—продолжалъ я и передалъ ему слышанное отъ Тицока.

Рейбёрнъ былъ сильно заинтересованъ.

— Съ точки зрѣнія науки, профессоръ, это важная вещь,—замѣтилъ онъ.—Нашимъ металлургистамъ не мѣшало бы поучиться у здѣшнихъ дикарей, хотя, конечно, для насъ ихъ открытіе не можетъ имѣть практическаго значенія. Золото должно сильно понизиться въ цѣнѣ или фосфорная бронза должна повыситься прежде, чѣмъ намъ будетъ выгодно передѣлать золотые доллары въ различныя части машинъ: оси, зубчатыя колеса и шестерни. Но во всякомъ случаѣ это очень интересно. Сплавленное съ кремніемъ, золото дастъ золотой силицитъ, который можно сдѣлать твердымъ, но я не могу себѣ даже представить, какимъ способомъ производится здѣсь закалка. Спросите полковника, профессоръ, какъ совершается этотъ процессъ. Я могу составить интереснѣйшій рефератъ по настоящему вопросу, чтобы прочесть его на собраніи горныхъ инженеровъ.

Но, когда я обернулся къ Тицоку, чтобы заговорить съ нимъ по желанію Рейбёрна, то замѣтилъ, что онъ пристально смотритъ на противоположную сторону двора взглядомъ нѣжной любви и глубокой грусти. Я взглянулъ туда же и увидѣлъ прелестнаго мальчика лѣтъ тринадцати или четырнадцати, на половину спрятавшагося за какимъ-то цвѣтущимъ кустарникомъ; ребенокъ съ любопытствомъ посматривалъ на насъ изъ своей засады.

— Это Маза, мой сынишка,—сказалъ Тицокъ, замѣтивъ, что я смотрю на мальчика. И онъ позвалъ его къ себѣ. Сначала Маза колебался, но послѣ вторичнаго зова отца вышелъ изъ-за куртины цвѣтовъ и направился черезъ дворъ; тутъ я замѣтилъ, что онъ сильно хромаетъ. Его лицо было задумчиво, какъ у многихъ калѣкъ, но въ большихъ карихъ

Digitized by Google

глазахъ свѣтились умъ и кротость. Въ одну минуту мнѣ стало ясно, почему Тицокъ былъ такъ озлобленъ противъ верховнаго жреца, запретившаго родителямъ выкупать калѣкъ-дѣтей, чтобы спасти ихъ отъ рабства. Во мнѣ заговорила эгоистическая радость; теперь я зналъ, что, если насъ постигнетъ серьезная опасность (а это было неизбѣжно, потому что нашъ приходъ въ долину былъ смертельнымъ ударомъ неограниченному господству Итцакоатля), мы, конечно, найдемъ въ Тицокѣ союзника и друга.

XX.

Верховный жрецъ.

Мой взглядъ, когда я обернулся къ Тицоку, былъ настолько краснорѣчивъ, что не нуждался въ словесномъ подтвержденіи; поэтому почтенный хозяинъ тотчасъ отвѣтилъ на него съ полной искренностью.

— Васъ удивляетъ, что я радуюсь вашему приходу и принесеннымъ вами извѣстіямъ? Богамъ не угодно больше, чтобы мы исполнили дѣло, на которое предназначилъ насъ повелитель ацтековъ Чальзанцинъ; теперь мы вправѣ отмѣнить обычай, по которому всѣ слабосильные и калѣки нашего народа обрекались на смерть, и еще болѣе жестокій обычай отдавать ихъ, въ противномъ случаѣ, въ рабство. Мой мальчикъ не подвергнется ни тому, ни другому. Вашими устами говорили боги и мой сынъ спасенъ. Ацтекамъ давно было предсказано, что съ приходомъ въ долину Азтлана четвероногаго животнаго, несущаго на спинѣ человѣка, власти верховнаго жреца наступитъ конецъ.

Вѣроятно, Тицокъ сказалъ бы еще многое по этому поводу, потому что его душевное волненіе просило исхода; но тутъ за оградой послышался топотъ бѣгущихъ людей и секретарь Тицока вошелъ черезъ узкія ворота во дворъ, сопровождаемый отрядомъ стражи. Отозвавъ его въ сторону, секретарь принялся торопливо передавать ему что-то; Тицокъ слушалъ съ тревогой на лицѣ и мы тотчасъ поняли по ихъ мимикѣ, что дѣло приняло серьезный оборотъ.

Digitized by Google

Нѣсколько минутъ начальникъ стражи хранилъ молчаніе, понуривъ голову и задумавшись, послѣ чего обратился къ намъ:—Верховный жрецъ приказалъ привести васъ къ себѣ,—началъ онъ,—и притомъ безъ замедленія.—Затѣмъ Тицокъ отвелъ насъ въ сторону и прибавилъ, понизивъ голосъ:—Въ городѣ началось уже большое волненіе, потому что солдаты разгласили принесенную вами вѣсть. Немедленно былъ созванъ совѣтъ двадцати правителей и мнѣ сказали, что отъ нихъ сейчасъ придетъ сюда посолъ. Верховный жрецъ оттого и требуетъ васъ къ себѣ безотлагательно, чтобы не дать времени этому послу увидаться съ вами раньше. Итцакоатль навѣрно питаетъ какой нибудь злой умыселъ; но не бойтесь ничего—вы принесли вѣсть объ освобожденіи и ее стоитъ только распространить, чтобъ вокругъ васъ собралась толпа друзей. А теперь пойдемте.—Черезъ нѣсколько минутъ, мы покинули домъ Тицока, прошли черезъ укрѣпленныя ворота въ массивной стѣнѣ, защищавшей маленькую площадку со стороны горы, и спустились по широкой, крутой дорогѣ къ берегу озера.

Нашъ кортежъ подвигался въ томъ же порядкѣ, какъ и раньше: впереди и позади шли солдаты, а Тицокъ шелъ рядомъ съ нами. Согласно его желанію, сообщенному мнѣ шопотомъ, Пабло ѣхалъ верхомъ на Эль-Сабіо. Я не спрашивалъ, зачѣмъ это нужно, догадываясь, что онъ хотѣлъ наглядно представить исполненіе пророчества во всей точности и такимъ образомъ подготовить почву для мятежа.

Я успѣлъ сообщить Рейбёрну съ Янгомъ, что говорилъ мнѣ Тицокъ насчетъ требованій верховнаго жреца, а также и о томъ, что онъ не задумается довести дѣло до возстанія, только бы спасти любимаго сына отъ смерти или рабства.

— Меня нисколько не удивляетъ,—отвѣчалъ Рейбёрнъ,—что принесенныя нами извѣстія произведутъ у нихъ бунтъ. Я такъ и говорилъ съ самаго начала. Еслибъ у нихъ во главѣ правленія стоялъ порядочный человѣкъ, государственный переворотъ могъ бы совершиться безъ кровопролитія. Но этотъ верховный жрецъ—мошенникъ перваго разряда. Онъ всячески дурачилъ подданныхъ мнимыми чудесами да подводилъ разныя махинаціи, судя по словамъ полковника, не хуже нью-іоркскаго альдермэна или предсѣдателя государственнаго

Digitized by Google

военнаго комитета у насъ въ Огэйо. Нѣтъ словъ, у него многочисленная партія, но эти сторонники не годятся для борьбы, когда противная партія сильна и имѣетъ много шансовъ настоять на своемъ. Этотъ сортъ людей всегда въ рѣшительныхъ случаяхъ держится въ сторонкѣ и высматриваетъ, что будетъ дальше; а потомъ, когда одна сторона начнетъ брать перевѣсъ—все равно какая—они закричатъ, что стояли за нее съ самаго начала и примутся добивать побѣжденныхъ. Намъ надо перетянуть на свою сторону почтенный элементъ, людей, которые платятъ налоги и желаютъ имѣть порядочное правительство. Пожалуй, здѣсь не платятъ налоговъ, но дѣльные люди есть вездѣ, а они умѣютъ постоять за свои интересы. Потомъ здѣсь, должно быть, немало родителей, имѣющихъ болѣзненныхъ или изуродованныхъ дѣтей, какъ напримѣръ, нашъ полковникъ; это самые заклятые враги верховнаго жреца, которые будутъ рады отъ него отдѣлаться; мы также можемъ разсчитывать на нихъ, да и драться они станутъ молодецки. Положимъ, я согласенъ съ вами, профессоръ, что намъ приходится туго, но вѣдь могло быть и хуже, и я твердо вѣрю, что мы выкарабкаемся изъ бѣды.

— И я тоже,—воскликнулъ Янгъ,—въ особенности теперь, когда мнѣ извѣстно, что нашъ знаменитый оселъ играетъ роль въ пророчествѣ. Я всегда думалъ, что Эль-Сабіо—необыкновенное животное, а теперь я знаю, чѣмъ это объяснить. Когда я былъ мальчишкой, то единственное, что заставляло меня прилично держаться въ церкви, былъ библейскій разсказъ о валаамовой ослицѣ; я весь обращался въ слухъ, когда нашъ священникъ читалъ его. Но мнѣ никогда не приходило въ голову, что я столкнусь въ своей жизни съ живымъ осломъ, который будетъ замѣшанъ въ пророчество. А вѣдь это не шутка! Конечно, пророчество ацтековъ не то, которое плѣняло меня въ дѣтствѣ, но я полагаю, что всѣ они странны и невполнѣ удовлетворительны для людей; какъ вы думаете, профессоръ? Ихъ можно понимать какъ угодно. Они не стѣсняются ни временемъ, ни обстоятельствами.

— Во всякомъ случаѣ, нашъ оселъ перещеголялъ валаамову ослицу, — вмѣшался Рейбёрнъ. — Въ библейскомъ разсказѣ понадобилось еще содѣйствіе ангела, чтобы убѣдить Валаама въ неправильности его поступка; что же касается

Digitized by Google

Эль-Сабіо, онъ дѣйствуетъ самъ по себѣ, конечно, если полковникъ не дурачитъ насъ разсказомъ о пророчествѣ. Разумѣется, это все пустяки, но и ничтожное обстоятельство имѣетъ значеніе, когда здѣшній народъ придаетъ ему такую важность. Вотъ посмотрите на этого старика. Какъ онъ пораженъ, какъ онъ жадно смотритъ на насъ!

Въ то время мы проходили берегомъ озера, мимо хижины, у которой собралась кучка индѣйцевъ. Посреди ихъ стоялъ почтенный старецъ; онъ показывалъ протянутой рукой на Пабло и Эль-Сабіо, толкуя что-то окружающимъ. На его морщинистомъ лицѣ выражалось благоговѣніе и, когда мы поровнялись съ нимъ, онъ упалъ на колѣни и поднялъ руки надъ головой, какъ бы обращаясь къ заступничеству какой-то высшей силы. Эта сцена растрогала насъ, но еще болѣе были тронуты люди, собравшіеся вокругъ старика. Они въ одну минуту послѣдовали его примѣру и упали на колѣни, простирая руки; изъ ихъ устъ послышался тихій стонъ, выражавшій благоговѣйный страхъ, который волновалъ имъ сердца.

— Вотъ это дѣло,—замѣтилъ Янгъ довольнымъ тономъ:— эти люди вѣрятъ въ пророчество, а если они хорошенько заберутъ себѣ въ голову, что ихъ верховному жрецу пора и честь знать, это далеко подвинетъ впередъ наше дѣло. Полковникъ поступилъ очень умно, приказавъ Пабло сѣсть на Эль-Сабіо; видите, какъ это подѣйствовало на дикарей. Не думаю, чтобъ самъ онъ вѣрилъ въ пророчества, но съ его стороны благоразумно поддерживать вѣру въ другихъ; полагаю, что намъ нечего учить полковника, профессоръ, какъ вы думаете? Кажется, перехитрить его очень мудрено.

Тѣмъ временемъ, мы спустились по дорогѣ до самаго уровня озера, и наконецъ дошли до прекрасно выстроеннаго мола, простиравшагося до глубокой воды. Здѣсь насъ ожидало большое судно—баржа футовъ сорока длины, съ двадцатью гребцами, съ высокой мачтой и снастями; на ней распустили парусъ, представлявшій по своей формѣ нѣчто среднее между люгернымъ и косымъ. Офицеръ, командовавшій судномъ, и Тицокъ поговорили о чемъ-то между собою; потомъ послѣдній пригласилъ насъ подняться на бортъ. Командиръ баржи приказалъ стражѣ слѣдовать за нами, какъ будто

Digitized by Google

теперь начальство перешло къ нему; солдаты окружили насъ плотною стѣною и, судя по тревожнымъ взглядамъ командира, можно было заключить, что мы находимся подъ строгимъ надзоромъ. Въ виду этого, насъ удивило, что намъ позволили удержать при себѣ оружіе, но я сообразилъ, что дикари не имѣли понятія ни о ружьяхъ, ни о револьверахъ, и потому не придавали имъ никакого значенія. Желая провѣрить свою догадку, я взялъ одинъ изъ пистолетовъ, — правда, взялъ осторожно, безъ угрожающаго жеста, — и направилъ дуло прямо въ сердце одного изъ солдатъ, сидѣвшихъ рядомъ со мною. Но тотъ подивился только странной формѣ невиданнаго имъ предмета, не обнаруживъ ни малѣйшаго страха. Я переглянулся съ Рейбёрномъ и Янгомъ; очевидно, ацтеки не имѣли понятія объ огнестрѣльномъ оружіи; намъ такое открытіе было, конечно, на руку.

— Однако, это отлично,—замѣтилъ Янгъ,—этакъ мы можемъ уложить ихъ, сколько угодно, если дѣло дойдетъ до драки. Робинзонъ Крузе обратилъ въ бѣгство цѣлый отрядъ индѣйцевъ однимъ старымъ мушкетомъ, а мы просто парализуемъ цѣлыя полчища этихъ франтовъ, когда примемся работать своими револьверами и винчестерами. Что вы скажете на это, Рейбёрнъ?

Рейбёрнъ не отвѣчалъ. Во время рѣчи Янга, онъ вынулъ подзорную трубу и разсматривалъ городъ, находившійся въ трехъ или четырехъ миляхъ отъ насъ. — Нѣтъ сомнѣнія, передъ нами укрѣпленный городъ,—сказалъ онъ, опуская инструментъ.—Взгляните-ка, профессоръ. Этотъ народъ легко одурачить въ сферѣ сверхъестественныхъ чудесъ и пророчествъ, но когда дѣло дойдетъ до архитектуры и инженернаго искусства, они заткнутъ за поясъ европейца. Обратите вниманіе на прямизну вонъ той стѣны, поднимающейся къ вершинѣ холма; какъ выравнены обѣ ея части вверху и внизу этого скалистаго выступа! Для того чтобъ стѣна вышла такою ровной, вѣдь имъ предварительно пришлось сдѣлать съемку по всѣмъ правиламъ искусства съ вершины выступа; долженъ сознаться, что для народа, не дошедшаго еще до ношенія панталонъ, это очень хорошій образчикъ зодчества.

Но, когда я посмотрѣлъ въ трубу, меня не столько поразила эта техническая подробность, доказывавшая умѣнье ди-

Digitized by Google

карей преодолѣвать трудности инженернаго дѣла,—въ чемъ я былъ совершеннымъ профаномъ,—сколько величественная панорама всего города, въ соединеніи съ мѣстностью, на которой онъ возвышался. Въ этомъ пунктѣ озеро доходило до высокихъ утесовъ, опоясывавшихъ долину со всѣхъ сторонъ; отъ нихъ шелъ обширный скалистый мысъ, высшая точка котораго поднималась на двѣсти футовъ надъ поверхностью воды. Для бо́льшаго удобства по́стройки домовъ, на передней покатой сторонѣ мыса были сдѣланы широкія террасы, также опоясанныя массивными каменными стѣнами. И все это было обнесено наружной стѣною громадной высоты и толщины, охватывавшей городъ гигантскимъ полукругомъ, начиная отъ самыхъ утесовъ, причемъ она обнимала также значительное пространство земли у подножія ихъ между самой низкой террасой и берегомъ озера.

На самой высокой террасѣ, увѣнчивавшей эту каменную громаду, стояло величественное зданіе—квадратной формы—на половину крѣпость; оно примыкало къ передней сторонѣ утеса и потомъ выдавалось далеко впередъ; лицевой фасадъ его былъ украшенъ двумя низкими, тяжеловѣсными четырехъугольными башнями. Въ архитектурномъ отношеніи, эта постройка, не похожая ни на что, видѣнное мною въ Мексикѣ, кромѣ найденнаго нами храма на уединенной вершинѣ горы, сильно напоминала египетскій стиль. Стѣны зданія шли покато, образуя усѣченную пирамиду, и ни одна тривіальная линія не нарушала здѣсь общей гармоніи; вмѣсто всякихъ украшеній, вокругъ храма шла только широкая колоннада изъ массивныхъ пилястровъ и массивнаго карниза; за исключеніемъ центральнаго входа, фронтъ зданія не имѣлъ другихъ отверстій. Это придавало ему торжественный, почти мрачный видъ, а необыкновенная крѣпость постройки была до того велика, что такой образчикъ зодчества могъ простоять цѣлыя столѣтія, не боясь вліянія времени. Мнѣ не было надобности разспрашивать Тицока; я понялъ самъ, что эта твердыня, увѣнчивавшая въ своемъ мрачномъ величіи странный городъ, опоясанный такими крѣпкими стѣнами, была сокровищницей, возведенной во времена сѣдой древности царемъ ацтековъ Чальзанциномъ.

Янгъ посмотрѣлъ въ свою очередь въ подзорную трубу и,

Digitized by Google

подавая ее фра-Антоніо, сказалъ:—Пока мы путешествовали, профессоръ, я не разъ называлъ вашего умершаго друга, стараго монаха, лгуномъ; теперь беру эти слова обратно, какъ и все, что я говорилъ обиднаго про другаго вашего друга, кацика. Мнѣ, право, казалось, что они оба дурачили насъ. Теперь же я убѣдился, что былъ не правъ. Они говорили, что у ацтековъ существуетъ укрѣпленный городъ, и вотъ онъ передъ нами; они утверждали, что въ немъ находится громадная сокровищница, и мы видимъ ее передъ собою. Нѣтъ, оба они—истинные джентльмены, что мнѣ крайне пріятно подтвердить. Еслибъ одинъ изъ нихъ не умеръ болѣе трехъ мѣсяцевъ, а другой болѣе трехъ столѣтій назадъ и еслибъ они пришли сюда, я поклонился бы имъ въ поясъ и попросилъ извиненія.

XXI.

Укрѣпленный городъ Кулхуананъ.

Командиръ судна съ удивленіемъ смотрѣлъ, какъ мы передавали другъ другу подзорную трубу, и наконецъ, желая удовлетворить свое любопытство, обратился къ Тицоку; Тицокъ, также сильно заинтригованный, началъ разспрашивать меня. Еслибъ мы были съ нимъ одни, я постарался бы объяснить ему значеніе увеличительнаго стекла, но въ присутствіи начальника баржи, очевидно, относившагося къ намъ враждебно, мнѣ показалось болѣе благоразумнымъ не выказывать особенной откровенности. Поэтому я замѣтно сдвинулъ стекла, такъ что въ трубу можно было различить только массу неясныхъ предметовъ, и передалъ ему инструментъ. Конечно, ни онъ, ни Тицокъ не поняли въ такомъ видѣ настоящаго назначенія зрительной трубы, а по ихъ разговору я догадался, что они объяснили себѣ наши дѣйствія религіознымъ обрядомъ, принявъ ихъ за молитвы нашимъ богамъ или гаданье. Фра-Антоніо былъ непріятно пораженъ подобнымъ заблужденіемъ и уже собирался разсѣять его, но я попросилъ францисканца не дѣлать этого. Благодушный падре, видимо, серьезно задумывался надъ тѣмъ, какъ ему присту-

Digitized by Google

пить къ просвѣщенію язычниковъ, чтобы исполнить священную миссію, приведшую его въ долину Азтлана. Поэтому я нисколько не удивился, — хотя меня, конечно, пугали послѣдствія такой смѣлости,—когда монахъ заговорилъ тихимъ, ласковымъ голосомъ съ окружавшими насъ людьми и сталъ имъ толковать о свободной и славной христіанской вѣрѣ, которая стоитъ во всѣхъ отношеніяхъ несравненно выше жестокаго идолопоклонства. Само собою разумѣется, ему недолго позволили говорить на эту тему: командиръ судна повелительно крикнулъ фра-Антоніо, чтобъ онъ замолчалъ. И этотъ приказъ послѣдовалъ бы, конечно, немедленно, еслибъ неслыханная смѣлость монаха не поразила изумленіемъ этого грубаго человѣка, такъ что онъ сначала растерялся, не подумавъ о томъ, къ чему можетъ привести кроткая рѣчь проповѣдника. Францисканецъ безпрекословно послушался, зная, что слово божіе, такимъ образомъ, западетъ еще глубже въ сердца слушателей, которые будутъ теперь молча размышлять о немъ. Дѣйствительно, окружающіе задумались, болѣе всѣхъ былъ растроганъ Тицокъ. Однако, никто не отважился предлагать францисканцу дальнѣйшихъ разспросовъ, какъ мнѣ показалось, изъ страха передъ начальникомъ судна.

Тѣмъ временемъ, баржа бойко шла впередъ, направляемая двадцатью гребцами, и вскорѣ городъ ацтековъ раскинулся прямо передъ нами, такъ что мы ясно могли разсмотрѣть его невооруженнымъ глазомъ. На близкомъ разстояніи, мрачный характеръ его построекъ выступалъ еще сильнѣе. Это зависѣло не столько отъ массивной формы домовъ, похожихъ на тюрьмы, и толстыхъ крѣпостныхъ стѣнъ, сколько отъ мрачнаго колорита чернаго камня, изъ котораго все это было сложено. Нигдѣ ничего блестящаго, свѣтлаго или цвѣтнаго; мнѣ пришло въ голову, при видѣ этой темной твердыни, что здѣсь можно помѣшаться отъ тоски, среди этого мрачнаго уныніе. Чѣмъ ближе мы подъѣзжали, тѣмъ больше убѣждались, что Кулхуаканъ—дѣйствительно крѣпость. Планъ его по своей формѣ напоминалъ развернутый гигантскій вѣеръ, положенный на склонѣ холма и простиравшійся черезъ все плоское побережье между основаніемъ мыса и озеромъ. Покатый склонъ мыса былъ обращенъ въ шесть широкихъ, полукруглыхъ террасъ; самая высокая изъ нихъ заканчивалась

Digitized by Google

полукруглой площадкой значительной величины, на которой возвышалась сокровищница, служившая въ то же время и колоссальнымъ храмомъ. Край каждой террасы, не исключая и верхней площадки, огибала массивная стѣна, высотою, пожалуй, болѣе двадцати футовъ, причемъ отъ основанія верхней площадки, куда вела единственная широкая лѣстница— были проведены черезъ отверстія въ укрѣпленіяхъ, поперекъ террасъ, двѣнадцать улицъ; съ террасы на террасу онѣ спускались лѣстницами. Изъ нихъ шесть центральныхъ доходили до озера, а шесть боковыхъ кончались у громадной наружной стѣны. Эта наружная крѣпостная стѣна придавала совершенно особый характеръ городу; безъ нея онъ походилъ бы, какъ двѣ капли воды, на крѣпость Кветзалтепекъ, описанную мексиканскимъ историкомъ Тезозомокомъ. Такой громадной и толстой стѣны мнѣ не приходилось видѣть ни въ одной части свѣта; солидность этого вооруженія выдержала бы атаку любой артиллеріи. Что же касается непріятеля, у котораго не было иныхъ орудій нападенія, кромѣ дротиковъ и стрѣлъ, то укрѣпленія Кулхуакана были совершенно непроницаемы для нихъ. А чтобы эта защита была еще дѣйствительнѣе и въ случаѣ осады, какъ объяснилъ мнѣ Тицокъ, и жители не испытывали бы недостатка ни въ водѣ, ни въ рыбѣ для питанія, наружная стѣна спускалась въ воду, огибая бассейнъ болѣе чѣмъ на четыре акра протяженія; здѣсь же могли найти себѣ безопасную гавань всѣ суда ацтековъ. Наконецъ, единственнымъ входомъ въ городъ служилъ каналъ съ туннелемъ, продѣланнымъ въ стѣнѣ, поднимавшейся изъ воды; съ внѣшней стороны этотъ каналъ въ обыкновенное время запирался тяжелой опускной рѣшеткой, тогда какъ во время войны онъ могъ быть заложенъ и изнутри громадными металлическими перекладинами.

Баржу, на которой мы ѣхали, направили къ этому входу. При нашемъ приближеніи, рѣшетка была поднята на цѣпяхъ, которыми управляли сверху стѣны. Проходъ былъ до того низокъ и узокъ, что наши головы только на нѣсколько дюймовъ не хватали до громадныхъ каменныхъ глыбъ, составлявшихъ сводъ туннеля; гребцы были принуждены снять мачту, убрать весла и двигать баржу, упираясь руками въ крышу и бока туннеля. Длина канала простиралась до сорока футовъ и

Digitized by Google

тутъ мы увидали, какъ толста крѣпостная стѣна. Я справедливо замѣтилъ Рейбёрну, что такое сооруженіе можетъ быть приписано циклопамъ.

— Я никогда не видѣлъ живыхъ циклоповъ, профессоръ, — отвѣчалъ Рейбёрнъ, — и даже не вѣрю, чтобъ такія чудовища когда нибудь существовали; но меня ужасно интересуетъ вопросъ, какимъ образомъ ацтеки могли создать такое сооруженіе безъ помощи пароваго крана. Если мы выдемъ отсюда цѣлыми, я непремѣнно разузнаю все касательно этого любопытнаго факта.

Минуту спустя, мы вынырнули изъ туннеля и вошли въ огороженный бассейнъ, простиравшійся вдоль всего фронта города Кулхуакана. Въ бассейнѣ плавало много челноковъ и лодокъ крупнаго калибра, ходившихъ на веслахъ и подъ парусами, похожихъ на люгерныя; вся эта легкая флотилія разлетѣлась въ разсыпную, давая намъ дорогу, что̀ замѣчалось также и во время нашего переѣзда по озеру. Наша баржа, состоявшая въ исключительномъ распоряженіи верховнаго жреца, какъ будто распугивала всѣ частныя суда; это объяснялось, какъ я узналъ впослѣдствіи, спасительнымъ страхомъ, который внушали народу спеціальные служители храма съ Итцакоатлемъ во главѣ. Они зачастую злоупотребляли данною имъ властью, прикрывая ею собственный грубый произволъ; кромѣ того, эти люди являлись исполнителями безчеловѣчныхъ приказаній верховнаго жреца. Все это сильно напоминало покойной памяти инквизицію съ ея ненавистными и страшными слугами. Проведя мысленно такую параллель, я однако воздержался намекнуть о ней фра-Антоніо.

Но даже страхъ попасться на глаза приспѣшникамъ жестокаго Итцакоатля не могъ сдержать любопытства толпы, тѣснившейся къ широкой пристани, на которой мы высадились. Встрѣтившіе насъ люди не принадлежали однако къ низшему классу города и, слѣдовательно, собрались сюда не изъ празднаго желанія позѣвать на что нибудь новенькое. Судя по ихъ платью, а еще болѣе по блеску украшеній и изяществу оружія, нельзя было сомнѣваться, что большинство изъ нихъ были представителями знати; недаромъ они держали себя съ достоинствомъ и между ними встрѣчалось много почтенныхъ старцевъ—важныхъ сановниковъ города. Не выка-

Digitized by Google

зывая никакой вульгарной суетливости, толпа хранила глубокое молчаніе, но подъ этимъ внѣшнимъ хладнокровіемъ скрывалось душевное волненіе, отражавшееся на всѣхъ лицахъ. Когда Эль-Сабіо, послѣ долгихъ уговоровъ со стороны Пабло, спустился по мостику, переброшенному съ баржи на пристань, съ берега послышался какой-то странный слабый звукъ, точно вся толпа вздохнула съ облегченіемъ, какъ одинъ человѣкъ. И этотъ звукъ перешелъ въ сдержанный говоръ, когда мальчикъ, повинуясь моему приказанію на испанскомъ языкѣ, проворно вскочилъ на спину осла. Въ этомъ говорѣ можно было разобрать только одно слово, повторявшееся безпрестанно: „пророчество“!

Но едва Пабло успѣлъ усѣсться на спину Эль-Сабіо, какъ начальникъ стражи грубо схватилъ его за плечи и стащилъ на землю. Мы съ Тицокомъ переглянулись изподтишка, понимая, что это дѣлалось по распоряженію Итцакоатля. Онъ не хотѣлъ, чтобы народъ увидѣлъ исполненіе пророчества. Къ счастью, я успѣлъ предупредить его; толпа поддалась первому впечатлѣнію и пока мы подвигались къ городу, я слышалъ, какъ встрѣчавшіе насъ люди съ жаромъ толковали о случившемся. Очевидно, они поняли хитрый маневръ верховнаго жреца.

Прежде чѣмъ мы успѣли вступить въ городъ, между свѣтскими и духовными властями произошло столкновеніе. Едва мы сошли на берегъ, какъ встрѣтившій насъ офицеръ обратился къ командиру баржи съ формальнымъ приказомъ немедленно представить пріѣзжихъ иностранцевъ совѣту правителей. Командиръ судна отвѣчалъ на это, что ему приказано немедленно привести плѣнныхъ къ верховному жрецу. Меня удивило, что одинъ начальникъ стражи называлъ насъ „иностранцами“, а другой „плѣнными“.

Это являлось новымъ доказательствомъ враждебныхъ намѣреній Итцакоатля, который рѣшился скорѣе прибѣгнуть къ насилію, чѣмъ потерпѣть неудачу. Пока начальникъ баржи и посланный отъ совѣта горячо спорили между собой, которому изъ двухъ разнорѣчивыхъ приказаній слѣдуетъ отдать преимущество, послышался топотъ ногъ и бряцаніе оружія; военный отрядъ не менѣе сотни человѣкъ выскочилъ изъ-за какого-то дома, стоявшаго у самаго берега, и направился бѣгомъ къ тому

Digitized by Google

мѣсту, гдѣ мы стояли. Толпа, разступившаяся, чтобъ пропустить солдатъ, смотрѣла на нихъ съ очевиднымъ недоумѣніемъ, которое перешло въ гнѣвъ, когда причина ихъ прихода сдѣлалась ясна. Въ одинъ моментъ воины окружили насъ, отрѣзавъ отъ посланнаго совѣтомъ и Тицока; начальникъ баржи сталъ во главѣ ихъ и рѣзкимъ, торопливымъ голосомъ скомандовалъ идти впередъ. Мы по неволѣ двинулись, увлекаемые солдатами, прошли молъ и вступили въ улицу, которая вела въ самый центръ города. Очевидно дѣйствуя по приказанію начальства, солдаты разстроили ряды и плотно сдвинулись вокругъ насъ, вѣроятно, съ цѣлью загородить Эль-Сабіо отъ глазъ встрѣчнаго народа. Фра-Антоніо былъ согласенъ со мною, что верховный жрецъ дѣйствуетъ далеко неосмотрительно, оказывая открытое сопротивленіе волѣ совѣта и притомъ прибѣгая къ содѣйствію вооруженной силы. Подобный поступокъ—если Тицокъ вѣрно представилъ намъ настоящее положеніе дѣлъ—былъ совершенно достаточенъ самъ по себѣ, чтобы раздуть искру мятежа. Но вспыхнетъ ли возстаніе настолько быстро, чтобъ принести намъ существенную пользу, въ этомъ можно было сильно усомниться.

— Если этотъ старый плутъ такъ уменъ, какъ кажется,— замѣтилъ Рейбёрнъ,—и если онъ повернетъ дѣло круто, то мы пропали. Онъ приметъ всѣ мѣры, чтобы избавиться отъ непрошенныхъ гостей, какъ можно скорѣе; его игра видна съ первыхъ же ходовъ и для насъ мало утѣшительнаго въ сознаніи, что послѣ нашей смерти и ему не сдоброватъ.

Разговаривая такимъ образомъ, мы быстро проходили по городу. Даже опасность, грозившая намъ, и понятное волненіе не помѣшали мнѣ съ любопытствомъ всматриваться въ окружающее, находя въ этомъ гнѣздѣ ацтековъ слѣды замѣчательной культуры. Планъ города, какъ я замѣтилъ издали, напоминалъ своею формою развернутый вѣеръ. Отъ сокровищницы на возвышенномъ центрѣ сбѣгали радіусами двѣнадцать улицъ; три изъ нихъ, обращенныя къ сѣверу, и другія три, обращенныя на югъ, оканчивались у большой наружной стѣны, а шесть остальныхъ спускались черезъ отверстія въ стѣнахъ, пересѣкая террасы, прямо къ водѣ. Всѣ онѣ были прекрасно вымощены широкими обтесанными камнями и поднимались на террасы широкими низкими сту-

Digitized by Google

пенями. Поперечныя улицы имѣли форму правильныхъ полукруговъ, начинаясь у лицевой стороны утеса и проходя по наружному краю террасъ возлѣ самой стѣны, огибавшей каждую изъ нихъ. Рейбёрнъ еще больше меня удивлялся правильности этихъ громадныхъ полукруговъ, потому что онъ понималъ, какъ трудно провести правильную дугу. Но я отлично знаю, что достичь такой точности не особенно трудно. Мой другъ Бандельe, въ своемъ превосходномъ разборѣ митлійскихъ развалинъ, ясно показалъ мнѣ, какъ часто приписывается научному знанію то, что представляетъ только результатъ механической ловкости. Какъ я указалъ, коснувшись этого предмета въ моей книгѣ: „Условія жизни на сѣверо-американскомъ материкѣ до Колумба“, верхняя площадь надъ этимъ рядомъ террасъ могла быть устроена въ видѣ правильнаго полукруга съ помощью заостренной палки, привязанной на длинную веревку; послѣ того, было уже легко закруглить также ровно и всѣ остальныя террасы, спускавшіяся къ низу. Однако, нельзя отрицать, что ацтеки выказали замѣчательное инженерное искусство, какъ въ распланировкѣ города, такъ и въ его постройкѣ, хотя, можетъ быть, и примѣняли его по самому простому способу. Уже одна подготовка грунта требовала невѣроятной затраты труда, такъ какъ скалистый мысъ—въ первобытномъ состояніи неровный и имѣвшій неправильную форму — былъ до того тщательно выровненъ, что теперь представлялъ одну стройную массу, поражавшую правильностью линій. Съ этой цѣлью, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приходилось вырубать громаднѣйшія глыбы камня, въ другихъ — пополнять недостающее. При этой предварительной работѣ, какъ и при послѣдующей постройкѣ домовъ, приходилось перемѣщать каменныя глыбы такой величины, что, по словамъ Рейбёрна, это представлялось невозможнымъ даже при современныхъ усовершенствованіяхъ инженернаго дѣла. При томъ же, громадные камни употреблялись не на одинъ фундаментъ зданій. Нѣкоторые изъ нихъ были подняты очень высоко; дѣйствительно, самый громадный изъ этихъ камней, вѣсъ котораго, по вычисленію Рейбёрна, доходилъ до двадцати тоннъ, увѣнчивалъ высокую стѣну. Всѣ камни на постройкѣ были отлично обтесаны и имѣли правильную форму. Внѣшность ацтекскихъ домовъ была, правда,

Digitized by Google

проста и неказиста; но въ растворенныя двери намъ удавалось видѣть, что на внутреннихъ стѣнахъ жилищъ были вырѣзаны различныя украшенія. Оконъ на улицу здѣсь совсѣмъ не полагалось, что̀ придавало и самымъ постройкамъ изъ чернаго камня и улицамъ, вымощеннымъ такими же плитами, мрачный и печальный видъ. Весь городъ произвелъ на насъ вблизи еще болѣе удручающее впечатлѣніе, чѣмъ издали. А между тѣмъ во внутреннихъ дворахъ, насколько мы могли разсмотрѣть ихъ черезъ отворенныя двери, было свѣтло и красиво; тамъ пѐстрѣли цвѣты, сверкали фонтаны; слѣдовательно, въ этихъ мрачныхъ съ виду жилищахъ кипѣла веселая и вовсе не монотонная жизнь. Я замѣтилъ, что наружный входъ не затворялся, какъ у насъ, деревянными дверьми, но загораживался или металлическими перекладинами, какія мы видѣли въ домѣ Тицока, или подъемной металлической рѣшеткой. Я приписалъ это отсутствіе деревянныхъ дверей не столько желанію создать болѣе крѣпкую преграду, сколько неумѣнью обработывать дерево, такъ какъ ацтеки еще сравнительно недавно познакомились съ необходимыми для этого инструментами. По моему, это былъ любопытный примѣръ своеобразнаго развитія цивилизаціи вслѣдствіе особыхъ естественныхъ условій страны, потому что изобрѣсти и сдѣлать деревянную висячую дверь, конечно, несравненно легче, чѣмъ выдумать и сдѣлать изящную опускную рѣшетчатую дверь изъ закаленнаго золота.

Видъ всѣхъ этихъ массивныхъ золотыхъ вещей до того поражалъ Янга, что у него разбѣгались глаза и дыханіе спирало въ груди.—Мнѣ просто досадно смотрѣть, профессоръ,—говорилъ онъ,—на такую непроизводительную трату драгоцѣннаго металла, изъ котораго можно понадѣлать блестящіе доллары. Подумайте только: входная дверь изъ литаго золота!! вѣдь такая роскошь не по карману самому Джею Гульду! Эти поганые ацтеки заткнули за поясъ царя Соломона со всею его славою и великолѣпіемъ. Право, еслибъ мнѣ подарили одну такую дверь, вонъ хоть отъ того большаго дома, прямо противъ насъ, я бы отказался отъ дальнѣйшаго участія въ нашей погонѣ за кладомъ и не остался бы въ убыткѣ. Только боюсь, что мнѣ пришлось бы отыскивать новаго Самсона, чтобы унести съ собой эти ворота—

Digitized by Google

онъ вѣдь былъ мастеръ на этотъ счетъ!—а въ нихъ должно быть много вѣса.

Тѣмъ временемъ мы поднялись по всѣмъ террасамъ. Домъ, на который показывалъ Янгъ во время своей рѣчи, стоялъ какъ разъ у подножья верхней площадки, гдѣ возвышался храмъ. Это было самое обширное жилище, какое мы видѣли здѣсь, и несравненно болѣе изящное съ виду, чѣмъ прочіе дома; золотая рѣшетка, замыкавшая наружный входъ, была необыкновенно массивная и чрезвычайно красивой работы. Зданіе охранялось часовыми въ такомъ же одѣяніи, какъ и солдаты нашего конвоя; очевидно, здѣсь жилъ какой нибудь важный сановникъ. Мы остановились у самаго входа; начальникъ нашей стражи сталъ переговариваться съ кѣмъ-то, стоявшимъ за рѣшеткой. Минуту спустя, рѣшетчатая дверь медленно поднялась и мы вступили въ узкій коридоръ, а изъ него въ небольшую комнату, служившую, вѣроятно, сторожкой, потому что здѣсь были въ порядкѣ разставлены копья, дротики, а на стѣнахъ висѣли щиты, луки и колчаны со стрѣлами. Здѣсь намъ опять велѣли остановиться и пока мы стояли молча, раздумывая о томъ, какая участь готовится намъ въ этомъ мѣстѣ, до нашего слуха долетѣлъ стукъ тяжелой рѣшетки, которая опустилась за нами съ непріятнымъ зловѣщимъ звономъ.

XXII.

Бунтъ.

До того непріятенъ былъ этотъ звукъ и въ немъ сказывалось столько зловѣщаго, что дрожь пробѣжала у меня по тѣлу и сердце обдало холодомъ. Я былъ очень радъ, когда насъ вывели изъ караулки; по крайней мѣрѣ, видъ новыхъ предметовъ отвлекалъ мои думы отъ мрачнаго будущаго. Изъ тѣсной комнаты мы опять попали на свѣжій воздухъ. Обширный внутренній дворъ утопалъ въ солнечномъ сіяніи, но—странно—здѣсь ото всего вѣяло холодомъ и безотрадной тоскою. Хотя стѣны домовъ и каменныя плиты галерей во всемъ городѣ были такого же темнаго колорита,

Digitized by Google

какъ тутъ, но въ другихъ жилищахъ дворъ пестрѣлъ цвѣточными клумбами, а занавѣси на дверяхъ были изъ яркихъ матерій. Здѣсь же все это отсутствовало. Правда, по стѣнамъ виднѣлись роскошные барельефы, но они отличались мрачностью сюжета; бо́льшая часть изъ нихъ изображала обряды человѣческихъ жертвоприношеній, причемъ у живыхъ людей вырывали сердца. Морозъ подиралъ по кожѣ при разсматриваніи такихъ украшеній, не смотря на тропическій зной. Отъ центра двора широкая лѣстница вела къ площадкѣ, на которой стоялъ храмъ, и это ясно доказывало, что зданіе, куда насъ привели, принадлежало къ идольскому капищу, служа, вѣроятно, жилищемъ высшему духовенству.

Однако, не успѣли мы хорошенько осмотрѣться вокругъ, какъ стража заторопила насъ идти дальше. Мы прошли черезъ весь дворъ до его задней стѣнки—Эль-Сабіо слѣдовалъ по пятамъ Пабло—послѣ чего остановились у дверей, завѣшенныхъ занавѣсью чернаго сукна, ниспадавшей тяжелыми складками. Тутъ нашъ конвой выстроился въ ряды и начальникъ баржи, не говорившій съ нами ни слова, пока мы проходили по городу, откинулъ занавѣсъ и подалъ знакъ, чтобъ мы входили.

Передъ нами открылось какое-то темное пространство, гдѣ, послѣ яркаго свѣта на открытомъ воздухѣ, ничего нельзя было разсмотрѣть, такъ что мы невольно остановились на порогѣ. Только когда наше зрѣніе немного освоилось съ темнотой, у насъ хватило рѣшимости двинуться дальше. Свѣтъ проникалъ сюда только черезъ два узкихъ прорѣза въ толстой стѣнѣ надъ входной дверью, но и онъ поглощался тяжелыми драпировками чернаго сукна, которыми была увѣшана вся комната. Осмотрѣвшись немного, мы увидали, что находимся въ обширной продолговатой залѣ; на дальнемъ концѣ ея возвышалось нѣчто въ родѣ трона на высокомъ подножіи, но лишь дойдя—по требованію офицера—до средины комнаты, мы съ трудомъ различили какую-то неясную человѣческую фигуру, сидѣвшую на этомъ почетномъ мѣстѣ.

Подведя насъ къ трону, офицеръ подалъ знакъ, чтобъ мы остановились; никто не говорилъ ни слова и намъ пришлось простоять въ полутьмѣ, по крайней мѣрѣ, нѣсколько

Digitized by Google

минутъ, среди удручающаго безмолвія. Я долженъ сознаться, что меня охватило чувство безпричиннаго благоговѣнія среди этой торжественной мрачности, лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, молчаливо сидѣвшимъ на тронѣ и, вѣроятно, впечатлительный фра-Антоніо испытывалъ то же самое. Что же касается Пабло, то я слышалъ въ темнотѣ, какъ у него стучали зубы. Но Рейбёрнъ съ Янгомъ были люди инаго закала; на ихъ нервы было трудно подѣйствовать такими пустяками.

— Однако этотъ господинъ въ огромныхъ креслахъ, должно быть, комедіантъ первой руки!—заговорилъ инженеръ.—Онъ знаетъ толкъ въ театральныхъ эффектахъ. Не воткнуть ли въ него булавку, чтобъ онъ проснулся?

— Ну, вотъ еще выдумали! — презрительно отозвался Янгъ. — Стоитъ ли втыкать въ него булавки — вѣдь онъ не живой; это просто набитое чучело.

Мои нервы были до того напряжены, что эти ни съ чѣмъ несообразныя слова заставили меня неожиданно прыснуть со смѣху. Оба товарища тоже громко расхохотались.

Такой выходки съ нашей стороны, разумѣется, никто не ожидалъ; человѣкъ, сидѣвшій на тронѣ, вскочилъ съ мѣста. Гнѣвно вскрикнувъ, онъ отдалъ какое-то приказаніе офицеру.

— Беру слова назадъ!—сказалъ Янгъ.—Онъ не набитъ соломой, онъ только спалъ.

Раздался легкій шелестъ; занавѣски на четырехъ окнахъ съ четырехъ сторонъ залы были отдернуты и вокругъ насъ сдѣлалось свѣтло. Мы прикрыли глаза рукою отъ неожиданно сверкнувшаго свѣта и Рейбёрнъ замѣтилъ:

— Представленіе начинается. Вѣрно, этотъ молодецъ всю свою жизнь паясничалъ по ярмаркамъ.

Однако человѣкъ, котораго мы теперь ясно увидали передъ собою, вовсе не походилъ на паяца. Это былъ сухопарый и сгорбленный старикъ; его красивое лицо, изрытое глубокими морщинами, напоминало скорлупу грецкаго орѣха, но сухая фигура отличалась замѣчательной мускулистостью, а глаза необыкновеннымъ блескомъ. Черты лица были рѣзки и крупны, какъ у каменныхъ статуй, найденныхъ въ развалинахъ Юкатана; вообще, такого рѣзкаго типа я не встрѣчалъ среди современныхъ мексиканцевъ. Его одежда состояла изъ широкаго балахона бѣлой бумажной ткани, схваченнаго

Digitized by Google

на лѣвомъ плечѣ золотою пряжкой и богато вышитаго блестящими зелеными перьями; такія же блестящія зеленыя перья были воткнуты у него въ прическу на макушкѣ головы. Обувь этого человѣка представляла нѣчто среднее между сандаліями и макоссинами; на ней также повторялись священные цвѣта—зеленый съ бѣлымъ, а на грудь ему ниспадало нѣсколько золотыхъ цѣпей превосходной работы. Не говоря уже о внушительности обстановки, эта одежда—особенно блестящія зеленыя перья, служившія ей символическимъ украшеніемъ—убѣдили меня, что я вижу передъ собою духовное лицо высокаго сана, а торжественная обстановка нашего представленія не позволяла больше сомнѣваться, что передъ нами самъ верховный жрецъ ацтековъ, грозный Итцакоатль. Въ данную минуту, могущественный повелитель азтлановъ былъ внѣ себя отъ бѣшенства. Янгъ сдѣлалъ по этому поводу крайне непочтительное, но зато вѣрное замѣчаніе:

— Ишь вѣдь, какъ его разобрало!

Въ самомъ дѣлѣ, съ проворствомъ, удивительнымъ для его лѣтъ, взбѣшенный Итцакоатль вскочилъ со своего трона и, указывая на насъ высокомѣрнымъ жестомъ, спросилъ, почему мы не были обезоружены.

Эти слова смутили и поразили меня и фра-Антоніо.

Командиръ судна совершенно растерялся: вѣдь, по его мнѣнію, мы вовсе не были вооружены. Онъ не осмѣлился возражать, но очевидно не зналъ, какъ ему поступить, и неподвижно стоялъ на прежнемъ мѣстѣ. Мнѣ показалось, что самъ верховный жрецъ какъ будто слегка сконфузился, признавая несообразность между собственнымъ пониманіемъ подобныхъ вещей и полнымъ невѣдѣніемъ ихъ со стороны своего подчиненнаго. Онъ разъяснилъ офицеру свое приказаніе обезоружить насъ, прибавивъ, что сами боги открыли ему разумѣніе великихъ тайнъ, недоступныхъ прочимъ смертнымъ. Мы съ фра-Антоніо многозначительно переглянулись между собою. Ужь, конечно, ни одно божество древнихъ мексиканцевъ не имѣло понятія ни о ружьяхъ системы Винчестера, ни о револьверахъ съ механическимъ взводомъ!

Тѣмъ не менѣе, офицеръ поспѣшилъ исполнить строгій приказъ, когда понялъ, что̀ слѣдуетъ дѣлать. Безъ всякой

Digitized by Google

жрецовъ схватилъ отъ ружье нашего Янга, висѣвшее у него на ремнѣ черезъ плечо, и хотѣлъ снять его. Но другой жрецъ никакъ не желалъ допустить такого самоуправства. Онъ самъ схватилъ свое оружіе, отпрыгнулъ назадъ на шагъ отъ офицера, взвелъ курокъ и прицѣлился прямо ему въ сердце, спрашивая насъ: „Не убить ли имъ этого начала?“

— Не стрѣляйте, не стрѣляйте!—торопливо крикнулъ Рейбёрнъ. Янгъ послушно опустилъ ружье, продолжая однако держать его на ремнѣ. Полная невозмутимость, офицера при этомъ угрожающемъ дѣйствіи со стороны Янга, ясно доказывала его незнакомство съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, тогда какъ поведеніе верховнаго жреца служило доказательствомъ противнаго. Онъ не только понималъ опасность, но даже оказался трусомъ, потому что поспѣшно юркнулъ за тронъ и привѣлъ тамъ на корточки.

— Не надо стрѣлять,—повторилъ Рейбёрнъ.—Намъ, пожалуй, удастся выйти сухими изъ воды, если дѣйствовать осторожно, но если мы убьемъ кого нибудь изъ здѣшнихъ, выдетъ худо. Лучше отдать имъ добровольно наше оружіе; странно только, какъ это они вдругъ догадались, что мы вооружены!

Очень неохотно отдалъ Янгъ свое ружье офицеру: тотъ съ презрительнымъ видомъ взялъ въ руки незнакомый ему предметъ, вѣроятно, думая, что такая штука ровно ничего не стоитъ въ серьезной битвѣ. Потомъ мы всѣ поочередно отдали свои ружья, очень довольные тѣмъ, что офицеръ не догадался потребовать отъ насъ револьверовъ. Однако наша радость была непродолжительна; верховный жрецъ тотчасъ приказалъ своему подчиненному исправить такую оплошность да отобрать отъ насъ вдобавокъ и зарядные патроны. Только когда мы были совершенно обезоружены, отважился онъ выйти изъ своей засады и занять прежнее мѣсто на тронѣ.

Пока насъ обезоруживали, я говорилъ съ фра-Антоніо о странности такого факта, что одному верховному жрецу изо всего народа азтланековъ было извѣстно дѣйствіе огнестрѣльнаго оружія. Францисканецъ напомнилъ мнѣ въ отвѣтъ разсказъ Тицока о томъ, что Итцакоатль зажигалъ жертвенный огонь фосфорными спичками.

Digitized by Google

— Неужели старикъ сообщается съ внѣшнимъ міромъ?— громко воскликнулъ я и при этихъ словахъ невольно взглянулъ на Итцакоатля.

По лицу жреца можно было сейчасъ же догадаться, что онъ внимательно прислушивается къ нашему разговору и едва сдерживаетъ свое бѣшенство. Въ ту же минуту Рейбёрнъ крикнулъ намъ:—Онъ понимаетъ по испански! Онъ слушаетъ, что̀ вы говорите между собою!

Безъ сомнѣнія, это неожиданное открытіе немедленно подтвердилось бы на дѣлѣ, но тутъ въ залу торопливыми шагами вошелъ другой жрецъ—также высокаго сана, судя по одеждѣ—и сталъ совѣщаться о чемъ-то съ Итцакоатлемъ, понизивъ голосъ и оживленно жестикулируя. Принесенное имъ извѣстіе было, повидимому, крайне непріятно верховному жрецу; съ минуту онъ колебался, точно не рѣшаясь принять какое-то важное рѣшеніе, но потомъ подозвалъ къ себѣ командира судна и тихо шепнулъ ему нѣсколько словъ. Затѣмъ, въ сопровожденіи жреца, Итцакоатль поспѣшно удалился.

Очевидно, согласно полученному имъ распоряженію, офицеръ приказалъ намъ слѣдовать за нимъ обратно во дворъ. Янгъ предложилъ было воспользоваться благопріятнымъ моментомъ, чтобы захватить обратно наше оружіе, такъ какъ намъ ничего не значило справиться вчетверомъ съ однимъ человѣкомъ. Наши ружья, револьверы и патронташи оставались сложенными въ кучу позади трона, гдѣ никто не думалъ охранять ихъ. Однако, осторожный Рейбёрнъ отвергъ это соблазнительное предложеніе своего пылкаго пріятеля. Онъ обратилъ наше вниманіе на то, что занавѣси на окнахъ были отдернуты по приказанію верховнаго жреца съ необыкновенной быстротою. Это ясно доказывало близкое присутствіе защитниковъ жилища Итцакоатля; кромѣ того, за дверью залы, во дворѣ, какъ намъ было извѣстно, остался сопровождавшій насъ конвой. Наша попытка захватить свое оружіе немедленно привела бы къ открытой борьбѣ, и, при всемъ нашемъ искусствѣ и храбрости, дѣло кончилось бы для насъ полнымъ пораженіемъ. Эти доводы были до того справедливы, что Янгъ не могъ оспаривать ихъ, но онъ былъ страшно сердитъ. По его словамъ, ему не удалось „отвести свою

Digitized by Google

душеньку" и грузовой агентъ облегчалъ досаду крупной бранью, пока насъ выводили изъ залы.

Что касается меня, то даже смертельная опасность не могла отвлечь моихъ мыслей отъ страннаго положенія дѣлъ у жителей Азтлана. Интересно узнать, подтвердится ли наше подозрѣніе, что верховный жрецъ сообщался съ внѣшнимъ міромъ потихоньку отъ своихъ подданныхъ! Еслибъ этого не было, откуда же взялось бы тогда его знакомство и съ фосфорными спичками, и съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, и съ испанскимъ языкомъ? Очень многое говорило въ пользу того, что этотъ выходящій изъ ряду вонъ человѣкъ имѣлъ болѣе или менѣе полное понятіе обо всѣхъ открытіяхъ и усовершенствованіяхъ девятнадцатаго столѣтія и пользовался ими для поддержки своего неограниченнаго господства надъ народомъ, стоявшимъ на уровнѣ развитія европейцевъ за тысячу лѣтъ назадъ. Съ точки зрѣнія этнолога, нельзя было найти болѣе интереснаго предмета изученія. Я ничего не желалъ такъ пламенно, какъ стать на дружескую ногу съ Итцакоатлемъ, чтобы имѣть возможность произвести цѣлый рядъ систематическихъ научныхъ наблюденій надъ азтланеками, прежде чѣмъ они освоятся съ новѣйшей цивилизаціей. И болѣе всего огорчала меня, въ данный моментъ, неспособность верховнаго жреца оцѣнить такую заслугу передъ наукой. Въ своемъ невѣжествѣ онъ, конечно, поспѣшитъ убить меня безъ дальнихъ церемоній, не понимая того, какой богатый запасъ новыхъ свѣдѣній могъ я доставить міру при настоящихъ исключительно счастливыхъ условіяхъ.

Когда насъ привели во дворъ, мы услыхали громкіе голоса и горячій споръ у главнаго входа, откуда доносилось также бряцанье оружія. Напрягая слухъ, мы даже могли различить въ отдаленіи грохотъ барабана. При нашемъ приходѣ, дворъ былъ совершенно пустъ, теперь же здѣсь стояли группами жрецы и солдаты и много ихъ спускалось внизъ по лѣстницѣ отъ храма. Эти люди были въ хлопотахъ, какъ будто готовясь къ чему-то рѣшительному. Однако, намъ не дали времени осмотрѣться. Офицеръ поспѣшно провелъ насъ въ дальній уголъ двора и здѣсь меня втолкнули съ такою силою въ узенькую дверь, что я потерялъ равновѣсіе и хлопнулся со всего маху на каменныя плиты пола. Не успѣлъ

Digitized by Google

еще я подняться на ноги, какъ на меня полетѣлъ такимъ же образомъ коротконогій Янгъ, а вслѣдъ за тѣмъ на насъ обоихъ попадали остальные товарищи. Пока мы барахтались всѣ пятеро въ кучѣ, причемъ мнѣ, какъ лежащему въ самомъ низу, приходилось всего хуже—я буквально едва не задохся—за нами запирали выходы, задвигая тяжелые металлическіе засовы, скрипѣвшіе о камень.

Мало по малу, намъ удалось встать на ноги и мы увидали, что находимся почти въ совершенной темнотѣ. Снаружи наши враги задернули дверь тяжелымъ занавѣсомъ. Трудно представить себѣ ярость Рейбёрна и Янга. Эти двое молодцовъ, гордыхъ своей силой, ловкостью и мужествомъ, не могли простить, что ихъ швырнули въ какой-то чуланъ, точно пару тюковъ или ящиковъ. Рейбёрнъ велъ себя еще довольно сдержанно, зато Янгъ до того энергично изливалъ свои чувства, что любой пастухъ въ Віомингѣ сталъ бы втупикъ отъ его крѣпкихъ словечекъ. Впрочемъ, долженъ сознаться, что я самъ позавидовалъ въ тотъ моментъ богатству его техническаго лексикона, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ былъ очень радъ за фра-Антоніо, не понимавшаго ни слова по англійски.

Между тѣмъ, нашъ гнѣвъ смѣнился испугомъ и печалью, когда мы, немного освоившись съ темнотой, замѣтили, что насъ было всего четверо. Пабло остался неизвѣстно гдѣ, а онъ-то больше всѣхъ и возбуждалъ страхъ и ненависть Итцакоатля. Этотъ юноша вмѣстѣ съ Эль-Сабіо служили видимымъ доказательствомъ того, что пророчество, предвѣщавшее конецъ власти верховнаго жреца, исполнилось. Но еще сильнѣе обѣщали подѣйствовать на жителей Астлана безхитростные разсказы моего слуги о жизни современныхъ мексиканцевъ. Изъ его рѣчей астланеки могли узнать о настоящемъ положеніи своихъ братьевъ (по крови, а, главное, о томъ, что кризисъ въ ихъ судьбѣ, предсказанный царемъ Чальзанциномъ, давно миновалъ. Такимъ образомъ, Пабло, конечно, былъ опаснѣе насъ для верховнаго жреца, потому что его подданные естественно должны были питать больше довѣрія къ своему соотечественнику, чѣмъ къ чужеземцамъ. Разумѣется, мы нимало не сомнѣвались, что и намъ самимъ нечего ждать пощады отъ жестокосердаго Итцакоатля, но во всякомъ случаѣ его гнѣвъ угрожалъ обрушиться прежде всего

Digitized by Google

на непосредственныхъ виновниковъ смуты—Пабло и его несчастнаго ослика. Сообразивъ все это, я почувствовалъ упреки совѣсти. Если бѣдный мальчикъ будетъ убитъ, въ его смерти слѣдуетъ винить прежде всего меня. Фра-Антоніо не могъ видѣть въ потемкахъ моего лица, но онъ догадался о томъ, что происходитъ въ моей душѣ, и захотѣлъ выразить мнѣ свое сочувствіе. Однако, слова не шли у него съ языка; францисканецъ только подошелъ поближе и ласково положилъ руку на мое плечо. Но даже и этотъ нѣмой знакъ участія успокоилъ меня немного.

Тѣмъ временемъ шумъ во дворѣ возросталъ, и даже густыя складки тяжелой занавѣси не могли заглушить громкаго бряцанья оружія, рѣзкой команды и топота ногъ. Мы столпились у входа, стараясь отодвинуть хоть край занавѣски, но металлическія перекладины были такъ часты, что между ними нельзя было просунуть руки. Оставалось догадываться о происходившемъ только по долетавшимъ до насъ звукамъ. Скоро мы убѣдились, что жилище верховнаго жреца осаждаютъ непріятели, и сторонники Итцакоатля отчаянно дерутся съ ними. Очевидно, причиной этой междоусобицы являлись мы сами. Пророчество о паденіи власти верховнаго жреца сдѣлало свое дѣло. Его отказъ представить чужестранцевъ совѣту двадцати правителей переполнилъ мѣру терпѣнія народа и довелъ его до открытаго возстанія, назрѣвавшаго уже давно.

XXIII.

Освобожденіе.

Начавшаяся изъ-за насъ борьба двухъ враждебныхъ партій давала намъ надежду на спасеніе. Оставаясь плѣнниками верховнаго жреца, мы не могли разсчитывать на счастливый исходъ, потому что принесенныя нами вѣсти должны были положить конецъ его владычеству. Но, еслибы мы попали во власть совѣта, дѣло могло принять совершенно иной оборотъ. Опираясь на наше свидѣтельство, противная партія оправдала бы свое открытое возстаніе противъ самоуправства Итцакоатля. Высшій классъ давно тяготился его деспотизмомъ и

Digitized by Google

уже изъ словъ одного Типока можно было убѣдиться, сколько вліятельныхъ людей питало личную ненависть къ безчеловѣчному тирану. Послѣ этого, легко себѣ представить, какъ жадно прислушивались мы къ происходившему за стѣнами нашей тюрьмы, сознавая, что отъ исхода битвы зависитъ наша участь.

И тяжело намъ было слѣдить за ходомъ сраженія, не имѣя возможности участвовать въ немъ! Темнота и вынужденное бездѣйствіе раздражали насъ до бѣшенства. Янгъ метался съ глухими проклятіями во всѣ стороны, точно дикій звѣрь, посаженный въ клѣтку. Менѣе пылкій, но лучше владѣвшій собою Рейбёрнъ прильнулъ къ перекладинамъ, замыкавшимъ выходъ, и не двигался съ мѣста, отъ времени до времени принимаясь только хрустѣть суставами пальцевъ. Даже я, никогда не отличавшійся кровожадными наклонностями, чувствовалъ потребность бродить туда и сюда по комнатѣ, служившей намъ тюрьмою, чтобы хотя немного утишить желаніе вмѣшаться въ битву съ оружіемъ въ рукахъ и раздробить нѣсколько вражескихъ череповъ. Изо всей нашей компаніи только одинъ фра-Антоніо сохранялъ наружное хладнокровіе.

До сихъ поръ звуки сраженія доносились къ намъ издалека. Очевидно, бой происходилъ за стѣнами дома, у наружнаго входа. и клонился не въ пользу осаждающихъ. Но вдругъ въ самомъ дворѣ возлѣ насъ раздались крики испуга, топотъ бѣгущихъ солдатъ, звонъ оружія. Непріятель, вѣроятно, или пробился черезъ главный входъ или влѣзъ на крышу и спустился оттуда во дворъ. Между нападающими и защитниками завязалась рукопашная схватка всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ. Мы слышали вой, сопровождавшій каждый взмахъ оружія, бряцанье скрещивающихся мечей, глухіе удары, разсѣкавшіе мясо и дробившіе кости, но не могли ничего видѣть, точно эти звуки ожесточенной битвы доносились до насъ во снѣ. Одинъ изъ дерущихся, повидимому, преслѣдуемый непріятелемъ отъ середины двора,—гдѣ, вѣроятно, былъ самый разгаръ сраженія,—остановился какъ разъ у входа въ нашу темницу; мы ясно различали, какъ сыпались удары противниковъ; наконецъ раздался еще послѣдній, оглушительный ударъ; слышно было, какъ хрустнули кости; потомъ, до нашего слуха донесся слабый предсмертный стонъ. Мертвое тѣло упало на занавѣсь нашей двери и оттянуло ее немного

Digitized by Google

въ сторону; въ ту же минуту я увидалъ, что стою въ лужѣ крови.

Вскорѣ шумъ битвы замѣтно сталъ стихать, толпа сражающихся очевидно подалась въ сторону; мы услыхали нестройный топотъ ногъ по лѣстницѣ, поднимавшейся къ храму, а вслѣдъ затѣмъ громкіе крики торжества.

Одна сторона, безъ сомнѣнія, одержала побѣду.

— Ну, если партія верховнаго жреца поколотила своихъ противниковъ, намъ нечего ждать хорошаго,—мрачно замѣтилъ Янгъ, и Рейбёрнъ согласился съ нимъ.

Но тутъ суматоха на дворѣ прекратилась и я услышалъ громкій зовъ. Это Тицокъ окликалъ насъ такимъ радостнымъ тономъ, что я поспѣшилъ отвѣтить ему также радостно и ромко. Рейбёрнъ съ Янгомъ не поняли словъ нашего покровителя и не узнали его голоса; услыхавъ мой отвѣтный крикъ, они, кажется, вообразили, что я спятилъ съ ума. Однако, минуту или двѣ спустя—послѣ того, какъ мертвое тѣло, лежавшее у дверей занавѣси, было отброшено въ сторону, а сама занавѣсь оборвана—мы увидали передъ собою ласковое лицо Тицока за перекладинами, загораживавшими входъ. Онѣ были тотчасъ отодвинуты и насъ выпустили на свободу.

— Полковникъ,—пресерьезно произнесъ Янгъ, когда мы радостно вырвались изъ темнаго чулана опять на божій свѣтъ,—вы, можетъ быть, не понимаете, что̀ значитъ: „славный малый“, но сами вполнѣ заслуживаете этого названія. Вашу руку!—И къ величайшему удивленію Тицока, догадавшагося впрочемъ, что это дѣлается въ знакъ дружеской пріязни, грузовой агентъ обмѣнялся съ нимъ энергическимъ рукопожатіемъ. При болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, любознательный ацтекъ, вѣроятно, тотчасъ попросилъ бы объяснить ему, что̀ означала эта любопытная церемонія, но теперь онъ думалъ только о томъ, какъ бы спасти насъ. По его словамъ, намъ нельзя было терять ни минуты; жрецы повсюду собирали новыя военныя силы для поддержки Итцакоатля и наши защитники могли быть атакованы немедленно. Говоря такимъ образомъ, онъ велъ насъ къ выходу на улицу, гдѣ ожидали его солдаты, такъ какъ ему удалось лишь съ самымъ незначительнымъ отрядомъ влѣзть на крышу дома и оттуда напасть на непріятеля врасплохъ.

Digitized by Google

— Но гдѣ же Пабло, нашъ молодой товарищъ?—спросилъ я, останавливаясь на дворѣ.

— Мои люди отыщутъ мальчика,—успокоилъ меня Тицокъ.—Онъ, вѣроятно, цѣлъ и невредимъ, и мы увидимъ его на улицѣ. Идемте же скорѣе.

Только надежда увидать Пабло за воротами заставила насъ покинуть мрачное жилище верховнаго жреца, не дожидаясь, пока нашъ злополучный музыкантъ будетъ отысканъ. И, дѣйствительно, нужно было спѣшить. Со всѣхъ сторонъ города, доносился глухой и грозный гулъ человѣческихъ голосовъ, доказывавшій, что всѣ ацтланеки возстали поголовно. Тицокъ посовѣтовалъ намъ вооружиться, воспользовавшись для этой цѣли оружіемъ, валявшимся на дворѣ, среди убитыхъ враговъ. Въ самомъ дѣлѣ, намъ слѣдовало позаботиться о собственной защитѣ. Я умѣю владѣть только мечемъ, научившись драться на рапирахъ во времена своего студенчества въ Лейпцигѣ, а потому выбралъ одинъ изъ тяжелыхъ маккуагуитловъ; мои товарищи, исключая фра-Антоніо, сдѣлали тоже и взяли себѣ по мечу, выпавшему изъ мертвой руки побѣжденнаго воина. Только теперь, исполняя приказъ Тицока, убѣдились мы, до чего жестока и кровопролитна была происходившая здѣсь битва; мощеный дворъ былъ весь залитъ кровью, точно на скотобойнѣ, и на каждомъ шагу валялись страшно изуродованные трупы. За исключеніемъ нѣсколькихъ спутниковъ Тицока, перевязавшихъ свои раны и присоединившихся къ намъ, не осталось въ живыхъ ни одного раненаго, изъ чего мы заключили, что ацтеки дрались съ варварскою жестокостью, не давая пощады обезсилившему врагу, когда онъ терялъ возможность защищаться. Эта догадка тотчасъ подтвердилась на дѣлѣ. Проходя черезъ караульню, мы услыхали стоны одного несчастнаго, принадлежавшаго къ партіи верховнаго жреца. Онъ корчился въ жестокихъ мукахъ; на груди у него зіяла рана, пробитая копьемъ. Тицокъ немедленно шепнулъ два слова одному изъ своихъ воиновъ. Тотъ отсталъ отъ насъ и черезъ минуту добилъ умирающаго, раскроивъ ему черепъ.

Металлическая рѣшетка, замыкавшая входъ снаружи, была поднята людьми Тицока и мы безпрепятственно вышли на улицу, гдѣ ждалъ насъ главный отрядъ нашихъ защитниковъ, выстроившійся въ ряды и готовый двинуться дальше. Между

Digitized by Google

тѣмъ, о Пабло и Эль-Сабіо не было ни слуху, ни духу. Тицокъ не меньше насъ былъ огорченъ этимъ обстоятельствомъ, такъ какъ, по его разсчетамъ, видъ Пабло, ѣдущаго по улицамъ города верхомъ на ослѣ, долженъ былъ еще болѣе разжечь въ народѣ духъ непокорности и желаніе избавиться отъ ига своего притѣснителя — Итцакоатля. Поэтому Тицокъ не сталъ противорѣчить, когда мы сказали, что не уйдемъ отсюда, пока не отыщемъ мальчика, но откровенно сказалъ намъ однако, что его напрасно искать въ этомъ домѣ; здѣсь были уже осмотрѣны всѣ помѣщенія и нигдѣ не оказалось ни малѣйшаго слѣда моего молодаго слуги и его четвероногаго друга. Нашъ покровитель предполагалъ, что ихъ обоихъ отвели для большей безопасности въ самый храмъ. Тутъ, вѣроятно, они и находились, если не были еще умерщвлены по приказу верховнаго жреца. Янгъ предложилъ произвести немедленную аттаку храма; я съ Рейбёрномъ горячо поддерживали его и даже фра-Антоніо находилъ справедливымъ прибѣгнуть къ вооруженной силѣ въ томъ случаѣ, когда дѣло шло о спасеніи христіанской души изъ рукъ язычниковъ.

Но Тицокъ объяснилъ намъ всю непрактичность этого плана въ данный моментъ. Успѣхъ его нападенія на жилище Итцакоатля обусловливался тѣмъ, что онъ застигъ непріятеля врасплохъ. Однако большинство народа и солдатъ несомнѣнно на сторонѣ верховнаго жреца. Намъ слѣдовало искать себѣ поддержки внѣ города; начальникъ стражи намѣревался какъ можно скорѣе вывести насъ изъ укрѣпленныхъ стѣнъ Кулхуакана. Члены совѣта, незавидѣвшіе Итцакоатля, сплотились вмѣстѣ и, собравъ на скорую руку небольшую толпу своихъ приверженцевъ, спустились къ берегу, чтобы заблаговременно овладѣть водяными воротами и удержать за собою этотъ важный пунктъ до прибытія Тицока со своими людьми. Изъ двадцати правителей, только пятеро остались вѣрны верховному жрецу, потому что сами принадлежали къ духовенству. Теперь мы ясно поняли, что намъ придется силой пробивать себѣ дорогу по улицамъ города, причемъ всякая минута замедленія только усиливала опасность. Овладѣть храмомъ было для насъ пока немыслимо. Даже ради спасенія жизни Пабло было лучше всего поспѣшить скорѣе прочь отсюда, чтобы начать приготовленія къ правильной борьбѣ съ сильнымъ врагомъ.

Digitized by Google

Объявляя намъ это, Тицокъ велъ насъ къ спуску съ террасы, и когда люди, вторично посланные на поиски Пабло, вернулись обратно ни съ чѣмъ, онъ рѣшительно скомандовалъ: „впередъ!“ Мы понимали, что должны подчиняться его распоряженіямъ, но уходили отсюда съ тяжелымъ сердцемъ, оставляя въ плѣну беззащитнаго товарища, котораго почти не надѣялись больше увидѣть живымъ.

Справедливость словъ Тицока, что мы сами находимся въ большой опасности, немедленно подтвердилась. Уже у перваго прохода въ крѣпостной стѣнѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ улица спускалась по каменнымъ ступенямъ на слѣдующую террасу, караульные не хотѣли пропустить насъ. Однако мы были настолько многочисленнѣе ихъ, что безъ труда справились съ этой горстью людей, убивъ нѣсколькихъ изъ нихъ и столкнувъ съ лѣстницы остальныхъ. Между тѣмъ, оставшіеся въ живыхъ побѣжали къ слѣдующимъ воротамъ и, присоединившись къ тамошнему караулу, поджидали нашего приближенія, готовые къ энергичному отпору. Тутъ намъ пришлось уже труднѣе, такъ какъ численность непріятеля почти равнялась нашей. Мы съ большими усиліями пробили себѣ дорогу и двинулись впередъ. Нѣсколько человѣкъ изъ нашего отряда были убиты, а противниковъ легло еще больше. Я получилъ легкую рану дротикомъ въ руку; къ счастью, это была почти только царапина. Не думаю, что я убилъ кого нибудь въ этой схваткѣ, но мнѣ не забыть страдальческаго и вмѣстѣ съ тѣмъ гнѣвнаго взгляда человѣка, ударившаго меня дротикомъ, когда я, защищаясь, отрубилъ ему руку ударомъ своего меча. Въ ту минуту, я былъ ужасно радъ, что нанесъ своему противнику больше вреда, чѣмъ онъ мнѣ, но сейчасъ же подумалъ, какъ нелѣпо драться съ человѣкомъ, къ которому не питаешь никакой личной непріязни, и вдругъ мнѣ стало искренно жаль, что ему придется долго страдать и терпѣть различныя неудобства, благодаря моему жестокому удару. Между тѣмъ, судя по тому, какъ Рейбёрнъ съ Янгомъ кололи и рубили враговъ, ихъ, очевидно, не смущали никакія соображенія, подобныя моимъ. Сами непріятели, сражаясь съ нами, вскрикивали отъ удивленія, восхищаясь ихъ ловкостью и силой. Но кому изъ насъ приходилось всего тяжелѣе во время схватокъ съ врагомъ, такъ это фра-Антоніо.

Digitized by Google

Грѣшная плоть сильно искушала его принять дѣятельное участіе въ битвѣ, натѣшить свою молодецкую удаль, и только сильный духъ, обитавшій въ немъ, сдерживалъ эти грѣховныя стремленія.

Послѣднимъ натискомъ принудили мы караульныхъ дать намъ дорогу, заставивъ ихъ отступить въ узкое отверстіе въ стѣнѣ, а потомъ сталкивали ихъ со ступеней лѣстницы; но когда мы преслѣдовали враговъ по пятамъ на слѣдующей террасѣ, чтобы они не успѣли соединиться съ переднимъ карауломъ, многіе раненые выбыли изъ нашихъ рядовъ, падая въ изнеможеніи на землю, а позади насъ осталось болѣе двѣнадцати убитыхъ. Потеря становилась очень значительной. Однако, наше храброе преслѣдованіе непріятеля принесло большую пользу. Къ слѣдующей стѣнѣ мы подбѣжали почти одновременно со своими противниками и произвели такой переполохъ въ новомъ караулѣ, поджидавшемъ было насъ съ намѣреніемъ дать отпоръ, что эти люди невольно разступились передъ нашимъ отрядомъ и пропустили его въ ворота. Также удачно пробились мы и чрезъ слѣдующее укрѣпленіе. Однако, опѣшившіе сначала враги понемногу опомнились и пустились за нами въ погоню. Вслѣдствіе того, когда мы подбѣжали къ послѣднимъ воротамъ, то оказались окруженными спереди и съ тылу, да притомъ же численность непріятеля вчетверо превышала теперь нашу. Караульные, видя опасность, успѣли загородить проходъ металлическими засовами, постоянно стоявшими здѣсь наготовѣ. Конечно, намъ было легко отодвинуть ихъ, потому что они закладывались съ внутренней стороны въ защиту отъ враговъ, могущихъ явиться извнѣ, но чтобы дойти до воротъ, нужно было пробить себѣ дорогу въ толпѣ. Мы буквально такъ и сдѣлали, подвигаясь впередъ по тѣламъ противниковъ, павшихъ подъ нашими ударами. Я испытывалъ непріятное судорожное сжатіе въ области желудка, когда мнѣ по неволѣ приходилось топтать подъ собою раненыхъ, еще не успѣвшихъ испустить духъ. Они шевелились и стонали, и я помню чувство невыразимаго облегченія въ тѣ моменты, когда лежащій человѣкъ, на котораго я наступалъ, не обнаруживалъ признаковъ жизни. По крайней мѣрѣ, я зналъ, что стою на трупѣ и не причиняю страданія живому существу.

Digitized by Google

А подавались мы впередъ очень медленно. Хотя живая преграда, которую намъ нужно было преодолѣть, не превышала двадцати футовъ въ толщину, однако, чтобы прорѣзать ее, понадобилось страшно много времени. Когда передъ нами оставалось не болѣе двѣнадцати отчаянныхъ бойцовъ, не подпускавшихъ насъ къ металлическимъ засовамъ въ проходѣ, я увидалъ къ своему ужасу, что фра-Антоніо вдругъ исчезъ. Между тѣмъ, еще минуту назадъ, онъ стоялъ какъ разъ позади меня. Чтобы вѣрнѣе преодолѣть свое желаніе участвовать въ битвѣ, францисканецъ нарочно держался въ центрѣ нашего отряда и трудно было понять, какъ его могли убить или ранить подъ такимъ прикрытіемъ. Непріятель не стрѣлялъ по насъ и не металъ дротиковъ; все ограничивалось рукопашнымъ боемъ.

Когда я сталъ искать монаха глазами, отбиваясь въ то же время отъ наступавшаго на меня воина, то замѣтилъ какое-то тревожное движеніе въ кучкѣ нашихъ противниковъ. Они старались нагнуться, точно съ цѣлью поднять что нибудь съ земли, но ихъ ряды были до того тѣсны, что это оказывалось невозможнымъ. Наконецъ, послѣднимъ ловкимъ ударомъ я уложилъ своего врага и могъ немного передохнуть. Но здѣсь произошло что-то необъяснимое: караульный, стоявшій спиною къ перекладинамъ воротъ, вдругъ взлетѣлъ на воздухъ, точно подброшенный гигантской пружиной, и упалъ въ сторону, прямо на головы и на плечи своимъ товарищамъ. Вслѣдъ затѣмъ, на его прежнемъ мѣстѣ появилась бритая макушка фра-Антоніо. Тутъ я понялъ, что францисканецъ пробрался къ воротамъ ползкомъ между ногъ сражающихся и потомъ выпрямился съ такой быстротой и силою изъ подъ крайняго караульнаго, что тотъ полетѣлъ къ верху. Его цѣль была ясна; поднявшись на ноги, францисканецъ проворно вытащилъ одинъ засовъ за другимъ и очистилъ намъ выходъ.

XXIV.

Битва у водяныхъ воротъ.

Рейбернъ крикнулъ отъ радости, когда звонъ отодвигаемыхъ металлическихъ засововъ заставилъ его повернуть го-

Digitized by Google

лову въ ту сторону. Мы съ Янгомъ присоединились къ нему, издавая радостные возгласы на родномъ языкѣ, причемъ наши союзники, по обычаю дикарей, вторили намъ пронзительнымъ торжествующимъ воемъ. Подъ этотъ вой и ликованье мы произвели такой молодецкій натискъ, что горсть непріятелей, ошеломленная неожиданнымъ поворотомъ удачи на нашу сторону, мгновенно растерялась. Къ тому же товарищъ, подброшенный на воздухъ францисканцемъ, продолжалъ биться у нихъ на головахъ и плечахъ. Воспользовавшись благопріятнымъ моментомъ, мы безъ труда очистили себѣ дорогу. Фра-Антоніо остался невредимъ. Еслибъ даже враги имѣли возможность повернуться назадъ, чтобы напасть на него, то мы не дали бы имъ на это времени, и такимъ образомъ ему удалось безпрепятственно выдернуть одинъ за другимъ всѣ засовы.

Пока мы перепрыгивали по ступенямъ лѣстницы—снова окруживъ со всѣхъ сторонъ фра-Антоніо—снизу до насъ донесся громкій крикъ множества голосовъ и мы увидали большую толпу людей, поднимавшихся къ намъ съ берега. Сначала мы испугались, но наша тревога оказалась напрасной: это были союзники Тицока. Собственно говоря, мы не нуждались въ подкрѣпленіи, потому что караульные, оставшіеся въ живыхъ, не думали преслѣдовать насъ, потерявъ всякую отвагу. Но видъ союзниковъ все таки обрадовалъ меня и товарищей. Половина нашихъ людей была перебита, остальные же почти всѣ получили болѣе или менѣе опасныя раны. Тицокъ, Янгъ и Рейбёрнъ отдѣлались одними царапинами; благодаря своей необыкновенной силѣ, они оставались бодрыми, какъ въ началѣ битвы; зато всѣ мы остальные совершенно изнемогли и такъ тяжело дышали, что каждый нашъ вздохъ походилъ на сдержанное рыданіе. Такимъ образомъ, для насъ подкрѣпленіе явилось очень кстати; по крайней мѣрѣ, мы могли спокойно подвигаться впередъ по берегу подъ прикрытіемъ свѣжихъ силъ.

У пристани стояли приготовленныя лодки и здѣсь же нашли мы членовъ совѣта, которые произвели народное возстаніе и стали во главѣ возставшихъ. Впрочемъ, насъ и здѣсь ожидала упорная битва. Отославъ часть людей намъ на выручку, сторонники Тицока не могли справиться съ крѣп-

Digitized by Google

кимъ карауломъ, охранявшимъ водяныя ворота. А между тѣмъ, было необходимо какъ можно скорѣе овладѣть этимъ пунктомъ. Къ берегу со всѣхъ сторонъ спѣшили вооруженные отряды, и хотя намъ посчастливилось выбраться изъ-за городскихъ укрѣпленій, но планъ нашего бѣгства могъ не удаться, еслибъ мы еще немного замѣшкались. Поэтому мы употребили всѣ усилія, чтобы добѣжать до лодокъ раньше нашихъ преслѣдователей. Они были еще далеко, когда мы уже отчалили.

Двухминутной усиленной работы веслами было достаточно, чтобы флотилія нашихъ лодокъ пересѣкла бассейнъ и достигла длиннаго мола, простиравшагося къ берегу и оканчивавшагося у водяныхъ воротъ. Открытая лѣстница вела отсюда на верхъ наружной крѣпостной стѣны, охватывавшей полукругомъ весь городъ вмѣстѣ съ бассейномъ. Мы безпрепятственно высадились въ этомъ мѣстѣ да и караулъ на стѣнѣ, повидимому, былъ не великъ, потому что городскія власти, при внезапности народнаго возстанія, не успѣли его усилить. Изъ нашихъ людей было отряжено всего человѣкъ тридцать-сорокъ для нападенія. Они тотчасъ вышли изъ лодокъ и стали подниматься къ верху подъ предводительствомъ Типока. Рейбёрнъ съ Янгомъ примкнули къ нимъ въ качествѣ охотниковъ. Я тоже хотѣлъ послѣдовать ихъ примѣру, но Рейбёрнъ, зная, что у меня была легкая рана, посовѣтовалъ мнѣ остаться въ лодкѣ.—Вы лучше присмотрите за оставшимися, профессоръ!—крикнулъ Янгъ, проворно взбѣгая по широкимъ каменнымъ ступенямъ.—Мы хотимъ устроить важную штуку.

Что происходило на верху стѣны, этого мы не могли видѣть, только дѣло было кончено очень быстро. Раздались крики, бряцанье оружія и вслѣдъ затѣмъ четверо или пятеро караульныхъ полетѣли черезъ каменный парапетъ внизъ головой прямо въ озеро, какъ будто это былъ самый несложный способъ отъ нихъ отдѣлаться. Они и намъ не причинили много хлопотъ. Едва ихъ головы показались на поверхности воды, какъ наши союзники приkололи несчастныхъ копьями. Потомъ мы услыхали скрипъ воротъ и звяканье цѣпей, а, заглянувъ въ отверстіе въ стѣнѣ, увидѣли, какъ опускная рѣшетчатая дверь, замыкавшая его съ наружной стороны, стала медленно подниматься, открывая намъ дорогу. Двѣ изъ нашихъ

Digitized by Google

лодокъ тотчасъ повернули въ туннель, чтобы не терять понапрасну времени, и, когда онѣ выплыли въ озеро, остальныя быстро пустились за ними вслѣдъ. Одна лодка осталась поджидать отрядъ, отправленный въ аттаку, и мы удивлялись, что она долго не показывается. Но удивленіе наше еще болѣе возросло, когда мы увидали, что въ ней не было ни Тицока, ни моихъ товарищей. Въ ту же минуту я замѣтилъ ихъ, стоящихъ втроемъ на стѣнѣ. На мой громкій окликъ, Рейбёрнъ перегнулся черезъ каменныя перила и подалъ мнѣ знакъ молчать. Я успокоился, догадываясь, что они остались здѣсь по доброй волѣ, а не были брошены предательскимъ образомъ. Вѣроятно, у нихъ былъ какой нибудь планъ противъ непріятелей. Дѣйствительно, геніальный замыселъ троихъ храбрецовъ скоро объяснился.

Налегая на весла по ту сторону водяныхъ воротъ, мы могли видѣть сквозь нихъ бассейнъ, разстилавшійся передъ городомъ; вскорѣ онъ запестрѣлъ судами нашихъ преслѣдователей. Когда они подошли ближе, мы узнали на носу передней баржи офицера, привезшаго насъ подъ конвоемъ изъ дома Тицока, чтобы представить затѣмъ, въ качествѣ плѣнниковъ, верховному жрецу. Я называлъ его въ своемъ разсказѣ командиромъ судна, не зная ни настоящаго имени, ни званія этого человѣка. Онъ яростно кричалъ на своихъ подчиненныхъ, приказывая имъ проворнѣе грести; наши суда стояли въ сторонѣ, такъ что онъ могъ видѣть только одну лодку, гдѣ какъ разъ находился я; офицеръ, вѣроятно, подумалъ, что остальныя ушли впередъ и моя лодка поджидаетъ товарищей, оставшихся на стѣнѣ. Ему, повидимому, хотѣлось отрѣзать насъ отъ прочихъ, чтобы вѣрнѣе расправиться съ нами. Его нетерпѣніе какъ будто сообщилось гребцамъ; по крайней мѣрѣ, ихъ баржа далеко опередила другія суда. Пока намъ приходилось имѣть дѣло только съ этимъ однимъ судномъ, мы ничего не боялись и были готовы напасть на него соединенными силами, когда оно юркнуло въ туннель. Впрочемъ, насъ все таки удивляло, зачѣмъ Тицокъ пропустилъ и эту баржу, когда онъ могъ задержать ее на долгое время, опустивъ водяныя ворота.

Едва баржа приблизилась къ намъ, какъ офицеръ перешелъ съ носовой части на средину и нагнулся; солдаты, стояв-

Digitized by Google

шіе на палубѣ, сдѣлали тоже; весла были убраны, но сильно разогнанное судно по инерціи летѣло впередъ, какъ стрѣла, и готовилось уже вынырнуть изъ туннеля. Мы ожидали его съ оружіемъ въ рукахъ, чтобы отразить нападеніе. Однако и ацтекскому офицеру, и его командѣ было не суждено болѣе нападать на враговъ. Все это время Рейбёрнъ стоялъ наверху стѣны у самаго парапета, перегнувшись черезъ него и не спускалъ глазъ съ отверстія, надъ которымъ висѣли подъемныя металлическія ворота. Едва оттуда показался носъ баржи, какъ онъ поднялъ руку, какъ будто подавая знакъ грузовому агенту и Тицоку, стоявшимъ позади него. Въ ту же минуту заскрипѣлъ воротъ, зазвенѣли быстро развившіяся цѣпи и металлическая рѣшетка скользнула внизъ, обрушившись всею своей тяжестью какъ разъ на средину баржи. Судно съ оглушительнымъ трескомъ буквально было разрѣзано пополамъ; обломки отъ него взлетѣли къ верху, а экипажъ пошелъ ко дну. Но суровый командиръ судна раньше всѣхъ нашелъ быстрый конецъ. Онъ стоялъ нагнувшись посрединѣ палубы и нижняя часть воротъ ударила его прямо въ шею, такъ что голова отскочила отъ туловища, обратившагося въ безформенную кровавую массу. Громкіе клики восторга съ нашихъ лодокъ привѣтствовали эту ловкую штуку. Имъ въ отвѣтъ раздалось радостное ликованье сверху стѣны. Мои товарищи привѣтствовали насъ, а Тицокъ дико завывалъ по своему. Впрочемъ, имъ некогда было предаваться радости. Непріятельскія суда достигли уже въ то время дамбы за стѣною и наши доблестные товарищи рпсковали, минуты двѣ-три спустя, попасться въ плѣнъ. Однако, не смотря на явную опасность, они съ полнѣйшимъ хладнокровіемъ довели до конца задуманное дѣло. Какъ мы узнали послѣ изъ ихъ разсказовъ, Рейбёрнъ помѣстился на верхней площадкѣ лѣстницы, чтобы не пускать сюда непріятеля, пока Янгъ съ Тицокомъ не справятся со своей работой. И много надо было мужества и силы тому, кто рѣшился бы напасть на этого отчаяннаго храбреца, занявшаго такую выгодную позицію. Тѣмъ временемъ, остальные двое сняли съ ворота цѣпи, на которыхъ поднимались опускныя ворота, и бросили ихъ въ озеро. Кромѣ того, сама рѣшетка была помята и попорчена осколками раздробленной ею баржи, такъ что на ея починку пред-

Digitized by Google

стояло употребить цѣлый день, а не то и больше времени. Слѣдовательно, наши противники сами очутились въ засадѣ и не могли преслѣдовать насъ.

Едва цѣпи съ громкимъ плескомъ упали въ воду и мы смекнули, въ чемъ дѣло, съ нашихъ лодокъ снова раздались привѣтственные клики, которые перешли въ настоящій ревъ торжества, когда Рейсёрнъ безстрашно спрыгнулъ съ парапета въ озеро, а за нимъ послѣдовали Тицокъ и Янгъ. Дѣйствительно, со времени славнаго подвига Горація у римскихъ воротъ, никто не отваживался на такой смѣлый шагъ и никому онъ не удавался съ такимъ блескомъ. Я пришелъ въ неистовый восторгъ и кричалъ „браво!“ пока не надорвалъ себѣ горла. Наша лодка стояла у самой стѣны, гдѣ мы готовились топить караульныхъ, еслибъ они всплыли на поверхность, и намъ не стоило большаго труда вытащить изъ воды троихъ героевъ. Потомъ мы пустились догонять остальную флотилію, такъ какъ непріятель, появившись на стѣнѣ, принялся швырять въ насъ тяжелыми каменьями и пускать намъ въ догонку дротики. Къ счастью, ни одинъ камень не задѣлъ нашей лодки и, благодаря ея быстрому ходу, только двое нашихъ людей было убито метательными копьями. Такимъ образомъ, мы благополучно избѣгли опасности, отдѣлавшись самой незначительной потерей, тогда какъ противная сторона потеряла въ этой битвѣ около сорока человѣкъ, утонувшихъ въ озерѣ или заколотыхъ нами. Своимъ спасеніемъ мы были обязаны тому, что наши враги вооружились на скорую руку, разсчитывая сражаться съ нами на близкомъ разстояніи, и не запаслись ни луками, ни пращами. Въ противномъ случаѣ, изъ насъ не уцѣлѣлъ бы ни одинъ человѣкъ.

Промокшіе до нитки, Рейсёрнъ и Янгъ прежде всего очутились въ моихъ объятіяхъ. Затѣмъ и фра-Антоніо бросился горячо обнимать ихъ. Храбрость нашихъ друзей привела франциканца въ совершенный экстазъ. Отважный по природѣ, онъ умѣлъ цѣнить въ другихъ это качество. Осыпая товарищей похвалами,—хотя въ сущности такой подвигъ былъ выше всякихъ похвалъ,—я, разумѣется, сравнилъ ихъ съ римскими героями и могу сказать, что проведенная мною параллель была не только удачна, но даже не лишена меткости и краснорѣчія.—Право, не помню, профессоръ,—замѣтилъ Янгъ, когда

Digitized by Google

я кончилъ,—приводилось ли мнѣ раньше слышать объ этой исторіи, но если вашъ Горацій—какъ бишь его фамилія?—прищемилъ себѣ такъ пальцы, опуская подъемный мостъ, какъ сдѣлалъ я сейчасъ, разматывая цѣпи этой проклятой загородки, то, клянусь честью, онъ вѣроятно пожалѣлъ, что не догадался удрать оттуда раньше безъ оглядки.—И, дѣйствительно, Янгъ придавалъ больше значенія своимъ защемленнымъ пальцамъ, чѣмъ выказанному имъ безстрашію, когда онъ хладнокровно оканчивалъ свое дѣло въ виду приближающагося врага.

Отплывъ достаточно далеко отъ городской стѣны, такъ что дротики не долетали до насъ болѣе, мы немного уменьшили ходъ своей лодки, потихоньку догоняя товарищей. Теперь намъ не угрожало никакое преслѣдованіе, и мы могли повернуть въ любую сторону по озеру. Но направленіе, повидимому, было уже выбрано, потому что, когда наша лодка готовилась присоединиться къ остальнымъ, вся флотилія, послѣ нѣкоторой остановки, двинулась впередъ съ членами совѣта во главѣ и намъ былъ переданъ приказъ слѣдовать за другими. Посмотрѣвъ, куда повернули лодки, Тицокъ объяснилъ намъ, что онѣ направляются къ другому значительному городу въ долинѣ, возникшему около золотыхъ рудниковъ. Говоря такимъ образомъ, почтенный ацтекъ сдѣлался крайне серьезенъ и прибавилъ, что населеніе этого города,—за исключеніемъ немногихъ свободныхъ людей, наблюдающихъ за работами, и значительной военной силы, постоянно содержимой здѣсь, — состоитъ изъ однихъ тлагуикосовъ, выбранныхъ въ рудокопы по причинѣ особой тѣлесной крѣпости и отваги.

Понизивъ голосъ, Тицокъ объяснилъ намъ далѣе, что самые опасные бунты тлагуикосовъ вспыхивали именно здѣсь. Рудокопы отличались свирѣпостью и дикими инстинктами. Озлобленные своей подневольной жизнью, они постоянно проявляли непокорность. Чтобъ удержать ихъ въ повиновеніи, власти прибѣгли къ самой рѣшительной мѣрѣ: рудокоповъ постоянно держали плѣнниками въ глубинѣ рудника; у колодца каждой шахты стояла сильная стража и солдатамъ было приказано немедленно убивать каждаго тлагуикоса, который вздумалъ бы самовольно покинуть рудникъ. Но такъ какъ ихъ работа приносила государству огромную пользу, то,

Digitized by Google

чтобы между тлагуикосами не развилась большая смертность вслѣдствіе постояннаго пребыванія подъ землею, они были раздѣлены на десять большихъ партій, причемъ каждая изъ нихъ по очереди употреблялась для работъ на свѣжемъ воздухѣ, но подъ строгимъ карауломъ. Однако и эти крайнія мѣры оказывались недостаточными. Часто рудокопы производили бунты, распространявшіеся по всей долинѣ, и властямъ приходилось пускать въ ходъ всю военную силу государства для подавленія мятежа. Городъ возлѣ рудника былъ, по словамъ Тицока, настоящимъ вулканомъ и жители Астлана, постоянно опасавшіеся возстанія свирѣпыхъ тлагуикосовъ, не знавшихъ пощады, прозвали его Гуитциланомъ — городомъ войны.

— Безъ сомнѣнія,—прибавилъ нашъ покровитель съ озабоченной миной и тревогой въ голосѣ,— члены совѣта рѣшили прибѣгнуть къ содѣйствію этихъ полудикихъ, отчаянныхъ головорѣзовъ, чтобы съ ихъ помощью ниспровергнуть могущество верховнаго жреца.

И по виду Тицока можно было судить, насколько рискованнымъ являлось такое предпріятіе.

(*Окончаніе будетъ*).

Digitized by Google

ОЧЕРКИ ГОСУДАРСТВЕННАГО КРЕДИТА ВЪ РОССІИ.

VII.

При учрежденіи государственнаго банка, на него была возложена обязанность погасить долгъ по вкладамъ въ старыя кредитныя установленія и записать этотъ расходъ на счетъ казначейства, какъ долгъ государственному банку.

Въ 1862 году, оставалась сумма неконсолидированныхъ старыхъ вкладовъ на 279 мил.; изъ этой суммы, около 98 мил. были вытребованы въ 1863 году и выплачены при помощи 4-проц. банковыхъ билетовъ, а остальная сумма въ 181.678,171 руб. продолжала обременять государственный банкъ, который долженъ былъ возвращать эти вклады, которыхъ въ наличности не было, такъ какъ они были въ долгу у казны и у частныхъ заемщиковъ. Въ теченіе 1862—1863 г. было возвращено этихъ вкладовъ на сумму около 103.495,032 руб. и осталось за банкомъ еще 78.183,139 руб. Для покрытія этого долга по вкладамъ, правительство выпускало 4-проц. металлическіе билеты, которыми оно вознаграждало вкладчиковъ; это было опять таки ничто иное, какъ принудительный заемъ. До 1862 года, этихъ билетовъ было выпущено на 36 мил., а въ періодъ 1862—1863 года рѣшено было выпустить еще на 36 мил., но въ дѣйствительности реализовано было только на 24 мил., которыми была покрыта часть долга по старымъ вкладамъ и осталось еще этихъ вкладовъ на сумму 56.312,700 руб. Указомъ отъ 23 іюня 1867 г. и этотъ остатокъ былъ погашенъ, при помощи выпуска 4-проц. металлическихъ билетовъ государственнаго банка на сумму 56.312,700 руб.

Пятилѣтіе съ 1866 по 1870 годъ можетъ служить переходнымъ временемъ отъ періода финансоваго кризиса и хроническаго дефицита къ послѣдующему затѣмъ бездефицитному пятилѣтію 1871—1875 гг. Въ теченіе 1866—1870 г. весь дефицитъ равнялся только 45 мил. руб., что составляетъ около 9 мил. ежегодно, — сумма очень незначительная въ сравненіи съ ежегоднымъ дефицитомъ въ 56 мил. руб. прошлаго пятилѣтія. Въ это время былъ заключенъ одинъ только внутренній заемъ: 11 іюня 1869 г. состоялся выпускъ 5-проц. банковыхъ билетовъ на сумму 15 мил. руб., на условіяхъ, утвержденныхъ министромъ финансовъ, по цѣнѣ не ниже 80 руб. за 100. Билетамъ присвоиваются всѣ права и преимущества, при-

Digitized by Google

надлежащія 5-проц. банковымъ билетамъ перваго выпуска 1863 г. Выпущенные билеты вносятся въ государ. долговую книгу, съ тѣмъ чтобы государственная комисія погашенія долговъ производила государственному банку ежегодно платежъ 5-проц. интереса и по 1 проц. погашенія на нарицательный капиталъ билетовъ. Вся сумма кредитокъ, которая будетъ выручена этимъ выпускомъ 5-проц. билетовъ, предается сожженію, въ присутствіи ревизіоннаго комитета государственныхъ кредитныхъ установленій и депутатовъ отъ с.-петербургской городской думы и биржи. Подписка, открытая въ Спб., въ государственномъ банкѣ, 21, 23 и 24 іюля, по курсу 83 руб. за сто, но съ предложеніемъ въ пользу подписчиковъ купона съ 1 мая 1869 года. превысила почти въ 23 раза требуемую сумму (337 мил. руб.). Такимъ образомъ, весь государственный долгъ къ 1 января 1871 г. представляется въ слѣдующихъ цифрахъ: консолидированный долгъ равнялся 1.383,221,490 р. кред.; неконсолидированный—937,125,047 руб. Мы видимъ, слѣдовательно, что текущій долгъ составляетъ почти 6 проц. консолидированнаго, между тѣмъ раньше онъ или превышалъ его иногда вдвое, или равнялся ему. Это доказываетъ, что въ нашихъ финансахъ за шестидесятые годы произошло значительное улучшеніе, сравнительно съ дореформеннымъ періодомъ. Всего въ 1871 г. состояло долговъ и обязательствъ, непосредственныхъ и косвенныхъ, въ капитальной суммѣ 3.562,776.437 [1]). Какъ извѣстно, въ шестидесятые года, помимо массы реформъ, пересоздавшихъ почти весь государственный строй, обращено было особенное вниманіе на улучшеніе путей сообщенія, для цѣлей не столько экономическихъ, сколько стратегическихъ. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, у насъ было *всего* желѣзныхъ дорогъ на разстояніи *2,000 верстъ*, а къ началу 70-хъ годовъ наша желѣзнодорожная сѣть увеличилась *въ десять разъ*. Строительство дорогъ шло съ такой горячкой и поспѣшностью, что государству трудно было установить опредѣленную систему, которой оно должно держаться въ этомъ отношеніи. Большею частью, правительство раздавало концессіи различнымъ обществамъ, которыя обязывались выстроить опредѣленныя линіи, а имъ за это гарантировался опредѣленный доходъ на затраченный капиталъ; поэтому всѣ займы. заключенные для постройки желѣзныхъ дорогъ, хотя и не исходили непосредственно отъ правительства, но обременяли государственное казначейство уплатой процентовъ (такъ какъ дороги оказались большею частію бездоходными). Въ періодъ съ 1857 по 1871 годъ, или заключались прямо займы съ правительственной гарантіей, или правительство ссужало желѣзнодорожнымъ обществамъ суммы изъ государственнаго казначейства. Такъ, въ январѣ 1857 года было образовано акціонерное общество, носящее названіе «Главнаго общества россійскихъ же-

1) У Бліоха показана цифра въ 3,059 м р., но у него изъ бумажно-денежнаго долга отсчитанъ размѣнный фондъ и консолидированный долгъ показанъ на 400 мил. меньше,—такъ какъ онъ считаетъ только тѣ долги, которые внесены въ госуд. долг. книгу. Между тѣмъ, за послѣдніе годы много долговъ туда не вносится.

Digitized by Google

лѣзныхъ дорогъ», для постройки желѣзныхъ путей на разстояніи 4,000 верстъ. Первый выпускъ акцій въ 75 мил. нашелъ прекрасное помѣщеніе, такъ какъ онъ совпадалъ съ моментомъ изгнанія вкладовъ изъ государственнаго банка: тогда свободные капиталы стали помѣщаться въ акціяхъ этого общества. Впослѣдствіи акціи упали на 10 проц. въ цѣнѣ, и общество не въ состояніи было окончить начатыя работы. Тогда правительство ссудило ему 33 мил. рублей и избавило отъ обязанности строить дорогу отъ Москвы до Ѳеодосіи и отъ Курска до Либавы. Съ 1861 по 1864 годъ выдано было 5 концессій на постройку дорогъ, а къ 1 января 1868 г. общее протяженіе построенныхъ дорогъ равнялось уже 7,225 верстамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ трудности въ пріисканіи капиталовъ для постройки дорогъ стали увеличиваться и правительству приходилось тратить крупныя суммы изъ образованнаго тогда желѣзнодорожнаго фонда. Въ періодъ съ 1862—1868 годъ издержано, при помощи правительства, на постройку, покупку рельсовъ, на гарантію и ссуды обществамъ, на покупку ихъ акцій до 113.189,800 р.

Вотъ краткій перечень желѣзнодорожныхъ займовъ, консолидированныхъ правительствомъ. Въ 1867 году состоялся первый выпускъ 4-проц. облигацій николаевской желѣзной дороги на сумму 300.000,000 франковъ. Въ 1869 году былъ сдѣланъ второй и послѣдній выпускъ облигацій этой желѣзной дороги на сумму 277.750,000 франковъ. По указу 9 января 1870 года, произведенъ былъ министерствомъ финансовъ выпускъ облигацій на сумму 12 мил. ф. стерл. Этотъ выпускъ былъ вызванъ тѣмъ обстоятельствомъ, что безчисленное множество вновь возникшихъ желѣзнодорожныхъ обществъ выпускало свои облигаціи и тѣмъ значительно понижало курсъ желѣзнодорожныхъ бумагъ; поэтому правительство покупало эти облигаціи у обществъ и потомъ уже выпускало ихъ отъ себя. Полученная отъ этого займа сумма въ 12 мил. ф. стерл. была распредѣлена между нѣсколькими желѣзнодорожными обществами; а остатокъ правительство потратило на принадлежащую ему московско-курскую желѣзную дорогу. Подписка на облигаціи открыта была чрезъ посредство банкирскихъ домовъ «Н. М. Ротшильдъ и сыновья» въ Лондонѣ и «братьевъ Ротшильдъ» въ Парижѣ. По контракту, заключенному съ означенными банкирами, они обязались реализировать вышеуказанныя облигаціи по равной части въ Парижѣ и Лондонѣ, не ниже 76 проц. Реализація этихъ облигацій доставила въ Лондонѣ 37.233,847 руб. и въ Парижѣ 36.748,173 руб., а всего—73.982,021 руб.

Въ теченіе 1861 года, дано было семь концессій на постройку желѣзныхъ дорогъ, и для доставленія этимъ обществамъ капиталовъ, по указу отъ 17 февраля 1871 года, послѣдовалъ второй выпускъ консолидированныхъ облигацій на сумму 12 мил. ф. стерл. черезъ тѣхъ же банкировъ, что и первый выпускъ, и на тѣхъ же условіяхъ; только эмиссіонный курсъ равнялся не 76, а 79 руб. за 100. Такимъ образомъ, поступило по второму выпуску 9.480,000 ф. с. или 71.422,063 руб. Увеличившійся новыми желѣзнодорожными займами государственный долгъ косвенно налагалъ обязанность на государственное казначейство уплачивать проценты (гарантію) около

Digitized by Google

5 со ста. Въ докладѣ министра финансовъ 1870 г. было указано, что сумма процентовъ и погашенія по желѣзнодорожнымъ займамъ равнялась 29.653,430 руб., а въ 1871 г. эта сумма увеличилась еще на 4.370,000 руб., которая и внесена въ смѣту государственнаго кредита за этотъ годъ. Всего, слѣдовательно, правительство уплачивало 34 мил. гарантій по желѣзнодорожнымъ займамъ; капитальный же долгъ по нимъ равняется 669 мил., если принять среднюю гарантію въ $5^1/_2$ проц.

VIII.

Періодъ съ 1871—1876 годъ можно считать самымъ блестящимъ въ исторіи нашихъ финансовъ. Это блестящее положеніе уже отчасти подготовлялось прежнимъ пятилѣтіемъ, когда дефицитъ равнялся всего 45 милл. руб. Вообще можно сказать, что въ министерство М. Х. Рейтерна наши финансы достигли самаго цвѣтущаго состоянія. Вступивъ въ 1861 году въ должность министра финансовъ, М. Х. Рейтернъ вынужденъ былъ бороться съ финансовымъ наслѣдіемъ крымской кампаніи и той безалаберностью, какая царствовала во всемъ административномъ строѣ; онъ, правда, увеличилъ нашъ государственный долгъ, но зато, благодаря его мудрой финансовой политикѣ, Россіи удалось затратить 400 милл. р. на освобожденіе крестьянъ, 32 милл. на постройку желѣзныхъ дорогъ и, наконецъ, поднять курсъ кредитнаго рубля до 87 коп. (3 фр. 50 сант. или $33^1/_3$ пенса). Еще болѣе ярко выступятъ заслуги М. Х. Рейтерна для русскихъ финансовъ, если мы обратимъ вниманіе на излишки доходовъ надъ расходами въ теченіе 1871—1875 г.

Годы.	Доходы.	Расходы.	Излишекъ.	Дефицитъ.
1871 . . .	508.187,576	499.734,632	8.452,944	—
1872 . . .	523.057,196	522.427,475	629,721	—
1873 . . .	537.942,323	539.140,337	—	1.198,014
1874 . . .	557.733,591	543.317,034	14.416,557	—
1875 . . .	576.493,152	543.221,521	33.271.631	—

Такимъ образомъ, излишекъ доходовъ равнялся 56.770,853, но, за отчисленіемъ незначительнаго дефицита въ 1.198,014, получимъ чистаго остатка за пять лѣтъ 55.572,839, что представляло невѣроятное явленіе въ русскомъ бюджетѣ. Всѣ такъ привыкли къ нашему хроническому дефициту, что не вѣрили въ истинность этихъ цифръ; но все таки излишекъ этотъ есть фактъ, противъ котораго трудно спорить. Кромѣ того, должно отдать долгъ уваженія М. Х. Рейтерну за его старанія изгнать изъ нашей росписи чрезвычайные кредиты. До 1872 года средняя цифра этихъ кредитовъ равнялась 35 милл. руб.; между тѣмъ, въ 1873 году они равнялись 26 милл., въ 1874—23 милл., а въ 1875—только 16 милл. Онъ также примѣнилъ систему пятилѣтняго исчисленія военныхъ расходовъ, вслѣдствіе чего у него явился излишекъ въ 15 милл. рублей.

Digitized by Google

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ мѣропріятій, нашъ государственный кредитъ, можно сказать, процвѣталъ; наши 5-проц. облигаціи въ 100 руб. котировались на парижской биржѣ по 106 руб.

Спокойное и мирное теченіе нашей общественной и государственной жизни способствовало многимъ значительнымъ улучшеніямъ въ нашемъ внутреннемъ строѣ, и остатки стараго режима мало по малу исчезали подъ вліяніемъ благодѣтельныхъ реформъ. Всеобщая воинская повинность, пространственное расширеніе судебныхъ уставовъ 20 ноября, увеличеніе числа среднихъ и низшихъ школъ, реформа городскаго самоуправленія и многія другія мѣры способствовали мирному прогрессу и благосостоянію народа. Плоды развитія промышленности и торговли замѣтны по массѣ вновь возникшихъ кредитныхъ учрежденій и по расширенію операцій государственнаго банка. Въ 1876 году было уже 40 частныхъ банковъ съ 400 милл. руб. основнаго капитала и 16 земельныхъ банковъ съ 150 милл. капитала. Миръ внѣ и спокойное прогрессивное развитіе внутри государства дѣлали излишнимъ государственный кредитъ; только для цѣлей производительныхъ—для постройки многихъ сѣтей желѣзныхъ дорогъ—заключено было три займа. Улучшеніе нашего государственнаго кредита отразилось на первомъ изъ этихъ займовъ, такъ какъ онъ реализировался уже по 87,4 р. за сто. Въ теченіе 1872 года, было дано девять концессій на постройку желѣзныхъ дорогъ и, для воспособленія дѣлу постройки, указомъ отъ 27 марта 1872 г., былъ предписанъ третій выпускъ консолидированныхъ облигацій на сумму 15 милл. ф. стерл. По контракту, заключенному съ домами «Н. М. Ротшильдъ» въ Лондонѣ и «братья Ротшильдъ» въ Парижѣ, облигаціи эти должны были быть реализованы по 87 р. за сто, съ уплатою ихъ стоимости равными частями въ 10 сроковъ. Въ счетъ слѣдующихъ за поименованныя облигаціи 13.050,000 ф. стерл., въ 1872 году поступило по первымъ 8 срокамъ 10.440,000 ф. стерл., составлявшіе, по тогдашнему курсу, 77.600,697 р., а въ 1873 г. причитавшіеся платежи. по послѣднимъ двумъ срокамъ, составили 2.610,000 ф. стерл., или 19.348,262 руб.

Еще болѣе выгодно былъ реализованъ четвертый выпускъ облигацій на постройку другихъ двѣнадцати желѣзнодорожныхъ вѣтвей, проэктированныхъ въ 1873 г. По указу 14 ноября 1873 г., состоялся четвертый выпускъ облигацій въ 15 м. ф., который чрезъ тѣхъ же банкировъ, какъ и третій выпускъ, былъ реализованъ по 91 за сто, а отчасти посредствомъ подписки, открытой въ государственномъ банкѣ, по 93 за сто. По облигаціямъ этимъ поступило отъ банкировъ Ротшильдъ 10 проц. со всей причитавшейся отъ нихъ суммы, именно 5.607, 692 р., и въ государственномъ банкѣ срочныхъ и сверхсрочныхъ по подпискѣ платежей—14.591,669 р., а всего—20.199,361 р. Въ теченіе 1874 года, по тѣмъ же облигаціямъ поступили всѣ остальные, причитавшіеся по нимъ платежи, именно 78.913,632 р. Условія пятаго выпуска консолидированныхъ облигацій доказываютъ уже, что нашъ государственный кредитъ былъ очень проченъ. При желѣзнодорожномъ займѣ въ 15 милл. ф. стерл., заключенномъ по указу 9 марта

Digitized by Google

1875 года, финансовая администрація понизила проценты съ 5 на $4^1/_2$ и все таки ей удалось реализовать этотъ заемъ по 90 р. за сто. Попытка освободиться отъ иностранныхъ банкировъ не совсѣмъ удалась, такъ какъ, благодаря публичной подпискѣ, открытой въ государственномъ банкѣ, и устраненію Ротшильдовъ, пришло къ тому, что нѣкоторая часть этихъ облигацій осталась въ рукахъ правительства. Надо, впрочемъ, упомянуть и то обстоятельство, что натянутыя политическія отношенія между Франціей и Германіей и неизвѣстность роли, какую будетъ играть Россія въ могущей разразиться франко-германской войнѣ, воздерживали иностранныхъ капиталистовъ отъ покупки русскихъ процентныхъ бумагъ.

Наступившія въ 1876 году политическія событія стали все болѣе волновать нашу и заграничную публику. Предпринятая въ то время финансовой администраціей поддержка курсовъ при помощи высылки золота за границу принимала широкіе размѣры и всѣ стали опасаться за предпринятую операцію, такъ какъ тревожные слухи способствовали сильному востребованію золота. Почти одновременно съ этимъ, Порта отвергла берлинскій меморандумъ, въ которомъ Германія старалась привести къ какому нибудь компромиссу, и, наконецъ, консервативное англійское министерство, ставъ у кормила правленія, приняло самое враждебное положеніе противъ Россіи, такъ что операціи поддержки курса еще препятствовала сильно возросшая во то время спекуляція, которая способствовала распространенію самыхъ мрачныхъ воззрѣній на прочность русскаго государственнаго кредита. При крупныхъ затратахъ на желѣзныя дороги и при сильномъ обремененіи государства внѣшними долгами, при невыгодности нашего торговаго баланса за послѣдніе годы и, наконецъ, при неудовлетворительности нашей податной системы,—участіе Россіи въ восточной войнѣ привело насъ къ несостоятельности. Таково было общераспространенное воззрѣніе и того же мнѣнія держался самъ министръ финансовъ Рейтернъ, не смотря на успѣхи его финансовой дѣятельности за послѣднее пятилѣтіе. Свой взглядъ на гибельность предстоящей войны Рейтернъ высказалъ устно государю, а также въ меморіалѣ объ экономическомъ состояніи государства. По мнѣнію министра, новый экономическій бытъ Россіи еще недостаточно окрѣпъ, чтобы онъ могъ безнаказанно перенести такую пертурбацію, какъ громадная война; притомъ сильная задолженность Россіи требуетъ долгаго и мирнаго періода времени для уплаты процентовъ и погашенія; между тѣмъ война разоритъ множество еще неокрѣпшихъ хозяйствъ и заставитъ заключить займы на очень тяжелыхъ условіяхъ, не только для военныхъ дѣйствій, но и для уплаты процентовъ и погашенія. Вслѣдствіе войны, Россія не только сразу потеряетъ всѣ достигнутые ею результаты по введеннымъ, въ теченіе 20 лѣтъ, реформамъ, но ей необходимы будутъ еще 20 лѣтъ, чтобы прійти въ то положеніе, какое существуетъ въ 1876 году. Мы, пожинающіе плоды страшной разорительной войны, можемъ только преклониться предъ прозорливостью Рейтерна. Восточная война разразилась. Она обошлась

Digitized by Google

Россіи въ милліардъ долга. Для его покрытія, Россія обременила себя тремя новыми займами, выпускомъ на 400 милл. кредитныхъ билетовъ и массой билетовъ казначейства.

Еще до войны, наше финансовое положеніе стало ухудшаться, отчасти вслѣдствіе тревожныхъ слуховъ, отчасти вслѣдствіе чрезвычайныхъ кредитовъ, потребованныхъ на вооруженія. Первоначально, по росписи 1876 г., не только не ожидался дефицитъ но даже предвидѣлся излишекъ доходовъ надъ расходами въ 86,170 р. (при 570.052,138 р. расходовъ); вслѣдствіе же открытія въ теченіе года дополнительныхъ смѣтъ на сумму около 86.610,107 р., расходы должны были достигнуть 656.268,456 р.; но, при поступленіи доходовъ на 2 мил. больше, чѣмъ полагалось по росписи, весь дефицитъ 1876 года опредѣляется въ 64.843,480 руб., который и былъ покрытъ съ величайшимъ трудомъ посредствомъ выпуска 5-проц. банковыхъ билетовъ на 100 мил. руб. Въ указѣ отъ 6-го ноября 1876 г. было объявлено: «Для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ (по мобилизаціи арміи), возлагаемыхъ на государственное казначейство по случаю настоящихъ политическихъ обстоятельствъ, повелѣваемъ вамъ.... произвести новый выпускъ государственныхъ 5-проц. банковыхъ билетовъ по публичной подпискѣ на нарицательный капиталъ въ 100 мил. руб. на слѣдующихъ основаніяхъ: подписка открывается въ государственномъ банкѣ.... и въ нѣкоторыхъ конторахъ и отдѣленіяхъ.... Билетамъ присвоиваются всѣ права и преимущества, принадлежащія 5-проц. банковымъ билетамъ перваго выпуска, съ тѣмъ что погашеніе будетъ производиться въ теченіе 37 лѣтъ ежегодными тиражами на опредѣленныя суммы, безъ пріема отъ владѣльцевъ билетовъ заявленій о включеніи ихъ билетовъ въ ближайшій или же болѣе отдаленный тиражъ. Выпущенные билеты вносятся въ государственную долговую книгу, съ тѣмъ чтобы государственная комисія погашенія долговъ производила государственному банку ежегодно, до окончательного погашенія всей нарицательной суммы, платежи по 5-проц. интереса и 1 проц. погашенія въ годъ на нарицательный капиталъ. Не смотря на заявленія московской депутаціи и московской прессы, что народъ жаждетъ войны для освобожденія братьевъ-славянъ, публика наша отнеслась очень равнодушно и заемъ едва былъ покрытъ, причемъ эмисіонный курсъ равнялся 91,76 проц. Всего получено по этому займу 91.761,951 руб. и онъ былъ реализованъ только въ 1877 году. Этой суммы, конечно, было недостаточно, такъ какъ война, объявленная 12 апрѣля 1877 г., поглощала неимовѣрныя суммы. Сперва прибѣгли къ «сладкому яду русскихъ финансовъ», какъ выражался графъ Канкринъ, т. е. къ выпуску бумажныхъ денегъ на сумму около 300 мил. руб. Въ томъ же году выпущено серій на 36 мил. рублей и, наконецъ, приступлено къ заключенію внутренняго 5-проц. займа, подъ названіемъ «восточнаго займа 1877 года».

Указомъ отъ 17-го мая 1877 г., «для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ, возлагаемыхъ на государственное казначейство по случаю войны», повелѣно было министру финансовъ.... открыть 5-проц. внутренній заемъ въ 200 мил. руб. Облигаціи этого займа мини-

Digitized by Google

стру финансовъ предоставлено было обратить въ продажу порядкомъ, имъ установленнымъ, и на условіяхъ, имъ же утвержденныхъ. Облигаціи выпущены на предъявителя, цѣною въ 50,100 и 1,000 руб. Проценты по облигаціямъ въ 50 руб. уплачиваются одинъ разъ въ годъ—1 іюня, а по прочимъ дважды, т. е. еще 1 декабря. Погашеніе займа должно совершаться въ теченіе 49 лѣтъ, съ помощью особаго фонда въ ½ проц. съ нарицательной суммы и процентовъ на выплаченныя облигаціи; на средства этого фонда покупаются ежегодно облигаціи по биржевому курсу, если онъ не выше pari, а въ противномъ случаѣ по тиражу по нарицательной цѣнѣ. Заемъ этотъ былъ реализованъ по курсу 90 за 100; при единовременной же уплатѣ подписной цѣны безъ разсрочекъ—среднимъ числомъ по 88½ за 100. Громадныя затраты на войну поглощали массу денегъ и притомъ металломъ, такъ какъ наши войска находились внѣ предѣловъ Россіи; между тѣмъ курсъ нашего рубля постепенно падалъ и въ ноябрѣ 1877 года онъ равнялся 77,71 коп. металл. Къ этому еще прибавилось ухудшеніе нашего вексельнаго курса вслѣдствіе громадной закупки товаровъ нашими купцами за границей, вызванной распоряженіемъ правительства взимать таможенную пошлину звонкой монетой, причемъ она возвысилась на 33 проц.

IX.

Въ виду этихъ обстоятельствъ, финансовая администрація находилась въ крайне стѣсненномъ положеніи и прибѣгла къ разорительному внѣшнему займу, который былъ заключенъ тайно и только впослѣдствіи о немъ было объявлено въ указѣ отъ 26 мая 1877 г. Условія этого займа были такъ тяжелы, что финансовый комитетъ долго отказывался подписать договоръ, заключенный министромъ финансовъ съ банкирами Мендельсонъ и комп. въ товариществѣ съ Учетною конторою въ Парижѣ (Comptoir d'Escompte de Paris) и банкирами Липманъ, Розенталь и комп. въ Амстердамѣ. По этому договору, вышеозначенные банкиры дали русскому правительству 90 м. марокъ авансомъ, въ счетъ внѣшняго займа на сумму 307.500,000 герм. марокъ. Заемъ этотъ внесенъ въ государственную долговую книгу подъ названіемъ «пятипроцентнаго внѣшняго займа 1877 г.». Билеты комисіи погашенія долговъ выданы на предъявителя въ 410 марокъ=500 фр.=240 гульд.=20 ф. стерл. каждый. Проценты и билеты, вышедшіе въ тиражъ, уплачиваются у вышеупомянутыхъ банкировъ дважды въ году, 1 января и 1 іюля н. ст. На погашеніе, при помощи ежегодныхъ тиражей въ теченіе 37 лѣтъ, начиная съ 1 іюля 1878 г., назначенъ особый фондъ ежегодно въ 1 проц. съ нарицательнаго капитала, постепенно увеличиваемый процентами на билеты, вышедшіе въ тиражъ. За вычетомъ преміи и другихъ расходовъ, получено 74 проц. По займу этому поступило всего 228 ½ мил. марокъ, изъ которыхъ былъ покрытъ и авансъ въ 90 мил. марокъ.

Digitized by Google

Во время восточной войны, нашъ текучій долгъ обогатился выпускомъ краткосрочныхъ обязательствъ казначейства. Высочайшій указъ отъ 14 февраля 1878 г. опредѣляетъ цѣлью ихъ выпуска «временное подкрѣпленіе средствъ казначейства». Срокъ, на который они должны выпускаться, опредѣленъ отъ 3 до 12 мѣсяцевъ, а проценты сперва по 4 1/2, а потомъ по 4 со ста. Эти обязательства имѣютъ значеніе французскихъ bons du trésor и англійскихъ exchiquer bills, но разница между ними та, что наши краткосрочныя обязательства покрываются не доходами соотвѣтствующаго года, какъ напр., bons du trèsor, но новыми займами, т. е. косвенно консолидируются. Въ теченіе 1878 г. выпущено такихъ обязательствъ на сумму 150 мил. руб. въ три пріема, и затѣмъ 1 мая 1879 г. ихъ было выпущено для окончанія войны еще на 50 мил. руб. Этими краткосрочными обязательствами нельзя было покрыть всѣхъ расходовъ для окончанія военныхъ дѣйствій, въ особенности для оккупаціи турецкой территоріи и возвращенія въ 1879 г. войскъ,—расходовъ, потребовавшихъ около 510 мил. руб.; поэтому выпущены были, въ теченіе 1878 и 1879 годовъ, еще два новыхъ внутреннихъ займа, носящихъ названіе 2-го и 3-го восточнаго займа. Первый былъ заключенъ 11 августа 1878 г. на сумму въ 300 мил. руб. и былъ реализованъ по 93 за сто; второй—14 мая 1879 г. на ту же сумму и былъ реализованъ по 92 1/2 за сто руб. Условія выпуска и погашенія во всѣхъ трехъ займахъ одинаковы.

Подводя итоги расходовъ по восточной войнѣ, мы замѣчаемъ весьма отрадное явленіе въ нашихъ финансахъ, а именно прочность нашего государственнаго кредита и правильность его примѣненія. Періодъ съ 1876—1881 годъ, при отсутствіи какихъ бы то ни было чрезвычайныхъ расходовъ, вызванныхъ войной, долженъ былъ заключиться очень незначительнымъ дефицитомъ въ 31 мил. руб., который легко могъ бы быть покрытъ, такъ что всѣ займы, заключенные въ теченіе послѣдней войны, служили для чрезвычайныхъ потребностей. Далѣе мы замѣчаемъ еще то, что, не смотря на военное время и многія другія неблагопріятныя обстоятельства, болѣе чѣмъ 4/5 всѣхъ чрезвычайныхъ расходовъ удалось покрыть при помощи внутреннихъ займовъ. Нашъ внутренній государственный долгъ увеличился почти на 1 милліардъ, при сравнительно высокомъ эмисіонномъ курсѣ (выше 90 проц.), между тѣмъ въ шестидесятыхъ годахъ нашъ внутренній отвержденный долгъ не простирался выше 25 мил. и еще внутренній заемъ 1869 года былъ реализованъ только по 83 рублей. Считая расходы на войну около 1.116.248,102 рублей, изъ которыхъ 901.584,639 руб. были покрыты при помощи внутреннихъ займовъ, 106.408,573 р. при помощи внѣшнихъ, и 69.359,752 руб. были покрыты суммой, поступившей отъ консолидированныхъ желѣзнодорожныхъ облигацій 1880 г. [1]), — получимъ недостатокъ для чрезвычайныхъ расходовъ, всего въ 36.128,555 руб. Кромѣ

[1]) По указу 12 мая 1880 г., послѣдовалъ шестой выпускъ 4-проц. консолидированныхъ облигацій россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, на сумму 150 мил. руб. мет., считая за рубль 4 фр., или 3 марки и 25 пфениговъ

Digitized by Google

того, дефицитъ по обыкновеннымъ расходамъ равнялся 31 мил., такъ что всего пришлось покрыть при помощи бумажныхъ денегъ, за неимѣніемъ другаго источника, на сумму въ 68 мил. руб. Между тѣмъ, бумажныхъ денегъ было выпущено около 400.000,000 руб. Спрашивается теперь: зачѣмъ же было безъ нужды фабриковать бумажныя деньги?

Г. Кауфманъ объясняетъ эти выпуски троякой ролью, какую играли бумажныя деньги въ это время: во 1) онѣ служили для краткосрочнаго кредита, такъ какъ собрать свыше милліарда руб. путемъ консолидированныхъ займовъ съ тою же быстротою, съ какою подобныя суммы расходуются для современныхъ войнъ, невозможно. Нуженъ нѣкоторый срокъ, въ теченіе котораго временно долженъ помочь краткосрочный кредитъ, пока поступятъ суммы по займамъ; во 2) кредитные билеты расходовались на желѣзнодорожные расходы. Въ то время какъ желѣзнодорожный фондъ равнялся въ 1879 г. только 131.451,563 р., въ теченіе 1877—1880 г. издержано на желѣзнодорожные расходы 286.415,390 р., слѣдовательно, недоставшее покрывалось бумажными деньгами. Наконецъ, въ 3) кредитные билеты, въ размѣрѣ 177 мил., были употреблены на усиленіе средствъ казначейства безъ всякой надобности. Такимъ образомъ, изъ бумажно-денежнаго долга въ 400 мил. руб. только одна незначительная часть служила для покрытія военныхъ расходовъ; остатокъ же въ 340 мил., потраченныхъ на желѣзнодорожные расходы и усиленіе наличности казначейства, представляетъ изъ себя ничто иное, какъ злоупотребленіе бумажными деньгами. Указъ отъ 1 января 1881 г. объ изъятіи ежегодно на 50 мил. руб. кредитныхъ билетовъ при помощи займовъ имѣетъ, такимъ образомъ, задачею: консолидировать желѣзнодорожный долгъ и сдѣлать болѣе правильными операціи казначейства при помощи консолидаціи наличности, имѣющейся въ его кассахъ.

Въ концѣ семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годовъ, наша финансовая администрація была озабочена урегулированіемъ бумажно-денежнаго долга, такъ какъ шатаніе курса кредитнаго рубля приносило массу убытковъ, какъ казнѣ, переплачивающей по своимъ внѣшнимъ займамъ, такъ и частнымъ лицамъ, имѣющимъ связи за границей. Въ особенности страдалъ отъ этого нашъ хлѣбный рынокъ, такъ какъ берлинская биржа могла назначать какую угодно цѣну за нашъ хлѣбъ, понизивъ курсъ нашего рубля. Въ виду этого, вся дѣятельность финансовыхъ органовъ была направлена на одну точку—поправить курсъ кредитнаго рубля, а лучшимъ для того средствомъ полагали постепенное изъятіе бумажныхъ денегъ изъ обращенія, при помощи ихъ консолидаціи, т. е. выкупа посредствомъ займовъ. Указомъ отъ 1 января 1881 г. постановлено было, чтобы казначейство выплатило свой долгъ въ 400 мил. руб. (фиктивный, конечно) государственному банку въ теченіе восьми лѣтъ, по 50 мил. руб. ежегодно, а для этой цѣли необходимо было заключать новые займы. Именнымъ указомъ отъ 26 сентября 1881 г. постановлено произвести новый выпускъ государственныхъ 5-проц. банковыхъ билетовъ на нари-

Digitized by Google

пательный капиталъ въ 100 мил. руб. «для уплаты государственному банку, на основаніи высочайшаго указа 1 января 1881 г., 50 мил. руб. въ счетъ долга государственнаго казначейства по позаимствованіямъ, сдѣланнымъ изъ банка во время послѣдней войны и для подкрѣпленія государственнаго казначейства». Новый выпускъ билетовъ состоялся на тѣхъ же условіяхъ, какъ и выпускъ прежнихъ 5-проц. банковыхъ билетовъ. Заемъ этотъ былъ реализованъ по курсу 92½ проц., при единовременной уплатѣ по 90,92 проц. Остатокъ отъ этого займа служилъ къ покрытію дефицита, который равнялся 80.659,140 руб.; для этой же цѣли израсходованы: остатокъ отъ росписи 1880 г. въ 8.533,297 руб., остатокъ отъ ассигнованій на неисполненные расходы 1877—80 г. въ 35,404,947 рублей [1]).

Для покрытія втораго взноса казначейства государственному банку въ 50 мил. руб. былъ сдѣланъ выпускъ золотой ренты, и 11 ноября 1883 г. послѣдовалъ указъ на имя министра финансовъ слѣдующаго содержанія: «для уплаты причитающихся государственному банку, на основаніи высочайшаго указа 1 января 1881 г., 50 мил. руб. и для удовлетворенія расходовъ по желѣзнодорожнымъ сооруженіямъ, повелѣваемъ вамъ, согласно представленію вашему.... произвести выпускъ государственныхъ непрерывно-доходныхъ рентъ на нарицательный капиталъ въ 50 мил. рублей золотомъ, на слѣдующихъ основаніяхъ: ренты вносятся въ государственную долговую книгу подъ названіемъ *золотой ренты*. Онѣ выпускаются достоинствомъ въ 125, 500 и 1000 руб. и въ десятерныя суммы, т. е. въ 1250, 5000 и 10,000 руб. золотомъ, принимая 125 руб. метал. = 410 герм. маркамъ = 500 франковъ =240 голл. гульденамъ=20 ф. стерлинговъ. Онѣ освобождаются навсегда отъ уплаты по нимъ какой либо пошлины. Проценты, въ размѣрѣ 6% годовыхъ (!) уплачиваются пополугодно на сроки отъ 1/13 іюня и 1/13 декабря, начиная съ 1/13 іюня 1884 г.... Ренты обращаются въ продажу порядкомъ, вами установленнымъ, на условіяхъ, вами же утвержденныхъ. Правительство оставляетъ за собой право выкупа рентъ уплатою нарицательнаго капитала, но лишь по истеченіи 10 лѣтъ со времени выпуска. Реализація этого займа произведена была по курсу 98 проц. за сто и, въ виду выгодныхъ условій для подписчиковъ, увѣнчалась успѣхомъ. Не лишнимъ будетъ указать на то обстоятельство, что этотъ *золотой заемъ*, не смотря на то, что онъ былъ направленъ къ тому, чтобы улучшить курсъ нашего рубля, не привелъ ни къ какимъ результатамъ, такъ какъ курсъ нашего кредитнаго рубля продолжалъ падать. Въ октябрѣ 1883 года, до выпуска золотой ренты, средній курсъ кредитнаго рубля равнялся 195, 37 герм. маркамъ; въ ноябрѣ онъ уже равняется 195, а въ декабрѣ—194. То же самое замѣтно, если сравнить курсъ рубля въ сантимахъ. Въ октябрѣ онъ равнялся 243$^{27}/_{32}$, въ ноябрѣ и декабрѣ—242 сантимамъ [2]).

---

[1]) „Статистическій Временникъ", серія III, вып. 15, стр. 27.

[2]) „Ежегодникъ м-ства финансовъ" 1889 г., т. XV, стр. 349.

Digitized by Google

Эта новая 6-проц. золотая рента разсматривалась въ заграничной печати, какъ признакъ истощенія русскихъ финансовъ, какъ testimonium paupertatis, или—какъ выражались тогда—«als ein Zusammenbruch der inneren Machmittel Russlands». Въ томъ же 1883 году государственный долгъ увеличился на 10.724,988 руб. металлич., вслѣдствіе принятія на счетъ государственнаго казначейства долга по пятипроцентнымъ желѣзнодорожнымъ облигаціямъ, перешедшаго въ собственность казны, участка харьково-николаевской желѣзной дороги. Нѣсколько раньше, а именно 15 октября 1882 г., государственный долгъ увеличился еще на 7.494,500 руб. метал., вслѣдствіе распоряженія о пріемѣ въ казну тамбово-саратовской желѣзной дороги, и для погашеніи акцій этой дороги выпущены 4-проц. облигаціи на вышеуказанную сумму, которая была причислена къ общей массѣ долговъ государственнаго казначейства.

Такимъ образомъ, общій итогъ государственнаго долга, къ 1 января 1884 г., въ рубляхъ опредѣляется въ 4.319.371,130. Въ теченіе 1884 года, государственный долгъ увеличился тремя займами: 28 марта 1884 года повелѣно было заключить внѣшній заемъ на сумму 15 м. ф. ст. «въ видахъ возврата госуд. казначейству суммъ, затраченныхъ на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ».... Въ томъ же 1884 году, указомъ отъ 8 іюня, была выпущена 5 проц. непрерывно-доходная рента на 20 м. рубл. метал., въ виду того, что уплата госуд. банку 50. м, руб. наличными деньгами вызываетъ иногда необходимость «въ заключеніи займовъ въ неблагопріятное для сего время». Выпускъ такой ренты былъ разрѣшенъ министру финансовъ при ежегодномъ погашеніи слѣдуемыхъ банку 50 м. рубл. Этотъ высочайшій указъ (8 іюня) имѣетъ характеръ общаго законодательнаго постановленія о погашеніи кредитныхъ билетовъ и отмѣняетъ указъ 1 января 1881 г. Такимъ образомъ, въ теченіе 1884 года, государственный долгъ увеличился на 165.385,550 р., а погашено было за это время 89 м. Къ 1 января 1885 года общая сумма госуд. долга опредѣляется въ 4.395.965,410 руб., что̀ составляетъ увеличеніе противъ прошлаго года на 76½ м. руб. Слѣдующій затѣмъ годъ представляетъ уменьшеніе государственнаго долга на 50 м. р., но зато слѣдующіе годы, 1887 и 1888, изобилуютъ вновь заключенными займами. Такъ, 27 марта 1887 года былъ заключенъ внутренній заемъ въ 100 м. р.; 29 февраля 1888 года выпущены 4-проц. облигаціи обществъ желѣзныхъ дорогъ: курско-харьково-азовской, козлово-воронежско-ростовской, орловской, грязской и фастовской. Наконецъ, 8 ноября 1888 года, послѣдовалъ именной высочайшій указъ о выпускѣ 4-проц. золотаго займа 1889 г. въ 125 м. р. 1889 годъ также не обошелся безъ новыхъ займовъ, изъ которыхъ одинъ былъ выигрышный—въ 80 м. р. номинальныхъ для увеличенія ссудъ дворянскаго земельнаго банка, а остальные займы служили для конверсіи желѣзнодорожныхъ займовъ начала 70-хъ годовъ. Въ настоящее время, продолжается рядъ новыхъ займовъ для конвертированія нашихъ внѣшнихъ англо-голландскихъ займовъ; нельзя не видѣть въ этой мѣрѣ министерства финансовъ весьма благое

Digitized by Google

желаніе — уменьшить бремя по уплатѣ процентовъ и освободить нашъ кредитъ изъ кабалы голландскихъ банкировъ.

Таковъ, въ общихъ чертахъ, ходъ развитія нашего государственнаго кредита. Онъ представляетъ много поучительнаго и можетъ насъ предостеречь отъ многихъ заблужденій и шатаній, которыми изобилуетъ исторія нашей финансовой политики вообще и государственнаго кредита въ частности.

А. Залшупинъ.

Digitized by Google

ДАЛЬНІЙ КРАЙ.

(Неправильное рондо).

Есть край, потонувшій въ молчаніи строгомъ;
Тамъ свѣтъ—только отблескъ лучей ото льдовъ,
Тайга тамъ чернѣетъ средь моря снѣговъ,
Да тянутся ссыльные къ дальнимъ острогамъ;

Тамъ люди, какъ звѣри, живутъ по берлогамъ,
Тамъ мысль—только память минувшихъ годовъ,
Какъ свѣтъ—только отблескъ лучей ото льдовъ
Въ томъ краѣ, застывшемъ въ молчаніи строгомъ...

Онъ родиной былъ мнѣ; но бурнымъ тревогамъ
Рвался я служить у чужихъ береговъ...
Напрасно!—подъ крики бездарныхъ глупцовъ
Мнѣ грезится бѣлый, въ величьѣ убогомъ,
Мой край, потонувшій въ молчаніи строгомъ.

П. Рейтернъ.

Digitized by Google

ВЪ СТАРЫЕ ГОДЫ.

(Съ итальянскаго).

П. Лѣтнева.

Ее звали синьорой Габріэллой; она служила пугаломъ для дѣтей. Она была вся бѣлая, съ бѣлыми волосами и бровями, съ бѣлымъ пухомъ на подбородкѣ и верхней губѣ, съ лицомъ, изрѣзаннымъ глубокими морщинами. Маленькая, костлявая, съ трясущейся головой, она, опираясь на палку, обходила весь домъ. Все въ ней какъ будто умерло; жили только глаза, сверкавшіе изъ подъ бѣлыхъ рѣсницъ.

Она жила одна въ большомъ домѣ со сводами, одна въ сообществѣ двухъ старыхъ служанокъ. Домъ былъ мраченъ, какъ могила; на стѣнахъ, почернѣвшихъ отъ времени, сохранились слѣды старинной живописи. На немногихъ уцѣлѣвшихъ вещахъ изъ мебели тамъ и сямъ блистала позолота, а большія потускнѣвшія зеркала выступали какими-то сѣрыми призраками въ полумракѣ комнаты. Тотъ, кто посмотрѣлся бы въ нихъ, увидалъ бы свое собственное изображеніе постарѣвшимъ на цѣлое столѣтіе; такъ много эти зеркала, отражавшія въ себѣ когда-то столько блеска и веселья, придавали теперь мертвеннаго оттѣнка всякой юности и жизни. На стѣнахъ висѣло нѣсколько выцвѣтшихъ картинъ, фамильныхъ портретовъ, изображеній святыхъ и мадоннъ; кое-гдѣ на темномъ фонѣ выдѣлялись блѣдная голова, черный ротъ, худое колѣно, какъ будто стѣны служили выставкой разрушенныхъ человѣческихъ членовъ. Одни лица глядѣли сурово, другія кротко; нѣкоторыя улыбались; кое-гдѣ

Digitized by Google

руки и плечи выступали, какъ живыя, изъ черной рамы. Въ нѣкоторыхъ комнатахъ находились остовы старинныхъ кроватей подъ балдахинами. Нѣсколько старыхъ ружей съ кожаными пороховницами и длинныхъ кинжаловъ въ серебряныхъ ножнахъ висѣли на стѣнахъ. Возлѣ одной изъ кроватей стоялъ разстроенный органъ и нѣсколько креселъ съ прорваннымъ сидѣньемъ,—такія же мертвые, какъ тѣ, которые нѣкогда въ нихъ отдыхали.

Старушка сидѣла обыкновенно въ кухнѣ, у очага, закоптѣвшаго отъ дыма, возлѣ окна, откуда виднѣлись снѣжныя вершины горъ. На потолкѣ ласточки свили гнѣзда, и цѣлый день весело щебетали. Кромѣ нихъ, въ комнатѣ не было другаго живаго существа, за исключеніемъ огня, трещавшаго въ печи, у котораго старушка, сидя на скамейкѣ, грѣла дрожащія руки. На огнѣ кипѣлъ котелъ съ похлебкой для обѣда или для ужина; одна служанка мѣшала въ немъ ложкой, другая, сидя на корточкахъ, раздувала огонь. Синьора полудремала, дрожа отъ холода, и, по временамъ просыпаясь, хриплымъ голосомъ спрашивала воды, или, послѣ долгихъ часовъ молчанія, произносила со стономъ: „Я озябла, Франческа; я озябла, Джіованина“.

Затѣмъ, какъ бы что-то вспомнивъ, она приподнималась, искала свой костыль, упавшій на полъ, и, опираясь одной рукой о стѣну, другой держась за палку, влачилась по холоднымъ комнатамъ, то останавливаясь передъ картиной или мебелью, то падая отъ изнеможенія на старый порыжѣвшій диванъ. Придя въ свою комнату, она дрожащими руками открывала шкафъ и останавливалась въ нѣмомъ созерцаніи передъ старымъ шолковымъ платьемъ, вышитымъ золотомъ и серебромъ и убраннымъ бахромой и кружевами. Въ этомъ шкафу хранились всѣ воспоминанія ея юности; она рылась со старческой снисходительностью въ этомъ ворохѣ лентъ, перьевъ и кружевъ, какъ бы испарявшихъ изъ себя горячее дыханіе жизни, для того чтобъ согрѣть ея бѣдные окоченѣвшіе члены.

У изголовья ея кровати висѣло распятіе, а подъ распятіемъ портретъ мужчины, образъ котораго, можетъ быть, возставалъ въ ея памяти, прекрасный, сильный и юный,—такой, какимъ она видѣла его въ былыя времена, когда впервые го-

Digitized by Google

рячій поцѣлуй любви коснулся ея свѣжихъ, дѣвственныхъ губъ.

Прошло двадцать пять лѣтъ послѣ ея смерти, а я вижу ее, какъ живую,—эту бѣлую, безмолвную старческую фигуру. Въ окрестности ее называли синьорой Габріэллой, и мы, дѣти, чувствовали къ ней какой-то безотчетный страхъ. Разсказывали, что въ былыя времена,—когда шайки бандитовъ грабили города и деревни, а французскіе солдаты разоряли все на своемъ пути, одни во имя разбоя, другіе во имя свободы и братства, когда кровь лилась потоками, а въ горахъ и долинахъ раздавалась непрерывная пушечная и ружейная пальба,—разсказывали, что въ тѣ времена синьора Габріэлла, послѣдній отпрыскъ знаменитой фамиліи Гиларди, бѣжала изъ родительскаго дома съ какимъ-то бандитомъ, незаконнорожденнымъ сыномъ одного знатнаго вельможи, которому и принадлежалъ домъ, гдѣ она теперь жила. Два года скрывалась она съ нимъ въ горахъ; затѣмъ мужъ ея былъ убитъ; она отомстила за него, поразивъ его убійцу, и была посажена въ тюрьму.

У меня особенно запечатлѣлся въ памяти ея образъ такимъ, какъ я видѣлъ его въ послѣдній разъ. Праздновали свадьбу моего дяди и мы, дѣти, бѣгали по комнатамъ, радуясь предстоящему роскошному угощенію, какъ вдругъ двери распахнулись на обѣ половины и появилась старуха въ сопровожденіи двухъ служанокъ. При ея появленіи, дѣти разбѣжались съ крикомъ: „Маска! маска!“ Болѣе любопытный, чѣмъ другіе, я остался. Помню до сихъ поръ брошенный ею на меня взглядъ гнѣва и презрѣнія, заставившій меня задрожать съ головы до ногъ. Она была одѣта чрезвычайно странно, въ шолковое платье такого покроя, какого я никогда не видалъ ни у моей матери, ни у другихъ синьоръ; юбка падала длинными, плоскими складками вдоль тѣла; корсажъ съ вырѣзомъ открывалъ ея сухую, костлявую, морщинистую грудь. Руки или, скорѣе, двѣ сухія костяжки, обтянутыя жосткой, шероховатой кожей, были тоже обнажены. На бѣлыхъ волосахъ надѣтъ вѣнокъ изъ увядшихъ цвѣтовъ и полинявшихъ перьевъ и лентъ. Это было настоящее появленіе выходца съ того свѣта, оставившее во мнѣ впечатлѣніе невыразимаго

Digitized by Google

ужаса. Выслушайте меня, и я разскажу вамъ правдивую исторію синьоры Габріэллы.

Въ концѣ прошлаго столѣтія, двѣ семьи горцевъ, Альдини и Гиларди, продолжали вести между собою непримиримую вражду, длившуюся уже болѣе шестисотъ лѣтъ. При встрѣчахъ, всегда происходила кровавая стычка, и враги обыкновенно обмѣнивались ударами ножа или выстрѣлами изъ карабина. Причина вражды неизвѣстна, но въ шестьсотъ лѣтъ съ той и другой стороны насчитывалось немало убитыхъ. Въ послѣднее время ненависть еще болѣе усилилась, и не проходило года, чтобъ въ той или другой семьѣ не оплакивали раненаго или убитаго.

Старики Гиларди умерли, оставивъ на попеченіе трехъ взрослыхъ сыновей сестру, которую они стерегли съ бѣшеной ревностью, отличающей калабрійцевъ, и неохотно позволяли ей ходить по воскресеньямъ въ церковь Санъ-Франческо. Молодая дѣвушка жила совершенно одинокой въ сообществѣ трехъ братьевъ, у которыхъ любимой темой разговоровъ была ихъ семейная вражда, и одинъ изъ нихъ, умирая, признался, что убилъ тридцать человѣкъ враговъ въ теченіе жизни.

Дѣвушка выросла красавицей; соприкосновеніе съ грубой натурой ея братьевъ сообщило ея взгляду и движеніямъ что-то мужественное, придававшее странную прелесть ея цвѣтущей красотѣ. Не избалованная ласками матери, вдали отъ общества подругъ своихъ лѣтъ, она жила, совсѣмъ не зная жизни, вся пропитанная чувствомъ вѣковой вражды, принимавшей въ ея юной фантазіи самые грандіозные размѣры.

Какъ-то, отправляясь къ обѣднѣ въ сопровожденіи старой служанки и двухъ сторожей, она встрѣтилась съ однимъ изъ Альдини, самымъ младшимъ и неустрашимымъ. Доминикъ Альдини остановилъ лошадь и долго слѣдилъ съ восхищеніемъ за красавицей, которая, узнавъ, кто онъ, бросила на него взглядъ высокомѣрнаго презрѣнія и вызова, на что онъ отвѣчалъ насмѣшливой улыбкой. „Клянусь мадонной, что за лакомый кусочекъ!—подумалъ онъ:—Посмотримъ, такая же ли она свирѣпая, какъ братья, и постараемся приручить эту красивую волчицу!“

И въ умѣ его внезапно зародился смѣлый планъ; смѣясь,

Digitized by Google

потиралъ онъ руки, поздравляя себя со счастливой идеей и заранѣе предвкушая радость успѣха: онъ хотѣлъ разомъ завладѣть прекрасной дикаркой и нанести смертельный ударъ семьѣ Гиларди. Планъ его состоялъ въ томъ, чтобъ въ одинъ воскресный день похитить Габріэллу и увезти ее къ себѣ въ горы.

Большая толпа крестьянъ ожидала у церкви Санъ-Франческо, пока начнется обѣдня, и подозрительно поглядывала на трехъ вооруженныхъ человѣкъ, стоявшихъ поодаль, повидимому, ожидая кого-то.

— Это люди изъ Пиньяно,—сказалъ одинъ крестьянинъ:— а вотъ этотъ въ плащѣ, съ черной бородой, это донъ Доминикъ Альдини.

— Бѣда будетъ, какъ они встрѣтятся съ Гиларди.

— Этого бояться нечего: я сейчасъ встрѣтилъ Гиларди; они ѣхали въ Козенцу.

— Такъ вотъ отчего эти Альдини такъ спокойно расположились тутъ... Впрочемъ, за отсутствіемъ Гиларди, здѣсь Піетро Матчини. Вотъ онъ сидитъ у подножія креста на площади.

Піетро Матчини, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати пяти, былъ незаконнорожденный сынъ одного итальянскаго синьора, который, умирая, оставилъ ему домъ и ферму на горѣ. Уважаемый за свою львиную храбрость, не зная себѣ равнаго въ рукопашномъ бою и въ стрѣльбѣ изъ карабина, онъ былъ также и любимъ за то, что дѣлалъ много добра. Но, какъ незаконнорожденнаго, окрестные синьоры хотя и приглашали его участвовать съ ними въ охотѣ, но ни за что въ мірѣ не приняли бы его въ свои дома, а еще менѣе захотѣли бы породниться съ нимъ. Гордый и равнодушный, онъ скоро свыкся со своимъ положеніемъ, не возмущаясь противъ предразсудка, отдалявшаго его отъ общества, хотя въ жилахъ его текла такая же благородная кровь, какъ и у тѣхъ, которые отлучали его отъ себя.

Вотъ почему молодость его протекала печально и одиноко, въ заботахъ о фермѣ и въ охотничьихъ похожденіяхъ. Онъ былъ другъ Гиларди и отъявленный врагъ Альдини. У нихъ вышла ссора изъ-за пользованія водопроводомъ на границѣ

Digitized by Google

ихъ общихъ владѣній. Альдини хотѣли взять силою; Матчини опирался на свое право; однажды, потерявъ терпѣніе, онъ приказалъ отвести воду къ себѣ изъ владѣній Альдини,— страшное оскорбленіе для этой семьи, привыкшей ко всеобщему почету. И кто же осмѣлился возстать противъ нихъ? незаконнорожденный плебей, жалкій парія, изгнанный изъ общества! На ихъ угрозы Матчини отвѣчалъ, что у него есть порохъ и пули, и что онъ готовъ дать имъ удовлетвореніе когда угодно.

Въ такомъ положеніи находились дѣла въ этотъ воскресный день. Піетро Матчини сидѣлъ на ступеняхъ креста, возвышавшагося на площади, въ ожиданіи, когда начнется обѣдня. Раздались первые удары колокола, и на тропинкѣ появилась Габріэлла съ своей свитой. Она шла скоро, боясь опоздать; закутанная въ длинное черное покрывало, вырисовывалась стройная и горделивая фигура дѣвушки, съ безмятежно яснымъ выраженіемъ на прелестномъ лицѣ.

Толпа двинулась къ церкви. Когда Габріэлла проходила мимо Піетро Матчини, онъ всталъ и поклонился съ нѣкоторымъ смущеніемъ; она сильно покраснѣла и слегка наклонила голову. Но лишь только она ступила на порогъ, какъ подошелъ Доминикъ Альдини и повелительно сказалъ ей:—Ни съ мѣста! Слѣдуй за мной!

Пораженная въ первую минуту, она тотчасъ оправилась и, бросивъ на него взглядъ гордаго презрѣнія и отваги, не отвѣчая, хотѣла пройти въ церковь. Доминикъ Альдини схватилъ ее за руку, пока двое его спутниковъ завладѣвали ея прислугой.

— Посмѣй только коснуться меня!—вскричала дѣвушка, отступая со сверкающимъ взглядомъ.

— Ну, ну! безъ отговорокъ, идемъ!

— Ахъ, каналья!—вскричалъ Матчини, кидаясь на Доминика,—ахъ, собака!

И онъ толкнулъ его сзади такъ сильно, что сшибъ съ ногъ. Между тѣмъ служанки Габріэллы съ крикомъ искали защиты въ толпѣ. Молодая дѣвушка, неподвижно стоя поодаль, невозмутимо глядѣла на борьбу. Піетро давилъ колѣномъ своего поверженнаго на землю противника, и въ то же время вынималъ изъ ноженъ кинжалъ. Служители Альдини

Digitized by Google

обнажили длинные, острые калабрійскіе ножи и бросились на Піетро, но тотъ, ударомъ ноги, которымъ могъ бы прошибить стѣну, отшвырнулъ ихъ далеко отъ себя. Они приподнялись разъяренные, намѣреваясь снова броситься на него, но тутъ прибѣжало нѣсколько человѣкъ крестьянъ и, боясь мщенія Гиларди, если не подадутъ имъ помощи, бросились на двухъ служителей и обезоружили ихъ. Доминикъ Альдини рычалъ отъ ярости, задыхаясь подъ давленіемъ своего врага, и напрасно стараясь освободиться.

— Ахъ, негодяй! ахъ, подлецъ!—говорилъ Піетро, наклоняясь надъ нимъ:—Ну-ка, попробуй, встань, если можешь!

Габріэлла безстрастно глядѣла на эту сцену; ничто, казалось, не могло возмутить ея природнаго спокойствія: ни нанесенное ей оскорбленіе, ни опасность, которой она только что подвергалась.

— Подойдите,—сказалъ ей Піетро:—подойдите, синьора Габріэлла, и дайте пощечину этому подлецу, оскорбляющему женщинъ.

Она подошла безстрастная и горделивая и, наклонившись, ударила нѣсколько разъ въ лицо своего безсильнаго врага, блѣднаго отъ гнѣва и стыда. Затѣмъ, бросивъ долгій, глубокій взглядъ на своего защитника, она сказала своимъ прислужницамъ:—Войдемте въ церковь; надѣюсь, что обѣдня еще не кончилась.

И она прошла посреди почтительно разступившейся толпы, пораженной ея спокойной, холодной невозмутимостью.

— Вотъ это чистокровная Гиларди!—толковали крестьяне.

Между тѣмъ Піетро, обезоруживъ Альдини, выпустилъ его и, показывая ему заряженный карабинъ, сказалъ:—Ну, теперь убирайся! И, когда захочешь, приходи на гору.

— Хорошо, хорошо! увидимся!—пробормоталъ Доминикъ,—увидимся, незаконнорожденная собака, и тогда посмотримъ, на чьей улицѣ будетъ праздникъ. И съ ней... и съ ней тоже увидимся въ свое время.

И онъ скрылся въ ущельѣ горъ съ своими спутниками. Толпа окружила Піетро, поздравляя его: онъ, блѣдный, стоялъ съ поникшей головой; слово: „незаконнорожденный“ поразило его больнѣе всякаго кинжала. Затѣмъ болѣе свѣтлое воспоминаніе осѣнило его; предъ нимъ мелькнулъ глубоко про-

Digitized by Google

ннкающій въ душу взглядъ Габріэллы: въ этомъ взглядѣ выражалась признательность, а, можетъ быть, и нѣчто болѣе.

Піетро Матчини давно уже былъ влюбленъ въ Габріэллу Гиларди. То была любовь безмолвная и глубокая, свойственная натурамъ дикимъ и сердцамъ одинокимъ. Лишенный материнскихъ ласкъ, онъ весь сосредоточился въ одномъ этомъ чувствѣ. Какое-то неодолимое очарованіе влекло его къ этой прекрасной, гордой дѣвушкѣ, которую онъ видалъ то въ церкви, то у окна ея дома, задумчиво глядѣвшую вдаль на горы. Разъ даже она встрѣтилась ему у мельницы, когда онъ возвращался съ охоты. Съ тѣхъ поръ онъ не могъ изгнать ея образа изъ своего сердца; онъ сталъ ходить въ церковь по воскресеньямъ, чтобъ только ее видѣть, и обыкновевно садился у подножія креста, ожидая ея появленія. Такимъ образомъ, онъ видѣлъ ее часто, подолгу любуясь ею, когда она молилась предъ алтаремъ, вся закутанная въ черное покрывало; но никто не подозрѣвалъ его чувствъ,—а всѣхъ менѣе ревниво охранявшіе ее Гиларди. Да и кому могло прійти въ умъ, чтобъ Піетро Матчини, жалкій парія, могъ полюбить дѣвушку изъ рода Гиларди?

Между тѣмъ какъ въ сердцѣ Піетро все сильнѣе разгоралась любовь, въ Габріэллѣ тоже пробуждалось какое-то смутное чувство любопытства: узнать, чего хотѣлъ отъ нея прекрасный юноша, не спускавшій съ нея глазъ въ церкви? Ей, несвѣдущей въ сердечныхъ тайнахъ, вслѣдствіе одинокой монастырской жизни, ей подсказала могучая молодость, что, кромѣ братской, существуетъ еще другая любовь, сладкая и глубокая, сулящая радости и блаженство, готовая на всякія жертвы. И такою любовью полюбила она незнакомца,—человѣка до сихъ поръ совершенно для нее чуждаго,—и она чувствовала, что придетъ день, когда она отдастся ему вся, всѣмъ своимъ юнымъ дѣвственнымъ тѣломъ и душой. Она никогда не мечтала ни о комъ прекраснѣе, великодушнѣе, благороднѣе этого юноши, смотрѣвшаго на нее такъ нѣжно, когда она молилась передъ алтаремъ, закутанная въ свое дѣвственное покрывало.

Digitized by Google

Гиларди, узнавъ по возвращенiи изъ Козенцы объ оскорбленiи, нанесенномъ ихъ сестрѣ, воспылали негодованiемъ и поклялись смыть кровью обиду. Габрiэлла вернулась домой, взволнованная и задумчивая, не столько отъ устраненной опасности, сколько отъ того, что̀ ей открыло сердце. Едва придя въ свою комнату, она сказала самой себѣ со внезапнымъ порывомъ сильной натуры: — Я болѣе не Габрiэлла Гиларди; отнынѣ я—Габрiэлла Матчини!

Такъ прошли два мѣсяца, и въ это время обоюдная любовь ихъ, невѣдомая никому, разгоралась все сильнѣе и сильнѣе. Гиларди принуждены были отказаться отъ своихъ кровавыхъ проэктовъ мщенiя и запереться въ своемъ домѣ, потому что Альдини, какъ партизаны французовъ, сдѣлались могущественны въ странѣ, а Гиларди, оставшiеся вѣрными Бурбонамъ, находились въ подозрѣнiи у либеральной партiи. Пiетро Матчини едва не погибъ, потому что разъ въ горахъ онъ выстрѣлилъ во французскихъ солдатъ, хотѣвшихъ обезоружить его, не понимая, какой позоръ для калабрiйца—позволить себя обезоружить всенародно. Это было большое несчастiе, потому что одинъ изъ солдатъ, задѣтый пулей, упалъ въ пропасть, другой, раненый, перенесенъ въ Козенцу. Пiетро Матчини былъ зачисленъ въ списокъ бандитовъ. Альдини воспользовались случаемъ раздуть огонь и внести въ списокъ подозрительныхъ также и Гиларди, которые хотя и жили въ безопасности, но изъ благоразумiя не выходили никуда изъ дому. Пiетро Матчини долго скрывался отъ преслѣдованiя въ горахъ; но, наконецъ, въ одинъ день рѣшился появиться въ деревнѣ. Тамъ онъ встрѣтился съ однимъ изъ Гиларди, и тотъ, изъ благодарности и чтобъ еще болѣе скрѣпить ихъ дружбу, основанную на общей ненависти въ Альдини, пригласилъ его къ себѣ ужинать въ этотъ вечеръ,—большая честь для незаконнорожденнаго Пiетро.

Во время ужина, Габрiэлла, по калабрiйскому обычаю, находилась въ комнатѣ, сосѣднейсъ той, гдѣ ужинали. До нея долеталъ по временамъ голосъ Пiетро, повидимому, внимательно слушавшаго усердно угощавшихъ его хозяевъ, что̀ не мѣшало ему украдкой взглядывать въ полурастворенную дверь, чтобъ уловить хоть тѣнь той, которую такъ страстно любилъ. Развеселившiеся собесѣдники просидѣли до поздней ночи за ста-

Digitized by Google

канами вина, толкуя о политикѣ. Наконецъ Піетро заявилъ, что ему пора вернуться въ горы и распрощался съ Гиларди. Но, спустившись съ лѣстницы, онъ увидѣлъ неподвижную и безмолвную Габріэллу.

— Покойной ночи,—пробормоталъ онъ, снимая шляпу.

— Войдите,—сказала дѣвушка, указывая ему на сосѣднюю комнату и отстраняясь, чтобъ дать ему пройти.

Онъ подумалъ, что дурно разслышалъ: такъ показалось ему странно приглашеніе; впрочемъ, всѣ силы его души сосредоточились во взглядѣ, устремленномъ на красавицу.

— Войдите,—повторила она.

Онъ безмолвно послѣдовалъ за нею въ комнату, служившую когда-то чердакомъ; фонарь, поставленный въ углу, тускло освѣщалъ голыя стѣны съ отпавшей штукатуркой. Голова ея оставалась въ тѣни: только большіе черные глаза такъ и сіяли во мракѣ. Она вся трепетала отъ цѣломудренной стыдливости и отъ чувства близости любимаго человѣка.

— Что угодно?—пробормоталъ онъ со шляпой въ рукахъ, невольно лаская своимъ восхищеннымъ взглядомъ роскошныя формы молодой дѣвушки.

— Я еще не поблагодарила васъ за то, что вы для меня сдѣлали,—тихо начала она:—я нахожусь подъ такой строгой охраной, что мнѣ это не легко... Вотъ что я хотѣла вамъ сказать.

— Что же такое я для васъ сдѣлалъ? — возразилъ онъ, взволнованный до того, что дрожалъ, какъ ребенокъ.—Знайте, что оскорбленіе, нанесенное вамъ, для меня въ тысячу разъ больнѣе нанесеннаго мнѣ лично. И я благословляю жестокую выходку вашего врага, потому что ей я обязанъ вашей благодарностью.

— Уходите,—сказала она:—уходите!

Онъ стоялъ, не двигаясь, съ поникшей головой, и тысячи разнородныхъ ощущеній кружились вихремъ въ его головѣ. Затѣмъ, вдругъ подойдя къ ней, онъ взялъ ее за руку и, наклонившись такъ, что своимъ дыханіемъ касался ея лица, прошепталъ:—Потому что, видите ли, я люблю васъ, вотъ уже два года, какъ люблю.

— Уходите,—сказала она, вся взволнованная, стараясь отнять руку и отвертываясь отъ его жгучаго взгляда.

Digitized by Google

Но онъ тихо привлекъ ее къ себѣ и, обнявъ одной рукой, продолжалъ:—Послушайте... мы, можетъ быть, болѣе никогда не увидимся... Я знаю, что не долженъ говорить такъ съ вами... ваши братья жестоко отмстили бы мнѣ за такое оскорбленіе... А вы? вы также оскорблены?.. Скажите... неужели вы чувствуете ко мнѣ только одну благодарность? Развѣ вы не видите, какъ я страдаю? развѣ не видите, что я умираю отъ любви къ вамъ?

— Я васъ люблю,—отвѣчала она, устремивъ свои прекрасные глаза на юношу.

Они стояли рука съ рукой, не отрывая глазъ другъ отъ друга. Ласка, упоеніе страсти, клятвы и обѣщанія, полное принесеніе всего существа, вся жизнь, слитая отнынѣ въ одно желаніе, одну цѣль, одно будущее,—все это читалось въ ихъ взглядахъ.

— Подумай, что̀ такое я и что̀ ты,—печально сказалъ онъ, впервые прерывая сладкое молчаніе.

— Я люблю тебя,—отвѣчала она съ яснымъ, безмятежнымъ спокойствіемъ.

— Такъ ты моя на жизнь и на смерть? навсегда?

— Навсегда.

Онъ чуть не задохнулся отъ радости; ему не вѣрилось, чтобъ онъ, отверженный обществомъ парія, бандитъ, незаконнорожденный, былъ любимъ ею.

— Когда жъ мы увидимся?—спросилъ онъ.

— Въ огородѣ есть дубъ съ дупломъ; въ это дупло я буду опускать мои письма, а ты свои. Ну, теперь ступай.

Со внезапнымъ порывомъ онъ прижалъ ея прекрасную голову къ своей груди и поцѣловалъ въ лобъ. Дѣвушка отступила, вся дрожа.—Прощай,—прошептала она.

Онъ вышелъ, шатаясь, съ трудомъ сдерживая біеніе своего сердца. Самый мракъ ночи казался ему свѣтлымъ и сіяющимъ, старые каштаны, мимо которыхъ онъ шелъ по тропинкѣ въ горы, нашептывали ему слова любви, и образъ красавицы носился передъ нимъ, лучезарный и улыбающійся. „Альдини ищутъ моей смерти,—думалъ онъ.—Французы оцѣнили мою голову; Гиларди, мои друзья, когда узнаютъ то, что̀ случилось сегодня, затравятъ меня, какъ дикаго звѣря... И,

Digitized by Google

пожавъ плечами, прибавилъ: — Что мнѣ за дѣло до всего этого, когда она меня любитъ!

Между тѣмъ борьба съ французами разгоралась все сильнѣе; Гиларди рѣшились эмигрировать въ Сицилію, и Габріэллѣ приказано было готовиться къ путешествію. Но въ день отъѣзда служанка, плача и стоная, пришла сказать братьямъ Гиларди, что она нашла пустою комнату своей госпожи. Начались поиски, но все было напрасно. Габріэлла убѣжала съ Піетро Матчини.

На склонѣ горы, близь каштановой рощи, возвышалась старинная башня, составлявшая часть владѣній Піетро. Сюда онъ удалился на житье съ Габріэллой, тайно повѣнчавшись съ ней. Они жили вдали отъ свѣта, забытые всѣми, вполнѣ предаваясь своей любви. Она, не знавшая ни ласкъ матери, ни сладости домашнихъ привязанностей, нашла въ любви этого человѣка всѣ радости, которыхъ лишена была до сихъ поръ. Нѣсколько вѣрныхъ служителей раздѣляли съ ними ихъ убѣжище. Піетро занимался обработываніемъ земли, собираніемъ жатвы и продажей собранныхъ продуктовъ. Сосѣдніе крестьяне любили его и ни за что въ мірѣ не выдали бы, помня его благодѣянія, а также изъ страха, зная, какъ быстро мстилъ онъ за обиду. Такъ прожили они два года, не потревоженные никѣмъ. Въ одинъ вечеръ, Піетро сидѣлъ у очага, а Габріэлла варила похлебку къ ужину, когда раздался стукъ въ дверь. Онъ тотчасъ же вскочилъ и бросился къ ружью, висѣвшему у него подъ рукой.

— Кто бы это могъ быть?—спросили они съ удивленіемъ другъ у друга.

Въ это время вошелъ одинъ изъ служителей, молодой крестьянинъ.

— Ну, что тамъ такое?—спросилъ Піетро.

— Это вѣрно солдаты. Я видѣлъ изъ слуховаго окна, какъ сверкали ихъ штыки.

— Меня предупреждали быть осторожнѣе,—пробормоталъ Піетро,—но какой же измѣнникъ проводилъ ихъ сюда?

И онъ съ проклятіемъ оглянулся вокругъ, еще не зная, на что рѣшиться. Габріэлла посмотрѣла на него, что-то обду-

Digitized by Google

мывая. Крестьянинъ весь дрожалъ при каждомъ ударѣ, потрясавшемъ дверь.

— Что же, отворять что ль?—спросилъ онъ.

Піетро не отвѣчалъ. Габріэлла, блѣдная, но рѣшительная, подошла къ мужу и тихо сказала:—Піетро, это солдаты; лучше бѣжать.

— Бѣжать? куда? Съ тобой невозможно, безъ тебя—ни за что на свѣтѣ.

— Бѣги одинъ къ твоимъ друзьямъ; они нѣсколько разъ приглашали тебя соединиться съ ними. Солдаты арестуютъ меня, но до разсвѣта они никуда не уйдутъ, а ты между тѣмъ успѣешь устроить на нихъ облаву и освободить меня. Запомни: начинай нападать, когда услышишь свистъ, а я успѣю убѣжать при первыхъ выстрѣлахъ.

Онъ посмотрѣлъ на нее въ нерѣшимости, удивляясь ея мужеству и присутствію духа.

— Поди, спроси, чего нужно,—сказала Габріэлла крестьянину,—и потомъ отвори.

Подведя мужа къ окну, она прошептала:—Тутъ не высоко, и никто не увидитъ, какъ я спущу тебѣ лѣстницу, а тамъ ты скроешься въ лѣсу... Такъ до завтра!

— Ахъ,—вскричалъ онъ со слезами на глазахъ.—Простишь ли ты мнѣ все, что должна вытерпѣть изъ-за меня?

— Ты долженъ простить меня, потому что я погубила тебя. Думай только о томъ, чтобъ спастись самому и спасти меня завтра.

И она бросилась ему на шею, поцѣловала въ лобъ, глаза и губы, и, удостовѣрившись, что онъ началъ спускаться съ лѣстницы, взяла свѣчу и, подойдя къ двери, за которою слышались яростные голоса, съ твердостью сказала:—Отвори, Джіованни.

Молодой крестьянинъ, дрожа, отворилъ дверь; въ темнотѣ ворвался отрядъ людей, и одинъ изъ нихъ сказалъ:—Горе вамъ, если вы насъ обманываете.

— Здѣсь нѣтъ никого, кромѣ женщины. Войдите, у насъ никто не спрятанъ.

Два солдата стали у дверей; другіе вошли въ комнату, разувѣренные въ своихъ подозрѣніяхъ спокойнымъ видомъ молодой женщины, ожидавшей ихъ у порога.

Digitized by Google

— Мы ищемъ Піетро Матчини, чтобъ арестовать его.

— Здѣсь нѣтъ никого. Ищите по всему дому, если хотите.

Въ эту минуту послышалось паденіе тѣла, и въ то же время крикъ и ружейный выстрѣлъ.

— Измѣна!—закричали солдаты и бросились съ лѣстницы, между тѣмъ какъ двое стражей овладѣли жинщиной. Она вздрогнула и старалась освободиться. „Пустите меня, пустите!“ молила она тревожно.

— Освободите эту женщину!—сказалъ человѣкъ, появившійся у входа.

Солдаты отступили. Габріэлла, безпорядочно одѣтая, съ распущенными волосами, пристально взглянула на новоприбывшаго, который скомандовалъ, обратившись къ солдатамъ:—Ступайте внизъ, окружите домъ и ждите меня. Подъ окномъ найдете человѣка; я думаю, онъ умеръ.

Она вскочила, какъ безумная, со сверкающимъ взглядомъ:—Умеръ? кто? Піетро?

— А, такъ меня не обманули! это былъ Піетро. Я съ нимъ покончилъ!—И, снова обращаясь къ солдатамъ, продолжалъ:—Идите, скройтесь въ лѣсу и не теряйте дома изъ виду. А я покамѣстъ побесѣдую съ синьорой.

Солдаты повиновались, а два оставшіеся зажгли лампу.

— Вы узнаёте меня, не правда ли?—спросилъ новоприбывшій:—я донъ Доминикъ Альдини.

Она его узнала и смотрѣла на него съ нѣмымъ отчаяніемъ.

— Прошу садиться и побесѣдуемъ,—сказалъ Доминикъ Альдини съ напускной любезностью и, поставивъ лампу на столъ, протянулъ ноги къ очагу.—Такъ это былъ Піетро? Клянусь честью, славно же я его подстрѣлилъ,—точно зайца! не промахнулся! Недаромъ же я слыву однимъ изъ лучшихъ стрѣлковъ. Жаль, что вы не видали, какъ онъ упалъ,—настоящій заяцъ!

Онъ набилъ трубку, наклонился къ огню раскурить ее и, выпуская клубы дыма, продолжалъ:—Вашъ дѣдъ убилъ моего дѣда, вашъ братъ моего брата, вашъ любовникъ,—извините, я не вѣрю всѣмъ этимъ толкамъ о вашемъ замужствѣ,—вашъ любовникъ оскорбилъ меня; онъ, незаконнорожденный, осмѣлился пойти противъ меня. Вы надавали мнѣ

Digitized by Google

пощечинъ, помните, когда я вздумалъ похитить васъ? А я вотъ, вмѣсто пощечины, поласкаю вашу хорошенькую щечку. За пощечину—ласка; вы ничего не теряете въ этомъ обмѣнѣ, не такъ ли? Два года негодяй блаженствовалъ съ вами и думалъ, что такъ и продлится вѣчно, но онъ разсчитывалъ безъ Доминика Альдини. Это я привелъ сюда солдатъ, я выстрѣломъ изъ карабина положилъ на мѣстѣ вашего любовника. Съ нимъ я разсчитался, теперь разсчетъ за вами. Ахъ, да какой же вы сдѣлались красавицей!

Она слушала его съ безмолвнымъ отчаяніемъ, судорожно сжимая руки, до крови вонзая ногти въ тѣло. Гнѣвъ и горе исказили ея прекрасное, гордое лицо. Въ красотѣ ея въ эту минуту было что-то страшное. Онъ, какъ бы не глядя на нее, продолжалъ пускать огромные клубы дыма и грѣть ноги у огня, между тѣмъ какъ она озиралась, какъ разсвирѣпѣвшая тигрица, ищущая добычи. Въ ней проснулись всѣ кровожадные наслѣдственные инстинкты. Увидавъ въ углу карабинъ Піетро, она вздрогнула и, не сводя глазъ съ своего врага, медленными, увертливыми движеніями стала подходить къ оружію, оставаясь неподвижной, каждый разъ какъ Альдини на нее взглядывалъ.

— Клянусь честью, вы такъ похорошѣли, что я бы васъ и не узналъ,—снова началъ онъ.—Изъ нѣжнаго цвѣтка вы превратились въ зрѣлый, заманчивый плодъ. Такъ вы мнѣ еще болѣе нравитесь. Вотъ увидите, что и я не промахъ въ любовныхъ дѣлахъ, что и я умѣю говорить сладкія рѣчи и пламенно цѣловать въ уста,—вотъ увидите!

Онъ приподнялся и протянулъ къ ней руки, но она быстро сорвала со стѣны карабинъ и, прицѣлившись, закричала:—На колѣни, убійца, на колѣни!

И со сверкающимъ взглядомъ, подойдя къ Альдини, приставила ему ко лбу дуло карабина. Пораженный, испуганный, онъ напрасно старался отвернуться: дуло такъ и сверкало передъ нимъ при зловѣщемъ свѣтѣ лампы. А Габріэлла съ налитыми кровью глазами повторяла, скрежеща зубами:—На колѣни, убійца, на колѣни!

Тогда онъ, видя себя погибшимъ, рванулся къ двери. Послышался залпъ, и комната наполнилась дымомъ. Лампа потухла. Доминикъ упалъ со страшнымъ проклятіемъ. Габрі-

Digitized by Google

элла бросилась на него, какъ тигрица, и начала неистово топтать ногами. Потухающее пламя очага окрашивало стѣны красноватымъ отблескомъ, оставляя въ тѣни молодую женщину, неистовавшую надъ умирающимъ врагомъ.

Услыхавъ залпъ, солдаты вбѣжали съ резиновыми факелами въ комнату, и съ большимъ трудомъ оттащили Габріэллу. Она обернулась къ нимъ спокойная и сказала:—Я отмстила за него и за себя, и готова слѣдовать за вами!

Солдаты, обстрѣленные въ бою, не разъ видѣвшіе смерть лицомъ къ лицу на полѣ сраженія, отступили блѣдные и испуганные передъ этой разъяренной женщиной, освѣщенной краснымъ свѣтомъ факеловъ.

— Не бойтесь!—сказала она, бросая послѣдній торжествующій взглядъ на трупъ Доминика Альдини,—не бойтесь! я готова идти за вами.

Она была осуждена и посажена въ тюрьму, но по возвращеніи Бурбоновъ выпущена и, признанная законною женою Піетро Матчини, наслѣдовала все его имущество. Братья ея, вернувшись изъ Сициліи, не простили ея, но оставили въ покоѣ, и она поселилась въ старомъ домѣ, унаслѣдованномъ отъ мужа, гдѣ жила долгіе годы одна, съ своимъ горемъ и воспоминаніями.

Двадцать пять лѣтъ тому назадъ,—я былъ тогда ребенкомъ,—мнѣ сказали, что синьора Габріэлла, бѣлая старуха, пугало дѣтей,—умерла. Я пошелъ вмѣстѣ съ другими взглянуть на нее. Она лежала, вытянувшись на постели, съ четырьмя свѣчами по сторонамъ. Надъ ея изголовьемъ висѣлъ на стѣнѣ портретъ Піетро Матчини, выцвѣтшій отъ времени. Трепетный блескъ свѣчей, отражаясь на немъ, придавалъ ему краски жизни, и, казалось, будто этотъ живой и прекрасный образъ, улыбаясь, смотрѣлъ на бѣдную умершую, блѣдную и холодную на своей бѣлой постели.

Digitized by Google

НА ШАХТАХЪ.

Романъ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Алексѣй Степановичъ Венелинъ былъ давно уже не въ духѣ. Тщетно пытались разсѣять тучи, сгустившіяся на его выразительномъ лицѣ, и преданная Наташа, и неизмѣнный инженеръ Кандиба. Наташа очень убѣдительно доказывала брату, что ему будетъ даже полезно разстаться съ негостепріимнымъ югомъ, гдѣ онъ за четыре года почти совсѣмъ посѣдѣлъ;—что это будетъ теперь какъ нельзя болѣе кстати: они вмѣстѣ поѣдутъ въ Москву хлопотать—онъ о своихъ дѣлахъ, она о Мишуткѣ... Адріанъ Максимовичъ не менѣе убѣдительно доказывалъ, что все перемелется и будетъ мука, что свѣтъ не клиномъ сошелся; что неисправимый идеалистъ-управляющій уѣдетъ съ юга, хотя и безъ гроша въ карманѣ, зато съ богатѣйшимъ запасомъ житейской опытности, который впредь не позволитъ ему связываться съ негодяями и идіотами въ родѣ Бархатова и Чаузова. Алексѣй Степановичъ слушалъ, молчалъ... иногда улыбался и крѣпко пожималъ руки друзьямъ. Но мрачное облако не сходило съ его потемнѣвшаго лица: слишкомъ полюбилъ онъ Волшебное, слишкомъ многаго ожидалъ отъ него.

Между тѣмъ, жить въ Волшебномъ становилось все труднѣе и труднѣе. Московскіе хозяева давно уже отказались отъ привычки высылать деньги на рудникъ, а сами все требовали угля и угля, сопровождая свои требованія строжайшими письмами, наполненными безсмысленными распоряженіями и возмутитель-

Digitized by Google

ными предписаніями. Московскіе комерсанты предстали теперь во всей наготѣ своихъ алчныхъ хищническихъ вожделѣній, и съ наглымъ цинизмомъ беззастѣнчиво проповѣдывали теорію самаго отвратительнаго, безпощаднаго эксплуататорства.

Венелинъ вооружился терпѣніемъ и до поры до времени отмалчивался. Онъ ожидалъ окончанія настоящаго операціоннаго года,—что̀ лежало въ нѣкоторомъ родѣ на его нравственной отвѣтственности и до извѣстной степени было для него обязательно, въ силу его служебнаго договора. Съ окончаніемъ этого послѣдняго года, для управляющаго открывалась возможность поставить свои отношенія къ хозяевамъ на совершенно новыхъ началахъ или же прекратить съ ними всякія сношенія и... уйти.

Въ ожиданіи этого предѣльнаго срока, Венелинъ неустанно и неослабно работалъ и дѣлалъ все, что̀ только было возможно, чтобы дотянуть благополучно до конца года. Онъ прекратилъ ночныя работы въ шахтахъ, уменьшилъ на половину количество рабочихъ, сократилъ до-нельзя штатъ служащихъ, выгадывалъ и экономилъ каждую копѣйку. Всѣми мѣрами поддерживая комерческую дѣятельность вѣсовщика Грона, онъ старался мѣстными продажами обезпечить всѣ свои текущіе платежи. Къ сожалѣнію, и эта статья бюджета находилась теперь далеко не въ такомъ удовлетворительномъ положеніи, какъ въ первый блестящій періодъ управительской дѣятельности Венелина. Неумолимая конкуренція дѣлала свое дѣло; новыя шахты росли, какъ грибы, и всѣ желѣзнодорожныя станціи были завалены громадными запасами минеральнаго топлива— большею частію, самаго плохаго достоинства. Такое изобиліе плохаго, а—слѣдовательно—дешеваго угля отзывалось крайне неблагопріятно на положеніи мѣстной каменноугольной промышленности; покупатели ни на что такъ не падки, какъ на дешевыя цѣны, и многіе изъ постоянныхъ кліентовъ Грона наотрѣзъ отказывались теперь платить вдвое дороже за прекрасный, образцовый уголь. Большую роль играло также то обстоятельство, что рудникъ Волшебный упорно продолжалъ отказывать,—да онъ и не могъ поступать иначе,—въ малѣйшемъ кредитѣ для своихъ покупателей. А новые каменноугольные склады на перебой предлагали потребителямъ самый широкій и льготный кредитъ, и всюду преслѣдовали ихъ самыми навязчивыми и соблазнительными предложеніями товара. Рудникъ переживалъ страшно тяжелое время, и Венелинъ задумывался все больше и больше. Въ теченіе трехъ-четырехъ мѣсяцевъ, которые прошли послѣ сцены на балконѣ, Алексѣй Степановичъ рѣши-

Digitized by Google

тельно нигдѣ не бывалъ—ни у сосѣдей, ни у знакомыхъ. Сосѣди и знакомые платили Венелину тѣмъ же, и уютный домикъ давно уже не видалъ въ гостепріимныхъ стѣнахъ своихъ ни одного стороннято посѣтителя...

Была поздняя холодная осень. Угрюмыя сумерки опустились на землю. Погода была отвратительная; моросилъ мелкій, спорый дождь; на дворѣ—слякоть и грязь. Венелинъ, сестра его и Кандиба сидѣли всѣ по своимъ комнатамъ и занимались кто чѣмъ. О гостяхъ, о какихъ-либо посѣтителяхъ никто и не думалъ. Каково же было всеобщее изумленіе, когда, вслѣдъ за верховымъ, привезшимъ со станціи почту,—къ крыльцу подкатилъ въ экипажѣ и на лошадяхъ Золотилова самый неожиданный и экстраординарный посѣтитель—Самуилъ Наумовичъ Зеймовичъ... Это былъ гость, котораго менѣе, чѣмъ кого либо, могли ожидать въ Волшебномъ—какъ теперь, такъ и во всякое другое время. Венелинъ почти не былъ знакомъ со знаменитымъ жидовскимъ магнатомъ и всюду старался держать себя на почтительной дистанціи отъ этого хитраго и зловреднаго сына «угнетеннаго» племени, большаго любителя угольныхъ гешефтовъ. Какіе подходы ни употреблялъ Зеймовичъ, чтобы вступить въ ближайшія сношенія съ московскимъ управляющимъ, ему до настоящаго времени не удалось ни разу побывать въ уютномъ домикѣ, и если осторожный еврей рѣшился наконецъ, по собственной иниціативѣ, пріѣхать въ Волшебное, — онъ несомнѣнно имѣлъ для этого какія-либо особыя побудительныя причины.

Венелинъ, молча, поздоровался съ богатымъ евреемъ и пригласилъ его въ кабинетъ. Зеймовичъ заговорилъ не сразу. Онъ внимательно оглядѣлъ обстановку всей комнаты, полюбопытствовалъ заглянуть въ каждое изъ оконъ, выходившихъ въ садъ и на дворъ, нѣсколько разъ окинулъ своимъ хитрымъ, проницательнымъ взглядомъ хозяина дома...

— Какой вы, господинъ Венелинъ, гордый!—заговорилъ онъ наконецъ приторно-вкрадчивымъ тономъ.

Венелинъ молчалъ.

— Сколько разъ мы встрѣчались,—продолжалъ еврей.—Вотъ и въ городѣ: сколько разъ вы бывали... Я просилъ зайти посидѣть.

— У насъ съ вами не было никакихъ дѣлъ,—холодно замѣтилъ Венелинъ.

— А кто виноватъ? Виноваты все вы. Очень гордо ведете себя, господинъ! Вотъ и насчетъ муки, и насчетъ всего другаго—я сколько разъ предлагалъ... А вѣдь я знаю: мука была

Digitized by Google

вамъ нужна, и очень нужна. Замѣсто ржаной—пшеничной рабочихъ кормили.

— Обошлись... и безъ васъ.

— Напрасно! Напрасно брезговать нами изволите. Мы люди хорошіе. И всякое хорошее дѣло мы любимъ.

Венелинъ опять замолчалъ.

— Мы тоже вѣдь знаемъ, — распѣвалъ, поглядывая исподтишка на хозяина, Зеймовичъ. — Мы многое знаемъ... Вы люди образованные, и къ тому же у васъ гордость: вы къ намъ не придете... хотя бы, можетъ, и нужно прійти. А мы вотъ взяли да и сами пришли.

— Мнѣ кажется, результатъ будетъ одинъ и тотъ же.

— Почемъ знать? Всему свое время. То было время, а теперь другое.

Зеймовичъ остановился и для чего-то посмотрѣлъ на свои дорогіе золотые часы.

— Мы многое знаемъ, — повторилъ онъ еще разъ. — Мы знаемъ, что и ваши дѣла теперь невысокаго сорта. И работать вы стали потише, и въ деньгахъ большое стѣсненіе. А надежды-то очень даже плохія: въ Москвѣ-то, того... тонко, и-и какъ тонко!

Зеймовичъ многозначительно покачалъ головой.

— Да вамъ-то, господинъ Зеймовичъ,—спросилъ Венелинъ,—какое до всего этого дѣло?

Еврей весь какъ-то съежился и нѣсколько помолчалъ: онъ какъ будто что-то обдумывалъ.

— Дѣло ваше хорошее,—медленно и съ разстановкой заговорилъ онъ опять. — И если такое дѣло будетъ безъ пользы, такъ это очень даже обидно... особенно для васъ. Труда положили вы много. Дѣло привели на самую высокую точку. И вдругъ, все это пропадаетъ такъ, даромъ, даже безъ всякаго удовольствія... Вотъ мы и придумали помощь вамъ оказать. Придумали дѣло ваше поправить.

— Чѣмъ же это вы можете намъ пособить?

— А всѣмъ. Всѣмъ, чѣмъ хотите. Для васъ, Алексѣй Степановичъ, мы всякое одолженіе сдѣлаемъ.

И Зеймовичъ съ лукавой улыбкой подмигнулъ Венелину.

— Вы люди хорошіе,—увѣреннымъ тономъ разсуждалъ онъ.— И для нашего дѣла вы всегда намъ нужны. Безъ васъ мы на такое дѣло и рѣшиться не можемъ...

Послѣ цѣлой серіи разныхъ намековъ и окольныхъ подходовъ,

Digitized by Google

Зеймовичъ приступилъ наконецъ къ изложенію главной цѣли своего посѣщенія.

Оказалось, что онъ пріѣхалъ въ Волшебное за тѣмъ, чтобы представить на благоусмотрѣніе управляющаго проэктъ капитальнаго обновленія и возрожденія рудника. Сущность этого проэкта состояла приблизительно въ слѣдующемъ: Зеймовичъ предлагалъ дать ему право на открытіе въ Волшебномъ кабака,— она законнымъ, разумѣется, основаніи и на законномъ растояніи отъ шахтъ, — а, вмѣстѣ съ тѣмъ, сдать ему въ аренду рудничный магазинъ. Въ связи съ этой главной идеей проэкта, состояло еще другое предложеніе предпріимчиваго еврея: сдать ему, по извѣстной цѣнѣ, всю возку угля, а кстати — запродать впередъ весь уголь, который будетъ выработанъ на рудникѣ въ продолженіе арендnаго срока. За всѣ эти услуги Зеймовичъ предлагалъ очень хорошую арендную плату, которая вполнѣ обезпечивала удовлетворительную доходность предпріятія и гарантировала рудникъ отъ всякихъ случайныхъ неудачъ и промышленныхъ кризисовъ. Само собой разумѣется, что, въ случаѣ осуществленія этого несомнѣнно замѣчательнаго измышленія ненасытной еврейской алчности, Зеймовичъ являлся полнымъ хозяиномъ всего предпріятія, и рудникъ Волшебный, а въ особенности его рабочее населеніе, всецѣло попадали въ страшныя лапы этого образцоваго хищника.

За участіе и содѣйствіе въ осуществленіи его грандіознаго проэкта, Зеймовичъ, въ самыхъ деликатныхъ выраженіяхъ, предлагалъ Венелину очень внушительный гонораръ и, кромѣ того, назначалъ ему особое процентное вознагражденіе со всѣхъ будущихъ операцій своихъ на рудникѣ Волшебномъ.

Но что было всего оригинальнѣе въ проэктѣ Зеймовича, это— выставленное имъ условіе обязательнаго участія въ его арендныхъ операціяхъ самого Венелина, въ качествѣ безсмѣннаго управляющаго рудникомъ. Скептическій еврей, очевидно, относился къ общеизвѣстной честности и безкорыстію Венелина съ той же точки зрѣнія, какъ и Аранчѣевъ, обсуждавшій не такъ давно въ кабинетѣ Золотилова предполагаемую будущность рудника Волшебнаго и его управляющаго. Зеймовичъ твердо вѣрилъ, что нѣтъ на свѣтѣ такого человѣка, котораго нельзя было бы купить; вся разница между людьми, — гласитъ жидовская философія, — состоитъ лишь въ томъ, что одного можно купить дешевле, а другаго дороже. А купить такого человѣка, какимъ представлялся Зеймовичу Венелинъ, было черезчуръ даже соблазительно; за цѣной въ этомъ случаѣ стоять не приходилось. Если будущій

Digitized by Google

арендаторъ съумѣетъ приручить къ своему дѣлу такого талантливаго, знающаго сотрудника,— онъ, конечно, съ громадными процентами вернетъ всѣ эти комисіи и проценты. А если, паче всякаго чаянія, этотъ упрямый москаль и окажется человѣкомъ неподходящимъ для дѣла,—Зеймовичъ и тогда ничѣмъ ни рискуетъ; ловкій еврей, конечно, съумѣетъ такъ обставить и огородить себя въ этомъ дѣлѣ, что передъ всесильной властью могущественнаго арендатора никогда не устоитъ ни одинъ управляющій.

Выслушавъ весьма продолжительное и многословное изложеніе проэкта Зеймовича, Венелинъ отвѣчалъ на него самымъ категорическимъ отказомъ:

— Я не могу принять вашего предложенія, — коротко сказалъ онъ.

— А почему? — спросилъ Зеймовичъ.

— А потому, что нахожу его неудобнымъ, какъ для себя лично, такъ и для рудника.

— А почему? повторилъ прожектеръ.

— А потому что, пока я здѣсь, я не допущу на рудникѣ другаго хозяина, — тѣмъ болѣе васъ.

— Напрасно, господинъ Венелинъ, напрасно!—какъ-то особенно внушительно произнесъ Зеймовичъ. — Напрасно вы сторонитесь отъ меня. Подумайте, Алексѣй Степановичъ, подумайте хорошенько! Я могу еще очень, очень вамъ пригодиться.

Венелинъ ничего не отвѣтилъ, и Зеймовичъ уѣхалъ.

II.

Прямо изъ Волшебнаго Зеймовичъ поѣхалъ въ Благодатное.

Въ роскошной резиденціи именитыхъ владѣльцевъ богатѣйшаго когда-то имѣнія царствовало жесточайшее уныніе. Денегъ во всемъ домѣ не было ни копѣйки, и достать ихъ было положительно негдѣ. Александръ Владиміровичъ заложилъ даже свои золотые часы и очень серьезно предлагалъ Клавдіи продать рояль, который она привезла съ собой изъ Москвы. Приближался послѣдній, окончательный срокъ взноса процентовъ въ банкъ, а Золотиловъ только злился, только хныкалъ и плакалъ.

Зеймовича встрѣтилъ въ передней угрюмый, пасмурный Іонычъ.

— Ну, такъ и есть! — ворчалъ старикъ, снимая съ гостя пальто.—Самъ папаша пожаловать изволилъ... не будетъ пути!...

У Золотиловыхъ былъ гость—Константинъ Дмитріевичъ Аран-

Digitized by Google

чѣевъ, который сидѣлъ въ комнатѣ Клавдіи и о чемъ-то серьезно съ ней совѣщался. Валентина Дмитріевна и Клеопатра Аполлоновна страдали жестокимъ мигренемъ, и несчастный докторъ Лопенко съ ногъ сбился, ухаживая за нервными барынями. Дѣти были запрятаны гдѣ-то на верху.

Зеймовичъ прошелъ въ кабинетъ Александра Владиміровича и притворилъ за собой дверь.

— Что, батюшка, пригорюнились?— обратился онъ къ хозяину, располагаясь въ самой непринужденной позѣ на диванѣ.

— Идолы, черти!—выпалилъ Золотиловъ.

— Это вы насчетъ чего же?—улыбнулся еврей.

— Да все насчетъ того же! Насчетъ васъ, окаянныхъ опекуновъ-благодѣтелей!..

— Напрасно сердитесь. Никто не виноватъ.

— Дьяволы!

— Опять!.. Нехорошо, ой, какъ нехорошо! Нехорошо браниться, когда никто не виноватъ. Ну, скажите: зачѣмъ вы продали лѣсъ?

— Затѣмъ... затѣмъ, что Кулабуховъ хотѣлъ сослать меня въ Сибирь!

— А деньги получили?

— Чорта съ два! что получилъ, то прожилъ. А остальное..

— Оставили про запасъ?

— Оставишь съ вами, какъ разъ! Развѣ вы люди? Вы изверги, звѣри.

— Та-акъ-съ. Значитъ, совсѣмъ готовы?

Золотиловъ молчалъ.

Зеймовичъ пристально смотрѣлъ на него своими глазами хищнаго коршуна.

— Ай, дурно! Ай, плохо! — затянулъ, какъ бы разсуждая самъ съ собою, Зеймовичъ.—Вѣдь это выходитъ—три копѣйки за рубль!.. Надо придумать. Надо какъ нибудь пособить.

— Еще бы не надо!—оживился Золотиловъ. — Вамъ стоитъ только захотѣть.

— Только не деньгами, нѣтъ,—продолжалъ разсуждать самъ съ собою еврей.—Посовѣтовать—да, это мы можемъ.

— Съ вашими совѣтами далеко не упрыгнешь!

— Вотъ и не правда. Я дамъ хорошій совѣтъ: навѣрно поможетъ.

— Да не тяни, жидъ! Говори скорѣе: какой еще тамъ фортель придумалъ?

— Попросите господина Венелина.

Digitized by Google

— О чемъ?

— А насчетъ денегъ.

— Какой вздоръ! Да у него ихъ и нѣтъ.

— Сейчасъ—нѣтъ, а скоро будутъ.

— Откуда?

— Конечно, не изъ Москвы.

— Такъ откуда же?

— Я ему дамъ.

— Это еще что за новости?

— Такъ, дѣльце маленькое у насъ затѣвается. Я хочу взять у нихъ лавку въ аренду. Уголь ихъ буду возить, шинокъ тамъ устрою.

— И Алексѣй Степановичъ на это согласенъ?

— На первый разъ—нѣтъ. А тамъ, посмотримъ, что будетъ.

— Я-то тутъ причемъ же?

Зеймовичъ какъ-то особенно хитро улыбнулся.

— А вы попросите,—сказалъ онъ.—Поклонитесь пониже.

— Да вы совсѣмъ одурѣли! Стану я вязываться въ ваши грязные гешефты!

— Какой вы... странный человѣкъ! — развелъ руками Зеймовичъ.—И что же тутъ грязнаго? Чужія деньги проживать—это грязно. А дѣло дѣлать—это не грязно. А тутъ комерція, и комерція очень хорошая... Конечно, если вамъ не угодно,—мы неволить не можемъ. А вотъ банкъ вашъ земельный—тотъ какъ разъ приневолитъ.

— Пока вы будете торговаться съ вашимъ Венелинымъ, Благодатное сорокъ разъ успѣютъ продать.

— Зачѣмъ же! мы дадимъ вамъ впередъ. Безъ задаточка не оставимъ.

Золотиловъ на минуту задумался.

— Нѣтъ, это положительно невозможно!—рѣшительнымъ тономъ объявилъ онъ.—Я теперь въ такихъ отношеніяхъ съ Венелинымъ... Я не желаю даже встрѣчаться съ нимъ.

— Вы гоноръ-то спрячьте!—вкрадчиво протянулъ Зеймовичъ.—Спрячьте подальше. Вы для себя хлопочите. Не намъ пропадать-то, а вамъ.

— Нѣтъ, это... это чортъ знаетъ что такое! Да, наконецъ, ничего путнаго и не выдетъ. Если вы сами не могли уговорить Венелина, съ какой стати я-то полѣзу къ нему. Развѣ онъ меня послушается?..

Зеймовичъ какъ будто задумался. Тонкая, самоувѣренная улыбка мелькнула въ его хитрыхъ глазахъ.

Digitized by Google

— Откажетъ разъ, откажетъ два,—увѣренно сказалъ онъ,—а въ третій и не откажетъ. Мы такое средство найдемъ. Топиться-то никому не пріятно. Вся задержка только въ васъ будетъ.

— Если такъ, то конечно... Я, пожалуй, не прочь. Такъ и быть: буду васъ выручать. Только ужь и вы меня выручайте!

— Будьте покойны: проценты внесемъ.

— Что тамъ проценты! О процентахъ разговоръ впереди. А у меня сейчасъ во всемъ домѣ нѣтъ ни гроша. Мнѣ и говядины купить не на что.

— Кушайте постное; ваша вѣра это одобряетъ.

— Спасибо... Нѣтъ, ужь вы какъ тамъ хотите, а давайте сейчасъ, сейчасъ... хоть сколько нибудь. Не умирать же мнѣ изъ-за васъ съ голода!

— Не умрете.

— Хорошо вамъ разсуждать! У васъ деньжищъ куры не клюютъ... А я, вонъ, просилъ-просилъ у Константина Дмитріевича хоть четвертной билетъ... не даетъ, да и только!

— У господина Аранчѣева, — добродушно замѣтилъ Зеймовичъ,—денегъ-то, пожалуй, не больше, чѣмъ и у насъ съ вами..

Зеймовичъ въ совершенствѣ зналъ положеніе дѣлъ Аранчѣева—какъ и большинства всѣхъ мѣстныхъ обывателей. Хотя онъ и не могъ еще считать себя на правахъ «папаши» у владѣльца Кургановки, но несомнѣнно находился съ нимъ въ болѣе или менѣе близкихъ денежныхъ отношеніяхъ.

— Ну, что дѣлать, что дѣлать! — снисходительнымъ тономъ заговорилъ Зеймовичъ.—Ужь если такая вамъ крайность, пособить можно. Отчего же? хорошему человѣку мы всегда одолженіе сдѣлаемъ. На-те, берите сотенный билетъ.

Получая радужную бумажку, Золотиловъ даже припрыгнулъ отъ удовольствія.

— Документикъ прикажете?—спросилъ онъ.

— Извѣстно, недаромъ.

— На какую сумму писать?

— На какую? конечно, семьсотъ. Небось, цѣну документамъ-то своимъ сами хорошо знаете.

Зеймовичъ досталъ изъ кармана одну изъ тѣхъ продолговатыхъ бумажекъ, на которыхъ Золотиловъ изощрился съ такимъ совершенствомъ изображать, зажмуря глаза, знаменитые гіероглифы: «отъ сего, по сему...»

— Такъ-то, батюшка Александръ Владиміровичъ!—распѣвалъ, укладывая вексель въ бумажникъ, Зеймовичъ.—Вы все бранитесь,

Digitized by Google

да ссоритесь съ нами. А мы-то не такъ! Мы-то вотъ васъ пожалѣли. Только смотрите: когда время придетъ, тогда не зѣвайте, чтобы господинъ Венелинъ у насъ не свернулся. А пока уговоръ: чтобы дѣло было въ секретѣ.

Замѣтно повеселѣвшій и воспрянувшій духомъ Золотиловъ пошелъ на половину супруги и тотчасъ же подѣлился съ ней и съ докторомъ Лопенко своими пріятными новостями. Онъ съ большимъ апломбомъ разсказывалъ, что «папаша» придумалъ какую-то геніальную комбинацію, вслѣдствіе которой и проценты въ банкъ будутъ внесены своевременно, и во всей дальнѣйшей судьбѣ обитателей Благодатнаго воспослѣдуетъ весьма существенное улучшеніе. Въ чемъ именно состояло геніальное еврейское измышленіе, объ этомъ Александръ Владиміровичъ, сверхъ всякаго ожиданія, благоразумно умолчалъ.

Валентина Дмитріевна, не оправившаяся еще вполнѣ отъ страшной мигрени, все время только вздыхала. Докторъ Лопенко пытался дѣлать нѣкоторыя возраженія, но какъ ни старался онъ доказать, что довѣряться Зеймовичу нельзя, что всякая новая махинація, придуманная зловреднымъ паразитомъ, можетъ клониться только къ вящшему ухудшенію дѣлъ самого Золотилова,— Александръ Владиміровичъ упорно стоялъ на своемъ. Присутствіе въ карманѣ сторублевой бумажки преисполняло его самыми радостными ощущеніями, и онъ съ наслажденіемъ отдавался возможности убаюкивать себя давно уже незнакомыми ему розовыми мечтами.

Тѣмъ временемъ, Аранчѣевъ прошелъ въ кабинетъ Золотилова и долго совѣщался здѣсь о чемъ-то съ глазу на глазъ съ Зеймовичемъ. Этотъ таинственный разговоръ продолжался и тогда, когда Аранчѣевъ и Зеймовичъ поѣхали, въ одномъ экипажѣ, на станцію Ольховатку.

III.

«На что́ можетъ пригодиться мнѣ эта противная еврейская образина?!»—думалъ Алексѣй Степановичъ, припоминая всѣ интересныя подробности посѣщенія его дома Зеймовичемъ.

— Наташа!—окликнулъ онъ сестру.—Не знаешь ли ты, голубушка, на что можетъ понадобиться намъ этотъ іерусалимскій гость?

— Не знаю, Алеша,—отозвалась Наташа.—По моему, чѣмъ дальше отъ этого ужаснаго человѣка, тѣмъ лучше. И напрасно ты такъ долго съ нимъ разговаривалъ.

Digitized by Google

— Адріанъ Максимовичъ! — обратился Венелинъ къ старому инженеру.—А вы какъ разсуждаете объ этомъ предметѣ?

— Я разсуждаю такъ,—сердито отвѣчалъ Кандиба:—это жидовское нашествіе будетъ много почище знаменитаго нашествія иноплеменниковъ, изъ-за котораго мы когда-то такъ волновались. Отъ тѣхъ баши-бузуковъ можно было, по крайней мѣрѣ, откупиться; а этотъ неустрашимый наѣздникъ самъ всѣхъ закупитъ: въ рукахъ у него всѣ эти Чарышевы и Аранчѣевы танцуютъ, какъ маріонетки. Если жиды слопали въ свое время Польшу, то они съѣдятъ и нашъ край, если имъ, какъ слѣдуетъ, не обрѣжутъ цѣпкихъ когтей.

Не смотря на такія внушительныя предупрежденія инженера Кандибы, Венелинъ въ умѣ своемъ положилъ, что противная еврейская образина никогда и ни на что ему не пригодится, и потому рѣшился, до поры до времени, ничего не писать въ Москву о проэктѣ Зеймовича.

Но не успѣли еще друзья наши обсудить какъ слѣдуетъ вопросъ о томъ, изъ какихъ именно элементовъ могла состоять грозная туча, надвигавшаяся на нихъ въ лицѣ господина Зеймовича, какъ надъ рудникомъ Волшебнымъ неожиданно нависла новая, едва ли не болѣе грозная и зловѣщая туча. До уютнаго домика дошли смутные слухи о томъ, что какая-то неизвѣстная личность возбуждаетъ противъ рудника очень интересный и оригинальный процессъ,—процессъ, едва ли возможный въ какой-либо другой странѣ, кромѣ дѣвственныхъ степныхъ палестинъ нашей матушки-Руси. Процессъ этотъ выдвигалъ на сцену вопросъ о правѣ проѣзда по дорогѣ, по которой съ незапамятныхъ временъ ходили и ѣздили свободно, кому вздумалось, и по которой, между прочимъ, транспортировался уголь Волшебнаго на станцію Ольховатку.

Желая узнать что-либо болѣе опредѣленное относительно такого замысловатаго инцидента въ исторіи мѣстныхъ путей сообщенія, Венелинъ рѣшился поѣхать въ городъ. На станціи Ольховаткѣ, Алексѣй Степановичъ, въ ожиданіи поѣзда, разговорился съ вѣсовщикомъ.

— Не везетъ намъ съ тобой, Гронъ! — шутливо говорилъ онъ.—Ты слышалъ нашу послѣднюю новость?

— Какую?

— Насчетъ дороги.

— Слышалъ. Только новаго-то здѣсь мало. Вѣтеръ все съ одной стороны.

— Что ты хочешь сказать?

Digitized by Google

— Мнѣ кажется... и въ этомъ дѣлѣ замѣшанъ Зеймовичъ.

— Дался тебѣ этотъ Зеймовичъ! Ты, просто, начинаешь имъ бредить! Чѣмъ это онъ тебя такъ запугалъ?

Гронъ многозначительно покачалъ головой.

— Зеймовичъ—человѣкъ опасный,—съ убѣжденіемъ вымолвилъ онъ.

— Пустяки!—улыбнулся Венелинъ.—Ты меня твоимъ Зеймовичемъ не запугаешь. Если бояться еще вашей еврейской братіи, то послѣ этого лучше и не жить на свѣтѣ.

— Бояться не надо, но...

— Но что же?

— Надо принимать свои мѣры.

— Какія?

— Не знаю, Алексѣй Степановичъ, не знаю, какія,—печально и участливо говорилъ Гронъ.—Я человѣкъ маленькій и учить васъ не смѣю. Только... чуетъ сердце мое что-то недоброе.

Венелинъ ласково потрепалъ вѣсовщика по плечу.

— Не унывай, дружище!—сказалъ онъ.—Вспоминай почаще пословицу: Богъ не выдастъ—свинья не съѣстъ... Мы съ тобой не въ такихъ еще передѣлкахъ бывали!

— Я это чувствую, Алексѣй Степановичъ,—задушевнымъ голосомъ вымолвилъ Гронъ.—Я все, все помню. И я хорошо знаю, что еслибы не вы, я давно бы пропалъ.

Раздался третій звонокъ, и Алексѣй Степановичъ поспѣшилъ въ вагонъ.

Пріѣхавши въ городъ, Венелинъ тотчасъ же навелъ всѣ необходимыя справки и съ грустью убѣдился, что молва о новыхъ затѣяхъ какого-то таинственнаго минёра, подкапывавшагося подъ рудникъ Волшебный, была вполнѣ достовѣрна. У мироваго судьи Баламутина, дѣйствительно, возбуждено было дѣло объ одномъ участкѣ дороги, по которому Венелинъ всегда ѣздилъ на станцію Ольховатку, а иниціаторомъ этого дѣла являлся тотъ самый сосѣдъ Волшебнаго, Ширинкинъ, знакомствомъ съ которымъ такъ интересовался когда-то Аранчѣевъ.

Съ Ширинкинымъ Венелинъ не имѣлъ никакихъ дѣлъ, никогда не встрѣчался, не зналъ его даже въ лицо. Онъ слыхалъ только, что въ числѣ его ближайшихъ сосѣдей есть какой-то небогатый помѣщикъ, по фамиліи Ширинкинъ, который живетъ на своемъ хуторѣ тихо и смирно, ни съ кѣмъ не знается и никакими дѣлами, кромѣ своего скромнаго хозяйства, не занимается... И вдругъ этотъ самый Ширинкинъ являлся въ роли противника Волшебнаго въ такомъ необыкновенномъ и рискованномъ судебномъ процессѣ!

Digitized by Google

И всѣ знакомые Венелина въ одинъ голосъ твердили, что это «дорожное» дѣло задумано очень серьезно, обставлено вполнѣ фундаментально и во всякомъ случаѣ будетъ доведено до конца.

Алексѣй Степановичъ задумался. Онъ припомнилъ, что дорога, по которой возили уголь Волшебнаго, проходила въ одномъ мѣстѣ, хотя и на пространствѣ не болѣе полверсты, по землѣ Ширинкина. Онъ припомнилъ также, что въ этомъ именно мѣстѣ, рядомъ съ дорогой, находился непроходимый огромный оврагъ, объѣзжать который пришлось бы чуть ли не за двадцать верстъ, и притомъ по такимъ мѣстностямъ, гдѣ никогда не было ни малѣйшихъ признаковъ какой либо дороги. Вопросъ оказывался черезчуръ даже серьезнымъ. Если Ширинкинъ закроетъ дорогу въ районѣ своихъ владѣній, подводы съ углемъ должны будутъ ѣздить на станцію дальней, кружной дорогой и, вмѣсто шести верстъ, дѣлать верстъ двадцать, если не болѣе. Иначе говоря: рудникъ долженъ будетъ окончательно прекратить свою дѣятельность.

Въ гостинницѣ Венелинъ встрѣтился съ Аранчѣевымъ: они вмѣстѣ обѣдали за общимъ столомъ. Во время обѣда, разговоръ неизбѣжно коснулся процесса Ширинкина съ рудникомъ Волшебнымъ. Алексѣй Степановичъ былъ очень радъ случаю узнать мнѣніе о своемъ дѣлѣ одного изъ наиболѣе вліятельныхъ членовъ мѣстнаго судебнаго персонала: Аранчѣевъ въ данное время состоялъ уже въ званіи предсѣдателя мироваго съѣзда.

На вопросъ Венелина: что думаетъ Константинъ Дмитріевичъ о возможныхъ результатахъ иска, предъявленнаго Ширинкинымъ, Аранчѣевъ отвѣчалъ довольно уклончиво.

— Дѣло это,—сказалъ онъ,—будетъ слушаться въ мировыхъ судебныхъ учрежденіяхъ, и потому заранѣе предугадать окончательный исходъ его—трудно, почти невозможно. Помимо юридической силы тѣхъ письменныхъ документовъ и свидѣтельскихъ показаній, которые будутъ фигурировать на судебномъ разбирательствѣ этого дѣла,—громадное значеніе въ вашемъ процессѣ съ Ширинкинымъ будутъ имѣть нѣкоторые юридическіе принципы, лежащіе въ основѣ нашихъ бытовыхъ правовыхъ отношеній.

— Что вы хотите этимъ сказать?—спросилъ Венелинъ.

— То, что мировой судъ не есть судъ коронный, преслѣдующій только абстрактную идею формальнаго права: мировые судьи ближе поставлены къ жизни, и притомъ къ жизни данной мѣстности; они, какъ выборные представители общества, обязаны, въ большей или меньшей степени, оберегать и охранять интересы этого общества.

Digitized by Google

— То есть?

— То есть, полагать границы нѣкоторымъ крайне безцеремоннымъ—если не сказать болѣе—посягательствамъ на захваты и хищенія со стороны разныхъ пришлыхъ дѣятелей, являющихся въ роли непрошеныхъ эксплуататоровъ естественныхъ богатствъ края.

— Но эти пришлые дѣятели, эксплуатируя ваши богатства, тѣмъ самымъ содѣйствуютъ обогащенію края, улучшенію быта его населенія.

— Къ сожалѣнію, почти никогда. Эти чуждые намъ представители современной «просвѣщенной» промышленности, въ дѣятельности своей, большею частію, преслѣдуютъ только цѣли личнаго обогащенія, вполнѣ пренебрегая интересами того края, который они якобы стремятся облагодѣтельствовать своей цивилизаторской миссіей. Кромѣ того, нѣкоторые изъ усовершенствованныхъ аферистовъ новѣйшаго типа являются иногда провозвѣстниками такого рода житейскихъ теорій, которыя не имѣютъ ничего общаго не только съ интересами мѣстнаго общества, но даже съ самымъ понятіемъ о какомъ бы то ни было обществѣ.

— Какое же отношеніе все это можетъ имѣть къ моему процессу съ Ширинкинымъ? Въ данномъ случаѣ, мнѣ кажется, мы обязаны стоять исключительно только на твердой почвѣ закона.

— Законъ никогда не долженъ и не можетъ оказывать преимущественное покровительство праву пользованія,—особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда это право вступаетъ въ конфликтъ съ другимъ правомъ, несомнѣнно болѣе авторитетнымъ, огражденнымъ самой непреложной санкціей закона—съ правомъ собственности... Притомъ, я опять повторяю: мировой судъ не есть судъ коронный; рѣшенія мировыхъ судей главнымъ и преимущественнымъ образомъ зиждутся на началахъ внутренняго убѣжденія совѣсти.

— Иначе говоря: на началахъ личныхъ отношеній и самаго безцеремоннаго кумовства?—вспылилъ Венелинъ.

Аранчѣевъ тонко улыбнулся.

— Не бравируйте такъ, Алексѣй Степановичъ, личными отношеніями!—съ какимъ-то даже оттѣнкомъ сожалѣнія произнесъ онъ.—Недоброжелательное, пренебрежительное отношеніе къ обществу всегда вліяетъ на общество въ извѣстномъ опредѣленномъ направленіи...

Digitized by Google

IV.

«Славную арію пропѣлъ мнѣ этотъ... *совѣстный* судья!»—думалъ Венелинъ, выходя изъ гостинницы и направляясь къ одному знакомому адвокату.—«Какіе, подумаешь, совѣстливые люди!.. Не понравился имъ пришлый москаль, не по шерсти пришелся, не согласился жить по ихъ указкѣ, не сталъ и откупаться отъ нихъ; не кормилъ ихъ обѣдами, не покупалъ за сумашедшія деньги завѣдомо безногихъ лошадей,—вотъ они и порѣшили: разсудить *по совѣсти* кровное дѣло этого пришлаго москаля! Хороши убѣжденные судьи!.. Послѣ этого, зачѣмъ и судиться? Сколько ни судись — результатъ будетъ одинъ. Тутъ никакой Плевако не поможетъ»...

«Однако, дѣло дрянь. Тутъ такая каша заваривается... И кто же, кто, наконецъ, главный авторъ этой злокозненной махинаціи? Ужь не расплата ли это за урокъ, который Наташа приподнесла этому старому развратнику Чарышеву? Не можетъ быть! Куда ему, этому угольно-литературному хлыщу! Не его разума дѣло!.. Такъ кто же? Неужели же Гронъ не ошибся! Неужели и здѣсь орудуютъ жидовскія руки? Очень ужь разозлился Зеймовичъ, что я не отдалъ ему на съѣденіе моихъ шахтарей. Вотъ онъ и хочетъ доказать, что можетъ мнѣ пригодиться, что я безъ него не обойдусь! А вѣдь онъ—сила. Кандиба правду сказалъ: передъ его еврейской образиной всѣ эти баре и судьи на заднихъ лапкахъ танцуютъ... онъ всѣми ими, какъ пѣшками, двигаетъ... О вы, именитые граждане, пресловутая бѣлая кость! Неужели же вы и въ самомъ дѣлѣ способны унизиться до этихъ невозможныхъ степеней нравственнаго паденія»?

Знакомый адвокатъ Венелина высказалъ нѣсколько интересныхъ соображеній по поводу процесса Ширинкина съ рудникомъ Волшебнымъ. Прежде всего, говорилъ адвокатъ, надо постараться достать какіе нибудь планы, которые удостовѣрили бы документальное существованіе спорной дороги въ болѣе или менѣе отдаленныя времена. Затѣмъ, необходимо озаботиться подысканіемъ достаточнаго контингента вполнѣ благонадежныхъ и престарѣлыхъ свидѣтелей, которые подтвердили бы фактъ личнаго пользованія дорогой въ продолженіе всей своей долговременной жизни. Заручившись подобными свидѣтелями и всѣми необходимыми документами, можно будетъ чувствовать на судѣ довольно прочную почву подъ ногами, хотя... хотя всѣ эти свидѣтели и всѣ доку-

Digitized by Google

менты легко могутъ потерять всякое юридическое значеніе передъ всесильнымъ авторитетомъ внутренняго убѣжденія господъ совѣстныхъ судей... Къ этому послѣднему обстоятельству, т. е. къ убѣжденіямъ и совѣсти всего состава мѣстнаго мироваго съѣзда, знакомый адвокатъ отнесся съ точки зрѣнія самаго безпощаднаго скептицизма.

— Трудно, трудно будетъ бороться съ этими подлецами!— разсуждалъ юристъ, искусившійся во всѣхъ тонкостяхъ «убѣжденнаго» судопроизводства.—Всѣ они спѣлись здѣсь какъ нельзя лучше; всѣ тянутъ одну ноту... А въ такомъ дѣлѣ, гдѣ каждый изъ этихъ господъ дрожитъ за свою шкуру, — вѣдь Зеймовичъ, если онъ дѣйствительно замѣшанъ въ этомъ дѣлѣ, шутить не любитъ,—наши совѣстливые судьи ни передъ чѣмъ не остановятся. Они такое рѣшеніе вынесутъ, такихъ мотивовъ нагородятъ, что намъ останется только ахнуть да плюнуть. А ужъ Зеймовичъ навѣрное постарается, чтобы все было чисто да гладко; онъ устроитъ настоящій судебный спектакль, съ провалами, превращеніями, съ бенгальскимъ огнемъ. Повѣрьте, жидъ не задумается даже выписать изъ Москвы какого нибудь брехунца побойчѣе да пошикарнѣе, чтобы тотъ просвѣтилъ насъ, грѣшныхъ, по части кассаціонныхъ рѣшеній,—чтобы господа судьи оказались не на одной только скользкой почвѣ внутренняго убѣжденія, а и на «незыблемой» почвѣ закона.

— Значитъ, дѣло дрянь?—спросилъ Венелинъ.

— Въ первой инстанціи проиграемъ обязательно,—отвѣчалъ адвокатъ,—въ мировомъ съѣздѣ провалимъ навѣрное. Тогда перенесемъ дѣло въ сенатъ: года черезъ полтора получимъ кассацію.

— А пока все это будетъ твориться?..

— Пока?.. пока дорогу закроютъ. Это—какъ дважды два четыре. Имъ вѣдь только это и нужно.

— Они закроютъ дорогу, а я закрою рудникъ?

— Что же прикажете дѣлать? На то они и мировые. Развѣ вы не знаете, что на нашихъ мировыхъ нѣтъ ни суда, ни расправы! Вотъ они этимъ и пользуются. Какъ заберутся на эти тепленькія мѣстечки разные субъекты въ родѣ Баламутина, такъ они и куралесятъ сколько въ голову влѣзетъ. Вся задача ихъ въ томъ, чтобы «порадѣть родному человѣчку», а чужому—напакостить. И они блистательно справляются съ этой задачей, и притомъ вполнѣ безнаказанно. Что имъ кассація? развѣ они ея боятся? Они, изволите ли видѣть, люди выборные; они не чиновники, жалованья отъ казны не получаютъ, формулярныхъ списковъ не имѣютъ. А на мѣстахъ своихъ сидятъ прочно, черезъ-

Digitized by Google

чуръ даже прочно: вѣдь это все родичи, все кумовья, да сватья. Они живутъ по семейному, по душѣ, и никакихъ кассацій знать не хотятъ. Сколько ни кассируйте ихъ рѣшенія, они отлично знаютъ, что на слѣдующихъ выборахъ выберутъ опять таки ихъ же.

— Однако, утѣшительныя вещи вы разсказываете, особенно для вашихъ кліентовъ.

— Что дѣлать, Алексѣй Степановичъ, что дѣлать! Нашъ мировой институтъ—и по идеѣ и по уставу—прекрасное, образцовое учрежденіе. И когда это прекрасное — за исключеніемъ, конечно, детальныхъ подробностей — учрежденіе находится въ рукахъ дѣйствительно лучшихъ, что̀ называется, людей, — ему буквально цѣны нѣтъ. Но когда на курульскихъ креслахъ мироваго съѣзда засядутъ господа Баламутины, чего же на свѣтѣ не съумѣютъ испортить и загрязнить эти господа? Каково общество, таковъ и общественный судъ. Недаромъ же наши присяжные оправдываютъ всѣхъ банковскихъ воровъ: каждый изъ этихъ судей самъ обокралъ бы банкъ, еслибы его туда посадили.

— Законы святы, да исполнители—лихіе супостаты!—грустно усмѣхнулся Венелинъ.—Какая старая пословица! Давно пора бы сдать ее въ архивъ, а она все еще держится.

— Пословицы наши живучи, ой какъ живучи...

— Да... но, въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же мы пойдемъ съ вами на судъ? Только время будемъ тратить даромъ!

— Какъ зачѣмъ? Да развѣ рудникъ вашъ не долженъ думать о будущемъ? Рано или поздно—мы это дѣло непремѣнно выиграемъ. А пока вы какъ нибудь перебейтесь. Войдите тамъ въ соглашеніе...

Алексѣй Степановичъ ничего не возразилъ и сталъ прощаться съ адвокатомъ.

— Главное, постарайтесь достать планъ, — говорилъ, провожая Венелина, адвокатъ, — какой нибудь планъ, хоть частный, домашній... лишь бы былъ онъ постарше лѣтами, чтобы отъ него плѣсенью пахло.

Отъ адвоката Венелинъ пошелъ въ городской клубъ. Гостей въ клубѣ было немного. Нѣсколько человѣкъ сидѣли въ столовой и пили пиво. Въ карточной на двухъ столахъ играли въ винтъ и на одномъ—въ стуколку. Дверь въ слѣдующую комнату была растворена: оттуда слышался стукъ бильярдныхъ шаровъ и громкіе возгласы игроковъ. За однимъ изъ карточныхъ столовъ, винтили Аранчѣевъ, Чарышевъ, предводитель дворянства и величественный инженеръ Мальшинскій. Венелинъ прошелъ мимо

Digitized by Google

этого стола въ бильярдную, стараясь не глядѣть на играющихъ. Здѣсь онъ сѣлъ неподалеку отъ двери и сталъ слѣдить за игрой.

На бильярдѣ играли партію въ пять шаровъ высокій, щеголеватый еврей—извѣстный углепромышленникъ—и тотъ маленькій, чистенькій бухгалтеръ, который на юбилейномъ обѣдѣ Золотиловыхъ собирался утонуть въ глазахъ Клавдіи.

— Ничего и очень мало!—уныло объявилъ пожилой, невзрачный маркёръ.

— Вашъ управляющій, кажется, уѣхалъ, — говорилъ, нацѣливаясь въ шара, высокій еврей.—То-то вамъ теперь съ супругой раздолье!..

— Баламутинъ—молодчина! — гудѣлъ въ карточной комнатѣ густой предводительскій басъ. — Баламутинъ дѣло свое хорошо знаетъ. Червишки!

— Пять и пятнадцать! — считалъ маркёръ.

— Слишкомъ, слишкомъ ревнива! — жаловался, натирая мѣломъ кій, маленькій бухгалеръ. — Ревнива до безобразія — за каждымъ шагомъ слѣдитъ.

— Конечно, мое дѣло сторона, — раздавался звонкій теноръ Мальшинскаго, — но я долженъ сказать, что это вопіющее дѣло. Безъ козырей!

— Двадцать шесть и двадцать одинъ!—протянулъ маркёръ.

— А какъ поживаетъ ваша Глашка? — спрашивалъ, стараясь срѣзать желтаго шара въ среднюю лузу, высокій еврей.—Пикантная, чортъ возьми, дѣвчонка! Да и шельма же!

— Средства найдутся, — доносился изъ карточной комнаты пѣвучій баритонъ Аранчѣева. — На серьезное, настоящее дѣло всегда средства найдутся. Три пики!..

— Тридцать два и сорокъ девять!—провозгласилъ маркёръ.

— Эта штучка не Глашкѣ чета! — облизывался, положивъ краснаго въ уголъ, маленькій бухгалтеръ.—Вотъ это такъ штучка! Я вамъ говорю: всѣ пальчики оближешь..

— Пора, господа, пора! — распѣвалъ высокимъ фальцетомъ Чарышевъ.—Мы обязаны, наконецъ, указать каждому его мѣсто. Трефы четыре!..

Венелину сдѣлалось невыносимо скучно, гадко, противно, и онъ поспѣшилъ удалиться изъ клуба.

Вернувшись въ гостинницу, Алексѣй Степановичъ столкнулся въ дверяхъ своего нумера съ дожидавшимся его Зеймовичемъ.

— Ну, какъ дѣла? — съ насмѣшливой ужимкой обратился Зеймовичъ къ Венелину.—Не передумали вы, Алексѣй Степановичъ?

— Съ какой это стати! — сердито сказалъ Венелинъ.

Digitized by Google

— Да такъ. Трудно, Алексѣй Степановичъ, трудно одному идти противъ всѣхъ.

— Да вы про что?

— Насчетъ дороги. Дѣло ваше совсѣмъ никуда не годится.

— А вы почемъ знаете?

— Мы знаемъ. Мы хорошо знаемъ. И господина Ширинкина знаемъ... И Баламутина знаемъ... И господина Аранчѣева — очень даже хорошо знаемъ. Ай-ай-ай, какъ хорошо мы все это знаемъ!

— Ну, и знайте, сколько хотите! Только оставьте меня въ покоѣ!

— Оставить недолго. Сами жалѣть будете. Ой, не ссорьтесь со мной, Алексѣй Степановичъ! Я хорошій совѣтъ вамъ даю: не ссорьтесь со мной! Я могу очень, очень вамъ пригодиться.

— Подите вы къ чорту!—не вытерпѣлъ Венелинъ.

— Подумайте, Алексѣй Степановичъ, подумайте!—распѣвалъ, нимало не смущаясь, еврей. — Я дѣло вамъ говорю, добра вамъ желаю. А я этого дѣла такъ не оставлю. Я этого дѣла не брошу,

V.

Зеймовичъ, дѣйствительно, дѣла своего не бросилъ, не оставилъ безъ дальнѣйшаго движенія. Онъ лично отъ себя отправилъ въ главную московскую контору Бархатова и Чаузова довольно увѣсистое посланіе, съ подробнымъ изложеніемъ знаменитаго проэкта радикальной реорганизаціи рудника Волшебнаго. Проэктъ этотъ,—писанный, несомнѣнно, при содѣйствіи какой либо особы, достаточно опытной въ литературномъ воспроизведеніи подобныхъ трактатовъ,—изложенъ былъ въ такомъ заманчивомъ и соблазнительномъ видѣ, что неизбѣжно долженъ былъ привести читателей въ умиленіе и восторгъ. Познакомившись съ содержаніемъ этого образцоваго произведенія, господа Бархатовъ и Чаузовъ необходимо должны были прійти къ заключенію, что въ лицѣ богатаго и тароватаго арендатора они пріобрѣтаютъ ни болѣе, ни менѣе, какъ истиннаго благодѣтеля, а рудникъ Волшебный превращается въ настоящій волшебный рогъ изобилія.

Заканчивая изложеніе своего проэкта, Зеймовичъ обращался къ московскимъ принципаламъ Венелина со всепокорнѣйшей просьбой: оказать должное давленіе на управляющаго, который, вслѣдствіе какого-то непостижимаго недоразумѣнія, относится къ

Digitized by Google

проэкту не съ полнымъ сочувствіемъ. Но, вмѣстѣ съ этимъ, упрямый еврей заявлялъ самымъ категорическимъ образомъ, что осуществленіе своей грандіозной идеи онъ признаётъ возможнымъ не иначе, какъ при обязательномъ содѣйствіи и сотрудничествѣ Венелина.

По какой-то странной случайности, почти одновременно съ посланіемъ Зеймовича, въ главной конторѣ Бархатова и Чаузова получено было, со штемпелемъ почтоваго вагона одной изъ южныхъ желѣзныхъ дорогъ, анонимное письмо, наполненное самыми грязными и отвратительными инсинуаціями по адресу управляющаго рудникомъ...

Въ самомъ непродолжительномъ времени, въ конторѣ рудника Волшебнаго полученъ былъ изъ Москвы громовой запросъ по поводу крайне неблаговиднаго умолчанія управляющаго о проэктѣ Зеймовича, и строжайшій выговоръ за несочувственное отношеніе къ предложенію, имѣющему громадное значеніе не только для дальнѣйшей будущности рудника, но и для общаго положенія дѣлъ фирмы... Дѣло получило слишкомъ крутой оборотъ, и вопросъ объ арендномъ проэктѣ требовалъ скорѣйшаго, радикальнаго разрѣшенія. Посовѣтовавшись съ Наташей и съ Адріаномъ Максимовичемъ, Венелинъ рѣшился ѣхать въ Москву для личныхъ переговоровъ съ хозяевами о предложеніи Зеймовича, а кстати и для совѣщанія съ опытными юристами о процессѣ рудника съ Ширинкинымъ.

Вмѣстѣ съ братомъ собралась ѣхать въ Москву и Наташа. Добрые люди давно уже хлопотали объ опредѣленіи Миши въ казенное учебное заведеніе, и на дняхъ было получено извѣстіе, что хлопоты должны скоро увѣнчаться успѣхомъ; такимъ образомъ, Наташа должна была везти сына въ Москву. Понятно, она была очень рада случаю ѣхать въ Москву вмѣстѣ съ Алешей.

Итакъ, день отъѣзда назначенъ. Всѣ служебныя и домашнія распоряженія сдѣланы. Разрѣшеніе на поѣздку получено изъ Москвы, и инженеръ Кандиба снабженъ всѣми необходимыми для замѣстительства полномочіями... Въ уютномъ домикѣ идутъ хлопотливые дорожные сборы. Осеннее солнце освѣщаетъ холодными косыми лучами разложенные въ залѣ чемоданы и дорожные мѣшки... Всѣ приготовленія къ отъѣзду окончены, и Алексѣй Степановичъ приказалъ закладывать лошадей.

— Прощайте, барынька моя хорошая, прощайте! — говорилъ Адріанъ Максимовичъ, съ глубокой нѣжностью поглядывая на одѣтую по дорожному Наташу. — Покидаете вы насъ, горемычныхъ! Придется ли еще когда увидѣться?

Digitized by Google

— Увидимся, милѣйшій злючка мой, увидимся! — растроганнымъ голосомъ сказала Наташа.—Пріѣду и гостинцевъ привезу... всѣмъ, всѣмъ привезу. И Григорію Петровичу привезу,—обратилась Наташа къ входившему въ это время Тумаркину.

— Покорнѣйше благодарю-съ, — выговорилъ съ низкимъ поклономъ угрюмый прикащикъ.—Вы, Наталья Степановна... лучше сами пріѣзжайте опять къ намъ...

— Боитесь соскучиться безъ меня? — пошутила Наташа. — Или еще что?.. А-а, понимаю: боитесь опять перепутать въ товарной книгѣ дебетъ съ кредитомъ?..

— И это... и все прочее, — застѣнчиво вымолвилъ Тумаркинъ.—Привыкли мы къ вамъ, Наталья Степановна.

— Что дѣлать, голубчикъ! Теперь привыкли, а тамъ... можетъ быть, и отвыкнете. Опять заживете по старому.

— Нѣтъ, мы привыкли по новому... По новому лучше.

— Лучше?

— Да, Наталья Степановна. Съ вами хорошо жить. Мы всѣ какъ-то при васъ... подобрѣли...

— Однако время не ждетъ,—замѣтилъ Венелинъ, посмотрѣвъ на часы.—Подите-ка, Григорій Петровичъ, поторопите кучера!..

— И Мишутку съ собой увезете!—говорилъ Адріанъ Максимовичъ, гладя по головѣ ласкавшагося къ нему мальчугана. — Напрасно, напрасно!.. Мишутка, скажи: будешь помнить стараго, сердитаго дядю? Да? Вотъ за это спасибо!.. Такъ-то, хорошая барынька: Мишутку берете, а для чего, неизвѣстно. Сами еще не знаете толкомъ, куда его помѣстить...

— Свѣтъ не безъ добрыхъ людей,—печально улыбнулась Наташа.—Куда нибудь помѣстимъ.

— Куда нибудь!—ворчалъ старикъ.—Нѣтъ, не куда нибудь! надо знать, куда именно... Охъ, чуетъ мое сердце, сдѣлаете вы изъ него классика!

— Не все ли равно? Былъ бы только хорошій человѣкъ.

— Вотъ въ томъ-то и вопросъ: классика—сдѣлаете, а человѣка-то нѣтъ.

— Это почему?

— А потому... изуродуютъ тамъ Мишутку.

— Будетъ вамъ! Оракулъ вы мрачный!

— Мрачность тутъ непричемъ. Тутъ дѣло само за себя говоритъ. Посмотрите-ка, что дѣлается въ нашихъ гимназіяхъ... Правду я говорю, Алексѣй Степановичъ?

— Да, въ нашемъ классицизмѣ несомнѣнно есть какая-то несообразность, — вымолвилъ Венелинъ.

Digitized by Google

— Несообразность! Нѣтъ, не несообразность, а нѣчто вопіющее! — Адріанъ Максимовичъ начиналъ горячиться. — Помилуйте: наука говоритъ, что ребенка надо учить только утромъ, что вся учоба его должна оканчиваться въ классѣ, въ живой бесѣдѣ учителя... А господа классики напрямикъ заявляютъ, что если у вашего десятилѣтняго сынишки пѣтъ репетитора, съ которымъ онъ мучился бы часиковъ по пяти каждый вечеръ, такъ онъ и учиться не можетъ!.. Пяти утреннихъ классовъ, — изволите ли видѣть, — для этой премудрости мало: надо еще пять вечернихъ! Да вѣдь это—полное истощеніе, окончательное разрушеніе нравственныхъ и физическихъ силъ ребенка!..

— Адріанъ Максимовичъ, уймитесь!—пыталась Наташа остановить расходившагося противника классицизма.

— Подумаешь, и въ самомъ дѣлѣ премудрость бездонная!— продолжалъ, увлекаясь все болѣе и болѣе, Кандиба.—А вся-то эта премудрость—мѣднаго гроша не стоитъ!.. Поди, какая премудрость: рода женскаго на is, feminini generis... или этотъ пресловутый ablativus absolutus... Умрешь — не узнаешь!.. А посмотрите-ка, какъ справлялись въ старину съ этой латынью наши кутейники: подучится годикъ—другой... глядь: Горація и Тацита безъ лексикона читаетъ! А все потому, что за латынь принимались не грудныя дѣти.

— Пора, пора!—заторопился Алексѣй Степановичъ.—Вонъ и лошади готовы...

У крыльца стоялъ экипажъ Венелина.

Наташа крѣпко поцѣловала Адріана Максимовича. На глазахъ старика выступили слезы.

— Прощай, голубушка!—говорилъ, глотая слезы, Кандиба.— Христосъ съ тобой, моя ясочка! Живи, будь счастлива, не забывай старика.

— Не забуду, мой хорошій, никогда не забуду! — говорила Наташа, не выпуская его изъ своихъ рукъ.

— Спасибо, красавица!.. спасибо, что обѣщаешь исполнить послѣднюю просьбу!.. Помни, родная, что гдѣ-то тамъ... въ какой-то мрачной берлогѣ сосетъ свою лапу старый, сердитый медвѣдь, что этотъ старый медвѣдь любитъ тебя безконечно... Да и какъ же ему... не любить своего солнышка!.. При этомъ солнышкѣ ненаглядномъ ему *легонько дышалось*...

Волненіе и слезы осилили старика; онъ больше не могъ говорить...

На выѣздѣ изъ усадьбы стояла толпа шахтарей. Здѣсь были

Digitized by Google

мужчины, женщины, дѣти, — все поголовно населеніе рудника. Всѣ стояли безъ шапокъ.

— Прощай, родимая!.. прощай, болѣзная! — кричали шахтари.

— До свиданія, друзья мои, до свиданія!—говорила, раскланиваясь на обѣ стороны, Наташа.

VI.

Въ Москвѣ Венелинъ пробылъ болѣе мѣсяца, и въ продолженіе всего этого срока не зналъ ни минуты спокойствія; безъ малаго шесть недѣль продолжалась упорная, отчаянная борьба управляющаго рудникомъ съ главными руководителями знаменитой московской фирмы.

Каждый день, часовъ въ десять утра, Венелинъ являлся въ роскошное помѣщеніе главной московской конторы Бархатова и Чаузова. Часовъ до двѣнадцати онъ проводилъ время въ обществѣ своихъ сослуживцевъ, бесѣдуя съ разными агентами, корреспондентами, контролерами, а преимущественно съ однимъ обрюзглымъ, очень близорукимъ господиномъ, изображавшимъ своей особой главнаго бухгалтера фирмы. Близорукій господинъ очень интересовался личнымъ знакомствомъ съ Венелинымъ, которое могло въ значительной степени содѣйствовать разъясненію нѣкоторыхъ бухгалтерскихъ недоразумѣній, вызываемыхъ полнѣйшимъ незнакомствомъ бухгалтера съ практической и технической стороной каменноугольнаго дѣла. Бухгалтеръ былъ человѣкъ любознательный и не могъ оставаться равнодушнымъ къ тому обстоятельству, что фигурировавшіе въ его гроссбухѣ разные «кверіллаги» являлись для него не болѣе, какъ мудреными терминами, съ которыми въ головѣ его не соединялось никакого опредѣленнаго представленія. Понятное дѣло, близорукій господинъ былъ очень радъ случаю пополнить пробѣлы въ своихъ знаніяхъ и уяснить себѣ нѣкоторыя подробности дѣйствительнаго положенія одного изъ важнѣйшихъ промышленныхъ предпріятій фирмы. Въ свою очередь, и Венелинъ не прочь былъ поближе сойтись съ любознательнымъ бухгалтеромъ, и неоднократно пытался вывѣдать отъ него что либо опредѣленное относительно дѣйствительнаго положеній дѣлъ фирмы, или же добиться какого либо разъясненія того интереснаго факта, что главная бухгалтерія главной московской конторы ухитрилась за всѣ четыре года службы Венелина оставить его безъ всякой

Digitized by Google

надежды на какое бы то ни было процентное вознагражденіе. Но всѣ попытки Венелина удовлетворить свою личную любознательность оставались вполнѣ безуспѣшными: на всѣ его вопросы и замѣчанія близорукій господинъ отвѣчалъ обыкновенно самыми общими и туманными соображеніями, или же начиналъ съ поразительной быстротой набрасывать на счетахъ какіе-то невозможные столбцы громаднѣйшихъ цифръ, отъ которыхъ у Венелина только рябило въ глазахъ.

Ровно въ двѣнадцать часовъ растворялись двери главнаго святилища, и Венелина приглашали въ директорскій кабинетъ. Здѣсь начинались уже настоящіе дѣловые разговоры или, лучше сказать, безконечныя, надоѣдливыя препирательства о тѣхъ безчисленныхъ спорныхъ вопросахъ, которые служили вѣчною причиною разногласія между хозяевами и ихъ управляющимъ. Само собой разумѣется, вопросъ о принятіи или непринятіи предложенія Земмовича обсуждался чаще и дольше всѣхъ остальныхъ. Къ участію въ совѣщаніяхъ, происходившихъ въ директорскомъ кабинетѣ, приглашался нерѣдко и близорукій бухгалтеръ, который являлся, вооруженный книгами, счетами, всевозможными документами, и тотчасъ же принимался съ самымъ безучастнымъ видомъ щелкать на счетахъ. Бухгалтеръ, вообще, замѣтно старался не выходить изъ роли нелицепріятнаго эксперта, призваннаго въ святилище только для выясненія формальной и документальной стороны дѣла, хотя всѣ разъясненія и выкладки этого эксперта, по какой-то странной случайности, всегда служили подтвержденіемъ мнѣнія его принципаловъ... Когда бухгалтеръ, награжденный одобрительнымъ наклоненіемъ головы замѣтно благорасположеннаго къ нему начальства, удалялся за двери святилища и управляющій оставался опять съ глазу на глазъ съ своими хозяевами, упорный бой за пальму первенства въ пониманіи истинныхъ интересовъ Волшебнаго возгорался съ удвоенной силой. Глаза сверкали воинственнымъ блескомъ, голоса достигали крайнихъ предѣловъ повышенной интонаціи, деликатныя замѣчанія смѣнялись крупнымъ разговоромъ, тонкіе намеки переходили въ громкую брань. Начинался невообразимый сумбуръ и нестерпимая безтолковщина. Воздухъ чрезмѣрно насыщался электричествомъ, и страстное возбужденіе хлестало черезъ край... Тогда Венелинъ вооружался терпѣніемъ и упорно молчалъ, ожидая, чтобы электричество разрядилось и волненіе улеглось.

Такіе ожесточенные дебаты продолжались ежедневно часовъ до пяти — шести, а въ экстренныхъ случаяхъ Венелина пригла-

Digitized by Google

шали еще вечеромъ, въ частную квартиру одного изъ учредителей фирмы, гдѣ дебатировались тѣ же самые спорные тезисы, только при другой обстановкѣ и съ обязательнымъ участіемъ бутылки хорошаго вина.

Къ концу шестинедѣльной кампаніи, побѣда, къ величайшему изумленію Венелина, осталась за нимъ. Мирный договоръ между воюющими сторонами формулированъ былъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: предложеніе Земовича отклонить, о чемъ и составить журналъ; копію же этого постановленія вручить управляющему, который не оставитъ увѣдомить Земовича.

Какъ это ни странно, но однимъ изъ главныхъ аргументовъ, заставившихъ московскихъ комерсантовъ признать себя побѣжденными, было категорическое заявленіе Венелина, что, въ случаѣ появленія Земовича въ какой бы то ни было дѣятельной роли на рудникѣ, управляющій немедленно прекращаетъ всякія служебныя отношенія къ фирмѣ Бархатова и Чаузова. Но дѣло въ томъ, что хозяева хорошо знали своего управляющаго и его настоящую цѣну; они понимали, что за тѣ громадные труды, которые такъ безотвѣтно несъ Венелинъ, надо заплатить не полторы тысячи, а, по крайней мѣрѣ, втрое,—и, при этомъ, никогда не быть увѣреннымъ, что управляющій заботится о хозяйскомъ карманѣ. Вѣдь рудничное дѣло—дѣло мудреное, темное; пустячный расходъ на устройство одной какой нибудь сбойки можно вывести и въ двадцать рублей, и въ двѣ тысячи; сколько же эта сбойка стоила на самомъ дѣлѣ—никто никогда не узнаетъ. А этотъ скромный, маленькій человѣкъ несомнѣнно бережетъ хозяйскую копѣйку пуще глаза и доходность рудника доводитъ до размѣровъ, по истинѣ удивительныхъ. Правда, онъ надоѣдаетъ иногда своими филантропическими бреднями, но зато вполнѣ доволенъ своимъ положеніемъ: прибавки жалованья не проситъ, о процентномъ вознагражденіи молчитъ... И, въ довершеніе всего, ухитряется вести дѣло даже совершенно безъ денегъ,—обстоятельство, къ которому господа Бархатовъ и Чаузовъ ни въ какомъ случаѣ не могли оставаться равнодушными.

Съ другой стороны, въ самомъ проэктѣ Земовича нашелся одинъ пунктъ, который не остался безъ нѣкотораго вліянія на окончательное рѣшеніе спорнаго вопроса въ смыслѣ благопріятномъ для Венелина: осторожный еврей распредѣлялъ арендные платежи по третямъ и чуть ли даже не по четвертямъ года. Такія микроскопическія полученія арендной платы были далеко не по вкусу московскимъ комерсантамъ. Другое дѣло, еслибы арендную плату можно было сорвать лѣтъ за пять впередъ,—

Digitized by Google

тогда, можетъ быть, и былъ бы разсчетъ закабалить себя въ эту арендную сдѣлку... Большое впечатлѣніе произвело также заявленное Зеймовичемъ требованіе обязательнаго участія Венелина въ осуществленіи арендаго проэкта. Хотя господа Бархатовъ и Чаузовъ и не считали этого заявленія будущаго арендатора окончательнымъ и безповоротнымъ, но... кто его знаетъ, этого Зеймовича?—вдругъ онъ вздумаетъ настаивать на своемъ требованіи и не согласится быть арендаторомъ при другомъ управляющемъ?.. Тогда московскіе комерсанты рискуютъ остаться и безъ Венелина, и безъ Зеймовича. А это было бы совсѣмъ уже плохо. Кромѣ того, настойчивое желаніе еврейскаго аферпста имѣть своимъ сотрудникомъ Венелина служило такой лестной рекомендаціей и такъ подняло авторитетъ управляющаго въ глазахъ его принципаловъ, что они рѣшились не разставаться съ нимъ ни въ какомъ случаѣ.

Вообще, надо сказать, что господа Бархатовъ и Чаузовъ не желали и даже не находили возможнымъ разставаться въ настоящее время съ такимъ неоцѣненнымъ сотрудникомъ, какъ Венелинъ. Они предполагали продержать его на рудникѣ Волшебномъ еще годъ или два, и затѣмъ поставить во главѣ какого-то новаго грандіознаго предпріятія. Принципалы Венелина могли теперь мечтать о расширеніи своихъ операцій, благодаря одному, совершенно случайному обстоятельству; фирма пріобрѣла недавно очень богатаго,—по крайней мѣрѣ, такъ всѣ говорили,—новаго компаньона. Хотя новый участикъ фирмы несомнѣнно принадлежалъ къ разряду дутыхъ милліонеровъ, тѣмъ не менѣе, касса Бархатова и Чаузова не оставалась въ настоящее время абсолютно пустой, и близорукій бухгалтеръ былъ до извѣстной степени правъ, отвѣчая такими неудобовразумительными обобщеніями на вопросы Венелина о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ фирмы.

Главенствующіе члены фирмы и управляющій рудникомъ разстались какъ нельзя болѣе миролюбиво. Передъ отъѣздомъ Венелина, вынутъ былъ даже изъ архива проэктъ капитальной шахты, разрѣшено внести на слѣдующій годъ въ смѣту особую статью расхода на содержаніе больницы; предположено обратиться въ высшія инстанціи съ ходатайствомъ объ отчужденіи земли для дороги. Вручена была Венелину даже нѣкоторая, хотя и не очень значительная, денежная сумма для текущихъ расходовъ рудника. Ѣздили, наконецъ, въ Большой театръ, на какой-то новый балетъ, а оттуда—ужинать въ Стрѣльну.

Распростившись съ хозяевами и избавившись отъ ежеднев-

Digitized by Google

ныхъ визитовъ въ роскошное помѣщеніе главной конторы Бархатова и Чаузова, Венелинъ получилъ возможность заняться разными другими дѣлами, входившими также въ программу его московскаго путешествія. Побывалъ онъ у нѣкоторыхъ опытныхъ юристовъ, поговорилъ съ ними о процессѣ съ Ширинкинымъ, но опредѣленнаго и утѣшительнаго онъ узналъ черезчуръ мало. Понавѣдался и кое къ кому изъ знакомыхъ, потолкался по разнымъ официальнымъ и неофиціальнымъ учрежденіямъ, съ цѣлью навести, на всякій случай, справки относительно возможнаго заработка. Результаты получались самые неудовлетворительные: всѣ мѣста были переполнены, вездѣ масса алчущихъ и жаждущихъ кандидатовъ. Интеллигентный пролетаріатъ разростался съ ужасающей быстротой.

Опредѣленіе Миши въ казенное учебное заведеніе все затягивалось. Наташѣ необходимо было ѣхать хлопотать въ Петербургъ. Да и стоило ли ей возвращаться въ Волшебное, если самъ управляющій не зналъ, надолго ли онъ ѣдетъ туда?

Венелинъ простился съ Наташей, крѣпко расцѣловалъ любимаго крестника, проводилъ ихъ на вокзалъ николаевской дороги, и поѣхалъ... куда? неужели домой?..

«Какъ ни говори,—размышлялъ Венелинъ, провожая глазами исчезающую вдали колокольню Ивана Великаго и куполъ храма Спасителя,—а надо бѣжать... бѣжать, пока цѣлъ!»

VII.

Во время отсутствія Венелина, дѣло рудника Волшебнаго съ землевладѣльцемъ Ширинкинымъ о дорогѣ шло своимъ порядкомъ.

Прежде всего, дѣло это слушалось у мѣстнаго мироваго судьи Баламутина. Адвокатъ Венелина, явившійся въ назначенный день въ камеру Баламутина, какъ представитель рудника, произнесъ довольно остроумную рѣчь, въ которой онъ не столько занимался юридической стороной дѣла, сколько пытался пробудить въ душѣ дремавшаго во время преній судьи инстинкты хотя бы самой элементарной порядочности. Краснорѣчивый ораторъ усиленно старался вразумить Баламутина, что каждый мало-мальски порядочный человѣкъ,—тѣмъ болѣе, всякое лицо, облеченное извѣстными судебными полномочіями,—безусловно обязано имѣть уваженіе къ понятію о правѣ и не смотрѣть на тяжущихся, какъ на безсловесныхъ животныхъ, изъ которыхъ одни напередъ обречены быть козлищами, а другія—агнцами. Нисколько не сму-

Digitized by Google

щенный такими гнусными инсинуаціями,—какъ выразился вечемъ въ клубѣ самъ Баламутинъ,—мировой судья торжественно прочелъ рѣшеніе, въ силу котораго за землевладѣльцемъ Ширинкинымъ признано было безусловное право неограниченнаго распоряженія его собственностью. Вслѣдъ за тѣмъ, Баламутинъ досталъ изъ стола заготовленный уже ранѣе исполнительный листъ, и немедленно вручилъ его повѣренному истца.

На слѣдующее утро, путники, проѣзжавшіе по дорогѣ, соединявшей рудникъ Волшебный со станціей Ольховаткой, были крайне поражены неожиданно выросшей на дорогѣ преградой устроенной по образцу шоссейныхъ заставъ. Приставленный к барьеру сторожъ поднималъ шлагбаумъ передъ всѣми проѣзжающими господами и мужиками,—за исключеніемъ только подводъ съ каменнымъ углемъ рудника московской компаніи Бархатова и Чаузова. Рудникъ Волшебный замеръ, затихъ, и вѣсовщикъ Гронъ далъ уже куда слѣдуетъ телеграмму, чтобы ему прекратили до поры до времени подачу вагоновъ. Остававшійся на складѣ небольшой запасъ отборнаго угля Гронъ приберегалъ для самыхъ привилегированныхъ покупателей. Зеймовичъ, несомнѣнно принимавшій,—что было теперь для всѣхъ очевидно,—большое участіе въ «дорожномъ» процессѣ, чего-то пока выжидалъ. Съ Золотиловымъ онъ не видался ни разу, тщательно скрывался отъ него и ничего не отвѣчалъ на всѣ его умоляющія и угрожающія посланія... Адвокатъ Венелина подалъ апеляціонную жалобу на рѣшеніе мироваго судьи. Оставалось двѣ недѣли до дня, назначеннаго для разбирательства дѣла о дорогѣ въ мировомъ съѣздѣ, а еще черезъ двѣ недѣли предстояла окончательная продажа Благодатнаго съ аукціоннаго торга. Тогда Зеймовичъ поѣхалъ къ Золотилову.

«Папаша» нашелъ «сынка» въ самомъ ужасномъ видѣ. Александръ Владиміровичъ такъ упалъ духомъ, что не былъ въ состояніи даже ругаться.

— Проценты привезъ?—встрѣтилъ жида Золотиловъ.

— А вы у господина Венелина были?

— Какъ же я къ нему поѣду, когда онъ удралъ въ Москву!

— Скоро вернется.

— И вернется—толку будетъ немного. Ему теперь не до аренды: ему впору только возиться съ дорогой!..

— Зачѣмъ такъ? Не правда. Одно дѣло другому никогда не мѣшаетъ. И вы поѣзжайте. Вы хлопочите!

— Что понапрасну воду толочь!.. Говори, лучше: привезъ ли проценты?

Digitized by Google

— Проценты—дѣло пустое. Нужно будетъ—внесемъ. Только вы... хлопочите!

— Наладилъ одно: хлопочите!.. А какъ онъ меня выгонитъ въ шею?

— Надо сдѣлать, чтобы не выгналъ. Надо ему пособить. Надо придумать.

И Зеймовичъ какъ будто бы въ самомъ дѣлѣ сталъ что-то придумывать.

— У васъ долженъ быть планъ,—медленно заговорилъ онъ, не спуская своего пронзительнаго взгляда съ Золотилова.—Давно, когда я жилъ въ Благодатномъ, я видалъ этотъ планъ: старый такой, темный. Онъ еще отъ той поры, какъ папаша вашъ судился съ княземъ, у котораго старый Ширинкинъ—отецъ этого—землю купилъ... Вотъ вы планъ-то возьмите и отвезите господину Венелину. Онъ на судѣ пригодится. По этому плану все дѣло рѣшится. А ужь мы похлопочемъ.

— Что жъ, это можно. Отчего не свезти!

— Только недаромъ. Зачѣмъ? Даромъ нельзя! Вы такъ и скажите: господинъ Венелинъ, получите планъ, а намъ прикажите похозяйничать въ лавкѣ, да-съ... И насчетъ шинка... и насчетъ прочаго...

Зеймовичъ какими-то таинственными путями получилъ уже извѣстіе, что дѣло его въ Москвѣ, какъ говорится, не выгорѣло, но онъ зналъ, что все зависитъ отъ управляющаго: стоитъ Венелину сказать слово—и рудникъ Волшебный не минуетъ загребистыхъ жидовскихъ лапъ... Золотиловъ не сразу постигъ главную сущность предложенія, которое дѣлалъ ему еврей. Но, подумавъ немного, онъ вполнѣ уразумѣлъ значеніе и смыслъ поѣздки въ Волшебное, на которую уполномочивалъ его Зеймовичъ. Тогда, оскорбленный представитель доблестныхъ традицій возмутился до глубины души и закипѣлъ самымъ искреннимъ негодованіемъ. Онъ всталъ во весь ростъ и заговорилъ рѣзкимъ, самоувѣреннымъ тономъ, сопровождая свою рѣчь полными достоинства, негодующими жестами.

— Да вы съ ума сошли!—возмущался Золотиловъ.—Какое вы имѣете право дѣлать мнѣ такія гнусныя предложенія? Какъ вы осмѣлились... предлагать мнѣ то, то... на что можетъ согласиться развѣ только какой нибудь негодяй, какой нибудь червонный валетъ!.. Какъ это вамъ нравится, а! вдругъ я, Золотиловъ, поѣду къ какому нибудь Венелину торговаться изъ-за плана, который я, какъ честный человѣкъ, долженъ отослать ему сейчасъ же, безъ всякихъ разсужденій!..

Digitized by Google

Зеймовичъ невозмутимо выслушалъ всю эту рѣчь до конца и только барабанилъ пальцами по столу. Когда красноречіе Золотилова истощилось и онъ въ изнеможеніи опустился на кресло, отирая платкомъ свое вспотѣвшее лицо, Зеймовичъ сталъ говорить:

— Не поѣдете — и не надо. На все ваша барская воля. И на все остальное — воля будетъ ваша. И проценты будете сами платить. А мы тутъ совсѣмъ непричемъ.

Золотиловъ моментально съежился и притихъ; онъ такъ и застылъ въ неподвижной позѣ, съ рукой, державшей платокъ у лица. Физіономія его имѣла такое выраженіе, точно его вдругъ ударили по лбу, и ударили очень больно, до синяка.

— А напрасно. Право, напрасно, — спокойнымъ, увѣреннымъ тономъ изливался Зеймовичъ. — И всѣ ваши слова — одна глупость. Какое дворянство! Какая тутъ честь! Когда дѣлаютъ дѣло — глупости надо забыть. А когда петля на шеѣ — все тогда честно.

Зеймовичъ остановился въ изложеніи своей талмудической философіи и нѣкоторое время, молча, наблюдалъ свою несчастную жертву. Золотиловъ понурилъ голову и съ тупымъ отчаяніемъ смотрѣлъ въ землю.

— Глупости-то оставьте, — затянулъ опять свою пѣсню еврейскій паукъ. — Вотъ какъ господинъ Венелинъ пріѣдутъ, такъ вы и поѣзжайте. И попросите, и принажмите... А мы для васъ похлопочемъ; и проценты внесемъ, и всякую помощь окажемъ.

— Но вѣдь это ужасно! — съ глухимъ отчаяніемъ вымолвилъ Золотиловъ. — Вѣдь это, наконецъ, невозможно!.. О, Боже, до чего я дожилъ!.. Жидъ, не могу! хоть повѣсь, — не могу! Возьми этотъ планъ... дѣлай, что хочешь... поѣзжай самъ.

— Зачѣмъ мнѣ чужая вещь? — пожалъ плечами Зеймовичъ. — Да не все ли равно? всѣ будутъ знать, чей это планъ.

— А я не поѣду! — закричалъ, ударяя кулакомъ по столу, Золотиловъ. — Жидъ, слышишь? — не поѣду!

— Вы не поѣдете — мы поѣдемъ... на торги, покупать Благодатное.

Золотиловъ уронилъ голову на столъ и зарыдалъ.

— Зарѣзалъ, жидъ!.. поѣду!..

VIII.

За недѣлю до того дня, въ который долженъ былъ рѣшаться на мировомъ съѣздѣ вопросъ о дорогѣ, Венелинъ вернулся въ Волшебное.

Digitized by Google

Когда онъ подъѣзжалъ къ заставѣ, сооруженной Ширинкинымъ на дорогѣ, стоявшій у барьера сторожъ очень предупредительно поднялъ шлагбаумъ: очевидно, эта импровизованная преграда предназначалась исключительно только для подводъ съ каменнымъ углемъ рудника Волшебнаго.

На шахтахъ и въ усадьбѣ было какъ-то черезчуръ тихо, мертвенно. Магазинъ и конюшня были заперты. Прикащикъ Тумаркинъ съ меланхолическимъ видомъ сидѣлъ на завалинкѣ. Адріанъ Максимовичъ, въ задумчивой позѣ, ожидалъ Венелина на крыльцѣ.

— Какъ поживаете, дружище?—спрашивалъ Алексѣй Степановичъ, крѣпко обнимая Кандибу.

— Плохо. Бездѣйствуемъ.

— Да, вы писали.

— А вы что новенькаго привезли изъ Москвы? Что наша хорошая барынька?

— Поѣхала въ Петербургъ... Велѣла васъ поцѣловать.

— Спасибо!.. не забываетъ старика.

Продолжая разговаривать, они вошли въ домъ. Алексѣй Степановичъ переодѣлся и расположился пить чай, вдвоемъ съ инженеромъ.

— Ну, а что ваши ироды?—спросилъ Адріанъ Максимовичъ.

— Это вы насчетъ принципаловъ?

— Да.

— Жида,—я вамъ писалъ,—провалили.

— За это спасибо. Ну, а какъ тамъ у нихъ вообще?

— Ничего. Какъ будто повеселѣло. Тамъ у нихъ какой-то компаньонъ новый нашелся.

— Новый фортель, больше ничего.

Венелинъ улыбнулся.

— Можетъ быть, и такъ,—замѣтилъ онъ.—Но тонъ у нихъ, во всякомъ случаѣ, повысился. Денегъ даже дали мнѣ на дорогу. Спасибо и за то.

— Подождите говорить: спасибо! Тутъ денегъ нужно пропасть. Надо выдать жалованье всѣмъ служащимъ, надо заплатить за муку, да шахтарямъ надо приготовить — пять тысячъ о-бя-зательно!

— Почему это такъ: обязательно?

Адріанъ Максимовичъ отвѣтилъ не сразу: ему, очевидно, не хотѣлось огорчить друга какимъ-то непріятнымъ извѣстіемъ.

— Неладно у насъ, голубчикъ, неладно! — заговорилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.—Шахтари прекратили работу. Говорятъ: что же мы будемъ работать, когда дорогу закрыли? Товаръ будетъ лежать зря, и денегъ не будетъ.

Digitized by Google

— Это еще что за новости?

— Вотъ вамъ и новости! Работать перестали, а домой нейдутъ... требуютъ разсчета, да чтобы сполна. Понимаете.

— Понимаю... Но это, во всякомъ случаѣ, очень странно...

— Ничего не подѣлаешь! Дурные примѣры-то у насъ подъ бокомъ: Ворошиловскій рудникъ, вонъ онъ, — рукой отсюда подать...

— Тамъ что нибудь случилось?

— Тамъ дѣло серьезное... А все надѣлалъ Скрутилло,—вѣдь онъ пристроился тамъ на службу. Малый онъ ловкій: съумѣлъ подбиться къ управляющему, а самъ устроилъ особое соглашеніе съ жидомъ-кабачикомъ. Проходитъ мѣсяцъ, другой — не даютъ рабочимъ въ конторѣ ни денегъ, ни хлѣба, а только все посылаютъ къ жиду. Бились, бились шахтари, да и сами стакнулись— по своему, по хохлацки. Сначала сидѣли смирно, а теперь, говорятъ, начинаютъ галдѣть.

— Да... такъ вотъ оно что!.. Ну, у насъ до этого не дойдетъ.

— Какъ же вы думаете насчетъ денегъ?

— Устроимъ какъ нибудь. Уголь на станціи есть?

— Гронъ приберегъ. Онъ хочетъ продавать остатки по рублю за пудъ.

— Ну, вотъ и прекрасно.

Разговоръ оборвался. Адріанъ Максимовичъ сосредоточенно курилъ. Венелинъ просматривалъ копію апеляціонной жалобы своего повѣреннаго.

— Алексѣй Степановичъ!—заговорилъ опять Кандиба.—Я разбиралъ тутъ безъ васъ кой-какія свои бумажонки и нашелъ, между прочимъ, черновой набросокъ здѣшней мѣстности. Этотъ брульончикъ сдѣланъ былъ мною давно, лѣтъ тридцать тому назадъ, когда я занимался изысканіями на землѣ покойнаго князя... А теперь я припоминаю, что въ то время у меня въ рукахъ былъ настоящій форменный планъ...

— Ну?

— И на планѣ этомъ ясно была обозначена дорога, изъ-за которой мы судимся теперь съ жидомъ... то бишь, съ Ширинкинымъ. Этотъ планъ долженъ былъ остаться у покойнаго батюшки Александра Владиміровича.

Венелинъ задумался.

— Вотъ, еслибы достать этотъ планъ, — продолжалъ Кандиба, — вашъ повѣренный заговорилъ бы на судѣ совсѣмъ по другому.

— Да, это было бы очень недурно, — замѣтилъ Венелинъ.—

Digitized by Google

Адвокатъ говорилъ: еслибы планъ былъ у него въ рукахъ, онъ потягался бы съ этими совѣстными судьями. Вопросъ: гдѣ теперь этотъ планъ?

— Онъ долженъ быть у Золотилова, въ Благодатномъ, и вамъ не мѣшаетъ справиться.

— Завтра пошлю. Только едва ли пріятель нашъ дастъ. Ему жидъ не позволитъ.

— А вы все таки пошлите.

Разговоръ опять оборвался.

— Такъ вы говорите, Адріанъ Максимовичъ, — спросилъ, послѣ небольшой паузы, Венелинъ: — шахтари требуютъ денегъ сполна?

— Да.

— А водку они пьютъ?

— Вчера пили и шумѣли изрядно.

— Це дѣло треба разжувати, — выразился хохлацкой поговоркой Венелинъ.

— Треба, и даже большая треба, — подтвердилъ Кандиба.— Самъ Иванъ Тимофеевичъ—и тотъ призадумался: совсѣмъ пересталъ даже пить.

Въ это время, въ комнату вошелъ штейгеръ Зазвоновъ.

— Что новаго?—спросилъ управляющій.

— Бунтуютъ-съ,—отвѣчалъ штейгеръ.

— Ужь и бунтуютъ?—улыбнулся Венелинъ.

— Очень мутятъ ихъ эти ворошиловскіе шахтари,—серьезно проговорилъ Зазвоновъ. — Ихъ тутъ много понабѣжало. А наши все посылаютъ за водкой.

— А на какія деньги?—спросилъ Кандиба.

— Кабачикъ Зундель отпускаетъ въ кредитъ.

— Мерзавецъ!

— Алексѣй Степаиовичъ! — какъ-то несмѣло вымолвилъ Зазвоновъ.—Вѣдь завтра праздникъ... Перепьются—задурятъ. Не послать ли къ старшинѣ или къ уряднику?

— Полноте, Иванъ Тимофеевичъ!..—и Венелинъ потрепалъ могучаго штейгера по плечу. — Какъ вамъ не стыдно: этакій богатырь—и вдругъ труситъ!

— Да я что же-съ? — сконфуженно бормоталъ Зазвоновъ, — я—какъ вы...

— То-то и есть. Развѣ вы меня не знаете?

Digitized by Google

XI.

На слѣдующій день, рано утромъ, пріѣхалъ въ Волшебное Александръ Владиміровичъ Золотиловъ. «Вотъ чудеса-то!—подумалъ Венелинъ, встрѣчая неожиданнаго гостя.—Неужели же онъ самъ догадался привезти планъ?..» Золотилова трудно было даже узнать: до такой степени перемѣнился онъ за послѣднее время. Онъ весь осунулся, очень постарѣлъ и похудѣлъ. Вся фигура его служила олицетвореніемъ какой то приниженности и самаго безотраднаго унынія. На приглашеніе Венелина, Александръ Владиміровичъ медленной, задержанной походкой прошелъ въ кабинетъ.

— Алексѣй Степановичъ! — тихимъ, растеряннымъ голосомъ заговорилъ Золотиловъ.—Вы давно не видались съ Зеймовичемъ?

— Давно. А что?—отвѣчалъ Венелинъ, съ сожалѣніемъ оглядывая понурившуюся фигуру гостя.

— Зеймовичъ говорилъ, что предлагалъ вамъ одно дѣло.

— Да, предлагалъ.

— А вы не хотите? Вы ему отказали?

— Рудникъ не мой, и я не могу имъ распоряжаться. Зеймовичу отказали мои хозяева.

— Зеймовичъ говоритъ: это отъ васъ зависитъ. Впрочемъ, я не о томъ... я это такъ...

Наступило молчаніе.

— У васъ тутъ процессъ,—говорилъ, все болѣе и болѣе запутываясь, Золотиловъ.—Вамъ закрыли дорогу?..

— Закрыли.

— Какое вопіющее дѣло! Вотъ и Сергѣй Сергѣевичъ говоритъ... Впрочемъ, я могу попросить Константина Дмитріевича.

— Напрасно будете безпокоиться: ваша просьба не поможетъ.

— Да... не поможетъ, я знаю...

Золотиловъ снова умолкъ.

— Алексѣй Степановичъ!—окончательно упавшимъ голосомъ заговорилъ онъ опять.—Вы не собираетесь... къ намъ?..

— Право, не знаю.

— Я такъ спросилъ. Мнѣ говорила Валентина... Она вамъ кланяется, проситъ.

— Покорно благодарю.

— У насъ горе, и большое. Благодатное продаютъ.

Золотиловъ окончательно замолчалъ и не пытался уже болѣе возобновить разговоръ. Сердце Венелина сжалось отъ боли.

Digitized by Google

— Александръ Владиміровичъ! — съ искреннимъ участіемъ обратился онъ къ упорно молчавшему Золотилову.—Что съ вами? Скажите, ради Бога! Вы такъ разстроены; на васъ лица нѣтъ...

Золотиловъ не отзывался и все ниже и ниже опускалъ голову.

— Вы что-то хотите сказать,—продолжалъ Венелинъ.—И все не рѣшаетесь.

— Я... привезъ планъ, — какъ-то нерѣшительно вымолвилъ гость.

— За это спасибо. Но почему же вы такъ долго не рѣшались заговорить объ этомъ планѣ?

Золотиловъ поднялъ на Венелина испуганные глаза.

— Какъ, вы знаете? Какимъ образомъ? — дрожащимъ голосомъ спросилъ онъ.

— Очень просто, — непринужденно отвѣчалъ Венелинъ, стараясь ободрить Золотилова. — Мнѣ Адріанъ Максимовичъ сказалъ, что планъ этотъ у васъ.

— Да, у меня. Но я не могу отдать... Чтобы получить въ свои руки этотъ планъ,—съ отчаянной рѣшимостью выговорилъ Золотиловъ,—вы должны согласиться на предложеніе Зеймовича.

Венелинъ отрицательно покачалъ головой.

— Почему нѣтъ?—говорилъ, нѣсколько оживляясь, Золотиловъ.—Предложеніе хорошее, и даже очень выгодное для васъ. Вамъ будетъ гораздо спокойнѣе, а дивидендъ будетъ больше... Вся разница въ томъ, что, вмѣсто вашего прикащика, въ лавкѣ будетъ сидѣть прикащикъ Зеймовича. А это для васъ безразлично. Вотъ развѣ только кабакъ... но вѣдь шахтари ваши все равно посылаютъ за водкой къ Зупделю.

— Это невозможно,—коротко отвѣтилъ Венелинъ.

— Мало ли что невозможно!—говорилъ, все болѣе воодушевляясь, Золотиловъ.—Захотите, такъ будетъ возможно. Вы слишкомъ упрямы. И къ тому же очень зазнались... Вы хотите, чтобы только вамъ однимъ было хорошо, а кругомъ васъ — всѣ хоть съ голоду умирай! Подумаешь, какая особа! Ему, изволите видѣть, не хочется, изъ-за пустаго каприза, подписать какой-то глупѣйшій контрактъ, а я изволь изъ-за него пропадать!..

— Александръ Владиміровичъ, довольно!—остановилъ Венелинъ расходившагося Золотилова. — Не заходите черезчуръ далеко! Вѣдь вы хорошо знаете, что я никогда не отдамъ рудника Зеймовичу. Конечно, я понимаю: васъ заставила крайность... Но зачѣмъ же, зачѣмъ эти попытки доказать, что черное можетъ стать бѣлымъ?.. Ужь если вы, дѣйствительно, дошли до та-

Digitized by Google

кого положенія, что должны были явиться въ этомъ гнусномъ дѣлѣ адвокатомъ Зеймовича,—лучше было бы откровенно сознаться...

— Проклятіе! — воскликнулъ Золотиловъ. — Я говорилъ, что это будетъ такъ... О, жидъ проклятый! неужели нѣтъ для тебя висѣлицы? Алексѣй Степановичъ, вѣдь я понимаю!.. мнѣ больно, мнѣ стыдно! Но что же мнѣ дѣлать?!

Венелинъ не зналъ, что отвѣтить, и печально молчалъ.

— Алексѣй Степановичъ! — жалкимъ, умоляющимъ голосомъ произнесъ Золотиловъ.—Сдѣлайте это... для моихъ дѣтей!

— Для вашихъ дѣтей?—грустно повторилъ Венелинъ.—А эти шахтари—они такія же дѣти, а ихъ большая, большая семья... Что же будетъ съ этой несчастной семьей, если я отдамъ ее на растерзаніе кровожадному звѣрю?..

Золотиловъ уѣхалъ ни съ чѣмъ.

X.

Не успѣлъ еще экипажъ Золотилова скрыться за бугромъ, отдѣлявшимъ усадьбу отъ проѣзжей дороги, какъ на шахтахъ Волшебнаго разнеслась вѣсть, что на Ворошиловскомъ рудникѣ рабочіе разгромили кабакъ жида - арендатора, разграбили лавку и оцѣпили своимъ карауломъ домъ управляющаго, который, впрочемъ, успѣлъ скрыться. А вскорѣ прискакалъ гонецъ съ позднѣйшими извѣстіями, что кабакъ и лавка подожжены шахтарями; Скрутилло ожидаетъ рѣшенія своей участи, запертый въ какомъ-то подвалѣ, и ко всѣмъ предержащимъ властямъ отправлены умоляющія и угрожающія телеграммы.

Первый, получившій эти извѣстія, былъ штейгеръ Зазвоновъ. Онъ тотчасъ же далъ знать управляющему о событіяхъ на Ворошиловскомъ рудникѣ, а самъ занялся бдительной повѣркой разставляемыхъ имъ сторожевыхъ постовъ, охранявшихъ входы въ шахты, и зорко слѣдилъ за всѣми движеніями собиравшихся въ небольшіе кружки шахтарей. Зазвоновъ безусловно вѣрилъ управляющему и потому былъ до извѣстной степени спокоенъ за исходъ предстоявшихъ событій; но въ закаленной душѣ видавшаго виды штейгера подымалось смутное, досадливое ощущеніе всякій разъ, какъ онъ вспоминалъ объ упрямствѣ Венелина, который такъ легкомысленно отнесся вчера къ предложенію послать предупредительное извѣщеніе старшинѣ или уряднику... Весь день прошелъ относительно благополучно. Шахтари усердно пили водку, немного шумѣли, немного галдѣли, но крупныхъ сканда-

Digitized by Google

ловъ не затѣвали. Венелинъ начиналъ уже думать, что нынѣшній день кончится безъ особенныхъ приключеній. Онъ сидѣлъ въ кабинетѣ и спокойно разсуждалъ съ Кандибой о той гнусной роли, которую жидъ заставилъ сыграть Золотилова, и о другой не менѣе гнусной роли, которую разыгрывалъ на Ворошиловскомъ рудникѣ бывшій управляющій Золотилова...

Но, съ наступленіемъ вечера, положеніе дѣлъ значительно измѣнилось къ худшему. На шахтахъ все появлялись новыя незнакомыя личности,—рабочіе съ сосѣднихъ рудниковъ, въ томъ числѣ и съ Ворошиловскаго. Эти пришлые люди приносили массу самыхъ неправдоподобныхъ извѣстій о быстромъ успѣхѣ и о различныхъ интересныхъ подробностяхъ ворошиловскаго бунта,—что̀ невольно содѣйствовало все бо̀льшему и бо̀льшему возбужденію мѣстныхъ рабочихъ... Между тѣмъ водка дѣлала свое дѣло: шахтари все пили и пили, и наконецъ допились до того состоянія, которое прямо граничитъ съ понятіемъ невмѣняемости. Когда солнце скрылось за далекимъ темнымъ лѣсомъ, и туманная мгла стала окутывать и степь, и усадьбу, и шахты,—на дворѣ показалась довольно густая толпа шахтарей, состоявшая почти на половину изъ постороннихъ, пришлыхъ рабочихъ. Толпа эта, числомъ въ триста или четыреста человѣкъ, направилась, прежде всего, къ зданію магазина, но, убѣдившись, что доступъ туда прегражденъ громадными замками и крѣпкими запорами, пошла разыскивать прикащика, съ цѣлью заставить его немедленно отпереть магазинъ. Еле двигавшій языкомъ отъ страха, Тумаркинъ объяснилъ шахтарямъ, что магазинъ запертъ по приказанію управляющаго и ключи отнесены къ нему въ домъ. Тогда вся эта, пока еще смирная и немногорѣчивая, толпа направилась къ дому управляющаго.

Венелинъ вышелъ, въ сопровожденіи Кандибы, на крыльцо и спросилъ шахтарей, что̀ имъ нужно? Шахтари отвѣчали, что они просятъ отпереть лавку, такъ какъ хотятъ брать товаръ. Управляющій заявилъ, что теперь уже поздно идти въ лавку, и предложилъ шахтарямъ—лучше отправиться спать.—Шахтари объявили, что они не уйдутъ, пока имъ не отопрутъ лавку.

— Полно, ребята, дурачиться! — сказалъ довольно ласково Венелинъ.—Наладили одно: лавка да лавка... Авось доживете до завтра безъ лавки!

— Прикажи отпереть сейчасъ!—раздались голоса.—Заберемъ весь товаръ!..

— А какой товаръ будете брать?—пошутилъ Алексѣй Степановичъ.

Digitized by Google

— Какой придется!—кричали въ толпѣ.—Хотимъ, чтобы въ чистую!.. На весь домъ заберемъ!

— Да много ли его всего-то!—продолжалъ шутить управляющій.—За мной всего-то осталась бездѣлица. И ту скоро получите.

— Скоро да скоро!—шумѣли шахтари. — Мы это слыхали. Мы и такъ долго ждали. А теперь уголь шабашъ: дорогу закрыли...

— Какіе вы странные люди!—другимъ уже тономъ сказалъ Венелинъ.—Говорите, не зная что! Уголь на станціи есть, и Грону приказано продать его весь, безъ остатка. Деньги эти пойдутъ вамъ до послѣдней копѣйки.

— Такъ, вѣрно!—раздалось въ толпѣ.—Сказывалъ штейгеръ!.. Только не хватитъ. А мы хотимъ, чтобы вразъ!

— Если этихъ денегъ не хватитъ,—продолжалъ, не останавливаясь, Венелинъ,—у насъ еще есть въ запасѣ. Вы знаете, не нынче завтра пріѣдетъ баринъ, который паровую молотилку внаймы отдаетъ: онъ будетъ брать уголь прямо на шахтахъ и платить чистыя деньги на мѣстѣ. Эти деньги вы также возьмете себѣ. Вотъ мы и будемъ съ вами въ разсчетѣ... А вы, вишь, что придумали: не хотимъ, молъ, одного дня подождать!

— Зачѣмъ ждать?.. Не хотимъ ждать!—зашумѣли опять въ толпѣ.—Подавай намъ сейчасъ. Не хотимъ твоего барина дожидать!.. Онъ пріѣдетъ, либо нѣтъ!.. Отпирай лавку...

— Полно вздоръ городить!—строго сказалъ Венелинъ.—Лавка не ваша, и распоряжаться ею вы не смѣете. А если не хотите меня слушать, такъ я и говорить съ вами не стану... Убирайтесь отсюда!

— Да мы что жъ! мы не то что!—раздавались отдѣльные голоса въ толпѣ, на которую замѣтно подѣйствовалъ энергическій окрикъ управляющаго.—Мы не ради чего! Мы только чтобы поскорѣе!

— То-то вотъ: знаемъ да знаемъ!—полушутливо, полусерьезно передразнилъ шахтарей Венелинъ.—Знать-то мы знаемъ, а дурь на себя напускаемъ!.. Смутьяны какіе-то насъ соблазняютъ, да зелья этого не въ мѣру хватили. Эхъ, вы! а еще друзья-пріятели называетесь!—уже совсѣмъ ласково укорялъ шахтарей управляющій.—Ступайте-ка, ребята, спать, а разговоры оставьте до завтра! Небось знаете: утро вечера мудренѣе...

Съ этими словами, Венелинъ ушелъ въ домъ. Толпа была замѣтно сконфужена, озадачена. Шахтари имѣли какой-то растерянный, недоумѣвающій видъ... Стоявшіе ближе къ крыльцу начали оттѣснять стоявшихъ въ заднихъ рядахъ, и толпа стала медленно отливать отъ дома.

Digitized by Google

— Вотъ такъ волшебныя копи!—острилъ Адріанъ Максимовичъ, возвращаясь съ Венелинымъ въ кабинетъ.—Это выходитъ совсѣмъ на манеръ господина Золя! Монсо-ле-минъ да и только!..

Въ это мгновенье, въ дребезги разлетѣлось стекло въ одномъ изъ оконъ, выходившихъ на дворъ: порядочный величины камень влетѣлъ въ комнату и упалъ къ ногамъ Алексѣя Степановича. Венелинъ и Кандиба бросились на крыльцо. Толпа опять волновалась, галдѣла, шумѣла; пьяные шахтари съ громкими, безпорядочными криками напирали на крыльцо.

— Кто бросилъ камень?—громко спросилъ Венелинъ.

Толпа на мгновеніе затихла.

— Я васъ спрашиваю: кто бросилъ камень?—повторилъ еще разъ Венелинъ.

Въ толпѣ раздались смутные, неопредѣленные крики: не то укоряющіе и негодующіе по адресу бросившаго камень, не то вызывающіе и угрожающіе—по адресу управляющаго.

— Въ послѣдній разъ спрашиваю: кто бросилъ камень?—сильно возвысилъ голосъ Венелинъ.—Если вы скажете, кто это сдѣлалъ, я буду знать только, что между вами нашелся одинъ негодяй, у котораго поднялась рука обидѣть меня безъ всякой причины. А если не скажете, я буду смотрѣть на всѣхъ васъ, какъ на моихъ кровныхъ обидчиковъ.

Толпа галдѣла самымъ неистовымъ образомъ. Изъ общаго гула долетали отрывочныя фразы пьяныхъ голосовъ:

— Эка невидаль! бросили—и шабашъ!.. Не дѣло, ребята! Сказывай: кто бросилъ!.. Зачѣмъ баловать? Мы не то еще сдѣлаемъ! Мы имъ покажемъ. Не все обижать насъ!..

Венелинъ смѣло вошелъ въ толпу.

— Кто сказалъ: *обижать*?—громко спросилъ онъ, глядя въ упоръ на высокаго, худаго рабочаго, отъ котораго сильно несло водкой.—Это ты говоришь, Митрофанъ: обижать? Ты, которому я недавно простилъ штрафъ за прогульные дни, за разбитую тобою бадью? И ты говоришь: обижать!

— Чего тамъ!—гудѣли въ толпѣ.—Нечего лясы-то точить? Чѣмъ мы хуже людей! Пора, пора!..

— Это ты говоришь: пора? — старался перекричать толпу Венелинъ, нервно схватывая за руку растрепанную фигуру молодаго, рыжаго шахтаря. — Это ты, Иванъ, котораго давно пора прогнать съ рудника, который недавно еще валялся въ ногахъ у сестры и умолялъ простить тебя въ послѣдній разъ для твоихъ ребятишекъ!..

Толпа шумѣла все больше и больше. Въ воздухѣ стоялъ

Digitized by Google

какой-то безобразный стонъ и нестерпимый гомонъ пьяныхъ голосовъ... Рослый, совсѣмъ пьяный дѣтина, физіономія котораго была совершенно незнакома Венелину, оралъ самымъ неистовымъ образомъ:

— Шабашъ, ребята! Вали! идемъ въ магазинъ...

— Ты кто такой?—рѣзко спросилъ, подходя къ незнакомцу, Венелинъ. — Ты зачѣмъ здѣсь?.. Ты затѣмъ и пришелъ, чтобы мутить понапрасну людей, подбивать ихъ на грѣхъ! Вонъ отсюда, негодяй!..

Съ этими словами, Венелинъ схватилъ рослаго дѣтину за шиворотъ и съ такой силой вышвырнулъ изъ толпы, что тотъ покатился кубаремъ по травѣ. Сцена эта подѣйствовала на толпу самымъ ошеломляющимъ образомъ. Нестройные крики сразу затихли. Болѣе трезвые шахтари старались удержать болѣе пьяныхъ. Толпа сама собой какъ-то раздвинулась, и управляющій оказался въ центрѣ пустаго пространства, въ кругу шахтарей.

— Не стыдно вамъ, братцы, не совѣстно? — медленно и съ разстановкой заговорилъ Венелинъ.—Затѣяли вы смуту и шумъ,— сами не знаете для чего... И не вы это затѣяли, а затѣяли это пришлые, сторонніе люди, которые дѣлъ нашихъ не знаютъ, и только даромъ хотятъ навести васъ на грѣхъ! А вы, какъ неразумныя малыя дѣти, польстились на злыя слова и сразу забыли все, все... Забыли вы, какъ жили мы съ вами здѣсь не одинъ годъ, не два, жили тихо и мирно, въ любви и согласіи; жили по дружески и по божески, безъ обиды, безъ злобы. За что вы меня такъ кровно обидѣли? За что бросили этотъ камень, который такъ больно ударилъ меня въ самое сердце?!..

Толпа давно затихла, замолкла. Пристыженныя головы опустились къ низу; въ пьяныхъ, безсмысленныхъ дотолѣ глазахъ засвѣтилось разумное чувство. Изъ заднихъ рядовъ шахтарей протискалась какая-то растерзанная фигура, показавшаяся Венелину знакомой. Фигура эта повалилась управляющему въ ноги и завопила самымъ отчаяннымъ образомъ:

— Мой грѣхъ, Алексѣй Степановичъ, казни! Это я бросилъ камень.

— Прошка! — съ изумленіемъ воскликнулъ Венелинъ.

Да, это былъ Прошка, тотъ самый Прошка, который такъ поразилъ когда-то Венелина своими картузными операціями и такъ позорно былъ изгнанъ изъ Волшебнаго за воровство...

— Други мои, бейте, казните меня!—продолжалъ вопить, не подымая головы, Прошка.—Это я, я навелъ васъ на грѣхъ! Это я окаянный!..'

Digitized by Google

Прошка поднялся съ земли и съ укоризненнымъ жестомъ обратился къ толпѣ:

— Ну, я-то чужой человѣкъ! Я-то, вѣдь, драный!.. А вы-то, подлецы, вы... кого вы обидѣли? Отца роднаго обидѣли!.. Меня тоска загубила, а вы-то чего?.. Я стосковался по моемъ благодѣтелѣ, по матушкѣ нашей родимой... Да вотъ и пришелъ, а сердце-то и заговорило... Зло заговорило... Я и не стерпѣлъ... Дайте, молъ, чѣмъ ни на есть обозначусь, обиду сорву! Простите меня окаяннаго, простите, братцы родимые!..

И Прошка повалился въ землю передъ шахтарями.

— Казните, братцы! — всхлипывалъ Прошка. — Пускай моя шкура отвѣтитъ за всѣхъ. Тогда и васъ благодѣтель проститъ!..

Прошка всталъ на ноги и съ покорнымъ видомъ опустилъ голову. Изъ глазъ его текли слезы. Онъ былъ совсѣмъ трезвъ.

— Зачѣмъ казнить! — мягкимъ, задушевнымъ голосомъ вымолвилъ Венелинъ. — Не наше это, друзья мои, дѣло. Мы всѣ живемъ въ грѣхѣ, и тѣмъ только спасаемся отъ грѣха, что каемся въ немъ. Вотъ... покаялся Прошка — и снялъ съ души свой великій, тяжкій грѣхъ. И будемъ мы помнить этотъ урокъ, будемъ избѣгать грѣха, а пуще всего—проклятаго вина, въ которомъ грѣха — нѣтъ и конца!.. Прощайте, идите съ миромъ!.. А Прошку... Прошку возьмите съ собой, возьмите въ свою семью. И пусть онъ будетъ теперь не Прошка а Прохоръ, — вполнѣ человѣкъ, какъ и слѣдуетъ быть!

Въ глубокомъ молчаніи, медленно разошлась вся толпа шахтарей.

XI.

«Пьяный бунтъ»,—какъ называлъ инженеръ Кандиба сцену, происходившую вчера на дворѣ Волшебнаго, — очень сильно подѣйствовалъ на нервы Венелина. Ночь онъ спалъ дурно, всталъ поздно, съ тупой головной болью, весь, какъ говорится, развинченный. Тѣмъ не менѣе, надо было тотчасъ же приниматься за работу. Въ первый день своего возвращенія на рудникъ, Венелинъ успѣлъ только въ общихъ чертахъ узнать отъ Кандибы и другихъ служащихъ о размѣрахъ предстоявшихъ ему платежей и о количествѣ наличнаго угля на станціи и на шахтахъ; въ книги онъ еще не заглядывалъ. Между тѣмъ, необходимо было серьезно подумать о скорѣйшемъ изысканіи средствъ для окончательнаго разсчета со всѣми служащими и рабочими. Для этого, прежде всего, надо было съ точностью выяснить, сколько именно и кому остался долженъ рудникъ. Этимъ-то и рѣшился заняться управ-

Digitized by Google

ляющій, не смотря на свою головную боль. Въ помощь себѣ онъ пригласилъ Тумаркина, который и не замедлилъ явиться въ контору.

— Ну, какъ дѣла, Григорій Петровичъ?—спросилъ, по привычкѣ, входившаго прикащика управляющій.

— Удивительно!—отвѣчалъ Тумаркинъ.

— То есть, что же это удивительно?

— Удивительно, какъ это вы ихъ вчера повернули...

— Это вы насчетъ бунта?..

— Такъ точно-съ.

— А вы, говорятъ, порядкомъ струхнули?

— Струхнешь! Я вѣдь не въ васъ! — не безъ огорченія, замѣтилъ Тумаркинъ.

— Такъ... Однако, времени терять нечего... Доставайте-ка счетъ служащихъ и счетъ шахтарей...

Но Венелину на этотъ разъ не пришлось привести въ ясность счеты служащихъ и шахтарей. Дальнѣйшимъ занятіямъ его и бухгалтера помѣшалъ самый необыкновенный, — можно сказать, невозможный визитъ: въ Волшебное пріѣхала Клавдія Дмитріевна Аранчѣева... Когда Клавдія входила въ залу, блѣдное лицо ея имѣло строгое, неподвижное выраженіе; глубоко ушедшіе въ орбиты глаза горѣли сухимъ, лихорадочнымъ блескомъ. Клавдія мало перемѣнилась послѣ сцены на балконѣ; она была также красива, также изящна,—только сдѣлалась еще серьезнѣе, еще сдержаннѣе.

— Я привезла вамъ бумаги,—какъ-то нерѣшительно вымолвила Клавдія, подавая Венелину довольно большой свертокъ.

— Что это значитъ, Клавдія Дмитріевна?—спросилъ, крайне пораженный, Венелинъ. — И почему именно вы?..

— Александръ Владиміровичъ такъ разстроенъ. Самъ онъ не могъ... онъ боленъ.

— И онъ просилъ васъ?.. поручилъ вамъ?

— Нѣтъ, не просилъ... Но онъ такъ мучился, такъ терзался. Онъ говорилъ, что это очень, очень важно и для васъ, и для него...

— А вы знаете, Клавдія Дмитріевна, что именно вы мнѣ привезли?

— Нѣтъ.

Венелинъ облегченно вздохнулъ.

— Не знаете, да? — сказалъ онъ. — И не надо вамъ этого знать!

Клавдія молчала.

Digitized by Google

— Александръ Владиміровичъ предлагалъ мнѣ вчера этотъ планъ,—тихо выговорилъ Венелинъ, — и даже просилъ... Но я отказался...

Клавдія продолжала стоять молча. Брови ея были сдвинуты, глаза остановились на одной точкѣ.

— Клавдія Дмитріевна! что съ вами? Вы такъ измучены. Отдохните, сядьте.

И онъ придвинулъ ей стулъ, на который Клавдія опустилась совершенно машинально. Прошло нѣсколько минутъ томительнаго молчанія. Клавдія замѣтно старалась сосредоточиться, привести въ порядокъ свои мысли... Овладѣвши немного собой, она начала говорить, стараясь придать своему голосу спокойный, увѣренный тонъ:

— Вы говорите, зять предлагалъ вамъ эти бумаги?.. и вы отказались? Почему?

— Не спрашивайте, Клавдія Дмитріевна! — Ради Бога, не спрашивайте! Это цѣлая трагедія...

— Александръ Владиміровичъ предлагалъ вамъ какія нибудь условія?

— Да.

— Какъ это странно! Онъ ничего не говорилъ мнѣ... Я слышала только, что вы могли бы чѣмъ-то помочь намъ. Но никакихъ условій... Когда я предложила отвезти вамъ бумаги, онъ только сказалъ, чтобы я отдала вамъ, лично вамъ.

Клавдія съ замѣтнымъ усиліемъ перевела духъ. Послѣ небольшой паузы, она продолжала:

— Но какъ онъ убитъ, бѣдный! Мнѣ такъ жалко его, сестру, дѣтей... Я отдала бы все, все... чтобы чѣмъ нибудь имъ помочь. Вы знаете все?

Венелинъ, молча, наклонилъ голову.

— Несчастныя дѣти! — убитымъ голосомъ произнесла Клавдія.—Бѣдный Володя... О, Боже, что будетъ съ этой семьей?

Венелинъ не могъ ничего возразить, и только смотрѣлъ съ безпредѣльной грустью на взволнованное лицо молодой дѣвушки.

— Все это такъ меня поразило,— разсуждала, какъ бы сама съ собою, Клавдія. — У меня какъ-то сразу открылись глаза. Я поняла многое, многое. И мнѣ почему-то представилось, что невозможное... бываетъ иногда возможнымъ...

Яркая краска жгучаго стыда разлилась по лицу Клавдіи. Она съ отчаяніемъ закрыла руками лицо:

— Алексѣй Степановичъ!— Клавдія въ первый разъ назвала

Digitized by Google

Венелина по имени.—Неужели же вы ничего не можете сдѣлать для зятя?.. для насъ?

Она не спускала съ Венелина пылающаго вопросительнаго взора.

— Наконецъ... для меня, — чуть слышно прибавила она.

— Это невозможно, Клавдія Дмитріевна, — тихо выговорилъ Венелинъ.

— Никогда?.. ни въ какомъ случаѣ?..

— Нѣтъ.

— И даже въ томъ случаѣ, если я, — тихимъ, страстнымъ шопотомъ продолжала Клавдія, — если повторю ваши слова: «надо думать, надо говорить... о любви?»

Изъ груди Венелина вырвался глухой, мучительный стонъ, полный страсти и отчаянія... Но онъ не колебался.

— Это невозможно,—скорѣе угадала, чѣмъ услыхала, Клавдія.

Она беззвучно поднялась со стула и неувѣренной, шатающейся походкой вышла изъ залы...

XII.

Событія послѣднихъ дней слишкомъ сильно подѣйствовали на Венелина и такъ разстроили его, что онъ даже захворалъ. Съ нимъ сдѣлалось что-то въ родѣ нервной лихорадки, и перепугавшійся Кандиба поспѣшилъ послать за докторомъ Лопенко. Семенъ Тихоновичъ тотчасъ же пріѣхалъ въ Волшебное и самымъ серьезнымъ образомъ занялся больнымъ. Само собой разумѣется, о прошломъ не было никакихъ разговоровъ, и Лопенко скоро сдѣлался опять близкимъ, роднымъ человѣкомъ въ домѣ своихъ старинныхъ пріятелей. Онъ съ образцовымъ усердіемъ ухаживалъ за больнымъ и съумѣлъ такъ удачно прервать болѣзнь въ самомъ началѣ, что къ концу недѣли Венелинъ могъ уже выходить изъ дому.

Ко времени окончательнаго выздоровленія Алексѣя Степановича, судьба приготовила для него новый сюрпризъ. Почти наканунѣ дня, въ который должна была рѣшиться на мировомъ съѣздѣ дальнѣйшая судьба заставы, сооруженной Ширинкинымъ, Венелинъ получилъ письмо, въ которомъ московскіе хозяева сообщали, что ихъ новое предпріятіе неожиданно быстро подвинулось въ своемъ осуществленіи, и что они не рѣшаются довѣрить этого крайне серьезнаго дѣла никому другому, кромѣ Венелина. Въ виду этого, господа Бархатовъ и Чаузовъ предлагали управ-

Digitized by Google

ляющему озаботиться скорѣйшимъ устройствомъ его дѣлъ и затѣмъ безотлагательно ѣхать въ Москву. Но, предварительно, управляющій долженъ былъ возобновить переговоры съ Зеймовичемъ объ арендѣ и убѣдить упрямаго еврея отказаться отъ того пункта проэкта, гдѣ онъ настаивалъ на обязательномъ участіи въ дѣлѣ Венелина. Соглашеніе съ Зеймовичемъ, по мнѣнію московскихъ комерсантовъ, представлялось въ настоящее время единственно-возможнымъ средствомъ для обезпеченія дальнѣйшей судьбы рудника, такъ какъ ходатайство въ высшихъ инстанціяхъ объ отчужденіи земли для дороги грозило затянуться на долгое время и не могло имѣть положительныхъ шансовъ на благопріятное разрѣшеніе. Прочитавъ это посланіе, Венелинъ, не думая ни минуты, отправилъ въ Москву заявленіе, что по разстроенному здоровью онъ не имѣетъ возможности продолжать службу у господъ Бархатова и Чаузова и проситъ въ скорѣйшемъ времени прислать на рудникъ уполномоченное лицо для принятія его должности.

Въ день засѣданія мироваго съѣзда, Венелинъ чувствовалъ себя еще не настолько здоровымъ, чтобы рѣшиться ѣхать въ городъ. Да еслибы онъ и былъ совершенно здоровъ, то все равно уволилъ бы себя отъ удовольствія присутствовать на позорномъ зрѣлищѣ глупой комедіи,—какъ называлъ предстоявшее засѣданіе суда Адріанъ Максимовичъ. Хотя Венелинъ и послалъ адвокату планъ, оставленный въ залѣ на столѣ Клавдіей, но онъ очень хорошо зналъ, что значеніе этого плана на судѣ будетъ равняться нулю, и пресловутый процессъ обязательно кончится такъ, какъ захочетъ Зеймовичъ.

Вмѣсто Венелина, поѣхалъ въ городъ инженеръ Кандиба, который самъ вызвался быть въ числѣ престарѣлыхъ свидѣтелей, имѣвшихъ удостовѣрить на судѣ существованіе спорной дороги въ тѣ миѳическія времена, когда землею правилъ царь Горохъ. А Алексѣй Степановичъ, проводивши Адріана Максимовича, сѣлъ писать письмо Наташѣ. Въ письмѣ этомъ Венелинъ изложилъ исторію своей отставки, очень живо нарисовалъ картину знаменитаго бунта и довольно подробно описалъ послѣднюю встрѣчу свою съ Клавдіей. Далѣе онъ продолжалъ такъ:

«Я сказалъ ей, что это невозможно. Но ты поймешь, конечно, какихъ страшныхъ усилій стоило мнѣ выговорить это ужасное слово! Вѣдь я люблю ее, Наташа, люблю... и въ тотъ моментъ, какъ я произносилъ роковое: «нельзя»,—я чувствовалъ это силь-

Digitized by Google

нѣе, чѣмъ когда либо. А она... о, какъ дивно хороша она была въ ту минуту. Какимъ чуднымъ огнемъ горѣли ея прелестные глаза, какой обаятельной страстью дышало все ея существо! Бѣдная: она любитъ!—я знаю, я чувствую это...

«А впрочемъ.. не знаю, Наташа, не знаю... Любовь—такое мудреное, такое великое слово. Для любви—одной симпатіи мало; для нея мало даже и страсти. Для любви нужно еще многое, многое... нужно что-то такое особенное, исключительное. Я не умѣю, не знаю, какъ назвать это, но думаю, что этого-то особеннаго, исключительнаго и не было въ нашей любви. Мы любили,—пожалуй, уважали,—но мы *не понимали* другъ друга. Она *боялась* этой любви, а я... я *не вѣрилъ* своей любви...

«Ты правду сказала, Наташа: эта любовь не для насъ; она для насъ слишкомъ изящна... Скажу даже больше: мнѣ всегда почему-то казалось, что любовь эта—роскошь, и притомъ роскошь рѣшительно для меня недоступная. Одна музыка Клавдіи—какая это волшебная роскошь!.. Но и этой чудной музыкѣ звуковъ я никогда не могъ отдаться всецѣло, вполнѣ беззавѣтно, также какъ и дивной музыкѣ ея божественныхъ глазъ. А вѣдь ты знаешь, Наташа, какъ страстно, какъ безумно я люблю музыку. О, какъ желалъ бы я имѣть жену-музыкантшу, и именно такую, какъ Клавдія!..

«Я вижу, Наташа, улыбку, которая играетъ на губахъ твоихъ при чтеніи этихъ строкъ. И я понимаю эту улыбку. Улыбка твоя говоритъ: братишка мой—идеалистъ отчаянный, и въ идеализмѣ своемъ ищетъ спасенія; но, увы, самый идеальный идеализмъ не спасетъ братишку отъ бездонныхъ омутовъ и непроходимыхъ дебрей рефлексіи...

«Знаю, Наташа, знаю. И безпредѣльно страдаю отъ совмѣщенія въ моей особѣ этихъ непримиримыхъ противорѣчій. Рефлективный идеализмъ—вѣдь это, просто, иронія, какой-то водевильный каламбуръ!.. А въ результатѣ что? Безцѣльное, безтолковое, глупѣйшее *шатаніе* мысли (любимое твое выраженіе)... Но что же дѣлать, если это бываетъ? Примѣръ на лицо: эта любовь—не любовь... Ты опять улыбаешься? Улыбайся, мой другъ, улыбайся, но только скажи, какъ мнѣ тутъ быть?.. Въ самомъ дѣлѣ, Наташа, какъ же тутъ быть, если я чувствую, всѣми силами души моей чувствую, что люблю ее и она любитъ меня... и если, въ то же время, какой-то повелительный голосъ вѣщаетъ, что еслибы эта любовь была настоящая, — она не ушла бы отъ насъ?..

Digitized by Google

«Довольно объ этомъ, Наташа, довольно! Не надо думать, не надо говорить.,. о томъ, что ни къ чему не поведетъ.

«Итакъ, мы скоро увидимся. Прощай тотъ милый край, гдѣ, не смотря на вѣчную муку и скорбь, по временамъ дышалось «легэнько»,—какъ говоритъ нашъ неизмѣнный Адріанъ Максимовичъ! Куда-то теперь занесетъ насъ судьба? Что сулитъ намъ въ будущемъ жизнь?.. Жизнь — какое хорошее слово и, вмѣстѣ, какое безотрадное. Недаромъ Лермонтовъ назвалъ ее «пустой и глупой шуткой.» Недаромъ и нашъ Пушкинъ въ такихъ чудныхъ стихахъ спорилъ съ Филаретомъ о значеніи жизни... Ты помнишь, Наташа, ту чудную музыку, которая волшебными звуками своими такъ глубоко - глубоко проникаетъ въ сокровенные тайники жизни?.. Ты знаешь, конечно, о чемъ я хочу говорить? Сколько разъ, Наташа, слушали мы съ тобой «Фауста»— и всякій разъ до глубины души возмущались непростительнымъ равнодушіемъ публики къ увертюрѣ этой оперы. Дѣйствительно, непростительное равнодушіе, поражающее непониманіе одного изъ высочайшихъ созданій музыкальнаго генія. Помилуйте,—кричатъ всѣ цѣнители и любители,—развѣ это увертюра? Это просто маленькая, незначительная интродукція... Да, господа, маленькая, но настолько значительная, что эти двѣ странички партитуры, пожалуй, стоютъ дороже всѣхъ пяти актовъ «Фауста»... Вотъ они — я слышу ихъ — эти дивные звуки, эти музыкальныя, глубоко-разумныя мысли! Вслѣдъ за призывающимъ къ жизни аккордомъ, начинается глухое, какъ бы подземное броженіе звуковъ,—иначе говоря: первые, неясные проблески человѣческой мысли. Тяжелымъ, сложнымъ процессомъ идетъ развитіе мысли: на каждомъ шагу препятствія, затрудненія, остановка; здѣсь каждая нота—новый лучъ знанія, каждый аккордъ— философскій вопросъ... Но скоро первая стадія познанія пройдена, мысль начинаетъ ширится и расти, развитіе ея идетъ настойчиво, безпрерывно. Съ каждымъ шагомъ, работа мысли становится кропотливѣе, напряженнѣе: комбинаціи звуковъ усложняются все болѣе и болѣе, запутанные переходы сопровождаются самыми рискованными аккордами. Наконецъ, мысль торжествуетъ: въ упорной, постепенно разрастающейся, борьбѣ скрипокъ и віолончелей напряженіе философствующей мысли достигаетъ высшей своей интенсивности, и тамъ, гдѣ звучное crescendo достигаетъ своего предѣльнаго пункта,—человѣкъ утопаетъ въ безднѣ премудрости...

«Но завершилось ли зданіе мысли? Нашла ли свой идеалъ, получила ли свое удовлетвореніе эта ненасытимая жажда позна-

Digitized by Google

нія? Конечно, нѣтъ. Знаніе безпредѣльно; идеалъ его стоитъ на такой высотѣ, которая недоступна самымъ смѣлымъ и дерзкимъ завоеваніямъ современной человѣческой мысли. И вотъ могучее crescendo оркестра начинаетъ падать и падать; звуки постепенно уходятъ опять внизъ, медленно затихаютъ, теряются въ какой-то недоступной для насъ глубинѣ... Человѣкъ отказался отъ надежды побѣдить знаніе, отказался отъ этой непосильной борьбы.

«Но человѣкъ не отказался отъ жизни, не отказался отъ надежды побѣдить жизнь. Вѣдь знаніе не исчерпываетъ всего содержанія жизни... И вотъ мы видимъ, мы слышимъ: изъ той бездонной глубины, гдѣ человѣкъ схоронилъ свою безнадежную мысль,—на смѣну ей выплываетъ роскошная, широкая мелодія жизни; мы чувствуемъ въ звукахъ этой мелодіи біеніе сердца, трепетаніе страсти... Свободно и смѣло льется эта чудная пѣснь, полная борьбы и томленій, любви и страданій. Дивные звуки достигаютъ своего апогея: человѣкъ изнемогаетъ въ объятіяхъ страсти, утопаетъ въ блаженствѣ любви.

«Но, увы, не суждено человѣку и въ блаженствѣ страстной любви найти успокоеніе, признать свой идеалъ. Страстный пафосъ скоро проходитъ: въ области чувства разочарованіе наступаетъ еще скорѣе, больнѣе, жгучѣе, чѣмъ даже въ области знанія... И вотъ мы слышимъ, какъ властные звуки побѣдной мелодіи жизни начинаютъ все падать и падать, и скоро совсѣмъ замираютъ. Человѣкъ не нашелъ и здѣсь того, къ чему такъ страстно стремился. Но гдѣ же, наконецъ, идеалъ, въ чемъ? И вотъ несчастное существо, называемое человѣкомъ, начинаетъ предлагать этотъ мучительный вопросъ—жизни, природѣ, себѣ—почемъ я знаю, кому?—этотъ вѣчный, страшный вопросъ: куда, зачѣмъ, почему? тотъ вопросъ, которымъ Фаустъ выразилъ весь результатъ своей жизни. Вопросъ этотъ прежде всѣхъ предлагаетъ, въ своихъ таинственныхъ звукахъ, валторна; кларнетъ повторяетъ его болѣе увѣреннымъ тономъ; назойливо и язвительно выкрикиваетъ тотъ же безотвязный вопросъ гнусливый гобой, и, какъ отдаленное эхо, откликается онъ въ нѣжныхъ звукахъ меланхолической флейты... Вопросъ не остается безъ отвѣта: тотъ же насмѣшливый, дерзкій гобой отвѣчаетъ въ своихъ новыхъ, мучительныхъ звукахъ, отвѣчаетъ коротенькой, отрицательной фразой—безотраднымъ, роковымъ: *нѣтъ*...

«Свершилось!.. И вотъ наступаетъ развязка, приближается смертный конецъ. Кончилась исторія жизни, сыграна увертюра. Мы слышимъ это въ послѣднихъ могильныхъ аккордахъ... Неужели же это такъ? Неужели же и въ самомъ дѣлѣ все, все—

Digitized by Google

только въ смерти, и больше ни въ чемъ?.. О, нѣтъ, Наташа! Я этому не вѣрю... и никогда не повѣрю»!..

XIII.

Засѣданіе съѣзда мировыхъ судей, въ которомъ слушалось дѣло рудника Волшебнаго съ землевладѣльцемъ Ширинкинымъ воспослѣдовало своимъ обыкновеннымъ, общеизвѣстнымъ порядкомъ, — съ тѣмъ только отличіемъ, что это интересное засѣданіе было украшено,—какъ и предсказывалъ знакомый адвокатъ Венелина,—нѣкоторыми дополнительными аксесуарами обстановки, далеко не обычными въ практикѣ скромнаго провинціальнаго судопроизводства.

На засѣданіе суда прибылъ изъ Москвы очень представительный присяжный повѣренный, который привелъ въ трепетъ всю адвокатуру уѣзднаго города своимъ изысканно-шикарнымъ фракомъ, невозможнымъ вырѣзомъ жилета и громадной бутоньеркой на груди. Этотъ знаменитый московскій ораторъ очень краснорѣчиво доказывалъ на судѣ полную незыблемость и неприкосновенность главнаго и основнаго принципа всѣхъ правовыхъ отношеній—права собственности. Въ высшей степени талантливая,—можно сказать, блестящая,—рѣчь одного изъ корифеевъ столичной адвокатуры была даже чрезмѣрно украшена многочисленными ссылками на рѣшенія кассаціоннаго департамента,—съ точнымъ обозначеніемъ нумера и года каждаго рѣшенія. Достовѣрность этихъ цифровыхъ указаній знаменитаго адвоката, къ сожалѣнію, не могла быть провѣрена ни однимъ изъ представителей мѣстной юриспруденціи по очень простой причинѣ: въ скромномъ уѣздномъ городѣ едва ли нашелся бы полный комплектъ тѣхъ увѣсистыхъ томовъ, на которые такъ авторитетно и увѣренно ссылался господинъ адвокатъ.

Облеченный въ очень скромную, нѣсколько даже потертую фрачную пару, представитель противной стороны усиленно пытался остановить вниманіе господъ судей на нѣкоторой односторонности юридическаго міровоззрѣнія своего противника. Онъ очень умно и основательно доказывалъ на судѣ, что—помимо столь импонирующаго права собственности—въ законѣ, и особенно въ жизни, несомнѣнное значеніе имѣютъ еще нѣкоторые другіе элементы правовыхъ отношеній, каковы, напримѣръ: право владѣнія, право пользованія, право давности. Въ подтвержденіе этого, далеко не лишеннаго извѣстной устойчивости, юридиче-

Digitized by Google

ского тезиса, адвокатъ Венелина ссылался на соотвѣтствующія рѣшенія кассаціоннаго департамента, оказывавшіяся на этотъ разъ въ діаметральномъ противорѣчіи съ тѣми рѣшеніями, которыя цитировалъ адвокатъ Ширинкина. Кромѣ того, повѣренный «фирмы Бархатова и Чаузова» заставилъ продефилировать на судѣ цѣлый десятокъ свидѣтелей болѣе или менѣе преклоннаго возраста,—въ томъ числѣ и инженера Кандибу,—единогласными показаніями которыхъ констатированъ былъ тотъ историческій фактъ, что спорная дорога была доступна для всеобщаго безпрепятственнаго пользованія въ теченіе, по крайней мѣрѣ, пятидесятилѣтняго срока. Пытался также этотъ надоѣдливый адвокатъ вразумить господъ «совѣстныхъ» судей насчетъ несомнѣнной юридической цѣнности знаменитаго плана, бывшаго причиною такихъ треволненій въ семьѣ Золотиловыхъ. Все было тщетно. Слушая показанія престарѣлыхъ свидѣтелей, убѣжденные судьи довольно громогласно перешептывались о вчерашнемъ шлемѣ въ червяхъ, а когда передъ ними развернутъ былъ многознаменательный планъ,—они не сочли нужнымъ, хотя бы даже изъ приличія, взглянуть на него... Всѣ доводы сторонъ исчерпаны, и краснорѣчіе обоихъ противниковъ истощилось. Наступилъ торжественный моментъ объявленія судебнаго рѣшенія. Этотъ рѣшающій приговоръ не заставилъ долго себя ожидать. Послѣ легкаго наклоненія предсѣдательской головы вправо и влѣво, поднялся съ своего мѣста Константинъ Дмитріевичъ Аранчѣевъ,—который, надо кстати замѣтить, былъ очень представителенъ въ этой торжественной судейской обстановкѣ,—и самымъ безстрастнымъ голосомъ прочиталъ резолюцію такого содержанія:

«Съѣздъ мировыхъ судей... постановилъ: апеляціонную жалобу повѣреннаго московскихъ купцовъ Бархатова и Чаузова по дѣлу съ Ширинкинымъ о дорогѣ оставить безъ послѣдствій, и рѣшеніе мироваго судьи втораго участка утвердить во всей его силѣ».

Ровно черезъ двѣ недѣли послѣ такого радикальнаго рѣшенія вопроса о дальнѣйшей судьбѣ рудника Волшебнаго, произошло не менѣе радикальное разрѣшеніе вопроса о дальнѣйшей судьбѣ обитателей роскошной усадьбы Благодатнаго: имѣніе Александра Владиміровича Золотилова было продано съ аукціоннаго торга. Крушеніе было полное, паденіе—безвозвратное. Вся саранча кредиторовъ и опекуновъ Золотилова съ нестерпимымъ воплемъ и шумомъ налетѣла на жалкіе остатки его послѣдняго достоянія—растащила, расхитила буквально все до ниточки. Погромъ былъ по истинѣ ужасающій, и дѣло кончилось тѣмъ, что нашъ зло-

Digitized by Google

счастный представитель теоріи безпечальной и беззаботной жизни едва успѣлъ сберечь въ карманѣ нѣсколько десятковъ рублей, чтобы добраться до ближайшаго города.

И вотъ наступилъ тотъ достопамятный день, когда вся семья Золотиловыхъ размѣстилась въ экипажахъ, выпрошенныхъ для этого случая у новаго владѣльца Благодатнаго, и тронулась изъ родовой вотчины на станцію Ольховатку..

«Печальный кортежъ! — думалъ Венелинъ, сидя въ землянкѣ вѣсовщика Грона и глядя въ окно на приближающіеся экипажи.— Вотъ ужь можно сказать: настоящее похоронное шествіе»!..

Когда экипажи стали равняться со складомъ рудника, Венелинъ отчетливо разглядѣлъ въ первой коляскѣ стройную фигуру Клавдіи, ея блѣдное, строгое лицо, сухія сжатыя губы, холодный неподвижный взглядъ, съ застывшимъ въ немъ выраженіемъ оскорбленной въ своемъ величіи богини...

«Прощай, моя Клавдія!—подумалъ Венелинъ, печально провожая глазами поэтическій образъ молодой дѣвушки.—Прощай, моя любовь»!..

Экипажи свернули съ дороги и скрылись за зданіемъ вокзала...

«Нѣтъ, не моя Клавдія!—подумалъ Венелинъ.—Не была ты моею... никогда и не будешь».

Печальный кортежъ остановился у подъѣзда станціи Ольховатки. Золотиловъ пошелъ къ кассѣ.

— Три билета до станціи Балдино!—обратился онъ къ продававшему билеты начальнику станціи.

— Какого класса прикажете?

— Дайте... втораго!

Послѣдній представитель знаменитаго рода Золотиловыхъ не рѣшился уѣхать навсегда изъ прародительской вотчины — въ третьемъ классѣ, какъ бы слѣдовало по состоянію его финансовъ.

XIV.

Заявленіе Венелина о прекращеніи служебныхъ отношеній къ фирмѣ Бархатова и Чаузова изложено было въ такой категорической формѣ, что хозяева не рѣшились удерживать управляющаго и убѣждать—его не лишать ихъ до поры до времени своего сотрудничества. Впрочемъ, надо сознаться, что, посылая Венелину приглашеніе ѣхать въ Москву, вмѣстѣ съ порученіемъ передать рудникъ въ еврейскія руки, московскіе комерсанты въ достаточной степени взвѣсили всѣ возможныя послѣдствія такого риско-

Digitized by Google

ваннаго шага и имѣли вполнѣ уважительныя причины равнодушно встрѣтить самое худшее изъ этихъ послѣдствій. Какъ бы то ни было, а дней черезъ десять послѣ полученія въ главной московской конторѣ заявленія Венелина, на рудникъ Волшебный прибылъ изъ Москвы какой-то незнакомый господинъ, снабженный законными полномочіями на принятіе должности управляющаго.

Передача рудника изъ однихъ рукъ въ другія отличалась на этотъ разъ необыкновенной быстротой и немногосложностью. Новый управляющій былъ человѣкъ съ большимъ тактомъ и, очевидно, былъ хорошо освѣдомленъ насчетъ личности своего предшественника. Не прошло и трехъ дней, какъ рудникъ, со всѣмъ инвентаремъ, книгами и документами, перешелъ въ вѣдѣніе новаго управляющаго, и Венелинъ получилъ возможность считать себя человѣкомъ, свободнымъ отъ всякихъ обязательныхъ отношеній къ московской фирмѣ. Далеко не такъ удачно и скоро произошла ликвидація собственнаго, довольно обширнаго хозяйства Венелина. Самыя необходимыя вещи онъ отправилъ въ Москву, а мебель, зеркала и бо́льшую часть хозяйственныхъ принадлежностей пришлось распродавать на мѣстѣ. Распродажа эта, конечно, сопряжена была съ громадными убытками для бывшаго управляющаго, которому зачастую приходилось отдавать за пять рублей вещь, стоившую, по крайней мѣрѣ, двадцать-пять. Но какъ бы то ни было, а и эта сторона дѣла получила, въ концѣ концовъ, свое разрѣшеніе.

День отъѣзда назначенъ на завтра. Венелинъ обошелъ, не спѣша, всю усадьбу и садъ, долго гулялъ въ полѣ и въ любимомъ лѣсу, а затѣмъ пошелъ вмѣстѣ съ Кандибой на шахты. Здѣсь онъ заходилъ въ квартиру штейгера и другихъ служащихъ, побывалъ въ каждой землянкѣ, въ кузницѣ, въ мастерскихъ, у каждой изъ шахтъ, и въ концѣ концовъ остановился у своей любимой «наклонной»,—той знаменитой наклонной, за которой навѣки было упрочено названіе шахты Венелина. У этой шахты, управляющаго обступила густая толпа шахтарей и рабочихъ. Шахтари были пасмурны и не скрывали своего тяжелаго настроенія. Они угрюмо смотрѣли на отъѣзжающаго управляющаго, угрюмо съ нимъ попрощались, угрюмо пожелали ему счастливаго пути, добраго здоровья и всякаго благополучія... Но въ выраженіи пасмурныхъ лицъ и угрюмыхъ глазъ шахтарей, въ глухой интонаціи ихъ низкихъ грудныхъ голосовъ сквозило такое искреннее, глубокое чувство, которое давало возможность понять, что́ творилось въ ихъ душѣ.

Шахтари были такъ озадачены отъѣздомъ любимаго управляю-

Digitized by Google

щаго, что забыли даже попросить на прощанье свой неизбѣжный магарычъ. Нѣтъ, не забыли,—вѣрнѣе сказать: не рѣшились просить. Какъ это ни малоправдоподобно, но ни у одного изъ этихъ темныхъ, грубыхъ людей не повернулся въ эту минуту языкъ попросить «на водку» у того человѣка, который такъ не любитъ водки, такъ умолялъ шахтарей дѣлить съ нимъ горе и радость безъ всякаго участія спиртныхъ напитковъ. Въ благодарность за такую деликатность рабочихъ, Венелинъ вынулъ изъ кармана двадцатипятирублевую бумажку и передалъ ее штейгеру Зазвонову.

— Возьмите... на лѣкарства для больныхъ шахтарей!—сказалъ онъ.—На память о Наташѣ.

— Мы и такъ не забудемъ,—тихо проговорилъ, сверкая своими выразительными черными глазами, широкоплечій штейгеръ.—Не забудемъ... ни васъ, ни добрую барыню.

— Мы-то ихъ не забудемъ, а они насъ забудутъ,—печально. сказалъ стоявшій тутъ же Тумаркинъ.

Венелинъ простился еще разъ съ шахтарями и пошелъ съ Кандибой по направленію къ дому.

— Итакъ, значитъ, конецъ! — говорилъ Адріанъ Максимовичъ, сердито отшвыривая ногой попадавшіеся на дорогѣ кусочки угля.—Значитъ, и мнѣ пора умирать.

— Зачѣмъ такъ говорить? — задумчиво сказалъ Венелинъ.—Никто изъ насъ не знаетъ, много ли, мало ли суждено ему жить.

— Безъ воздуха, да безъ тепла не проживешь!—угрюмо возразилъ Кандиба.—Какъ попадешь опять въ одиночное заключеніе, такъ по неволѣ самъ смерти запросишь.

Они стали подниматься по откосу горы, спускавшейся отъ усадьбы къ шахтамъ.

— Значитъ, завтра—и прямо въ Москву?—ворчалъ Адріанъ Максимовичъ.—Да есть ли съ чѣмъ ѣхать-то? Припасъ ли хоть самую малость, хоть бы на первое время.

— Припасъ... много припасъ!—усмѣхнулся Алексѣй Степановичъ.—Только не у себя въ карманѣ, а у хозяевъ. За ними одного жалованья двѣ тысячи. А когда ихъ получишь—одному Богу извѣстно.

Друзья достигли вершины горы, гдѣ начинался, насаженный руками Наташи, хорошенькій садикъ. Они хотѣли уже поворачивать на дорожку, соединявшую магазинъ съ уютнымъ домикомъ, какъ вдругъ Венелинъ остановился въ неподвижной позѣ, прислонившись плечемъ къ плечу своего стараго друга. Онъ оглядывалъ долгимъ, прощальнымъ взоромъ эту хорошо знакомую

Digitized by Google

ему картину, раскинувшуюся внизу, — эти зеленыя глубокія балки, незамѣтно спускавшіяся гдѣ-то вдали прямо къ рѣкѣ; эти разбросанныя на далекомъ пространствѣ, окруженныя громадными штабелями угля, темныя отверстія шахтъ; эти пріютившіяся по склонамъ горы, скромныя, но свѣтлыя и просторныя землянки рабочихъ; эту широкую, гладкую степь; этотъ вьющійся на горизонтѣ дымокъ проходящаго поѣзда, отдаленное громыханіе котораго такъ отчетливо доносилось въ ясномъ воздухѣ холоднаго осенняго вечера.

— Что, друже, видно, жаль разставаться съ Волшебнымъ?— выразительно произнесъ Адріанъ Максимовичъ, не спуская съ Венелина ласковаго, грустнаго взора.

— Жаль, дорогой мой, такъ жаль, что и сказать не умѣю,— отвѣчалъ Алексѣй Степановичъ, крѣпко пожимая вѣрную руку стараго друга.—Думалось поработать здѣсь въ волю... Думалось настоящее дѣло дѣлать. Да, видно, не хочетъ судьба.

— Не судьба, а людишки,—угрюмо замѣтилъ старикъ.— Силу большую людишки забрали, загѣснили настоящихъ людей, хотятъ ихъ совсѣмъ извести.

XV.

На станціи Ольховаткѣ стоялъ пассажирскій поѣздъ. Алексѣй Степановичъ Венелинъ ходилъ по платформѣ съ инженеромъ Кандибой, въ ожиданіи пока выдадутъ ему квитанцію на багажъ.

— Вамъ телеграмма изъ Москвы.—сказалъ Гронъ, подходя къ Венелину и подавая только что принятую съ аппарата депешу.

Алексѣй Степановичъ развернулъ телеграмму. Она была за подписью Наташи: «фирма Бархатова и Чаузова объявлена несостоятельною». Венелинъ молча передалъ депешу Кандибѣ.

— Туда имъ и дорога!—сердито проворчалъ старикъ.

— Ну, Гронъ, прощай, пріятель!—ласково сказалъ, обращаясь къ своему фазорнту, Алексѣй Степановичъ.—Старайся быть паинькой, не плачь обо мнѣ.

Гронъ ничего не сказалъ и только ласково смотрѣлъ на Венелина своими красивыми глазами.

— А теперь, Адріанъ Максимовичъ, давайте съ вами прощаться!—обратился Венелинъ къ Кандибѣ.

— Нѣтъ, братъ, шалишь! — шутливо сказалъ Адріанъ Максимовичъ.—Мы съ тобой простимся не скоро. Вмѣстѣ поѣдемъ.

Digitized by Google

— Далеко?

— Не пугайся: до Москвы не доѣду. Только до Харькова.

— Вотъ за это спасибо!

— Спасибо-то говорить подожди!.. Вопросъ серьезный: кто кого у насъ переспасибитъ... и кто по этой части пересилитъ.

Венелинъ и Кандиба пошли къ своему вагону.

— Іонычъ! какими судьбами?—съ изумленіемъ воскликнулъ Венелинъ, останавливаясь передъ сгорбленной фигурой совсѣмъ дряхлаго теперь слуги Золотиловыхъ.

— Да, батюшка Алексѣй Степановичъ,—отвѣчалъ старикъ, утирая кулакомъ слезы, — не чаялъ я этого, а вотъ привелъ Богъ на старости лѣтъ какой ни на есть себѣ уголъ искать.

— Что дѣлать, старина! Баринъ твой — добрый человѣкъ, но...

— Добрый, да,—глухо вымолвилъ Іонычъ.—Да только, Богъ съ нимъ, безталанный.

Ударилъ третій звонокъ. Венелинъ и Кандиба скрылись за дверями вагона.

— О—охъ, Господи помилуй!—бормоталъ Іонычъ, провожая глазами медленно удалявшійся поѣздъ.—Помилуй, Господи, насъ грѣшныхъ!.. Грѣхи, грѣхи родителей!..

Е. Свѣтовидовъ.

Конецъ.

Digitized by Google

ВИЗАНТІЯ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ (VIII ст. по Р. Х.).

Жана Ломбара.

VI.

Визгливый голосъ Дигениса замолкъ; тюремщикъ съ мѣднымъ свѣтильникомъ вошелъ въ длинный коридоръ, маглабиты сложили свои пики у входа въ Нумеру, и Сепеосъ и Гараиви увидѣли себя свободными на Августеоновскомъ форумѣ. Свѣтъ заставилъ Сепеоса зажмурить его единственный глазъ, а Гараиви прикрылъ рукою двѣ дыры своего отрѣзаннаго носа. Душа Сепеоса, вся ушедшая въ мысль о прошломъ въ его вонючей тюрьмѣ, начала расправляться. Въ умѣ Гараиви пробѣгали дни, предшествовавшіе его аресту. Онъ утопилъ Гераискоса, какъ вредную собаку; потомъ, вмѣстѣ съ Солибасомъ, увелъ Управду въ св. Непорочность, гдѣ Гибреасъ объявилъ его тайнымъ василевсомъ и обручилъ съ Евстахіей, объявленной императрицей. Виглиница присутствовала при обрученіи и коронованіи. Потомъ, благодаря болтливости самого Гараиви, вся Византія заговорила о томъ, что онъ утопилъ Гераискоса. Это разсердило Константина V: если онъ равнодушно смотрѣлъ на рѣзню Зеленыхъ съ Голубыми, то не хотѣлъ допускать, чтобы касались его прислуги, высшей или низшей. И въ одно утро спатэрцы схватили Гараиви. Онъ храбро защищался: убилъ двухъ спатэрцевъ, оттиснулъ сборище Голубыхъ, но, какъ это случилось вдали отъ Зеленыхъ, — то онъ былъ схваченъ и отведенъ въ Нумеру, гдѣ палачъ отрѣзалъ ему носъ и уши ударами меча. Цѣлый

Digitized by Google

годъ прожилъ онъ въ казематѣ, едва освѣщенномъ небольшимъ окномъ, въ которое ему ежедневно подавали кружку воды и кусокъ черстваго хлѣба.

То же самое было и съ Сепеосомъ. Послѣ его изувѣченія на Гебдомонѣ, стражники бросили его въ казематъ, гдѣ онъ ежедневно получалъ кружку воды и кусокъ хлѣба. Большой камень служилъ ему стуломъ и постелью по ночамъ, гораздо болѣе тягостнымъ, чѣмъ дни. Въ одномъ углу ихъ каземата съ земляннымъ поломъ находилась вонючая, отвратительная яма для облегченія ихъ жалкаго тѣла. Въ заключеніи, они оба много думали о всѣхъ прелестяхъ Византіи, о церквяхъ ея, дворцахъ, о розовыхъ блестящихъ террасахъ, и въ особенности о св. Мудрости и св. Непорочности. Теперь они снова увидали все это. Тамъ, на Золотомъ Рогѣ, колыхались моноксиланы и паландріи, а Пропонтида вздымала свои волны то синія, то бѣлыя, то золотыя, смотря по цвѣту неба. Все было полно жизни, но также всюду чувствовалась возрастающая рознь между Зелеными и Голубыми, между „добромъ“ и „зломъ“, иконопочитателями и иконоборцами, и эта рознь дѣлалась все глубже, увеличивала временное недовѣріе и все болѣе и болѣе отталкивала народъ и правовѣрныхъ отъ Великаго Дворца и св. Мудрости. И передъ ними пронеслось воспоминаніе о событіяхъ далекаго прошлаго, когда Сепеосъ былъ еще спатэрцемъ въ конической каскѣ и владѣлъ всѣми своими членами, а Гараиви изъ далекихъ странъ пришелъ въ Византію, гдѣ сдѣлался лодочникомъ. Какая скудная жатва для ихъ честолюбія! Они оба теперь безобразны, уродливы, калѣки. Съ горькимъ чувствомъ спустились они съ первой горы, поднялись на вторую, гдѣ возвышалась церковь св. Апостоловъ, фасадъ который блисталъ прежде окнами, теперь замазанными. Сепеосъ опирался на плечо Гараиви, хромая на свою обезображенную ногу, и сконфуженно и сердито посматривалъ на все окружающее. Гараиви переставалъ прятать дыры своего отрѣзаннаго носа.

Оба они горѣли нетерпѣніемъ скорѣе увидать Управду, Евстахію, а въ особенности Виглиницу, красивое лицо и мощная фигура которой не выходила у нихъ изъ головы.

— Мнѣ хочется поскорѣе увидать Управду,—говорилъ Сепеосъ,—ты говоришь, что онъ укрывается въ св. Непорочности

Digitized by Google

вмѣстѣ съ Виглиницей. Конечно, я не стану уговаривать его выйти оттуда, какъ этого хочетъ евнухъ Дигенисъ; но постараюсь подстрекнуть на новую борьбу за престолъ. И Виглиница этимъ будетъ довольна: она выдетъ замужъ за какого нибудь знатнаго сановника; но уже не за тебя, не за Солибаса, и не за меня, такъ какъ мы всѣ калѣки.

— Я подозрѣваю,—отвѣчалъ Гараиви,—что великій папіасъ освободилъ насъ не для того, чтобы наше изувѣченіе испугало Зеленыхъ и правовѣрныхъ, а для того, чтобы Управда покинулъ борьбу со „зломъ“. Но Виглиница никогда не допуститъ, чтобы онъ довѣрился обѣщаніямъ Константина V; да къ тому же ему нужна не половина власти, не одна провинція, а вся восточная имперія. Что касается до нея... ну, мы будемъ служить ей, пока она не замужемъ, а когда у нея явится супругъ, то я возьму свою лодку и уѣду, не желая видѣть въ качествѣ ея супруга никого, кромѣ меня самого.

Онъ сознавался теперь Сепеосу въ своемъ жгучемъ чувствѣ къ Виглиницѣ. Уже болѣе двухъ лѣтъ онъ любилъ ее и теперь, въ уединеніи своего каземата, это чувство значительно усилилось и теперь душило его, развивая въ немъ страшную и непомѣрную ревность.

— Нѣтъ! Она ни за кого не выдетъ, кромѣ меня, хотя у меня нѣтъ ни носа, ни ушей!

— А я,—проговорилъ Сепеосъ,—я съ своимъ единственнымъ глазомъ, безъ одной руки и ноги, отказываюсь отъ Виглиницы, которая такъ нравится тебѣ.

Спатэрецъ теперь болѣе не поддразнивалъ его, какъ бывало прежде. Чахотка точно подтачивала его и онъ казался опустившимся, менѣе отважнымъ и въ особенности сильно постарѣвшимъ. У каждаго изъ нихъ въ заключеніи совершилась сильная внутренняя работа: одному она прибавила энергіи и упорства, у другаго отняла и то, и другое.

Они спустились съ горы Рынковъ, гдѣ по обыкновенію толпилось множество самаго разнообразнаго люда. Только Зеленые здѣсь не показывались, находясь по большей части въ предмѣстьяхъ, во Влахернѣ, на Гебдомонѣ. Напротивъ того, Голубыхъ было очень много, и они съ презрительными усмѣшками посматривали на Сепеоса и Гараиви. Попадались

Digitized by Google

имъ сановники, толстые евнухи, а также спатэрцы, которые, не желая компрометировать себя знакомствомъ съ бунтовщикомъ, не кланялись Сепеосу, что̀ его видимо огорчало.

— Тебѣ нечего обращать на нихъ вниманіе,—говорилъ Гараиви.—Когда Управда восторжествуетъ, они отъ радости понесутъ тебя на своихъ щитахъ и тогда станутъ тебѣ кланяться, а ты не будешь замѣчать ихъ.

Онъ старался ободрить его, придать ему мужества. Сепеосъ съ безконечной грустью смотрѣлъ на него.

— Воображаю, какъ я похудѣлъ, потому что и ты исхудалъ,—сказалъ онъ.

Дѣйствительно, набатеянецъ былъ худъ и костлявъ, но Сепеосъ особенно сильно измѣнился. Его усы уже утратили прежній побѣдный видъ и просто падали на бороду постарѣвшаго человѣка; онъ весь походилъ на чахоточнаго, падающаго отъ одного дуновенія. И одежда ихъ была вся въ грязи и лохмотьяхъ отъ пребыванія въ Нумерѣ.

— Мы испугаемъ своимъ видомъ Виглиницу,—замѣтилъ Сепеосъ,—и она не захочетъ имѣть такихъ защитниковъ.

— Мы пострадали изъ-за нея и ея брата,—отвѣчалъ Гараиви:—они не должны отвертываться отъ нашего безобразія, тѣмъ болѣе, что оно не уменьшаетъ нашей преданности имъ.

Они приближались къ демократическимъ кварталамъ и Зеленые все чаще попадались имъ на встрѣчу, но не узнавали ихъ, благодаря изуродованію. Вдругъ какой-то голосъ крикнулъ имъ:

— Святая Дѣва Марія, это онъ! Господи Боже, да это Гараиви!

Это кричалъ Сабатіусъ, съ ужасомъ глядя на отрѣзанные носъ и уши. Онъ узналъ также и Сепеоса, такъ какъ видѣлъ его вмѣстѣ съ Гараиви, когда тотъ повезъ его въ своей лодкѣ къ Золотому Рогу.

— Я тебѣ предсказывалъ—говорилъ безумный.—Ты хотѣлъ взбунтовать Византію и василевсъ наказалъ тебя. Вотъ ты и потерялъ носъ и уши за то, что потопилъ Гераискоса. И этотъ сатэрецъ: какой былъ молодецъ, но началъ бунтовать и василевсъ тоже наказалъ его.

Они ничего ему не отвѣтили и прошли, не обративъ на него никакого вниманія. Они подходили къ послѣдней горѣ,

Digitized by Google

къ предмѣстьямъ Гебдомона и Влахерна. Вотъ и Святая Непорочность, бѣлая съ сѣрымъ и розовымъ мраморомъ. Они видѣли геліаконъ, гдѣ сидѣла Склерена съ дѣтьми, прыгающими вокругъ нея. Они смотрѣли на все это и забывали свои страданія, и душа ихъ была полна Управдой и Виглиницей...

VII.

Желаніе Сабатіуса наконецъ исполнилось: онъ разбогатѣлъ. Разъ какой-то иностранный путешественникъ, пріѣхавшій издалека, обронилъ на берегу Золотаго Рога длинный кожаный кошелекъ, полный золота и драгоцѣнныхъ камней въ богатой золотой оправѣ. Не замѣтивъ этой потери, онъ исчезъ среди городскихъ улицъ, между тѣмъ какъ Сабатіусъ бросился на кошелекъ и поднялъ его.

На другой день онъ отправился къ одному изъ мѣнялъ и вышелъ отъ него нагруженный золотой, серебряной и мѣдной монетой. Это неожиданное богатство внушило ему мысль заняться торговлей арбузами въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, такъ чтобы Византія только и видѣла, что его арбузы. По его разсчету, выгода этой торговли будетъ такъ велика, что черезъ нѣсколько дней онъ будетъ имѣть возможность купить цѣлую улицу въ Византіи съ домами, дворцами и портиками. Онъ принялся за выполненіе своего плана съ лихорадочной поспѣшностью безумнаго. Всюду онъ бѣгалъ, всюду заказывалъ партіи арбузовъ, съ эллинскихъ острововъ, съ Понта, Кападокіи, Арменіи. Такъ какъ этотъ дешевый плодъ скоро портится, то его заказы встрѣчали сначала съ хохотомъ, но когда онъ началъ платить впередъ, то полныя барки и цѣлые караваны арбузовъ стали приходить къ нему со всѣхъ сторонъ. Въ одно утро, въ бухту Золотаго Рога то и дѣло въѣзжали барки съ арбузами всѣхъ величинъ. Ихъ вынимали изъ трюма, складывали на берегъ и на ослахъ отвозили на рынокъ. Одна барка за другой—складывали свой грузъ на берегъ, гдѣ вскорѣ образовались цѣлыя горы арбузовъ. Въ удивленной толпѣ слышались хохотъ и насмѣшки надъ Сабатіусомъ; но онъ нимало ими не смущался. Во

Digitized by Google

время переноски, многіе арбузы падали, скатывались и разбивались. На нихъ набрасывались толпы дѣтей и даже взрослыхъ. Иногда византійцы со смѣхомъ бросали ими одинъ въ другаго. Вездѣ слышался хохотъ, веселыя шутки. Къ ночи всѣ арбузы были перевезены на рынокъ и сложены въ длинный рядъ кучъ, которыя своей высотой превосходили невысокіе домики. Сабатіусъ съ восторгомъ обозрѣвалъ ихъ. Онъ не сомнѣвался, что византійцы, привлеченные дешевизной, раскупятъ весь его громадный запасъ. На другой день обыкновенная толпа собралась на рынокъ. Сабатіусъ, сидя на одной изъ кучъ своихъ арбузовъ, кричалъ, предлагая свой товаръ и не обращая никакого вниманія на палившее его солнце. Видъ арбузовъ былъ такъ привлекателенъ, что многіе раскупали ихъ и уносили домой, а нѣкоторые ѣли ихъ тутъ же, погружая свое лицо въ ихъ нѣжную мякоть, точно въ свѣжую ванну. Сабатіусъ собиралъ мелкую монету въ деревянную чашку и уже видѣлъ себя обладателемъ мѣшковъ съ золотомъ и сундуковъ съ драгоцѣнными камнями.

Къ полудню на рынокъ явились женщины въ сопровожденіи евнуховъ или негровъ, которые несли ихъ корзины. Сабатіусъ продалъ имъ много арбузовъ. Успѣхъ его спекуляціи радовалъ его и онъ съ презрѣніемъ посматривалъ на Зеленыхъ, Голубыхъ, стражниковъ, сановниковъ. Что такое были Зеленые и Голубые? Ровно ничто: люди, полные ненависти, которая не только не помогала, но мѣшала имъ достичь богатства. А стражники и сановники Константина V, не были ли всѣ слугами на жалованьѣ, рабами въ полной зависимости отъ своего господина, тогда какъ онъ, Сабатіусъ, богатый, спокойный, независимый, заживетъ лучше ихъ и одѣнется богаче ихъ. Что ему за дѣло до борьбы за иконопочитаніе, до борьбы св. Мудрости со св. Непорочностью? Онъ выше всего этого и только желаетъ наслаждаться, сладко ѣсть и хорошо одѣваться.

Его собственная особа внушала ему такое восхищеніе, что онъ забылъ, гдѣ онъ, и заговорилъ громко, не обращая вниманія на окружавшую толпу.

— Мнѣ, Сабатіусу, нѣтъ никакого дѣла до всѣхъ васъ, Зеленые и Голубые, какъ нѣтъ дѣла до василевса и Управды, патріарха и Гибреаса, Сепеоса и Гараиви, которыхъ

Digitized by Google

я видѣлъ изуродованными и которые желаютъ взбунтовать Византію и помѣшать мнѣ продавать мои арбузы. Скоро я разбогатѣю и мнѣ ни до кого нѣтъ дѣла.

Ему отвѣтилъ грубый, громкій голосъ монаха, сидѣвшаго на ослѣ.

— Іисусу не угодно, чтобы гордость внѣдрялась въ сердца правовѣрныхъ. Ты правъ относительно василевса и патріарха-кастрата. Я—Іоаннъ, монахъ-сборщикъ св. Непорочности, и объявляю, что если ты будешь продолжать такъ говорить, то окажешься хуже моего Зловоннаго.

Іоаннъ принялся благословлять народъ. Многіе почтительно снимали шапки и съ благоговѣніемъ подходили къ нему. Сабатіусъ хотѣлъ снова вернуться къ своей продажѣ, какъ вдругъ раздался голосъ:

— Я—Голубой, уважаю декретъ св. синода и одобряю Константина V, противника правовѣрныхъ, почитателей иконъ, которыя мы уничтожимъ.

— А я—Зеленый!

— Здѣсь есть Зеленые, враги Голубыхъ!

— И Голубые, враги Зеленыхъ!

И Зеленые, и Голубые, окруживъ Сабатіуса, показывали другъ другу кулаки. Зловонный безостановочно кричалъ мужчины, женщины забирали свои арбузы и спѣшили домой; многіе даже не заплатили за нихъ. Стражники расходились, предчувствуя драку между партіями, и самъ Дигенисъ, случайно попавшій на рынокъ со своими кандидатами, поспѣшно скрылся. Вскорѣ тамъ не осталось никого, кромѣ многочисленныхъ Зеленыхъ и Голубыхъ. Ихъ союзники, Бѣлые и Красные, сбѣгались поспѣшно.

Быть можетъ, одному изъ Зеленыхъ пришла въ голову мысль схватить арбузъ и бросить имъ въ голову Голубаго. Тотъ въ ярости отвѣтилъ ему тѣмъ же, и вскорѣ Зеленые и Голубые съ трагикомическимъ бѣшенствомъ принялись кидать другъ въ друга арбузами. Кучи ихъ разсыпались и несчастному Сабатіусу пришлось скрыться и спасти только одну деревянную чашку съ мелкой монетой.

Теперь только Зеленые, Голубые, Бѣлые и Красные занимали рынокъ. Арбузы летѣли во всѣ стороны, попадали въ голову, грудь, плечи и руки, которыя ихъ подхватывали и

Digitized by Google

отбрасывали. Іоаннъ соскочилъ съ своего Зловоннаго, засучилъ рукава и принялся съ большою ловкостью бросать арбузами въ Голубыхъ и Бѣлыхъ. Въ пылу битвы, онъ поднялъ широкій кушакъ, кѣмъ-то потерянный, положилъ въ него арбузъ, закрутилъ кушакомъ и съ силой бросилъ въ голову Голубаго, который зашатался отъ такого удара. Іоанну стали подражать Зеленые и Голубые, между тѣмъ какъ Бѣлые и Красные, видя, что борьба принимаетъ серьезный оборотъ, мало по малу удалялись.

VIII.

Но вотъ что случилось. Другіе Зеленые, точно повинуясь какому-то таинственному знаку, начали стекаться на рынокъ со всѣхъ сторонъ и собирались драться уже не арбузами, но оружіемъ, мѣднымъ, бронзовымъ или желѣзнымъ. Они сбѣгались со свирѣпыми лицами, съ налитыми кровью глазами, а нѣкоторые изъ нихъ держали въ рукахъ таинственныя длинныя трубочки, на концѣ которыхъ тлѣлся огонекъ на фитилѣ, прикрѣпленномъ къ тонкой цѣпочкѣ. Всѣ они бѣжали съ криками ненависти къ Голубымъ, автократору и патріарху, и число ихъ все возрастало. Византійцы—иконоборцы или не принадлежавшіе ни къ одной изъ воюющихъ партій—разбѣгались, закрывши свои лавки и двери домовъ. Повидимому, въ испуганномъ городѣ ничего не предпринималось для остановки столкновенія. У Великаго Дворца не было видно ни одного стражника. Спатэрцы тоже скрылись съ городскихъ стѣнъ. Толпы Голубыхъ отступали передъ Зелеными и не рѣшались драться съ ними даже арбузами. Тѣ изъ византійцевъ, которымъ не удалось убѣжать во-время, поспѣшно взбирались по наружнымъ лѣстницамъ въ верхніе этажи домовъ и оттуда виднѣлись ихъ блѣдныя лица. Вскорѣ весь городъ охватила боязнь неминуемой битвы между партіями, битвы, предвѣщающей низверженіе Константина сторонниками Управды.

Во всѣхъ монастыряхъ и церквяхъ, преданныхъ иконопочитанію и правовѣрію, загудѣли сухіе металлическіе удары симандръ. Очевидно, били въ набатъ и сзывали право-

Digitized by Google

вѣрныхъ, которые сбѣгались, преклонялись передъ иконами и затѣмъ слушали горячія проповѣди игуменовъ и священниковъ. До самыхъ отдаленныхъ концовъ Византіи доходили эти звуки колоколовъ, приводя въ движеніе толпы народа и наполняя ихъ сердца одушевленіемъ и надеждой на счастливый исходъ возстанія, на низверженіе Константина V и на коронованіе Управды официальнымъ василевсомъ въ св. Мудрости, теперь безмолвной, въ св. Мудрости, очищенной отъ своихъ испорченныхъ епископовъ и патріарха-кастрата. Звуки набата вызвали изъ Лихоса и невинную Евстахію. Слуги поспѣшно несли ее на скамейкѣ изъ слоновой кости. Точно подчиняясь таинственному лозунгу, который заставилъ повиноваться Зеленыхъ и бить въ набатъ, она стремилась къ битвѣ между двумя партіями, между двумя церквями и двумя властями. На ходу, возвышаась надъ толпой, радостно ее встрѣчавшей, Евстахія видѣла всю Византію. Тамъ, за зданіями изъ бѣлаго мрамора и розоваго порфира, возвышалась Св. Мудрость, неподвижная и крѣпкая подъ своими девятью куполами и своимъ золотымъ крестомъ, а за нею, на свѣтломъ, почти зеленоватомъ небѣ сверкали мечи. Они касались своимъ остріемъ зенита и занимали огромное пространство въ нѣсколько верстъ. Подъ Августеоновскимъ форумомъ разстилался ипподромъ. Виднѣлись триклиноны и галереи Великаго Дворца съ его геліаконами и садами. Евстахія все подвигалась впередъ. Зеленые показывали ей таинственныя трубки, кончикъ тлѣвшаго фитиля, точно надежда на побѣду заключалась именно въ нихъ. Св. Непорочность тоже ожила. Двери ея открылись и воины правовѣрныхъ вышли изъ нея и разлились по ближайшимъ улицамъ. Цѣлое войско Зеленыхъ съ таинственными трубками въ рукахъ. стояло на ея площади и надъ нимъ возвышался безрукій бюстъ Солибаса. Потомъ появился тронъ съ Управдой. Въ рукахъ у него былъ серебряный крестъ и золоченый скипетръ Юстиніана; опоясанъ онъ былъ мѣднымъ мечемъ, а голову его окружалъ золотой обручъ. Изъ подъ его пурпурной хламиды, накинутой на плечи, виднѣлся голубой сагіонъ. За нимъ, тоже на тронѣ, несли Виглиницу; на колѣняхъ ея лежало евангеліе, писанное киноварью, символъ силы и власти, данный Юстиніаномъ ея бабкѣ. Чѣмъ больше приближалась къ

Digitized by Google

нимъ Евстахія, тѣмъ яснѣе различала бѣлое лицо своего жениха, плотный станъ Виглиницы, Солибаса, Зеленыхъ и правовѣрныхъ. Вскорѣ она присоединилась къ нимъ, между тѣмъ какъ изъ церкви доносилось торжественное пѣніе гимновъ.

Вскорѣ на порогѣ нартекса показался Гибреасъ. Онъ благословилъ собравшійся народъ, Управду, Виглиницу, Евстахію, Зеленыхъ. Онъ благословлялъ ихъ медленными движеніями рукъ и бросалъ долгіе, глубокіе взгляды на св. Мудрость. Народъ направился въ городъ; ряды Зеленыхъ съ ихъ трубками очистили площадь, а онъ продолжалъ благословлять, посматривая на церковь „зла“, которая рѣзко выдѣлялась изъ громадной массы длинныхъ мечей, окружавшей ее.

Сепеосъ и Гараиви, одинъ безносый, другой хромой, не отставали отъ прочихъ. На геліаконѣ св. Непорочности, добрая Склерена удерживала дѣтей своихъ и рукой зажимала ротъ Склероса, такъ какъ онъ не могъ сдержать своей радости и смѣялся, стуча челюстями.

IX.

Въ это время, густыя колонны вышли изъ Великаго Дворца и звонъ симандръ послышался со св. Мудрости. Онъ казался зловѣщимъ и страшнымъ въ своемъ уединеніи. Между тѣмъ, изъ всѣхъ выходовъ Великаго Дворца продолжали выступать войска. Показались даже всадники. Пики образовали цѣлый лѣсъ; сѣкиры блестѣли словно серпы луны; мечи вытягивались своими заостренными клинками; луки обрисовывали тонкія линіи, крѣпко стянутыя хорошо натянутой тетивой; дротики и стрѣлы виднѣлись въ рукахъ съ бронзовыми перчатками; боевыя машины были нагромождены на низкія телѣги; арканы и кнуты, свистя, кружились въ воздухѣ. Константинъ V ѣхалъ на громадной лошади въ золотой сбруѣ и покрытой золотой попоной; на груди ея была надѣта стальная накладка въ видѣ клюва для расталкиванія массъ народа, а на головѣ торчалъ большой мѣдный рогъ, превращавшій ее въ фантастическое животное. Василевса окружали всѣ его сановники съ широкими мечами въ рукахъ, въ остроконечныхъ каскахъ, съ забралами на лицѣ

Digitized by Google

и, какъ и онъ, всѣ держали копья, воткнутыя въ стремена ихъ лошадей. Тутъ были: великій доместикъ, великій логоѳетъ, великій друнгарій, протостраторъ, великій стратопедаркъ, великій хартуларій, примикарій пѣвцовъ, наконецъ, великій папіасъ, на лицѣ котораго играла еще болѣе обыкновеннаго зловѣщая улыбка и онъ еще сильнѣе раскачивалъ своей толстой головой. За нимъ тянулась сначала высшая, потомъ низшая прислуга Великаго Дворца, тоже вооруженная. Въ то время какъ эта громада войскъ подвигалась къ Рынкамъ, ворота городскихъ стѣнъ затворились и всѣ стражники спѣшили для подавленія мятежа.

— Настанетъ день, когда лошади съ ихъ всадниками будутъ брошены въ море и когда мы раздавимъ нашихъ враговъ и супостатовъ,—говорилъ Гараиви Сепеосу, опиравшемуся на его плечо.

— А мнѣ не кажется, чтобы насталъ день побѣды,— отвѣчалъ Сепеосъ. — Если взрывчатый огонь не оправдаетъ нашихъ надеждъ на него, то мы будемъ побѣждены, какъ и въ ипподромѣ.

Гараиви не слушалъ его. Онъ вспоминалъ прошедшія муки и страданія, и ему страстно хотѣлось отомстить за себя и Сепеоса.

— Ты ослабѣлъ, потому что они два года продержали тебя въ Нумерѣ, послѣ того какъ изувѣчили,—сказалъ онъ.— Но я заставлю дорого заплатить Константина V, его стражниковъ и сановниковъ за твое погубленное здоровье и твое увѣчье. Я намѣренъ драться, такъ какъ Нумера не ослабила меня.

Онъ махалъ кулакомъ и взывалъ о мщеніи.

— Еслибы не я, Гибреасъ не далъ бы сигнала къ возстанію. Когда я узналъ, что Зеленые и Голубые дерутся арбузами, я уговорилъ его, сказавъ, что, благодаря этой распрѣ, дѣло „добра“ можетъ восторжествовать. Константинъ V не готовъ отразить наше нападеніе, въ особенности выдержать силу взрывчатаго огня. Онъ полагалъ, что обезоружитъ насъ, выпустивъ насъ изъ Нумеры, но нѣтъ! Наши души непоколебимы! Греки и славяне воцарятся въ возрожденной восточной имперіи и Управда будетъ василевсомъ, а Виглиница, о, Виглиница!..

Digitized by Google

Онъ остановился съ именемъ Виглиницы на устахъ. Далеко передъ ними виднѣлся бюсть Солибаса, а еще далѣе—Управда въ своей пурпурной хламидѣ, Виглиница, Евстахія; всѣ четверо возвышались надъ бунтующей толпой.

— Ты услышишь взрывчатый огонь,—говорилъ Гараиви своему спутнику,—какъ мнѣ удалось разъ слышать его. Но теперь его взрывъ будетъ гораздо сильнѣе. Пока мы сидѣли въ Нумерѣ, Гибреасъ приготавливалъ трубки, которыя ты видѣлъ въ рукахъ Зеленыхъ, и наполнялъ ихъ своимъ порошкомъ. Теперь „добру“ нечего бояться: оно хорошо вооружено противъ „зла“.

Дѣйствительно, возстаніе произошло по милости набатеянца. Тонкая дипломатія Константина V, обыкновенно снисходительнаго, хотя и грознаго, обратилась противъ него. Въ суевѣрномъ страхѣ, что его потомки пострадаютъ за преслѣдованіе имъ эллиновъ и славянъ, онъ хотѣлъ обезоружить Зеленыхъ, освободивъ Сепеоса и Гараиви, и надѣялся, что они уговорятъ Управду бросить свои замыслы и разстаться съ Гибреасомъ. Но напрасно. Если Сепеосъ и былъ противъ всякаго предпріятія по своей немощности, доходящей до скептицизма, то Гараиви вышелъ изъ тюрьмы еще болѣе озлобленный и съ еще бо́льшимъ рвеніемъ къ борьбѣ. Онъ поджигалъ Зеленыхъ, возбуждалъ правовѣрныхъ, онъ разжегъ въ душѣ Виглиницы пламя честолюбія, а Евстахію воодушевилъ лихорадочнымъ желаніемъ столкновенія. Ему даже удалось склонить на свою сторону Гибреаса, который предпочиталъ еще подождать. Но такъ какъ Зеленые начали нетерпѣливо требовать боя, а правовѣрные стали явно готовиться къ бунту, то Гибреасъ приступилъ къ заготовкѣ взрывчатаго огня, тайну котораго онъ вычиталъ изъ древнихъ арійскихъ книгъ. Это былъ порошокъ изъ трехъ субстанцій: бѣлой, черной и желтой. Іоаннъ и анагностъ Склеросъ растирали его въ бронзовой ступкѣ, причемъ Склеросъ много смѣялся, постукивая зубами и радуясь неминуемой гибели Голубыхъ, иконоборцевъ, патріарха, сановниковъ и самого Константина V. Потомъ Гибреасъ заказалъ мѣдникамъ и кузнецамъ изъ правовѣрныхъ трубки мѣдныя и желѣзныя, съ одного конца закрытыя и съ маленькой дыркой на другомъ, въ которую проходила льняная свѣтильня, пропитанная масломъ. Вся эта

Digitized by Google

работа была сдѣлана такъ тихо, что власти ничего не узнали о ней.

Въ тотъ день, когда началась драка арбузами между Голубыми и Зелеными, Гараиви настоятельно упрашивалъ Гибреаса подать сигналъ къ битвѣ, и Гибреасъ подалъ его. Онъ появился на порогѣ нартекса св. Непорочности и, поднявъ руку къ верху, дѣлалъ знаки на сѣверъ, на югъ, востокъ и западъ. Тогда тѣ Зеленые, которые не были на Рынкѣ, и тѣ, которые должны были владѣть таинственнымъ оружіемъ, побѣжали къ мѣдникамъ и кузнецамъ, взяли отъ нихъ желѣзныя трубки и, согласно инструкціямъ Гибреаса, наполнили ихъ на одну треть порошкомъ Гибреаса и прикрыли его свинцовыми пулями, поспѣшно отлитыми въ глиняныхъ формахъ. Такъ вооруженные, они выступили противъ власти и силы съ горячей и радостной надеждой на побѣду. Гараиви ускорялъ шаги, торопилъ своего товарища. Ему хотѣлось пробраться къ Управдѣ, Виглиницѣ, Евстахіи, чтобы драться подлѣ нихъ. Звонъ симандръ доказывалъ, что въ возстаніи участвовала не одна св. Непорочность, но всѣ монастыри и церкви, преданные иконопочитанію. Теперь громадныя арміи Зеленыхъ и правовѣрныхъ заняли Рынки, скользя по разсыпаннымъ арбузамъ. Весь товаръ Сабатіуса погибъ, и онъ вопилъ съ отчаянія, сжимая въ полѣ своей одежды немного денегъ, которыя ему удалось сохранить при столкновеніи партій.

Пройдя Рынки, эта армія направилась къ Великому Дворцу и ипподрому. На тріумфальной дорогѣ она встрѣтилась съ войскомъ Константина V. Трубки Гибреаса сверкали въ первыхъ рядахъ мятежниковъ. Они направили ихъ отверстія на непріятеля, сильно смущеннаго видомъ этого неизвѣстнаго оружія. Маглабиты и спатэрцы, не зная, какъ отражать его, дрожали отъ страха; но прикрываемое ими каре, въ срединѣ котораго находился Константинъ V съ кавалеріей, тѣлохранителями и кандидатами, сдѣлало очень ловкое стратегическое движеніе и окружило бунтовщиковъ со всѣхъ сторонъ. Лошади ржали, словно тоже боялись порошка, наполнявшаго трубки Гибреаса. Дѣйствительно, до сихъ поръ одна власть владѣла этой тайной: она и не подозрѣвала объ открытіи игумена, потому и не вооружила своего войска легендарнымъ медическимъ огнемъ, огнемъ жидкимъ и морскимъ, употребляв-

Digitized by Google

шимся ею для сжиганія непріятельскихъ кораблей. Противъ взрывчатаго огня Гибреаса она выставила только золотое оружіе стражниковъ, пики, луки, стрѣлы, дротики, мечи, палицы, сѣкиры, щиты и, наконецъ, кнуты и арканы. Теперь изъ самозащиты она толкала на правовѣрныхъ и Зеленыхъ свое громадное войско, безстрашно напирала на нихъ въ безумномъ желаніи всѣхъ ихъ раздавить. Пики миртаитовъ коснулись Зеленыхъ, дротики ломались въ толпахъ правовѣрныхъ, кнуты пощелкивали издали. Зеленые зажигали свои фитили. Послѣ нѣсколькихъ минутъ тревожнаго ожиданія, послышались глухіе выстрѣлы, одни сильные, другіе совсѣмъ слабые, сопровождаемые трескомъ и легкимъ дымомъ. Но, странное дѣло: эти выстрѣлы поражали самихъ Зеленыхъ, и они падали цѣлыми группами. Трубки разрывались на куски и, вмѣсто воиновъ василевса, убивали защитниковъ иконъ, разнося имъ черепъ: свинцовыя пули слабо свистѣли по землѣ. Или Гибреасъ слишкомъ поторопился и сдѣлалъ негодную смѣсь, или трубки были нехороши; во всякомъ случаѣ, его огонь оказался неудачнымъ и погубилъ много его приверженцевъ. Тогда произошло большое смятеніе. Не имѣвшіе трубокъ съ отчаяніемъ бросились впередъ, не понимая причины этой неудачи взрывчатаго огня, въ который они такъ вѣрили, а войско василевса, не понимая, отчего Зеленые и правовѣрные вооружились такимъ оружіемъ, которое ихъ же убивало, съ небывалой до сихъ поръ яростью захотѣло изрубить ихъ всѣхъ.

И вотъ завязалась неистовая рѣзня и рукопашный бой тяжелыми палицами, мечами, сѣкирами. Солдаты съ нѣсколькихъ сторонъ напали на Зеленыхъ, еще оставшихся въ живыхъ, а тѣ отчаянно защищались и сами бросались на нихъ. Вскорѣ безпорядочное отступленіе значительно опустѣвшихъ рядовъ Зеленыхъ и правовѣрныхъ дошло до Управды, Виглиницы, Евстахіи, которыхъ продолжали нести на рукахъ. Бюстъ Солибаса исчезъ. Сепеоса повалили на землю и едва не затоптали. Гараиви дрался возлѣ самой Виглиницы. Голубые вернулись и стали нападать на отступающихъ Зеленыхъ, убивая ихъ во всѣхъ углахъ, на порогахъ лавокъ и домовъ, гдѣ тѣ отчаянно защищались. Повсюду была рѣзня, убійство! Израненные, ослѣпленные ударами, Сепеосъ и Га-

Digitized by Google

раиви не видѣли, какъ тысячи рукъ схватили Управду, стащили его съ трона и увлекли, разлучивъ съ Виглиницей и Евстахіей, которыхъ обезумѣвшіе отъ горя Зеленые поспѣшили унести въ замокъ Лихоса. Наступилъ вечеръ. Возвышаясь надъ своими спасителями, двѣ женщины едва различали хорошо имъ знакомую мѣстность. Вдали едва блестѣла Пропонтида; св. Мудрость продолжала звонить въ свой колоколъ; но монастыри и церкви правовѣрныхъ замолкли. Только со св. Непорочности слышались унылые, медленные удары и Гибреасъ, стоя на порогѣ нартекса, посылалъ свои благословенія. По направленію къ св. Мудрости двигалось войско Константина V въ строгомъ порядкѣ, а къ св. Непорочности направлялись разстроенные ряды правовѣрныхъ и Зеленыхъ. Виглиница и Евстахія въ безумномъ порывѣ хотѣли вернуться и выручить Управду, обратясь съ новымъ воззваніемъ къ Зеленымъ и правовѣрнымъ. Но мракъ сгустился; облака заволокли все небо: ничего не было видно, кромѣ мелкихъ водъ Лихоса, черезъ которыя онѣ перешли на плечахъ своихъ насильниковъ, желавшихъ поскорѣе укрыть ихъ въ безопасномъ убѣжищѣ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Молчальники медленно проходили по дворцу, отдергивали тяжелыя завѣсы, прикрѣпленныя къ серебрянымъ трехъугольникамъ, отворяли двери изъ слоновой кости и бронзы, входили въ великолѣпныя залы, наполненныя сановниками и служителями. Они шли по четыре въ рядъ, въ красныхъ шапкахъ съ павлиньими перьями, въ бѣлыхъ хламидахъ и съ низко падавшими, золотомъ шитыми рукавами ихъ голубаго парогадіона. Гдѣ бы они ни появлялись, всюду водворялось молчаніе по мановенію ихъ позолоченаго жезла. Они проходили по триклинонамъ схоларовъ, тѣлохранителей и кандидатовъ, гдѣ по знаку ихъ жезла смолкали всѣ разговоры. Они под-

Digitized by Google

нялись по двумъ лѣстницамъ геліакона Большаго Триклинона Магноры, примыкавшаго къ сенату, между церковью Господа внутри и св. Мудростью снаружи. Этотъ геліаконъ, весьма обширный, доходилъ на сѣверѣ до внѣшняго перипатоса Большаго Триклинона и тянулся на югъ до садовъ, откуда виднѣлось море. Восемьдесятъ молчальниковъ появилось надъ главнымъ портикомъ—Эмболосъ, откуда начиналась галерея восточнаго фасада Магноры. Опять мановеніе ихъ жезла прекратило всѣ разговоры многочисленной публики, собравшейся въ залѣ Магноры, гдѣ подъ абсидой находился пустой тронъ съ киваріемъ изъ краснаго мрамора.

Отсюда они повернули и снова поднялись по ступенькамъ портика на другой фасадъ Магноры, обогнули абсиду церкви Господа, вошли въ узкую длинную галерею, ведущую къ дверямъ Спатакеріона, и спатэрцы, охранявшіе ее, при видѣ ихъ подняли свои золотые мечи. Таинственный источникъ Триконхи съ бронзовымъ бассейномъ былъ полонъ людьми. Они всѣ замолкли при появленіи молчальниковъ, которые поднялись по лѣстницѣ и разсѣялись на галереѣ Сорока Святыхъ. Въ таинственномъ источникѣ они встрѣтились съ другими молчальниками, вышедшими изъ Термостры, гдѣ по знаку ихъ жезла смолкла вся низшая прислуга. Они спустились по другимъ лѣстницамъ, прошли по Лозіокосу и, послѣ ихъ прохода, по всему Великому Дворцу воцарилось тяжелое безмолвіе, едва нарушаемое шелестомъ одежды всѣхъ тѣхъ, которыхъ они заставили замолчать, и шарканьемъ ихъ черныхъ, желтыхъ, зеленыхъ и бѣлыхъ сапогъ.

Такъ, обойдя весь дворецъ, они остановились у портика передъ Золотымъ Триклинономъ, гдѣ вскорѣ долженъ былъ появиться Константинъ V. Въ одной изъ абсидъ этого Триклинона они оставили свой жезлъ и разошлись по Лозіокосу.

Изъ восьми абсидъ Золотаго Триклинона вышли всѣ евнухи въ великолѣпныхъ одѣяніяхъ. Они выходили изъ частныхъ покоевъ василевса и императрицы, его супруги, которые находились въ верхнемъ этажѣ. Они выходили изъ абсиды св. Ѳеодора, гдѣ хранилось оружіе василевса, его два золотыхъ щита, покрытыхъ эмалью, короны, одежда и даже золотые жезлы остіеровъ, золотыя ожерелья протоспатэрцевъ и золоченые мечи спатэрцевъ

Digitized by Google

Великаго Дворца; а также выходили изъ абсиды, служившей ризницей патріарху. Золотой Триклинонъ былъ чрезвычайно красивъ подъ куполомъ съ шестнадцатью полукруглыми окнами и круговой галереей Съ середины спускался поликанделонъ, громадная люстра со множествомъ подсвѣчниковъ, бросавшихъ тѣнь на мозаику паркета съ серебрянымъ бордюромъ. Въ галереѣ висѣли часы изъ чеканнаго серебра, а всѣ стѣны были покрыты мозаикой. Передъ пурпурной портьерой, закрывавшей одну изъ абсидъ, возвышался на нѣсколькихъ ступенькахъ тронъ василевса изъ массивнаго золота подъ киваріемъ изъ ажурнаго и золоченаго мрамора. Теперь настала очередь препозитовъ, слугъ василевса. Они опустились изъ верхнихъ этажей по лѣстницамъ, ведущимъ на куполы, и разошлись по Трипетону. Нѣкоторые изъ нихъ пустились по Лозикону; другіе пошли на галерею Сорока Святыхъ, на другой конецъ. Многіе отправились въ Триконхи, къ таинственному источнику, откуда одни черезъ церковь Господню отправились къ Большому Консистеріону, а другіе къ Ипподроміону и обширному геліакону, господствующему надъ ипподромомъ. Теперь онъ былъ пустъ, но вскорѣ долженъ былъ открыться для народа, который уже собрался въ огромномъ множествѣ, въ ожиданіи его открытія. Служители громаднаго зданія мели полъ, развѣшивали тяжелыя ткани на выступѣ, между тѣмъ какъ кубикуларіи устанавливали на каѳизмѣ золотой тронъ подъ золотымъ киваріемъ. Препозиты, проходя по дворцу, громко называли имена лицъ, которыя тамъ точно застыли послѣ прохода молчальниковъ. Это были проконсулы, высшіе патриціи, вожди кандидатовъ, сенаторы, доместики, великій-доместикъ, великій друнгарій, великій логоѳетъ и великій папіасъ съ своимъ ключемъ въ рукахъ. Всѣ они наполнили Золотой Триклинонъ, гдѣ должны были представляться василевсу.

Послышались отдаленные звуки органовъ и церковное пѣніе. Изъ св. Мудрости направлялось шествіе епископовъ съ патріархомъ во главѣ. Онъ выступалъ, покачивая своей головой въ тіарѣ и посылая благословенія. Передъ нимъ несли золотые и серебряные кресты на высокихъ древкахъ, хоругви, на которыхъ изображенія Іисуса и Панагіи замѣнились священными знаками. Дойдя до Золотаго Триклинона,

Digitized by Google

патріархъ оставилъ свою свиту и подошелъ къ Константину V. Онъ возсѣдалъ на тронѣ съ саракіономъ на головѣ, въ бѣломъ дибетезіанѣ и въ пурпурной хламидѣ, падавшей на его красные сапоги съ золотыми орлами. Патріархъ низко поклонился василевсу; всѣ находившіеся тутъ сановники отступили на конецъ залы и, оставивъ василевса наединѣ съ патріархомъ, разошлись по сосѣднимъ комнатамъ. Вскорѣ все замолкло; слышались только шаги молчальниковъ, которые мановеніемъ своего жезла повергали все въ оцепененіе и безмолвіе.

II.

— Твое автократство побѣдило,—началъ патріархъ,—но твоя побѣда будетъ гораздо полнѣе, если ты меня послушаешься.

Патріархъ говорилъ пискливымъ голосомъ; Константинъ V свысока посмотрѣлъ на него.

— Твое блаженство можетъ говорить; мое автократство тебя слушаетъ, — отвѣчалъ онъ.

— Ты намѣренъ выколоть глаза Управдѣ, — заговорилъ патріархъ,—но этакъ ты не покоришь противниковъ твоей и моей власти, и не остановишь сопротивленія грековъ и славянъ, потому что ослѣпленіе не помѣшаетъ Управдѣ соединиться съ Евстахіей. Послѣ ослѣпленія, необходимо казнить Управду, казнить Гибреаса, положить конецъ сопротивленію, очагъ котораго находится въ св. Непорочности; иначе Управда можетъ сдѣлаться отцомъ и тебѣ придется опасаться, чтобы его сынъ не свергнулъ съ престола твоихъ дѣтей.

Патріархъ замолчалъ, ожидая отвѣта василевса.

— Я хорошо понимаю тебя, но къ чему поведетъ это? Если я убью Управду, казню Гибреаса, разрушу св. Непорочность, то не дамъ ли этимъ дурной примѣръ? Другой василевсъ можетъ казнить тебя, разрушить св. Мудрость, убить моихъ потомковъ. Оттого-то мнѣ и жалко этого юношу Управду: я не могу не выколоть ему глазъ, но это должно удовлетворить васъ всѣхъ.

— Въ такомъ случаѣ, заточи Управду въ вѣчное заклю-

Digitized by Google

ченіе,—запищалъ патріархъ.—А не то, у него явятся дѣти, представители славянъ и эллиновъ, и со временемъ они возстанутъ противъ твоихъ дѣтей и погубятъ ихъ.

Василевсъ молча и холодно слушалъ его.

— Мой пастырскій взглядъ охватываетъ все, — продолжалъ патріархъ.—Византія принадлежитъ тебѣ и твоей расѣ, потому что славяне и эллины были до сихъ поръ разъединены. Гибреасъ понялъ это, отчего и задумалъ соединить Управду съ Евстахіей и вооружаетъ Зеленыхъ огнемъ, который, къ счастью, ему не удался. Съ помощью славянъ, эллины выгонятъ изъ Византіи тебя и твоихъ потомковъ, и возведутъ на престолъ потомковъ Управды и Евстахіи. Тогда въ восточной имперіи водворится ученіе „добра“, иконопочитаніе, осужденное синодомъ; восторжествуютъ Зеленые, которыхъ поддерживаетъ чернь, церкви, монастыри, слушающіе внушеній св. Непорочности. Мы будемъ представлять „зло“, „смерть“ и „небытіе“. Твоихъ потомковъ станутъ проклинать съ высоты амвоновъ, а твоя память заклеймится въ различныхъ изображеніяхъ на камнѣ и деревѣ, такъ какъ иконопочитатели будутъ изображать тебя и твоихъ въ лицѣ страшныхъ демоновъ, отвратительныхъ адскихъ чудовищъ. Говорю тебѣ: убей Управду или заключи его на вѣки въ тюрьму. Иначе Гибреасъ обвѣнчаетъ его съ Евстахіей, чтобы породить тебѣ соперника, и тогда настанетъ конецъ твоему владычеству и владычеству твоихъ дѣтей!

Слушая патріарха, василевсъ поднялъ глаза къ верху и задумчиво смотрѣлъ на мозаику надъ одной изъ абсидъ Золотаго Триклинона. На стѣнѣ этой абсиды было громадное изображеніе Вседержителя, возсѣдающаго на престолѣ, усыпанное рубинами, сардониками и жемчугомъ. Хотя его не было видно, но оно чувствовалось за занавѣсью, скрывавшей его съ начала иконоборства. Въ Большомъ Дворцѣ, какъ и во всѣхъ другимъ мѣстахъ, иконы замазывались или прикрывались драпировками, и это одно увеличивало живучесть поклоненія имъ. Константинъ V повернулъ голову къ изображенію Вседержителя и патріархъ сталъ смотрѣть туда же. Въ эту минуту вѣтеръ приподнялъ драпировку; вскорѣ она опустилась и плотно прилегла къ стѣнѣ. Это успокоило патріарха.

Digitized by Google

— Иконы не оживутъ, этого опасаться нечего, — сказалъ онъ. — Нашъ декретъ уничтожилъ ихъ, и этому мозаичному Вседержителю не поднять драпировки. Иконы умерли! Поклоняться имъ и обожать ихъ — это настоящее язычество, и твое автократство хорошо сдѣлало, что послушалось меня и наказало тѣхъ изъ правовѣрныхъ, которые искали ихъ заступничества. Развѣ человѣкъ, рожденный изъ земли, нуждается въ нихъ, чтобы заслужить царствіе небесное и избѣжать ада? Пусть онъ повинуется и слѣдуетъ по пути, который ты указываешь ему: этого довольно. Человѣку не нужны другія утѣшенія.

Въ нѣсколькихъ словахъ патріархъ изложилъ столь ненавистное для него ученіе „добра“, въ которомъ отразились всѣ понятія аріянцевъ. Константинъ V внимательно слушалъ его и его лицо омрачилось грустью. Ему жаль было Управду, но онъ сознавалъ, что строгія мѣры необходимы.

— Если я поступлю по твоему совѣту, — заговорилъ онъ задумчиво, — и если добьюсь общаго повиновенія, то будетъ ли это значить, что я побѣдилъ? Управда арестованъ, но Гибреасъ на свободѣ, и еслибы даже онъ и былъ арестованъ, то духъ моихъ враговъ отъ этого не измѣнится. Мнѣ придется перебить много Зеленыхъ, противниковъ василевса; мнѣ придется раздавить много народа, потому что я чувствую, что онъ еще долго будетъ вѣрить въ заступничество иконъ. Для правовѣрныхъ я буду представителемъ „зла“, а Управда — представителемъ „добра“. Если я убью его, какъ ты мнѣ совѣтуешь, то его смерть не обезоружитъ моихъ враговъ. Моя власть имъ покажется властью „ада“ и я возстановлю противъ себя ихъ гнѣвъ и ненависть. А, между тѣмъ, ты правъ. Если Управда будетъ свободенъ, Гибреасъ обвѣнчаетъ его съ Евстахіей, и тогда у Зеленыхъ и правовѣрныхъ могутъ явиться вожди съ кровью славянской и эллинской, и придется начинать борьбу снова. Въ такомъ случаѣ, къ чему бороться? Исаврiи суждено вѣчно опасаться заговоровъ эллиновъ и славянъ, раса которыхъ такъ значительно отличается отъ нашей по своему духу, а въ концѣ концовъ они навѣрное побѣдятъ. Тогда моя семья погибнетъ; моимъ дѣтямъ выколютъ глаза и казнятъ ихъ. Иконопочитаніе возстановится, ученіе „добра“ укрѣпится,

Digitized by Google

человѣческія искусства восторжествуютъ и, вмѣсто Исаврiи, въ Византiи воцарятся эллины и славяне.

Онъ остановился. Патріархъ слушалъ его съ видимой тревогой и наконецъ злобно проговорилъ:

— Убивай, убивай! Руби головы и выкалывай глаза! Бросай въ огонь плевелы, выросшіе среди пшеницы. Я, представитель истинной церкви Іисуса, я разрѣшаю тебѣ это. Не бойся за своихъ, пока станешь отнимать у людей опасную и утѣшительную вѣру въ заступничество иконъ! Нѣтъ ни „добра“, ни „зла“, а только одинъ Зевсъ,—Зевсъ, защитникъ твоей и моей власти. Человѣческія искусства лживы, Гибреасъ надуваетъ Зеленыхъ и правовѣрныхъ, и соединяетъ ихъ, чтобы свергнуть тебя съ престола, посадить на твое мѣсто Управду, чтобы выгнать меня изъ св. Мудрости, а самому сдѣлаться патріархомъ. Успѣхъ его заговора не возродитъ восточную имперію.

— Убивай, убивай!—повторялъ патріархъ, уходя къ ожидавшимъ его епископамъ.—Пусть Гибреасъ, который напустилъ на тебя Зеленыхъ и правовѣрныхъ, будетъ четвертованъ, задушенъ, сожженъ! Разрушь св. Непорочность, убей Управду съ Евстахіей, чтобы не пришлось бояться ихъ отпрысковъ. И Виглиницу вмѣстѣ съ ними! Какъ можно строже накажи всѣхъ заговорщиковъ. Я, своей духовной властью, все это разрѣшаю тебѣ для большей славы Іисуса безъ иконъ и безъ „добра“!

III.

— Вставай! вставай! — говорилъ великій папіасъ, придя съ двумя маглабитами въ тюрьму Управды и прикасаясь къ его плечу своимъ ключемъ.

Управда грустно лежалъ въ своемъ казематѣ, похожемъ на казематы Сепеоса и Гараиви. Онъ всталъ и вопросительно смотрѣлъ на Дигениса.

— Ты здѣсь ничего не видишь,—говорилъ достойный сановникъ,— но, выдя отсюда, увидишь городъ, Великій Дворецъ и самого василевса, который желаетъ познакомиться со своимъ соперникомъ.

— Пойдемъ,—отвѣчалъ Управда.—Я побѣжденъ, а со мною

Digitized by Google

побѣждено и „добро“. Я заслуживаю кары, которой „зло“ намѣрено подвергнуть меня.

— Не говорилъ ли я Гибреасу,—прибавилъ онъ тихо,—что я желалъ жить вдали отъ трона и распространять его ученіе о „добрѣ“. Я не рожденъ быть василевсомъ, о нѣтъ! я не рожденъ для этого!

Онъ бросилъ взглядъ вокругъ и въ послѣдній разъ увидалъ кружку, которую ему ежедневно подавали въ узкое окно; камень, служившій ему изголовьемъ, и отвратительную вонючую дыру.

— Во мнѣ течетъ кровь Юстиніана, это правда,—сказалъ онъ Дигенису,—но ей нужна была не каѳизма, а прекрасныя иконы и блестящія церкви правовѣрныхъ. Я отказывался отъ мятежа. Моя душа чиста, совсѣмъ чиста! Мученіе, которому вы теперь меня подвергнете, послужитъ ли на пользу василевсу?

Его мысль неслась къ Виглиницѣ, Евстахіи, къ Сепеосу, Гаранви, такъ много пострадавшимъ въ Нумерѣ, гдѣ онъ теперь находился. Она неслась къ Гибреасу, Іоанну, Склеросу, Склеренѣ и ихъ малюткамъ. Ему вспоминалось все, чѣмъ онъ такъ восхищался въ Византіи: церкви съ ихъ куполами, ихъ золотые и серебряные иконостасы, весь блескъ правовѣрія съ его пѣніемъ, гимнами, иконами. Слеза скатилась по щекѣ его, и онъ безъ ложнаго стыда вытеръ ее.

Два маглабита подталкивали его. Онъ вышелъ въ круглую залу и поднялся по крутой лѣстницѣ въ коридоръ, гдѣ тѣ же крысы бѣгали по мѣстамъ, освѣщеннымъ рѣдкими свѣтильниками. Управда шелъ позади Дигениса, окруженный маглабитами, стучавшими о полъ своими желѣзными пиками. Наконецъ они подошли къ наружной желѣзной двери и сторожъ, сидѣвшій на каменной скамьѣ, низко поклонился евнуху. Здѣсь на Управду пахнулъ свѣжій воздухъ, блеснуло яркое солнце, а затѣмъ опять начались залы и коридоры, спуски и подъемы по лѣстницамъ, при отдаленномъ гулѣ людей, которые только что привѣтствовали Константина V. Вотъ и Золотой Триклинонъ. Пурпурная портьера отдернулась и показалось спокойное, торжественное лицо Константина V, который, при видѣ ихъ, спустился съ своего золотаго трона и взялъ Управду за руку.

Digitized by Google

— Несчастное дитя! Несчастное дитя!—проговорилъ онъ. Не смотря на свой грозный видъ, онъ говорилъ отечески и ласково. Они были совсѣмъ одни въ Золотомъ Триклинонѣ. Спущенныя портьеры абсидъ заглушали шумъ Великаго Дворца, и только ихъ шаги звучно раздавались по мозаичному паркету.

Василевсъ съ жалостью смотрѣлъ на этого слабаго бѣлокураго мальчика въ голубомъ сагіонѣ, который у него остался; но его сарикіонъ, хламида и мечъ были потеряны въ битвѣ. Онъ продолжалъ держать его за руку и старался забыть слова патріарха. Управда молча принималъ это неожиданное покровительство и уже нѣсколько разъ прошелъ мимо портьеръ абсидъ и мимо трона съ киваріемъ изъ ажурнаго мрамора.

— Я не хочу убивать тебя, какъ совѣтуетъ мнѣ патріархъ и какъ этого всѣ желаютъ,—сказалъ василевсъ.—Тебѣ только выколютъ глаза, хотя ты заслуживаешь большаго за твое возстаніе противъ меня. Вѣдь я не желалъ тебѣ зла и даже выпустилъ изъ Нумеры твоихъ двухъ приверженцевъ. Но мнѣ жаль тебя, мнѣ жаль тебя. Ты слишкомъ хилъ и слабъ, чтобы быть василевсомъ!

— Нѣтъ, нѣтъ! не ослѣпляй меня!—простоналъ Управда.

Отчаяніе овладѣло имъ. Какъ! онъ лишится зрѣнія! Все для него погрузится въ мракъ и ночь: онъ не увидитъ болѣе ни блеска, ни сіянія, ни свѣта. Для него не будетъ ни неба, ни земли, ни солнца, ни горизонта, ни моря. Онъ болѣе не будетъ любоваться иконами, церквями, не увидитъ Византіи съ ея памятниками и дворцами. Виглиницу онъ только услышитъ, но не увидитъ; Евстахію только услышитъ. Станетъ только слушать наставленія Гибреаса, но не увидитъ его самого. Это казалось ему такъ чудовищно, что онъ не могъ удержать своихъ жалобъ.

— Лучше убей меня!—молилъ онъ.—Я не хотѣлъ ни сарикіона, ни сагіона. Хотя во мнѣ и течетъ кровь василевсовъ, но я ничего не замышлялъ противъ тебя. Я желалъ жить вдали отъ Великаго Дворца, въ церквяхъ и монастыряхъ; желалъ вѣчно любоваться иконами, поклоняться имъ, смотрѣть, какъ ихъ пишутъ и украшаютъ ими храмы, слушать наставленія Гибреаса, который возбудилъ въ мою пользу Зеленыхъ и правовѣрныхъ. И если дѣйствительно славяне, сое-

Digitized by Google

диненные съ эллинами, должны возродить восточную имперію, то я, по своей молодости и слабости, не чувствовалъ себя способнымъ доставить торжество „добру". Теперь и Евстахія не пожелаетъ имѣть меня своимъ супругомъ. Не бойся! съ выколотыми глазами я не буду василевсомъ, а она желаетъ быть супругой только василевса.

Предстоявшая ему пытка приводила его въ такое смущеніе, что онъ совершенно наивно, и не давая въ томъ себѣ отчета, дѣлалъ подлость и почти отказывался отъ тѣхъ, кто жертвовалъ собою ради него.

— Я не хочу убивать тебя,—говорилъ ему василевсъ, стараясь смягчить свой голосъ.—Не сокрушайся: жизнь безъ глазъ есть все таки жизнь. Если ты не хочешь сагіона и сарикіона, то Гибреасъ хочетъ ихъ для тебя. Онъ заставитъ и тебя добиваться ихъ, а также Зеленыхъ и правовѣрныхъ. Ты потомъ получишь свободу и если пожелаешь соединиться съ Евстахіей, то никто не помѣшаетъ тебѣ, такъ какъ я не боюсь ни ея, ни тебя. Но если у васъ будутъ дѣти, то постарайся скрыть ихъ, потому что, если я могу спасти тебя теперь, то не въ состояніи буду этого сдѣлать потомъ, когда страсти возгорятся противъ васъ, противъ Гибреаса и правовѣрныхъ, которые, не смотря на все мое снисхожденіе къ нимъ, непремѣнно хотятъ выгнать мою семью изъ Византіи во имя „добра", точно я представляю олицетвореніе „зла",—я, не желающій убивать такого отрока, какъ ты, а рѣшившійся только ослѣпить его?

— Нѣтъ, нѣтъ, не ослѣпляй меня!—молилъ Управда василевса, на глазахъ котораго появилась слеза, поспѣшно имъ вытертая. Онъ подошелъ съ отрокомъ къ приподнятой пурпурной портьерѣ и крикнулъ сановникамъ, стоявшимъ въ слѣдующей залѣ въ глубокомъ молчаніи:

— Я, василевсъ, автократоръ востока, я приговорилъ этого отрока только къ потерѣ зрѣнія. Не убивайте его, не убивайте его!

Онъ взялъ Управду за руку и вывелъ его изъ Золотаго Триклинона въ длинную галерею Лозикона. Сановники, проконсулы, сенаторы, военачальники, кандидаты, спатэрцы, тѣлохранители и, наконецъ, молчальники со своимъ жезломъ послѣдовали за нимъ. На концѣ Лозикона, Констан-

Digitized by Google

тинъ V остановился, обернулся къ нимъ, не выпуская руки Управды, и громко крикнулъ:

— Я, василевсъ, автократоръ востока, я приговорилъ этого юношу только къ потерѣ зрѣнія. Вы не убьете его! Вы не убьете его!

Всѣ присутствующіе разомъ пали ницъ, кромѣ молчальниковъ, которые только наклонили свой серебряный жезлъ. Потомъ онъ пошелъ далѣе, держа Управду за руку. Бѣдный мальчикъ едва двигался: все его окружавшее было точно въ туманѣ. Онъ чувствовалъ только сжимавшую его горячую руку василевса и слышалъ его голосъ, звучавшій для него словно погребальное пѣніе. Вся длинная галерея была залита солнцемъ, но онъ не замѣчалъ его.

На геліаконѣ свѣжій воздухъ нѣсколько оживилъ его. Направо онъ узналъ громадное зданіе ипподрома съ его каѳизмой и тремя ложами, возвышавшимися надъ выступомъ, гдѣ неподвижно стояла стража; съ его громадной ареной и скамейками, гдѣ сидѣло много Голубыхъ и очень мало Зеленыхъ. Но василевсъ заставилъ его отвернуться отъ сотни тысячъ зрителей, собравшихся въ громадномъ зданіи; онъ обратилъ его вниманіе на службы Великаго Дворца, на дворецъ Буколеонъ, на ворота Юліана и Ѳеодосія, на длинныя стѣны съ силуэтами спатэрцевъ и на море, то синее, то свѣтло-зеленое. По немъ двигались тяжелыя и легкія суда съ пурпурными и пестрыми парусами, дромоны и тріиры; берега Босфора и Пропонтиды озарялись яркими лучами солнца, придававшими ихъ очертаніямъ лиловатый оттѣнокъ.

— Еслибы ты былъ василевсомъ, какъ я,—проговорилъ Константинъ V,—то это море принадлежало бы тебѣ, а также Пропонтида и Босфоръ. Но ты никогда не будешь василевсомъ и не можешь быть имъ, потому что вступилъ въ борьбу съ властью и силой, которыя однѣ даютъ авторитетъ надъ людьми.

Видъ всего этого могущества точно опьянилъ Константина V,—онъ началъ грубо насмѣхаться надъ Управдой, забывъ свое состраданіе къ нему и свою глубокую философію, которая заставляла его предвидѣть кару, ожидавшую его семью за слишкомъ упорное иконоборство. Онъ показывалъ юношѣ свои сады, гдѣ стражники занимались военными

Digitized by Google

упражненіями, гдѣ маглабиты были выстросны въ одну линію, гдѣ, посреди одной лужайки, всадники ѣздили на неосѣдланныхъ лошадяхъ.

— Еслибы ты былъ василевсомъ, всѣ эти войска были бы въ твоемъ распоряженіи и за тебя подставляли бы они свою грудь. Но ты не будешь василевсомъ! Взрывчатый огонь Гибреаса потухъ безъ всякой пользы для твоего дѣла; „добро“ было побѣждено. Власть принадлежитъ сильнымъ, а не слабымъ; потому-то я выкалываю тебѣ глаза, а не убиваю тебя.

Свирѣпость его предковъ охватила его при видѣ этой силы и этого могущества, которыми онъ гордился, какъ настоящій автократоръ. Онъ отвернулся отъ моря и построекъ Великаго Дворца и обратился къ ипподрому, поднявъ руку и отбросивъ пурпурную хламиду на плечо; его красные сапоги съ зелеными орлами казались кровавыми на плитахъ геліакона, а его сарикіонъ сверкалъ своимъ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Онъ наклонился надъ рѣшеткой геліакона и обводилъ взглядомъ ипподромъ. Тамъ волновалась стотысячная толпа. Голубые шумно привѣтствовали его, а Зеленые оставались безмолвными или кланялись не василевсу, а юношѣ, смотрѣть на казнь котораго они всѣ собрались. Однимъ мановеніемъ руки Константинъ V заставилъ замолчать эту толпу и крикнулъ при наступившей тишинѣ:

— Я, василевсъ, автократоръ востока, я присудилъ побѣжденнаго Управду къ потерѣ зрѣнія. Жизнь ему останется!

И онъ выпустилъ руку Управды; грубыя руки схватили его и унесли съ геліакона при шумѣ оружія, при блескѣ золотыхъ сѣкиръ и, послѣ длинныхъ галерей, залъ, дворовъ, уставленныхъ статуями, дворовъ съ бассейнами или бронзовыми купелями, онъ снова увидалъ толпу, множество головъ, постепенно возвышавшихся до верхней галереи, самую арену, занятую лошадьми, геніоками, а затѣмъ почувствовалъ, какъ что-то горячее и жгучее вонзилось ему въ глаза, и болѣе ничего: только передъ его обморокомъ, безмолвіе охватившей его ночи было нарушено голосомъ Константина V, уже находившагося въ каѳизмѣ:

— Я, василевсъ, автократоръ востока, — говорилъ голосъ, —

Digitized by Google

я присудилъ этого юношу къ потерѣ зрѣнія. Жизнь ему останется!

IV.

Двѣ сильныя руки унесли изъ ипподрома бѣднаго юношу съ конвульсивно-сжатыми губами, съ глазами, выжженными каленымъ желѣзомъ, въ закапанномъ кровью голубомъ сагіонѣ. Онъ не сознавалъ, что Гараиви несъ его, и не чувствовалъ его прерывистаго дыханія при быстрой ходьбѣ ко дворцу Лихоса, гдѣ его положили на ложе въ комнатѣ, которую ему никогда не придется увидѣть.

Тамъ онъ пришелъ въ себя и своими слабыми руками ощупалъ направо и налѣво заплаканныя лица, наклоненныя надъ его ложемъ, которое помѣщалось въ нишѣ крыла розоваго дворца, гдѣ были комнаты Евстахіи. Стѣны комнаты были покрыты мозаикой до самаго потолка, съ золотыми тонами на карнизѣ двери, закрытой тяжелой портьерой. Вокругъ него плакали Евстахія и Виглиница; тутъ же были и Гараиви съ Солибасомъ и Сепеосомъ, и даже Іоаннъ, который стоналъ и молился. Крупныя слезы падали на открытую грудь больнаго и неясныя слова доносились до него, слова сожалѣнія, какъ онъ догадывался въ своемъ лихорадочномъ состояніи. Онъ открылъ было вѣки, но страшная боль заставила его сейчасъ же ихъ закрыть. Вѣчная ночь, мракъ, гибель всѣхъ надеждъ,—вотъ во что обошлось ему завоеваніе восточной имперіи для торжества „добра“ надъ „зломъ“!

Весь дневной свѣтъ, теперь потухшій для него, вертѣлся передъ нимъ, доводя его до лихорадочной дрожи. Передъ нимъ неслись, словно въ бѣшеномъ хороводѣ, всѣ предметы, которыхъ онъ никогда болѣе не увидитъ. По небу летѣло солнце, точно громадная золотая птица, и его догоняла луна въ видѣ птицы серебряной. Вслѣдъ за ипподромомъ бѣжали церкви, дворцы, поля, луга, города, моря и рѣки. Онъ не могъ схватить ни одного изъ этихъ предметовъ, но только слѣдилъ за ними своимъ внутреннимъ взоромъ при мучившемъ его бредѣ.

Томительно тянулись долгіе дни. Ему слышался шопотъ грустныхъ голосовъ; онъ ощупывалъ Евстахію и Виглиницу, Сепеоса, Солибаса, Гараиви, Іоанна, даже Склероса и Скле-

Digitized by Google

рену съ ихъ дѣтьми, которыя своими дѣтскими восклицаніями нѣсколько освѣжали густую, страшную ночь его жизни. Затѣмъ бредъ опять уносилъ его; ему казалось, что всѣ знакомыя лица смотрятъ на него съ вѣтвей какого-то громаднаго дерева, а дѣти летаютъ, точно огромныя бабочки. Ужасные дни!

На блюдахъ изъ дорогаго металла ему приносили тонкія кушанья, а изъ вазъ, похожихъ на чаши, онъ пилъ освѣжающее и подкрѣпляющее питье. Его сестра Виглиница и невѣста Евстахія никогда не отходили отъ него, ухаживали за нимъ, одѣвали его, поднимали съ постели и укладывали на нее. Иногда онъ слышалъ странные голоса, и нѣжная рука Евстахіи или Виглиницы закрывала ему ротъ, начинающій окрашиваться при возвращеніи здоровья. То были голоса слѣпцовъ: они заходили сюда изъ своего крыла и говорили о восточной имперіи, о Великомъ Дворцѣ, проклинали Зеленыхъ, Солибаса, Гараиви; съ яростью бранили Евстахію и молили небо наказать обманщика Управду! Они желали, чтобы онъ былъ ослѣпленъ, какъ были ослѣплены они, пять братьевъ. Слыша ихъ, Управда хотѣлъ крикнуть имъ, что и онъ лишился глазъ, что и ему не достанется восточная имперія, что они могутъ успокоиться и перестать завидовать ему,—бѣдному, несчастному, больному отроку! Такъ проходили дни. Потомъ, когда прошла лихорадка, къ нему вернулось сознаніе и онъ почувствовалъ въ себѣ настолько силы, что пожелалъ сѣсть. Тогда, какъ молнія, промелькнула передъ нимъ вся его прошедшая жизнь и все погубленное будущее; онъ снова упалъ на подушки, и слезы, безконечныя слезы и рыданія разрывали его грудь. Ему отвѣчали такими же слезами Виглиница, Евстахія и всѣ друзья, не отходившіе отъ него, по милости которыхъ онъ попалъ въ это положеніе. Много дней, но не дней голубыхъ, розовыхъ и зеленыхъ, а дней, полныхъ холода и смерти, прошло въ такихъ горькихъ слезахъ. При этомъ, внутренніе глаза его начинали гораздо ярче и яснѣе видѣть, чѣмъ могли видѣть глаза внѣшніе. Въ немъ развивалось широкое пониманіе человѣка, умудреннаго горькимъ опытомъ: многое, прежде для него совсѣмъ темное, стало теперь яснымъ, и если тѣло его прозябало во мракѣ, то душа прояснилась, и онъ сталъ поли-

Digitized by Google

мать различныя философскія пренія, прежде имъ слышанныя и не понятыя, а также общественные и религіозные вопросы. И вдругъ ослѣпительная жизнь охватила его душу, хотя онъ ничего не говорилъ о ней лицамъ, окружавшимъ его ложе, откуда онъ слышалъ голоса слѣпцовъ. Но до него долетали и другіе голоса, голоса, говорившіе, что незачѣмъ приходить въ отчаяніе, что дальнѣйшая борьба ради возрожденія восточной имперіи необходима, что обрученныхъ слѣдуетъ обвѣнчать, чтобы ихъ потомки продолжали борьбу св. Непорочности съ св. Мудростью, правовѣрія съ иконоборствомъ и „добра“ со „зломъ“. Эти голоса предсказывали ему новыя смуты, которыя, какъ онъ былъ увѣренъ, ввергнутъ его въ новыя бездны, и онъ спрашивалъ себя: отчего не удовольствуются его выжженными глазами, отчего не оставятъ его въ покоѣ, лицомъ къ лицу съ вѣчнымъ мракомъ; отчего, наконецъ, не забудутъ его въ какомъ нибудь уголкѣ, гдѣ бы онъ не слышалъ ничего, что̀ заранѣе уже вызываетъ у него страшный трепетъ?

V.

Была тихая звѣздная ночь; золотые рѣжки молодаго мѣсяца, выплывая изъ дымчатыхъ облаковъ, сверкали перебѣгавшими искрами въ морской глади; полная тишина прерывалась лишь пѣніемъ запоздавшихъ прохожихъ, восхищавшихся этой чудной ночью. Управда спалъ: его осторожно разбудили и, среди окружавшихъ его мужчинъ и женщинъ, онъ узналъ Виглиницу и Евстахію, нарядныя и тяжелыя платья которыхъ говорили о предстоящей церемоніи. На него надѣли голубой сагіонъ, голубые шаровары, пурпурную обувь съ золотыми орлами: сестра ласкала его, а въ отвѣтъ на ея ласки онъ прижалъ свою голову къ ея мощной груди. Виглиница тогда прошептала ему нѣсколько горькихъ словъ, въ которыхъ сквозило ея желаніе обладать восточной имперіей...

Въ св. Непорочности было все готово для вѣнчанія его съ Евстахіей, и этотъ ночной часъ былъ выбранъ для избѣжанія столкновенія со стражниками и Голубыми. Гибреасъ же-

Digitized by Google

лалъ, чтобы отъ крови эллинской и славянской явилось новое поколѣніе василевсовъ, которые будутъ продолжать борьбу съ дѣтьми Константина V, пока „добро“ не восторжествуетъ въ ихъ лицѣ и Византія не увидитъ ихъ въ Великомъ Дворцѣ, вмѣсто ненавистныхъ исаврійцевъ.

Служители быстро понесли Управду на своихъ плечахъ, а за нимъ на скамейкѣ изъ слоновой кости слѣдовала Евстахія и Виглиница; ихъ сопровождали кривой Сепеосъ, безносый Гараиви, безрукій Солибасъ, Зеленые, правовѣрные, служители. Это было не торжественное шествіе Евстахіи, отправлявшейся въ св. Непорочность съ красной лиліей на плечѣ, а скорѣе бѣгство людей, словно скрывающихся. Иногда теплая, нѣжная рука брала юношу за руку: чье-то дыханіе касалось лица его, а его продолжали бережно и осторожно нести до порога св. Непорочности. Онъ спустился по винтовой лѣстницѣ и свѣжій воздухъ подземелья раззѣвалъ его волосы. Онъ услышалъ трескъ свѣчей, горѣвшихъ въ подсвѣчникахъ передъ иконостасомъ, за колоннами, у алтаря; въ висячихъ лампадахъ горѣли свѣтильни, обмокнутыя въ масло. Раздалось тихое, страстное пѣніе стиховъ изъ Пѣсни пѣсней, вызвавшее слезы у Евстахіи. Гибреасъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу.

— Такъ какъ взрывчатый огонь не удался, — сказалъ онъ,—и я не могъ обвѣнчать васъ въ Великомъ Дворцѣ и св. Мудрости, то я здѣсь соединю плоть съ плотью и кровь съ кровью; изъ васъ двухъ я сдѣлаю одно тѣло и одну душу, и у васъ родятся дѣти для блага и торжества правовѣрія!

Началось вѣнчаніе, чтеніе псалмовъ, пѣніе гимновъ. Гибреасъ надѣлъ на ихъ пальцы золотыя кольца, еще помолился и наконецъ обнялъ супруговъ.

— Не смотря на твою слѣпоту, ты все таки василевсъ,— сказалъ онъ Управдѣ.—Правовѣрные признаютъ только твою власть; Зеленые, настоящіе защитники народа, всегда будутъ повиноваться тебѣ. Великій Дворецъ не вѣчно останется для тебя запертымъ. Богъ создалъ тебя для торжества слабыхъ и бѣдныхъ; умирая, ты оставишь сильное потомство, и оно водрузитъ настоящій крестъ Іисуса въ неизмѣнномъ царствѣ арійскаго „добра“, которое побѣдитъ исаврійское „зло“.

— Эллинка,—обратился онъ къ Евстахіи,—помни, что и

Digitized by Google

вдали отъ Великаго Дворца твой супругъ остается василевсомъ и твои дѣти будутъ дѣтьми василевса. Да произрастетъ отъ тебя вѣтвь расы, которой предназначено заглушить исаврійское дерево. Иконопочитатели будутъ вѣчно чтить и благословлять тебя.

Потомъ онъ обернулся къ Виглиницѣ, честолюбіе которой очевидно угадывалъ:

— Ты, сестра василевса, не покидай Управды; люби его самого, люби въ его потомствѣ. Онъ слѣпъ, потому что захотѣлъ царства для твоего племени, глаза его умерли за то, что онъ пожелалъ сарикіона и сагіона Константина V, власть котораго продлится не вѣчно. Сыны твоего племени и эллины очистятъ Великій Дворецъ и Византію отъ нечистоты, выходящей изъ св. Мудрости.

Онъ возвысилъ голосъ и сказалъ Зеленымъ и правовѣрнымъ, собравшимся въ эту торжественную ночь:

— Зеленые, довѣрившіеся моему взрывчатому огню, не забывайте, что я соединилъ Управду съ Евстахіей, что вы должны охранять этотъ союзъ, поддерживать и защищать ихъ своей грудью и руками. А вы, правовѣрные, обратите ваши молитвы къ Іисусу и Панагіи, чтобы Великій Дворецъ скорѣе открылся для настоящаго василевса: тогда вѣра разцвѣтетъ снова, иконопочитаніе возстановится, славяне и эллины водрузятъ древо „добра“ и овладѣютъ восточной имперіей, не желающей подчиняться игу исаврійцевъ.

Гибреасъ казался выше, и снова чудесный синій свѣтъ окружилъ его. Онъ сталъ благословлять присутствующихъ, и они всѣ опустились на колѣни. Потомъ анагностъ Склеросъ подалъ ему сарикіонъ и хламиду: первый онъ надѣлъ на голову Управды, а вторую прицѣпилъ къ его плечу.

— Господь проявитъ свою славу, — говорилъ онъ.—Онъ броситъ въ море лошадей и всадниковъ. Съ его помощью потомство слѣпаго василевса и эллинки Евстахіи повергнетъ къ своимъ стопамъ всякаго врага и супостата! Ему было угодно, чтобы не взрывчатый огонь доставилъ намъ торжество, а ихъ союзъ. Дѣти ихъ получатъ власть и силу и возродятъ восточную имперію въ арійскомъ ученіи „добра“ и въ иконопоклоненіи!

Онъ обнялъ Управду и Евстахію, слегка коснувшись губами

Digitized by Google

свѣжей и полной щеки Виглиницы. Эллинка и славянинъ направились къ выходу. Густая толпа правовѣрныхъ и Зеленыхъ разступилась передъ ними, радостно ихъ привѣтствуя и бросая подъ ноги супруговъ лавровыя, розмариновыя и миртовыя вѣтви, душистыя розы и различныя ткани.

Они поднялись по витой лѣстницѣ, и вскорѣ теплый вѣтерокъ освѣжилъ лицо Управды. Его опять понесли въ замокъ Лихосъ, вмѣстѣ съ Евстахіей и Виглиницей и въ сопровожденіи Гараиви, Сепеоса, Солибаса, Зеленыхъ, правовѣрныхъ и служителей. Тамъ его подняли по лѣстницѣ и внесли въ тѣ покои, гдѣ прошли первые мучительные дни его слѣпоты. Служители, поцѣловавъ его руку, удалились. Виглиница грустно обняла брата. Его разоблачили и положили на свободное ложе съ богатыми драпировками изъ золотой парчи, гдѣ его ожидала молодая и прекрасная супруга Евстахія.

VI.

Виглиница увидѣла Гараиви, входившаго въ ея комнату, сосѣднюю со свадебными покоями Управды и Евстахіи. Она сидѣла на тронѣ изъ рѣзнаго дерева и задумчиво смотрѣла въ одну точку. При входѣ Гараиви, она не двинулась, только слегка шевельнулся палліумъ, пристегнутый къ ея плечамъ, покрывавшій ея голову въ видѣ капишона и ниспадавшій красными и фіолетовыми складками къ ея ногамъ, покоившимся на четырехъугольной подушкѣ изъ пурпура и золота.

Она не подумала скрыть своего разочарованія при видѣ Гараиви, до крайности обезображеннаго отсутствіемъ носа и ушей. Этимъ она точно желала выразить свою досаду на рѣзкую разницу между живостью и необузданностью набатеянца и чахоточной слабостью Сепеоса съ его грустной застѣнчивостью.

Тяжелая тишина царила въ комнатѣ, прерываемая лишь постоянной ходьбой слугъ, глухонѣмыхъ евнуховъ въ зеленой одеждѣ, которые были предоставлены въ ея распоряженіе, какъ вся прислуга и всѣ богатства дворца Лихоса. Рѣзкіе голоса слѣпцовъ теперь не были слышны. Изъ открытаго

Digitized by Google

окна неслись ароматы сада и слышалось журчанье ручейковъ. Виглиница чувствовала себя охваченной какою-то истомой.

— А гдѣ же Сепеосъ?—проговорила она.

— Сепеосъ?—могъ только выговорить набатеянецъ и отъ волненія вся кровь прилила къ его лицу, отчего оно сдѣлалось еще безобразнѣе.

— Я замѣчаю, что Гараиви уже не тотъ, что̀ былъ прежде: отчего это? онъ вѣдь знаетъ, что Виглиница довѣряется ему, какъ Сепеосу и Солибасу.

Набатеянецъ разсмѣялся.

— Да, я все таки остаюсь Гараиви, который любитъ Управду, своего слѣпаго василевса, и Виглиницу, сестру этого василевса. Ты знаешь, что для тебя и Управды я готовъ дать отрубить себѣ голову, какъ Константинъ V отрубилъ мнѣ носъ и уши.

Невольная ласка послышалась въ его голосѣ, но онъ снова пробормоталъ нерѣшительно:

— А между тѣмъ, мнѣ горько и обидно. Ты относишься къ Сепеосу лучше, чѣмъ ко мнѣ; ты его лучше принимаешь, чѣмъ меня.

— Сепеоса? О, нѣтъ, нѣтъ!

Виглиница встала и взяла за руку Гараиви, у котораго показались слезы на глазахъ.

— Я люблю васъ обоихъ, какъ люблю и Солибаса,—сказала она и снова сѣла на свое мѣсто, озабоченная какой-то мучившей ее мыслью.

— Мой братъ, не смотря на свою слѣпоту, василевсъ, а Евстахія—императрица. Но я, чѣмъ могу я быть? И если изсякнетъ потомство моего брата и Евстахіи, то что̀ станется съ моимъ родомъ, если я не выйду за мужъ? Я не добьюсь каѳизмы, нѣтъ, не добьюсь ея!

Въ ея грубыхъ, жосткихъ словахъ сквозила зависть и ревность, вызваныя не столько самой личностью ея брата, сколько его слабостью. Этой зависти она придавала политическій видъ, высшую необходимость для ея рода, который долженъ былъ прекратиться, еслибы Управда не оставилъ наслѣдниковъ, а она не вышла бы замужъ.

— Ты изувѣченъ, какъ Сепеосъ и Солибасъ. Увы! Визан-

Digitized by Google

тійскій народъ развѣ захочетъ признать сестру василевса, супругъ которой кривъ, безъ носа или безъ рукъ?

Замѣтя удивленіе Гараиви, она прикусила себѣ губу до крови, но не могла сдержать клокотавшаго въ ней раздраженія.

— Управда, дѣйствительно, не имѣетъ никакого желанія быть восточнымъ императоромъ и рискуетъ никогда не сдѣлаться офиціальнымъ василевсомъ. Пусть себѣ вѣчно остается василевсомъ тайнымъ. Я болѣе его люблю сарикіонъ и сагіонъ, и лучше его съумѣю возродить имперію черезъ мое потомство, у котораго будетъ такая же кровь Юстиніана, какъ и у потомства Управды.

— Я имѣю такое же право на наслѣдство Юстиніана,— заключила она,—и тотъ изъ васъ, кто будетъ моимъ супругомъ, получитъ имперію, потому что мои дѣти наслѣдуютъ юному Управдѣ, у котораго или вовсе не будетъ дѣтей, или онъ не дастъ имъ моей силы и моего здоровья.

Страшное волненіе охватило ея варварскую душу и она вся отдалась ему. Вскочивъ съ своего мѣста, она отдернула двойную драпировку, за которою показалось высокое ложе и посреди него лежало евангеліе, писанное киноварью.

— Я держала это евангеліе во время битвы съ Константиномъ V,—сказала она,—и сохранила его, какъ знакъ моей власти: оно будетъ посильнѣе власти Управды и Евстахіи, красная лилія которыхъ есть только символъ немощи и слабости.

Она положила свою полную руку на плечо Гараиви и вся вздрагивала: дрожалъ и онъ, не понимая того, что̀ она хочетъ. Такъ они оставались, не говоря ни слова, пока Виглиница не опустила двойную драпировку и не проговорила, снявъ руку съ плеча Гараиви.

— Ахъ! хотя Сепеосъ и искалѣченъ, но я все таки люблю его, а также и тебя, Гараиви, хотя ты безъ носа и ушей, и Солибаса, хотя онъ и безъ рукъ. Я такая же наслѣдница Юстиніана, какъ мой братъ, и желала бы одного изъ васъ имѣть своимъ супругомъ, чтобы мои дѣти получили власть и силу, которыя Гибреасъ обѣщалъ только дѣтямъ Управды и Евстахіи.

Digitized by Google

VII.

Во дворцѣ Лихоса, Управда и Евстахія все сильнѣе привязывались другъ къ другу. Вмѣстѣ съ глубокой нѣжностью, въ Управдѣ развивалось страстное чувство только что пробужденной возмужалости. Для него было большимъ наслажденіемъ всегда имѣть ее подлѣ себя, слышать ея голосъ. Евстахія ни на минуту не отходила отъ него: она водила его, держа за руку, предупреждала всѣ его желанія; не скрывала отъ него, что гордилась союзомъ съ внукомъ Юстиніана, отъ котораго у нея зародилось новое поколѣніе василевсовъ. Она говорила ему, что ихъ внуки будутъ царствовать для великаго прославленія иконопочитанія. Онъ, Управда, ея слѣпой супругъ, увидитъ это своимъ внутреннимъ окомъ и даже, кто знаетъ? быть можетъ, Панагія св. Непорочности, чудеснымъ образомъ, вернетъ ему зрѣніе внѣшнее. Управда слушалъ ее съ тихой радостью и еще нѣжнѣе сжималъ Евстахію въ своихъ объятіяхъ, проливая слезы на ея грудь, покрытую яркими тканями, и оживалъ, не смотря на потерю своихъ глазъ.

Евстахія не скрывала отъ него настоящихъ опасностей: она ото всѣхъ скроетъ свое положеніе. Когда появится на свѣтъ маленькое существо съ кровью эллинской и славянской, никто этого не узнаетъ, потому что Константинъ V—и въ особенности патріархъ-кастратъ—непремѣнно погубятъ ихъ ребенка. Выколовъ глаза отцу, они не задумаются умертвить сына.

Ихъ окружало тягостное ощущеніе полнаго пораженія. Иконоборческое гоненіе преслѣдовало правовѣрныхъ, закрывало церкви иконопочитателей, гнало Зеленыхъ,—и это до безумія радовало Голубыхъ. По Византіи взадъ и впередъ расхаживалъ Дигенисъ со своими кандидатами, разыскивая виновныхъ.

Любовь Евстахіи къ Управдѣ вытекала не столько изъ чувственности, сколько изъ пылкой вѣры въ торжество правовѣрія, которое, какъ ей говорилъ Гибреасъ, должно совершиться посредствомъ союза эллиновъ со славянами. Съ другой стороны, ея честолюбіе, побудившее заступить мѣсто слѣпцовъ, соединить въ одно ихъ богатства для поддержки правовѣр-

Digitized by Google

ныхъ и иконопочитателей, удержать Гараиви, Солибаса и Сепеоса въ замкѣ Лихоса, во что бы то ни стало способствовать развитію заговора,—это честолюбіе стремилось теперь не столько къ возвеличенію самого Управды, сколько къ воцаренію его дѣтей въ возрожденной восточной имперіи. И, не смотря на всю ея кротость, въ ней зарождалась жажда борьбы и безпощадной рѣзни. Она мечтала, какъ ея войска, вооруженныя золотыми сѣкирами и круглыми щитами, бросятся на Великій Дворецъ и св. Мудрость, разрушатъ ихъ и превратятъ въ груду развалинъ, а затѣмъ супругъ ея и дѣти принесутъ съ собою въ Византію свѣтъ, благоденствіе и счастье.

Она сообщала объ этихъ мечтахъ Управдѣ, а онъ продолжалъ развивать свой умъ, далеко зашедшій за предѣлы его возраста. Въ противоположность Евстахіи, онъ говорилъ себѣ, что ослѣпленіе, быть можетъ, полезно ему; что Гибреасъ, пожалуй, былъ правъ, подвергая его опасности подобной пытки; что, благодаря ей, правовѣріе, можетъ быть, восторжествуетъ. Вѣдь пострадалъ же Христосъ,—отчего не пострадать и ему? Вѣдь Богородицѣ пришлось же вынести всѣ мученія своего Сына; мученикамъ рубили головы, ихъ четвертовали, разрывали щипцами, жгли; съ Манеса живаго содрали кожу; отчего и ему не помучиться? Если для сохраненія истинной религіи въ Византіи, если для блеска ея церквей, монастырей и иконъ необходимо, чтобы онъ лишился зрѣнія, то онъ охотно жертвуетъ своими глазами.

До сихъ поръ, въ арійскомъ ученіи онъ видѣлъ только успокоеніе въ монастыряхъ и обожаніе иконъ. „Добро“ представлялось ему въ исполненіи сокровеннѣйшихъ желаній и радостей; „зло“ онъ видѣлъ воплощеннымъ въ добродушномъ лицѣ Константина V и въ отвратительномъ лицѣ патріарха. Власть и силу онъ понималъ въ формѣ оружія, великолѣпныхъ одеждъ, въ символахъ жестокости и грубости: это были триклиноны, гдѣ жили богатые люди; геліаконы, гдѣ расхаживали разряженные сановники; это были воины, повергающіе въ прахъ стонущій народъ. Ко всему этому онъ имѣлъ инстинктивное отвращеніе. Изъ наставленій Гибреаса онъ почерпнулъ идеалы, основанные на дѣйствительной жизни, на истинахъ разума. „Добро“, черезъ Бога Отца, Сына, Панагію и иконопочитаніе, заключалось въ исцѣленіи страшныхъ ранъ,

Digitized by Google

отъ которыхъ страдалъ міръ съ своего сотворенія: въ уничтоженіи войнъ, голода, моровой язвы, рѣзни, пожаровъ, разрушенія городовъ, избіенія людей. „Зло“ было противоположно всему этому. Душа должна разнообразить свои внѣшнія впечатлѣнія, создавая добро подъ различными формами: красоты божественной, красоты человѣческой, церквей, иконъ, произведеній искусствъ, дѣлъ благочестія, безъ чего жизнь должна превратиться въ нѣчто омерзительное. Внѣшнія формы религіи составляютъ самую сущность человѣка. Поэтому, жестокими гоненіями уничтожать обряды не значитъ ли желать зломъ, смертью, небытіемъ замѣнить добро, жизнь, твореніе?

Въ такихъ размышленіяхъ Управда лучше переносилъ свою слѣпоту. Но присутствіе Евстахіи заражало его иногда мечтами о побоищахъ и казняхъ. И онъ тоже начиналъ тогда желать власти и славы для подавленія „зла“. Онъ не могъ также не чувствовать нѣкоторой благодарности къ Константину V за то, что онъ не убилъ его, а только лишилъ зрѣнія, позволивъ сдѣлаться супругомъ Евстахіи и отцемъ ея ребенка. Если онъ самъ сдѣлается официальнымъ василевсомъ, то тѣмъ же отплатитъ исаврійскому автократору: онъ выколетъ ему глаза и оставитъ ему жизнь и свободу.

Управда не понималъ, почему Виглиница, подстрекавшая его на борьбу за саріконъ и сагіонъ, съ такими жесткими словами обращается къ Евстахіи и называетъ ее похитительницей. Она, казалось, упрекала брата за его бракъ съ Евстахіей, помня, что прежде власть сосредоточивалась только на головѣ брата и сестры. У Виглиницы обнаруживались самыя низкія намѣренія. Изъ честолюбія и зависти она увѣряла, что Византія должна принадлежать не эллинамъ, а славянамъ; припоминала какія-то битвы, выигранныя славянами у эллиновъ, которые состарились, одряхлѣли, готовы подчиниться всякому игу, выносить всевозможныя оскорбленія.

Когда Управда слушалъ Виглиницу, онъ чувствовалъ, какая глубокая пропасть отдѣляетъ его отъ сестры, матерьялизмъ которой былъ такъ чуждъ ему. Инстинктивно онъ обращался къ эллинкѣ Евстахіи: она водила его, развлекала, нѣжила и ласкала.

Digitized by Google

VIII.

Теперь Солибасъ вошелъ въ покои Виглиницы: она сидѣла на тронѣ изъ рѣзнаго дерева и встрѣтила его загадочнымъ взглядомъ, такъ хорошо знакомымъ Гараиви. То же безмолвіе царило въ замкѣ Лихоса: оно нарушалось едва слышными шагами евнуховъ, проходившихъ по сосѣднимъ заламъ, да прислугой, волочившей свои сандаліи по паркету. Виглиница почти повелительнымъ жестомъ подозвала къ себѣ Солибаса.

— А гдѣ же Сепеосъ?—спросила она.

— Сепеосъ! Ахъ, Виглиница!—могъ только проговорить Солибасъ и остановился, очень затрудняясь тѣмъ, что̀ долженъ былъ сказать о Сепеосѣ и о себѣ.

— Я потерялъ руки изъ-за тебя и твоего брата,—наконецъ рѣшился онъ,—для тебя и твоего брата я готовъ отдать свою голову. Я не перестану принадлежать Зеленымъ, которые посвятили себя на вашу службу, а ты не принимаешь меня, какъ принимаешь Сепеоса. А развѣ онъ одерживалъ такія побѣды въ ипподромѣ, какъ я? заслужилъ ли онъ серебряный вѣнокъ? рукоплескали ли ему Зеленые? Онъ также изувѣченъ, какъ мы съ Гараиви; чѣмъ же онъ лучше насъ?

Голосъ его дрожалъ и кровь приливала къ лицу. Слеза показалась на его безстрашныхъ глазахъ и скатилась на бороду, но онъ не могъ обтереть ее. Виглиница спустилась съ своего трона и положила ему руку на плечо.

— Нѣтъ, я люблю тебя, какъ Гараиви и Сепеоса. Хотя вы калѣки, но всѣ равно дороги моему сердцу, а въ немъ столько же крови василевсовъ, сколько у Евстахіи. Но мое племя не такое забывчивое, какъ ея, которое подчинялось всякому игу.

Она приподняла драпировку, за которой находилось высокое ложе. Солибасъ увидѣлъ евангеліе, писанное киноварью. Она взяла его въ руки.

— Это евангеліе достанется тому изъ васъ, — сказала она,—отъ котораго у меня родится ребенокъ, чтобы власть и сила достались моему роду, потому что онъ лучше съумѣетъ царствовать, чѣмъ слабое потомство Управды. Евстахія не рож-

Digitized by Google

дена имѣть дѣтей-автократоровъ. Только однимъ славянамъ предназначено господствовать черезъ меня. Мой братъ слѣпъ и хилъ. Онъ никогда не будетъ имѣть души василевса. А если онъ умретъ, имперія достанется моимъ дѣтямъ, болѣе крѣпкимъ и сильнымъ, чѣмъ его дѣти.

Въ своемъ изступленіи она почти отдавалась Солибасу, но Солибасъ, какъ и Гараиви, не хотѣлъ понять ее. Онъ не смотрѣлъ на открытое ложе и сохранялъ полное почтеніе къ этой внучкѣ василевса, такъ жаждавшей власти и силы. Да и какъ ему воспользоваться ею безъ рукъ? Онъ отошелъ отъ нея, но она снова приблизилась къ нему съ чувственно блестящими глазами.

— Что жъ такое, что вы искалѣчены?—говорила она,—я выду за того изъ васъ, кто дастъ мнѣ наслѣдника царству Юстиніана. Мой братъ Управда слабъ; Евстахія портитъ славянскую кровь примѣсью своей эллинской крови. Развѣ у нея и у моего брата могутъ родиться сильныя дѣти? Но у меня, Виглиницы, дѣти будутъ сильны и крѣпки, и имъ предназначено владычествовать въ Европѣ, Азіи и Африкѣ.

Солибасъ опять попятился отъ нея до самой двери и отворилъ ее плечемъ. Видя это бѣгство, Виглиница разорвала свое платье, обнажила свою грудь и крикнула ему вслѣдъ, когда онъ сбѣгалъ по лѣстницѣ:

— Эту грудь я отдамъ тому изъ васъ, кто мнѣ дастъ ребенка для власти и силы. Я отдамъ вамъ свою непорочность, чтобы мои наслѣдники носили сарикіонъ, а не наслѣдники моего хилаго брата, который на горе и несчастье соединилъ свою славянскую кровь съ эллинской кровью Евстахіи.

Оставшись, она въ сильномъ раздраженіи упала на полъ. Неопредѣленность положенія Управды и жены его не трогала ея; она забыла, что Зеленые были надолго обезсилены, что изувѣченные Солибасъ, Гараиви и Сепеосъ ничего не могли сдѣлать и что патріархъ и Константинъ V одержали дѣйствительную побѣду. Разбитые голоса слѣпцовъ, ощупью пробиравшихся по сосѣдней комнатѣ, не доходили до нея. Тихихъ шаговъ Управды, котораго вела за руку Евстахія, ихъ ласковыхъ рѣчей, нѣжныхъ поцѣлуевъ она не слыхала: до такой степени была погружена въ мечты о сарикіонѣ, о Великомъ Дворцѣ и о длинномъ рядѣ своихъ наслѣдниковъ. При этомъ,

Digitized by Google

три мужскія лица чередовались въ ея мысляхъ: Гараиви, Солибасъ и Сепеосъ, который всего болѣе возбуждалъ ея чувственность. Она лежала, не двигаясь и не замѣчая, что именно онъ вошелъ къ ней и старался приподнять ее своей здоровой рукой. Она вскочила, и—сильная, страстная—обняла его и толкнула къ своему ложу.

— Не смотря на твое увѣчье, я отдаюсь тебѣ,— воскликнула она, — и увѣрена, что наши дѣти будутъ сильнѣе и здоровѣе дѣтей моего безсильнаго брата. Ты доставишь мнѣ власть и силу; да, ты мнѣ дашь ихъ; мы свергнемъ Константина V, и ты самъ будешь василевсомъ, а я—супругой василевса!

IX.

Послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ съ Сепеосомъ, Виглиница не чувствовала никакого удовлетворенія, на которое разсчитывала. Можетъ быть, меланхолія, развившаяся въ спатэрцѣ, убила въ немъ всякое воображеніе, предпріимчивость и смѣлость, или его увѣчье придало ему какое-то горькое смиреніе. Источникъ жизни словно изсякъ въ немъ: онъ былъ разбитъ, истощенъ; у него болѣла грудь, и лицо его уже не украшалось прежними усами, но было обрамлено рѣдкой бородой. Бѣдный калѣка съ трудомъ двигался и не могъ скрыть иногда своего отвращенія къ роли возлюбленнаго. Вмѣсто того чтобы смотрѣть на свою любовную исторію, какъ на нѣкоторое вознагражденіе за свои страданія, онъ терзался ею. Не такъ хотѣлъ онъ любить Виглиницу, а то, что онъ теперь дѣлалъ, очень тяготило его... Выдя отъ Виглиницы, онъ обѣщалъ болѣе не видаться съ нею, но черезъ нѣсколько дней она начинала разыскивать его и снова привлекала къ себѣ.

А между тѣмъ онъ сочувствовалъ ея желанію добиться сарикіона и даже раздѣлялъ ея мечты. Конечно, Управда могъ оставить только хилое потомство, и Евстахія тоже далеко не сильна; восточная имперія, для своего возрожденія, нуждалась въ мужественной рукѣ, горячемъ сердцѣ, отвагѣ, которой не было замѣтно въ Управдѣ. Но слѣдовало ли его ли-

Digitized by Google

шать наслѣдства, противно законамъ божескимъ и человѣческимъ? Когда у Евстахіи родится ребенокъ, то не будетъ ли въ немъ течь кровь Юстиніана? Къ тому же, Управда только тайный василевсъ. Въ такомъ случаѣ, къ чему соперничество, ничѣмъ не оправдываемое? Ему казалось, что, прикасаясь къ Виглиницѣ, красота которой теперь мало его трогала, онъ налагаетъ нечистую руку на несчастное положеніе Управды и заранѣе оскверняетъ восточную имперію. Послѣ каждаго свиданія, Сепеосъ поспѣшно убѣгалъ отъ Виглиницы и съ отчаяніемъ кашлялъ, обвиняя себя въ дурномъ поступкѣ. Онъ старался прятаться отъ нея, но Виглиница находила его, гдѣ бы онъ ни укрылся: въ саду ли, въ отдаленныхъ, заброшенныхъ комнатахъ дворца, причемъ вовсе не стѣснялась удивленными глухонѣмыми евнухами и даже слѣпцами, которые чувствовали присутствіе двухъ посторонних людей, изъ которыхъ одинъ гоняется за другимъ.

Наконецъ, она даже прибила его.

— Нѣтъ, ты не любишь меня,—сказала она,—хоть я отдалась тебѣ, чтобъ ты помогъ мнѣ завоевать сарикіонъ и чтобъ мои дѣти вѣчно владѣли имъ.

И она объявила ему, что не чувствуетъ въ себѣ зарожденія новой жизни.

— Евстахія счастливѣе меня: она ее чувствуетъ. Твоя кровь бѣднѣе крови моего брата. Это оттого, что ты не любишь меня, хотя я предпочла тебя Солибасу и Гараиви.

И она прогнала его, колотя своими короткими и толстыми кулаками въ его чахоточную грудь.

— Убирайся, я тебя любила болѣе Солибаса и Гараиви, а ты даже не въ состояніи дать женщинѣ ребенка! Ты оскорбилъ мой родъ: я не хочу тебя видѣть, ты мнѣ гадокъ.

Онъ ничего не возразилъ на этотъ дикій припадокъ гнѣва и ушелъ. Онъ былъ тоже неполный человѣкъ, и самъ это чувствовалъ: два года въ Нумерѣ лишили его всякой мужественности. Чахотка все развивалась въ немъ, и онъ замѣтно худѣлъ.

„Гараиви любитъ ее и будетъ счастливѣе,—думалъ онъ.— У него нѣтъ моей болѣзни, которая скоро сведетъ меня въ могилу“. И онъ приложилъ свою здоровую руку къ тому мѣсту на груди, гдѣ еще чувствовалъ ударъ Виглиницы.

Digitized by Google

— Еслибы я не былъ искалѣченъ, то охотно бы любилъ ее, хотя, по правдѣ сказать, не хорошо касаться сестры василевса. Но теперь, что я могу чувствовать возлѣ нея, при моей слабости и когда я еле живъ? Только одно раскаяніе и муку. Ей бы хотѣлось имѣть ребенка для соперничества съ дѣтьми Управды. Не значитъ ли это измѣнить дѣлу его? Нѣтъ, я не хочу ему измѣнять и умру, не измѣнивъ.

X.

Гараиви не подозрѣвалъ и не догадывался объ отношеніяхъ Виглиницы къ Сепеосу, а тотъ молчалъ о нихъ. Хотя онъ съ Сепеосомъ и Солибасомъ занималъ нижній этажъ дворца, но видалъ сестру Управды, только когда она присылала за нимъ. Онъ сидѣлъ у себя и думалъ о томъ, что она сказала ему, когда онъ ее видѣлъ въ послѣдній разъ; вспоминалъ, какъ она отдернула драпировку и показала свое ложе, причемъ сказанныя ею слова возмутили бы его, еслибъ онъ такъ не любилъ ее. Въ эту минуту, во дворцѣ показался евнухъ и поманилъ его. Гараиви быстро взбѣжалъ по лѣстницѣ, ведущей въ покои Виглиницы.

— Отъ тебя у меня навѣрное будетъ ребенокъ,—дико говорила она.—Ты не Сепеосъ, и я болѣе не люблю его. Ты силенъ, твое племя здоровое...

Онъ закрылъ глаза, догадываясь о томъ, чѣмъ былъ для нея Сепеосъ. Онъ любилъ ее, и ему было все равно, была ли она сестра василевса, но не могъ допустить, чтобы кто либо любилъ ее раньше его. Изъ безпредѣльнаго уваженія къ ней, онъ все таки еще сомнѣвался, но она объявила:

— Развѣ Гараиви не долженъ повиноваться мнѣ, внучкѣ Юстиніана? Сепеосъ слишкомъ слабъ, чтобы имѣть дѣтей, но ты не таковъ и славянская кровь черезъ тебя произведетъ сильный родъ, который воцарится въ Византіи.

Она обняла его, но онъ старался высвободиться изъ ея объятій, не спуская съ нея своихъ большихъ черныхъ глазъ. Она нѣжно взяла его за руку.

— Если Сепеосъ не могъ дать мнѣ ребенка, то ты его

Digitized by Google

дашь. Ты вѣдь любишь меня. Я часто замѣчала это по твоимъ взглядамъ, часто слышала твои вздохи. Если мой хилый братъ умретъ бездѣтнымъ, ты получишь сагіонъ,—какъ супругъ его сестры и отецъ ея дѣтей.

Онъ снова закрылъ глаза, чувствуя свое безсиліе противиться ей. Онъ ушелъ отъ нея въ негодованіи на самого себя...

„Что я надѣлалъ?—думалъ онъ.—Если у нея родится ребенокъ, она сдѣлаетъ изъ него врага Управды, нашего законнаго василевса, и тогда, вмѣсто царства добра, о которомъ мы мечтаемъ, у насъ будетъ царство зла съ завистью, съ ненавистью, войнами и измѣной".

Но, въ противоположность Сепеосу, онъ любилъ Виглиницу; эта долго мучившая его любовь заставляла его дорожить ея ласками и онъ постарался успокоить себя такимъ разсужденіемъ:

— Если у нея будутъ дѣти, то сила и власть достанутся моему роду. Мои дѣти получатъ восточную имперію, а не дѣти хилаго Управды.

Гараиви радовала надежда сдѣлаться родоначальникомъ будущихъ василевсовъ: онъ не замышлялъ лишить престола Управду и его потомковъ; но былъ увѣренъ, что эллинка и славянинъ произведутъ на свѣтъ слабое растеніе, которое умретъ сейчасъ послѣ рожденія, такъ что восточная имперія достанется ребенку его и Виглиницы. Онъ добродушно смѣялся при мысли, что его низкое происхожденіе не помѣшало ему сдѣлаться отцомъ и дѣдомъ василевсовъ. Родясь въ пустынѣ, полу-семитъ, полу-негръ, онъ провелъ свое дѣтство въ хижинахъ, сплетенныхъ изъ соломы или въ легкихъ палаткахъ, безъ всякихъ вѣрованій, безъ будущаго, безъ радостей и любви. Наконецъ, онъ покинулъ свое родное племя и, пробираясь изъ города въ городъ, дошелъ до Византіи, гдѣ сдѣлался лодочникомъ. Восхищенный арійскимъ ученіемъ о „добрѣ" и не имѣя понятія о какой либо другой религіи, кромѣ несложной философіи „добра", борющагося со „зломъ", онъ съ энтузіазмомъ примкнулъ къ дѣлу Управды и Виглиницы. Преобладаніе европейскихъ расъ надъ азіатскими онъ принималъ, но безъ всякаго увлеченія. Онъ потопилъ Гераискоса, потерялъ носъ и уши за это убійство, но не раскаивался въ немъ. По выходѣ изъ Нумеры, Евстахія пріютила его, Солибаса и

Digitized by Google

Сепеоса въ замкѣ Лихоса, чтобы имъ не приходилось заботиться о своемъ существованіи. И вотъ теперь онъ обладаетъ Виглиницей, которую такъ давно любитъ, хотя никогда не осмѣливался ей высказать это.

Въ одно утро она съ радостью объявила ему, что у нея есть надежда сдѣлаться матерью. Но черезъ нѣсколько дней онъ нашелъ ее печальною, утомленною и разочарованною. Она оттолкнула его отъ себя.

— Поди прочь,—сказала она съ гнѣвомъ.—Ты не лучше Сепеоса и, также какъ и онъ, ты не въ состояніи сдѣлаться отцомъ.

— Не приписывай этого моей безсердечности,—говорилъ онъ съ отчаяніемъ и замѣшательствомъ.—Вѣдь я люблю, люблю тебя! Я готовъ отдать за тебя свою голову и свою жизнь.

Но она продолжала отталкивать его. Если онъ не можетъ положить начала ея роду, то она не желаетъ болѣе его видѣть. Уваженіе и почтеніе къ ней побѣдило его любовь и онъ ушелъ въ сильномъ отчаяніи.

Внизу онъ увидалъ Солибаса, который обѣдалъ, сидя за низкимъ столомъ. Служитель принесъ ему круглую деревянную чашу, и онъ по собачьи, опустивъ лицо въ чашу, ѣлъ разварную рожь, посыпанную краснымъ перцемъ. Съ самой казни его такъ кормили, и бѣдняга никогда не жаловался на свое убожество; лицо его было также красно, шея также толста и онъ держался также прямо. Гараиви съ бѣшенствомъ крикнулъ ему:

— Можетъ быть, ты дашь Виглиницѣ ребенка! Я, безносый и безухій, не могъ этого сдѣлать...

Солибасъ вскочилъ, лицо его еще болѣе покраснѣло. Набатеянецъ пошелъ отыскивать Сепеоса. Комната, имъ занимаемая, была пуста. Все убранство ея состояла изъ низкой кровати, стоявшей близъ широкаго окна, и деревянной скамейки. На стѣнѣ висѣлъ мундиръ спатэрца, его заржавленный мечъ и щитъ. Гараиви крикнулъ:

— Я также безплоденъ, какъ ты. Виглиница прогнала меня и разлюбила, какъ разлюбила тебя.

Сепеосъ лежалъ ничкомъ на полу; онъ отвѣтилъ ему слабымъ, умирающимъ голосомъ:

Digitized by Google

— Она погубила меня. Ей нуженъ былъ мужъ, который положилъ бы начало ея роду, а я не годился для этого. Но я не сержусь на нее за мою смерть. Она—сестра нашего тайнаго василевса и особа ея для меня священна.

Гараиви бережно поднялъ его, переложилъ на постель и не могъ удержать своихъ рыданій при видѣ умирающаго Сепеоса.

— Ко мнѣ! Помогите!—кричалъ онъ.—Сепеосъ умираетъ. Виглиница, онъ умираетъ!

Умирающій взялъ его за руки:

— Оставь меня умереть спокойно,—прошепталъ онъ.—Зачѣмъ смущаться? Когда я умру, ты скажешь василевсу Управдѣ и его супругѣ, что я никогда не измѣнялъ ихъ дѣлу. Скажи Виглиницѣ, чтобы она перестала ненавидѣть меня за то, что я не могъ дать ей потомства. Послѣ Нумеры, я нуждался въ спокойствіи. Не Виглиница убила меня, а Константинъ V и патріархъ-кастратъ, подстрекатель всѣхъ злыхъ дѣлъ василевса.

На блѣдныхъ губахъ его показалась слюна. Въ глазахъ виднѣлась уже другая жизнь.

— Ты, Солибасъ и я, мы пострадали для того, чтобы славяне и эллины возродили Византію съ помощью „добра“. Такъ училъ насъ Гибреасъ, а ему извѣстно будущее. Къ чему жаловаться? Мы пострадали за человѣчество, терзаемое и разрываемое „зломъ“. Еще многіе пострадаютъ за торжество эллиновъ и славянъ!

Губы его едва шевелились, по тѣлу пробѣжала судорога и онъ скончался. На крики Гараиви прибѣжалъ Солибасъ, а за нимъ сбѣжалась вся прислуга замка.

— Сепеосъ умеръ! Ко мнѣ, Солибасъ; ко мнѣ, Виглиница! О, Зевсъ! О, Панагія! Онъ поклонялся иконамъ, онъ стремился къ „добру“, вмѣстѣ съ Зелеными стоялъ за возрожденіе восточной имперіи черезъ союзъ Управды съ Евстахіей. Ко мнѣ, ко мнѣ! Сепеосъ умеръ, Сепеосъ умеръ!

XI.

Въ слѣдующую ночь, цѣлое шествіе вышло изъ замка Лихоса по направленію къ Влахерну: евнухи несли тѣло

Digitized by Google

Сепеоса, за нимъ слѣдовали Гараиви, Солибасъ, Управда, Евстахія, Виглиница, Зеленые и правовѣрные. Тѣло несли на носилкахъ и непокрытое лицо было обращено къ небу. Придя къ св. Непорочности, его поставили посреди слабо освѣщенной церкви. Послѣ отпѣванья, Гибреасъ окропилъ лицо покойнаго святой водою, положилъ ему на грудь пальмовую вѣтку и долго молился надъ нимъ. Потомъ, при пѣніи монаховъ, евнухи понесли тѣло его на монастырское кладбище.

Тамъ, при пѣніи молитвъ и при заглушенныхъ рыданіяхъ Гараиви и Солибаса, его опустили въ могилу. Всѣ собравшіеся вокругъ нея съ грустью смотрѣли, какъ горсти земли засыпали покойнаго.

Затѣмъ всѣ разошлись по улицамъ, окутаннымъ мракомъ. Сердце Управды болѣзненно сжималось при мысли, что Сепеосъ лежитъ въ землѣ. Уже нѣсколько вѣковъ, на кладбищѣ св. Непорочности хоронили не только монаховъ, но также сторонниковъ арійскаго ученія, такъ какъ давно интересы монаховъ были одинаковы съ интересами правовѣрныхъ и Зеленыхъ, какъ одинаковы всѣ ихъ вѣрованія. Они всѣ обожали Іисуса въ иконахъ; эти же божественныя изображенія образовали искусство. Для нихъ искусство означало прогрессъ, движеніе. Безъ искусства, не было ни религіи, ни мысли, ни любви; безъ искусства, наконецъ, была не жизнь, а смерть!

Управду теперь мучила мысль, что для побѣды „добра“ необходимъ василевсъ сильный, мускулистый, съ руками, обагренными кровью. А онъ, при его слабости, никогда такимъ не будетъ. Но, быть можетъ, дитя, которое должно родиться, при душевной чистотѣ, будетъ обладать всѣмъ, что необходимо для настоящаго автократора востока. Эллинъ по матери, онъ родится съ любовью къ искусству, со способностью къ символизаціи и абстракціи, съ яснымъ пониманіемъ, которымъ всегда такъ отличались греки. Славянинъ по отцу, онъ будетъ склоненъ къ трагизму, къ созерцательности, но съ умомъ нѣжнымъ, меланхолическимъ и обширнымъ, какъ у всѣхъ сѣверныхъ народовъ. Онъ будетъ добръ, хотя и деспотъ; онъ избавитъ имперію отъ „зла“, умиротворитъ всѣ души. Онъ будетъ мучить, терзать, жечь тѣла, но просвѣтитъ, возвыситъ умы. Онъ искоренитъ обманъ, грѣхъ, преступленіе и возра-

Digitized by Google

тить добродѣтель въ густые лѣса, въ тѣни которыхъ всѣ люди будутъ находить отдыхъ и прохладу.

Если Евстахія, преданная прадѣдовскимъ понятіямъ, принимала власть и силу со всѣми кровавыми послѣдствіями, которыя часто смущали ея женскій умъ, то Управда дѣлалъ совсѣмъ другой выводъ изъ арійскаго ученія „добра", сдѣлавшаго его претендентомъ на восточную имперію. Признавая, что абсолютное добро и абсолютное зло вѣчны на землѣ, какъ спиритуализмъ и матеріализмъ, оказывается, что добро должно царствовать не надъ индивидами, а надъ душами. Значитъ, возрожденіе восточной имперіи должно совершиться не оружіемъ, даже не взрывчатымъ огнемъ Гибреаса, но полнымъ преобразованіемъ умовъ, которые станутъ тоньше понимать искусство, будутъ вѣрнѣе разсуждать о причинахъ и слѣдствіяхъ страшнаго дуализма зла и добра, сдѣлаются болѣе религіозны и, наконецъ, болѣе воспріимчивы.

Чисто матеріальное завоеваніе восточной имперіи не искоренитъ въ людяхъ ненависти, зависти, рѣзни. Важна одна духовная побѣда. Примѣръ Виглиницы показываетъ, что если славяне и эллины воцарятся въ Византіи въ лицѣ его, Евстахіи, или ихъ дѣтей, то никакого возрожденія не послѣдуетъ, такъ какъ душа человѣческая отъ этого не измѣнится. Его сестра обнаружила полное безуміе. Не должна ли она, если не любить, то хоть менѣе завидовать Евстахіи, которая такъ любитъ его, слѣпца, такъ ухаживаетъ за нимъ, которая не пожалѣла своего богатства для доставленія сарикіона потомкамъ Юстиніана и пріютила его и Виглиницу въ своемъ дворцѣ? А, между тѣмъ, сестра ненавидитъ его жену, намѣревается отнять у брата восточную имперію и въ своей дикой ярости осмѣлилась прямо объявить это ему. Развѣ ея примѣръ не заразитъ другихъ и они не постараются вырвать сѣмя добра изъ восточной имперіи и не помѣшаютъ ея возрожденію?

Онъ сообщилъ всѣ эти мысли эллинкѣ, матери ихъ будущаго ребенка. Она заплакала, сознавая всю несбыточность надеждъ на завоеваніе этой имперіи, которой слѣпому Управдѣ никогда не получить. Ему былъ противенъ матеріальный захватъ сарикіона; онъ всегда оставался холоденъ къ политикѣ,

Digitized by Google

которая всегда такъ интересовала Евстахію. Она видѣла, что теперь ей придется сосредоточить всѣ свои помыслы на Управдѣ, любить и лелѣять его. Молча думала она обо всемъ этомъ, въ темную облачную ночь, на возвратномъ пути ко дворцу Лихоса, послѣ похоронъ Сепеоса.

XII.

Послѣ неудачи, постигшей Виглиницу съ Сепеосомъ и Гараиви, она отдалась Солибасу. Но, не смотря на ея здоровье, на ея сильную, страстную натуру, ея горячее желаніе имѣть ребенка не исполнилось. Такъ прошло болѣе мѣсяца: Солибасъ повиновался ей только изъ дружбы и хотя любилъ ее, но далеко не такъ страстно, какъ Гараиви. Упреки совѣсти, не переставая, мучили его: не поступаетъ ли онъ преступно, желая народить соперниковъ дѣтямъ Управды и Евстахіи? Онъ руки свои потерялъ для того, чтобы эллинка и славянинъ короновались въ Великомъ Дворцѣ, а теперь, безъ всякаго повода, поддаваясь весьма предосудительному честолюбію, онъ уничтожаетъ свои прежнія старанія. И онъ уходилъ отъ Виглиницы, полный такого же отвращенія къ себѣ, какъ и Сепеосъ.

Виглиница напрасно ожидала признаковъ материнства и, потерявъ всякую надежду, прогнала Солибаса. Она не чувствавала себя виноватой передъ братомъ и даже сохранила свою прежнюю привязанность къ нему, выражая ее въ порывистыхъ ласкахъ и горячихъ слезахъ о немъ, но не могла удержаться отъ злыхъ выходокъ противъ Евстахіи, намекая ей на свои попытки добиться материнства и высказывая свою надежду на рожденіе слабаго ребенка отъ ея брата. Иногда она начинала сожалѣть о Сепеосѣ, потому что воспоминаніе о немъ все таки было ей очень дорого.

— Еслибы Сепеосъ такъ долго не сидѣлъ въ тюрьмѣ, онъ не нажилъ бы болѣзни, которая унесла его въ могилу. Я бы охотно вышла за него замужъ, не смотря на его увѣчья, и тогда наслѣдство Юстиніана перешло бы не къ тебѣ, а къ моимъ дѣтямъ, такъ какъ я—прямая наслѣдница моего брата, а его родъ не можетъ быть долговѣченъ.

Digitized by Google

Слишкомъ любя Управду, чтобы рѣзко отвѣчать его сестрѣ, Евстахія замѣтила ей:

— Управда еще долго будетъ отцомъ и моя кровь не менѣе чиста, чѣмъ твоя. Когда нашъ ребенокъ явится на свѣтъ, ты сама полюбишь его, а если найдешь себѣ супруга по сердцу, то забудешь свою зависть и станешь жить съ нами и нашимъ сыномъ въ Великомъ Дворцѣ, а мы, не смотря ни на что, будемъ любить тебя, какъ и ты насъ, изъ-за нашего расположенія къ твоимъ дѣтямъ.

При этихъ словахъ, тихія слезы катились изъ ея глазъ. Добрая и любящая, она видѣла Управду въ строптивой сестрѣ его, которую значительно превосходила своимъ умомъ. Когда у нея явились подозрѣнія, что Виглиница дѣйствительно старалась произвести соперника ея будущему ребенку, она старалась отгонять ихъ, какъ недостойныя наставленій Гибреаса.

— Полагаешь ли ты, что ребенокъ Управды и твой будетъ законнымъ наслѣдникомъ имперіи? Часто случается, что наслѣдство отца переходитъ къ дочери, и отъ его дѣтей къ ея дѣтямъ!

— Іисусе! Панагія! — воскликнула Евстахія, — если это случится, то я не перестану прославлять васъ и буду видѣть въ этомъ вашу волю!

Она не хотѣла ни негодовать, ни упрекать, говоря себѣ, что Виглиница, изъ любви къ брату, полюбитъ и его ребенка, непремѣнно мальчика, такъ какъ сарикіонъ и сагіонъ могли достаться только мужчинѣ. Евстахія надѣялась, что дружбой и предупредительностью она обезоружитъ Виглиницу. И она уходила отъ нея къ Управдѣ, который всегда чувствовалъ ея приближеніе и шелъ къ ней на встрѣчу съ протянутыми руками. Она поспѣшно вытерла глаза, еще влажные послѣ разговора съ Виглиницей, и подвела его къ одному изъ многихъ оконъ крыла, занимаемаго имъ въ розовомъ дворцѣ. Это окно выходило въ садъ, а за нимъ виднѣлось теченіе Лихоса, потомъ дома въ узкихъ улицахъ, церкви, дворцы, цѣлый кварталъ Византіи, своеобразный и спокойный. Управда ничего не видѣлъ, но все угадывалъ.

— Тамъ синее небо,—говорилъ онъ,—здѣсь зеленыя деревья, Лихосъ, потомъ церкви, дома. На террасахъ показываются женщины. По улицамъ ходятъ византійцы: всѣ они

Digitized by Google

съ трудомъ выносятъ царство „зла“ и провозгласятъ меня своимъ василевсомъ.

Онъ поправился и прибавилъ съ улыбкой, проводя рукой по округлости ея стана:

— А если не меня, то нашего наслѣдника, того, кто замѣнитъ „зло“ „добромъ“, при помощи Зеленыхъ и наперекоръ Голубымъ.

Евстахія смотрѣла внизъ. За садомъ и Лихосомъ тянулись короткія улицы. До сихъ поръ полное спокойствіе царило въ этой части города, одинаково удаленной какъ отъ аристократической Византіи, такъ и отъ демократической. Но вдругъ многіе прохожіе стали съ безпокойствомъ оборачиваться и затѣмъ куда-то исчезали. Евстахія ничего не отвѣтила Управдѣ, но сильно встревожилась. Послѣ казни въ ипподромѣ, дворецъ Лихоса оставался въ покоѣ: но будетъ ли это долго тянуться? Дѣйствительно, въ концѣ одной изъ улицъ показался кандидатъ съ золотой сѣкирой на плечѣ, за нимъ другіе, и наконецъ великій папіасъ Дигенисъ съ своимъ серебрянымъ ключемъ. Толстая голова его, подъ шапкой съ разноцвѣтными перьями, раскачивалась болѣе обыкновеннаго.

— Пойдемъ!—сказала Евстахія, взявъ Управду за руку.

Она повела его къ выходу изъ этой свѣтлой комнаты. Ихъ окружала полная тишина, нарушаемая лишь безшумными шагами евнуховъ и шелестомъ одеждъ прислуги, наблюдавшей за порядкомъ въ замкѣ. Неожиданное появленіе Дигениса съ его кандидатами приводило ее въ ужасъ. Всѣ эти шесть мѣсяцевъ иконоборческое гоненіе продолжалось, но ихъ не трогали, какъ будто Константинъ V удовольствовался ослѣпленіемъ Управды. Но нѣтъ! Если Дигенисъ началъ бродить вокругъ нихъ, то, конечно, не съ доброю цѣлью.

Въ это время послышались шаги старцевъ. Они все еще не знали о присутствіи Управды и его бракѣ съ Евстахіей, не подозрѣвая, что въ замкѣ жили Виглинница, Гараиви, Солибасъ, что тамъ умеръ Сепеосъ. Но они продолжали ненавидѣть Управду и Гибреаса.

— Молчи! Молчи!—шептала Евстахія, прикладывая свою руку къ губамъ мужа. Съ самаго своего ослѣпленія, онъ не занимался ими: впрочемъ, и никто ими не занимался, кромѣ

Digitized by Google

прислуги, приставленной къ нимъ, чтобы ихъ кормить, одѣвать, наблюдать за ними. Онъ отлично помнилъ ихъ жалобы, ихъ желаніе, чтобы и онъ тоже былъ ослѣпленъ. Всѣ пятеро были, очевидно, въ большомъ волненіи, потому что сильнѣе обыкновеннаго и кричали, и стучали ногами.

— Я, Асбетасъ, я предсказалъ, что Управдѣ выколютъ глаза и что съ глазами онъ потеряетъ и жизнь. Это сбудется, непремѣнно сбудется!

— Онъ оттѣснилъ меня отъ престола, меня, Критолаоса. Я тоже предсказываю ему смерть.

— Критолаосъ и Асбестасъ напрасно желаютъ для себя имперіи; я получу ее на зло имъ и на зло вамъ, Никомахъ и Іоанникосъ, потому что я старшій и Византія принадлежитъ мнѣ по праву наслѣдства.

— Аргирасъ ли добьется трона, или Асбестасъ, Критолаосъ или Никомахъ, мнѣ все равно. Но удастся ли вамъ это? Заговоръ Управды продолжается; ему достанется имперія, а не вамъ!

— Управда слушается внушеній Гибреаса и наша Евстахія ему же повинуется. Всюду измѣнники, всѣ хотятъ помѣшать мнѣ сдѣлаться василевсомъ! Но я, Никомахъ, ручаюсь вамъ, что Гибреасъ, Управда и Евстахія получатъ достойную кару за то, что хотѣли отнять у насъ имперію, которая никогда имъ не достанется.

Они все приближались, точно знали, гдѣ Управда. Наконецъ, вошли именно въ ту комнату, откуда Евстахія хотѣла увести его.

— Это онъ! Это онъ!—закричали они.—Евнухи! слуги! сюда, къ намъ! Мы захватили обманщика Управду. Онъ будетъ сожженъ, потопленъ: его надо обезглавить, сжечь, утопить, задушить.

Они опять всѣ примирились въ общей ненависти къ Управдѣ, присутствіе котораго чувствовали.

— Онъ тутъ! онъ тутъ! пусть онъ искупитъ свое преступленіе, свое желаніе отнять имперію у внуковъ Ѳеодосія Великаго.

Они подошли къ Евстахіи и Управдѣ. Она закрыла его собою и схватила костлявую руку своего дѣда Аргираса.

Digitized by Google

— Это ты! это ты!—говорилъ онъ.—Признайся, что это ты, и мы ничего тебѣ не сдѣлаемъ.

Онъ ощупывалъ ея плечи и сейчасъ же узналъ ее, но Іоанникосъ оттолкнулъ его и отдѣлилъ Евстахію отъ Управды, котораго схватили Никомахъ, Асбестасъ и Критолаосъ и своими пальцами водили по его головѣ и плечамъ.

— Это онъ, это онъ!—вскричали они.—Онъ намъ попался! Онъ злоумышлялъ противъ имперіи съ ненавистной Евстахіей, которая отвлекла отъ насъ Зеленыхъ, удалила насъ отъ себя, украла наши сокровища для себя и игумена Гибреаса, и навѣрное обвѣнчалась съ этимъ обманщикомъ. Убьемъ его, убьемъ его! Надо ему выколоть глаза, какъ они выколоты у насъ!

Они били, куда попало, колотили другъ друга. Но Евстахія ихъ отчаянно отталкивала и тащила за собою беззащитнаго Управду. Имъ удалось вырваться и убѣжать, пока сбѣгались Гараиви, Солибасъ, евнухи, прислуга и даже Виглиница, сильно встревоженная этими криками. Управда съ Евстахіей, испуганные, взволнованные, не слышали послѣднихъ словъ слѣпцовъ:

— Мы ощупали Евстахію; она беременна. Зевсъ не благословитъ союза, заключеннаго безъ нашего вѣдома, который введетъ славянскую змѣю въ нашу эллинскую семью. Мы убьемъ ея ребенка, чтобы Ѳеодосію не наслѣдовалъ отпрыскъ обманщика Управды!

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

I.

Всѣ восьмеро дѣтей Склероса весело и граціозно прыгали: всѣ они выросли, окрѣпли, были полны жизни и здоровья. Они выбѣжали на геліаконъ, едва освѣщенный утреннимъ солнцемъ, и вертѣлись вокругъ своей матери Склерены, которая снимала бѣлье, уже высохшее на солнцѣ. Она унимала

Digitized by Google

ихъ, хлопала ихъ чистымъ бѣльемъ, между тѣмъ какъ дѣти, держа другъ друга за руки, кружились вокругъ нея.

Наконецъ, она разсмѣялась и, чтобы удалить ихъ, заставила принять участіе въ своей работѣ. Они начали переносить бѣлье, а самому шумному изъ нихъ, Зосимѣ, пришлось нести на своей головѣ цѣлую корзину, подъ которой онъ едва не падалъ.

— Не шумите,—крикнула она имъ вслѣдъ.—Не разбудите Виглиницу, не испугайте Евстахію и Управду, а то вашъ отецъ Склеросъ разсердится на васъ, а я не буду любить васъ.

Послѣ ихъ ухода, она усѣлась на деревянную скамейку, стоявшую у рѣшетки, отдѣлявшей геліаконъ отъ сада.

— Господи Іисусе! Панагія! Когда будетъ этому конецъ?— воскликнула она, съ ужасомъ вскакивая.—Когда перестанутъ ножами раздирать мое сердце супруги и матери! Зачѣмъ Гибреасъ снова помѣстилъ сюда василевса Управду, Евстахію и Виглиницу? Ихъ присутствіе навѣрное навлечетъ гибель на моего мужа и малыхъ дѣтей.

Она замолчала и стала прислушиваться къ отдаленному шуму. Изъ аристократическихъ кварталовъ долеталъ неясный гулъ и воинственные крики. Но стоило ли пугаться? Послѣ ослѣпленія Управды, всякое открытое гоненіе на иконопочитаніе прекратилось. Иконы уже исчезли съ наружныхъ стѣнъ зданій; дѣло тайнаго василевса защищалось гораздо слабѣе; Константинъ V сложилъ оружіе и казался удовлетвореннымъ безсиліемъ своихъ враговъ.

Но добрая Склерена продолжала дрожать и со страхомъ посматривать на св. Мудрость. Зачѣмъ св. Непорочность снова сдѣлалась убѣжищемъ Управды съ его супругой и сестрой? Разъ ночью, они явились всѣ трое, окруженные по обыкновенію Зелеными и праговѣрными, и съ тѣхъ поръ не покидали монастыря, занявъ помѣщеніе, которое она уже разъ уступала имъ. Не оттого ли они поселились тутъ, чтобы роды Евстахіи произошли именно въ этомъ святомъ мѣстѣ?

Конечно, и теперь власть не захочетъ проникать за порогъ св. Непорочности, гдѣ всякій имѣлъ право искать убѣжища. Это право, освященное закономъ, было уважено при первомъ пребываніи тамъ Управды и Виглиницы: его не нарушатъ и теперь. Власть требовала только внѣшняго порядка, наруж-

Digitized by Google

наго повиновенія: она никогда не осквернитъ храма божія. Нѣтъ, нѣтъ! Бояться нечего.

Но все таки Склерена продолжала тревожно прислушиваться и, облокотясь о перила, смотрѣла внизъ, на улицу, освѣщенную косыми лучами утренняго солнца. Прохожихъ было еще мало. Правовѣрные крестились, проходя мимо св. Непорочности, и спокойно продолжали свой путь; вотъ показался на своемъ ослѣ Сабатіусъ съ двумя корзинами, полными арбузовъ. Оселъ и корзины было все, что у него осталось отъ его богатства, когда его арбузы были расхищены, въ памятный день битвы Зеленыхъ съ Голубыми.

Она успокоилась. Но изъ монастыря послышалось печальное и тихое пѣніе. Сначала оно выходило точно изъ подъ земли, потомъ все приближалось и, наконецъ, совсѣмъ явственно раздалось въ церкви св. Непорочности. До нея долетѣли отрывки псалмовъ, которые пѣлись въ Византіи только на страстной недѣлѣ. Склерена побѣжала къ Евстахіи и Управдѣ, надѣясь получить отъ нихъ объясненіе всего этого и въ особенности желая укрыть мужа и дѣтей отъ всѣхъ ужасовъ готовящейся битвы. Внизу она встрѣтила Склероса, который шутилъ съ дѣтьми и смѣялся.

— Пустите меня,—говорилъ онъ.—Я не хочу, чтобы вы шли за мною.

Дѣти не слушались и окружили его и Склерену, ласкаясь къ нимъ. Склеросъ съ громкимъ смѣхомъ обнималъ дѣтей и цѣловалъ ихъ, не замѣчая слезъ на глазахъ жены. Наконецъ, онъ вырвался и пошелъ къ церкви.

Склерена отправилась въ покои Управды и Евстахіи. Проходя мимо комнаты Виглиницы, она увидала ее въ отворенную дверь. Виглиница стояла у окна и, замѣтивъ Склерену, крикнула ей:

— Насталъ день торжества моего брата Управды, когда Гибреасъ объявитъ его василевсомъ въ Великомъ дворцѣ!

Она говорила съ горечью, и въ своемъ душевномъ ослѣпленіи слышала въ крикахъ аристократическихъ кварталовъ и въ печальномъ пѣніи монаховъ только одни воинственные возгласы въ пользу своего брата и Евстахіи. Послѣ Солибаса, она окончательно убѣдилась въ своемъ безплодіи и уже болѣе не видѣлась съ Гараиви. Она охотно послѣдовала за бра-

Digitized by Google

томъ въ св. Непорочность, куда онъ укрылся съ женою, когда слѣпцы узнали о материнствѣ Евстахіи и Дигенисъ началъ бродить вокругъ замка Лихоса. Потерявъ всякую надежду на исполненіе своего завѣтнаго желанія, Виглиница стала относиться къ брату и Евстахіи съ прежней сестринскою привязанностью и только сохранила злобу противъ судьбы, которая надѣлила ее страстнымъ стремленіемъ къ власти и лишила возможности удовлетворить его.

— Я чувствую, что еще далеко отъ торжества Управды,— сказала Склерена.—Константинъ V выходитъ изъ своего дворца не для того, чтобы Гибреасъ ввелъ въ него твоего брата. Монахи поютъ похоронные гимны не для того, чтобы твой братъ офиціально получилъ саникіонъ. О, нѣтъ! нѣтъ!

И она въ отчаяніи ломала руки.

— А наши дѣти! Зосима такой маленькій, а всѣ остальныя—такія добрыя, любящія! Константинъ V до сихъ поръ щадилъ насъ, но я чувствую, что теперь, послѣ ослѣпленія Управды и пораженія Зеленыхъ и правовѣрныхъ, вы всѣ погибнете, а съ вами погибнутъ мои дѣти, ихъ отецъ и я сама.

— Это оттого, что мой братъ слишкомъ слабъ для саникіона!—воскликнула Виглиница.

Она не нашла другаго утѣшенія для Склерены, однако обняла ее, желая высказать ей свое сочувствіе. Склерена вскорѣ оставила ее и прошла къ Управдѣ и Евстахіи, которыхъ застала за чтеніемъ. Евстахія читала мужу священную арійскую книгу, данную имъ Гибреасомъ, чтобы они окончательно прониклись таинственнымъ ученіемъ „добра“. Они такъ были поглощены своимъ чтеніемъ, что не слыхали ничего, что происходило вокругъ нихъ.

Склерена бросилась къ ихъ ногамъ.

— Опять стража Константина V идетъ къ св. Непорочности,—говорила она.—Опять Гибреасъ молится за тѣхъ, кому предстоитъ смерть. Увы! наши дѣти погибнутъ, а съ ними ихъ отецъ, мать и тебѣ, василевсъ Управда, не миновать смерти, равно какъ Евстахіи и Виглиницѣ!

Евстахія выронила книгу.

— Но вѣдь мы не нарушали покоя Константина V,—проговорила она,—дитя, которое я ношу въ себѣ, не мѣшало ему

Digitized by Google

быть офиціальнымъ василевсомъ. Неужели мы не дождемся торжества безъ новыхъ гоненій?

— Пусть только дитя наше останется живо!—воскликнулъ Управда.—Я охотно готовъ умереть для его спасенія.

У нихъ обоихъ явилось зловѣщее предчувствіе. Время родовъ приближалось: очевидно, Константинъ V, не желая допустить существованія соперника своимъ дѣтямъ, не остановится передъ пыткою и даже убійствомъ.

— Хоть я слѣпъ, но, ради нашего ребенка, я спасу тебя въ минуту опасности и уведу отъ людей, далеко отъ всего, —успокоивалъ ее Управда.

— И Виглиница пойдетъ съ вами, и никогда не покинетъ васъ. Она любитъ своего брата, любитъ и тебя, Евстахія!

Такъ говорила Виглиница, прекрасная, сильная, статная. Она покаялась имъ въ своей винѣ: до такой степени страхъ Склерены заразительно подѣйствовалъ на нее.

— Простите меня! Я завидовала Управдѣ, я завидовала Евстахіи. Я хотѣла имѣть ребенка, соперника вашему. Но Зевсу это было не угодно: Іисусъ и Панагія не допустили. Теперь я пришла къ вамъ, потому что вамъ и вашему ребенку грозитъ опасность, и я никогда не покину васъ!

Какъ всегда пылкая и необузданная, Виглиница переходила отъ одного къ другому и говорила имъ, между тѣмъ какъ Евстахія прижимала къ себѣ Управду, безмолвно проливая горячія слезы.

— Хоть я не мужчина, но убью всякаго, кто подойдетъ къ вамъ. Да! я чувствую, что была бы лучшимъ василевсомъ, чѣмъ Управда. Но Зевсу это было не угодно. Что дѣлать! Я не могу быть матерью, не могу быть мужчиной, но останусь сестрой и буду защищать васъ своими сильными руками!

II.

Печальное, жалобное пѣніе продолжало доноситься изъ церкви. Склерена, вся въ слезахъ, оставила Управду съ Евстахіей и Виглиницей, и дошла до коридора, ведущаго въ гинекей—женское отдѣленіе на хорахъ. Она услышала за со-

Digitized by Google

бою мужскіе шаги и, оборотясь, увидѣла Склероса съ кадиломъ въ рукахъ.

— Я ихъ всѣхъ отправилъ туда, на верхъ,—объявилъ онъ ей весело.—Я сказалъ имъ, что войско Константина V выходитъ изъ Великаго Дворца. Поэтому они всѣ побѣжали въ гинекей, откуда могутъ все видѣть и болѣе не будутъ надоѣдать мнѣ.

Онъ опять разсмѣялся, махнулъ кадиломъ, причемъ обдалъ Склерену облакомъ ладона, и совсѣмъ довольный прошелъ въ церковь. Въ пріоткрытую дверь Склерена ясно услыхала сильный голосъ Гибреаса. Онъ обращался къ Зевсу съ такими мольбами, которыхъ она никогда не слыхала:

— Сжалься надъ нами, Зевсъ, ибо мы слабы и безсильны; исцѣли насъ, Іисусе, ибо души наши объяты ужасомъ!

— Душа наша смущена, о Панагія! Избави насъ отъ страданія; освободи насъ по твоему милосердію.

— Сжалься надъ нами, о Зевсъ! сжалься надъ нами! Душа наша ищетъ пріюта у тебя, и мы укрѣпимся подъ сѣнью твоихъ крыльевъ, пока не пройдетъ опасность.

Склерена поднялась въ гинекей по вантовой лѣстницѣ съ продолговатыми отверстіями во внутренность церкви и взглянула внизъ. Всѣ иконы отчетливо выступали на своихъ золотыхъ фонахъ, въ особенности гигантская Панагія запрестольнаго образа, а четыре ангела казалось, сильнѣе трубили въ свои золотыя трубы.

Гинекей освѣщался круглымъ окномъ надъ внѣшнимъ нартексомъ. Это окно состояло изъ разноцвѣтныхъ стеколъ: фіолетовыхъ, зеленыхъ, синихъ, красныхъ. Дѣти такъ внимательно смотрѣли въ нихъ, что не слышали шаговъ матери. Всѣ попытки ея увести ихъ оттуда были безполезны: они упорно отказывались слѣдовать за нею.

— О, Панагія! Панагія! Сжалься надъ нами!—молила несчастная, между тѣмъ какъ дѣти болтали вокругъ нея.

— Посмотри, мать Склерена, посмотри! Войска идутъ, приближаются. Вотъ прекрасные стражники на красивыхъ лошадяхъ, съ блестящими щитами, оружіемъ и жезлами. А вотъ василевсъ Константинъ V, котораго Іоаннъ называетъ зловоннымъ, такъ же какъ и своего осла.

Они болтали, хлопая руками отъ радости, въ тишинѣ ги-

Digitized by Google

некея, между тѣмъ какъ надрывающіе сердце псалмы, распѣваемые внизу, достигали свода. По холмамъ города, отъ св. Мудрости къ св. Непорочности, отъ Великаго Дворца къ Влахерну, двигались войска, сверкающія золотомъ и серебромъ, съ блестящими всадниками, а надъ ними возвышались два трона подъ пурпуровымъ киваріемъ. На одномъ изъ нихъ сидѣлъ императоръ въ коронѣ, съ мечемъ въ рукахъ; на другомъ—патріархъ въ тіарѣ и съ пастырскимъ жезломъ. Чѣмъ ближе подходило войско, тѣмъ веселѣе становились дѣти, тѣмъ шире открывали они глаза на спатэрцевъ съ круглыми щитами, на тѣлохранителей съ широкими мечами, на миртаитовъ, на спаторокандидатовъ и кубикуларіевъ. За всадниками, лошади которыхъ были покрыты желѣзными остріями, тащились машины, разбивающія стѣны и крыши, тараны, привѣшенные къ сводамъ передвижныхъ домовъ; косы, прикрѣпленныя къ толстому щиту; крюки, острія которыхъ протыкали амбразуры стѣнъ. Все это грозно надвигалось среди словно вымершихъ улицъ.

Склерена снова услыхала за собою мужскіе шаги, и облако ладана покрыло ее и дѣтей, прильнувшихъ къ стекламъ. За ними стоялъ Склеросъ и смѣялся. Онъ только что наполнилъ ладономъ всю церковь и прибѣжалъ взглянуть на дѣтей, но, увидя громадное войско, онъ остановился въ нѣмомъ ужасѣ, продолжая держать кадило съ тремя цѣпочками. Теперь и дѣти притихли. Склерена молилась, а изъ церкви доносились пѣніе гимновъ и металлическій голосъ Гибреаса, обращавшагося съ молитвами къ Вседержителю, къ Его Сыну Іисусу и къ Пресвятой Панагіи.

— Освободи насъ, о Зевсъ: сломи руки злаго, ибо человѣкъ изнемогаетъ.

— Зевсъ—моя скала, моя крѣпость, мой избавитель! Іисусъ есть скала моя! Я удалюсь къ Нему; Онъ мой щитъ, сила, меня выручающая и укрывающая.

Эти молитвы гармонировали съ таинственнымъ характеромъ св. Непорочности, ученіе которой такъ рѣзко отличалось отъ ученія св. Мудрости. Св. Непорочность оказывалась церковью высокой надежды, человѣчнаго состраданія, не только относительно настоящаго, но также и будущаго. Какая бы ни готовилась катастрофа, предстояло ли ей сдѣлаться жертвой

Digitized by Google

вмѣстѣ со всѣмъ правовѣріемъ, она молилась за всѣхъ огорченныхъ, за всѣхъ страждущихъ, за всѣхъ неутѣшныхъ, за всѣхъ обиженныхъ „зломъ". Въ это утро, Гибреасъ какъ бы угадалъ наступленіе послѣднихъ испытаній, конечныхъ страданій, которыя предчувствовала Склерена. И это вызвало у него безотрадный крикъ неутѣшной души, и что-то величественное и страшно-мучительное чувствовалось въ пѣніи монаховъ.

Между тѣмъ, грозная армія все надвигалась. Дѣти, Склеросъ и Склерена различали даже лица сановниковъ. Вотъ и самъ невозмутимый василевсъ. Рядомъ съ нимъ веселое и радостное лицо патріарха. Голова его, покрытая тіарой, наклонилась къ полу-семитскому, полу-туранскому профилю автократора. Константинъ, повидимому, внимательно выслушалъ то, что патріархъ говорилъ ему. По знаку его золотаго меча, разступились ряды стражи и пропустили великаго папіаса Дигениса. Кандидаты присоединились къ нему, и онъ побѣжалъ, размахивая своимъ серебрянымъ ключомъ, покачивая своей головой, похожей на тыкву. Позади него выступали кандидаты съ золотыми сѣкирами и скрылись въ облакахъ пыли по направленію къ Лихосу, а Константинъ V, съ своими сановниками и войскомъ, все приближались къ святой Непорочности.

III.

Въ это самое утро, Солибасъ и Гараиви встрѣтились въ комнатѣ, гдѣ умеръ Сепеосъ. Они злобно посмотрѣли другъ на друга, готовые сцѣпиться. Обезображенное лицо набатеянца съ яростью обратилось къ геніоку, у котораго жилы на шеѣ налились кровью.

— Это ты,—кричалъ Гараиви,—уговорилъ Виглиницу уѣхать съ братомъ и Евстахіей:—ты зналъ, что я люблю ее.

Онъ задыхался отъ злости. Послѣ отъѣзда Виглиницы изъ замка Лихоса, онъ пересталъ скрывать свою любовь къ ней и говорилъ съ необузданностью страсти. Зная, чѣмъ Солибасъ былъ для нея, онъ возненавидѣлъ его и постоянно мечталъ о томъ, какъ бы убить его. При первой же встрѣчѣ съ геніокомъ, онъ все это высказалъ ему. Сначала тотъ не

Digitized by Google

обращалъ на него вниманія, но его вызывающая брань стала повторяться такъ часто, что Солибасъ терялъ терпѣніе и горько скорбѣлъ, что отсутствіе рукъ мѣшаетъ ему расправиться съ Гараиви. Кромѣ того, ревность къ Виглиницѣ тоже мучила его, хотя онъ любилъ ее и не такъ страстно, какъ Гараиви. Поэтому слова набатеянца глубоко затронули его, напомнивъ ему о неудачѣ.

— Значитъ, Виглиница не любила тебя,—отвѣтилъ онъ злобно,—если выбрала меня послѣ тебя, отпрыска самой низкой расы, тебя, котораго бы я жестоко наказалъ, еслибы Зловонный не отрубилъ мнѣ рукъ. Оставь меня въ покоѣ, а не то я искусаю твое безносое лицо.

Онъ съ отвращеніемъ отвернулся; а Гараиви мучился, раздираемый самыми противоположными чувствами и мыслями: ему хотѣлось броситься на Солибаса и убить его, но съ другой стороны его удерживала его беззащитность. „Къ тому же, зачѣмъ ревновать его?—думалъ онъ.—Вѣдь Виглиница отвергла его и не обязанъ ли онъ былъ повиноваться ей?“

Стыдясь за свою вспышку, Гараиви крикнулъ ему издали:

— Нѣтъ, я не сержусь на тебя. Ты, какъ и я, обязанъ былъ повиноваться сестрѣ нашего тайнаго василевса.

Солибасъ не обернулся. Сначала онъ прощалъ эти сцены; но онѣ повторялись слишкомъ часто, чтобы извиненія набатеянца могли тронуть его. Однако онъ, наконецъ, остановился и холодно отвѣтилъ:

— У меня нѣтъ рукъ, и меня, беззащитнаго, тебѣ легко убить. Живи съ миромъ и оставь меня въ покоѣ. Виглиница отвергла тебя, но она также отвергла и меня. Сепеосъ не зналъ ревности и Зевсъ открылъ ему семь сферъ неба. И тебѣ, и самому себѣ я желаю скорѣе попасть туда, гдѣ находится онъ.

Гараиви въ сильной тоскѣ пошелъ бродить по дворцу. Образъ Виглиницы не давалъ ему покоя. Онъ постоянно видѣлъ ее, съ ея бѣлой кожей, золотистыми волосами, красивымъ лицомъ и чувственными глазами. Онъ протягивалъ къ ней руки, призывалъ ее. Полный мечтами о ней, онъ дошелъ до лѣстницы, которая вела въ покои слѣпцовъ и машинально взглянулъ въ отверстіе, продѣланное въ стѣнѣ. Все возбужденіе его мгновенно стихло.

Digitized by Google

— Это что такое?—воскликнулъ онъ.—Дни испытаній, значитъ, не прошли еще?

Онъ наклонился, чтобы лучше разсмотрѣть. Изъ этого окна была видна бо́льшая часть Византіи, отъ Лихоса до залива, до Великаго Дворца, Св. Мудрости, ипподрома, аристократическихъ построекъ перваго и втораго холмовъ. Большая Тріумфальная дорога разстилалась лентой съ своими зданіями изъ мрамора, розоваго, сѣраго и зеленаго. Теперь она вся была занята войскомъ Константина V, которое направлялось къ св. Непорочности, немного къ сѣверу отъ Лихоса. Два человѣка бѣжали къ замку. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ шелъ отрядъ кандидатовъ съ Дигенисомъ во главѣ. Двое первыхъ потерялись въ переулкахъ Тріумфальной дороги; кандидаты и великій папіасъ, перейдя Лихосъ, подошли къ розовымъ стѣнамъ замка и подступили къ портику.

Гараиви растолкалъ удивленныхъ служителей-евнуховъ, ничего не подозрѣвавшихъ, толкнулъ даже Солибаса, на бородѣ и губахъ котораго оставались еще слѣды кушаній, только что ему поданныхъ. На крыльцѣ сада онъ встрѣтилъ Палладоса и Памирепіоса, брошенныхъ Дигенисомъ въ Нумеру, послѣ освобожденія Сепеоса и Гараиви. На обоихъ были несчастныя дырявыя далматики и что-то въ родѣ короткихъ юбокъ, изъ подъ которыхъ торчали ихъ голыя, грязныя ноги. Увидя Гараиви, они смутились и испугались.

— Пусти насъ къ Управдѣ,—рѣшились они выговорить.— Намъ извѣстно про его бракъ съ Евстахіей. Мы сообщимъ ему, что̀ замышляетъ противъ него Константинъ V, и спасемъ его отъ злобы великаго папіаса, который заключилъ насъ въ Нумеру, вмѣсто тебя и Сепеоса.

Гараиви готовъ былъ избить ихъ, забывая, что съ другаго крыльца въ замокъ врывался Дигенисъ съ кандидатами и что Константинъ V велъ свое войско къ св. Непорочности. Палладасъ остановилъ его, между тѣмъ какъ Памирепіосъ проговорилъ очень смиренно:

— Мы убѣжали изъ Великаго Дворца, гдѣ рубимъ чеснокъ и лукъ, чистимъ сбрую и сѣдла. Дигенисъ запряталъ насъ въ Нумеру, потомъ выпустилъ, потѣшается надъ нами и осыпаетъ пинками и побоями. Насъ всѣ бьютъ, и мы надѣемся, что участь наша улучшится, когда мы откроемъ Управдѣ, что

Digitized by Google

Дигенисъ намѣренъ вырвать ребенка у Евстахіи, въ то время какъ Константинъ V и патріархъ направляются къ св. Непорочности, чтобы разрушить ее всѣми осадными машинами.

Прежде чѣмъ Гараиви успѣлъ прійти въ себя, Палладасъ прибавилъ:

— Я былъ первымъ между рубившими лукъ и чеснокъ для стола автократора, Памфреніосъ—первымъ между чистившими его сбрую и сѣдла. Развѣ кастратъ Дигенисъ не обязанъ былъ дать намъ болѣе важныя должности! Но когда Управда сдѣлается василевсомъ, онъ вознаградитъ насъ за то, что мы пришли спасти его. Въ Великомъ Дворцѣ будетъ два великихъ папіаса, а Дигенисъ въ наказаніе будетъ рубить лукъ и чеснокъ для стола Управды и чистить сбрую его лошадей.

Они сохранили прежнюю жажду важныхъ должностей, къ которой прибавлялось желаніе отомстить Дигенису за его издѣвательства и побои. Просидѣвъ нѣсколько дней въ Нумерѣ, куда Дигенисъ бросилъ ихъ ради потѣхи, они вернулись къ исполненію своихъ обязанностей и съ тѣхъ поръ терпѣли постоянные побои отъ всѣхъ и каждаго. Въ это утро, узнавъ о намѣреніяхъ Дигениса и патріарха, они ускользнули изъ среды прислуги, тоже вышедшей на св. Непорочность вслѣдъ за войскомъ, и теперь умоляли Гараиви привести ихъ къ Управдѣ. Въ эту минуту прибѣжалъ къ нимъ Солибасъ, весь красный, съ глазами, налитыми кровью.

— Кандидаты ворвались во дворецъ, и Дигенисъ ищетъ Управду!—крикнулъ онъ.—Но мы можемъ еще спасти его, Виглиницу и Евстахію. Скорѣе въ св. Непорочность!

Онъ побѣжалъ, а за нимъ и Гараиви, и оба вскорѣ скрылись за чащей сада. Теперь всякая ревность между ними исчезла. Они думали только о томъ, чтобы прибѣжать вовремя и успѣть спасти отъ смерти Управду, Евстахію, Виглиницу, унести ихъ изъ св. Непорочности и укрыть тамъ, гдѣ стражникамъ Константина V не найти ихъ. И Гараиви съ Солибасомъ бѣжали, между тѣмъ какъ опасность впереди и позади ихъ становилась все болѣе грозной.

Digitized by Google

IV.

Въ замкѣ Лихоса происходила рѣзня прислуги и пяти слѣпцовъ. Въ то время какъ Гараиви слушалъ Палладаса и Пампрепіоса, Дигенисъ вступилъ на крыльцо розоваго портика: своимъ серебрянымъ ключемъ онъ ударилъ въ бронзовую дверь, которая подалась подъ ударами золотыхъ сѣкиръ кандидатовъ. Они ворвались въ домъ, поднялись по роскошной, свѣтлой лѣстницѣ и вошли въ залу съ драпировками и съ зелеными и золотыми гербами.

— Кандидаты! Кандидаты!—кричалъ Дигенисъ.—Я отдамъ слѣпцовъ вамъ на расправу, если они не сознаются въ материнствѣ Евстахіи, а потомъ поведу васъ въ св. Непорочность, которую Константинъ V намѣревается разрушить по совѣту патріарха и убить игумена и монаховъ, если они откажутся повиноваться василевсу.

Они прошли въ другую залу, гдѣ нашли глухонѣмаго евнуха. Такъ какъ онъ не понималъ ихъ требованій, то Дигенисъ ударилъ его по головѣ своимъ ключемъ и велѣлъ кандидатамъ добить его. Всѣ на него бросились, повалили на полъ, топтали его, колотили своими сѣкирами и оставили истекающимъ кровью. Они прошли еще нѣсколько пустыхъ залъ. Тѣнь безрукаго человѣка мелькнула и скрылась: они не замѣтили ея, занятые разыскиваніемъ слѣпцовъ.

— Кандидаты! Кандидаты!—визжалъ Дигенисъ спускаясь въ нижній этажъ.—Слѣпцы не показываются. Очевидно, они прячутся вмѣстѣ съ Евстахіей; мы ихъ жестоко накажемъ за это, когда найдемъ. Всѣхъ ихъ перебьемъ, а Евстахіи распоремъ животъ и вырвемъ отпрыскъ Управды, какъ этого желаетъ патріархъ.

Онъ отворялъ всѣ двери, заглядывалъ во всѣ углы. Подъ одной изъ лѣстницъ онъ нашелъ другаго глухонѣмаго евнуха и вытащилъ за край одежды. Несчастный, стоя на колѣняхъ и заливаясь слезами, знаками умолялъ о пощадѣ, но кандидаты, по знаку Дигениса, закололи его.

Такъ безполезно обыскали они весь замокъ и, наконецъ, дошли до вонючихъ ямъ, близь помѣщеній прислуги.

Digitized by Google

— Кандидаты!—кричалъ Дигенисъ.—Я увѣренъ, что слѣпцы спрятались гдѣ нибудь здѣсь. Ищите! ищите! Знайте, что я имѣю право убить, задушить того изъ васъ, кто откажется искать слѣпцовъ въ этомъ зловоніи.

Заткнувъ себѣ носъ, онъ пропустилъ ихъ передъ собою. Согнувъ спину, они исчезли въ узкой дырѣ. Ихъ оружіе пачкалось о стѣны, загрязненныя нечистотами. Вотъ раздался радостный крикъ одного изъ кандидатовъ, и на него отвѣтили стоны слѣпцовъ. Они, дѣйствительно, были тамъ. Услыша визгливый голосъ Дигениса и шопотъ кандидатовъ, они бросились бѣжать отъ нихъ и, не имѣя провожатаго, попали въ яму и завязли въ ней до пояса.

— Кандидаты! Терзайте ихъ и вырвите сознаніе въ материнствѣ Евстахіи,—кричалъ великій папіасъ.

Старцевъ выталкивали за шею и едва не задушили, пока не дотащили до сада. Увы! они не видѣли прекрасныхъ сикоморъ, платанъ, фиговыхъ пальмъ, бѣлыхъ акацій, кипарисовъ, прелестныхъ кустарниковъ этого чуднаго сада. У нихъ не вырвалось ни стона, ни жалобы: безмолвные, подавленные, они упали лицомъ на землю.

— Іисусе! Панагія! Зевсъ! Зевсъ!—молили они.—Прекрати наши страданія. Пусть этотъ кастратъ скорѣе убьетъ насъ и положитъ конецъ нашимъ мукамъ.

— Кандидаты!—вопилъ Дигенисъ. — Бейте ихъ, колите вашими мечами. Они должны сознаться въ материнствѣ Евстахіи.

Материнство Евстахіи! Они знали о немъ. Но неужели они способны низко предать свою внучку, которая спасла ихъ, укрывъ въ этомъ самомъ мѣстѣ отъ ярости Дигениса? Въ нихъ снова во всей силѣ пробудилась благородная гордость ихъ расы. Она разъ уже помогла имъ мужественно выдержать наглость и жестокость Дигениса. И теперь они рѣшили молчать. Они съ трудомъ выпрямились и высоко подняли голову. Кровь Ѳеодосія клокотала въ нихъ, не смотря на ихъ годы.

— Убейте насъ! — проговорилъ Аргирасъ. — Терзайте насъ; вы ничего не добьетесь о Евстахіи. Василевсъ Константинъ V не возрадуется, узнавъ, что мы измѣнили эллинской крови, которая получше его нечистой крови исаврійской.

Digitized by Google

— Ты можешь велѣть своей стражѣ убить насъ, кастратъ,—сказалъ Критолаосъ.—Но мы не выдадимъ своей внучки; мы хотимъ, чтобы ея потомство восторжествовало надъ потомствомъ твоего властелина, зловоннаго исаврійца!

— Евстахіи мы не выдадимъ, какъ бы ты ни мучилъ насъ,—прибавилъ Іоаникіосъ.—Наше слабое тѣло все вынесетъ. Если глаза наши не видятъ здѣсь, на землѣ, то они откроются на небѣ, передъ лицомъ Зевса, и онъ наложитъ на насъ вѣнецъ мучениковъ.

Никомахъ и Асбестасъ покачиваніемъ головы выражали свое согласіе съ тѣмъ, что говорили братья. По знаку Дигениса, кандидаты бросились на старцевъ съ сѣкирами и мечами: земля покрылась ихъ кровью.

— Достославный Константинъ V,—сказалъ Дигенисъ,—черезъ патріарха уполномочилъ меня убить ихъ, если они не признаются въ материнствѣ Евстахіи. Они этого не сдѣлали. Убивайте ихъ, не обращая вниманія на ихъ слѣпоту, возбуждавшую состраданіе въ василевсѣ. А Евстахію мы все таки отыщемъ.

Кандидаты исполнили его волю. Слѣпцы умерли безъ криковъ, только судорога подернуло ихъ тѣло, а ихъ кровь брызнула въ лицо Дигениса, когда онъ наклонился надъ ними, чтобы лучше насладиться ихъ муками.

— Кандидаты!—провозгласилъ Дигенисъ.—Пусть это послужитъ урокомъ для всѣхъ враговъ василевса: такъ мы будемъ наказывать всѣхъ, кто осмѣлится возмущаться противъ него, какъ возмутились Управда, Евстахія и Зеленые.

Онъ покачивалъ своей головой, весьма довольный этимъ избіеніемъ.

— Кандидаты!—кричалъ онъ.—Слѣпцы умерли, не получивъ имперіи. Зевсъ иконоборства, Зевсъ Исавріи не допустилъ этого! А теперь пойдемъ отыскивать Евстахію. Если ея здѣсь нѣтъ, то значитъ она скрывается въ св. Непорочности. Мы разрушимъ св. Непорочность и распоремъ животъ Евстахіи.

Кандидаты разсыпались по заламъ, которыхъ еще не осматривали. Вдругъ два умоляющихъ голоса окончательно развеселили Дигениса: онъ хохоталъ во все горло, а кандидаты вторили ему. Палладасъ и Памфреніосъ бросились къ

Digitized by Google

ногамъ евнуха, униженно лобызали его желтые сапоги и толстыя колѣни.

— Мы пришли сюда, чтобы разыскать Управду и сказать тебѣ, гдѣ находится Евстахія,—говорилъ Палладасъ.

— Но за это ты наградишь насъ лучшими должностями, не такъ ли?—прибавилъ Памирепіосъ.

Великій папіасъ и кандидаты продолжали смѣяться. Этотъ смѣхъ ободрилъ Памирепіоса.

— Евстахія вмѣстѣ съ Управдой находится въ св. Непорочности, куда побѣжали Гараиви съ безрукимъ Солибасомъ. Не бей насъ и не позволяй другимъ бить и мы будемъ благословлять и выхвалять тебя, какъ самаго сострадательнаго изъ сановниковъ василевса.

Узнавъ по восклицанію Солибаса, гдѣ находится Евстахія, они хотѣли было бѣжать за нимъ и Гараиви къ св. Непорочности, но подумали, что Дигенисъ проститъ ихъ, если они откроютъ ему убѣжище Евстахіи. Они вернулись въ замокъ и заблудились въ его многочисленныхъ комнатахъ, когда кандидаты наткнулись на нихъ. Дигенисъ не думалъ ни награждать, ни наказывать ихъ.

— Ступайте впередъ!—крикнулъ онъ имъ.

Они обернулись съ нѣкоторымъ безпокойствомъ, но успокоились, видя, что кандидаты не поднимаютъ на нихъ своихъ сѣкиръ. Едва отошли они нѣсколько шаговъ, какъ Дигенисъ началъ давать имъ пинки въ спину и колотить ихъ ключемъ по головѣ. Кандидаты слѣдовали его примѣру. Такъ продолжалось отъ Лихоса до Тріумфальной дороги и далѣе по улицамъ Византіи, куда высыпали толпы народа. Всѣ смѣялись надъ ними; никто не жалѣлъ и не пробовалъ защитить ихъ. Голубые и иконоборцы были очень довольны, а Зеленые и правовѣрные, полные скорби и гнѣва, спѣшили къ церкви, которой грозила осада.

V.

Погребальное пѣніе монаховъ продолжало доноситься до Склерены. Изъ круглаго окна она видѣла все надвигавшееся безчисленное войско автократора. Онъ было такъ близко,

Digitized by Google

что она ясно услышала два голоса: одинъ спокойно-повелительный, другой рѣзкій, пронзительный. И передъ нею предсталъ василевсъ на своемъ тронѣ, подъ золотымъ киваріемъ, и патріархъ.

— Наконецъ-то ты послушался смиреннаго брата во Христѣ,—говорилъ патріархъ,—и понялъ, что онъ желаетъ тебѣ добра. Теперь ты разрушишь притонъ ереси „добра", осужденной св. синодомъ, ты уничтожишь св. Непорочность, очагъ заговора Управды, сопротивленія иконоборству и арсеналъ, гдѣ Гибреасъ приготавливалъ свой таинственный взрывчатый огонь, который, къ счастью, никуда не годился. Тебѣ извѣстно, что я, какъ патріархъ, разрѣшаю это твоему автократству; ты будешь великъ, и твоимъ потомкамъ не придется страдать отъ потомковъ Управды, такъ какъ въ эту минуту Дигенисъ въ замкѣ Лихоса вырываетъ изъ живота Евстахіи ея ребенка.

— Какъ видишь,—проговорилъ Константинъ V,—я даю свою власть и силу къ услугамъ св. Мудрости. Св. Непорочность будетъ разрушена, а игуменъ, превратившій ее въ убѣжище для враговъ моей семьи, погибнетъ подъ ея стѣнами.

Послѣ ослѣпленія Управды, Константинъ V долго боролся съ мстительнымъ желаніемъ кровожаднаго патріарха, епископовъ и сановниковъ. Наконецъ, онъ уступилъ ихъ настояніямъ, опасаясь, чтобы неудовлетворенныя кровавыя стремленія иконоборцевъ не обратились противъ его семьи и не породили ему новыхъ враговъ. Онъ рѣшился предать имъ Гибреаса, отдать на растерзаніе Управду и Евстахію, чтобы они оставили его въ покоѣ. Но, при этомъ, прежній страхъ за свою семью не переставалъ его мучить. Онъ сожалѣлъ объ ослѣпленіи Управды, говоря себѣ, что, пожалуй, то же самое придется испытать одному изъ его сыновей или внуковъ, какъ наказаніе за преступленіе отца или дѣда. Въ особенности патріархъ не переставалъ приставать къ нему и подстрекать его, преувеличивая опасность. Онъ увѣрялъ, что для примѣра необходимо погребсти Гибреаса и его монаховъ подъ развалинами св. Непорочности, погубить Управду, уничтожить поколѣніе, которое стало бы продолжать борьбу за преобладаніе расъ въ восточной имперіи. Тогда Константинъ V рѣ-

Digitized by Google

шился выступить съ своимъ войскомъ, а Дигенисъ отправился въ замокъ Лихоса, чтобы схватить Управду и распороть животъ Евстахіи, послѣ чего долженъ былъ прекратиться всякій страхъ предъ заговоромъ „добра“, монастырская церковь исчезнетъ, а Гибреасъ не будетъ болѣе возбуждать противъ власти Зеленыхъ и правовѣрныхъ.

— Нынѣшній день будетъ днемъ славы,—говорилъ патріархъ,—а нынѣшній годъ—годомъ торжества. Св. Непорочность перестанетъ оскорблять св. Мудрость. Зеленые перестанутъ поддерживать ложнаго василевса. Ты ихъ всѣхъ раздавишь и потомство Управды исчезнетъ. У тебя не будетъ соперниковъ. Ты побѣдишь!

Въ церкви голосъ Гибреаса замолкъ. Склеросъ, Склерена и дѣти очутились одни въ гинекеѣ. Церковь опустѣла. Точно весь монастырь куда-то скрылся отъ войскъ василевса. Слова патріарха привели въ ужасъ Склерену. Склеросъ болѣе не смѣялся; онъ дрожалъ отъ страха и, положивъ на полъ кадило, по очереди обнималъ своихъ дѣтей. Между тѣмъ войско уже заняло мощеную площадь. Осадныя машины, балисты, тараны, крюки, косы съ шумомъ устанавливались. Испуганныя дѣти закрывали глаза и плакали. Склерена торопилась увести ихъ. Вдругъ въ нижней галереѣ оглашенныхъ кто-то бросился къ нимъ.

— Мнѣ удалось спастись и укрыться сюда, — проговорилъ онъ. — Это меня они ищутъ: меня и моего богатства. Василевсу нужны мои деньги; но я запру двери св. Непорочности и игуменъ Гибреасъ проклянетъ ихъ.

Это былъ безумный Сабатіусъ, окончательно потерявшій разсудокъ послѣ разграбленія его арбузовъ. Онъ вообразилъ себя обладателемъ огромныхъ сокровищъ, на которыя покушался василевсъ. На маленькія деньги, у него оставшіяся, ему удалось купить осла и, сидя подъ выступомъ дворца Гебдомона съ своими арбузами и ослом, жующимъ грязную траву, онъ важно и серьезно выслушивалъ балагуровъ, которые потѣшались надъ его безуміемъ и увѣряли, что Константинъ V мечтаетъ о его богатствахъ. Выступленіе войска въ это утро до крайности изумило его. Онъ бросилъ осла и арбузы и побѣжалъ въ св. Непорочность, надѣясь укрыться въ ней. Со сверкающими глазами и умоляющими жестами

Digitized by Google

онъ обратился къ Склеросу, Склеренѣ и ихъ дѣтямъ, принимая ихъ, вѣроятно, за важныхъ сановниковъ.

— Спасите меня!—молилъ онъ.—Василевсъ хочетъ отнять у меня деньги, вырученныя при продажѣ арбузовъ. Я дамъ вамъ часть моихъ сокровищъ, если вы поможете мнѣ укрыться отъ Зловоннаго, какъ называли его Гараиви и Сепеосъ.

Онъ убѣжалъ, въ отчаяніи ломая руки, и забился въ уголъ галереи оглашенныхъ, гдѣ при свѣтѣ лампады его блуждающіе глаза казались еще болѣе безумными. На мощеной площади слышался топотъ, отрывистая команда, грохотъ машинъ, которыя устанавливались близъ нартекса церкви, близъ ея высокаго фасада, до самаго купола, окна котораго освѣщали четырехъ ангеловъ, наосъ и абсиду, гдѣ помѣщалась гигантская Панагія на золотомъ фонѣ. Теперь заволновались всѣ церкви и монастыри, преданные правовѣрію. Съ ихъ колоколенъ раздавался похоронный звонъ, медленный и печальный. Но Управда, Виглиница и Евстахія не показывались: они, очевидно, оставались еще въ гостепріимныхъ покояхъ Склерены, точно собравшееся войско и не угрожало имъ.

VI.

Гараиви и Солибасъ бѣжали по дорогамъ, гдѣ встрѣчали множество кочевниковъ, цѣлыя вереницы верблюдовъ и низкихъ телѣгъ со свиньями, телятами, зеленью и плодами. Безрукое туловище Солибаса привлекало общее вниманіе, а безносое и безухое лицо Гараиви возбуждало насмѣшки. Наконецъ, они добрались до одной изъ абсидъ св. Непорочности. За стѣной, изъ подъ деревьевъ бѣлѣли надгробные камни. Гараиви перескочилъ черезъ стѣну монастырскаго кладбища, а за нимъ перевалился и Солибасъ. Они скакали по могиламъ монаховъ, заросшимъ воловьимъ языкомъ, румянкой, лаврами и розами. Длинныя ослиныя уши показывались изъза чащи дикой сладкой дѣтлины, а за ними—Іоаннъ, обнажившій свою всклоченную голову, между тѣмъ какъ Зловонный галопомъ убѣгалъ отъ него.

— Нашъ отецъ Гибреасъ исповѣдалъ насъ сегодня ночью,—

Digitized by Google

сказалъ Іоаннъ,—и мы всѣ умремъ, чтобы не покидать св. Непорочность, которую Константинъ V намѣренъ разрушить. Наша церковь упадетъ на насъ и погребетъ насъ.

Онъ проговорилъ это спокойно, надѣлъ шапку и пошелъ догонять осла. Гараиви и Солибасъ вошли въ коридоръ монастыря со множествомъ келій и мастерскихъ. Изъ церкви слышалось погребальное пѣніе монаховъ, иногда прерываемое грустнымъ голосомъ Гибреаса. Не было никакого сомнѣнія въ приближеніи войска; изъ военнаго лагеря, съ залива надвигалось другое, точно василевсъ хотѣлъ со всѣхъ сторонъ окружить церковь, ея кладбище, монастырь и Влахернскую гору. Они почти не разговаривали по дорогѣ изъ Лихоса, отлично понимая всю серьезность настоящаго положенія. Идя по коридору, они заглядывали въ пустыя кельи, отыскивая дорогу въ церковь и во что бы то ни стало желая спасти Управду, Евстахію и Виглиницу. Они поднимались, спускались по лѣстницамъ и наконецъ вернулись утомленные, въ полномъ отчаяніи. Незамѣтно для нихъ самихъ, какая-то подавленность охватывала ихъ и уничтожала ихъ дѣятельность. Вся окружавшая атмосфера предрасполагала ихъ къ смерти, также какъ и Іоанна, Гибреаса и его монаховъ, которые въ это время пѣли похоронные псалмы.

— Безъ рукъ моя жизнь превратилась въ одно мученіе,—говорилъ печально Солибасъ.—Сепеосъ счастливъ, что умеръ. И я хочу умереть. Іисусъ проститъ мою покорность Виглиницѣ за то, что я стремился побѣдить Голубыхъ посредствомъ торжества Управды. Но „зло“ одержало верхъ, „добро“ поражено. Исаврійцы навѣки воцарятся въ византійской имперіи. Къ чему мнѣ жизнь безъ рукъ? Мнѣ надоѣло ѣсть прямо изъ чаши, какъ собакѣ, когда я созданъ по образу и подобію божественнаго Іисуса.

Солибасъ заплакалъ. Гараиви внимательно слушалъ его. Все его возбужденіе улеглось; возможность смерти не пугала его, только бы Виглиница умерла тоже.

— Ты правъ,—сказалъ онъ Солибасу.—Мы боролись противъ „зла“. Вѣроятно, Зевсъ не желаетъ его пораженія. Чтобы избѣжать изувѣченія, намъ слѣдовало пристать къ Константину V и патріарху, покинуть Управду, Евстахію и Виглиницу. Но нѣтъ! Наставленія Гибреаса не допустили насъ

Digitized by Google

отказаться отъ вѣры въ „добро“, въ иконопочитаніе, въ необходимость возрожденія восточной имперіи посредствомъ славянъ и эллиновъ. Но пусть Виглиница умретъ съ нами. Я люблю ее, хотя она отдавалась тебѣ и Сепеосу. Прости меня, прости всѣ грубости, которыя я говорилъ тебѣ. Теперь, когда мы готовимся къ смерти, всякая ревность между нами исчезла и осталась одна старая дружба.

Онъ братски обнялъ Солибаса. Впереди показался свѣтъ; послышались все приближавшіеся голоса монаховъ съ возвышавшимся надъ ними голосомъ Гибреаса; до нихъ долетѣло облако ладона и появилась вся монастырская братія съ игуменомъ во главѣ.

— Исповѣдуйтесь! — сказалъ Гибреасъ. — Злобный патріархъ заставилъ Константина V напасть на св. Непорочность. Ему недостаточно того, что онъ ослѣпилъ Управду; онъ желаетъ лишить его единственнаго убѣжища. Управда и Евстахія умрутъ. Эллины и славяне не будутъ владычествовать въ возрожденной восточной имперіи, такъ какъ „зло“ одержало верхъ.

Всѣ монахи подвигались въ полномъ спокойствіи. Гибреасъ благословилъ Гараиви и Солибаса.

— Молитесь! молитесь! — говорилъ онъ. — Вы, какъ и всѣ люди, наполнили чашу жизни своими смертными грѣхами. Но ученіе „добра“ спасетъ вашу душу, когда тѣло ваше умретъ.

Гараиви и Солибасъ покаялись въ своихъ сношеніяхъ съ Виглиницей. Глаза игумена блеснули. Но, повидимому, это открытіе не удивило его.

— Я отпустилъ тебѣ грѣхъ убійства Гераиско са, — сказалъ онъ, — отпускаю и этотъ, а также прощаю и тебя, Солибасъ. Вы оба умрете. Іисусу угодно, чтобы всѣ, вступившіе въ св. Непорочность въ этотъ день разрушенія, погибли съ нею. Я исповѣдалъ моихъ монаховъ, исповѣдалъ Управду и Евстахію. Только одна Виглиница не готова къ смерти. Но она скоро увидитъ всю безполезность борьбы съ войскомъ Константина V, который не оставитъ въ живыхъ ни одного изъ нашихъ. Мы всѣ съ радостью подвергнемся мученичеству, тогда и она украситъ свою душу раскаяніемъ; я исповѣдую ее и отпущу ей грѣхи.

Его грустный голосъ окрѣпъ. Онъ жилъ внѣ всякой дѣйствительности и говорилъ о людяхъ и вещахъ, какъ объ

Digitized by Google

абстракціяхъ. Казалось, что онъ давно ожидалъ разрушенія св. Непорочности: такъ мало оно волновало его.

Вдругъ послышались удары. Машины со скрипомъ и скрежетомъ приступили къ разрушенію церкви. Потомъ раздались раздирающіе душу крики отца, матери и дѣтей, которые искали спасенія въ бѣгствѣ. Гибреасъ вошелъ въ монастырскія залы, вернулся, и монахи съ зажженными свѣчами, съ хоругвями вошли въ церковь. Гараиви и Солибасъ послѣдовали за ними.

Дѣти побѣжали къ геліакону, гдѣ они постоянно играли, инстинктивно ища тамъ спасенія. Склеросъ и Склерена слѣдовали за ними, неся самыхъ маленькихъ на рукахъ. Они пробѣжали по темному и узкому коридору, поднялись по крутой лѣстницѣ, ведущей въ ихъ покои, и тутъ встрѣтили Управду, котораго Евстахія нѣжно вела за руку. Виглиница шла за ними. Управда былъ въ плоской, золотой лентѣ, усыпанной драгоцѣнными камнями, сохранившейся въ деревянномъ сундукѣ св. Непорочности, въ пурпурной хламидѣ, въ голубомъ сагіонѣ и въ красныхъ сапогахъ съ золотыми орлами. Евстахія, съ своей лиліей на плечѣ, съ блестящими глазами, въ тяжеломъ и пышномъ одѣяніи, имѣла величественный, царственный видъ. Она знакомъ подозвала Склерену.

— Гибреасъ исповѣдывалъ насъ передъ смертью подъ развалинами св. Непорочности,—сказала она.—Управда погибнетъ, какъ и мы съ Виглиницей. Потерпи мученичество и ты съ твоимъ мужемъ и дѣтьми, такъ какъ въ этомъ мірѣ „добро“ не можетъ побѣдить „зла“.

Она говорила свѣжимъ голосомъ, съ невозмутимымъ спокойствіемъ. Игуменъ приготовилъ ее и, не смотря на естественное отвращенія къ смерти, не смотря на желаніе жить ради ребенка, на котораго она перенесла всѣ свои политическія надежды, она поддалась магнетическому вліянію необыкновеннаго Гибреаса. Отказываясь отъ надежды на престолъ, они оба были готовы подвергнуться мученичеству, въ глубинѣ души увѣренные, что арійское ученіе „добра“ оставитъ слишкомъ сильные и глубокіе корни, чтобы впослѣдствіи не разрастись и не заглушить „зла“, теперь ихъ уничтожающаго.

Виглиница не теряла надежды спасти ихъ обоихъ или хоть одного брата. Она бросилась къ Склеренѣ.

Digitized by Google

— Спасайся, войско василевса ничего не имѣетъ противъ тебя и всѣхъ твоихъ. Я хочу также убѣжать съ Управдой, потому что онъ долженъ сдѣлаться василевсомъ или хоть его ребенокъ.

Управда услыхалъ ея слова.

— Нѣтъ, спасать меня безполезно: Гибреасъ хочетъ, чтобы мы всѣ погибли. Я исповѣдался. Вѣроятно, такъ угодно Зевсу, Іисусу и Панагіи. Наша смерть послужитъ на благо „добру“: впослѣдствіи оно побѣдитъ „зло“ и не позволитъ ему уничтожать иконы, убивать Зеленыхъ, мучить правовѣрныхъ, всюду проливать кровь и распространять ужасъ. Я мечталъ о царствѣ, полномъ всеобщаго счастія. Но такое царство возможно для души, а не для тѣла. Если Евстахія попадетъ въ руки стражниковъ, они распорятъ ей животъ, чтобы вырвать ея ребенка. Во избѣжаніе этого, Евстахія умретъ со мною подъ развалинами св. Непорочности, откуда намъ нельзя убѣжать.

Гибреасъ не скрылъ отъ него этого отвратительнаго умысла. Онъ долго думалъ, какъ бы однимъ кровавымъ ударомъ положить конецъ заговору. Обвѣнчавъ Управду съ Евстахіей, онъ поселилъ ихъ въ замкѣ Лихоса, но, чтобы придворные Константина V не узнали о положеніи Евстахіи, онъ снова предложилъ имъ убѣжище въ св. Непорочности. Повсюду внѣ ея имъ угрожала опасность; чтобъ спастись отъ нея, они должны были бѣжать далеко за границы имперіи. Но вездѣ они могли встрѣтить Голубыхъ, епископовъ, стражниковъ, сановниковъ. Что касается до взрывчатаго огня, то у него не осталось никакой надожды вскорѣ добиться его настоящаго дѣйствія. Онъ рѣшилъ, что въ такомъ случаѣ всего лучше спокойно выждать событій въ монастырѣ и умереть въ немъ, если его разрушатъ. Зеленые и правовѣрные были слишкомъ подавлены, чтобы снова возстать, а Голубые и иконоборцы постоянно увеличивались въ числѣ и позволяли себѣ самыя дерзкія выходки противъ св. Непорочности, на которую устремилось все царское войско. Въ такомъ случаѣ, къ чему сопротивляться, если смерть неизбѣжна?

Онъ самъ исповѣдался и просилъ у всѣхъ прощенія. Всю жизнь онъ исповѣдывалъ ученіе „добра“, зародившееся въ восторженныхъ душахъ. Благодаря чтенію старинныхъ арійскихъ

Digitized by Google

книгъ, полныхъ чудеснаго предвидѣнія, онъ прибавилъ къ этому ученію обаятельную теорію возрожденія восточной имперіи славянами и эллинами и теорію человѣческихъ искусствъ, которыя, посредствомъ иконъ, продолжаютъ на землѣ жизнь т. е. добро. Онъ понималъ, что для полнаго торжества этого ученія необходимо насиліе: потому онъ возбуждалъ Зеленыхъ противъ власти исаврійца. Послѣ собранія иконоборческаго синода, онъ счелъ себя достаточно сильнымъ, потому что Константинъ V съ своимъ войскомъ отступилъ передъ св. Непорочностью, гдѣ онъ обручалъ Управду съ Евстахіей. Потомъ, когда съ порога нартекса монастырской церкви онъ показывалъ Управдѣ Зеленый Рогъ, Пропонтиду, флотъ, всѣ богатства имперіи, собранныя въ Византіи, когда по его мановенію Зеленые зарѣзали столько Голубыхъ и Константинъ V снова принужденъ былъ отступить, онъ счелъ себя побѣдителемъ. Когда Гараиви и Сепеосъ вышли изъ Нумеры, онъ сказалъ себѣ, что насталъ часъ для окончательнаго возстанія, такъ какъ власть видимо слабѣетъ. Онъ жестоко ошибся: Зеленые были побѣждены, Управда ослѣпленъ. Ему оставалось только заключить тѣлесный союзъ Управды съ Евстахіей, чтобы бороться за иконопочитаніе съ помощью ихъ потомства. Теперь и это оказывается невозможнымъ, такъ какъ патріархъ уговорилъ василевса уничтожить самый зачатокъ этого потомства и разрушить св. Непорочность, гдѣ бы онъ могъ вырасти на свободѣ.

Онъ говорилъ также о взрывчатомъ огнѣ и голубомъ свѣтѣ, иногда окружавшемъ его. Изъ арійскихъ книгъ онъ вычиталъ формулы состава субстанціи, которая должна вспыхнуть, взорваться и увлечь за собою такіе метательные снаряды, какъ камни, желѣзо, свинецъ. Послѣ долгихъ изслѣдованій, онъ комбинировалъ различные элементы, говоря себѣ, что, для того чтобы навязать міру „добро“, необходимо оружіе, передъ которымъ ничто не могло бы устоять. Къ несчастью, это оружіе ему не удалось и всѣ его дальнѣйшіе опыты и изслѣдованія оказались тщетными. Быть можетъ, другой игуменъ „добра“, другой любитель арійскихъ книгъ будетъ счастливѣе. Что касается до свѣта, иногда обволакивавшаго его, то это было ничто иное, какъ истеченіе его личности; онъ производилъ его посредствомъ огромнаго сосредоточенія и напряженія своей

Digitized by Google

воли, отчего потомъ всегда чувствовалъ полное изнеможеніе. Этотъ свѣтъ наводилъ страхъ и ужасъ на испорченныхъ епископовъ, сановниковъ, Голубыхъ и иконоборцевъ. Арійскія книги, передаваемыя изъ вѣка въ вѣкъ монастырями „добра“, книги, полныя такихъ глубокихъ истинъ и чудныхъ наставленій, научили его силою своей воли производить этотъ мягкій, синій свѣтъ. Однако, не всѣмъ дана эта способность. Для этого необходима душевная чистота, умъ, способный къ абстракціи, молитвѣ, посту, самопожертвованію. Управда и Евстахія со временемъ получили бы ее, такъ какъ оба стремились къ нравственному совершенству.

О Константинѣ V Гибреасъ говорилъ теперь безъ гнѣва; ему было извѣстно, какъ не любилъ онъ пролитія крови; но вся его горечь и негодованіе сосредоточились на патріархѣ, истинномъ зачинщикѣ иконоборства, архи-сатрапѣ сатаны, жестокомъ, гордомъ, презрѣнномъ. Быть можетъ, кто нибудь изъ правовѣрныхъ, близко стоящихъ къ василевсу—его супруга, душа страждущая, во время исповѣди, открыла ему всю гнусность иконоборческаго гоненія? Тогда-то игуменъ заперъ двери св. Непорочности, чтобы всѣ, находившіеся въ ней, погибли подъ ея развалинами. Своей епископской властью онъ отпустилъ грѣхи ихъ, сдѣлалъ ихъ души чистыми, свободными, готовыми предстать на небо, гдѣ они соединятся съ мучениками и святыми избранниками.

Виглиница съ яростью закрывала ротъ Управдѣ, когда онъ изъявлялъ свое согласіе, и хотѣла силой увлечь его, не смотря на начавшееся разрушеніе. Онъ отстранилъ ее и позволилъ Евстахіи увести себя. Они пошли въ церковь, наполненную монахами. Въ это время, Гараиви и Солибасъ подошли къ нимъ, печальные, тихіе и покорные.

— Ты можешь умереть вмѣстѣ съ нами,—обратились они къ Виглиницѣ.—Ты видишь, Зевсу было не угодно, чтобы ты имѣла ребенка, такъ какъ и братъ твой не будетъ василевсомъ. Умремъ же вмѣстѣ! Но покайся, покайся! Мы уже получили отпущеніе въ нашемъ грѣхѣ.

Digitized by Google

VII.

Между тѣмъ, снаружи все было готово къ осадѣ и разрушенію св. Непорочности. Въ двери нартекса стучали тараны, производя гулкій звонъ металла.

Склеросъ, Склерена и ихъ дѣти хотѣли спуститься изъ гинекея, куда снова забрались, но дверь оказалась запертой Іоанномъ, который, оставивъ Зловоннаго въ саду, заложилъ желѣзнымъ засовомъ всѣ церковные выходы. Дѣти плакали, Склерена рыдала, не выпуская изъ рукъ самаго младшаго, Зосиму; Склеросъ дрожалъ отъ страха. Пѣніе монаховъ продолжалось, изъ-за иконастаса слышался голосъ Гибреаса, служившаго обѣдню, обѣдню агоніи, во время которой совершалось пресуществленіе хлѣба и вина въ тѣло и кровь Христову. Неужели никто не услышитъ этихъ нѣжныхъ дѣтскихъ голосовъ? Неужели никто не постарается спасти отъ страшно смерти восемь невинныхъ малолѣтокъ? Зевсъ, милосердный Зевсъ! Іисусе! Панагія! Избавьте Склероса и Склерену отъ невыносимаго горя видѣть смерть этихъ дорогихъ существъ, слишкомъ юныхъ, чтобы ихъ жизнь была полезна для ученія о „добрѣ“.

Они хотѣли расшатать рѣшетку гинекея и кричали, забывъ всякое уваженіе къ величію церкви, молили о помощи, но напрасно. Голоса команды доходили до нихъ, голоса доместиковъ, распоряжавшихся солдатами, между тѣмъ какъ тараны продолжали колотить въ двери нартекса. Они ясно слышали бѣготню нападавшихъ по крышѣ центральнаго купола; солдаты срывали металлическія настилки, или рычагами и желѣзными палками стучали по крышѣ, по окнамъ, свѣтъ изъ которыхъ падалъ въ церковь. Цѣлыя стекла со страшнымъ трескомъ упали въ церковь, убивъ трехъ монаховъ.

Удивительное зрѣлище! Управда держалъ за руку Евстахію. Гараиви и Солибасъ окружали ихъ. Виглиница, казалось, безъ страха ждала мученичества, отъ котораго она отказывалась. Она болѣе не говорила о братѣ, не старалась увести его. Она была подавлена невозмутимостью борьбы и сознавала свое безсиліе противъ кроткой покорности всѣхъ

Digitized by Google

ожидающихъ смерти. Яркое солнце залило наосъ, освѣтило блестящія одежды ангеловъ съ трубами. Громадная Панагія была вся окутана свѣтомъ; ярко блестѣла ея золотая нимба, ея спокойный ликъ, ея раздвинутыя руки. Всѣ иконы, всѣ изображенія Іисуса, святыхъ ярко выступали на своемъ золотомъ фонѣ. Склеросъ и Склерена поняли, что имъ остается только умереть, и просили отпущенія своихъ грѣховъ. Обѣдня кончилась при страшномъ грохотѣ упавшаго купола, причемъ было у бито еще нѣсколько монаховъ. Гибреасъ вышелъ изъ алтаря съ серебрянымъ крестомъ въ рукѣ. Обратясь къ анагносту, его женѣ и дѣтямъ, которыя съ плачемъ цѣплялись за нихъ, онъ сказалъ своимъ спокойнымъ голосомъ:

— Я, Гибреасъ, игуменъ св. Непорочности, которую разрушаютъ Константинъ V и патріархъ, я отпускаю вамъ грѣхи ваши. Вы пойдете на небо, Склеросъ и Склерена, и невинныя и чистыя сердцемъ дѣти ваши будутъ съ вами. Зло, поражающее ваше тѣло, не можетъ коснуться души вашей. Св. Непорочность спасаетъ васъ черезъ меня, священника „добра!“

Осадныя машины отрывали цѣлые куски, падавшіе на мощеную площадь вокругъ зданія, поднимая громадныя облака пыли. Обрушивались цѣлыя колонны, образуя бреши, куда врывалось солнце. Нартексъ уступилъ насилію разрушителей; его трое дверей совсѣмъ раскачались. Огромный образъ Вседержителя, сохранившійся въ цѣлости, не смотря на иконоборческое гоненіе, былъ разбитъ тремя ударами косъ. Балисты метали камни въ человѣческую голову, толстыя желѣзныя копья, громадные метательные снаряды, отъ чего обваливались цѣлые куски штукатурки, выпадали изъ оконъ трансептовъ громадныя стекла и образовалась дыра въ вогнутой стѣнѣ алтаря, причемъ исчезъ лучезарный ликъ Панагіи. У самаго иконостаса продолжали стоять Управда съ Евстахіей, Гараиви съ Солибасомъ: всѣ четверо ждали смерти спокойно, съ тихой улыбкой.

Монахи ожидали ея, приложивъ руку къ сердцу, съ блѣдными лицами, обрамленными длинной бородой. Гибреасъ, стоя у алтаря, тихо читалъ молитвы, иногда благословлялъ ихъ, и всякій разъ, какъ падалъ кусокъ церкви, убивая нѣсколькихъ изъ нихъ, онъ бралъ святую чашу и вкушалъ за мучениковъ святую кровь и святое тѣло Христовы. Зданіе было проды-

Digitized by Google

рявлено со всѣхъ сторонъ: стражники съ яростью продолжали свое дѣло разрушенія, погребая безстрашныя жертвы преданныхъ мучениковъ. Разрушители принялись за круглое окно гинекея: ихъ камни и копья разбили прекрасныя разноцвѣтныя стекла, которыя посыпались къ ногамъ анагноста, его жены и дѣтей. Въ одно изъ оконъ галереи оглашенныхъ влетѣла стрѣла, попала въ голову Сабатіуса и наповалъ убила его. Онъ ни разу не крикнулъ съ начала разрушенія, и умеръ безмолвно, не понимая того, что происходило вокругъ него. Одинъ изъ ангеловъ на парусахъ покачнулся и упалъ, похоронивъ подъ собою еще нѣсколькихъ монаховъ. Трое дверей нартекса раскрылись подъ ударами таранов. Показалась мощеная площадь съ многочисленнымъ войскомъ, выстроеннымъ передъ церковью, съ возвышавшимися надъ нимъ Константиномъ V и патріархомъ на ихъ тронахъ подъ золотымъ киваріемъ. Они не шевелились, хотя теперь и могли бы войти въ храмъ. Константинъ V, разрушая его, не хотѣлъ увеличить святотатства своимъ присутствіемъ при рѣзнѣ, въ сущности ему противной. Патріархъ поспѣшилъ распространиться насчетъ этого.

— Если ты вступишь въ церковь,—говорилъ онъ,—ты нарушишь церковное убѣжище и совершишь святотатство. Удовольствуйся тѣмъ, что отъ ися не останется камня на камнѣ, что прославитъ тебя, а также св. Мудрость, которая побѣдитъ черезъ тебя.

Въ полной увѣренности, что Управда и Евстахія уже схвачены Дигенисомъ въ замкѣ Лихоса, онъ крикнулъ окружавшимъ его епископамъ:

— Осанна! Осанна! Пойте хвалу Зевсу семитовъ, которому не угодно арійскихъ иконъ и еретическаго ученія „добра“. Гибреасъ перестанетъ осквернять души своимъ ученіемъ. Славянинъ Управда теперь умираетъ вмѣстѣ съ Евстахіей, и ихъ потомство не будетъ бунтовать противъ потомства Константина V.

Круглое окно гинекея упало подъ ударами балистовъ: показались дѣти съ протянутыми руками, за ними Склеросъ и Склерена на колѣняхъ; поднявъ глаза къ небу, они умоляли Всевышняго поскорѣе умереть съ своими дорогими малютками. Константинъ V приподнялся на своемъ тронѣ; на лицѣ его

Digitized by Google

показалась искренняя тревога. Соглашаясь на разрушеніе св. Непорочности, онъ надѣялся, что погибнутъ только монахи и Гибреасъ, которыми онъ, какъ человѣкъ политическій, вовсе не интересовался. Онъ сдѣлалъ знакъ, но было поздно. Часть фасада упала, весь карнизъ свалился на нихъ, поднявъ бѣлое облако пыли; послышались послѣдніе крики и въ громадное отверстіе гинекея все войско увидало десять раздавленныхъ труповъ. Внизу, надъ дугой нартекса, лежали ничкомъ Параскева и Антуза; у Николая, Ѳеофана и Даніила была проломлена голова и ноги придавлены кускомъ мрамора, упавшаго со свода; Киръ былъ раздавленъ рядомъ со Склеросомъ. Склерена стояла на колѣняхъ, сжимая въ объятіяхъ самыхъ младшихъ, Зосиму и Акапія. Одну минуту они были еще живы. Но сводъ обвалился и убилъ ихъ, между тѣмъ какъ весь гинекей падалъ подъ тяжестью обломковъ, увлекая за собою въ галерею оглашенныхъ всѣ десять труповъ.

— Если и эти умерли, то значитъ такова воля Зевса,— сказалъ патріархъ Константину V:—ни ты, ни я не желали ихъ смерти. Конечно, этотъ анагностъ совсѣмъ напрасно служилъ въ св. Непорочности. Онъ могъ бы уйти, еслибы захотѣлъ. Его жена и дѣти погибли, благодаря его сопротивленію твоей власти.

Сказавъ это, онъ сталъ поджидать Дигениса, который подходилъ къ площади съ своими кандидатами. Лицо его освѣтилось радостью и онъ поспѣшилъ подѣлиться ею съ василевсомъ.

— Дигенисъ выполнилъ твои приказанія, — возвѣстилъ онъ. — Его кандидаты уже избавили тебя отъ Управды и Евстахіи.

Василевсъ ничего не отвѣтилъ ему и продолжалъ смотрѣть въ отверстія трехъ дверей нартекса. Одну минуту можно было думать, что насталъ всему конецъ. Стражники спускались съ крыши, войско мало по малу отступало отъ полуразрушеннаго зданія. Въ отверстія трехъ дверей, василевсъ видѣлъ всю внутренность храма: обезглавленный образъ Панатіи, слабо свѣтившіяся свѣчи, а передъ иконостасомъ, который еще сохранился и блестѣлъ своей позолотой и иконами, въ торжествующей позѣ, мучениковъ Управду съ Евстахіей; за ними—Солибаса, Гаранви и Виглиницу, суровую, со скрещен-

Digitized by Google

ными на груди руками, спокойно слѣдившую за разрушеніемъ; въ алтарѣ стоялъ Гибреасъ. Когда исчезъ весь внѣшній нартексъ, онъ вышелъ изъ алтаря и направился къ выходу: Управда, Евстахія, Гараиви, Солибасъ, даже Виглиница слѣдовали за нимъ. Всѣ стоявшіе на площади видѣли ихъ. Они взбирались по обломкамъ, иногда совсѣмъ исчезая, шагали черезъ трупы монаховъ. Позади нихъ все обрушивалось. Ангелы падали одинъ за другимъ и, погребая послѣднихъ монаховъ, раздавили Іоанна, который своимъ грубымъ голосомъ не переставалъ пѣть молитвы и, быть можетъ, вспоминалъ Зловоннаго, крикъ котораго доносился изъ сада.

Грустное лицо Гибреаса обратилось къ Виглиницѣ.

— Время не терпитъ; покайся, ты скоро умрешь. Покайся, какъ покаялись твой братъ, Евстахія, Гараиви и Солибасъ. Мнѣ дана власть отпустить тебѣ грѣхи твои. Знай, что, послѣ смерти, ты не укроешься отъ глазъ Зевса, отъ прозорливости Іисуса и Его матери Панагіи.

Виглиница ничего не отвѣтила ему. Для нея добро заключалось въ самой жизни; мученичество возмущало ее. Еслибъ ея братъ захотѣлъ, она съумѣла бы вырвать его изъ этого ужаснаго разрушенія. Она исцѣлилась отъ своей зависти къ брату и его женѣ, потеряла всякую надежду на имперію для своихъ дѣтей и ждала смерти, какъ фаталистка, которая подчиняется ея неизбѣжности. Она отрицательно покачала головой и внезапная злоба противъ Гибреаса пробудилась въ ней.

Мученики стояли теперь на порогѣ нартекса. Войско отступило: ему приказано было очистить мощеную площадь; это не укрылось отъ нихъ. Автократоръ удалялся, патріархъ тоже, бросивъ на Гибреаса торжествующій взглядъ. За нимъ слѣдовали епископы, сановники.

Гараиви сдѣлалъ послѣднюю попытку смягчить Виглиницу; сердце его усиленно билось и глаза были полны слезъ.

— Покайся!—говорилъ онъ.—Тебѣ отпустятся грѣхи твои, и всѣ мы, такъ тебя любившіе, мы будемъ наслаждаться счастливой жизнью съ тобою у престола Зевса-Вседержителя, Его Сына, вблизи Панагіи, потому что имъ всѣмъ угодно, чтобы наша смерть послужила примѣромъ для будущихъ защитниковъ „добра“.

— Нѣтъ! я хочу жить,—отвѣчала Виглиница.—Я молода,

Digitized by Google

я могла бы имѣть дѣтей. Отъ меня родилось бы поколѣніе, которое бы впослѣдствіи добилось имперіи и ввело славянъ въ Великій Дворецъ. Я могла бы защитить и спасти моего брата, но онъ желаетъ смерти. Онъ желаетъ мученичества вмѣстѣ съ Евстахіей. Бездѣтная, одинокая, что я могу сдѣлать? Я умираю, но протестую противъ смерти. Что касается до моихъ отношеній къ тебѣ и другимъ, то Зевсъ, Іисусъ и Панагія простятъ мнѣ ихъ и безъ исповѣди. Я просила прощенія у Евстахіи и Управды, и этого совсѣмъ довольно!

— Покайся!—умолялъ ее Солибасъ.—По крайней мѣрѣ, послѣ смерти, мы всѣ будемъ вмѣстѣ; иначе ты останешься одна, потому что мы попадемъ на небо, къ Зевсу и Панагіи, какъ мученики за „добро“.

— Нѣтъ! нѣтъ! Я ничего дурнаго не дѣлаю, отказываясь отъ исповѣди. Гибреасъ говорилъ, что добро есть жизнь, а между тѣмъ его добро привело насъ къ смерти. Если я принимаю ее, то потому, что мой братъ желаетъ умереть съ Евстахіей. И я согласна умереть, но безъ исповѣди. Славяне чисты отъ всякаго грѣха и всякаго грѣховнаго намѣренія. Зевсъ, Іисусъ и Панагія простятъ меня.

Управда и Евстахія не слушали ея. Эллинка держала на плечѣ символъ непорочности—красную лилію. Мертвые глаза Управды видѣли цѣлое войско ангеловъ, похожихъ на тѣ, которые висѣли на парусахъ, теперь обвалившихся; они трубили въ золотыя трубы, пробуждая цѣлые народы; и тѣ точили свои мечи и даже готовили взрывчатый огонь, не удавшійся Гибреасу. Толпы блѣдныхъ людей, сторонниковъ „зла“, толпы иконоборцевъ бѣжали передъ толпами правовѣрныхъ, иконопочитателей. Всюду Зеленые преслѣдовали Голубыхъ. Все безпредѣльное небо было полно людьми, которые сражались за „добро“. На четырехъ концахъ этого идеальнаго неба горѣли громадные факелы: вѣтеръ отклонялъ ихъ, чтобы показать проклятые, осужденные города исаврійцевъ, сжигаемые защитниками ученія Гибреаса.

Управда нервно сжималъ руку Евстахіи, между тѣмъ какъ игуменъ поднималъ къ верху серебряный крестъ и золотую чашу, Виглиница принимала вызывающую позу, а Гараиви и Солибасъ покорно ждали паденія нартекса. Войско мало по малу исчезло: только взводъ стражниковъ окружалъ раз-

Digitized by Google

валины храма, чтобы жертвы не убѣжали изъ него. Весьма вѣроятно, что Константинъ V боялся, чтобы Дигенисъ не исполнилъ желанія патріарха и не распоролъ живота Евстахіи. Увидя съ высоты своего трона евнуха, бѣгущаго къ церкви съ кандидатами, онъ отдалъ короткое распоряженіе. Остановленный Дигенисъ принужденъ былъ вернуться. Константинъ V вырвалъ у него изъ рукъ серебряный ключъ и ударилъ по головѣ съ такой силой, что Дигенисъ отошелъ отъ него шатаясь, съ полупроломленнымъ черепомъ.

Гибреасъ, окутанный своимъ голубымъ, слабо мерцающимъ свѣтомъ, съ крестомъ и золотой чашей, благословлялъ городъ, который въ послѣдній разъ представился мученикамъ. Въ глубинѣ синѣла Пропонтида съ бѣлыми и красными парусами тріеръ, сверкала на солнцѣ св. Мудрость, а рядомъ съ нею горделиво возвышался Великій Дворецъ съ своими куполами, триклинонами, съ блестящими геліаконами и громадными садами. Налѣво вился Золотой Рогъ, направо лежали демократическіе, теперь безмолвные кварталы Византіи. Въ аристократическихъ кварталахъ шумно радовались Голубые, съ своими союзниками Бѣлыми, и били Зеленыхъ и ихъ союзниковъ Красныхъ. Со всѣхъ монастырей и церквей вѣрныхъ правовѣрію, безостановочно звонили въ колокола, и ихъ похоронный звонъ разносилъ по городу сокрушеніе, горе и тоску за мучениковъ, смерти которыхъ они не могли помѣшать.

На всѣхъ демократическихъ улицахъ, теперь окутанныхъ легкимъ вечернимъ сумракомъ, появилось множество серебряныхъ вѣнковъ, вѣроятно выигранныхъ Солибасомъ у Голубыхъ. Ихъ высоко держали въ воздухѣ вмѣстѣ съ пальмовыми вѣтками и крестами. Вдругъ медленное, торжественное пѣніе огласило воздухъ. Звуки поднимались къ небу и молитвы возносились къ нему. Правовѣрные и Зеленые, не обращая вниманія на сыпавшіеся на нихъ удары, ободряли жертвы, которыхъ они не могли спасти. На нартексахъ правовѣрныхъ церквей показались игумены съ крестами въ рукахъ. Затѣмъ красная лилія съ плеча Евстахіи и золотой обручъ съ головы Управды поднялись и упали на сокрушенный городъ. Наконецъ раздался страшный трескъ. Сводъ нартекса, сохранив-

Digitized by Google

шійся одинъ изъ всей монастырской церкви, треснулъ подъ ударами таранов и балистовъ. Онъ склонился, повисъ и упалъ, покрывъ собою Управду, Евстахію, Гаранви, Солибаса и Гибреаса,—серебряный крестъ и золотая чаша котораго еще разъ блеснули и погасли,—а наконецъ Виглиницу, умершую, какъ упрямая дикарка, неспособная возвыситься до пониманія ученія „добра".

Конецъ.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

Тревоги парижанъ за послѣдніе мѣсяцы.—Синдикальное движеніе и синдикаты.—Главная омнибусная компанія.—Положеніе служащихъ въ ней.—Парижъ безъ омнибусовъ.—Побѣда надъ компаніей.—Отголоски по всей Франціи.—„Сѣверное“ и „южное“ общества въ Парижѣ.—Неудачная стачка—Желѣзнодорожная прислуга.—Почетный караулъ уткамъ и гусямъ.—Мелкая промышленность и bureaux de placement.—Булочники, бакалейщики, мясники и гарсоны.—Усы и человѣческое достоинство.—„Союзъ продовольствія“.—Парижъ безъ хлѣба.—Заключеніе.

Парижъ, $^{27}/_{15}$ *октября 1891 г.*

I.

Мы, парижане, любимъ перемѣны, любимъ событія; но съ однимъ условіемъ: чтобы перемѣнялись министерства и общіе законы, только не наши привычки; чтобы событія совершались, хоть очень крупныя, но не задѣвающія нашу, разъ навсегда заведенную, жизнь. Мы желаемъ жить, какъ по маслу скользить, такъ чтобы перемѣны были незамѣтны. Мы, въ будничномъ своемъ существованіи, свирѣпые консерваторы, и готовы примириться съ плохимъ, лишь бы оно не мѣнялось: пьемъ въ кафэ черную бурду вмѣсто кофе, и не морщимся, но пришли бы въ негодованіе, еслибы его подали въ непривычномъ стаканѣ. Мы ѣдимъ самый отвратительный хлѣбъ въ Европѣ; но московскій хлѣбникъ съ филиповскими булками остался бы у насъ безъ покупателей. Когда появились, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, конножелѣзныя дороги, мы предпочли ѣздить на старыхъ тряскихъ омнибусахъ и довели первую компанію до банкротства. Насилу лѣтъ въ пять привыкли. Эта косность и любовь къ ровному строю въ мелкихъ сторонахъ жизни производитъ то, что всякая опасность пертурбаціи въ этой области повергаетъ насъ въ неописанный страхъ. Понятна отсюда та тревога, въ которой мы живемъ съ самаго мая мѣсяца. За это время были потрясены многія «основы» на-

Digitized by Google

шего благополучія. Мы узнали, что весьма легко не найти обычнаго омнибуса на обычномъ перекресткѣ, идя утромъ въ должность; мы подвергались опасности, вмѣсто свѣжаго хлѣба за завтракомъ, грызть солдатскіе сухари, и то если дадутъ; чуть не пришлось ходить небритыми и нестриженными, какъ какіе нибудь живописцы, за неимѣніемъ парикмахеровъ. Словомъ, неисчислимыя бѣды висѣли у насъ надъ головою; пронесся по столицѣ вѣтеръ протеста, и заворошились мелкіе людишки—на козлахъ и запяткахъ омнибусовъ, въ мастерскихъ, въ лавкахъ. Зашумѣли гарсоны въ ресторанахъ, проявились на свѣтъ божій полуночные пекари изъ своихъ подваловъ. Мясники, буафёры, трактирщики, сапожники, подметальщики улицъ, даже служители похоронной компаніи собрались для изъявленія разнообразныхъ требованій. Надо отдать намъ справедливость: мы не потеряли голову въ этой сумятицѣ, сразу поняли, въ чемъ дѣло, и силой общественнаго мнѣнія стали чинить судъ и расправу. Тамъ, гдѣ требованія оказались справедливыми и умѣренными, мы помогли и словомъ, и печатью, и деньгами, иногда даже кулаками,—чѣмъ и даровали побѣду. Въ противномъ случаѣ, мы отвернулись и предоставили возставшихъ собственнымъ силамъ, которыя почти вездѣ оказались недостаточными.

Синдикальное движеніе еще не закончилось совершенно. Но оно обрисовалось настолько, что разобраться въ немъ, до нѣкоторой степени, возможно. Выяснились вполнѣ нѣкоторыя черты, которыя придали движенію характеръ досель небывалый. Это—во-первыхъ, крайне сдержанное отношеніе къ нему правительства; во вторыхъ — дѣятельное вмѣшательство общественнаго мнѣнія и прессы, и въ третьихъ,—какъ естественное послѣдствіе двухъ первыхъ условій,—отсутствіе всякихъ серьезныхъ безпорядковъ и склонность съ обѣихъ сторонъ къ мирнымъ соглашеніямъ. Толчокъ движенію былъ данъ синдикатами, которые за послѣдніе два года быстро возрасли въ числѣ. Такъ, въ 1889 году, всѣхъ синдикатовъ считалось только 149. Въ настоящее время, ихъ уже 3,120, которые распредѣляются слѣдующимъ образомъ: 1,105, составленные хозяевами, 1,181—рабочими, 120 смѣшанныхъ и, наконецъ, 614 земледѣльческихъ. Послѣдніе—синдикаты только по имени. Это просто общества богатыхъ землевладѣльцевъ, выдающихъ ссуды зерна на обсѣмененіе, повышающія и понижающія цѣны на продукты, вообще занимающіяся спекуляціями. Они, во имя мнимаго охраненія интересовъ земледѣлія, вели въ послѣднее время сильную пропаганду въ пользу покровительственной таможенной системы и, какъ извѣстно, достигли своего. Хозяйскіе синдикаты многочисленны, въ особенности въ мелкихъ производствахъ. Тамъ они живутъ въ мирѣ съ рабочими синдикатами, которые, не смотря на свое быстрое умноженіе въ числѣ, пока только прозябаютъ: у нихъ считается не больше 150 тысячъ членовъ—ничтожное меньшинство всего рабочаго

Digitized by Google

населенія. Прозябаніе это имѣетъ нѣсколько причинъ, между которыми одна изъ главныхъ—недружелюбіе къ нимъ хозяевъ крупной промышленности. Законъ 1884 года, дающій синдикатамъ полноправное существованіе, мало ихъ обезпечилъ. Крупные промышленники имѣютъ въ рукахъ и широко употребляютъ противъ нихъ грозное, хотя чрезвычайно простое оружіе: отказъ отъ работы. Всякій дѣятельный членъ или администраторъ синдиката рано или поздно выживается. Приходится, поэтому, или назначать жалованье должностнымъ лицамъ синдиката, что̀ иногда не подъ силу кассѣ, или принимать на эти должности постороннихъ лицъ изъ нерабочей среды, зачастую вносящихъ политику въ дѣло, которому выгоднѣе было бы оставаться на почвѣ исключительно матеріальныхъ интересовъ корпораціи. Стѣсненные въ своемъ развитіи, озлобленные на хозяевъ, синдикаты, силою вещей, становились иногда поборниками забастовокъ, во время которыхъ имъ удавалось наверстать хоть кое-какое вліяніе. Хозяева, чтобы оправдывать свое враждебное къ нимъ отношеніе, обвиняютъ ихъ въ томъ, что они — очаги стачекъ. Обвиненіе, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, справедливое. Но не несутъ ли въ этомъ случаѣ сами хозяева нѣкоторую долю отвѣтственности?

II.

Послѣднее движеніе было открыто служащими въ «Compagnie Générale des Omnibus». Въ такомъ многолюдномъ и огромномъ городѣ, какъ Парижъ, дешевизна и легкость внутреннихъ сообщеній составляетъ одну изъ самыхъ важныхъ потребностей. Понятно, что общество, монополизировавшее почти всецѣло эту функцію, должно было достигнуть чрезвычайной силы. Вотъ, въ двухъ словахъ, исторія его возникновенія. Въ 1854 году, всѣ частныя предпріятія для коллективной перевозки внутри города сосредоточились въ рукахъ одного общества капиталистовъ. Въ 1860 году, взамѣнъ участія въ барышахъ, права контроля и нѣкоторыхъ другихъ выгодъ, городъ уступилъ «обществу» монополію омнибусовъ на строго опредѣленныхъ условіяхъ. Съ тѣхъ поръ обороты общества росли параллельно съ возрастаніемъ самого Парижа, т. е. очень быстро; акціи его на биржѣ превысили разъ въ десять свою первоначальную цѣну. Ловкими финансовыми продѣлками оно чрезмѣрно увеличило свой капиталъ въ ущербъ городу: напримѣръ, обращая бо́льшую часть выгодъ, которыми оно должно дѣлиться съ городомъ, на покупку земель и домовъ. Оно притомъ съумѣло заинтересовать нужныхъ людей, сдѣлалось пріютомъ всѣхъ почти префектовъ полиціи, начиная съ Піэтри и кончая Камескасомъ, которые по окончаніи служебной карьеры находятъ въ немъ теплое мѣстечко. Сила его еще возрасла, когда случился,—

Digitized by Google

говорятъ, по его стараніямъ,—крахъ конкурирующаго съ нимъ «общества конножелѣзныхъ дорогъ», имущество котораго общество омнибусовъ скупило съ торговъ безцѣнокъ за. Однако, монополію оно не могло получить всецѣло, но принуждено было раздѣлить ее съ двумя другими «обществами: «Tramway Sud» и «Tr. Nord», которыхъ ему никакъ не удается проглотить. Тѣмъ не менѣе, «C-ie Générale des Omnibus» владѣетъ, въ настоящее время, капиталомъ въ 132 съ половиной милліона франковъ, выпускаетъ изъ своихъ депо ежедневно 950 омнибусовъ и конокъ; самымъ безцеремоннымъ образомъ обходится съ публикой, которой въ дождь или въ праздникъ, за недостаткомъ перевозочныхъ средствъ, удается поѣхать лишь послѣ часоваго и больше ожиданія на станціяхъ. По винѣ компаніи омнибусовъ, Парижъ надѣленъ далеко неудобными сообщеніями. Контрактъ съ городомъ это общество исполняетъ, какъ ему вздумается. Муниципальный совѣтъ раза два уже вотировалъ отобраніе у него концессіи, основываясь на статьяхъ договора, но всякій разъ общество находило поддержку у сенскаго префекта и у правительства, отъ которыхъ совѣтъ находится въ полной зависимости. И это всесильное общество,—на описаніи котораго мы остановились, чтобы дать образчикъ крупныхъ монополій, по которымъ запроданы въ Парижѣ газъ, вода, похороны и вообще всѣ важныя городскія отправленія,—это общество встрѣтило отпоръ и потерпѣло пораженіе съ той стороны, откуда оно всего менѣе ожидало: со стороны своихъ собственныхъ служащихъ.

Далеко незавидно было ихъ положеніе! Чрезмѣрный восемнадцатичасовой дневной трудъ, съ перерывами въ полчаса на завтракъ и на обѣдъ, оплачивался со скудостью, не соотвѣтствующею ни его продолжительности, ни дороговизнѣ жизни. Для поступленія на какую бы то ни было изъ низшихъ должностей требовался періодъ сверхштатной службы иногда въ цѣлый годъ, во время котораго поступающій, находясь постоянно въ депо въ распоряженіи начальства, получалъ плату по 30 сантъ въ часъ, но только когда случалась работа. По истеченіи этого испытанія, рабочій получалъ 3 фр. въ день. Кучеръ и кондукторъ, отъ которыхъ требуется подготовка и которые несутъ немалую отвѣтственность, получали отъ 4 до 5 фр. за тотъ же 18-часовой день. Только старые, заслуженные кучера и кондуктора могли мечтать о 6 фр. жалованія. Если прибавить къ этому самовольное распоряженіе общества пенсіонной кассой, образующеюся изъ взносовъ служащихъ, цѣлую систему тайнаго надзора посредствомъ агентовъ, получающихъ плату по числу приносимыхъ доносовъ, и штрафованіе служащихъ по этимъ доносамъ безъ права оправданія, а также многія мелкія придирки, которыя было бы долго перечислять, то понятно станетъ, что среди многочисленныхъ жертвъ этой системы поднялось броженіе. Въ маѣ мѣсяцѣ, при содѣйствіи депутата Мёзюрёра и муниципальнаго совѣтника Руана

Digitized by Google

всѣ служащіе въ омнибусной компаніи образовали синдикатъ. Выработавши цѣлый рядъ очень умѣренныхъ представленій относительно продолжительности рабочаго дня, жалованья и пенсіонной кассы, они обратились съ ними, посредствомъ делегаціи, въ администрацію общества. Делегація не была принята; отвѣта не было дано никакого, если не считать таковымъ немедленное лишеніе должности одного контролера и одного кондуктора,—президента и помощника президента новообразованнаго синдиката. Тогда, на общемъ митингѣ, члены синдиката рѣшили принять болѣе энергичный тонъ и заговорили о стачкѣ. Общество опять отвѣтило изгнаніемъ нѣсколькихъ служащихъ. Посредничество, предпринятое нѣкоторыми депутатами и совѣтниками, ни къ чему не привело. Общество твердо держалось разъ навсегда избранной тактики увѣренное въ сильной поддержкѣ со стороны власти. Однако, такое высокомѣріе начинало возмущать общественное мнѣніе. Самые умѣренные органы печати выражали свое недоумѣніе передъ поведеніемъ омнибусной администраціи, не говоря уже объ единодушномъ крикѣ радикальной прессы. Посыпались пожертвованія въ синдикальную кассу; газеты открыли подписки. Наконецъ, совершена была послѣдняя попытка войти въ соглашеніе съ омнибусной администраціей, съ тѣмъ же успѣхомъ. На митингѣ 25-го мая, куда собралось до 4.000 конюховъ, кучеровъ, кондукторовъ и контролеровъ, делегатъ Моро̀ доложилъ собравшимся о безнадежномъ положеніи дѣла. Въ отвѣтъ раздались крики: «да здравствуетъ стачка!» При этомъ Мёзюрёръ, предсѣдательствовавшій въ собраніи, произнесъ рѣчь, въ которой предостерегалъ отъ внушаемыхъ увлеченіемъ поспѣшныхъ рѣшеній. Но члены синдиката не увлекались; послѣ долгихъ и спокойныхъ преній, въ которыхъ вопросъ разсматривался со всѣхъ сторонъ, было положено забастовать. Вмѣстѣ съ тѣмъ, поставили условіемъ, для прекращенія стачки, выполненіе обществомъ трехъ требованій: 1) принятіе вновь на службу всѣхъ лишенныхъ мѣста съ 1-го мая; 2) двѣнадцатичасовый рабочій день, и 3) совмѣстное обсужденіе администраціей и синдикатомъ всѣхъ ходатайствъ служащихъ. Послѣ этого, собраніе мирно разошлось по домамъ. На слѣдующій день утромъ, парижанъ, рано отправлявшихся на работу, ожидала непріятная неожиданность. Ни одного омнибуса! Стачка состоялась, и рѣдкія кареты, которыя компанія умудрилась снабдить кучеромъ и кондукторомъ, задерживаются стачниками на пути, распрягаются и стоятъ покинутыми среди улицъ. Отъ семи до девяти утра, цѣлыя толпы мелкихъ чиновниковъ, модистокъ, швей осаждаютъ станціонныя будки и съ недоумѣніемъ ждутъ обычнаго омнибуса. Къ довершенію горя, черныя тучи заволакиваютъ небо, спускаются надъ городомъ и разражаются ливнемъ, смѣшаннымъ съ градомъ. Что дѣлать? приходится подворачивать снизу штаны, приподнимать юбки, открывать зонтики и шествовать въ дальнюю мастерскую подъ дождемъ и въ грязи.

Digitized by Google

Между тѣмъ общество замѣнило отсутствующихъ кучеровъ первыми попавшимися конюхами и выпустило нѣсколько каретъ изъ разныхъ депо. Стачники попробовали задержать ихъ, но вмѣшалась полиція и стачники безъ сопротивленія тотчасъ уступили ей. Зато не успѣвали кареты доѣхать до половины пути, какъ народъ, помогая стачникамъ, распрягалъ лошадей и ставилъ омнибусы поперекъ дороги. При этомъ, было нѣсколько потасовокъ; было даже двое убитыхъ, попавшихъ подъ колеса тяжелыхъ экипажей. Въ виду энергическаго участія толпы, полиція почла за лучшее воздержаться отъ слишкомъ ревностнаго усмиренія. Не было недостатка и въ смѣшныхъ эпизодахъ. Покинутыя кареты были биткомъ набиты прохожими, спасавшимися отъ дождя, а на имперіалѣ мальчишки давали даровыя представленія. На Place du Trône былъ остановленъ и распряженъ омнибусъ, въ которомъ возсѣдалъ одинокій пассажиръ—старый, сердитый господинъ. Онъ объявилъ, что будетъ сидѣть въ омнибусѣ хоть до голодной смерти: онъ заплатилъ три су, чтобы доѣхать до Бастиліи, и его довезутъ,—это его право. Такъ какъ никакія убѣжденія не дѣйствовали, народъ его поднялъ на ура и съ тріумфомъ, цѣлой шумною толпой, донесъ до назначенія, добрыхъ версты три. Скоро стачники такъ умудрились, что полиція принуждена была сама останавливать и возвращать обратно выѣхавшіе омнибусы. Они настояли на томъ, чтобы городовые требовали у импровизированныхъ кучеровъ предъявленья разрѣшенія отъ префектуры на управленіе омнибусомъ,—разрѣшенія, которое каждый кучеръ долженъ имѣть при себѣ. Требованіе было законное, полиція должна была его исполнить. А такъ какъ, разумѣется, бумагъ не оказалось ни у одного кучера, они должны были возвращаться въ депо.

Въ два часа дня, общество совсѣмъ спасовало, подобрало разбросанные по всему Парижу экипажи и закрыло двери депо. Между тѣмъ, стачкѣ отовсюду подавались знаки сочувствія; деньги присылались отъ синдикатовъ другихъ производствъ, отъ газетъ, отъ частныхъ людей. Гордонъ Бенеттъ, издатель «New York Herald», пожертвовалъ 20,000 фр. Муниципальный совѣтъ, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, обсуждалъ вопросъ объ отобраніи матеріала у общества и возстановленія движенія на счетъ города, на что́ контрактъ давалъ ему право. Противъ общества поднялся всеобщій бунтъ. Наконецъ, на второй день, администрація обратилась къ муниципальному совѣту съ просьбою о посредничествѣ: оно сдалось. Предварительные пункты соглашенія приняты въ томъ видѣ, въ какомъ они были формулированы на послѣднемъ митингѣ. На другое же утро, послѣ двухдневной остановки, движеніе омнибусовъ и конокъ возстановилось въ прежнемъ порядкѣ. Всѣ служащіе, безъ исключенія, явились на службу.

Переговоры съ признаннымъ синдикатомъ тотчасъ же начались. Стачники злились довольно долго; много труда стоило синдикату удержать

Digitized by Google

въ границахъ умѣренности и благоразумія нѣсколькихъ, упоенныхъ побѣдой участниковъ стачки. Особенно затруднительно было устроеніе судьбы низшаго персонала,—конюховъ, дворниковъ, мойщиковъ и т. п. Но, въ концѣ концовъ, около послѣднихъ чиселъ іюня, синдикатъ вполнѣ достигъ этого. Долго было бы перечислять статьи, по которымъ улучшилась судьба служащихъ. Ограничимся упоминаніемъ о главныхъ. Во-первыхъ, рабочій день былъ сведенъ на двѣнадцать часовъ, вмѣсто восемнадцати. Затѣмъ жалованіе было увеличено для всѣхъ разрядовъ служащихъ, особенно для низшихъ. Компанія приняла контроль синдиката надъ пенсіонною кассой и обязалась вносить равную сумму съ служащими, для ея пополненія. Тайные агенты были упразднены и штрафованному дана возможность оправдываться во взведенномъ на него обвиненіи. Штрафы всецѣло стали вноситься въ кассу вспомоществованія нуждающимся служащимъ. Результатъ былъ блистателенъ для рабочихъ. Онъ не могъ остаться безъ отголоска: скоро во всѣхъ большихъ городахъ Франціи возникло движеніе, тождественное съ парижскимъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣло обошлось полюбовно, какъ въ Тулузѣ; въ другихъ вспыхнули стачки. Въ Ліонѣ и Марсели они носили тотъ же характеръ спокойствія и организованности, какъ въ Парижѣ. Но въ Бордо, гдѣ предпринимателемъ конножелѣзныхъ дорогъ оказался иностранецъ,—англичанинъ,—произошли серьезныя столкновенія съ вооруженной силою; толпа неистовствовала и даже сожгла нѣсколько станціонныхъ будокъ. Надо замѣтить, что въ Бордо, какъ въ портовомъ городѣ, много пришлаго буйнаго народу. Слѣдствіе выяснило, что главные виновники безпорядка принадлежали къ этому пловучему населенію и что стачниковъ почти не оказалось между буйствующими. Во всѣхъ поименованныхъ городахъ движеніе разрѣшилось болѣе или менѣе значительными уступками со стороны обществъ.

Въ Парижѣ, служащіе двухъ другихъ конножелѣзнодорожныхъ обществъ тоже образовали синдикаты. Администраціи, безъ всякихъ затрудненій, вступили съ ними въ переговоры и согласились на двѣнадцатичасовой день, на признаніе синдиката, на нѣкоторыя требованія внутренняго порядка и на небольшое увеличеніе жалованія. Но, ссылаясь на скудость средствъ, сравнительно съ главнымъ обществомъ, онѣ сдѣлали очень мало уступокъ финансоваго характера.

Тѣмъ не менѣе, соглашеніе состоялось и казалось обезпеченнымъ. Но въ нѣдрѣ синдикатовъ глухо работали элементы, желающіе привести во что бы то ни стало къ стачкѣ. 29-го іюня, собрался снова митингъ. На немъ съ самаго начала было замѣтно возбужденное настроеніе присутствующихъ. Депутатъ Мёзюреръ, который предсѣдательствовалъ, открылъ засѣданіе рѣчью, въ которой призывалъ всѣхъ къ спокойному обсужденію, предостерегая собравшихся, что всякія опрометчивыя рѣшенія, всякія ненужныя крайности поставятъ общественное мнѣніе, столь необхо-

Digitized by Google

димое для успѣха дѣла, противъ синдиката. Прочтены были снова всѣ уступки, сдѣланныя обществами, причемъ явился посланный съ объявленіемъ о новыхъ уступкахъ, ради успокоенія умовъ. Стачка, однако, заранѣе рѣшена цѣлою группою агитаторовъ. Придравшись къ нѣкоторымъ подробностямъ тарифа жалованья, эта группа шумно протестовала при крикахъ: «стачка!», сначала изолированныхъ, а затѣмъ, казалось, всеобщихъ. Напрасно опять были произнесены примирительныя слова. Собраніе становилось бурнымъ; на успокоителей посыпались оскорбленія и предсѣдатель былъ принужденъ голосовать вопросъ о стачкѣ. Большинство оказалось за эту крайнюю мѣру; стачка была объявлена. Закрывая собраніе, Мёзюрёръ еще разъ предостерегъ стачниковъ: «стачка главнаго общества была вотирована единодушно, ваша же—только большинствомъ; дѣло идетъ о насущномъ хлѣбѣ многихъ изъ васъ, которые неминуемо пострадаютъ, если общество одержитъ побѣду». Но ему отвѣтили возгласами: «дѣло безповоротно! Большинство съумѣетъ заставить меньшинство покориться рѣшенію»!—Но большинство не съумѣло. На другое утро, въ воскресенье, кареты сѣвернаго и южнаго обществъ, хотя въ меньшемъ числѣ противъ обыкновеннаго, но все таки выѣхали въ обычный часъ, подъ сильнымъ прикрытіемъ полиціи. Стачники попробовали было остановить ихъ и распречь лошадей. Но сама публика, толпами отправляющаяся на воскресную загородную прогулку, громко изъявляла свое неодобреніе и не допустила до остановки движенія. Такимъ образомъ, стачка потерпѣла полную неудачу. Послѣдствіемъ ея были, разумѣется, репрессаліи администраціи общества, обрушившіяся на самые безпокойные элементы между служащими. Тѣмъ не менѣе, благодаря тому, что только меньшинство служащихъ не явилось на работу, хотя въ пользу стачки получилось большинство голосовъ, всѣ уступленныя льготы остались нетронутыми и признаніе синдиката не было отмѣнено. Это пораженіе принесло свою долю пользы. Удачный исходъ движенія въ главномъ обществѣ заставилъ рабочихъ всѣхъ категорій всмотрѣться въ свои нужды. Неудача второй стачки научила ихъ осторожности и благоразумію въ требованіяхъ.

III.

Одновременно съ описанными переворотами, броженіе началось и въ средѣ желѣзнодорожнаго штата. Нужно замѣтить, что этотъ штатъ дѣлится, вслѣдствіе самой сложности механизма этого рода сообщеній, на безчисленныя группы, функціи и интересы которыхъ очень различны, иногда даже противоположны другъ другу, не смотря на свою обоюдную зависимость. Поэтому, служащимъ трудно соединяться въ одинъ синди-

Digitized by Google

катъ. Тѣмъ не менѣе, этотъ синдикатъ существуетъ и группируетъ около себя 17 тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ 6,000 находится въ одномъ только Парижѣ. Но синдикатъ, вслѣдствіе разнообразія элементовъ, въ него входящихъ, не можетъ имѣть сильнаго вліянія. Съ точки зрѣнія желѣзнодорожныхъ компаній, служащіе распредѣляются на три группы, по важности исполняемыхъ обязанностей: машинисты и кочегары, замѣна которыхъ, въ случаѣ стачки, была бы почти невозможна; поѣздная и вокзальная прислуга, которую трудно, но возможно замѣнить скоро; наконецъ, чернорабочіе и мастеровые, персоналъ которыхъ не требуетъ спеціальной желѣзнодорожной подготовки и который можетъ быть набранъ или просто на улицѣ, или на всѣхъ механическихъ фабрикахъ и заводахъ. Первый разрядъ — машинисты и кочегары — какъ драгоцѣнный элементъ, составляетъ предметъ постоянныхъ заботъ не только компаніи, но и правительства. Еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, министръ путей сообщеній, Ивъ Гюйо, обратился съ циркуляромъ къ желѣзнодорожнымъ администраціямъ, требуя, для избѣжанія несчастій, могущихъ произойти отъ переутомленія машинистовъ, чтобы продолжительность работы для нихъ никогда не превышала двѣнадцати часовъ, съ десятичасовымъ непрерывнымъ отдыхомъ. Компаніи съ своей стороны не скупятся имъ на льготы, и они составляютъ обособленный синдикатъ. Поѣздная прислуга, хотя входитъ въ общій синдикатъ, но составляетъ также привилегированную группу. Понятно, что эти два разряда,— машинисты и кондукторы,—болѣе обезпеченные матеріально и занимающіе нѣкоторымъ образомъ почетное положеніе, въ большинствѣ случаевъ преданы компаніи, смотрятъ нѣсколько свысока на низшую братію и неохотно пристаютъ къ движеніямъ, а, напротивъ, скорѣе тормозятъ ихъ. Такъ было и теперь; агитація велась исключительно синдикатомъ рабочихъ, и хотя машинисты предъявляли нѣкоторыя претензіи,—главнымъ образомъ на неисполненіе въ точности компаніями предписанія министра, — но они вели свою агитацію отдѣльно. Сыръ-боръ загорѣлся въ «Орлеанской компаніи». Недружелюбно относясь къ рабочему синдикату, администрація этой желѣзной дороги стала разсчитывать рабочихъ, принадлежащихъ къ нему. Не станемъ излагать въ подробности ходатайствъ синдиката къ администраціи желѣзной дороги и къ министерству: эти ходатайства, какъ и вездѣ, относятся къ сокращенію рабочаго дня, къ увеличенію платы, къ улучшенію пенсіонной кассы и къ вопросамъ внутренней дисциплины. Рабочіе другихъ компаній пристали къ орлеанской, и заявили тѣ же требованія. Желѣзнодорожныя администраціи, твердо намѣрившись не уступать, давали уклончивые отвѣты. Министръ сначала совсѣмъ не принялъ делегацію, и только, когда въ дѣло вмѣшались нѣкоторые депутаты изъ буланжистовъ, согласился выслушать жалобы и обѣщалъ «ходатайствовать» передъ компаніей. Изъ этого хода-

Digitized by Google

тайства, конечно, ничего не вышло, и выйти не могло. Тутъ, какъ и во всѣхъ случаяхъ правительственнаго вмѣшательства въ дѣла желѣзныхъ дорогъ, обнаружилась слабость по отношенію къ большимъ компаніямъ, держащимъ въ своихъ рукахъ первостепенную государственную функцію, отъ которой зависитъ не только промышленная жизнь страны, но и оборонительная ея сила. Дѣла синдикальной камеры не двигались впередъ, отношенія къ администраціямъ обострялись все болѣе и болѣе, и наконецъ, въ началѣ іюля, было рѣшено прибѣгнуть къ стачкѣ. Машинисты и кочегары тотчасъ заявили свое полное несочувствіе этой мѣрѣ. Да и въ другихъ разрядахъ было мало единодушія: одни только мастеровые и перевозчики складовъ не явились на работу. Но на второй же день отсутствовала въ мастерскихъ лишь третья часть служащихъ, и то не на всѣхъ вокзалахъ. Между тѣмъ власть приняла энергичныя мѣры для обезпеченія безостановочнаго движенія. Батальонъ саперовъ былъ наготовѣ, чтобы замѣнить отсутствующую вокзальную прислугу. Въ опасеніи насильственныхъ покушеній со стороны стачниковъ, каждый поѣздъ снабжался конвоемъ, вокзалы были заняты войсками и около каждой стрѣлки стояли часовые. Къ большому удивленію парижанъ, ото всѣхъ вокзаловъ потянулись къ центральному рынку блестящіе отряды конныхъ гвардейцевъ, съ саблями на-голо. Президентъ ли республики ѣдетъ, высокихъ ли иностранныхъ гостей встрѣчаютъ? Нѣтъ, это — желѣзнодорожныя фуры, до верху нагруженныя корзинами съ утками, гусями и другими пернатыми, для дневнаго продовольствія города. Стачники на третій день сдались. Но послѣдствіемъ движенія все таки остались нѣкоторыя выговоренныя льготы и, главное, организованный союзъ.

Такъ окончилось широкое движеніе, охватившее разомъ міръ труженниковъ, живущихъ съ крупныхъ предпріятій перевозки въ Парижѣ и во всей Франціи. Движенія гораздо менѣе важныя проявились и въ другихъ большихъ учрежденіяхъ: газовщики, прислуга похоронной компаніи, служащіе на сенскихъ пароходахъ, даже служителя почтъ и телеграфовъ дебатировали свои интересы въ большихъ собраніяхъ и образовали синдикаты. Объ нихъ мы не будемъ говорить подробно, но остановимся нѣсколько дольше на труженикахъ мелкой индустріи, движеніе которыхъ, вслѣдствіе особенности ихъ положенія, значительно разнится отъ предъидущихъ.

IV.

Разница въ положеніи наемника мелкой промышленности отъ наемника крупныхъ компаній, главнымъ образомъ, лежитъ въ отношеніяхъ перваго къ хозяину. Хозяинъ рѣдко является его врагомъ. Онъ самъ—

Digitized by Google

бывшій рабочій, а рабочій мечтаетъ и готовится быть хозяиномъ. Плохія условія, гнетущія его, часто гнетутъ и хозяина: это—конкуренція, цѣна сыраго матеріала, закоренѣлыя привычки потребителя или нелѣпыя традиціи въ самой корпораціи. Другія неудобства, хотъ и не задѣваютъ хозяина, но онъ въ нихъ неповиненъ. Поэтому, часто хозяинъ ведетъ здѣсь одну борьбу съ рабочимъ или не имѣетъ причинъ противодѣйствовать его стремленіямъ. Словомъ, отношенія—въ большинствѣ случаевъ мирныя, и агитація рѣдко ведется противъ хозяина. Въ этой средѣ, какъ у рабочихъ, такъ и у хозяевъ, синдикаты очень развиты, но процвѣтаютъ больше у хозяевъ. Рабочіе синдикаты не находятъ достаточной почвы въ своей средѣ. Для этого нужно было бы имъ сдѣлаться практически-необходимыми учрежденіями, забравъ въ свои руки одну изъ насущныхъ нуждъ наемниковъ. Но какую? Она существуетъ и, къ несчастью, находится въ чужихъ рукахъ.

При раздробленности мелкой промышленности, вопросъ объ отысканіи мѣста для наемника и нахожденіи рабочихъ рукъ для нанимателя является трудно разрѣшимымъ безъ посредника. Центръ, гдѣ бы встрѣчались спросъ и предложеніе, необходимъ и тому, и другому. На основаніи этой нужды развилась цѣлая индустрія, дающая предпринимателямъ значительные барыши. Конторы для помѣщенія служащихъ существуютъ спеціально для каждаго ремесла. Подъ предлогомъ наблюденія за ихъ дѣйствіями, законъ создалъ имъ родъ монополіи, и хотя тарифъ, взимаемый ими за услуги, не можетъ превышать извѣстной нормы, онѣ всякими средствами достигаютъ эксплуатаціи рабочихъ и съумѣли поставить ихъ въ строгую зависимость отъ себя. Не разъ поднимался вопросъ объ этихъ конторахъ, не разъ требовали отъ правительства ихъ уничтоженія. Но правительство противъ нихъ совершенно безсильно: онѣ существуютъ на основаніи общихъ законовъ о свободѣ торговли, а создать противъ нихъ исключительный законъ—прецедентъ слишкомъ опасный. Отнять у нихъ монополію? Но это значитъ отказаться отъ всякаго надъ ними контроля, можетъ быть, не вызвавъ конкуренціи: дѣло это требуетъ особенныхъ средствъ и способностей, извѣстной изворотливости, громадныхъ знакомствъ. Все, что правительство могло сдѣлать, это—дать синдикатамъ право также заниматься пріисканіемъ мѣстъ и побудить городъ устроить при каждой мэріи даровую контору, гдѣ бы встрѣчались спросъ и предложеніе. Такой пальятивъ, однако, мало принесъ пользы. Конторы остались всесильными; хозяева продолжаютъ обращаться къ нимъ за рабочими, а рабочіе, по необходимости, къ нимъ же—за работой. На это существуетъ много причинъ. Во-первыхъ, конторы съумѣли забрать въ руки многихъ хозяевъ, доставляя имъ средства, необходимыя на первое обзаведеніе, или оказывая другія подобныя услуги. Затѣмъ они привлекли кліентовъ болѣе умѣлымъ отношеніемъ къ дѣлу, чѣмъ синдикаты или

Digitized by Google

конторы, учрежденныя при мэріяхъ. Хозяинъ,—положимъ, булочникъ,—нуждается въ работникѣ и обращается въ синдикатъ. Присутствующій тамъ членъ беретъ въ списокъ, изъ чувства весьма похвальной справедливости, того, который стоитъ на очереди, или того, который, наиболѣе нуждаясь въ работѣ, поддерживается насчетъ синдикальной кассы вспомоществованія. Въ мэріи дѣло ведется чиновниками, и потому еще болѣе автоматично. Въ девяти десятыхъ случаевъ, посланный работникъ не годится хозяину, и онъ долженъ требовать другаго, третьяго, пока нападетъ на то, что ему нужно.—Placeur же выработалъ себѣ въ этомъ отношеніи сноровку. Онъ знаетъ условія работы у хозяина и руководится не справедливостью въ очереди, а желаніемъ угодить, — съ одного намека пойметъ, чего отъ него требуютъ, и съумѣетъ скоро удовлетворить. Ночью заболѣлъ пекарь у булочника, placeur и ночью, въ какой нибудь часъ сроку, пришлетъ другаго, и работа не пострадаетъ. Зато онъ и пользуется своею силою, выжимая изъ рабочаго все, что можетъ, какъ мы увидимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи движенія для каждаго ремесла въ отдѣльности.

Начали булочники. Эта корпорація считаетъ въ Парижѣ и въ подгородныхъ предмѣстіяхъ 8,000 членовъ-работниковъ и 2,400 хозяевъ. Заработки у нихъ сравнительно хорошіе: отъ 45 до 110 франковъ въ недѣлю. Послѣдній высокій заработокъ принадлежитъ только пятистамъ рабочимъ, выдѣлывающимъ «вѣнскій» хлѣбъ, соотвѣтствующій тому, что въ Россіи называется «французскимъ». Они образуютъ четыре союза: синдикальная камера сенскихъ пекарей, синдикатъ «вѣнскихъ» пекарей, союзъ гренельскихъ работниковъ и, наконецъ, «компаньонское общество», самое многочисленное (500 членовъ),—старинное общество, устроенное на манеръ описанныхъ Жоржъ-Зандомъ и имѣющее свою «мать», у которой члены собираются. Но вообще союзы соединяютъ лишь меньшинство работниковъ. У хозяевъ одна лишь синдикальная камера, къ которой они принадлежатъ почти всѣ; внѣ ея остается не болѣе 300 булочниковъ. Для работниковъ существуетъ одиннадцать «bureaux de placements», сильно организованныхъ въ синдикатъ и держащихъ руку другъ друга. Официально, они требуютъ съ помѣщаемаго 10 фр. за мѣсто, но, по единодушному признанію рабочихъ, мѣста нельзя добиться, если не заплатить, сверхъ положеннаго, еще франковъ 10 или 20. Кромѣ того, они пользуются своимъ единствомъ для того, чтобы держать рабочихъ въ своей зависимости. Неуплатившій въ срокъ конторѣ, повредившій ей чѣмъ бы то ни было, не обратившійся къ ней въ теченіе 8 дней, т. е. старавшійся найти мѣсто помимо ея посредничества, не только получитъ впредь отказъ въ помѣщеніи отъ всѣхъ другихъ конторъ, но ему всячески будутъ мѣшать въ пріисканіи мѣста.

Въ зданіи рабочей биржи, 13 іюня, собрался митингъ, на которомъ присутствовало до 4,000 работниковъ-булочниковъ. На немъ были из-

Digitized by Google

ложены жалобы противъ частныхъ конторъ для нахожденія работы и обсуждены средства для борьбы съ ними. Было рѣшено обратиться къ правительству и къ муниципальному совѣту. Кромѣ того, была отправлена депутація въ синдикальную камеру хозяевъ-булочниковъ, чтобы просить ихъ содѣйствія. Хозяева радушно встрѣтили депутацію; но возразили, что конторы находятся внѣ круга ихъ дѣйствія: не обращаться къ нимъ они не могутъ ибо синдикаты рабочихъ не удовлетворяютъ ихъ требованіямъ. Но если рабочіе, поставивъ дѣло въ синдикатахъ лучше, сами не будутъ обращаться въ конторы за мѣстами, хозяева не только охотно, но и по неволѣ будутъ обращаться въ синдикаты. Представители рабочихъ союзовъ остались недовольны этимъ отвѣтомъ. Слишкомъ мало у нихъ членовъ, чтобы имѣть вліяніе на всю корпорацію, и для увеличенія своей силы имъ необходимо монополизировать посредничество между спросомъ и предложеніемъ. Тогда они сдѣлаются необходимыми и привлекутъ къ себѣ всѣхъ рабочихъ. Положеніе было слѣдующее: предложенный въ то время въ палатѣ законъ объ уничтоженіи конторъ не прошелъ; отъ ходатайства къ министру не вышло ничего; отъ переговоровъ съ хозяевами вышло очень мало. Началъ подниматься вопросъ о стачкѣ. Но чтобы эта стачка приняла дѣйствительно серьезный характеръ и принудила парламентъ склониться на уничтоженіе конторъ, булочники думали, что имъ собственныхъ силъ недостаточно, и постарались привлечь на свою сторону мясниковъ и бакалейщиковъ. У первыхъ ужь существуетъ синдикатъ, въ который входятъ 3,500 изъ 10,000 всѣхъ работниковъ этого ремесла въ Парижѣ. Недѣльная плата—не ниже 30 ф. въ недѣлю и доходитъ до 100. Мясники тоже сильно недовольны своими конторами, которыя, употребляя тѣ же средства закабаленія, берутъ за мѣсто вдвое дороже, чѣмъ у булочниковъ. Бакалейщики не имѣли синдиката; они его образовали для такого же протеста противъ конторъ и противъ нѣкоторыхъ внутреннихъ распорядковъ, обычныхъ въ ихъ ремеслѣ. Хозяева, напримѣръ, требуютъ, чтобы всѣ «молодцы» ложились спать тотчасъ послѣ закрытія лавки вечеромъ. Булочники искали поддержки и у корпораціи гарсоновъ въ ресторанахъ и кафэ. Въ Парижѣ 80 тысячъ такихъ гарсоновъ; они—наиболѣе обиженные изъ всѣхъ другихъ корпорацій, не смотря на свой синдикатъ, группирующій около себя 3,000 человѣкъ. Конторы требуютъ съ нихъ 5% годовыхъ, не съ жалованія, — они таковаго не получаютъ, а, напротивъ, платятъ еще хозяину отъ 2 до 4% со своихъ доходовъ, — но съ предполагаемой суммы получекъ на чай. Они давнымъ давно хлопочутъ объ уничтоженіи этого страннаго способа заработка и о замѣнѣ его правильною платой жалованья отъ хозяина. Еще одно обстоятельство составляетъ предметъ ихъ жалобъ: это — требованіе, чтобы они не носили усовъ и бороды, а только бакенбарды. Они находятъ это требованіе унизительнымъ: «Позвольте намъ, хоть внѣ нашихъ обязанностей, походить

Digitized by Google

на всѣхъ людей», — говорятъ они. Нельзя не согласиться со справедливостью ихъ протеста противъ этого клейма, вслѣдствіе котораго, — будь они одѣты, какъ угодно, — остаются все таки, по своей физіономіи, лакеями. Но обычай силенъ; ни одинъ хозяинъ ресторана не осмѣлился до сихъ поръ нанять усатыхъ гарсоновъ, и Маржери, — президентъ синдиката хозяевъ-ресторанщиковъ, содержатель одного изъ самыхъ крупныхъ заведеній въ Парижѣ, вполнѣ одобрившій требованіе гарсоновъ,—въ послѣднюю минуту не рѣшился однако ввести у себя это важное новшество.

Эти четыре корпораціи — булочники, мясники, бакалейщики и гарсоны — составили между собой обширный союзъ подъ названіемъ «союза продовольствія», для взаимной поддержки въ защитѣ своихъ интересовъ. Изъ него и вышла попытка стачки булочниковъ, продолжавшаяся три дня. Но передъ опасностью недостатка хлѣба въ столицѣ, правительство энергично вмѣшалось въ эту стачку и было поддержано общественнымъ мнѣніемъ и прессой. Всѣ окружные города получили заказы для доставки хлѣба. Версаль прислалъ 20 тысячъ кило, Сенъ-Жерменъ—2,000. Всѣ военныя пекарни стали работать усиленно. Изъ Ліона, Лилля, Бордо, Бельфора потянулись поѣзды, нагруженные солдатскими хлѣбами, и въ полдня для столицы былъ обезпеченъ привозъ въ одинъ милліонъ кило хлѣба. (Обыкновенное потребленіе доходитъ до полутора милліона). Булочники тогда благоразумно отступили, и Парижъ былъ спасенъ отъ голодовки.

Произошли также движенія въ средѣ парикмахеровъ, сапожниковъ, извощиковъ и въ нѣкоторыхъ другихъ ремеслахъ. Но они не представили ничего особенно характернаго и мы не будемъ о нихъ распространяться.

Позволительно теперь спросить себя: какое значеніе имѣли въ жизни мелкаго городскаго наемнаго люда движенія этихъ послѣднихъ мѣсяцевъ? Результатовъ, конечно, еще не видно. Ближайшія послѣдствія для иныхъ были удачны, для другихъ ничтожны. Но не въ нихъ лежитъ главный смыслъ. Французскій народъ избралъ для себя полную свободу, какъ modus vivendi. Но свободный режимъ — обоюдоострое оружіе: давая каждому возможность полной самодѣятельности, онъ въ то же время лишаетъ и покровительства власти. Французъ еще къ этому не привыкъ и постоянно это забываетъ; отсюда — такія частыя обращенія его къ правительству, въ трудныя минуты. Отъ этого предоставленія каждаго собственнымъ силамъ происходитъ иногда страшное угнетеніе слабаго сильнымъ и—какъ естественное послѣдствіе — болѣзненныя конвульсіи слабаго, достигающія иногда размѣровъ общественной опасности. Единственное спасеніе отъ этихъ несчастій — уравновѣшеніе силъ, которое достигается сплоченіемъ слабыхъ элементовъ общества. Тогда только возможно спокойное дебатированіе интересовъ между равными величинами, изъ которыхъ ни одна не сможетъ и не захочетъ угнетать другую. Послѣднее движеніе въ Парижѣ

Digitized by Google

произвело это сплоченіе. Оно оставило послѣ себя умноженные и усиленные синдикаты, соединеніе этихъ синдикатовъ въ обширные союзы, сознаніе между рабочими нѣкоторой солидарности интересовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оно пріучило этихъ рабочихъ, безъ увлеченій и крайностей, вглядываться въ свое положеніе, стремиться осторожно и спокойно къ достиженію цѣлей, мѣрило разумности которыхъ они научились искать въ общественномъ мнѣніи. Мы увѣрены, что въ этомъ лежитъ залогъ мирной выработки разумныхъ отношеній, выгодныхъ какъ для рабочаго, такъ и для хозяина.

Ж. де-К.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Совершеннолѣтіе французской республики. — Клерикалы и радикалы. — Демонстрація въ римскомъ Пантеонѣ и католическіе епископы. — Самоубійство Буланжэ. — Что такое буланжизмъ? — Успокоеніе Франціи и задиранія Германіи. — Представленіе Лоэнгрина. — Отмѣна паспортныхъ стѣсненій въ Эльзасѣ. — Русскій заемъ въ Парижѣ. — Клеветы нѣмецкой печати на Россію. — Благочестивые лютеранскіе пасторы и Балтійскій край. — Поѣздка русскаго министра въ Италію, встревожившая прусаковъ. — Русскіе великіе князья въ Италіи. — Бисмаркъ—защитникъ Россіи. — Заемъ эксъ-короля Милана въ русскомъ банкѣ. — Два юбилея нѣмецкихъ ученыхъ. — Наука и политика. — Берлинскіе высшіе чиновники, продающіе ордена. — Взрывъ динамитныхъ бомбъ въ Австріи. — Памятникъ задушеннымъ русскимъ солдатамъ. — Конгрессъ соціалистовъ въ Эрфуртѣ.

Подъ гулъ множества рѣчей, произносимыхъ министрами всѣхъ державъ и полныхъ самыми страстными увѣреніями въ безграничномъ миролюбіи, прошла почти незамѣтною рѣчь президента французской республики, сказанная на обѣдѣ, послѣ окончанія большихъ маневровъ въ западныхъ департаментахъ, гдѣ стотысячная армія производила тактическія эволюціи. Можетъ быть, рѣчь Карно обратила на себя меньше вниманія потому, что, въ то же время, начальствовавшій на маневрахъ генералъ Сосье, распуская войска, обратился къ нимъ съ рѣчью, и военный министръ Фрейсинэ также ораторствовалъ въ собраніи высшихъ чиновъ арміи и иностранныхъ военныхъ агентовъ. Всѣ они говорили чрезвычайно сдержанно, но твердо, на одну тему: Франція возвратила себѣ подобающее мѣсто въ ряду державъ и спокойно можетъ встрѣчать всякія невзгоды. Она пріобрѣла увѣренность въ себѣ и ищетъ только мира и труда. Но въ рѣчи президента республики была одна фраза, имѣющая важное историческое значеніе. Онъ сказалъ: «республика праздновала свое совершеннолѣтіе». Дѣйствительно, въ нынѣшнемъ іюлѣ она всту-

Digitized by Google

ила въ 22-й годъ своего существованія. Съ конца прошлаго вѣка—это первое французское правительство, достигнувшее такого почтеннаго возраста—столь же важнаго для нея въ политическомъ отношеніи, какъ наступленіе совершеннолѣтія для частнаго лица. «Никто не сомнѣвается теперь,—говорилъ Фрейсинэ,—что мы сильны: докажемъ же, что мы и благоразумны». Это постоящій патріотизмъ, безъ шовинистскаго подзадориванія, къ которому такъ склонны были французы наполеоновскихъ и даже послѣдующихъ временъ, подбадривавшіе себя припѣвомъ, гдѣ чередовались gloire и victoire, guerriers и lauriers. О французскомъ задорѣ, этой furia francese, которую нѣмцы нерѣдко думаютъ замѣнить названіемъ furia teutonica — нѣтъ теперь и помина, а между тѣмъ французская армія, по общему сознанію, и многочисленнѣе, и выдержаннѣе нѣмецкой. И марсельеза сдѣлалась не военной пѣснью, взывающей къ низверженію тиранніи, а гимномъ націи, говорящимъ о ея могуществѣ, — и вотъ почему, сознавая это, его слушаютъ съ непокрытой головой лица, нисколько не сочувствующія напыщеннымъ стихамъ Ружэ-де-Лиля. Двадцать лѣтъ употребила Франція на свое возрожденіе, не смотря на всѣхъ Макъ-Магоновъ, легитимистовъ и бонапартистовъ, тянувшихъ ее къ излюбленному деспотизму подъ разными формами монархизма, не смотря на распущенность правительства, дошедшую до того, что глава его дѣлился со своимъ зятемъ полученными взятками и заставившую одно время чуть не всю націю видѣть спасеніе въ военной диктатурѣ, олицетворенной, по счастію, въ незначительномъ и ни къ чему неспособномъ Буланжэ. Теперь, не смотря на сомнительное прошлое нѣкоторыхъ министровъ, кабинетъ дѣйствуетъ единодушно въ интересахъ страны, а въ палатѣ, засѣданія которой открылись съ октября, представители націи думаютъ больше о ея выгодахъ, а не о своихъ личныхъ. Всѣ партіи, всѣ журналы только и кричатъ теперь о воздержности, спокойствіи и солидарности. Когда-то Дантонъ, для спасенія Франціи, въ которую вторглись непріятели, взывалъ къ смѣлости; теперь всѣ взываютъ къ умѣренности. Увлеченія, безтактность извинительны въ дѣтствѣ,—они недостойны совершеннолѣтней націи. Уже давно замѣчались въ ней симптомы единенія, примиренія партій, конечно, кромѣ крайнихъ. Враги республики признавали ее не только какъ фактъ, но и какъ форму правленія, узаконенную большинствомъ. Даже католическое духовенство, всегда враждебное всякой твердой власти, не подчиняющейся непогрѣшимому папѣ, исполняло республиканскія постановленія. Пора положить конецъ личнымъ спорамъ и препирательствамъ, недостойнымъ великаго народа; пора заняться не парламентскимъ политиканствомъ, а политикою серьезною, широко либеральною, уважающею всѣ права, заботящеюся объ интересахъ массы.

Республику упрекали въ томъ, что она—правленіе партій. Теперь,

Digitized by Google

когда она достигла совершеннолѣтія, она должна быть правленіемъ всѣхъ французовъ. Не смотря на всѣ ея ошибки въ теченіе этихъ двадцати лѣтъ, ею не овладѣли ни комунары, ни радикалы, ни Макъ-Магонъ, ни принцъ Плонъ-Плонъ со своимъ блуднымъ сыномъ Викторомъ, ни буланжисты со своимъ генераломъ-маріонеткою, ни даже Бисмаркъ, сильно порывавшійся окончательно уничтожить націю, пока она не собралась съ новыми силами послѣ неслыханнаго погрома. Теперь главные враги республики — клерикалы и радикалы. Первые поднялись противъ правительства за инцидентъ въ римскомъ Пантеонѣ, вторыхъ не укротила и неожиданная смерть антипарламентариста — Буланжэ. Въ римскомъ дѣлѣ Франція дѣйствовала логически и законно. На поклоненіе папѣ являются, какъ извѣстно, католики всего міра, принося главѣ своей церкви посильную лепту, никогда не оскудѣвающую. Охотники поклоняться кому бы то ни было: ватиканскому узнику или Далай-ламѣ никогда не переведутся, и въ прошломъ мѣсяцѣ ихъ набралось въ Римѣ до ста тысячъ. Съ гимнами, хоругвями и всѣми блестящими аксесуарами производили они торжественныя процессіи по улицамъ вѣчнаго города, въ которомъ папѣ принадлежитъ только одинъ дворецъ съ садомъ; служили молебны по всѣмъ церквямъ. Большинство паломниковъ— всегда французы, являющіеся отдѣльными отрядами подъ предводительствомъ своихъ епископовъ. Часть такихъ поклонниковъ зашла и въ церковь Пантеона, гдѣ лежитъ прахъ освободителя и перваго короля объединенной Италіи, Виктора - Эмануила. Тамъ, не въ мѣру усердные паписты позволили себѣ дерзкія и грубыя выходки у гробницы, и не только кричали, но даже писали въ книгѣ посѣтителей: да здравствуетъ папа-король! Это тотчасъ же сдѣлалось извѣстнымъ и возбудило негодованіе въ народѣ. На улицахъ начались схватки съ паломниками, и многимъ сильно досталось за излишнюю преданность папскому престолу. Самъ Левъ XIII осудилъ неумѣстныя выходки своихъ приверженцевъ-французовъ, виновныхъ въ дикихъ демонстраціяхъ, и выслалъ ихъ изъ Рима, но такъ какъ они явились туда со своими епископами, то кабинетъ Констана, воспользовавшись правомъ, предоставленнымъ ему конкордатомъ, предложилъ епископамъ, циркуляромъ министра исповѣданій, не принимать отнынѣ участія въ римскихъ паломничествахъ безъ разрѣшенія правительства. Это распоряженіе не понравилось многимъ прелатамъ, не признающимъ за правительствомъ права давать имъ такія предписанія. Реймскій и анжерскій епископы прислали рѣзкіе отвѣты; сеезскій объявилъ, что правительство — въ рукахъ евреевъ, а одинъ отвѣтилъ, что не нуждается въ министерскихъ предписаніяхъ и самъ знаетъ, что ему дѣлать. Въ заключеніе онъ называетъ циркуляръ министра Фальера— «прискорбною и позорною глупостью». За это кабинетъ привлекъ его

Digitized by Google

къ суду, что и дало поводъ клерикаламъ кричать о притѣсненіяхъ правительства.

Буланжисты не успокоились и со смертью своего вождя, на котораго его самоубійство снова привлекло общественное вниманіе. Что бы ни говорили моралисты и законодатели, масса относится вездѣ съ участіемъ къ добровольнымъ дезертирамъ изъ этой жизни. Какъ ни антисоціально, какъ ни абсурдно подчасъ это участіе, но толпа всегда предпочитаетъ тѣхъ, кто самовольно покидаетъ жизнь,—тѣмъ, кто держится за нее, терпя всякія униженія. Надо, конечно, прежде всего знать: во имя чего человѣкъ рѣшается на самоубійство. Жизнь Буланжэ была также странна, какъ и его смерть. У него никогда не было ни далекихъ замысловъ, ни твердыхъ положеній. Онъ всегда дѣйствовалъ по прихоти случая. Почему его сегодня окружала популярность, почти слава, а завтра—забвеніе и незаслуженныя обвиненія? Онъ такъ и умеръ, самъ не объяснивъ себѣ причинъ такой перемѣны. Одаренный неблестящими способностями, но добродушіемъ, развязностью, умѣньемъ нравиться, онъ былъ смолоду весельчакомъ, любившимъ попить и подраться, какихъ во Франціи тысячи. Услужливый передъ начальствомъ, любезный со всѣми, особенно съ дамами, онъ былъ усерднымъ исполнителемъ по службѣ и быстро подвигался въ чинахъ, не создавая никакихъ плановъ въ будущемъ. На второмъ планѣ онъ былъ очень полезенъ, но ему поручили частичку правительственной власти, и онъ не отказался захватить ее какъ можно больше. Онъ стѣснялъ другихъ, потому что былъ все таки довольно крупною величиною среди мелкихъ ничтожностей. Нашли, что въ стадо втесался волкъ, начали его преслѣдовать, хотя въ этомъ бонвиванѣ не было ничего волчьяго, кромѣ апетита ко всѣмъ удобствамъ жизни, какія приносило преобладаніе надъ толпою. Пользоваться всѣми благами міра, доставляемыми популярностью—онъ былъ готовъ всегда; захватывать же власть, совершая государственный переворотъ—на это онъ былъ неспособенъ, и стоило правосудію пригрозить ему судомъ, какъ онъ удралъ въ Брабантъ, гдѣ больше всего его удивляло то, что Франція не присылаетъ ему короны или диктатуры и что этотъ непостоянный, неблагодарный народъ забылъ своего героя. Толпа измѣнила ему, остались женщины, особенно одна, затронутая болѣзнью, но истинно привязанная къ человѣку, котораго всѣ оставили. Эта идиллія пятидесятичетырехлѣтняго мушкетера со знатною дамою была послѣднею главою его романа, окончившагося театральнымъ самоубійствомъ надъ могилою возлюбленной. Два съ половиной мѣсяца послѣ ея смерти, онъ все чего-то ждалъ—можетъ быть, возвращенія счастливыхъ дней. Но политическая карьера его давно уже кончилась, а житейская драма становилась уже очень тяжела: со смертью г-жи де-Бонменъ, прекратились источники его доходовъ; онъ долженъ былъ жить пенсіей, выдаваемой разошедшеюся съ

Digitized by Google

нимъ женою. Это было унизительно, послѣ того какъ черезъ его руки проходили сотни тысячъ отъ монархистовъ, которыхъ онъ обманывалъ, вербуя приверженцевъ въ свою пользу. Но эти приверженцы разбѣжались при первой неудачѣ опереточнаго героя. Что же ему оставалось больше дѣлать, какъ не пустить себѣ пулю въ високъ на иксельскомъ кладбищѣ?

Что же такое былъ буланжизмъ во Франціи, въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ? Исторія его будетъ очень любопытна. Роль въ немъ самого Буланжэ была хоть и блестящая въ началѣ, но скоропреходящая. Виноваты въ ней всѣ тѣ, которые втолкнули въ политику этого обыденнаго солдата. Буланжизмъ былъ олицетвореніемъ недовольства массы современнымъ положеніемъ дѣлъ, отсутствіемъ въ правительствѣ твердыхъ принциповъ и сознательной системы. Буланжэ былъ не причиною буланжизма, а только поводомъ къ нему, не главою политической партіи, потому что на немъ соединились и католики, и роялисты, и соціалисты, а скорѣе выраженіемъ общественнаго настроенія въ данную минуту. Въ буланжизмѣ были и хорошія стороны, какъ необходимость пересмотра конституціи, уничтоніе безполезнаго сената, прекращенія зависимости министерствъ и управленія отъ парламентскихъ интригъ. Всего этого можно достигнуть и безъ диктатуры, но народъ думалъ видѣть въ «бравомъ генералѣ» безъимени, не одержавшемъ никакихъ побѣдъ, олицетвореніе національныхъ стремленій. Толпа не понимаетъ власти безъ блестящихъ парадовъ, гарцованія на конѣ и размахиванія саблею. Буланжэ отлично продѣлывалъ всѣ эти маневры и народъ принималъ его за цезаря. Но у цезаря не оказалось солдатъ, готовыхъ перейти за нимъ Рубиконъ, да и самъ генералъ не рискнулъ пригласить ихъ—сдѣлать этотъ переходъ. Орлеанистамъ и бонапартистамъ, подбивавшимъ его къ захвату власти, онъ твердилъ о законности и не смѣлъ рѣшиться на явное возстаніе, боясь пролить кровь и не имѣя за собою арміи, которую подкупалъ и спаивалъ герой 2-го декабря, подготовляя вторую имперію. Въ этомъ отношеніи Буланжэ все же лучше Луи-Наполеона, и если третьему цезарю не удалось уничтожить третью республику, это доказываетъ, прежде всего, что солдаты восьмидесятыхъ годовъ понимали лучше свой долгъ, чѣмъ армія 1851 года. Судьба Буланжэ даетъ хорошій урокъ заговорщикамъ и авантюристамъ, но удержитъ ли другихъ отъ попытокъ къ незаконному захвату власти—это трудно сказать. Народъ еще не сознаётъ своей массовой силы и легко подчиняется всякой единичной силѣ, даже призраку ея, какъ было съ Буланжэ. Но печальная участь, постигшая генерала, доказываетъ, по крайней мѣрѣ, что въ наше время не такъ скоро совершаются государственные перевороты, какъ сорокъ лѣтъ тому назадъ. И это уже большой шагъ впередъ.

Франція, повидимому, не опасается и не желаетъ теперь даже мини-

Digitized by Google

стерскаго переворота. Кабинетъ Констана былъ сочувственно встрѣченъ палатами, занявшимися, послѣ лѣтнихъ вакацій, обозрѣніемъ бюджета. Представители націи были очень довольны внутреннею и внѣшнею политикою министерства. Пріобрѣтя сочувствіе русскаго народа и правительства, французы стали спокойнѣе относиться къ грубымъ и задирательнымъ выходкамъ нѣмцевъ. Даже въ Эльзасъ-лотарингскомъ вопросѣ Пруссія должна была сдѣлать уступку общественному мнѣнію, смягчивъ паспортныя притѣсненія для французовъ, пріѣзжающихъ въ отторгнутыя провинціи. Эта отмѣна драконовскихъ постановленій служила вознагражденіемъ за рѣзкій отзывъ Вильгельма II о Франціи и Наполеонѣ I. Мнѣніе свое германскій императоръ высказалъ въ Эрфуртѣ, гдѣ во время первой имперіи нѣмецкіе монархи играли унизительную роль. Онъ назвалъ при этомъ Наполеона выскочкой. Этимъ выраженіемъ, передѣланнымъ потомъ офиціальною цензурою въ «завоевателя», называли сами себя и бывшій артиллерійскій поручикъ, и бывшій карбонарій, сдѣлавшіеся императорами, и въ словѣ «parvenu» нѣтъ собственно ничего оскорбительнаго. Гораздо оскорбительнѣе для достоинства прирожденныхъ монарховъ были ихъ заискиванія и плоская лесть передъ Наполеономъ, но вѣдь въ этомъ болѣе виноваты сами короли и герцоги и, во всякомъ случаѣ, это напоминаніе о времени первой имперіи, съ которымъ нынѣшняя республика не имѣетъ ничего общаго, было неудачно и неумѣстно. Французское правителъство и не обратило вниманія на эти странныя выходки застольнаго краснорѣчія и, вслѣдъ затѣмъ, доказало свое уваженіе къ выдающимся нѣмецкимъ дѣятелямъ, поставивъ на сценѣ парижской оперы «Лоенгрина» Рихарда Вагнера. Исполненіе этого произведенія композитора, написавшаго въ 1871 году ругательный памфлетъ противъ французовъ, парижскіе радикалы считали почему-то оскорбленіемъ націи и хотѣли помѣшать первому представленію оперы, но полиція приняла всѣ мѣры, оцѣпила театръ войсками, захватила подъ арестъ больше тысячи крикуновъ, выгнала изъ залы нѣсколькихъ буяновъ, мѣшавшихъ представленію,—и оно прошло спокойно, также какъ и въ слѣдующіе дни. Эта твердость правительства доказываетъ его силу, и хорошо, еслибы оно всегда дѣйствовало также логически и послѣдовательно, и не уступало требованіямъ анархистовъ, какъ сдѣлало недавно, остановивъ представленіе драмы «Термидоръ», за то только, что въ ней не восхвалялись добродѣтели Марата и Робеспьера.

Потеряла въ это время Франція еще одного изъ своихъ политическихъ дѣятелей—бывшаго президента республики Жюля Греви, такъ печально кончившаго свое административное поприще. Судьба этого человѣка также довольно странна и доказываетъ, что однихъ общественныхъ заслугъ мало, чтобы съ достоинствомъ занимать общественный постъ, не надо быть, сверхъ того, и порядочнымъ человѣкомъ. Греви погубили его

Digitized by Google

скупость и скопидомство, какъ Буланжэ—селадонство и безхарактерность. Сынъ простаго крестьянина, Греви, достигнувъ высшаго званія въ республикѣ, оставался все тѣмъ же черствымъ, разсчетливымъ мужикомъ, копившимъ деньгу и не только клавшимъ въ карманъ суммы, отпускаемыя ему на пріемы, балы и представительство, но и скупавшимъ дома въ Парижѣ, по которымъ онъ ходилъ самъ собирать съ жильцовъ деньги за квартиры. Если онъ даже и не дѣлился съ своимъ зятемъ взятками, какія тотъ получалъ за продажу орденовъ и доходныхъ мѣстъ, то во всякомъ случаѣ не могъ не знать о продѣлкахъ Вильсона и находить ихъ невинными, когда онѣ были засвидѣтельствованы уже на судѣ. И для чего копилъ деньгу этотъ 80-лѣтній старикъ, у котораго была всего одна дочь и громадное состояніе? Не была ли у него въ крови жадность къ пріобрѣтенію, заставившая его такъ постыдно покинуть президентское званіе? Только четыре года прожилъ онъ послѣ своей отставки и къ чему же послужили всѣ скопленные имъ милліоны?.. Чтебы увеличить состояніе его романтической дочки, промѣнявшей опернаго тенора на административнаго плута.

Не милліоны, а милліарды внесла Франція въ новый русскій заемъ—покрывъ въ $7^1/_2$ разъ подписку на 500 милліоновъ франковъ, и доказавъ этимъ свои симпатіи къ намъ не на словахъ, а на дѣлѣ. Заемъ этотъ имѣлъ огромный успѣхъ на парижской биржѣ, не смотря на всѣ происки германскихъ биржевиковъ и Альфонса Ротшильда, помѣшавшаго успѣху послѣдней конверсіи нашихъ бумагъ, позорно отказавшемуся отъ условій конверсіи, послѣ того какъ уже подписалъ ихъ. На этотъ разъ всѣ жидовскія интриги оказались напрасными, хотя нѣмецкая печать прибѣгала къ клеветѣ и патріотизму, увѣряя, что заемъ назначенъ на усиленіе вооруженій Россіи противъ Германіи и называя измѣнникомъ отечеству всякаго нѣмца, который подпишется на заемъ. Берлинскіе банкиры Мендельсонъ и Варшауеръ согласились подписаться на десять милліоновъ займа, но собственно для себя и съ тѣмъ, чтобы не открывать подписки для публики въ своихъ конторахъ. Понятно, что наше министерство финансовъ не захотѣло сдѣлать такой подарокъ для личныхъ выгодъ двухъ жидовъ и не открыло вовсе подписки въ Берлинѣ. Да это было и не нужно послѣ успѣха займа въ Парижѣ, Амстердамѣ, Лондонѣ, Копенгагенѣ. Но, не смотря на это, жиды Берлина и другихъ городовъ понижаютъ нашъ рубль всѣми средствами и за марку берутъ 48 копѣекъ, а не 40, какъ въ прошломъ году, и за франкъ 39 коп., а не 33. Хоть бы друзья наши французы понизили цѣну своей монетной единицы, чтобы повліять на нѣмцевъ, но на это плохая надежда: жиды всѣхъ странъ солидарны между собою и дѣйствуютъ единодушно, а на биржѣ преобладаютъ все таки нѣмцы, приносшіе намъ гораздо больше вреда своими союзами и дружбою, чѣмъ французы своими войнами съ нами. Стоитъ взять нѣ-

Digitized by Google

мецкія газеты какой угодно партіи, въ какое хотите время, чтобы видѣть, какими клеветами осыпаютъ Россію даже офиціальные органы. Вотъ что говорятъ буквально по поводу займа—консервативная Kreuzzeitung соціалистская Vorwärts и либеральная Vossische Zeitung: «Россія всегда была, есть и будетъ смертельнымъ врагомъ Германіи. Жестокая, варварская, лицемѣрная Россія—опаснѣйшій врагъ всякой европейской цивилизаціи. Участіе въ русскомъ займѣ есть ничто иное, какъ нравственная подлость (Ehrlosigkeit)». И это говоритъ дружественная намъ нація! Подобныя фразы встрѣчаются не только въ газетахъ, но и въ рѣчахъ пастырей народа, лютеранскихъ проповѣдниковъ. Вотъ что на дняхъ говорилось съ церковной каѳедры въ прусской Силезіи.

Во время богослуженія, придворный пасторъ изъ Берлина, Фаберъ, произнесъ проповѣдь «объ изгнаніи пророка Іереміи». Проповѣдникъ внушительно доказывалъ, какъ нужно нынѣ обличать нѣкоторыхъ государей, которые имѣютъ опасное стремленіе просыпать соль земли и готовы преслѣдовать пророка, находящагося между ними. «Въ особенности,—говорилъ Фаберъ,—мы обращаемся къ восточному сосѣду, который притѣсняетъ евангеликовъ и слушаетъ тѣхъ, которые злобно поступаютъ съ пророкомъ. Большую отвѣтственность онъ навлекаетъ на себя. Это такъ вѣрно, какъ вѣрно то, что есть на небесахъ праведный Богъ. Вѣрно, что наступитъ и долженъ наступить судъ надъ государствомъ, въ которомъ творятся такія дѣла, какъ, напримѣръ, съ евангеликами въ балтійскихъ губерніяхъ».

Цвѣты лютеранскаго духовнаго краснорѣчія, какъ извѣстно, неистощимы, и поискавши въ этихъ цвѣтахъ, можно найти еще лучшіе образчики, примѣнимые къ какому угодно случаю и положенію.

Если нѣмцы считаютъ нужнымъ вмѣшиваться въ наши внутреннія дѣла, то тѣмъ болѣе не оставляютъ безъ инсинуацій и кривотолковъ малѣйшій фактъ нашихъ международныхъ отношеній. Нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ поѣхалъ въ Италію къ своему семейству, проводившему тамъ осень, а потомъ отправился лѣчиться въ Висбаденъ. Зачѣмъ онъ былъ въ Италіи? Ясно, для того, чтобы попытаться оторгнуть эту страну отъ тройственнаго союза. Президентъ Рудини ѣздилъ въ Миланъ на свиданіе съ Гирсомъ. Новое преступленіе! Потомъ нашъ посолъ имѣлъ аудіенцію въ лѣтнемъ замкѣ короля Монца и завтракалъ у него. Все это—въ общемъ порядкѣ вещей, но нѣмецкія газеты и теперь не перестаютъ бить тревогу. «Vossische Zeitung» поднимаетъ на смѣхъ добродушіе и недальновидность тѣхъ газетъ, которыя въ миланскомъ свиданіи видятъ новую гарантію сохраненія европейскаго міра. По мнѣнію газеты, еслибъ Россія искренно желала мира, то г. Гирсъ заѣхалъ бы прежде въ Берлинъ и въ Вѣну, потому что для «разъясненія положенія», Германія и Австро-Венгрія являются гораздо болѣе важными и рѣшающими факторами, чѣмъ Италія. Дѣло-де въ томъ, что русская дипломатія домогается заручиться,

Digitized by Google

по крайней мѣрѣ, нейтралитетомъ Италіи. «Vossische Zeitung» надѣется, что Россіи это не удастся, но тутъ же высказываетъ полное недовѣріе къ заявленіямъ итальянскихъ офиціозовъ о непоколебимой вѣрности Италіи тройственному союзу. Вообще газеты, задавшіяся цѣлью въ каждомъ дипломатическомъ или иномъ шагѣ Россіи заподозривать воинственные замыслы, силятся увѣрить публику, что миланское свиданіе было попыткою перетянуть Италію на сторону Россіи и Франціи. «Neue Freie Presse» говоритъ:

«Россія и Франція чрезвычайно заинтересованы въ томъ, чтобы добиться отпаденія Италіи отъ тройственнаго союза и такимъ образомъ достигнуть въ Европѣ преобладающаго значенія. Полагать, что ради интересовъ общаго мира онѣ готовы отказаться отъ этой цѣли—значитъ приписывать этимъ двумъ державамъ такое самоотреченіе, на которое онѣ неспособны. Политики Россіи и Франціи должны въ силу вещей стремиться къ пріобрѣтенію дружбы Италіи, и если это теперь еще не состоялось, то состоится впослѣдствіи. Нѣтъ европейскаго дипломата, который не былъ бы убѣжденъ въ томъ, что въ Парижѣ и Петербургѣ желаютъ не равновѣсія, а перевѣса, а такъ какъ достигнуть этого можно только при содѣйствіи Италіи, то это вполнѣ указываетъ на путь, котораго должна держаться русская дипломатія. Французско-итальянскія отношенія слишкомъ натянуты для того, чтобы предложеніе руки Италіи могло исходить отъ Франціи; Россіи же, напротивъ, нетрудно выступать въ Римѣ женихомъ. Въ успѣхѣ мы, однако, сомнѣваемся».

Одною только Италіею ковы русской дипломатіи, по словамъ тѣхъ же газетъ, вовсе не исчерпываются. Великій князь Владиміръ Александровичъ, по случаю пребыванія съ семействомъ на морскихъ купаньяхъ въ Сан-Себастіанѣ, предпринялъ путешествіе по Испаніи. Онъ былъ и въ Мадридѣ подъ строжайшимъ инкогнито, хотя въ честь высокаго гостя производился смотръ войскамъ, и т. д. И это путешествіе великаго князя встрѣвожило берлинскую печать. Особенно недовольна имъ «Kreuz-Zeitung», видящая въ этой поѣздкѣ панданъ къ поѣздкѣ г. Гирса въ Миланъ. По мнѣнію газеты, въ Мадридѣ имѣется въ виду одна и та же цѣль—сближеніе обоихъ королевствъ съ Франціей и, слѣдовательно, съ Россіей. «Не подлежитъ сомнѣнію—восклицаетъ «Kreuz-Zeitung»—что Россія выступаетъ нынѣ въ роли примирительницы романскихъ націй».

Явная досада и опасенія феодально-піетистскаго органа въ значительной степени объясняются неудачными попытками со стороны Германіи привлечь Испанію къ тройственному союзу. За послѣднее время, объ этомъ было много рѣчи какъ въ германскихъ, такъ и во французскихъ и испанскихъ газетахъ. Одно время германскія газеты говорили о присоединеніи Испаніи къ тройственному союзу почти какъ о существующемъ фактѣ. Къ Испаніи нѣмцы стали вдругъ относиться съ особенною

Digitized by Google

сердечностью. По случаю недавнихъ народныхъ бѣдствій на Пиринейскомъ полуостровѣ организована была повсемѣстно въ Германіи подписка въ пользу пострадавшихъ друзей-испанцевъ. Самъ Вильгельмъ послалъ въ Мадридъ 20,000 франковъ при письмѣ къ королевѣ-регентшѣ, исполненномъ выраженій сочувствія къ Испаніи. Немного спустя, республиканская и оппозиціонная печать подняли страшный шумъ, утверждая, что Кановасъ-дель-Кастильо, дѣйствительно, будто бы собирается сдѣлать шагъ, къ которому такъ настойчиво приглашали его германскія газеты. Парижская печать тоже стала проявлять нѣкоторую тревогу, но въ концѣ концовъ послѣдовали со стороны испанскаго правительства недвусмысленныя заявленія въ томъ смыслѣ, что Испанія никакими обязательствами связывать себя не желаетъ и хочетъ поддерживать со всѣми государствами одинаково дружественныя отношенія.

Въ виду всѣхъ этихъ заподозриваній Россіи со стороны германской печати, представляетъ интересъ статья: «Германская печать и Россія», въ органѣ Бисмарка «Hamburger Nachrichten». Въ статьѣ выставляется на видъ, что германскія газеты, постоянно обвиняющія французскую печать въ шовинизмѣ и невѣжествѣ, сами обнаруживаютъ крайній шовинизмъ и невѣжество, коль скоро дѣло касается Россіи. Своими постоянными несправедливыми выходками противъ Россіи и русскихъ германскія газеты возстановили противъ Германіи сосѣдей и бывшихъ друзей и союзниковъ; въ значительной степени и франко-русское сближеніе, противъ котораго онѣ теперь такъ вопятъ, есть дѣло ихъ рукъ. Собственно о Россіи, объ ея государственной жизни, о русскомъ народѣ германская печать ничего не знаетъ, а судитъ, между тѣмъ, обо всемъ, притомъ систематически и сознательно уязвляя русское національное чувство. Русскіе давно уже замѣчаютъ, что все, что печатаютъ невѣрнаго и несправедливаго о нихъ самихъ и объ ихъ отечествѣ, нѣмцы безусловно принимаютъ на вѣру. Печать распространяетъ самыя нелѣпыя понятія о Россіи, не говоря уже о той ея части, которая систематически занимается политическою травлею Россіи и всего русскаго. Это—прискорбное явленіе, тѣмъ болѣе, что Россія вовсе не питаетъ воинственныхъ замысловъ противъ Германіи и, конечно, не станетъ воевать съ ней ради французскихъ интересовъ. Ни къ какому реваншу Россія противъ Германіи не стремится; отмежевать себѣ кусокъ германской земли она и въ виду имѣть не можетъ; поляковъ у нея и безъ того вдоволь—изъ-за чего же она пойдетъ войною на Германію? Еслибъ германская печать имѣла это постоянно въ виду и не раздражала систематически русскихъ, то взаимныя отношенія обѣихъ имперій были бы, вѣроятно, иныя. Шовинизмъ и невѣжество германской печати наносятъ громадный вредъ странѣ и было бы очень желательно, чтобы она излѣчилась, наконецъ, отъ своей безграничной руссофобіи. Бисмаркъ, однако, не надѣется на это и полагаетъ, что нѣмец-

Digitized by Google

кая печать ненавидитъ Россію. Она не пропускаетъ безъ инсинуаціи даже такихъ мелкихъ фактовъ, какъ позаимствованіе бывшимъ королемъ Миланомъ денегъ изъ русскаго банка.

Извѣстіе о выданной волжско-камскимъ банкомъ экс-королю Милану ссудѣ вызвало какъ въ самомъ Бѣлградѣ, такъ и въ заграничной печати оживленные толки и разнообразныя догадки. Что экс-король нуждался въ деньгахъ—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, но возбуждаетъ удивленіе фактъ, что ему удалось добыть крупную сумму именно въ Петербургѣ, гдѣ онъ не пользуется особою популярностью. Бѣлградскій корреспондентъ «Temps» телеграфируетъ, что толки вызваны были въ особенности слѣдующимъ обстоятельствомъ: стоимость принадлежащихъ Милану Обреновичу недвижимыхъ имуществъ, отданныхъ подъ залогъ банку,—предполагая, что они еще раньше не были гдѣ нибудь заложены,—едва достигаетъ половины ссуды. Обстоятельство это особенно встревожило вѣнскія газеты: «Neue Freie Presse» увѣряетъ, будто бы имѣется дѣло съ замаскированной русской субсидіей бывшему сербскому королю, которой онъ добился, благодаря данному имъ обязательству, что вскорѣ онъ торжественно откажется отъ всѣхъ своихъ правъ, а именно: отъ всякаго дальнѣйшаго вмѣшательства въ дѣло воспитанія юнаго короля, отъ королевскаго титула, отъ генеральскаго чина и т. д. Газета утѣшаетъ себя надеждою, что авось опекуны короля Александра не согласятся на такую сдѣлку.

Германія праздновала два юбилея двухъ своихъ ученыхъ: Вирхову и Гельмгольца. Ученый Гельмгольцъ произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, съ титуломъ «Excellenz», при обстоятельствахъ нѣсколько странныхъ и во всякомъ случаѣ неожиданнаго свойства. Даруя маститому ученому это высокое отличіе, германскій императоръ объяснилъ, что новый дѣйствительный тайный совѣтникъ заслужилъ отличіе своимъ совершеннымъ устраненіемъ отъ политики. Выходитъ такимъ образомъ, что Гельмгольцъ награжденъ не столько за свои громадныя ученыя услуги, сколько за свой политическій индиферентизмъ. Становится понятнымъ, почему не удостоился подобнаго же отличія другой, гораздо болѣе знаменитый германскій ученый—Вирховъ. Императоръ Вильгельмъ II воздержался отъ всякаго участія въ чествованіи ученыхъ заслугъ Вирхова, происходившемъ въ Берлинѣ при обстановкѣ, показавшей, какъ высоко чтитъ научныя заслуги этого свѣтила нѣмецкой науки не только вся Германія, но и вся мыслящая Европа. Вирховъ не отличается политическимъ добронравіемъ. Онъ, какъ настоящій гражданинъ, принимаетъ также участіе и въ политическихъ дѣлахъ своего отечества, а между тѣмъ императоръ воздаетъ похвалы одному ученому и дѣлаетъ строгій выговоръ другому. Врядъ ли это безпристрастно.

Digitized by Google

А между тѣмъ «судъ есть все таки и въ Берлинѣ» и онъ относится безъ поблажки даже къ высокопоставленнымъ лицамъ.

Дѣйствительный тайный совѣтникъ (geheimer Hofrath) и кавалеръ многихъ орденовъ, прусскихъ и иностранныхъ, Манше приговоренъ берлинскимъ окружнымъ судомъ къ девятимѣсячному тюремному заключенію за взяточничество, и во время его двухдневнаго процесса судебнымъ слѣдствіемъ выяснены факты, куда не выгодные для репутаціи прусскихъ придворныхъ сановниковъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, разбогатѣвшему, благодаря биржевымъ спекуляціямъ, фабриканту Томасу пришло въ голову желаніе заполучить чинъ, приличествующій его милліонамъ. Немедленно нашлись свѣдущіе и услужливые люди, посовѣтовавшіе честолюбивому спекулянту обратиться къ протекціи Манше, увѣряя, что стоитъ отправить къ этому вліятельному сановнику, завѣдывавшему въ то время частными капиталами императора, 30,000 марокъ для благотворительныхъ цѣлей, съ приложеніемъ 5,000 въ особомъ конвертѣ безъ назначенія цѣлей, то патентъ на званіе комерціи совѣтника очутится въ самомъ непродолжительномъ времени у отправителя. Томасъ такъ и поступилъ. Онъ передалъ 30,000 марокъ лично Манше, а 5,000 агенту Мейеру для уплаты дѣйствительному тайному совѣтнику и кавалеру вознагражденія за его труды при достазленіи желаннаго чина. Уплативъ требуемую сумму, почтенный биржевой спекулянтъ считалъ себя вправѣ требовать немедленнаго доставленія купленнаго товара,—то есть патента. Однако, прошло 6 недѣль и Томасъ поставилъ вопросъ ребромъ: пришли патентъ на званіе комерціи совѣтника или отдай мои деньги! Послѣ долгихъ колебаній, Манше рѣшился на послѣднее и отослалъ, скрѣпя сердце, Томасу полученныя отъ него деньги, но, однако, въ размѣрѣ не 35,000, а лишь 20,000 марокъ, и къ тому же въ долгосрочныхъ бумагахъ прусскаго консоля. Недостающія 10,000 были уже переданы, по его словамъ, для благотворительныхъ цѣлей, фрейлинѣ императрицы, графинѣ Гаake. Этому увѣренію Томасъ, конечно, не повѣрилъ, хотя и получилъ въ это время орденъ «Короны». Онъ пригрозилъ Манше формальной судебной жалобой, и тогда лишь, послѣ долгихъ колебаній и переговоровъ, послѣдовала выдача 10,000 марокъ, безъ его вѣдома, испуганной госпожей Манше и ея сыномъ. Вотъ исторія этого процесса. Безъ сомнѣнія, послѣ выдачи денегъ все обошлось бы благополучно и всѣ лица, замѣшанныя въ куплю-продажу орденовъ и титуловъ, продолжали бы жить въ мирѣ и согласіи, еслибы слухи о некрасивой торговлѣ не проникли въ публику. Въ политическихъ брошюрахъ полемическаго характера появились такіе прямые намеки и указанія на противозаконныя дѣйствія Манше, что онъ принужденъ былъ выйти въ отставку. Наконецъ, привлечено вниманіе и прокурорскаго надзора на неумолкавшія печатныя обвиненія, и началось слѣдствіе, кончившееся вышеприведеннымъ приговоромъ.

Digitized by Google

Особенно интересны и характеристичны свидѣтельскія показанія, разоблачившія, во время судебнаго слѣдствія, массу лицъ, знающихъ о существованіи торговли чинами и орденами. Какъ оказалось, въ эту систематическую торговлю замѣшаны были весьма важныя лица, до бывшаго государственнаго министра (Staatsminister) Биттера включительно, который, по словамъ агента Когена, лично помогавшаго ему при денежныхъ счетахъ съ ростовщиками, во все время своей служебной карьеры и послѣ выхода въ отставку, занимался доставленіемъ (Vermittelung) всевозможныхъ знаковъ отличія, получая за это доставленіе болѣе или менѣе крупныя суммы. Таково развращеніе высшаго берлинскаго чиновничества, благодаря жидовскому вліянію. Дѣйствительно, всѣ агенты, переносчики взятокъ — жиды, да и самъ Манше — еврейскаго происхожденія.

Нѣкоторыя берлинскія газеты изъ консервативныхъ возмущаются тѣмъ, что судъ выставилъ испорченность высшаго чиновничества, какъ бы на показъ публикѣ, и утверждаютъ, что подобная откровенность на руку соціаль-демократамъ и способна увеличить число ихъ приверженцевъ. Но намъ, наоборотъ, весьма отраднымъ кажется поведеніе берлинскаго прокурорскаго надзора, вновь доказавшаго, что германская юстиція не останавливается ни передъ чѣмъ для доставленія торжества справедливости и что нѣмецкіе законы равны для богатыхъ и бѣдныхъ, знатныхъ и ремесленниковъ. Честь и слава прокурору г. Гоппе за его энергическое безпристрастіе и безпощадно-справедливое поведеніе не только въ этомъ, но и во многихъ другихъ, надѣлавшихъ менѣе шуму, но не менѣе важныхъ случаяхъ.

Хорошую сторону имѣетъ процессъ Манше и потому, что неоспоримо доказываетъ существованіе нечестныхъ лицъ и взяточничества среди нѣмецкаго чиновничества и, быть можетъ, научитъ нѣмецкую печать быть поскромнѣе и не воображать, что Германія населена исключительно ангелами честности и добродѣтели.

Австрійскій императоръ не очень доволенъ своей поѣздкой на выставку въ Прагу, гдѣ онъ, конечно, и не вспомнилъ о своемъ обѣщаніи, данномъ уже лѣтъ десять тому назадъ, короноваться чешскимъ королемъ, зато выразилъ неудовольствіе, что чехи не хотятъ войти въ соглашеніе съ нѣмцами, то есть отказаться отъ своего языка и своихъ гражданскихъ и политическихъ правъ. На возвратномъ пути Франца Іосифа, у станціи Розенталь взорвало, передъ проѣздомъ его, часть желѣзной дороги. Виновниковъ, конечно, не нашли; кто они: анархисты ли, или слишкомъ усердные нѣмцы, дѣлавшіе первое предостереженіе императору за его уступки чехамъ? Динамитныя бомбы, разрушившія рельсы за полсутки до проѣзда императора, такъ и перешли въ область историческихъ загадокъ.

Близъ Вѣны, въ прошломъ мѣсяцѣ, открыли русскій памятникъ, еще разъ подтвердившій, какіе ужасы происходятъ на войнѣ — и остаются

Digitized by Google

безнаказанными. Въ Мелькѣ, въ недалекомъ разстояніи отъ Вѣны, состоялось 4 октября военное торжество, напоминающее бывшее на дняхъ въ самой Вѣнѣ вынутіе изъ могилы и перенесеніе тѣла французскаго генерала Лассаля. Съ 1805 г., на обширномъ лугу близь Мелька зарыты въ общей могилѣ 300 русскихъ воиновъ, умершихъ въ ночь на 14 декабря ужасною смертью: всѣ они задохлись въ казематахъ, гдѣ содержались взявшими ихъ въ плѣнъ французами. Несчастныхъ жертвъ войны поспѣшно предали всѣхъ вмѣстѣ землѣ на упомянутомъ лугу и вспомнили о нихъ лишь послѣ того, какъ кончилась тревожная эпоха наполеоновскихъ войнъ. По попеченію и на средства мелькскихъ монастыря и общины, простой деревянный крестъ былъ воздвигнутъ надъ курганомъ, который еще раньше народъ окрестилъ названіемъ «Русской могилы». Когда крестъ приходилъ въ ветхость, монахи ставили новый и ежегодно, въ день трагической смерти русскихъ солдатъ, убирали могилу цвѣтами и служили панихиды. Теперь, на мѣстѣ скромнаго деревяннаго креста, красуется великолѣпный памятникъ, изваянный мѣстнымъ скульпторомъ. Памятникъ состоитъ изъ большаго креста изъ чернаго лигнита. На среднемъ медальонѣ и пьедесталѣ слѣдующая надпись на двухъ языкахъ:

«Вѣчная память 300 русскимъ воинамъ, здѣсь, въ Мелькѣ, въ 1805 г. почившимъ и на этомъ мѣстѣ погребеннымъ.

«Больше сея любви никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя.

«Сооруженъ по высочайшему повелѣнію въ 1891 г.»

На открытіе памятника прибыли изъ Вѣны: чины русскаго посольства, военный агентъ, протоіерей и проч. Австрійская армія была представлена офицерами всѣхъ родовъ оружія съ генералъ-майоромъ Бекомъ. Все это произошло очень торжественно — но кто же былъ виною страшной смерти задушенныхъ солдатъ? Исторія войны 1805 года, сообщая о наполеоновскихъ подвигахъ, ничего не говоритъ, конечно, о такомъ ничтожномъ событіи...

Въ Эрфуртѣ, богатомъ историческими воспоминаніями, засѣдалъ конгрессъ германскихъ соціалистовъ. Конгрессы соціалистовъ въ Германіи начинаютъ пріобрѣтать характеръ постояннаго соціалистическаго парламента. Въ прошломъ году, онъ собиралися въ Галле; въ нынѣшнемъ засѣдалъ въ Эрфуртѣ; въ будущемъ—соберется въ другомъ мѣстѣ. Парламентскій характеръ эти конгрессы имѣютъ не только потому, что созываются ежегодно въ установленный срокъ, но что и пополняются они, какъ представительныя собранія, а при обсужденіи стоящихъ на очереди вопросовъ соблюдается чисто парламентская процедура. Какъ и парламенты, конгрессъ соціалистовъ также подраздѣляется на три главныя группы: правую сторону, центръ и лѣвую. Центръ—самая многочисленная и вліятельная партія, а члены ея группируются вокругъ

Digitized by Google

знаменитаго въ своемъ родѣ тріумвирата: Бебель-Либкнехтъ-Зингеръ. Во главѣ правой стоитъ баварецъ Фольмаръ, а лѣвую—образуютъ, такъ называемые, «молодые». Партіи отличаются другъ отъ друга только тѣмъ, что правая, относительно средствъ къ достиженію цѣли, имѣетъ менѣе революціонный характеръ, чѣмъ центръ, а послѣдній въ свою очередь далеко не раздѣляетъ идей «молодыхъ», требующихъ, чтобы позиція была взята съ боя. Однако, относительно самой цѣли, можно сказать, что всѣ три партіи расходятся во взглядахъ лишь въ подробностяхъ. Изъ выработанныхъ ими программъ видно, что въ концѣ концовъ всѣ три партіи стремятся не къ уничтоженію капитала, но къ упраздненію капиталистовъ. Кромѣ того, каждая программа подраздѣляется на двѣ части: политическую и экономическую, причемъ первой, вообще, присвоено особенно важное значеніе. Давно уже извѣстно, что у германскихъ соціалистовъ есть политическая программа и что она выработана на конгрессѣ въ Готѣ, но о ней до сихъ поръ мало говорилось и политическая цѣль прикрывалась требованіями въ экономической области, касающимися улучшенія быта рабочихъ во всѣхъ отношеніяхъ и предъявляемыми къ государству, которое отчасти уже удовлетворило ихъ и издало по этому предмету цѣлый сводъ законовъ, Arbeiterschutz-gesetzgebung. Со времени, однако, отмѣны законовъ о соціалистахъ, вожди ихъ почли возможнымъ высказываться опредѣленнѣе и относительно политическихъ цѣлей, преслѣдуемыхъ партіей, и въ этомъ-то именно отношеніи нынѣшній соціалистическій конгрессъ и представляетъ особый интересъ. Какъ въ проэктѣ главнаго комитета (центръ), такъ и въ контрпроэктахъ, внесенныхъ другими группами, преобладаетъ идея, что всѣ усилія соціалистовъ должны быть направлены къ тому, чтобы завладѣть государствомъ. Еще на международномъ соціалистическомъ конгрессѣ въ Брюсселѣ было рѣшено, что отличнымъ для этого средствомъ является всеобщая подача голосовъ и этимъ орудіемъ германскіе соціалисты и намѣреваются пользоваться, для того чтобы не уничтожить государство, а преобразовать его въ соціалистическомъ смыслѣ и духѣ. Планъ этотъ подвергнется, быть можетъ, измѣненіямъ, исправленіямъ, дополненіямъ, но уже теперь ясно, что лозунгомъ германскихъ соціалистовъ будетъ служить отнынѣ не «государственный соціализмъ», а «соціалистическое государство».

Конгрессъ намѣревается доказать правительствамъ, что сохраненіе мира не только желательно, но и возможно; онъ же предполагаетъ изыскать средства, благодаря которымъ достиженіе этихъ цѣлей окажется возможнымъ, и выяснить, до какой степени слѣдуетъ прибѣгать къ третейскому суду или къ другому средству въ самыхъ затруднительныхъ случаяхъ. Баронесса Зуттнеръ,—извѣстный авторъ романа: «Долой оружіе»,

Digitized by Google

надѣлавшаго такъ много шуму во всей Европѣ и переведеннаго въ «Наблюдателѣ»,—пожертвовала для цѣлей конгресса мира тысячу гульденовъ.

На первыхъ же засѣданіяхъ конгресса обнаружилось, что оппозиція не обладаетъ никакою силою и что громадное большинство членовъ соціалистическаго парламента слѣпо повинуется своимъ вождямъ: Бебелю, Либкнехту и Зингеру, и дѣйствуетъ, какъ одинъ человѣкъ. Преніями руководилъ Зингеръ, пользующійся, странно сказать, громаднымъ авторитетомъ среди соціалистовъ отчасти вслѣдствіе своего богатства. Зингеръ, владѣлецъ извѣстнаго магазина модныхъ вещей, располагаетъ капиталомъ въ семь милліоновъ марокъ. Кромѣ 40 тысячъ, которыя онъ оставляетъ для себя, весь доходъ съ капитала онъ посвящаетъ на нужды партіи. При всемъ томъ, въ обращеніи со своими служащими и рабочими еврей Зингеръ—настоящій кулакъ и деспотъ. Свой крутой нравъ онъ проявилъ, руководя преніями на конгрессѣ, и въ значительной степени большинство обязано ему тѣмъ, что крайняя лѣвая понесла такое пораженіе, что вынуждена была выйти изъ залы засѣданій. Правда, что эта опозиціонная фракція не располагаетъ ни талантами, ни численностью. Всѣ эти Вернеры, Шмальфельды, Ауэрбахи и Луксы—пигмеи сравнительно съ Бебелемъ, Либкнехтомъ, Ауэромъ и Зингеромъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Настольный энциклопедическій словарь. Изданіе Гарбеля и К°. Москва. Выпуски XIV—XVIII.

Мы уже говорили о первыхъ выпускахъ этого «Словаря»; наше мнѣніе не измѣнилось и послѣ разсмотрѣнія послѣдующихъ выпусковъ. «Словарь», какъ по всему видно, составленъ до крайности небрежно, безъ знанія дѣла, съ массой ошибокъ и недосмотровъ. Портреты и рисунки, въ большинствѣ случаевъ, отвратительны и, очевидно, выбраны случайно. Такъ, напримѣръ, помѣщенъ портретъ Брустра (?), а статьи объ этомъ загадочномъ Брустрѣ въ словарѣ не обрѣтается; затѣмъ, въ словарѣ, подъ рубрикой Брухъ, помѣщены: Іог. Фр. Брухъ, протестантскій богословъ (1792—1874), и Максъ Брухъ, композиторъ (1838); тутъ же помѣщенъ и портретъ Бруха, но котораго: богослова или композитора?—неизвѣстно. Впрочемъ, судя по одеждѣ, должно быть, композитора. Этотъ композиторъ Брухъ—очень посредственный композиторъ, почти никому неизвѣстный, такъ что неизвѣстно, зачѣмъ составителямъ словаря понадобилось помѣщать его портретъ, въ то время какъ портретовъ болѣе извѣстныхъ и замѣчательныхъ композиторовъ въ «Словарѣ» не имѣется.

Digitized by Google

Большая путаница происходитъ также относительно правописанія. Такъ напримѣръ, англійскій государственный дѣятель конца прошлаго вѣка Боркъ (Burke) помѣщенъ подъ названіемъ Бурке, хотя въ скобкахъ и сказано, что слѣдуетъ произносить Бэркъ. Затѣмъ, министръ королевы Елизаветы, Борлей (Burleigh), является превращеннымъ въ Бурлейга. Знаменитый англійскій актеръ временъ Шекспира, Барбеджъ, отсутствуетъ. До какой степени «Словарь» составленъ небрежно, видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго: англійскій поэтъ Броунингъ (Робертъ) помѣщенъ дважды: во-первыхъ, подъ именемъ Браунинга, во-вторыхъ, подъ именемъ Броунинга, причемъ въ первомъ случаѣ онъ характеризованъ такъ: «замѣчательный англійскій поэтъ, отличается оригинальностью, но и странностями; *написалъ* драмы и поэмы»; а во второмъ: «англійскій поэтъ, образованіе получилъ въ лондонскомъ университетѣ и впервые выступилъ съ повѣстью въ стихахъ: «Pauline», за нею послѣдовала драма: «Парацельсъ», гдѣ онъ старается оправдать этого шарлатана натуръ-философа (?), потомъ «Страффордъ», «Мужчины и женщины», и пр.». Подъ словомъ Буржэ, упоминаются какія-то французскія мѣстечки и деревни, а писателя-беллетриста Буржэ нѣтъ. То же самое случилось и со словомъ Бонеръ. Извѣстная французская художница Роза Бонеръ удостоилась чести два раза попасть въ «Словарь»: подъ рубрикой Бонеръ! гдѣ объ ней сказано, что она училась у Реймонда Б., живетъ въ Фонтенбло и мастерски изображаетъ животную жизнь (?), а подъ рубрикой Бонэръ,—что она живетъ въ Парижѣ. «Ея живопись животныхъ (?) отличается правильностью и точностью выраженія». Такихъ курьезовъ можно было бы набрать очень много.

Сочиненія М. Ю. Лермонтова: изданіе В. Рихтера, подъ редакціею *П. А. Висковатаго* (Москва, 6 томовъ), Павленкова, редакція *А. Скабичевскаго*; журналовъ: «Нива», редакція *А. Введенскаго* (2 т.), «Живописнаго Обозрѣнія», редакція *П. Быкова* (2 т.), «Свѣта», «Колосьевъ», «Луча»; Елисаветы Гербекъ, редакція *И. Болдакова* (5 том. Москва), Ѳ. Анскаго: «Общедоступное» (1 т. Москва), неизвѣстнаго (Москва, 3 т.), художественное изданіе Кушнерева, съ рисунками, редакція *Н. Буковскаго*, «Дешевая библіотека» А. Суворина, Іогансона, редакція *К. Арабажина* (Кіевъ. 1 томъ), Муллера, подъ редакціею *Сильчевскаго*, «Семейной библіотеки» въ Москвѣ (изд. Сытина); два изданія въ Одессѣ.

Итого—семнадцать изданій нашего перваго, послѣ Пушкина, поэта, вышедшихъ почти одновременно. Какое блестящее доказательство народной любви къ поэту, уваженія къ его памяти! Имена присяжныхъ библіографовъ, въ соединеніи съ фирмами извѣстныхъ книгопродавцевъ—и все это изданія «полныя», «полнѣйшія», тщательно свѣренныя по рукописямъ, исправленныя во всѣхъ отношеніяхъ, доступныя для всѣхъ

Digitized by Google

классовъ общества, цѣною отъ пяти рублей до шестидесяти копѣекъ; средняя цѣна цѣлковый-рубль за всего Лермонтова. Это ли еще не популярный поэтъ, это ли не безкорыстіе издателей! И, между тѣмъ, на вопросъ: которое же изданіе лучше? отвѣтъ очень затруднителенъ — до того всѣ они неудовлетворительны, полны опечатокъ, ошибокъ, пропусковъ, искаженій. Имѣются даже редакторы, благосклонно принявшіе на себя трудъ исправлять стихи Лермонтова, и негодующіе на тѣхъ, кто сомнѣвается въ приличіи и умѣстности подобныхъ поправокъ. Въ газетахъ возникла даже полемика о томъ, кто изъ библіографовъ редактировалъ свой сборникъ по подлиннымъ рукописямъ, кто перепечаталъ его просто со стараго глазуновскаго изданія, редактированнаго П. А. Ефремовымъ Почти всѣ, не мудрствуя лукаво, прибѣгнули къ этому послѣднему, упрощенному способу издательства, поэтому промахи и пропуски у нихъ одни и тѣ же, съ небольшими варіантами. Лучшее въ библіографическомъ отношеніи—петербургское изданіе Маркса, въ литературномъ—московское, для котораго П. А. Висковатый написалъ цѣлый томъ біографіи поэта, въ 450 компактныхъ страницъ. Этотъ молодой профессоръ дерптскаго университета посвятилъ много лѣтъ изученію Лермонтова и собранію всего, что могло объяснить жизнь поэта и мотивы его творчества. Біографъ слѣдитъ шагъ за шагомъ за этой жизнью, старается объяснить каждый фактъ ея, найти ключъ къ самому незначительному поступку поэта, коментируетъ почти каждый стихъ его. Съ такой любовью къ своему предмету, съ такимъ добросовѣстнымъ отношеніемъ къ нему можно было бы многое уяснить въ несложной, хотя и полной внутренняго смысла жизни Лермонтова; но должно сознаться, что и послѣ обширной біографіи г. Висковатаго многое въ ней остается далеко невыясненнымъ, а со многими выводами его нельзя согласиться. Вина въ томъ, что въ отношеніяхъ поэта къ окружающимъ его лицамъ остается много темныхъ сторонъ, падаетъ, впрочемъ, и на этихъ лицъ: иные изъ нихъ упорно отказывались сообщить безобидныя объясненія, а убійца Лермонтова, Мартыновъ, знавшій хорошо, «на что онъ руку поднималъ», такъ и умеръ, ничѣмъ не объяснивъ своего поступка. Даже послѣ его смерти, братецъ его принялъ г. Висковатаго очень нелюбезно и отказался дать какія либо свѣдѣнія о роковой дуэли. Стоило ли безпокоить такую особу такими ничтожными справками? Точно у насъ мало Лермонтовыхъ, чтобы еще церемонится съ ними господамъ Мартыновымъ! Вѣдь и о смерти своего поэта Россія узнала только изъ слѣдующихъ строкъ «Одесскаго Вѣстника», № 63: «15-го іюля, около 5 часовъ вечера, разразилась ужасная буря съ молніею и громомъ. Въ это время, между горами Машукомъ и Бештау, скончался лѣчившійся въ Пятигорскѣ М. Ю. Лермонтовъ». И все тутъ—въ этомъ простомъ репортерскомъ извѣстіи, гдѣ на первомъ планѣ стоитъ метеорологическое явленіе: «ужасная буря», а смерть

Digitized by Google

поэта, случайно совпавшая съ нею—второстепенное обстоятельство. Впрочемъ, отъ цензурнаго терроризма сороковыхъ годовъ мы и не могли ждать подробностей о какомъ-то поручикѣ, лѣчившимся въ Пятигорскѣ и скончавшемся между горами; но какъ же теперь, черезъ полвѣка послѣ его безвременной мученической кончины, скрывать обстоятельства, бывшія причиною гибели 27-лѣтняго высокоталантливаго писателя?.. Г. Висковатый собралъ всѣ свѣдѣнія, какія могъ, и о дуэли, и о всей жизни Лермонтова, но очень многое въ ней остается еще темнымъ, неразгаданнымъ, какъ ни старается біографъ разъяснить не только факты внѣшней жизни поэта, но и чувства, и побужденія его. Въ этихъ объясненіяхъ г. Висковатый является по временамъ уже черезчуръ усереднымъ комментаторомъ и со многими изъ приводимыхъ имъ поводовъ къ тому или другому поступку поэта, или къ задуманному стихотворенію—нельзя согласиться. Характеристика окружающихъ его лицъ также не вездѣ удовлетворяетъ читателя. Такъ, біографъ относится не довольно строго къ весьма несимпатичной личности отца поэта, и черезчуръ умиляется надъ любовью къ нему бабушки Арсеньевой, даже начинаетъ свою біографію съ того, что старуха «выплакала надъ внукомъ свои старыя очи». Любила она его, конечно—надо же было къ кому нибудь привязаться на свѣтѣ, когда она довела до самоубійства своего мужа и была отчасти причиною преждевременной смерти дочери, постоянно ссоря ее съ мужемъ, отцомъ поэта. Эта «помѣщичья» любовь къ внуку отзывалась тѣмъ же своеобразнымъ деспотизмомъ, который высказывался во всѣхъ ея поступкахъ. Вообще, біографія Лермонтова, составленная г. Висковатымъ, хотя и лучшая изъ всего, что написано о поэтѣ, оставляетъ желать многаго. Напрасно также авторъ не вездѣ выражается просто, а прибѣгаетъ мѣстами къ высокому слогу. Такъ, у него «весна стучится въ дверь природы», мать «выплакала любовь и горе надъ головою сына», «звуки фортепьяно потрясали младенческую душу ребенка (двухлѣтняго) и слезы катились по его личику», «зыбкій юноша съ лихимъ характеромъ» и пр. Все это въ первой главѣ, а ихъ въ біографіи 20. Иногда г. профессоръ выражается несовсѣмъ правильно по русски, говоря: «русскому языку и словесности преподавалъ Мерзляковъ», «сожалѣетъ бѣдную Машу» (жалѣютъ—кого, а сожалѣютъ о комъ) и пр. Ошибокъ въ стихахъ Лермонтова мы не приводимъ, но ихъ немало и онѣ далеко не всѣ приведены въ рецензіи «Новаго Времени». И все таки изданіе г. Висковатаго—лучшее. Изъ другихъ—выдается кіевское въ одномъ томѣ, въ два столбца, съ хорошею біографіею, написанною г. Арабажинымъ. Стоитъ оно—шесть гривенъ. Самое дорогое—«художественное изданіе»—очень слабо даже по отношенію къ рисункамъ. Наши знаменитые живописцы составили весьма незнаменитыя картины къ поэмамъ Лермонтова; гораздо лучше и добросовѣстнѣе въ сборникѣ—

Digitized by Google

груды малоизвѣстныхъ художниковъ. Ни къ одному изъ изданій не приложено вѣрнаго и сходнаго портрета. Придется, пожалуй, ждать еще полвѣка, пока нашъ поэтъ явится въ достойномъ его изданіи.

Церковный расколъ Петербурга, въ связи съ общероссійскимъ расколомъ. Очерки *Н. Н. Животова*. Спб. 1891.

Книга съ громкимъ заглавіемъ, изданная какимъ-то апраксинскимъ книгопродавцемъ, составленная авторомъ, имя котораго еще недавно повторялось въ мелкихъ газетахъ по поводу его пререканій съ обществомъ покровительства животнымъ изъ-за какихъ-то «неправильностей» по устройству лотереи въ пользу общества... Самый внѣшній видъ книги, напечатанной разгонистымъ шрифтомъ, въ невѣдомой типографіи измайловскаго полка—все это заставляетъ относиться съ недовѣрчивостью къ апраксинскому произведенію, и недовѣрчивость эта вполнѣ оправдывается при ближайшемъ ознакомленіи съ книгою. Начинается она широковѣщательнымъ предисловіемъ съ эпиграфомъ изъ гуманнаго рескрипта Александра I, возвѣщающаго, что «не о ссылкахъ и поселеніяхъ помышлять надлежитъ, но объ огражденіи скорѣе самихъ раскольниковъ отъ всѣхъ излишнихъ притязаній за разномысліе ихъ въ дѣлѣ спасенія и совѣсти, по коему ни принужденіе, ни стѣсненіе никогда участія имѣть не могутъ; жестокость же не убѣждаетъ никогда, но паче ожесточаетъ». Затѣмъ г. Животовъ заявляетъ, что книга его составлена изъ фельетонныхъ очерковъ, печатавшихся въ газетѣ «День», — конечно, не въ аксаковскомъ «Днѣ», а въ мало кому извѣстномъ петербургскомъ листкѣ, подписная цѣна котораго тутъ же обязательно сообщена. Очерки эти соединены въ книгу «для удобства читателей, желающихъ получить поверхностное знакомство съ современнымъ расколомъ». И знакомство получается, дѣйствительно, самое поверхностное, хотя, по увѣренію автора, занимаясь болѣе фельетономъ, «газетной журналистикой», онъ имѣлъ случай близко сталкиваться съ раскольниками. Положимъ, о расколѣ въ газетахъ пишутъ мало, такъ какъ вопросъ этотъ не составляетъ текущей злобы дня и требуетъ серьезнаго изученія, но ужь если г. Животову, послѣ Субботина, Щапова, Новоструева, Дубасова. Ивановскаго, Лѣскова, Пругавина, Дементьева, Скроботова и др., пришлось сталкиваться въ газетномъ мірѣ съ раскольниками, хотя они сами и не пишутъ въ газетахъ, то почему же и не сообщить ему своихъ наблюденій? Но въ томъ-то и дѣло, что ничего новаго г. Животовъ не сообщаетъ, а только пересказываетъ въ сокращенномъ видѣ то, что печатали уже до него изслѣдователи раскола и—что всего хуже—часто черпаетъ свои свѣдѣнія даже изъ такихъ источниковъ, какъ спекулятивныя сочиненія Ливанова. Да и сообщаемыя авторомъ свѣдѣнія касаются только Петербурга, а не говорятъ ничего о расколѣ московскомъ, поморскомъ, бѣлокриницкомъ. Общій выводъ г. Животова изъ его наблюденій тотъ, что расколъ вездѣ уменьшается и смягчается

Digitized by Google

(чего, однако, не видно, судя по послѣднимъ офиціальнымъ мѣрамъ, предпринятымъ противъ распространенія штунды), что теперь и въ поминѣ нѣтъ прежняго фанатизма, доходившаго до самосожженія или вѣчнаго скитанія въ лѣсахъ, а «петербургскіе столбы старообрядчества стали брить бороды, курить сигары и носить фраки». Послѣднее наблюденіе автора также подвержено сильному сомнѣнію. Въ изложеніи авторъ не соблюдаетъ хронологической постепенности и начинаетъ описаніе 32 общинъ и сектъ, существующихъ въ Петербургѣ (кромѣ запрещенныхъ и скрывающихся, какъ скопцы, хлысты и др.) съ апостольской общины, основанной 50 лѣтъ назадъ въ Англіи, гдѣ на 12 апостоловъ сошелъ святой духъ и былъ даже слышенъ голосъ съ небесъ. Нынѣшняго главу этой общины, собирающейся въ домѣ Бугурлина на Сергіевской, петербургскаго доктора-гомеопата, г. Животовъ не называетъ, но говоритъ о вѣротерпимости и отсутствіи фанатизма въ общинѣ, гдѣ 130 членовъ, считая женщинъ и дѣтей, да въ рижской общинѣ до ста (отдѣленіе московское недавно закрылось), тогда какъ въ Англіи въ семи молельняхъ ихъ до семи тысячъ, да въ Германіи нѣсколько сотенъ. Затѣмъ, нѣсколько подробнѣе авторъ говоритъ о баптистахъ и пашковцахъ, и переходитъ къ старообрядцамъ. Излагая ученіе баптистовъ, онъ приводитъ двѣ сцены: споръ главы ихъ, доктора философіи Карела, со священникомъ Полисадовымъ, и крещеніе какой-то мамзель Фанни, въ холодное октябрьское утро погружавшейся голою въ воду рѣки Охты, на глазахъ сотни зрителей. Г. Животовъ не говоритъ, бывши свидѣтелемъ этого поучительнаго зрѣлища, когда оно происходило, но мы во всякомъ случаѣ находимъ описаніе его... слишкомъ фельетоннымъ и неправдоподобнымъ. Да и во многихъ другихъ случаяхъ сообщаемыя имъ свѣдѣнія весьма недостаточны и подозрительны. Такъ, называя Пашкова «невѣжественнымъ въ дѣлахъ вѣры, крупнымъ игрокомъ, лихимъ охотникомъ и наѣздникомъ», онъ говоритъ, что въ 1874 году, слушая въ Петербургѣ проповѣдь лорда Редстока, Пашковъ назвалъ его пошлымъ, безсмысленнымъ болтуномъ, а черезъ годъ сталъ проповѣдывать то же самое ученіе съ небольшими измѣненіями. Отчего же могло произойти такое быстрое «обращеніе», заставившее, наконецъ, аристократа и полковника переселиться въ Англію, гдѣ, по словамъ автора, онъ тратитъ огромныя суммы на свою общину, разоряя свои русскія имѣнія? Г. Животовъ сдѣлалъ бы лучше, еслибы объяснилъ причины появленія Пашкова въ роли проповѣдника, вмѣсто того чтобы брать эту роль на себя, доказывая несостоятельность ученія, что добрыя дѣла не нужны для спасенія. Этотъ догматъ, очень пріятный для богатыхъ людей, не любящихъ раскошеливаться въ пользу ближняго, не одинъ же привлекалъ многочисленныя толпы въ Гагаринскую улицу на публичныя собесѣдованія и чтенія Пашкова. Четыре аудиторіи и до 20 проповѣдниковъ въ

Digitized by Google

разныхъ частяхъ города, въ первый же годъ пашковскаго ученія, благотворительная колонія на Выборгской сторонѣ, канцелярія для выдачи пособій на Гагаринской,—все это доказываетъ, что ученіе бросило глубокіе корни. Не уничтожилось оно и теперь, «съ высылкою барона Корфа и 9 главныхъ проповѣдниковъ, съ отъѣздомъ самого Пашкова, захватившаго съ собой и свои милліоны». Но мы напрасно стали бы искать у г. Животова объясненія всѣхъ подобныхъ фактовъ. Свѣдѣнія, сообщаемыя имъ о 16 старообрядческихъ сектахъ, весьма кратки и поверхностны. Не думаемъ также, чтобы поморы, эти фанатическіе послѣдователи Андрея Денисова, гласно утверждали, что «свобода для насъ страшнѣе всякихъ гоненій: если насъ оставятъ безъ преслѣдованія, то всѣ безпоповцы перейдутъ въ единовѣріе». Они могутъ думать это, но явно сознаваться въ этомъ не будутъ. Изъ 6,000 живущихъ въ Петербургѣ ѳедосѣевцевъ, до 720 лицъ перешло въ единовѣріе въ послѣднія десять лѣтъ, но эту секту другіе раскольники считаютъ хуже никоніанъ.

Не смотря на всѣ недостатки книги г. Животова, въ ней встрѣчаются мѣстами мелкія, но любопытныя подробности о крещеніи безпоповцевъ, о женскомъ раскольничьемъ монастырѣ близь Ново-Дѣвичьяго монастыря, о расколѣ отдѣлившихся отъ раскола ѳедосѣевцевъ—новоженовъ и филиповцевъ, о пиккіевцахъ, рябиновцахъ. Но анекдоты о поповскихъ представителяхъ весьма сомнительны; о гернгутерахъ авторъ говоритъ всего пять строкъ; о протестантствующихъ, о хлыстахъ и скопцахъ очень мало, да и вообще нѣсколько интересныхъ частностей не оправдываютъ ненаучнаго и фельетоннаго направленія всей книги. Въ концѣ ея помѣщено пять совершенно пустыхъ и ни къ чему не нужныхъ приложеній. О штундѣ авторъ не говоритъ ни слова.

Digitized by Google

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

Наши теперешніе „вопросы дня“.—Голодъ и его послѣдствія.—Чѣмъ мы недавно восторгались и до чего дожили?—Предостереженія нынѣшняго министра финансовъ.—Чему наше общество приписывало эти предостереженія и какъ относилось къ нимъ?—Голодъ ante portas!—Отроумное предложеніе одной газеты.—Новыя соображенія въ пользу учрежденія министерства земледѣлія.—Какъ у насъ эксплуатируется земля?—Причины вялости нашихъ интеллигентныхъ классовъ въ общественныхъ дѣлахъ.—Администрація и общество.—Успѣхъ новаго трехпроцентнаго займа.—Патріотизмъ французовъ.—Заключеніе.

Голодъ, пожертвованія, продовольственный капиталъ и, въ pendant къ нимъ, 3% заемъ—вотъ наши теперешніе вопросы дня, жгучіе, тревожные и неотложные! Объ ожидающей насъ голодовкѣ поговаривали еще весною нынѣшняго года. Но тогда были все таки надежды и упованія на возможный урожай яровыхъ хлѣбовъ, да и дѣйствительное состояніе озимыхъ не могло еще считаться вполнѣ выяснившимся. Теперь всякія сомнѣнія насчетъ истиннаго положенія вещей исчезли. Изъ множества селъ и деревень, въ самыхъ плодороднѣйшихъ мѣстностяхъ нашего обширнаго, но многострадальнаго отечества, получаются вѣсти самаго печальнаго свойства: народъ попросту *голодаетъ*! И это послѣ только что законченныхъ сборовъ хлѣба. Что же будетъ нынѣшнею зимою и весною и лѣтомъ будущаго года?

Тревожный вопросъ, отъ котораго хотѣлось бы отдѣлаться хоть на минуту, чтобы вдуматься въ причины и послѣдствія постигшаго насъ бѣдствія; но и это становится тяжело. Правительство не дремлетъ; земство, по мѣрѣ силъ и разумѣнія, старается помочь нуждающему населенію; общественная благотворительность широко раскинулась по всему лицу земли русской. Пожертвованія въ пользу голодающихъ каждодневно принимаютъ все большіе и большіе размѣры: жертвуютъ не только купцы, рантьеры, но и чиновники, и даже крестьяне. Словомъ, дѣлается все возможное, въ видахъ предотвращенія угрожающаго намъ бѣдствія. Какъ мы перенесемъ предстоящую суровую борьбу съ голодомъ?—трудно предсказать. Но уже теперь, кажется, можно съ нѣкоторой увѣренностью полагать, что постигшее насъ несчастіе принесетъ намъ не одни только отрицательные плоды. Въ дни несчастія, человѣкъ скорѣе склоненъ къ раскаянію. Въ самомъ дѣлѣ, въ послѣдніе годы, счастливая судьба

Digitized by Google

явила намъ столько «милости» и «благодѣяній», что мы какъ будто стали забываться, даже до извѣстной степени возгордились, считая все нами «содѣянное» въ послѣдній періодъ времени столь прекраснымъ, что намъ, какъ будто, немного остается «додѣлывать» нашу жизнь, чтобы признать за собою пальму первенства среди другихъ народовъ, которые хотя и болѣе цивилизованы, чѣмъ мы, но зато не обладаютъ болѣе тою мощью, которая присуща намъ. Правда, что въ печати—замѣтьте, только въ печати, а не въ обществѣ—весьма нерѣдко раздаются голоса и противъ «нынѣшнихъ временъ», и противъ «оскотинившихся» людей, и вообще противъ современной *эволюціи* мысли (тоже модное слово!) Но—престранное дѣло!—тѣ же моралисты, которые иной разъ такъ ядовито отзываются о нашей «современности», при первомъ удобномъ случаѣ превращаются въ пламенныхъ ея поклонниковъ. Словомъ, настоящій сумбуръ въ понятіяхъ и дѣйствіяхъ. Но повторяемъ, что послѣднее явленіе замѣчается только въ дѣятельности нѣкоторыхъ представителей нашей прессы. Большая же часть «писачекъ», напротивъ того, постоянно восторгалась сложившимися для насъ благопріятными «моментами», приписывая ихъ нашей внутренней мощи и силѣ. Что же касается «общества», то оно, — какъ мы уже сказали выше,—еще болѣе свыклось съ мыслью о нашемъ превосходствѣ во всѣхъ отношеніяхъ. А между тѣмъ, какъ оказывается, мы, при первомъ ниспосланномъ намъ «испытаніи», очутились въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не смѣшно и не больно въ одно и то же время, что намъ, послѣ двухъ небывалыхъ урожаевъ, вдругъ приходится имѣть дѣло ни болѣе, ни менѣе, какъ съ *голодомъ*! Развѣ это не показываетъ, что мы не только не ушли впередъ, а, напротивъ, во многихъ отношеніяхъ еще сдѣлали шагъ назадъ или, по меньшей мѣрѣ, топчемся на одномъ мѣстѣ, не зная, какъ и куда намъ двинуться дальше? Мы не причисляемъ себя къ сонму «современныхъ моралистовъ», претендующихъ на авторитетность въ вопросахъ «общественной нравственности». Поэтому, говоря о «голодѣ»,—который самъ по себѣ имѣетъ лишь весьма малое соприкосновеніе съ «моралью»,—мы не дерзаемъ сослаться въ подтвержденіе нашихъ словъ, на примѣры изъ моральной области, а удовольствуемся доказательствами изъ сферы экономической дѣятельности нашего отечества. Давно ли было то время, когда мы восторгались прекраснымъ положеніемъ нашихъ финансовъ, устойчивостью нашего экономическаго благосостоянія, и еще болѣе превосходными «предвидѣніями» въ будущемъ? Да и какъ было не восторгаться: бюджеты безъ дефицитовъ, постояно возрастающее превышеніе государственныхъ доходовъ надъ расходами, исправное безнедоимочное поступленіе податей и сборовъ, высокій курсъ нашей валюты, низкій учетный процентъ, удачныя конверсіи нашихъ внѣшнихъ и внутреннихъ займовъ, отсутствіе новыхъ займовъ и т. д., и т. д., словомъ, полная картина экономическаго прогресса. Правда, И. А. Вышнеградскій, — какъ безспорно опытный человѣкъ,—постоянно повторялъ, что всѣми

Digitized by Google

нашими экономическими успѣхами мы обязаны исключительно небывалымъ урожаямъ 1888 и 1889 годовъ, и предостерегалъ отъ чрезмѣрныхъ увлеченій. Но наше «отечество» приписывало осторожныя увѣренія нынѣшняго министра финансовъ его «скаредности» въ расходованіи казенныхъ денегъ, а его разумнымъ предостереженіямъ придавало значеніе академическихъ предвидѣній, хотя за г. Вышнеградскимъ, какъ всѣмъ хорошо вѣдомо, издавна установилась репутація исключительно дѣловитаго финансиста-практика. И вотъ только теперь, когда по всей Россіи пронеслась недобрая вѣсть: «голодъ ante portas!»—мы вспомнили о необходимости взяться серьезно за возстановленіе нашихъ экономическихъ силъ. Но кому и какъ взяться за это дѣло? вопросъ далеко не изъ легкихъ. Г. Суворинъ предлагаетъ не лишенный остроумія пріемъ для избавленія Россіи отъ экономическихъ сюрпризовъ въ родѣ голода: пригласить на государственную службу г-на «Урожая», который *одинъ* способенъ поднять благосостояніе нашего отечества. Но развѣ «Урожай» можно пригласить на государственную службу? По мнѣнію г. Суворина, «очень можно, и онъ, т. е. Урожай, непремѣнно пойдетъ на службу, если пригласить «его» съ толкомъ, съ энергіей, съ знаніемъ дѣла, и не пожалѣть ему того жалованья, которое онъ непремѣнно запроситъ. Жалованье это, вѣроятно, будетъ болѣе того, которое получаетъ армія сборщиковъ податей, заботящаяся о томъ, чтобъ ни одинъ рубль не остался недобраннымъ, ни одна корова не посмѣла укрыться подъ сараемъ неисправнаго плательщика, но зато оно дастъ столько, сколько не дадутъ никакія другія финансовыя измышленія. «Урожай» у насъ нимало не состоитъ на государственной службѣ; онъ—случайный человѣкъ, наѣздникъ, выбирающій себѣ пути по стихійному капризу. «Но его можно взять, — въ извѣстной мѣрѣ — знаніемъ, опытомъ, школами, образцовыми фермами, всякою помощью населенію, лучшей обработкой земли, арміей людей опыта и знанія, мѣрами поощренія сельскихъ хозяевъ, возвращающихъ землѣ въ видѣ удобренія то, что у нея взято, улучшеннымъ скотомъ, однимъ словомъ, тою политикою, которая называется *сельско-хозяйственною*, которую мы совсѣмъ не знаемъ и которой предпочитаемъ политику финансовую, стремящуюся къ тому, чтобъ собрать возможно больше денегъ и иногда взять во что бы то ни стало». Какъ это все просто и ясно выражено, и какъ нетрудно, кажется, осуществить «оное» на дѣлѣ. Между тѣмъ, мы додумались до этого лишь теперь, да и то только *додумались*, а до приведенія задуманнаго въ исполненіе, вѣроятно, придется ждать,— чего Боже сохрани!—новаго такого же голода. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ уже года два-три, какъ у насъ возникла мысль о безотлагательной необходимости учредить самостоятельное министерство, на обязанности котораго лежало бы спеціальное попеченіе о нуждахъ и потребностяхъ земледѣлія, или—какъ принято теперь говорить—сельскаго хозяйства. И, однако, не смотря на то, что упомянутый вопросъ былъ встрѣченъ весьма сочувственно во всѣхъ сферахъ нашего разнокалибернаго общества, онъ до сихъ

Digitized by Google

поръ остается открытымъ и люди, вовсе не считающіеся пессимистами, все еще утверждаютъ, что учрежденіе министерства земледѣлія пока должно считаться своего рода проблеммой. Да оно и въ самомъ дѣлѣ—крайне проблемматично, потому что ни для кого не тайна, что Россія по преимуществу живетъ и дышетъ земледѣліемъ, а между тѣмъ интересъ къ этому живительному источнику нашего благосостоянія настолько мало присущъ большинству изъ насъ, что даже единственное вѣдомство, гдѣ существуетъ спеціальный департаментъ земледѣлія,—какъ совершенно вѣрно подмѣтилъ г. Суворинъ,—въ публикѣ считается очень неважнымъ въ ряду другихъ и извѣстно больше потому, что оно прекрасно помѣщено, чѣмъ по тому, что оно дѣлаетъ. Отчего же, однако, земледѣльческіе интересы не такъ близки нашему сердцу? На этотъ вопросъ, намъ кажется, можно дать лишь *одинъ* отвѣтъ, который сводится къ тому, что мы вообще далеко отстали отъ другихъ народовъ, въ смыслѣ «культурности». Обладая необъятными земельными пространствами, мы выжимаемъ изъ земли всѣ соки, истощаемъ почву до крайности,—словомъ, беремъ отъ земли все и ничего ровно ей не даемъ, совершенно забывая при этомъ, что такъ могутъ поступать только самые безразсудные или самые некультурные люди, такъ какъ и земля не терпитъ подобнаго безпощаднаго обращенія съ нею. Въ видѣ иллюстраціи, мы позволимъ себѣ привести здѣсь характерный діалогъ между корреспондентомъ газеты «Новое Время», г. Шараповымъ, и завѣдующимъ статистическимъ бюро самарской губернской земской управы, И. М. Красноперовымъ. «Настоящій неурожай вы чѣмъ объясняете?» спрашивалъ г. Шараповъ г. Красноперова. «Земледѣліемъ, имѣющимъ характеръ чистой спекуляціи», былъ отвѣтъ нашего сотрудника. «А климатъ?» «Разумѣется, измѣнился къ худшему и климатъ; но я полагаю, что эта причина второстепенная, имѣющая болѣе случайный характеръ. Отчего тотъ же самый климатъ не былъ такъ губителенъ для земледѣлія, пока существовало много новинъ, пока была цѣла ковыльная степь? Лучшее доказательство то, что тамъ, гдѣ степи уцѣлѣли, урожаи еще есть. Тамъ же, гдѣ все распахано—плохой урожай или неурожай уже не первый годъ.

«— А степи еще есть?

«— Есть у казны, у удѣловъ,—пространство довольно значительное въ южной половинѣ губерніи. Остальное все распахано безъ всякой системы. Загляните въ наши статистическіе сборники и вы увидите вотъ что: сѣверная часть губерніи, гдѣ населеніе уже перешло къ правильному трехполью, пострадала сравнительно меньше. Небольшой урожай есть и на казенныхъ земляхъ единственно потому, что тамъ держатся, при сдачѣ въ аренду участковъ, нѣкоторой системы. Повсюду на остальной плащади полный неурожай.

«—Въ чемъ выражается результатъ такого хозяйства? Въ истощеніи земли?

«—Отчасти, а главнымъ образомъ въ ея изсыханіи. Ковыльная степь имѣетъ почву страшно плотную и сохраняетъ влагу.

Digitized by Google

Переворачиваемая правильно и возвращаемая на отдыхъ, она сохраняетъ свои хорошія качества. Но, когда ее ковыряютъ безъ отдыха, она постепенно высыхаетъ; высыхаетъ подпочва, влага перестаетъ задерживаться и наступаетъ такое состояніе, что безъ обильныхъ дождей не можетъ вырасти на ней ничего. Но мало того. Массовая распашка, массовое изсушеніе пахотной площади ужасно вліяетъ и на остальную, еще не распаханную или впервые распахиваемую, степь. И тамъ въ сухой годъ страшно понижаются урожаи.

«—Ваши степи примыкаютъ къ уральской области. Сохранился тамъ запасъ?

«— Сохранился. Тамъ при войсковомъ управленіи царствуетъ нѣсколько большій порядокъ. Казаки не имѣютъ права сдавать въ аренду, ни распахивать земель больше опредѣленнаго количества и по извѣстной разверсткѣ. Но, увы! спекуляція проникла и туда. Со всѣхъ концовъ, потокомъ являются съемщики, сдаютъ обманнымъ образомъ. На случай, если откроется незаконный посѣвъ, казакъ не укажетъ съемщика, а скажетъ, что это посѣвъ его. Да и кто будетъ за этимъ слѣдить на тамошнихъ огромныхъ разстояніяхъ? И тамъ расхищаютъ послѣднее, а теперь, какъ слышно, и тамъ недородъ...

«— Ну, а уфимскія, башкирскія земли»?

«— О, тамъ еще хуже здѣшняго. Тамъ степей уже почти не осталось. Пахалъ и сѣялъ гдѣ кто хотѣлъ».

— «Какой же вы видите выходъ?

— «Трудно сказать. *Объ упорядоченіи этого хищничества трудно думать, да и некому за него взяться.* А безъ этого дѣло не сдѣлается».

Такъ говоритъ человѣкъ, близко знакомый съ сельско-хозяйственными дѣлами, изучавшій нужды земли не въ канцеляріи, а на мѣстѣ. Что же къ этому добавить намъ, которымъ приходится судить и рядить изъ прекраснаго «далека»? Но неужели некому взяться за такое серьезное дѣло, какъ упорядоченіе способовъ эксплуатаціи земли, въ смыслѣ предотвращенія тѣхъ хищническихъ пріемовъ выжиманія изъ нея всѣхъ соковъ, которые практикуются у насъ доморощенными земледѣльцами, лишенными всякой культурности? Куда же прячется наша пресловутая «интеллигенція», которая такъ величаво кричитъ на всѣхъ перекресткахъ о своей любви къ родинѣ, о своемъ горячемъ патріотизмѣ о заботахъ по части благосостоянія народныхъ массъ? Или, быть можетъ, намъ опять слѣдуетъ ждать приказа свыше? Да и что за оказія, что мы всегда и во всемъ полагаемся исключительно на правительство и отъ него ждемъ всякихъ благъ, между тѣмъ какъ правительство, наоборотъ, должно опираться на общество, являясь ему на помощь лишь тогда, когда само общество оказывается безсильнымъ. Одна петербургская газета пытается объяснить причины вялости нашихъ интеллигентныхъ классовъ въ общественныхъ дѣлахъ, требующихъ прямаго участія этихъ классовъ. «Отвыкши отъ всякой иниціативы,—говоритъ упомянутая газета, — замкнутое въ узкіе обывательскіе интересы, вдали отъ высшихъ національныхъ задачъ, наше общество, въ минуты

Digitized by Google

опасности для государства, является крайне слабымъ помощникомъ правительству. Общество оказывается ничего не знающимъ, ни къ чему не касающимся, не заинтересованнымъ и не одушевленнымъ. Тогда какъ на западѣ, по первому зову правительства, на каждомъ посту являются сотни вполнѣ свѣдущихъ въ вопросѣ, напрактикованныхъ лицъ, у насъ — страшное безлюдье, сказывающееся особенно въ критическіе моменты. Чиновниковъ множество, а надежныхъ общественныхъ дѣятелей, людей иниціативы — весьма мало. На западѣ, гдѣ общество сознательно участвуетъ въ ходѣ родной жизни, — тамъ при всякомъ бѣдствіи тотчасъ же образуется и общественный взглядъ на него, тотчасъ же весь общественный разумъ входитъ въ систему борьбы съ бѣдой и является могучимъ орудіемъ въ рукахъ правительства. У насъ не то. Наше общество лишь случайно узнаетъ, изъ разрозненныхъ частныхъ источниковъ, о предстоящемъ бѣдствіи, успокоенное, что приняты будутъ «всѣ мѣры», и, не имѣя представленія объ этихъ мѣрахъ, оно въ состояніи развѣ чрезъ много лѣтъ послѣ бѣдствія составить себѣ ясное понятіе о немъ,—когда будутъ обнародованы, наконецъ, распоряженія правительственныхъ агентовъ и собранныя ими свѣдѣнія. Это отчужденіе общества отъ текущей народной жизни—одно изъ печальнѣйшихъ явленій и составляетъ несомнѣнный источникъ слабости государства. Отстраненіе даровитой, интеллигентной части народа отъ важнѣйшихъ задачъ родины равносильно разобщенію мозга съ тѣломъ. Именно слабымъ проявленіемъ общественнаго элемента и объясняется наше вѣчное опаздыванье, вѣчное отставанье отъ вопросовъ текущей минуты, вѣчная неподготовленность, которая, накопляясь, привела къ постепенному оскуденію народныхъ средствъ и къ жалкой безпомощности народа передъ случайными и неслучайными бѣдствіями».

Въ этихъ немногихъ словахъ заключается много горькой правды. Но отчего же наше общество имѣетъ именно такой, а не другой обликъ? Отчего это мы, въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ, т. е. въ такой значительный промежутокъ времени, не научились быть дѣйствительно общественными дѣятелями подобно западно-европейскимъ народамъ? Говорятъ, что въ этомъ виновата администрація: она привыкла «отстранять наше общество отъ участія во многихъ житейскихъ вопросахъ, и общество привыкло полагаться на правительство на каждомъ своемъ шагу».

Но вѣдь администрація комплектуется изъ среды того же общества, слѣдовательно, оно само является виновникомъ отстраненія его отъ всего того, что̀ касается его кровныхъ интересовъ. Впрочемъ, говорить много на эту тему не приходится, потому что новаго тутъ ничего не скажешь, а старое весьма и весьма обидно для себя самого. Въ самомъ дѣлѣ, взять хоть бы нынѣшній вопросъ дня: о помощи голодающимъ. Пожертвованія, какъ мы уже сказали, идутъ со всѣхъ концовъ. Въ газетахъ даже отведена особая рубрика для ежедневныхъ пожертвованій. А между тѣмъ *системы* въ этомъ дѣлѣ ровно никакой. Причемъ тутъ администрація? Не ходить же ей съ кружками по частнымъ квартирамъ и не награждать же всѣхъ жертвователей «станиславами

Digitized by Google

въ петличку»? Взгляните, что дѣлается въ подобныхъ случаяхъ хотя бы въ дружественной намъ Франціи. Сколько ни старались наши недруги, чтобы напакостить намъ при реализаціи новаго трехпроцентнаго займа,—всѣ старанія ихъ разбились въ пухъ и прахъ, потому что всякій французскій «ситойенъ» считалъ своей нравственной обязанностью поддержать патріотическій подвигъ своего правительства. Недаромъ банкиръ Госкье пожертвовалъ 10,000 франковъ на парижскихъ бѣдныхъ по случаю блестящаго успѣха упомянутаго займа, справедливо названнаго «плебисцитомъ», выражающимъ симпатіи французскаго народа къ Россіи. Не мѣшало бы намъ поучиться въ этомъ отношеніи хоти у тѣхъ же нашихъ друзей-французовъ.

Digitized by Google

ФОНОГРАФЪ.

(Фельетонъ «Наблюдателя»).

НАКАНУНѢ ТИРАЖА.

Волнуясь смутною надеждой
И къ деньгамъ алчностью горя,
Едва ль сомкнетъ столица вѣжды
Въ ночь передъ первымъ ноября.
Кто жъ позабыться предъ разсвѣтомъ
Успѣетъ въ пору тишины,
Тѣхъ будутъ—я увѣренъ въ этомъ—
Смущать плѣнительные сны.

Однимъ стремленіемъ желаннымъ
Сегодня бьются всѣ сердца,
Отъ богача съ тугимъ карманомъ
Отъ вѣчно хмураго скупца
До тѣхъ, кто, угнетаемъ рокомъ,
Терпѣлъ невзгоды съ юныхъ лѣтъ,
Но, соблазненъ коварнымъ Блокомъ,
Все жъ внесъ задатокъ за билетъ...

Богачъ заранѣе считаетъ
Возможность новыхъ барышей;
Бѣднякъ избавиться мечтаетъ
Отъ черствой бѣдности когтей.

Digitized by Google

Старикъ, у края стоя гроба,
Грядущихъ дней предвидитъ нить;
Мотъ жаждетъ выигрыша, чтобы
Его эффектно прокутить...
Всѣ упованья, всѣ сомнѣнья
Рѣшатся завтра безъ помѣхъ,
Сегодня жъ смутное волненье
Невольно въ дрожь бросаетъ всѣхъ.
Волненье это бьетъ по нервамъ,
Волшебной прелестью маня:
«Завѣтный нумеръ выдетъ первымъ,
И двѣсти тысячъ—у меня»..!

ВЪ ЗАЩИТУ ЖЕНЩИНЪ.

Винятъ въ недостаткахъ немалыхъ
Всѣхъ женщинъ у насъ, господа.
Когда-то я самъ обвинялъ ихъ,
Крича, что немало вреда
Приносятъ порою онѣ намъ,
Что съ ними сближаться—бѣда;
Теперь же... теперь джентльменомъ
Я къ нимъ отношуся всегда.
Тернистою въ жизни тропою
Я медленно очень шагалъ,
Пока за красоткой-женою
Солидный не взялъ капиталъ.
Замѣтной я вышелъ особой,
И стали оказывать мнѣ
Пріемъ совершенно особый...
Кому я обязанъ? Женѣ!
Я выбрался въ люди изъ грязи,
И сталъ мнѣ нашептывать бѣсъ,
Что прочныя нужны мнѣ связи,

Digitized by Google

Внушительный въ обществѣ вѣсъ.
Я смутную чуялъ тревогу,
Не зналъ апетита и сна,
И цѣли достигъ понемногу...
Кто въ этомъ помогъ мнѣ? Жена!
Въ ладу уживаясь съ судьбою,
Живу я теперь безъ заботъ,
Въ довольствѣ и мирномъ покоѣ,
И всюду встрѣчаю почетъ.
Счастли́въ я. Но если, какъ прежде,
Со мною случится бѣда,
Не тщетной я преданъ надеждѣ:
Жена мнѣ поможетъ тогда!..

Старый Капралъ.

НА КУПЕЧЕСКОЙ СВАДЬБѢ.

Часъ десятый. Залитъ блескомъ
Залъ отъ тысячи огней;
Въ безпорядкѣ очень рѣзкомъ
Всюду тьма кишитъ гостей.
Весь цвѣтами разукрашенъ,
По объему—исполинъ,
Длинный столъ трещитъ отъ брашенъ
И отъ массы разныхъ винъ.
Шопотъ робкій пробѣгаетъ;
У дверей толпа густа:
Мѣрнымъ шагомъ въ залъ вступаетъ
Новобрачная чета.
Загремѣлъ оркестръ съ эстрады,
Появленье видя ихъ;
Ликъ невѣсты полнъ отрады,
Лучезаренъ и женихъ!
Посреди стола садится

Digitized by Google

Новобрачная чета;
Вкругъ нихъ званыхъ вереница
Занимать спѣшитъ мѣста.
Тостъ заздравный, звучно грянувъ,
Оглашаетъ гулкій залъ,
Съ звономъ рюмокъ и стакановъ.
О бокалъ гремитъ бокалъ...
Супа запахъ ароматный
Слышенъ. Блюдамъ счету нѣтъ.
Всѣ притихли. «Великатный»
Начинается обѣдъ...

Полночь. Царство разговоровъ.
Дѣва каждая—магнитъ...
Отъ усердья полотеровъ,
Какъ стекло, паркетъ блеститъ.
Вновь оркестръ тревожитъ нервы:
Въ музыкантахъ виденъ хмѣль...
Съ «молодыми» въ парѣ первой
Начинается «кадрель»...
Отъ желанія «сразиться»
Самъ не свой уже давно,
Рядъ Китъ-Китычей садится
За зеленое сукно.
Нѣтъ для нихъ услады лучшей,
Имъ и вина не милы.
Началось. Кредитокъ кучей
Всѣ завалены столы...

Часъ четвертый. Вальсъ въ разгарѣ.
Буйнымъ шумомъ полонъ залъ.
Кто-то шлепнулся «въ угарѣ»,
Кто-то шляну потерялъ.
Сталъ процентъ замѣтнѣй пьяныхъ;
Пары бѣшено летятъ.
Шлейфы барышень румяныхъ
Сзади клочьями висятъ.

Digitized by Google

Кто-то въ вальсѣ лбомъ съ налета
Чуть-чуть стѣну не прошибъ;
Чинно «вывели» кого-то;
Дирижеръ совсѣмъ охрипъ....
За зелеными столами
Гулъ и велій гамъ идетъ.
У свѣчей блѣднѣетъ пламя.
Близокъ солнечный восходъ ..
Пять часовъ. Пора разсвѣта.
Соблюдая свой чередъ,
За каретою карета
Отъѣзжаетъ отъ воротъ...

Случайный Поэтъ.

Digitized by Google

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Объ изданіи трудовъ С.-Петербургскаго международнаго тюремнаго конгресса.

Труды бывшаго въ С.-Петербургѣ, въ минувшемъ 1890 году, международнаго тюремнаго конгресса, по примѣру предшествовавшихъ конгрессовъ — Стокгольмскаго и Римскаго, — будутъ изданы на французскомъ языкѣ. Они составятъ, по сведеніи нынѣ всѣхъ данныхъ и по надлежащемъ размѣщеніи матеріала,— пять большихъ томовъ, примѣрно отъ 50-ти до 60-ти листовъ каждый. Въ настоящее время, уже отпечатаны 2-й и 3-й томы и изготовляются къ печати остальные. Печатаются труды въ Бернѣ (въ Швейцаріи), подъ редакціей секретаря конгресса и международной тюремной комиссіи, доктора Гильома.

Цѣна за все изданіе, при предварительной подпискѣ, до 1-го ноября сего года,—**десять рублей** (считая по два руб. за томъ), при условіи взноса половины стоимости при самой подпискѣ; послѣ же закрытія подписки, съ 1-го будущаго ноября, пятнадцать руб. (по 3 руб. за томъ), причемъ продажа отдѣльныхъ томовъ не допускается. Выпускъ изданія имѣетъ быть въ началѣ будущаго 1892 года.

Подписка принимается Надворнымъ Совѣтникомъ Леонтьевымъ въ Главномъ Тюремномъ Управленіи (у Александринскаго театра, домъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ), а также въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Digitized by Google

1835 ОТКРЫТА ПОДПИСКА. 1892

НА БОЛЬШОЙ СЕМЕЙНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЖИВОПИСНОЕ

Годъ изданія 57-й. **ОБОЗРѢНІЕ** Годъ изданія 57-й.

ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА ПОЛУЧАТЪ:

ПЯТЬДЕСЯТЪ ДВА НУМЕРА, выходящихъ еженедѣльно, въ воскресенье, состоящихъ изъ двухъ—трехъ листовъ большаго формата, на **зеленевой** бумагѣ, съ 7—10 рисунками большаго альбомнаго размѣра.

135 КРОМѢ ТОГО ПРИ НУМЕРАХЪ ЖУРНАЛА БУДЕТЪ ВЫДАНО БЕЗПЛАТНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ: 135

12 КНИГЪ «романы, повѣсти, разсказы и стихотворенія», выходящихъ въ первое воскресенье каждаго мѣсяца, въ размѣрѣ отъ 12—15 листовъ въ 8 д. (200—250 страницъ).—**22 НУМЕРА** «Парижскихъ модъ».—**24 НУМЕРА** «Образцовъ для дамскихъ изящныхъ рукодѣлій».—**12 ВЫКРОЕКЪ** въ натуральную величину костюмовъ.—**ЧЕТЫРЕ НУМЕРА** «Образцовъ для выпиливанія».—**12** «Новѣйшихъ музыкальныхъ пьесъ».—Стѣнной календарь.

НОВЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ЖУРНАЛУ НА 1892 ГОДЪ:

24 нумера «ЖИЗНЬ и ХОЗЯЙСТВО» и 24 нумера «ЧТЕНІЕ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА»
Въ концѣ года составятъ **ДВА** томика (съ иллюстраціями) въ 800 страницъ.

ПРЕМІЯ НА ВЫБОРЪ ИЗЪ ТРЕХЪ НИЖЕСЛѢДУЮЩИХЪ:

1) Художественный альбомъ изъ **ПЯТНАДЦАТИ** акварелей художника **Н. Н. КАРАЗИНА:**
РУССКАЯ ЖИЗНЬ и ПРИРОДА ВЪ КАРТИНАХЪ.
Картины альбома отпечатаны въ 17—20 КРАСОКЪ и наклеены на цвѣтной японскій картонъ съ золотою каемкою и вложены въ изящную папку, отпечат. въ 20 красокъ и золотомъ.

2) Двѣ большія картины, отпечатанныхъ въ 28 красокъ, съ оригиналовъ извѣстнаго пейзажиста, Профессора Императ. Акад. Худож. **Ю. Ю. КЛЕВЕРА:**
ЛУННАЯ НОЧЬ НА РѢКѢ и ЗАКАТЪ СОЛНЦА ЗИМОЮ ВЪ ЛѢСУ.
Обѣ эти картины составляютъ pendants и были на выставкѣ 1891 г.

3) Большая картина, отпечатанная въ 22 краски, съ знаменитаго художественнаго произведенія Профес. Императ. Акад. Худож. **Ѳ. БРУНИ.**
МОЛЕНІЕ О ЧАШѢ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ ПРЕЖНЯЯ:

На годъ 8 р. На полгода 4 р. 50 к. На три мѣсяца 2 р. 50 к.

Годовые подписчики, желающіе получить въ премію **ОДНО** изъ **ТРЕХЪ** новыхъ предлагаемыхъ на выборъ изданій, уплачиваютъ за пересылку выбранной ими картины или альбома—**ОДИНЪ** рубль, а за остальныя по **ДВА** рубля за каждый экземпляръ (съ пересылкою).

Разсрочка допускается, но исключительно чрезъ Главную Контору.

С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, домъ 68—40.

Подробное иллюстрированное объявленіе высылается по требованію безплатно.

Digitized by Google

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ безъ приложеній НА ГОДЪ

4 Р.

съ пересылкой по Имперіи.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА.

ЕЖЕДНЕВНАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ, УЧЕНАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

(ВЫХОДЯЩАЯ ВЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ безъ приложеній НА ГОДЪ

4 Р.

съ пересылкой по Имперіи.

съ 1-го Января 1892 г. будетъ выходить ежедневно

ВЪ ДВУХЪ ИЗДАНІЯХЪ:

ПЕРВОЕ ИЗДАНІЕ въ форматѣ большихъ столичныхъ газетъ СЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ:

1) По воскресеньямъ особаго иллюстрированнаго приложенія въ видѣ еженѣльнаго иллюстрированнаго журнала. 2) Книжекъ „Романы и повѣсти“. Каждая книжка одержитъ 160—200 страницъ. 3) „Моды и рукодѣлія“ 12 номеровъ, замѣняющихъ для емьи „Модный журналъ“. 4) „Стѣнной календарь“ въ три краски.

ВТОРОЕ (ОБЩЕДОСТУПНОЕ) ИЗДАНІЕ
(БЕЗЪ ПРИЛОЖЕНІЙ).

ВЪ ВИДУ все болѣе расширяющейся потребности въ нашемъ обширномъ Отечествѣ въ серьезномъ и живомъ печатномъ словѣ, доступномъ наиболѣе широкому кругу читателей самыхъ различныхъ классовъ и достояній, существующая нынѣ подписная цѣна на газету „Сынъ Отечества“, не смотря на ея крайнюю умѣренность является тѣмъ не менѣе для преобладающаго числа провинціальныхъ читателей — **не отвѣчающей ихъ матеріальнымъ средствамъ.** Помимо этого, серьезныя нужды, вызванныя въ настоящее время экономическими затрудненіями большинства нашихъ внутреннихъ губерній, нигдѣ не исключаютъ, однако, возможности обходиться безъ такого печатнаго органа, который могъ бы служить наиболѣе полнымъ вѣстникомъ новостей, получаемыхъ со всѣхъ концовъ міра и быть, въ то-же время, компетентнымъ, безпристрастнымъ оцѣнщикомъ и толкователемъ совершающихся событій. Пробѣлъ тотъ является между тѣмъ весьма ощутительнымъ какъ въ духовной, такъ и въ экономической жизни читателей, принадлежащихъ къ кругу людей съ ограниченными матеріальными средствами, но имѣющихъ самую настоятельную необходимость въ дешевой возможно полной ежедневной газетѣ, служащей безразлично интересамъ всѣхъ сословій удовлетворяющей таковымъ въ возможно широкой мѣрѣ.

Обширныя редакціонныя средства газеты „Сынъ Отечества“, а равно и постановка ротаціонной машины въ ея типографіи, печатающей отъ 15 до 18 тысячъ экземпляровъ въ часъ (съ фальцовкой), даютъ намъ возможность пойти на встрѣчу помянутымъ весьма существеннымъ нуждамъ многочисленныхъ провинціальныхъ читателей.

Форматъ ВТОРАГО изданія будетъ меньше ПЕРВАГО, но, во всякомъ случаѣ, значительно больше существующихъ въ настоящее время дешевыхъ ежедневныхъ изданій, то дастъ намъ возможность знакомить читателей на страницахъ ВТОРАГО изданія, въ сжатомъ изложеніи, ОДНОВРЕМЕННО СЪ ДРУГИМИ ДОРОГИМИ ИЗДАНІЯМИ, со всѣми выходящимися извѣстіями и новостями изъ внутренней и иностранной жизни, телеграммами, корреспонденціями и проч.

Подписная цѣна на ВТОРОЕ изданіе газеты „СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“ (БЕЗЪ ПРИЛОЖЕНІЙ).

На годъ **ЧЕТЫРЕ** руб. На полгода **ДВА** руб. На три мѣсяца **ОДИНЪ** руб.

(Съ доставкою въ С.-Петербургѣ и пересылкою по Имперіи).

Адресъ Главной Конторы: Спб., Невскій просп., у Аничкина моста, д. 68—40.

Digitized by Google

1812 — БОЛЬШАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ УЧЕНАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА — 189

(ВЫХОДЯЩАЯ БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ВОСЬМИДЕСЯТЫЙ).

Съ 1 января 1892 года будетъ выходить ежедневно въ ДВУХЪ изданіяхъ:

ПЕРВОЕ ИЗДАНІЕ

ВЪ ФОРМАТѢ БОЛЬШИХЪ СТОЛИЧНЫХЪ ГАЗЕТЪ

СЪ ЕЖЕМѢСЯЧНЫМИ, ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ И КНИЖКАМИ

«РОМАНЫ и ПОВѢСТИ».

Выдающіяся событія изъ придворнаго и военнаго міра, а также всѣ важныя новости дня столичной, внутренней и иностранной жизни, печатаются по сообщеніямъ спеціальныхъ корреспондентовъ газеты, одновременно съ другими дорогими изданіями, а потому газета „Сынъ Отечества" въ первомъ (большомъ) изданіи вполнѣ замѣняетъ собою

ДОРОГУЮ ПО ПОДПИСНОЙ ЦѢНѢ ГАЗЕТУ И ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Кромѣ ежедневныхъ нумеровъ газеты, подписчики перваго (большаго) изданія получаютъ безплатно:

1) По воскресеньямъ особое иллюстрированное приложеніе, отпечатанное на веленевой и глазированной бумагѣ, въ видѣ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАГО ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА,

гдѣ помѣщаются: историческіе и современные (оригинальные и переводные), повѣсти, разсказы и стихотворенія. Болѣе 300 рисунковъ, а именно: портреты историческихъ и современныхъ (русскихъ и иностранныхъ) общественныхъ дѣятелей, историческія, бытовыя и современныя иллюстраціи, имѣющія непосредственное отношеніе къ событіямъ и „злобѣ дня" за текущую недѣлю. Каррикатуры, шахматныя, шашечныя задачи и проч.

2) КНИЖКИ «РОМАНЫ И ПОВѢСТИ». Каждая книжка отъ 160 до 200 стр., что въ теченіе года составитъ цѣнную „Домашнюю Библіотеку".

3) ДВѢНАДЦАТЬ НУМЕРОВЪ «МОДЫ И РУКОДѢЛЬЯ», замѣняющихъ собою для семействъ спеціальный модный журналъ.

4) СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ, отпечатанный въ три краски (разсылается при первомъ нумерѣ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

НА ПЕРВОЕ (БОЛЬШОЕ) ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ

СЪ ЕЖЕМѢСЯЧНЫМИ, ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ ИЛЛЮСТРИР. ПРИЛОЖЕНІЯМИ и КНИГАМИ

„РОМАНЫ и ПОВѢСТИ":

На годъ (съ доставкою въ Спб. и пересылкою по Имперіи) 8 руб.

На полгода 4 руб. На три мѣсяца 2 рубля.

Гг. ГОДОВЫЕ подписчики ПЕРВАГО или ВТОРАГО изданія газеты „СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА", выславшіе сполна подписную сумму, имѣютъ право получить ОДНО изъ ЧЕТЫРЕХЪ новыхъ художественныхъ изданій (картину или альбомъ), а именно: 1) Большая картина Профессора Ѳ. Бруни „—МОЛЕНІЕ О ЧАШѢ". Большія картины профессора Ю. Ю. Клевера: 2) „ЛУННАЯ НОЧЬ НА РѢКѢ" 3) „ЗАКАТЪ СОЛНЦА ЗИМОЮ ВЪ ЛѢСУ"; Художественный альбомъ, состоящій изъ „ПЯТНАДЦАТИ АКВАРЕЛЕЙ художника Н. Н. Каразина:—„РУССКАЯ ЖИЗНЬ и ПРИРОДА ВЪ КАРТИНАХЪ", наклеенныхъ на японскій картонъ, а вложенныхъ въ изящную папку. Всѣ предлагаемыя картины отпечатаны въ 17—28 красокъ. За пересылку одного выбраннаго художественнаго изданія, уплачивается ОДИНЪ рубль, а за остальныя по ДВА рубля. Подробное иллюстрированное объявленіе высылается по требованію безплатно.

Адресъ Главной Конторы: Спб., Невскій просп., у Аничкина моста, д. № 68—40.

Digitized by Google

ДЕШЕВЫЯ И ПОЛЕЗНЫЯ
ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ИЗДАНІЯ
ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ:

1) ХУДОЖЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ АЛЬБОМЪ

„СОРОКЪ КАРТИНЪ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ“
(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ОПИСАНІЯ КАРТИНЪ).

1) Проповѣдники христіанства въ Кіевѣ, В. П. Верещагина; 2) Убіеніе Аскольда и Дира на берегу Днѣпра, В. Тоторкова; 3) «Не посрамимъ земли русской»; 4) Первыя жертвы христіанъ въ Кіевѣ; 5) Князь Владиміръ разсматриваетъ изображеніе «Страшнаго суда», М. Лебедева; 6) Князь Владиміръ и Рогнѣда; 7) Крещеніе князя Владиміра; 8) Князь Михаилъ Черниговскій въ ордѣ. Лосева; 9) Юноша Варлаамъ и Антоній Печерскій, А. Земцова; 10) Іоаннъ III разрываетъ ханскую грамоту; 11) Іоаннъ IV и Сильвестръ во время пожара въ Москвѣ, А. Земцова; 12) Іоаннъ Грозный и калики перехожіе, В. Шварца; 13) Іоаннъ Грозный принимаетъ посольство Ермака, С. Растворовскаго; 14) Іоаннъ Грозный и Василиса Мелентьевна, Г. Сѣдова: 15) Іоаннъ Грозный, его нянька и Малюта Скуратовъ; 16) Смерть сына Гвоздева, Н. В. Неврева; 17) «Дорогой гость», Н. В. Неврева; 18) Судъ Божій (изъ романа „Князь Серебряный»); 19) Борисъ Годуновъ умоляетъ Іоанна Грознаго пощадить сына; 20) Митрополитъ Филиппъ и Іоаннъ Грозный; 21) Борисъ Годуновъ и астрологъ, Н. В. Неврева; 22) Игра въ шахматы, В. Шварца; 23) Летаргическій сонъ князя Юрія Дмитріевича Краснаго, Селезнева; 24) Послѣднія минуты Годуновыхъ, К. Венига, 25) Убіеніе Ѳеодора Борисовича Годунова, К. Маковскаго; 26) Смерть Басманова, И. Творожникова; 27) Царица Марѳа и Лжедимитрій, А. Земцова; 28) Послѣднія минуты Лжедимитрія, К. Лебедева; 29) Іезуитъ, утѣшающій Марину Мнишекъ послѣ убіенія Лжедимитрія. М. П. Клодта; 30) Патріархъ Гермогенъ въ заключеніи, П. Чистякова; 31) Посольство въ домъ князя Пожарскаго, А. Савицкаго; 32) Смерть Ивана Сусанина, А. Земцова; 33) Стрѣлецкій бунтъ во время дѣтства Петра I. А. Корзухина; 34) Спускъ на воду перваго ботика въ селѣ Измайловѣ; 35) Петръ I-й среди заговорщиковъ, Шарлеманя; 36) Пугачевъ и Грининъ въ домѣ Шварина; 37) Башкиры уводящіе плѣнныхъ изъ Казани; 38) Военный совѣтъ въ Филяхъ, Кившенко; 39) Бѣгство Наполеона изъ Москвы (7 октября 1812 г.); 40) Плѣнные французы въ 1812 году, Пряшникова.

Большинство картинъ воспроизведены съ оригиналовъ, хранящихся въ Императорскомъ Эрмитажѣ и музеѣ Академіи Художествъ.

ЦѢНА 2 РУБ., ВЪ ПАПКѢ 2 РУБ. 25 КОП.

2) АЛЬБОМЪ

ГАЛЛЕРЕЯ ИЗВѢСТНѢЙШИХЪ РУССКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ,

Состоящій изъ десяти картинъ, отпечатанныхъ въ 17—25 красокъ:

1) «Самозванецъ и Ксенія» (истор. жанръ), *И. В. Неврева*; 2) «Меньщиковъ въ ссылкѣ» (истор. жанръ). *В. Сурикова*; 3) «Варка варенья» (сельск. жанръ), *В. Г. Маковскаго*; 4) «Жестокій романсъ» (жанръ), *И. М. Прянишникова*; 5) «Разлучница» (сельск. жанръ), *К. Трутовскаго*; 6) „Стряпчій“ (жанръ), *В. Г. Маковскаго*; 7) „Сватовство“, *Н. В. Неврева*; 8) „Возвращеніе изъ школы“, *Г. Ѳ. Рыбакова*; 9) „Хуторъ зимою“, *П. Н. Дубовскаго*; 10) „Стадо коровъ“ *Н. А. Эллерта*.

ЦѢНА 2 РУБ., ВЪ ПАПКѢ 2 РУБ. 25 КОП.

3) АЛЬБОМЪ

„ЖАНРЪ И ПЕЙЗАЖЪ“
СТО КАРТИНЪ РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ХУДОЖНИКОВЪ.

ЦѢНА 2 РУБ., ВЪ ПАПКѢ 2 РУБ. 25 КОП.

Обращаемъ вниманіе любителей и знатоковъ картинъ на эти дешевыя и художественныя изданія. Для желающихъ эти альбомы имѣются въ изящныхъ переплетахъ изъ шагреневаго коленкора, съ черной и золотомъ, цѣною отъ 2 до 5 р. За пересылку альбомовъ 50 к.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ: Спб., Невскій пр., у Аничкина моста, №№ 68—40.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ № 11-го

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

«НАБЛЮДАТЕЛЬ».

Стран.

I. Сказаніе о сибирскомъ ханѣ, старомъ Кучюмѣ. Легенда Д. Мамина (*Сибиряка*). 3
II. Лучъ свѣта. Стихотвореніе Л. И. Пальмина 40
III. Современныя теченія въ духовной жизни русскаго народа. М. М. Краснoперова 41
IV. Сонъ. Стихотвореніе А. Будищева. 79
V. Свои-чужіе. Романъ А. В. Круглова. 80
VI. Изъ дневника. Стихотвореніе М. Языкова. 106
VII. Сокровищница ацтековъ. Романъ изъ современной древности. Томаса Жанвье. 107
VIII. Очерки государственнаго кредита въ Россіи. А. Залшупина. 191
IX. Дальній край. Стихотвореніе П. Рейтерна. 204
X. Въ старые годы. (Съ итальянскаго). Переводъ П. Лѣтнева. 205
XI. На шахтахъ. Романъ Е. Свѣтовидова (*Окнч.*). . . . 221
XII. Византія. Историческій романъ (VIII ст. по Р. Х.). Жана Ломбара. (*Окнч.*) 276

Современное обозрѣніе.

XIII. Парижскія. письма Ж. де-К. 1
XIV. Политическая хроника 15
XV. Новыя книги 30
XVI. Наши внутреннія дѣла 37
XVII. Фонографъ. (Фельетонъ «Наблюдателя»). Стихотворенія: Стараго Капрала и Случайнаго поэта 44

Digitized by Google

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ.

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

№ 12 ДЕКАБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Редакція и главная контора помѣщаются на углу Стремянной и Владимірской ул.
№ д. 1—6, кв. 14.
1891.

ТИПОГРАФІЯ С. ДОБРОДѢЕВА, КОВЕНСКІЙ ПЕР., СОБСТВ. ДОМЪ, № 14.

Digitized by Google

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЛИТЕРАТ.-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“

ВЪ 1892 ГОДУ (ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ).

Журналъ издается подъ прежней редакціей, при участіи прежнихъ и новыхъ сотрудниковъ, безъ предварительной цензуры.

Въ журналѣ, за время его изданія, принимали участіе: Я. М. Абрамовъ, проф. И. Е. Андреевскій, Н. Ѳ. Бажинъ, П. В. Безобразовъ, В. И. Бибиковъ, П. Д. Боборыкинъ, графъ П. Д. Бутурлинъ, П. В. Быковъ, А. А. Быковъ, В. В., И. Ф. Василевскій (Буква), П. И. Вейнбергъ, В. Л. Величко, проф. В. П. Даневскій, Н. П. Дружининъ, Ю. Г. Зависѣцкій, проф. А. И. Загоровскій, П. В. Засодимскій, В. Р. Зотовъ, проф. А. А. Исаевъ, П. Ѳ. Каптеревъ, А. В. Круговъ, М. А. Крыловъ, проф. Ѳ. И. Леонтовичъ, П. Лѣтневъ, С. В. Максимовъ, В. Л. Марковъ, Г. А. Мачтетъ, Н. Михантроповъ, Н. Минскій, Д. Л. Мордовцевъ, П. О. Морозовъ, К. В. Назарьева, Вас. И. Немировичъ-Данченко, М. В. Неручевъ, Ф. Д. Нефедовъ, Л. И. Пальминъ, Л. К. Поповъ, Я. П. Полонскій, Ѳ. Э. Ромеръ, Г. П. Сазоновъ, В. Свѣтловъ, проф. В. И. Сергѣевичъ, Д. Сибиряковъ, А. И. Скребицкій, В. К. Случевскій. А. В. Старчевскій, Д. И. Стахѣевъ, Н. Северинъ, Н. Сѣверовъ, Л. Н. Трефолевъ, проф. А. С. Трачевскій, Н. Флеровскій, К. М. Фофановъ, В. В. Чуйко, О. Н. Чюмина, А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ), І. І. Ясинскій и др.

«Наблюдатель» выходитъ ежемѣсячно, *1-го числа*, книгами отъ 25-ти до 30-ти печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	За годъ:		За полгода:
Безъ доставки	12 р.	Безъ доставки	6 р.
Съ доставкою въ Спб.	13 р.	Съ доставкою въ Спб. .	6 р. 50 к.
Съ пер. въ др. мѣста имперіи	14 р.	Съ пер. въ др. мѣста Россіи	7 р.
Съ пересылкою за границу. .	17 р.	Съ пересылкою за границу	9 р.

Иногородные годовые подписчики „Наблюдателя“, желающіе получить второе, дополненное, изданіе монографій редактора: „Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія“, высылаютъ 16 р. Городскіе и заграничные приплачиваютъ къ подписной цѣнѣ 2 рубля.

Уступка книгопродавцамъ—50 к. съ годового экземпляра.

Разсрочка платы *допускается исключительно при подпискѣ черезъ Главную Контору*, причемъ вносится:

	при подпискѣ.	къ 1 мая.	къ 1 сент.
Безъ доставки. . . .	5 р.	4 р.	3 р.
Съ доставкою	6 р.	4 р.	3 р.
Съ пересылкою . . .	6 р.	5 р.	3 р.
Съ перес. за границу .	8 р.	5 р.	4 р.

Библіотеки и кабинеты для чтенія (а также и книжные магазины, при которыхъ они состоятъ) *пользуются разсрочкою платы подъ тѣмъ лишь условіемъ, если выписываютъ не менѣе 15-ти годовыхъ экземпляровъ.*

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи (уголъ Стремянной и Владимірской ул., д. 1—6). Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія на почту только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые подпишутся въ Главной Конторѣ журнала.

Редакторъ-издатель А. П. ПЯТКОВСКІЙ.

Digitized by Google

СВОИ-ЧУЖІЕ.

Романъ.

XIV.

Единственный военный генералъ въ городѣ — Паренцовъ былъ извѣстенъ въ Грязноводскѣ каждому; его и называли не иначе, какъ «нашъ генералъ». Онъ жилъ въ собственномъ домѣ; лѣтомъ, цѣлые дни проводилъ въ саду, ухаживая за цвѣтами, а зимнее и осеннее время посвящалъ «запискамъ», которыя составлялъ для потомства, предполагая, впрочемъ, отрывки напечатать при жизни въ «Русской Старинѣ». Онъ работалъ надъ своими записками болѣе десяти лѣтъ, а онѣ все таки еще не были доведены до половины. Когда его спрашивали: — скоро ли же вы ихъ кончите?—онъ отвѣчалъ съ достоинствомъ:

— Э-э! Вы думаете, это такъ легко? Еслибы я писалъ какой нибудь глупый романъ—дѣло иное, а тутъ нельзя-съ кое-какъ, надо каждое слово обдумать... Вы примите во вниманіе только то: какихъ лицъ и событій касаются мои записки!

Генералъ былъ уже очень старъ. Хотя онъ и увѣрялъ, что ему всего только пятьдесятъ одинъ годъ, но это было не правда. По меньшей мѣрѣ, ему было подъ семьдесятъ лѣтъ. Нѣкоторые увѣряли даже, что ему давно минуло семьдесятъ. Когда Илья Пахомовичъ (такъ звали генерала) работалъ въ саду, въ своемъ халатѣ, «неподтянутый» и даже непричесанный, онъ глядѣлъ именно такимъ старикомъ. Но когда онъ являлся на бульваръ, это былъ совершенно другой человѣкъ. Одѣтый въ военный сюртукъ, тщательно причесанный и гладко выбритый, въ обществѣ онъ старался держаться прямо, какъ бы только для вида опираясь на палку. Положимъ, ножки его превосходительства иногда «пошаливали», глазки слезились, но онъ все таки смотрѣлъ мо-

Digitized by Google

лодцомъ. Правда, злые языки говорили, что онъ носитъ корсетъ, фабритъ усы и подкрашиваетъ волосы, а, придя домой съ прогулки, цѣлый часъ лежитъ, какъ разбитый,—но вѣдь мало ли что говорятъ злые языки! Они утверждали, напримѣръ, что у генерала обѣ челюсти вставныя, и что разъ за обѣдомъ всѣ зубы упали въ тарелку съ супомъ. Генералъ не обращалъ на эти навѣты никакого вниманія и, будучи вдовцомъ, думалъ обзавестись второй супругой. Онъ постоянно увлекался и, находя себя еще достаточно бодрымъ, останавливался въ своемъ выборѣ на молоденькихъ. Увидитъ дѣвушку разъ - два, она ему понравится, онъ сейчасъ же и сватается. Онъ дѣлалъ предложеніе очень многимъ, но все кончалось ничѣмъ, не смотря на то, что онъ имѣлъ средства и получалъ хорошую пенсію. Впрочемъ, дважды онъ былъ помолвленъ: разъ на дочери дьякона, другой—на какой-то вдовѣ, о которой въ городѣ ходили несовсѣмъ лестные слухи. Дочь дьякона отказала ему сама, за нѣсколько дней до свадьбы, предпочтя превосходительному старцу молодаго, красиваго семинариста. Генералъ былъ обиженъ и хотѣлъ жаловаться архіерею на отца невѣсты и даже на ея избранника, но ему отсовѣтовали: къ тому же, въ это время онъ заинтересовался сдобною вдовушкою. Она непремѣнно сдѣлалась бы генеральшей, еслибы Паренцову не попалось случайно ея письмо къ соборному регенту, съ которымъ она находилась въ очень близкихъ отношеніяхъ. Въ этомъ письмѣ встрѣчались слишкомъ ясные намеки, оскорбившіе генерала. «Никуда негодный старый хрычъ», «стоптанный башмакъ», который «скоро совсѣмъ разлѣзется», страшно обидѣлся, разсорился съ невѣстой и потребовалъ отъ нея назадъ всѣ подарки. Вдова, однако, ничего не вернула и, при встрѣчѣ съ недавнимъ своимъ женихомъ, такъ неожиданно напала на него, что «храбрый воинъ» поспѣшно ретировался и пересталъ требовать подарки.

Это случилось незадолго до пріѣзда Лидіи въ Грязноводскъ. Шерстобитова же все и разсказала дочери, которая отъ души смѣялась. Она нѣсколько разъ встрѣчала Паренцова въ соборѣ, на бульварѣ. Однажды, когда она была съ отцомъ въ соборѣ, генералъ очень пристально посмотрѣлъ на нее, потомъ покрутилъ свои нафабренные усы и какъ-то особенно молодцовато вытянулъ лѣвую ногу. Послѣ обѣдни, отвѣчая на поклонъ Марка Васильевича, Паренцовъ задержалъ его и спросилъ:

— Кто это съ вами?

— Дочь моя, ваше превосходительство.

— Дочь? Гм! Но вѣдь ваша дочь, кажется, замужемъ?

Digitized by Google

— То другая, ваше превосходительство. Эта недавно пріѣхала изъ Петербурга. Только что кончила высшіе курсы.

— А-а!—протянулъ генералъ.—Высшіе курсы? Ученая? Гм!

Онъ кинулъ бравурный взглядъ въ сторону дѣвушки и прибавилъ тихонько:

— Прелестная дѣвица!

Онъ шаловливо поигралъ ножкой, повторилъ еще разъ: «прелестная дѣвица» и сдѣлалъ подъ козырекъ: онъ со всѣми такъ здоровался и прощался.

Маркъ Васильевичъ передалъ дочери похвалу Паренцова; Лидія улыбнулась и черезъ минуту забыла объ «его превосходительствѣ».

Какъ-то разъ, вскорѣ послѣ вечеринки, спустившись внизъ, Лидія застала Паренцова въ залѣ. Она очень удивилась, такъ какъ онъ никогда не бывалъ раньше, и съ Маркомъ Васильевичемъ былъ знакомъ, что называется, шапочно. Генералъ браво поднялся и по военному расшаркался передъ дѣвушкой. Она молча поклонилась ему и сѣла возлѣ отца.

«Съ чего онъ пришелъ?»—продолжала недоумѣвать Лидія, далекая отъ мысли, что именно она — причина визита генерала. Когда она вошла, онъ разсказывалъ что-то о розахъ. Прерванный ея приходомъ, разсказъ возобновился. Генералъ съ жаромъ говорилъ о своихъ цвѣтахъ. Наталья Григорьевна слушала его съ большимъ вниманіемъ, видимо довольная визитомъ почтеннаго гостя.

— И любитель же вы цвѣтовъ, Илья Пахомычъ,—сказала она съ пріятной улыбкой.

— Да-съ, большой любитель. — отвѣтилъ генералъ. — Оно, знаете, и полезно: на открытомъ воздухѣ... силы сохраняются, не теряешь бодрости. Вѣдь вотъ я, напримѣръ: мнѣ ужъ пятьдесятъ одинъ годъ (столько же ему было пять лѣтъ тому назадъ), а я... гм! могу сказать: чувствую себя совсѣмъ бодрымъ и крѣпкимъ. Хоть сейчасъ на службу! И знаете: случись война съ этимъ нѣмцемъ, я непремѣнно пойду! Вы думаете—нѣтъ? Пойду-съ, ей богу, пойду-съ. О, — улыбнулся онъ:—мы еще за себя постоимъ, посмотримъ, кто окажется лучше: мы или нонѣшніе?

Онъ тряхнулъ плечами и распространился о преимуществѣ стараго времени, и о томъ, какъ служили тогда. Наталья Григорьевна вся превратилась въ слухъ. Маркъ Васильевичъ изрѣдка поддакивалъ, стараясь не смотрѣть на дочь. Лидія небрежно слушала генерала, у нея въ головѣ неотвязно вертѣлся вопросъ:

Digitized by Google

вѣдь не свои же у него, въ самомъ дѣлѣ, зубы? «Конечно, вставные», рѣшила она, и вдругъ громко разсмѣялась, припомнивъ разсказъ о томъ, какъ генеральская челюсть очутилась въ тарелкѣ съ супомъ. Наталья Григорьевна строго посмотрѣла на дочь. Лидія сама поняла, что ея смѣхъ неприличенъ, и сильно смутилась. Но она не могла удержаться: смѣхъ такъ и душилъ ее. Она достала поспѣшно изъ кармана платокъ и, искусственно закашлявшись, прикрылась имъ. Наталья Григорьевна всей своей фигурой продолжала выражать неудовольствіе.

— Что съ тобою?—спросилъ Маркъ Васильевичъ.

— Такъ, запершило что-то, — отвѣтила Лидія, не отнимая платка отъ губъ.

— Вѣрно, простудиться изволили? — замѣтилъ любезно генералъ.—О, молодость неосторожна!

Онъ помолчалъ и обратился опять къ Лидіи:

— Простите, я, можетъ быть, наскучилъ вамъ своей исторіей? Для васъ она нисколько не интересна. Это вѣдь для насъ—военныхъ, имѣетъ значеніе, а вы, какъ и вообще современная молодежь...

Лидія хотѣла отвѣтить подходящей фразою, но не могла. Словно что-то сдѣлалось съ ней. Она чувствовала, что если заговоритъ, то сейчасъ же разразится неудержимымъ смѣхомъ. Она нарочно закашлялась еще громче и поспѣшно вышла изъ комнаты.

Когда, минутъ двадцать спустя, она вернулась, Паренцовъ что-то говорилъ Натальѣ Григорьевнѣ. Маркъ Васильевичъ сидѣлъ совсѣмъ смущенный. При входѣ Лидіи, генералъ замолкъ. До слуха дѣвушки долетѣли только слѣдующія слова: «я надѣюсь на васъ, милѣйшая Наталья Григорьевна».

— Что, прошло все у васъ?—любезно обратился Паренцовъ къ Лидіи.

— Да, прошло,—отвѣтила она.

— Надо, барышня, беречься,—замѣтилъ генералъ:—кому же и заботиться о себѣ, какъ не вамъ.

— Почему же именно мнѣ?

— Въ ваши годы-съ, при вашей красотѣ... вамъ грѣшно! Вы можете составить счастье человѣку.

— Кому же это?

— Ахъ, Боже мой, мало ли кому! Кто васъ полюбитъ, кого вы полюбите...

— Пока я никого не люблю, значитъ, мнѣ нечего и думать объ этомъ,—отвѣтила дѣвушка.

Digitized by Google

— Но вы еще можете полюбить, — произнесъ генералъ, многозначительно подмигнувъ Натальѣ Григорьевнѣ, причемъ его старческіе глазки еще болѣе заслезились.

Лидія недовольно пожала плечами и стала разсѣянно смотрѣть въ окно. Ей не понравился ни тонъ, ни самый разговоръ генерала. «Какой скверный старикашка!»—съ отвращеніемъ подумала она.

Скоро генералъ сталъ прощаться.

— Куда же вы, Илья Пахомычъ,—остановила его Наталья Григорьевна.

— А мнѣ пора-съ. Пройдусь по бульвару—это ужь мое правило,—да и обѣдать. Я собственно обѣдаю въ двѣнадцать часовъ, давно такъ привыкъ, но сегодня, по случаю праздника,—немного попозже.

Онъ взялъ фуражку съ окна.

— Заходите, Илья Пахомычъ. Мы всегда вамъ рады, — сказала Шерстобитова.

— Непремѣнно-съ. Если позволите, непремѣнно-съ.

Онъ какъ-то особенно улыбнулся, прощаясь съ Лидіей, и шепнулъ Натальѣ Григорьевнѣ, которая вышла его провожать:

— Такъ вы передайте, пожалуйста, вашей дочери, и я надѣюсь...

— Не знаю, что и сказать... Вѣдь она...—также тихо отвѣтила Шерстобитова.

— А вы, какъ мать, уговорите, воздѣйствуйте. Честь имѣю!..

Онъ поклонился, накинулъ шинель и вышелъ изъ передней.

— Съ чего это, папа, Паренцовъ пришелъ къ вамъ?—спросила Лидія, когда генералъ и Наталья Григорьевна вышли.

— Да такъ, дружокъ. Шелъ мимо и зашелъ. Отчего же ему не зайти...

— Вѣдь онъ съ вами незнакомъ и никогда раньше не бывалъ.

— Что же, что не бывалъ. Мы съ нимъ знакомы... Онъ давно собирался зайти.

Тонъ отца Лидіи показался нѣсколько страннымъ.

«Точно онъ чувствуетъ себя виноватымъ передо мной», — подумала она.

— Тебѣ развѣ непріятно, что онъ зашелъ? — промолвилъ Маркъ Васильевичъ.— Онъ человѣкъ почтенный.

— Мнѣ, право, все равно, папа. Ходитъ онъ или не ходитъ—для меня безразлично. Я только такъ спросила.

Въ комнату вошла Наталья Григорьевна.

Digitized by Google

— Каковъ нашъ генералъ-то! а?—съ улыбкой обратилась она къ дочери.—Пятьдесятъ лѣтъ, а молодецъ-молодцомъ, хоть сейчасъ подъ вѣнецъ.

— Что вы, мама,—засмѣялась Лидія:—какіе же пятьдесятъ, ему всѣ семьдесятъ скоро!

— Ну, выдумывай больше,—недовольно возразила мать.—Откуда ты взяла, что семьдесятъ?

— Да всѣ говорятъ.

— Мало ли что болтаютъ!

— Да и вы сами, мама, говорили.

— Полно, пожалуйста,—сердито перебила Наталья Григорьевна:—Что я? говорила тоже съ чужихъ словъ. Развѣ можно въ семьдесятъ лѣтъ такъ сохраниться?

— Да онъ и не сохранился. Онъ весь фальшивый: волосы крашеные, зубы вставные... Помните, какъ его челюсть въ тарелку упала?

— Поудержи, голубушка, язычокъ,—остановила мать: — не очень-то хорошо дѣвушкѣ такъ смѣяться надъ почтеннымъ человѣкомъ. Къ старшимъ надо относиться съ уваженіемъ, а то и осудятъ, пожалуй. Больно ужь бойка.

Лидія удивленно посмотрѣла на мать.

— Да что съ вами, мама? Никакъ вы разсердились?

— Не люблю я, милая, когда дѣвушка такъ болтаетъ. Надо быть скромной, а не пересмѣивать, да еще такихъ людей, какъ Илья Пахомычъ. Онъ достоинъ всякаго уваженія.

— Я и готова его уважать. Но зачѣмъ же онъ уменьшаетъ себѣ года, какъ невѣста? Смѣшно въ его лѣта молодиться.

— И ровно ничего нѣтъ смѣшнаго! Илья Пахомычъ — человѣкъ вдовый, со средствами. Отчего бы ему и не жениться?

— Какъ, Паренцову жениться! Да кто же за него пойдетъ?

Лидія громко захохотала.

— Хохочи, матушка, хохочи больше. То-то хорошо. Э, голубушка, да еще какъ пойдутъ то, съ радостью! Вѣдь у Ильи Пахомыча капиталъ и пенсія... Не приходилось тебѣ еще нуждаться, такъ и говоришь, а кто помаялся, такъ иначе на вещи смотритъ. Нужда-то тоже не вкусна, матушка.

— Я лучше стала бы одинъ хлѣбъ ѣсть, чѣмъ пошла бы за такого, какъ Паренцовъ!—воскликнула Лидія.

— Глупа ты, оттого такъ и разсуждаешь. Послушала бы, что онъ говоритъ: я, говоритъ, жену одѣну, какъ игрушечку, пять тысячъ на нее положу.

Digitized by Google

— Да еслибы онъ меня озолотилъ, я бы за него все равно не пошла.

— И ты это серьезно говоришь?

— То есть, какъ это серьезно? Вѣдь онъ же ко мнѣ не сватается!

— А ты представь себѣ, что сватается.

— Не могу и представить.

— Почему же?

— Это совсѣмъ невозможно!

— А вотъ какъ разъ оно такъ и есть. Онъ просилъ меня передать тебѣ предложеніе.

Лидія вскочила со стула.

— Какъ? Онъ сватается ко мнѣ? Вотъ мерзкій старикашка! Онъ съ ума сошелъ! Ну, еслибы я только знала, я бы его... Такъ вотъ зачѣмъ онъ приходилъ! Папа, неужели вы знали и скрывали отъ меня?—быстро обернулась она къ отцу.

— Ну, что ты: какое скрывалъ... Онъ говорилъ, но я... я не принялъ этого въ серьезъ. Я думалъ—шутитъ,—растерянно произнесъ Маркъ Васильевичъ, не глядя на дочь.

— Скажите, пожалуйста, и онъ туда же!—всплеснула руками жена.—Да по моему, надо пользоваться счастьемъ, а не то, что... Какое у твоей дочери приданое-то особенное!

— Но, мама...

— Нынче, матушка, безъ денегъ никого не берутъ,—продолжала Наталья Григорьевна, не слушая.—Ужь не думаешь ли ты, на самомъ дѣлѣ, за Сачкова выйти? У него, кромѣ смазливой-то рожи, ничего нѣтъ, да и не возьметъ онъ тебя: за Дашей тысячи, а у тебя что?

— Да съ чего вы, мама, взяли, что я хочу выйти за Сачкова? Я вѣдь съ ума не сошла!

— Такъ за кого же пойдешь?

— Ни за кого пока. Я ужь вамъ это говорила.

— Ахъ, что ты говорила... любовь! Паренцову и жить-то недолго. Вотъ останешься вдовой со средствами, тогда и выбирай по любви.

— Что вы говорите, мама?—воскликнула Лидія.—Это ужь совсѣмъ гадко!

— Чего же тутъ гадкаго?—удивилась Наталья Григорьевна.—Никто его не думаетъ морить, а вѣдь не два же вѣка онъ проживетъ! Всякій свое разсчитываетъ.

— Пожалуйста, мама, оставимъ все это,—промолвила Лидія.—Ни за кого по разсчету я не пойду, а тѣмъ болѣе за Паренцова.

Digitized by Google

Я не понимаю даже, какъ можно говорить серьезно объ его предложеніи.

Она попробовала улыбнуться, но ея улыбка вышла какая-то неестественная.

— Да вѣдь мнѣ что,—сказала Наталья Григорьевна, повидимому, совершенно равнодушно, но ея тонъ показывалъ совсѣмъ иное:—я тебѣ хотѣла счастья, а то мнѣ какая корысть! Только смотри, не пожалѣй сама послѣ.

Лидія молчала, и только лицо выдавало ея внутреннее волненіе. Маркъ Васильевичъ боязливо поглядывалъ на дочь. «А что, если она вдругъ уѣдетъ?» подумалъ онъ. «Нѣтъ, не можетъ быть,—успокоивалъ онъ самъ себя.—«Что же такое?'все—пустяки! Конечно, это ее взволновало, а все же...»—Лидія встала и отправилась къ себѣ на верхъ. Маркъ Васильевичъ хотѣлъ послѣдовать за ней, но подумалъ и остался въ залѣ.

— Ну, вотъ тебѣ, отецъ, и курсы! Набралась ума наша Лидія Марковна!—не утерпѣла Наталья Григорьевна, когда дочь вышла.

— Что же, мать, какой онъ ей, въ самомъ дѣлѣ, женихъ... какъ его можно полюбить!

— Да кто тебѣ говоритъ о любви? Заладили оба: любовь, да любовь, тошно слушать даже. Такая выгодная партія, дѣвчонка глупости говоритъ, и онъ туда же. Ученая! Образованная! Ну, вотъ образованной-то какъ разъ и быть генеральшей... Кухаркѣ что ли ею быть-то? А помяни мое слово: Мареушка его въ концѣ концовъ женитъ на себѣ.

Маркъ Васильевичъ вздохнулъ, подошелъ къ окну и началъ барабанить пальцами по стеклу.

XV.

Вскорѣ послѣ обѣда пришла Таня. Она смотрѣла сегодня какъ-то празднично и была очень интересна въ своемъ новенькомъ розовомъ ситцевомъ платьѣ. Лидія сказала ей это. Она покраснѣла отъ удовольствія, польщенная похвалой подруги, мнѣніе которой цѣнила высоко.

— А ты всегда хороша, и всѣхъ лучше!—воскликнула Таня и поцѣловала Лидію.

Послѣ непріятнаго объясненія съ матерью, Лидія чувствовала себя нѣсколько угнетенной и не хотѣла даже спускаться внизъ

Digitized by Google

къ обѣду, но пришелъ отецъ и сталъ просить ее—не придавать значенія «глупой исторіи».

— Ну, что такое... Пустяки все, — произнесъ онъ,—развѣ можно серьезно говорить о сватовствѣ Паренцова:—вѣдь ему скоро будетъ столько же лѣтъ, сколько было Симеону Богопріимцу.

Онъ улыбнулся; невольно улыбнулась и дочь.

— Но мама вѣдь совсѣмъ серьезно говорила, — сказала она.

— Чего тамъ серьезно! А если и такъ, то вѣдь опять же: генералъ, богачъ... отуманило... Что ты ни говори, она тебя любитъ, ну и пріятно было бы видѣть тебя за генераломъ.

— Хотя онъ—развалина!

— Она смотритъ на это по своему. Да знаешь, Лидуша,— вдругъ покаялся Маркъ Васильевичъ:—вѣдь и меня-то сразу тоже отуманило: вотъ, думаю, будетъ превосходительная... знай нашихъ!

— И вы, папа, этимъ соблазнились,—перебила Лидія ласково, но съ легкой укоризной въ голосѣ:—да развѣ я для того училась?..

— Ахъ, Лидуша,—въ свою очередь перебилъ Маркъ Васильевичъ:—теперь-то, конечно... да что я говорю: теперь Я и тогда скоро одумался, а сразу-то оно и соблазнительно показалось. Ну, а какъ начался разговоръ, я все и почувствовалъ...

Онъ не кончилъ и, какъ бы извиняясь за себя, улыбнулся.

— Ахъ, вы, милый мой папа!—промолвила Лидія, снисходительно и въ то же время любовно глядя на отца.—Куда намъ въ генеральши!

— Ну, почему же,—возразилъ Маркъ Васильевичъ.—Если бы только не старъ, да ты его полюбила...

— О, это было бы другое дѣло!—засмѣялась Лидія.

Разговоръ съ отцомъ, его искренность, нѣжность всегда успокоительно дѣйствовали на дѣвушку. Но Наталья Григорьевна продолжала оставаться недовольной и держалась съ дочерью холодно. Лидія послѣ обѣда опять ушла къ себѣ. Она все таки чувствовала себя невполнѣ хорошо. Но веселое, праздничное настроеніе Тани скоро сообщилось и ей, уничтоживъ то непріятное чувство, которое въ видѣ горькаго осадка еще оставалось на днѣ души. И Лидія, уже шутя, спросила подругу, поцѣловавшую ее:

— Что съ тобой? ужь не влюбилась ли ты снова?

— Выдумала!—звонко засмѣялась Таня. — Вотъ Сачковъ не

Digitized by Google

въ шутку въ тебя влюбился. Онъ, кажется, совсѣмъ поссорился съ Дашей.

— Тѣмъ хуже для него. Что мнѣ онъ, когда я покорила сердце самого генерала Паренцова.

— Какъ?

— Былъ сегодня у насъ и сдѣлалъ мнѣ предложеніе.

— Да что ты!—всплеснула руками Таня.—И ты пойдешь?

— А ты какъ посовѣтуешь?

— Не ходи. Развѣ это возможно? Вѣдь отъ него ужь землей пахнетъ. Ахъ, какая умора! Лидочка, неужели ты хочешь выйти?

— Успокойся, не хочу и не пойду.

— То-то. За него здѣсь никто не пойдетъ. Къ кому онъ только ни сватался—всѣ отказываютъ... И вдругъ ты!.. Вотъ бы тебѣ за Маурина?

— Кто такой Мауринъ? я слыхала фамилію.

— Офицеръ. Онъ не здѣшній... Сюда на время посланъ. только онъ здѣсь давненько.

— Что же, красивъ?

— Ахъ, какой красавецъ!

«Не его ли я видѣла съ Лебедевымъ? —подумала она:—если онъ, то дѣйствительно хорошъ».

— Ты его не видала, Лида? Вотъ, можетъ быть, увидишь сегодня.

— Сегодня?

— Да... Я вѣдь за тобой: пойдемъ на бульваръ. Тетѣ нельзя идти, у нея голова заболѣла, а одну меня не отпускаютъ. Съ тобой, тетя говоритъ, можно. Сегодня—праздникъ, народу будетъ много. Пойдешь?

— Хорошо. Только не зайти ли къ Вѣрѣ?

— Пожалуй, если ты хочешь. А лучше бы безъ нея: поболтаемъ по душѣ, а то она такая... такая... ну, какъ бы тебѣ сказать: степенная очень!—нашлась наконецъ Таня.

Лидія улыбнулась. Спустя нѣсколько минутъ, она уже была готова.

— Папа, мы идемъ съ Таней на бульваръ, — объявила она отцу, сидѣвшему въ залѣ.

— И прекрасно. Прогуляйтесь, прогуляйтесь... А оттуда чай пить къ намъ,—отнесся онъ уже къ Танѣ,—вы вѣдь ненадолго, Лидуша?

Былъ чудный лѣтній вечеръ. Склонявшееся къ западу, солнце уже не жгло, а мягко ласкало землю, золотя ея поверхность. Такая погода невольно манитъ на просторъ, вонъ изъ города,

Digitized by Google

гдѣ улицы пыльны и воздухъ душенъ. Лидія высказала это Танѣ, когда онѣ подходили къ набережной рѣки.

— Куда вы это, Лидія Марковна?—раздался вдругъ позади нихъ мужской голосъ.

Лидія оглянулась и увидѣла Лебедева, одѣтаго въ чечунчовую пару. Рядомъ съ нимъ шла пожилая дама, невысокаго роста, худенькая, одѣтая во все черное. Изъ подъ плоской соломенной шляпки торчали прямые свѣтлые волосы, доходившіе только до ворота лифа.

Лидія, а за ней и Таня, остановились.

— Вы уже опять пріѣхали,—сказала Лидія, протягивая руку подошедшему доктору.

— Да, вчера.

Онъ пожалъ протянутую руку и, приподнимая шляпу, поклонился Танѣ.

Лидія познакомила ихъ.

— Куда вы это?—повторилъ Лебедевъ.

— На бульваръ.

— А мы собрались кататься. Ахъ, что же я, — спохватился Лебедевъ:—позвольте вамъ представить: Валентина Ѳедоровна Саблина, мой неоцѣненный помощникъ.

Саблина просто, безъ всякаго смущенія или рисовки, поздоровалась съ Лидіей и съ Таней. Ея некрасивое лицо—широкое и желтое, съ глазами на выкатѣ,—показалось Лидіи симпатичнымъ. Дѣйствительно, оно не было лишено какой-то неуловимой миловидности. Каждая черта въ отдѣльности была некрасива, а всѣ онѣ въ совокупности дѣлали лицо привлекательнымъ. Словно внутреннія хорошія качества просвѣчивали въ этихъ некрасивыхъ чертахъ, придавая имъ то выраженіе, которое дѣлало лицо пріятнымъ.

«Должно быть, она—хорошій человѣкъ», подумала Лидія, мысленно выразившись студенческимъ языкомъ.

— Надолго вы?—спросила она Лебедева.

— Завтра уѣзжаемъ. Я—по дѣламъ въ Сонскъ, а Валентина Ѳедоровна въ Москву, насчетъ своихъ дѣтишекъ хлопотать. Однако, что же мы стоимъ? Пойдемте!

— Но вѣдь мы на бульваръ, а вы—кататься.

— Да, не по дорогѣ. А вотъ что: поѣдемте съ нами! Ну, какая благодать на бульварѣ? То ли дѣло прокатиться!

Лидія вполнѣ была согласна, что на бульварѣ нѣтъ ничего хорошаго: онъ ей уже надоѣлъ, а эти деревянныя фигуры, чинно выступающія по аллеѣ — опротивѣли до омерзенія. За горо-

Digitized by Google

день—хорошо; она любила кататься на лодкѣ, и въ Петербургѣ часто каталась. Но ее на минуту смутилъ вопросъ: а дома? что скажетъ мать? И наконецъ—съ ней Таня...

Занятая этими мыслями, она ничего не отвѣчала доктору.

— Не хочется вамъ?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, я бы охотно...

Лидія уже рѣшила относительно себя, что она поѣдетъ, но какъ Таня?

— Въ чемъ же дѣло? Стѣсняетесь?—проговорилъ Лебедевъ съ легкой усмѣшкой.—Да вѣдь я не одинъ. Валентина Ѳедоровна уже вдова, мать троихъ дѣтей. да и я чуть не въ отцы вамъ гожусь.

— Ты поѣдешь, Таня?—обратилась къ подругѣ Лидія.

— Право, не знаю, Лида.—смутилась та.

— Какъ ты думаешь: будетъ сердиться Марья Кирилловна?

— Не знаю. На бульваръ съ тобой отпустила.

— Такъ развѣ не все равно?—воскликнулъ Лебедевъ.—мы не далеко поѣдемъ. Полноте, барышня... чего тамъ, соглашайтесь!

— Поѣдемъ, Таня! Ужь такъ и быть: я на себя все возьму, тебя выгорожу,—сказала Лидія.

Таня неопредѣленно улыбнулась.

— Пожалуй,—промолвила она, подумавъ, и въ этомъ краткомъ отвѣтѣ сказалось ея страстное желаніе прокатиться, и боязнь того. что могло ждать ее дома.

«Да что же такого особеннаго?—рѣшила она про себя:—къ тому же Лидія беретъ на себя; ну, побранятъ, такъ что же? И такъ ворчатъ, все равно. По крайней мѣрѣ, прокачусь, а то все дома, да дома».

Танѣ было страшно, и въ то же время весело. Она рисковала, но этотъ самый рискъ и придавалъ удовольствію особенную прелесть. Таня чувствовала то же самое, что чувствуетъ школьникъ, потихоньку отъ начальства принявшій участіе въ своевольной затѣѣ, за которую можетъ сильно достаться и которая именно отъ этого такъ соблазнительна Всѣ четверо направились къ рѣкѣ и выбрали легкій, но устойчивый яликъ; въ весла сѣлъ дюжій рабочій. а въ корму—Лебедевъ.

XVI.

Грязноводскъ расположенъ на нагорномъ берегу; на луговомъ раскинулась Слобода, сообщеніе съ которой поддерживается па-

Digitized by Google

ромомъ. Онъ попался на пути нашей компаніи—пришлось остановить лодку и подождать немного.

— Помните нашъ разговоръ въ саду?—обратился Лебедевъ къ Лидіи.

— Помню. А что?

— Вы упрекнули меня тогда, что я увлекаюсь «заграницей». Вотъ неугодно ли: у нѣмцевъ давнымъ бы давно построили мостъ а мы вотъ терпимъ неудобства, бѣдствуемъ, и все таки не строимъ.

— Денегъ нѣтъ, можетъ быть.

— Не въ деньгахъ дѣло, а въ умѣньѣ распоряжаться ими! Когда я былъ студентомъ, со мною вмѣстѣ жилъ нѣмчикъ одинъ—Шварцбергъ, мы его всѣ звали Черногоромъ. Я получалъ съ уроковъ, отъ отца—такъ что въ мѣсяцъ мнѣ перепадало пятьдесятъ рублей вѣрныхъ, и всѣ они уходили: ни гроша не оставалось. Нѣмчикъ получалъ всего двадцать пять рублей, а когда кончилъ курсъ, у него былъ скопленъ маленькій капиталецъ. А жилъ онъ все время не нуждаясь, и меня же порою ссужалъ деньгами. Вотъ эту черту нѣмецъ вноситъ и въ свою общественную дѣятельность. Онъ—не жила, а экономный человѣкъ: на что надо—истратитъ, но только на что надо, и притомъ—минимумъ. А мы—зря соримъ. Проводы устроить, обѣдъ, встрѣчу «лицу», на братушекъ бросить, никому ненужный столбъ поставить—это мы съ удовольствіемъ; коснется же дѣло полезнаго—вопли о безденежьѣ! Нѣтъ-съ, Лидія Марковна, не все ругать нѣмца; у него слѣдуетъ кое-чему и поучиться.

Они уже выѣхали за городъ. Прихотливыя линіи нагорнаго берега продолжались и здѣсь. За первымъ поворотомъ рѣки развернулся чисто сельскій пейзажъ: по низменному берегу потянулись воздѣланныя поля, которыя изрѣзали ровную необозримую поверхность на подобіе шахматной доски. На нагорной сторонѣ сначала шли огороды, потомъ линія берега круто обрывалась, образовавъ довольно значительной глубины оврагъ, сплошь поросшій кустарникомъ. На днѣ оврага протекалъ маленькій ручеекъ, впадавшій въ рѣку. За оврагомъ потянулась цѣпь холмовъ, какъ-то особенно нарядно глядѣвшихъ въ своемъ зеленомъ уборѣ. На одномъ изъ холмовъ высились развалины какой-то убогой избушки, почернѣвшей отъ времени, съ зіяющей пастью вмѣсто двери. Но эти развалины не нарушали живописнаго пейзажа: облитая солнечнымъ свѣтомъ, полузаросшая травой и бѣлымъ мохомъ, избушка придавала красотѣ окружающей природы фантастическій оттѣнокъ.

— Какъ хорошо, и въ Швейцарію ѣхать не надо,—пошутилъ

Digitized by Google

Лебедевъ.—Эхъ, барышня, барышня,—промолвилъ онъ,—вы говорите, что я въ нѣмца влюбленъ, да какъ же не любить-то, что хорошо. Были вы на Волгѣ, напримѣръ? Нѣтъ? И я не былъ! Который годъ собираюсь и все не могу попасть. И всѣ мы почти таковы, россіяне: ничего-то мы своего не видѣли, а посмотрѣть—есть на что, поинтересоваться есть чѣмъ. Мой пріятель одинъ три лѣта подъ рядъ по Волгѣ ѣздилъ, и еще готовъ. А развѣ только Волга и есть у насъ? Вы опять скажете: надо деньги. Отговорки пустыя! Я зналъ одного отца семейства: онъ тоже мечталъ о лѣтней поѣздкѣ, и все на безденежье ссылался, а каждую зиму столько тратилъ на разный вздоръ, что хватило бы за границу съѣздить со всей семьей. Но мы и поѣдемъ, такъ все равно любоваться красотами природы не будемъ. Мы засядемъ въ каютѣ за карты—и пропустимъ все. На одномъ пароходѣ съ моимъ пріятелемъ ѣхали англичане, такъ они ничего интереснаго не пропустили: въ пять часовъ утра на ногахъ уже были, если представлялась надобность. Тутъ же ѣхала компанія русскихъ: въ одинъ конецъ эти милые вояжеры не видѣли Жигулей, потому что проспали, а въ другой—въ карты играли и прозѣвали. Или вотъ вамъ еще: спрашиваетъ мой пріятель у одного пассажира про какой-то городокъ на берегу: что, молъ, это такое?—Право, говоритъ, не знаю. Между тѣмъ онъ ѣхалъ по Волгѣ въ четвертый разъ. Вотъ какъ мы интересуемся! А «нѣмецъ» все разспроситъ, да разузнаетъ.

— Я не отрицаю хорошихъ качествъ у нѣмцевъ, — сказала Лидія,—но вы слишкомъ ими увлечены и не хотите видѣть ничего хорошаго въ русскомъ человѣкѣ. Онъ—вовсе не такъ плохъ.

— Эге, да вы патріотка! Славянофилка еще, пожалуй? Вотъ не ожидалъ-то!

— Совсѣмъ не то, но... вѣдь это вѣрно, что мы смотримъ шире. Нѣмецъ—узокъ...

— О, мы—широкія натуры. Удали у насъ не занасать. Разступись—задавимъ!

Онъ взглянулъ на Таню и промолвилъ другимъ тономъ:

— Эхъ, барышня, да я на васъ тоску, кажется, нагналъ своими разсужденіями? Единственный кавалеръ—и такой неинтересный! Ай, ай, надо исправиться. Лидія Марковна, давайте пѣсни пѣть. Вѣдь вы поете?

— Пою.

— И вы тоже, Татьяна Никандровна?

— Да, пою,—отвѣтила Таня.

Digitized by Google

— Отлично!—А вы?—обратился онъ къ Саблиной.

— Я—плохая пѣвица,—въ первый разъ улыбнулась та.

— Все равно, подтягивать можете. Ну-съ, какую-же пѣсню начать? Лидія Марковна, рѣшайте.

— Давайте «Утесъ»? Вы его знаете?

— Еще бы! Только и надоѣлъ же онъ мнѣ. По правдѣ сказать, фальши въ немъ много.

— Я не знаю этой пѣсни,—проговорила Таня.

— Ну вотъ! Бросимте-ка, Лидія Марковна, всѣ эти умныя пѣсни. Давайте лучше веселую, народную какую нибудь, которую бы всѣ знали,

— Какую же?

— Да хоть «Внизъ по матушкѣ, по Волгѣ»... Знаете?

Эту знали всѣ.

— Кто же изъ васъ начнетъ? Вы, Лидія Марковна, что ли?

— Запѣвай, Таня!

Таня начала звонкимъ сопрано, остальные подхватили, и пѣсня гулко понеслась въ вечерней тишинѣ, надъ воднымъ раздольемъ; она—то замирала, то словно росла и крѣпла, полная размашистой удали и силы. По берегу, между тѣмъ, потянулись кустарники, перелѣски. Но вотъ лодка обогнула мысъ, и на высокомъ берегу сразу выросла деревушка; ея домики лѣпились по скату холма и, казалось, стояли одинъ на другомъ. По улицѣ бѣгали съ гиканьемъ ребятишки. Нѣкоторые изъ нихъ быстро сбѣжали—словно скатились—къ самой водѣ и съ любопытствомъ глядѣли на плывшую лодку.

— Хорошенько, Татьяна Никандровна, хорошенько,—шутливо подбадривалъ Лебедевъ:—видите, публика слушаетъ насъ.

Таня посмотрѣла на берегъ, улыбнулась, и ея пріятный голосокъ еще громче зазвенѣлъ въ воздухѣ.

— Вотъ славно,—похвалилъ докторъ и подхватилъ басомъ:

«Только лодочка чернѣетъ!»

За нимъ подхватили Лида и Саблина. Таня пѣла съ одушевленіемъ. Лидія вся преобразилась: щоки разгорѣлись, глаза блистали.

— Вотъ хорошо!—промолвилъ довольнымъ тономъ Лебедевъ, когда послѣдній звукъ пѣсни замеръ.—Давно я такъ не пѣвалъ... а бывало, въ студенческіе годы, какъ пѣлось... эхма!

Онъ вздохнулъ и досталъ портсигаръ изъ кармана пиджака.

— Закурямъ съ горя. Хотите?—предложилъ онъ Саблиной.

Та взяла папиросу, подождала, пока Лебедевъ зажегъ спичку,

Digitized by Google

закурила и медленно произнесла, выпуская по мужски колечки дыма:

— А вотъ, Юрій Осиповичъ, у нѣмцевъ нѣтъ такихъ пѣсенъ... наши народныя пѣсни за сердце берутъ. Мой мужъ всегда говорилъ: кажется, ничего нѣтъ въ нихъ, а каменное сердце—и то расшевелитъ... Семидесятилѣтняго старика удалью охватитъ, въ ознобъ броситъ...

— Это, пожалуй,—согласился Лебедевъ.—Только вѣдь далеко не всѣ пѣсни таковы!

Разсѣянный взоръ Лидіи блуждалъ по окрестностямъ, а сама она мыслями унеслась далеко отсюда. Ей припомнилось катанье по взморью, незадолго передъ отъѣздомъ въ Грязноводскъ. Было много молодежи обоего пола. Пѣли «Утесъ», «Назови мнѣ такую обитель», «Дубинушку» и «Внизъ по матушкѣ». Всѣ были веселы, только одинъ Веригинъ по временамъ задумывался и какъ-то особенно глядѣлъ на нее. Онъ провожалъ ее до дому и вдругъ спросилъ дорогою:—«Вы непремѣнно ѣдете?»—Да, ѣду,—отвѣтила она. «Но вы вернетесь осенью?» — Не знаю,—сказала она. Онъ ничего больше не спросилъ, только крѣпче обыкновѣннаго пожалъ руку, прощаясь.

«Почему я это теперь вспомнила»?—задала сама себѣ вопросъ Лидія, и снова продолжала думать о Веригинѣ, о которомъ въ послѣднее время вспоминала часто. Она остановилась мыслями на его недавнемъ письмѣ. Онъ какъ-то странно и туманно писалъ о своемъ возвращеніи въ Петербургъ осенью. «Пріѣдете ли вы туда?—спрашивалъ онъ:—мнѣ это надо знать; я самъ не знаю, буду ли я тамъ, или не буду. То есть: надо мнѣ быть или нѣтъ?» Причемъ же тутъ я? подумала Лидія, но она почувствовала, что лукавитъ сама съ собою, не желая себѣ сознаться, что ей понятно загадочное мѣсто письма. Она даже покраснѣла невольно, задавши себѣ въ первый разъ прямой вопросъ: неужели онъ меня любитъ? А я?

Въ ея сердцѣ не было еще яснаго отвѣта, она чувствовала, что не можетъ сказать «да», хотя также не скажетъ и «нѣтъ».

— Лидуша, Лидуша, да что же ты молчишь?—произнесла еще громче Таня, дотрогиваясь рукою до плеча подруги.

Лидія очнулась.

— Что тебѣ?

— Экъ ты замечталась,—проговорила Таня, смѣясь.—Я и докторъ тебя спрашиваемъ, а ты не слышишь.

— Простите, я задумалась. Что такое?

— Назадъ ѣхать, или до рощи?

Digitized by Google

— А далеко роща?

— Нѣтъ, скоро будетъ,—сказалъ Лебедевъ.

— Поѣдемте. Впрочемъ, какъ ты, Таня?

— Да что же... если достанется, такъ все равно заодно,—весело отвѣтила дѣвушка.

— Это вѣрно,—подхватилъ докторъ.—Валяй, милый,—отдалъ онъ приказаніе лодочнику.

Они поплыли дальше, и скоро увидѣли вѣковой лѣсъ, который сплошной непроницаемой массой тяжелѣлъ на воздушномъ фонѣ лучезарнаго неба. Это и была знаменитая роща, которой гордился когда-то ея владѣлецъ, уже давно умершій. По мѣрѣ приближенія къ ней, казалось, она сама надвигалась на плывущихъ, протягивая имъ свои тѣнистыя объятія.

— А не сойдемъ ли мы на берегъ?—предложилъ Лебедевъ.—Право, не мѣшаетъ размять ноги, да и дать отдыхъ нашему «живому паровозу». Роща недурна къ тому же. Вы ее помните, конечно, Лидія Марковна?

— Я никогда въ ней не была,—отвѣтила дѣвушка.

— Неужели? Ну, такъ непремѣнно надо сойти. Позвольте, да тамъ кто-то ужь есть: видите лодку у берега?

Таня и Лидія оглянулись. Дѣйствительно, у песчанаго пологаго берега стояла лодка, въ которой сидѣлъ какой-то человѣкъ въ бѣломъ и курилъ.

— Кто бы это?

Черезъ нѣсколько минутъ, яликъ съ нашими путниками повернулъ къ берегу и, разогнанный усиленными взмахами веселъ, врѣзался въ песчаную отмель.

— Съ кѣмъ ты?—спросилъ Лебедевъ курившаго солдата.

— Съ поручикомъ Мауринымъ, ваше благородіе,—отвѣтилъ тотъ, быстро пряча въ рукавъ «цыгарку».

— А-а! Мстиславъ Орестовичъ здѣсь. Вотъ неожиданность. Ну, барышни,—тихо прибавилъ онъ:—берегите ваши сердца.

Лебедевъ помогъ дамамъ перебраться на берегъ; высаживая Лидію, онъ промолвилъ шутливо:

— Чего я стараюсь! Все равно, черезъ минуту, если только встрѣтимъ Маурина, я буду преданъ забвенію.

— Скажите, пожалуйста,—обратилась къ нему Лидія,—я давно васъ хотѣла спросить, но все забывала:—не онъ ли ѣхалъ съ вами тогда: помните, вы мнѣ встрѣтились?

— Помню, помню. Да, онъ. Что?—красивый мужчина?

— Недуренъ.

Digitized by Google

— Разглядѣли. Эхъ, женщины, женщины! всѣ одинаковы: идея — наука, а все таки главное—переплетъ.

— Какой вздоръ вы говорите, — перебила Лидія, хмурясь.— Нельзя же не замѣтить красоты.

— А, ужь и «красоты!»

— Да, красоты... что жъ такое? Развѣ вы ея не замѣчаете?

Они уже вошли подъ своды густаго лѣса, который когда-то старательно расчищался, а теперь былъ запущенъ. Дорожки заросли; во многихъ мѣстахъ старыя свалившіяся деревья лежали неубранными. Вдругъ въ рощѣ раздался тоненькій голосъ:

— Мстиславъ Орестовичъ, да идите же, бросьте вашу бѣлку!

— Сейчасъ! отозвался пріятный баритонъ.

— Э-э, да онъ не одинъ! — произнесъ многознаменательно докторъ.—Кто это съ нимъ?

— Ольга, вѣрно,—быстро промолвила Таня, и вся вспыхнула отъ сознанія своего промаха. Она поняла, что не должна была показывать виду, что знаетъ и Ольгу, и ея отношенія къ Маурину.

— Вѣроятно, такъ и есть,—согласился Лебедевъ, и лукавая улыбка скользнула по его губамъ.

Между стволовъ высокихъ сосенъ показалось голубое платье, и черезъ нѣсколько минутъ на дорожку вышла стройная, высокая блондинка съ разгорѣвшимся личикомъ, которое дышало смѣлостью и задорною веселостью, За блондинкой слѣдовалъ брюнетъ высокаго роста, съ черными глазами, съ небольшими усиками, красиво лежавшими надъ полною губою. Онъ былъ одѣтъ въ бѣлый китель, разстегнутый на всѣ пуговицы. Блондинка остановилась, удивленная и какъ бы недовольная встрѣчею. Она обернулась и хотѣла что-то сказать своему кавалеру, но онъ въ эту минуту, узнавши Лебедева и быстро застегивая китель, громко крикнулъ ему:

— Докторъ! Вы какимъ образомъ?

— Такимъ же, какъ и вы. Только у васъ одна дама, а у меня цѣлыхъ три.

Маурин, подойдя, пожалъ руку Лебедева и по военному раскланялся съ дамами. Лидіи показалось, что онъ смутился немного, когда ему пришлось знакомить свою спутницу. Эта послѣдняя также почувствовала нѣкоторую неловкость, но черезъ минуту совсѣмъ оправилась, поздоровалась довольно развязно, а на Таню посмотрѣла съ усмѣшкой. Лидія припомнила, что видѣла блондинку не одинъ разъ на улицѣ, и затѣмъ въ соборѣ,

Digitized by Google

но не могла никакъ и подумать, чтобы она была «избранницей» такого блестящаго красавца.

«Однако, почему же избранница?—поймала себя Лидія:—можетъ быть, просто знакомая?» Она упрекнула себя за подозрѣніе, противное ея понятіямъ.

— Вы только что пріѣхали?—спросилъ Мауринъ у Лебедева.

— Да, а вы уже домой?

— Нѣтъ, мы хотимъ направиться къ лѣснику. У него отличное молоко, да и яичницу его жена дѣлаетъ превосходную.

— Это недурно,—сказалъ Лебедевъ.

— Такъ не отправимся ли мы вмѣстѣ? — предложилъ Мауринъ.—Какъ ваши дамы, докторъ?

Дамы ничего не имѣли противъ, и вся компанія направилась къ домику лѣсника. Мауринъ случайно очутился возлѣ Лидіи.

— А мнѣ только что сегодня пришлось слышать о васъ,—сказалъ онъ ей съ любезной улыбкой, красиво изгибая станъ впередъ и немного кокетничая глазами.

— Обо мнѣ? Отъ кого же?—полюбопытствовала дѣвушка.

— Я былъ на завтракѣ у исправника, и тамъ шелъ разговоръ о васъ.

— Вотъ какъ! Развѣ я представляю какой нибудь интересъ для этого общества?

— О, еще бы,—съ тою же любезностью отвѣтилъ Мауринъ.—Вы слишкомъ стоите на виду, чтобы не интересоваться вами.

— На виду—я?—удивилась Лидія.

— Конечно. Ваше образованіе ставитъ васъ такъ, и здѣшнее женское общество... Ахъ,—засмѣялся онъ, — еслибы вы знали, какъ злы на васъ многія барыни!

— Боже мой, да чѣмъ я провинилась передъ ними?

— А тѣмъ, что о васъ говорятъ, что вы выше всѣхъ по развитію, держитесь такъ независимо... Нѣтъ, вы представить себѣ не можете, въ чемъ обвиняютъ васъ.

— Напримѣръ?

— Да, напримѣръ, въ томъ, что вы стояли въ соборѣ на клиросѣ, впереди всѣхъ, даже впереди самой супруги исправника. О, это ужасное преступленіе! «Она дѣвчонка, а не дама (это я вамъ передаю слова нашей градоначальницы), у нея нѣтъ никакого общественнаго положенія, она»... (онъ замялся, ибо дальнѣйшія слова: «она мѣщанка, и больше ничего, хотя образованная, а все таки мѣщанка» — онъ считалъ неудобнымъ передать) «она,—нашелся Мауринъ,—не нашего общества», и т. д. Я отъ души хохоталъ надъ ними.

Digitized by Google

— И все?—промолвила Лидія, подумавъ при этомъ:—«однако, онъ не прочь посплетничать».

— Можетъ быть, и еще что нибудь говорили, но я уѣхалъ.

Все время, пока Мауринъ разговаривалъ не особенно громко съ Лидіей, Ольга, идя рядомъ съ Таней (которая вдругъ притихла и потеряла веселость) напряженно прислушивалась къ словамъ Лидіи и своего кавалера; воспользовавшись удобнымъ случаемъ, она перешла, наконецъ, на другую сторону и пошла также рядомъ съ Мауринымъ, взявъ его подъ руку, причемъ окинула нѣсколько разъ Лидію, не то вызывающимъ, не то торжествующимъ взглядомъ. Но Лидія ничего не замѣтила. Она задумалась по поводу сообщеннаго ей Мауринымъ. «Какія мелочи, какія глупости останавливаютъ ихъ вниманіе,—размышляла она:— и это интеллигенція, это сливки общества. Какъ не задохнуться въ такомъ воздухѣ? А этотъ красавецъ! Конечно, онъ умнѣе ихъ, но, должно быть, тоже изъ мелкихъ фатовъ. Кокетничаетъ глазами, рисуется. А все таки, какъ красивъ и изященъ!»

Она подняла голову; въ нѣсколькихъ шагахъ была уже видна избушка лѣсника.

XVII.

Передъ домикомъ лѣсника раскинулась небольшая полянка, на которой, подъ тѣнью двухъ развѣсистыхъ березъ, былъ устроенъ деревянный столъ и скамейка. Жена лѣсника, видимо, уже привыкшая къ посѣщеніямъ Маурина, велѣла дочери ставить самоваръ, а сама побѣжала въ ледникъ за молокомъ.

— Яичницу, пожалуйста,—крикнулъ Мауринъ,—такую, какъ тогда дѣлала... помнишь?

— Все сейчасъ будетъ готово,—отозвалась лѣсничиха.

Всѣ размѣстились около стола, и только Лебедеву не хватило мѣста на скамейкѣ.

Мауринъ всталъ и, уступая свое мѣсто доктору возлѣ Ольги, промолвилъ съ комической серьезностью:

— Уважая вашу ученость, осмѣлюсь предложить вамъ мѣсто.

— А вы какъ же, доблестный воинъ?

— Я сейчасъ устроюсь, не безпокойтесь!

Какъ человѣкъ, хорошо знакомый съ расположеніемъ домика, онъ отправился туда и вернулся черезъ минуту съ табуреткой въ рукахъ.

Digitized by Google

— Вотъ я и нашелъ себѣ стулъ,—сказалъ онъ, садясь противъ Лидіи.

Завязался какой-то незначительный разговоръ; въ немъ приняли участіе всѣ, кромѣ Тани, которая сидѣла, какъ опущенная въ воду.

— Да что съ вами, барышня: — всю дорогу были такая веселая, пѣли—и вдругъ... здоровы ли вы?—обратился Лебедевъ къ дѣвушкѣ.

— Сказался докторъ!—пошутилъ Мауринъ.

— Да какъ же, помилуйте?

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего, я совсѣмъ здорова... я такъ,—смущенно проговорила Таня и попробовала напустить на себя веселость, но ей это не удалось.

Ольга насмѣшливо посмотрѣла на Таню (которая сидѣла по другую сторону) и, воспользовавшись минутой, когда хозяйка подавала яичницу, а ея дочь самоваръ, шепнула дѣвушкѣ, близко наклоняясь къ ней:

— Вы очень боитесь? Какъ это вы рѣшились! Неужели съ разрѣшенія дяденьки и тетеньки?

Таня покраснѣла. Ее укололи слова Ольги, и въ то же время ей было досадно, что та угадала причину внезапной перемѣны въ ея настроеніи. Однако, неожиданно для себя, она отвѣтила довольно колко:

— Я выѣхала съ приличною компаніей.

Въ глазахъ Ольги мелькнулъ злой огонекъ. Она, конечно, не затруднилась бы отвѣтомъ, но въ эту минуту Лебедевъ обратился къ ней:

— Будетъ вамъ шептаться, Ольга Петровна. Неугодно ли приступить къ обязанностямъ хозяйки!

— Почему же вы предлагаете мнѣ?—спросила Ольга.

— А сему слѣдуютъ пункты—отвѣтилъ докторъ:—во-первыхъ, еслибы мы не пріѣхали, то, конечно, вы бы хозяйничали, а не Мстиславъ Орестовичъ...

Ольга хотѣла что-то возразить.

— Позвольте, я не кончилъ: во-вторыхъ, Татьяна Никандровна такая убитая, что...

— Что занятіе можетъ отвлечь ее отъ печальныхъ мыслей и вернуть прежнюю веселость,—перебила Ольга.—И потому,—добавила она, откидываясь на стволъ дерева:—я передаю бразды правленія моей сосѣдкѣ.

— А что, докторъ, вѣдь возраженіе справедливо,—замѣтилъ

Digitized by Google

Мауринъ:—по мнѣнію медицины, занятіе—лучшее лѣкарство отъ хандры.

— Бѣда, да и только, — промолвилъ Лебедевъ шутливо-жалобнымъ тономъ:—женщины побиваютъ меня на каждомъ шагу!

Всѣ засмѣялись, улыбнулась и Таня, которой пришлось волей-неволей хозяйничать.

— А развѣ васъ женщины часто побиваютъ въ спорахъ?—спросилъ Мауринъ у доктора, передавая ему хлѣбъ.

— Бѣда!—тѣмъ же тономъ отвѣтилъ Лебедевъ. — Недавно Лидія Марковна разбила меня по всѣмъ пунктамъ, а теперь вотъ Ольга Петровна.

— Вотъ какъ: вы побѣдили нашего ученаго врача!—отнесся Мауринъ къ Лидіи.

— Я этого не нахожу,— промолвила она, — напротивъ, я во многомъ съ нимъ согласилась.

— Ну, гдѣ тамъ во многомъ!

— А можно узнать, какого рода былъ споръ? —спросилъ Мауринъ.

— Разумѣется, о женщинѣ и ея правахъ, — отвѣтилъ Лебедевъ.

— И совсѣмъ не о томъ, а о высшемъ женскомъ образованіи,—поправила Лидія.

Мауринъ заявилъ себя сторонникомъ высшихъ женскихъ курсовъ.

— А женственность-то, женственность, батюшка! Вѣдь вы стоите прежде всего за нее!—воскликнулъ докторъ.

— О, конечно, — любезно согласился Мауринъ.—Но одно другому не мѣшаетъ. Лидія Марковна всего лучше это доказываетъ... Или вы не согласны, докторъ?

Лебедевъ махнулъ рукою.

— Нѣтъ, ужь,—промолвилъ онъ, вытирая салфеткой усы,—лучше мнѣ съ вами не говорить, а то вы, пожалуй, богъ знаетъ въ какомъ свѣтѣ представите меня передъ дамами вообще, и передъ ученой въ особенности.

— Бѣдный, вамъ сегодня не везетъ,—замѣтила Лидія.

— О, доброта неизреченная: она же и пожалѣла!

— Потому именно, что ваше замѣчаніе къ Лидіи Марковнѣ не относится,—сказалъ Мауринъ.

Ольга пристально посмотрѣла на своего кавалера. Ей не нравилось, что онъ такъ много говоритъ комплиментовъ «студенткѣ», но Мауринъ или не замѣтилъ брошеннаго на него взгляда, или нарочно захотѣлъ позлить Ольгу и сказалъ Лидіи снова какой-то

Digitized by Google

комплиментъ. Впрочемъ, принимая стаканъ чая отъ Тани, онъ не обошелъ любезностью и ее.

— Позвольте, поручикъ, — произнесъ докторъ: — вы что-то очень ухаживаете за моими дамами; смотрите, вѣдь и я могу...

— Вы намекаете на мою даму? О, я нисколько не препятствую вамъ ухаживать за нею.

— Какъ? Ольга Петровна, вы слышите? Вамъ слѣдуетъ обидѣться.

Ольга дѣйствительно обидѣлась и, судя по выраженію лица, можно было ждать отъ нея не особенно мягкаго отвѣта.

Но ее предупредила Лидія:

— Мнѣ кажется,—сказала она,—слѣдуетъ обидѣться не Ольгѣ Петровнѣ, а опять таки доктору.

— Мнѣ?—удивился Лебедевъ.

— Конечно. Вы сообразите: почему monsieur Мауринъ такъ спокойно смотритъ на ваше ухаживаніе за его дамой? Потому что считаетъ васъ совсѣмъ неопаснымъ соперникомъ.

— Однако, это ужъ черезчуръ, и я могу вызвать васъ на дуэль,—трагикомическимъ тономъ воскликнулъ Лебедевъ, обращаясь къ Маурину.

— Къ вашимъ услугамъ,—поклонился онъ.

— А гдѣ секунданты?

Мауринъ указалъ жестомъ на дамъ.

— Какъ, дамы?

— Что же? Это—новое расширеніе женскихъ правъ, и я увѣренъ, что Лидія Марковна не откажетъ мнѣ въ чести быть моимъ секундантомъ.

— Но надо прежде всего спросить: умѣетъ ли докторъ держать револьверъ,—съ улыбкой сказала Лидія.

— Лидія Марковна, это новое оскорбленіе! Послушайте, — обратился онъ къ Маурину:—вы—спеціалистъ, скажите: могу ли я вызвать ученую женщину на дуэль? Вѣдь если онѣ за равноправность...

Смѣясь и шутя, Лебедевъ сталъ доказывать, что «женщина съ правами» обязана принять вызовъ. Мауринъ ему возражалъ:

— Позвольте,—горячился Лебедевъ:—да вы—софистъ. Сами говорите: расширеніе правъ и вдругъ..,

Саблина улыбнулась и замѣтила вполголоса Лидіи:

— Съ какимъ воодушевленіемъ говоритъ Юрій Осиповичъ, словно и серьезно хочетъ доказать свою мысль.

— Онъ сегодня въ веселомъ настроеніи,—отвѣтила Лидія.

Digitized by Google

— Онъ рѣдко бываетъ въ другомъ: такой счастливый характеръ. Я помню, онъ былъ такимъ же студентомъ.

— Развѣ вы его такъ давно знаете?

— Я съ нимъ познакомилась въ Петербургѣ, когда еще была замужемъ. Потомъ я поступила на фельдшерскіе курсы и по предложенію Юрія Осиповича пріѣхала сюда. Впрочемъ, я недолго служила въ воронежской губерніи.

Между тѣмъ Лебедевъ «побѣдилъ» противника,—какъ торжественно заявилъ онъ,—и заговорилъ о чемъ-то съ Ольгой. Та возразила ему, и между ними начался новый споръ. Лидія встала и медленно направилась по дорожкѣ въ лѣсъ.

— Можно мнѣ съ вами?—кинулъ ей въ догонку Мауринъ.

— Вы нисколько не помѣшаете,—уклончиво отвѣтила Лидія.

Мауринъ всталъ, надѣлъ фуражку, которая лежала у него на колѣняхъ, и послѣдовалъ за дѣвушкой. Ольга сдѣлала нетерпѣливое движеніе, но докторъ удержалъ ее.

— Оставьте! Пусть они идутъ. Вашъ кавалеръ не боится меня, а вамъ нечего бояться Лидіи Марковны.

— Вы думаете? — уронила Ольга, стараясь придать своимъ словамъ шутливый тонъ, но внутренно сильно досадуя на доктора за то, что онъ удержалъ ее, затѣявъ «глупый споръ».

Она все таки хотѣла встать и пойти, но ее остановила боязнь показаться смѣшной въ своей ревности.

— Вы думаете?—повторила она.

— Разумѣется, — отвѣтилъ Лебедевъ. — Во-первыхъ, Лидія Марковна не изъ тѣхъ дѣвицъ, которыя увлекаютъ, то есть, я хочу сказать, не изъ тѣхъ, которыя заманиваютъ, а во-вторыхъ: вамъ ли бояться кого нибудь?

Саблина съ добродушной улыбкой посмотрѣла на доктора. Онъ замѣтилъ ея взглядъ и промолвилъ:

— Что вы? вѣрно подумали: «Э, и онъ туда же за военнымъ комплименты откалываетъ». Нѣтъ-съ, это не комплиментъ, а искреннее мнѣніе.

Ольга засмѣялась довольная, и они вернулись къ спору. Дѣвушка, повидимому, внимательно его слушала, но глаза ея выражали нетерпѣливое безпокойство.

Мауринъ не безъ цѣли послѣдовалъ за Лидіей. Какъ человѣкъ, склонный къ ловеласничеству, конечно, онъ былъ не прочь поухаживать за хорошенькой студенткой, но въ настоящую минуту совсѣмъ другое чувство руководило имъ. Онъ предполагалъ, что Лидіи хорошо извѣстны его отношенія къ Ольгѣ. Ему показалось даже, что Лидія съ нѣкоторой ироніей смотритъ на эти

Digitized by Google

отношенія. Его самолюбіе было задѣто, и онъ не захотѣлъ оставить Лидію при убѣжденіи, что серьезно увлеченъ Ольгой, которая и по своему общественному положенію, и по развитію была неизмѣримо ниже его. Можетъ явиться у читателя вопросъ: зачѣмъ ему это было нужно? Почему онъ дорожилъ мнѣніемъ встрѣтившейся въ первый разъ дѣвушки? Это могло проистекать изъ желанія, чтобы никто не былъ о немъ дурнаго мнѣнія. Развѣ не случается, что завзятый бюрократъ, попавши въ кружокъ свободномыслящихъ людей, подлаживается къ нему, желая оставить о себѣ хорошее мнѣніе въ глазахъ тѣхъ, чьихъ взглядовъ онъ не раздѣляетъ? То же самое и здѣсь. И это будетъ еще понятнѣе, если принять во вниманіе, что Мауринъ привыкъ производить выгодное впечатлѣніе на женщинъ, побѣждать ихъ. Какъ умный человѣкъ, онъ понималъ, что всякую женщину надо брать ея оружіемъ.

Догнавъ Лидію, Мауринъ искусно направилъ разговоръ къ желаемой цѣли. Онъ коснулся Петербурга, перешелъ къ грязноводскому обществу, подчеркнулъ его скуку, мелочность интересовъ и незамѣтно перевелъ рѣчь на себя и Ольгу.

— Право, иная простая дѣвушка гораздо лучше здѣшнихъ чопорныхъ барынь, въ сущности глупыхъ и необразованныхъ, но считающихъ себя интеллигентными аристократками. Да вотъ бы хотя Ольга Петровна: она почти совсѣмъ безъ образованія, зато въ ней немало простоты, искренности, и ужь несомнѣнно она чище всѣхъ этихъ пуританокъ, косо смотрящихъ на нее, но въ сущности болѣе грѣшныхъ, чѣмъ она. Впрочемъ, — прибавилъ онъ небрежно, какъ бы между прочимъ, — я бы никогда, конечно, не встрѣтился съ нею, еслибы не тифъ.

Онъ пустился въ подробныя объясненія. Опасно заболѣвъ, онъ думалъ, что умретъ; но молодость взяла свое: онъ сталъ поправляться. Поправлялся онъ медленно, скука томила его. Вотъ въ это-то время онъ и сблизился съ Ольгой, у отца которой онъ нанималъ двѣ комнаты. Оказалось, что она ходила за нимъ во время его болѣзни, когда онъ лежалъ безъ памяти. Теперь она стала проводить въ его комнатѣ цѣлые дни и вечера, развлекая его разговоромъ, читая книги. Онъ не могъ не оцѣнить этого, тѣмъ болѣе, что дѣвушка рисковала своей репутаціей, и чуть не поссорилась съ отцомъ. Когда онъ увидѣлъ, что она къ нему привязалась, горячо его полюбила, у него не хватило духа оттолкнуть ее, сказать, что онъ ее совсѣмъ не любитъ. Изъ благодарности онъ отвѣчалъ ей лаской. Это еще болѣе поддерживало ея заблужденіе. Онъ хотѣлъ сказать правду, но не могъ, и

Digitized by Google

продолжалъ лгать. Конечно, она ему не чужда, тѣмъ болѣе, что она все таки дѣвушка хорошая, но это еще далеко не любовь!

Мауринъ нашелъ, что отрицать нѣкоторую привязанность къ Ольгѣ не слѣдовало: въ его интересахъ надо было похвалить дѣвушку. Лидія слушала его и думала: «зачѣмъ онъ мнѣ все это говоритъ? Развѣ я спрашивала?» Она не поняла его цѣли и промолвила, когда онъ замолчалъ:

— Вы точно каетесь передо мной, но я и не думала васъ обвинять. Я (она остановилась на минуту)... я до сихъ поръ ничего даже не знала о вашихъ отношеніяхъ.

«Развѣ?»—чуть было не вырвалось восклицанія у Маурина, который упрекнулъ себя въ ненужной откровенности, но сейчасъ же, впрочемъ, успокоился при мысли, что если Лидія не знала, все равно потомъ узнала бы отъ подруги.

— Вы не такъ меня поняли,—сказалъ онъ:—я не каялся, а просто... пришлось къ слову. Pardon, если это вамъ показалось неумѣстнымъ и излишнимъ.

— О, что же мнѣ!—возразила Лидія,—это касается васъ.

Она посмотрѣла вдаль, по направленію къ домику лѣсника, и замѣтила:—Если не ошибаюсь, это ваша дама спѣшитъ къ намъ!

Дѣйствительно, это шла Ольга, безпокойство которой увеличивалось все больше и больше, и перешло, наконецъ, въ трудно-скрываемое волненіе.

— Однако, они что-то очень долго гуляютъ, — не утерпѣла она и встала, оставляя споръ неоконченнымъ.

— Они сейчасъ вернутся,—сказалъ Лебедевъ.

— Нѣтъ, Мстиславъ Орестовичъ — большой говорунъ. Онъ увлечется, а между тѣмъ пора домой.

И она, не слушая уже доводовъ Лебедева, быстро пошла въ лѣсъ.

Докторъ пожалъ плечами и промолвилъ съ улыбкой:

— О, женщины, женщины!

— Не утерпѣли?—встрѣтилъ Мауринъ Ольгу, когда она приблизилась къ нимъ.—Думали, что заблудимся и не вернемся!

Въ его шутливомъ тонѣ проглядывало неудовольствіе.

— Пора домой,—сказала Ольга сдержанно, но взглядъ, брошенный на Маурина, говорилъ совсѣмъ другое.

— Видите, мы уже возвращаемся.

«О чемъ они разговаривали?» — думала Ольга, посматривая сбоку на Лидію.—«Ну, нѣтъ, докторъ, кажется, ошибается, называя ее неопасной». И вдругъ у Ольги явилось желаніе по-

Digitized by Google

казать свою близость къ Маурину, проявить надъ нимъ нѣкоторую власть.

— Мстиславъ, — громко сказала она: — дайте мнѣ руку и возьмите мою кофточку. Мнѣ въ ней жарко.

Мауринъ пытливо и досадливо посмотрѣлъ на нее и промолвилъ, подставляя ей руку:

— Напрасно вы брали кофточку съ собой, Ольга Петровна. Лучше было бы оставить тамъ.

Онъ умышленно подчеркнулъ слова: Ольга Петровна. Она поняла, что онъ сердится, и осталась этимъ довольна.

— Развѣ вамъ такъ трудно нести ее? — сказала она и, бросивъ взглядъ на Лидію, добавила:—она во всякомъ случаѣ легче меня, а вчера вы несли меня на рукахъ больше версты.

Мауринъ вспыхнулъ, и гнѣвно блеснули его черные глаза, но онъ сейчасъ же овладѣлъ собою и съ обычной любезностью промолвилъ:

— Я—человѣкъ очень добрый, и если вы сегодня въ тѣхъ же крошечныхъ башмакахъ, въ которыхъ не можете ходить, то я опять готовъ нести васъ.

И, какъ бы думая вслухъ, вполголоса произнесъ:

— Удивительное тщеславіе у женщинъ: всѣ онѣ хотятъ имѣть непремѣнно стройную ножку, а этихъ ножекъ такъ мало, какъ вѣрно выразился Пушкинъ.

Мауринъ зналъ больное мѣсто Ольги и нарочно кольнулъ ее.

— Ну, такъ что же! А развѣ мужчины лучше?—задорно возразила она:—многіе, чтобы быть стройнѣе, носятъ корсеты, какъ и женщины.

— Совершенная правда,—согласился Мауринъ, — но бросимъ этотъ разговоръ, а то мы можемъ дойти до такихъ подробностей, о которыхъ говорить едва ли удобно.

Они уже подходили къ домику лѣсника.

— Нашлись? Не сбѣжали?—крикнулъ Лебедевъ.

Но онъ не получилъ отвѣта на свой вопросъ.

— Пора, Лидія, домой, — сказала Таня, когда подруга сѣла возлѣ нея.

Веселость окончательно оставила ее, и какой-то внутренній ознобъ билъ дѣвушку. Она съ ужасомъ думала теперь о томъ, что ожидаетъ ее дома.

Скоро всѣ двинулись въ обратный путь. Лидія пошла съ Таней рядомъ. Онѣ пріотстали немного отъ компаніи.

— Ахъ, Лида, достанется мнѣ теперь,—сказала Таня со слезами въ голосѣ.

Digitized by Google

— Ничего. Я зайду къ вамъ и все улажу. Скажу, что задержали.

— Да не-то. Ужь это бы ничего, что поздно.

— А что же?

— Ольга!

— Что жъ такое она?

— Ахъ, ты ничего не знаешь.

— Не знаю. Нѣтъ, если хочешь, и знаю. Но что же изъ этого?

— Какъ что? Да тетя запрещаетъ мнѣ съ ней кланяться, а теперь вдругъ вмѣстѣ. Вѣдь ее всѣ считаютъ... Ты понимаешь?

— Да, понимаю.

Лидія помолчала и сказала:

— Ничего, я все разскажу. Вѣдь не съ ней же мы поѣхали. Случайно встрѣтились.

— Это такъ.

— Не бѣжать же намъ было. Я все это объясню Марьѣ Кирилловнѣ. А скажи ты мнѣ: какъ ты сама смотришь на Ольгу?

— Мнѣ жалко ее,—искренно отвѣтила Таня.

— Почему?

— Да развѣ онъ ее любитъ? Такъ только; потѣшится и броситъ. Не первую уже онъ такъ бросаетъ... А вѣдь она погубила себя изъ-за него.

Подошли къ рѣкѣ и стали садиться.

— Позвольте, я помогу вамъ,—предложилъ Мауринъ Лидіи.

— Благодарю, я сама,—отвѣтила она и ловко прыгнула въ лодку, не воспользовавшись рукою Маурина.

Ольга едва замѣтно хихикнула и съ усмѣшкой посмотрѣла на своего кавалера, который подсаживалъ ее. Обѣ лодки быстро поплыли по теченію, стараясь держаться рядомъ. Обратный путь не представлялъ прежнихъ красотъ: солнце скрылось за горизонтомъ, и хотя заря еще горѣла на небосклонѣ, но снизу уже поднимались тѣни — чѣмъ дальше, тѣмъ выше. Тьма вступала въ свои права, сначала робко, а потомъ смѣлѣе и рѣшительнѣе: сначала все потускнѣло; лѣсъ утратилъ свою прозрачность, краски поблекли, и его зеленая масса приняла таинственный, какъ бы угрожающій характеръ. Развалины избушки мрачнымъ силуэтомъ обрисовались на потускнѣвшемъ фонѣ неба. Вода казалась черной, тишина еще болѣе пугала, и голоса плывшихъ выдѣлялись рѣзкимъ диссонансомъ. Въ городѣ уже мелькали огоньки. Въ ту самую минуту, какъ наша компанія поднималась на высокую на-

Digitized by Google

бережную, съ нея спускалось трое мужчинъ. Это были: Сергѣй и его товарищи.

— Вотъ онѣ, ученыя-то, какъ проводятъ время, веселѣе нашего, —язвительно проговорилъ братъ Лидіи, не стѣсняясь тѣмъ, что его могутъ услышать, а, можетъ быть, и нарочно для того, чтобы его слышали.

— Никакъ, съ ними и Ольга,—сказалъ одинъ изъ пріятелей.

— Тсъ! — остановилъ другой. — Развѣ не видишь Маурина: онъ, братъ, не любитъ шутить.

И, хихикая, всѣ трое начали спускаться къ рѣкѣ.

Маурину и Ольгѣ пришлось скоро отдѣлиться отъ остальной компаніи.

— Я надѣюсь, что мы еще встрѣтимся, — проговорилъ Мауринъ, прощаясь съ Лидіей.

— Вѣроятно,—отвѣтила она.

— Можетъ быть, и еще когда нибудь устроится подобная прогулка.

— Докторъ завтра уѣзжаетъ,—сказала Лидія, первая подавая руку Ольгѣ.

— Развѣ безъ доктора вы не можете и ѣхать?—спросилъ Мауринъ.

Лидія пожала плечами.

— Я могу ѣздить, съ кѣмъ хочу,— промолвила она, — но у меня мало времени... Я занята.

«Уклоняется,—подумала Ольга:—не хочетъ. Что это? Увидѣла ли, что со мной не легко имѣть дѣло, или... это штуки?»

— Ну, пойдемте же,—заторопила она, сильно опираясь на руку Маурина.

Онъ раскланялся еще разъ со всѣми, и они пошли. Уже проводивъ Таню, недалеко отъ своего дома, Лидія спросила Лобсдева:

— Скажите, пожалуйста, вы давно и хорошо знакомы съ Мауринымъ?

— Года три, но не могу сказать, что хорошо, то есть въ смыслѣ пріятельства. Однако я знаю его.

— Какъ вы его находите?

— Красивый мужчина!

— Ахъ, не то! Я это вижу и сама.

— Вы насчетъ идеи? Ni foi, ni loi... Ловеласъ, прожигатель жизни... Немножко Нарцисъ, краснобай, но малый добрый и не глупый. Только одно вотъ...

— Именно?—подняла на доктора глаза Лидія.

Digitized by Google

— Много прекрасныхъ созданій погубилъ, да и погубитъ.

— Значитъ, негодяй?—рѣзко сказала Лидія.

Они подошли къ дому Лидіи.

— А ваши еще не спятъ,—сказалъ Лебедевъ.

Дѣйствительно, окна были открыты, и у одного изъ нихъ сидѣлъ Маркъ Васильевичъ.

XVIII.

Онъ самъ отперъ дверь.

— Лидуша, да гдѣ же ты была?—спросилъ Маркъ Васильевичъ съ удивленіемъ и тревогой въ голосѣ.

— Простите, папа, я васъ обманула невольно. Пожалуй, вы безпокоились,—ласковымъ и нѣсколько виноватымъ тономъ проговорила Лидія, входя въ переднюю.

— Мы съ матерью голову потеряли и придумать не могли, куда ты зашла. Вѣра пришла съ бульвара, мать ее спрашиваетъ: ты одна, а не съ Лидіей?—Да Лидіи, отвѣчаетъ, и нѣтъ на бульварѣ.—Какъ, нѣтъ? Она съ Таней на бульваръ пошла.—И Таню, говоритъ, на бульварѣ не видала; вѣрно, говоритъ, онѣ на вокзалъ отправились. Мы немного успокоились.

Маркъ Васильевичъ говорилъ это, поднимаясь за дочерью въ мезонинъ.

— Ну, вотъ, хорошо, — продолжалъ онъ, входя въ комнату Лидіи:—ждемъ васъ, и Вѣруша ждетъ. Проходитъ еще часъ — васъ все нѣтъ. Поѣздъ давнымъ давно пришелъ. Опять насъ безпокойство взяло. Тутъ вдругъ Марья Кирилловна прибѣгаетъ, спрашиваетъ насчетъ Тани. Мы говоримъ: не возвращались еще. Она просто не знаетъ, что́ и думать. Вернулся Сергѣй съ вокзала. Мы къ нему всѣ. И онъ васъ не видѣлъ. Тутъ мы совсѣмъ перепугались. Рѣшаемъ всѣ и рѣшить не можемъ: куда вы зашли, что́ съ вами могло случиться.

— Милый папа, простите, не сердитесь,—произнесла Лидія.

Она сняла шляпку, накидку, подошла къ отцу, положила къ нему на плечо руку и еще ласковѣе добавила:

— Простите! Я—скверная, нехорошая. Развѣ можно было доставлять вамъ столько тревоги... Я страшно виновата, папочка!

Въ искреннемъ порывѣ она нагнулась и поцѣловала у отца руку.

— Что ты, что ты... какая особенная вина? Ну, потревожились, да что же такое?

Digitized by Google

Онъ смутился отъ поступка дочери и, взволнованный и обрадованный, обнялъ ее и крѣпко поцѣловалъ въ лобъ.

— Да скажи мнѣ, гдѣ же вы были до сихъ поръ?—произнесъ онъ, съ любовью глядя на дочь.

— Катались. Далеко были: въ рощѣ гуляли, у лѣсника чай пили.

— Да съ кѣмъ же вы?

— Охъ, папочка, достанется опять мнѣ.

— За что же? Развѣ...

— Знаете, съ кѣмъ мы катались?

Она остановилась на секунду и медленно договорила:

— Съ Лебедевымъ и фельдшерицей Саблиной. Они насъ встрѣтили и уговорили ѣхать.

— Съ Лебедевымъ и съ Саблиной? Ну, это ничего...

— Вѣдь вы помните, какъ мама говорила о немъ?

— Помню. Да онъ не одинъ былъ. а съ фельдшерицей, говоришь! Тутъ нѣтъ ничего дурнаго...

— Но это еще не все. папа; дальше-то что было!

— Какъ дальше? Да что же могло быть еще?—съ удивленіемъ произнесъ Маркъ Васильевичъ, и снова безпокойство промелькнуло въ его глазахъ.

— Мы встрѣтили въ рощѣ Маурина. Знаете его?

— Какъ же, знаю, офицеръ здѣшній.

— Мы встрѣтили его, а съ нимъ была знакомая его барышня, Ольга Петровна!

— Ольга?.. Ольга Петровна... Гм!—Онъ точно поперхнулся, произнося это имя.

— Я буду говорить, папа, съ вами откровенно: я не раздѣляю предразсудковъ и вовсе не намѣрена клеймить бѣдную дѣвушку за то, что она любитъ Маурина. Это ея дѣло.

— Да, конечно, это ея дѣло,—нерѣшительно произнесъ Маркъ Васильевичъ.

— Разумѣется, папа. Но Таня говоритъ, что на Ольгу смотрятъ всѣ косо, что Марья Кирилловна запрещаетъ Танѣ даже кланяться ей. Если всѣ такъ смотрятъ на нее, разумѣется, и мама такого же взгляда. Правда, вѣдь?

— Правда, Лидуша.

— Слѣдовательно, она меня будетъ бранить, и непремѣнно выдетъ исторія.

Маркъ Васильевичъ задумался.

— Видишь ты,—произнесъ онъ, глядя безцѣльно въ окно:— я собственно съ тобой согласенъ: какое намъ дѣло ее судить! А

Digitized by Google

только вотъ что: другіе смотрятъ иначе, и на ту дѣвушку, которая съ ней знакома, также пятно ложится...

— Что мнѣ всѣ! Я безпокоюсь не за себя, а за Танюшу.

— Гм! Гм!

У Марка Васильевича опять запершило въ горлѣ.

— Оно такъ-то такъ,—произнесъ несмѣло Маркъ Васильевичъ, какъ бы боясь обидѣть дочь. — Да вѣдь дурной слухъ далеко идетъ.

— Пускай.

— А твое мѣсто? Дойди до головы что нибудь такое, ни за что не опредѣлитъ тебя. Онъ человѣкъ старинныхъ понятій.

— Тогда я...—начала было Лидія, но въ эту минуту раздался снизу голосъ Натальи Григорьевны:

— Что вы тамъ засѣли? Не до утра же ждать васъ.. И то сколько разъ самоваръ подогрѣвали!

Она говорила отрывисто и сердито.

— Я не хочу чаю,—сказала Лидія тихо.

— Нѣтъ ужь, дружокъ, пойдемъ, а то она еще больше разсердится.

Лидія покорилась и пошла внизъ, увѣренная, что не обойдется безъ исторіи.

— Ты не говори ей, Лидуша, о Мауринѣ и Ольгѣ,—шепнулъ Маркъ Васильевичъ на лѣстницѣ.

— Нельзя, папа; Сергѣй видѣлъ насъ.

— Все равно, не говори сегодня. И узнаетъ, такъ послѣ, а то, видишь, какъ сердится. Да я и пристрункю Сергѣя. Не разболтается у меня.

— По моему, папа...

— Нѣтъ, нѣтъ. Сегодня не надо, послушайся меня. Я знаю, что говорю.

Они вошли въ столовую.

— Ты гдѣ же, голубушка, шлялась до сей поры?—встрѣтила Наталья Григорьевна дочь.

Лидію покоробило отъ этой грубой фразы. И если вопросъ отца, дышавшій заботливой тревогой, пробудилъ въ ея душѣ сознаніе вины, и ей стало совѣстно за причиненное ему безпокойство, то слова матери произвели противоположное дѣйствіе, и дѣвушкѣ захотѣлось отвѣтить также рѣзко, не скрывая ничего. Но отецъ предупредилъ ее, и его голосъ, мягкій, дышавшій любовью и примиреніемъ, обезоружилъ ее.

— Она, мать, каталась. Вотъ и вся разгадка.

— Какъ каталась? Съ кѣмъ это?

Digitized by Google

Сердитое выраженіе не сходило съ лица Натальи Григовьевны, и она насупила брови, задавая этотъ вопросъ.

— На лодкѣ, мать.

— Да чего ты-то отвѣчаешь: у нея самой развѣ языка не стало? Я вѣдь ее спрашиваю,—оборвала мужа Наталья Григорьевна.

Лидія уже сидѣла. Каждое слово матери задѣвало и раздражало ея нервы, но она поборола себя и сдержанно произнесла:

— Вы сердитесь опять, мама...

— Да какъ же, матушка, не сердиться!—воскликнула Шерстобитова.—Ушла на два часа, а тутъ ночь на дворѣ, а ея нѣтъ. Чего, чего мы не передумали съ отцомъ.

— Я виновата, мама, но такъ случилось...

— И что за срамъ,—продолжала Наталья Григорьевна, не слушая дочери:—дѣвушки, и до какой поры ходятъ. Однѣ гулёны теперь только бродятъ. Нечего брата винить, что онъ такъ-то: не зажмешь ему ротъ, если будешь подавать поводъ.

— Онъ самъ сейчасъ попался мнѣ на улицѣ.

— Сравнила, матушка, съ собою брата! Онъ вѣдь мужчина, къ нему ничего не пристанетъ.

Она подвинула чашку дочери и освѣдомилась тѣмъ же отрывистымъ тономъ:

— Съ кѣмъ же это вы катались? Ужь не съ Сачковымъ ли тебя угораздило поѣхать?

— Развѣ я съ нимъ поѣду!

— Такъ съ кѣмъ же? Спрашиваю, спрашиваю и добиться не могу.

— Намъ встрѣтился Лебедевъ.

— И вы съ нимъ поѣхали?

— Онъ, мать, не одинъ.

— Да замолчи, отецъ. Я не съ тобой говорю. Чего ты суешься?

Маркъ Васильевичъ махнулъ рукой и отошелъ въ сторону.

— Кто же еще былъ?—обратилась Наталья Григорьевна къ Лидіи.

— Фельдшерица Саблина. Вдова, и уже пожилая.

— Валентина Ѳедоровна?

— Да. Вы ее знаете?

— Какъ не знать! Тихая-то она, тихая и ничего срамнаго о ней не слышно, только по вашей же части: ходитъ обстриженная, цыгарку сосетъ, какъ есть нигилистка.

— Ну, какая она нигилистка! — улыбнулась Лидія. — Трое дѣтей.

Digitized by Google

— Экая важность, что трое! Вона Шумахеръ въ Сонскѣ, чай, помнишь: у нея шестеро, да и старше она Саблиной, а развѣ не нигилистка? Всѣ говорили, что и въ Бога не вѣруетъ.

Наталья Григорьевна говорила уже нѣсколько спокойнѣе. Хотя Саблина, по ея понятію, и была «нигилисткой», но все же она женщина скромная, о которой дурнаго никто не могъ сказать. Ѣхать съ нею, это не то, что съ однимъ Лебедевымъ. Когда Маркъ Васильевичъ сообщилъ, что Лидія ѣздила кататься, Наталья Григорьевна почему-то сразу рѣшила, что она ѣздила непремѣнно съ Сачковымъ. О Лебедевѣ ей и въ голову не пришло, потому что она не знала о его пріѣздѣ. Успокоенная отчасти, Наталья Григорьевна понизила и смягчила тонъ, но все таки нашла нужнымъ пожурить дочь.

— И съ Саблиной не слѣдъ такъ долго ѣздить, все равно нехорошо. И еще съ Таней! Знаешь Марью Кирилловну; и я вѣдь тебѣ не ладна, а пожила бы съ ней! Танюша-то не смѣетъ шагу ступить. Разъ какъ-то она на улицѣ двумя словами перекинулась со знакомымъ кавалеромъ, безъ тетки, одна,—такъ вѣдь какой нагоняй былъ: всѣхъ святыхъ выноси. А ты ее кататься увезла. Съ тобой отпустили ее, какъ съ хорошей дѣвушкой—довѣрили, а ты на-ка! Теперь вотъ какъ хочешь, такъ и раздѣлывайся.

— Я завтра схожу къ нимъ,—сказала Лидія, мѣшая ложечкой въ чашкѣ.

— Схожу! Да что еще выдетъ изъ твоего хожденія? А ужь Танѣ попадетъ, ой, ой, какъ попадетъ! Теперь ее, голубушку, засадятъ. И носу никуда не покажетъ. Вотъ тебѣ и катанье.

Лидія сожалѣла въ душѣ, что согласилась на предложеніе Лебедева и поѣхала. Ей было жаль Тани. «А ну, какъ въ самомъ дѣлѣ случится все такъ, какъ говоритъ мама?» За себя Лидія не тревожилась, хотя и знала, что рано ли, поздно ли, все равно, правда откроется. Она не надѣялась, чтобы отцу удалось заставить молчать Сергѣя. Такъ или иначе, онъ разскажетъ. Лидія находила, что нечего и теперь лгать, гораздо лучше все сказать прямо, но отецъ просилъ, и она не хотѣла поступить противъ его желанія. «Однако, вѣдь и Марья Кирилловна узнаетъ правду,—пришло Лидіи на умъ:—не Таня, такъ посторонніе скажутъ. Если еще не зная всего, только за одно катанье Марья Кирилловна можетъ такъ поступить съ Таней, то что же будетъ съ ней, когда откроется вся правда!»

Лидія почувствовала себя глубоко виноватой передъ подругой и сильно упрекала себя за увлеченіе. Погруженная въ раз-

Digitized by Google

мышленія, Лидія сидѣла, подперши голову рукой, и забыла совсѣмъ о чаѣ.

— Что же не пьешь-то?—окликнула мать.—Нечего задумываться теперь. Надѣлала дѣла, да и сама не рада. Такъ-то и все, моя милая: и близокъ локоть, да не укусишь. Можетъ быть, пожалѣешь и о другомъ, поважнѣе что, да тоже ужь не вернешь...

— Кто не ошибается, мама.

— Нашла отвѣтъ. А ты поправляй, пока не поздно.

— Что же мнѣ поправлять?

— А про что мы днемъ съ тобою сегодня говорили?

— Ахъ, вы опять о Паренцовѣ! — улыбнулась Лидія не то грустно, не то устало.

— О немъ. Теперь вотъ фордыбачишь, а потомъ и жалѣть будешь, да поздно.

— Объ этомъ никогда не пожалѣю, могу сказать навѣрное.

— Не говори такъ, матушка. Жизнь-то еще длинна. Не знаешь, что тебя ждетъ... Можетъ быть, не разъ пожалѣешь.

Наталья Григорьевна зѣвнула, перекрестила ротъ и посмотрѣла на часы.—Вона! люди добрые уже выспались, а мы еще не ложились,—сказала она и снова зѣвнула.

— Напрасно вы ждали, мама,—произнесла Лидія, вставая.

— До сна ли было, когда не знали, что и подумать о тебѣ. Не была еще матерью, такъ не знаешь и боли материнскаго сердца.

— Прощайте, мама, и не сердитесь, — сказала Лидія.—Кто Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ, — съ улыбкой прибавила она.

— Ладно. Подбирай присказки-то. Охъ, бѣда да и только съ вами, съ учеными! Словъ нашихъ глупыхъ не слушаете, какъ вѣдь можно: дураки необразованные—и вдругъ учить хотятъ. А сдѣлаете на свой манеръ, и худо выходитъ. Говорила отцу: не ладно поступаешь, не послушался,—ну, вотъ и пеняй на себя!

Лидія простилась и пошла къ себѣ. Маркъ Васильевичъ проводилъ ее до лѣсницы и шепнулъ съ добродушной улыбкой:

— На сегодня обошлось, ну и дальше ничего, можетъ быть, не будетъ. Прощай. Спи съ Богомъ! Я будить тебя не велю завтра.

Лидія начала привыкать въ Грязноводкѣ ложиться рано, да и прогулка сегодняшняя ее утомила. Она раздѣлась, легла и сейчасъ же заснула.

Digitized by Google

XIX.

Лидія просматривала только что полученный нумеръ газеты, когда ее вдругъ позвала мать:

— Лидія, иди-ка сюда!

Хотя вчера за чаемъ Наталья Григорьевна держала себя съ дочерью и не такъ, какъ всегда, но видно было, что она въ душѣ уже полупростила Лидіи ея самовольное катанье. Но тонъ, какимъ теперь позвала она дочь, не дышалъ примиреніемъ, а былъ, напротивъ, крайне раздражителенъ, и Лидія, спускаясь съ лѣстницы, не ждала уже ничего хорошаго. «Вѣрно, узнала все», промельнуло въ умѣ дѣвушки. Она застала въ залѣ мать и Марью Кирилловну, сидѣвшую на диванѣ.

— А я только что собиралась идти къ вамъ,—сказала Лидія, кланяясь Сербиной.

Та, замѣтно взволнованная, хотѣла что-то отвѣтить, но Наталья Григорьевна помѣшала ей, обратившись къ дочери:

— Это ты, матушка, что же выдумала еще: обманывать отца съ матерью?!

Лидія вспыхнула.

— Я никогда не обманываю.

— Какъ никогда? А не ты вчера сказала, что вы катались съ Лебедевымъ и съ Саблиной?

— Я...

— Между тѣмъ, съ вами еще ѣздилъ Мауринъ со своей потаскушкой?

— Мамаша, если вы хотите со мной говорить, то не выражайтесь, пожалуйста, такимъ образомъ!

— Нечего представлять изъ себя недотрогу. Ѣздитъ, да шляется по рощѣ съ публичными дѣвчонками, а тутъ на-ка что, выраженіе ей не нравится! Какъ ты смѣла ѣздить съ Мауринымъ, да еще съ этою дрянью?! Нѣтъ, милая доченька, я тебѣ не позволю срамить себя и насъ. И еще обманываетъ!..

— Выслушайте меня,—проговорила Лидія дрожащимъ голосомъ. Ея губы нервно подергивались, и на лицѣ выступили красныя пятна.

— Да что слушать-то? опять наврешь.

— Мнѣ нечего лгать, — громко возразила Лидія,—я бы все вамъ вчера сказала, да папа просилъ не говорить. Ему я все сказала.

Digitized by Google

— Вотъ такъ чудесно: покрываетъ доченьку. Ай да батюшка.

— Вы хотите меня выслушать или нѣтъ?—промолвила Лидія.

— Да что говорить-то, никакими разговорами сраму не снимешь. На-ка съ кѣмъ компанію завела, съ брандахлыстами разными, да съ тварью уличною. Вотъ-те и ученая!

— Я уже говорила папѣ и вамъ скажу то же самое,—продолжала Лидія, съ трудомъ выговаривая отъ волненія:—мы случайно встрѣтились съ ними въ рощѣ. Не бѣжать же намъ, когда Лебедевъ знакомъ съ Мауринымъ.

— А почему и не такъ? Мало ли какая дрянь попадется, такъ съ ней и вести компанію! Стыда у тебя нѣтъ, вотъ что. Былъ бы стыдъ, такъ бы не говорила этого, не безчестила себя.

— Я не вижу тутъ никакого безчестья.

— Гулять-то съ потаскушкой-Ольгой не безчестно?

— Я не нахожу ея такою: если она любитъ Маурина—это ея дѣло.

— Вотъ какъ прекрасно разсуждаете!—вмѣшалась Марья Кирилловна, все время молча, съ ехидною улыбкою, смотрѣвшая на дѣвушку:—то-то пріятно слушать маменькѣ ваши рѣчи. Оно, можетъ быть, по вашему—по ученому—такъ и быть должно, а по нашему глупому разсужденію—иначе выходитъ. Да вы-то тамъ какъ хотите, такъ и дѣлайте, хоть обнимайтесь съ Ольгой, мнѣ все едино, а зачѣмъ Таню подводить подъ такой позоръ? Я довѣрила ее вамъ, а вы что сдѣлали?

— Но я же не знала впередъ.. Я и объ Ольгѣ-то узнала только отъ Тани!

— Куда ее отпустили съ вами, туда и ведите, а на катанье не должны были брать. Васъ она послушалась бы: вѣдь по глупости своей она, точно на икону, на васъ молится. Вы поѣхали—и она тоже. Нѣтъ, я-то дура набитая: повѣрила дѣвушку вамъ... по знакомству, да по расположенію все! Предостерегала меня одна добрая душа: «ой, говоритъ, неладно, что ваша Таня такъ дружна съ этою ученою, не вышла бы чего». Не повѣрила *я*. И про Сачкова говорили мнѣ, что вы его захороводили... тоже, думаю, сплетня, а оно выходитъ и правда, видно!

— Вы оскорбляете меня, Марья Кирилловна,—сказала Лидія.

— Ужь не взыщите, Лидія Марковна, что есть, то и говорю. По первоначалу, сами видѣли, не такъ встрѣтила, а теперь что же: не хвалить ли прикажете? Вы Танюшѣ-то, можетъ быть, всю дорогу оплевали, а я буду вамъ куплименты говорить? Ну, ужь извините, покорнѣйше благодаримъ! Теперь Танина нога у васъ

Digitized by Google

не будетъ, да и васъ просимъ не жаловать къ намъ: нашъ домъ честный, а не какой нибудь...

Неожиданно для Лидіи, Наталья Григорьевна, задѣтая за живое послѣднимъ намекомъ Марьи Кирилловны, вдругъ накинулась на нее:

— Ну, ужь вы тоже полегче выражайтесь, голубушка... Я не позволю свой домъ безславить; онъ какъ былъ, такъ и остался незамараннымъ!

— Нѣтъ-съ, погодить надо, Наталья Григорьевна, — язвительно сказала Сербина: — былъ-то онъ былъ такимъ, а только теперь, послѣ того какъ ваша образованная дочка...

— Да что вы тычете насъ дочкой,—воскликнула Шерстобитова:—и ваша была вмѣстѣ!

— А кто ее завезъ?

— Кто кого завезъ, это еще разбирай, а были вмѣстѣ! И что это вы свою Таню за дитё малое выдать хотите... Слава богу, она ужь въ годкахъ, что̀ ее учить-то?—сама, поди, научилась всему съ Семеномъ Семеновичемъ!

— Не смѣешь такъ говорить о Танѣ,—вскипѣла вдругъ Сербина, переходя на ты.—Можетъ быть, твоя Вѣра по закоулкамъ шлялась съ Рогачевымъ, оттого и женился, чтобы грѣхъ прикрыть, а моя Танюша—дѣвушка честная; довѣрчива только больно. а никто худаго про нее не скажетъ. Я безчестить тебѣ ее не позволю!

— Ахъ, ты.. ахъ, ты!—задыхаясь, закричала Наталья Григорьевна, подступая къ Сербиной:—да я тебѣ всѣ космы выдеру за Вѣру, не смѣй ее трогать.

— И ты не смѣй Таню!

— Вонъ, вонъ изъ моего дома!—закричала Наталья Григорьевна и толкнула Сербину.

— Да ты не толкайся, фря эдакая! Чего гнать-то, я и сама уйду: по такимъ домамъ я и не привыкла ходить.

Еще мигъ, и онѣ бы сцѣпились между собою, но Лидія не допустила до этого. Взволнованная и потрясенная всѣмъ происходившимъ передъ ея глазами, она сначала совершенно растерялась. Когда же обѣ противницы кинулись одна на другую, она стала между ними.

— Мама! Марья Кирилловна! да что вы, опомнитесь!—говорила она, и лихорадка била ее всю, слезы подступали къ горлу.

— Оставь, не твое дѣло! — крикнула, не помня себя отъ гнѣва, Наталья Григорьевна и, желая оттолкнуть Лидію, чуть не

Digitized by Google

ударила ее. Но Лидія не отступилась и не дала матери броситься на Сербину.

— Я говорю тебѣ: оставь! — еще громче закричала Наталья Григорьевна и такъ толкнула дочь, что та пошатнулась и навѣрное бы упала, еслибы прибѣжавшая кухарка не подхватила ея.

Сербину вытолкали.

— Ай да семейка,—кричала та за воротами:—дочь съ гуляющими дѣвками знакомство заводитъ, а мать ее покрываетъ и честныхъ людей изъ дому выталкиваетъ. Распутныя!

— Замолчи, подлая. А то я заткну тебѣ глотку!—крикнула Шерстобитова, высовываясь въ окно.

Нервы Лидіи больше не выдержали. Она опустилась на ближайшій стулъ, и слезы градомъ побѣжали изъ глазъ. Но онѣ не смягчили Наталью Григорьевну. Она опять напала на дочь и осыпала ее новымъ потокомъ брани, не стѣсняясь въ выраженіяхъ, съ какимъ-то безумнымъ наслажденіемъ вымещая на дѣвушкѣ злобу, которою было переполнено въ эту минуту ея сердце противъ Марьи Кирилловны. «Вѣдь она, Лидія, всему виною»— проносилось смутно въ умѣ Натальи Григорьевны, и она «отводила душу» на дочери. Дѣвушка не отвѣчала ни однимъ словомъ, она и не могла отвѣчать. Словно кто клещами сжималъ ей горло, и чѣмъ обиднѣе были слова матери, тѣмъ сильнѣе сжимали эти клещи, слезы обильнѣе бѣжали изъ глазъ, а дѣвушка все таки не могла произнести ни одного звука. Въ такомъ видѣ засталъ ее вернувшійся Маркъ Васильевичъ. Въ страшномъ испугѣ онъ бросился къ дочери.

— Лидуша, милая, голубка моя! Что съ тобою? Успокойся!

Онъ побѣжалъ за водой и далъ напиться дѣвушкѣ. Стуча зубами о край стакана, она сдѣлала нѣсколько глотковъ и молча отстранила рукою стаканъ. Онъ опять склонился къ дочери и, покрывая поцѣлуями ея лицо, глаза, руки, называлъ ее самыми нѣжными, ласковыми именами.

— Хорошъ отецъ, нечего сказать! Вмѣсто того, чтобы проучить дочь, онъ у нея ручки цѣлуетъ,—начала было Наталья Григорьевна. Но Маркъ Васильевичъ не далъ ей продолжать:

— Замолчи!—произнесъ онъ тѣмъ тономъ, которымъ онъ говорилъ съ нею рѣдко и котораго она боялась.

Этотъ тонъ означалъ то душевное настроеніе Марка Васильевича, когда отъ него нельзя было ждать уступчивости. Однако, расходившаяся Наталья Григорьевна не сразу умолкла и кинула все таки мужу:

— Потакай, потакай на свою голову!

Digitized by Google

Но новый окрикъ мужа съ тѣми нотами въ голосѣ, которыя уже ясно показали, что мягкаго и, повидимому, покорнаго Марка Васильевича болѣе не было, заставилъ Наталью Григорьевну уйти въ слѣдующую комнату. Но, выходя, она громко стукнула дверью и долго еще продолжала вполголоса «отчитывать» мужа и дочь.

— Родная моя, пойдемъ на верхъ, лягъ тамъ,—нѣжно обратился Маркъ Васильевичъ къ Лидіи, помогая ей подняться.

Онъ весь былъ—забота, тревога и ласка. Онъ довелъ Лидію до ея комнаты и, когда она легла на кровать, сѣлъ на стулъ у ея изголовья,

— Спасибо, папа,—тихо произнесла Лидія и хотѣла поднести къ губамъ его руку.

Онъ отдернулъ ее и поцѣловалъ дочь. У дѣвушки вдругъ закапали слезы.

— Да что ты, полно. Зачѣмъ же опять? Успокойся!

Больше часа просидѣлъ онъ около дочери. Та мало по малу успокоилась и въ немногихъ словахъ передала отцу все, что случилось безъ него. Онъ былъ пораженъ и разстроенъ, не защищалъ уже матери, не уговаривалъ дочери, какъ въ прежніе разы. Онъ молча сидѣлъ, поникши головою.

— Папа, я думаю, мнѣ лучше уѣхать,—сказала Лидія, держа руку отца въ своей.

Онъ встрепенулся.

— Нѣтъ, Лида, нѣтъ! Зачѣмъ тебѣ уѣзжать?

— Ахъ, папа, я вижу, что мнѣ не ужиться съ мамой. Что же это: постоянныя столкновенія... Мы съ ней разныхъ взглядовъ. Да и не могу же я все выносить, папа.

— Лидуша, ужели тебѣ меня не жалко?—надтреснутымъ голосомъ произнесъ Маркъ Васильевичъ, и глаза его увлажнились.

— Дорогой мой, да для кого же я пріѣхала? Только для васъ одного! Но что же дѣлать? Вѣдь и вамъ при такой жизни мало радости.

Она выразила сожалѣніе, что мать не такая, какъ онъ. О, какъ хорошо было бы тогда: она и не думала бы о Петербургѣ. Работать, жить и здѣсь можно, только не въ такой семейной обстановкѣ. И какъ же теперь ей остаться? Она не понимаетъ, какъ можно остаться послѣ такихъ оскорбленій. Разумѣется, мать не то, что чужая, и матери многое можно простить; она такъ и дѣлала, но вѣдь есть оскорбленія, которыя еще тяжелѣе, если они нанесены матерью, вообще человѣкомъ близкимъ. Маркъ Васильевичъ не отрицалъ ничего этого, но ему было страшно и больно

Digitized by Google

разстаться съ дочерью, на которую были возложены всѣ его надежды, которой онъ отдалъ всю свою любовь. Онъ сталъ просить, умолять дочь, во имя любви его къ ней, не уѣзжать, подождать еще. Если ей тяжело видѣть мать, пусть она не спускается внизъ, ей все подадутъ на верхъ,—но только пусть не уѣзжаетъ. Маркъ Васильевичъ говорилъ растроганнымъ голосомъ, наконецъ не выдержалъ и заплакалъ. Лидія не могла видѣть его слезъ. Ея нервы еще несовсѣмъ успокоились; она сама чуть снова не расплакалась и объявила отцу, что не уѣдетъ. Если будетъ хоть какая нибудь возможность оставаться, она останется. Относительно матери, она и сама не знала теперь... Въ данную минуту, ей казалось, что она не можетъ ни забыть, ни простить нанесенныхъ оскорбленій. Можетъ быть, потомъ, не скоро... Можетъ быть, и скоро, только не теперь, не сегодня.

— Хорошо, Лидуша, хорошо, успокойся, засни, — говорилъ отецъ.—Я ухожу, а вечеркомъ зайду; самоваръ велимъ сюда подать, будемъ пить чай.

Вечеромъ этого дня, часовъ около девяти, въ садикѣ маленькаго грязненькаго трактира, подъ вывѣскою «Зеленый островъ», за однимъ изъ столиковъ сидѣла компанія, состоявшая изъ Сергѣя, двухъ его пріятелей, съ которыми онъ катался наканунѣ, и еще одного растрепаннаго субъекта въ блузѣ и въ длинныхъ сапогахъ. Изъ двухъ бутылокъ водки, стоявшихъ на столѣ, одна была уже выпита.

— Нѣтъ, я добьюсь своего,—говорилъ Сергѣй, развалясь на стулѣ:—я выживу милую ученую сестрицу!

— Э, братъ,—возразилъ субъектъ въ длинныхъ сапогахъ:—какъ еще удастся выжить! Отецъ вѣдь въ ней души не чаетъ—самъ же говоришь.

— Ничего не значитъ!—хвастливо воскликнулъ Сергѣй:—и отецъ запоетъ другое, погоди! Да ужь такъ или иначе я ее выживу,—она уѣдетъ. И зачѣмъ ее принесло? Жила бы тамъ, въ Питерѣ. Нѣтъ, сюда изволила пріѣхать, а здѣсь она намъ мѣшаетъ!

— Постой, ты вѣдь говорилъ, что ее выписали, а не по своей волѣ она пріѣхала.

— Мнѣ на это наплевать, а она мнѣ не стой на дорогѣ.

— Да чѣмъ она мѣшаетъ? Не пойму я тебя никакъ,—произнесъ худощавый, изможденный юноша, сидѣвшій противъ Сергѣя:—не все ли равно для тебя,—тамъ она или здѣсь?

— Дуракъ ты, Володька, оттого и не понимаешь, —оборвалъ его Сергѣй.

Digitized by Google

— Ты не ругайся, а объясни.

— Чего объяснять-то! Да пойми ты, безмозглая голова: если она останется здѣсь, такъ, пожалуй, и замужъ здѣсь выдетъ, ну и домъ ей отдадутъ. Понялъ?

— Да это все равно, если домъ на нее записанъ.

— Кто на нее писалъ? Никакой записи нѣтъ, такъ только назначено, ну, а какъ она уѣдетъ отсюда съ фейверкомъ, другая музыка и пойдетъ. Ужь я съумѣю настроить мать. Какъ тамъ отецъ ни любитъ ее, а будетъ по нашему.

— Да что, мать-то ее совсѣмъ не любитъ?—спросилъ пріятель.

— Не очень-то,—засмѣялся Сергѣй.—Конечно, какъ всѣ бабы, нельзя, чтобы ужь совсѣмъ... а только она Вѣру любитъ, а не ее. Господи, что сегодня было! Я не засталъ, да Марья все разсказала. Съ ученой-то сестрицей дурно сдѣлалось, и папенька чуть не на рукахъ ее на верхъ унесъ. Ха-ха-ха! Какъ же, нельзя-съ: любимая дочка! Ну, мы ей покажемъ, этой любимой дочкѣ... Я ей устрою штуку!

— А если она за Сачкова выдетъ?—спросилъ тотъ же пріятель.

— Какъ же, пойдетъ она за него. Нѣтъ, братъ, ему ея не видать; да намъ это и на руку. Я знаю, чѣмъ задѣть Сачкова, и ужь мы ей такую мину подведемъ, что будетъ довольна... ха-ха-ха!

— И шельма же ты, Сережка,—произнесъ пріятель такимъ тономъ, что нельзя было понять: выругалъ онъ или похвалилъ.

— Давай-ка, наливай лучше, чего въ сухую болтать!—проговорилъ субъектъ въ длинныхъ сапогахъ.

Сергѣй началъ раскупоривать новую бутылку.

XX.

Когда Маркъ Васильевичъ уговаривалъ дочь не сообщать матери о встрѣчѣ съ Мауринымъ и Ольгой, онъ поступалъ такъ вовсе не изъ страха передъ женою, а изъ желанія не заводить исторіи, избавить дочь отъ непріятности. Маркъ Васильевичъ любилъ миръ и тщательно обходилъ все, что порождало ссоры; оттого онъ всегда уступалъ женѣ и молчалъ, когда она ворчала и бранилась. Многіе думали, что онъ труситъ жены и пляшетъ по ея дудкѣ. Но это была ошибка. Въ важныхъ случаяхъ онъ былъ твердъ, и никакія разсужденія жены не могли измѣнить его рѣшеній. Такимъ онъ показалъ себя, когда поднялся вопросъ объ образованіи Лидіи. Поступая по своему, онъ однако не мѣ-

Digitized by Google

талъ женѣ выражать свое неудовольствіе. Его трудно было вывести изъ себя, но зато, если это случалось, онъ становился неузнаваемъ. Тогда Наталья Григорьевна смирялась и притихала.

Въ предъидущихъ столкновеніяхъ Лидіи съ матерью, Маркъ Васильевичъ если и не принималъ вполнѣ сторону жены, то все таки старался по возможности оправдать ее. Если Наталья Григорьевна, наединѣ съ нимъ, нападала на дочь, онъ спокойно и мягко защищалъ ее. Но теперь онъ совсѣмъ иначе отнесся къ поступку жены, которая перешла границы и, вмѣсто того чтобы взять дочь подъ защиту, грубо оскорбила ее. Этого онъ не могъ простить женѣ, и отъ него ей сильно досталось. Когда онъ, опять таки не крича, но громко и внушительно выражалъ порицаніе женѣ, никто бы не повѣрилъ, что это былъ тотъ же самый Маркъ Васильевичъ, который въ обыкновенное время, при крикѣ Натальи Григорьевны, махалъ рукою и отходилъ въ сторону или примирительнымъ тономъ старался потушить гнѣвъ жены.

— А знаешь, отецъ,—несмѣло промолвила Наталья Григорьевна, когда мужъ умолкъ:—не лучше ли ей уѣхать послѣ такого срама?

— Вздоръ!—возразилъ Маркъ Васильевичъ:—никакого срама нѣтъ, и никуда Лида не уѣдетъ. Черезъ тебя и произошло все то, что ты называешь срамомъ, а то ничего бы и не было! Я тебѣ говорю: Лидія останется, и чтобы никакого скандала больше не было, а то смотри, мать, я шутокъ не люблю. Скажи своему Сергѣю: если что—я его согну въ баранiй рогъ. Онъ жениться думаетъ—я слышалъ—пусть на мои деньги не разсчитываетъ: полушки мѣдной не дамъ!

— Какая женитьба, пустяки все!

— Ну, ужь я тамъ не знаю, пустяки или нѣтъ, а только, чтобы онъ у меня не шутилъ... я его, сокола, знаю.

Онъ прошелся по комнатѣ и проговорилъ, останавливаясь противъ жены:

— Ты теперь Лидію оставь... можетъ быть, нѣсколько дней будетъ у себя и чай пить, и обѣдать... Такъ оставь ее, не лѣзь съ примиреніемъ.

Это задѣло Наталью Григорьевну, и она не вытерпѣла.

— Что ты еще выдумалъ, отецъ? пойду я къ ней на поклонъ! Не хочетъ, пусть и не ходитъ. Очень мнѣ нужно.

— Довольно, не болтай лишняго,—остановилъ мужъ.—Никто тебя и не проситъ кланяться, хоть ты и виновата передъ нею. Я не къ тому, а только предупредилъ. Смотри же, чтобы сора больше изъ избы не выносить.

— Да что ты, право, отецъ,—обиженнымъ тономъ и чуть не

Digitized by Google

со слезами въ голосѣ проговорила Наталья Григорьевна:—неужто я хуже твари послѣдней, что пойду на улицу безславить свою дочь родную. Какая ни на есть—да своя!

— Нечего обижаться!—сказалъ Маркъ Васильевичъ,—я тебя знаю: выдешь изъ себя и сама не знаешь, что̀ мелешь. Того наговоришь, чему и сама не рада потомъ. Да и кромѣ тебя есть кому... Гдѣ Сергѣй?

— Спитъ уже давно.

— Отчего же онъ не ужиналъ?

— Не хочетъ, спать легъ.

Наталья Григорьевна знала, что сынъ вернулся домой «пьянѣе пьянаго», но скрыла это отъ отца, который сидѣлъ у дочери въ то время, когда пришелъ сынъ. Сергѣй было забурлилъ, но мать поспѣшила убрать его въ чуланъ, гдѣ онъ обыкновенно спалъ.

Прошло два дня. Лидія и обѣдала и пила чай у себя на верху. Волненіе ея улеглось, она спокойно обсудила все происшедшее. Она поняла, что оскорбленія, которыя были ей нанесены матерью, нанесены въ пылу гнѣва, безъ желанія ее унизить, и самый этотъ гнѣвъ вытекалъ изъ добраго чувства. Нѣтъ сомнѣнія, что Натальѣ Григорьевнѣ репутація дочери была дорога, и ей тяжело было при одной мысли, что другіе будутъ бросать грязью въ ея дочь. Все это Лидія теперь понимала, и тѣмъ не менѣе она продолжала чувствовать себя оскорбленной; разсудкомъ она готова была простить матери все, но сердцемъ не могла примириться съ нею, и была рада не встрѣчаться, не видѣть ея.

Она никуда не выходила всѣ эти дни. Мамонтовымъ она написала, что немного нездорова и пропуститъ два-три урока. Она принималась читать, но скоро бросала книгу; начала писать подругѣ письмо, но, написавши до половины, перечла его и изорвала. Она все время лежала на кровати или сидѣла у окна, безцѣльно глядя на улицу. Когда къ ней приходилъ отецъ, она разговаривала съ нимъ или, чаще всего, читала вслухъ газету.

— Что же ты все дома сидишь?—замѣтилъ Маркъ Васильевичъ, зайдя къ дочери на третій день вечеромъ.

— Не хочется, папа.

— Нельзя дружокъ: освѣжись, на бульваръ сходи, а не то къ Вѣрѣ...

Къ сестрѣ Лидіи совсѣмъ не хотѣлось идти, но такъ какъ отецъ настаивалъ на гуляньѣ, то она отправилась на бульваръ. Маркъ Васильевичъ хотѣлъ идти съ нею вмѣстѣ, но это показалось ему неловкимъ. «Вотъ, скажутъ,—подумалъ онъ,—теперь ее одну

Digitized by Google

и не отпускаютъ: отецъ конвоируетъ». Это—по мнѣнію Марка Васильевича—было крайне обидно для Лидіи, и онъ отказался отъ своего предположенія идти съ нею.

Лидія прошла одинъ разъ весь бульваръ, и ей надоѣло гулять. Она отправилась домой. Но только что она повернула назадъ, какъ ей попалась на встрѣчу Ольга. Еще не видя ея, Лидія хотѣла свернуть въ сторону, чтобы ближайшей дорожкой выйти на панель. Но, замѣтивъ Ольгу и предполагая, что она также увидѣла ее, Лидія измѣнила рѣшеніе и пошла бульваромъ. Еслибы она свернула на дорожку, Ольга могла подумать, что она боится встрѣчи съ нею. Лидія не хотѣла этого. Онѣ поздоровались. Ольга первая протянула руку, въ упоръ глядя на Лидію. Лидія отвѣтила пожатіемъ. Послѣ минутнаго колебанія, Ольга промолвила съ тонкою усмѣшкою:

— А вы не боитесь встрѣчаться и здороваться со мною?

Она ждала, что Лидія смутится, но ошиблась. Дѣвушка спокойно, хотя и не особенно охотно, отвѣтила:

— Я не понимаю, почему же мнѣ бояться васъ!

— Но вамъ же такъ досталось изъ-за меня дома и достается ото всѣхъ маменекъ и тетенекъ, которыя трезвонятъ о васъ во всѣ колокола!

Лидія невольно покраснѣла, но, чтобы скрыть свое волненіе, она нахмурилась и промолвила съ дѣланною суровостью:

— А вамъ это все извѣстно! Вы успѣли уже разузнать?

— Зачѣмъ разузнавать? Когда звонятъ въ колокола,—звонъ слышенъ всѣмъ.

Ольга громко засмѣялась. Лидіи не понравился этотъ смѣхъ и вообще все сегодняшнее поведеніе Ольги. Она показалась ей сегодня совсѣмъ несимпатичной. Лидія даже пожалѣла, что не свернула съ бульвара.

— Прощайте,—промолвила она, неохотно протягивая руку Ольгѣ.

— Вы куда же?—спросила та.

— Домой.

— Я гуляю, и мнѣ все равно, куда не идти: вамъ не стыдно будетъ, если я пойду съ вами?

— Еслибы я стыдилась васъ, я бы иначе поступала. Вы, кажется, видите, какъ я отношусь къ вамъ... Къ чему же вашъ вопросъ и еще такимъ... нехорошимъ тономъ,—промолвила Лидія не безъ волненія.

Ольга ничего не отвѣтила, и онѣ прошли нѣкоторое разстояніе молча. Ольга раза два взглядывала на свою спутницу, и то

Digitized by Google

хмурилась, то по прежнему насмѣшливо улыбалась. Она видимо переживала какую-то внутреннюю борьбу—нелегкую для нея. Но вотъ въ ея лицѣ что-то дрогнуло, насмѣшливая улыбка совсѣмъ исчезла съ губъ и она тихо, очень тихо произнесла:

— Лидія Марковна, не сердитесь, простите меня!

Лидія не узнала голоса, который произнесъ эту фразу: такъ мало онъ былъ похожъ на тотъ, который она слышала нѣсколько минутъ тому назадъ.

— Простите меня,—повторила Ольга.

Лидія посмотрѣла на нее. Она шла, опустивши голову, и лицо ея, недавно еще нѣсколько дерзкое, теперь выражало стыдъ и нравственное мученіе. Лидію удивила такая перемѣна.

— Я не сержусь на васъ,—сказала она,—но мнѣ ваши слова, ваше обращеніе...

— Понимаю все,—перебила Ольга:—я—мерзко, подло поступила съ вами... Вы... вы такъ хорошо, просто отнеслись ко мнѣ, одна изъ всѣхъ не побоялись подать мнѣ руку, какъ честной, равной себѣ дѣвушкѣ, а я... я...

Она учащенно замигала и поспѣшно поднесла платокъ къ глазамъ.

— Злая я, испорченная... а вы—хорошая, добрая... простите меня,—говорила тихо Ольга, вытирая слезы, брызнувшія изъ глазъ.

У Лидіи вдругъ стало свѣтло и хорошо на душѣ. Все, что угнетало ее за эти дни, теперь сразу исчезло. Она съ теплой жалостью посмотрѣла на Ольгу.

— Присядьте ненадолго,—сказала она: — я устала немного, да и удобнѣе говорить сидя.

Онѣ сѣли на скамейку, къ которой подходили.

— Вы сначала, вѣроятно, не поняли меня, — первая заговорила Лидія,—оттого такъ ко мнѣ и отнеслись. Я очень рада, что вы все таки измѣнили свой взглядъ на меня. Я не виню васъ, я васъ понимаю.

— Спасибо вамъ! Какая вы славная, славная!—сквозь слезы говорила Ольга.

— Не волнуйтесь, не плачьте,—сказала Лидія.

— Это ничего,—возразила Ольга, — мнѣ легче; это хорошо, что я плачу. Я давно такъ не плакала. Ахъ, еслибы вы все знали, все знали, Лидія Марковна!—Она не кончила, и слезы еще сильнѣе потекли изъ ея глазъ.

— Однако, что это я?—спохватилась Ольга, замѣтивъ удивленные взгляды проходившихъ: — всѣ смотрятъ, и вы со мною

Digitized by Google

опять.. нѣтъ, прощайте, Лидія Марковна, а то вамъ совсѣмъ не будетъ здѣсь житья. Вамъ не нужно встрѣчаться со мною, и я не буду больше. Я сегодня нарочно пошла съ вами: простите меня!

И она хотѣла подняться съ мѣста. Лидія удержала ее.

— Не уходите: я никого не боюсь и вамъ нечего за меня безпокоиться. Сидите.

— Боже мой, какая я гадкая, какая я подлая!

И она безсвязно, не договаривая, чувствуя потребность облегчить себя покаяніемъ, передала Лидіи, какъ она подозрѣвала ее въ желаніи увлечь Маурина, какъ хотѣла отомстить ей, унизить ее, и какъ радовалась, когда въ городѣ начали худо отзываться о ней...

— Вотъ, вотъ какая я,—говорила Ольга,—но вѣдь меня же обозлили, меня сдѣлали такой—я не была такая! За что, за что такъ всѣ ко мнѣ относятся? Я люблю Мстислава Орестовича, но кому же я сдѣлала зло? Ахъ, еслибы вы знали только, какъ я страдаю, и какъ много горя приноситъ мнѣ эта любовь! Вѣдь я понимаю, что онъ меня не любитъ такъ, какъ бы слѣдовало; можетъ быть, и совсѣмъ не любитъ и скоро броситъ!

И она снова заплакала. Лидія ласково стала утѣшать ее. Ольга схватила ея руку и взволнованно перебила:

— Вы сразу не такъ отнеслись ко мнѣ, какъ всѣ, но мнѣ показалось, что вы это не отъ сердца, и это еще болѣе меня обозлило, а теперь вотъ, сегодня, я все поняла. Ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось подольше поговорить съ вами, все открыть вамъ... Но это нельзя!

— Отчего?

— Гдѣ же! Ни я къ вамъ не могу, ни вы ко мнѣ.

— Если это вамъ можетъ доставить удовольствіе, если вы хотите, я приду къ вамъ,—сказала Лидія твердо.

— О, что тогда скажутъ ваши... всѣ?

— Говорить—все равно—говорятъ и теперь. Папа, я надѣюсь, меня пойметъ, а до другихъ мнѣ нѣтъ дѣла.

Ольга долгимъ и внимательнымъ взглядомъ посмотрѣла на Лидію.

— Спасибо — произнесла она: — я буду вамъ очень благодарна; только не теперь, надо подождать. Спасибо и за то, что вы обѣщаете!

— Прощайте,—сказала она,—идите домой, а я вернусь.—Она крѣпко пожала руку Лидіи и удалилась быстрыми шагами. Лидія

Digitized by Google

вернулась домой взволнованная, но съ хорошимъ и свѣтлымъ чувствомъ на душѣ.

XXI.

Поднимаясь по лѣстницѣ къ себѣ, Лидія услыхала голосъ Вѣры. Противъ обыкновенія, та говорила громко и съ оживленіемъ. Голосъ Натальи Григорьевны, отвѣчавшій Вѣрѣ, показался Лидіи также веселымъ.

«Чему онѣ такъ рады?» — подумала дѣвушка. Она еще не успѣла снять шляпку, какъ къ ней въ комнату вошелъ Маркъ Васильевичъ.

— У насъ Вѣра и Василій Ивановичъ,—сказалъ онъ.

— Да, я слышала голосъ Вѣры. Ахъ, папочка, еслибы ты зналъ, какъ я довольна!

— Чѣмъ, дружокъ?—спросилъ онъ и привѣтливо улыбнулся; но эта улыбка, скользнувшая по губамъ, не прогнала густой тѣни съ его лица.

— Садитесь, папа, я все разскажу. Я встрѣтила на бульварѣ Ольгу.

— Ольгу?—переспросилъ Маркъ Васильевичъ, опускаясь на стулъ:—ну, а чему же ты рада-то?

— Да вотъ этому и рада, папочка. Я рада, что не ошиблась, защищая ее передъ другими. Она совсѣмъ, совсѣмъ не такая, какъ о ней думаютъ.

Лидія сѣла рядомъ съ отцомъ, положила руку на спинку стула, на которомъ онъ сидѣлъ, и съ оживленіемъ передала свой разговоръ съ Ольгой.

Отецъ слушалъ съ большимъ вниманіемъ, изрѣдка произнося тихо: «да, да! мм... мм! такъ, такъ!..».

— Вотъ, видите, папа, какъ неправы всѣ, въ томъ числѣ и мама,—закончила Лидія.

— Что же, дружокъ, очень можетъ быть, я не спорю... Я и тогда говорилъ тебѣ... Это очень хорошо, что она такъ... Жаль бѣдняжку. Я зналъ ее еще дѣвочкой, — славная была... Ну, а какъ это случилось, всѣ и поднялись на нее, грязью закидали бѣдняжку. Конечно, это ее озлобило. Жаль, жаль... А ты, въ самомъ дѣлѣ, пойдешь къ ней, Лида?

— Да, папа, она просила, но я уже сказала вамъ, что не теперь, а послѣ... она сама не хочетъ теперь. Ахъ, папочка! Вы всегда мнѣ говорили, еще когда дѣвочкой была, помните... вы тогда еще говорили о томъ, какъ Христосъ не брезговалъ ни-

Digitized by Google

кѣмъ, шелъ къ грѣшникамъ и заповѣдалъ дѣлать намъ. Я и тогда еще задумывалась объ этомъ, и потомъ на этихъ словахъ я подолгу останавливалась мыслью. Вы вѣдь и теперь смотрите также, папа?

— Также, дружокъ. Ахъ, милая, милая моя! — произнесъ онъ и обнялъ дочь: — хорошая ты у меня, добрая. Да, вѣрно все это... Но ахъ, какъ злы, какъ скверны люди, Лидуша! Не понимаютъ они добрыхъ влеченій и стараются все перетолковать въ дурную сторону. А къ дѣвушкѣ все льнетъ: ты съ добромъ, а тебя же загрязнятъ, тебя же и осудятъ. Другая, куда грѣшнѣе Ольги, а вотъ вышла замужъ, прикрыла все вѣнцомъ—и чиста. И опять грѣшитъ, да втихомолку, и—ничего; еще на Ольгу пальцемъ указываетъ. Да что Ольга! И тебя такія «праведницы» грязью закидаютъ. Вѣдь ихъ-то душонкѣ твое доброе влеченіе непонятно... Вотъ что, Лидуша, вотъ что, милая.

Онъ задумался, поникши головою, и тѣни еще болѣе сгустились на его лицѣ.

— Папочка, да что вы такъ грустны?—промолвила Лидія:— я уходила, вы не были такимъ. Это я разсказомъ своимъ васъ опечалила.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не отъ этого... я такъ... Дома не веселитъ все, Лидія.

— Развѣ еще что случилось?—тревожно спросила дѣвушка, наклоняясь къ отцу:—папочка, скажите, не скрывайте отъ меня. Да и что же могло случиться? Вѣра и мать такія веселыя, — я слышала ихъ голоса. Если у васъ что̀ случилось, зачѣмъ же вы отъ всѣхъ скрываете?

— Ничего я не скрываю. Веселы! — произнесъ онъ съ горечью:—ихъ-то веселье у меня на сердцѣ камнемъ лежитъ.

Взволнованный, онъ поднялся со стула и прошелся по комнатѣ.

— Тоже судятъ всѣхъ: тѣ худы, другіе... они одни—честны, а поступаютъ, какъ подлецы! Ну, Лидія, не ждалъ я этого отъ Василія Ивановича, никакъ не ждалъ!

Лидію удивили слова отца, которыя для нея были совсѣмъ непонятны.

— Папа, въ чемъ же дѣло?—спросила она тихо: — что̀ сдѣлалъ Василій Ивановичъ?

— Что̀ онъ сдѣлалъ? — рѣзко выкрикнулъ Маркъ Васильевичъ:—подлость онъ сдѣлалъ, вотъ что! Я бы на его мѣстѣ стыдился и глаза людямъ показывать, а онъ еще хвастается: «Паненька, говоритъ, хорошо я дѣльце-то оборудовалъ?» Мнѣ такъ

Digitized by Google

и хотѣлось сказать: «Подлецъ ты, Василій Ивановичъ». Да жаль стало Вѣры и скандала заводить не хотѣлъ.

— Онъ обманулъ кого нибудь, папа?

— Да, ловко обманулъ: четвертакомъ за рубль разсчитался,— вотъ какъ!

Лидія широко-раскрытыми глазами посмотрѣла на отца.

— Неужели, папочка?

— Что, не вѣрится? Обошелъ онъ тебя своими сладкими рѣчами? И меня, милая, обошелъ, и я его любилъ и нахвалиться имъ не могъ, а вотъ теперь и кушай!

— Что же Вѣра, папа?

— Чего спрашивать? Слышала вѣдь, какъ разливается? Мужъ обѣщалъ новую бархатную шубку, да лошадей завести хочетъ,— какъ не радоваться! Теперь она вмѣстѣ съ матерью не нахвалится Василіемъ Ивановичемъ: вотъ, молъ, какая голова!

— Но какъ же, вѣдь у Василія Ивановича лавки, домъ?

— Были когда-то, теперь все на отца переведено, а тотъ, повременя, на Вѣру все переведетъ. Дѣло чисто обстроено. Эхъ, Лидуша, вотъ какіе люди-то, а ты хочешь правды да пощады для Ольги.

Маркъ Васильевичъ былъ возбужденъ и говорилъ такъ, какъ уже давно не говорилъ съ дочерью. Видно было, что «ловкое дѣльце» зятя сильно разстроило честнаго и прямаго старика. Онъ былъ радъ, что могъ высказаться по душѣ передъ дочерью, которая его любитъ и понимаетъ. Онъ говорилъ долго и, по мѣрѣ того какъ высказывался, тяжесть, давившая его сердце, уменьшалась и ему становилось легче.

Лидіи глубоко было жаль отца. «Бѣдный, — думала она:—не успѣлъ отъ одной исторіи успокоиться, а тутъ еще другая!».

— Но теперь ему, папа, никто не будетъ вѣрить? И какъ же онъ здѣсь останется?

— А что же ему? Это у нихъ въ комерческомъ мірѣ умной штукой называется. И вѣрить будутъ! Ты, Лидуша, ребенокъ въ этихъ вещахъ. Вы тамъ съ наукой все возитесь, съ идеалами разными, а здѣсь, милая, совсѣмъ другое, и мѣрка другая. Вотъ, если ты пойдешь къ Ольгѣ, такъ тебя съ грязью смѣшаютъ, а Василія Ивановича за его дѣльце только похвалятъ, а когда на рысакахъ-то поѣдетъ, такъ еще позавидуютъ. А вотъ, еслибы онъ честно расплатился, да ни съ чѣмъ остался, такъ всѣ бы отвернулись и дуракомъ назвали... Вотъ она, жизнь-то, Лидуша!

На лѣстницѣ послышались чьи-то шаги. Маркъ Васильевичъ

Digitized by Google

умолкъ. Лидія обернулась по направленію лѣстницы. Въ комнату вошла Вѣра.

— Ничего, что я къ тебѣ зашла?—сказала она:—я все ждала, что ты сойдешь внизъ... тутъ папенька ушелъ, а тебя все нѣтъ; я и зашла. Мы скоро и домой собираемся.

— Чего ты оправдываешься? — сказала Лидія, здороваясь съ сестрой,—садись.

— Я на минуту вѣдь только, — заявила Вѣра, присѣвъ. — Какъ живешь? Что это ты давно у насъ не была? — проговорила она, оправляя шолковое платье.

— Некогда было... Впрочемъ, ты вѣдь навѣрное все знаешь,— сказала Лидія, пытливо глядя на сестру.

— Да, я слышала,—отвѣтила та:—у тебя исторія вышла съ Марьей Кирилловной. Неосторожна ты, Лидія, все оттого.

— Чѣмъ же это я неосторожна?

— Да какъ же, развѣ можно было гулять въ рощѣ и чай пить съ Ольгой?

— Почему же нельзя?—вызывающимъ тономъ спросила Лидія.

— Развѣ ты не знаешь, кто она? Ее нигдѣ не принимаютъ. И кланяться-то съ ней зазорно.

— Все это я знаю, но не понимаю, чѣмъ это она такъ провинилась? За что къ ней такъ относятся?

— За ейное поведеніе хорошее. Вѣдь она таскается съ Мауринымъ.

— То есть она любитъ его, ты хочешь сказать,—да кому же до этого дѣло?..

— Что ты говоришь, право: да чего ужь хуже этого? Потаскушка какая-то! И грѣхъ-то, грѣхъ какой, посуди!

— А у насъ нѣтъ грѣховъ? Мы-то развѣ святые?

— Извѣстно, всѣ грѣшные, да грѣхъ грѣху рознь.

— Еще бы! — насмѣшливо произнесъ Маркъ Васильевичъ, глядя въ окно:—обмануть ближняго, какъ сдѣлалъ твой Василій Ивановичъ, это не грѣхъ,—ахъ, вы, праведные!

Вѣра снисходительно улыбнулась.

— Неужто, папенька, по вашему одно другаго стоитъ. Вѣдь Василій Ивановичъ сдѣлалъ то, что̀ другіе дѣлаютъ, купцы именитые и почтенные. Какой тутъ грѣхъ? это дѣло комерческое. Всякій свой разсчетъ наблюдаетъ.

— Ну, конечно, наставилъ муженекъ, что̀ говорить,—желчно засмѣялся Маркъ Васильевичъ.

— Я и сама, папенька, понимаю, чего учить? Ты, Лидія—обратилась она къ сестрѣ,—не понимаешь, про что̀ мы говоримъ?

Digitized by Google

— Я знаю все,—перебила Лидія,—и вполнѣ согласна съ папой, даже больше: по моему, Василій Ивановичъ поступилъ хуже, чѣмъ Ольга. Кромѣ ея самой, никому нѣтъ вреда отъ того, что она любитъ Маурина, а Василій Ивановичъ другимъ вредъ нанесъ.

— И никакого тутъ вреда нѣтъ! Ни вреда, ни позора... Сами же тѣ, съ которыми онъ дѣла велъ, знакомства съ нимъ не порвали. А тебѣ, Лидія, очень стыдно такъ говорить о Васильѣ Ивановичѣ,—обидчиво прибавила Вѣра:—онъ не чужой, и тебя принялъ ласково, уважительно, а ты вдругъ такъ... Чужіе не говорятъ того, что ты—своя. Послѣ этого, мнѣ и ходить къ тебѣ нечего, такъ ты меня обидѣла!

— Я вовсе не хотѣла тебя обижать,—сказала Лидія:—зачѣмъ ты такъ понимаешь мои слова?

— Да какъ же не обижаешь-то, если Василія Ивановича да съ гулящей Ольгой сравняла. И папенькины слова тоже обидны, ну, да онъ что же! А тебѣ-то совсѣмъ не слѣдъ бы было. Ты бы лучше за собой слѣдила, а Василья Ивановича нечего осуждать. Его всѣ честные люди одобряютъ.

— Честные, хороши честные!—замѣтилъ Маркъ Васильевичъ.

— А то что же, папенька, ужели безчестные? если и Филиповъ, и Огарковъ все нечестные, да кто же это честные-то?

— Кто?—быстро обернулся Маркъ Васильевичъ.—А тотъ, кто чужія деньги не заѣдаетъ, вотъ кто! А Огарковъ, который дважды банкротился, или Филиповъ, что сиротъ брата обобралъ... такъ ужь они такіе мерзавцы, какихъ поискать рѣдко...

Вѣру оздачили эти слова. Однако, помолчавши, она отвѣтила отцу:

— Въ торговомъ дѣлѣ, папенька, это часто случается. А про Филипова это, можетъ быть, все и враки. Долго ли облыжно обнести человѣка?

— Меня удивляетъ, Вѣра,—вмѣшалась Лидія:—отчего ты такъ снисходительна къ этимъ и неумолимо-сурова къ Ольгѣ. Вѣдь ея ты не знаешь?

— Да я и говорить-то объ этой поскудѣ больше не хочу,—произнесла Вѣра брезгливо,—и ты Лидія, ужь сердись, не сердись, а я прямо скажу: если будешь съ ней компанію вести, тебя никто принимать не станетъ. Да что никто?—Я и сестра родная, а тоже не приму, вотъ что!

— Вѣра!—раздался снизу голосъ Натальи Григорьевны.—Иди, Василій Ивановичъ домой собирается...

— Сейчасъ, маменька! Прощайте, папенька,—произнесла Вѣра

Digitized by Google

вставая.—Напрасно вы такъ приняли это къ сердцу. Только растревожились.

— Ну, ужь это мое дѣло,—перебилъ Маркъ Васильевичъ,—вы дѣлайте, какъ хотите, а я буду думать тоже, какъ хочу. Вѣдь я твоему муженьку ничего прямо не говорилъ, а если вы сами догадались, какъ я все принялъ... Ну, значитъ, знаетъ кошка, чье мясо съѣла.

— Прощай, Лидія,—промолвила она все еще обиженнымъ тономъ:—хоть ты и очень меня оскорбила, да что же? ты мнѣ старшая сестра. Богъ съ тобой, я не сержусь. А только отъ души скажу не знайся съ Ольгой, а то тебѣ худо будетъ. И то про тебя ужь въ городѣ говорятъ; смотри, какъ бы Мамонтовы не отказали.

У лѣстницы она обернулась и добавила насмѣшливо:—А ты что же, такъ и не хочешь повидать Василья Ивановича? Зазорно тебѣ?

— Мнѣ нездоровится. Поклонись ему отъ меня,—отвѣтила Лидія.

«Неужели въ самомъ дѣлѣ откажутъ мнѣ у Мамонтовыхъ?» подумала она. И отъ этой мысли ей стало не столько обидно, сколько грустно: въ самомъ дѣлѣ, если не будетъ и этихъ уроковъ, что она здѣсь будетъ дѣлать?

Углубленная въ эти мысли, она и не слыхала, что отвѣтила ей Вѣра.

XXII.

Мамонтовъ допивалъ уже чуть не восьмой стаканъ чаю, когда къ нему вдругъ обратилась Акулина Никифоровна, утирая платкомъ вспотѣвшее жирное лицо:

— А я, Лука Тихоновичъ, какъ ты хочешь, откажу сегодня этой скубенкѣ.

— Это почему?—удивился Мамонтовъ.—Что тебя такъ вдругъ укололо? Али опять насчетъ божественнаго сокрушеніе взяло?

— Гдѣ ужь тутъ божественное, когда... Матрешенька, Костенька, подьте отсюда. Напились, и подьте къ себѣ!

Матреша послушно сейчасъ же встала и вышла изъ столовой, но Костя, обладавшій любопытствомъ, смекнулъ, что его недаромъ удаляютъ, и попробовалъ найти предлогъ, чтобы остаться въ столовой.

— Я еще хочу чаю,—произнесъ онъ, подвигая матери чашку.

Digitized by Google

— Да что ты сколько пьешь сегодня: никакъ четыре чашки вылакалъ?

— Хочу еще,—повторилъ мальчикъ.

— Ну, ладно, я налью, а ты все таки подь. Я тебя ужò кликну.

Костя съ неудовольствіемъ вышелъ изъ столовой, но не пошелъ въ свою комнату, а остался въ гостинной, чтобы слышать разговоръ отца съ матерью.

— Ни за что я ее больше держать не буду, — произнесла Акулина Никифоровна, когда сынъ вышелъ: —она и Матрешеньку, и Костеньку съ пути собьетъ, всякимъ гадостямъ научитъ. Ужь какая это учительша — по рощамъ съ мужчинами шляется, да еще въ компаніи съ безпутною Ольгою.

Мамонтовъ внимательно выслушалъ жену.

— Да откуда ты все это взяла? — произнесъ онъ, когда она кончила:—не сорока ли тебѣ на хвостѣ принесла? Знаю я бабьё, что̀ къ тебѣ шатается. Разведутъ бобы—только слушай. Прошлась, можетъ быть, она съ кѣмъ нибудь, вотъ и сочинили, а ты сейчасъ, спасенная душа, и отказать! Барышня она дѣльная. Смотри, какъ Матрешу обтесала. Умственности дѣвчонка набралась столько, что удивленье! Много ли времени-то прошло?

— Пущай все это такъ, Лука Тихоновичъ, да что и въ умственности, если она сама распутная.

— Да ты погоди такъ величать-то!—остановилъ Мамонтовъ:— чай, божественность-то не тому учитъ... Ты скажи мнѣ толкомъ: отъ кого все узнала?

— Да ужь отъ самаго вѣрнаго человѣка узнала, отъ такого человѣка, отъ котораго допрежъ о ней ничего, окромя похвалы, и не слышала. Знаешь Марью Кирилловну Сербину?

— Ну, знаю. Такъ она, что ли?

— Она самая.

Акулина Никифоровна передала мужу все, что̀ узнала отъ Сербиной, которая не поскупилась ни на сильныя краски, ни на выдумку.

— Теперь, Лука Тихоновичъ,—закончила Мамонтова,—Таничку тетка и не пущаетъ къ Шерстобитовымъ. И скубенкѣ объявила, чтобы она ни ногой къ нимъ, потому-де разныхъ шлюхъ...

— Да будетъ тебѣ шлифовать-то ее, ужь слыхалъ... Только вотъ что: не вретъ ли она все, твоя Марья Кирилловна... можетъ, поругалась изъ-за чего съ Шерстобитихой; бабы—извѣстно: чуть что, сейчасъ и цапàться, ну, а потомъ пойдутъ костить и дочь, и внучку, и кто не родился, такъ и тому достанется.

Digitized by Google

— И, что ты, Лука Тихоновичъ! да нешто Марья Кирилловна такая, чтобы напраслину взводить на дѣвушку. Нѣтъ, это вѣрно. Да вѣдь и не одна она: послушай-ка, что въ городѣ говорятъ. Какъ это ты-то не слыхалъ ничего?

— Есть когда мнѣ слушать, что бабы звонятъ. Не очень-то я вѣрю ихнему звону.

— Ужь ты тамъ вѣрь, аль не вѣрь, — а я откажу. Я домъ нашъ соблюдаю, и вдругъ это у насъ такая учительша будетъ. Мараль какая! Ольгина подруженька, да дѣтей нашихъ обучаетъ... тьфу, гадость какая!

— Дѣлай, какъ знаешь,—махнулъ рукою Мамонтовъ:—отказывай, коли хочешь, а только жаль ее: учитъ ребятъ она ловко.

— И безъ нея не хуже обучатъ. Я вотъ вчерась учительшу здѣшнюю, Клавдію Александровну, встрѣтила. Пріѣхала отъ своихъ-то, она и будетъ обучать. Ее бы и надо было тогда подождать, да все этотъ Лебедевъ сбилъ тебя съ панталыку. А ужь Клавдія Александровна, можно сказать, рѣдкая дѣвушка: скромница, къ Богу прилежитъ... славная дѣвушка. Она какъ узнала все про скубенку, такъ даже руками всплеснула: вотъ, говоритъ, вамъ и питерская ученая. Она-то больше всего меня и надоумила,—спасибо ей.

Мамонтовъ поднялся.

— Такъ какъ же, Лука Тихоновичъ,—стало отказывать?

— Ужь сказано, дѣлай, какъ хочешь, да только смотри у меня, безъ рацей; не люблю я, какъ ты ко всѣмъ со своими наставленіями лѣзешь. Ишь какой попъ выискался. Шла бы въ церковь, да читала бы проповѣди, коли ужь такъ умна!

Онъ зѣвнулъ и, громко сопя, вышелъ изъ столовой. Мамонтовы пили утренній чай въ девять часовъ, а Лидія приходила на урокъ въ одиннадцать. Въ это же время пришла она и сегодня.

«Неужели, въ самомъ дѣлѣ, откажутъ?» — думала она дорогой. «Но за что же? И зачѣмъ тогда медлятъ, могли бы написать». Она тихо дернула за звонокъ. Какъ и всегда, ей отперла дверь дѣвочка-подростокъ. Съ учащенно-бьющимся сердцемъ Лидія стала подниматься по лѣстницѣ. Въ передней она сняла накидку, повѣсила вмѣстѣ съ зонтикомъ на вѣшалку и вошла въ залу, изъ которой черезъ гостинную надо было пройти въ столовую, гдѣ обыкновенно занимались. Въ гостинной ее встрѣтила Акулина Никифоровна. Лидія поклонилась ей и хотѣла пройти далѣе, но купчиха ее остановила.

Digitized by Google

— Погодите, барышня. Туда вамъ идти не по что. У насъ уже другая на мѣсто васъ взята.

— Другая? Это, почему же?—дрогнувшимъ голосомъ проговорила Лидія.—Я вѣдь пропустила всего три урока.

— Да что уроки,—широко осклабясь, возразила Мамонтова:— и не три бы,—такъ не важность... а потому, стало, что ваше поведенье... Слава дурная о васъ пошла, а какъ нашъ домъ...

Лидія почувствовала, что кровь бросилась ей въ лицо. «Права Вѣра», мелькнуло въ ея умѣ. Она быстро повернулась и пошла къ выходу съ тяжелымъ чувствомъ на сердцѣ.

— Деньги-то ваши возьмите, — крикнула ей вслѣдъ купчиха, но Лидія не слыхала; машинально надѣла она накидку и вышла на лѣстницу. Ее догнала дѣвочка и вручила деньги. Не глядя на нихъ, какъ бы не отдавая отчета, что она дѣлаетъ, Лидія скомкала бумажки и сунула въ карманъ платья. Лицо ея горѣло, въ вискахъ стучало, и одна и та же мысль неотвязно билась въ мозгу: «зачѣмъ же, зачѣмъ оставаться теперь здѣсь?» Она шла долго, никого не замѣчая, чувствуя необходимость въ физическомъ движеніи. Она два раза прошла всю набережную, съ наслажденіемъ подставляя свѣжему вѣтерку свое пылавшее лицо, повернула налѣво и черезъ нѣсколько минутъ очутилась на бульварѣ. На одной изъ скамеекъ сидѣлъ Сачковъ съ товарищемъ по службѣ. Они сидѣли около часа, куря и болтая.

— Послушай, неужели у тебя все расклеилось съ Ильиной?— спросилъ вдругъ товарищъ.

— Да ничего особеннаго и не клеилось,—отвѣтилъ Сачковъ, затаптывая ногой брошенную папиросу.

— Какъ ничего? Всѣ говорили, что ты женишься.

— Мало ли что говорятъ!

— Полно тебѣ врать. Это все тебя ученая съ толку сбила. Неужто ты въ сурьезъ въ нее влюбился?

— А тебѣ какое дѣло? Развѣ не все равно?

— По мнѣ, все равно, да только, что ты въ ней нашелъ, скажи на милость? Право, Даша лучше, а ужь насчетъ капиталовъ и говорить нечего.

— Не все деньги. Въ женѣ и другое что важно. Много значитъ, если она образована, всякій разговоръ можетъ вести. Я хочу, чтобы жена моя могла домъ какъ слѣдуетъ поставить.

— Домъ поставить! Да что ты за важный баринъ и какой такой домъ? Съ кѣмъ ей разговоры ученые вести? Зачѣмъ тебѣ все это—не понимаю!

— А я понимаю,—отвѣтилъ Сачковъ.—Придись что похло-

Digitized by Google

потать: Даша пойдетъ къ нашему барону или эта: кто съумѣетъ лучше съ нимъ говорить? Какъ ты не можешь понять, что образованная жена много значитъ. Помнишь вѣдь Иглина. Черезъ кого онъ въ начальники попалъ? — Черезъ жену: съѣздила и съумѣла выхлопотать мѣсто.

— Ну, братъ,—возразилъ товарищъ,—не всѣмъ вѣдь такое счастье. А ты вотъ что возьми въ разсчетъ. Даша-то тебѣ въ глаза смотрѣть будетъ, а эта ученая, чуть-что, сейчасъ тебѣ и брякнетъ: ты-де-дуракъ необразованный... вотъ ты и кушай! А то еще такого же ученаго себѣ заведетъ и рога тебѣ наставитъ.

— Это шалишь!

— Ничего не шалишь. Да ужь если пошло на то, — такъ развѣ ты ничего не слыхалъ, что о ней говорятъ-то?

— Это все вздоръ. Сергѣй старается, да и Сербина:— повздорили онѣ, вотъ она и бѣгаетъ изъ дома въ домъ и безславитъ. Да глупости все: выдетъ замужъ—и всѣ замолчатъ. Доброхотова вонъ: тоже вѣдь мало ли что про нее говорили, а теперь развѣ говорятъ? Умная женщина съумѣетъ заставить молчать.

— Съ тобой не сговоришь,—махнулъ рукою товарищъ,—ужь больно ты влюбленъ. А не забудь еще вотъ что: ученая-то за тебя пойдетъ или нѣтъ, не знаешь, а Дашу-то прозѣвать можешь.

— Не прозѣваю.

— Ой ли? Гляди, не ошибись. Я слыхалъ, что къ ней сватается кто-то, даже и знаю кто...

Но онъ не кончилъ, увидя приближавшуюся Лидію. Толкнувъ товарища въ бокъ, онъ шепнулъ ему:

— Гляди, твоя образованная-то идетъ, легка на поминѣ!

— Не ври, гдѣ?

Сачковъ повернулъ голову и увидѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя Лидію.

— Прощай, я пойду съ ней,—сказалъ онъ товарищу.

Онъ всталъ, поклонился Лидіи и пошелъ съ ней рядомъ.

Дѣвушка шла, не замѣчая его.

— Гулаете?—произнесъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія, не зная, съ чего начать разговоръ.

— Да,—проронила она.

У Сачкова мгновенно состоялось рѣшеніе—объясниться серьезно съ Лидіей, чтобы знать тотъ или другой отвѣтъ. Хоть онъ и сказалъ товарищу самоувѣренно: «не прозѣваю», но, тѣмъ не менѣе, извѣстіе о томъ, что кто-то сватается къ Дашѣ, смутило его. Въ случаѣ отказа Лидіи, онъ не желалъ потерять Дашу. Встрѣтившись съ Лидіей, онъ рѣшилъ воспользоваться случаемъ.

Digitized by Google

— Лидія Марковна, я бы хотѣлъ поговорить объ одномъ серьезномъ дѣлѣ,—произнесъ онъ совсѣмъ не тѣмъ самоувѣреннымъ тономъ, какимъ говорилъ всегда.

Дѣвушка задумалась о чемъ-то и не слыхала вопроса. Онъ повторилъ его,

— Что вамъ надо?—спросила Лидія.

— Я бы хотѣлъ узнать... Присядемте на минутку, я все объясню вамъ.

— Я тороплюсь,—отвѣтила дѣвушка. — Говорите все равно и такъ—я слушаю.

— Вы помните нашъ разговоръ на вечеринкѣ у Сербиныхъ,—началъ Сачковъ.

— Я ничего не помню,—перебила Лидія, и въ эту минуту она говорила совершенную правду.

— Вы забыли... Я вамъ напомню. Вы упрекали меня, что я доставляю страданія одной особѣ. Я тогда сказалъ, что уже не люблю ея, а люблю другую. Помните?—И Сачковъ заглянулъ въ лицо дѣвушкѣ.

— Припоминаю. Но зачѣмъ вы мнѣ это говорите?

— Потому что эта другая—вы. Вы давно мнѣ нравитесь, Лидія Марковна. Вы мнѣ понравились съ перваго же раза. Я уже говорилъ вамъ, что я не интересанъ, и женюсь вовсе не на деньгахъ.

— Вы дѣлаете мнѣ предложеніе?—улыбнулась Лидія.

— Да, Лидія Марковна. И если вы...

— Благодарю васъ за честь, господинъ Сачковъ, но я не люблю васъ и не могу быть вашей женой.

— Позвольте, Лидія Марковна...

— Оставимъ лучше этотъ разговоръ,—перебила она: — я никогда не перемѣню своего отвѣта. Простите меня, но.. право, вы ошибаетесь: Даша будетъ для васъ несравненно лучшей женой. Я бы вамъ никогда не дала того, что она. Это я не о деньгахъ говорю, такъ какъ вы не интересанъ, сами сказали сейчасъ. Но по многому другому она удобнѣе для васъ.

— То есть вы хотите сказать, что я вамъ не пара,—проговорилъ Сачковъ, мѣняясь въ лицѣ:—вы—образованная, а я—неучъ!

Лидіи не хотѣлось больше говорить, но она пересилила себя и отвѣтила:

— Я этого не сказала.

— Нѣтъ-съ, вы именно это хотѣли сказать.

— Думайте, какъ хотите,—промолвила Лидія.

Digitized by Google

Сачковъ молча продолжалъ идти съ ней рядомъ. Лицо его то и дѣло мѣнялось.

— Значитъ, мнѣ отказъ?—проговорилъ онъ.—Признаюсь, я этого не ожидалъ,—добавилъ онъ, и нехорошая, злобная усмѣшка искривила его красивый ротъ.

— Не ждали?—удивилась Лидія.—Вы были увѣрены, что я соглашусь?

— Да, *теперь* я былъ увѣренъ, что вы согласитесь,—сказалъ Сачковъ, подчеркивая слово теперь, и вдругъ съ прежнею наглостью взглянулъ дѣвушкѣ въ лицо.

— Почему же именно теперь?—спросила она, и также взглянула на него.

— Послѣ всего, что вышло, что говорятъ о васъ, вамъ едва ли можно быть особенно разборчивой въ женихахъ.

— А, такъ вотъ какова ваша любовь!—воскликнула Лидія, вспыхнувъ.—Вы любите, и сейчасъ же оскорбляете! Уйдите,—прибавила она брезгливо:—вы мнѣ съ перваго раза не понравились, но я не думала, что вы такой безчестный человѣкъ. Оставьте меня!

— Хорошо-съ, Лидія Марковна,—сквозь зубы процѣдилъ Сачковъ:—но вы пожалѣете и вспомните еще меня!

«Негодяй»! чуть не сорвалось съ губъ дѣвушки, но она сдержалась. Она свернула съ бульвара на улицу, словно боясь чего-то и безсознательно ища многолюдства. Она почувствовала, что слезы готовы брызнуть у нея изъ глазъ, и поспѣшила опустить вуаль.

Она уже была у воротъ дома, когда къ ней подошелъ мальчикъ и подалъ неуклюжій конвертъ изъ сѣрой писчей бумаги.

— Что это? Отъ кого?—не то съ удивленіемъ, не то съ испугомъ спросила Лидія, не беря конверта.

— Татьяна Никандровна велѣла вамъ передать, сказала: прямо въ руки. Васъ не было, я ждалъ, сидѣлъ здѣсь.

— Ты развѣ меня знаешь?—спросила дѣвушка, принимая отъ него письмо.

— Знаю. Я тутотка, невдалекѣ отъ васъ живу. Моя мамка бублики носитъ.

— Ну, спасибо,—проговорила Лидія; не глядя, достала изъ портмонэ какую-то серебряную монету и передала ее мальчику.

Тотъ поблагодарилъ и въ прискочку побѣжалъ вдоль улицы. Письмо было отъ Тани и не длинно:

«Дорогая, милая Лидочка,—писала она.—Я не могу тебѣ передать все, что чувствую, какъ я страшно мучусь. Господи! мож-

Digitized by Google

но ли было ожидать всего этого! Теперь все, все погибло. Мы никогда не увидимся. Тетя ужасно сердится, при ней нельзя ничего сказать про тебя, слышать о тебѣ не хочетъ, и маму твою ужасъ какъ бранитъ. Не думай, что я все разсказала. Самъ дядя узналъ отъ кого-то, на другое же утро. Лидочка, милая, не сердись на меня! Что бы ни было, я всегда, всегда по прежнему буду тебя любить. Я вчера тихонько отъ всѣхъ вынула твою карточку и цѣловала ее; цѣловала и плакала. Господи, да что же это: неужели никогда, никогда мы не увидимся? Ты уѣдешь, пожалуй.. И все это черезъ катанье, все Лебедевъ виноватъ. Не попадись онъ, мы бы не поѣхали. Голубчикъ-Лидуша, не кланяйся съ Ольгой при встрѣчѣ; знаешь, какъ на нее всѣ смотрятъ. Ахъ, намъ бы слѣдовало тогда уѣхать сейчасъ же. Пишу тебѣ украдкой. Раньше никакъ не могла. Я сегодня поймала Мишутку; вмѣсто матери, онъ носитъ намъ иногда бублики. Я обѣщала ему гривенникъ, если онъ передастъ тебѣ письмо. Онъ завтра опять придетъ и я передамъ ему письмо. Милуша! Цѣлую тебя безъ числа, не забывай любящую тебя Таню».

— Милая,—промолвила Лидія, прочитавъ письмо и кладя его на столъ.—И тоже совѣтуетъ избѣгать Ольги!

Она горько улыбнулась, вздохнула и произнесла вслухъ: «да развѣ теперь не все равно? Еще этотъ Сачковъ:—чѣмъ онъ угрожаетъ мнѣ? Папа просилъ остаться. Зачѣмъ теперь? Мѣста здѣсь мнѣ навѣрное не дадутъ; что же я буду дѣлать? Нѣтъ, надо серьезно поговорить съ папой».

Она сѣла, взяла опять со стола письмо Тани и снова стала читать его.

«Милая, бѣдная дѣвочка!—думала она, читая,—тебѣ не легко, и я всему виной, а отъ тебя ни одного упрека, еще ты же просишь не сердиться, какъ будто ты виновата. Какъ, однако, ты любишь меня!»

Лидію растрогало письмо, и невольныя слезы увлажнили ея глаза.

XXIII.

Марка Васильевича нельзя было узнать. Онъ какъ-то осунулся, похудѣлъ; лицо его потемнѣло, словно онъ перенесъ тяжкую болѣзнь. Онъ ходилъ согнувшись, на улицѣ часто не замѣчалъ знакомыхъ, а если и замѣчалъ, то, поклонившись, спѣшилъ скорѣе пройти мимо, а не останавливался, какъ прежде, чего-

Digitized by Google

ворить о чемъ нибудь. Онъ боялся, что съ нимъ заговорятъ о томъ, что̀ ему непріятно, о чемъ ему не хочется и больно говорить. И онъ имѣлъ основаніе думать такъ. Сплетня о Лидіи росла, переходя изъ устъ въ уста. Скучавшія кумушки обрадовались возможности «почесать языки». Старалась не одна Сербина, обиженная Натальей Григорьевной, но и Даша съ маменькой, и даже тѣ, которые не знали совсѣмъ Лидіи. Даша помирилась съ Сачковымъ, который съумѣлъ оправдаться и представить себя въ выгодномъ для него свѣтѣ, причемъ, конечно, не поскупился на вымыселъ. По его словамъ, Лидія нарочно говорила всѣмъ, что она за него не выдетъ, а на самомъ дѣлѣ чуть не сама навязывалась ему въ жены. Онъ не отрицалъ, что дѣйствительно увлекся ею, и дѣлалъ намеки, что дѣло могло пойти гораздо дальше поцѣлуевъ, но онъ не захотѣлъ губить дѣвушки, жалѣя ее и уважая ея отца. Отказъ отъ уроковъ у Мамонтовыхъ сталъ скоро извѣстенъ всѣмъ и какъ бы подтвердилъ справедливость ходившихъ слуховъ. Явилась на сценѣ собака съ семью головами. Начали утверждать, что Лидія въ связи съ Мауринымъ. Нашлась какая-то кумушка, которая клялась, что она видѣла «собственными своими глазыньками», какъ Лидія сидѣла съ нимъ поздно вечеромъ на бульварѣ и цѣловалась. Ходилъ еще и другой слухъ, что Лидія «въ амурахъ» съ Лебедевымъ. Говорили все, что̀ приходило въ голову, что̀ могли выдумать. Не только кумушки, но и «интеллигентныя» барыни избрали Лидію предметомъ своихъ разговоровъ и также рѣзко нападали на нее. Даже генералъ Паренцовъ, когда дошла до него вѣсть, воспылалъ гнѣвомъ. Онъ былъ теперь увѣренъ, что Шерстобитовы хотѣли его завлечь, чтобы обманомъ женить на своей «развратной дочкѣ». Какъ? Чтобы онъ, въ его чинѣ, покрывалъ чужой грѣхъ? О-о-о! Онъ стучалъ палкой и скрежеталъ вставными зубами. При встрѣчѣ съ Маркомъ Васильевичемъ, онъ хотѣлъ высказать ему свое негодованіе, но нашелъ это для себя унизительнымъ и только пренебрежительно отвернулся отъ Шерстобитова. Вѣроятно, находились люди, которые не вѣрили сплетнѣ вполнѣ, но болѣе или менѣе всѣ были предубѣждены противъ Лидіи. Маркъ Васильевичъ не ошибся: городской голова на отрѣзъ отказалъ дѣвушкѣ въ мѣстѣ.

— Я не знаю,—правда ли все,—уклончиво произнесъ онъ,—но когда ходятъ такіе слухи по всему городу—я не могу. Знаете нашего инспектора—недолго нажить непріятность! Да и сами родители могутъ выразить неудовольствіе.

Люди какъ-то странно устроены: нерѣдко самый добрый че-

Digitized by Google

ловѣкъ съ какимъ-то малообъяснимымъ наслажденіемъ уколетъ васъ въ самое больное мѣсто. Васъ кто нибудь обругалъ, и вотъ вашъ пріятель, къ вамъ расположенный, при встрѣчѣ подробно сообщитъ вамъ, какъ васъ такой-то обругалъ. Онъ приправитъ свое сообщеніе соболѣзнованіемъ къ вамъ, и осужденіемъ по адресу вашего врага, а все таки вы почувствуете, что пріятелю доставило удовольствіе передать гадость, сказанную о васъ. Таковы люди вездѣ, таковы они и въ Грязноводскѣ. Понятно поэтому, что встрѣча съ такими «пріятелями» была тяжела для Марка Васильевича, и онъ не останавливался съ ними, какъ дѣлалъ это прежде. Нелегко было старику. Онъ скрывалъ свою скорбь ото всѣхъ, даже отъ Лидіи, но отъ этого еще усугублялись его душевныя мученія. Онъ не рѣшался передать дочери отказа головы и боялся только одного, чтобы дочь сама не поставила вопроса ребромъ. И если Лидія хотя бы издалека касалась этого предмета, онъ старался скорѣе перевести разговоръ на что нибудь другое. Рѣшившись переговорить серьезно съ отцомъ, Лидія такъ и не могла въ теченіе цѣлой недѣли выполнить своего рѣшенія. Маркъ Васильевичъ всячески уклонялся и въ крайнемъ случаѣ прибѣгалъ къ послѣднему средству—подъ какимъ нибудь предлогомъ оставлялъ дочь.

Лидія замѣчала его душевное состояніе и старалась вызвать на откровенность. Она не спрашивала о причинѣ, потому что понимала ее, но ей хотѣлось, чтобы отецъ облегчилъ признаніемъ тяжесть своего горя. Но Маркъ Васильевичъ, прежде откровенный съ дочерью и разговорчивый, теперь вдругъ сдѣлался замкнутымъ и сдержаннымъ. А между тѣмъ онъ переживалъ страшныя терзанія. Бывали минуты, когда онъ точно жалѣлъ о томъ, что не послушался жены, и совсѣмъ иначе относился къ тому, что долгое время составляло его горделивую радость. Эти минуты, правда, были очень рѣдки, но онѣ были самыя тяжелыя. Маркъ Васильевичъ глубоко вздыхалъ, и въ его грустныхъ глазахъ, устремленныхъ на образъ, можно было прочесть что-то похожее на укоръ. Когда такія минуты проходили, Маркъ Васильевичъ казался совсѣмъ разбитымъ, и его начинало угнетать сознаніе своей дерзости противъ провидѣнія; онъ передъ сномъ подолгу и со слезами молился.

Вѣра съ мужемъ уѣхала куда-то на богомолье. Наталья Григорьевна также замѣтно измѣнилась. Она рѣдко выходила изъ дома и боялась разспрашивать мужа, хотя и болѣла за него душой. Ея гнѣвъ прошелъ, она давно все простила Лидіи, жалѣла ее и часто искренно плакала о ней. Она все приписала курсамъ,

Digitized by Google

винила мужа и сквозь слезы шептала про себя: «говорила, что погубитъ, ну, вотъ!» Но она не смѣла сказать ему этого и даже старалась, чтобы онъ не видѣлъ ея слезъ. Лидія начала изрѣдка спускаться внизъ. Съ обѣихъ сторонъ не было сказано ни полслова о примиреніи. Установились какія-то неопредѣленныя, натянутыя отношенія: Лидія здоровалась съ матерью, отвѣчала на ея вопросы, и сейчасъ же послѣ чая и обѣда уходила къ себѣ на верхъ. Разъ какъ-то Наталья Григорьевна не выдержала и намекнула о ссорѣ, съ цѣлью вызвать дочь на полное примиреніе, но дѣвушка уклонилась отъ объясненій и ушла къ себѣ. Сергѣй показывался рѣдко. Онъ даже обѣдалъ дома, за все это время, только два раза. Онъ ничего не говорилъ съ сестрой и только бросалъ на нее взгляды, полные ненависти, и какъ-то загадочно улыбался. Въ другое время, Маркъ Васильевичъ обратилъ бы вниманіе на отсутствіе сына, а теперь уже и не спрашивалъ, почему его нѣтъ. Онъ или не замѣчалъ его совсѣмъ, или былъ даже доволенъ, что его не видно. Такъ прошло еще болѣе недѣли. Лидія ни за что не могла приняться, ей ничего не хотѣлось дѣлать. Томительно-тяжело тянулся для нея день за днемъ. Она чувствовала, что такъ продолжаться не можетъ, что подобная жизнь сведетъ ее съ ума. Но что же предстояло дальше? Развѣ не то же самое? Пусть со временемъ сплетня уляжется, все утихнетъ, но не это главнымъ образомъ и безпокоило Лидію. Что было ей здѣсь дѣлать? Ждать жениха? задавала она себѣ вопросъ. И какъ ни тяжело у нея было на душѣ, она не могла удержаться отъ улыбки. Она ѣхала не для того,—она хотѣла работать, а если нельзя, такъ зачѣмъ же оставаться? Семейныя отношенія стали невыносимы. Конечно, и они со временемъ также измѣнятся, но атмосфера останется та же, а въ этой атмосферѣ дѣвушка задыхалась. Она поняла теперь ясно, что всѣ ея мечты были ошибочны: она и мать—два противоположные полюса, и между матерью и ею лежитъ такая пропасть, черезъ которую не перекинуть соединяющей доски никакой любовью, никакой уступчивостью. Надо ей, Лидіи, совсѣмъ покориться, чтобы въ семьѣ царствовалъ миръ, чтобы уѣздное болото не волновалось. Покориться! Но что это значитъ?—Жить мыслями Натальи Григорьевны и другихъ ей подобныхъ, быть идеальной дѣвицей по понятіямъ грязноводскихъ кумушекъ, выйти за Сачкова, за Паренцова или за какого нибудь мѣстнаго чиновника, няньчиться съ дѣтьми, стряпать, собирать у себя гостей и ходить въ гости, сплетничать съ ними? Подавить всѣ свои стремленія къ наукѣ, заглушить жажду осмысленной жизни, забыть то, что долгіе годы

Digitized by Google

составляло лучшую мечту души? Это ли значитъ покориться? Но такой покорности Лидія не понимала, не была способна на нее, и согласилась бы лучше умереть, чѣмъ облечь себя на жалкое прозябанье въ стоячемъ болотѣ. Въ ней еще было много силъ, желанія испытать жизнь труда, борьбы; она рвалась къ свѣту, ей была противна эта тишь, чуждая всякихъ умственныхъ интересовъ, полная пошлаго мѣщанскаго довольства. Семья! Но одинъ братъ отравлялъ бы всякую минуту; мать ей была далека. Только отецъ ближе другихъ, но вѣдь одинъ онъ не можетъ замѣнить всего, не дастъ полноты жизни, того счастья, котораго жаждала ея молодая душа. Онъ любитъ ее, и она его любитъ. Но эта любовь останется и тогда, когда они будутъ врозь. И, конечно, отцу отраднѣе знать, что она счастлива вдали отъ него, чѣмъ видѣть ея мученія здѣсь, съ нимъ.

Она не забыла, что какъ-то разъ отецъ сказалъ ей:—«вотъ, познакомишься съ кѣмъ нибудь изъ образованныхъ людей здѣшнихъ и меньше будетъ томить скука»... Но съ кѣмъ же? Не съ городскимъ ли докторомъ, который «на бѣгу» заглядываетъ въ больницу и въ картахъ съ выпивкой видитъ все благо жизни? Не съ тѣмъ ли учителемъ, про котораго говорятъ, что онъ готовъ калоши надѣвать начальству, лишь бы выслужиться? Вся эта «интеллигенція» или пьетъ, или сражается на зеленомъ полѣ. Можетъ быть, когда-то и жили другими интересами эти люди, но они давно плесенью покрылись, ушли всѣ въ «утробные интересы», какъ выражается Веригинъ... Такъ думала Лидія, и чѣмъ болѣе она думала, тѣмъ сильнѣе крѣпло ея рѣшеніе—уѣхать въ Петербургъ.

Было уже десять часовъ. Лидія полюбила за послѣднее время свой садикъ и просиживала въ немъ цѣлые вечера. Она и теперь отправилась туда посидѣть на скамьѣ, подышать запахомъ цвѣтовъ, подумать, помечтать. Въ домѣ всѣ спали. Маркъ Васильевичъ чувствовалъ себя сегодня очень усталымъ и легъ рано; Наталья Григорьевна вообще не любила ложиться поздно. На улицѣ царила глубокая тишина. Лидія прошла въ садъ и сѣла на скамью, подъ акаціями. Не минуло и четверти часа, какъ вдругъ кто-то окликнулъ ее съ улицы. Она вздрогнула и, движимая безотчетнымъ чувствомъ страха, быстро поднялась съ мѣста.

— Кто тамъ?—спросила она нетвердымъ голосомъ, устремляя взглядъ по направленію къ рѣшеткѣ палисадника.

— Это я, Ольга,—отвѣтилъ голосъ изъ-за рѣшетки.—Простите! я, кажется, испугала васъ?

— Нѣтъ, ничего. Что вамъ надо, Ольга Петровна? Проходите сюда.

Digitized by Google

— Можно?

— Проходите, я одна. Всѣ уже спятъ.

Ольга несмѣло, точно крадучись, прошла въ садикъ.

— Извините, что я такъ поздно... я уже не думала и увидѣть васъ, да все таки пошла.

Она присѣла. Лидія замѣтила, что Ольга сильно взволнована.

— Что съ вами? — спросила она участливо. — Случилось что нибудь?

— Со мной ничего... я пришла васъ предупредить,—отвѣтила Ольга: — я только сейчасъ узнала. Не спрашивайте отъ кого, я не могу сказать... но я навѣрно узнала, и побѣжала сюда.

— Вы говорите: предупредить меня? — произнесла Лидія, и почувствовала также какую-то внутреннюю дрожь, боясь, сама не зная чего.

— Да, васъ.

Ольга видимо затруднялась.

— Да говорите же, что такое? — нетерпѣливо произнесла Лидія.

Ольга глубоко вздохнула, какъ бы набирая въ легкія больше воздуха, и вдругъ рѣшительно промолвила:

— Ваши ворота хотятъ вымазать дегтемъ!

— Дегтемъ... ворота? это кто же... зачѣмъ?—проговорила Лидія, медленно отдѣляя каждое слово.

Она была удивлена и хотя ничего не понимала изъ того, что сказала Ольга, но сердце ея вдругъ упало, какъ бы предчувствуя что-то ужасное.

— Кто, спрашиваете вы? Сачковъ съ помощью... вашего брата!

— Какъ, Сергѣя?

— Да, да, я не буду скрывать.

— Но зачѣмъ же?

— Вы не знаете?

— Не знаю.

— Ахъ, Лидія Марковна...

Она помолчала и въ возможно-мягкихъ выраженіяхъ объяснила Лидіи, что ворота мажутъ у тѣхъ, кого хотятъ заклеймить, ну... какъ напримѣръ, клеймятъ ее, Ольгу.

— Развѣ у васъ мазали? — спросила Лидія.

— У меня нѣтъ,—невольно улыбнулась она наивному вопросу.— Это дѣлаютъ изъ мести. На васъ золъ Сачковъ.

Лидія сидѣла блѣдная, уронивъ руки на колѣни. Все, что она перечувствовала въ эти минуты, едва ли можно передать словами. «Сергѣй, братъ, заодно»... Она знала, что онъ ея не любитъ, но

Digitized by Google

чтобы онъ могъ рѣшиться на такой поступокъ, она никогда бы не повѣрила.

— Лидія Марковна! голубушка! что съ вами? — испуганно воскликнула Ольга и подхватила Лидію, которая вдругъ склонилась къ ней головой.

Ольга поспѣшно разстегнула лифъ у дѣвушки и инстинктивно оглянулась кругомъ, какъ бы ища чего-то. Ей бросилась въ глаза лейка, стоявшая въ нѣсколькихъ шагахъ отъ скамьи. Въ лейкѣ оставалось немного воды; Ольга обмокнула платокъ и начала смачивать виски и голову Лидіи. Та очнулась и открыла глаза.

— Ну, слава богу, а то я такъ испугалась, — промолвила радостно Ольга.—Полежите еще, успокойтесь,—продолжала она, замѣтивъ, что Лидія хочетъ подняться, — и снова приложила къ головѣ дѣвушки влажный платокъ.

— Нѣтъ, ничего, спасибо! Я сама не знаю, отчего это сдѣлалось со мной,—смущенно произнесла Лидія, выпрямляясь.

— На васъ сильно подѣйствовало... Вѣрно, я не съумѣла передать... Простите меня!

— Я вамъ очень благодарна, Ольга Петровна.

Лидія взяла руку Ольги и крѣпко пожала.

— О, за что же!—воскликнула Ольга:—я такъ виновата передъ вами, что готова все сдѣлать, чтобы загладить мою вину.

— Вы ни въ чемъ не виноваты,—возразила Лидія.—Но Сачковъ... братъ... Боже мой, на что способны люди! И за что, за что?

— Идите, Лидія Марковна, лягьте, усните, — сказала Ольга.

— Но какъ же: вы сказали...

— Не бойтесь, сегодня не сдѣлаютъ, а завтра... завтра вамъ придется, Лидія Марковна, все разсказать вашему отцу.

— Какъ, и про Сергѣя? — Ни за что! — покачала головой Лидія.—Это убьетъ отца, да я и не ручаюсь за то, что онъ можетъ сдѣлать съ братомъ. Богъ съ нимъ! Зачѣмъ говорить, довольно факта... Я и про Сачкова не скажу. Къ тому же я уѣзжаю, — прибавила она такимъ тономъ, какъ бы вопросъ объ отъѣздѣ у нея былъ окончательно рѣшенъ.

— Знаете, Лидія Марковна, — сказала Ольга, — мнѣ жалко, что вы уѣдете, но это хорошо: уѣзжайте, непремѣнно уѣзжайте! Потомъ можете снова пріѣхать, а теперь самое лучше — уѣхать!

Она встала.

— Прощайте, Лидія Марковна. Можетъ быть... Да навѣрное даже, до вашего отъѣзда я васъ больше не увижу. Прощайте,

Digitized by Google

спасибо вамъ... я никогда, никогда не забуду васъ! — закончила Ольга растроганнымъ голосомъ.

— Прощайте! — промолвила Лидія; она нагнулась и горячо поцѣловала Ольгу въ губы.

— Пишите, Ольга Петровна, если я вамъ понадоблюсь, могу оказаться полезной — я все сдѣлаю для васъ. Можетъ быть, и вамъ придется уѣхать. Пріѣзжайте въ Петербургъ. Мы вамъ постараемся найти дѣло.

— Спасибо. Но куда мнѣ ѣхать: отецъ боленъ и старъ, да и... Нѣтъ, ужь мнѣ не придется уѣзжать... А вамъ спасибо, спасибо за все. Если вы дадите мнѣ о себѣ вѣсточку—я буду очень рада.

Онѣ разстались. Лидія почувствовала себя такой разбитой, измученной, что едва дошла до своей комнаты. Въ дѣвушкѣ все болѣло: и душа, и тѣло; всѣ нервы были разбиты. Она въ изнеможеніи опустилась на стулъ и застыла въ неподвижной позѣ, полная тяжелыхъ думъ и мучительной тоски.

XXIV.

Начиналось ясное августовское утро, предвѣщавшее хорошій день. Солнце весело обливало землю еще не жаркими лучами. Воздухъ былъ свѣжъ и чистъ, дышалось легко, и пріятная бодрость охватывала весь организмъ. Птицы съ крикомъ рѣяли въ прозрачномъ воздухѣ. Гдѣ-то слышалось хлопанье бича и мычанье коровъ. Городъ еще только пробуждался, да и то въ лицѣ своихъ скромныхъ тружениковъ, каковы: плотники, маляры, каменщики и тому подобный рабочій людъ. Но къ желѣзнодорожному вокзалу уже со всѣхъ сторонъ тянулись извощичьи дрожки и спѣшили пѣшеходы съ узелками. Поѣздъ изъ Грязноводска—единственный поѣздъ въ Москву—отходитъ очень рано.

За щегольской коляской городскаго головы, жена котораго уѣзжала куда-то, къ крыльцу вокзала подъѣхало двое дрожекъ. На первыхъ изъ нихъ сидѣли Маркъ Васильевичъ и Лидія, на вторыхъ—Наталья Григорьевна и Сергѣй. Лидія быстро соскочила съ пролетокъ, но Маркъ Васильевичъ сошелъ медленно, точно ему стоило это неимовѣрнаго труда. Къ нимъ подошелъ извощикъ и промолвилъ, снимая шапку:

— А вещи уже въ вокзалѣ. Вотъ онъ ихъ и снесъ,—указалъ извощикъ на одного изъ носильщиковъ, стоявшихъ на подъѣздѣ.

Въ вокзалѣ публики было не особенно много, да и то больше все простой народъ.

Digitized by Google

— Дай деньги Сергѣю, онъ возьметъ билетъ,—сказалъ Маркъ Васильевичъ дочери.

Но Лидія подозвала носильщика и велѣла ему взять билетъ.

— Заодно ужь онъ и багажъ сдастъ,—сказала она, обращаясь къ отцу и пряча портмонэ въ дорожную сумку.

— Ну, что же, сядемъ, что ли?—предложилъ Маркъ Васильевичъ.

Они прошли въ залу втораго класса и заняли свободный диванчикъ.

— До поѣзда цѣлыхъ тридцать минутъ,—объявилъ Маркъ Васильевичъ, посмотрѣвъ на часы.

Онъ говорилъ надтреснутымъ, глухимъ голосомъ, и хотя старался сохранить бодрость, но его выдавалъ не только голосъ, а и вся фигура: онъ казался совсѣмъ убитымъ, точно провожалъ на кладбище самаго дорогаго человѣка. Наталья Григорьевна молчала; она только безпрестанно прикладывала платокъ къ своимъ глазамъ и старалась подавить душившія ея рыданія. Лидія глядѣла оживленно, хотя это была неестественная оживленность. Дѣвушку била нервная дрожь, а глаза туманились слезами. Одинъ Сергѣй оставался совершенно спокойнымъ, даже болѣе: сквозь это спокойствіе виднѣлась тайная радость, невольно обнаруживавшаяся въ глазахъ. На губахъ его изрѣдка блуждала торжествующая улыбка. Онъ сѣлъ нѣсколько поодаль отъ всѣхъ.

— Не хочешь ли чаю, Лидуша?—проговорилъ Маркъ Васильевичъ, и по всему было видно, что не объ этомъ онъ думалъ, и не это хотѣлъ сказать.

— Нѣтъ, папа, не хочется.

— Ты и дома не пила,—произнесла мать, всхлипывая и громко сморкаясь.

— Не хочется,—повторила Лидія.

Ея нервное состояніе росло. Она встрѣтилась взглядомъ съ отцомъ, задумчиво, молча глядѣвшимъ на нее,—и поняла все, что онъ думалъ и чувствовалъ въ эти минуты; она взяла его за руку.

— Не грустите, папочка,—сказала она.—Я буду писать вамъ часто, часто, а потомъ вы возьмете отпускъ и пріѣдете ко мнѣ. И вы, мама, соберитесь. Повеселимся.

Но эта фраза о веселье прозвучала какъ-то странно, словно на похоронахъ заговорили о танцахъ. Наталья Григорьевна хотѣла что-то отвѣтить, и не могла: слезы мѣшали ей.

— Писать будешь,—произнесъ медленно отецъ, видимо, тоже съ трудомъ удерживаясь отъ слезъ, и покачалъ головою.—Ахъ,

Digitized by Google

Лидуша, Лидуша, не думалъ я, что такъ скоро придется тебя провожать... не думалъ!

И крупная слеза покатилась по его морщинистой щекѣ.

— Папа, Бога ради!—сказала Лидія дрожащимъ голосомъ,—успокойтесь, не плачьте, ну, что же дѣлать... нельзя вѣдь... Я опять пріѣду!

— Нѣтъ, ужь, Лидія,—возразилъ Маркъ Васильевичъ, вздохнувши:—тебѣ здѣсь не жить, тамъ лучше.

— Но если не жить, такъ хоть повидаться, папочка,—сказала Лидія, съ любовью и тоской глядя на отца.

— Развѣ что повидаться... И то какъ Богъ судитъ: я старъ... кто знаетъ... долго ли...

— Папочка, да что это вы! Зачѣмъ вы такъ говорите?—воскликнула Лидія, и безотчетный страхъ сжалъ ея сердце,—дорогой, милый, не говорите такъ, мнѣ и безъ того тяжело!

— Ну, не буду, не буду, дружокъ,—поспѣшно произнесъ Маркъ Васильевичъ.—Я такъ... никто какъ Богъ! Еще и въ самомъ дѣлѣ мы къ тебѣ съ матерью на свадьбу пріѣдемъ попировать.

— Ахъ, отецъ,—проговорила Наталья Григорьевна, махнувъ рукою.

— А что же, мать, развѣ не можетъ быть?

Раздался рѣзкій звонокъ, и сторожъ крикнулъ на весь вокзалъ:

— Первый звонокъ. Поѣздъ въ Москву отправляется!

Шерстобитовы встрепенулись. Явился носильщикъ за ручнымъ багажемъ и вручилъ Лидіи билетъ и квитанцію.

— Садиться уже?—спросила Лидія.

— Да-съ. Я вамъ и мѣстечко нашелъ удобное.

— Ну, прощайте, папа.

Она обняла отца и склонилась головой къ нему на плечо.

И Маркъ Васильевичъ прильнулъ губами къ головѣ дѣвушки. Она продолжала лежать на его плечѣ, судорожно рыдая. Когда она подняла голову, лицо ея было влажно отъ слезъ.

— Прощайте, папа!

Что-то сдавило ей горло, и она насилу могла выговорить эти слова. Маркъ Васильевичъ обнялъ дочь и крѣпко, нѣсколько разъ поцѣловалъ въ губы.—Прощай,—промолвилъ онъ, выпуская ее изъ объятій, и голосъ его оборвался. И не только голосъ: въ эту минуту оборвалась одна изъ струнъ его сердца.

Наталья Григорьевна громко разрыдалась, когда стала прощаться съ дочерью.

— Лидочка, голубушка,—говорила она вслухъ, забывая обо

Digitized by Google

всемъ.—Прости меня, я тебя обидѣла. Можетъ быть, черезъ меня и уѣзжаешь. Не обвиняй мать, добра вѣдь я желала... Родная, голубушка.

Съ ней сдѣлалось дурно. Пришлось приводить Наталью Григорьевну въ чувство; пока хлопотали около нея, раздался второй звонокъ. Надо было спѣшить садиться въ вагонъ. Въ этотъ моментъ, къ Лидіи подошелъ проститься братъ. Онъ показался ей такимъ гадкимъ, что она нѣсколько замедлила, подавая ему руку. Она пристально посмотрѣла на брата и, едва прикасаясь своей рукой къ его рукѣ, тихо шепнула ему:

— Я все знаю.

Сергѣй въ первый разъ на минуту какъ бы смутился отъ словъ сестры,—но только на минуту. Обычная насмѣшливо-нахальная улыбка опять появилась на его губахъ, когда онъ отошелъ отъ сестры. Отецъ и мать вмѣстѣ съ Лидіей вошли въ вагонъ, но имъ пришлось очень недолго пробыть тамъ.

— Провожающіе, выходите,—раздался голосъ кондуктора.

Поѣздъ тронулся. Лидія стояла у окна и кланялась, улыбаясь сквозь слезы. Маркъ Васильевичъ и Наталья Григорьевна шли рядомъ съ вагономъ, пока продолжалась платформа. Поѣздъ пошелъ скорѣе и скорѣе—и вотъ наконецъ совсѣмъ скрылся изъ виду. А Маркъ Васильевичъ все продолжалъ стоять на томъ же мѣстѣ, устремивъ взглядъ вдаль, откуда еще виднѣлся дымокъ отъ паровоза, увозившаго ту, которая была для него свѣтомъ и радостью въ жизни.

А. Кругловъ.

Конецъ.

Digitized by Google

МЕЧТА.

Я вѣрю: будетъ вѣкъ великаго сознанья,—
Безъ крови, безъ вражды;—блеснетъ могучій свѣтъ,
Утихнетъ зло и ложь безплоднаго страданья,
Померкнетъ ореолъ убійственныхъ побѣдъ
Предъ солнцемъ истины,—что въ мщеньѣ правды нѣтъ!
И мстить кому, за что? Желать побѣдъ и славы,
Смерть ополчивъ на жизнь,—не жизнь ли уберечь?
Нѣтъ, вы герои зла; нѣтъ, вы, борцы, не правы:
Гдѣ мысль—тамъ жизнь кипитъ, гдѣ жизнь—тамъ властна рѣчь,
Тамъ слово побѣждаетъ мечъ!

К. Фофановъ.

Digitized by Google

Новѣйшія наблюденія надъ нравами обезьянъ.

Сравнительная психологія животныхъ есть одна изъ самыхъ новыхъ отраслей естествознанія, гораздо новѣе даже эмбріологіи, получившей наукообразный строй недалѣе 60—70 лѣтъ назадъ. Конечно, свѣдѣнія объ отличительныхъ душевныхъ качествахъ, о нравахъ и обычаяхъ нѣкоторыхъ животныхъ можно найти еще у Плинія и Аристотеля; но это были лишь отрывочныя извѣстія о фактахъ, подмѣченныхъ случайно и имѣвшихъ большею частію, если не исключительно, анекдотическій интересъ. Хитрость лисицы, трусость зайца, простоватость медвѣдя, глупость осла, кровожадность тигра, великодушіе льва, болтливость вѣтряной сороки, спѣсивость павлина, алчность акулы, трудолюбіе муравья,— все это давно было извѣстно людямъ; но никто изъ нихъ не искалъ никакой наукообразной связи между этими, данными наблюденіемъ, фактами и анатомо-физіологическимъ устройствомъ животныхъ, а тѣмъ болѣе средою, въ которой они водятся. Даже въ XVIII вѣкѣ, у Линнея и Бюффона, изученіе умственныхъ, нравственныхъ и эстетическихъ способностей и наклонностей животныхъ было почти совершенно пренебрежено; а если и вводилось въ курсы зоологіи, то лишь въ видѣ курьеза или въ интересахъ звѣролововъ, птицелововъ, рыбопромышленниковъ и пр. Кювье и его послѣдователи, конечно, не безъ намѣренія обходили психическую жизнь обслѣдуемыхъ ими «тварей», потому что всегдашнею заднею мыслью ихъ было не допускать въ животныхъ, кромѣ человѣка, присутствіе ума, воображенія и воли, а надѣлять ихъ только «слѣпыми инстинктами». И ученые ихъ соперники, смотрѣвшіе на природу нѣсколько шире ихъ, правовѣрныхъ зоологовъ, были ими осмѣиваемы или замалчиваемы, какъ диллетанты, а не ученые.

Естествоиспытатели второй половины XIX столѣтія, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ теоріи эволюціи, т. е. послѣдовательнаго, развитія и примѣненія къ средѣ животныхъ формъ, взглянули на

Digitized by Google

дѣло иначе. Бремъ и Вундтъ, Дарвинъ и Романесъ, Бюхнеръ и Лёббокъ, Форель и Люказъ-Дютьерсъ создали науку сравнительной психологіи животныхъ, и теперь это одна изъ самыхъ привлекательныхъ отраслей зоологіи, имѣющая вскорѣ перетасовать всѣ схоластическія рубрики, которыми философы угощали людей со временъ Платона до Канта и Гегеля. Мы не будемъ здѣсь излагать хотя бы самыя общія основанія этой новой науки и критиковать избранную ею методу собиранія и обработки фактовъ, методу вполнѣ индуктивную; но возьмемъ, для примѣра, одну изъ главъ ея и предоставимъ читателю самому дѣлать выводы изъ описанныхъ фактовъ. Главнымъ нашимъ руководителемъ будетъ Романесъ; но мы не пропустимъ случаевъ заимствовать данныя, и даже оцѣнку ихъ, и у другихъ авторовъ, какъ скоро они не заражены мистицизмомъ.

I.

Справедливо говоритъ Романесъ, что психологія обезьянъ, столь близкихъ къ человѣку въ анатомико-физіологическомъ смыслѣ, извѣстна намъ хуже, чѣмъ умственно-нравственное развитіе многихъ низшихъ животныхъ, и не только домашнихъ, какъ собаки и кошки, но даже дикихъ, какъ муравьи. Причина этому заключается именно въ томъ, что одомашненіе обезьянъ есть дѣло трудное, вслѣдствіе ихъ независимаго, подвижнаго и отчасти сварливаго характера, а наблюденіе ихъ въ состояніи дикомъ еще труднѣе по условіямъ ихъ обитанія,—главнымъ образомъ, въ лѣсахъ тропическаго пояса,—и по образу ихъ жизни, то стадами, то отдѣльными семьями. Особенно жаль, что намъ мало извѣстно умственное и нравственное развитіе антропоидовъ,—гориллы, орангутанга, шимпанзе,—которые на зоологической лѣстницѣ стоятъ ближе другихъ къ человѣку. Наблюдать ихъ въ естественномъ состояніи, въ мѣстахъ, гдѣ онѣ водятся, случается рѣдко, а наблюденія въ зоологическихъ садахъ, то есть въ клѣткахъ, всегда очень односторонни и не раскрываютъ намъ духовной природы животныхъ во всей ея полнотѣ. Тѣ немногія особи, которыя живутъ въ людскихъ домахъ, также не доставляютъ матеріаловъ достаточно многосторонніхъ; ибо и эти особи выставляютъ намъ далеко не всѣ стороны ихъ духовной природы, правилъ и пріемовъ общежитія, ихъ вкусовъ, наклонностей и привязанностей или антипатій. Притомъ взрослые антропоиды почти не даются человѣку живыми, а малолѣтки, живя среди людей, естественно утрачиваютъ много

Digitized by Google

природныхъ качествъ и уже не могутъ служить для изученія обезьяньихъ типовъ въ нормальномъ ихъ состояніи.

Однако попробуемъ ознакомиться съ психическими явленіями организма обезьянъ, начиная съ самыхъ общеизвѣстныхъ. Всѣ безъ исключенія обезьяны отличаются горячностью ихъ симпатій и антипатій. Привязанность ихъ даже къ людямъ иногда превосходитъ—кто бы подумалъ!—привязанность собакъ, этихъ «единственныхъ надежныхъ друзей нашихъ», какъ говорятъ мизантропы. Вотъ нѣсколько примѣровъ въ доказательство. Ренгеръ видѣлъ одну ручную американскую обезьяну (*Cebus*) усердно отгонявшую мухъ отъ своего спавшаго ребенка; Дювансель наблюдалъ самку гиббона, которая умывала изъ ручья лица своихъ дѣтей. Потеря дѣтей причиняетъ обезьянамъ-матерямъ такое горе, что нѣкоторыя изъ нихъ умираютъ, какъ то наблюдалъ Бремъ въ сѣверной Африкѣ (правда, его обезьяны жили уже въ клѣткахъ). Сироты, послѣ смерти матерей, были всегда усыновляемы самками или даже самцами и становились предметомъ ихъ попеченій. — Когда Джобсону, во время плаванія по рѣкѣ, случалось изъ лодки выстрѣломъ убивать орангутанга, его трупъ всегда былъ уносимъ его спутниками, прежде чѣмъ люди успѣвали высадиться на берегъ. Джемсъ Форбесъ, въ своихъ «Запискахъ о востокѣ», разсказываетъ о слѣдующей замѣчательной чертѣ привязанности обезьянъ къ ихъ подругѣ, убитой людьми:

«Одинъ охотникъ, расположившись подъ сѣнью индѣйской смоковницы, убилъ обезьяну-самку и унесъ ее въ свою палатку; но онъ скоро былъ окруженъ цѣлымъ стадомъ другихъ обезьянъ той же породы, числомъ до сорока штукъ. Онѣ криками угрожали ему и, чтобы отъ нихъ отвязаться, онъ приложился изъ ружья, смертоносное дѣйствіе котораго обезьяны хорошо цѣнили. Это сдержало ихъ; но начальникъ скопища упорствовалъ и продолжалъ сильно кричать. Убить его у охотника недоставало духу, такъ какъ онъ чувствовалъ упрекъ совѣсти и за первое убійство. Къ тому же свирѣпый «Старикъ» перемѣнилъ тактику и сталъ жалобнымъ тономъ и знаками умолять о выдачѣ трупа. Просьба эта была услышана, убитая обезьяна выдана и отнесена «Старикомъ» къ его товарищамъ, державшимся неподалеку.—Люди, свидѣтели этой сцены, были очень тронуты ею и дали себѣ слово никогда не стрѣлять по обезьянамъ этой породы (кажется, орангутанги)».

Разумѣется, не слѣдуетъ по этому примѣру заключать, что всякія обезьяны заботятся о своихъ мертвыхъ соплеменникахъ. Гиббоны, напримѣръ, не обращаютъ никакого вниманія на трупы убитыхъ товарищей; но они окружаютъ сочувствіемъ раненыхъ.

Digitized by Google

Вотъ примѣръ послѣдняго факта, разсказанный очевидцемъ, корреспондентомъ журнала «*Nature*». «У меня въ саду есть нѣсколько гиббоновъ (*Hylobates*), которые на волѣ живутъ по деревьямъ и по призыву собираются, чтобы получать пищу. Одинъ изъ нихъ, молодой самецъ, какъ-то при паденіи съ дерева, вывихнулъ себѣ руку; онъ сталъ немедленно предметомъ вниманія и сочувствія прочихъ, особенно одной старой самки, которая однако не была его родственницей. Ежедневно она откладывала первые бананы, которые получала, и передавала ихъ больному, прежде чѣмъ сама начинала ѣсть.—Да и вообще, когда одна обезьяна поднимала крикъ отъ испуга, боли и т. п., другія немедленно собирались около нея, старались ее утѣшить, обнимали руками, и пр.»

Капитанъ Гюгъ Кроу, въ повѣствованіи о своей жизни, даетъ слѣдующія подробности о поведеніи обезьянъ, бывшихъ у него на кораблѣ: «У насъ были обезьяны разныхъ породъ и роста, между прочими одна маленькая, длиною съ футъ и толщиною со стаканъ. Это интересное животное, подаренное мнѣ губернаторомъ острова Св. Ѳомы, очень забавляло меня своими невинными выходками, но заболѣло на кораблѣ господствовавшимъ на немъ недугомъ. И прежде всѣ другія обезьяны считали ее любимицею, Веніаминомъ семьи, дѣлали ей разныя поблажки и пр.; но теперь вниманіе ихъ удвоилось; онѣ стали за ней ухаживать, отдавали ей лучшія лакомства, на которыя сами засматривались, брали на руки, прижимали къ груди и плакали, подобно матери надъ больнымъ ребенкомъ. Маленькое существо было очень чувствительно къ этимъ ласкамъ. Не видя однако отъ нихъ облегченія, оно черезъ силу приходило ко мнѣ, смотрѣло на меня умоляющимъ взоромъ и какъ бы взывало о помощи. Къ сожалѣнію, ни я, ни ея соплеменницы не могли избавить ее отъ смерти».

Слѣдующій фактъ описанъ Романесомъ по личнымъ наблюденіямъ въ лондонскомъ зоологическомъ саду надъ тремя павьянами, большимъ и двумя маленькими. Изъ послѣднихъ, одинъ просунулъ черезъ рѣшетку руку въ сосѣднюю клѣтку, чтобы утащить орѣхъ, принадлежавшій большому, не одной съ нимъ породы. Обворовываемый немедленно схватилъ преступную длань и укусилъ ее. Нужно было вмѣшательство человѣка, сторожа съ хлыстомъ, чтобы побѣдитель выпустилъ свою жертву, и тогда послѣдняя съ плачемъ бросилась на средину своей клѣтки, прижимая укушенную руку къ груди и потирая ее другою рукою. Это немедленно разжалобило другаго мелкаго павьяна, хотя и не той же породы: онъ спустился съ своей, находившейся вверху, насѣсти и сталъ утѣшать пострадавшаго, точно мать сына. Укушенный скоро успо-

Digitized by Google

кился, пересталъ плакать и, въ знакъ благодарности, склонилъ голову на грудь утѣшителя. Эта трогательная сцена, продолжавшаяся нѣкоторое время, доказала мнѣ, что въ извѣстныхъ случаяхъ душевныя волненія и соотвѣтствующія имъ тѣлесныя движенія совершенно тождественны у обезьянъ и самыхъ добрыхъ людей».

Другой примѣръ взаимнаго сочувствія обезьянъ и желанія облегчить товарища въ бѣдѣ сообщаетъ сэръ Джемсъ Малькольмъ. На кораблѣ, гдѣ онъ находился, были двѣ остъ-индскія обезьяны, одного вида, но не родственницы, Однажды случилось, что младшая изъ нихъ, играя посрединѣ парохода, упала за бортъ. Немедленно старшая побѣжала къ кормѣ и бросила своей несчастной подругѣ конецъ той самой веревки, которою ее привязывали. Но веревка оказалась коротка, къ большому горю спасительницы. По счастію, матросъ замѣтилъ бѣду и бросилъ утопавшей конецъ болѣе длинной веревки, помощью которой та и спаслась.

Вотъ фактъ, психологически болѣе сложный, но доказывающій чувства взаимной привязанности обезьянъ, а вмѣстѣ и существованіе у нихъ чувства упрека за содѣянное имъ зло. «Во время одной экспедиціи въ Бехарѣ, капитану Джонсону, въ часъ обѣда, пришли доложить, что стадо обезьянъ макаковъ тревожитъ лошадей на коновязи и успѣло уже нѣкоторыхъ изъ нихъ настолько напугать, что онѣ оторвались и ушли. Капитанъ рѣшился наказать виновницъ и послѣ обѣда пошелъ противъ нихъ съ ружьемъ. Скоро одна обезьяна, сидѣвшая довольно высоко на деревѣ, была ранена дробью. Она бросилась было на убійцу, но остановилась на одной изъ нижнихъ вѣтвей дерева и оттуда только показала стрѣлявшему съ упрекомъ, что она имъ ранена, для чего обмакнула свою руку въ кровь, текшую изъ раны. Жестъ ея сильно тронулъ капитана, такъ что онъ рѣшился никогда болѣе не стрѣлять обезьянъ. И едва онъ вернулся къ своимъ товарищамъ, чтобъ разсказать имъ о случаѣ, какъ слуга доложилъ, что раненая обезьяна умерла. Было дано приказаніе принести ее, но другія обезьяны сдѣлали это прежде людей, то есть унесли трупъ».

Другой случай въ томъ же родѣ произошелъ въ отрядѣ сэра Уильяма Хоста. Одинъ изъ его офицеровъ подстрѣлилъ обезьяну-самку, несшую дѣтеныша. Когда онъ приблизился, чтобъ взять ее, то увидѣлъ, что она крѣпко прижимала къ груди своего ребенка и жестами призывала человѣка не отказать ему во вниманіи. Про себя же только показала окровавленнымъ пальцемъ, что она ранена въ грудь и скоро умретъ.

Digitized by Google

Есть у обезьянъ и много другихъ чувствъ, общихъ съ людьми и долго считавшихся исключительно человѣческими, какъ напр., чувство комическаго, забавнаго. Дарвинъ наблюдалъ въ лондонскомъ зоологическомъ саду молодую самку орангутанга, которая несомнѣнно понимала смѣшное. Между другими доказательствами этого онъ приводитъ фактъ, что данная обезьяна иногда, окончивъ ѣду изъ миски, надѣвала послѣднюю себѣ на голову, благо она имѣла видъ шляпы, и при этомъ смѣялась. Смѣхъ зрителей ей видимо доставлялъ удовольствіе и льстилъ ея самолюбію комической артистки.

Что обезьяны любятъ всякаго рода возню между собою, возню чисто шуточную, это извѣстно каждому. По Сэведжу, шимпанзе иногда собираются на своего рода концерты, гдѣ бьютъ палками по кускамъ дерева болѣе или менѣе звонкимъ, что̀ напоминаетъ наши концерты съ инструментомъ изъ липовыхъ или кленовыхъ палочекъ, положенныхъ на пучки соломы. Но пѣнія хоромъ и вообще пѣнія обезьянъ ни одинъ естествоиспытатель, кажется, еще не наблюдалъ.

Склонность обезьянъ къ подражательности извѣстна каждому. Мы даже людей, излишне переимчивыхъ, называемъ обезьяніами, Въ этомъ, конечно, слышится упрекъ человѣку, но самой обезьянѣ такой переимчивости въ недостатокъ ставить нельзя. Напротивъ, это ея достоинство, которымъ она отличается отъ всѣхъ остальныхъ животныхъ, кромѣ немногихъ птицъ-болтуновъ (попугаевъ, сорокъ). Это—способность, которая наиболѣе сближаетъ обезьяну съ человѣкомъ и открываетъ ей, отчасти дорогу къ умственному, нравственному и эстетическому прогрессу. Но тутъ въ дѣло замѣшивается, очевидно, не одно чувство обезьяны, а также ея умъ, почему мы и коснемся этого предмета нѣсколько далѣе. Другое отличительное качество обезьянъ—любопытство—также сближаетъ ихъ съ людьми болѣе всякихъ другихъ животныхъ. Оно видимо граничитъ съ человѣческой любознательностью. Дѣти и дикіе люди въ этомъ смыслѣ почти не отличаются отъ обезьянъ, съ придачею того, что они не всегда бываютъ, въ проявленіяхъ своего любопытства, также осторожны, какъ иныя обезьяны. Дарвинъ и Бремъ разсказываютъ, какъ однажды обезьяны наблюдали небольшую змѣю, положенную къ нимъ въ клѣтку, въ зоологическомъ саду Лондона. Надо замѣтить, что вообще обезьяны очень боятся змѣй и бѣгаютъ отъ нихъ. Но тутъ небольшая змѣя была посажена въ бумажный мѣшокъ. Замѣчая, что въ мѣшкѣ есть что-то живое, одна изъ обезьянъ осторожно раскрыла часть его устья и посмо-

Digitized by Google

трѣла внутрь, но издали, осторожно; всѣ другія послѣдовали ея примѣру.

Обезьяны мстительны и помнятъ причиненное имъ зло или нанесенную обиду гораздо дольше, чѣмъ, напр., собаки. Свою месть онѣ обыкновенно обдумываютъ и подготовляютъ, точно судьи въ полудикихъ человѣческихъ обществахъ, гдѣ нѣтъ уголовныхъ таксъ, т. е. кодексовъ, ограничивающихъ и вмѣстѣ облегчающихъ разсудокъ и совѣсть въ выборѣ подходящей кары. Вотъ образчикъ такого обдуманнаго возмездія. Сэръ Андрью Смитъ видѣлъ однажды, на мысѣ Доброй Надежды (т. е. въ Кэптуонѣ), одного павьяна приготовившаго въ ямкѣ нѣкоторое количество грязи, чтобы обрызгать ею мундиръ одного, шедшаго на парадъ, офицера, который часто тормошилъ обезьяну. Месть удалась, и мститель долго потомъ высказывалъ, при встрѣчѣ съ обрызганнымъ офицеромъ, свое удовольствіе. Очевидно, онъ былъ удовлетворенъ своей репрессаліей. Впрочемъ этотъ случай не отдаляетъ, въ сущности, обезьянъ отъ извѣстнаго анекдотическаго слона, который окатилъ изъ хобота водою портнаго, вложившаго иголку въ яблоко, которое слонъ, по привычкѣ, унесъ съ окна ремесленника. Гораздо рельефнѣе, т. е. характеристичнѣе для обезьяньей природы, случай мести одной остъ-индской обезьяны надъ воронами, обкрадывавшими ее. Вороны таскали у нея провизію, даваемую хозяиномъ; тогда она легла около запаса, притворилась спящею или мертвою и внезапно схватила первую прилетѣвшую воровку. Не лишая ея жизни, она общипала на ней всѣ перья и пустила голую на волю, для страха прочимъ, которыя и прекратили свои воровскіе налеты.

II.

Изъ области нравственности и чувства переходя въ сферу смышлености, т. е. разсудка, остановимся прежде всего на сообразительности обезьянъ при наблюденіи фактовъ, новыхъ для нихъ, незнакомыхъ по прежнему опыту. Всякому извѣстно, что котята, увидавъ себя въ зеркалѣ, нащупываютъ лапкою своего двойника за зеркаломъ или заглядываютъ туда, пока не убѣдятся, что тамъ ничего нѣтъ. То же бываетъ и съ обезьянами, причемъ онѣ сердятся, что наблюдаемый фактъ не поддается ихъ пониманію. Вотъ что сообщилъ Романесу профессоръ Крумъ Робертсонъ: «Нѣсколько лѣтъ назадъ, въ Парижѣ, въ Jardin des Plantes, я былъ свидѣтелемъ одного любопытнаго случая. Одна большая, человѣкоподобная

Digitized by Google

обезьяна жила тутъ въ обществѣ множества мелкихъ, съ которыми она обращалась, какъ господинъ со слугами, хотя сама вела себя передъ зрителями, какъ паяцъ. Уже множество съѣдобныхъ лакомствъ попало въ ея руки, минуя другихъ обезьянъ, болѣе слабыхъ, какъ нѣкто изъ присутствующихъ бросилъ въ клѣтку зеркальце, обдѣланное въ прочную деревянную рамку. «Силачъ» немедленно схватилъ его и сперва началъ стучать имъ, какъ молоткомъ; но когда увидѣлъ въ немъ собственное изображеніе, то въ недоумѣньѣ остановился. Минуту позднѣе, онъ заглянулъ на заднюю сторону зеркальца и былъ очень удивленъ, не найдя тамъ своего двойника. Очевидно, ему показалось, что эта неудача объясняется недостаткомъ его собственнаго проворства, а потому онъ сдѣлалъ новое, болѣе быстрое заглядыванье, разъ и другой, но тщетно. Тогда онъ разсердился и сталъ сильно бить зеркальцемъ по полу клѣтки. Послѣднее скоро разбилось, но кусочекъ все еще оставался въ рамкѣ. Обезьяна снова увидѣла свой портретъ въ магическомъ снарядѣ, еще разъ заглянула на заднюю его сторону и, не найдя тамъ ничего, пришла въ неистовство: стала не только разбивать рамку объ полъ, но грызть ее зубами, причемъ искрошила въ тысячи кусочковъ».

Недогадливость обезьянъ иногда выказывается и другимъ образомъ, притомъ даже въ случаяхъ, гдѣ онѣ могли бы извлекать урокъ изъ предъидущихъ опытовъ. Ляйэль разсказываетъ, что ему не разъ случалось видать обезьянъ, не умѣвшихъ выпутаться изъ веревочной петли или той путаницы, которую сами же устраивали безтолковыми движеніями среди разнородной мебели. Однако, тутъ замѣчаются исключенія. У того же Ляйэля была молодая обезьяна, которая не разъ перепутывала свою привязь, лазя черезъ параллельныя перекладины. Когда она замѣчала, что веревка становится коротка и стѣсняетъ ея движенія, тогда она начинала лазить въ обратномъ порядкѣ. И это не была обезьяна домашняя, родившаяся отъ прирученныхъ родителей, а дикая; ея искусство не было даромъ наслѣдственнымъ.

Ренгеръ разсказываетъ, что когда онъ впервые далъ парагвайскимъ обезьянамъ нѣсколько яицъ, то онѣ ихъ разбили и такимъ образомъ растратили безполезно часть своего продовольствія; но скоро онѣ научились бить яйца съ носка или съ пу́ги и извлекать изъ скорлупы съѣдобныя части пальцами. Еще лучше понятливость ихъ сказывалась при обращеніи съ разными кухонными снарядами: ножами, вилками и т. п. Достаточно было одной обрѣзаться или уколоться, чтобы не только она, но и всѣ другія начинали обращаться съ вредоноснымъ предметомъ весьма осторожно. Часто Ренгеръ давалъ имъ кусочки сахару, обернутые въ бумажку; какъ-то

Digitized by Google

разъ при этомъ ему пришло въ голову вмѣстѣ съ сахаромъ завернуть осу. Получившая этотъ подарокъ обезьяна быстро развернула его и при этомъ была укушена насѣкомымъ. Тогда она да и всѣ другія, получая сахаръ въ бумажкахъ, стали прикладывать бумажные свертки къ уху, чтобы убѣдиться, что въ нихъ нѣтъ ничего ворочающагося, живаго и способнаго укусить.

Сообразительность обезьянъ, при пользованіи разными предметами домашняго обихода людей, доходитъ иногда до ловкаго плутовства. У Бельта была обезьяна, которая находила возможнымъ обнаруживать свою дѣятельность внѣ той сферы, на которую ее осуждала привязь. Именно, она завлекала въ эту сферу такіе предметы, которые интересовали ее. Не имѣя, напр., возможности хватать утокъ, ходившихъ мимо крыльца, она сначала бросала имъ хлѣбъ, потомъ давала его изъ рукъ, а наконецъ, пріобрѣтя довѣріе птицы, хватала ее за шею и убивала. Замѣтивъ эту продѣлку, Бельтъ подвергъ своего Микея (обезьяну) тѣлесному наказанію въ присутствіи трупа убитой утки, а когда она повторила хищный пріемъ, то, стегая ее розгою, Бельтъ приговаривалъ: «ну-ка, возьми ее еще, возьми!» и когда обезьяна съ трепетомъ исполнила приказаніе, то утка отъ нея была взята, а наказаніе кончено. И больше ужь его повторять не приходилось, потому что обезьяна поняла, чего отъ нея хотятъ. Но находчивую изворотливость ума она при этомъ не утратила, и когда какой нибудь предметъ былъ внѣ ея сферы хватанія, она старалась придвинуть его палкою или схватить налету, качаясь на качеляхъ, устроенныхъ для дѣтей хозяина. Такъ она потаскала кожи птицъ, вывѣшенныя на спинкѣ стула для просушки, въ другой разъ утащила желе, выставленное на вѣтеръ для охлажденія. Когда къ ней кто нибудь подходилъ, чтобы приласкать ее, она постоянно опустошала карманы ласкавшаго. Находя письма, она умѣла распечатывать ихъ и вытаскивать изъ конвертовъ.

Данная обезьяна, очевидно, имѣла достоинства и недостатки существа цивилизованнаго, привыкшаго къ человѣческому сожительству, и у нея слабости перевѣшивали добродѣтели. Но вотъ у одного морскаго офицера оказался ручной шимпанзе, отличавшійся многими безспорно высшими, почти людскими достоинствами, не переставая однако быть обезьяной, т. е. звѣремъ, по нѣкоторымъ изъ своихъ привычекъ. По свидѣтельству Пелльтье, г. Шарло (обезьяна) былъ серьезнымъ и внимательнымъ слугою своего барина; онъ перемѣнялъ ему тарелки за обѣдомъ, наливалъ вино, почти всегда желаемое, ибо зналъ, въ какіе стаканы какой сортъ наливается обыкновенно; вообще, былъ образцовымъ лакеемъ. Но,

Digitized by Google

окончивъ господскую службу, онъ уходилъ на чердакъ, вылѣзалъ оттуда на крышу и располагался отдыхать подъ открытымъ небомъ. Тутъ онъ становился сердитою и мстительною обезьяною: въ отвѣтъ на камешки, бросаемые въ него уличными мальчишками, кидалъ въ нихъ черепицами изъ крыши и при этомъ иногда ранилъ невинныхъ прохожихъ. Вслѣдствіе такихъ грубыхъ проказъ, хозяину пришлось продать обезьяну скомороху, который одѣлъ ее по шутовски и возилъ по ярмаркамъ; это имѣло нѣкоторый успѣхъ, но ненадолго, а затѣмъ исторія перестала заниматься ученымъ Шарло, хотя въ свое время имъ очень интересовался одинъ профессоръ въ парижскомъ музеумѣ.

III.

Отъ Шарло не далекъ переходъ къ другимъ «цивилизованнымъ» обезьянамъ, получившимъ извѣстность среди испытателей природы своими способностями. У Кювье былъ орангутангъ, который открывалъ форточки у оконъ и для этого влѣзалъ на стулъ, предварительно притащенный съ другаго конца комнаты. Ренгеръ видѣлъ обезьяну, умѣвшую открывать сундуки, причемъ, если крышка была тяжела, то она подсовывала подъ нее конецъ рычага: никакое другое существо во всемъ животномъ царствѣ не умѣетъ этого дѣлать, хотя, напр., слоны при тасканіи бревенъ видятъ употребленіе рычага человѣкомъ. У Романеса жила нѣкоторое время на дому обезьяна, понимавшая механизмъ винта, т. е. самый хитрый изъ простыхъ машинъ: она никогда не ошибалась въ направленіи, которое нужно было давать движенію винта при ввинчиваніи или вывинчиваніи—опять способность, чуждая всѣмъ прочимъ животнымъ, кромѣ человѣка. Что обезьяны умѣютъ употреблять молотокъ, а при нуждѣ и камень, для разбиванія орѣховъ и устричныхъ раковинъ, это фактъ, извѣстный со временъ Лампіэра; Каррери идетъ далѣе и утверждаетъ, что видалъ обезьянъ, вкладывавшихъ камни между открытыми половинками раковины устрицы, чтобы животное не могло ихъ закрыть. Шотландецъ Хаденъ указываетъ на обезьяну (неизвѣстно, впрочемъ, какой породы) отличавшуюся большими умственными способностями, жившую въ клѣткѣ, у которой дверь была съ нажимною пружиною. Отворить эту дверь было очень трудно, продержать отворенною нѣсколько времени и того труднѣе, особенно если прошедшее чрезъ дверь

Digitized by Google

лицо удалялось отъ нея. Обезьяна, однако, догадалась, что нужно сдѣлать для достиженія послѣдней цѣли. Отворивъ дверь, она немедленно накладывала на нее сверху одѣяло, подъ которымъ спала, и такимъ образомъ мѣшала створкѣ замкнуться вплотную. Налазившись по сосѣднему дереву, она возвращалась въ клѣтку, снимала съ двери одѣяло и предоставляла послѣдней захлопнуться отъ дѣйствія пружины, такъ что обезьяньи проказы долгое время оставались незамѣченными, ибо она дѣлала ихъ въ отсутствіе людей.

Обезьяны, конечно, незнакомы съ нашими науками и не умѣютъ отличать ученыхъ людей отъ невѣждъ; но онѣ склоняются передъ первыми, когда видятъ, что тѣ готовы имъ сдѣлать пользу. Въ Александровскомъ дворцѣ, въ Лондонѣ, у одной большой обезьяны заболѣлъ зубъ и при этомъ образовался флюсъ. Рѣшено было врачемъ выдернуть больной зубъ. Для этого, не безъ большаго труда, усадили больную въ толстый мѣшокъ, завязанный около шеи, такъ что сверху оставалась одна голова. Обезьяна билась, кричала, успѣла одною рукою прорвать мѣшокъ, кусала всѣхъ подходившихъ. Но какъ только операторъ успѣлъ наложить руку на флюсъ и облегчить страданіе больной, она покорилась, спокойно сидѣла во время обслѣдованія челюсти и выдержала безтрепетно операцію выдергиванья зуба.

Среди обезьянъ употребляются нѣкоторые пріемы человѣческой педагогіи, конечно, въ видахъ улучшенія нравственности молодыхъ поколѣній; и это не изъ подражанія людямъ, а самостоятельно, по внушенію родительскихъ сердецъ. Обсонвиль видалъ, что нѣкоторыя обезьяны подвергаютъ своихъ дѣтей тѣлеснымъ наказаніямъ и притомъ почти также, какъ люди. Если въ большомъ обществѣ обезьянъ разнаго возраста молодыя рѣзвились, въ ихъ забавы никто не вмѣшивался; но если какой нибудь юный шалунъ выкидывалъ штуку злую, вредную для другихъ, то мать его вставала съ мѣста, хватала виновнаго за хвостъ и надѣляла его ударами по тѣмъ самымъ педагогическимъ частямъ, которыя обыкновенно истязуются и у насъ...

Что обезьяны часто живутъ стадами, это извѣстно каждому, что онѣ любятъ общество себѣ подобныхъ и проводятъ время въ общественныхъ забавахъ, — тоже. Но есть, повидимому, сверхъ этихъ баловъ и раутовъ для развлеченія, сходки дѣловыя, которыя и были наблюдаемы нѣкоторыми путешественниками въ лѣсахъ тропической Африки. По крайней мѣрѣ, безъ такихъ сходокъ нельзя понять нѣкоторыхъ общественныхъ предпріятій обезьянъ. Мы уже видѣли, какъ онѣ являлись толпою на выручку

Digitized by Google

трупа одной ихъ соплеменницы; теперь вотъ другой случай подобнаго товарищескаго содѣйствія. Одинъ капскій павьянъ покралъ солдатскія вещи изъ казармъ и бѣжалъ въ окрестности, гдѣ имѣются пещеры — обыкновенное убѣжище обезьянъ отъ дурной погоды и преслѣдованія враговъ. Наряжена была команда изъ 20 человѣкъ, чтобы поймать вора, и однимъ изъ первыхъ дѣйствій командира было направить нѣсколько вооруженныхъ людей къ занятію входовъ въ пещеры; но обезьяны это замѣтили и тотчасъ, съ своей стороны, направили 50 своихъ для воспрепятствованія людямъ. Большинство же ихъ напало на главную команду, подъ предводительствомъ одного сѣдаго старика, который частенько навѣщалъ солдатскія казармы. Послѣдній крикомъ подалъ сигналъ, и на англичанъ отовсюду посыпались камни, такъ что они должны были ретироваться.

Въ книгѣ Романеса: «О смышлености животныхъ» есть цѣлый дневникъ поведенія одной обезьяны, жившей у него на дому. Тутъ собраны очень интересные факты объ отношеніи обезьянъ къ людямъ, ихъ симпатіяхъ къ однимъ, отвращеніи къ другимъ и т. п. Мы не переводимъ этого поучительнаго дневника только потому, что дѣло идетъ объ обезьянѣ, бывшей на привязи: это слишкомъ ненормальное состояніе для животнаго, особенно столь страстнаго къ свободѣ, какъ обезьяна; но отсылаемъ желающихъ къ англійскому подлиннику или французскому переводу.

IV.

Все вышеизложенное безспорно установлено въ наукѣ, провѣрено многочисленными наблюденіями и не оставляетъ сомнѣнія, что обезьяны — самыя смышленыя животныя на землѣ, послѣ людей. Но именно эта смышленость, особенно же любовь обезьянъ къ общежитію, давно заставляла предполагать, что у нихъ есть, кромѣ мимики, средство сообщать другъ другу знанія, пріобрѣтаемыя изъ опыта жизни, входить въ соглашенія, обсуждать общественные вопросы. Такимъ средствомъ, очевидно, могъ быть только языкъ, даръ слова, способность произносить членораздѣльные звуки, смыслъ которыхъ былъ бы одинаковъ для всѣхъ обезьянъ данной породы, или хоть даннаго общества, и усвоивался ими съ младенчества. Но доселѣ никто не рѣшался признать, что обезьяны владѣютъ такою способностью, хотя всѣ знали, что онѣ не лишены голосоваго аппарата и способны издавать самые разнородные звуки, отъ шопота и ворчанія

Digitized by Google

подъ носъ, до самыхъ пронзительныхъ криковъ. Честь открытія у обезьянъ языка,—открытія, сдѣланнаго въ самое недавнее время,—принадлежитъ профессору Гарнеру, который изложилъ свои наблюденія и опыты въ американскомъ журналѣ «New Revue». Свои изысканія Гарнеръ производилъ первоначально въ зоологическомъ саду въ Цинциннати и, не довольствуясь при этомъ одними собственными ушами и памятью звуковъ, прибѣгалъ къ фонографу; потомъ онъ перешелъ въ Вашингтонъ и пользовался содѣйствіемъ директора тамошняго звѣринца. Первымъ поводомъ къ началу филологическихъ наблюденій надъ обезьянами былъ для Гарнера слѣдующій фактъ. Лѣтъ семь тому назадъ, въ клѣтку, содержавшую до дюжины маленькихъ обезьянъ, былъ впущенъ большой мадрилъ съ красными мордой и ляжками, который порядочно напугалъ своимъ страшнымъ видомъ жилицъ клѣтки. Послѣднія собрались у задней стѣны или рѣшетки, внимательно наблюдали невиданное дотолѣ чудище и передавали *звуками* свое замѣчанія сосѣдкамъ за рѣшеткою, въ другомъ отдѣленіи клѣтки. Прислушиваясь внимательно, не оставалось сомнѣнія, что тутъ были *разговоры*, цѣлыя рѣчи, и вотъ Гарнеръ рѣшился заняться изученіемъ языка обезьянъ и въ семь лѣтъ достигъ не только ознакомленья съ фонетическими элементами обезьяньей рѣчи, но и выучился до нѣкоторой степени говорить по обезьяньи, быть понимаемымъ обезьянами. Сначала дѣло было очень трудно, потому что записывать чуждые, непонятные звуки, съ ихъ интонаціями, у насъ почти нѣтъ средствъ, особенно, когда они не поются протяжно, а произносятся скороговоркою. Но скоро явился на помощь фонографъ, и тогда изученіе пошло быстрѣе. Вотъ какіе опыты дѣлалъ Гарнеръ. Двѣ обезьяны, самецъ и самка, долгое время жившія въ одной клѣткѣ и, слѣдовательно, установившія свой языкъ, были разсажены въ два разныя жилища. Фонографъ былъ поставленъ около клѣтки самки и регистровалъ всѣ ея звуковыя заявленія радости или печали, послѣ чего былъ перенесенъ къ клѣткѣ самца. Когда аппаратъ началъ воспроизведеніе звуковъ, то самецъ былъ очень удивленъ, но прислушивался къ нимъ и отвѣчалъ по своему. Такая бесѣда, повторенная не разъ, открыла наблюдателю существованіе нѣкоторыхъ постоянныхъ комбинацій гласныхъ звуковъ съ согласными, то есть словъ. Тогда оставалось записывать эти слова человѣчьими буквами, со знаками ударенія, потомъ воспроизводить ихъ гортанью и ртомъ, и наконецъ, по мѣрѣ возможности, узнавать ихъ значеніе, смыслъ. Дѣло это требовало большой внимательности и терпѣнія, но, впрочемъ, немногимъ лишь болѣе, чѣмъ при изученіи незнакомыхъ

Digitized by Google

языковъ человѣческихъ. Когда же Гарнеръ узналъ съ точностью нѣкоторыя слова и фразы обезьянъ, тогда онъ рѣшился заговорить съ ними на ихъ языкѣ.

Послѣднія были этимъ ошеломлены. Сначала онѣ не вѣрили своимъ ушамъ, потомъ начали изъявлять свою радость самыми живыми тѣлодвиженіями. Первое слово обезьяньяго языка, понятое профессоромъ, было названіе *молока*; продолжая изслѣдованіе, онъ однако убѣдился, что оно выражаетъ, скорѣе, болѣе общее понятіе напитка,—всего, что пьется. Затѣмъ слѣдовало слово, соотвѣтствующее всему, что ѣстся, т. е. нашему слову: *пища*. Третье слово, значеніе котораго узнано было совершенно опредѣлительно, соотвѣтствовало *руки*, именно кисти ея, т. е. ладони и пальцамъ. Далѣе Гарнеръ установилъ правописаніе слова, обозначающаго у обезьянъ болѣе отвлеченное понятіе о *погодѣ*. Судя по тому, что оно часто употреблялось въ разговорѣ между самими обезьянами, надобно думать, что погода очень интересуетъ послѣднихъ. Всѣ эти слова были записаны наблюдателемъ съ большою отчетливостью съ обозначеніемъ удареній и самаго тона обезьяньяго говора: этотъ тонъ соотвѣтствовалъ нашему la diéze, что дѣлаетъ для человѣческой гортани очень труднымъ воспроизведеніе обезьяньихъ рѣчей и даже отдѣльныхъ словъ.

Одно изъ записанныхъ Гарнеромъ обезьяньихъ словъ, повидимому, соотвѣтствуетъ понятію о смертельной опасности, можетъ быть, объ убійствѣ, о смерти, объ угрозѣ смертью: точнаго перевода сдѣлать доселѣ не удалось, но одно произнесеніе этого слова внушаетъ обезьянамъ сильный страхъ, вызываетъ крайній испугъ. (Не значитъ ли оно по нашему: убью!?). И когда оно въ первый разъ было сказано профессоромъ въ присутствіи одной, очень уже освоившейся обезьяны, то заставило ее дрожать отъ страха. На другой день, кормя ее лакомствами, Гарнеръ успѣлъ было возстановить хорошее расположеніе ея духа; но едва роковое слово было произнесено, какъ животное бросилось въ бѣгство и ушло на самый верхъ своей насѣсти. А какъ онъ и еще разъ повторилъ то же роковое слово, то обезьяну одолѣлъ ужасъ. Напрасно онъ ее звалъ потомъ къ себѣ, заманивалъ сластями и пр., она не поддавалась, и хотя черезъ мѣсяцъ крайнее недовѣріе прошло, но обезьяна все таки отказывалась принимать изъ рукъ ученаго пищу и не позволяла ему ласкать себя.

Гарнеръ продолжаетъ въ настоящее время изученіе обезьяньей лингвистики при помощи одной мелкой особи прежней породы; но онъ пересталъ произносить роковое слово. Какъ общіе выводы изъ своихъ наблюденій, онъ даетъ слѣдующія положенія. Языкъ

Digitized by Google

обезьянъ слагается изъ 8 или 9 главныхъ, господствующихъ звуковъ (буквъ, слоговъ); но измѣненія въ произношеніи доводятъ эту азбуку до 30 или даже 35 буквъ или коренныхъ звуковъ.

Коренные или основные звуки не имѣютъ одного и того же значенія у разныхъ породъ обезьянъ; слѣдовательно, число обезьяньихъ не только нарѣчій, но даже языковъ, должно быть очень велико. Но это не мѣшаетъ обезьянамъ разныхъ породъ, посаженнымъ въ одну клѣтку, скоро научаться пониманію другъ друга, причемъ каждая говоритъ по своему. Значитъ, ни словари ихъ не отличаются длиною, ни грамматики—сложностью.

При разговорѣ, губы обезьяны дѣлаютъ такія же движенія, какъ у насъ: ихъ можно фотографировать мгновенною свѣтописью. Но обезьяны не рѣчисты, т. е. рѣдко говорятъ безъ нужды, довольствуясь, для текущихъ сношеній съ себѣ подобными, мимикой и игрой глазъ. Способность и склонность говорить у нихъ развивается съ усовершенствованіемъ физіологическимъ, умственнымъ и общественнымъ... Чѣмъ совершеннѣе общественная организація, тѣмъ, повидимому, сложнѣе становится и языкъ.

Судя не только по бесѣдамъ, но и по дѣйствіямъ обезьянъ, онѣ понимаютъ связь между причиной и слѣдствіемъ, и потому, напр., могутъ предупреждать товарищей звуками,—пожалуй, словами,—объ опасности, если условія ея появляются. Наблюдая ихъ долгое время и при разныхъ обстоятельствахъ, приходишь къ прочному убѣжденію, что онѣ мыслятъ... И Гарнеръ, въ заключеніе, настаиваетъ на продолженіи и усовершествованіи его наблюденій и выводовъ ради уразумѣнія способа образованія *человѣческой* рѣчи. Знаменитое положеніе Вильгельма Гумбольдта, что «языкъ есть произведеніе духа», видимо не смущаетъ его; а, можетъ быть, оно и неизвѣстно ему, какъ теоріи Ренана·Максъ-Мюллера и другихъ филологовъ: онъ вѣдь натуралистъ.

М. Веневитовъ.

Digitized by Google

САФО ВЪ ГОСТЯХЪ У ЭРОТА.

Безоблачнымъ сводомъ раскинулось небо Эллады;
Лазурнаго моря прозрачны спокойныя воды;
Средь рощъ апельсинныхъ бѣлѣютъ дворцовъ колоннады,—
Созданія смертныхъ слились съ совершенствомъ природы.

О, тутъ ли не жизнь, въ этой чудной странѣ вдохновенья,
Гдѣ все лишь послушно любви обольстительной власти?
Но здѣсь, какъ и всюду, таятся и скорбь, и мученья,—
Гдѣ волны морскія—тамъ бури, гдѣ люди—тамъ страсти.

На холмъ близь Коринѳа, гдѣ высится храмъ Афродиты,
Печальная путница входитъ походкой усталой.
Разбросаны кудри, сандаліи пылью покрыты,
И къ поясу лира привязана лентою алой.

Уже доносились къ ней смѣха и пѣнія звуки,
Ужь вѣялъ зефиръ, ароматами розъ напоенный...
Къ стѣнѣ заповѣдной съ мольбой возвела она руки,
И тихо «люблю» прошепталъ ея голосъ влюбленный.

Вмигъ дверь отворилась отъ силы волшебнаго слова,
И взорамъ пытливымъ представился садъ Афродиты,
Гдѣ въ каждомъ цвѣткѣ всѣ услады блаженства земнаго,—
Любви торжествующей,—были незримо разлиты.

Прекрасныя дѣти: Нарцисъ, Ганимедъ и другіе
Оставили игры и путницу всѣ обступили.
— Могу ли я видѣть Киприду, мои дорогіе?—
Спросила ихъ дѣва, хитонъ отряхая отъ пыли.

Digitized by Google

— Богини нѣтъ дома,—Нарцисъ отвѣчалъ безъ смущенья.
— На свадьбу въ Милетъ пригласили ее и Гимена.
Но съ нами Эротъ,—передъ нимъ ты повергни моленья,
Да, кстати, о, милая, выпусти крошку изъ плѣна!—

Тутъ мальчикъ раздвинулъ жасмина пахучія вѣтки...
Прелестный ребенокъ, сложивъ мотыльковыя крылья,
Въ оковахъ лежалъ, въ глубинѣ позолоченной клѣтки,
Съ унылымъ сознаньемъ неволи, тоски и безсилья.

— Клянуся Кипридой, терплю понапрасну я, дѣва!
За дѣтскую шалость томлюсь я теперь въ заключеньѣ!—
Вскричалъ онъ и глазки его заблистали отъ гнѣва,
А пухлыя ручки рѣшетку трясли въ нетерпѣньѣ.

Красавица камень схватила; подъ сильнымъ ударомъ
Замки обломились, и тѣсная клѣтка открыта...
— Однако, признайся, Эротъ,—вѣдь, навѣрное, даромъ
Любимаго сына не стала бъ карать Афродита?

— Ну, вѣришь ли, даже не стоитъ разсказывать, право!
Однажды на праздникъ въ Аѳины отправились боги.
А я сговорился (не правда ль, пустая забава?)
Съ друзьями моими ограбить Олимпа чертоги.

— Со мной во главѣ, всѣ за дѣло взялись, не робѣя;
Кто тащитъ сандаліи, посохъ и шляпу Гермеса,
Кто тирсъ Діониса, кто шлемъ и доспѣхи Арея,
Кто лукъ Артемиды, кто жезлъ и перуны Зевеса.

— Затѣмъ, мы поспѣшно спустилися въ садъ Афродиты
И въ розовыхъ кущахъ добро наше спрятали тайно;
Никто бъ не узналъ, гдѣ пропавшія вещи сокрыты,
Когда бы Гименъ не провѣдалъ объ этомъ случайно.

— Докучный мальчишка!.. Я это ему не забуду!
Не дамъ похваляться Гефеста горбатаго сыну...
Иль мало ему, что отъ тяжкихъ цѣпей его—всюду
Лишь ссоры однѣ, о влюбленныхъ же нѣтъ и помину?—

— Нѣтъ, мальчикъ,—отвѣтила дѣва,—ты ропщешь напрасно;
Меня не связуютъ желанныя узы Гимена,

Digitized by Google

А я... я страдаю!.. Фаона любила я страстно,
И камнемъ тяжелымъ мнѣ грудь его давитъ измѣна!

— Мы горю поможемъ,—Эротъ улыбнулся,—тобою
Спасенный отъ клѣтки, тебя наградить я съумѣю.
Подай-ка мнѣ лиру, я такъ ее нѣжно настрою,
Что милаго сердце вернешь ты навѣрное ею.—

И точно, когда, возвратившись къ себѣ въ Митилены,
Въ божественныхъ стр фахъ «десятая муза» воспѣла
Могущество вѣчное сына рожденной изъ пѣны,
Фаонъ къ ней вернулся и сердце ей отдалъ всецѣло...

Безсмертнаго имени слава объемлетъ полъ-міра.
Блаженъ, кто избѣгнулъ волны поглощающей Леты,
Чья, чести достойная, лавромъ увѣнчана лира,—
Награда, которой понынѣ гордятся поэты.

М. Лохвицкая.

Digitized by Google

ПРОРОКЪ.

Разсказъ.

I.

Въ небольшой квартиркѣ на Пескахъ было душно и накурено. Гостей пришло такъ много, что не хватало стульевъ и даже табуретовъ изъ кухни, и нѣкоторымъ пришлось весь вечеръ простоять.

Въ комнатѣ, кромѣ звона чайныхъ ложечекъ и стакановъ, не было слышно ни одного посторонняго звука. Въ тишинѣ раздавался голосъ бѣлокураго, красиваго молодаго человѣка въ сѣрой блузѣ, сидѣвшаго за отдѣльнымъ столикомъ. Онъ читалъ что-то по тетради. Рѣчь его казалась спокойной и почти холодной. Кончилъ онъ неожиданно, какъ будто оборвалъ, почти безъ заключенія, и всѣ думали, что будетъ продолженіе; но онъ свернулъ тетрадку и сказалъ: „господа, я кончилъ". Молчаніе продолжалось. Хозяинъ-студентъ стремительно выбѣжалъ въ сосѣднюю комнату распорядиться насчетъ пятаго самовара. Многіе улыбались. Тогда молодой человѣкъ, читавшій рефератъ, сказалъ съ очень простой, пріятной улыбкой:

— Можетъ быть, кто нибудь пожелаетъ сдѣлать мнѣ возраженіе?

Но всѣ упорно молчали. Хозяинъ вернулся и поглядѣлъ безпокойно на общество. Наконецъ, заговорилъ какой-то господинъ въ черномъ сюртукѣ, съ пенснэ. Онъ оказался доцентомъ по зоологіи. Голосъ у него былъ мягкій, ласковый, какимъ дѣлаются обыкновенно самыя ядовитыя возраженія.

Digitized by Google

— Если, кромѣ меня, никто не имѣетъ ничего сказать,— то я позволю себѣ замѣтить, что сообщеніе состоитъ изъ ряда аксіомъ: мы обязываемся принять ихъ на вѣру. Собственно говоря, вамъ невозможно и возражать, такъ какъ вы поставили себя внѣ научной почвы. Вы отрицаете современное искусство и науку на томъ основаніи, что они мало служатъ простому народу. Простите, но я положительно отказываюсь понять вашу исходную точку. Какого же народнаго искусства и тѣмъ болѣе народной науки вы желаете? Укажите, по крайней мѣрѣ, на образецъ...

Доцентъ, повидимому, хотѣлъ еще много и долго говорить. Но тотъ, кому онъ возражалъ, перебилъ его съ наивной улыбкой:

— А евангеліе и вообще новый завѣтъ,—вотъ вамъ идеалъ народной книги!..

— Позвольте-съ, я не кончилъ...

Но доцента перебили разные голоса. Наконецъ, всѣхъ перекричалъ студентъ-медикъ съ толстымъ, краснымъ лицомъ и черными растрепанными волосами. Онъ говорилъ оглушительно-громко, размахивая руками. Свое возраженіе онъ заключилъ такъ:

— Вы упомянули Байрона, Гейне... кого еще?.. Пушкина... разныхъ скульпторовъ, живописцевъ, будто всѣ они заняты только женщинами, изображаютъ любовь... и тутъ вы прямо сказали, что такое искусство считаете безнравственнымъ. Позвольте однако, какъ же это?.. Значитъ, вы проповѣдуете настоящій аскетизмъ... въ родѣ какъ въ первыя времена христіанства! Неужели такъ-таки всякую, даже законную брачную любовь къ женщинѣ вы считаете безнравственной?..

Всѣ затихли и съ большимъ вниманіемъ ждали, что̀ отвѣтитъ молодой человѣкъ. Онъ произнесъ тихо:

— Безнравственна всякая чувственная любовь. Любовь къ женщинѣ должна быть такою же, какъ вообще ко всѣмъ людямъ, т. е. братской, полной величайшаго и самаго отраднаго чувства состраданія. Любить и жалѣть—одно и то же. Другой любви нѣтъ. Другая любовь—романтическая и порочная—выдумка развратныхъ писателей...

— Въ родѣ Пушкина? — крикнулъ кто-то изъ толпы; но

Digitized by Google

молодой ораторъ не обратилъ вниманія на ироническій вопросъ и продолжалъ тихимъ, страстнымъ голосомъ, нахмуривъ брови:

— Если я люблю женщину, я не могу желать ея паденія, ея позора! А для всякой чистой, любящей дѣвушки нѣтъ худшаго паденія и позора, чѣмъ то, что̀ вы называете счастьемъ любви—обладаніемъ. Господа, какъ мы всѣ запутались и сбились! Чувствовать въ человѣкѣ Бога—вотъ что̀ значитъ любить! Какъ можно въ одно и то же время чувствовать въ человѣкѣ Бога и дѣлать изъ него хуже, чѣмъ звѣря, — въ тысячу разъ хуже—орудіе грубаго наслажденія!.. Та любовь, про которую вы говорите, — величайшая жестокость и насиліе!..

Въ комнатѣ поднялась невообразимая суматоха и шумъ. Всѣ заговорили сразу и громко, другъ друга не слушая. Снова оглушительный басъ толстаго медика перекричалъ всѣ голоса.

— Позвольте однако, вѣдь этакъ родъ человѣческій прекратится...

— И пусть прекратится! — спокойно произнесъ молодой человѣкъ. Лицо его слегка поблѣднѣло. Тонкія брови сдвинулись въ одну прямую черту. Въ глазахъ сверкнула злоба.

— И пусть прекратится! Истина всякаго нравственнаго ученія познаётся тѣмъ, что оно освобождаетъ людей — отъ величайшаго страданія, отъ страха смерти. Для тѣхъ, кому высшее блаженство — отреченіе отъ себя, слияніе съ жизнью міра посредствомъ любви и страданія,—смерть не страшна. Цѣломудріе поведетъ къ смерти человѣчества, т. е. къ его успокоенію отъ всѣхъ страстей въ Богѣ, въ братской любви. Да вѣдь это и есть вѣчная жизнь! Чего же тутъ страшнаго?..

Но медикъ въ величайшемъ негодованіи перебилъ его:

— Ничего не понимаю. Это какая-то средневѣковая мистика.

Всѣ встали. Среди общаго крика и шума можно было разобрать только отдѣльные возгласы:

— Нелогично!...—Господа, дайте же сказать...—Ренанъ и Штраусъ доказали!...—Половой подборъ въ дарвинизмѣ...—Это какой-то фанатикъ!...

Многіе, видя, что никакого толку не выдетъ, начали раз

Digitized by Google

бирать шапки. Послышались посторонніе разговоры: „Анна Николаевна, намъ по дорогѣ? — Нѣтъ, я въ Измайловскій полкъ!“

Наконецъ, когда всѣ лишніе удалились, кончился нелѣпый гамъ и шумъ. Оставшіеся мало по малу начали другъ друга понимать: точно прежде говорили на разныхъ языкахъ, а теперь на одномъ.

Собесѣдники ближе узнали молодаго человѣка, который прочелъ рефератъ — Александра Николаевича Строева. Эта горячая метафизическая бесѣда многимъ запала глубоко въ душу. Гости, расходясь домой въ пять часовъ утра, говорили: „Строевъ—ужасный чудакъ, какой-то *пророкъ*“... Но другіе прибавляли: „а все таки онъ милый и, кажется, умный человѣкъ“.

II.

Строевъ прожилъ дѣтство и юность въ роскоши. Отецъ его игралъ видную роль въ высшихъ чиновничьихъ сферахъ Петербурга. Мать рано умерла. За годъ до окончанія курса въ одномъ изъ аристократическихъ учебныхъ заведеній, Строевъ разошелся съ отцомъ „по убѣжденію“.

Затѣмъ Александръ Николаевичъ отправился въ деревню на Донъ, въ какую-то колонію „интеллигентныхъ земледѣльцевъ“. Онъ мечталъ вернуться къ простому крестьянскому образу жизни. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ простудился на тяжелой работѣ, схватилъ воспаленіе легкихъ и чувствовалъ себя настолько слабымъ, что ему пришлось на время отказаться отъ физическаго труда. Онъ вернулся въ Петербургъ и задумывалъ обширное, увлекательное дѣло—изданіе „Всеобщей народной газеты“. Строевъ жилъ уроками, очень бѣдно, почти нищенски, и не бралъ ни копѣйки отъ отца. Во многихъ кружкахъ петербургской молодежи онъ проповѣдывалъ свои новыя теоріи сліянія съ народомъ.

Спустя нѣсколько дней послѣ описаннаго чтенія на Пескахъ, Строевъ вечеромъ подходилъ къ подъѣзду большаго красиваго дома на Николаевской. Не смотря на его плохенькое драповое пальтишко, важный швейцаръ низко по-

Digitized by Google

клонился молодому человѣку: онъ зналъ его отца. Строевъ поднялся во второй этажъ и остановился въ нерѣшительности передъ дверью. На мѣдной доскѣ было написано: „Ѳедоръ Петровичъ Барыковскій“. Онъ позвонилъ. Отворилъ огромнаго роста лакей во фракѣ и бѣломъ галстукѣ.

— Дома Ольга Сергѣевна?

— Точно такъ-съ.

Лакей съ еще бо́льшимъ почтеніемъ, чѣмъ швейцаръ, снялъ съ него пальто и открылъ портьеру.

Строевъ прошелъ нѣсколько громадныхъ полутемныхъ комнатъ и неслышными шагами по ковру вошелъ въ уютный дамскій кабинетъ. За письменнымъ столомъ сидѣла женщина лѣтъ тридцати. Она писала записку быстрымъ почеркомъ и не замѣтила входившаго.

— Ольга Сергѣевна, это я...

Она вздрогнула и быстро подняла большіе сѣрые глаза. Это были тѣ прекрасные глаза, которые сразу такъ привлекаютъ, что не даютъ судить о красотѣ человѣка: ихъ только однихъ и видишь... Ольга Сергѣевна поднялась, подошла къ Строеву и взяла его за обѣ руки.

— Саша, наконецъ-то ты!... А я такъ безпокоилась, хотѣла посылать записку. Ну, слава богу.

Она смотрѣла въ его глаза тревожнымъ, долгимъ взглядомъ.

— Ты, кажется, еще поблѣднѣлъ и похудѣлъ. Все эти гадкіе уроки и книги. Ну, не сердись, не буду!..

Потомъ, догадавшись, о чемъ онъ хочетъ спросить, она прибавила:

— Мужа нѣтъ дома. Онъ уѣхалъ на юбилейный обѣдъ. Вернется не раньше десяти часовъ. Мы—одни... Что же ты не садишься?.. И отчего такой грустный?

Стѣны кабинета почти исчезали подъ множествомъ маленькихъ пейзажей, фотографій, по́лочекъ съ книгами, японскихъ бездѣлушекъ, вѣеровъ, средневѣковыхъ барельефовъ изъ почернѣлаго дерева, драгоцѣнныхъ старинныхъ матерій. Въ жардиньеркѣ у окна стояли тюльпаны. Съ теплотою камина сливался свѣжій запахъ сырой земли и цвѣтовъ. Строевъ тысячи разъ убѣждалъ себя, что слѣдуетъ ненавидѣть эту

Digitized by Google

обстановку роскоши, привычную съ дѣтства, и все таки онъ втайнѣ любилъ ее.

Съ тѣмъ бо̀льшей суровостью онъ произнесъ:

— Послушай, Ольга!...

Строевъ говорилъ ей *ты*—единственная вольность, которую онъ позволялъ себѣ, и то не по увлеченію, а по принципу,—это было братское *ты*. Онъ думалъ, что мужчина обязанъ относиться къ каждой женщинѣ, какъ братъ къ сестрѣ. Теперь Строевъ почувствовалъ, что *ты* можетъ имѣть не то значеніе, и поправился.

— Ольга Сергѣевна, намъ необходимо прійти къ какому нибудь окончательному рѣшенію.

Она испугалась этого книжнаго, холоднаго вступленія и посмотрѣла на него большими умоляющими глазами.

— Саша, ради Бога не надо... Оставь это! Дай мнѣ немножко отдохнуть: я измучилась!

Онъ подошелъ къ ней. Она снова взяла его за обѣ руки и посадила около себя.

— Вотъ такъ! Знаешь, мы все трудное и страшное обдумаемъ въ слѣдующій разъ. А сегодня не говори про это... Мнѣ такъ тяжело. Пожалѣй меня, Саша!

Она приблизила къ его лицу свои печальные, испуганные глаза. Въ нихъ была усталость и мольба. Его рѣшимость пошатнулась. Онъ подумалъ: „я имѣю право любить ее *такъ*. Нельзя же отказать ей въ жалости“.

И слезы любви, которую онъ принималъ за жалость, подступили къ его глазамъ. Онъ наклонился къ ней, сказалъ: „бѣдная“, обнялъ ее и поцѣловалъ. Она прижалась къ нему, крѣпко обвила его руками, и вдругъ въ ея глазахъ, прежде такихъ покорныхъ, блеснуло сознаніе силы и торжества. Она поцѣловала его прямо въ губы долгимъ, жаднымъ поцѣлуемъ.

Нѣтъ, это была уже не братская любовь! Онъ освободился отъ ея объятій и всталъ.

— Послушайте, я долженъ, наконецъ, сказать! Между нами—ложь и недоразумѣніе!.. Я убѣдился: вы не можете меня любить просто, по братски! А всякую другую любовь я считаю преступной, тѣмъ болѣе, что вы не свободны. Я не измѣню тому, во что вѣрю. Мы должны разстаться!—Она си-

Digitized by Google

дѣла, закрывъ лицо руками, и, качая головой, шептала: „Боже мой, опять, опять это!..“.

Тогда онъ заговорилъ иначе, стараясь убѣдить ее.

— Послушай, милая, ты знаешь, какъ я люблю тебя. Но что же дѣлать? Оставаться такъ—нѣтъ силъ!.. Или ты, или моя новая вѣра...

Вдругъ она отняла руки отъ блѣднаго лица и начала тихимъ голосомъ:

— Поговоримъ спокойно: это всегда лучше. Послушай, зачѣмъ разставаться? Пускай мужъ ѣдетъ одинъ за границу на свою командировку. Я останусь въ Петербургѣ. Не принуждай меня ѣхать. Я согласна на все. Пусть будетъ такъ, какъ ты хочешь... Господи, мнѣ ничего не надо,—только бы ты былъ со мною!..

Но онъ молчалъ и думалъ: „слѣдуетъ быть твердымъ; если я уступлю, все погибло! Я далъ себѣ клятву не уступать!“

Тогда она тихонько подошла къ нему.

— Ты мнѣ не вѣришь, Саша? Это нехорошо. Я не лгу: я докажу тебѣ. Прежде мнѣ было стыдно и я скрывала отъ тебя часть моей жизни. Я была развратной, пустой женщиной до того дня, какъ тебя встрѣтила. Мужа я презирала и теперь презираю. Еслибы ты зналъ, до чего я могла дойти! Я пріучила себя къ морфію. Но когда ты полюбилъ меня, все измѣнилось. Я стала опять человѣкомъ. Не слушай, что я нападаю на твою вѣру: за эту вѣру я тебя и люблю! Она такъ прекрасна... въ тебѣ... Я все пойму, только люби меня! Не покидай меня на полдорогѣ. Я ослабѣю и вернусь назадъ въ тотъ гадкій міръ.

Глаза ея блистали; она говорила съ увлеченіемъ.

— Подожди, я скажу тебѣ всю правду: ты не знаешь любви! Вспомни: когда слушаешь музыку, развѣ ты можешь рѣшить умомъ, почему у нея такая власть надъ твоею душою. Ты не можешь сказать, что она такое—добро или зло,—только знаешь, что она прекрасна. Ты долженъ ей покориться: выше справедливости нѣтъ! То же самое — любовь. Саша, развѣ можно ее понять, развѣ можно ее судить? Ты мнѣ говорилъ, что въ библіи гдѣ-то сказано: „*любовь сильна, какъ смерть*“. Никакія разсужденія не помогутъ, когда при-

Digitized by Google

детъ смерть: что̀ значитъ твой бѣдный умъ, когда придетъ настоящая любовь!.. О, еслибы ты зналъ, милый мой, какъ страшно и сладко любить!.. Любовь глубже, безконечнѣе всѣхъ твоихъ книгъ, всѣхъ твоихъ теорій. Надо слушаться ея и забыть свой умъ. Она умнѣе насъ. Она не хочетъ, чтобы ее спрашивали: зачѣмъ и какъ? Полюби меня, какъ я тебя люблю,—и я увѣрую въ твою вѣру. Ты меня спасешь... Тогда я брошу все, пойду за тобою, куда ты мнѣ прикажешь идти, мой умный мальчикъ, о, мой пророкъ!..

Она стояла передъ нимъ на колѣняхъ, поднявъ глаза, полные слезъ, и цѣловала его руки. Онъ наклонился, встрѣтивъ ея глубокій взглядъ, и на мгновеніе закрылъ глаза. Ему казалось, что онъ на краю бездны, и онъ подумалъ: „не броситься ли?..“ Но потомъ вырвалъ свою руку и сдѣлалъ надъ собою одно изъ тѣхъ страшныхъ усилій, которыя никому не проходятъ даромъ и оставляютъ тяжелый слѣдъ въ душѣ на всю жизнь. Она поднялась и взглянула на него съ ненавистью.

— Я такъ и знала: вы меня не любите!.. Не я, а вы лгали! Все время, пока я васъ знала, вы лгали и притворялись. Зачѣмъ? Что это за игра? Какъ будто я не вижу, что вы не вѣрите ни во что! Вы не можете вѣрить, потому что у васъ нѣтъ души. Подите вы съ вашимъ новымъ ученіемъ! Это не вѣра, а мальчишеское, злое самолюбіе. Теперь я васъ, наконецъ, поняла, и мнѣ гадко и стыдно за васъ! Вы такъ молоды, — и ни капли искренняго чувства!.. Довольно, ступайте къ вашимъ книгамъ; вы лучшаго не стоите и знайте, что я съ радостью вернусь къ прежней жизни... Но, если я сдѣлаюсь развратной и низкой женщиной, въ томъ вы одни будете виноваты. Какое безуміе, изъ-за нелѣпыхъ теорій, изъ-за книжекъ, губить живыхъ людей!..

Она была внѣ себя и потеряла ту грацію движеній, то красивое самообладаніе, которое почти никогда не измѣняетъ свѣтскимъ женщинамъ. Ее душили рыданія; она могла только повторять: „Оставьте, оставьте меня!..“

Въ эту минуту, въ прихожей раздался звонокъ. Ольга Сергѣевна прислушалась: по громкому кашлю она узнала мужа. Послышались знакомые шаги. Онъ прошелъ въ свой кабинетъ. Она знала, что оттуда онъ войдетъ къ ней. Тогда,

Digitized by Google

вскочивъ, она торопливо, не платкомъ, а ладонью руки отерла слезы: „совсѣмъ, какъ дитя“, — подумалъ Строевъ, и почему-то это маленькое движеніе растрогало его больше, чѣмъ всѣ жалобы и рыданія. Она подошла къ нему и обняла такъ крѣпко, что ему было почти больно.

— Прощай, голубчикъ Саша!.. Не сердись на меня!.. Я сдѣлаю все, какъ ты хочешь... Напиши мнѣ послѣдній разокъ. Любить на половину, какъ до сихъ поръ мы любили, я не могу. Если ты такъ рѣшишь, я уѣду за границу. Только можетъ быть...

Онъ видѣлъ, что она хотѣла обмануть себя и его надеждой, и онъ отвѣчалъ улыбкой любви на ея умоляющую улыбку. Она прибавила:

— Можетъ быть, ты передумаешь. Тогда напиши... А пока прощай и, что бы ни случилось, помни, что я люблю тебя безконечно. Дай тебѣ Богъ всего хорошаго, мальчикъ мой милый!..

Она схватила его голову обѣими руками, покрывая торопливыми поцѣлуями его глаза, губы, лобъ, волосы. Изъ ея большихъ, прекрасныхъ глазъ струились ему на лицо горячія слезы. Съ тою безнадежною улыбкою, которая почему-то является въ самыя послѣднія минуты разлуки, она быстро повторяла: „Христосъ съ тобою!“ и крестила его. И Строеву вспомнилось, какъ въ далекомъ дѣтствѣ мать, надолго разставаясь, также крестила его и плакала...

Онъ вышелъ на улицу, едва удерживая рыданія. Это были не только слезы любви, но еще какого-то другаго неяснаго чувства. Если новое ученіе дало такую силу, что для него онъ могъ пожертвовать любовью, значитъ, оно не обмануло: онъ нашелъ истину! Строевъ чувствовалъ себя на высотѣ, и передъ великимъ счастіемъ вѣрить — любовь къ женщинѣ, ея страданія казались ему ничтожными.

Въ тотъ же вечеръ онъ написалъ Ольгѣ Сергѣевнѣ коротенькую записку, въ которой прощался съ нею навсегда.

Digitized by Google

III.

Весенній туманный вечеръ повисъ надъ городомъ. Звуки, формы и краски стирались въ тепломъ, тяжеломъ воздухѣ. Зато рѣзче выступали запахи.

Строевъ вышелъ на улицу. Его охватила духота. Изъ открытыхъ дверей кабака пахнуло водкой, щами и махоркой. Ѣдкая пыль извести носилась вокругъ лѣсовъ огромнаго зданія. Ничего особеннаго не случилось, но Александръ Николаевичъ палъ духомъ и все больше, безъ видимой причины, терялъ бодрость, какъ будто отъ дѣйствительнаго несчастія. Теперь онъ сомнѣвался чуть ли не во всемъ, и это были безсмысленныя, глупыя сомнѣнія, съ которыми и бороться стыдно, потому что стыдно ихъ признавать.

Люди столько разъ открывали истину, которая для слѣдующихъ поколѣній оказывалась ложью. Развѣ не дѣтское тщеславіе думать, что послѣ милліоновъ опытовъ онъ одинъ, Строевъ, и его кружокъ нашли вѣрный путь для будущихъ вѣковъ? Онъ почему-то вспомнилъ, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, зимой, закутанный въ бобровую шинель, мчался по Невскому на рысакѣ, вспомнилъ розовую снѣжную пыль январьскихъ сумерекъ, ощущеніе во всемъ тѣлѣ здоровья и молодости...

«Нѣтъ, я—пустой и гадкій человѣкъ! Причемъ тутъ новая вѣра? Зачѣмъ ее винить? У меня не хватаетъ силы вѣрить... Но что же дѣлать, если нѣтъ въ душѣ силы? Я притворялся, что люблю людей. И за что ихъ любить"?..

Строевъ шелъ по одной изъ многолюдныхъ улицъ—по Гороховой,—направляясь къ Адмиралтейству. Должно быть, былъ праздникъ. Гуляло много народу; встрѣчались пьяные. Въ этихъ городскихъ, измученныхъ, но веселыхъ лицахъ онъ видѣлъ—какъ ему казалось—одно общее выраженіе глупой и злой хитрости, вѣчной мысли о деньгахъ, болѣзни и преждевременнаго разврата. Онъ повторялъ про себя стихи Лермонтова:

Въ очахъ людей читаю я
Страницы злобы и порока.

Digitized by Google

Онъ не могъ оставаться въ толпѣ. Его обрадовали зеленыя, свѣжія деревья. Строевъ подумалъ: „какъ они прекрасны, какъ не похожи на людей!“ Онъ вошелъ въ Александровскій сквэръ. Пахнуло въ лицо крѣпкимъ и сладкимъ запахомъ еще незапыленныхъ листьевъ. Онъ сѣлъ на скамейку. На землѣ туманъ сгустился, а на небѣ было яснѣе. Кое-гдѣ, сквозь сѣрую дымку, виднѣлись нѣжные голубоватые просвѣты. И мало по малу ихъ неуловимые воздушные края окрасились въ розовый вечерній свѣтъ. Онъ смотрѣлъ на него и думалъ:

„Если жизнь наша въ самомъ дѣлѣ—страданіе, долгъ, работа, приготовленіе къ смерти,—зачѣмъ же въ природѣ эта непонятная красота? Что въ ней общаго съ человѣческой жизнью, добромъ и долгомъ?.. Вотъ этотъ розовый цвѣтъ говоритъ мнѣ про цѣлый міръ, таинственный и навѣки закрытый для меня. Можетъ быть, въ немъ наши человѣческія раздѣленія на зло и добро ничего не значатъ... Господи, зачѣмъ въ душѣ моей нѣтъ ничего вѣчнаго и незыблемаго?.. Долгъ—такъ долгъ, страданіе—такъ страданіе... И безъ того мы слабы,—къ чему же эти ловушки красоты, эти вѣчные обманы, намеки на невозможное счастіе?..“

— Послушайте, хорошенькій студентъ, одолжите мнѣ папироску. Страсть курить хочется!..

Онъ вздрогнулъ и оглянулся. Рядомъ съ нимъ сѣла на скамейку очень молоденькая и миловидная бѣлокурая дѣвушка.

— О чемъ это вы такъ задумались? Даже не отвѣчаетъ. Какой гордый!..

— Простите, пожалуйста. Я не курю. У меня нѣтъ папиросъ.

— Ну, на нѣтъ и суда нѣтъ!

Она была одѣта скромно и чисто—въ сѣромъ лѣтнемъ пальто, съ бѣлымъ шолковымъ платочкомъ на головѣ. Ея слова не показались ему непріятными, не смотря на фамильярность: до такой степени они были сказаны просто и дружелюбно. Онъ, конечно, догадывался, кто эта дѣвушка, но не чувствовалъ отвращенія. У нея лицо было самое простое, тихое и скромное: одно изъ добрыхъ русскихъ лицъ, про которыя не думаешь, умныя они или глупыя, потому что и вопросъ объ умѣ не приходитъ въ голову, когда смотришь на это безмятежное здоровье. Прежде онъ встрѣчался съ падшими

Digitized by Google

женщинами высшаго разряда, а этихъ несчастныхъ зналъ только по трогательнымъ журнальнымъ разсказамъ. Но онъ искалъ напрасно въ ея лицѣ чего нибудь трагическаго, признаковъ скорби. Въ чертахъ ея было глубокое спокойствіе и ясность души. Онъ подумалъ: „надо уйти“. Но не зналъ, какъ это сдѣлать; ему было бы жаль обидѣть ее и поступить съ ней грубо. Подвинувшись къ нему, она сказала все также просто и довѣрчиво:

— Послушайте, пойдемте ко мнѣ.

Тогда онъ быстро всталъ, чтобы уйти. Но дѣвушка подумала, что онъ согласился, и взяла его подъ руку. Онъ покраснѣлъ и, чувствуя себя въ глупомъ положеніи, проговорилъ: „мнѣ нельзя“.

— Пустяки! Отчего нельзя? Пойдемъ, право же пойдемъ!..

И она, не отпуская его, шла рядомъ подъ руку и все время болтала.

— Ахъ, какой ты хорошенькій! Студентъ, должно быть. Впрочемъ, что я?.. Вѣдь теперь—форма. Я здѣсь недалеко живу: въ первомъ переулкѣ—третій домъ направо. Ну, пойдемъ, пойдемъ же!..

Онъ молчалъ и думалъ, какъ бы освободиться, не обидѣвъ ея. Они вышли изъ сквэра. Она спросила: „можно извощика?“ не дожидаясь отвѣта, сказала адресъ и весело вскочила на дрожки, не выпуская его руки. Въ это время мимо нихъ проходилъ высокій господинъ въ золотыхъ очкахъ, съ очень интеллигентнымъ и,—какъ показалось Строеву,—знакомымъ лицомъ. Строевъ не хотѣлъ садиться на дрожки, дѣвушка говорила: „ну, что же ты“? держала его за руку и смѣялась. Господинъ оглянулся на нихъ съ едва замѣтной усмѣшкой. Строевъ сѣлъ на извощика. Они поѣхали.

— Видите, какой вы невѣжливый кавалеръ. Даже не поддержите меня. Я такъ могу упасть!..

И она засмѣялась дѣтскимъ, безпричиннымъ смѣхомъ. Потомъ вдругъ перестала, посмотрѣла внимательно и спокойно въ лицо Строеву и повторила: „какой ты хорошенькій!“

Онъ думалъ: „Боже мой, какъ это глупо и гадко! Но не могу же я соскочить съ извощика!“ Они подъѣхали къ большому дому. Дворникъ отворилъ калитку въ воротахъ. Строевъ обратился къ спутницѣ рѣшительно:

Digitized by Google

— Простите, пожалуйста, мнѣ непремѣнно надо домой...

Дворникъ стоялъ у отворенной калитки и ждалъ. Лицо ея вдругъ сдѣлалось грустнымъ. Она покраснѣла, отвела Строева немного въ сторону и тихонько сказала, очевидно сама робѣя передъ нимъ:

— Послушай, можетъ быть, у тебя нѣтъ съ собою денегъ? Такъ это ничего! Ты въ другой разъ... Ну, хоть на минутку зайдемъ, пожалуйста!..

Она просила такъ искренно, наивно, какъ проситъ дорогаго гостя радушная хозяйка. Здѣсь, на улицѣ, отказать было неловко передъ дворникомъ. Онъ смотрѣлъ на нихъ вопросительно. Строевъ рѣшилъ, что попрощается на лѣстницѣ. Они вошли во дворъ, поднялись въ четвертый этажъ и она позвонила. Теперь онъ колебался — отдавать ли ей уже заранѣе приготовленныя деньги, или лучше не отдавать и такъ уйти. Въ это время отворилась дверь. Дѣвушка сказала: „здѣсь темно“ и ввела его за руку въ прихожую. Растрепанная кухарка зажгла спичку и посмотрѣла на нихъ съ тѣмъ же выраженіемъ, какъ дворникъ и господинъ на улицѣ. Дѣвушка спросила у кухарки:

— А что, заходилъ Степанъ Парамоновичъ?

— Нѣтъ, не были.

— Ну и чортъ съ нимъ! Очень рада.

Строевъ, держа въ рукѣ кредитную бумажку, вошелъ въ низенькую комнату. Въ ней пахло немного сыростью, но было чисто и уютно. На потолкѣ висѣлъ голубой фонарикъ — убогая петербургская роскошь. Зеркало на комодѣ было убрано кисеей и розанами отъ куличей. Въ углу виднѣлся образъ съ шеколаднымъ яичкомъ на голубой ленточкѣ и горѣла лампадка. Передъ постелью, съ грудой чистыхъ бѣлыхъ подушекъ и розовымъ пикейнымъ одѣяломъ, на стѣнѣ висѣлъ дешевый коверъ съ изображеніемъ фантастическаго краснаго тигра. Строевъ осторожно положилъ въ комочекъ сложенную бумажку на столъ, попрощался и хотѣлъ уйти.

— Ахъ, какой чудакъ!.. Нѣтъ, ужь я теперь ни за что не отпущу тебя.

Со смѣхомъ она подскочила къ двери, перевернула два раза ключъ, вынула его и убѣжала на другой конецъ комнаты, крикнувъ:

Digitized by Google

— Ну-ка, попробуй, отними!..

Пушистые волосы выбились изъ ея свѣтлой толстой косы, и грудь, запыхавшись, подымалась подъ ситцевой розовой кофтой. Строевъ сѣлъ въ недоумѣніи на стулъ. Онъ досадовалъ на себя, но былъ увѣренъ, что сейчасъ уйдетъ. Вдругъ дѣвушка подбѣжала, и онъ не успѣлъ опомниться, какъ она сѣла ему на колѣни и крѣпко обвила шею руками. Тогда онъ внезапно почувствовалъ, что надо какъ можно скорѣй уходить. Онъ схватилъ ее за руки, чтобы отнять ключъ, но она вырвала ихъ и спрятала на груди. Онъ боролся. Съ мучительнымъ, все возраставшимъ волненіемъ онъ чувствовалъ, какъ она извивается и бьется въ его рукахъ.

— Отдайте, отдайте, пожалуйста!

— А вотъ не отдамъ!

Она уже замѣтила его смущеніе и громко смѣялась, повторяя: „не отдамъ!“ Но теперь смѣялись однѣ только красивыя губы, а глаза были строгіе, глубокіе и—какъ ему казалось—страшные. Онъ сказалъ себѣ: „это безуміе, кошмаръ! Этого быть не можетъ!..“ Но, уже не вѣря въ свою мысль, Строевъ цѣплялся за нее въ отчаяніи, какъ человѣкъ, скользящій въ пропасть, хватается за траву, зная, что она оборвется. Въ ту же минуту, злоба на себя и еще бо̀льшая злоба на эту хохочущую красивую дѣвушку охватила его. Онъ хотѣлъ далеко отбросить ее грубымъ движеніемъ и схватилъ такъ больно, что она вскрикнула, но не поняла его движенія и еще громче засмѣялась.

Тогда съ тою же грубостью, съ которой хотѣлъ оттолкнуть, онъ обнялъ ее и поцѣловалъ въ губы. Строевъ еще на мгновеніе опомнился и подумалъ: „что̀ я дѣлаю!“ но уже не нашелъ въ себѣ ни раскаянія, ни воли...

IV.

Онъ вышелъ отъ нея въ три часа ночи. Она открыла дверь, чтобы проводить его со свѣчей, но было уже свѣтло. Дѣвушка крикнула сверху:

— Заходи, голубчикъ, ко мнѣ еще разъ поскорѣе!..

Дворникъ отворилъ калитку, поклонился и попросилъ на

Digitized by Google

чай. Строевъ далъ. Улицы были пустынныя и почти такія же свѣтлыя, какъ днемъ. Поэтому тишина казалась неестественной. Строевъ ни о чемъ не думалъ, не зналъ, куда идетъ. Онъ прошелъ мимо той самой скамейки, гдѣ сидѣлъ вечеромъ,—и равнодушно удивился. Всспоминаніе показалось ему безконечно далекимъ, какъ будто съ тѣхъ поръ прошло нѣсколько лѣтъ. Проѣхалъ извощикъ. На дрожкахъ сидѣли двое пьяныхъ безъ шапокъ, обнявшись и раскачиваясь. Они орали пѣсни. Съ оглушительнымъ грохотомъ потянулись ломовые на огромныхъ лошадяхъ съ мѣдной тяжелой сбруей. Небо было высокое, бѣлое и холодное безъ тумана. Фасады домовъ озарялись страннымъ свѣтомъ. Стекла завѣшанныхъ оконъ отражали мертвый, блѣдный цвѣтъ неба. Въ одномъ окнѣ свѣтился огонекъ. Строевъ подумалъ: „это красиво“, и опять удивился своей мысли.

Онъ всему удивлялся. Все казалось ему новымъ и чуждымъ. У него было такое чувство, какъ будто уже съ незапамятныхъ временъ онъ идетъ по этимъ пустыннымъ, свѣтлымъ и страшнымъ улицамъ, неизвѣстно куда, и вѣчно будетъ такъ идти. Онъ не могъ понять, что это такое—и въ этомъ заключалась мука... Послѣ долгихъ блужданій, самъ не сознавая какъ,—онъ очутился наконецъ у двери своей квартиры. Строевъ позвонилъ. Отворила грязная чухонка-хозяйка. Онъ вошелъ въ свою каморку; она тоже была свѣтлой, пустынной и страшной. Онъ сѣлъ на постель и подумалъ: „неужели и здѣсь не будетъ покоя?“ Въ эту минуту, на столѣ онъ замѣтилъ письмо, подошелъ и посмотрѣлъ. Марка была заграничная, и почеркъ показался ему знакомымъ. Онъ подержалъ письмо въ рукахъ, но потомъ опять бросилъ.

Онъ началъ лѣниво снимать сапоги. Но письмо бѣлѣло на темномъ переплетѣ книги и мѣшало ему. Онъ съ досадой взялъ его, разорвалъ конвертъ и вынулъ вдвое сложенную бумагу. Вдругъ на него пахнулъ запахъ духовъ, тѣхъ самыхъ, которыми всегда душилась Ольга Сергѣевна. Онъ вздрогнулъ, какъ будто проснулся и почувствовалъ нестерпимую, — какъ ему казалось,—физическую боль въ груди, отъ которой застоналъ... И онъ прочелъ письмо:

Digitized by Google

V.

„Милый другъ, будь увѣренъ, что я пишу тебѣ въ послѣдній разъ. Я исполнила твое желаніе: черезъ три дня послѣ записки уѣхала за границу. Мой мужъ получилъ выгодное и почетное назначеніе при посольствѣ во Франціи. По всей вѣроятности, мы останемся здѣсь надолго, и не знаю, когда я увижу Россію. Ты правъ: безнадежность—лучшее лѣкарство отъ любви... Природа тоже помогла моему исцѣленію. Я помню еще въ дѣтствѣ: каждый разъ, какъ посмотрю въ голубое, высокое небо,—всѣ горести покажутся вдругъ такими ничтожными, и захочется не плакать надъ ними, а смѣяться.

„Природа хороша, но морфій еще лучше. Это—мой единственный, мой послѣдній другъ. То, что даетъ намъ частицу смерти,—минутное забвеніе,—отрадно; отчего же полное забвеніе—смерть—кажется такой страшной?..

„Прости меня, Саша! Я не могу такъ продолжать. Зачѣмъ я пишу это письмо?.. Мы на прощаніе цѣлуемъ мертвыхъ, хотя знаемъ, что имъ уже все равно. Такъ и я знаю, что моя любовь умерла, но мнѣ хочется совершить для себя грустный обрядъ *„послѣдняго цѣлованія“*... Милый мой, теперь я больше не люблю тебя земною любовью. Между нами бездна, какъ между живыми и мертвыми. Мнѣ ничего не надо отъ тебя. Моя любовь такая свѣтлая, легкая и спокойная! Не отъ нея я гибну, а отъ того, что сама не могу сдѣлаться лучше... Прощай, милый!..

„Я вспоминаю,—ты разсказывалъ мнѣ однажды, что, не смотря на свои сомнѣнія, молишься иногда Богу дѣтской молитвой. Вотъ моя послѣдняя просьба: когда будешь молиться, соедини мое имя съ твоимъ, помолись и за меня. А въ моей грѣшной молитвѣ нѣтъ ничего, кромѣ любви къ тебѣ, — это мое единственное оправданіе передъ Богомъ! Живи долго и счастливо.

Твоя *Ольга*“.

Когда Строевъ прочелъ письмо, онъ подошелъ къ окну, посмотрѣлъ на голубое утреннее небо, закрылъ лицо руками и зарыдалъ. Онъ понялъ, что пожертвовалъ своей гордости

Digitized by Google

жизнью человѣка. Ему вспомнились слова священнаго писанія: „могій вмѣстити, да вмѣститъ“. Какими кроткими, мудрыми и полными любви показались они ему въ сравненіи съ его жестокимъ, нетерпимымъ ученіемъ. Думая быть выше всѣхъ людей, онъ только унизилъ въ себѣ человѣка и пробудилъ звѣря. Природа отомстила ему...

Онъ плакалъ отъ жалости къ себѣ и къ людямъ, отъ сознанія нашей общей, непоправимой слабости и ничтожества передъ *невѣдомымъ*. Но, когда онъ опять сквозь слезы посмотрѣлъ на голубое небо, ему показалось, что оно отвѣчаетъ на его любовь вѣчной любовью...

Д. Мережковскій.

Digitized by Google

ИВАНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ГОНЧАРОВЪ.

(ОПЫТЪ ЛИТЕРАТУРНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ).

«То, что обыкновенно называютъ въ человѣкѣ умомъ, есть не болѣе, какъ обыкновенная манера мыслить. Въ каждомъ изъ насъ живетъ извѣстная привычка, которая руководитъ нами, обращая наше вниманіе сперва на одинъ предметъ, потомъ на другой, медленно или быстро, въ одномъ случаѣ вызывая рядъ образовъ, въ другомъ—рядъ отвлеченныхъ идей, въ третьемъ—насмѣшку, такъ что этой привычкѣ человѣкъ покоряется всегда, чѣмъ бы онъ ни былъ занятъ, роковымъ образомъ, потому что эта необходимость сдѣлалась второю натурою, волей и вкусомъ. Ученые называютъ ее методомъ, художники—талантомъ». Таково популярное опредѣленіе таланта, сдѣланное Тэномъ. Оно можетъ, въ большей или меньшей степени, грѣшить съ точки зрѣнія философской или научной строгости, но въ смыслѣ руководства въ критикѣ оно весьма удобно. И въ самомъ дѣлѣ, талантъ, въ томъ обыкновенномъ значеніи слова, какое мы ему приписываемъ, есть формальная, если можно такъ выразиться, сторона сознанія, его habitus, его внѣшность. Сознаніе и мысль укладываются въ немъ, какъ въ футлярѣ, обнаруживаются посредствомъ него, становятся тѣмъ или другимъ, подобно лучу свѣта, проходящаго сквозь призму и разрѣшающагося на разные цвѣта. Если футляръ вмѣстителенъ и удобенъ, то сознанію и мысли въ немъ привольно,—они могутъ обнаружиться съ различныхъ сторонъ; въ противномъ случаѣ, мысль сдавлена и проявляется угловато и блѣдно. Но этотъ футляръ, т. е. талантъ, ничего не говоритъ о содержаніи мысли, ничего ей не навязываетъ по существу, въ смыслѣ міросозерцанія или воззрѣній, онъ всегда остается только формой ея, ея внѣшностью, нѣчто въ родѣ кантовской Anschauung. Разсмотрѣніе писателя, поэта, художника съ точки зрѣнія этой стороны его физіономіи есть существенная задача такъ называемой эстетической критики; это—нѣчто въ родѣ психологическаго изслѣдованія, которое, разумѣется, можетъ и должно быть пополнено самой содержимостью мысли.

Мнѣ всегда казалось, что съ этой точки зрѣнія Гончаровъ чрезвычайно напоминаетъ Бальзака. Умъ Гончарова,—какъ и умъ Баль-

Digitized by Google

зака,—методическій ровный, логическій, безъ скачковъ и порывовъ; Гончаровъ любитъ точность въ описаніи предмета, онъ не жертвуетъ никакой подробностью, никакимъ самымъ ничтожнымъ фактомъ: онъ все анализируетъ съ одинаковой любовью или, вѣрнѣе, съ одинаковымъ безстрастьемъ; онъ не схватываетъ сразу и непосредственно сущность предмета, какъ это дѣлаетъ синтетическій умъ,—онъ только описываетъ, т. е. анализируетъ, входя въ самыя мелкія подробности, даже въ ущербъ художественному впечатлѣнію. Онъ—дискурсивный умъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только обратить вниманіе на начало любаго изъ его романовъ, — «Обломова», напримѣръ. Эту особенность ума или таланта Гончарова давно уже замѣтилъ Добролюбовъ; онъ ее отмѣтилъ, но не остановился на ней, не придавая ей особеннаго психологическаго значенія, потому что въ этюдѣ о Гончаровѣ его занимала не психологія писателя, не его эстетическое значеніе, а общественное. «Всѣмъ занялся онъ (Гончаровъ) съ любовью,—говоритъ Добролюбовъ,—все очертилъ подробно и отчетливо. Не только тѣ комнаты, въ которыхъ жилъ Обломовъ, но и тотъ домъ, въ какомъ онъ только мечталъ жить; не только халатъ его, но старый сюртукъ и щетинистыя бакенбарды слуги его Захара; не только писаніе письма Обломова, но и качество бумаги и чернилъ въ письмѣ старосты къ нему,—все приведено и изображено съ полною отчетливостью и рельефностью. Авторъ не можетъ пройти мимоходомъ даже какого нибудь барона фонъ-Лангвагена,—не играющаго никакой роли въ романѣ; и о баронѣ напишетъ онъ цѣлую прекрасную страницу, и написалъ бы двѣ и четыре, еслибы не успѣлъ исчерпать его на одной». Совершенно ту же черту замѣчаете вы и въ Бальзакѣ; въ душу своихъ героевъ Бальзакъ не входитъ разомъ, однимъ скачкомъ, какъ Шекспиръ: онъ бродитъ подолгу вокругъ да около нихъ, терпѣливо, точно анатомъ, сперва разсматривая мускулъ, потомъ кость, потомъ вены, потомъ нервы, а къ мозгу и сердцу подходитъ только тогда, когда перешелъ цѣлый циклъ органовъ и отправленій. Сперва онъ описываетъ городъ, потомъ улицу, потомъ домъ; объяснивъ фасадъ, скважины камня, строеніе и матеріалъ, разсказываетъ размѣщеніе комнатъ, форму каминовъ, узоры обоевъ, стиль и разстановку мебели, потомъ распространяется объ одеждѣ. Дойдя этимъ окольнымъ путемъ до человѣка, онъ принимается объяснять съ прежнимъ рвеніемъ строеніе рукъ, изгибъ спины, форму носа, толщину костей, длину подбородка, толщину губъ. Сдѣлавъ и это, онъ принимается разсказывать происхожденіе человѣка, его воспитаніе, привычки, занятія, количество состоянія, кружокъ, въ которомъ этотъ человѣкъ живетъ, съ какими людями водится, какъ онъ издерживаетъ и на что издерживаетъ деньги, какія блюда любитъ, какъ относится онъ къ своей кухаркѣ,—а если къ слову пришлось, то и кухарку опишетъ точно такимъ образомъ. Однимъ словомъ, Бальзакъ касается безчисленнаго множества обстоятельствъ, которыя вліяютъ на характеръ, медленно измѣняютъ его въ ту или другую сторону, накладываютъ на него свою печать. Гончаровъ не такъ подробенъ и мелоченъ, но и у него эта черта прежде всего поражаетъ чита-

Digitized by Google

теля. Откройте «Обломова» на первой страницѣ, и вы убѣдитесь въ этомъ. «Цвѣтъ лица у Ильи Ильича не былъ ни румяный, ни смуглый, ни положительно блѣдный, а безразличный; тѣло его, судя по матовому, черезчуръ бѣлому цвѣту шеи, маленькихъ пухлыхъ рукъ, мягкихъ плечъ, казалось слишкомъ изнѣженнымъ для мужчины; движенія его, когда онъ былъ даже встревоженъ, сдерживались также мягкостью и не лишенною своего рода граціи лѣнью; на немъ былъ халатъ изъ персидской матеріи, безъ кистей, безъ бархата, безъ тальи, весьма помѣстительный; рукава, по неизмѣнной азіатской модѣ, шли отъ пальцевъ къ плечу все шире и шире; туфли на немъ были длинныя, мягкія и широкія; когда онъ, не глядя, опускалъ ноги съ постели на полъ, то непремѣнно попадалъ въ нихъ сразу; задокъ у одного дивана осѣлся внизъ, наклеенное дерево мѣстами отстало; по стѣнамъ, около картинъ, лѣпилась, въ видѣ фестоновъ, паутина, напитанная пылью; зеркало, вмѣсто того чтобы отражать предметы, могло бы служить скорѣе скрижалями для записыванія на нихъ, по пыли, какихъ нибудь замѣтокъ на память. Ковры были въ пятнахъ, на диванѣ лежало забытое полотенце; на столѣ рѣдкое утро не стояла неубранная отъ вчерашняго ужина тарелка съ солонкой и съ обглоданной косточкой, да не валялись хлѣбныя крошки»... Описаніе продолжается и дальше все въ томъ же тонѣ, съ тою же обстоятельностью и точностью. Въ началѣ этотъ пріемъ утомляетъ читателя: читатель точно въ передней и дожидается приглашенія войти въ комнаты. Но въ этой обстоятельности и точности есть своего рода сила, и огромная сила; благодаря имъ, предметъ съ необыкновенной яркостью и рельефностью отпечатлѣвается въ воображеніи; онъ становится реальнымъ, видимымъ, осязаемымъ,—точно передъ вами не описаніе предмета, а самъ предметъ. Кромѣ того, вы видите и чувствуете, что если Гончаровъ такъ мелоченъ и подробенъ въ описаніи дома, комнаты, одежды, мебели, то только потому, что ему необходимо полнѣе охватить физіономію человѣка, обитающаго въ этомъ домѣ: человѣкъ оставляетъ неизгладимую печать на внѣшней жизни, на домѣ, на мебели; чтобы объяснить его самого—необходимо прежде объяснить обстановку, въ которой вы живете; кушанья, вами употребляемыя, воздухъ, которымъ вы дышете, дома, которыми вы окружены, книги, которыя вы читаете, самыя мелкія ваши привычки, самыя ничтожныя обстоятельства, руководящія вами—все это способствуетъ тому, чтобы изъ васъ образовать именно того человѣка, какимъ вы являетесь въ дѣйствительности. Этимъ простымъ средствомъ Гончаровъ достигаетъ необыкновенныхъ результатовъ: въ концѣ концовъ, его фигуры становятся такъ живы, что читателю кажется, что онъ ихъ знаетъ десятки лѣтъ, что онъ съ ними жилъ, велъ дружбу, знаетъ ихъ подноготную; эта иллюзія такъ велика, что имена его героевъ—Адуевъ, Штольцъ, Обломовъ, Ольга, Марѳинька, Вѣра, бабушка — становятся нарицательными, обычными; вы ихъ также употребляете, какъ употребляете фамиліи вашихъ знакомыхъ.

Но въ этой силѣ гнѣздятся и недостатки. Этотъ методъ, примѣненный къ портрету, не достигаетъ цѣли: получается не порт-

Digitized by Google

ретъ, а простое аналитическое описаніе, не передающее живой физіономіи. Прочитайте, напримѣръ, портретъ Ольги: «Ольга, въ строгомъ смыслѣ, не была красавица, то есть, не было ни бѣлизны въ ней, ни яркаго колорита щекъ и губъ, и глаза не горѣли лучами внутренняго огня; ни коралловъ на губахъ, ни жемчуга во рту не было, ни миньятюрныхъ рукъ, какъ у пятилѣтняго ребенка, съ пальцами въ видѣ винограда. Но еслибъ ее обратить въ статую, она была бы статуя граціи и гармоніи. Нѣсколько высокому росту строго отвѣчала величина головы, величинѣ головы—овалъ и размѣры лица; все это, въ свою очередь, гармонировало съ плечами, плечи—съ станомъ... Кто ни встрѣчалъ ее, даже разсѣянный, и тотъ на мгновеніе останавливался передъ этимъ, такъ строго и обдуманно, артистически созданнымъ существомъ. Носъ образовалъ чуть замѣтно выпуклую, граціозную линію; губы тонкія и большею частью сжатыя: признакъ непрерывно-устремленной на что нибудь мысли. То же присутствіе говорящей мысли свѣтилось въ зоркомъ, всегда бодромъ, ничего не пропускающемъ взглядѣ темныхъ сѣро-голубыхъ глазъ. Брови придавали особенную красоту глазамъ: онѣ не были дугообразны, не округляли глаза двумя тоненькими, нащипанными пальцемъ, ниточками—нѣтъ, это были двѣ русыя, пушистыя, почти прямыя полоски, которыя рѣдко лежали симметрично: одна на линію была выше другой; отъ этого подъ бровью лежала маленькая складка, въ которой какъ будто что-то говорило, будто тамъ поконлась мысль». Составляете ли вы себѣ представленіе, живой образъ сейчасъ описаннаго лица? Совершенно такой же пріемъ употребляетъ обыкновенно Бальзакъ. Въ параллель этому портрету Гончарова, позволю себя привести портретъ Бальзака: «Дуга бровей, размашисто начерченная, обрамляетъ сверху глаза, которыхъ пламя по временамъ блеститъ, точно пламя неподвижной звѣзды; бѣлокъ глазъ не голубоватъ, не испещренъ красными нитями, не чисто бѣлъ; онъ имѣетъ твердость роговаго вещества, но въ то же время тонъ его тепелъ. Зрачокъ обведенъ оранжевой дугой,—это бронза, обрамленная въ золото, но золото живое и бронза одушевленная. У этого зрачка много глубины; онъ не удвоенъ, какъ въ нѣкоторыхъ глазахъ, чѣмъ-то въ родѣ амальгамы, отражающей свѣтъ и дѣлающей глаза похожими на глаза тигра или кошки. Но эта глубина имѣетъ свою безконечность, также какъ блескъ зеркальныхъ глазъ имѣетъ свой абсолютъ». Оба портрета написаны по одному и тому же пріему, и оба одинаково безжизненны, т. е. не передаютъ впечатлѣнія живаго лица; это—анатомическіе препараты, а не художественные портреты. Какъ Гончаровъ, такъ и Бальзакъ, одинаково точно перечисляютъ признаки, останавливаясь исключительно на внѣшности, и къ тому же у обоихъ описаніе является отрицательнымъ: въ гончаровскомъ портретѣ нѣтъ *коралловъ* на губахъ, нѣтъ *жемчуга* во рту, нѣтъ миньятюрныхъ рукъ; въ бальзаковскомъ портретѣ: *бѣлокъ* глазъ не голубоватъ, не испещренъ красными пятнами; зрачокъ не удвоенъ. Гончаровъ говоритъ: «*еслибъ* ее обратить въ статую, она была бы статуя граціи и гармоніи». Бальзакъ употребляетъ подобное же сравненіе: «Зрачокъ обведенъ оранжевой дугой—это бронза, обрам-

Digitized by Google

ленная въ золото». Такіе образы и сравненія не даютъ ровно никакого художественнаго, т. е. цѣльнаго и внезапнаго впечатлѣнія живаго лица. Посмотрите теперь на портретъ, написанный Тургеневымъ; это—портретъ Лизы («Дворянское Гнѣздо»): «Она была очень мила, сама того не зная. Въ каждомъ ея движеніи высказывалась невольная, нѣсколько неловкая грація; голосъ ея звучалъ серебромъ нетронутой юности; малѣйшее ощущеніе удовольствія вызывало привлекательную улыбку на ея губы, придавало глубокій блескъ и какую-то тайную ласковость ея засвѣтившимся глазамъ. Вся проникнутая чувствомъ долга, боязнью оскорбить кого бы то ни было, съ сердцемъ добрымъ и кроткимъ, она любила всѣхъ и никого въ особенности; она любила одного Бога восторженно, робко, нѣжно... Вернувшись изъ церкви, гдѣ ее видѣлъ Лаврецкій, она тщательнѣе обыкновеннаго привела все у себя въ порядокъ; отовсюду смела пыль, пересмотрѣла и перевязала ленточками всѣ ящики, полила цвѣты и коснулась рукою каждаго цвѣтка. Все это она дѣлала не спѣша: безъ шума, съ какой-то умиленной и тихой заботливостью на лицѣ. Она остановилась, наконецъ, среди комнаты, медленно оглянулась и, подойдя къ столу, надъ которымъ висѣло распятіе, опустилась на колѣни, положила голову на стиснутыя руки и осталась неподвижной». Въ этомъ тургеневскомъ портретѣ нѣтъ никакихъ перечисленій и описаній, есть только *впечатлѣнія*, совокупностью которыхъ складывается цѣлый образъ, живой и непосредственный; мы не знаемъ ни глазъ Лизы, ни цвѣта ея волосъ, ни ея походки, не знаемъ, похожа ли она на статую граціи, или нѣтъ; не знаемъ, былъ ли по, хожъ ея зрачокъ на бронзу, или нѣтъ,—а, между тѣмъ, она передъ нами стоитъ, какъ живая; намъ кажется, что мы бы ее узнали-еслибы встрѣтились съ нею, въ то время какъ мы не можемъ представить себѣ Ольгу, не смотря на обиліе признаковъ, данныхъ намъ Гончаровымъ. — Такимъ образомъ, одинъ и тотъ же пріемъ, употребляемый всегда Гончаровымъ и составляющій существенную особенность его ума,—приводитъ, въ кропотливомъ описаніи предметовъ, къ удивительнымъ художественнымъ результатамъ, а въ портретѣ остается безсильнымъ и не художественнымъ. Тутъ кроется множество послѣдствій, которыя характеризуютъ талантъ Гончарова.

Но этотъ пріемъ не есть самъ по себѣ свойство ума писателя; это только привычка, которая явилась отъ основной черты его ума, — отъ систематизаціи въ сознаніи, отъ того, что его мысль всегда дѣятельна, всегда сознательна, всегда опережаетъ возникновеніе образа, и вслѣдствіе этого, когда образъ является,—вмѣстѣ съ тѣмъ является и умственная потребность какъ можно полнѣе его изобразить, для того чтобы онъ отвѣчалъ умственному понятію. Мы здѣсь касаемся одного изъ самыхъ таинственныхъ процессовъ творчества. Давнымъ давно поставленъ вопросъ о томъ, насколько процессы творчества суть процессы сознательные или безсознательные; какая доля приходится на долю сознанія и на долю непосредственнаго впечатлѣнія. Вопросы эти до сихъпоръ не рѣшены,

Digitized by Google

по той простой причинѣ, что психологія пока не даетъ еще никакой фактической нити для ихъ разрѣшенія. Поэтому и мнѣнія раздѣляются: одни думаютъ, что творческій процессъ всегда безсознателенъ; другіе, напротивъ того, увѣрены, что не можетъ быть творчества безъ сознанія. На мой взглядъ, ни одно изъ этихъ рѣшеній не отвѣчаетъ истинѣ: когда вы читаете Шекспира, Данте, Мицкевича, Пушкина, Байрона, Гёте, вы поминутно встрѣчаете оба эти процесса: такое *видѣніе*, какъ образъ Офеліи, напримѣръ, могло возникнуть первоначально лишь безсознательно; въ образѣ Гамлета есть несомнѣнно также доля безсознательности, но въ то же время вы чувствуете, что образъ этотъ дополненъ аналитическимъ путемъ, съ полнымъ сознаніемъ, ради извѣстныхъ художественныхъ цѣлей. На мой взглядъ, такое творчество, соединяющее въ себѣ оба процесса,—есть полное, безусловно художественное творчество, такое творчество, которымъ обладаютъ лишь великіе художники и поэты. Таково же и творчество Гончарова.

Это совершенно ясно видно въ его произведеніяхъ, но Гончаровъ позаботился самъ объяснить намъ процессъ своего творчества въ замѣчательной критической статьѣ, которую онъ озаглавилъ: «Лучше поздно, чѣмъ никогда». Касаясь этого вопроса, онъ, между прочимъ, говоритъ въ своей статьѣ: «Художникъ мыслитъ образами,—сказалъ Бѣлинскій,—и мы видимъ это на каждомъ шагу во всѣхъ даровитыхъ романистахъ. Но какъ онъ мыслитъ, — вотъ давнишній, мудреный, спорный вопросъ! Одни говорятъ: сознательно, другіе—безсознательно. Я думаю, и такъ, и здакъ: смотря потому, что преобладаетъ въ художникѣ, умъ или фантазія и такъ называемое сердце. Онъ работаетъ сознательно, если умъ его тонокъ, наблюдателенъ и превозмогаетъ фантазію и сердце. Тогда идея нерѣдко высказывается помимо образа. И если талантъ не силенъ, онъ заслоняетъ образъ и является тенденціею. У болѣе сознательныхъ писателей, умъ досказываетъ, чего не договариваетъ образъ,—и ихъ созданія бываютъ нерѣдко сухи, блѣдны, неполны, они говорятъ уму читателя, мало говоря воображенію и чувству. Они убѣждаютъ, учатъ, увѣряютъ, такъ сказать, мало трогая. И наоборотъ—при избыткѣ фантазіи и при относительно меньшемъ противъ таланта умѣ—образъ поглощаетъ въ себѣ значеніе, идея: картина говоритъ за себя и художникъ часто самъ увидитъ смыслъ—съ помощью такихъ критическихъ истолкователей, какими, напримѣръ, были Бѣлинскій и Добролюбовъ. Рѣдко, въ лицѣ самого автора, соединяются и сильный объективный художникъ, и вполнѣ сознательный критикъ». Однако жъ, дальнѣйшее развитіе мысли Гончарова противорѣчитъ этому его положенію; Гончаровъ видимо склоняется, говоря о себѣ, къ безсознательности творчества: «Рисуя, я рѣдко знаю въ ту минуту, что значитъ мой образъ, портретъ, характеръ; я только вижу его живымъ, передъ собою—и смотрю, вѣрно ли я рисую; вижу его въ дѣйствіи съ другими,—слѣдовательно, вижу сцены и рисую тутъ этихъ другихъ, иногда далеко впереди, по плану романа, не предвидя еще вполнѣ, какъ вмѣстѣ свяжутся всѣ, пока разбросанныя въ головѣ, части цѣлаго

Digitized by Google

Я спѣшу, чтобы не забыть, набрасывать сцены, характеры, на листкахъ, клочкахъ—и иду впередъ какъ будто ощупью, пишу сначала вяло, неловко, скучно (какъ начало въ Обломовѣ и Райскомъ), и мнѣ самому бываетъ скучно писать, пока не хлынетъ свѣтъ и не освѣтитъ дороги, куда мнѣ идти. У меня всегда есть одинъ образъ и вмѣстѣ главный мотивъ: онъ-то и ведетъ меня впередъ—и по дорогѣ я нечаянно захватываю, что̀ попадется подъ руку, т. е. что̀ близко относится въ нему. Тогда я работаю живо, бодро, руки едва успѣваютъ писать, пока опять не упрусь въ стѣну. Работа, между тѣмъ, идетъ въ головѣ, лица не даютъ покоя, пристаютъ, позируютъ въ сценахъ, я слышу отрывки ихъ разговоровъ—и мнѣ часто казалось, прости Господи, что я это не выдумываю, а что это все носится въ воздухѣ около меня, и мнѣ надо только смотрѣть и вдумываться. Мнѣ, напримѣръ, прежде всего бросался въ глаза лѣнивый образъ Обломова—въ себѣ и въ другихъ,—и все ярче и ярче выступалъ передо мною. Конечно, я инстинктивно чувствовалъ, что въ эту фигуру вбираются мало по малу элементарныя свойства русскаго человѣка — и пока этого инстинкта довольно было, чтобы образъ былъ вѣренъ характеру. Еслибы мнѣ тогда сказали все, что̀ Добролюбовъ и другіе и, наконецъ, я самъ потомъ нашелъ въ немъ—я бы повѣрилъ, а, повѣривъ, сталъ бы умышленно усиливать ту или другую черту,—и, конечно, испортилъ бы. Вышла бы тенденціозная фигура! Хорошо, что я не вѣдалъ, что̀ творю». — «И что такое умъ въ искусствѣ? Это умѣніе создать образъ. Слѣдовательно, въ художественномъ произведеніи одинъ образъ уменъ, — и чѣмъ онъ строже, тѣмъ умнѣе». Однако, скажетъ можетъ быть читатель, какъ согласовать эту защиту безсознательности въ творчествѣ съ тѣмъ, что̀ самъ Гончаровъ объясняетъ, съ тѣмъ смысломъ, который онъ придаетъ своимъ произведеніямъ? Всѣ свои три романа онъ сливаетъ въ одинъ. Всѣ они связаны одною общею нитью, одною послѣдовательною идеею,—переходъ отъ одной эпохи русской жизни, которую онъ переживалъ, къ другой — и отраженіемъ ея явленій въ его изображеніяхъ, портретахъ, сценахъ, мелкихъ подробностяхъ. Это видимое противорѣчіе Гончаровъ объясняетъ тѣмъ обстоятельствомъ, что идея, смыслъ всего произведенія являются не путемъ аналитической работы ума, а возникаютъ сами собой, такъ сказать, изъ самихъ этихъ образовъ, созданныхъ безсознательно, если только эти образы типичны, т. е. если они отражаютъ въ себѣ, крупнѣе или мельче, эпоху, въ которой живутъ. Возьмите, напримѣръ, Райскаго (въ «Обрывѣ»). Что̀ хотѣлъ сказать Гончаровъ своимъ Райскимъ? что такое Райскій? «Да все тотъ же Обломовъ,—отвѣчаетъ онъ,—т. е. прямой, ближайшій его сынъ, герой эпохи пробужденія. Обломовъ былъ цѣльнымъ, ничѣмъ неразбавленнымъ выраженіемъ массы, покоившейся въ долгомъ и непробудномъ снѣ и застоѣ. И критика, и публика находили это: почти всѣ мои знакомые на каждому шагу, смѣясь, говорили мнѣ, по выходѣ книги въ свѣтъ, что они узнаютъ въ этомъ героѣ себя и своихъ знакомыхъ. Райскій—герой слѣдующей, т. е. переходной эпохи. Это

Digitized by Google

проснувшійся Обломовъ: сильный, новый свѣтъ блеснулъ ему въ глаза. Но онъ еще потягивается, озираясь кругомъ и оглядываясь на свою обломовскую колыбель. Что-то пронеслось новое и живое въ воздухѣ, какія-то смутныя предчувствія; потомъ прошли слухи о новыхъ началахъ, преобразованіяхъ; обнаружилось движеніе въ наукѣ, въ искусствѣ; съ профессорскихъ каѳедръ послышались живыя рѣчи. Въ небольшихъ кружкахъ тогдашней интеллигенціи, смѣло выражалась передовыми людьми жажда перемѣнъ. Ихъ называли «людьми сороковыхъ годовъ». Райскій есть, конечно, одинъ изъ нихъ и—можетъ быть, что нибудь и еще. Райскій—натура артистическая: онъ воспріимчивъ, впечатлителенъ, съ сильными задатками дарованій, но онъ все таки сынъ Обломова. Онъ, умомъ и совѣстью, принялъ новыя животворныя сѣмена, но остатки еще не вымершей обломовщины мѣшаютъ ему обратить усвоенныя понятія въ дѣло. Онъ совался туда, сюда, но онъ не былъ серьезно приготовленъ наукой и практикой къ какой нибудь государственной, общественной или частной дѣятельности, потому что на всѣхъ этихъ сферахъ еще лежала обломовщина, тихое, монотонное теченіе сонныхъ привычекъ, рутина. Живое дѣло только что просыпалось. Россія доживала вѣкъ петровскихъ реформъ—и ждала новыхъ. Въ Райскаго входили, сначала безсознательно для меня самого, и многія типическія черты моихъ знакомыхъ и товарищей. Въ обществѣ, въ образованной средѣ, побѣги новыхъ, свѣжихъ стремленій мѣшались и путались еще съ терніями и волчцами обломовщины разнаго рода—и вольной, и невольной, съ разными приманками празднаго житья-бытья, и съ трудностями упорной борьбы со старымъ. Застой, отсутствіе спеціальныхъ сферъ дѣятельности, служба, захватывавшая и годныхъ, и негодныхъ, и нужныхъ и ненужныхъ, и размножавшая бюрократію, все еще густыми тучами лежали на горизонтѣ общественной жизни: группа новыхъ людей устремилась къ ихъ разсѣянію».—«Въ Райскомъ, вмѣстѣ съ вліяніемъ на него хода времени и новыхъ событій, я слѣдилъ еще съ большимъ интересомъ—любопытный психологическій или физіологическій процессъ проявленія этой подвижной и впечатлительной натуры въ его личной жизни. Именно то, какъ сила фантазіи въ артистическихъ натурахъ, не направленная на насущное дѣло, на художественныя созданія, бросалась въ самую жизнь, и мелочныя явленія послѣдней наряжала въ свои цвѣта и краски, производя тѣ чудачества, странности, часто безобразія, которыми нерѣдко обильна бываетъ жизнь артистовъ вездѣ».—«...Слѣдилъ,—говорю я,—надо бы сказать: смотрѣлъ и писалъ, даже не думая, что вбираю въ себя впечатлительнымъ воображеніемъ лица и явленія, окрасившіяся въ краскахъ момента, и такими выдаю ихъ назадъ, т. е. кладу на бумагу. Въ этомъ весь процессъ. Я самъ не могу смотрѣть на свои романы иначе, какъ въ ихъ послѣдовательной связи. Я жилъ въ трехъ эпохахъ, въ доступномъ мнѣ быту, насколько хватало у меня силъ и таланта».

Въ этихъ замѣткахъ Гончарова, писанныхъ въ тонѣ непритязательной бесѣды, высказана цѣлая теорія творчества. Я уже упо-

Digitized by Google

мянулъ о томъ, какъ можно формулировать эти взгляды. Творчество, по мнѣнію Гончарова, начинается въ безсознательномъ *видѣніи* и кончается сознательнымъ умственнымъ процессомъ, выводящимъ неизбѣжныя логическія заключенія изъ *видѣнія*. Гончаровъ, можетъ быть, нѣсколько преувеличиваетъ процессъ безсознательности, но сознательности онъ также удѣляетъ,—и довольно значительное,—мѣсто. Это видно особенно ярко изъ заключительныхъ словъ его бесѣды: «Я писалъ,—говоритъ онъ,—только то, что переживалъ, что *мыслилъ*, чувствовалъ, что любилъ, что близко видѣлъ и зналъ,—словомъ писалъ и свою жизнь, и то, что къ ней прирастало». Эту теорію творчества (единственно, на мой взглядъ, вѣрную) можно передать и иными словами: художникъ (поэтъ, живописецъ, скульпторъ, музыкантъ) исходитъ всегда въ своемъ творчествѣ изъ чувственнаго созерцанія предмета или чувства; потребность охватить его цѣликомъ,—выразить доступными ему средствами, не привнося къ этому выраженію ничего посторонняго, т. е. никакого толкованія,—заставляетъ его проникать въ самую сущность предмета или чувства. И, когда это сдѣлано, начинается логическій процессъ постройки, т. е. выводъ изъ этой сущности тѣхъ послѣдствій, которыя логически навязываются уму. Таковъ обыкновенно логическій процессъ всякаго творческаго созданія. Но это, въ сущности, только идеальная теорія, которая въ дѣйствительности подвергается самымъ разнообразнымъ видоизмѣненіямъ. Есть натуры, живущія по преимуществу чувствомъ: у нихъ безсознательный процессъ переработки внѣшняго міра преобладаетъ; поэтому, ихъ произведенія не имѣютъ значительнаго философскаго значенія; они, въ обаятельныхъ художественныхъ формахъ, иногда съ большой глубиной, изображаютъ свой внутренній міръ или фактическую внѣшность природы, но дальше этого они нейдутъ. Есть другія натуры, по преимуществу разсудочныя: тѣ къ объекту своего творчества относятся аналитически; они описываютъ, и въ описанія привносятъ свои взгляды, предположенія, желанія,—они тенденціозны. Обѣ эти категоріи,—съ преобладаніемъ чувства, впечатлительности, или съ преобладаніемъ разсудочности, анализа,—образуютъ по преимуществу второстепенныхъ поэтовъ и художниковъ. Но чѣмъ полнѣе гармонія между этими двумя элементами, чѣмъ уравновѣшеннѣе и слитнѣе являются они въ натурѣ,—тѣмъ выше и глубже поэтъ и художникъ. Гончаровъ принадлежитъ къ этой послѣдней категоріи, но и у него элементъ анализа все таки, до извѣстной степени, преобладаетъ. Уже то, что мы признали, какъ особенную черту его таланта: точность и полноту,—даже до мелочности,—въ его описаніяхъ фактической формы предмета,—указываетъ на аналитическій характеръ его ума; я бы сказалъ, что его умъ гораздо дѣятельнѣе чувства,—и эта особенность кладетъ характерную печать на его талантъ.

Печать эта—его символизмъ. Анализируйте внимательно то впечатлѣніе, которое вы получаете отъ чтенія Гончарова, и вы, я думаю, придете къ убѣжденію, что въ немъ нѣтъ той художественной ясности и отчасти непосредственности, которая заключается, напримѣръ, въ Тургеневѣ. Художественная наблюдательность

Digitized by Google

Гончарова необычайно велика и интенсивна, въ особенности во второстепенныхъ, эпизодическихъ и вводныхъ фигурахъ; тутъ онъ не только художникъ, наблюдатель, но и великій мастеръ—живописецъ, располагающій красками съ поразительнымъ совершенствомъ, рисующій съ безжалостной правдой Рембрандта или Веласкеца. Еслибы только эти особенности заключались въ Гончаровѣ, то мы имѣли бы реалиста самой чистой школы, — нѣчто въ родѣ Писемскаго, болѣе вѣрнаго дѣйствительности, чѣмъ сама фотографія, — потому что его картины были бы ярче и рельефнѣе фотографическихъ снимковъ, при той же вѣрности. Но въ Гончаровѣ заключается и другая черта, которая въ большинствѣ случаевъ преобладаетъ и составляетъ какъ бы общій фонъ всѣхъ его произведеній. Черта эта—философскій синтезъ явленій жизни, который въ искусствѣ очень часто переходитъ или перерождается въ аллегоричность, въ своего рода символизмъ. Черта эта сразу выдвинулась впередъ и уже вполнѣ ясно господствуетъ въ «Обыкновенной исторіи», доходя до полнаго своего развитія въ «Обломовѣ». Гончаровъ не только воспроизводитъ жизнь, но и философствуетъ по поводу ея, хотя первоначальнымъ исходнымъ пунктомъ у него всегда является непосредственное наблюденіе. Вотъ какъ, напримѣръ, самъ Гончаровъ объясняетъ намъ возникновеніе «Обыкновенной исторіи». «Когда я писалъ «Обыкновенную исторію», я, конечно, имѣлъ въ виду и себя, и многихъ подобныхъ мнѣ, учившихся дома или въ университетѣ, жившихъ по затишьямъ, подъ крыломъ добрыхъ матерей, и потомъ отрывавшихся отъ нѣги, отъ домашняго очага, со слезами, съ проводами (какъ въ первыхъ главахъ «Обыкновенной исторіи») и являвшихся на главную арену, въ Петербургъ. И здѣсь, во встрѣчѣ мягкаго, избалованнаго лѣнью и барствомъ, мечтателя-племянника съ практическимъ дядей—выразился намекъ на мотивъ, который едва только началъ разыгрываться въ самомъ бойкомъ центрѣ,—въ Петербургѣ. Мотивъ этотъ—слабое мерцаніе сознанія необходимости труда, настоящаго, нерутиннаго, живаго дѣла, въ борьбѣ со всероссійскимъ застоемъ. Это отразилось въ моемъ маленькомъ зеркалѣ, въ среднемъ чиновничьемъ кругу. Безъ сомнѣнія, тоже—въ такомъ же духѣ, тонѣ и характерѣ, только другихъ размѣровъ—разыгрывалось и въ другихъ, и въ высшихъ и низшихъ, сферахъ русской жизни. Представитель этого мотива въ обществѣ былъ дядя: онъ достигъ значительнаго положенія въ службѣ, онъ директоръ, тайный совѣтникъ, и, кромѣ того, онъ сдѣлался и заводчикомъ. Тогда, отъ 20-хъ до 40-хъ годовъ—это была смѣлая новизна, чуть не униженіе (я не говорю о заводчикахъ-барахъ, у которыхъ заводы и фабрики входили въ число родовыхъ имѣній, были оброчныя статьи, и которыми они сами не занимались). Тайные совѣтники мало рѣшались на это. Чинъ не позволялъ, а званіе купца—не было лестно. Въ борьбѣ дядя съ племянникомъ отразилась и тогдашняя, только что начинавшаяся, ломка старыхъ понятій и нравовъ—сантиментальности, карикатурнаго преувеличенія чувствъ дружбы и любви, поэзія праздности, семейная и домашняя ложь напускныхъ, въ сущности небывалыхъ чувствъ (напримѣръ, любовь съ желтыми цвѣтами ста-

Digitized by Google

рой дѣвы-тетки и т. п.), пустая трата времени на визиты, на ненужное гостепріимство и т. д. Словомъ, вся праздная, мечтательная и афектаціонная сторона старыхъ нравовъ, съ обычными порывами юности—къ высокому, великому, изящному, къ эффектамъ, съ жаждой высказать это въ трескучей прозѣ, всего болѣе въ стихахъ. Все это—отживало, уходило: являлись слабые проблески новой зари, чего-то трезваго, дѣловаго, нужнаго. Первое, т. е. старое, исчерпалось въ фигурѣ племянника — и отъ того онъ вышелъ рельефнѣе, яснѣе. Второе,—т. е. трезвое сознаніе необходимости дѣла, труда, знанія,—выразилось въ дядѣ; но это сознаніе только нарождалось; показались первые симптомы, далеко было до полнаго развитія,—и понятно, что начало могло выразиться слабо, неполно, только кое-гдѣ, въ отдѣльныхъ лицахъ и маленькихъ группахъ, и фигура дяди вышла блѣднѣе фигуры племянника».— Это личное сознаніе Гончарова подтверждается и фактически,— самимъ произведеніемъ. Несомнѣнно, что въ основѣ «Обыкновенной исторіи» лежитъ живое наблюденіе; но посмотрите, что̀ художникъ сдѣлалъ съ этимъ первичнымъ наблюденіемъ, сознательно или безсознательно, но во всякомъ случаѣ подчиняясь своему складу ума. Вы думаете, что художникъ дастъ вамъ широкую картину, въ которой, какъ въ зеркалѣ, отразится живая дѣйствительность, съ ея противорѣчіями, уклонами, съ ея безконечнымъ разнообразіемъ, не допускающимъ никакой опредѣленной формулы и никакого опредѣленнаго вывода? Такъ было бы подъ перомъ непосредственнаго художника: широкая картина появилась бы, можетъ быть, колоритно и ярко, но безъ внутренняго содержанія. Но не такъ вышло у Гончарова. Картина у него есть,—яркая, прекрасная,—но главное въ ней—не очертанія, не гармоніи красокъ, а опредѣленная логическая формула, опредѣленный и сознательный выводъ. Его племянникъ, герой романа, изъ живаго человѣка превратился въ олицетвореніе всероссійской сантиментальности, какой-то нервной расплывчатости, неумѣнія приноровиться къ дѣйствительности. Дядя, напротивъ того,—олицетвореніе всероссійскаго практическаго благоразумія, отлично устраивающаго свои дѣла, но зато ровно ничего не понимающаго въ дѣлѣ чувства. Однимъ словомъ, племянникъ—идеалистъ, дядя—практикъ; племянникъ пишетъ стихи, вѣчно влюбляется и сантиментально вздыхаетъ; дядя дѣлаетъ карьеру по службѣ, управляетъ заводомъ, наживаетъ состояніе. Все это, конечно, существуетъ и въ жизни: и въ тридцатыхъ годахъ, и въ наше время, встрѣчались и встрѣчаются такіе дяди и племянники, съ такими родовыми чертами, но они никогда не являются въ такихъ рѣзкихъ, законченныхъ, цѣльныхъ формахъ. И вотъ почему кажется, что какъ племянникъ, такъ и дядя не списаны съ натуры, какъ это мы видимъ по большей части въ герояхъ Бальзака, Золя, Тургенова, Писемскаго:—они—только дидактическія фигуры, въ которыя Гончаровъ вноситъ свое собственное содержаніе, свой собственный взглядъ. Но они—и не типы, потому что типъ есть форма собирательная, выражающая собою отвлеченную сущность извѣстнаго явленія, безъ всякихъ посторонніхъ соображеній, а у

Digitized by Google

Гончарова постороннія соображенія не только видны, но и преобладаютъ. Къ этимъ постороннимъ соображеніямъ принадлежитъ, напримѣръ, постоянное желаніе морализировать на заданную тему, постоянно подводить моральные итоги, постоянно уходить отъ жизни и погружаться въ этику. Отсюда и тотъ пріемъ, который такъ часто замѣчается у Гончарова. Весь романъ почти сплошь состоитъ изъ разговоровъ между племянникомъ—романтикомъ и дядей—практическимъ докой. Дѣйствительность вѣчно непріятно поражаетъ племянника, онъ вѣчно недоволенъ, вѣчно разочарованъ; онъ вѣчно встрѣчаетъ препятствія и вѣчно видитъ не то, о чемъ мечталъ. Встрѣчаетъ ли онъ дѣвушку, которая ему нравится, въ которую онъ влюбляется,—онъ ее идеализируетъ, ставитъ на пьедесталъ; потомъ ему измѣняютъ, онъ разочаровывается и проклинаетъ всѣхъ дѣвицъ. Съ своими сомнѣніями и разочарованіями онъ является къ дядѣ, который, какъ истинно-практическій человѣкъ, научаетъ его благоразумію, показываетъ несостоятельность его мечтаній и издѣвается надъ его чувствительностью. И въ этихъ разговорахъ заключается вся «Обыкновенная исторія», которую Гончарову слѣдовало бы назвать «необыкновенной», потому что въ обыкновенной жизни ничего подобнаго не бываетъ, по крайней мѣрѣ, не бываетъ въ такой опредѣленной, прямолинейной формѣ. Огромная, конечно, сила таланта потребовалась для того, чтобы этотъ сухой догматизмъ, чтобы эта дидактическая форма, чтобы это подведеніе жизни подъ опредѣленныя рамки все таки не помѣшали прочитать романъ и увидѣть въ немъ красоты, дѣйствительно блестящія.

До какой степени этотъ обобщающій пріемъ преобладаетъ въ творчествѣ Гончарова, видно, между прочимъ, изъ другаго мѣста той же статьи: «Лучше поздно, чѣмъ никогда», гдѣ онъ говоритъ о лучшемъ изъ своихъ типовъ, о бабушкѣ (въ «Обрывѣ»): «Я писалъ съ русской, старой, хорошей женщины, или съ русскихъ старыхъ женщинъ стараго добраго времени,—коллективно, не думая ни о какой параллели, но, должно быть, она инстинктивно гнѣздилась въ моей головѣ, и, когда я уже закончилъ фигуру, оглядѣлъ ее,—у меня въ концѣ книги вырвались послѣднія слова, которыми я окончилъ романъ. Вотъ они: «За нимъ (Райскимъ, когда онъ былъ въ Италіи) все стояли и горячо звали къ себѣ три фигуры: его Вѣра, его Маринька и бабушка, а за ними стояла и сильнѣе ихъ влекла къ себѣ еще другая исполинская фигура, другая великая бабушка—Россія». Вотъ что отразилось или, если я слабый художникъ и не одолѣлъ образа, то, по крайней мѣрѣ, вотъ что просилось отразиться въ моей старухѣ, какъ отражается солнце въ каплѣ воды: старая, консервативная русская жизнь»!

Слова эти, по моему мнѣнію, чрезвычайно характерны, потому что они точно и вѣрно отражаютъ самую сущность гончаровскаго творчества. Въ бабушкѣ онъ стремился изобразить старую, консервативную русскую жизнь; бабушка для Гончарова не только живая индивидуальность и даже не столько сборный типъ, вмѣщающій въ себѣ многія индивидуальности, какъ образуютъ ихъ среда, привычки, воспитаніе,—сколько олицетвореніе или, вѣрнѣе, символъ

Digitized by Google

консервативной русской жизни. Въ этомъ—разгадка художественнаго процесса Гончарова: не о типѣ, не о личности заботился онъ, а о символизаціи обобщающихъ понятій. Другіе поэты-художники въ огромномъ большинствѣ (почти всѣ, и во главѣ ихъ, конечно, Шекспиръ) допускаютъ одно лишь художественное обобщеніе—типъ. Таковъ, напримѣръ, Тургеневъ; его Рудинъ, Лаврецкій, Базаровъ—только типы; въ нихъ нѣтъ никакой символизаціи; переберите мысленно всѣ фигуры романовъ Тургенева: это просто характеры, индивидуальности, имѣющія только психологическій интересъ, или же, въ крайнемъ случаѣ—типы, т. е. сборныя фигуры, объединяющія многія индивидуальности. Есть даже великіе поэты-художники, которые считаютъ слишкомъ большимъ обобщеніемъ, несовмѣстнымъ съ истиннымъ искусствомъ, даже типъ. Къ такимъ художникамъ принадлежитъ, напримѣръ, Гёте: гдѣ вы найдете у него хотя намекъ на типъ? Таковъ, съ другой стороны, Байронъ: и у него, также какъ у Гёте, нѣтъ типа. Гончаровъ стоитъ отъ нихъ на другомъ полюсѣ: тѣ знаютъ только индивидуальность; отъ же знаетъ *почти только* отвлеченныя понятія, олицетворяемыя въ создаваемыхъ имъ фигурахъ. Байронъ и Гёте,—я бы рискнулъ сказать,—стоятъ на точкѣ зрѣнія Аристотеля, знающаго только видъ и не знающаго рода; они, по средневѣковой терминологіи, реалисты; Тургеневъ, отчасти Толстой, Достоевскій, Диккенсъ, Теккерей—платонисты или, схоластически говоря—номиналисты. Гончаровъ, подобно Данте, идетъ еще дальше: онъ, если можно такъ сказать, трансцедентальнѣе; для него даже платоновскихъ идей-типовъ мало, онъ восходитъ отъ нихъ къ еще болѣе общимъ, отвлеченнымъ понятіямъ, долженствующимъ представлять уже не роды, а, такъ сказать, міровыя единства. Я сейчасъ поставилъ Гончарова рядомъ съ Данте; и въ самомъ дѣлѣ, у нихъ много общаго, если, разумѣется, забыть о томъ, что русскій романистъ принадлежитъ къ XIX столѣтію, а великій гиббелинъ—къ XIV-му, что одинъ—не только поэтъ, но и вѣрующій католикъ и страстный политическій дѣятель, между тѣмъ какъ второй воспиталъ въ себѣ, благодаря условіямъ времени и обстоятельствъ, нѣкоторый индифферентизмъ въ дѣлѣ религіи и нѣкоторый свѣтскій скептицизмъ въ философіи. Но, помимо этого, они—родственныя натуры: оба символизаторы и аллегористы: Беатриче для Данте не есть женщина, которую онъ когда-то любилъ и въ молодости потерялъ, это—олицетвореніе богословія или философіи,—совершенно въ такомъ смыслѣ, какъ бабушка для Гончарова есть олицетвореніе старой русской консервативной жизни.—Какъ?—скажетъ, можетъ быть, читатель, удивленный этими словами, противорѣчащими всему тому, что онъ до сихъ поръ слышалъ о Гончаровѣ,—у Гончарова нѣтъ типовъ? А Обломовъ? А Волоховъ? А Захаръ? А Тушинъ?—Дѣйствительно, всѣ эти прекрасно изваянныя фигуры, на первый взглядъ, кажутся типами, но стоитъ только взвѣсить роль каждаго изъ нихъ, чтобы увидать, что они—больше, чѣмъ типы, что они обобщающія понятія, а не психологическіе общественные моменты. Такъ, впрочемъ, понималъ ихъ и самъ Гончаровъ, который, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, точно и ясно

Digitized by Google

высказалъ въ своей статьѣ: «Лучше поздно, чѣмъ никогда», то, что онъ хотѣлъ ими сказать. Ссылаясь на Добролюбова, онъ говоритъ объ Обломовѣ: «*Воплощеніе* сна, застоя, неподвижной, мертвой жизни,—переползаніе изо дня въ день, въ одномъ лицѣ и въ его обстановкѣ,—было всѣми найдено вѣрнымъ». Нѣсколько дальше онъ прибавляетъ: «Обломовъ былъ цѣльнымъ, ничѣмъ не разбавленнымъ выраженіемъ массы, покоившейся въ долгомъ и непробудномъ снѣ и застоѣ». Значитъ, Обломовъ не типъ, не фигура, въ которой, какъ въ фокусѣ, отражаются многія русскія индивидуальности, а представленіе, символизація опредѣленной эпохи въ русской общественной жизни. По отношенію къ Волохову, и въ критикѣ, и въ обществѣ, когда появился «Обрывъ», возникли недоразумѣнія. Волохова сочли представителемъ молодаго поколѣнія шестидесятыхъ годовъ, нѣчто въ родѣ тургеневскаго Базарова, только грубо и рѣзко изображеннаго. Отвѣчая на этотъ упрекъ, имъ незаслуженный, Гончаровъ характеризуетъ молодое поколѣніе и затѣмъ говоритъ: «Нѣтъ, это не Волоховы, а представители новой «правды», воцарившейся съ освобожденіемъ крестьянъ и съ другими великими реформами, внесшими новую жизнь въ русское общество! Но въ жизни, рядомъ съ правдой, къ несчастью, гнѣздится и ложь: и представителемъ этой «новой лжи» являются Волоховы». Опять таки, значитъ, не типъ. Правда, характеризуя Волохова въ своей статьѣ, Гончаровъ нѣсколько разъ употребляетъ слово: типъ, но это слово онъ употребляетъ, не придавая ему строгаго, истиннаго значенія, а просто въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно обыкновенно употребляется, — расплывчатомъ, неясномъ и даже двусмысленномъ. Истиннымъ представителемъ молодаго поколѣнія для Гончарова является Тушинъ въ томъ же «Обрывѣ». По поводу Тушина Гончаровъ обмолвился очень характернымъ выраженіемъ: «Этого Тушина, говорю я, позвала бабушка на помощь,— и онъ сослужилъ ей службу, какъ и всѣ честные, здоровые члены новыхъ поколѣній, всѣ Тушины сослужатъ службу Россіи, разработавъ, довершивъ и упрочивъ ея преобразованіе и обновленіе». Переведите эту фразу на болѣе простой языкъ, помня, что для Гончарова Тушинъ—представитель молодаго поколѣнія, а бабушка— консервативная Россія, и вы получите фразу: консервативная Россія призвала на помощь молодое поколѣніе, чтобы довершить ея преобразованіе и обновленіе. Неужели и это не аллегорія, не символизація?

Но пойдемъ дальше въ этомъ анализѣ творчества Гончарова. Въ «Обыкновенной исторіи» Гончаровъ изобразилъ первичный фазисъ русской культурной жизни, фазисъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, слабое мерцаніе сознанія въ необходимости труда, живаго дѣла. Въ «Обломовѣ» Гончаровъ характеризуетъ второй фазисъ русской жизни, — «переползаніе изо дня въ день, обломовщину». Третій фазисъ, это уже — пробужденіе отъ обломовскаго сна въ «Обрывѣ», пробуждене отъ слабаго сознанія необходимости труда и отъ обломовскаго прозябанія до сознанія практической общественной дѣятельности. Такимъ образомъ, по взгляду Гончарова, вся русская жизнь XIX столѣтія укладывается въ три романа и

Digitized by Google

идетъ, логически развиваясь, какъ философская тема, напоминая собой тріаду Гегеля. Параллельно съ этимъ, такую же роль играютъ и женскія фигуры. Въ «Обыкновенной исторіи», Наденька не есть какой либо портретъ или типъ, а просто «хорошая русская дѣвушка» извѣстнаго круга той эпохи, извѣстный моментъ въ развитіи русской женщины. Затѣмъ, въ «Обломовѣ», Ольга (по словамъ самого Гончарова) есть та же самая дѣвушка, но только слѣдующей эпохи и, слѣдовательно, измѣнившаяся, сообразно съ новыми условіями жизни. Наденька—покорная дочь, но уже имѣетъ преимущество передъ матерью: она безъ спросу полюбила Адуева и считаетъ себя вправѣ распоряжаться своимъ внутреннимъ міромъ. Но Наденька увидала графа, сравненіе было не въ пользу Адуева и она перешла на сторону графа. «Въ этомъ пока и состоялъ сознательный шагъ русской дѣвушки — безмолвная эмансипація, протестъ противъ безпощаднаго для нея авторитета матери», — прибавляетъ Гончаровъ. Но отъ *невѣдѣнія* Наденьки — естественный переходъ съ *сознательному* замужству Ольги со Штольцемъ, представителемъ труда, знанія, силы (въ «Обломовѣ»). «Но въ этой же фигурѣ Ольги уже кроется зародышъ дальнѣйшаго развитія, какъ только условія времени станутъ ему благопріятны. И вотъ Гончаровъ принимается за третій фазисъ русской жизни. Онъ пишетъ Вѣру (въ «Обрывѣ»). Это—все та же Ольга, только шестидесятыхъ годовъ. Это—лучшая изъ женщинъ, которая самостоятельно и гордо, не прибѣгая къ «старой мудрости» бабушки и неподготовленная тою же бабушкою, по невѣдѣнію, а также по гордости, пошла сама на свѣтъ и чуть не сгорѣла. «Пала не Вѣра, не личность, пала русская дѣвушка, русская женщина, жертвой въ борьбѣ старой жизни съ новой; она не хотѣла жить слѣпо, по указкѣ старшихъ. Она сама знала, что отжило въ старой жизни, и давно тосковала, искала свѣжей, осмысленной жизни; хотѣла сознательно пойти и принять новую правду, удержавъ все прочее, коренное, лучшее въ старой жизни. Но она «не знала», гдѣ и какъ искать. Бабушка берегла ее только отъ болѣзней, отъ явныхъ и извѣстныхъ ей золъ и бѣдъ, и не приготовила ни къ какимъ, невѣдомымъ ей самой, бѣдамъ».— Тутъ мы, значитъ, опять встрѣчаемся съ гегелевской тріадой.

Любопытно то, что символизація идетъ и дальше. Гончаровъ не только изображалъ намъ русскую жизнь въ ея логически-историческомъ развитіи, олицетворяя въ своихъ фигурахъ существенные моменты этого развитія,—онъ продолжаетъ и дальше эту символизацію, придавая ей характеръ симметріи, которая уже окончательно устраняетъ всякое сомнѣніе относительно этой особенности въ творчествѣ Гончарова. И, въ самомъ дѣлѣ, у Гончарова вездѣ мы встрѣчаемъ параллельныя фигуры. Въ «Обыкновенной исторіи» племянникъ противополагается дядѣ; Обломову противополагается Штольцъ; Волохову—Тушинъ, Вѣрѣ—Марѳинька, и такъ дальше. И надо всѣмъ этимъ высится величественная фигура бабушки — Россіи. Какъ бы мы ни относились къ характеру творчества Гончарова, нельзя во всякомъ случаѣ не удивиться чрезвычайной почти небывалой мощи и силѣ этого синтеза, позволившаго Гончарову соединить въ одно все разнообразіе явленія,

Digitized by Google

всѣ видимыя и неизбѣжныя противорѣчія общества, находящагося въ процессѣ развитія.—соединить, говоримъ мы, все это въ одно великое цѣлое, дающее, какъ бы въ отвлеченной формулѣ, разумѣніе самой сущности этого процесса. И тутъ опять невольно приходитъ на память Бальзакъ. Вѣдь и Бальзакъ, гораздо раньше Гончарова, пытался совершить нѣчто подобное: соединить въ одномъ громадномъ произведеніи,—котораго главы были бы отдѣльными романами,—всю, какъ онъ выразился, «человѣческую комедію» (Comedie humaine), намекая этимъ названіемъ на «Божественную комедію» Данте. — «Я,— говорилъ Бальзакъ,— докторъ соціальныхъ наукъ». Въ качествѣ ученика Жоффруа Сентъ-Илера, онъ объявляетъ свое намѣреніе написать естественную исторію человѣка. Классификація животныхъ составлена; онъ же хотѣлъ создать классификацію нравовъ. И Бальзакъ совершилъ это, употребивъ на то всю жизнь, съ громадными усиліями, погружаясь въ изученіе, въ научныя изслѣдованія, въ философскія тонкости, съ энергіей и мощью по истинѣ невѣроятными. «Исторія искусства,—говоритъ Тэнъ,—не представляла еще идеи болѣе чуждой искусству, но въ то же время и болѣе великаго произведенія искусства, — громадность его задачи почти равняется его громадной учености». Я думаю, что русская литература можетъ представить другой примѣръ, не менѣе великій,—такой задачи, выполненной съ такимъ же поразительнымъ успѣхомъ, съ тою только разницей, что Бальзакъ написалъ классификацію нравовъ, а Гончаровъ—исторію развитія русскаго общества; Бальзакъ и въ этой своей функціи, не смотря на удивительную мощь синтетическаго ума, остался на почвѣ художника, только изображая жизнь и группируя явленія жизни въ опредѣленныя категоріи, а Гончаровъ не остановился на фазисѣ классификаціи и прямо перешелъ къ самымъ функціямъ жизни, въ ихъ исторической сущности. Не останавливаясь, впрочемъ, на этомъ сравненіи, я бы осмѣлился пойти еще дальше. Я уже упоминалъ о Данте и о «Божественной комедіи». Какъ бы ни казалось страннымъ (я сознаю это) сравненіе художественнаго созданія Гончарова съ «Божественной комедіей», — это сравненіе невольно приходитъ на умъ, если мы будемъ смотрѣть на оба создаія съ извѣстной точки зрѣнія. И, въ самомъ дѣлѣ, поэма Данте есть величайшій эпосъ среднихъ вѣковъ; въ немъ Данте резюмировалъ не только общественную и государственную жизнь, но философію, религію, науку своего времени. Гончаровъ охватилъ русское XIX столѣтіе не съ такимъ широкимъ размахомъ и не съ такой геніальной глубиной, но въ обѣихъ задачахъ есть, несомнѣнно, нѣчто родственное: желаніе и умѣніе свести къ одному окончательному синтезу всю историческую, государственную и общественную жизнь опредѣленной эпохи. Эта родственность обоихъ великихъ художественныхъ талантовъ тѣмъ болѣе навязывается уму, что не только задачи ихъ были подобны, но и въ пріемѣ выполненія мы видимъ нѣчто общее... Будучи оба символистами, они оба въ то же время обладали всѣми свойствами великихъ художниковъ-портретистовъ: фигуры Данте, точно бронзовыя статуи, до такой степени врѣзываются въ память, что ихъ невозможно забыть;

Digitized by Google

это—великій знатокъ души человѣческой и великій изобразитель людей. Но развѣ не подобное же впечатлѣніе оставляетъ и Гончаровъ, разумѣется, toute proportion gardée? И гончаровскія фигуры стоятъ передъ нами, какъ бронзовыя статуи, въ которыхъ, не смотря на неподвижность, кипитъ жизнь, совершаются тончайшія душевные процессы?

Но въ гончаровскомъ творчествѣ все таки поразительнѣе всего его символизмъ. Благодаря этому символизму, индивидуальныя черты его фигуръ мало по малу сглаживаются, теряютъ свои очертанія и вмѣсто живой картины является какое-то туманное, выдвинувшееся впередъ, аллегорическое олицетвореніе философскихъ взглядовъ автора на смыслъ русской жизни, на характеръ ея логики; и эту логику, этотъ смыслъ, онъ усматриваетъ въ одной и той же фигурѣ, которая, различно освѣщаемая жизнью, принимаетъ различныя формы. Такая символизація очень часто употреблялась въ поэзіи и создавала величайшія произведенія искусства (не говоря о «Божественной комедіи», можно еще указать на гётевскаго «Фауста», на байроновскаго «Манфреда», на нѣкоторыя части «Dziadów» Мицкевича),—но употреблялась она тѣмъ не менѣе преимущественно въ пластическихъ искусствахъ. Въ простѣйшей и самой незатѣйливой своей формѣ, это—такъ называемая аллегорія. И теперь еще встрѣчаются скульпторы (и, я думаю, они никогда не переведутся), которые въ образахъ фантастическихъ, идеальныхъ женщинъ представляютъ правду, красоту и прочія отвлеченныя понятія. Всѣ эти прекрасныя дамы, — и, правда, и красота,—какъ двѣ капли воды, похожи другъ на друга; отличаютъ ихъ только внѣшніе атрибуты ихъ сущности,—въ большей части, наслѣдіе греческой и римской миѳологіи. То же самое и теперь еще встрѣчается въ живописи. Правда, пріемъ Гончарова гораздо сложнѣе, гораздо художественнѣе и гораздо умнѣе, но въ сущности это—тотъ же самый пріемъ символизаціи и аллегоріи. Аллегорія эта у Гончарова касается не отвлеченныхъ понятій, а живыхъ явленій, но эти явленія изображаются имъ аллегорично.

И вотъ почему, на мой взглядъ, Гончаровъ занимаетъ совершенно особенное мѣсто въ ряду не только русскихъ, но и западно-европейскихъ беллетристовъ. Пріемъ его, я думаю, можетъ и долженъ быть порицаемъ, какъ пріемъ, противорѣчащій коренной сущности искусства, идущій въ разрѣзъ съ направленіемъ нашего времени. Но когда онъ встрѣчается въ соединеніи съ такой силой и интенсивностью отвлеченной мысли, съ такимъ высоко-художественнымъ анализомъ подробностей, съ такимъ рѣдкимъ талантомъ тонкой и проницательной наблюдательности, съ такимъ чарующимъ чувствомъ пластической красоты, съ такой чистотой стиля, съ такимъ благородствомъ воззрѣній и, въ то же время, съ такой трезвостью пониманія, то этотъ пріемъ,—можетъ быть, и изолированное явленіе въ поэзіи, но явленіе, во всякомъ случаѣ, чрезвычайно замѣчательное и остающееся на вѣчныя времена украшеніемъ исторіи всемірной литературы. Гончаровъ догматизируетъ и морализируетъ, но въ то же время и отра-

Digitized by Google

жаетъ жизнь глубокимъ проникновеніемъ въ ея тайны, глубокимъ пониманіемъ ея смысла. Пусть его произведенія не подходятъ подъ ту или другую категорію установившихся формъ искусства,— они все таки имѣютъ огромное значеніе и огромную цѣну. Въ сущности, категорій и клѣтокъ нѣтъ, ихъ не должно быть въ искусствѣ, какъ нѣтъ ихъ и въ жизни, и мы, конечно, не впадемъ въ ошибку Гончарова: искусство мы не будемъ подводить подъ ту или другую теорію. Какое намъ дѣло до теоріи, когда жизнь передъ нами? Искусство — проявленіе жизни, а жизнь не знаетъ ни теорій, ни клѣтокъ. Лишь бы только жизнь проявлялась въ искусствѣ ярко, рельефно, полно, во всѣхъ своихъ переливахъ,— намъ этого достаточно; а какія для этого средства употребляетъ художникъ, — это дѣло второстепенное. Если эти средства находятся въ гармоніи съ самымъ характеромъ и вѣчными законами художественнаго творчества, — тѣмъ лучше.

Для искусства и поэзіи, въ широкомъ значеніи этого слова, Гончаровъ имѣетъ значеніе, по преимуществу, какъ великій, хотя и своеобразный, портретистъ. И Гончаровъ, и Тургеневъ, и Достоевскій, и Толстой,—все это великіе портретисты. Каждый изъ нихъ создалъ цѣлую галерею чудеснѣйшихъ портретовъ. Одинъ— во вкусѣ Веласкеца, другой — въ манерѣ Рафаэля, третій — въ стилѣ Рембрандта, четвертый—въ формахъ Гольбейна. Но они велики и въ другомъ отношеніи: Толстой и Достоевскій — геніальные психологи: одинъ показываетъ намъ нормальную, здоровую душу человѣка, и притомъ русскаго человѣка; другой — болѣзненныя ея проявленія. Два другихъ,—Тургеневъ и Гончаровъ,— великіе физіологи русскаго общества; они слѣдятъ за процессомъ общественной жизни и олицетворяютъ этотъ процессъ въ обаятельныхъ художественныхъ формахъ.

Но изъ всѣхъ четырехъ великихъ романистовъ земли русской, Гончаровъ — наименѣе популяренъ. Не разъ было замѣчаемо, что въ Европѣ, которая вотъ уже лѣтъ десять зачитывается произведеніями нашихъ романистовъ, Гончаровъ читается менѣе другихъ,— менѣе Толстаго, Тургенева, Достоевскаго; даже не всѣ его произведенія переведены. Кромѣ того, можно прибавить, что онъ просто на просто мало читается и почти неизвѣстенъ за границей. Въ то время какъ переводы Толстаго, Тургенева, Достоевскаго слѣдуютъ другъ за другомъ съ невѣроятной быстротой и выдерживаютъ по нѣсколько изданій, — Гончаровъ остается въ тѣни и не оживляетъ собой книжнаго рынка. Но этого мало: Гончаровъ— не только мало популяренъ за границей, онъ менѣе другихъ нашихъ романистовъ читается и въ самой Россіи; его имя, правда, чрезвычайно популярно у насъ, — нельзя считаться хотя сколько нибудь образованнымъ человѣкомъ, не зная хорошо произведеній Гончарова... Но онъ все таки мало читается: его прочитаютъ, но къ нему рѣдко возвращаются; его не забываютъ, но въ большинствѣ случаевъ не ощущаютъ влеченія воскресить въ своей памяти новымъ чтеніемъ тѣхъ высокихъ эстетическихъ наслажденій, которыя мы когда-то ощущали, когда читали его въ первый разъ. Его очень уважаютъ, но менѣе любятъ, чѣмъ Тургенева, Тол-

Digitized by Google

стаго, Достоевскаго. Это обстоятельство очень любопытно и очень поучительно. Вѣдь нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, не видѣть огромнаго, геніальнаго таланта Гончарова, вѣдь нельзя же не замѣчать его образцоваго, классическаго языка, чрезвычайной, почти волшебной силы въ изображеніи характеровъ, огромнаго художественнаго синтеза, которыми отличаются его произведенія, и благодаря которымъ они такъ тѣсно связаны между собой, что составляютъ одно великое цѣлое. Въ чемъ заключается причина такого отношенія къ великому писателю?

Мнѣ кажется, что моя настоящая статья можетъ служить, по крайней мѣрѣ отчасти, отвѣтомъ на этотъ вопросъ. Гончаровъ мало доступенъ массѣ публики, благодаря именно тѣмъ особенностямъ своего синтеза, которыя дѣлаютъ его великимъ писателемъ. Его, подчасъ, слишкомъ явный догматизмъ, его обобщающіе взгляды, рѣдко скрываемые обаятельностью художественныхъ формъ; его символизмъ, ясно выступающій среди фантасмагоріи красокъ; его мысль, имѣющая характеръ чуть ли не научнаго изслѣдованія и постоянно напряженная; его строгая логика событій; преобладаніе трезваго сознанія надъ фантазіей, которая почти не встрѣчаетъ себѣ мѣста среди описываемой имъ обыденной жизни,— всѣ эти качества, сосредоточенныя въ такой громадный фокусъ, дѣлаютъ чтеніе произведеній Гончарова отчасти мало завлекательнымъ, отчасти даже прямо труднымъ для умовъ, воспитанныхъ на легкомъ французскомъ романѣ и не привыкшихъ вдумываться въ содержаніе и значеніе образовъ, воскрешаемыхъ художникомъ. Слѣдуетъ ли сожалѣть, что такова въ настоящее время судьба Гончарова? Я думаю, что нѣтъ. Каждый художникъ, если онъ великъ, выполняетъ свою функцію въ сферѣ, ему данной. Гончаровъ никогда не будетъ настольной книгой большинства: для этого онъ слишкомъ, если можно такъ выразиться, аристократиченъ. Въ рукахъ массы онъ былъ бы не понятъ, или понятъ превратно, наивно-просто; но онъ останется всегда однимъ изъ самыхъ великихъ и любимыхъ писателей того меньшинства, которое въ искусствѣ видитъ не одну лишь простую забаву, не одну лишь пищу воображенія, а результатъ серьезной вдумчивости и благотворной мысли.

В. Чуйко.

Digitized by Google

БУРЕЛОМЪ.

(Переписка двухъ пріятелей).

. . . . . .
Кто такъ устроилъ, что страсти могучи?
Кто такъ устроилъ, что воля слаба?
. . . . . .
Апухтинъ.

Отъ *А. В.* къ *Д. Н.*

Село П., 1-го іюня.

Ты, конечно, обрадуешься, Дима, получивъ это письмо. Я знаю, что ты искренно расположенъ ко мнѣ, а потому изъ того факта, что я вступаю съ тобой въ переписку, ты поймешь, что я возвращаюсь въ нормальную колею, а это сознаніе навѣрно будетъ тебѣ пріятно. Дѣйствительно, я начинаю чувствовать потребность въ обмѣнѣ своихъ мыслей и чувствъ съ человѣкомъ, въ привязанности котораго я могу быть увѣренъ. Хотя мы съ тобою во многомъ расходимся, но все таки ты единственный человѣкъ, съ которымъ мнѣ хочется говорить по душѣ и мнѣніе котораго,—какое бы ни было,—я способенъ выслушать. Кромѣ того, ты знаешь всю мою прошлую жизнь, такъ что скрывать отъ тебя мнѣ нечего.

Итакъ, объявляю тебя заранѣе: отнынѣ я намѣренъ строчить тебѣ цѣлыя посланія, въ которыхъ будетъ отражаться все то, что творится въ моей душѣ. Призываю тебя къ великодушію и терпѣнію, такъ какъ многое въ этихъ посланіяхъ, вѣроятно, придется тебѣ не по нутру. Но вѣдь наша дружеская связь имѣетъ свою десятилѣтнюю давность, а потому церемониться другъ передъ другомъ намъ не приходится.

Удивительный я, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, человѣкъ! Ну,

Digitized by Google

что̀ пріятнаго могу я себѣ доставить тѣмъ, что буду копаться въ своемъ собственномъ существованіи? Ты самъ знаешь, что хорошаго въ немъ мало,—тѣмъ болѣе, послѣ всего того, что̀ заставило меня промѣнять шумъ и суету Петербурга на деревенское уединеніе. Вѣдь все это еще слишкомъ близко, чтобы не отзываться болью, да и разумнѣе было бы, закрывъ глаза, лежать въ забытьи и стараться не пускать къ себѣ воспоминаній. А между тѣмъ я чувствую непреодолимое влеченіе рыться въ себѣ, вспоминая всякое мое чувство, всякій разговоръ, каждую сцену, разбирая все по ниточкѣ. Сколько разъ я все это уже продѣлывалъ, сколько разъ старался исчерпать всю бездонную глубину пережитаго и перечувствованнаго, и всякій разъ результатомъ этихъ безплодныхъ усилій было не успокоеніе и уясненіе, которыхъ я искалъ, а лишь тяжелое, болѣзненное чувство неудовлетворенности и смутнаго страха передъ будущимъ. Ты подумаешь, конечно, что это прошлое, отъ котораго я бѣжалъ вотъ уже полгода, все еще живетъ со мной, составляя мое настоящее; но повѣрь мнѣ, что даже если ты и правъ, то правъ только отчасти. Какія бы во мнѣ противорѣчія ни жили, во всякомъ случаѣ я отлично отдаю себѣ отчетъ въ томъ, что̀ чувствую и думаю. Если я и несовсѣмъ отбросилъ отъ себя это прошлое, если многое изъ него еще осталось во мнѣ, то во всякомъ случаѣ я многое переборолъ, во многомъ сдѣлалъ большіе успѣхи. Я не могу сравнить себя съ тѣмъ человѣкомъ, который пріѣхалъ сюда, полгода тому назадъ, съ намѣреніемъ заживо похоронить себя. Тогда я чувствовалъ себя до такой степени разбитымъ, истощеннымъ, больнымъ, что безъ ужаса не могъ подумать о долгихъ годахъ лежащей передо мною жизни. Помню эти нескончаемые, длинные зимніе вечера, когда я часами сидѣлъ въ моемъ глубокомъ старомъ креслѣ передъ зажженнымъ каминомъ, глядя на сніе огоньки, мелькавшіе по раскаленнымъ углямъ, чувствуя, какъ все то же тоскливое, ноющее чувство боли шевелилось въ груди. Я не могъ думать ни о чемъ, словно тяжелый камень лежалъ у меня въ головѣ и подавлялъ функціи мозга. Одна картины прошлаго, какъ бы внѣ меня, въ стереоскопѣ, мелькали предо мною, жгучей болью отзываясь на сердцѣ. Положеніе мое можно было сравнить съ положеніемъ больнаго въ полномъ разгарѣ болѣзни. Но силы превозмогли, болѣзнь уступила и насталъ кризисъ. Это было въ началѣ весны. По обыкновенію, я провелъ безсонную ночь и только къ утру заснулъ. Въ этотъ день я рѣшилъ поѣхать утромъ на пасѣку, гдѣ у меня производились работы, и велѣлъ разбудить себя пораньше. Мой старый Ѳадей, пришедшій меня

Digitized by Google

будить, объявилъ, что «погодка нынче на славу» и быстро отдернулъ занавѣсь. Ослѣпительный солнечный лучъ словно съ торжествомъ ворвался въ комнату. Я, зажмурившись, невольно улыбнулся. На меня вдругъ повѣяло чѣмъ-то ободряющимъ, свѣжимъ, будто кто шепнулъ мнѣ слово утѣшенія и поддержки. Комната мнѣ показалась свѣтлѣе, старикъ Ѳадей какъ-то особенно улыбался; на душѣ у меня внезапно стало весело. Я быстро вскочилъ, облился холодной водой и началъ скорѣе одѣваться. Въ первый разъ съ пріѣзда моего въ деревню, я съ удовольствіемъ выпилъ кофе, съ нѣкоторымъ интересомъ прочелъ газету и вышелъ на дворъ, гдѣ меня ожидалъ осѣдланный красавецъ «Арапъ», которымъ—помнишь—ты такъ восхищался. Дѣйствительно, погода была хороша. Это былъ первый теплый весенній день. Особенной свѣжестью былъ пропитанъ воздухъ. Казалось, природа, въ первый разъ скинувъ съ себя цѣпи, послѣ долгаго угрюмаго сна, проснулась для новой радостной жизни. Быстро вскочилъ я на своего «Арапа» и поскакалъ къ опушкѣ недалекаго лѣса. Съ радостью вдыхалъ я въ себя теплый весенній воздухъ. Я чувствовалъ, какъ вмѣстѣ съ нимъ вливалась въ мою грудь давно забытая бодрость, вызывавшая къ жизни уснувшія, истерзанныя силы. Хотя кругомъ лежала грязь, деревья въ лѣсу стояли еще голыя, но чувствовалось, что зима миновала, что на долгое время нѣтъ ей болѣе возврата. Ты навѣрно помнишь, какъ я всегда любилъ и цѣнилъ всѣ красоты природы. У нашего брата, живописца, оно и не можетъ быть иначе. Я чувствую себя особенно близко къ природѣ; она всегда сильно на меня дѣйствуетъ; между природой и мной живетъ извѣстная гармонія: или, она вторитъ моему настроенію, моимъ чувствамъ и мыслямъ, или, наоборотъ, она какъ бы передаетъ мнѣ частицу своей жизни. И вотъ, въ этотъ разъ я впервые трезво и бодро оглянулся назадъ. Остановивъ пылъ своего «Арапа», я пустилъ его шагомъ и задумался. «Неужели жизнь моя окончательно и безповоротно обречена на безплодное, тоскливое влаченіе?», задалъ я себѣ вопросъ и тутъ же внутренній голосъ шепнулъ мнѣ: «Зачѣмъ? Все отъ тебя зависитъ. Оглянись спокойно, безъ боли разбери все, что было съ тобой; быть можетъ, ты найдешь, что не все еще пропало, что силы твои не парализованы до конца, что впереди тебя могутъ ожидать новые идеалы, можетъ открыться новое поле дѣятельности, болѣе разумное и спокойное». Въ сущности, если сказать въ двухъ словахъ, что со мной произошло,—подумалъ я,—то выдетъ хотя и тяжелая картина человѣческой жизни, но все же не такая убійственно мрачная, какою

Digitized by Google

она стояла все послѣднее время передъ моими глазами. Что было со мной? Я полюбилъ замужнюю женщину, казавшуюся мнѣ воплощеніемъ всего чистаго, изящнаго, нѣжнаго и краснваго. Не смотря на то, что я понималъ и сознавалъ непормальность этого чувства,—такъ какъ другой человѣкъ имѣетъ на нее право, а я, по крайней мѣрѣ, съ внѣшней стороны, буду для нея всегда чужимъ,—не смотря на это, я предался своему чувству. Съ той минуты, когда она отвѣтила мнѣ взаимностью, когда сказала это роковое: «твоя», я все другое отбросилъ въ сторону, сталъ жить всецѣло и вполнѣ только ею и моимъ чувствомъ. Ты знаешь-Дима, эту женщину, знаешь только по виду, но все же и ты согласишься со мной, что такимъ существомъ можно увлечься до сумашествія, особенно такому поклоннику красоты во всѣхъ ея видахъ, какъ я. Вспомни тотъ вечеръ, когда я показалъ тебѣ ее въ первый разъ. Она была въ черномъ платьѣ. Сидя нѣсколько въ сторонѣ отъ другихъ, она тихо шевелила вѣеромъ и, съ полулулыбкой на румяныхъ губахъ, задумчиво глядѣла передъ собой. Какое странное было у нея выраженіе! Посмотришь на нее и не знаешь: мадонна ли передъ тобой, или Фрина, царица наслажній? Въ глазахъ такая ясность, спокойствіе, глубина, словно чистая, какъ алмазъ, душа свѣтится въ этихъ глазахъ, а въ складѣ губъ, въ подвижныхъ тонкихъ ноздряхъ чувствуются нервы и огненная страсть. Въ этомъ вся непобѣдимая сила ея дьявольской красоты, въ этой смѣси выраженій —вся ея характеристика. Помнишь эту руку — длинную, узкую — эту маленькую ножку, эту тонкую талью, роскошный бюстъ, эти черные спокойные глаза и бѣлокурые мягкіе волосы... Однако рука устала писать. Если я буду продолжать, никакой конвертъ не вмѣститъ этого посланья. На первый разъ довольно.

Твой *А. В.*

Отъ *Д. И.* къ *А. В.*

Петербургъ, 6-го іюля.

Не могу сказать, любезный другъ, чтобы я остался совсѣмъ доволенъ твоимъ письмомъ. Хоть ты и ожилъ, сбросилъ съ себя ту непреодолимую тяжелую дрёму, въ которую погрузился съ той минуты, какъ бѣжалъ отсюда; хоть эта перемѣна благодѣтельна для тебя, но въ твоемъ письмѣ я вижу также и другое— и вотъ это *другое* мнѣ не по нутру. Ты навѣрно самъ догадываешься. о чемъ я говорю; ты, конечно, понимаешь, что рѣчь идетъ о концѣ твоего письма, и что въ этомъ концѣ ты другими

Digitized by Google

словами, но все же почти сознаешься, что продолжаешь таить прежнее чувство. Слѣдовательно, болѣзнь все еще сидитъ въ тебѣ и можетъ еще долго просидѣть. Еслибъ все это касалось другаго, я не такъ бы безпокоился, я все таки былъ бы увѣренъ, что, послѣ всего съ нимъ происшедшаго, горячка эта должна пройти, и пройдетъ. Но ты—ты другое дѣло! Вѣдь бываютъ же на свѣтѣ такіе непростительные, невозможные идеалисты! Да, ты въ этомъ отношеніи стоишь высоко. Не исправилъ я тебя, не излѣчилъ отъ твоей болѣзни, не съумѣлъ воспротивиться этому вѣчному паренію куда-то въ голубую высь, куда тебя постоянно уносятъ твои мечты. Ты всегда находилъ, что лучше жить въ поднебесьѣ, нежели на грѣшной нашей планетѣ, а я не оказался въ силахъ убѣдить тебя въ невѣрности твоего взгляда. Теперь ты самъ воочію долженъ былъ убѣдиться въ правотѣ всего, что я тебѣ говорилъ по этому поводу. Сама жизнь сказала тебѣ, что я правъ; она вырвала тебя изъ твоего мечтательнаго царства и крѣпко ударила о землю въ доказательство того, что ты тоже ея сынъ и, какъ всѣ, долженъ чувствовать и повиноваться ея власти. Ну, скажи мнѣ теперь самъ, что проку смотрѣть на наши человѣческія отношенія, на всю нашу земную жизнь, сквозь призму какихъ-то очищающихъ, возвышающихъ и поэтизирующихъ идеаловъ? Что является результатомъ всего этого? Пробужденіе отъ волшебнаго сна и жестокая встрѣча лицомъ къ лицу съ настоящей картиной реальнаго земнаго существованія. Ты встрѣтилъ женщину, которая тебя обворожила, которая съумѣла вполнѣ овладѣть тобой, превратить тебя въ свою вещь. Положимъ, въ ней были всѣ данныя, свойственныя владыкѣ: хороша она была чрезвычайно, умна и весьма оригинальна. Все это такъ. Я понимаю, что ты ею увлекся, что всѣ твои мысли и чувства сосредоточились на ней. Но теперь разберемъ, была ли возможность продолжать такую жизнь, могло ли въ человѣкѣ нормальномъ, трезвомъ долго продержаться то «идеальное» чувство, съ которымъ ты подошелъ къ ней? Прежде всего, она была замужемъ. Въ этомъ заключалось (особенно для такого человѣка, какъ ты) первое и весьма существенное препятствіе для благополучія. Самъ ты мнѣ говорилъ, что постоянное присутствіе обмана и лжи возлѣ того существа, которое ты считалъ, какимъ-то недосягаемымъ идеаломъ всего чистаго и совершеннаго, казалось тебѣ невыносимой мукой. А порвать это положеніе тѣмъ или другимъ способомъ ты былъ не въ состояніи. Не думай, что я не понималъ твоего страданія, но я объясняю себѣ это состояніе внутренней разла-

Digitized by Google

дицей, происходившей отъ ненормальныхъ отношеній между тобой и ею. Въ нашъ вѣкъ, «вѣкъ безпредѣльнаго разврата и безнравственности»,—какъ ты его называешь,—такое положеніе можно, пожалуй, и не считать противонормальнымъ. Человѣкъ, влюбляющійся въ замужнюю женщину, имѣетъ только одно стремленіе—обладать ею. Въ самомъ началѣ возникновенія своего чувства, онъ отлично сознаётъ, что другаго ему и ожидать нечего, да и врядъ ли кто идетъ далѣе въ своихъ желаніяхъ. Но для тебя такое положеніе должно быть, и дѣйствительно сразу же сдѣлалось совершенно ненормальнымъ. При твоихъ взглядахъ на чувство, въ какихъ бы формахъ оно ни проявлялось, всякій обманъ, неясность, неопредѣленность должны были породить полную душевную разладицу. Ты не хотѣлъ, не могъ,—какъ ты это утверждаешь,—измѣнить свои воззрѣнія, а потому, безъ умѣнья по волчьи выть (извини мнѣ это грубоватое сравненіе!) не въ моготу тебѣ стало и съ волками жить. Тебѣ оставалось одно—преодолѣть свое чувство и разомъ съ нимъ покончить, но на это у тебя не хватило силъ, и ты продолжалъ копаться въ своихъ мукахъ. Согласись же со мной, что если это возвышенно, идеально, чисто, то во всякомъ случаѣ ненормально и неестественно; людей же ненормальныхъ жизнь человѣческая въ свою колею не принимаетъ; она отбрасываетъ ихъ въ сторону отъ своей дороги. Вотъ это все составляетъ первый пунктъ, на которомъ ты столкнулся съ дѣйствительностью, на которомъ достаточно ясно обнаружилось несогласіе твоихъ взглядовъ, твоего отвлеченнаго міровоззрѣнія съ трезвымъ, реальнымъ воззрѣніемъ на человѣческія отношенія. Ты мнѣ на это скажешь... Впрочемъ, я подожду твоего отвѣта, ибо боюсь, продолжая далѣе, вооружить тебя противъ твоего друга, слишкомъ открыто рисующаго тебѣ картину человѣческаго чувства.

Живи, братъ, подольше въ деревнѣ, работай надъ собой и возвращайся сюда не иначе, какъ окончательно стряхнувши съ себя всякій слѣдъ былаго.

Искренно любящій тебя *Д.*

Отъ *А. В.* къ *Д. Н.*

Село П., 20-го іюля.

Все послѣднее время я былъ занятъ мыслями о твоемъ письмѣ, Дима, стараясь отыскать и отдѣлить въ немъ справедливое отъ несправедливаго. Есть въ немъ и то, и другое. Все сказанное тобою сводится къ тому, что ты видишь во

Digitized by Google

мнѣ человѣка, исключительно живущаго на счетъ сердца, отбрасывая слишкомъ далеко другую сторону,—сторону холоднаго разсудка. Ты доказываешь мнѣ всю неосновательность такого положенія на основаніи мною же пережитаго; ты хочешь, чтобы я извлекъ побольше пользы отъ полученнаго урока, измѣнился въ лучшую, по твоему, сторону. Все это показываетъ твое расположеніе ко мнѣ, но... достижимо ли то, чего ты желаешь для меня, и слѣдуетъ ли стремится къ нему? Вотъ въ чемъ вопросъ! Во-первыхъ, очень трудно допустить, чтобы человѣкъ, доживъ до тридцати и сознавъ въ одинъ прекрасный день, что всѣ его прежнія воззрѣнія не привели ни къ чему доброму, былъ въ состояніи, хотя-бы путемъ ожесточенной борьбы съ самимъ собою, совершенно измѣнить все то, что выработалось въ немъ воспитаніемъ, жизненными условіями и *врожденными* стремленіями. Особенно важно послѣднее: то, что врождено, то невозможно вырвать, и результатомъ такихъ стараній можетъ явиться одно лишь коверканье, обезличеніе своей натуры,—больше ничего. Въ этомъ отношеніи, если возможно на что либо положиться, такъ только на время. Дѣйствительно, разныя жизненныя обстоятельства, — какъ капли, одна за другой постепенно подтачивающія камни,— могутъ измѣнить нравственную физіономію человѣка, но произвести коренной переломъ на основаніи того, что тогда, молъ, легче будетъ жить — это, мнѣ кажется, совершенно не достижимо. Я готовъ согласиться, что съ моимъ характеромъ труднѣе прожить свой вѣкъ, нежели съ твоимъ: многое, что почти незамѣтно скользнетъ по твоей жизни, оставитъ въ моей глубокую борозду; но всякому положенъ свой удѣлъ, а измѣнить это предопредѣленіе, вытекающее изъ основныхъ началъ, съ которыми человѣкъ появляется на свѣтъ божій, изъ которыхъ мало по малу складывается его личность, измѣнить его врядъ ли возможно. Имѣя въ душѣ вѣру въ добро и людей, трудно избавиться отъ этой ноши даже и тогда, когда жизнь доказываетъ всю практическую неприложимость такого взгляда.

Однако, довольно я съ тобой поумствовалъ: еще немного, и мы превратимся въ какихъ-то неудачныхъ философовъ. Лучше разскажу тебѣ что нибудь про себя. Настроеніе мое продолжаетъ все улучшаться; отъ одного этого сознанія становишься добрѣе и здоровѣе. Всякое утро просыпаюсь я веселымъ и оживленнымъ; съ интересомъ читаю, занимаюсь, съ наслажденіемъ гуляю, набрасывая иногда кое-какіе эскизы; хожу на охоту, рыскаю по лѣсамъ и полямъ на своемъ «Арапѣ», начинаю входить во всякіе хозяйственные вопросы, и все это за

Digitized by Google

мѣчательно благотворно, успокоительно дѣйствуетъ на меня. Въ простотѣ и ясности должно заключаться человѣческое счастіе — въ этомъ я совершенно убѣжденъ; картины здѣшней незатѣйливой деревенской жизни постоянно говорятъ мнѣ объ этомъ. День мой проходитъ удивительно спокойно. Встаю я часовъ въ семь и, выпивъ кофе, ѣду кататься верхомъ: иногда объѣзжаю работы, не изъ хозяйственныхъ цѣлей, а больше изъ наблюдательности. Присматриваюсь къ мужикамъ, привыкаю понемногу съ ними разговаривать и нерѣдко подмѣчаю въ нихъ чрезвычайно интересныя черты. Въ нихъ тоже все какъ-то просто и ясно; ихъ взгляды, ихъ правила нерѣдко удивительно разумны и всегда весьма крѣпко засѣли въ нихъ. Недаромъ слиты они воедино съ окружающей природой. Много, конечно, грубаго и отталкивающаго, но еще больше чего-то сильнаго, здороваго, самобытнаго и дѣтски-наивнаго. Послѣ этихъ прогулокъ, возвращаюсь обыкновенно голодный и съ удовольствіемъ сажусь завтракать. Прежде, мнѣ была тяжела эта одиночная ѣда, такъ что Ѳадей съ недовольной миной принималъ тарелки почти съ тѣмъ же, что̀ бывало наложено; но теперь я совершенно привыкъ къ своему одиночеству и Ѳадея мой апетитъ больше не огорчаетъ. Время между завтракомъ и обѣдомъ проходитъ за работой и чтеніемъ, которое составляетъ для меня одно изъ самыхъ большихъ здѣшнихъ удовольствій. Я скоро пришлю тебѣ еще списочекъ книгъ, которыя попрошу мнѣ выслать. По вечерамъ приходитъ управляющій докладывать мнѣ о благополучіи, обстоящемъ въ моемъ имѣніи. Я наливаю ему стаканъ чаю, и иногда долго съ нимъ болтаю, не о хозяйствѣ преимущественно, а такъ, о всякой всячинѣ. Онъ у меня славный старикъ; все вспоминаетъ, какъ носилъ меня на рукахъ. Часто разсказываетъ о покойной моей матери, которую я не помню, и пробуждаетъ въ душѣ моей теплое, хорошее чувство. Отецъ мой,—какъ ты знаешь самъ,—былъ крутенекъ, а мать олицетворяла собой мягкость и доброту. Меня особенно трогаютъ въ разсказахъ Ивана Акимовича (такъ зовутъ моего управляющаго) подробности, рисующія ея безконечную любовь ко мнѣ, своему единственному дѣтищу. Да, будь она жива, быть можетъ, и жизнь моя сложилась бы совершенно иначе!

Такимъ образомъ идутъ дни за днями и, еслибы не приступы тоски, хватающіе иногда за сердце, я почиталъ бы себя совершенно здоровымъ. Не пріѣдешь ли ты провѣдать меня, старый дружище? Вотъ поболтаемъ да поспоримъ!! *А. В.*

P. S. Разсказать тебѣ о событіи, сильно меня напугавшемъ? Вообрази, что на дняхъ къ моему подъѣзду подкатываетъ ухар-

Digitized by Google

ская тройка и мнѣ докладываютъ, что помѣщикъ Бахтинъ желаетъ меня видѣть. Я со злости чуть зубами не заскрипѣлъ. Пришлось принять. Вошелъ низенькій человѣчекъ лѣтъ сорока, съ круглымъ добродушнымъ лицомъ и не менѣе круглымъ, толстымъ туловищемъ, и заявилъ мнѣ, что, въ качествѣ ближайшаго сосѣда, счелъ своимъ долгомъ пріѣхать завязать знакомство, надѣясь, что мы часто будемъ видѣться, ибо деревня безъ общества, по его словамъ, «мерзость запустѣнія». Пришлось всячески отвиливать, но онъ взялъ таки съ меня слово, что я навѣщу его. Надѣюсь, что онъ больше не явится ко мнѣ; я не чувствую охоты видѣть людей, а своихъ сосѣдей подавно.

Отъ *А. В.* къ *Д. Н.*

Село П., 1-го августа.

Что сказать тебѣ, Дима? Съ чего начать? Я ничего не понимаю, ничего не могу разобрать, ни на чемъ не способенъ остановиться. Чувствую, какъ что-то оборвалось во мнѣ, какъ все внутри перевернулось вверхъ дномъ. Въ головѣ стучитъ, словно молотомъ по темени колотятъ. Все пропало! Спокойствіе, тишина, миръ, добытые съ такимъ трудомъ, со столькими усиліями,—все сгинуло, все исчезло, какъ карточный домикъ отъ пробѣжавшаго сквозняка! Я чувствую себя сброшеннымъ въ темную, смрадную, глубокую яму, и даже усилій никакихъ не могу сдѣлать, чтобы выбраться изъ нея. Ахъ, я безмозглый мальчишка! Да какъ я могъ хоть на минуту подумать, что порву эти впившіяся въ меня цѣпи, освобожусь изъ подъ ея власти! Какъ лошадь, которой удалось на минуту сбросить своего сѣдока, несется и храпитъ, гордясь своей свободой, такъ и я радовался, носился со своей хваленой, добытой собственными силами, волей. Но вотъ поймали ее, эту волю, снова вскочили въ сѣдло, вытянули хлыстомъ, вонзили шпоры, натянули поводья и, скрежеща зубами отъ боли и злости, идетъ она туда, куда ее направляютъ. Скверно мнѣ, Дима. Больно, больно до сумашествія. Зачѣмъ было измѣнять свою жизнь, бороться съ теченіемъ, создавать новые идеалы, когда нѣтъ силы и возможности этого сдѣлать? Еще тяжелѣе становится, когда наступаетъ минута сознанія своего безсилія: руки опускаются, сердце падаетъ, словно свинцовая гора валится на грудь. Ты видишь, я не способенъ съ тобой хладнокровно разговаривать; разскажу, какъ могу, о томъ, что произошло со мной.

Сколько мнѣ помнится, я говорилъ тебѣ въ послѣднемъ своемъ письмѣ про визитъ моего сосѣда по имѣнію, нѣкоего госпо-

Digitized by Google

дина Бахтина, сильно напугавшаго меня предвкушеніемъ необходимости видѣться съ людьми. Черезъ недѣлю послѣ этого, я получилъ отъ него записку съ убѣдительнѣйшей просьбой пожаловать къ нему на другой день откушать именинаго пирога. Я, разумѣется, отвѣтилъ отказомъ. Но не успѣлъ я выпить свой утренній стаканъ кофе на слѣдующій день, какъ ко мнѣ явился молодой Бахтинъ, сразу объявившій, что ему запрещено возвращаться безъ меня. Дѣлать было нечего. Одѣвшись, я сѣлъ съ нимъ въ коляску и, мысленно ругая во всю мочь проклятое сосѣдство, покатилъ на именины. Дорогой молодой Бахтинъ (сынъ моего сосѣда) счелъ почему-то нужнымъ успокоить меня заявленіемъ, что гостей почти никого не будетъ, что только изъ Петербурга пріѣхала къ нимъ погостить какая-то дама, очень сблизившаяся этой зимой въ столицѣ съ его сестрою. Я сдѣлалъ видъ, что слушаю болтовню этого жирнаго пятнадцатилѣтняго балбеса съ широчайшей спиной, непомѣрной величины руками и ногами, румянымъ лоснящимся лицомъ, и мысленно посылалъ ихъ всѣхъ къ чорту. Наконецъ мы пріѣхали. На крыльцѣ меня принялъ въ свои объятія хозяинъ и сейчасъ же провелъ въ гостинную, гдѣ представилъ своей половинѣ и дочкѣ—двумъ бѣлобрысымъ существамъ, ровно ничего изъ себя не представляющимъ. Послѣ обыкновенныхъ въ такомъ случаѣ вопросовъ о здоровьѣ, о томъ, долго ли, молъ, имѣете намѣреніе пробыть въ деревнѣ и т. д., хозяинъ взялъ меня подъ руку и повелъ въ свой кабинетъ. Комната эта, какъ и всѣ другія, глядѣла довольно безвкусно и неряшливо, но зато изъ нея былъ выходъ на балконъ, отъ котораго почти сейчасъ же начиналась великолѣпная, вѣроятно, столѣтняя липовая аллея.

— Да-съ, такой другой аллеи и не сыскать!—отвѣчалъ Бахтинъ на мое восхищеніе.—Еще мой прадѣдъ сажалъ ее. Пріѣхала ко мнѣ погостить изъ Питера пріятельница моей старшей дочери, madame Тацкая:—вы, кажется, изволили съ ней встрѣчаться? —такъ вотъ она ужасно полюбила эту аллею... Да, да, а вотъ и она сама—Ольга Николаевна,—прибавилъ онъ, обернувшись.

Что я почувствовалъ въ эту минуту,—самъ до сихъ поръ не разберу. Всѣ чувства замерли, сердце перестало биться, холодъ пробѣжалъ по всѣмъ членамъ. Я стоялъ, какъ истуканъ, впиваясь въ нее глазами, не вѣря тому, что вижу. Въ противоположныхъ отъ меня дверяхъ стояла Ольга. Она смотрѣла на меня смущеннымъ, боязливымъ, ласкающимъ взглядомъ; полуулыбка застыла на ея блѣдномъ лицѣ. Не знаю, долго ли мы такъ про-

Digitized by Google

стояли молча, глядя другъ на друга. Наконецъ Ольга подошла ко мнѣ и протянула руку.

— Давно мы не видались, Андрей Владиміровичъ,—проговорила она.

Я молча пожалъ ей руку, не будучи въ силахъ промолвить ни слова. Вѣроятно, г. Бахтинъ былъ очень удивленъ всѣмъ тѣмъ, что видѣлъ предъ собой. Онъ что-то быстро заговорилъ, кажется, приглашая насъ перейти въ гостинную. Смутно помню, какъ меня перезнакомили со всѣмъ обществомъ, какъ насъ повели завтра, мать. Лишь только всѣ встали изъ-за стола, я взглянулъ въ послѣдній разъ на Ольгу, отыскалъ свою шляпу и незамѣтно уѣхалъ. Вотъ все, что могу сообщить тебѣ объ этой ошеломившей меня встрѣчѣ. Съ тѣхъ поръ прошло три дня, а я все еще не могу прійти въ себя, собрать свои мысли и остановиться на чемъ нибудь. За что бы ни взялся, куда бы ни пошелъ, всюду вижу я передъ собою обольстительный, дорогой и любимый когда-то образъ. Этотъ взглядъ, смущенный и ласкающій, проникаетъ прямо въ сердце и что-то томительно-жгучее бросается въ голову. Дни былаго безумнаго счастія мерещатся мнѣ снова. Я вижу ее въ день нашей первой встрѣчи, слышу этотъ мягкій, грудной, прямо просящійся въ душу голосъ, чувствую крѣпкое пожатіе маленькой ручки, и невольная улыбка оживляетъ мои губы. Боже, какъ она хороша! Сколько силы въ этихъ глубокихъ черныхъ глазахъ, сколько красоты въ граціозномъ, нѣжномъ очертаніи головки, въ сочетаніи правильныхъ, тонкихъ линій лица, въ нѣжныхъ, какъ у ребенка, розовыхъ губахъ; какой скрытой силой и страстью вѣетъ ото всего ея крѣпкаго, нѣжнаго и граціознаго существа! Я стараюсь не думать объ этомъ, заставляю себя вспоминать ту минуту, когда увидѣлъ ее въ объятіяхъ другаго человѣка, — ту минуту, когда почувствовалъ, что сердце мое разрывается на части, но не презрѣніе и отчужденіе испытываю я: чувство безсильной злобы и страсти подступаетъ къ сердцу и душитъ меня. Чѣмъ же все это кончится? спросишь ты. Я и самъ не въ состояніи отвѣтить себѣ на этотъ вопросъ. Я презираю, ненавижу себя отъ всей души. Нѣтъ во мнѣ силы: я лежу, какъ въ параличѣ, не будучи въ силахъ двинуться.

Твой *А. В.*

Д. Н. къ *А. В.*

Петербургъ, 4-го августа.

Только что получилъ твое письмо, дорогой другъ. Оно просто ошеломило меня! Хоть я предвидѣлъ, что Ольга Николаевна

Digitized by Google

предприметъ что либо съ цѣлью вернуть тебя подъ свою власть, но эта погоня за тобой меня несказанно изумила.

Тебя, быть можетъ, оскорбитъ и огорчитъ то, что я намѣренъ сказать по этому поводу, но наша давнишняя дружба полная обоюдная откровенность, обязываютъ меня высказать свое мнѣніе. Прежде всего, поговоримъ объ этой женщинѣ. Ты долженъ согласиться, что не можешь быть къ ней безпристрастнымъ, а потому прислушайся къ тому, что скажетъ тебѣ разсудительный и холодный человѣкъ, каковымъ ты меня считаешь. Визитъ m-me Гацкой къ твоимъ сосѣдямъ очевидно былъ предпринятъ съ единственной цѣлью—увидать тебя, насильно ворваться въ твое добровольное заточеніе. Самъ ты отлично понимаешь, что дружба между нею и семействомъ господъ Бахтиныхъ возникнуть не могла. Они совершенно другаго круга, ничего общаго другъ съ другомъ не имѣютъ, слѣдовательно, о сближеніи не можетъ быть и рѣчи. Надо, поэтому, постараться уяснить себѣ, для чего ты снова ей понадобился, что могло побудить ее искать встрѣчи съ тобою? Конечно, чужая душа—потемки, но отъ частаго общенія съ людьми, наблюденія за ними, является способность хоть отчасти проникнуть въ эти потемки и хотя немного освѣтить ихъ. Я долженъ сознаться, что многое изъ своей личной жизни скрылъ отъ тебя. Не потому, что считалъ тебя недостойнымъ моего довѣрія,—самъ ты знаешь, что это не такъ,—а потому, что въ этомъ холодномъ, спокойномъ человѣкѣ, каковъ я, живетъ такое чувствительное мѣсто, до котораго дотронуться больно. Знаешь ли ты, что я женатъ? Женатъ по любви, и это любимое мною существо безжалостно наругалось надъ моей святыней, швырнуло мое сердце, какъ швыряютъ ненужную ветошь. Тебя это, конечно, изумитъ: поглядѣвъ на мою спокойную, хладнокровную, неуклюжую фигуру, дѣйствительно, трудно въ ней предположить существованіе того, что называется «романомъ». Но нелегко далось мнѣ это спокойствіе, немало горькихъ, тоскливыхъ дней, безсонныхъ, томительныхъ ночей пережилось и перечувствовалось, пока удалось втиснуть въ себя хладнокровіе и разсудительность. Говорю это только для того, чтобы ты не относился къ словамъ моимъ, какъ къ словамъ стараго профессора, дальше книгъ ничего въ жизни не видѣвшаго, а какъ къ пріобрѣвшему право собственной своей шкурой говорить о томъ, что теперь волнуетъ и терзаетъ тебя до сумашествія. Но не будемъ говорить обо мнѣ; возвратимся къ тебѣ.

Встрѣчались мнѣ въ жизни такія существа, особенно женщины, которыхъ вся жизнь заключалась въ удовлетвореніи или въ

Digitized by Google

стремленіи къ удовлетворенію постоянно появляющихся и смѣняющихъ другъ друга капризовъ. Не успѣетъ такое существо почувствовать хотя бы только появленіе какого нибудь желанія, какъ оно уже загорѣлось; все остальное отброшено въ сторону и, ни о чемъ не думая, ничего не соображая, стремится всѣми своими силами удовлетворить появившуюся прихоть. Мнѣ положительно встрѣчались такія женщины. Пока онѣ не добились своего, пока видятъ передъ собой намѣченную точку, онѣ не могутъ быть не только счастливы, но даже простая тишина, миръ, спокойствіе, окружавшіе ихъ до той минуты, моментально исчезаютъ. Но придетъ мгновеніе, когда столь страстно желаемое достигается, что почти всегда удается подобнымъ женщинамъ; казалось бы, блаженству не должно быть конца, а на самомъ дѣлѣ происходитъ совершенно иначе. Правда, онѣ испытываютъ минуту страстнаго восторга, столь же безудержнаго, какъ были безудержны ихъ желанія, но... это только минута. Сейчасъ же наступаетъ реакція, восторгъ смѣняется утомленіемъ, превращающимся весьма скоро въ полное равнодушіе. По моему, Ольга Николаевна принадлежитъ именно къ типу такихъ женщинъ, доказательствомъ чему служатъ ея отношенія къ тебѣ. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ инымъ можно объяснить ея романъ съ тобой, такъ неожиданно кончившійся, ея теперешнюю погоню, да и вообще всю ея жизнь? Мнѣ это представляется въ слѣдующемъ видѣ: семейная бездѣтная жизнь съ мужемъ, по крайней мѣрѣ, на тридцать пять лѣтъ ея старше, не могла ее удовлетворить. Пока не явился человѣкъ, сразу сильно ее заинтересовавшій, она жила изо дня въ день. Но, съ минуты появленія такого человѣка, все пошло вверхъ дномъ и, разумѣется, ничто не было въ состояніи удержать ее отъ пагубнаго шага. Такія женщины неспособны бороться во имя принципа: все у нихъ поверхностно; ничего глубокаго, устойчиваго не можетъ быть при этой абсолютной невозможности сопротивляться первому впечатлѣнію, на нихъ дѣйствующему. Не знаю, былъ ли ты первый, заставившій совершить ее этотъ шагъ, или кто другой,—не въ этомъ дѣло. Въ ней нѣтъ мѣста для серьезнаго увлеченія: чувствуетъ она только нервами, напрягающимися до послѣдней степени. Напряженіе это долго тянуться не можетъ и скоро наступаетъ минута полнаго равнодушія. Въ твоихъ отношеніяхъ съ ней минута эта также наступила, и вскорѣ новое увлеченіе смѣнило старое. Ты самъ убѣдился въ этомъ безграничномъ легкомысліи: ты лично видѣлъ, какъ этотъ безмозглый фатъ въ раздушенномъ сюртукѣ, блестящихъ аксельбантахъ, этотъ вѣчно порхающій, всюду торчащій *Зв.*, улучивъ минуту, поцѣло-

Digitized by Google

валъ ее и получилъ въ отвѣтъ... сладострастную улыбку. Къ великому твоему несчастію, чувство твое было слишкомъ серьезно: ты полюбилъ ее не на шутку, дѣйствительно отдался ей всѣмъ сердцемъ, всѣми помыслами; ты наивно вѣрилъ въ свое «божество». Я не буду разсуждать теперь о томъ, возможно ли было такъ идеализировать эту женщину; во всякомъ случаѣ, въ твоихъ глазахъ она была существомъ, достойнымъ полнаго уваженія и сожалѣнія. Въ одинъ мигъ все это разрушилось; какъ подрѣзанная, она упала съ того пьедестала, на который ты же ее возвелъ; паденіе это пребольно отозвалось въ твоемъ сердцѣ. Тебѣ стало невыносимо продолжать ту жизнь, которую ты велъ прежде; ты не могъ ужиться съ мыслью, что тебѣ пришлось бы по прежнему встрѣчаться съ ней, показывать другимъ, что отношенія близкаго знакомства продолжаютъ существовать между вами; ты не могъ всего этого переварить и, порвавъ съ ней рѣшительно, бросивъ Петербургъ, зарылся въ деревенской глуши. Но какъ могъ повліять подобный образъ дѣйствій на Ольгу Николаевну? По всѣмъ вѣроятіямъ, тѣ увлеченія, которыя она переживала раньше ничего серьезнаго съ обѣихъ сторонъ не представляли, а потому и прекращались легко. Съ тобой же вышло иначе. Рѣшимость, съ которой ты порвалъ ваши отношенія, твое сильное страданіе, которое она не могла не видѣть, поразили ее въ первый разъ. Она почувствовала, что держала въ рукахъ своихъ человѣческую душу; поняла, что нельзя было играть съ такимъ человѣкомъ, какъ ты, желая, чтобы игра эта оставалась игрой. Такую женщину, какъ она, не могла не поразить такая новость. И вотъ, подъ вліяніемъ новаго впечатлѣнія, въ ней зарождается новый капризъ: она страстно желаетъ тебя видѣть и снова тобой завладѣть. Она полагаетъ, что это будетъ трудно, что послѣ происшедшаго ты не захочешь вернуться къ ней и отъ этого ожидаемаго сопротивленія капризъ разгорается сильнѣе и сильнѣе. Конечно, она рѣшится на все, чтобы исполнить свое желаніе, и дѣйствительно рѣшается на самую крайнюю мѣру. Отправивъ своего колпака-мужа въ деревню устраивать дѣла, она ѣдетъ путешествовать для поправленія своихъ разстроенныхъ нервъ (это я узналъ здѣсь) и прежде всего принимаетъ приглашеніе твоихъ сосѣдей, съ дочерью которыхъ преднамѣренно сблизилась въ Петербургѣ. Она рѣшила, во что бы то ни стало, снова овладѣть тобой и пустить въ дѣло всѣ свои чары. Надѣюсь, что ты согласишься со всѣмъ этимъ: это до такой степени ясно. Пишу тебѣ свои мысли по этому поводу, зная, что ты не въ состояніи теперь хладнокровно разсуждать, и желая хоть немного отрезвить

Digitized by Google

тебя. Очнись, Андрюша! Покажи ей, что въ случаѣ надобности у тебя явятся и силы для борьбы, и твердые принципы. Неужели же въ жизни существуетъ только одна любовь? Вѣрь мнѣ, не въ ней заключается вся жизнь: это только одна изъ красотъ ея, а сколько есть еще и другихъ! Я не хочу вѣрить, чтобъ ты вышелъ изъ этой борьбы иначе, какъ побѣдителемъ. Развѣ можетъ существовать любовь безъ уваженія, а можешь ли ты ее уважать? Подумай о томъ, что если ты вернешься къ ней, то этимъ самымъ окончательно и безповоротно порѣшишь съ своей жизнью. Ты опять очутишься среди ненормальныхъ жизненныхъ условій, снова овладѣетъ тобой душевная разладица, а при такихъусловіяхъ никакое блаженство не заглушитъ вѣчно звучащаго въ глубинѣ души сомнѣнія. «Въ простотѣ и ясности заключается счастье»,—писалъ ты мнѣ,—такъ ухватись же за эту мысль, докажи, что ты дѣйствительно ею проникнутъ, и отвернись отъ фальшиваго блеска легкомысленной жизни. Подумай также и о человѣческомъ достоинствѣ,—сказалъ бы я тебѣ,—но въ настоящемъ твоемъ положеніи ты неспособенъ проникнуться этой великой мыслью, а потому постарайся лучше сознательно взглянуть на ту дорогу, куда тебя такъ тянетъ, и разобрать хорошенько, встрѣтишь ли ты на ней прочное и правдивое счастье...

Твой *Д. И.*

Отъ *А. В.* къ *Д. И.*

Село П, 25 августа.

Господи, что съ нами дѣлаетъ жизнь! Нѣтъ для нея никакихъ законовъ, ничего въ ней нельзя предусмотрѣть, ничего остановить или измѣнить своей волей!

Словно вихрь, несется она, подхватывая человѣческое существо, то погружая его въ темную бездну, то вознося на недосягаемую высоту безоблачнаго сіянія и простора! Еще два дня тому назадъ я мучился, корчился, какъ прокаженный, читалъ и перечитывалъ твое письмо, почти во всемъ съ тобой соглашаясь, предпринималъ различныя рѣшенія, мѣняя ихъ одно за другимъ, и твердо остановился на единственномъ, по моему мнѣнію, благоразумномъ, хотя и постыдномъ—бѣжать отсюда, какъ вдругъ вчера это письмо! Теперь мнѣ кажется, что я витаю въ царствѣ неземнаго блаженства. Хотя шевелятся въ мозгу сомнѣнія, чувствуется въ глубинѣ невольный страхъ, но все это однѣ тѣни тяжелаго минувшаго, еще не разогнанныя лучами ослѣпившаго меня счастья. Но прочь сомнѣнья, прочь постыдная робость! Къ

Digitized by Google

ней, скорѣе къ ней, моей владычицѣ, а тамъ пусть будетъ все по ея волѣ. Вчера я получилъ отъ нея письмо. Не знаю, сколько разъ перечиталъ его. Я упивался нѣжнымъ запахомъ этихъ тонкихъ листковъ, любовался ея твердымъ, длиннымъ почеркомъ, изучилъ каждое слово этой страстной исповѣди, угадывая всякое чувство и волненіе, которыя владѣли ею, когда она заносила на бумагу всю жизнь своего бѣднаго сердца. Ночью, продолжая сидѣть у своего письменнаго стола, я вспомнилъ о тебѣ, о твоемъ послѣднемъ посланіи, и рѣшилъ переписать тебѣ ея письмо, дабы ты увидѣлъ самъ ошибочность своего мнѣнія и больше не осуждалъ ея. Пойми, Дима, что противъ любви никто не властенъ. Въ ней столько стихійной, нечеловѣческой силы, что борьба съ ней есть борьба тощаго, хилаго деревца съ налетѣвшимъ ураганомъ. Но нечего говорить: прочти это письмо, и ты самъ все поймешь.

Вотъ оно:

«Я вижу, вы рѣшили избѣгать меня, Андрей Владиміровичъ, и никогда болѣе со мною не встрѣчаться. Скоро будетъ мѣсяцъ, съ тѣхъ поръ какъ мы здѣсь встрѣтились. Весь этотъ мѣсяцъ я провела въ томительномъ, тяжеломъ ожиданіи. Каждое утро я вставала съ тайною надеждою, что вы пріѣдете, хотя бы для того, чтобы навсегда проститься со мной, сказать, что все между нами окончательно и навсегда порвано. Вѣдь, уѣзжая изъ Петербурга вы этого не сдѣлали. Я сознаю, что изъ сильно желаемаго мною свиданія ничего для насъ радостнаго выйти не можетъ, а между тѣмъ до безумія хотѣлось бы еще разъ васъ увидѣть. Вѣроятно, вы рѣшили, что этого не должно быть,—пусть будетъ по вашему. Пишу же я вамъ потому, что чувствую потребность, разставаясь съ вами навсегда, въ первый и послѣдній разъ открыть вамъ всю свою душу, передать все, что дѣлалось и дѣлается въ самой завѣтной глубинѣ моего существа. Для чего я это дѣлаю? Повѣрьте, не для того, чтобы вымолить у васъ прощеніе и возвратъ къ прошлому; это было бы слишкомъ пошло, а, главное, недостижимо. Я хочу только, чтобы передъ окончательной разлукой вы знали, что я за человѣкъ, и, быть можетъ, вспоминая меня по прошествіи многихъ лѣтъ, вы не съ однимъ холоднымъ презрѣніемъ отнесетесь къ этому воспоминанію. Помните, какъ вы часто разспрашивали меня про мое дѣтство, и какъ я всегда старалась избѣгать этого разговора. Теперь я начну съ этого, такъ какъ въ человѣческой жизни все имѣетъ связь, все вытекаетъ одно изъ другаго. Дѣтство свое я провела въ деревнѣ. Родители мои жили въ бѣдности. Отецъ когда-то служилъ въ гвардіи, но

Digitized by Google

какъ-то сразу промоталъ все свое состояніе. Получивъ наслѣдство, состоявшее изъ маленькаго имѣнія, онъ бросилъ службу, переѣхалъ въ деревню и скоро женился на дочери сосѣда-помѣщика. Отецъ былъ добрый, но совершенно безхарактерный человѣкъ; онъ весь находился во власти моей матери и не былъ въ состояніи противиться ни одному ея желанію. Мнѣ тяжело говорить о томъ, что произошло между моими родителями, но... я должна вамъ все сказать. Черезъ пять лѣтъ послѣ ихъ свадьбы, когда мнѣ было четыре года, моя мать влюбилась въ офицера, пріѣхавшаго по службѣ въ наши края, и, бросивъ все и всѣхъ, бѣжала съ нимъ. Отецъ съ трудомъ перенесъ этотъ ударъ: онъ тяжко заболѣлъ и, оправившись, превратился въ еще болѣе слабое, жалкое существо. Прожили мы съ нимъ вдвоемъ шесть лѣтъ. Быть можетъ, то было самое счастливое время моей жизни. Я находилась на попеченіи старой няни, за мной никто не смотрѣлъ; я шалила, играла, сколько мнѣ хотѣлось. Мнѣ было уже десять лѣтъ, когда въ одинъ прекрасный день вернулась моя мать. Какъ теперь помню тотъ день, когда этотъ совсѣмъ для меня незнакомый человѣкъ ворвался въ нашу жизнь. Она порывисто вошла въ мою комнату, какъ-то неестественно прижала меня къ своей груди, вскочила, повела меня въ кабинетъ отца, кинулась передъ нимъ на колѣни и истерически кричала:—«прости меня, во имя Оленьки прости». Я ничего не понимала, но дѣтское сердце больно, больно сжалось въ маленькой груди. Отецъ простилъ ее и мы стали жить втроемъ. Но жизнь наша совершенно измѣнилась. Мать принялась за мое воспитаніе, стала давать мнѣ уроки французскаго языка, причемъ часто бивала меня за разсѣянность, и наконецъ уговорила отца переѣхать въ нашъ губернскій городъ, чтобы отдать меня въ гимназію. Въ гимназіи я училась недолго: когда мнѣ минуло шестнадцать лѣтъ, моя мать выписала изъ Петербурга француженку, бывшую второстепенную опереточную пѣвицу,—какъ я узнала потомъ,—и, взявъ меня изъ гимназіи, рѣшила, что наступила пора заняться моимъ внѣшнимъ воспитаніемъ. Въ чемъ заключалось это воспитаніе? Въ постоянныхъ разговорахъ на французскомъ языкѣ, въ чтеніи безсмысленныхъ французскихъ романовъ, въ урокахъ танцевъ, а—особенно—въ изученіи свѣтскихъ приличій и требованій. Въ такихъ занятіяхъ прошелъ цѣлый годъ. Я не скажу, чтобы сильно страдала ото всего этого, чтобы искала какого нибудь выхода:—нѣтъ, я слишкомъ была молода, чтобы понять и оцѣнить всю темную сторону этой жизни; мнѣ казалось, что такъ всегда бываетъ и такъ должно быть. Холодно

Digitized by Google

мнѣ было только, одиноко, не уютно; мягкости, нѣжности, ласки я не видала вокругъ себя! Часто, не то грусть, не то тоска охватывала меня, но причины ея я не понимала, въ положеніе свое не вдумывалась и скорѣе отгоняла тяжелыя чувства, поспѣшно возвращаясь въ ту колею, по которой меня вели. Когда я достигла семнадцатилѣтняго возраста, наступило время, по мнѣнію моей матери, серьезно подумать о моемъ замужствѣ. Для этого, прежде всего, слѣдовало вывозить меня въ свѣтъ, пользуясь тѣми увеселеніями, которыя представлялъ городъ N. Я не хочу скромничать передъ вами: всякое позированіе глупо, а потому скажу вамъ, что я была хороша собой, о чемъ часто слышала разговоры между моими родителями. Я значительно выросла за послѣдній годъ, хорошо одѣвалась; мои черные глаза и бѣлокурые волосы обращали на себя вниманіе.

«Въ тотъ годъ, въ нашемъ городѣ происходили выборы, на которые съѣхалось множество лицъ. Всѣ гостинницы были биткомъ набиты пріѣзжими помѣщиками, изъ которыхъ многіе привезли даже свои семейства. Начались балы, вечера, всевозможныя развлеченія. Я веселилась отъ всего сердца, безо всякой задней мысли, какъ можетъ веселиться только семнадцатилѣтняя дѣвочка. На одномъ изъ баловъ я познакомилась съ своимъ мужемъ. Вы знаете, что онъ—на сорокъ лѣтъ старше меня, а потому поймете, что я ни малѣйшаго вниманія на него не обратила. Но зато онъ, замѣтилъ меня и, на другой же день послѣ первой нашей встрѣчи, пріѣхалъ къ намъ съ визитомъ. Достаточно было того, что онъ—богатѣйшій помѣщикъ въ губерніи, носитъ придворное званіе и вдовецъ; достаточно было этого для моей матери, чтобы обратить на него свое зоркое око и всячески поощрять его ухаживанья за мной. Послѣ пятаго или шестаго визита Сергѣя Ивановича, моя мать, взявъ меня за руку, отвела въ свою спальню и объявила, что должна серьезно поговорить со мной. Она объяснила мнѣ, что наше матеріальное положеніе очень и очень плохо, что послѣ этой зимы мы должны будемъ навсегда зарыться въ деревнѣ и что, въ виду всего этого, мнѣ необходимо постараться немедленно устроить свою дальнѣйшую судьбу, т. е. выйти замужъ. Она сказала мнѣ затѣмъ, что замѣчаетъ ухаживаніе Сергѣя Ивановича за мной и увѣрена, что онъ имѣетъ чистыя намѣренія. Когда я поняла только, къ чему клонится эта рѣчь, сердце мое остановилось, въ глазахъ потемнѣло; я почти безъ чувствъ опустилась въ стоявшее около меня кресло. Я знала, что не въ состояніи буду бороться съ матерью, что я не въ силахъ пойти противъ ея воли и что она,

Digitized by Google

конечно, поставить на своемъ. Фигура этого старика съ отвислой губой, слащавыми глазами и вѣчно холодными, потными руками, съ необычайной ясностью встала передо мной,—и холодный ужасъ сковалъ мое сердце.

«Но что разсказывать вамъ про эту нравственную пытку? Важно то, что случилось. Мать, конечно, добилась своего, и черезъ два мѣсяца послѣ нашего разговора я сдѣлалась m-me Тацкой. Прямо отъ вѣнца мужъ увезъ меня въ деревню. Еслибы мы провели тамъ продолжительное время, я навѣрно не выдержала бы такой жизни и покончила съ своимъ жалкимъ существованіемъ. Можетъ быть, оно было бы и лучше. Но судьба рѣшила иначе. Замѣтилъ ли мужъ мою тоску, или просто захотѣлъ показать тому свѣту, къ которому принадлежалъ, свою молодую жену — не знаю, но къ зимѣ мы переѣхали въ Петербургъ. Вы, конечно, поймете, что такая перемѣна жизни не могла не повліять на меня. Очутившись сразу въ водоворотѣ свѣтской атмосферы, имѣя у себя дома только одно тяжелое и отталкивающее, я кинулась въ это бушующее море, окунулась въ него съ головой. Балы, театры, выѣзды въ свѣтъ, пріемы у себя—все это смѣнялось одно другимъ, отуманивая мою голову, не давая ей останавливаться на тяжелыхъ мысляхъ. За мной ухаживали, я кокетничала, чувствуя порой сладкое замираніе сердца, и все болѣе и болѣе забывалась въ этомъ вихрѣ. Къ счастью, мой мужъ совсѣмъ не былъ ревнивъ, да, кромѣ того, онъ такъ опустился физически и умственно, что пересталъ со мной выѣзжать, сидѣлъ у себя въ кабинетѣ и рѣдко даже меня видѣлъ. Скажите же теперь что должно было случиться со мной при встрѣчѣ съ человѣкомъ, который съумѣлъ бы сильно заинтересовать и увлечь меня? Могла ли я устоять противъ искушенія? Мыслимо ли было мнѣ, одинокой, не получившей въ дѣтствѣ никакихъ нравственныхъ опоръ, выдержать борьбу съ нарождающимся въ сердцѣ чувствомъ? Да и зачѣмъ было бороться? Во имя чего? Въ самую лучшую пору жизни, я была просто на просто продана отвратительному старику; надъ сердцемъ моимъ, надъ всѣми чувствами наругались, кинули меня въ омутъ невылазной грязи,—на какомъ же основаніи могли требовать отъ меня, чтобы я навѣки зарылась въ своей могилѣ, никогда не допускала бы въ свою душу новой жизни? Во-первыхъ, я не въ силахъ была этого сдѣлать, а, во-вторыхъ, не понимала, во имя чего должна была жертвовать собой. Мы встрѣтились... Я не могла не замѣтить, что произвела на васъ довольно сильное впечатлѣніе, а такъ какъ въ моихъ глазахъ вы выдѣлялись изъ толпы окружавшихъ меня молодыхъ людей, выдѣлялись какой-то

Digitized by Google

особой своеобразностью, рѣзкой противоположностью съ другими въ мысляхъ и чувствахъ, такъ какъ мнѣ чудилась въ вашей душѣ особая, вамъ однимъ свойственная мягкость, прямота и восторженность, то я очень скоро замѣтила, что мысли мои заняты исключительно вами. Съ каждымъ новымъ свиданіемъ, мы все болѣе и болѣе сближались; ваши взгляды, ваши ласкающія мягкія рѣчи, полныя скрытой страсти и боязни оскорбить меня, все сильнѣе и сильнѣе смущали меня, волновали мою душу. Но въ то время, какъ сердце говорило мнѣ, что чувство ваше глубоко и серьезно, голова моя доказывала совершенно иное. Сознавая свое положеніе молодой, неуродливой женщины, пользующейся неограниченной свободой, связанной только внѣшнимъ образомъ съ разбитымъ, дряхлымъ старикомъ-мужемъ, и видя усиленное ухаживаніе за мной молодежи, я отлично понимала, что въ этомъ ухаживаньи—мѣста для любви нѣтъ. Я видѣла во всѣхъ этихъ нѣжныхъ взглядахъ, страстныхъ признаніяхъ и увлеченіяхъ—одно лишь желаніе пріятнаго обладанія хорошенькой женщиной, и... больше ничего. Роковая ошибка моя именно и заключалась въ томъ, что хотя во всемъ остальномъ я и выдѣляла васъ изъ окружавшей среды, но въ этомъ отношеніи вы стояли въ глазахъ моихъ наряду съ прочими. Это было причиной, почему произошло все остальное. Долго сердце мое боролось съ головой: при такомъ взглядѣ на ваше чувство, больно и стыдно становилось при мысли, что все жъ таки я готова отдать вамъ все свое существо. Но откуда было взять силы для борьбы? Неизбѣжное случилось... Боже, что я испытала тогда! Бѣшеная страсть, нѣжность, тайное недовѣріе, вызывавшее чувство горькой обиды, даже злоба—все это смѣшалось въ какую-то клокочущую стихійную силу. Я старалась не давать воли своимъ мыслямъ, всецѣло отдаваясь своей любви, чувствуя, что недолговѣчно мое счастье и что эти дни жгучаго, болѣзненнаго блаженства—самые лучшіе во всей моей жизни.

«Но развязка приближалась. Наши отношенія не могли ускользнуть отъ ревнивыхъ взоровъ другихъ моихъ поклонниковъ, и вотъ одинъ изъ нихъ постарался подло и низко ихъ разрушить. Заставъ меня однажды въ тяжеломъ раздумьѣ, вызванномъ все тѣми же мыслями о глубинѣ вашего чувства ко мнѣ, онъ, словно угадавъ то, что происходило въ моей душѣ, намекнулъ, въ разсказѣ о недавнемъ своемъ кутежѣ, что васъ видѣли въ одномъ изъ загородныхъ ресторановъ въ отдѣльномъ кабинетѣ, съ хорошенькой, всѣмъ извѣстной женщиной. Боже, что испытала я въ тѣ минуты? Все мое счастіе, единственная отрада всей моей жизни—

Digitized by Google

все рушилось въ одно мгновеніе, доказывая, что мой удѣлъ—или развратъ, или могила.

«Итакъ предположенія мои были вѣрны: ваша любовь была такая же, какъ и *всѣхъ ихъ*; не стоила она ни одной слезы, ни одного страстнаго порыва моего переполненнаго любовью сердца. Всѣ ваши слова, вся ваша нѣжность—все это было той же жалкой низостью, наполнявшей ихъ мелкія душонки! Неужели же я буду продолжать служить вамъ игрушкой? Неужели же я дамъ вамъ право насмѣяться надо мной? Все закипѣло въ моей душѣ. Дикая злоба переполнила сердце. Такъ покажу же я ему, какъ цѣню его чувство, пускай увидитъ онъ собственными глазами, какую я придаю ему цѣну! И вотъ произошло то, что̀ вы знаете, о чемъ мнѣ страшно вспоминать. Вернувшись съ того бала, я всю ночь не смыкала глазъ; что-то холодное, тяжелое шевелилось на сердцѣ. Что жъ онъ сдѣлаетъ? думала я. Ожидала я, что вы явитесь за̀ объясненіями, повторяла себѣ тысячу разъ, чѣмъ отвѣчу на ваши упреки. Нѣсколько дней не выходила я изъ дому, вздрагивая при каждомъ звонкѣ. Тотъ глупый фатъ, послужившій орудіемъ моей мести, на другой же день послѣ бала явился ко мнѣ, убѣжденный въ своей побѣдѣ; я его, конечно, не приняла. Но вотъ до меня доходятъ слухи, что вы внезапно уѣхали въ деревню, что никто никакихъ свѣдѣній о васъ не имѣетъ. Вдругъ сомнѣніе закралось въ мою душу: а что̀, если все это ложь, что̀, если я оскорбила, загрязнила настоящее чувство? При этой мысли, такое отчаяніе сдавило мнѣ сердце, что я постаралась скорѣе отогнать ее. Но, чѣмъ болѣе я думала о васъ, тѣмъ долѣе приходила къ заключенію, что меня обманули и что я сдѣлала что-то невѣроятно-ужасное, безповоротное. Такое положеніе было слишкомъ мучительно, слишкомъ невыносимо. Я рѣшила увидѣть васъ. Объ остальномъ вы сами догадываетесь. Теперь вы знаете все и, надѣюсь, не станете думать обо мнѣ съ однимъ лишь презрѣніемъ. Прощайте, прощайте навсегда. Черезъ два дня я уѣзжаю. Знайте, что я любила васъ всѣми силами своей души. Любила?! Нѣтъ, люблю до сумашествія. Дорогой мой, вернись ко мнѣ...»

Вотъ, Дима, ея письмо. Бѣдное, несчастное созданіе! Безъ опыта, безъ твердой почвы и опоры, попала она въ клокочущій житейскій водоворотъ и, измученная, истерзанная, упала въ изнеможеніи подъ его неистовой силой. Но нѣтъ, моя дорогая! Я подыму тебя, унесу въ своихъ объятіяхъ отъ всей этой подлой тли. Я чувствую въ себѣ такую силу, что никто и ничто не будетъ въ состояніи ее сломить.

Digitized by Google

Прощай, дорогой мой другъ. Что будетъ дальше, не знаю. Вижу впереди ослѣпительный блескъ новой зари нарождающагося блаженства. Завтра лечу снова къ ней.

Твой *А. В.*

Отъ *А. В.* къ *Д. Н.*

Крымъ, 29 сентября.

Съ тѣхъ поръ какъ я покинулъ деревню, прошло уже болѣе мѣсяца, а я ни разу еще не писалъ тебѣ, дорогой мой Дима. За все это время я не успѣвалъ не только писать, но и думать о чемъ нибудь.

Безконечное счастье охватило меня и унесло въ своемъ вихрѣ отъ всего земнаго. Внѣшній міръ, съ его заботами, требованіями и скучными формами существованія, остался въ туманной дали; онъ замѣнился вѣчнымъ блескомъ необъятнаго, неземнаго блаженства. Постоянное присутствіе этого свѣта поглощаетъ все мое существо; я отогрѣваюсь въ его лучахъ, какъ заживо погребенный, вызванный на свѣтъ божій. Она тутъ, рядомъ со мной; я слышу, вижу ее, и весь смыслъ моей жизни заключается именно въ этомъ. Сидитъ ли она, занятая чѣмъ нибудь, я любуюсь ею изъ своего угла, наблюдаю каждое ея движеніе, угадывая, о чемъ она думаетъ; говоритъ ли что, я упиваюсь звукомъ ея голоса, выраженіемъ милаго лица, мягкимъ взглядомъ ея черныхъ глазъ; работаетъ ли, а я читаю ей вслухъ,—часто отрываюсь я отъ чтенія, слѣдя за ея тонкой, нѣжной рукой, за сосредоточеннымъ выраженіемъ ея наклоненнаго лица. Однимъ словомъ, всѣ мои помыслы, чувства, все мое существованіе безгранично принадлежитъ ей; внѣ ея, весь міръ для меня — пустой звукъ. Можетъ быть, найдутся люди, которые назовутъ такую жизнь жалкой, пустой праздностью, но я отвѣчу имъ, что жалки, напротивъ, они, если не способны понять всей глубины и полноты существованія, всецѣло поглощеннаго однимъ чувствомъ и помысломъ. Неужели же жизнь, размѣненная на мелочи, исполненная всевозможныхъ стремленій, исканій, ничтожныхъ заботъ, съ вѣчно открытыми вопросами и разочарованіями, полнѣе жизни, исключительно отданной одному чувству, внѣ котораго все ложь и суета? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Въ любви и одной любви,— въ какомъ бы видѣ она ни проявлялась,—вся красота, вся гармонія и чистота нашего земнаго существованія. Прочь всѣ сомнѣнія и колебанія, прочь эти остатки ничтожнаго, суетнаго прошлаго; смѣло и бодро будемъ идти впередъ, не останавливаясь предъ жалкимъ людскимъ

Digitized by Google

законодательствомъ, плодомъ ихъ пустаго, тщеславнаго бытія. Дорогой мой, еслибы ты могъ понять всю силу ея обаянія! Но нѣтъ; я чувствую, что если ты и не слишкомъ осуждаешь, то все же не даешь мнѣ своего полнаго сочувствія. Не бойся оскорбить меня, говори всю правду, высказывай все, что ты думаешь обо мнѣ и о томъ пути, на который я безповоротно вступилъ. Я вѣрю въ искренность твоего расположенія ко мнѣ, а при этомъ условіи нѣтъ вещи, которой бы я не могъ выслушать отъ тебя. Ты—мой старый, испытанный другъ, въ дѣйствительномъ смыслѣ этого слова, а потому нѣтъ вопроса, котораго мы должны были бы избѣгать въ разговорѣ другъ съ другомъ. Хочешь ли знать, какъ мы устроились здѣсь? Конечно, да, — и я тебѣ все опишу.

Пріѣхали мы сюда въ концѣ прошлаго мѣсяца. Такъ какъ мы рѣшили поселиться недалеко отъ города (Ольгѣ доктора дѣйствительно предписали морскія ванны), то пришлось намъ устроиться отдѣльно другъ отъ друга: тутъ много пріѣзжихъ изъ Петербурга и мы рискуемъ встрѣтиться съ кѣмъ нибудь изъ знакомыхъ. Единственная темная точка въ моей теперешней жизни— это ложное наше положеніе. Я предлагалъ Ольгѣ сейчасъ же начать хлопоты о разводѣ, но она не хочетъ, чтобъ настоящее наше счастіе было нарушено всѣми неизбѣжными дрязгами, соединенными съ этимъ вопросомъ, и проситъ хоть немного подождать. Въ сущности, до сихъ поръ мы не встрѣчали ни одного знакомаго лица; мужъ ея ничего не подозрѣваетъ, такъ что ничто еще не угрожаетъ нашему солнечному дню.

Итакъ, мы поселились отдѣльно. Мнѣ удалось напасть на двѣ маленькія дачи, расположенныя въ какой нибудь полутораверстѣ отъ города. Это очень миленькіе, чистенькіе домики, отстоящіе другъ отъ друга не болѣе какъ на четверть версты, обросшіе со всѣхъ сторонъ густымъ виноградомъ и расположенные въ очень дикой, красивой мѣстности. Дача Ольги — ближайшая къ городу: она высится на краю обрыва и окружена запущеннымъ, густо заросшимъ паркомъ. Съ ея балкона чудный далекій видъ вдоль долины,—изрѣзанной татарскими садиками,—на городъ и море. Мой домъ глубже въ горахъ; онъ также погруженъ въ зелень, но изъ моихъ оконъ моря не видно. Однѣ дикія скалы, покрытыя соснами, окружаютъ меня, да вдали высоко въ небѣ виднѣется легкая воздушная линія горнаго хребта. Очень мнѣ нравятся горы: ихъ рельефы такъ стройно, граціозно выдѣляются на синемъ, чистомъ небѣ, такъ величественно спадаютъ внизъ угрюмые утесы, по которымъ тамъ и сямъ мелькаютъ продѣланныя татарами тропинки. У подножія

Digitized by Google

онѣ покрыты густой зеленью, переливающейся всевозможными оттѣнками подъ солнечными лучами, а выше — все чаще и чаще мелькаютъ сѣрыя, голыя площадки; наверху же—одинъ сѣрожелтоватый камень, весь изрытый словно морщинами; на немъ только кое-гдѣ одиноко растутъ отдѣльныя сосны. Такъ мнѣ хорошо живется въ моемъ домикѣ! Встаю я рано и, выпивъ кофе, отправляюсь съ рабочимъ ящикомъ бродить по окрестнымъ скаламъ. Иногда возвращаюсь съ набросанными эскизами, а иногда, не въ силахъ взять кисть въ руки, сижу гдѣ нибудь подъ деревомъ и любуюсь лежащими у моихъ ногъ прелестными картинами. Часовъ около десяти я отправляюсь къ Ольгѣ. Она всегда встрѣчаетъ меня на дорогѣ. Какъ только мелькнетъ передо мной въ кустахъ ея круглая соломенная шляпка, ея граціозная фигура,—сердце мое замретъ отъ восторга и я остановлюсь, какъ вкопанный. Вотъ она выдетъ изъ-за поворота, увидитъ меня; глаза ея радостно блеснутъ, губы улыбнутся, она протянетъ мнѣ руки, и я кинусь къ ней, какъ безумный, будто цѣлый годъ не видалъ ея. Сердце невыносимо заколотится въ груди... Въ это время она всегда ходитъ брать свою ванну; я провожаю ее до города, а самъ остаюсь въ саду ожидать ея возвращенія. Она всегда спѣшитъ, счастье мое дорогое, чтобы не заставлять меня слишкомъ долго дожидаться. Бодрая, свѣжая, румяная, съ блестящими глазами, мокрыми, непослушно выбивающимися изъ подъ шляпки волосами, она спѣшитъ ко мнѣ. Радостно и весело возвращаемся мы домой разными окольными тропинками. Иногда она заходитъ ко мнѣ, роется въ моихъ работахъ, болтаетъ и смѣется, какъ ребенокъ.

Дома, т. е. у нея на дачѣ, насъ ожидаетъ уже обѣдъ. Обыкновенно столъ накрытъ на балконѣ, такъ какъ онъ на тѣневой сторонѣ. Долго сидимъ мы за столомъ, любуясь лежащимъ передъ нашими глазами видомъ, составляя великолѣпные планы въ будущемъ, мечтая со временемъ навсегда поселиться въ этомъ чудномъ краю, гдѣ мы впервые испытали безмѣрное, безоблачное счастіе. Подъ вечеръ, намъ обыкновенно приводятъ верховыхъ лошадей, и мы отправляемся въ дальнія экскурсіи. Возвращаемся уже при полной темнотѣ. Тогда на балконъ выносится лампа; Ольга садится съ работой, а я начинаю читать ей вслухъ. Но чтеніе наше не особенно быстро подвигается. Такой нѣгой-истомой дышетъ эта южная ночь, такою страстью напитанъ окружающій насъ воздухъ, что работа падаетъ у нея изъ рукъ, книга моя сама собой закрывается, и мы безмолвно упиваемся этой страстью и нѣгой тихо задремавшей природы, чувствуя только,

Digitized by Google

какъ неистово бьется сердце въ груди, какъ по всему тѣлу пробѣгаетъ томительная, сладостная дрожь.

Боже, какъ великолѣпны эти ночи! Какъ чудно это далекое море, когда полоса луннаго свѣта, пробѣжавъ серебристой лентой по всей долинѣ, мягко ляжетъ на водную гладь и, все съуживаясь, пропадетъ наконецъ гдѣ-то въ темной дали. Какая торжественная, благоговѣйная тишина кругомъ, какъ тихо и чутко внимаютъ ей высокіе, нѣжные тополи, облитые серебристымъ сіяніемъ. Кудрявые дубы, орѣшники, миндали будто ниже опускаютъ свои мохнатыя головы и только снизу, изъ долины, доносится тихое журчанье полуизсякшей горной рѣчки, да съ моря несется тихій, ласковый плескъ!.. Нѣтъ, ни словами, ни кистью такой красоты не передать.

Прощай, дорогой мой. На сегодня довольно. Я пожертвовалъ тебѣ своей утренней прогулкой, а теперь пора къ ней,—моему счастью, жизни моей. Она все: и цѣль, и смыслъ моего существованія. Твой *А. В.*

Отъ *Д. Н.* къ *А. В.*

Петербургъ, 6-го октября.

Твое письмо, любезный другъ, повергло меня въ большое смущеніе. Я не знаю, какъ тебѣ на него отвѣтить. Ты находишься въ такомъ восторженномъ настроеніи, что звукъ трезваго, спокойнаго голоса можетъ больно и оскорбительно прозвучать въ твоихъ ушахъ. Лишь вторящіе твоей торжествующей пѣснѣ звуки были бы тебѣ пріятны; одна лишь полная солидарность съ твоими чувствами могла бы тебя удовлетворить. Но что же дѣлать, если я не нахожу въ себѣ этихъ отзвуковъ, если то, что мнѣ хотѣлось бы тебѣ сказать, холодно и непріятно коснется твоей души? Не лучше ли молчать? Но, во-первыхъ, это молчаніе можетъ показаться тебѣ не менѣе обиднымъ, а, во-вторыхъ, недаромъ ты считаешь меня своимъ испытаннымъ другомъ. Дружба же имѣетъ свои обязательства: она мыслима только при полной обоюдной откровенности, даже если эта откровенность заключаетъ въ себѣ порицаніе. Будемъ же говорить другъ съ другомъ безъ всякихъ увиливаній и ухищреній, выслушивая безъ всякой злобы и желчи то, что диктуется намъ нашей взаимной привязанностью.

Изъ этихъ уже словъ ты угадываешь, что твое настоящее психическое состояніе не нашло во мнѣ полнаго одобренія. Дѣйствительно, когда я прочиталъ твое письмо, тяжелыя и тревож-

Digitized by Google

ныя мысли нахлынули мнѣ въ голову. Хорошо зная меня, ты знаешь также мое нѣсколько скептическое отношеніе къ роду людскому. Сколько я ни приглядывался къ окружающимъ меня людямъ, я скорѣе находилъ въ нихъ отрицательныя черты того, что должно составлять необходимую принадлежность духовнаго существа. Все кругомъ какъ-то пусто, безсильно, мертво. Много, конечно, борьбы, страданій въ этомъ житейскомъ круговоротѣ, но большинство всѣхъ этихъ стремленій и стараній остаются мертворожденными. Не видно въ нихъ силы, мужества,—необходимыхъ принадлежностей нравственнаго человѣческаго существа. Почему все это такъ? не разъ спрашивалъ я себя. Неужели наша общественная жизнь такъ уродливо сложилась, что давитъ все живое и оригинальное, не давая простору новымъ мыслямъ и чувствамъ. Или воспитаніе молодаго поколѣнія такъ безжизненно и поверхностно, что не только не даетъ развитія внутренней силѣ, но въ зачаткѣ душитъ ее? А можетъ быть, семейныя начала существуютъ теперь въ такомъ разлагающемся состояніи, что отравляютъ всякое чистое незараженное созданіе. Не знаю почему, но все кругомъ стало болѣзненно, тщедушно и жалко.

Въ тебѣ я видѣлъ другаго человѣка. Въ твоихъ стремленіяхъ, порывахъ чувствовалась свѣжая, бодрая сила; твои чувства были чисты и вдохновенны. Ты твердо шелъ на встрѣчу жизни, и думалось мнѣ, что много нужно сильнѣйшихъ волненій и бурь, чтобы поколебать и раздавить тебя. Тревожили меня только твои подчасъ слишкомъ идеалистическіе порывы, но я успокоивалъ себя мыслью, что это — избытокъ молодыхъ силъ, ищущихъ себѣ выхода. Воспоминанія собственной молодости еще болѣе убѣждали меня въ этомъ, а дружба твоя со мной, съ человѣкомъ на десять лѣтъ тебя старше, доказывала присутствіе въ тебѣ не одного только легкомыслія. Но вотъ налетѣлъ на тебя первый вихрь. Съ безпокойствомъ ожидалъ я, какъ ты вынесешь его удары. Искренно порадовался я въ началѣ, увидѣвъ, какъ рѣшительно, твердо поборолъ ты себя, сразу покончивъ съ тѣмъ, что считалъ недостойной слабостью. Ты не повалился, разслабленный и жалкій, не сталъ утѣшать себя ложными мыслями; ты рѣшилъ вырваться изъ окутавшихъ тебя сѣтей,—и сдѣлалъ это молодцомъ. Надѣялся я, что, покончивъ съ вопросами такъ называемой любви,—необходимыми спутниками молодости, — ты вступишь на настоящую дорогу осмысленнаго труда, развивающаго всѣ человѣческія способности, всѣ природные дары, и твердо пойдешь по ней. Вышло иначе. Оказалось, что первое столкновеніе твое съ жизнью сильнѣе поразило тебя, чѣмъ я

Digitized by Google

ожидалъ. Ты боролся, ты старался вернуть свои силы, но въ душѣ твоей продолжалъ копошиться все тотъ же червь, уничтожавшій плоды твоихъ усилій. И вотъ, въ концѣ концовъ, при новомъ испытаніи, остатки твоей воли исчезли: ты безповоротно отдался охватившему тебя теченію. Вотъ какимъ образомъ я понимаю то, что съ тобой произошло и происходитъ. Разумѣется, ты съ негодованіемъ отвергнешь мой взглядъ, скажешь себѣ, что я неспособенъ понять того, что происходитъ въ твоей душѣ. Но, Андрюша, вѣдь это не отвѣтъ, вѣдь такимъ аргументомъ можно отвергнуть всякую мысль, разъ она непріятна. Постарайся хоть на минуту вырваться изъ своего очарованнаго круга, взгляни на себя объективно. Неужели ты не поразишься различіемъ того, что ты говоришь теперь, съ тѣмъ, что исповѣдывалъ прежде? Вспомни твои рѣчи о томъ, что всякій человѣкъ обязанъ служить по мѣрѣ силъ своихъ человѣчеству, что всякое отдѣльное существо должно, какъ муравей, нести въ общую кучу плоды своихъ трудовъ на пользу общаго дѣла. Что же говоришь ты теперь? Ты всю свою жизнь отдалъ блаженству и внѣ его не хочешь видѣть ни цѣли, ни смысла существованія. Пойми, что достаточно было привлекательной женщинѣ завладѣть тобою, чтобы всѣ прежніе твои идеалы, воззрѣнія на свои обязанности и свое назначеніе—разлетѣлись въ прахъ. Природа дала тебѣ чуткое сердце, отзывчивую душу, вложила въ тебя зачатки таланта; какъ же воспользовался ты всѣми этими дарами? Неужели же ты съ презрѣніемъ отвернешься отъ нихъ, чтобы всецѣло предаться одному лишь самоуслажденію? Своими словами о великомъ значеніи любви ты стараешься только самъ себя оправдать, найти извиненіе передъ своей совѣстью въ жалкой, недостойной слабости. Не отрицаю я великаго значенія любви, но не любви, служащей лишь къ удовлетворенію личнаго увлеченія, а любви, возвышающей, очищающей душу, поднимающей нравственный уровень человѣка до сознанія необходимости труда и жертвы съ цѣлью не дать себѣ опуститься въ омутъ безпредѣльнаго эгоизма.

Нѣтъ, Андрюша, не могу я и не хочу принимать иначе твои слова, какъ слова лежащаго въ бреду больнаго. Не хочу вѣрить, чтобы ты серьезно всѣ свои стремленія къ служенію правдѣ, добру и самоусовершенствованію замѣнилъ идеаломъ безпредѣльнаго эгоизма, стремленія къ личному счастью и самоуслажденію. Не говорю, что человѣкъ во имя человѣчества долженъ жертвовать своимъ личнымъ счастіемъ; но думаю, что если оно дается ему, то тѣмъ болѣе долженъ онъ чувствовать потребность работы на пользу общую. Иначе, идя по такой дорогѣ, можно дойти

Digitized by Google

до полной потери человѣческаго достоинства, возносящаго каждаго изъ насъ надъ всѣмъ остальнымъ животнымъ міромъ. Не въ любви и въ самоудовлетвореніи заключается жизнь человѣческая, а въ мелкой и тяжелой работѣ совершенствованія, въ развитіи своего природнаго дарованія, въ стремленіи къ вѣчной истинѣ и добру. Твоя любовь и поклоненіе ей не вѣчны, а правда и добро не перестанутъ сіять человѣчеству путеводной звѣздой.

Не хочу говорить тебѣ о томъ ненормальномъ положеніи, въ которомъ ты находишься по отношенію къ любимой женщинѣ: это область, въ которую никто не имѣетъ права проникать; но боюсь, чтобъ эта ненормальность не привела тебя къ чему либо роковому.

Прости меня, Андрюша, за это, быть можетъ, сухое письмо; но вѣрь, что оно вызвано искреннимъ расположеніемъ къ тебѣ и тревогой за твою судьбу.

Твой *Д. Н.*

Отъ *А. В.* къ *Д. Н.*

Крымъ, 15-го октября.

Дѣйствительно, письмо твое, Дима, показалось мнѣ сухо и жестоко. Теперь, когда вся жизнь свѣтится передо мною сіяніемъ счастія и блаженства, твои слова, какъ рѣзкій звукъ, принесшійся изъ совсѣмъ другаго міра, заставили меня вздрогнуть.

Скажу тебѣ откровенно, что, прочитавъ твое письмо, я съ неудовольствіемъ отбросилъ его въ сторону, стараясь скорѣе забыть твои слова, непріятно и холодно подѣйствовавшія на меня. Но прошло нѣсколько дней, а твое письмо все чаще и чаще приходитъ мнѣ въ голову, возбуждая на душѣ тревожное чувство. Я только что перечиталъ его и хочу постараться отвѣтить на твое суровое порицаніе. Прежде всего, ты находишь въ моемъ поведеніи непростительную слабость, приведшую меня къ безпредѣльному эгоизму и отрицанію всѣхъ серьезныхъ, осмысленныхъ началъ духовной жизни. Ты видишь въ настоящемъ моемъ существованіи одно лишь чувственное самоуслажденіе, не признавая въ немъ никакого другаго смысла. На все это я могу тебѣ сильно возразить. Скажи мнѣ, во-первыхъ, существуетъ ли на свѣтѣ опредѣленная и ясная цѣль человѣческаго бытія? Существуетъ ли та дорога, по которой, внѣ всякаго сомнѣнія, слѣдуетъ идти и которая приводитъ къ конечной, всѣмъ несомнѣнно видимой точкѣ? Еслибъ это было такъ, то, разумѣется, всякое

Digitized by Google

отклоненіе въ сторону отъ дороги было бы видимо и не могло бы быть спора: правъ или нѣтъ человѣкъ, дѣлая тотъ или другой шагъ. Но такъ ли это? Очевидно, нѣтъ. Напротивъ, въ жизни нашей мы видимъ полное отсутствіе опредѣленности и ясности; существованіе наше скорѣе можно сравнить съ блужданіемъ въ потемкахъ, стараніемъ выйти на какую либо прямую тропу, чтобы отдохнуть наконецъ отъ вѣчнаго шатанія изъ стороны въ сторону.

Ты, напримѣръ, призываешь на служеніе добру и правдѣ, но... гдѣ добро и гдѣ правда? Кто намъ можетъ безошибочно указать, что тутъ вотъ добро, а тамъ зло; что это истина, а то — ложь? На свѣтѣ существуетъ безконечное число ученій и каждое изъ нихъ считаетъ себя истиннымъ, у каждаго изъ нихъ свое добро и своя истина. Не только всѣ они не сходятся между собой, но большинство противоположны одно другому. Слѣдовательно, намъ,—жалкимъ слѣпцамъ, блуждающимъ по жизненному полю, изборожденному плохо утоптанными тропинками,—остается выбрать одну изъ нихъ и уже идти туда, куда она насъ приведетъ. Но еще было бы хорошо, еслибъ этимъ и кончилось, а на самомъ дѣлѣ тутъ-то и начинается настоящее драматическое положеніе. Шагаешь, положимъ, по одной изъ этихъ дорогъ, разсчитывая, что вотъ въ такомъ-то мѣстѣ она должна повернуть вправо; подходишь къ этому мѣсту... и что же? Чувствуешь, что дорога круто повернула влѣво, а ты стоишь на мѣстѣ, отъ котораго бѣгутъ во всѣ стороны другія тропинки. Что же дѣлать? Куда идти? Что, если ты не откажешься отъ своей дороги, а она тебя приведетъ къ непроходимому болоту? А, быть можетъ, вотъ одна изъ этихъ тропинокъ и есть самая настоящая! На что же рѣшиться? Начинается мучительная борьба, метаніе изъ стороны въ сторону. Представь себѣ, что въ эту тяжелую, роковую минуту, въ той сторонѣ, куда свернула одна изъ тропинокъ, послышатся дивные чарующіе звуки, полные вдохновенной страсти, раздастся голосъ, призывающій тебя къ отдыху, счастью, успокоенію отъ тяжкой борьбы. Что же тогда? Неужели отвернуться отъ этихъ дышащихъ красотой и гармоніей звуковъ и продолжать свой безотрадный, невѣдомо куда ведущій и гдѣ кончающійся путь? Зачѣмъ? Во имя чего? Хорошо, если ты проникнуть убѣжденіемъ, что та дорога, по которой — идешь, какъ она ни извивается,— все же приведетъ къ намѣченной цѣли; что доносящіеся до твоего слуха звуки не болѣе, какъ навожденіе дьявольское. А если въ душѣ мелькнетъ сомнѣніе: не въ этой ли пѣснѣ и не въ томъ ли мѣстѣ, откуда она несется, и заключается та точка, къ которой

Digitized by Google

слѣдуетъ стремиться? Что тогда? О, тогда, повѣрь мнѣ, ты откажешься отъ своего прежняго пути и съ трепетной надеждой поспѣшишь туда, гдѣ чудится тебѣ ослѣпительный блескъ, способный разсѣять густую тьму, лежащую передъ твоими глазами. Нѣтъ силъ для борьбы, когда въ душу запало сомнѣніе въ ея цѣлесообразности. Но вотъ ты вышелъ къ тому зачарованному, такъ страстно тебя манившему мѣсту. Сіяющій свѣтъ разогналъ прежнюю темноту; передъ твоими усталыми глазами заиграли, заискрились невѣдомые тебѣ теплые, радостные лучи. По разбитымъ, изможденнымъ въ тяжелой дорогѣ членамъ разливается сладкая нѣга; чудные, полные умиротворяющей силы, звуки какого-то торжествующаго гимна несутся къ тебѣ со всѣхъ сторонъ. Наконецъ,—какъ воплощеніе всей этой красоты, гармоніи и нѣги,—твоимъ зачарованнымъ глазамъ является она, волшебная властительница этого очарованнаго царства. Она съ улыбкою протягиваетъ тебѣ руки, маня къ себѣ, въ свое царство любви, радости и покоя. Съ благодарными слезами на глазахъ, усталый, разбитый, ты падаешь ницъ передъ нею, чувствуя, что все тяжелое, мрачное, все, непосильнымъ бременемъ давившее слабую грудь, какъ мракъ отъ солнечнаго луча, исчезло въ дали, а что-то неизвѣданное, ласкающее и мягкое проникаетъ въ сердце. Какую же силу надо имѣть, какую вѣру въ свою непогрѣшимость, чтобы отвернуться отъ этой новой зари другаго существованія, исполненнаго красоты и гармоніи, чтобы вырваться изъ замкнувшаго тебя очарованнаго круга? Какое непоколебимое убѣжденіе въ ложности и призрачности всего раскрывшагося передъ тобой сіянія должно жить въ душѣ, чтобы рѣшиться покинуть этотъ уголокъ и снова выйти на торную дорогу, по которой ты только что шагалъ съ такимъ тяжелымъ усиліемъ и безотрадной медленностью! Нѣтъ, не обвиняй того, кто не оборотится назадъ, а пойми, что съ высоты такого сіяющаго блаженства—возврата нѣтъ. Пойми, что въ безповоротномъ отреченіи отъ самого себя, въ полномъ пожертвованіи своего существа другому любимому человѣку—нѣтъ мѣста эгоизму. Ты скажешь, что такая жертва есть все таки эгоизмъ, потому что себѣ же доставляетъ наслажденіе; но въ такомъ случаѣ все въ мірѣ эгоизмъ; ты самъ недалеко ушелъ отъ меня, ибо твоя работа, твоя дѣятельность прежде всего удовлетворяетъ тебя самого, а сознаніе того, что твой путь есть путь праведный, ласкаетъ твое эгоистическое чувство. Въ сущности, всѣ эти возвышенныя мысли о дѣятельности на пользу общечеловѣческую, о самоотреченіи и т. д. суть тѣ ложные призраки, которыми человѣчество возвышаетъ себя въ

Digitized by Google

своемъ собственномъ мнѣніи, стараясь ими доказать высоту своего нравственнаго уровня. Зачѣмъ тѣшить себя фальшивымъ блескомъ? Всѣ мы—человѣки, а удѣлъ и назначеніе таковыхъ не очень ужь велики. Пусть каждый живетъ въ своемъ уголку и если въ этомъ уголку все искренно, правдиво, если въ немъ бьется горячее сердце, то надо этимъ довольствоваться и нѣчего искать бо̀льшаго.

Не думай, что, подъ вліяніемъ охватившаго меня счастія, я отвернулся отъ всякой дѣятельности, отказался отъ всѣхъ другихъ стремленій. Нѣтъ, я далекъ отъ этого, но въ основаніи каждой моей мысли, каждаго чувства легло теперь сознаніе моей любви и полнаго отреченія отъ своего «я». Вотъ это-то послѣднее сознаніе, проникающее въ самую глубину моей души, и составляетъ тотъ краеугольный камень, на которомъ зиждется моя новая жизнь и оправданіе ея, если она въ немъ нуждается.

Вотъ мой отвѣтъ на твои обвиненія, Дима. Боюсь, что онъ не удовлетворитъ тебя, и что въ концѣ концовъ ты отвернешься отъ своего друга. Подожди еще окончательно осуждать меня. Я переживаю теперь переходное время; многое должно еще совершиться, прежде чѣмъ наша жизнь взойдетъ въ нормальную колею.

Твой намекъ на ненормальность нашего положенія съ Ольгой еще больнѣе отозвался въ моемъ сердцѣ. Больнѣе потому, что это—единственное черное пятно на свѣтломъ нашемъ небѣ. Хотя Ольга старается доказать мнѣ, что такое положеніе есть вопросъ времени, что мы теперь ни о чемъ другомъ не должны думать, какъ только о нашей любви; но я вижу, что въ ней живетъ тайное недовольство, подчасъ сильно ее раздражающее и тяжело дѣйствующее на ея нервы. Случается, что я застаю ее въ глубокой задумчивости, иногда ловлю ея разсѣянный взглядъ; она избѣгаетъ моихъ вопросовъ, говоритъ, что все это нервы, которые никакъ не могутъ успокоиться. Надо будетъ прекратить эту ненормальность и сдѣлать рѣшительный шагъ.

До свиданія, Дима. Не будь слишкомъ строгъ ко мнѣ и дай себя обнять твоему давнишнему пріятелю.

А. В.

Отъ *А. В.* къ *Д. Н.*

Крымъ, 15-го ноября.

Дорогой Дима!

Мое послѣднее письмо очевидно не удовлетворило тебя, не оправдало меня въ твоихъ глазахъ: ты на него не отвѣтилъ. Признаюсь, я первое время не обратилъ на это большаго внима-

Digitized by Google

нія. Моя жизнь такъ полна сильныхъ, отуманивающихъ впечатлѣній, что мысль неспособна сосредоточиться на чемъ либо, находящемся внѣ извѣстнаго круга. Хотя сознаніе, что ты не находишь возможнымъ продолжать наши прежнія, вполнѣ откровенныя отношенія, больно и оскорбительно отозвалось въ душѣ, но другія впечатлѣнія и чувства не дали мнѣ на немъ остановиться. Теперь же я снова испытываю потребность вернуться къ тебѣ, а потому сажусь писать, не зная даже, откликнешься ли ты на мой голосъ. Бываютъ же такія минуты, когда необходимость высказаться, поговорить о томъ, что лежитъ на сердцѣ, такъ велика, что не сдѣлать этого просто невозможно. Я именно испытываю теперь такую минуту. Прочтя эти слова, ты навѣрно подумаешь, что со мной случилось нѣчто ужасное, что я снова мучусь, скрежещу отъ боли и т. д. Но успокойся, мой другъ: ничего такого со мной не произошло, хотя та жизнь, о которой я тебѣ отсюда писалъ, нѣсколько измѣнилась. Я и хочу поговорить съ тобой объ этой перемѣнѣ.

Помнится мнѣ, описывая наше времяпровожденіе, я говорилъ тебѣ, что ежедневно утромъ провожаю Ольгу въ городъ, куда она ходитъ брать морскія ванны. Недѣли двѣ тому назадъ, мы по обыкновенію направились туда. Я, какъ всегда въ отсутствіе Ольги, сѣлъ на скамейку въ саду. Въ тотъ день тревожныя мысли лѣзли мнѣ въ голову. Нервность Ольги, все болѣе и болѣе развившаяся за послѣдніе дни, начинала сильно безпокоить меня. Я сталъ замѣчать въ ней непонятную озабоченность, какую-то неровность, порывистость, отражавшуюся даже въ ея движеніяхъ и разговорѣ. Не смотря на всѣ свои старанія, я иногда бывалъ не въ силахъ разогнать ея задумчивость, вызвать улыбку на ея сосредоточенномъ лицѣ. На всѣ мои разспросы, увѣщанія и просьбы открыть причину такой перемѣны, она отвѣчала, что все происходитъ отъ ея несчастныхъ нервъ, съ которыми она не въ силахъ справиться. Я замѣчалъ также, что разговоръ о нашемъ будущемъ еще сильнѣе возбуждалъ ее. Она каждый разъ начинала упрекать меня въ томъ, что я не могу довольствоваться ея любовью, въ какомъ бы видѣ она ни проявлялась, что не слѣдуетъ загадывать о томъ, что насъ ждетъ впереди, когда настоящее такъ прекрасно; что моя неудовлетворенность нашей жизнью ей оскорбительна, и что съ своей стороны она ни о чемъ другомъ не способна думать, ничего другаго чувствовать, какъ только свою любовь. Каждый такой разговоръ кончался чуть не нервнымъ припадкомъ, такъ что я самъ сталъ его избѣгать. Все это—дѣло времени, успокоивалъ я себя. Уѣдемъ отъ-

Digitized by Google

сюда куда нибудь за границу, порвемъ окончательно со всѣмъ прошлымъ,—тогда все успокоится, уравняется и войдетъ въ нормальную колею.

Вотъ, сидя на скамейкѣ, въ тѣни широко раскинувшагося каштана, я задумался надо всѣмъ этимъ. Когда я очнулся и посмотрѣлъ на часы, оказалось, что почти два часа провелъ я въ этихъ мысляхъ. Что же это Ольга нейдетъ?—подумалъ я съ безпокойствомъ. Никогда до этого дня мнѣ не приходилось ожидать ее болѣе часу. Не будучи въ состояніи овладѣть своей тревогой, я рѣшилъ пойти ей на встрѣчу, хотя всегда избѣгалъ этого, боясь натолкнуться на непріятную встрѣчу. Не успѣлъ я выйти изъ сада на набережную, какъ увидѣлъ шедшую мнѣ на встрѣчу Ольгу, но... но она была не одна. Ее сопровождали Ивлинскіе, мужъ и жена (у нихъ на балу я впервые показалъ тебѣ Ольгу) и незнакомые мнѣ двое молодыхъ людей. Замѣтивъ меня, Ольга съ удивленной улыбкой воскликнула, протягивая мнѣ руку:

— Андрей Владиміровичъ, какими судьбами! Когда вы пріѣхали? Надолго ли? Вотъ пріятная встрѣча!

Замѣчательно естественно это у нея вышло. Ни звукъ ея голоса, ни выраженіе лица—ничто ея не выдало. Я не оказался настолько находчивъ: пожимая протянутыя мнѣ руки, кое-какъ отвѣчая на всѣ вопросы, я чувствовалъ, что улыбка моя выходила очень глупой, и что густой румянецъ заливалъ мнѣ щоки. Не въ силахъ будучи съ своей стороны предложить ни одного вопроса, я молча пошелъ вмѣстѣ съ ними. Ольга очень оживленно, весело разговаривала, разсказывала про себя разныя небылицы, говорила про пользу, которую испытываетъ отъ южнаго климата, однимъ словомъ, она казалась самой естественностью. Дошли такимъ образомъ до конца набережной и рѣшили пойти завтракать въ ресторанъ. Я отговорился необходимостью написать неотложное письмо и распрощался со всѣми.

Не могу описать тебѣ тѣхъ разнородныхъ чувствъ, которыя нахлынули на меня, какъ только я остался одинъ. Выбравшись изъ города, я направился по кружной дорогѣ на дачу Ольги. Все во мнѣ дрожало отъ охватившаго волненія. Таково должно быть пробужденіе рыбака, невольно заснувшаго въ своей лодкѣ подъ едва замѣтные переливы тихой морской волны и внезапно очнувшагося отъ свиста и рева надвинувшейся бури.

«Что же все это значитъ?» спрашиваю я себя. «Зачѣмъ эти люди? Зачѣмъ Ольга осталась въ ихъ обществѣ? Какъ могла она сохранить такую естественность и оживленность при внезапно послышавшихся отзвукахъ той прошлой, навсегда ею покинутой,

Digitized by Google

жизни»? Всѣ эти вопросы толпились въ моей головѣ, возбуждая не то тревогу, не то дѣтскій страхъ лишиться нашей теперешней убаюкивающей обстановки. Но, въ сущности, изъ-за чего же тутъ волноваться,—успокоивалъ я себя. Все это вполнѣ понятно и естественно. Ольга нечаянно встрѣтилась со своими петербургскими знакомыми, не могла же она отъ нихъ отвернуться. Il fallait faire bonne mine au mauvais jeu. Самая ея увѣренность доказываетъ, что эта встрѣча нисколько не смутила ея; она ожидала меня увидѣть, а потому приготовилась разыграть такъ удавшуюся ей роль.

Успокоивая себя такими разсужденіями, я добрался наконецъ до дачи, прошелъ на балконъ и усѣлся въ кресло ожидать возвращенія Ольги. Я ожидалъ ее довольно долго. Наконецъ, въ кустахъ мелькнуло ея платье и она появилась у ступеней балкона. Меня поразило ея оживленіе: быстро взбѣжавъ по ступенямъ, она подошла ко мнѣ, опустилась на рядомъ стоявшій стулъ и быстро стала снимать шляпку. Глаза ея, свѣтившіеся сухимъ блескомъ, перебѣгали съ предмета на предметъ, тонкія ноздри чуть замѣтно дрожали, запыхавшаяся грудь порывисто поднималась и опускалась.

— Отчего ты съ нами не пошелъ, Андрюша?—спросила она меня, глядя въ сторону и кладя на столъ снятую шляпку.—Эти Ивлинскіе—очень симпатичные люди...

— Ольга...—могъ я только выговорить.

— Что съ тобой?—рѣзко повернулась она, устремивъ на меня сверкающій взглядъ.—Что это за трагическій возгласъ? Развѣ случилось что либо особенное? Неужели ты во всякихъ пустякахъ намѣренъ искать предлогъ для какихъ-то возвышенныхъ терзаній?

Каждое ея слово, какъ ударъ хлыста по больному мѣсту, отзывалось въ моемъ сердцѣ.

— Ольга,—началъ я, но она меня перебила и продолжала въ дикомъ возбужденіи, нервно перебирая снятую съ руки перчатку:

— Нѣтъ, скажи мнѣ, что же такое случилось? Я помимо своей воли нечаянно встрѣтилась съ моими хорошими знакомыми. Неужели же, увидѣвъ ихъ, я, какъ провинившаяся дѣвочка, должна была скорѣе убѣжать? Да я и не могла этого сдѣлать: едва я замѣтила ихъ, какъ они уже окружили меня. Да и зачѣмъ мнѣ ихъ избѣгать? Развѣ ты будешь требовать отъ меня, чтобы я порвала всѣ связи даже съ тѣми людьми, отъ которыхъ, кромѣ ласки и расположенія, я ничего не видѣла?

— Успокойся, Ольга,—наконецъ остановилъ я ее.—Зачѣмъ ты

Digitized by Google

такъ жестоко и холодно говоришь со мной,—продолжалъ я, взявъ ее за руку и усаживая рядомъ съ собой.—Дорогая моя, не будь несправедлива. Ты отлично знаешь, что я никогда ничего отъ тебя не требовалъ и не требую. Я до сихъ поръ безпрекословно исполнялъ всѣ твои желанія и не могу иначе поступать, такъ какъ безумно люблю тебя. Не говори же мнѣ такихъ горькихъ словъ, не упрекай въ томъ, въ чемъ я неповиненъ. Если сегодняшняя встрѣча непріятно подѣйствовала на меня, то прежде всего потому, что я боялся тяжелыхъ для тебя ощущеній. Ты разсталась для меня съ тѣмъ свѣтомъ, въ которомъ прежде жила, порвала со всѣмъ прошлымъ, за что я благодарю тебя каждую минуту своей жизни, а потому я и боялся для тебя же встрѣчи съ людьми, которые однимъ своимъ видомъ могли напомнить тебѣ это прошлое. Думалось мнѣ, кромѣ того, что необходимость лжи и фальши при такой встрѣчѣ будутъ слишкомъ тяжелы твоей душѣ, а потому, увидавъ тебя, окруженную этими людьми, я почувствовалъ невольное смущеніе.

— Ты слишкомъ все преувеличиваешь, — отвѣтила она мнѣ успокоеннымъ голосомъ, вставая со стула и начиная ходить по балкону.—Конечно, я должна была солгать, но всякому въ жизни приходится иногда скрывать правду, не стоитъ изъ-за этого создавать драму. Право, Андрюша,—продолжала она, подойдя ко мнѣ и положивъ руку на мое плечо,—не будемъ слишкомъ углубляться и задумываться надъ нашимъ положеніемъ. Будемъ жить сознаніемъ нашей любви и въ этомъ сознаніи находить блаженство, искупающее всѣ остальныя шероховатости жизни.

— Но если есть возможность избѣжать этихъ шероховатостей, Ольга, отчего же не поступить такъ?

Она отдернула руку; лицо ея приняло холодное, равнодушное выраженіе.

— Право, лучше было бы,—отвѣтила она мнѣ,—еслибы ты не возвращался постоянно къ этому разговору: ты знаешь, какая я нервная...

— Ну, не буду, не буду, Ольга,—перебилъ я ее.—Дѣлай, какъ хочешь, пускай все будетъ по твоему. Люби меня только, а тамъ—что будетъ, то будетъ...

— Вотъ это такъ, дорогой мой,—весело воскликнула она.—За эти слова, мнѣ кажется, я еще больше люблю тебя.

Какъ видишь, ничего особеннаго не заключалъ въ себѣ этотъ разговоръ, а, между тѣмъ, въ первый разъ съ нашего пріѣзда сюда я со смутной горечью на сердцѣ вернулся къ себѣ. Вотъ съ этого-то времени наша жизнь перемѣнилась. Теперь мы рѣдко

Digitized by Google

остаемся вдвоемъ. Постоянно кто нибудь бываетъ у Ольги, почти каждый день устраиваются общія parties de plaisir; часто Ольга ѣздитъ въ городъ, а мнѣ приходится иногда избѣгать встрѣчи съ ней, чтобы не давать повода къ злословію. Ты не можешь себѣ представить, съ какимъ остервенѣніемъ гляжу я на всѣхъ этихъ господъ, окружающихъ ее. Къ несчастію, въ этомъ году, какъ нарочно, половина Петербурга съѣхалась сюда. Я принужденъ становиться въ ряды этихъ господъ, долженъ говорить съ Ольгой ихъ языкомъ: въ глазахъ свѣта я никакихъ преимуществъ, никакихъ правъ не имѣю передъ ними. Подчасъ меня такъ коробитъ, что я удаляюсь изъ этого шумнаго круга и возвращаюсь въ свой уголъ съ пустой головой и утомленнымъ сердцемъ. Между прочимъ, среди увивающихся за Ольгой, со вчерашняго дня появился и Зв. Ха, ха... ты думаешь, что я ревную, сумашествую и т. д. Нѣтъ, любезный другъ. Развѣ я могъ бы жить безъ вѣры въ мою Ольгу? Я знаю, что она меня любитъ, я живу этой любовью: внѣ ея, жизнь для меня не существуетъ. Это — преходящее время. И въ солнечный день набѣгаютъ маленькія тучки, но исчезаютъ, не оставивъ на ясномъ небѣ ни малѣйшаго слѣда.

Надѣюсь, что ты отвѣтишь, Дима, на это письмо. Прощай.

Твой *А. В.*

Отъ *Д. Н.* къ *А. В.*

Петербургъ, 21-го ноября.

Я такъ занятъ, Андрюша, что могу написать тебѣ только нѣсколько словъ. Я получилъ командировку за границу: черезъ двѣ недѣли отправляюсь въ Берлинъ, а затѣмъ въ Лондонъ. Со страннымъ предложеніемъ обращаюсь къ тебѣ: поѣдемъ вмѣстѣ!

Ты навѣрно очень удивленъ; думаешь, что я совсѣмъ ужь глупъ сталъ. Но мое предложеніе вызвано двумя причинами. Во-первыхъ, изъ твоего послѣдняго письма я вижу, что тебѣ необходимо успокоиться, чтобы быть въ состояніи окончательно рѣшить свою судьбу; во-вторыхъ, я узналъ здѣсь изъ достовѣрныхъ источниковъ, что мужъ Ольги Николаевны на дняхъ отправляется въ Крымъ. Эта встрѣча подѣйствуетъ на тебя крайне тяжело, и до его пріѣзда ты врядъ ли что рѣшишь. Поэтому для васъ обоихъ было бы гораздо лучше разстаться на это время, дать своимъ нервамъ хоть немного успокоиться, а затѣмъ уже поступить такъ, какъ вамъ скажутъ ваше сердце и совѣсть. Подумай объ этомъ спокойно, Андрюша, и сообщи мнѣ твой отвѣтъ телеграммой.

Digitized by Google

Ни объ чемъ не могу говорить съ тобой теперь; сейчасъ долженъ бѣжать по дѣламъ. Постарайся отнестись къ моему предложенію не какъ къ словамъ сумасброднаго глупца, а какъ къ совѣту друга, искренно желающаго тебѣ добра.

Твой *Д. Н.*

Отъ *А. В.* къ *Д. Н.*

Село П., 20 декабря.

«Зачѣмъ я пишу? Меня не будетъ уже, когда ты прочтешь эти строки» и т. д. Такъ обыкновенно начинаются письма людей, передъ которыми лежитъ заряженный револьверъ, долженствующій, по окончаніи письма, отнять у нихъ жизнь. Слышится въ этихъ словахъ фальшь, неискренность, рисовка передъ самимъ собой. Словно актъ самоубійства, который ты готовишься совершить, выводитъ тебя изъ ряда обыкновенныхъ смертныхъ, заинтересовываетъ остающихся жить.

Нѣтъ, я далекъ отъ всякой фальши, отъ всякаго желанія рисоваться передъ кѣмъ бы то ни было. Я испытываю теперь такое холодное презрѣніе, такую злобу къ себѣ, что съ дикой радостью уничтожаю свое существованіе. Пишу же тебѣ потому, что чувствую потребность излить свою злобу: она душитъ меня, жжетъ въ груди, какъ растопленный свинецъ.

Къ чему я пришелъ? Что такое вся моя жизнь? Что такое я? О, какая пошлая, грязная, износившаяся ветошь! Прійти къ тому, чтобы въ тридцать лѣтъ, истративъ всѣ свои силы, потерявъ всякую вѣру въ жизнь, всякую возможность борьбы и труда, втоптавъ въ грязь свою душу, ничего ни достигнувъ, хлебнуть изъ этого, вотъ стоящаго передо мной, пузырька и самовольно окончить жалкую пародію на человѣческое существованіе! Я сознаю совершенно ясно, что изъ всѣхъ подлостей, когда либо мною совершонныхъ, ни одна не можетъ сравниться съ тою низостью, которую готовлюсь совершить теперь. Сознаю... и между тѣмъ не могу остановить руки, тянущейся къ этому пузырьку, не могу даже мысли допустить, что стоитъ мнѣ только швырнуть объ полъ этотъ пузырекъ, и я останусь жить.

Знаешь, мнѣ мерещится, что эта маленькая склянка, до верху наполненная опіумомъ, вовсе не склянка, а такое же одухотворенное существо, какъ и я самъ. Мнѣ представляется, будто въ ней сидитъ маленькій коричневый человѣчекъ и саркастически на меня посматриваетъ.

«Что, братъ,—будто шепчетъ онъ,—и ты захотѣлъ ко мнѣ?

Digitized by Google

Что жъ, милости просимъ. И для тебя мѣста хватитъ. Для такой мелочи всегда мѣсто найдется. А какая же ты, погляжу я на тебя, безсильная дрянь! И зачѣмъ нарождается вашъ братъ на свѣтъ божій! Срамите вы его только, и больше ничего. Подумаешь, какая такая бѣда стряслась надъ нимъ, что бѣжитъ онъ ко мнѣ? Въ чемъ же сила той муки, которую ты не въ состояніи нести? Разлюбили его, покинули, а онъ, изволите ли видѣть, не можетъ изъ сердца своего вырвать этой любви... Ха, ха!..»

Да нѣтъ, чортъ возьми! Вотъ это-то и бѣситъ меня болѣе всего: выходитъ, будто дѣйствительно моя смерть есть смерть разочарованнаго любовника. Я готовъ задушить того, кто бы мнѣ сказалъ это! Нѣтъ, не въ этомъ дѣло, совсѣмъ не въ этомъ. Потому не могу я больше жить, что въ душѣ моей одна злоба и презрѣніе, а съ такими чувствами жить нельзя. Эти чувства противны человѣческой природѣ; она не можетъ ихъ переварить, а потому, нося ихъ въ себѣ, попавъ исключительно подъ ихъ власть, оставаться человѣкомъ уже нельзя. Нельзя оставаться представителемъ высшаго міроваго созданія, когда, кромѣ презрѣнія и безсильной злобы, ничего къ этому созданію не питаешь. Да, ты былъ правъ, находя во мнѣ задатки для другой, плодотворной жизни. Теперь, умирая, я чувствую, что носилъ когда-то въ себѣ искры святаго огня, но... я залилъ ихъ смрадной грязью, я задавилъ свое сердце и душу, отдавъ ихъ на служеніе сластолюбію и самоуслажденію. Что я сдѣлалъ съ своей жизнью? Какой отвѣтъ дамъ тому, кто вложилъ въ меня высшіе дары? О, какъ тяжела эта злоба и презрѣніе къ себѣ, какъ невыносимо сознаніе своей низости!

Ты захочешь знать, какъ все это случилось, какъ я дошелъ до настоящаго своего положенія? Случилось все очень просто, вѣроятно, такъ и должно было случится. Пришелъ я какъ-то къ ней и нашелъ ее съ Зв. Хотя, привыкнувъ за послѣднее время видѣть ее окруженной толпою шалопаевъ, я старался не обращать вниманія на все это стадо барановъ, но, при видѣ этого господина, меня передернуло. Вѣроятно, въ лицѣ моемъ выразилось что-то недоброе. Зв. смутился, взглянувъ на меня, сказалъ, что его кто-то ждетъ, и ушелъ. Я не могъ болѣе выдержать и между нами произошло серьезное объясненіе. Стараясь держаться спокойнѣе, я сказалъ Ольгѣ, что боялся быть ей, непріятнымъ, а потому до сихъ поръ ни разу не говорилъ ей про то что́ больно отзывалось въ моей душѣ, т. е. про перемѣну, совершившуюся въ нашей жизни. Я надѣялся, что она сама почувствуетъ всю тяжесть и пустоту такого существованія, сама предложитъ мнѣ бѣ-

Digitized by Google

жать отъ этой суеты и окончательно устроить нашу судьбу. Но, видя, что ожиданія мои не оправдываются, замѣчая въ ней какую-то непонятную перемѣну въ отношеніяхъ со мной,—перемѣну, ничѣмъ мною не вызванную,—я рѣшаюсь серьезно поговорить съ ней о невозможности продолжать такую жизнь. Я просилъ ее вдуматься хорошенько въ наше положеніе, не приписывать моихъ словъ одному эгоизму, а понять, что при нашихъ отношеніяхъ подобная легкомысленная жизнь оскорбляетъ наше чувство. Говорилъ я съ большимъ жаромъ и страстью. Я чувствовалъ, что счасть емое виситъ на волоскѣ, что отъ этого объясненія зависитъ наше будущее, и съ замираніемъ сердца ожидалъ ея отвѣта Она, не пошевельнувшись, съ блѣднымъ, невозмутимымъ лицомъ выслушала мою страстную мольбу. Когда я кончилъ, она холоднымъ, жосткимъ голосомъ отвѣтила мнѣ слѣдующее: «Я заключаю изъ вашихъ словъ, Андрей Владиміровичъ, что вы намѣрены мнѣ предъявить извѣстныя требованія. Вы хотите, чтобы для васъ я порвала всѣ свои прежнія отношенія и связи, чтобы я окончательно распростилась со всѣмъ своимъ прошлымъ и всю свою жизнь посвятила бы вамъ однимъ. Отвѣчу вамъ откровенно: на это я не способна. Я васъ люблю, но это не причина, чтобы все остальное, кромѣ этой любви, для меня не существовало. Я не признаю за вами права предъявлять мнѣ какія либо требованія, а потому, если вы чувствуете себя неспособнымъ любить при полной обоюдной свободѣ, поступайте, какъ знаете». Говоря эти послѣднія слова, она встала и вышла изъ комнаты. Каждое ея слово нестерпимой мукой отозвалось во всемъ моемъ существѣ. Оставшись одинъ, я взялъ шляпу, спустился въ паркъ и пошелъ... самъ не зная куда. Въ послѣднее время, въ душѣ моей копошилось что-то недоброе. Тревожное настроеніе все сильнѣе и сильнѣе охватывало меня; тоска, страхъ чего-то роковаго, будто висѣвшаго надо мной, часто проникали въ сердце, но всѣми силами я отмахивался отъ грозныхъ призраковъ, стараясь забыться, не давая себѣ вдуматься въ свое положеніе. Въ этотъ день роковой ударъ совершился. То былъ уже не призракъ: я понялъ, что послѣ такого объясненія прежняя жизнь прекращалась. Вполнѣ сознавая необходимость предпринять что либо рѣшительное, я смутно чувствовалъ, что отъ этого рѣшительнаго шага все мое счастье разлетится въ дребезги. Смертельная тоска все глубже и глубже проникала въ сердце.

Будто спасаясь отъ невидимой погони, я, самъ того не замѣчая, быстро карабкался по крутымъ тропинкамъ, поднимаясь на почти отвѣсныя скалы. Наконецъ, внезапно почувствовавъ охва-

Digitized by Google

тившую меня полнѣйшую слабость, я почти безъ чувствъ повалился на краю глубокаго обрыва. Нѣсколько минутъ пролежалъ я, ничего не думая, ничего не чувствуя, прислушиваясь только, какъ сильно билось сердце въ груди. Но вотъ вспомнилъ я все, что произошло въ это утро,—и снова холодный, тяжелый камень навалился на сердце. Я сѣлъ и оглянулся кругомъ. Очутился я далеко въ горахъ, на маленькой полянѣ, съ трехъ сторонъ окруженной толстыми кривыми соснами, упиравшимися другъ въ друга своими корявыми вѣтвями. Не болѣе шага отъ того мѣста, на которомъ я сидѣлъ, скала круто обрывалась, оставляя передъ глазами пустое пространство; далеко внизу виднѣлись сакли татарской деревни, окруженныя правильно разграниченными садиками. Прямо напротивъ, горы снова подымались, покрытыя густой листвой, сквозь которую кое-гдѣ бѣлѣлась почтовая дорога, то исчезая въ темныхъ закоулкахъ, то снова выбѣгая подъ сверкавшіе солнечные лучи. Вправо, голубою лазурью синѣло дальнее море, покрытое легкой, прозрачной дымкой. Не знаю почему, картина эта такъ ярко запечатлѣлась у меня въ памяти, что и теперь она стоитъ передъ моими глазами. Первая мысль, пришедшая мнѣ тогда въ голову, была та, что стбить мнѣ сильно оттолкнуться рукой—и внизу меня приметъ смерть. Я готовился уже сдѣлать движеніе, но... мелькнула подлая мысль и я остался живъ. «Быть можетъ, не все между нами кончено» — вотъ эта мысль. Съ этой минуты и зародилось во мнѣ то чувство презрѣнія и злобы, которое, развиваясь, дошло до такого напряженія, что выносить его болѣе я не въ состояніи. Сознавая всю низость этого чувства, понимая, что готовлюсь кинуться, очертя голову, въ омутъ невылазной грязи, я зналъ, что бороться противъ этой силы не могу. Лишь бы видѣть, слышать ее, лишь бы жить около нея, пользуясь крохами ея любви, а тамъ хоть бы захлебнуться пришлось въ грязной лужѣ—туда мнѣ и дорога! Вотъ что я думалъ въ тѣ минуты, боясь самому себѣ высказать эту мысль. Вернулся я къ себѣ, когда совсѣмъ стемнѣло. Изнеможенный тяжелой ходьбой, я повалился на постель и заснулъ тревожнымъ, лихорадочнымъ сномъ. Съ разбитыми членами и пустой головой всталъ я на другое утро и, переодѣвшись, направился къ Ольгѣ. Я не засталъ ея дома. Мнѣ сказали, что она уѣхала верхомъ и велѣла передать мнѣ, что до вечера не вернется домой. Какъ и наканунѣ, я отправился бродить по горамъ. Вотъ тутъ-то и наступилъ конецъ всему. Мнѣ не въ моготу и теперь, въ послѣднія минуты, говорить объ этомъ. Однимъ сло-

Digitized by Google

вомъ, я наткнулся на нихъ... Зв. былъ съ ней... Все было кончено: она втоптала въ грязь мое сердце.

Свершилось! Пустая склянка стоитъ передо мной и смерть— во мнѣ. Прощай, Дима. Безсильное, ничтожное созданіе, которое ты считалъ когда-то своимъ другомъ, совершило послѣднюю низость: черезъ нѣсколько минутъ его не станетъ. Я кончаю, какъ слабый ребенокъ: невольная жалость къ себѣ проникаетъ въ сердце, слезы льются по щекамъ. Гдѣ же та злоба и презрѣніе, которыя душили меня? Я не могу удержать этихъ жгучихъ слезъ, не могу унять свое сердце, не могу отогнать этого образа. Нѣтъ, я люблю ее, люблю въ послѣднемъ біеніи своего измученнаго сердца. Зачѣмъ же? За что такъ безпощадно, такъ злобно посмѣялась судьба надо мной?

Ты, Господи, который все видишь, все знаешь, все умиротворяешь! Прости мое безсиліе, коснись меня въ послѣднюю минуту твоимъ животворящимъ Духомъ, освѣти послѣднимъ лучемъ тобой же данныя мнѣ сердце и душу!..

А. В.

Digitized by Google

ИЗЪ ЗИМНЯГО АЛЬБОМА.

I.

Поле широкое, снѣгомъ покрытое;
Лѣсъ, разукрашенный блёстками инея...
Ясное небо, мѣстами повитое
Легкою дымкою синею...

Звѣздъ полуночныхъ игра безпрерывная;
Легкій морозъ; ямщика понуканіе;
Конскаго ржанія трель переливная;
Воздухъ, бодрящій дыханіе...

Все-то напомнило мнѣ про бывалое;
Все-то мнѣ хлынуло въ душу унылую...
Вспомнилъ любви догоравшей начало я,
Вспомнилъ я дѣвушку милую...

Вспомнилъ признаніе первое, нѣжное,
Горькой разлуки картины печальныя,
Поле житейское, поле безбрежное,
Грёзы души идеальныя...

Все я припомнилъ... Проснулось забытое,
Грусть разыгралась. Надъ снѣжной пустынею
То же спускается небо, повитое
Легкою дымкою синею;

Тѣ же картины мелькаютъ сторонкою;
Также поетъ подъ дугой несмолкающій
Нашъ колокольчикъ, мелодіей звонкою
Ту же тоску нагоняющій...

Digitized by Google

Также волнуется даль серебристая,
Также бѣжитъ по морозцу и ржаніемъ
Вторитъ лихимъ ямщика понуканіямъ
Тройка рысистая...

II.

Взгляни!.. На дальнемъ небосклонѣ
Горитъ пурпуровый закатъ...
На синевато-красномъ фонѣ
Обрисовался старый садъ...
Одѣты — прихотью мороза —
Въ нарядъ блестящій парчевой
И бѣлоствольная береза
Съ своей распущенной косой,
Повисшей прямо на ограду,
И зелень темная сосны...
И дремлетъ садъ, и снится саду
Прилетъ чарующей весны...
Какъ гармоничны сочетанья
Всѣхъ тоновъ, красокъ и тѣней
Въ зыби прощальнаго сіянья,
Послѣднихъ солнечныхъ лучей!
Морозитъ... А какая нѣга,
Какая тишина кругомъ!..
Надъ пеленой пушистой снѣга,
На поднебесьѣ голубомъ —
Въ молочной рамкѣ — круторогій
Всплываетъ мѣсяцъ... Бѣлый дымъ
Надъ деревенькою убогой,
Клубясь, таетъ... По сѣдымъ
Кудрямъ деревьевъ пробѣгая,
Зари огнистые лучи
Змѣятся, тихо замирая,
Какъ пламя гаснущей свѣчи...
Темнѣетъ... Траурною ризой
Уже спустилась ночи тѣнь
Съ небесъ и дымкой темносизой

Digitized by Google

Одѣла все!.. Коротокъ день
Среди зимы... А ночь глухая
Долга̀, какъ вѣчность...
Посмотри
Скорѣе, другъ мой: золотая
Звѣзда зажглася, чуть мерцая,
Въ багряномъ отблескѣ зари...

Ап. Коринфскій.

Digitized by Google

СОКРОВИЩНИЦА АЦТЕКОВЪ.

Романъ изъ современной древности.

XXV.

Рудокопы Гуитцилана.

Когда мы обогнули подошву горы, далеко вдавшуюся въ озеро, передъ нами открылась глубокая бухта, достигавшая до самыхъ утесовъ, которыми была окружена долина. Бухта эта находилась недалеко отъ запертаго прохода, откуда мы проникли въ Астланъ. Здѣсь—частью на низменномъ прибрежьѣ залива, частью на крутомъ склонѣ горы—раскинулся городъ Гуитциланъ. Самой любопытной его особенностью, прежде всего бросавшейся въ глаза, была высокая труба; изъ нея валилъ густой черный дымъ, разстилаясь надъ каменнымъ зданіемъ необыкновенной прочности и весьма значительныхъ размѣровъ.

Меня, какъ археолога, необычайно удивилъ видъ этой трубы, да и Рейбёрнъ, человѣкъ въ высшей степени компетентный относительно всего, касавшагося его профессіи, былъ удивленъ не меньше меня. Труба эта очевидно принадлежала плавильному заводу, а мы оба отлично знали, что такія усовершенствованныя приспособленія при плавкѣ металла представляютъ продуктъ уже высокой степени цивилизаціи и что даже въ Европѣ они изобрѣтены сравнительно въ недавнее время. Что касается Янга, то, по его словамъ, видъ заводской трубы вызвалъ въ немъ настоящую тоску по родинѣ. Будь она сложена изъ кирпича, а не изъ чернаго камня, можно было бы предположить, что ее перенесли сюда прямо изъ его

Digitized by Google

родныхъ мѣстъ.—Я такъ и жду, что мы услышимъ паровой свистокъ, созывающій рабочихъ къ обѣду, — грустно замѣтилъ онъ и продолжалъ:—а знаете, профессоръ, что я вамъ скажу? Мнѣ кажется, что я начинаю вникать въ самую суть разсказовъ полковника о здѣшнихъ „мятежахъ", какъ онъ ихъ называетъ. Конечно, я далекъ отъ мысли, чтобъ онъ хотѣлъ насъ морочить своими исторіями. Нѣтъ, полковникъ—совершенный джентльмэнъ, но такъ какъ онъ родился и выросъ среди язычниковъ, то не имѣетъ правильнаго понятія о многихъ вещахъ. То, о чемъ онъ старается намъ втолковать, и не можетъ по незнанію англійскаго языка, есть ничто иное, какъ „стачка". Въ ней-то вся и штука. Рудокопы ужь такой народъ, что имъ тошно безъ стачекъ; это у нихъ въ крови. Объясните, пожалуйста, полковнику, что мы тоже видали такіе виды и понимаемъ, куда онъ гнетъ!.. Однако—признаться откровенно—я никакъ не воображалъ, чтобы въ Мексикѣ были возможны стачки, чтобы эти черномазые индѣйцы были способны постоять за себя противъ заводчиковъ-хозяевъ!

Такъ какъ догадка Янга не внушала мнѣ особаго довѣрія, то я и не пытался объяснить его словъ Тицоку, тѣмъ болѣе, что намъ некогда было продолжать нашего разговора. Передніе лодки причаливали уже къ отлично устроенной дамбѣ, простиравшейся отъ берега до глубокой воды, и вскорѣ мы сами высадились на пристани. Городъ занималъ площадь въ половину квадратной мили и былъ тѣсно застроенъ хижинами, причемъ самая большая изъ нихъ заключала въ себѣ не болѣе двухъ комнатъ. Нѣсколько домовъ попросторнѣе и получше были обнесены толстой каменной стѣной, за которой помѣщался и заводъ. У пристани, гдѣ мы сошли, стояло судно, которое нагружали золотыми слитками для отвоза въ сокровищницу въ центрѣ города Кулхуакана. Нагрузка производилась почти совершенно голыми рабочими. Никогда въ жизни не приводилось мнѣ видѣть такихъ свирѣпыхъ лицъ! Въ физическомъ отношеніи, это были великолѣпные экземпляры индѣйской расы — высокіе, прекрасно сложенные, сильные люди — настоящіе богатыри! Они, очевидно, безо всякаго напряженія, совершенно шутя, перетаскивали на плечахъ огромные слитки золота. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, на ихъ лицахъ была

Digitized by Google

написана такая язвительная ненависть, они такъ злобно поглядывали на насъ изподлобья, а растрепанные жосткіе волосы, ниспадавшіе на мрачно блестѣвшіе глаза, придавали имъ такой дикій видъ, что мнѣ стало не по себѣ. Тлагуикосы метали на насъ враждебные взгляды, отъ которыхъ становилось жутко, точно подъ градомъ отравленныхъ стрѣлъ, и я успокоился только тогда, когда замѣтилъ, что ихъ было на пристани всего человѣкъ двѣнадцать, а тяжело вооруженный конвой караульныхъ втрое превышаетъ число каторжниковъ. При взглядѣ на этихъ существъ, скорѣе напоминавшихъ хищныхъ звѣрей, чѣмъ людей, я понялъ, почему Тицока такъ тревожила мысль о союзѣ съ ними. — Ихъ очень легко взбунтовать,—замѣтилъ Янгъ: — это все равно, что пустить товарный поѣздъ подъ гору, но какъ мы съ ними справимся, когда захотимъ обуздать ихъ; вотъ въ чемъ вопросъ! Пожалуй, этихъ чудовищъ не сдержитъ никакой тормозъ.

Но хотя буйный контингентъ тлагуикосовъ угрожалъ намъ всѣмъ немалой опасностью, вся надежда на успѣхъ зависѣла отъ нашего умѣнья употребить въ дѣло этотъ грубый матерьялъ. Къ счастью, у насъ были союзники, кромѣ нихъ, и наша партія намѣревалась пользоваться ими только при содѣйствіи значительнаго числа дисциплинированныхъ и надежныхъ солдатъ. Они-то и составляли нашу главную боевую силу. Кромѣ того, мы надѣялись, что позднѣе къ намъ добровольно примкнетъ немало народу изъ низшаго класса, какъ рабовъ, такъ и свободныхъ. Хотя они и не могли сравниться съ регулярнымъ войскомъ, но умѣли владѣть оружіемъ. Этотъ планъ дѣйствій, выработанный совѣтомъ, былъ изложенъ намъ Тицокомъ во время переправы черезъ озеро и я очень обрадовался, когда Рейбёрнъ — человѣкъ опытный въ дѣлахъ этого рода—одобрилъ намѣренія нашихъ предводителей.

— Еслибъ я хотѣлъ остаться здѣсь, когда междоусобіе прекратится,—сказалъ онъ,—то и тогда одобрилъ бы настоящее рѣшеніе совѣта. Военная часть программы не заслуживаетъ ни малѣйшаго упрека. Народнымъ правителямъ не составитъ никакого труда принудить тлагуикосовъ драться ради чего бы то ни было, если ихъ противникомъ будетъ верховный жрецъ во главѣ своихъ приверженцевъ. Битвы и кровопролитія лучше всего соотвѣтствуютъ ихъ буйнымъ наклон-

Digitized by Google

ностямъ. Изъ нихъ легко сдѣлать отчаянныхъ бойцовъ, но какіе выйдутъ граждане изъ такого свирѣпаго отродья, это ужь другой вопросъ. Тутъ-то вся и загвоздка. Но вѣдь мы не собираемся поселиться въ этой долинѣ — развѣ только не найдемъ отсюда выхода—и потому намъ нечего безпокоиться о предстоящемъ усмиреніи тлагуикосовъ. Пускай справляются, какъ знаютъ, съ этой дикой ордой — мы тутъ будемъ непричемъ. А если такъ, то чѣмъ скорѣе наши единомышленники приступятъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, тѣмъ лучше.

И надо отдать справедливость членамъ совѣта: они, кажется, еще больше Рейбёрна, старались подвинуть впередъ начатое дѣло. Отправившись прямо съ пристани къ укрѣпленному мѣсту въ центрѣ города, гдѣ обыкновенно находился комендантъ гарнизона и представители гражданской власти, эти люди немедленно приступили къ переговорамъ; здѣсь, по словамъ Тицока, они намѣревались безотлагательно организовать новое правительство, чтобы какъ можно скорѣе выставить въ поле армію инсургентовъ.

Что касается насъ, то мы въ сопровожденіи Тицока — только съ меньшей поспѣшностью — тоже отправились въ цитадель, укрѣпленное зданіе возлѣ плавильнаго завода; тутъ намъ было приготовлено вполнѣ удобное помѣщеніе рядомъ съ членами совѣта. Я и мои товарищи стали дожидаться исхода совѣщаній въ довольно напряженномъ настроеніи; пассивная роль отчасти тяготила насъ, пока совѣтъ, удалившись въ особую комнату, продолжалъ свои пренія, разрушая административную систему, существовавшую болѣе тысячи лѣтъ; насъ немало удивило то обстоятельство, что коренная перемѣна старинныхъ постановленій, освященныхъ вѣками, обсуждалась такъ спокойно. Между комнатами цитадели, конечно, не было дверей и въ наше помѣщеніе ясно доносились звуки голосовъ: голоса эти не звучали ни гнѣвомъ, ни особеннымъ волненіемъ, что̀ заставило меня невольно преклониться передъ спокойнымъ самообладаніемъ ацтлановъ, которые такъ хладнокровно и обдуманно исполняли свою отвѣтственную задачу радикальной реформы въ государствѣ. Пока этотъ важный вопросъ, обѣщавшій привести къ кровопролитному столкновенію, обсуждался такъ спокойно, Тицокъ посвящалъ насъ въ интересныя подробности горной про-

Digitized by Google

мышленности въ Азтланѣ и описывалъ жизнь рудокоповъ. Его соотечественники долго не знали о существованіи громадныхъ залежей золота въ своей долинѣ, а затѣмъ стали добывать его въ самомъ незначительномъ количествѣ, такъ какъ оно не представляло большой цѣнности въ глазахъ народа, пока могло идти только на одни украшенія. Но когда былъ открытъ способъ закалять благородный металлъ, который такимъ образомъ сдѣлался пригоднымъ къ разнообразному употребленію съ полезными цѣлями, то это открытіе, въ связи съ усовершенствованіями орудій рудокопнаго дѣла, дало послѣднему громадное развитіе. Вся земля подъ нами, какъ говорилъ Тицокъ, была прорѣзана многочисленными ходами по направленію рудныхъ жилъ; послѣднимъ какъ будто не было числа, потому что едва успѣвала истощиться одна изъ нихъ, какъ тутъ же находили другую, не менѣе богатую золотомъ, точно все подножіе громадной горы представляло изъ себя колоссальную глыбу благороднаго металла.

Незнакомый съ мѣрами вѣса у азтланековъ, я не могъ хорошенько уяснить себѣ, какое количество золота добывалось здѣсь ежегодно. Тицокъ увѣрялъ насъ, что ежедневный продуктъ мѣстныхъ рудниковъ равнялся, по крайней мѣрѣ, одному изъ большихъ золотыхъ слитковъ, видѣнныхъ нами на пристани, откуда ихъ отправляли въ сокровищницу; иногда же встрѣчались жилы, до того обильныя золотомъ, что ежедневная добыча металла возрастала вчетверо.—Эти слитки вѣсятъ не менѣе двухсотъ фунтовъ каждый, — замѣтилъ Рейбёрнъ, когда я перевелъ ему разсказъ Тицока.—Слѣдовательно, рудникъ даетъ не менѣе трехъ тоннъ ежемѣсячно, а въ необработанномъ видѣ тонна золота стоитъ полмилліона долларовъ. Если полковникъ не ошибается въ своихъ вычисленіяхъ,— а вы сами, профессоръ, вѣрно передали его слова,—то здѣсь по сосѣдству добывается не менѣе чѣмъ на двадцать милліоновъ золота ежегодно. — Янгъ выразительно свиснулъ. —Этакая уйма денегъ, подумаешь!—съ завистью воскликнулъ онъ,—стоютъ ли эти босоногіе уроды такой милости небесъ! вѣдь они навѣрно не знаютъ даже десяти заповѣдей, и совсѣмъ неумытый народъ! Знаете, Рейбёрнъ, что я намѣренъ сдѣлать, если мнѣ посчастливится у этихъ черномазыхъ? Я возьму да и куплю желѣзную дорогу Старой Колоніи, именно

Digitized by Google

для того, чтобъ насолить начальнику эксплуатаціи и послать его къ чорту. Онъ прогналъ меня, послѣ того какъ у насъ вышла путаница по отправкѣ грузовъ, а я былъ тутъ вовсе непричемъ; это мой начальникъ перепуталъ тракты, мнѣ же оставалось дѣлать, что̀ приказываютъ. Вотъ я и хотѣлъ бы заплатить ему тою же монетой. Навѣрно у него глаза полѣзутъ на лобъ, когда онъ получитъ служебныя инструкціи за подписью: „Сетъ-Янгъ—директоръ“, и узна̀етъ, что это тотъ самый Сетъ-Янгъ, который ѣздилъ на 32-мъ нумерѣ по участку Фолль-Риверъ.

— Ужь не лучше ли вамъ будетъ немедленно телеграфировать ему отсюда, чтобъ онъ пріискивалъ другое мѣсто?— насмѣшливо спросилъ Рейбёрнъ.—Мы подождемъ васъ здѣсь, вы съѣздите въ управленіе западнаго союза.—Эти слова были ушатомъ холодной воды для Янга; его сіяющее лицо омрачилось; воздушные замки весельчака моментально разрушились на его глазахъ, точно карточные домики, и онъ погрузился въ унылое молчаніе.

Но, хотя мы были сильно удивлены поразительными свѣдѣніями, полученными отъ Тицока насчетъ громадной производительности здѣшнихъ рудниковъ, меня гораздо больше интересовало то, что̀ Тицокъ сообщилъ намъ о людяхъ, добывавшихъ изъ нѣдръ земли эти неисчетныя богатства. Въ самомъ дѣлѣ, жизнь тлагуикосовъ, обреченныхъ на каторжный трудъ въ теченіе такихъ долгихъ лѣтъ, была ужасна, и мнѣ казалось, что на цвѣтущей долинѣ Ацтлана тяготѣетъ проклятіе, которое можетъ быть снято лишь цѣною тяжкаго искупленія. Меня поражало, между прочимъ, страшное совпаденіе обстоятельствъ: здѣсь, между ацтеками, людьми одной и и той же расы, совершались неменьшія жестокости, какъ и въ Новой Мексикѣ, гдѣ испанцы обратили въ рудокоповъ покоренныхъ ими индѣйцевъ; результатомъ этого явился бунтъ двѣсти лѣтъ назадъ, когда Пуэблосъ опустошилъ мечемъ всю долину Ріо-Гранде, начиная отъ Таоса до Сѣвернаго Прохода.

Нечего удивляться, что тлагуикосы, изнемогая подъ тяжестью непосильнаго труда и безчеловѣчнаго обращенія, были каждую минуту готовы возстать противъ своихъ притѣснителей; это затаенное пламя мятежа ежеминутно грозило

Digitized by Google

вспыхнуть опустошительнымъ пожаромъ. Только усиленный надзоръ и бдительность стражи удерживали въ границахъ несчастныхъ рабовъ; однако, не смотря на всѣ мѣры строгости, возмущенія повторялись часто—заканчиваясь жестокой рѣзней всѣхъ участниковъ возстанія—до того сильна была жажда мести въ этихъ бѣдныхъ созданіяхъ, доведенныхъ до отчаянія.

Только однажды, какъ разсказывалъ намъ Тицокъ, тлагуикосамъ удалось избавиться отъ ненавистнаго рабства, когда они искусно обманули бдительность своихъ начальниковъ, прибѣгнувъ къ хитрости противъ открытой силы. Это происшествіе,—продолжалъ ацтекъ,—перешло уже въ область преданій, но его подробности ясно сохранились въ народной памяти. Въ то давно прошедшее время, рудокопы наткнулись на необыкновенно богатую золотоносную жилу, которая простиралась на далекое пространство, вблизи загражденнаго прохода; галерея, проложенная въ рудникѣ, уходила гораздо дальше этого мѣста; она шла на большой глубинѣ и, постепенно поднимаясь къ верху, выходила въ ущелье. Неожиданно отыскавъ этотъ выходъ, рудокопы убили надзирателя, наблюдавшаго за ними, и выкинули трупъ въ ущелье, чтобы его нельзя было найти; отверстіе тщательно заложили, а галерею провели немного въ сторону; такимъ образомъ, главный начальникъ работъ могъ убѣдиться собственными глазами, что золотоносная жила разработана до самаго конца, что̀ и было на самомъ дѣлѣ. Тицокъ не могъ опредѣлительно сказать, сколько времени спустя тлагуикосы воспользовались найденнымъ выходомъ; во всякомъ случаѣ, ихъ бѣгство не было поспѣшнымъ, потому что они собрались въ огромномъ числѣ и взяли съ собою большое количество оружія, а также всякой домашней утвари. Наконецъ, когда все было готово, рудокопы напали на конвойныхъ солдатъ съ такой внезапностью и отвагой, что безъ труда овладѣли цитаделью; впрочемъ, это не особенно встревожило начальниковъ конвоя; цитадель была тотчасъ окружена и тлагуикосы очутились въ осадѣ; имъ грозила голодная смерть, офицерамъ же гарнизона оставалось только удивляться наивности бунтовщиковъ, которые вдобавокъ взяли съ собою женъ и дѣтей.

Между тѣмъ, въ осажденной крѣпости, куда забралось

Digitized by Google

такое множество народа, царила невозмутимая тишина, что̀ стало наконецъ безпокоить осаждающихъ; но ихъ удивленіе еще болѣе возрасло, когда они взломали заложенный входъ и вошли въ крѣпость, не встрѣтивъ никакого сопротивленія. Въ цитадели не оказалось живой души! Мало того, бѣглецы такъ искусно заложили за собою внутренній ходъ, что прошло много времени, прежде чѣмъ ацтеки догадались, куда бѣжали ихъ рабы. Масса людей исчезла съ лица земли, точно канула въ воду. Только два-три десятка лѣтъ спустя обнаружилась ихъ тайна. Въ одинъ прекрасный день, изъ давно заброшенной галереи въ рудникѣ вышелъ дряхлый старецъ и обратился къ первому изъ встрѣчныхъ стражниковъ. Изумленные азтланеки приняли его за выходца съ того свѣта, но онъ разсказалъ имъ, что былъ насильно уведенъ бѣглецами и оставался у нихъ въ плѣну много лѣтъ. Этотъ человѣкъ былъ жрецъ. Отъ него жители узнали, что бунтовщики поселились въ прекрасной долинѣ, скрытой въ горахъ, гдѣ построили обширный городъ, въ полной увѣренности, что сюда не можетъ никто проникнуть. Плѣнному жрецу стоило невѣроятныхъ усилій вторично открыть проходъ въ рудникъ со стороны ущелья; онъ изнемогъ отъ этихъ утомительныхъ поисковъ и, едва успѣвъ разсказать свое удивительное приключеніе, тутъ же умеръ. Тогда верховный жрецъ вмѣстѣ съ совѣтомъ распорядились послать шпіоновъ по указанному направленію, желая убѣдиться въ правдивости словъ старика. Послѣ того, правители народа задумали жестокое мщеніе бѣглецамъ. Оно заключалось въ томъ, чтобъ затопить ихъ городъ, спустивъ въ долину воды большаго озера. Этотъ планъ потребовалъ полныхъ двухъ цикловъ для своего осуществленія, потому что стоилъ громадныхъ трудовъ; однако, онъ былъ исполненъ въ точности: въ одинъ день вся долина была затоплена водою, и тамъ, гдѣ недавно кипѣла цвѣтущая жизнь, воцарилась тишина и непробудное молчаніе смерти. Притаивъ дыханіе, слушали мы съ фра-Антоніо разсказъ Тицока; если самъ разсказчикъ могъ сомнѣваться въ его дѣйствительности, то мы отлично знали, что это преданіе не было вымысломъ. Намъ еще такъ недавно довелось побывать къ Долинѣ Смерти, гдѣ сохранились всѣ слѣды варварскаго мщенія тлагуикосамъ и гдѣ намъ самимъ грозила жестокая участь

Digitized by Google

умереть съ голоду. Только теперь съ поразительной ясностью предстала передъ нами эта потрясающая драма давно минувшихъ вѣковъ. До сихъ поръ намъ была непонятна причина мщенія, выполненнаго съ такой холодной жестокостью и дьявольскимъ терпѣньемъ; теперь же мы поняли все.

XXVI.

Приготовленія къ войнѣ.

Хотя планъ возстанія обсуждался совѣтомъ съ удивительнымъ хладнокровіемъ и серьезностью, коноводы партіи выказали большую энергію и распорядительность, когда переговоры пришли къ концу; такая дѣловитость астланековъ служила намъ твердой порукой успѣха. Весь первый день въ Гуитциланѣ и большая часть ночи были посвящены выбору временнаго правительства и централизаціи военныхъ силъ; очевидно, эти предварительныя мѣры были приняты обдуманно, потому что въ послѣдующіе дни все шло необыкновенно удачно и совершалось въ строгомъ порядкѣ.

За это время мы успѣли хорошенько осмотрѣться кругомъ; благодаря нашимъ дружелюбнымъ отношеніямъ къ удивительному народу, съ которымъ насъ такъ странно свела судьба, мы встрѣчали отовсюду большую предупредительность, насколько это было возможно въ такой критическій моментъ, и познакомились съ образомъ жизни астланековъ. Свѣдѣнія, полученныя мною этимъ путемъ, послужили мнѣ матерьяломъ для главы: „Домашняя жизнь и домашніе обычаи ацтековъ“. Рейбёрнъ собралъ также много любопытныхъ данныхъ, (изложенныхъ имъ въ подробномъ докладѣ, возбудившемъ большой интересъ въ Американскомъ институтѣ горныхъ инженеровъ). Онъ позволилъ мнѣ воспользоваться своимъ сочиненіемъ для составленія главы: „Добываніе и обработка металловъ у ацтековъ“, и это, пожалуй, самыя интересныя мѣста въ моей книгѣ: „Условія жизни на сѣвероамериканскомъ материкѣ до Колумба“. Рейбёрнъ буквально былъ пораженъ изумленіемъ, когда узналъ, насколько распространены научныя свѣдѣнія среди этого изолированнаго народа и какъ хорошо умѣли ац-

Digitized by Google

теки примѣнять ихъ на практикѣ. Во многихъ вещахъ они, конечно, сильно отстали отъ цивилизованнаго міра, однако бо́льшая часть полезныхъ знаній, добытыхъ образованными народами путемъ серьезнаго изученія, являлись здѣсь, какъ намъ пришлось убѣдиться, плодомъ независимаго открытія. Во многихъ случаяхъ, эти открытія были тождественны во всѣхъ отношеніяхъ съ нашими собственными. Такъ, процессъ добыванія изъ золота богатой пурпуровой краски, которая идетъ на окрашиваніе твердаго дерева и кости, былъ у ацтековъ тотъ же самый, какъ и открытый Бойэлемъ въ 1663 году и, насколько вѣрно мнѣ удалось опредѣлить эпоху, онъ сталъ примѣняться у нихъ почти одновременно, какъ и у насъ. (Процессъ этотъ состоитъ въ прибавленіи гидро-хлористой кислоты къ нейтральному раствору золотаго хлорида). Въ умѣньѣ закаливать золото, причемъ оно получало всѣ качества превосходной стали, ацтеки сдѣлали замѣтный шагъ впередъ сравнительно съ нашими металлургистами, и я сильно подозрѣваю, что здѣсь—по крайней мѣрѣ, въ средѣ жрецовъ—былъ извѣстенъ способъ производства гремучаго золота, совершенно неизвѣстный у насъ. Къ сожалѣнію, мнѣ не посчастливилось собрать основательныхъ данныхъ по этому вопросу, но я слышалъ отъ многихъ о взрывѣ большой скалы, произведенномъ верховнымъ жрецомъ. Это чудо, по словамъ ацтековъ, сопровождалось громоподобнымъ трескомъ, вспышкой пламени и дымомъ. Ацтеки, конечно, увидѣли въ этомъ проявленіе сверхъестественной силы и убѣдились, что сами боги помогаютъ верховному жрецу. Но мы съ Рейбёрномъ держались мнѣнія, что хитрый старикъ прибѣгнулъ въ данномъ случаѣ къ помощи гремучаго золота, которое онъ могъ употреблять также безопасно, какъ мы употребляемъ порохъ. Между тѣмъ наши химики еще не дошли до такого искусства. Но, очевидно, добываніе этого средства было сопряжено съ большими трудностями, потому что верховный жрецъ только однажды совершилъ такое необычайное чудо; ацтеки вспоминали о взрывѣ не иначе, какъ съ благоговѣйнымъ трепетомъ, потому что онъ разрушилъ крѣпкую скалу и сопровождался какъ бы небеснымъ громомъ.

Мы имѣли много случаевъ убѣдиться, что авторитетъ верховнаго жреца до сихъ поръ держался крѣпко, не смотря

Digitized by Google

на недовольства его распоряженіями; по крайней мѣрѣ, коноводамъ революціи было нелегко склонить народъ къ мятежу; высшіе классы считали ересью неповиновеніе верховному главѣ, а низшихъ удерживалъ отъ рѣшительнаго шага суевѣрный ужасъ. Такое положеніе дѣлъ давало фра-Антоніо удобный случай приступить къ проповѣди, чѣмъ онъ и поспѣшилъ воспользоваться. Нашъ приходъ въ долину и принесенныя нами извѣстія изъ внѣшняго міра сильно подорвали довѣріе къ непогрѣшимости верховнаго жреца и поколебали религіозныя убѣжденія астланековъ, подготовивъ ихъ къ принятію новой, болѣе чистой вѣры. Со стороны членовъ совѣта, организовавшихъ возстаніе и, повидимому, смотрѣвшихъ на религію скорѣе какъ на рычагъ политическихъ интригъ, высказывалось явное сочувствіе къ новымъ доктринамъ, потому что онѣ обѣщали тѣмъ сильнѣе расшатать авторитетъ верховнаго жреца. Поэтому фра-Антоніо принялся безпрепятственно проповѣдывать христіанство. Даже самъ св. Франциск не имѣлъ такого благопріятнаго случая обратить къ истинному Богу цѣлый народъ, погрязшій во тьмѣ идолопоклонства! Мало по малу миссіонеръ пришелъ въ такой религіозный экстазъ во время поученія язычниковъ, что все его лицо преобразилось и просіяло. Рѣчь молодаго подвижника лилась потокомъ и въ ней звучала такая сила убѣжденія, что слушатели были невольно растроганы. Слова прощенія и любви нашли дорогу къ ихъ сердцу; ихъ умъ, омраченный суевѣрными внушеніями, просвѣтился свѣтомъ истины и они были готовы принять новую вѣру съ ея отрадными обѣтованіями, отказавшись отъ мрачнаго идольскаго культа, бросавшаго безрадостную тѣнь на все ихъ существованіе. Чистое пламя христіанства зажглось въ ихъ сердцахъ, изглаживая старыя вѣрованія и смягчая душу. Между тѣмъ, благопріятное дѣйствіе проповѣди фра-Антоніо, взволновавшей толпу, создало ему также много враговъ. Въ Гуитциланѣ находилось немало закоренѣлыхъ язычниковъ, которые охотно возстали бы противъ франциcканца, еслибъ явное расположеніе къ нему большинства и участіе со стороны членовъ совѣта не удерживали недоброжелателей въ извѣстныхъ границахъ. Они только бросали на него полные ненависти взгляды, какъ будто хотѣли пронзить ими фра-Антоніо, какъ отравленными стрѣлами; я

Digitized by Google

невольно содрогался, опасаясь явнаго покушенія на его жизнь. Къ счастью, между ними не было жрецовъ. Когда мы только что прибыли въ Гуитцилан̀ъ, ихъ было тамъ довольно много, но они потихоньку отстали отъ насъ и ушли изъ города, чтобы примкнуть къ защитникамъ Итцакоатля, который собиралъ вокругъ себя приверженцевъ, готовясь къ рѣшительной оборонѣ. Вѣроятно, прибывъ въ лагерь нашего врага, эти люди сообщили ему, какая опасность грозитъ старой вѣрѣ со стороны молодаго пришельца, проповѣдывавшаго новую религію съ такимъ усердіемъ и жаромъ. У насъ скоро явилось доказательство, что они ясно поняли намѣренія фра-Антоніо и рѣшились ему противодѣйствовать.

Но во время этого любопытнаго и крайне интереснаго столкновенія между первобытной и возвышенной, глубокой религіей, практическая жизнь шла своимъ чередомъ и организація новаго правительства и арміи быстро подвигалась впередъ. Первая задача была достигнута сравнительно легко: большинство членовъ совѣта прибыло съ нами изъ Кулхуакана и имъ оставалось только приспособиться къ новымъ требованіямъ, чтобы пустить въ ходъ уже готовую административную машину. Они были пріятно изумлены, убѣдившись, какъ скоро совершился такой важный переворотъ. Въ высшихъ классахъ, откуда исключительно выходили правительственныя лица, чувство ненависти къ верховному жрецу, вызванное его жестокостью и деспотизмомъ, было до того сильно, что всѣ обрадовались возможности возстать противъ общаго тирана. Въ каждомъ городѣ долины, уполномоченные совѣта встрѣчали горячій пріемъ и новое правительство было признано повсюду, исключая столицы да нѣсколькихъ деревень по берегу озера, расположенныхъ у самыхъ ея стѣнъ. Организовать армію было гораздо труднѣе: здѣсь приходилось преодолѣть много нравственныхъ и матерьяльныхъ препятствій, прежде чѣмъ выставить противъ врага дѣйствительно грозную военную силу. Собственно регулярнаго войска, т. е. вполнѣ обученныхъ и дисциплинированныхъ солдатъ, было у насъ немного, потому что главный контингентъ арміи остался вѣренъ верховному жрецу и не покинулъ Кулхуакана. Къ нему примкнули гарнизоны и другихъ городовъ, не желая подчиняться новому правительству, провозглашенному город-

Digitized by Google

скими властями. Ихъ примѣру послѣдовали всѣ жрецы, а также немногія лица высшихъ классовъ, дорожившія прежнимъ порядкомъ вещей. Это всеобщее передвиженіе, по крайней мѣрѣ, имѣло ту выгодную сторону, что давало намъ возможность безпрепятственно заниматься своимъ дѣломъ и такимъ образомъ принесло свою долю пользы. Ядромъ нашей арміи служилъ полкъ Тицока, превосходно организованный и исполнявшій раньше важную обязанность охраны загражденнаго прохода. Сверхъ того, въ нашемъ распоряженіи было нѣсколько сотенъ солдатъ, прибывшихъ съ нами изъ Кулхуакана. Изъ числа этихъ людей мы могли избрать офицеровъ для командованія иррегулярной военной силой, составленной почти цѣликомъ изъ тлагуикосовъ. Чтобы организовать главный контингентъ своей арміи, вожди возстанія придумали смѣлый планъ: они соединили полудикихъ рудокоповъ съ ихъ бывшими надзирателями и конвойными, которые до сихъ поръ, само собою разумѣется, представляли предметъ непримиримой ненависти каторжниковъ. Теперь же эти двѣ враждебныхъ категоріи людей по неволѣ сдѣлались товарищами. Такая неожиданность до того поразила обѣ стороны, что никто изъ нихъ не подумалъ сопротивляться и прежніе враги въ виду общей опасности согласились дѣйствовать заодно. Я, собственно, съ самаго начала подозрѣвалъ, что тлагуикосы были заранѣе подготовлены къ возстанію. Хотя Тицокъ давалъ мнѣ самыя уклончивыя объясненія на этотъ счетъ, но я помню, съ какой рѣшительностью упомянулъ онъ о томъ, что рабы примутъ дѣятельное участіе въ возстаніи, если оно осуществится. Да и послѣ нашего прибытія въ Гуитциланъ, у меня не разъ являлось подозрѣніе, что у начальника стражи происходятъ таинственные переговоры съ рудокопами. Изъ этого можно было ясно заключить, что сѣмена революціи посѣяны здѣсь уже давно и успѣли созрѣть. Но изо всѣхъ трудностей, съ которыми намъ пришлось бороться, самой серьезной являлся недостатокъ оружія. Главный арсеналъ астланековъ находился въ Кулхуаканѣ и почти всѣ военные припасы были въ рукахъ верховнаго жреца. Къ счастью, транспортъ закаленнаго золота, который мы видѣли на пристани, остался неотправленнымъ въ сокровищницу и послужилъ намъ матерьяломъ для выдѣлки наконеч-

Digitized by Google

никовъ копій и дротиковъ, а также мечей; день и ночь въ оружейныхъ мастерскихъ Гуитцилана пылалъ огонь въ кузнечныхъ горнахъ и кипѣла усиленная работа. Луковъ и мечей нельзя было изготовить въ такое короткое время въ достаточномъ количествѣ, но пращами мы могли безо всякаго затрудненія снабдить все наше войско; ацтеки необыкновенно ловко владѣютъ этимъ оружіемъ, такъ что оно является страшнымъ средствомъ нападенія въ ихъ рукахъ. Между прочимъ, у насъ пошло много времени на выдѣлку щитовъ; Тицокъ и другіе офицеры, бывшіе съ нами, придавали этому большое значеніе, хотя мои товарищи доказывали имъ, что такой способъ обороны теперь совершенно оставленъ европейцами. Они говорили намъ, что ацтеки не могутъ сражаться безъ щитовъ, и если ихъ лишить этой военной принадлежности всѣхъ дикихъ народовъ, то ими овладѣетъ паника.

Вообще наше войско было хорошо снабжено всѣмъ нужнымъ для обороны; такъ, въ цитадели находился большой запасъ бумажной ткани, изъ которой изготовляли нѣчто въ родѣ длинныхъ панцырей, простеганныхъ въ нѣсколько рядовъ; такія рубашки были непроницаемы для стрѣлъ и защищали человѣка отъ шеи до самыхъ колѣнъ. Янгъ сначала поднялъ на смѣхъ это странное одѣяніе, но когда Тицокъ выстрѣлилъ изъ лука въ стеганый панцырь и не пробилъ его, то грузовой агентъ долженъ былъ признать несомнѣнную пользу втой вещи.

— Передайте полковнику, профессоръ, что я признаю себя побѣжденнымъ, — сказалъ онъ. — Но если вы съумѣете втолковать ему въ голову слѣдующую мысль, — въ чемъ я однако сильно сомнѣваюсь, — то скажите почтенному Тицоку, что наша босоногая армія, разряженная въ эти коротенькія ночныя сорочки, по моему, будетъ походить на путешественниковъ, выскочившихъ въ полночь изъ гостинницы, гдѣ случился пожаръ. Для полноты иллюзіи, не мѣшало бы снабдить наше войско двумя паровыми пожарными помпами и отрядомъ полицейскихъ; право, это будетъ самая забавная, уморительная армія, какую только видѣлъ свѣтъ внѣ стѣнъ пріюта умалишенныхъ! Вмѣсто того чтобы сражаться въ ея рядахъ, я охотно увезъ бы всю эту орду въ штаты, чтобы показывать ее передъ публикой. Есть у меня одинъ знакомый: Бенито

Digitized by Google

Николосъ, славный малый и мастеръ устраивать балаганныя представленія; я непремѣнно обратился бы къ нему и мы назвали бы это зрѣлище: „Войною ацтековъ на подмосткахъ цирка"; увѣряю васъ, что въ наши карманы посыпалось бы столько долларовъ, что мы не успѣвали бы ихъ считать. Помните, какъ еще въ Морелiи я собирался устроить балаганъ, чтобы показывать Пабло съ его ослом? — Но тутъ голосъ Янга вдругъ пресѣкся и онъ нѣсколько хрипло прибавилъ: — Теперь объ этомъ нечего и думать; пожалуй, отъ того и отъ другаго не осталось даже праха. Нѣтъ, что я говорю? лучше остаться здѣсь и принять участіе въ войнѣ; я даже согласенъ сложить не сегодня - завтра свою голову, только бы хорошенько насолить старому чорту, который убилъ нашего мальчика. Вѣдь славный былъ онъ парень, не такъ ли, профессоръ?.. Фу ты, дьявольщина какая! Проклятая пыль попала мнѣ въ глаза! — И съ этимъ восклицаніемъ, вырвавшимся у него ни къ селу, ни къ городу, — потому что въ воздухѣ не было ни малѣйшей пыли, — Янгъ внезапно оборвалъ рѣчь и отошелъ въ сторону.

Это былъ единственный разъ, что мы заговорили о Пабло, находясь въ Гуитциланѣ, потому что всякое напоминаніе о пропавшемъ мальчикѣ только сильнѣе растравляло нашу тоску по немъ. Я положительно сходилъ съ ума отъ горя, при мысли, что эта молодая жизнь погибла черезъ меня; въ недобрый часъ соединилъ я судьбу Пабло съ моею и довелъ его до безвременной смерти отъ руки жестокихъ палачей! Мнѣ также хотѣлось драться, чтобы отомстить за эту невинную жертву, и я былъ готовъ поплатиться собственной жизнью, только бы достичь своей цѣли. Вообще, какъ я, такъ и мои товарищи, исключая фра-Антоніо, который считалъ войну дѣломъ грѣховнымъ и жестокимъ, нетерпѣливо ждали начала военныхъ дѣйствій и рвались на битву съ врагомъ. Насъ радовала лихорадочная поспѣшность, съ которою коноводы мятежа готовились къ предстоящей кампаніи; ихъ усилія не пропадали даромъ: съ каждымъ днемъ безпорядочная масса навербованныхъ инсургентовъ дисциплинировалась и обѣщала въ скоромъ времени образовать порядочное войско. Въ самомъ дѣлѣ, надо было удивляться тому, какіе быстрые успѣхи оказывали дикари въ военномъ искусствѣ; впрочемъ, это обу-

Digitized by Google

словливалось ихъ врожденными воинственными инстинктами. Мы не сомнѣвались болѣе, что народъ, возставшій противъ тиранніи верховнаго жреца, съумѣетъ постоять за себя въ рѣшительную минуту.

XXVII.

Предложеніе условій.

Во все время нашихъ приготовленій къ войнѣ, мы не получали точныхъ извѣстій о силѣ врага, однако до насъ доходили неясные слухи, что защитники столицы готовятся къ энергичному отпору. Между тѣмъ, изъ нашихъ полковъ убывало ежедневно по нѣскольку перебѣжчиковъ — людей, оставшихся вѣрными старому режиму, и такимъ образомъ верховный жрецъ отлично зналъ, что̀ дѣлается въ нашемъ лагерѣ. Члены совѣта не принимали никакихъ мѣръ противъ этого дезертирства, потому что наши планы были выработаны такъ основательно, а военныя силы до того значительно возрастали, что намъ было выгодно обнаружить передъ непріятелемъ истинное положеніе дѣлъ. Въ особенности мы разсчитывали, что свѣдѣнія о насъ, проникавшія въ Кулхуаканъ, могли склонить на нашу сторону многихъ жителей столицы или, по крайней мѣрѣ, нагнать на нихъ страхъ, который бы разжигалъ духъ возмущенія въ непріятельскомъ войскѣ.

Планъ кампаніи, принятый совѣтомъ, поразилъ меня своей крайней осмотрительностью. Наши главари рѣшили не нападать на городъ—аттака такихъ неприступныхъ укрѣпленій безъ помощи артиллеріи, дѣйствительно, была немыслима—но выждать, пока непріятель самъ откроетъ наступательныя дѣйствія, и затѣмъ встрѣтиться съ нимъ на выгодной позиціи. Планъ этотъ во всѣхъ отношеніяхъ клонился въ нашу пользу; намъ было выгоднѣе какъ можно дольше избѣгать открытой битвы, которой предстояло рѣшить судьбу возстанія. Каждый день отсрочки являлся существеннымъ выигрышемъ для насъ, давая время нашимъ предводителямъ хорошенько обучить свою армію и упрочить внутреннее управленіе. Довѣріе къ новому правительству также, очевидно, воз-

Digitized by Google

растало среди жителей долины. Между тѣмъ, для непріятеля всякая отсрочка была пагубной: она скорѣе подрывала преданность подданныхъ къ верховному жрецу. Заключенный со своимъ войскомъ и множествомъ мирныхъ жителей въ стѣнахъ Кулхуакана, онъ рисковалъ вскорѣ столкнуться съ врагомъ, отъ котораго не защитятъ каменныя стѣны,—съ неумолимымъ голодомъ. Такимъ образомъ, намъ оставалось только выжидать, ставя бдительный караулъ на сторожевыхъ лодкахъ на озерѣ, чтобы не подпускать свѣжихъ гарнизоновъ къ городу. Мы были въ полной увѣренности, что непріятель добровольно сдѣлаетъ вылазку и тогда наша сторона ограничится одною обороной, покуда какая нибудь счастливая случайность позволитъ намъ безо всякаго риска произвести самостоятельное нападеніе. Итакъ, обстоятельства складывались совершенно въ нашу пользу; не надо забывать, что все регулярное войско азтланековъ оставалось въ распоряженіи верховнаго жреца и нашимъ военнымъ силамъ, организованнымъ на скорую руку, предстояло неизбѣжное пораженіе, еслибы мы встрѣтились въ полѣ при одинаковыхъ условіяхъ. Но, даже и при настоящемъ благопріятномъ положеніи дѣлъ, Тицокъ и другіе военачальники не скрывали своихъ тревожныхъ опасеній за исходъ предстоящей борьбы; ихъ особенно страшила мысль, что непріятель придумалъ какую нибудь тонкую военную хитрость, въ родѣ внезапнаго нападенія на нашъ лагерь, что могло произвести смятеніе и полный безпорядокъ въ рядахъ неопытныхъ инсургентовъ. Рейбёрнъ, участвовавшій на своемъ вѣку во многихъ битвахъ съ индѣйцами, вполнѣ раздѣлялъ ихъ опасенія. — Индѣйцы, — говорилъ онъ,—прибѣгаютъ къ совсѣмъ инымъ военнымъ пріемамъ, чѣмъ другіе народы. Сторона, на которую клонится побѣда, имѣетъ у нихъ привычку издавать оглушительные крики. Индѣйцы вообще не отличаются стойкостью и ничего не могутъ подѣлать съ людьми, которые дерутся съ ними хладнокровно, не отступая отъ военныхъ правилъ; они безсильны противъ врага, котораго нельзя обратить въ бѣгство дикими криками. Вотъ почему незначительные гарнизоны вполнѣ успѣшно охраняютъ у насъ всю индѣйскую границу. Небольшой отрядъ нашихъ солдатъ въ правильной битвѣ — если ихъ не загонятъ въ засаду — легко выдерживаетъ на-

Digitized by Google

тискъ цѣлаго враждебнаго племени; они отбиваются успѣшно, потому что образуютъ плотное карэ и не сдаются. Мнѣ очень непріятно, что регулярныя войска остались на сторонѣ непріятеля. Разумѣется, будучи индѣйцами, они также не отличаются стойкостью, но все же на нихъ можно больше положиться, чѣмъ на нашу неумѣлую ватагу. Мы имѣемъ за собою преимущество крѣпкой позиціи и, сверхъ того, наше войско разсчитываетъ, что ему предстоитъ только оборона; однако предупреждаю васъ, что намъ придется плохо, если непріятель изловчится проникнуть сюда или мы сами бросимся за нимъ въ погоню по открытой мѣстности. Эти рудокопы да и остальные тлагуикосы будутъ драться, какъ дикія кошки, пока перевѣсъ останется на ихъ сторонѣ; но едва только непріятель начнетъ одолѣвать насъ — все пропало! Падать духомъ — въ натурѣ индѣйцевъ. Я стараюсь увѣрить себя, что наша дикая орда восторжествуетъ надъ врагомъ, но мнѣ что-то плохо вѣрится въ это, профессоръ!

— А я такъ, напротивъ, сильно разсчитываю на успѣхъ, — подхватилъ Янгъ. — Положимъ, я не такъ свѣдущъ въ подобныхъ дѣлахъ, какъ Рейбёрнъ, но вѣдь здѣшніе рудокопы — настоящіе дьяволы во плоти, точно они сейчасъ выскочили изъ ада. Ничто не можетъ сравниться съ ихъ злобой и кровожадностью; эти чудовища только того и ждутъ, чтобы раздѣлаться съ своими притѣснителями. Намъ слѣдуетъ выкинуть такую штуку: подпустить къ себѣ непріятеля поближе, а потомъ, послѣ здоровой перестрѣлки, когда онъ утомится, насѣсть на него молодецкимъ натискомъ. Увидите сами, что наши звѣроподобные союзники врѣжутся въ ряды непріятелей, точно курьерскій поѣздъ. Не успѣетъ верховный жрецъ опомниться, какъ мы всыплемъ ему такихъ горяченькихъ, что онъ удеретъ безъ оглядки и растеряетъ по дорогѣ свои мохнатые мокасины. Вотъ помяните мое слово, Рейбёрнъ! Впрочемъ, что тутъ и толковать: далъ бы только Богъ намъ поскорѣе убраться восвояси изъ этой проклятой долины, съ полными карманами долларовъ!

Что касается меня, то я невполнѣ раздѣлялъ какъ скептицизмъ Рейбёрна, такъ и радужныя надежды Янга. Каждый изъ нихъ былъ по своему правъ; я же, какъ человѣкъ неопытный въ военномъ дѣлѣ, разсуждалъ по своему и мнѣ

Digitized by Google

казалось, что наши шансы на удачу и пораженіе были приблизительно равны. Къ тому же, въ послѣднее время, не смотря на тяжелыя испытанія, судьба явно благопріятствовала мнѣ; я собралъ богатѣйшій запасъ свѣдѣній насчетъ археологіи ацтековъ, представлявшей до сихъ поръ столько темныхъ сторонъ, и теперь невольно вѣрилъ въ свою счастливую звѣзду не хуже Наполеона I. Впрочемъ я не давалъ себѣ увлекаться, стараясь трезво смотрѣть на вещи и помнить, что меня могутъ убить въ предстоящемъ сраженіи, причемъ всѣ мои удивительныя открытія пропадутъ для человѣчества, я же самъ лишусь заслуженной и лестной славы. Стыдно сознаться, что, не смотря на всѣ усилія отнестись спокойно къ такой печальной возможности, мнѣ никакъ не удавалось удержаться на высотѣ философскаго хладнокровія и я приходилъ въ настоящее бѣшенство, представляя себѣ, что какой нибудь неотесаный индѣецъ, раскроивъ мой черепъ, лишитъ меня заслуженной извѣстности, а ученый міръ—неоцѣненныхъ знаній, которыя я накопилъ въ своемъ мозгу.

Но всякая мысль о моей собственной судьбѣ отступила у меня на задній планъ и мои себялюбивыя соображенія внезапно разсѣялись въ виду опасности, которой неожиданно подвергся одинъ изъ моихъ товарищей. Въ одинъ прекрасный день, верховный жрецъ прислалъ формальное предложеніе—вступить въ мирные переговоры съ мятежниками и пойти на уступки, если они согласятся принять предложенныя имъ условія; эта новость взволновала весь лагерь. Сановникъ, посланный для переговоровъ, прибылъ къ намъ съ большой помпой; это былъ маститый старецъ, окруженный почетной свитой; такая роскошь была очевидно выставлена съ цѣлью сильнѣе оттѣнить важность возложеннаго на него порученія. Двѣ нашихъ сторожевыхъ лодки проводили его баржу черезъ озеро и ему одному было позволено высадиться въ Гуитциланѣ. Принятый членами совѣта, онъ въ короткихъ словахъ выразилъ желаніе верховнаго жреца, не прибавляя отъ себя никакихъ аргументовъ и коментарій. Верховный жрецъ, сказалъ онъ, хочетъ предотвратить кровопролитіе между братьями; онъ готовъ помиловать виновныхъ и даже снизойти до разсмотрѣнія требованій преступныхъ людей, поднявшихъ противъ него оружіе. Съ своей стороны, онъ предлагаетъ возстановить обы-

Digitized by Google

чай, позволявшій родителямъ выкупать родныхъ дѣтей, чтобы избавить ихъ отъ рабства или принесенія въ жертву богамъ; кромѣ того, онъ отказывается отъ нѣкоторыхъ своихъ правъ (которыхъ здѣсь не стоитъ перечислять) въ гражданскихъ дѣлахъ, предоставляя ихъ совѣту. Взамѣнъ этихъ уступокъ, онъ требуетъ, чтобы войско мятежниковъ было немедленно распущено и въ Гуитциланѣ былъ водворенъ прежній порядокъ: рудокопы должны возвратиться къ своимъ занятіямъ, а остальные тлагуикосы—къ своимъ господамъ; изготовленное оружіе должно быть передано хранителю арсенала въ Кулхуаканѣ. Послѣднее заключительное требованіе верховнаго жреца относилось уже къ намъ, и совѣту дали понять, что отъ его точнаго и неуклоннаго исполненія зависитъ успѣхъ остальныхъ переговоровъ. Янга, Рейбёрна и меня слѣдовало, по словамъ уполномоченнаго, вывести вонъ изъ Азтлана черезъ загражденный проходъ и оставить въ пустынѣ на произволъ судьбы; что же касается фра-Антоніо, то Итцакоатль требовалъ немедленной выдачи миссіонера, намѣреваясь предать его лютой казни, чтобы умилостивить разгнѣванныхъ боговъ, такъ какъ онъ покушался поколебать истинную вѣру въ народѣ и развратить азтланековъ.

Мы съ фра-Антоніо находились въ залѣ совѣта, когда уполномоченный передавалъ свое порученіе; послѣднія слова сановника заставили меня смертельно поблѣднѣть, я чуть устоялъ на ногахъ и быстро обернулся къ своему другу, думая, что онъ также взволнованъ и потрясенъ только что слышаннымъ. Однако перспектива ужасной смерти не испугала подвижника; напротивъ, лицо фра-Антоніо свѣтилось восторгомъ, какъ будто онъ видѣлъ величайшее счастіе въ ожидавшемъ его мученическомъ вѣнцѣ.

Предложеніе верховнаго жреца вызвало жаркіе споры, какъ въ самомъ совѣтѣ, такъ и въ цѣломъ лагерѣ, гдѣ вскорѣ все стало извѣстно. Одни говорили, что обѣщаніямъ Итцакоатля можно повѣрить; другіе утверждали, что на него нельзя положиться. Что касается членовъ совѣта, то они принимали не особенно близко къ сердцу нашу участь. Мы послужили для дѣла возстанія, потому что наше прибытіе было какъ бы сигналомъ къ давно назрѣвавшему мятежу, и теперь въ насъ не нуждались болѣе. Новое правительство гораздо силь-

Digitized by Google

нѣе занималъ вопросъ: сдержитъ ли верховный жрецъ свои обязательства, послѣ того какъ инсургенты будутъ разоружены и окажутся въ его власти; на этомъ существенномъ пунктѣ и вращались всѣ споры. Въ пользу разоруженія говорило то, что Итцакоатль не требовалъ выдачи виновныхъ и даже хотѣлъ удовлетворить справедливыя претензіи мятежниковъ; поэтому многіе стояли за мирное соглашеніе съ верховнымъ жрецомъ; другіе же возражали имъ, доказывая, что такая внезапная уступчивость со стороны тирана не обѣщаетъ ничего хорошаго. Очевидно, онъ понималъ безвыходность своего положенія и хотѣлъ хитростью удержать ускользавшую отъ него власть. Его лживыя обѣщанія не заслуживали никакого довѣрія; слѣдовательно, для инсургентовъ было гораздо выгоднѣе прибѣгнуть къ войнѣ, тѣмъ болѣе, что къ ней были сдѣланы всѣ необходимыя приготовленія.

Жаркіе споры продолжались цѣлый день, не приведя ни къ какому положительному результату. Мы съ фра-Антоніо прислушивались къ нимъ съ большимъ вниманіемъ и переводили слышанное товарищамъ, такъ какъ отъ исхода этихъ преній зависѣла наша судьба. Еслибы противники Итцакоатля рѣшили съ нимъ помириться, то одному изъ насъ пришлось бы немедленно идти на казнь, остальнымъ же—оказаться плѣнниками среди мрачныхъ горъ въ дикой пустынѣ. Когда наступила ночь и совѣтъ, не рѣшивъ ничего, закрылъ засѣданіе до слѣдующаго утра, мы вернулись въ отведенную намъ комнату и принялись толковать между собою. Разговоръ нашъ былъ не изъ веселыхъ.

— Даже еслибъ эти люди знали алгебру,—сказалъ Рейбёрнъ,—я не понимаю, какимъ образомъ они разрѣшили бы представившуюся имъ проблемму. Всѣ когда либо существовавшіе иксы недостаточны для опредѣленія такой неизвѣстной величины, какъ верховный жрецъ; поэтому всѣ данныя задачи недостаточны здѣсь для ея разрѣшенія. Послѣдніе три часа, насколько я могу судить, члены совѣта вращались въ заколдованномъ кругу, откуда нѣтъ выхода, и не могли подвинуться ни на шагъ впередъ. Бѣда въ томъ, что одна половина изъ нихъ вѣритъ искренности верховнаго жреца, а другая ее отрицаетъ. Это дѣло личнаго убѣжденія, которое

Digitized by Google

не можетъ быть оспариваемо. По моему, они никогда не столкуются между собою, хотя бы протолковали цѣлыхъ двадцать лѣтъ.

— Вотъ еслибъ азтланеки—говорилъ Янгъ—посадили меня на свой паровозъ и заставили править своимъ поѣздомъ, то я скорехонько вывелъ бы ихъ на настоящую дорогу. Странно, что только одна половина этихъ простофиль имѣетъ настолько здраваго смысла, чтобъ раскусить, что за птица ихъ верховный жрецъ. Онъ постоянно водилъ за носъ своихъ подданныхъ и будетъ дѣлать это до конца жизни; если они настолько глупы, чтобы повѣрить ему, то имъ не сдоброваль. Теперь онъ загналъ въ ловушку и отлично понимаетъ это, да и сами его противники понимаютъ, судя по ихъ дѣйствіямъ. Сначала я относился съ уваженіемъ къ совѣту, когда онъ такъ прекрасно повелъ дѣла; у нихъ все шло, какъ по маслу, и они подвигались впередъ на всѣхъ парусахъ, не смотря на самое скверное топливо. Но если они хотятъ теперь погасить огонь, когда, напротивъ, его слѣдуетъ хорошенько разжечь, чтобы благополучно доѣхать до мѣста, то я, съ позволенія сказать, плюю на нихъ. Мнѣ просто тошно смотрѣть, какъ они выдумываютъ разные экивоки, вмѣсто того чтобъ приняться за дѣло и молодецки постоять за себя въ честномъ бою.

Фра-Антоніо, по своей молчаливости, обыкновенно не вмѣшивавшійся въ наши разговоры, отчасти удивилъ меня просьбой перевести ему рѣчи Янга и Рейбёрна. Потомъ онъ немного помолчалъ, очевидно погруженный въ серьезныя думы, и наконецъ спросилъ: сильно ли насъ пугаетъ перспектива изгнанія изъ долины Азтлана, если совѣтъ рѣшитъ принять условія верховнаго жреца, и не давъ намъ времени отвѣтить, монахъ заговорилъ о томъ, что мы не успѣли осмотрѣть во всѣхъ направленіяхъ послѣдней долины, въ которую спустились съ заоблачной вышины и которая привела насъ къ Загражденному Проходу. Какъ знать? Пожалуй, изъ нея есть выходъ на свободу и мы еще вернемся въ цивилизованный міръ. Но не бѣда, если такого выхода и не найдется; долина богата, плодородна, и въ ней можно прожить до конца своихъ дней, не нуждаясь ни въ чемъ. Такъ говорилъ францисканецъ убѣдительнымъ, страстнымъ тономъ, и слова торопливо слетали съ его губъ.—Неужели вамъ будетъ хуже тамъ, чѣмъ здѣсь,

Digitized by Google

гдѣ мы сидимъ, какъ въ плѣну?—продолжалъ онъ.—Допустимъ даже, что война кончится побѣдой нашей партіи и наши союзники предоставятъ намъ полную свободу. Что же мы тогда предпримемъ? Намъ предстоитъ: или остаться навсегда въ долинѣ Астлана, или вернуться въ другую долину и искать изъ нея выхода, чтобы потомъ проникнуть черезъ горы къ себѣ домой.—Затѣмъ, опять таки не давая намъ отвѣтить, фра-Антоніо распространился объ ужасахъ войны и наконецъ напомнилъ смягченнымъ тономъ, что мы обязаны предотвратить такое бѣдствіе, которое есть вмѣстѣ съ тѣмъ и преступленіе, и что для этой цѣли можно пожертвовать даже своими завѣтными надеждами и планами.

— Рѣшительно не понимаю, къ чему клонитъ падре свою рѣчь!—воскликнулъ Янгъ,—право, его что-то не разберешь.

— Онъ читаетъ намъ отличную проповѣдь, только не знаю, какую можно извлечь изъ нея мораль,—поддакнулъ товарищу и Рейбёрнъ.

Но между мной и фра-Антоніо существовала болѣе глубокая симпатія и я отлично понялъ смыслъ его словъ. Меня они даже нисколько не удивили, а только подтвердили мои горькія опасенія. И фра-Антоніо тутъ же объяснилъ намъ въ безъискусственныхъ выраженіяхъ, что намѣренъ дѣлать. Съ трогательной печалью и нѣжностью уговаривалъ онъ насъ не сердиться на него и послѣдовать его искреннему совѣту, а именно: добровольно уйти изъ Астлана тѣмъ же путемъ, которымъ мы сюда пришли, чтобы не служить больше яблокомъ раздора между астланеками и дать возможность инсургентамъ пойти на мирныя соглашенія съ Итцакоатлемъ.

— А что́ же будетъ съ вами?—спросилъ я, чувствуя, что фра-Антоніо избралъ для себя совсѣмъ иную участь.

Онъ съ минуту колебался отвѣтить, немного измѣнившись въ лицѣ; но вдругъ на щекахъ у него заигралъ непривычный румянецъ оживленія и всѣ черты просіяли радостной, твердой рѣшимостью. Тихимъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, совершенно яснымъ и твердымъ голосомъ фра-Антоніо произнесъ:—А я пойду къ верховному жрецу въ Кулхуаканъ.

— На встрѣчу вѣрной смерти!—воскликнулъ я прерывающимся голосомъ, и въ эту минуту мнѣ было такъ больно, какъ будто меня рѣзали на куски.

Digitized by Google

— Скажите лучше,—отвѣчалъ фра-Антоніо,—что я иду на встрѣчу новой жизни, славной и безконечной, гдѣ нѣтъ ни смерти, ни грѣха, ни печали, ни страданія!

XXVIII.

Добровольная жертва.

Зная рѣшительный характеръ франциcканца и понимая гораздо лучше своихъ товарищей руководившее имъ великодушное побужденіе, я не поддержалъ ихъ въ попыткѣ разубѣдить его. Но когда Янгъ съ Рейбёрномъ увидѣли, что онъ непоколебимъ, и стали упрашивать его, по крайней мѣрѣ, бѣжать вмѣстѣ съ нами, я присоединился къ ихъ мольбамъ. Но ни просьбы, ни убѣжденія не дѣйствовали на фра-Антоніо. Въ самомъ дѣлѣ, онъ поступалъ вполнѣ логично, и мы, не соглашаясь съ его взглядами, въ то же время не могли не уважать ихъ. Онъ говорилъ, что пришелъ сюда съ единственной цѣлью проповѣдывать благодатное христіанское ученіе язычникамъ, которые безъ его проповѣди коснѣли бы въ идолопоклонствѣ. Поэтому нашъ другъ не оставлялъ за собою права выбора, считая священнымъ долгомъ исполнить взятые на себя обѣты. Мы, по его словамъ, были свободны располагать собою, заботиться о своихъ выгодахъ и благосостояніи, а онъ не принадлежалъ себѣ и потому долженъ стремиться къ единственной цѣли — исполнять добровольно взятую на себя миссію просвѣщенія первобытнаго народа. По мнѣнію франциcканца, въ случаѣ войны, которая неизбѣжно разнуздываетъ всѣ низкія человѣческія страсти, сѣмена вѣры, посѣянныя имъ, не могли дать плода; онъ былъ увѣренъ, что они заглохнутъ и никогда не взойдутъ на кровавой нивѣ междоусобія. А, между тѣмъ, его проповѣдь замѣтно нашла дорогу къ сердцу многихъ слушателей. Если удастся предотвратить войну, то несчастный народъ не только будетъ избавленъ отъ жестокаго бѣдствія и преступленія братоубійства, но, сверхъ того, останется готовымъ къ воспріятію кроткихъ Христовыхъ завѣтовъ любви и милосердія. Поэтому фра-Антоніо охотно жертвовалъ жизнью, если этой цѣною можно

Digitized by Google

водворить миръ, что, конечно, должно утвердить новообращенныхъ въ христіанской вѣрѣ, такъ какъ примѣръ дѣйствуетъ на людей сильнѣе всего. Да, наконецъ, говорилъ онъ, развѣ не можетъ случиться, что Господь сохранитъ меня невредимымъ даже въ стѣнахъ вражеской твердыни? Вспомнимъ св. Януарія, который былъ ввергнутъ въ львиный ровъ, гдѣ львы не тронули его. И во всякомъ случаѣ, каковъ бы ни былъ исходъ моего добровольнаго прибытія въ Кулхуаканъ, путь долга, начертанный передо мною, до того ясенъ,—твердо заключилъ монахъ,—что отъ него нѣтъ возможности уклониться. То, что я намѣреваюсь совершить, было совершено множествомъ моихъ собратій въ теченіе шести вѣковъ, съ тѣхъ поръ какъ въ Ассизѣ былъ основанъ орденъ францисканцевъ. То же самое совершилъ славный первомученикъ Мексики, св. Филиппъ, который проповѣдывалъ христіанство между язычниками и принялъ мученическую кончину на крестѣ въ Японіи.

Рейбёрнъ далеко не былъ убѣжденъ подобными аргументами; однако онъ понялъ, какъ понималъ и я, что фра-Антоніо не могъ разсуждать иначе съ своей точки зрѣнія. Но Янгу это было рѣшительно недоступно и слова монаха только бѣсили его.

— Ужаснѣйшая чушь!—воскликнулъ онъ, наконецъ, внѣ себя отъ гнѣва.—Падре толкуетъ о какихъ-то своихъ обязанностяхъ къ подлому сброду, который окружаетъ верховнаго жреца. Что значитъ жизнь всѣхъ этихъ гадинъ сравнительно съ его жизнью! Ужь лучше ему размозжить себѣ голову вонъ о тѣ камни, чѣмъ отдаться въ руки такихъ чудовищъ. И вѣдь падре отлично знаетъ, что ему не сдобровать. Я никогда не слыхалъ о человѣкѣ, котораго пощадили львы, — вѣрно онъ странствовалъ со звѣринцемъ? Но если фра-Антоніо разсчитываетъ уцѣлѣть въ Кулхуаканѣ, то онъ жестоко ошибается. О, профессоръ, говорю вамъ, мы обязаны удержать его силой. Падре спятилъ съ ума и за нимъ нужно присматривать, пока онъ опять войдетъ въ здравый разсудокъ. Я готовъ исполнить всякое разумное требованіе съ его стороны, но чортъ меня побери, если я стану хладнокровно смотрѣть, какъ онъ перерѣжетъ себѣ горло!

Я увѣренъ, что Янгъ былъ готовъ прибѣгнуть къ самымъ рѣшительнымъ дѣйствіямъ и даже въ крайнемъ случаѣ надѣть

Digitized by Google

сумашедшую рубашку на францисканца. Еслибъ имъ обоимъ пришлось отстаивать свои взгляды на практической почвѣ, мы, вѣроятно, сдѣлались бы свидѣтелями весьма курьезнаго столкновенія, гдѣ геройское самопожертвованіе вступило бы въ борьбу съ искренней привязанностью, хотя и выражавшейся въ грубой формѣ. Фра-Антоніо, надо полагать, предвидѣлъ возможность подобнаго конфликта, потому что принялъ серьезныя мѣры къ его устраненію. Весь остальной день онъ отказывался продолжать нашъ споръ—не прямо и рѣзко, но стараясь дать нашимъ мыслямъ иное направленіе. Только вечеромъ, передъ отходомъ ко сну, миссіонеръ еще разъ добровольно вернулся къ спорному вопросу; снова перечисливъ вкратцѣ причины, заставлявшія его вступить на такой опасный путь, онъ просилъ не сердиться на насъ за его настояніе, противорѣчившее нашимъ личнымъ видамъ, и предложилъ намъ обмѣняться съ нимъ дружескимъ рукопожатіемъ въ знакъ прощенія и неизмѣнной любви.

Мы были до того растроганы кроткой рѣчью монаха, что не могли ему отвѣчать; онъ понялъ это; каждый изъ насъ поочередно пожалъ ему руку, пытаясь излить, что было у него на сердцѣ, но вмѣсто того всѣ мы ограничились двумя-тремя словами, потому что смертельная тоска парализовала намъ языкъ. Что касается Янга, то онъ не любилъ обнаруживать своей чувствительности и, стыдясь собственнаго малодушія, котораго ему не удалось однако скрыть, покраснѣлъ, какъ вареный ракъ; даже его толстая шея побагровѣла, налившись кровью, и онъ съ досады началъ жаловаться на зубную боль, а потомъ ни съ того, ни съ сего разразился бранью противъ директора желѣзной дороги въ Старой Колоніи, говоря, что еслибъ этотъ негодяй не лишилъ его понапрасну насиженнаго мѣста, то судьба никогда не забросила бы его въ Мексику! Я съ своей стороны былъ вполнѣ увѣренъ, что фра-Антоніо прощался съ нами на вѣрную разлуку. Долго не спалось мнѣ въ ту ночь; я вспоминалъ время, когда мы дѣлили съ францисканцемъ всѣ трудности далекаго, опаснаго путешествія, вспоминалъ его вѣрную дружбу, стойкость, его благородство и удивительную нравственную чистоту, которая сказывалась въ каждомъ поступкѣ и словѣ монаха. О будущемъ я не смѣлъ и подумать: до того мнѣ было больно по-

Digitized by Google

терять такого рѣдкаго друга; горечь этой потери угрожала омрачить всю мою послѣдующую жизнь. Наконецъ, измученный печалью, я крѣпко заснулъ. Слабый, сѣроватый свѣтъ ранняго утра тускло освѣщалъ комнату, когда Рейбёрнъ разбудилъ меня, дергая за руку, и первыя слова, которыя я отъ него услышалъ, были: „Падре куда-то исчезъ“.

Очнувшись ото сна, я сѣлъ на постели и взглянулъ въ лицо товарищу; онъ былъ сильно встревоженъ. Янгъ еще спалъ и мы не стали будить его, предпочитая прежде убѣдиться въ печальной истинѣ. Рейбёрнъ тихонько вышелъ во дворъ, я слѣдовалъ за нимъ, и мы достигли выхода, гдѣ стоялъ караульный. Но мы нашли его спящимъ, а когда разбудили и начали разспрашивать, не видалъ ли онъ выходившаго монаха, индѣецъ не могъ сказать намъ ничего положительнаго. Тогда мы направились къ воротамъ цитадели — они закрывались такой тяжеловѣсной рѣшеткой на цѣпяхъ, что ее не спускали даже на ночь, — здѣсь нашимъ глазамъ представилось человѣкъ шесть спящихъ сторожей; только одинъ изъ нихъ проснулся, заслышавъ наши шаги, и, приподнявшись на локти, глядѣлъ на насъ заспанными глазами.

Не смотря на свою тревогу, мы были страшно поражены подобной небрежностью. — Ну, если всѣ караульные отличаются такой бдительностью, — съ гнѣвомъ вскричалъ Рейбёрнъ, — то насъ всѣхъ преспокойно могутъ перерѣзать въ постели! Вотъ къ чему привела попытка сдѣлать солдатъ изъ этихъ дикарей. Тлагуикосы съумѣютъ порядочно драться, я нисколько въ томъ не сомнѣваюсь, но довѣрить такимъ людямъ отвѣтственный постъ было чистымъ безуміемъ. Они оставались рабами всю свою жизнь и не имѣютъ понятія о личной отвѣтственности. Хорошо еще, что мы наткнулись на нихъ сегодня; теперь я дамъ совѣтъ полковнику ставить на караулъ только его собственныхъ солдатъ, на которыхъ можно положиться. Конечно, отъ этихъ сторожей мы ничего не добьемся. Лучше намъ спуститься къ пристани; если падре ушелъ — тутъ голосъ моего товарища оборвался—то вѣроятнѣе всего, что онъ переправился черезъ озеро и мы, конечно, встрѣтимъ кого нибудь, кто его видѣлъ.

Вокругъ насъ уже начала понемногу пробуждаться жизнь; двери въ нѣкоторыхъ домахъ были отворены, тонкія струйки

Digitized by Google

дыма вились въ тихомъ утреннемъ воздухѣ, у водоема собралось нѣсколько женщинъ; онѣ наполняли водой большіе глиняные сосуды и вполголоса болтали между собой. На дамбѣ мы дѣйствительно увидали народъ: это рыбаки возвращались съ своей ловли. Они тотчасъ разрѣшили наши грустныя сомнѣнія. Часъ назадъ, мимо нихъ проѣхалъ челнокъ, управляемый однимъ индѣйцемъ, а на кормѣ сидѣлъ человѣкъ, въ которомъ они узнали фра-Антоніо по его монашескому платью; рыбаки даже внимательно прослѣдили, куда онъ ѣхалъ, и были крайне удивлены, увидавъ, что челнокъ направлялся въ „большой городъ“ — подъ этимъ именемъ слыла столица Азтлана у всѣхъ непосвященныхъ и только одни жрецы знали названіе Кулхуакана.

Ни я, ни Рейбёрнъ не произнесли ни слова, возвращаясь обратно черезъ городъ въ цитадель. Мы были слишкомъ потрясены и взволнованы, чтобы говорить. Даже я, отчасти готовый къ случившемуся, не ожидалъ, что францисканецъ такъ внезапно покинетъ насъ; но для Рейбёрна его удаленіе было тяжелымъ, неожиданнымъ ударомъ. Когда мы вернулись, Янгъ уже проснулся и безпокоился о насъ, потому что мы имѣли привычку постоянно держаться вмѣстѣ, и товарищъ понялъ, что важное правило было нарушено нами недаромъ; но когда онъ увидалъ наши отчаянныя лица, его безпокойство возросло еще болѣе. Предчувствуя, что случилось что-то недоброе, онъ однако не могъ сразу догадаться, какая бѣда стряслась надъ нами; тутъ мы ему разсказали, что̀ намъ было извѣстно о фра-Антоніо, очевидно, отдавшемся въ руки верховнаго жреца. Янгъ уставился на насъ широко раскрытыми глазами, точно не понимая; а когда понялъ наконецъ, въ чемъ дѣло, то разразился страшными ругательствами, точно моментально помѣшавшись отъ бѣшенства.

Я невольно позавидовалъ ему, да и Рейбёрнъ, вѣроятно, также; эта грубая, но вмѣстѣ съ тѣмъ искренняя вспышка ярости очевидно утоляла его жгучую печаль. Мы же оба стояли въ безмолвномъ отчаяніи, думая о томъ, что намъ едва ли придется увидѣть еще разъ фра-Антонію въ живыхъ.

Digitized by Google

XXIX.

Ночное нападеніе.

Ни совѣтъ со своими нерѣшительными переговорами, ни фра-Антоніо съ его черезчуръ рѣшительнымъ поступкомъ не предвидѣли однако новыхъ осложненій проблеммы, которую они старались разрѣшить, исходя отъ различныхъ точекъ зрѣнія. Совѣтъ однимъ мановеніемъ руки обратилъ тлагуикосовъ въ солдатъ и обѣщалъ имъ полное избавленіе отъ рабства въ награду за ихъ преданность и мужество. Фра-Антоніо проповѣдывалъ всѣмъ собравшимся въ Гуитциланѣ новую вѣру, которая нашла дорогу къ сердцу слушателей, главнымъ образомъ, потому что эти люди, томившіеся подъ ярмомъ безпросвѣтной неволи, видѣли въ ней залогъ своего освобожденія, такъ какъ одна изъ важнѣйшихъ христіанскихъ доктринъ есть всеобщее равенство.

Поэтому, когда вѣсть объ условіяхъ мира, предложенныхъ верховнымъ жрецомъ, распространилась по всему городу и дошла до лагеря, расположеннаго у самыхъ его стѣнъ съ тою цѣлью, чтобы защитники Гуитцилана немедленно заняли цитадель, едва только покажется непріятель—то въ войскѣ и между жителями поднялся громкій ропотъ. Тлагуикосы были глубоко возмущены требованіями Итцакоатля и говорили, что ихъ не слѣдовало даже выслушивать. Жестокій деспотъ собирался принести въ жертву ацтекскимъ богамъ апостола новой религіи, а тлагуикосовъ хотѣлъ опять обратить въ рабство; обѣщанныя имъ уступки касались только высшихъ классовъ, а невольниковъ ожидала еще болѣе тяжкая участь.

Люди, возмущавшіеся тѣмъ, что совѣтъ медлитъ отпустить обратно уполномоченнаго верховнаго жреца съ положительнымъ отказомъ, перешли на другой день отъ горячихъ словъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Отъѣздъ фра-Антоніо послужилъ сигналомъ къ возмущенію инсургентовъ противъ своихъ руководителей. Эти люди, разумѣется, не допускали и мысли, чтобы францисканецъ могъ добровольно отдаться въ руки палача; на самомъ дѣлѣ, вся армія оказалась противъ мир-

Digitized by Google

наго соглашенія, потому что даже офицеры, хотя и не принадлежавшіе къ классу рабовъ, боялись, что имъ не миновать жестокаго наказанія за участіе въ мятежѣ, и предпочитали рѣшить роковой вопросъ съ оружіемъ въ рукахъ. Утромъ все войско выступило изъ лагеря и окружило залу совѣта, помѣщавшуюся въ цидатели. Воины съ громкими криками требовали, чтобы парламентеръ былъ немедленно отосланъ обратно въ „большой городъ“ съ категорическимъ отказомъ принять предложенныя условія мира. Новый мятежъ вспыхнулъ среди мятежа и совѣтъ не могъ подавить его, потому что вся военная сила возстала противъ его собственной власти съ самымъ настойчивымъ упорствомъ.

Всякая проволочка была невозможна. Необузданные, бѣшеные дикари, такъ внезапно обращенные въ солдатъ, толпились передъ залой совѣта, яростно крича, размахивая копьями и бряцая мечами. Они шумѣли до тѣхъ поръ, пока добились своего.

Уполномоченнаго провели подъ сильнымъ конвоемъ мимо этой бѣснующейся толпы; на немъ не было лица; маститый сановникъ отлично понималъ, какой опасности подвергалась его жизнь въ эту критическую минуту; отъ цитадели онъ спустился къ берегу и отплылъ обратно въ Кулхуаканъ, убѣдившись воочію, что мирное соглашеніе могло осуществиться только въ томъ случаѣ, еслибы тлагуикосы, возставшіе противъ верховнаго жреца, были перебиты всѣ до единаго человѣка! Недаромъ сами солдаты продиктовали своимъ начальникамъ этотъ рѣшительный отвѣтъ притѣснителю.

— Молодцы тлагуикосы!—воскликнулъ Янгъ, когда я перевелъ ему ихъ грозныя слова.—Пожалуйста, скажите имъ, профессоръ, что я три года былъ волонтеромъ и готовъ биться въ ихъ рядахъ до послѣдней возможности. Вѣроятно, негодяи успѣли уже порѣшить нашего падре въ ихъ проклятомъ городѣ. Если я раньше горѣлъ нетерпѣніемъ раздѣлаться съ этими тварями за бѣднаго Пабло, то теперь мнѣ и подавно хочется проучить ихъ хорошенько. Славные ребята эти тлагуикосы, люблю такихъ! Не говорилъ ли я вамъ, что ихъ ничто не остановитъ, когда они разойдутся? Это народъ неотесанный, но всѣ рудокопы—отчаянныя башки, надо отдать имъ справедливость!

Digitized by Google

Сильное волненіе, вызванное въ насъ этой сценой, смѣнилось на другой день тягостнымъ унынiемъ; мы только и думали о фра-Антоніо и о нашемъ полномъ безсилiи помочь ему при настоящихъ обстоятельствахъ. Хотя уполномоченный былъ отосланъ назадъ и война сдѣлалась неизбѣжной, но положеніе дѣлъ оставалось то же, потому что мы по прежнему были принуждены выжидать наступательныхъ дѣйствій со стороны непріятеля. Нападать на громадный укрѣпленный городъ было до того безполезно, что даже тлагуикосы—возгордившіеся побѣдой надъ совѣтомъ—не рѣшались этого предложить; они сознавали, какъ и мы, что единственный шансъ одолѣть врага могла доставить намъ битва въ открытомъ полѣ. Между тѣмъ скучное бездѣйствіе угрожало серьезной опасностью; наше войско, утомившись ожиданіемъ, могло сдѣлаться еще безпечнѣе. То, что мы видѣли съ Рейбёрномъ поутру наканунѣ, ясно доказывало, что на нашихъ людей нельзя было положиться въ смыслѣ бдительности, и Тицокъ, съ которымъ мы обсуждали этотъ важный вопросъ, не сказалъ намъ ничего утѣшительнаго. Будучи солдатомъ съ головы до ногъ, онъ отлично понималъ, чѣмъ рискуетъ лагерь, охраняемый такъ плохо, но при настоящемъ положеніи дѣлъ нельзя было принять существенныхъ мѣръ для его безопасности. Нѣсколькихъ отрядовъ нашей регулярной арміи не хватало для содержанія всѣхъ карауловъ и единственное, что можно было сдѣлать, это расположить ихъ на пунктахъ, болѣе открытыхъ для нападенія.—А затѣмъ разсчитывать,—подхватилъ Рейбёрнъ съ оттѣнкомъ горькой иронiи,—что непріятель будетъ настолько любезенъ, что нападетъ врасплохъ именно на ту часть лагеря, гдѣ караульные не спятъ?

Желая отчасти посмотрѣть своими глазами, гдѣ расположены наши пикеты, но болѣе съ цѣлью разсѣяться и забыть немного свое горе, мы вышли изъ цитадели въ послѣдній вечеръ и всѣ вмѣстѣ поднялись на скалистыя высоты мыса, далеко вдававшагося въ озеро съ западной стороны города. Со стратегической точки зрѣнія, эта позиція представляла большую важность, потому что стрѣлки изъ лука или пращники, овладѣвъ ею, могли обстрѣливать значительную часть Гуитцилана и даже серьезно угрожать гарнизону цитадели; кромѣ того, отсюда было удобно на далекое разстояніе наблю-

Digitized by Google

дать за непріятелемъ, еслибы часть его военныхъ силъ стала приближаться къ намъ по озеру.

Поэтому мы немало удивились, когда, поднявшись на мысъ, не замѣтили на немъ никакой стражи. Но такая странность вскорѣ объяснилась: мы замѣтили одного изъ нашихъ воиновъ; онъ лежалъ, свернувшись, у выступа скалы, и, повидимому, крѣпко спалъ. Однако, когда мы подошли поближе, намъ стало ясно, что этому человѣку болѣе не суждено проснуться: лужа крови стояла на каменистомъ грунтѣ возлѣ убитаго, а изъ его лѣваго бока торчала стрѣла. Постоявъ немного надъ бѣднымъ малымъ—который, судя по всѣмъ признакамъ, былъ убитъ сонный и, слѣдовательно, заслужилъ свою участь—мы стали осторожно подвигаться дальше, чтобы посмотрѣть, какъ ведутъ себя другіе часовые. Результатъ нашей рекогносцировки оказался неутѣшительнымъ, какъ нельзя болѣе: въ разныхъ мѣстахъ между скалъ мы нашли всѣхъ пятерыхъ караульныхъ, оберегавшихъ мысъ, и всѣ они были убиты. Еще троихъ смерть застигла, повидимому, во время сна или во всякомъ случаѣ въ такую минуту, когда они предавались безпечности на своемъ важномъ посту—это доказывали ихъ спокойныя сидячія или лежачія позы, но пятый былъ убитъ не сейчасъ; мы нашли сломанную стрѣлу, торчавшую изъ его прострѣленной лѣвой руки и слѣды борьбы около мѣста, гдѣ валялся его трупъ съ раскроеннымъ черепомъ, какъ будто отъ удара мечемъ; эта рана была безусловно смертельной. Меня удивило, почему онъ не поднялъ тревогу въ лагерѣ своими криками; но его постъ находился на самомъ концѣ мыса, такъ что ему пришлось бы кричать очень громко, чтобы быть услышаннымъ. Кромѣ того, внезапность нападенія, пожалуй, парализовала его голосъ. Такъ или иначе, но неутѣшительный фактъ былъ на лицо: пятеро часовыхъ убиты возлѣ самаго города, среди бѣлаго дня. Не приди мы сюда, самая важная изъ нашихъ позицій осталась бы незащищенной до поздней ночи, когда происходила смѣна караула. Рейбёрнъ подозрѣвалъ, что непріятель имѣлъ въ виду поставить собственную стражу на вакантные посты, справедливо полагая, что въ вечернемъ сумракѣ одного голаго индійца трудно отличить отъ другаго, и такимъ образомъ намѣревался убивать одну смѣну за другой.

Digitized by Google

Осмотрѣвшись вокругъ, мы не нашли и слѣдовъ непріятельскаго отряда, который такъ ловко покончилъ съ нашими людьми—только вдали на озерѣ мелькала лодка, но и та вскорѣ скрылась въ полосѣ тумана; не смотря на палящій зной, меня пробрала дрожь при мысли о дьявольской хитрости и отчаянной смѣлости этихъ людей, не побоявшихся, среди бѣлаго дня, близь самаго лагеря вражеской арміи, совершить такое дѣло и съумѣвшихъ благополучно скрыться, не оставивъ другихъ слѣдовъ своего присутствія, кромѣ вражескихъ труповъ. Мы осмотрѣли каждую скалу на мысѣ и убѣдились, что ни одинъ изъ непріятелей не спрятался тамъ, послѣ чего поспѣшили обратно въ городъ разсказать о случившемся и послать новую смѣну часовыхъ. Намъ казалось, что это извѣстіе вызоветъ тревогу въ лагерѣ, но, къ сожалѣнію, только Тицокъ да еще немногіе испытанные воины серьезно взглянули на дѣло. Большинство же нашло совершенно лишнимъ безпокоиться о несчастіи, которое благополучно миновало, тѣмъ болѣе, что наше открытіе предотвратило катастрофу; эти люди упускали изъ виду самое важное — постоянную опасность, грозившую намъ, благодаря преступной безпечности часовыхъ на нашихъ пикетахъ. Повидимому, какъ совѣтъ, такъ и военачальники просто были не въ силахъ бороться съ недостаткомъ дисциплины между рабами.

Тлагуикосы не были достаточно выдержаны; если они вступили въ ряды войска и обучались военному искусству, то дѣлали это по доброй волѣ, изъ желанія избавиться отъ рабства; сверхъ того, сегодня утромъ они выказали явное неповиновеніе начальству и оно уступило ихъ требованію; такимъ образомъ оказывалось, что эти дикари не признавали надъ собою почти никакой власти.

Однако, имъ очень хотѣлось драться съ непріятелемъ, и потому наши мятежные солдаты охотно составили довольно большой отрядъ, чтобы устроить засаду на мысѣ на тотъ случай, еслибы враги вздумали напасть на насъ въ слѣдующую ночь; команда надъ ними была поручена Тицоку и онъ съ радостью позволилъ мнѣ и моимъ товарищамъ присоединиться къ нему; намъ не меньше тлагуикосовъ хотѣлось поскорѣе помѣряться силами съ защитниками верховнаго жреца, да притомъ же мы разсчитали, что будемъ въ бо́льшей безопас-

Digitized by Google

ности возлѣ Тицока — все равно, выдетъ ли стычка, или нѣтъ—тогда какъ въ самомъ лагерѣ непріятель могъ застигнуть насъ врасплохъ. Въ эту экспедицію мы въ первый разъ надѣли оригинальные доспѣхи въ видѣ стеганыхъ рубашекъ изъ бумажной ткани, причемъ предсказаніе Янга, что мы будемъ очень забавны въ этомъ одѣяніи, вполнѣ подтвердилось.

— Жаль, что намъ нельзя сняться въ такомъ интересномъ костюмѣ,—замѣтилъ грузовой агентъ,—и послать наши фотографіи къ роднымъ и знакомымъ. Вы, Рейбёрнъ, поразили бы всѣхъ жителей Кепъ-Кода видомъ пары телеграфныхъ столбовъ, которые называются вашими ногами. Они такъ уморительно торчатъ изъ-подъ короткаго подола панцыря, похожаго не то на дѣтское платьице, не то на окороченную ночную рубашку. Да и ваши мичиганскіе студенты нахохотались бы до упаду, профессоръ, еслибъ могли полюбоваться вами въ данную минуту; а еслибы кто нибудь изъ Старой Колоніи увидалъ меня въ такомъ интересномъ нарядѣ, то подумалъ бы, что я спятилъ съ ума. Впрочемъ я ничего не имѣю противъ этихъ кургузыхъ сорочекъ, потому что онѣ принесутъ намъ несомнѣнную пользу въ битвѣ.—Дѣйствительно, мы имѣли довольно потѣшный видъ для американцевъ конца девятнадцатаго столѣтія, да и находились въ порядочно дикой компаніи, когда выступили поздно вечеромъ изъ города съ отрядомъ Тицока. Каждый изъ насъ захватилъ съ собою полдюжины дротиковъ, а на поясѣ, надѣтомъ сверхъ стеганой кирасы, имѣлъ маккагуитлъ—тяжелый, обоюдоострый мечъ съ зубчатыми краями—отличное оружіе, если оно управляется сильной рукою. Собственно мы съ Янгомъ захватили съ собою дротики только скорѣе въ угоду Тицоку, чѣмъ въ надеждѣ пустить ихъ въ дѣло, потому что не умѣли метать ихъ хорошенько и могли сражаться только мечемъ въ рукопашномъ бою. Что же касается Рейбёрна, то онъ прилежно практиковался въ метаніи дротика и, будучи необыкновенно ловкимъ на всѣ руки, вскорѣ сдѣлалъ большіе успѣхи въ этомъ искусствѣ дикарей. Солдаты нашего отряда, совершенно голыя существа, гибкія и мускулистыя, были по большей частью вооружены копьями и пращами; у каждаго офицера былъ мечъ и нѣсколько дротиковъ. Пока мы быстро маршировали по дорогѣ, мнѣ пришло въ голову, какъ удивился бы прези-

Digitized by Google

дентъ мичиганскаго университета и мои сотоварищи, профессора, въ этомъ ученомъ учрежденіи, увидавъ меня среди такой варварской ватаги и въ такомъ варварскомъ одѣяніи!

Незадолго до заката солнца, мы достигли мѣста на мысѣ, выбраннаго Тицокомъ для нашей засады. Часъ спустя, при наступленіи темноты, одинъ изъ нашихъ сторожевыхъ воиновъ прибѣжалъ съ извѣстіемъ, что большая лодка направляется какъ разъ къ тому мѣсту, гдѣ мы стояли; по его словамъ, весла гребцовъ были обвернуты чѣмъ-то мягкимъ, потому что не издавали ни малѣйшаго плеска. Наши люди встрепенулись, поправляя оружіе, чтобы все было наготовѣ, когда наступитъ моментъ выскочить изъ засады; но такъ какъ весь отрядъ состоялъ изъ дисциплинированныхъ людей, то они понимали, что для успѣха нашего плана надо сохранять величайшую тишину, и ихъ движенія были до того осторожны, что этотъ моментальный слабый звонъ оружія едва нарушилъ глубокое ночное безмолвіе. Между тѣмъ проходили минуты за минутами и наконецъ прошло не менѣе часу; густой мракъ тропической ночи окутывалъ насъ, а присутствіе непріятеля пока не обнаруживалось ни малѣйшимъ признакомъ. Тицокъ сталъ тревожиться; очевидно мы не угадали плана враговъ. Еслибъ они вздумали замѣнить нашихъ убитыхъ часовыхъ своими и овладѣть мысомъ, перерѣзавъ пришедшій на смѣну караулъ, то мы давно уже вступили бы съ ними въ бой. Однако ночь проходила, а ничто, кромѣ видѣнной на озерѣ лодки, не показывало, что такъ напряженно ожидаемая нами вылазка должна осуществиться. Мы уже стали думать, что разгоряченная фантазія ввела насъ въ заблужденіе. Во всякомъ случаѣ, намъ не оставалось ничего болѣе, какъ стеречь свой постъ до утра; какая нибудь случайность могла отсрочить нападеніе, а необходимость удержать за собою мысъ была до того настоятельна, что мы не могли рисковать, уведя своихъ людей обратно. Сидѣть сложа руки въ темнотѣ было очень скучно; къ тому же предшествующій день выдался очень утомительный и тревожный; часы такъ медленно ползли впередъ и я не разъ невольно впадалъ въ дремоту, за что немедленно упрекалъ себя; впрочемъ, съ моей стороны это было отчасти извинительно; вѣдь я не былъ воспитанъ, какъ солдатъ, а провелъ всю жизнь въ кабинетныхъ занятіяхъ, при-

Digitized by Google

держиваясь здраваго правила, что ночь дана людямъ для отдыха души и тѣла. И вотъ среди самой сладкой дремоты—когда мнѣ снилась моя прежняя мирная жизнь въ Аннъ-Арборѣ—я былъ внезапно разбуженъ Рейбёрномъ, безцеремонно схватившимъ меня за плечо и шептавшимъ мнѣ на ухо: „Что бы это значило?“

Я моментально стряхнулъ съ себя чары сна и, подавшись впередъ, сталъ чутко прислушиваться. Тутъ до моихъ ушей ясно долетѣлъ крикъ отдаленной тревоги. Тицокъ, вскочившій на ноги, также прислушивался. Вокругъ насъ раздавалось со всѣхъ сторонъ слабое бряцаніе оружія; вѣроятно, всѣ наши воины узнали крикъ предостереженія, долетѣвшій съ отдаленнаго караула. Минуту спустя, намъ было уже не нужно напрягать слуха: тревога стала несомнѣнной; одинокій окликъ былъ подхваченъ тысячью голосовъ и перешелъ въ неясный далекій гулъ, доносившійся до насъ среди густаго мрака и безмолвія ночи. Къ глухому гулу вскорѣ присоединились рѣзкія ноты дикихъ завываній и звонъ оружія, указывавшій на то, что загорѣлась битва; пока мы сторожили мысъ, непріятель напалъ врасплохъ на лагерь!

Рейбёрнъ, вскакивая на ноги, взвылъ, точно дикій звѣрь.—Клянусь Богомъ,—воскликнулъ онъ,—они предвидѣли, что мы сдѣлаемъ, и завлекли насъ въ ловушку, какъ настоящихъ безмозглыхъ дураковъ!

XXX.

Паденіе цитадели.

Тицокъ, въ чемъ я убѣдился къ своему удовольствію, держалъ въ строгомъ повиновеніи своихъ подчиненныхъ; ни одинъ изъ нихъ не тронулся съ мѣста безъ приказанія начальника, не смотря на горячее желаніе броситься впередъ. Наконецъ нашъ отрядъ двинулся къ городу; мы шли съ трудомъ, ежеминутно оступаясь, и не разъ въ потемкахъ слышалось паденіе того или другаго изъ нашихъ спутниковъ. Но все таки мы подвигались довольно быстро и шумъ битвы доносился до насъ все яснѣе.

Digitized by Google

Намъ приходилось пройти весь городъ, чтобы достигнуть лагеря; по ровнымъ улицамъ идти было, конечно, легче, и мы значительно ускорили шагъ; къ тому же начинало свѣтать, а извѣстно, какую бодрость духа и увѣренность приноситъ наступленіе утра. Мы знали, что еще нѣсколько минутъ и тропическое солнце зальетъ яркимъ свѣтомъ окрестность. Тицокъ сильно разсчитывалъ, что разсѣившійся ночной мракъ, наводящій ужасъ даже на дикарей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наше возвращеніе прекратятъ панику въ арміи, застигнутой врасплохъ, послѣ чего намъ удастся водворить въ ней порядокъ и дать энергичный отпоръ врагу. Но онъ вскорѣ убѣдился, что его надежда была напрасна. Едва миновавъ ворота цитадели, мы наткнулись на бѣгущій корпусъ тлагуикосовъ—хотя за ними не было видно погони; они были до того перепуганы, что приняли насъ за непріятельскій отрядъ, съ дикими криками бросились въ боковую улицу и исчезли.

— Ну, что вы думаете теперь о своихъ друзьяхъ?—сердито спросилъ Янга Рейбёрнъ.

Тотъ, вмѣсто отвѣта, принялся поносить тлагуикосовъ, называя ихъ трусами.

Минуту спустя, вся улица противъ насъ наполнилась бѣгущими воинами; они громко выли, направляясь къ цитадели съ очевидной цѣлью найти тамъ свое спасеніе. Тицокъ сразу увидалъ, что всякая попытка остановить и образумить эту орду людей, бѣжавшихъ безъ оглядки, какъ бѣгутъ овцы отъ стаи волковъ, была напрасна; они могли опомниться, только попавъ въ какое нибудь вѣрное убѣжище, гдѣ къ нимъ вернется мужество. Дѣйствительно, въ цитадели бѣглецы могли спастись хоть на нѣкоторое время; еслибъ даже непріятель попробовалъ пробраться туда съ помощью приставныхъ лѣстницъ, достаточно было нѣсколькихъ рѣшительныхъ людей, чтобы отбить аттаку, пока наше разсѣянное войско будетъ приведено въ порядокъ. Поэтому нашъ храбрый начальникъ велѣлъ своему отряду повернуть въ сторону, чтобы дать дорогу безпорядочно бѣгущей толпѣ. Пропуская мимо себя тлагуикосовъ, мы замѣтили, что офицеровъ съ ними не было; Тицокъ счелъ это хорошимъ знакомъ: очевидно, регулярное войско образовало арьергардъ, прикрывавшій безпорядочное бѣгство. Вскорѣ мы убѣдились, что индѣецъ былъ правъ:

Digitized by Google

ряды бѣглецовъ начали рѣдѣть; громкіе крики сражающихся, трескъ и звонъ оружія становились слышнѣе и вотъ недалеко отъ того мѣста, гдѣ мы стояли, показался корпусъ воиновъ, правильно и не спѣша отступавшій назадъ, храбро отбиваясь отъ непріятеля. Отрядъ Тицока громко завылъ, а нашъ предводитель расположилъ свою команду такимъ образомъ, что отступающіе попали въ нашъ центръ; тутъ мы быстро сомкнули ряды и сами вступили въ битву.

Мнѣ трудно въ точности описать, какъ происходило наше отступленіе къ цитадели и какова была здѣсь моя собственная роль; въ сраженіи весь отдаешься дикимъ инстинктамъ, нападаешь самъ или защищаешься, и потому здѣсь не можетъ быть мѣста для разумнаго анализа. Война, въ своихъ низшихъ проявленіяхъ, ничто иное, какъ варварство; это—самая нелогичная метода разрѣшать спорные вопросы при помощи грубой силы, вмѣсто того чтобъ подвергнуть ихъ тонкому, всестороннему разбору образованнаго человѣческаго ума; тутъ вами невольно овладѣваетъ ярость и, ослѣпленные ею, вы становитесь неспособными къ трезвому наблюденію. Поэтому я могу только сказать, что мы отступали шагъ за шагомъ передъ насѣдавшимъ на насъ врагомъ, что воздухъ потрясали дикіе крики—къ которымъ присоединялся и я, самъ не зная зачѣмъ—и пронзительный лязгъ скрещивающихся мечей; эти дикіе звуки заглушали стоны и вопли несчастныхъ раненыхъ, падавшихъ на землю. Единственный эпизодъ, ясно врѣзавшійся у меня въ памяти, была моя стычка съ высокимъ воиномъ, какъ разъ въ ту минуту, когда мы подошли къ цитадели; я ловко парировалъ его удары и наконецъ выпалъ самъ, употребивъ знаменитый пріемъ, заимствованный у моего стараго учителя фехтованія въ Лейпцигѣ. Меткій ударъ поразилъ моего противника наповалъ, и я хорошо помню, что подумалъ въ эту минуту—хотя моя жизнь висѣла на волоскѣ:—„какъ счастливъ былъ бы почтенный нѣмецкій ротмистръ, еслибъ могъ видѣть молодецкій подвигъ своего бывшаго ученика“. Да и самъ голіаѳъ, напавшій на меня съ такимъ ожесточеніемъ, удивился бы, что я, при всей своей неумѣлости, расправился съ нимъ, но, къ сожалѣнію, онъ тутъ же умеръ.

Бросившись къ воротамъ крѣпости, чтобы поскорѣе попасть въ это безопасное убѣжище и опустить рѣшетку, прежде

Digitized by Google

чѣмъ непріятель успѣетъ настичь насъ, мы были крайне удивлены, увидавъ у входа нѣсколько труповъ нашихъ воиновъ; но дальше насъ ожидала еще болѣе непріятная неожиданность; неумѣлыя руки испортили механизмъ, поднимавшій и опускавшій дверь; опущенная небрежно и наскоро, она застряла въ пазахъ и не поднималась болѣе. Послѣ мы узнали, что первый изъ бѣглецовъ, которому удалось добраться до цитадели, негодный трусъ, пытался опустить ее передъ носомъ остальныхъ товарищей, чтобы спасти прежде всего свою собственную шкуру; тутъ между ними произошла драка, причемъ многіе были убиты; къ нашему несчастью, дѣло кончилось тѣмъ, что опускная рѣшетка была испорчена до появленія непріятеля.

Мы еще успѣли немного передохнуть и воспользовались этой минутой, чтобы обмѣняться между собою крѣпкимъ рукопожатіемъ. Это было наше безмолвное прощаніе навѣки, такъ какъ мы всѣ трое были твердо увѣрены, что наступаетъ нашъ послѣдній часъ. Тицокъ стоялъ немного въ отдаленіи, не обнаруживая ни малѣйшаго страха и сохраняя свою благородную осанку. Этотъ человѣкъ былъ настоящій рыцарь съ головы до ногъ! Но и онъ, повидимому, готовился къ смерти, потому что взглянулъ въ нашу сторону съ серьезнымъ и ласковымъ видомъ, дѣлая жестъ рукою, означающій у ацтековъ прощанье. Затѣмъ, мы выстроились рядами передъ входомъ въ цитадель, держа наготовѣ оружіе. Рейбёрнъ взялъ дротикъ и, положивъ его древко на плечо, цѣлился въ приближающагося непріятеля. Видъ его статной высокой фигуры въ этой воинственной позѣ живо напомнилъ мнѣ повѣствованіе Гомера о битвѣ грековъ передъ вратами Трои, и я мысленно сравнивалъ своего товарища съ Гекторомъ, готовымъ метнуть въ осаждающихъ тяжелый камень. Поэтому меня ужасно разсердила неожиданная выходка Янга, имѣвшаго необыкновенную способность схватывать во всемъ смѣшную сторону:

— Держу пари на пять долларовъ, Рейбёрнъ, что вы не убьете того человѣка, въ котораго прицѣливаетесь.

Но Рейбёрнъ не промахнулся, а попалъ прямо въ сердце намѣченной жертвы, послѣ чего сталъ молодецки рубиться мечемъ. Съ самаго начала мы сознавали, что эта битва должна

Digitized by Google

закончиться нашимъ пораженіемъ; весь нашъ отрядъ состоялъ не болѣе какъ изъ пятнадцати человѣкъ, а противъ насъ шла цѣлая армія. Улицы города, насколько можно было окинуть взглядомъ, кишили непріятельскими войсками; каждаго человѣка, убитаго нами, были готовы замѣстить двадцать новыхъ воиновъ, свѣжихъ и бодрыхъ, тогда какъ наши силы замѣтно убывали. Если мы продолжали драться, то не изъ храбрости, но съ отчаянія, а также—о чемъ я могъ судить по моимъ личнымъ чувствамъ—изъ мести врагу. Намъ хотѣлось перебить какъ можно больше непріятелей, прежде чѣмъ пасть самимъ подъ ихъ ударами. Мы прекрасно сознавали, что немедленная смерть была для насъ самымъ лучшимъ исходомъ. Этимъ мы спаслись бы отъ худшей участи, которая, конечно, постигла бы насъ въ случаѣ плѣна. Тогда намъ угрожала ужасная перспектива попасть въ руки жрецовъ и быть замученными передъ ихъ языческими алтарями. Послѣ невыносимыхъ пытокъ, у насъ вырвали бы изъ груди, во славу ацтекскихъ боговъ, еще трепещущее сердце... А между тѣмъ ацтланеки, повидимому, непремѣнно хотѣли—согласно своему обычаю—захватить живьемъ меня и моихъ товарищей. Это было замѣтно изъ того, что они старались наносить намъ несмертельныя раны, не безпокоясь даже о громадной убыли людей съ ихъ собственной стороны при такомъ образѣ дѣйствій.

Дикая свалка этой отчаянной битвы снится мнѣ порою и теперь. Я снова вижу передъ собой толпу полунагихъ людей; они наступаютъ на меня полукругомъ, измѣреннымъ длиною моего меча; ихъ лица искажены бѣшенствомъ, которое застываетъ въ чертахъ дикарей даже тогда, когда они падаютъ мертвыми. Меня оглушаютъ звонъ оружія, вопли ярости и боли, подъ моими ногами липкія лужи крови, во всемъ тѣлѣ невыносимая ломота и изнеможеніе; напряженные до невозможности мускулы правой руки почти одеревенѣли, но я все таки продолжаю драться. Даже во снѣ я гораздо яснѣе сознаю, что происходитъ со мною, чѣмъ сознавалъ тогда наяву, потому что въ то время безысходное отчаяніе давило меня; пока я сражался въ этой безнадежной битвѣ—мой умъ одеревенѣлъ, какъ и тѣло; я безсознательно парировалъ удары враговъ, крошилъ и рѣзалъ людей самъ съ равнодушной энергіей и неутомимостью смертоносной машины.

Digitized by Google

Исходъ этой неравной борьбы съ самаго начала былъ вопросомъ только нѣсколькихъ минутъ. Когда я услышалъ страшный вой непріятеля и увидалъ, что осаждающіе, выбивъ ворота цитадели, ринулись въ нихъ неудержимымъ потокомъ, какъ разъ за спинами воиновъ, съ которыми я рубился, мнѣ стало ясно, что люди Тицока оттѣснены оттуда или перебиты и что наступаетъ нашъ конецъ. Я взглянулъ черезъ плечо ацтека, котораго, минуту спустя, вычеркнулъ навсегда изъ списка живыхъ, и увидалъ то, что̀ могло быть названо водоворотомъ въ центрѣ толпы, рвавшейся въ цитадель. Среди самой отчаянной давки и сумятицы, передо мной мелькнула фигура Тицока; очевидно, онъ все еще держался, отчаянно отбиваясь мечемъ. Видъ его былъ страшенъ, непріятельскій ударъ, скользнувъ по черепу, срѣзалъ ему часть кожи на головѣ; этотъ лоскутъ съ длинными волосами висѣлъ у него поперекъ лба, болтаясь во всѣ стороны и дрожа, какъ истрепанное перо; лицо раненаго было залито кровью, которой былъ пропитанъ насквозь и его стеганый панцырь изъ бумажной ткани; кромѣ раны на головѣ, у Тицока зіяла еще другая, на затылкѣ. Въ тотъ моментъ, когда я его увидѣлъ, онъ нанесъ молодецкій ударъ одному изъ осаждающихъ, такъ что голова противника отскочила отъ туловища; но пока она еще летѣла по воздуху, другой воинъ, позади Тицока, энергичнымъ толчкомъ оттѣснилъ назадъ напиравшую толпу и такимъ образомъ очистилъ себѣ мѣсто для размаха мечемъ. Я крикнулъ Тицоку, предупреждая о грозившей опасности, и онъ сдѣлалъ быстрый полуоборотъ назадъ; но противникъ, не давъ ему времени повернуться совсѣмъ, раскроилъ несчастному черепъ отъ темени до самаго подбородка. И подъ оглушительный, дикій вой торжества, поднявшійся у нашихъ враговъ въ честь этого предательскаго удара, унеслась отъ земли душа одного изъ храбрѣйшихъ и благороднѣйшихъ людей.

У меня потемнѣло въ глазахъ при видѣ падающаго Тицока и страшнаго натиска непріятеля, бросившагося въ цитадель черезъ его мертвое тѣло. Вѣроятно, эта внезапная дурнота и изнеможеніе сдѣлали то, что я на минуту позабылъ о самозащитѣ. Смутно помню, что до моихъ ушей донесся крикъ Янга, предостерегавшаго меня, но этотъ возгласъ смѣшался съ криками людей, избиваемыхъ въ цитадели, и торже-

Digitized by Google

ствующимъ ревомъ побѣдителей, какъ въ стѣнахъ укрѣпленія, такъ и внѣ ихъ; и вдругъ я почувствовалъ, точно ударъ грома, разразившійся прямо надъ моей головой, потомъ жестокую боль, причемъ мнѣ показалось, что я лечу въ мрачную глубину какой-то бездонной пропасти, (то была галлюцинація, что я опять перепрыгиваю черезъ разщелину скалы, держась за длинную цѣпь). Въ ушахъ у меня поднялся страшный звонъ и гудѣніе, но вскорѣ эти несносные, раздражающіе звуки стали затихать; глубокая тишина и мракъ окутали меня со всѣхъ сторонъ и моей послѣдней мыслью было, что я стою въ преддверіи смерти. Тутъ мной овладѣло полное онѣмѣніе, не лишенное отрады, точно я уже предвкушалъ покой и миръ небытія.

XXXI.

Пораженіе.

Однако жизнь, какъ будто уже ускользавшая отъ меня, понемногу вернулась ко мнѣ опять, хоть я не особенно печалился объ ея потерѣ. Но, прежде чѣмъ прійти къ полному сознанію, я началъ догадываться кой-о-чемъ, происходившемъ вокругъ, по звукамъ, которые, конечно, были оглушительно громки, а мнѣ казались слабыми и доносившимися издалека. Это несомнѣнно были звуки битвы — лязгъ оружія, крики, дикій вой и предсмертные вопли—но я не относилъ ихъ къ настоящему сраженію, а думалъ, что мы деремся въ ущельѣ съ кочевыми индѣйцами, убившими бѣднаго Денниса Кирнея. Впрочемъ, я сознавалъ, что опасно раненъ: голова у меня жестоко болѣла, точно была готова разлетѣться въ дребезги; я чувствовалъ невыносимую тошноту и такую слабость, что не могъ пошевелиться, и продолжалъ лежать согнувшись, какъ упалъ.

Мнѣ казалось, что я провелъ страшно много времени въ этомъ томительномъ, полубезсознательномъ состояніи, въ которомъ ничего не понималъ хорошенько, испытывая одну только боль въ каждомъ мускулѣ своего организма; потомъ я почувствовалъ, что кто-то прикоснулся ко мнѣ, прикладывая

Digitized by Google

руку къ моему сердцу; это прикосновеніе настолько оживило меня, что я глубоко перевелъ духъ и приподнялъ вѣки. Лицо человѣка, склонявшагося надо мною, показалось мнѣ незнакомымъ и въ этомъ не было ничего удивительнаго, потому что обычная краснота смѣнилась на немъ мертвенной блѣдностью, выступавшей еще рѣзче оттого, что по нему струилась ярко-алая кровь изъ широкой раны поперекъ лба, проникавшей до самой кости. Но я не могъ не узнать голоса, который воскликнулъ:—онъ живъ, Рейбёрнъ!—а потомъ прибавилъ:

— Впрочемъ, по моему, немного толку въ томъ, что онъ не умеръ послѣ того, какъ ему раскроили башку такимъ манеромъ. А я-то еще полагалъ, что отъ изученія древностей человѣческій черепъ твердѣетъ и становится толще!

— Инженерная наука также не закаляетъ человѣку ногъ,— услышалъ я отвѣтъ Рейбёрна,—мнѣ совсѣмъ искалѣчили одну; я думалъ, она отвалится. Но теперь, когда мы остановили кровь, мои силы понемногу возвращаются. Пожалуй, мнѣ удастся даже доползти до васъ на рукахъ и колѣняхъ. Теперь, когда вы сказали, что профессоръ живъ, я и самъ какъ будто замѣтно ожилъ.

— Не смѣйте двигаться съ мѣста!—повелительно крикнулъ Янгъ. — Если вы двинетесь, то повязка можетъ ослабнуть и мнѣ придется перевязывать васъ съизнова. Я самъ буду ухаживать за профессоромъ.

Янгъ наклонился ко мнѣ и съ осторожностью, которой я никакъ не ожидалъ отъ его грубыхъ рукъ, принялся перевязывать мою раненую голову. Но самую существенную пользу принесъ мнѣ поданный имъ глотокъ воды изъ тыквенной бутылки, снятой съ шеи одного изъ убитыхъ солдатъ; холодная примочка и питье до того подкрѣпили меня, что я былъ въ силахъ сѣсть и осмотрѣться кругомъ.

Никогда въ жизни не видалъ я такого отвратительнаго зрѣлища, какое представилось теперь моимъ глазамъ. Ворота павшей цитадели напоминали мясной рынокъ. Груды мертвыхъ тѣлъ валялись вокругъ меня и громадное число убитыхъ враговъ краснорѣчиво свидѣтельствовало о томъ отчаянномъ мужествѣ, съ которымъ нашъ отрядъ—не болѣе, какъ жалкая горсть людей — отбивался отъ безчисленныхъ враговъ. По

Digitized by Google

неровной мостовой и по склону возвышенности, спускавшейся къ озеру, текъ ручей ярко-красной крови, блестѣвшей точно киноварь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ немъ отражались лучи солнца. Между мертвецами я не замѣтилъ трупа Тицока и былъ очень этому радъ. Человѣкъ шесть непріятельскихъ воиновъ стерегли насъ; но они позволяли намъ оказывать другъ другу помощь, вѣроятно, находя, что имъ во всякомъ случаѣ нетрудно будетъ справиться съ тремя тяжело ранеными людьми. Мало того, они по своему выказывали намъ свое участіе; такъ, одинъ изъ нихъ, замѣтивъ, что наша тыквенная бутылка съ водою опустѣла, тотчасъ принесъ другую, полную, снявъ ее съ тѣла мертвеца. Изъ-за стѣнъ цитадели все еще доносился лязгъ оружія и дикіе крики, ясно доказавшіе, что если битва и кончилась—хотя подобное побоище нельзя назвать битвой — то избіеніе продолжалось; однако эти звуки мало по малу замерли, пока мы лежали на полѣ сраженія, гадая о предстоящей намъ участи; очевидно, всѣ мятежники были перебиты.

Рейбёрнъ сидѣлъ невдалекѣ отъ меня, прислонясь спиной къ стѣнѣ. Замѣтивъ, что я смотрю на него и пришелъ въ память, онъ привѣтствовалъ меня печальной улыбкой.

— Скверный выдался намъ сегодня денекъ, профессоръ,— сказалъ онъ,—и не утѣшительно сознаться, что мы разбиты отчасти по своей собственной винѣ. Я не подозрѣвалъ, что ацтланеки такіе отличные тактики, и недоумѣваю, какимъ образомъ даже при нашихъ плохихъ караулахъ имъ удалось провести войско на другую сторону лагеря. Но они могутъ гордиться тѣмъ, что заманили насъ въ ловушку, какъ послѣднихъ дураковъ и ротозѣевъ.

— Теперь вы ужь никогда не уговорите меня принять участіе въ революціи индѣйцевъ!—вмѣшался Янгъ.—Вѣдь я, право, положился на этихъ дрянныхъ тлагуикосовъ, а они-то и испортили намъ все дѣло. Чувствуете ли вы себя достаточно сильнымъ, профессоръ, чтобъ затянуть концы этой тряпки?—обратился онъ ко мнѣ, перевязывая рану на своемъ лбу. Потомъ Янгъ всталъ на четвереньки противъ меня и наклонился головой поближе къ моимъ рукамъ; тѣмъ временемъ я настолько окрѣпъ, что безъ особеннаго усилія связалъ концы бинта. Непріятельскій мечъ только скользнулъ по че-

Digitized by Google

репу моего бѣднаго товарища. Но Янгъ былъ до того ошеломленъ ударомъ, что упалъ замертво. Непріятели сочли его убитымъ, и это спасло ему жизнь, точно также, какъ было и со мной. Рана Рейбёрна была хуже нашихъ; его ударили мечемъ по бедру, такъ что чуть не отрубили ногу, и онъ едва не изошелъ кровью. Къ счастью, они съ Янгомъ соорудили импровизованный туркинетъ изъ тетивы лука и обломаннаго древка дротика, что тотчасъ и остановило потерю крови.

Больше часу позволили намъ лежать подъ воротами крѣпости; въ это время враги дорѣзывали несчастныхъ тлагуикосовъ, выбирали изъ числа мятежниковъ болѣе важныхъ лицъ, для того чтобъ привести ихъ плѣнниками въ Кулхуаканъ, и водворяли порядокъ въ своемъ побѣдоносномъ войскѣ. Когда же все это было окончено, къ воротамъ приблизился офицеръ съ небольшимъ отрядомъ и грубо приказалъ намъ встать. Мы съ Янгомъ настолько оправились, что кое-какъ поднялись на ноги, хотя это усиліе вызвало страшную боль въ моей головѣ и дурноту; я прислонился къ стѣнѣ, чтобъ не упасть. Что же касается Рейбёрна, то онъ никакъ не могъ подняться; я наскоро объяснилъ офицеру, куда онъ раненъ, прибавивъ, что попытка встать и идти можетъ имѣть для него смертельный исходъ: бандажъ непремѣнно собьется съ мѣста и раненый тутъ же изойдетъ кровью. Выслушавъ меня, офицеръ послалъ за носилками и сказалъ, обращаясь ко мнѣ: —Вашъ товарищъ—герой; еслибъ я смѣлъ, то сорвалъ бы съ него повязку своими руками, чтобы онъ умеръ безъ дальнѣйшихъ мученій.—Я остерегся однако перевести эту рѣчь Рейбёрну, хотя слова ацтекскаго воина дышали неподдѣльнымъ участіемъ.

Въ ожиданіи носилокъ, солдаты надѣли мнѣ съ Янгомъ на шею тяжелыя деревянныя колодки; онѣ были шире нашихъ плечъ и нѣсколько напоминали большія брыжжи старинныхъ временъ. Эта курьезная штука до того поглотила мое вниманіе, что я спокойно позволилъ надѣть ее на себя, немедленно узнавъ въ ней „куаухъ-козатлъ“, который, по свидѣтельству древнихъ грамотъ, ацтеки надѣвали на своихъ военноплѣнныхъ, чтобъ помѣшать ихъ побѣгу. Но Янгъ далеко не раздѣлялъ моего восторга, по поводу открытія, что древній обычай, который считался упраздненнымъ болѣе трехъ вѣковъ назадъ, продол-

Digitized by Google

жаетъ существовать въ Астланѣ и даже примѣняется къ намъ. Грузовой агентъ, напротивъ, пришелъ въ страшное негодованіе, нисколько не желая, по его словамъ, щеголять „въ рогаткѣ для скота“. Какъ я ни старался доказать ему, что неудобство, которому мы подвергаемся, ничто въ сравненіи съ громадной пользой для археологіи, проистекающей изъ подтвержденія такого любопытнаго историческаго факта, мои слова пропали втунѣ.

— Отстаньте вы отъ меня, профессоръ!—ворчалъ онъ.— Ну, на кой чортъ мнѣ ваши историческіе факты вмѣстѣ съ историческимъ враньемъ?! То и другое вѣчно переплетается между собою. Чего мнѣ хотѣлось бы теперь, такъ это сорвать голову негодяю, нарядившему меня въ деревянный ошейникъ, а я не въ силахъ этого сдѣлать. Да они, пожалуй, скоро повѣсятъ меня за ноги и заткнутъ мнѣ ротъ какой нибудъ дрянью, точно убойному поросенку, а вы и тогда станете убѣждать меня, что это доказываетъ то или другое,—чего никто, кромѣ васъ, не считаетъ вѣроятнымъ,—а потому я долженъ радоваться подобной благодати. Будь онѣ прокляты, эти древности! Онѣ давно набили мнѣ оскомину.—И послѣ такого грубаго заявленія, несомнѣнно доказывавшаго узкость его понятій, Янгъ погрузился въ мрачное молчаніе.

Когда на насъ надѣли колодки, а Рейбёрна уложили въ носилки, принесенныя солдатами, мы услыхали грохотъ барабановъ въ крѣпости, а вслѣдъ затѣмъ размѣренный шагъ марширующихъ полковъ. Заглянувъ въ ворота, мы увидѣли, что къ намъ приближаются стройныя колонны непріятельскаго войска. Впереди ихъ подвигались плѣнные — числомъ отъ трехъ до четырехъсотъ—всѣ въ деревянныхъ ошейникахъ и подъ прикрытіемъ сильнаго караула съ обоихъ фланговъ. Они были размѣщены по степени важности своего званія— несчастные члены совѣта впереди, за ними другіе сановники недолговременнаго правительства, дальше офицеры, а назади простые воины. Тлагуикосовъ между ними не оказалось, изъ чего мы заключили, что тѣ изъ нихъ, которые не были убиты, вѣроятно, взяты подъ стражу и будутъ возвращены или къ своимъ прежнимъ владѣльцамъ, или въ рудники, чтобы по старому томиться въ неволѣ за каторжнымъ трудомъ.

Повидимому, насъ троихъ считали особенно важными

Digitized by Google

плѣнниками, потому что поставили впереди всѣхъ, не исключая и членовъ совѣта. Такую честь мы бы охотно отклонили, догадываясь, что намъ готовится, вѣроятно, и самая лютая казнь, по обычаю атцековъ. Къ несчастью, въ нашемъ теперешнемъ положеніи нельзя было и помышлять о самостоятельныхъ дѣйствіяхъ, а приходилось только покоряться безъ всякихъ возраженій. Поэтому мы заняли указанное мѣсто и старались, какъ могли, не обнаруживать малодушія, спускаясь къ берегу.

Только нѣсколько перепуганныхъ женщинъ и дѣтей, бросившихся въ сторону при нашемъ приближеніи, оживляли пустынныя улицы города. Изъ многихъ хижинъ доносились стоны несчастныхъ раненыхъ, которые доползли до своихъ убогихъ жилищъ, чтобы умереть у роднаго очага. Въ другомъ мѣстѣ слышались жалобныя причитанія женщинъ надъ покойникомъ. По разнымъ закоулкамъ лежали коченѣющіе трупы въ лужѣ крови; эти люди очевидно доползли сюда, собравъ послѣдній остатокъ силъ. Между тѣмъ, ближе къ берегу замѣчалось большое оживленіе. Солдаты и лодочники толпились на пристани, а озеро пестрѣло судами, на которыхъ непріятельскія войска приплыли изъ Кулхуакана подъ прикрытіемъ ночнаго мрака. Они высадились, какъ мы узнали теперь, въ маленькой бухтѣ, подходившей къ самому мѣсту нашей стоянки. Эта оживленная картина подъ яркими лучами солнца была очень живописна; заливчикъ съ его песчаными низменными берегами, отливавшими золотомъ, невольно ласкалъ взглядъ разнообразіемъ красокъ, а за нимъ разстилалась спокойная гладь дремлющаго озера, терявшаяся вдали, въ сѣроватой дымкѣ тумана.

Но картина оказалась еще оживленнѣе и живописнѣе, когда мы обернулись къ берегу, послѣ того какъ насъ помѣстили на большую баржу, и она, отчаливъ отъ пристани, остановилась невдалекѣ, выжидая, пока другія суда примутъ пассажировъ, чтобы вмѣстѣ отплыть въ Кулхуаканъ. Прямо передъ нашими глазами разстилалась широкая центральная улица города и по ней отъ самой цитадели до пристани двигались войска, медленно спускаясь по крутому склону и часто останавливаясь. У берега ихъ ожидали лодки. Эти люди хотя и были варварами, но смотрѣли молодцами и производили

Digitized by Google

пріятное впечатлѣніе. Передъ каждымъ полкомъ несли его знамя изъ перьевъ, а въ каждой ротѣ былъ свой значокъ—четырехъугольникъ изъ бумажной ткани, ярко расписанный красками. Высшіе военные чины были въ деревянныхъ шлемахъ, вырѣзанныхъ и раскрашенныхъ на подобіе головы какого нибудь дикаго звѣря, а ихъ стеганные бумажные панцыри покрывало множество девизовъ странной формы, разрисованныхъ яркими красками; легкіе круглые щиты, составлявшіе необходимую принадлежность каждаго воина, также были ярко разрисованы. И вся эта пестрота еще рѣзче выступала на темномъ фонѣ обнаженныхъ смуглыхъ тѣлъ, а наконечники копій и мечи изъ закаленнаго золота сверкали въ солнечныхъ лучахъ.

— Нѣтъ ничего удивительнаго, что эти молодцы разбили насъ,—сказалъ Рейбёрнъ, пока мы любовались строгой выдержкой солдатъ, спускавшихся къ озеру. Достигнувъ пристани, ихъ стройные ряды моментально остановились и замерли по командѣ начальниковъ.—Да это самые образцовые воины, какихъ мнѣ только случалось видѣть! Взгляните, какъ они браво держатъ себя подъ оружіемъ, какъ быстро повинуются приказамъ, какъ они ловки и статны! Меня просто удивляетъ, что полковникъ разсчитывалъ побѣдить такую строго дисциплинированную армію. Впрочемъ онъ горько поплатился за свою ошибку. Мнѣ ужасно жаль его. Это былъ отличный человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ. Куда дѣнется теперь его хромоногій мальчикъ? Вѣроятно, изъ него сдѣлаютъ тлагуикоса. Чортъ побери, какая галиматья вышла изъ всей этой затѣи!

У меня было слишкомъ тяжело на сердцѣ, чтобъ отвѣчать Рейбёрну, и я только кивнулъ ему головой. Его слова напомнили мнѣ, что я страшно виноватъ передъ нимъ и Янгомъ, потому что вовлекъ ихъ обоихъ въ свое рискованное предпріятіе, но еще больнѣе упрекала меня совѣсть за Пабло. Взрослые товарищи послѣдовали за мною, по крайней мѣрѣ, добровольно и сознательно, имѣя въ виду собственную выгоду; но Пабло, наивный ребенокъ, поѣхалъ съ нами единственно изъ любви ко мнѣ, въ полной увѣренности, что я съумѣю защитить его отъ всякихъ бѣдъ. Участь фра-Антоніо также была для меня источникомъ жестокихъ нравственныхъ

Digitized by Google

терзаній, но здѣсь меня утѣшало то, что онъ самъ искалъ мученической смерти и прибылъ въ Астланъ не по моему настоянію. По крайней мѣрѣ, хоть одна изъ этихъ погибшихъ четырехъ жизней не лежала на моей совѣсти; однако и трехъ жертвъ, пострадавшихъ по моей винѣ, было слишкомъ довольно.

Мы простояли въ бухтѣ около двухъ часовъ, пока происходило размѣщеніе на судахъ возвращавшагося войска и плѣнныхъ; при этомъ наша баржа отъ времени до времени отодвигалась дальше отъ пристани, по мѣрѣ того какъ удлинялась двойная линія лодокъ позади нея. Въ этомъ закрытомъ мѣстѣ не было почти ни малѣйшаго вѣтерка и солнце до того пекло мою больную голову, что я измучился и желалъ умереть, чтобъ избавиться отъ такой невыносимой пытки. Рейбёрнъ съ Янгомъ, судя по ихъ виду, страдали не меньше моего; поэтому намъ стало несравненно легче, когда наша флотилія двинулась наконецъ въ путь.—Болѣе половины арміи осталось въ Гуитциланѣ для водворенія порядка. На открытомъ мѣстѣ насъ освѣжалъ пріятный вѣтерокъ, и мы съ наслажденіемъ дышали прохладнымъ воздухомъ. Вся чарующая панорама живописнаго озера развернулась теперь передъ нами, выступая на фонѣ зеленыхъ луговъ и болѣе темной зелени деревьевъ, покрывавшихъ горные скаты; а еще дальше надъ ними высились утесы, переходившіе изъ нѣжно-сѣраго тона въ темно-коричневый; тамъ и сямъ между ними чернѣли глубокія ущелья. Впрочемъ красота природы не трогала насъ; мы знали, что плывемъ по этимъ голубымъ водамъ, подъ лучами яркаго солнца, въ то мѣсто, гдѣ намъ неминуемо предстоитъ жестокая смерть. И всѣ эти живописныя скалы, обрамлявшія озеро, были для насъ только стѣнами тюрьмы, изъ которой намъ не суждено вырваться живыми. При другихъ обстоятельствахъ, прогулка по озеру была бы настоящимъ наслажденіемъ, но теперь и красота тропической растительности, и улыбающіяся окрестности были намъ ненавистны; въ особенности мы старались не смотрѣть въ ту сторону, гдѣ чернѣла твердыня Кулхуакана—это мрачное гнѣздо жестокихъ варваровъ, жаждавшихъ нашей крови.

Digitized by Google

XXXII.

Выходка Эль-Сабіо.

Когда мы отплыли на далекое разстояніе отъ города, то услыхали издали вой торжества, которымъ стража надъ водяными воротами привѣтствовала возвращеніе побѣдоносной арміи, увѣдомляя о нашемъ прибытіи жителей столицы. Эти слабые крики, неясно доносившіеся по водѣ, были подхвачены солдатами, возвращавшимися съ нами. Нашей баржѣ предстояло пройти прежде всѣхъ черезъ ворота, откуда мы выѣзжали такъ недавно, покрытые славой; наконецъ судно пересѣкло внутренній бассейнъ и направилось къ пристани, откуда нѣсколько дней назадъ мы отплывали съ радужными надеждами на то, что намъ удастся собрать многочисленную военную силу для народнаго возстанія, пришедшаго теперь къ такому печальному концу.

Весь берегъ кишилъ народомъ, сбѣжавшимся смотрѣть на нашу высадку; но меня поразило, что тысячная толпа, которая явилась сюда привѣтствовать армію побѣдителей, не выказывала ни радости, ни оживленія. Правда, пристань оглашалась дикимъ воемъ, но это усердствовали преимущественно жрецы, солдаты и лодочники, стоявшіе на дамбѣ, а не народная масса. Когда же насъ вели по городу—по той же улицѣ, по которой въ послѣдній разъ мы пролагали себѣ дорогу оружіемъ,—я замѣтилъ много мрачныхъ и опечаленныхъ лицъ. Мнѣ тотчасъ пришло въ голову, что въ стѣнахъ Кулхуакана, пожалуй, назрѣваетъ новый мятежъ. На этотъ разъ мы не были введены въ домъ, гдѣ впервые встрѣтились съ верховнымъ жрецомъ и откуда насъ освободилъ безстрашный, благородный Тицокъ; нашу партію заставили обогнуть это жилище и подняться на широкую площадку, увѣнчивавшую городъ, гдѣ стояло обширное зданіе сокровищницы, служившее вмѣстѣ съ тѣмъ и храмомъ наиболѣе чтимыхъ въ Астланѣ боговъ. Я былъ въ такомъ восхищеніи, что мнѣ привелось увидать вблизи этотъ замѣчательный образчикъ древняго зодчества, которымъ до тѣхъ поръ я могъ любоваться только издали, что на нѣкоторое время забылъ всякій страхъ и горе;

Digitized by Google

меня волновало одно пламенное желаніе имѣть подъ рукой всѣ нужные инструменты для измѣренія этихъ мощныхъ стѣнъ. Я почти совершенно забылъ о своей неволѣ и грозившей мнѣ жестокой участи, какъ вдругъ жалобный стонъ несчастнаго Рейбёрна, котораго тащили на лѣстницу, напомнилъ мнѣ безотрадную дѣйствительность. „Археологія не обогатится ни на волосъ—сказалъ я самъ себѣ—еслибъ мнѣ и удалось собрать кой-какія свѣдѣнія въ короткій срокъ, отдѣляющій меня отъ могилы“. Наружный край верхней площадки, на подобіе нижнихъ террасъ, былъ обнесенъ необыкновенно массивной стѣной изъ квадратныхъ камней, связанныхъ цементомъ; эта стѣна увѣнчивалась громадными камнями, высѣченными въ видѣ змѣиныхъ головъ съ широко раскрытой пастью, что напомнило мнѣ подобную же ограду, найденную испанцами вокругъ главнаго храма въ городѣ Теночтитланѣ, и тутъ мнѣ страшно захотѣлось, чтобъ мой другъ Банделье находился въ данную минуту со мною и могъ убѣдиться въ вѣрности своей остроумной гипотезы относительно змѣиной стѣны вокругъ великаго Теокали.

Черезъ порталъ, образуемый двумя колоссальными каменными глыбами, высѣченными въ видѣ двухъ змѣй, свернувшихся спиралью, причемъ ихъ головы соприкасались вверху въ видѣ арки (не настоящей арки, потому что каждая изъ этихъ двухъ змѣй была монолитомъ и опиралась на подножіе изъ той же цѣльной глыбы) мы вошли въ широкую ограду передъ храмомъ. Меня очень удивило,—потому что о такихъ вещахъ нѣтъ ни малѣйшаго намека въ старинныхъ ацтекскихъ грамотахъ,—что въ центрѣ ограды скала была выдолблена такимъ образомъ, что образовала обширный амфитеатръ; здѣсь очевидно приносились жертвы, потому что стоявшій въ центрѣ каменный алтарь былъ обагренъ кровью; мѣстами на немъ присохли даже обрывки мяса; оттуда на насъ пахнуло такимъ запахомъ гнили, что мы почувствовали невыносимую тошноту. Вокругъ всего амфитеатра были высѣчены ступени, вѣроятно, служившія сидѣньями для зрителей, и только какъ разъ противъ портика, передъ самымъ входомъ въ храмъ, былъ устроенъ большой каменный балконъ, а подъ нимъ другой—поменьше. Такимъ образомъ, здѣсь все было приспособлено къ тому, чтобы народъ могъ удобно наслаждаться кровавымъ зрѣли-

Digitized by Google

щемъ, происходившимъ внизу, подъ его ногами; необъятный амфитеатръ свободно вмѣщалъ въ себѣ не менѣе сорока тысячъ человѣкъ. Подъ балкономъ зіялъ темный проходъ, въ родѣ туннеля; вѣроятно онъ сообщался съ храмомъ. Другой узкій проходъ, ниже человѣческаго роста, велъ подъ гору и выходилъ на нижнюю террасу. Онъ служилъ для стока крови съ арены, а также и воды, въ дождливое время года.

Мы зажали носы, проходя возлѣ этого отвратительнаго мѣста, и были очень рады, когда миновали его и приблизились ко входу въ храмъ. Благородный порталъ этого монументальнаго зданія отличался строгой простотой, придававшей ему необыкновенную величавость, въ которой, какъ и въ общемъ видѣ фасада, сказывался мрачный и грандіозный стиль египетскихъ построекъ, о чемъ я упоминалъ уже не разъ. Отсюда мы вступили въ темную внутренность капища, освѣщеннаго только немногими узкими скважинами въ толстѣйшихъ стѣнахъ; высокій потолокъ поддерживался цѣлымъ лѣсомъ колоннъ, открывавшихъ передъ нами безконечныя перспективы, гдѣ царилъ вѣчный полумракъ.

Когда мы вошли въ это священное для ацтековъ мѣсто, стража благоговѣйно притихла да и меня самого невольно охватило чувство почтенія, какое внушаетъ всякое зданіе, освященное молитвами многихъ тысячъ людей, въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ. Но Янгъ, повидимому, не испытывалъ ничего подобнаго. Внимательно осмотрѣвшись вокругъ, онъ безцеремонно замѣтилъ:—Ну, эта махина не годилась бы для конгрегаціональной церкви. Тутъ нѣтъ ни единой скамьи для молельщиковъ, да, вѣроятно, и при солнечномъ сіяніи ни въ одномъ углу не увидишь даже хоть какого нибудь завалящаго молитвенника. Какъ вы думаете, профессоръ, что сказали бы здѣшніе жители на предложеніе освѣтить эту темную старую яму электричествомъ? Сверхъ того, можно было бы удалить отсюда холодъ и отвратительную сырость съ помощью пароваго отопленія. А то вѣдь здѣсь какъ разъ наживешь всѣ формы ревматизма. Чувствуете, какъ дуетъ по ногамъ?—Однако разсужденія грузоваго агента были тотчасъ прерваны безцеремоннымъ вмѣшательствомъ одного изъ солдатъ, который не особенно нѣжно зажалъ ему ротъ своей ладонью, краснорѣчиво давая тѣмъ понять, что здѣсь не полагается разговаривать.

Digitized by Google

Такая рѣшительная репрессалія была тѣмъ болѣе умѣстна, что мы приближались къ задней части храма, гдѣ въ таинственномъ сумракѣ рисовалась фигура громаднаго идола, возсѣдавшаго на тронѣ, въ родѣ алтаря. Она была не меньше десяти футовъ высоты, очень неискусно высѣчена изъ камня и только въ общихъ чертахъ напоминала человѣка; безобразное лицо кумира выражало такое звѣрство, что, вѣроятно, наводило ужасъ на простыхъ людей. Самой удивительной особенностью этой статуи былъ отвратительный черепъ, поддерживаемый двумя громадными руками, которыя выходили изъ поясничной области и торчали тутъ совсѣмъ не кстати, не имѣя ничего общаго съ другою парой рукъ, находившихся на своемъ мѣстѣ. Страшный истуканъ былъ увѣнчанъ двумя змѣиными головами, въ подражаніе рисунку портала, а самыя тѣла обѣихъ змѣй обвивали всю массу статуи. Вмѣсто глазъ, у нея были вставлены блестящіе зеленые камни—настоящіе изумруды, хоть я не разобралъ этого съ перваго взгляда;—золотыя змѣйки, чрезвычайно красиво сдѣланныя, окружали ихъ, а на шеѣ идола висѣло ожерелье изъ золотыхъ сердецъ, сверхъ нагрудника изъ яркозеленыхъ перьевъ. Такія же точно перья торчали надъ змѣиными головами въ видѣ густаго султана; вся фигура была усыпана блестящими предметами—изумрудами, золотыми дисками, кусочками перламутра и осколками агата—сверкавшими въ темнотѣ въ видѣ свѣтлыхъ точекъ. Руки идола были вытянуты впередъ: въ одной изъ нихъ онъ держалъ лукъ, въ другой—связку стрѣлъ; но даже и безъ этихъ несомнѣнныхъ атрибутовъ я тотчасъ узналъ бы по черепу и змѣинымъ головамъ, что сидящій передо мною звѣроподобный отвратительный истуканъ представляетъ бога Гуитцилопохтли: первое и, во все время его кроваваго культа, главное божество, которому поклонялись мексиканцы. Янгъ не осмѣливался больше громко разговаривать въ капищѣ и только шепнулъ мнѣ на ухо съ глубокимъ вздохомъ:—Клянусь честью, профессоръ, это самая отвратительная образина, какую я только видѣлъ!

Мнѣ былъ извѣстенъ обычай ацтековъ приводить своихъ военноплѣнныхъ прежде всего въ капище Гуитцилопохтли, чтобы они, вмѣстѣ со своими побѣдителями, торжественно поклонились ему; поэтому я нисколько не удивился, когда изъ алтаря

Digitized by Google

вышелъ жрецъ и приказалъ намъ пасть ницъ передъ истуканомъ. Присутствующіе азтланеки немедленно исполнили это приказаніе и поклонились до земли; только Янгъ, не понимавшій ацтекскаго языка, и я, не хотѣвшій подвергаться такому униженію, остались на ногахъ. Но тутъ же двое солдатъ, стоявшихъ сзади, сшибли насъ обоихъ съ ногъ, такъ что мы растянулись во весь ростъ ницъ лицомъ. Что же касается Рейбёрна, то враги, повидимому, удовольствовались его лежачимъ положеніемъ на носилкахъ и не стали безпокоить несчастнаго.

Пока я лежалъ на полу, дрожа отъ негодованія и бѣшенства при мысли, что со мной смѣютъ обращаться такъ грубо и что я, хотя по внѣшности, воздаю божескія почести отвратительному идолу, до моего слуха донеслось странное царапаніе по каменному полу, а потомъ что-то холодное и липкое коснулось моей руки; въ то же время я услыхалъ вблизи себя легкое фырканье. Я начиналъ догадываться, что̀ это значитъ, но не смѣлъ сразу повѣрить неожиданной радости. Между тѣмъ липкій предметъ отсталъ отъ моей руки и вдругъ мрачная тишина храма огласилась оглушительнымъ ослинымъ ревомъ, буквально потрясшимъ стѣны. Это несомнѣнно былъ голосъ друга, радостно привѣтствовавшаго меня; передо мною тотчасъ мелькнула надежда, что Пабло и фра-Антоніо, пожалуй, еще живы. Мое предположеніе тотчасъ подтвердилось; когда мы снова поднялись на ноги, я увидѣлъ шагахъ въ пяти отъ себя своего молодаго слугу, а рядомъ съ нимъ Эль-Сабіо; немного позади ихъ стоялъ монахъ съ сіяющимъ лицомъ. Я не помнилъ себя отъ удивленія и восторга. Мнѣ страшно хотѣлось заговорить съ друзьями, которыхъ я считалъ давно погибшими, разспросить ихъ о томъ, что̀ съ ними происходило и какимъ чудомъ они уцѣлѣли до сихъ поръ; однако церемонія, въ которой участвовали наши побѣдители, далеко еще не кончилась, и, чтобы не нарушать ея торжественности, насъ поставили врозь въ процессіи, формировавшейся тѣмъ временемъ. Тутъ мнѣ опять помогло знакомство съ ацтекскими обычаями: я заранѣе зналъ, что насъ собираются трижды провести вокругъ жертвеннаго камня. И, право, въ ту минуту меня меньше страшила ожидавшая насъ

Digitized by Google

участь, чѣмъ необходимость приблизиться къ мѣсту, распространявшему такое нестерпимое зловоніе.

На краю амфитеатра, гдѣ этотъ смрадъ становился уже ощутительнымъ, военный караулъ—какъ мнѣ показалось, съ большимъ удовольствіемъ—сдалъ насъ на руки цѣлой ватагѣ жрецовъ, во главѣ которой стоялъ кругленькій, жирный человѣчекъ съ короткими ногами, пыхтѣвшій, какъ паровикъ. Въ немъ не было ровно ничего представительнаго, но онъ старался принять важную осанку, спускаясь по ступенямъ впереди насъ, причемъ ему стоило большаго труда держаться прямо и идти, не переваливаясь, на своихъ коротенькихъ жирныхъ ножкахъ. Я былъ очень радъ, что нелѣпыя подробности церемоніи немного отвлекаютъ наше вниманіе отъ мрачной, зловѣщей обстановки, заставляя забывать даже тошноту, вызываемую нестерпимой вонью, которая все усиливалась. Я замѣтилъ, что у жрецовъ ноздри были заткнуты ватой; намъ же оставалось зажимать ихъ руками.

Эль-Сабіо, обладавшій чувствительнымъ обоняніемъ и широкимъ открытымъ носомъ, котораго онъ не могъ зажать, началъ горячиться, заслышавъ отвратительное зловоніе. Я полагаю, что ему, какъ всѣмъ миролюбивымъ тварямъ, инстинктивно претилъ запахъ крови. Будь возлѣ него Пабло, онъ успокоилъ бы животное ласковыми словами и прикосновеніемъ руки, тогда какъ жрецы, ведшіе ослика въ поводу, не умѣли съ нимъ справиться и только сильнѣе пугали и раздражали его. Внезапная перемѣна въ поведеніи Эль-Сабіо поражала ихъ, такъ какъ они видѣли его ежедневно въ теченіе довольно долгаго промежутка времени и знали образцовое послушаніе нашего любимца; теперь же онъ приходилъ въ настоящее бѣшенство, нарушая порядокъ и торжественность процессіи. Однако имъ удалось, дергая за веревку, обвязанную вокругъ шеи Мудреца, и съ помощью осторожныхъ толчковъ сзади, заставить его спуститься съ лѣстницы на круглую арену въ глубинѣ амфитеатра, въ центрѣ которой стоялъ алтарь и гдѣ запахъ крови становился окончательно невыносимымъ. Тутъ, не смотря на одержанную надъ нимъ побѣду, смирный и благовоспитанный осликъ совсѣмъ отбился отъ рукъ, обезумѣвъ отъ страха и ярости.

Какимъ-то чудомъ—къ счастью для тѣхъ, на кого злопо-

Digitized by Google

лучный Эль-Сабіо смотрѣлъ, какъ на своихъ мучителей,—до сихъ поръ его копыта не нанесли никому вреда; но, спустившись съ послѣдней ступеньки, онъ сдвинулъ вмѣстѣ обѣ заднія ноги и необычайно ловко лягнулъ ими одного изъ жрецовъ, высокаго человѣка, энергично подталкивавшаго бѣдное животное. Ударъ пришелся прямо ему въ животъ; долговязый жрецъ моментально согнулся вдвое, точно складной ножикъ, и упалъ на земь, еле переводя духъ. Мудрецъ тѣмъ временемъ вырвался изъ рукъ державшихъ его людей и началъ производить такое опустошеніе въ рядахъ непріятеля, что, вѣроятно, ни одинъ оселъ не отличался такимъ образомъ съ начала міра. Къ счастью для насъ,—потому что Эль-Сабіо въ данную минуту не былъ въ состояніи различать друзей отъ недруговъ, — мы оставались пока на лѣстницѣ, между тѣмъ какъ бо́льшая часть жрецовъ успѣла уже спуститься внизъ, а бѣдный осликъ шелъ во главѣ плѣнныхъ. Поэтому его бѣшенство обрушилось исключительно на языческое духовенство; любо было смотрѣть, какъ онъ началъ отдѣлывать служителей Гуитцилопохтли (по выраженію Янга). Несчастные находились буквально въ осадномъ положеніи. Громадная толпа стражи и плѣнниковъ заграждала имъ путь на лѣстницу, а подземный ходъ въ капище былъ запертъ; такимъ образомъ, жрецамъ оставалось только единственное средство спастись отъ взбѣсившагося животнаго — именно перепрыгнуть черезъ каменную ограду не менѣе восьми футовъ высоты, окружавшую жертвенный алтарь. Но даже и ловкому человѣку было бы не легко выполнить этотъ гимнастическій фокусъ, для чего требовалось подняться на рукахъ настолько высоко, чтобъ можно было перекинуть черезъ стѣну одну ногу. Между тѣмъ жрецы были большей частью народъ тучный, облѣнившійся и неповоротливый. Едва который нибудь изъ нихъ ухитрялся зацѣпиться руками за верхъ ограды, какъ Эль-Сабіо начиналъ ожесточенно лягать его по болтавшимся ногамъ и ударъ желѣзныхъ подковъ по обнаженнымъ пяткамъ причинялъ такую невыносимую боль, что неловкій акробатъ немедленно летѣлъ внизъ головой на землю. Въ данномъ случаѣ, Мудрецъ проявлялъ какую-то адскую находчивость, не давая ускользнуть ни единой жертвѣ.

Digitized by Google

Мы съ восторгомъ слѣдили за его подвигами, забавляясь въ душѣ небывалымъ балаганнымъ фарсомъ. Но для жрецовъ это комическое зрѣлище перешло въ настоящую трагедію. Поваливъ ихъ наземь, Эль-Сабіо, какъ бѣшеный, носился по аренѣ и топталъ своихъ распростертыхъ враговъ. Острыя подковы рвали въ кровь ихъ обнаженное тѣло; порой меткіе удары были до того сильны, что мы видѣли, какъ судорожно втягивались ребра жертвъ, а изъ ноздрей у нихъ хлестала фонтаномъ кровь; тогда мы догадывались, что для этихъ людей наступилъ послѣдній часъ. Жестокая расправа совершалась подъ такой оглушительный ревъ и гамъ, что ихъ невозможно описать. Избиваемые жрецы кричали отъ страха, молили о помощи, ревѣли отъ бѣшенства, стонали и взвизгивали. Толпа вокругъ насъ и на верхней площадкѣ вторила имъ, какъ будто изъ предостереженія и сочувствія; впрочемъ, всѣ варвары имѣютъ привычку поднимать вой чисто изъ инстинктивнаго подражанія; стоитъ завыть одному, какъ его голосъ будетъ подхваченъ цѣлымъ хоромъ. Пабло въ свою очередь отчаянно кричалъ, стараясь образумить Эль-Сабіо, изъ боязни жестокой кары своему любимцу. Янгъ подбрасывалъ свою знаменитую шляпу „дерби“ на воздухъ и оралъ:

— Молодецъ, валяй ихъ хорошенько, топчи этихъ толстопузыхъ! Ура! гипъ, гипъ! Ура!—Вскорѣ можно было подумать, что все населеніе Бедлама вырвалось на волю и что мы сами спятили съ ума. Но кому удалось ловко увернуться отъ копытъ Эль-Сабіо, такъ это толстому коротконогому жрецу; я никакъ не ожидалъ отъ него такого проворства. Сначала онъ прятался за спинами товарищей, пока нѣкоторые изъ нихъ не перелѣзли черезъ стѣну, а другіе не были искалѣчены ослиными копытами. Разъ или два онъ порывался протискаться на лѣстницу, но у ея подножія лежало болѣе двѣнадцати человѣкъ тяжело раненыхъ, которые доползли сюда въ надеждѣ какъ нибудь спастись; однако, жрецы, стоявшіе впереди насъ, были настолько безсердечны, что не хотѣли подать помощи своимъ собратьямъ или унести ихъ отсюда, разсчитывая, что за этимъ живымъ барьеромъ они будутъ гораздо безопаснѣе. Наконецъ, когда на аренѣ не осталось больше ни одного человѣка, за кого можно было спрятаться, толстякъ сдѣлалъ послѣднее, по истинѣ геройское уси-

Digitized by Google

ліе и, не взирая на свой маленькій ростъ, необыкновенную тучность и одышку, подпрыгнулъ и ухватился руками за верхъ ограды. Но подняться на рукахъ у него уже не хватило умѣнья и онъ повисъ лицомъ къ стѣнѣ, судорожно поджимая голыя ноги и пронзительно визжа, насколько позволяла ему одышка.

Можно было подумать, что въ данномъ случаѣ безсловесное животное дѣйствуетъ вполнѣ сознательно. Увидѣвъ жреца въ его безпомощномъ положеніи, Эль-Сабіо занялъ позицію противъ него и открылъ наступательныя дѣйствія. Ревущая толпа невольно притихла, сознавая, какой опасности подвергалась эта послѣдняя жертва ослиной ярости; но вмѣстѣ съ тѣмъ было очевидно, что осликъ не можетъ нанести жрецу смертельной раны. Но вотъ пара маленькихъ копытъ мелькнула въ воздухѣ и раздался глухой, мягкій звукъ, какъ будто кто нибудь ударилъ дубиной по перезрѣлой дынѣ, а вслѣдъ затѣмъ послышался невѣроятно пронзительный, плачевный визгъ. Однако малорослый жрецъ храбро держался за ограду, сознавая, что отъ этого зависитъ его спасеніе. Осликъ лягнулъ опять и снова мы услыхали отчаянный вопль; одна рука толстаго человѣчка оборвалась, но онъ опять ухватился ею за верхъ стѣны; наконецъ, при третьемъ, ударѣ, человѣческая природа не выдержала: жрецъ оборвался и тяжело рухнулъ навзничъ. Тутъ послѣдовалъ блистательный финалъ поединка: Эль-Сабіо ударилъ копытами своего противника и раздробилъ ему черепъ.

Между тѣмъ и самъ побѣдитель до того выбился изъ силъ, что еле держался на ногахъ; жалобный стонъ вырвался изъ его груди и несчастный ошалѣвшій осликъ, натворивъ столько бѣдъ, въ полномъ изнеможеніи упалъ на землю возлѣ убитаго имъ человѣка.

XXXIII.

Въ сокровищницѣ ацтековъ.

Изнуренный припадкомъ бѣшенства, Эль-Сабіо лежалъ въ полномъ изнеможеніи, но и тутъ азтланеки, какъ солдаты, такъ и жрецы, не смѣли къ нему приступиться; суевѣрные

Digitized by Google

дикари были убѣждены, что въ Эль-Сабіо вселился злой духъ самаго опаснаго свойства. Поэтому они охотно позволили Пабло подойти къ бѣдному ослу, а когда мальчикъ сталъ просить помощи, чтобы вынести запыхавшееся животное изъ амфитеатра, подальше отъ убитыхъ, раненыхъ и нестерпимаго зловонія, то меня съ Янгомъ протолкнули впередъ, приказывая взяться за это дѣло, которое страшило даже самыхъ храбрыхъ.

Ихъ боязнь была тѣмъ забавнѣе, что Эль-Сабіо не могъ стоять на ногахъ, а ужь тѣмъ менѣе лягаться. Намъ стоило большаго труда поднять его съ земли и внести по крутымъ ступенямъ, такъ какъ оба мы были обезсилены своими ранами, но Пабло усердно помогалъ намъ и вскорѣ мы вынесли несчастное животное на чистый воздухъ, гдѣ дулъ пріятный свѣжій вѣтерокъ; одинъ изъ солдатъ немедленно принесъ воды по просьбѣ моего слуги и нашъ Мудрецъ началъ по немногу оживать. Сначала меня удивило, что азтланеки не убили его въ наказаніе за такую массу надѣланныхъ имъ бѣдъ; между тѣмъ, изъ разговоровъ,—происходившихъ вокругъ, пока Пабло ухаживалъ за осликомъ, а внизу солдаты убирали мертвыхъ и оказывали помощь раненымъ,—мнѣ стало ясно, что никто не смѣлъ убить Эль-Сабіо изъ боязни, что злой духъ, которымъ одержимъ оселъ, переселится въ него самого. Я поспѣшилъ поддержать это заблужденіе и совершенно серьезно сказалъ одному изъ жрецовъ, что мнѣ случилось однажды быть свидѣтелемъ, какъ одинъ человѣкъ пришелъ самъ въ неистовое бѣшенство, послѣ того какъ убилъ взбѣсившееся животное, и такимъ образомъ выпустилъ на свободу сидѣвшаго въ немъ злаго духа. Эта исторія тотчасъ распространилась въ толпѣ, и я съ удовольствіемъ замѣтилъ, что Эль-Сабіо сталъ внушать азтланекамъ еще бо́льшій ужасъ. Они даже не думали закончить тріумфальной церемоніи, неожиданно прерванной кровавымъ побоищемъ; да и смѣшно было бы продолжать ее, послѣ того какъ Мудрецъ обратилъ побѣдителей въ побѣжденныхъ. Наконецъ, насъ окружили конвоемъ солдатъ; Пабло было приказано вести оправившагося осла, а мнѣ съ Янгомъ слѣдовать за нимъ, ради предотвращенія новой катастрофы. Въ такомъ порядкѣ мы опять вступили въ храмъ. На этотъ разъ наши провожатые не останавливались перед

Digitized by Google

колоссальнымъ идоломъ, а провели насъ къ задней стѣнѣ зданія, гдѣ находился другой выходъ во внутренній дворъ; на его дальнемъ концѣ, какъ намъ было извѣстно изъ разсказовъ Тицока, стояла сокровищница съ несмѣтными богатствами царя Чальзанцина, которыя постоянно увеличивались въ позднѣйшія времена, благодаря громадному количеству золота, добываемаго въ рудникахъ Азтлана.

У выхода, запиравшагося металлической рѣшеткой, а сверхъ нея задернутаго тяжелой занавѣсью, солдаты по всей формѣ передали насъ толпѣ жрецовъ; послѣ того занавѣсъ былъ отдернутъ, рѣшетка поднята и мы вышли на божій свѣтъ. Тутъ передъ нами открылось зданіе, такъ долго служившее предметомъ нашихъ пламенныхъ мечтаній; оно было не высоко, всего въ одинъ этажъ, и окружено отвѣсными утесами, которые поднимались какъ будто до самаго неба; впрочемъ сокровищница отличалась необыкновенной массивностью постройки и оказалась гораздо обширнѣе внутри, чѣмъ можно было ожидать по ея наружному виду. Когда мы вошли туда черезъ узкій проходъ, также запиравшійся металлической рѣшеткой, то увидали передъ собою громадную комнату, часть которой очевидно была вырублена въ скалѣ. Съ перваго взгляда было замѣтно, что и дальше этой комнаты находилось свободное пространство, также вырубленное въ скалѣ, потому что въ задней стѣнѣ чернѣло отверстіе, представлявшее, вѣроятно, входъ въ глубокую пещеру.

Жрецы повели насъ именно въ ту сторону. Передъ нами опять была поднята рѣшетка и мы вступили въ узкій коридоръ, гдѣ по обѣимъ сторонамъ виднѣлись входы въ маленькія комнаты, похожія на кельи. Противъ нашего ожиданія здѣсь было довольно свѣтло, благодаря узкимъ окошкамъ, пробитымъ въ наружной стѣнѣ утеса, такъ что мы свободно могли осмотрѣться вокругъ. Еслибъ не эти полоски свѣта, мы, пожалуй, сошли бы съ ума въ нашей темницѣ, вырубленной въ самыхъ нѣдрахъ горы, откуда намъ не представлялось возможности уйти, только одна смерть могла освободить насъ отсюда. Въ концѣ коридора находилась комната, также вырубленная въ скалѣ, приблизительно въ тридцать квадратныхъ футовъ высоты; ея тщательно выровненныя стѣны были покрыты золотыми пластинками, ниспадавшими

Digitized by Google

одна на другую въ видѣ рыбьей чешуи, а на потолкѣ виднѣлось отверстіе, откуда падалъ слабый свѣтъ, заставлявшій блестѣть покрытыя золотомъ стѣны. Тутъ, очевидно, была молельня, потому что посреди нея возвышалась статуя бога Гуитцилопохтли, менѣе крупныхъ размѣровъ, чѣмъ въ храмѣ, но украшенная съ еще бо̀льшимъ великолѣпіемъ; насъ опять сшибли съ ногъ, заставляя пасть ницъ передъ отвратительнымъ истуканомъ. Послѣ этой церемоніи, мы были снова введены въ коридоръ и водворены въ двухъ тѣсныхъ кельяхъ, снабженныхъ циновками вмѣсто постелей; затѣмъ наши провожатые вышли, предоставивъ насъ самимъ себѣ; минуту спустя, мы услыхали зловѣщій скрипъ рѣшетки, опускавшейся за ними; этотъ непріятный звукъ гулко отдался въ скалистыхъ стѣнахъ, куда насъ заточили.

Нѣсколько времени мы стояли въ грустномъ молчаніи возлѣ носилокъ, на которыхъ лежалъ Рейбёрнъ; онъ былъ очень блѣденъ и слабъ послѣ страшной потери крови, сильной усталости, нравственныхъ страданій и волненій послѣднихъ часовъ. Пабло помѣстился съ Эль-Сабіо въ одной изъ каморокъ на противоположной сторонѣ коридора:—намъ предоставили устраиваться въ нашемъ заточеніи, какъ мы желаемъ. Тутъ мальчикъ принялся бесѣдовать со своимъ осломъ, обнаруживая такую наивность, что въ другое время мы похохотали бы надъ нимъ отъ души; онъ то укорялъ животное за его неосмотрительность, то восхищался храбростью своего друга и выражалъ боязнь, что Эль-Сабіо постигнетъ жестокая кара. Но на первомъ планѣ у него стояли пламенныя увѣренія въ любви и, насколько мы могли судить, Мудрецъ отвѣчалъ на нихъ взаимностью.

— Ну, что же мы стоимъ безъ дѣла?—сказалъ наконецъ Янгъ.—Отсюда, кажется, нечего и думать вырваться на свободу, но все же надо посмотрѣть, что̀ тутъ есть. Падре слѣдовало бы перевязать ногу Рейбёрна, а пока онъ будетъ съ нимъ возиться, мы съ вами, профессоръ, сдѣлаемъ обходъ. Вѣдь это и есть сокро̀вищница ацтековъ; нужно же ее немного обревизовать; впрочемъ, прозакладую свою шляпу, что здѣсь нѣтъ никакихъ сокровищъ!

Я былъ радъ чѣмъ нибудь развлечься отъ тяжелыхъ думъ, а потому охотно принялъ предложеніе товарища, убѣдившись

Digitized by Google

предварительно, что фра-Антоніо не нуждается въ моей помощи при перевязкѣ раны Рейбёрна. Итакъ, мы отправились съ Янгомъ въ обходъ. Не смотря на безвыходность нашего положенія, я сгоралъ любопытствомъ, мечтая найти какіе нибудь интересные слѣды ацтекской общины, основанной царемъ Чальзанциномъ въ долинѣ Азтлана тысячу лѣтъ назадъ. Въ этомъ мѣстѣ несомнѣнно находился самый древній складъ имущества первобытныхъ обитателей американскаго материка, и я дрожалъ при мысли о тѣхъ археологическихъ сокровищахъ, которыя могъ здѣсь встрѣтить; но вслѣдъ затѣмъ тяжелый вздохъ вырвался у меня изъ груди, когда я сообразилъ всю безполезность самыхъ блестящихъ открытій при моемъ теперешнемъ положеніи.

Съ первыхъ же шаговъ мы убѣдились, что Янгъ былъ неправъ, сомнѣваясь въ присутствіи здѣсь какихъ бы то ни было богатствъ; прежде всего мы съ нимъ попали въ кладовую—не болѣе десяти кубическихъ футовъ — которая была биткомъ набита слитками закаленнаго золота изъ рудниковъ Гуитцилана. Въ слѣдующей комнатѣ было то же самое; рядомъ съ ней опять то же, такъ что цѣлыхъ пять комнатъ было занято драгоцѣнными слитками. Остальныя же изъ нихъ оказались совершенно пустыми и здѣсь не нашлось никакихъ слѣдовъ несмѣтныхъ богатствъ, запасенныхъ во времена сѣдой древности предусмотрительнымъ царемъ. Между тѣмъ, въ этомъ мѣстѣ былъ нѣкогда собранъ кладъ, какимъ не могъ похвастаться ни одинъ монархъ въ свѣтѣ. Увидавъ передъ собою море золота, Янгъ сдѣлался просто неузнаваемъ: густая краска бросилась ему въ лицо, глаза засверкали, дыханіе стало тяжелымъ и неровнымъ. Замѣтивъ это, я поспѣшилъ разбить въ дребезги его радужныя мечты и сказалъ:

— Какая польза намъ въ этихъ найденныхъ сокровищахъ, если ни одинъ изъ насъ не выдетъ живымъ изъ долины Азтлана!—Мой товарищъ тотчасъ перемѣнился въ лицѣ и примолкъ, а когда заговорилъ опять, то въ его голосѣ звучала покорность судьбѣ.

— Сдѣлайте одолженіе, профессоръ, выручайте меня, какъ слѣдуетъ, потому что я настоящій глупецъ. Вѣдь съ того самаго вечера въ Мореліи, когда вы разсказали мнѣ съ Рейбёрномъ объ этихъ несмѣтныхъ богатствахъ, я забралъ

Digitized by Google

себѣ въ голову воспользоваться ими. Всѣ эти мѣсяцы я только и думалъ о нихъ наяву и грезилъ ими во снѣ. И вотъ только въ настоящую минуту, когда мы въ самомъ дѣлѣ нашли ихъ, мою глупую башку посѣтила мысль, что я собственно не имѣю на нихъ никакого права! Ахъ, выручайте меня, пожалуйста, назовите послѣднимъ, ничтожнымъ, безмозглымъ дуракомъ!

Слова Янга не разсмѣшили меня на этотъ разъ; напротивъ, мнѣ хотѣлось теперь заплакать. Товарищъ напомнилъ мнѣ, насколько я виноватъ передъ нимъ, соблазнивъ его перспективой колоссальнаго обогащенія въ таинственной долинѣ, гдѣ его ожидала не сегодня-завтра лютая смерть. Вмѣстѣ съ легковѣрнымъ Янгомъ, я погубилъ Рейбёрна; что же касается Пабло, то моя вина передъ нимъ не имѣла никакихъ оправданій. Къ счастью, они всѣ трое не думали упрекать меня за мое легкомысліе, но ихъ кротость, пожалуй, еще больнѣе растравляла мою сердечную рану. Поэтому я почувствовалъ нѣкоторое облегченіе, когда, вернувшись къ остальной компаніи, услыхалъ, какъ фра-Антоніо успокоивалъ Рейбёрна тономъ глубокаго, непоколебимаго убѣжденія. Онъ толковалъ ему о духовныхъ благахъ, которыя несравненно лучше и выше матерьяльныхъ, потому что послѣднія не могутъ утѣшить насъ въ минуты тяжелыхъ испытаній, тогда какъ духовныя блага одни могутъ поддержать человѣка на его грустномъ земномъ поприщѣ и спасти отъ отчаянія на краю гибели. Прислушиваясь къ этимъ утѣшительнымъ рѣчамъ, я немного успокоился самъ и почувствовалъ въ себѣ новую силу, тогда какъ за минуту передъ тѣмъ изнемогалъ подъ бременемъ своихъ напрасныхъ сожалѣній. Вскорѣ фра-Антоніо перешелъ къ другому предмету, потому что избѣгалъ многословія, поднимая какой нибудь религіозный вопросъ; зато его наставленія были такъ метки и краснорѣчивы, что невольно западали въ душу, не смотря на ихъ краткость. Теперь францисканецъ сталъ разсказывать намъ о томъ, что происходило съ нимъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ потихоньку ушелъ на разсвѣтѣ изъ лагеря инсургентовъ.

Впрочемъ, у него не было никакихъ особенныхъ приключеній. Завидѣвъ его лодку на озерѣ, азтланеки узнали монаха и отворили передъ нимъ ворота; съ пристани фра-Антоніо провели прямо въ то зданіе, гдѣ мы были заключены

Digitized by Google

въ день нашего прибытія въ Кулхуаканъ. Тамъ онъ оставался въ неволѣ, пока не былъ приведенъ въ храмъ, чтобы участвовать въ тріумфальномъ шествіи на церемоніи, такъ неожиданно прерванной трагическимъ вмѣшательствомъ Эль-Сабіо. Францисканецъ ни разу не видалъ верховнаго жреца и даже не получилъ отвѣта на свою настоятельную просьбу отпустить съ миромъ насъ троихъ изъ долины, такъ какъ онъ исполнилъ требованіе Итцакоатля и добровольно отдался ему въ руки; но молчаніе деспота было понятно, послѣ храбраго вызова со стороны тлагуикосовъ, которые, къ несчастью, оказались на дѣлѣ низкими трусами.

Въ недолгій періодъ своего заключенія, фра-Антоніо не говорилъ ни съ кѣмъ, исключая одного человѣка, приносившаго ему питье и пищу. Но и эти непродолжительные разговоры подали молодому миссіонеру надежду, что еслибы онъ могъ обратиться со своей проповѣдью прямо къ народу, какъ дѣлалъ въ Гуитциланѣ, то цѣль его прибытія сюда была бы достигнута. Хотя тюремщикъ фра-Антоніо и былъ жрецомъ при храмѣ, но онъ съ большимъ интересомъ и сочувствіемъ вникалъ въ сущность христіанской доктрины, изъявляя радостную готовность отказаться отъ заблужденій идолопоклонства ради новой вѣры, которая оказывалась несравненно чище и благороднѣе. Онъ говорилъ миссіонеру, что его товарищи, служащіе при храмѣ, уже слышали кое-что о новой религіи отъ перебѣжчиковъ изъ Гуитцилана и хотѣли бы узнать о ней побольше; такимъ образомъ, по словамъ фра-Антоніо, здѣсь была, повидимому, плодородная нива, которая обѣщала вскорѣ принести богатую жатву для христіанства. Поэтому монахъ пламенно желалъ имѣть случай открыто обратиться къ народу со своею проповѣдью. Далѣе онъ прибавилъ, что еслибъ его рѣчь сопровождалась какимъ нибудь знаменіемъ съ неба, то онъ обратилъ бы въ христіанство всю здѣшнюю общину, которая не по своей винѣ до сихъ поръ погибала въ грѣхѣ язычества.

Мы съ Рейбёрномъ переглянулись, когда фра-Антоніо упомянулъ о знаменіи съ неба, потому что, по нашимъ понятіямъ, время чудесъ давно миновало, но фра-Антоніо не соглашался съ нами въ этомъ отношеніи и его вѣра въ чудеса была вполнѣ логична.—Иначе—говорилъ онъ—человѣчеству

Digitized by Google

было бы извѣстно, въ какую эпоху со времени основанія христіанства прекратились на землѣ поразительныя проявленія силы божіей, которыя кажутся людямъ сверхъестественными. — Въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, онъ обнаружилъ большое сходство со святымъ Франциском ассизскимъ, основателемъ францисканскаго ордена. Что касается Пабло, то онъ далеко не такъ благополучно провелъ время своего плѣна, какъ фра-Антоніо; жрецы не на шутку старались совратить его въ язычество, прибѣгая для этого къ суровымъ мѣрамъ. Когда насъ такъ грубо разлучили съ мальчикомъ, во время ареста въ жилищѣ верховнаго жреца, Пабло и Эль-Сабіо торопливо потащили по ступенямъ къ храму, а черезъ храмъ въ сокровищницу; здѣсь Пабло и оставался въ заключеніи, но не въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы находились теперь. Его морили голодомъ, жаждой, жестоко бичевали и грозили ему смертью, если онъ не покорится. Но онъ остался твердъ въ свой вѣрѣ. Передавая намъ эти подробности, мальчикъ горько рыдалъ; по его словамъ, онъ не хотѣлъ отказаться отъ христіанства главнымъ образомъ изъ боязни огорчить фра-Антоніо и меня. Фра-Антоніо пристыдилъ его слегка за это и напомнилъ ему, что онъ былъ обязанъ держаться христіанства, не смотря ни на какія угрозы, изъ любви къ Спасителю, что̀ впрочемъ нисколько не умаляло его настоящаго подвига, а въ заключеніе францисканецъ похвалилъ юношу за твердость въ испытаніяхъ, которыя испугали бы многихъ людей на его мѣстѣ. Пока бѣднаго Пабло терзали такимъ образомъ, только одинъ человѣкъ выказывалъ ему участіе. Это былъ старикъ, повидимому, хранитель архивовъ, собранныхъ въ сокровищницѣ; онъ дважды рисковалъ собственной жизнью, тайно принося заключенному питье и ѣду. Къ счастью, мальчика ни разу не разлучали съ Эль-Сабіо и не отняли у него духовой гармоники; такимъ образомъ, присутствіе четвероногаго друга и музыка помогали ему переносить тяжелую участь.

Когда, въ свою очередь, мы съ Рейбёрномъ и Янгомъ начали описывать наши, несравненно болѣе удивительныя, приключенія и заговорили о своихъ радужныхъ надеждахъ, разлетѣвшихся прахомъ, то избѣгали толковать о будущемъ. Обходя этоть тягостный и безполезный вопросъ, мы старались весело болтать о постороннихъ вещахъ, какъ изъ желанія

Digitized by Google

поддержать свою бодрость, такъ и изъ боязни разстроить Рейбёрна, у котораго уже открылась лихорадка вслѣдствіе раны. Но, не смотря на эти благоразумныя предосторожности, ни одинъ изъ насъ не сомнѣвался, какая готовится намъ судьба, и даже не надѣялся на отсрочку жестокой казни.

Поэтому мы сильно удивлялись, что проходилъ день за днемъ, а все оставалось по прежнему. Отъ человѣка, приносившаго намъ пищу, мы не могли узнать ровно ничего, но не вслѣдствіе его скрытности, а потому, что онъ самъ ничего не зналъ о планахъ верховнаго жреца. Нашимъ тюремщикомъ былъ одинъ изъ жрецовъ; не смотря на свое званіе, онъ относился къ намъ съ участіемъ и даже слушалъ обращенныя къ нему наставленія фра-Антоніо, пытавшагося просвѣтить его свѣтомъ христіанства. Но проповѣдь францисканца не такъ скоро находила дорогу къ сердцу язычника — очевидно, онъ былъ менѣе податливъ, чѣмъ первый тюремщикъ миссіонера. Кромѣ него, мы видали по временамъ старика, оказавшаго покровительство Пабло, хранителя архивовъ; по своему офиціальному положенію, онъ имѣлъ свободный доступъ въ ту часть сокровищницы, отъ которой насъ отдѣляла вторая рѣшетка. У этой рѣшетки мнѣ случалось вступать съ нимъ въ интересные разговоры по части археологіи; между тѣмъ фра-Антоніо сталъ относиться къ старику равнодушнѣе, замѣтивъ, какъ мало дѣйствуетъ на него истолкованіе христіанскихъ доктринъ. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ почтенный жрецъ былъ весь поглощенъ изученіемъ древностей и мало интересовался религіозными вопросами. Не увлекаясь христіанствомъ, онъ въ то же время не былъ ревностнымъ послѣдователемъ и своей собственной вѣры. Отъ него я узналъ много любопытныхъ вещей касательно ацтекскаго народа; между прочимъ, онъ указалъ мнѣ также, какимъ образомъ велись ихъ лѣтописи, какъ мало по малу живописныя грамоты ацтековъ смѣнились письменами, представлявшими нѣчто среднее между идеографами и азбукой, употребляемой у корейцевъ. Этотъ предметъ былъ впослѣдствіе пространно разработанъ въ моемъ ученомъ сочиненіи. Архиваріусъ сообщилъ мнѣ, между прочимъ, объ одномъ обстоятельствѣ, сильно его изумлявшемъ, именно о томъ, что верховный жрецъ по нѣскольку разъ въ годъ удалялся въ то самое мѣсто, гдѣ мы были теперь заклю-

Digitized by Google

чены, и проводилъ здѣсь иногда по цѣлому мѣсяцу, вдали отъ своего народа, безъ пищи и питья. Итцакоатль увѣрялъ своихъ подданныхъ, что въ это время онъ находится въ непосредственномъ общеніи съ богами.

Между тѣмъ, всѣ мои разпросы относительно несмѣтныхъ богатствъ, собранныхъ здѣсь царемъ Чальтзанциномъ, не привели ни къ чему. Старикъ-архиваріусъ, не смотря на свое привилегированное положеніе и страстную любовь къ древностямъ, зналъ о царскихъ сокровищахъ также мало, какъ я самъ. Онъ уже не разъ осматривалъ каждую комнату въ сокровищницѣ, но не нашелъ ни малѣйшаго слѣда этого древняго клада, о которомъ въ народѣ сохранилось только неясное преданіе. Отсюда онъ заключилъ, что если несмѣтныя богатства и находились когда нибудь въ Кулхуаканѣ, то были давно растрачены. Конечно, открытіе клада, при настоящихъ безнадежныхъ обстоятельствахъ, только удовлетворило бы мое любопытство, не принеся никакой существенной пользы, и съ моей стороны было крайней нелѣпостью печалиться о томъ, что я не достигъ своей цѣли. Однако, сознаюсь откровенно, въ это тяжелое время, мысль о моихъ неудавшихся археологическихъ изысканіяхъ жестоко мучила меня. Мнѣ было такъ больно сознаться, что мое предпріятіе, начатое и продолжавшееся такъ удачно, было основано на чистомъ заблужденіи съ начала до конца.

XXXIV.

Мученическій вѣнецъ.

Медленно и безотрадно тянулись дни въ стѣнахъ нашей темницы, вырубленной въ самыхъ нѣдрахъ горы, и, по мѣрѣ того какъ проходило время, на насъ надвинулось новое горе, болѣе тяжкое, чѣмъ неопредѣленный страхъ передъ грозившей намъ смертью. Рана Рейбёрна, нанесенная зубчатымъ остріемъ маккагуитла, представляла большую опасность съ самаго начала; продолжительный переѣздъ черезъ озеро подъ палящими лучами солнца вызвалъ въ ней воспаленіе, а дальнѣйшая переноска раненаго и волненіе, причиненное ему

Digitized by Google

жестокой расправой Эль-Сабіо съ нашими непріятелями у жертвеннаго камня, окончательно ухудшили дѣло. Даже искусный уходъ фра-Антоніо только поддерживалъ слабыя силы больнаго во время страшныхъ приступовъ горячки, не принося ему существеннаго облегченія; когда же горячка миновала, силы Рейбёрна стали падать съ каждымъ днемъ. Грустно было видѣть этого человѣка, еще такъ недавно служившаго воплощеніемъ гордой мощи, до того ослабѣвшимъ, что онъ не могъ двинуться безъ помощи фра-Антоніо; его болѣзненные стоны и жалобы надрывали намъ сердце. Рейбёрнъ умолялъ насъ вынести его на солнце, дать ему вздохнуть свѣжимъ воздухомъ. По словамъ фра-Антоніо, постоянный мракъ и нездоровая атмосфера нашей тюрьмы настолько же изнуряли силы больнаго, насколько и самая болѣзнь. Дѣйствительно, въ его каморкѣ было сыро; наступилъ періодъ дождей, и по ночамъ мы страдали отъ холода; кромѣ того, скалистая гора постоянно содрогалась отъ ударовъ грома, оглушительно рокотавшаго надъ ея вершиной.

Однажды, когда Рейбёрну было особенно плохо, Янгъ отозвалъ меня въ молельню съ очевиднымъ намѣреніемъ облегчить передо мной свою душу.

— Послушайте, профессоръ,—началъ онъ, оставшись со мной наединѣ, — я, право, не могу больше выносить этой пытки. Пошлю-ка я, знаете, челобитную къ верховному жрецу, пускай онъ поскорѣе казнитъ меня, съ тѣмъ условіемъ, чтобы Рейбёрнъ былъ перенесенъ изъ этой мокрой ямы въ болѣе удобное мѣсто, гдѣ онъ можетъ по утрамъ видѣть солнце и пользоваться свѣжимъ воздухомъ! Когда онъ выздоровѣетъ, то не струситъ передъ казнью; онъ не такой человѣкъ, чтобы чего нибудь испугаться, когда у него все въ порядкѣ. Но это адская жестокость—убивать его такимъ образомъ день за днемъ! Такъ не поступаютъ даже съ собакой. Право, я похлопочу за него. Семи смертямъ не бывать, одной не миновать; вѣдь я только немного ускорю свой конецъ, вотъ и все.

Довольно странно, что подобная же мысль съ нѣкотораго времени приходила и мнѣ, но я разсчитывалъ извлечь болѣе пользы изъ своего самопожертвованія. Я также хотѣлъ настаивать на своей немедленной казни, съ тѣмъ условіемъ, что-

Digitized by Google

бы моимъ друзьямъ была предоставлена свобода, какою можетъ воспользоваться человѣкъ въ этой долинѣ, опоясанной неприступными горами по сю сторону загражденнаго прохода. Поэтому, когда Янгъ заговорилъ о своемъ проэктѣ, я въ свою очередь открылся ему и даже сталъ доказывать, что мнѣ принадлежитъ право осуществить задуманный планъ, такъ какъ я первый напалъ на него; вѣдь это я самъ завлекъ своихъ друзей, исключая фра-Антоніо, въ злополучную долину Азтлана. Но Янгъ отвергалъ мои настоянія и мы даже поспорили съ нимъ, причемъ онъ сильно горячился, такъ какъ по своему упрямству не терпѣлъ противорѣчія.

Не знаю, чѣмъ окончился бы нашъ споръ, потому что онъ былъ внезапно прерванъ самымъ неожиданнымъ образомъ; пока мы съ Янгомъ только думали, другая, болѣе сильная воля, руководимая болѣе проницательнымъ и тонкимъ умомъ, направила событія по своему собственному усмотрѣнію, и теперь намъ обоимъ оставалось только покориться ихъ неизбѣжному ходу. Все, случившееся послѣ этого въ продолженіе одного или двухъ часовъ, совершилось съ такой внезапностью, что казалось какимъ-то ужаснымъ сномъ. Сначала мы догадались, по скрипу рѣшетки у входныхъ дверей, что намъ предстоитъ что-то необычное, нарушавшее монотонное однообразіе нашей тюремной жизни. Выбѣжавъ изъ молельни въ длинный коридоръ, мы увидали приближавшійся къ намъ отрядъ воиновъ, впереди которыхъ шелъ жрецъ. Фра-Антоніо съ Пабло, заслышавъ стукъ у входа и тяжелые шаги, также выбѣжали въ коридоръ; на лицѣ мальчика выражалось тревожное удивленіе, но францисканецъ сохранилъ свое обычное спокойствіе и, повидимому, только ожидалъ чего-то. Наконецъ онъ съ нетерпѣніемъ спросилъ:—Такъ это рѣшено?

— Рѣшено,—отвѣчалъ жрецъ, и мнѣ показалось, что въ его чертахъ было написано глубокое горе; по крайней мѣрѣ, тонъ отвѣта звучалъ печалью. Впрочемъ, здѣсь не было ничего страннаго, такъ какъ этотъ человѣкъ оказался первымъ тюремщикомъ фра-Антоніо, охотно слушавшимъ проповѣдь миссіонера.

Между тѣмъ лицо молодаго монаха просіяло при словахъ жреца; онъ торопливо отвелъ насъ отъ комнаты Рейбёрна и въ радостномъ волненіи сказалъ:—Верховный жрецъ испол-

Digitized by Google

нилъ мою просьбу,—а потомъ поспѣшно прибавилъ:—не печальтесь обо мнѣ, друзья. Смерть за вѣру—это самый славный конецъ земнаго бытія; но еще счастливѣе тотъ, кто цѣною своей крови можетъ спасти близкихъ и дорогихъ ему людей. Верховный жрецъ далъ мнѣ слово, что, послѣ моей казни, всѣ тѣ, которые мнѣ такъ дороги, будутъ отпущены на свободу.

— Не вѣрьте ему: Итцакоатль—извѣстный обманщикъ,—перебилъ Янгъ, совершенно забывая въ порывѣ отчаянія, что, минуту назадъ, онъ хотѣлъ сдѣлать то же самое, что было заранѣе сдѣлано францисканцемъ. Но грузовой агентъ говорилъ по англійски и фра-Антоніо, не понявъ его, продолжалъ: — Вы оба, а также и Пабло, останетесь въ живыхъ; можетъ быть, и Рейбёрнъ благополучно перенесетъ свою болѣзнь. Онъ въ рукахъ божіихъ, а затѣмъ, пока...

Однако ему не дали договорить. Двое солдатъ выступили впередъ и схватили монаха за плечи, дозволивъ ему впрочемъ обмѣняться съ нами прощальнымъ рукопожатіемъ, послѣ чего повели своего плѣнника къ выходу; такимъ же порядкомъ повели за францисканцемъ Янга, меня и Пабло. Проходя мимо комнаты, гдѣ лежалъ Рейбёрнъ, мы услыхали его стоны; голосъ его былъ до того слабъ, что я не надѣялся застать его въ живыхъ по возвращеніи... если намъ вообще было суждено вернуться.

Во внутреннемъ дворѣ храма, мы зажмурили глаза отъ ослѣпительнаго солнечнаго сіянія—было еще рано и дождевыя облака только собирались надъ горными вершинами. Здѣсь до нашего слуха долетѣлъ какой-то неясный гулъ, похожій на отдаленное жужжаніе пчелиныхъ роевъ, а когда насъ ввели съ задняго хода въ капище, этотъ звукъ сдѣлался сильнѣе, хотя смягчался разстояніемъ и трудно было опредѣлить, откуда онъ выходитъ. Въ храмѣ, фра-Антоніо разлучили съ нами: его повели къ внутренней двери въ подземный ходъ, который велъ на дно амфитеатра. Направляясь подъ конвоемъ къ главному порталу на лицевой сторонѣ зданія, мы еще разъ оглянулись на францисканца съ глубокой тоской и отчаяніемъ. Но фра-Антоніо, смѣло шагая межъ своихъ провожатыхъ, посмотрѣлъ на насъ съ восторженной радостью и безграничной любовью.

Digitized by Google

Шумъ, напоминавшій издали пчелиное жужжаніе, становился все громче, по мѣрѣ того какъ мы подвигались впередъ, а когда мы вышли на площадку передъ храмомъ, онъ принялъ такіе размѣры, точно передъ нами бушевалъ цѣлый океанъ. Это былъ громкій, нетерпѣливый говоръ многотысячной толпы, унизывавшей рядами скамьи амфитеатра. Наше появленіе вызвало дикіе крики радости; толпа ликовала и бѣсновалась, спѣша насладиться кровавымъ зрѣлищемъ. Подъ эти звѣрскія завыванія, насъ ввели на какое-то подобіе балкона, грубо сложеннаго изъ камня и помѣщавшагося на самомъ краю амфитеатра. Какъ разъ позади него, но выше, помѣщался другой, болѣе обширный балконъ съ роскошными каменными украшеніями; онъ былъ покрытъ балдахиномъ изъ пестрыхъ тканей, а въ центрѣ его находилось возвышенное сидѣніе, въ родѣ трона. Выведенные на балконъ, мы снова вызвали бурю дикихъ криковъ, которая моментально стихла и смѣнилась благоговѣйнымъ молчаніемъ, когда народъ увидалъ, что на балконъ, позади насъ, вышелъ самъ верховный жрецъ, въ сопровожденіи другихъ младшихъ жрецовъ, и съ важностью занялъ мѣсто на тронѣ.

Но вслѣдъ затѣмъ амфитеатръ опять огласился криками и завываніями; толпа яростно ревѣла, завидѣвъ фра-Антоніо, который показался изъ подземнаго прохода подъ нашимъ балкономъ; солдаты немедленно подхватили его подъ мышки и поставили на жертвенный камень въ виду собравшихся зрителей. Я удивился, увидавъ, что ему сопутствовалъ всего только одинъ воинъ и ждалъ жрецовъ; однако они медлили приблизиться къ обреченной жертвѣ. Впрочемъ, эта загадка скоро объяснилась, и у меня стало какъ будто легче на душѣ, когда изъ подземнаго прохода, подъ конвоемъ четырехъ солдатъ, выступилъ индѣецъ атлетическаго сложенія съ желѣзными мускулами, рѣзко выступавшими на его корпусѣ, рукахъ и ногахъ; за нимъ слѣдовало шестеро такихъ же силачей. Теперь я понялъ, что фра-Антоніо не былъ обреченъ на жестокую, медленную смерть подъ жертвеннымъ ножемъ, но—согласно ацтекскому обычаю — могъ спасти свою жизнь и получить свободу, если ему посчастливится убить на поединкѣ семерыхъ противниковъ одного за другимъ. Однако, взглянувъ на хрупкую фигуру монаха, а потомъ на этихъ

Digitized by Google

гигантовъ, готовыхъ съ нимъ сразиться, я убѣдился, что неравная битва должна имѣть только одинъ исходъ; тутъ у меня подкосились ноги, а въ глазахъ потемнѣло. Впрочемъ, вокругъ насъ дѣйствительно стало вдругъ темно; отъ тяжелой массы горныхъ тучъ, нависшей надъ вершиной утеса, оторвалось одно облако и окутало солнце. Когда моя дурнота прошла и я опять могъ ясно видѣть происходившее передо мною, атлетъ стоялъ на жертвенномъ камнѣ, обнаженный до пояса, держа въ рукахъ круглый щитъ и маккагуитлъ изъ закаленнаго золота. Монахъ по прежнему оставался въ своей длинной рясѣ; только капюшонъ свалился у него съ головы, открывая прекрасное юношеское лицо; въ одной рукѣ у него было распятіе, а другою онъ отстранялъ отъ себя мечъ и щитъ, поднесенные ему солдатомъ. Этотъ отказъ вызвалъ неистовые крики въ толпѣ, жаждавшей насладиться видомъ ожесточеннаго поединка, и дикимъ воплямъ ацтековъ торжественно вторили раскаты грома. Монахъ сдѣлалъ знакъ рукою, какъ будто унимая толпу; когда она дѣйствительно притихла, онъ спросилъ—обращаясь не къ верховному жрецу, а къ народной массѣ—желаютъ ли азтланеки выслушать отъ него нѣсколько словъ. Народъ громко изъявилъ согласіе, совершенно заглушивъ приказаніе Итцакоатля начинать поединокъ; слова верховнаго жреца были слышны только намъ. Меня удивило, что онъ не сталъ настаивать долѣе и не прервалъ воцарившагося молчанія, когда тысячи собравшихся зрителей съ любопытствомъ подались впередъ, желая услышать, что̀ скажетъ имъ фра-Антоніо. Вѣроятно, верховный жрецъ избѣгалъ явнаго сопротивленія народной волѣ.

Тутъ францисканецъ заговорилъ, и съ его устъ полилась полная вдохновенія проповѣдь. Въ немногихъ словахъ, но съ удивительнымъ краснорѣчіемъ, вѣроятно внушеннымъ свыше, фра-Антоніо сталъ толковать язычникамъ о неизмѣримой любви Творца къ своимъ дѣтямъ, о непостижимомъ величіи Его закона, о Его неистощимомъ милосердіи. Пламенныя слова проповѣдника, казалось, проникали въ самую глубину сердецъ, запечатлѣваясь въ нихъ неизгладимыми огненными письменами. Мое собственное сердце зажглось религіознымъ энтузіазмомъ, какого я никогда не испытывалъ до сихъ поръ, а Пабло, стоявшій возлѣ меня, плакалъ навзрыдъ; даже Янгъ,

Digitized by Google

не понимавшій словъ монаха, сдѣлался блѣденъ и на его лбу выступили капли пота: до того онъ былъ взволнованъ нѣжными модуляціями музыкальнаго голоса фра-Антоніо. Этотъ голосъ, то понижаясь, то повышаясь, какъ-то удивительно вибрировалъ и въ немъ было столько кротости и мольбы, что многотысячная толпа очевидно упивалась имъ, точно очарованная и обвороженная. Зрители притаили дыханіе, но толпа вдругъ заколыхалась и крики громкаго одобренія потрясли амфитеатръ; это была могучая волна, прорвавшая плотину, и я внутренно почувствовалъ, что фра-Антоніо недаромъ поставилъ на карту свою жизнь, что его святая цѣль вполнѣ достигнута. Не смѣя дышать, я ждалъ, что язычники единогласно признаютъ истиннаго Бога.

Но и отъ верховнаго жреца не ускользнуло могущественное дѣйствіе проповѣди миссіонера. Онъ понялъ, какая опасность грозитъ языческой вѣрѣ, и схватился за единственное средство прервать рѣчь монаха. Приподнявшись на своемъ тронѣ, онъ отдалъ приказъ приступить къ поединку. Глухой ропотъ неудовольствія встрѣтилъ это распоряженіе, и ему опять стали вторить раскаты надвигавшейся грозы. На небѣ и на землѣ одновременно собиралась грозная буря. Удушливый воздухъ былъ неподвиженъ и громадная туча нависла чернымъ балдахиномъ надъ цѣлымъ городомъ. Въ этой темной массѣ, окутывавшей все окружающее мрачными тѣнями, то и дѣло мелькали кровавые зигзаги молніи; раскаты грома становились съ каждой минутой оглушительнѣе. При словахъ верховнаго жреца, почернѣвшее небо вспыхнуло заревомъ и грянулъ страшный громовой ударъ.

Не смѣя ослушаться, индѣйскій гладіаторъ сталъ лицомъ къ лицу съ фра-Антоніо и замахнулся на него мечемъ; монахъ, не отступая ни на шагъ, обратилъ на него глаза, горѣвшіе такъ ярко, какъ будто въ нихъ отражался праведный гнѣвъ оскорбленныхъ небесъ; онъ противопоставилъ смертоносному земному оружію только протянутое распятіе. Это непоколебимое мужество передъ лицомъ смерти смутило даже силача-противника, который невольно остановился въ нѣмомъ восторгѣ и благоговѣніи. И, среди ненарушимой тишины этой великой минуты, фра-Антоніо воскликнулъ до того внятно,

Digitized by Google

что его голосъ былъ услышанъ всей многотысячной толпой азтланековъ:

— Да поможетъ мнѣ единый истинный Богъ и Господь!

Его слова еще не успѣли замереть въ воздухѣ, какъ ослѣпительная молнія прорѣзала тучу и громъ ударилъ съ такою силою, что надъ нашими головами дрогнули утесы, крупные обломки скалъ съ грохотомъ скатились въ долину и вся масса горы заколебалась подъ нашими ногами.

Когда мы немного опомнились и въ благоговѣйномъ ужасѣ подняли глаза, то сквозь мракъ, окутывавшій со всѣхъ сторонъ возвышенность, гдѣ стоялъ храмъ, увидали передъ собою явное знаменіе божескаго гнѣва: исполинъ-гладіаторъ, все еще держа въ рукахъ поднятый металлическій мечъ, привлекшій къ нему смерть, затрясся всѣмъ тѣломъ, пошатнулся сначала впередъ, потомъ судорожно откинулся назадъ и рухнулъ наземь бездыханнымъ трупомъ; его обнаженная правая рука и вся правая сторона тѣла побагровѣли, обожженныя молніей. Самъ миссіонеръ какъ будто окаменѣлъ на минуту; потомъ, упавъ на колѣни возлѣ убитаго громомъ противника, онъ воздѣлъ руки къ небу, откуда пришло его избавленіе и воскликнулъ внятнымъ, сильнымъ голосомъ, торжественный звукъ котораго громко раздался среди благоговѣйной тишины:—Христіанскій Богъ живетъ и царствуетъ вовѣки! Вѣруйте въ того, чья любовь и милосердіе также сильны и безконечны, какъ ужасны его гнѣвъ и могущество!

Толпа заволновалась; у меня вырвался глубокій вздохъ облегченія; я чувствовалъ, что фра-Антоніо спасенъ и что сейчасъ раздастся оглушительный взрывъ одобренія, что масса народа, побѣжденная его неодолимымъ краснорѣчіемъ и божественнымъ чудомъ, властно потребуетъ освобожденія проповѣдника. Но въ ту же минуту, не давъ опомниться притихшей толпѣ, верховный жрецъ вскочилъ со своего трона, прыгнулъ на балконъ, гдѣ стояли мы подъ стражей, съ балкона на арену, а оттуда на жертвенный камень. Все это совершилось съ дьявольской ловкостью, ужасавшей въ такомъ пожиломъ человѣкѣ. Выхвативъ мимоходомъ копье у одного изъ солдатъ, онъ ударилъ фра-Антоніо въ спину и пробилъ ему сердце. Молодой монахъ, прижимая къ груди распятіе, упалъ ницъ лицомъ на жертвенный камень и испустилъ духъ.

Digitized by Google

Тогда Итцакоатль, попирая ногою трупъ миссіонера и держа въ рукахъ древко копья, которымъ онъ только что пронзилъ благороднѣйшее сердце, воскликнулъ торжествующимъ тономъ:—Вотъ какъ побѣждаютъ и мстятъ за себя великіе боги ацтековъ!

И народная толпа, стоявшая уже въ преддверіи истинной вѣры, единодушно воскликнула въ дикомъ ликованіи:—Побѣда и месть за нашихъ боговъ!

XXXV.

Кладовая въ сокровищницѣ.

Вслѣдъ за страшнымъ громовымъ ударомъ, на насъ полились такіе потоки, какъ будто молнія открыла всѣ небесные ключи. Въ одинъ моментъ дно амфитеатра было затоплено и люди, стоявшіе тамъ, очутились по колѣни въ водѣ; не успѣли они подняться по ступенямъ къ верху, какъ вода доставала имъ уже по поясъ, не смотря на то, что для нея былъ устроенъ широкій спускъ, куда она хлынула съ такимъ шумомъ и журчаньемъ, которые были слышны, даже не смотря на хлеставшій дождь и раскаты грома. Вся темная масса тучъ поминутно окрашивалась кровавыми вспышками молніи, а громовые раскаты постоянно потрясали воздухъ.

Эта буря была нашимъ спасеніемъ. Я ни минуты не сомнѣвался, что верховный жрецъ хотѣлъ убить насъ всѣхъ, но онъ былъ слишкомъ тонкій плутъ, чтобы разыграть эту поучительную сцену мщенія боговъ, которая должна была еще болѣе возвысить его могущество, почти передъ опустѣвшимъ амфитеатромъ, потому что зрители, потрясенные всѣмъ случившимся, спѣшили оставить свои мѣста и бросились въ храмъ среди толкотни и давки; ошеломленные, потерявшіе голову, они торопились укрыться отъ дождя въ обители своихъ боговъ. Поэтому Итцакоатль приказалъ поспѣшно отвести насъ въ тюрьму; мы также были введены въ капище, гдѣ стража съ трудомъ прокладывала себѣ дорогу въ густой толпѣ. Наши караульные тоже спѣшили подъ защиту своего идола и, наскоро отведя насъ въ сокровищницу, побѣжали

Digitized by Google

со всѣхъ ногъ обратно, даже не дождавшись, пока за нами опустятъ рѣшетку.

Мы были до такой степени поражены горемъ, что, оставшись одни, нѣсколько минутъ стояли, точно окаменѣлые; я искренно сожалѣлъ, что разразившаяся буря, отсрочивъ нѣсколько мою смерть, лишила меня счастія умереть заодно съ моимъ другомъ. Вѣроятно, то же самое думалъ и Янгъ, когда въ глубокомъ молчаніи стоялъ возлѣ меня, безъ кровинки на загорѣломъ лицѣ, тяжело переводя духъ. Что касается Пабло, то онъ не могъ держаться на ногахъ и, склонившись на каменный полъ у нашихъ ногъ, громко рыдалъ. Однако, мало по малу мы пришли въ себя, вспомнили о Рейбёрнѣ и насъ немного подкрѣпила мысль, что наши заботы еще нужны этому несчастному. Но когда мы вошли въ его комнату, то подумали, что онъ уже мертвъ; даже при слабомъ свѣтѣ тюремной каморки, была замѣтна мертвенная блѣдность его лица, а когда мы заговорили съ нимъ, больной не отвѣчалъ и не пошевельнулся. Къ счастью, нашъ испугъ оказался напраснымъ; положивъ руку на его обнаженную грудь, я почувствовалъ слабое біеніе сердца; Рейбёрнъ потихоньку вздохнулъ и слегка поднялъ вѣки.

— Онъ былъ только въ обморокѣ!—радостно воскликнулъ Янгъ.—Еще бы, въ этой проклятой ямѣ нечѣмъ дышать! Въ большой комнатѣ все таки лучше; давайте-ка, профессоръ, вынесемте его туда. Теперь, въ такую грозу, намъ никто не помѣшаетъ. И... знаете что? не проговоритесь какъ нибудь нечаянно...—прибавилъ онъ вполголоса, когда мы подняли носилки.—Ему не надо сообщать о томъ... вы понимаете?—Голосъ Янга прервался, носилки дрогнули у него въ рукахъ, и я понялъ, какъ ему было тяжело сдѣлать намекъ на недавнюю катастрофу.

Янгъ шелъ впереди и, когда мы вошли въ молельню, онъ вдругъ остановился, какъ вкопаный, съ громкимъ восклицаніемъ:—Э, да какой тутъ дьяволъ хозяйничалъ безъ насъ?—Не смотря на темноту по причинѣ грозы, намъ тотчасъ бросилось въ глаза, что здѣсь произошло что-то необыкновенное. Статуя Гуитцилопохтли валялась на полу, разбитая въ куски, и какъ разъ позади того мѣста, гдѣ она стояла, со стѣны обвалились золотыя чешуйки и въ ней чернѣла большая тре-

Digitized by Google

щина; сильный, удушливый запахъ сѣры стоялъ въ комнатѣ и когда я замѣтилъ это, мнѣ все стало ясно. Но Янгъ подозрительно обнюхивалъ воздухъ, когда мы осторожно опустили носилки на полъ, и наконецъ воскликнулъ испуганнымъ тономъ:—Здѣсь въ самомъ дѣлѣ шалилъ чортъ и на прощанье оставилъ свою адскую вонь!—Бѣдный товарищъ былъ до того испуганъ, что даже волосы встали у него дыбомъ. Я невольно улыбнулся на эти слова, приписывая ихъ разстройству нервъ Янга, потому что въ нормальномъ состояніи онъ былъ менѣе всего способенъ къ суевѣрію. Впрочемъ я поспѣшилъ прибавить успокоительнымъ тономъ:—Ну, отъ дьявола едва ли можно ожидать чего нибудь хорошаго: все это послѣдствія громоваго удара, убившаго силача-индѣйца. Развѣ вы не слышали, какъ съ вершины утеса посыпались въ долину обломки скалъ?

— Признаться, я думалъ то же самое,—отвѣчалъ немного сконфуженный Янгъ.—Вотъ отчего и съ Рейбёрномъ приключился обморокъ.—Ну, какъ вы чувствуете себя теперь, любезнѣйшій?—обратился онъ къ больному, очевидно желая выйти изъ неловкаго положенія и видя, что Рейбёрнъ пошевельнулся, услыхавъ свое имя.

— Мнѣ очень плохо,—отвѣчалъ тотъ.—Я чувствую онѣменіе во всѣхъ членахъ и дурноту. А гдѣ падре?

— Вы просто испугались грозы, — торопливо перебилъ Янгъ.—Вамъ вѣроятно представилось, что въ васъ ударило молніей; вѣдь вы никогда не отличались большимъ благоразуміемъ, Рейбёрнъ.

Больной слабо улыбнулся; вмѣсто отвѣта онъ только откинулъ голову на свернутое пальто, замѣнявшее ему подушку, и сомкнулъ глаза съ утомленнымъ видомъ. Находя, что мы ничего не можемъ сдѣлать болѣе для несчастнаго товарища и желая стряхнуть съ себя тяжелое настроеніе, Янгъ принялся тщательно осматривать разрушительные слѣды громоваго удара: онъ поворачивалъ обломки статуи, трогалъ золотыя пластинки и ощупывалъ трещину въ стѣнѣ; тѣмъ временемъ тучи немного разсѣялись и хотя раскаты грома все еще отдавались у насъ въ ушахъ, но черезъ отверстіе въ потолкѣ проникало теперь гораздо больше свѣта. Я подсѣлъ къ Рейбёрну, не обращая вниманія на Янга; сердце у меня облива-

Digitized by Google

лось кровью при воспоминаніи о трагическомъ концѣ любимаго друга, а тутъ еще эта медленная агонія Рейбёрна... Я чувствовалъ, какъ мрачное отчаяніе овладѣваетъ мною, и даже когда Янгъ позвалъ меня торопливымъ и взволнованнымъ тономъ, я продолжалъ молчать и не откликнулся ему, хотя смутно понималъ, что только что нибудь исключительное могло моментально пробудить его энергію.

— Профессоръ, слышите, профессоръ!—повторилъ онъ—вставайте и идите сюда. Нечего вамъ сидѣть такимъ истуканомъ, идите скорѣе! Я покажу вамъ кое-что интересное. Честное слово, это похоже на лазейку изъ нашей проклятой ямы!

Туть я вскочилъ на ноги и подбѣжалъ къ Янгу, стоявшему на колѣняхъ у задней стѣны молельни, какъ разъ позади того мѣста, гдѣ прежде возвышался идолъ, пока его не опрокинулъ громовой ударъ. Молнія очевидно проникла въ комнату именно въ этомъ пунктѣ, потому что здѣсь золотыя пластинки, покрывавшія стѣны въ видѣ рыбьей чешуи, отстали и три изъ нихъ совершенно отвалились прочь. Янгъ въ большомъ волненіи указалъ мнѣ на отверстіе позади нихъ, за которымъ виднѣлась не стѣна, вырубленная въ скалѣ, а темное пустое пространство, откуда тянуло холоднымъ воздухомъ.

— Это выходъ на волю, это выходъ на волю, говорю я вамъ!—воскликнулъ онъ.—Чувствуете, какъ дуетъ вѣтеръ? Еслибъ намъ удалось отодрать побольше этихъ дурацкихъ пластинокъ, мы бы улизнули отсюда, оставивъ въ дуракахъ верховнаго жреца со всѣмъ его проклятымъ кагаломъ. Давайтека, наляжемъ хорошенько вотъ на эту дощечку. Отдирайте ее, отдирайте изо всей силы!—И мы съ Янгомъ принялись соединенными усиліями за работу. Но у насъ ровно ничего не выходило. Мы съ такимъ же успѣхомъ могли надѣяться сдвинуть съ мѣста самую гору. Пластинка не подалась ни на волосъ. Янгъ, по своему обыкновенію, выпустилъ крѣпкое словечко и—признаюсь откровенно—я сочувствовалъ ему въ эту минуту. Потомъ мы стали пробовать золотую обшивку стѣны въ другомъ направленіи, воодушевляемые жаждой вырваться на свободу и спасти свою жизнь. Сердце у меня невыносимо колотилось въ груди, а всѣ жилы напряглись, точно готовыя лопнуть. Янгъ старался не меньше моего, обливаясь потомъ.

Digitized by Google

Наши руки были исцарапаны въ кровь, но все это оказывалось тщетнымъ.

— Нѣтъ, мы должны добиться своего!—твердилъ Янгъ, когда мы наконецъ рѣшились передохнуть, окончательно выбившись изъ силъ. — Здѣсь скрытъ какой нибудь потайной механизмъ. Если мы найдемъ его, то дверь поднимется сама собою. Ну, что, вы отдохнули немного, профессоръ? Примемтесь-ка теперь вонъ за ту дощечку: она какъ будто немного поотстала. Просуньте подъ нея пальцы и тащите за разъ со мною.

Мы немного наклонились и, собравшись съ силами, налегли вдвоемъ на дощечку. Послышался скрипъ металла, дощечка подалась съ легкостью, вовсе не соотвѣтствовавшей степени нашихъ усилій, и я вдругъ почувствовалъ такую нестерпимую боль въ своихъ пальцахъ, точно ихъ защемили раскаленными до красна тисками, а Янгъ громко взвылъ отъ боли; потомъ мы оба упали навзничь и передъ нами открылось широкое отверстіе въ стѣнѣ, послѣ того какъ большой кусокъ панели отскочилъ къ верху, причемъ золотыя доски скользнули одна подъ другую. Тутъ нашимъ глазамъ представилось свободное пространство.

— Чортъ возьми, какая адская боль!—пробормоталъ Янгъ, взявъ въ ротъ кончики своихъ прищемленныхъ пальцевъ. Мнѣ было тоже страшно больно, но мы забыли эту маленькую непріятность, спѣша осмотрѣть желанный выходъ изъ тюрьмы, открывшійся передъ нами такъ внезапно и съ такой ненужной стремительностью. Намъ было нетрудно поднять чрезвычайно искусно устроенную потайную дверь; за нею оказалось отверстіе въ человѣческій ростъ; черезъ него мы вступили въ узкій коридоръ, вырубленный въ скалѣ, который привелъ насъ въ комнату, почти такого же объема, какъ и молельня, откуда мы только что вышли; оба эти помѣщенія сообщались между собою двумя узкими разщелинами наверху промежуточной стѣны; они были ясно видны изъ второй комнаты, тогда какъ со стороны молельни ихъ маскировали золотыя пластинки, надвигавшіяся одна на другую. Вторая комната имѣла также отверстіе въ потолкѣ, куда проникалъ чистый воздухъ и дневной свѣтъ. Осмотрѣвшись вокругъ, я тотчасъ убѣдился, что, благодаря неожиданной случайности, по-

Digitized by Google

палъ наконецъ какъ разъ въ то мѣсто, гдѣ хранились сокровища царя Чальтзанцина, спрятанныя здѣсь тысячу лѣтъ назадъ.

По всѣмъ четыремъ стѣнамъ шли полки, грубо вырубленныя въ скалѣ, а на нихъ стояли рядами глиняные сосуды странной формы, разукрашенные странными девизами. Недавно пріобрѣтенныя мною свѣдѣнія помогли мнѣ разобрать ихъ; то были фигуры, изображавшія нѣчто въ родѣ принятыхъ у насъ въ геральдикѣ гербовъ, на поляхъ которыхъ были соединены символы царя съ символами различныхъ княжескихъ домовъ и племенъ. Тутъ же на полкахъ стояла оригинальной формы золотая посуда и квадратные ящики изъ золота, а рядомъ съ ними приблизительно два десятка маленькихъ идоловъ, вылѣпленныхъ изъ глины или грубо вырѣзанныхъ изъ камня; работа этихъ послѣднихъ была несравненно ниже той, какую мы видѣли на глиняныхъ и золотыхъ сосудахъ; съ перваго взгляда было видно, что эти фигурки представляютъ продуктъ болѣе ранняго времени. Но къ тому же вѣку, какъ и золотыя вещи, а, пожалуй, и къ позднѣйшему періоду, принадлежалъ замѣчательный по красотѣ календарный камень, тонко вырѣзанный на агатѣ. Онъ былъ совершенно сходенъ съ большимъ календарнымъ камнемъ, хранимымъ въ національномъ музеѣ въ Мексико, но только меньше его. Онъ помѣщался особо на рѣзномъ пьедесталѣ, а на другомъ концѣ комнаты, наиболѣе отдаленномъ отъ входа, возвышалась каменная фигура бога Чакъ-Мооля. На календарномъ камнѣ лежалъ предметъ, который я принялъ сначала за самострѣлъ, сдѣланный изъ золота, но при болѣе тщательномъ осмотрѣ убѣдился—особенно принимая во вниманіе мѣсто, гдѣ я его нашелъ — что это была астролябія, которая въ не очень отдаленные вѣка, до изобрѣтенія квадранта, употреблялась европейцами для опредѣленія меридіональной высоты солнца и звѣздъ.

Въ ту минуту, когда я сдѣлалъ это крайне любопытное и интересное открытіе, Янгъ, осматривавшій сокровищницу въ другомъ направленіи, вскрикнулъ отъ радости и подскочилъ ко мнѣ, размахивая парой собственныхъ пистолетовъ. Вотъ они, всѣ тутъ!—ликовалъ онъ.—И наши ружья, и патроны, все цѣло! Ну, теперь мы не дадимся въ руки дьяво-

Digitized by Google

ламъ—жрецамъ!—Услыхавъ эти слова, я самъ задрожалъ отъ радости, заранѣе наслаждаясь возможностью отомстить убійцамъ фра-Антоніо. Но у меня тутъ же мелькнула мысль, что ацтланеки дѣйствовали согласно своимъ воззрѣніямъ и если кто нибудь изъ нихъ былъ виноватъ, такъ только одинъ верховный жрецъ, для котораго въ самомъ дѣлѣ нельзя было придумать достаточно лютой казни. Значитъ, мщеніе темнымъ людямъ съ нашей стороны было бы безполезной жестокостью. Слѣдуя за нитью собственныхъ мыслей, я отвѣчалъ Янгу:

— По крайней мѣрѣ, мы можемъ застрѣлиться, чтобы избѣгнуть мучительной смерти подъ жертвеннымъ ножемъ.

— Вотъ еще выдумали! что намъ за нужда стрѣляться?— съ жаромъ возразилъ Янгъ. — Теперь ужъ надъ нами не будутъ совершать дурацкихъ церемоній и кривляться вокругъ насъ, собираясь перерѣзать намъ горло. Нѣтъ, шалишь, мы не останемся здѣсь ни за какіе пряники, преспокойно улизнемъ отсюда и благополучно вернемся восвояси.

— Но какимъ образомъ?—спросилъ я съ испугомъ, потому что заманчивая надежда выйти изъ тюрьмы исчезла у меня, какъ только я убѣдился, что изъ этой комнаты нѣтъ другаго выхода, кромѣ отверстія въ потолкѣ; потокъ воздуха дулъ оттуда, и это обстоятельство ввело меня въ заблужденіе. Когда Янгъ заговорилъ такимъ самонадѣяннымъ тономъ, я испугался, полагая, что онъ спятилъ съ ума.

— Какимъ образомъ? — переспросилъ онъ,—ну, конечно, черезъ Джека-Мулинса. Эта статуя качается. Я ужъ попробовалъ ее, пока вы рылись въ негодномъ старомъ хламѣ; но тутъ мнѣ бросилось въ глаза наше оружіе и я побѣжалъ къ нему. Пойдемте къ Джеку. Подсуньте что нибудь подъ него, когда онъ поднимется.

Я былъ до того пораженъ изумленіемъ и радостью при словахъ Янга, что машинально повиновался товарищу. Тотъ съ важной миной усѣлся на голову истукана и когда каменное изваяніе вмѣстѣ съ подножіемъ, на которомъ оно стояло, приняло наклонное положеніе, а подъ его пьедесталомъ открылось темное отверстіе, я поспѣшилъ подпереть статую массивной золотой дощечкой, которая служила крышкой одному изъ ящиковъ, стоявшихъ на полкѣ.

Digitized by Google

— Намъ не слѣдуетъ обоимъ за разъ спускаться туда, — замѣтилъ Янгъ, когда спрыгнулъ съ головы Чакъ-Мооля и мы заглянули въ темное пространство подъ поломъ.—Мулинсъ, пожалуй, сдуру вздумаетъ подняться, пока мы будемъ внизу, а тогда Рейбёрну съ Пабло придется плохо. Лучше я одинъ спущусь по ступенямъ и посмотрю, что тамъ есть; а вы наблюдайте за этимъ болваномъ, чтобъ онъ не надѣлалъ глупостей.—Говоря такимъ образомъ, грузовой агентъ прыгнулъ внизъ.

Черезъ пять минутъ онъ вылѣзъ обратно.—Не скажу, чтобъ это было самое пріятное мѣстечко, какое только мнѣ доводилось встрѣчать,—началъ онъ,—но я полагаю, что мы можемъ имъ воспользоваться. Въ подпольѣ есть комната, а задній ходъ изъ нея ведетъ въ огромнѣйшую пещеру. Въ пещерѣ, какъ мнѣ показалось, есть тропинка—хотя тамъ дьявольски темно—а такъ какъ всѣ дорожки обыкновенно имѣютъ два конца, то и по этой мы куда нибудь добредемъ. Вѣдь здѣсь намъ нельзя оставаться, значитъ, надо искать выхода и чѣмъ скорѣе мы перенесемъ Рейбёрна внизъ, тѣмъ лучше. Когда онъ будетъ въ безопасности, можно приступить къ основательному осмотру пещеры, благо у насъ сохранились большіе запасы спичекъ. Давайте, примемтесь за дѣло, профессоръ. Конечно, жаль переносить Рейбёрна въ темную яму, гдѣ онъ будетъ чувствовать себя также нехорошо, какъ и въ своемъ теперешнемъ чуланѣ. Но, по моему, лучше ужь уморить его такимъ путемъ, чѣмъ оставить во власти безбожныхъ варваровъ. Ну, давайте дѣйствовать; берите прежде всего свое оружіе.

Съ этими словами Янгъ застегнулъ на себѣ поясъ, на которомъ висѣли револьверы, и перебросилъ черезъ плечо ружье; я послѣдовалъ его примѣру съ необыкновенно радостнымъ чувствомъ. Что же касается Янга, то сознаніе своей силы точно прибавило ему роста дюйма на два. Онъ молодецки пріосанился и зашагалъ впередъ.

Digitized by Google

XXXVI.

Мщеніе боговъ.

Не успѣли мы вооружиться на всякій случай, какъ наступилъ критическій моментъ, вынуждавшій насъ къ самозащитѣ; только что мы собирались выйти изъ кладовой сокровищъ, какъ услыхали скрипъ поднимаемой рѣшетки у входа въ нашу темницу. Это заставило насъ обоихъ на минуту остановиться, потомъ Янгъ сдѣлалъ мнѣ знакъ слѣдовать за нимъ неслышными шагами; поднявшись обратно въ молельню, мы услыхали вторичный скрипъ рѣшетки, скользившей по металлическимъ пазамъ, и поняли, что теперь ее опускаютъ.—Можетъ быть, это пришелъ тотъ безобидный малый, что̀ роется въ старомъ хламѣ?—прошепталъ Янгъ.—Впрочемъ, идите осторожно, профессоръ, и держите оружіе наготовѣ. Если кто нибудь вошелъ, онъ не долженъ выйти обратно. Только не стрѣляйте раньше времени. Если непріятелей два-три человѣка, лучше попробовать убить ихъ ружейными прикладами; иначе звукъ выстрѣловъ можетъ привлечь сюда цѣлый отрядъ войска, прежде чѣмъ мы успѣемъ снести внизъ Рейбёрна.

Пока онъ говорилъ эти разумныя рѣчи, мы убѣдились, что кто-то вошелъ въ наше отдѣленіе тюрьмы, послѣ чего за нимъ заперли рѣшетку; въ комнатѣ, гдѣ мы обыкновенно спали, раздались чьи-то шаги. Они мало по малу подвигались все ближе, какъ будто невидимый нами человѣкъ заглядывалъ во всѣ остальныя комнаты, отыскивая насъ; черезъ минуту или двѣ мы ожидали увидѣть его передъ собой. Рейбёрнъ лежалъ неподвижно, точно въ обморокѣ; а Пабло, какъ мы догадывались по его громкимъ рыданіямъ, пошелъ въ каморку, служившую стойломъ Эль-Сабіо, чтобы отвести тамъ свою душу. Янгъ сдѣлалъ мнѣ знакъ встать по одну сторону двери въ молельню, а самъ всталъ по другую; притаившись такимъ образомъ, мы ждали, что̀ будетъ дальше; быстрые шаги приближались къ намъ и мы были готовы отрѣзать отступленіе неизвѣстному, едва онъ вступитъ въ комнату.

Человѣкъ, вошедшій въ молельню,—былъ самъ верховный жрецъ! При видѣ разбитаго идола и отверстія въ стѣнѣ,

Digitized by Google

позади того мѣста, гдѣ онъ стоялъ, у старика вырвался возгласъ испуга и гнѣва; въ ту же минуту, инстинктивно почувствовавъ опасность, онъ оглянулся кругомъ. На одну секунду наши взгляды встрѣтились, и я никогда не забуду адской ненависти, исказившей его черты, и первнаго жеста отчаянія, когда онъ увидѣлъ Янга съ поднятымъ ружьемъ въ рукахъ. Не давъ ему крикнуть, грузовой агентъ ударилъ его тяжелымъ прикладомъ по черепу и Итцакоатль упалъ съ глухимъ стономъ. Еслибъ ударъ былъ направленъ болѣе метко, онъ раздробилъ бы ему черепъ, но верховный жрецъ уклонился немного въ сторону и прикладъ, скользнувъ по его головѣ, обрушился на плечо. Янгъ, бросивъ ружье, кинулся на врага, надавилъ ему колѣномъ грудь и сталъ душить за горло.

Исключая Рейбёрна, Янгъ былъ самымъ сильнымъ человѣкомъ, какого я только зналъ, хотя въ то время онъ, разумѣется, ослабѣлъ послѣ тяжелой раны и лишеній въ тюрьмѣ. Теперь ему было трудно справиться со своей жертвой и онъ только не давалъ ей подняться съ земли. Съ энергіей отчаянія и дикой силой, которой никакъ нельзя было предположить въ такомъ тщедушномъ и дряхломъ старикѣ, верховный жрецъ боролся со своимъ противникомъ, стараясь столкнуть его съ себя и также схватить за горло своими длинными костлявыми руками. Пѣна выступила у него на губахъ, а морщинистое бронзовое лицо почернѣло отъ прилива крови; кровавые бѣлки глазъ до половины выкатились изъ орбитъ, а черные зрачки расширились отъ ужаса и напряженія. Но силы очевидно оставляли злодѣя; его напряженные мускулы ослабѣвали, изъ открытаго рта высунулся почти до самаго корня нервно вздрагивавшій языкъ; наконецъ ноги и руки Итцакоатля судорожно дрогнули, вытянулись—и онъ остался недвижимъ.

Еще минуты двѣ Янгъ не выпускалъ изъ рукъ его горла. Потомъ онъ поднялся на ноги, тяжело дыша и пошатываясь, вытеръ крупныя капли пота, выступившія на лбу, и воскликнулъ, презрительно толкнувъ ногою бездыханный трупъ:—Вотъ я и отправилъ тебя къ сатанѣ! Что, солоно пришлось тебѣ за смерть нашего падре? Клянусь честью, никогда еще въ жизни не сдѣлалъ я такого отличнаго дѣла!

Отчаянная борьба на смерть между этими двумя людьми

Digitized by Google

произошла безъ всякаго шума. Во время ея, Рейбёрнъ не выходилъ изъ своего мертвеннаго оцѣпененія, а Пабло, хотя и былъ недалеко, но ничего рѣшительно не слышалъ.

— Ну, профессоръ, теперь намъ надо поторопиться,—сказалъ Янгъ, отдышавшись немного.—Прежде всего, нужно закрѣпить рѣшетку съ нашей стороны, чтобы никто не могъ поднять ее и войти сюда, пока мы не готовы. Я надѣюсь устроить такимъ образомъ, что непріятели провозятся съ ней часа два, а тѣмъ временемъ мы успѣемъ уйти далеко.

— Мой планъ еще проще,—возразилъ я, направляясь съ нимъ къ выходу.—Бьюсь объ закладъ, что только одинъ верховный жрецъ зналъ о существованіи подземной двери, ведущей въ кладовую сокровищъ. Если намъ удастся приладить на старое мѣсто три золотыя доски и запереть за собою дверь, то мы будемъ въ полной безопасности отъ всякаго преслѣдованія.

— Отлично!—воскликнулъ Янгъ.—Говоря откровенно, я не ожидалъ встрѣтить въ васъ столько здраваго смысла. Это великолѣпная выдумка, и я постараюсь привести ее въ исполненіе, но все же намъ необходимо, прежде всего, оградить себя со стороны входа.

Приближаясь къ рѣшеткѣ, мы увидали за нею двоихъ храмовыхъ стражей, очевидно дожидавшихся возвращенія верховнаго жреца; эти люди посмотрѣли на насъ съ такой явной подозрительностью, что я отчаивался въ успѣхѣ.—Поговорите съ ними,—шепнулъ мнѣ Янгъ,—болтайте о чемъ ни попало: о послѣднихъ событіяхъ, о разведеніи цыплятъ, словомъ обо всемъ, что̀ вамъ взбредетъ въ голову, а я тѣмъ временемъ посмотрю, что̀ можно сдѣлать.

Янгъ сгорбился позади меня, чтобъ его не было видно, пока я подходилъ къ рѣшеткѣ. Мнѣ дѣйствительно удалось завести разговоръ съ солдатами, лица которыхъ немного прояснились, когда я передалъ имъ приказаніе верховнаго жреца, чтобъ они обождали его немного. Потомъ я ловко перевелъ бесѣду на недавнее происшествіе съ Эль-Сабіо и принялся разсказывать про злаго духа, вселившагося въ него, а также про другихъ нечистыхъ духовъ, которыхъ мнѣ случалось видѣть въ жизни. Мои собесѣдники не на шутку заинтересовались такимъ предметомъ разговора. Болтая съ ними, я услы-

Digitized by Google

халъ тихій, звенящій звукъ, какъ будто скрипъ металла, трущагося о камень. Но если солдаты услыхали его, то не обратили на это вниманія. Потомъ Янгъ прошепталъ мнѣ:—Ну, теперь мы въ безопасности, пойдемте прочь.—Я поспѣшилъ докончить вымышленную исторію объ ослахъ, одержимыхъ демонами, и мы оба ушли въ глубину коридора, стараясь не обнаруживать ни малѣйшей торопливости.

— Мнѣ не составило никакого труда запереться изнутри,—сказалъ наконецъ грузовой агентъ съ торжествующимъ видомъ.—Тутъ я нашелъ большой золотой крюкъ, который вставлялся въ петлю, чтобы рѣшетку нельзя было поднять,—мнѣ оставалось только задвинуть его, что я и сдѣлалъ. По моему, чтобы отодвинуть такой засовъ, понадобится прибѣгнуть къ домкрату; а если азтланеки ухитрятся сдѣлать это инымъ способомъ, то провозятся съ рѣшеткой добрыхъ полчаса. Если ваше предположеніе вѣрно, что никто не знаетъ о существованіи опускной двери, то тогда мы въ полной безопасности.

Я былъ вполнѣ увѣренъ, что никто не зналъ о потаенномъ ходѣ, кромѣ верховнаго жреца да еще развѣ архиваріуса; но старику рѣшительно не было ничего извѣстно о сокровищахъ Чальтзанцина, хотя онъ и имѣлъ свободный доступъ въ нѣкоторыя отдѣленія сокровищницы, поэтому я съ большой радостью принялся помогать Янгу, насколько мои неискусныя руки могли оказать ему помощь; мы укрѣпили золотыя дощечки на прежнихъ мѣстахъ, откуда онѣ были сорваны молніей, и эта починка была произведена такъ ловко, благодаря искусству Янга, что потайная дверь снова была совершенно замаскирована; вообще мы уничтожили всѣ слѣды громоваго удара, опрокинувшаго статую. Когда наша работа приходила уже къ концу, до насъ долетѣли голоса солдатъ, окликавшихъ верховнаго жреца, сначала тихо, потомъ громче; наконецъ они крикнули оба за разъ, очевидно стараясь поднять дружнымъ усиліемъ тяжелую рѣшетку и тутъ, вѣроятно, убѣдились, что она заперта снизу на крючокъ. Слѣдующія десять минутъ были полны для меня самаго тревожнаго, напряженнаго ожиданія, какое я когда либо испытывалъ въ моей жизни. Не смотря на крѣпкій внутренній запоръ, мы боялись, что азтланеки съумѣютъ какимъ нибудь образомъ отворить

Digitized by Google

рѣшетку снаружи; въ крайнемъ случаѣ, они могли прорубить ее и ворваться къ намъ. Слѣдовало какъ можно скорѣе выбраться изъ молельни и затворить за собою опускную дверь; между тѣмъ многое препятствовало нашей поспѣшности: Рейбёрнъ не могъ двигаться самъ и по прежнему лежалъ въ безпамятствѣ, а Пабло почти помѣшался отъ горя и не понималъ, чего мы отъ него требуемъ. Видъ разбитаго на куски истукана, мертваго тѣла верховнаго жреца и отворенной двери въ каменной стѣнѣ до того поразили бѣднаго малаго, что онъ утратилъ остатки своей сообразительности; намъ пришлось почти насильно тащить его—къ счастію, Эль-Сабіо безъ принужденія послѣдовалъ за своимъ господиномъ. Благополучно водворивъ ихъ въ кладовой сокровищъ, мы вернулись обратно за Рейбёрномъ. Поднимая носилки съ умирающимъ, мы вздрогнули отъ испуга, потому что массивная рѣшетка у главнаго входа издала страшный трескъ; очевидно, ее разбивали чѣмъ нибудь въ родѣ тарана.

— Ну, нагрянула бѣда!—пробормоталъ сквозь зубы Янгъ и прибавилъ, когда мы опустили носилки въ коридорѣ, чтобы запереть за собою опускную дверь: — А что, если вы ошиблись, профессоръ, и жрецы знаютъ о нашемъ тайномъ убѣжищѣ? Тогда, конечно, мы пропали, но мнѣ пріятно думать, что если враги и доберутся до насъ, то мы предварительно зададимъ перцу этимъ грязнымъ дикарямъ нашими винтовками и пулями.

Крѣпкая рѣшетка вторично затрещала, на этотъ разъ однако слабѣе, такъ какъ опущенная дверь заглушила рѣзкость звука; но въ самой кладовой звукъ слышался яснѣе черезъ пробоины въ стѣнѣ. Мы съ Янгомъ осторожно подняли Рейбёрна съ носилокъ, насколько позволяла наша поспѣшность и неудобство узкаго коридора, послѣ чего снесли его съ лѣстницы въ нѣсколько ступеней, которая вела изъ-подъ пьедестала статуи Чакъ-Мооля въ маленькую комнату, вырубленную въ скалѣ. Тутъ мы опять положили его на носилки, а затѣмъ безъ церемоніи спустили въ подземелье Пабло и Эль-Сабіо. Отверстіе было еще меньше того, черезъ которое мы вышли изъ пещеры смерти, и какимъ образомъ могъ Эль-Сабіо протиснуться въ него, останется для меня навсегда неразрѣшимой загадкой. Пока все это совершалось, черезъ

Digitized by Google

прорѣзы въ стѣнѣ мы продолжали слышать удары въ рѣшетку, сопровождаемые трескомъ, окликами и протяжнымъ воемъ; рѣшетчатая дверь, конечно, должна была уступить такому сильному натиску въ непродолжительномъ времени, а потому слѣдовало каждую минуту ожидать вторженія враговъ въ сокровищницу. Если я былъ правъ, полагая, что верховный жрецъ одинъ зналъ о потайномъ ходѣ изъ молельни, то намъ не грозило непосредственной опасности и мы могли предварительно сдѣлать осмотръ пещеры, прежде чѣмъ навсегда запереть за собою выходъ, поставивъ статую на прежнее мѣсто. Если же я ошибся, намъ не оставалось другаго средства отсрочить свою гибель, какъ спуститься въ непроглядный мракъ пещеры, безповоротно отрѣзавъ себѣ всякій путь къ отступленію.

Поэтому, прежде всего слѣдовало выждать, что̀ предпримутъ наши враги, когда проникнутъ въ молельню и, не нашедши насъ тамъ, увидятъ осколки идола рядомъ съ бездыханнымъ трупомъ верховнаго жреца. Съ цѣлью наблюденія за ними, мы съ Янгомъ вернулись въ кладовую и влѣзли на выступъ стѣны, сдѣланный тутъ какъ будто нарочно; съ этого мѣста была видна вся молельня черезъ узкіе прорѣзы въ стѣнѣ. Намъ пришлось недолго ждать; раздался оглушительный трескъ, звонъ металла и грохотъ посыпавшихся камней, затѣмъ крикъ торжества и топотъ быстрыхъ шаговъ. Въ одну минуту молельня наполнилась солдатами и жрецами; всѣ они дико завывали, точно черти; но вдругъ этотъ пронзительный концертъ оборвался; вбѣжавшая толпа замерла отъ испуга, увидѣвъ мертвое тѣло верховнаго жреца посреди обломковъ ниспровергнутаго идола. Къ довершенію всего, плѣнники, заключенные въ несокрушимыхъ стѣнахъ, исчезли безъ слѣда, точно ихъ поглотила земля. Послѣ минуты всеобщаго остолбененія, послышался сначала ропотъ, сдержанныя рыданія, потомъ стоны и крики ужаса. Обезумѣвшіе отъ страха язычники пали ницъ, взывая къ своимъ богамъ, совершившимъ столько чудесъ.

У Янга вырвался глубокій вздохъ облегченія и, вмѣстѣ съ энергическимъ ругательствомъ, онъ шепнулъ мнѣ на ухо:—Они не бросились къ двери, все благополучно!—При взглядѣ на пораженныхъ страхомъ азтланековъ, мнѣ пришла въ го-

Digitized by Google

лову счастливая мысль, за которую я тотчасъ и ухватился.—Берите свои револьверы,—шепнулъ я товарищу,—и просуньте ихъ въ это отверстіе. Цѣльте вверхъ, чтобъ никого не задѣть, а когда я начну стрѣлять, дѣлайте то же самое и какъ можно быстрѣе. Помните, что надо быть осторожнымъ,—прибавилъ я, угадавъ по лицу Янга, что его такъ и тянетъ выстрѣлить въ толпу. Вмѣсто отвѣта, онъ кивнулъ головою въ знакъ согласія, хотя въ его чертахъ выразилась досада. Впрочемъ, онъ повиновался мнѣ и направилъ дуло оружія къ верху. —Ну, теперь стрѣляйте,—сказалъ я и мы съ необычайной быстротой сдѣлали вмѣстѣ двадцать четыре выстрѣла сквозь отверстія въ стѣнѣ. Конечно, многіе изъ присутствующихъ были задѣты пулями, отскакивавшими отъ каменной стѣны, но я знаю навѣрное, что никто не былъ убитъ.

Когда мы прекратили огонь, въ молельнѣ нельзя было ничего разсмотрѣть по причинѣ пороховаго дыма, но такихъ раздирающихъ криковъ и завываній, какіе раздавались тамъ, я навѣрно никогда не услышу. Переждавъ, пока этотъ дикій гамъ немного успокоится, я приложилъ губы къ одному изъ отверстій и заговорилъ, стараясь подражать голосу фра-Антоніо:—Вотъ мщеніе великаго бога чужеземцевъ!

Невозможно описать дѣйствія моихъ словъ. Звукъ нашихъ выстрѣловъ произвелъ такое сотрясеніе, что отъ скалы между золотою обшивкой и наружной поверхностью стѣны оторвалась большая глыба и рухнула наземь во время моей рѣчи, безвозвратно закрывъ дверное отверстіе.

— Вотъ такъ штука!—сказалъ Янгъ, снова заряжая свои револьверы,—дикарямъ, конечно, померещилось, что всѣ дьяволы вырвались изъ преисподней и сейчасъ обрушатся на нихъ; если имъ удастся вырваться на волю, они скорѣе позволятъ содрать съ себя шкуру живьемъ, чѣмъ опять вернуться сюда. Но что такое сказали вы имъ? Мнѣ было такъ смѣшно, когда вы заговорили голосомъ падре. Впрочемъ, не казалось ли вамъ, что обнаруживать наше присутствіе было немного рискованно?

Но когда я перевелъ на англійскій языкъ произнесенныя мною слова, Янгъ съ важностью пожалъ мнѣ руку.—Простите, я былъ несправедливъ къ вамъ, профессоръ,—торжественно произнесъ онъ.—Порой, вы казались мнѣ какимъ-то

Digitized by Google

младенцемъ, но если кто нибудь выказалъ бо́льшую находчивость, чѣмъ вы въ данномъ случаѣ, я бы хотѣлъ знать, что́ такое онъ сдѣлалъ и кто такой онъ былъ. Вѣдь если всѣ эти жрецы и солдаты разскажутъ остальнымъ про разбитаго идола, про смерть верховнаго жреца, про наше непонятное исчезновеніе, страшные выстрѣлы, и про голосъ съ того свѣта, напомнившій имъ о христіанскомъ Богѣ, всѣ азтланеки сдѣлаются христіанами.

То же самое думалъ и я, когда захотѣлъ напугать дикарей, и только впослѣдствіе раскаялся въ своей поспѣшности; мнѣ, конечно, не слѣдовало прибѣгать къ такому грубому обману: и фра-Антоніо не одобрилъ бы моего поведенія. Я дѣйствовалъ на темныхъ людей путемъ запугиванія, что́ представляетъ также родъ насилія, тогда какъ нашъ умершій другъ, сообразно своему кроткому и нѣжному характеру, старался вліять на ближнихъ силой любви и разумнаго убѣжденія.

XXXVII.

Сквозь мракъ къ свѣту.

— Полагаю, что намъ нечего бояться теперь со стороны этихъ дьяволовъ,—замѣтилъ Янгъ, когда мы спускались съ выступа стѣны, на которомъ стояли.—Однако, времени все-таки терять не слѣдуетъ; чѣмъ скорѣе мы найдемъ выходъ изъ пещеры, тѣмъ лучше. Только прежде всего пойдемте взглянуть на Рейбёрна. Кажется, ему никогда не было такъ худо, какъ сегодня. Недаромъ онъ не шелохнулся среди всего этого гама и возни, да еще позволялъ намъ вертѣть собою, какъ угодно, когда мы переносили его, точно онъ былъ мѣшокъ съ овсомъ, а не живой человѣкъ. Впрочемъ, вѣдь мы дѣлали все это для его же блага. Сознавая себя въ безопасности, онъ скорѣе оправится даже при недостаткѣ солнца и свѣжаго воздуха. Но... о, Господи, Боже мой! Какъ было бы хорошо выбраться опять на свѣжій воздухъ и солнечный свѣтъ!

Мы спустились по ступенямъ въ маленькое углубленіе въ скалѣ, гдѣ лежалъ Рейбёрнъ, и снова нашли его въ безпа-

Digitized by Google

мятствѣ. Пабло и Эль-Сабіо ютились тутъ же, взаимно поддерживая другъ друга въ тяжеломъ испытаніи. Бѣдный осликъ сдѣлался очень печальнымъ; долгое заключеніе отняло у него прежнюю живость, но тупая покорность, въ которую онъ впалъ, была, при настоящихъ обстоятельствахъ, какъ нельзя болѣе кстати. Что же касается Пабло, то я не на шутку боялся за его разсудокъ.

Въ тѣсномъ чуланчикѣ было совсѣмъ темно и Янгъ зажегъ спичку, чтобы начать свой осмотръ.—Пусть меня застрѣлятъ,—воскликнулъ онъ, когда вспыхнувшій восковой фитиль распространилъ вокругъ насъ яркое сіяніе,—да, пусть меня застрѣлятъ, если это не кондукторскій фонарь виситъ вонъ на той стѣнѣ, а это—не лейка съ керосиномъ.—Когда фонарь былъ зажженъ и буквы F. C. C. ясно выступили на стеклѣ, грузовой агентъ прибавилъ еще съ бо̀льшимъ изумленіемъ:

— Эге-ге, да эта штука принадлежитъ одному изъ служащихъ на Центральной желѣзной дорогѣ—„Ferro Carril Central“; но какимъ образомъ подобныя вещи могли попасть сюда? А вотъ еще старое платье, какая-то ветошь, въ которую наряжались здѣшніе черномазые черти; а вотъ и еще находка,—продолжалъ Янгъ, поднимая съ земли сложенную бумажку.—Какъ это вамъ понравится? Билетъ Мексиканской Центральной желѣзной дороги отъ Леона до Силао! Онъ помѣченъ какимъ-то числомъ іюня нынѣшняго года и пробитъ только въ одномъ мѣстѣ; значитъ, владѣлецъ его проѣхалъ не все пространство между этими двумя городами. Да скажите мнѣ, наконецъ, профессоръ, сплю я или бодрствую?

Пока я разсматривалъ различные предметы, найденные нами въ такомъ неподходящемъ мѣстѣ, мнѣ мало по малу стало все понятно и тутъ же у меня явилась увѣренность, что передъ нами лежитъ открытый и безопасный путь къ свободѣ. Мои предположенія, что верховный жрецъ сообщался съ внѣшнимъ міромъ, подтвердились теперь воочію. Платье, которое онъ носилъ во время своихъ экспедицій въ девятнадцатое столѣтіе, фонарь, украденный имъ, чтобы легче найти дорогу въ пещерѣ, наконецъ желѣзнодорожный билетъ, по которому онъ совершилъ свое послѣднее путешествіе, все это были неопровержимыя вещественныя доказательства, что

Digitized by Google

Итцакоатль ловко водилъ за носъ избранный народъ азтланековъ. Недаромъ архиваріусъ говорилъ мнѣ, что верховный жрецъ удалялся по нѣскольку разъ въ годъ на нѣкоторое время въ одну изъ комнатъ сокровищницы, гдѣ пребывалъ безъ пищи и питья, сообщаясь со своими богами. Вѣроятно, онъ самъ или одинъ изъ его предшественниковъ, которому также былъ извѣстенъ потайной выходъ изъ долины, устроилъ запоръ изнутри, чтобы никто не могъ проникнуть въ сокровищницу во время его отсутствія; благодаря этой предосторожности, мы спасли свою жизнь.

— Хорошо,—сказалъ Янгъ, когда я вкратцѣ объяснилъ ему все это,—старый обманщикъ не будетъ больше отводить глаза никому на свѣтѣ, а теперь намъ съ вами надо поискать дорогу. Потомъ мы опять вернемся на верхъ, чтобъ захватить оттуда вещи поцѣннѣе, но прежде всего надо позаботиться о Рейбернѣ и вынести его туда, гдѣ онъ можетъ свободно дышать; до тѣхъ поръ мы должны быть осторожными на всякій случай; дурака Пабло необходимо поставить на лѣстницу и втолковать въ его глупую башку, что если онъ услышитъ вверху шаги, то пусть вытащитъ подпорку изъ подъ статуи Мулинса и поставитъ ее на прежнее мѣсто, а потомъ завалитъ снизу ходъ большимъ камнемъ. Конечно, нельзя ожидать, чтобы кто нибудь отважился войти въ сокровищницу послѣ сегодняшняго переполоха, да еслибъ даже здѣшніе жители и расхрабрились настолько, то бѣда не велика: имъ навѣрно неизвѣстенъ фокусъ, который продѣлываетъ Мулинсъ; бьюсь объ закладъ на цѣлую бочку пива, что верховный жрецъ скрывалъ ото всѣхъ эту хитрую механику. Слишкомъ хитеръ былъ старый злодѣй и лукавъ, какъ лисица, недаромъ ему удавалось дурачить всѣхъ своихъ подданныхъ. Я очень радъ, что мнѣ привелось задавить эту старую гадину, но все таки надо отдать ему справедливость: уменъ былъ шельма, очень уменъ, не такъ ли, профессоръ?

При ненормальномъ состояніи Пабло, съ нашей стороны было бы немного рискованно довѣрить ему такой отвѣтственный постъ, еслибъ мы, въ самомъ дѣлѣ, предвидѣли возможность вторженія враговъ въ кладовую царя Чальзанцина; но, благодаря скрытности верховнаго жреца, намъ нечего было опасаться и мы поступили такъ только изъ благоразумной предосторожности.

Digitized by Google

Рейбёрнъ былъ оставленъ нами въ каморкѣ внизу лѣстницы. Сдѣлавъ послѣднія распоряженія, мы прошли черезъ разщелину въ скалѣ,—образовавшуюся, повидимому, естественнымъ путемъ,—и вступили въ пещеру такого громаднаго объема, что свѣтъ нашего фонаря не достигалъ ни до ея потолка, ни до задней стѣны. Хотя протоптанная тропинка, по которой мы пошли, поднималась въ гору и была довольно крута, мы безъ особенныхъ усилій подвигались впередъ, потому что большіе камни, усыпавшіе полъ пещеры, были тщательно сдвинуты въ сторону и не попадались подъ ноги. Только въ одномъ мѣстѣ тропинка огибала обрывъ надъ темной пропастью—откуда доносился шумъ воды—и здѣсь нашъ путь становился нѣсколько опасенъ.

Мы продолжали подниматься, по крайней мѣрѣ, часъ времени, послѣ чего повернули за уголъ и увидали передъ собою слабый свѣтъ. Но онъ виднѣлся такъ далеко, что его можно было замѣтить только закрывъ фонарь и на минуту зажмуривъ глаза; когда же мы сдѣлали еще одинъ поворотъ, то не сомнѣвались болѣе, что вдали виднѣется свѣтлое пространство. Янгъ крикнулъ отъ радости и мы ускорили шаги, желая поскорѣе насладиться видомъ солнечныхъ лучей. Вдругъ дорожка повернула внизъ, а за третьимъ поворотомъ въ пещерѣ сдѣлалось такъ свѣтло, что намъ не было болѣе надобности въ фонарѣ; подъ вліяніемъ невольнаго порыва, мы крикнули на этотъ разъ оба вмѣстѣ и бросились впередъ бѣгомъ; наконецъ послѣдній поворотъ привелъ насъ къ выходу изъ пещеры и передъ нашими глазами, какъ олицетвореніе приволья и свободы, открылась обширная равнина, утопавшая въ яркомъ дневномъ сіяніи. Мы точно окаменѣли отъ изумленія и радости, потому что никакія слова не могли выразить волновавшихъ насъ восторженныхъ чувствъ. И вдругъ легкій вѣтерокъ донесъ до нашего слуха отрывистые звуки свистка со стороны долины. Они раздавались совершенно явственно, не смотря на далекое разстояніе. Янгъ вздрогнулъ, заслышавъ знакомый сигналъ, и, обратясь ко мнѣ съ поднятой рукой, вымолвилъ дрожащимъ голосомъ:

— Профессоръ, это свистокъ локомотива! Ишь какъ заливается, лѣшій эдакій! — такими нелѣпыми словами, имѣв-

Digitized by Google

шими для насъ однако глубокій смыслъ, привѣтствовалъ грузовой агентъ наше освобожденіе.

Въ скоромъ времени мы вернулись къ Рейбёрну; идти по знакомой дорогѣ, да еще подъ гору, было, конечно, легче, и мы недолго замѣшкались на обратномъ пути. Увидавъ наши радостныя лица, больной товарищъ немного ожилъ и ободрился.

— Собирайтесь съ силами, дружище! — весело крикнулъ Янгъ.—Мы отыскали, наконецъ, выходъ изъ этой проклятой ямы; скоро вы опять увидите божье солнышко и подышете свѣжимъ воздухомъ, который необходимъ для каждаго бѣлаго, какъ пища и питье.

При этихъ словахъ, глаза Рейбёрна еще болѣе прояснѣли, на его мертвенно блѣдныхъ щекахъ даже заигралъ румянецъ, когда мы сказали ему, что нашли прямой путь къ жизни и свободѣ.

— Гдѣ же нашъ падре?—спросилъ раненый, когда мы подняли носилки, а Пабло, съ фонаремъ въ рукѣ и съ Эль-Сабіо въ поводу, зашагалъ впереди. Къ счастью, Рейбёрнъ не видѣлъ лица Янга, когда тотъ проговорилъ:

— Падре?.. Онъ ушелъ впередъ. А вы не болтайте много, Рейбёрнъ, вамъ это вредно; да и намъ трудно разговаривать, неся такую ношу. Ну, двигайтесь, профессоръ! А ты, Пабло,— прибавилъ грузовой агентъ ломанымъ испанскимъ языкомъ,— смотри: осторожнѣе неси фонарь, не то я какъ разъ проломлю тебѣ башку.

Хотя Рейбёрнъ страшно исхудалъ, однако намъ было тяжело нести его въ гору, даже еслибъ мы сами были здоровы и сильны, но жизнь въ заточеніи изнурила насъ и мы съ трудомъ подвигались по скалистому грунту; только надежда и радость поддерживали наши ослабѣвшія силы. При подобныхъ условіяхъ, нашъ переходъ совершался чрезвычайно медленно; мы часто останавливались для отдыха и солнце опустилось уже до уровня отдаленныхъ горъ на горизонтѣ, когда нашъ кортежъ достигъ края обширной равнины, простиравшейся на западъ, и утомительное путешествіе было окончено. Однако мы забыли всякую усталость, при взглядѣ на больнаго товарища. Въ его чертахъ отражалась глубокая отрада, когда онъ окинулъ глазами широкій просторъ залитаго сол-

Digitized by Google

нечнымъ свѣтомъ ландшафта, жадно вдыхая бальзамическій свѣжій воздухъ. Его душа переполнилась благодарностью, когда несчастный почувствовалъ себя, наконецъ, въ безопасности и на свободѣ.

У самаго выхода изъ пещеры, но все таки въ ея стѣнахъ, откуда разстилался видъ на живописныя окрестности, мы устроили для Рейбёрна постель изъ мягкихъ сосновыхъ вѣтвей, наложивъ ихъ густымъ ровнымъ слоемъ, чтобы ему было удобнѣе лежать. Мы предвидѣли, что пройдетъ много дней, пожалуй, даже недѣль, прежде чѣмъ онъ будетъ въ состояніи предпринять утомительный путь черезъ горы, чтобы снова вернуться къ цивилизованному міру и домашнему очагу. Къ счастью, по близости отыскался ключъ прозрачной и холодной воды, пробивавшійся изъ скалистаго уступа въ пещерѣ, а вокругъ водилось столько дичи, что Янгъ безъ труда настрѣлялъ изъ револьвера съ полдюжины птицъ кодорнисовъ, такъ какъ онѣ вовсе не отличались пугливостью; сверхъ того, онъ поймалъ руками кролика, выскочившаго у него какъ разъ изъ-подъ ногъ. Такимъ образомъ, мы приготовили отличный ужинъ; ѣда настолько подкрѣпила Рейбёрна, что у него замѣтно окрѣпъ голосъ и онъ сталъ ворочаться на постели безъ нашей помощи; это подало намъ надежду на его полное выздоровленіе. Теперь мы только старались скрыть отъ него трагическую смерть фра-Антоніо, изъ боязни, что больной не переживетъ такого горя; намъ удалось на время усыпить его подозрѣнія, разсказавъ ему, будто бы францисканецъ отправился отыскивать ближайшій городъ, чтобы привести оттуда лошадей и проводниковъ. Янгъ по своему старался ободрить товарища.

— Видите, любезный, — говорилъ онъ ему, — вы непремѣнно должны выздоровѣть во что бы то ни стало. Подумайте только, вѣдь вамъ будетъ чертовски стыдно признаться на томъ свѣтѣ, что васъ укокошилъ какой-то паршивый индѣецъ. Это напоминаетъ мнѣ исторію бѣднаго Стива Голлиса. Вы помните этого человѣка, Рейбёрнъ, или никогда его не видали? Онъ былъ почтенный желѣзнодорожный кондукторъ, прослужившій на линіи Старой Колоніи и въ другихъ мѣстахъ болѣе двадцати лѣтъ. Когда я съ нимъ познакомился, Стивъ Голлисъ ѣздилъ съ курьерскимъ поѣздомъ изъ Бостона

Digitized by Google

къ пароходной пристани на Фоль-Риверѣ — то былъ самый важный поѣздъ на проклятой старой дорогѣ! Стивъ имѣлъ собственный домикъ недалеко отъ Брентри и, смѣнившись съ дежурства, всегда доѣзжалъ на поѣздѣ № 2 до этой станціи, а оттуда шелъ пѣшкомъ по полотну. Никто не знаетъ, какъ это случилось,—потому что Стивъ не бралъ ни капли въ ротъ хмѣльнаго,—только однажды, когда онъ возвращался домой, товарный поѣздъ № 15, шедшій изъ Бостона въ Нью-Портъ, задѣлъ и помялъ его, такъ что бѣдняга вскорѣ отдалъ Богу душу. Впрочемъ, онъ не былъ сразу убитъ и я еще успѣлъ навѣстить его, потому что ужасно любилъ старика Стива. Прихожу къ нему, онъ лежитъ въ постели и чуть дышетъ; однако, увидавъ меня, старикъ немного оживился, протянулъ мнѣ руку и поздоровался со мной.—Какъ ы себя чувствуете?—спрашиваю его. „Очень плохо“, говоритъ Стивъ; сказалъ эдакъ и замолчалъ, лежитъ себѣ смирно. Потомъ вижу: собирается онъ съ духомъ что-то сказать. Наклонился я къ нему, а онъ и шепчетъ мнѣ со стономъ: „подумайте, Сетъ, каково это, что меня переѣхалъ товарный поѣздъ малой скорости! Это мнѣ больнѣе всего — горше смерти. Я ничего бы не сказалъ, еслибъ мнѣ пришлось попасть подъ экспрессъ — пускай себѣ... А то прослужилъ я на желѣзной дорогѣ болѣе двадцати лѣтъ и вдругъ угодилъ подъ проклятый поѣздъ малой скорости!“ Тутъ Стивъ перевернулся, простоналъ еще разокъ и скончался.

По моему, Рейбёрна совсѣмъ не слѣдовало развлекать такими плачевными разсказами, но исторія Стива заключала въ себѣ здравую мораль и, передавая ее, грузовой агентъ имѣлъ въ виду убѣдить товарища, что онъ обязанъ поправиться отъ своей болѣзни.

XXXVIII.

Кладъ короля Чальзанцина.

Не знаю, произвела ли на больнаго благопріятное впечатлѣніе болтовня словоохотливаго Янга, но онъ отлично спалъ эту ночь, чего съ нимъ не бывало уже нѣсколько недѣль, а на слѣдующее утро проснулся бодрый и свѣжій, такъ что въ насъ воскресла надежда на счастливый исходъ его недуга.

Digitized by Google

Янгъ очень быстро настрѣлялъ намъ дичи на завтракъ, а когда мы утолили голодъ, онъ отвелъ меня въ сторону и сказалъ:—Теперь, профессоръ, намъ съ вами нужно вернуться въ ту проклятую яму и взять оттуда, что̀ мы найдемъ цѣннаго. Кажется, тамъ немного добра, но все таки лучше что нибудь, чѣмъ ничего. Этакая жалость, что мы не могли забрать съ собою золото, хранившееся въ кладовыхъ; вѣдь оно обогатило бы насъ на всю жизнь!... По моему разсчету, тамъ были милліоны и милліоны. А между тѣмъ, что̀ толку въ этой находкѣ! Ужь именно: по усамъ текло, да въ ротъ не попало! — заключилъ Янгъ съ печальнымъ издохомъ. — Поэтому заберемте, по крайней мѣрѣ, все, что̀ можемъ,—продолжалъ онъ болѣе веселымъ тономъ. — Вѣдь въ комнатѣ Муллинса цѣлый ворохъ золотыхъ ящиковъ и кувшиновъ. Да, пожалуй, и въ глиняныхъ горшкахъ найдется что нибудь цѣнное. Во всякомъ случаѣ, надо посмотрѣть; Рейбёрну сегодня гораздо лучше, да и Пабло пришелъ въ себя; теперь онъ можетъ ходить за больнымъ.—Я съ своей стороны не соблазнялся драгоцѣнными вещами въ комнатѣ сокровищъ царя Чальзанцина, но мнѣ очень хотѣлось завладѣть старинной астролябіей и познакомиться съ содержимымъ золотыхъ ящичковъ и сосудовъ, въ которыхъ могли заключаться любопытные предметы громадной археологической цѣнности. Узнавъ о нашемъ намѣреніи, Рейбёрнъ охотно согласился остаться одинъ, послѣ чего Янгъ зажегъ фонарь и мы пустились въ путь. При входѣ въ комнату сокровищъ, мною овладѣлъ благоговѣйный трепетъ. Когда мы были здѣсь въ первый разъ, то смертельная опасность, грозившая намъ, сцена въ молельнѣ, а затѣмъ радость, когда мы открыли путь къ спасенію, заставили меня отнестись слишкомъ равнодушно къ найденному кладу. Между тѣмъ, онъ пролежалъ здѣсь цѣлую тысячу лѣтъ и представлялъ наслѣдіе самаго интеллигентнаго и интереснаго народа, обитавшаго въ доисторическія времена на американскомъ материкѣ. Только теперь, въ спокойномъ состояніи духа, я былъ въ состояніи оцѣнить всю важность сдѣланнаго нами открытія, и окружающіе меня остатки сѣдой древности внушили мнѣ такое почтеніе, что я колебался нѣкоторое время, прежде чѣмъ коснуться этихъ предметовъ, которые въ моихъ глазахъ были священными.

Digitized by Google

Но почтенія къ антикварскимъ сокровищамъ и рѣдкостямъ не было въ натурѣ Янга; вообще онъ не привыкъ благоговѣть передъ чѣмъ бы то ни было, и пока я стоялъ въ нерѣшительности возлѣ статуи Чакъ-Мооля, грузовой агентъ съ живостью крикнулъ мнѣ: — Да идите же скорѣе сюда, профессоръ; теперь намъ никто не помѣшаетъ. Вѣдь мы сами нашли этотъ кладъ, и онъ по праву принадлежитъ намъ. Не правда ли, эта комната похожа на кладовую москательщика: столько здѣсь разныхъ горшечковъ, кувшиновъ и ящиковъ на полкахъ! Вотъ мы сейчасъ посмотримъ, что въ нихъ есть: скорѣе всего, что они пусты, впрочемъ здѣсь, пожалуй, сложены брилліанты, а вѣдь это было бы недурно!

Говоря такимъ образомъ, Янгъ запустилъ руку въ одинъ изъ глиняныхъ сосудовъ; вдругъ оттуда поднялось такое облако пыли, что бѣдняга принялся чихать безъ передышки на всю комнату и даже былъ не въ силахъ разсмотрѣть какой-то маленькій предметъ, который держалъ между пальцевъ. Наконецъ, отдышавшись немного, онъ обратилъ на него вниманіе и воскликнулъ съ досадой: — Э, да это просто дурацкій наконечникъ стрѣлы.—Я невольно расхохотался, принимая у него изъ рукъ любопытную вещицу: для меня, этотъ прекрасно выточенный кусочекъ агата былъ несравненно драгоцѣннѣе брилліантовъ. Но всѣ мои попытки заинтересовать Янга такимъ великимъ открытіемъ остались тщетными. Напрасно говорилъ я ему, какъ важно для науки такое наглядное доказательство высокой степени культуры, достигнутой доисторическими расами Америки, что ясно выражалось въ артистической обработкѣ такого необычайно твердаго и вмѣстѣ съ тѣмъ красиваго камня, какъ бывшій у насъ въ рукахъ агатъ. Наконецъ любопытно было и то обстоятельство, что древніе ацтеки такъ заботились о военномъ вооруженіи; однако, всѣ мои слова препадали втунѣ. Янгъ не только оставался къ нимъ совершенно равнодушенъ, но даже выказывалъ явную досаду.

— Ахъ, подите вы съ вашими доисторическими расами!— нетерпѣливо прервалъ онъ меня, — вся эта куча не стоитъ единаго цента, и только такому ученому чудаку, какъ вы, можетъ прійти въ голову восхищаться подобной дрянью. Если вашъ древній король находилъ нужнымъ прятать подъ семью-

Digitized by Google

десятью замками этакій хламъ, вѣроятно, онъ былъ не въ своемъ умѣ. Но, пожалуй, этотъ горшокъ попалъ сюда по ошибкѣ, надо осмотрѣть остальные.—Съ этими словами онъ осторожно, чтобы не поднять пыли, опустилъ руку въ другой сосудъ и опять ужасно разсердился, вытащивъ оттуда наконечникъ копья. Однако Янгъ все еще не терялъ надежды отыскать что нибудь, представляющее дѣйствительную цѣнность, а потому продолжалъ поиски, мотивируя свою настойчивость великодушнымъ желаніемъ дать возможность царю Чальзанцину оправдаться въ нашихъ глазахъ. Всѣ сосуды, стоявшіе рядами по двумъ сторонамъ комнаты, были тщательно осмотрѣны имъ. Но его раздраженіе все возрастало по мѣрѣ того, какъ осмотръ приходилъ къ концу, и въ сосудахъ не оказывалось ничего, кромѣ наконечниковъ стрѣлъ и копій да зубчатыхъ полосокъ агата, изъ которыхъ приготовлялось острое лезвіе маккагуитловъ,—ацтекскихъ мечей. Что же касается меня, то я приходилъ въ восторгъ отъ всѣхъ этихъ вещицъ и не могъ достаточно налюбоваться совершенствомъ ихъ отдѣлки, хотя онѣ вышли изъ рукъ мастеровъ еще въ отдаленный періодъ каменнаго вѣка.

— Часъ отъ часу не легче,—сердито бормоталъ товарищъ, переходя на третью сторону комнаты и открывая одинъ изъ золотыхъ ящичковъ.—Тутъ ничего нѣтъ, кромѣ разрисованной оберточной бумаги, въ родѣ вашей пресловутой грамоты, которая завлекла насъ въ эту злополучную погоню за кладомъ. Вы, конечно, подпрыгнете до потолка отъ радости при такой находкѣ!—Въ самомъ дѣлѣ, я вскрикнулъ отъ восторга, наклонясь надъ ящикомъ, въ которомъ хранилось такое неоцѣнимое сокровище. Тогда Янгъ презрительно фыркнулъ и прибавилъ: — Вы больше интересуетесь старымъ хламомъ, чѣмъ золотыми долларами. Конечно, о вкусахъ не спорятъ, и потому на свѣтѣ столько людей непохожихъ другъ на друга.—Но я не слушалъ его, быстро просматривая безцѣнные манускрипты, и попалъ на седьмое небо, убѣдившись, что во всѣхъ золотыхъ ящичкахъ, число которыхъ доходило до девяти, заключались сокровища этого рода. Въ дополнительномъ томѣ (напечатанномъ на слоновой бумагѣ in folio) къ моему сочиненію: „Условія жизни на сѣверо - американскомъ континентѣ до Колумба“ эти замѣчательные манускрипты

Digitized by Google

воспроизведены въ натуральную величину, и, когда эта замѣчательная книга появится въ печати, образованный міръ признаетъ великую важность сдѣланнаго мною открытія. Достаточно упомянуть, что найденныя въ сокровищницѣ грамоты, взятыя вмѣстѣ, составляютъ полную послѣдовательную хронику ацтекскихъ племенъ; но главная цѣнность этой коллекціи заключается въ томъ, что сбивчивыя живописныя грамоты дополнены здѣсь идеографическими надписями позднѣйшихъ временъ, смыслъ которыхъ мнѣ удалось понять, благодаря указаніямъ нашего доброжелателя—астланекскаго архиваріуса. Короче, мое открытіе стоитъ археологической заслуги Буссара; какъ знаменитый камень, найденный въ Розеттѣ, даетъ ключъ къ египетскимъ іероглифамъ, такъ и подписи на ацтекскихъ грамотахъ вполнѣ объясняютъ загадочный смыслъ ихъ живописныхъ изображеній. Когда громадное значеніе моей находки представилось мнѣ во всей ясности, меня кинуло въ дрожь, и я чуть не выронилъ изъ рукъ драгоцѣнныхъ манускриптовъ; слезы радости застилали мнѣ глаза, такъ что я пересталъ различать разрисованныя буквы и все вокругъ заволоклось передо мной на одну минуту какимъ-то туманомъ.

Между тѣмъ Янгъ, мечтавшій только о матеріальныхъ благахъ, продолжалъ рыться по всей кладовой съ ворчаніемъ и проклятіями.—Ну, теперь нечего больше искать,—произнесъ онъ съ разочарованнымъ видомъ,—этотъ старый король рѣшительно былъ идіотъ или помѣшанный. Взгляните сюда: вѣдь это даже не наконечникъ стрѣлы, а просто осколокъ зеленаго стекла! Мнѣ кажется, онъ отскочилъ отъ разбитаго дна портерной бутылки. Нечего сказать, хорошъ кладъ! И стоило придумывать столько предосторожностей, чтобы скрыть къ нему дорогу! Вѣроятно, вашъ король долго сидѣлъ и раздумывалъ, чѣмъ бы это ему получше доказать, что у него самая дурацкая башка въ мірѣ. Ужь именно отмѣнный дуракъ, формальный идіотъ! Пойдемте-ка отсюда, нечего намъ тутъ дѣлать. И какая жалость: вѣдь всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ лежатъ слитки золота, наваленные другъ на друга, точно полѣнья дровъ, а мы не въ силахъ достать ихъ! Право, тутъ можно лопнуть съ досады. Ну, зачѣмъ мы такъ опростоволосились, захлопнувъ за собою опускную дверь? Намъ слѣ-

Digitized by Google

довало оставить свободной эту лазейку. Впрочемъ, что́ за бѣда, профессоръ, вѣдь и теперь можно попытаться. У насъ съ собой ружья. Попробуемъ проникнуть туда. Черные дьяволы едва ли помѣшаютъ намъ, да и во всякомъ случаѣ стоитъ попытаться: не уходить же отсюда съ пустыми руками!

Слушая товарища, я внимательно разсматривалъ предметъ, возбуждавшій его бурное негодованіе, и вмѣсто отвѣта спросилъ:—А что, много такихъ кусочковъ стекла отъ портерной бутылки въ томъ кувшинѣ?

— Онъ полонъ ими до краевъ,—отвѣчалъ грузовой агентъ съ презрительной миной.

— Ну, а другой, рядомъ съ нимъ?

— Также биткомъ набитъ этимъ мусоромъ. Всѣ кувшины по эту сторону комнаты наполнены стеклянными осколками,— прибавилъ онъ, торопливо опуская руку въ каждый сосудъ поочередно. Въ кладовой опять поднялось густое облако пыли и мы принялись взапуски чихать до слезъ.—Чортъ возьми, какая гадость! Уйдемте поскорѣй, профессоръ, постараемся лучше добыть золотые слитки.

— Подождите, надо прежде осмотрѣть золотые сосуды,— отвѣчалъ я, переходя на послѣднюю сторону комнаты, еще не осмотрѣнную нами.

— Къ чему это послужитъ?—сердито возразилъ Янгъ. Но онъ все таки запустилъ руку въ золотую вазу и вынулъ оттуда маленькій черный шарикъ.

— Вотъ еще гадость: какіе-то катышки изъ сапожнаго вару. Ну, нечего сказать, хорошъ царскій кладъ!

Я принялся съ любопытствомъ осматривать шарикъ, поданый мнѣ Янгомъ, и наконецъ вздумалъ разрѣзать его перочиннымъ ножемъ. Подъ наружной оболочкой, напоминавшей гуттаперчу, я нашелъ слой ваты, а подъ нимъ какое-то твердое тѣло, величиною съ обыкновенный орѣхъ. Пока я занимался шарикомъ, Янгъ осмотрѣлъ содержимое другихъ сосудовъ, которые сами по себѣ представляли большую рѣдкость: они были сдѣланы изъ кованаго золота и покрыты оригинальными украшеніями.

— Ничего здѣсь нѣтъ путнаго, — промолвилъ грузовой агентъ,—только развѣ самую посуду можно продать въ ломъ, а насыпаны въ ней все одни катышки изъ сапожнаго вару.

Digitized by Google

Вѣдь нашли же что прятать: осколки портерныхъ бутылокъ да эти шарики. Удивляюсь, на что понадобился сапожный варъ людямъ, которые не знаютъ даже, что такое настоящая обувь? Говорю вамъ, профессоръ, плюнемте на все это и пойдемте за слитками золота. Если мы ихъ не добудемъ, то незачѣмъ было и гоняться за здѣшнимъ кладомъ. Конечно, и въ этой комнатѣ есть кое-что цѣнное: золотые кувшины, ящички и золотой самострѣлъ, которымъ вы такъ восхищаетесь, но много ли это составитъ, когда намъ придется дѣлить добычу на четырехъ человѣкъ, не считая четвероногаго участника экспедиціи? Да мнѣ кажется, что даже оселъ отвернулъ бы свою морду отъ всего этого хлама, еслибъ зналъ, сколько настоящихъ сокровищъ прозѣвали мы здѣсь. Нѣтъ, ужь какъ хотите, намъ нельзя уйти отсюда, не вознаградивъ себя за всѣ свои труды, увѣчья и раны; а если намъ это не удастся, то, право, игра не стоила свѣчей!

Пока Янгъ выражалъ такимъ образомъ свою досаду, я подалъ ему маленькій предметъ, извлеченный мною изъ разрѣзаннаго чернаго шарика:—Прежде чѣмъ говорить, что игра не стоила свѣчей, взгляните вотъ на это,—произнесъ я.

Грузовой агентъ небрежно протянулъ руку, но когда я положилъ ему на ладонь матово-бѣлый шарикъ величиною съ орѣхъ, онъ чуть не подпрыгнулъ отъ неожиданности:—Послушайте, откуда это! По моему... по моему, профессоръ, это похоже на жемчужину, а если это въ самомъ дѣлѣ жемчужина, то клянусь честью, я никогда не видалъ такой крупной! А какъ вы сами полагаете, это въ самомъ дѣлѣ жемчугъ?

— Безъ всякаго сомнѣнія,—отвѣчалъ я.—И въ каждомъ изъ этихъ черныхъ катышковъ, насыпанныхъ въ золотые сосуды, скрыта крупная жемчужина. Что же касается зеленыхъ прозрачныхъ камешковъ, которые вы приняли за осколки зеленаго стекла, то это ничто иное, какъ изумруды необыкновенно чистой воды; могу васъ увѣрить, что самый мелкій изъ нихъ стоитъ такую кучу долларовъ, что вы не стащите ихъ за разъ. Но, во всякомъ случаѣ, всѣ эти изумруды и перлы не стоютъ одного изъ найденныхъ мною манускриптовъ—тутъ Янгъ скептически фыркнулъ—хотя, конечно, съ матерьяльной точки зрѣнія цѣнность того, что спрятано въ этихъ кувшинахъ, въ свою очередь неизмѣримо превышаетъ

Digitized by Google

цѣнность всего количества золота, видѣннаго нами въ Азтланѣ. Несомнѣнно, что въ нашихъ рукахъ въ настоящую минуту находится самый громадный кладъ, какой когда либо существовалъ съ начала міра.

— Значитъ, индѣецъ былъ правъ, профессоръ?

— Разумѣется, и если вы еще и теперь держитесь того мнѣнія, что намъ не стоило приходить сюда, рискуя жизнью, то я не согласенъ съ вами.

— Что и говорить!—воскликнулъ Янгъ, пробѣгая восторженнымъ взглядомъ по рядамъ кувшиновъ, въ которыхъ хранились тысячу лѣтъ несмѣтныя богатства.—Ваша правда, профессоръ. Беру назадъ всѣ слова, сказанныя мною на счетъ этого древняго короля. Онъ вовсе не былъ сумашедшимъ, а былъ такимъ же умницей, какъ Джорджъ Вашингтонъ и Даніэль Вебстеръ, вмѣстѣ взятые. Онъ нарочно наполнилъ тѣ глиняные горшки наконечниками стрѣлъ и тому подобными вещами. Вѣроятно, это былъ старый добрякъ, который любилъ пошутить со своими подданными. Недаромъ я всегда его любилъ, этого вашего короля, и всегда про него думалъ, что онъ молодецъ-мужчина. Нѣтъ, ей богу, отличную онъ устроилъ штуку, и мы, забравшись сюда, не остались въ накладѣ, а попали какъ разъ въ самую точку!

Эпилогъ.

Мнѣ всегда становилось грустно, когда какой нибудь строго опредѣленный періодъ моей жизни приходилъ къ концу, потому что каждый разъ я упрекалъ себя при этомъ въ неумѣніи воспользоваться многими представлявшимися мнѣ благопріятными обстоятельствами и счастливыми случайностями. Дописывая заключительныя страницы настоящей книги, я снова испытываю горькое сожалѣніе, какъ и въ тотъ моментъ, когда мы съ Янгомъ, перенеся сокровища царя Чальзанцина изъ кладовой въ пещеру, вытащили подпорку изъ подъ качающейся статуи и такимъ образомъ утвердили на прежнемъ мѣстѣ эту громадную каменную массу. Поднять ее снизу мы уже не могли и, нагромоздивъ обломки скалъ подъ ея подножіе съ передняго края, сдѣлали истукана оконча-

Digitized by Google

тельно неподвижнымъ и сверху. Теперь этотъ выходъ былъ безвозвратно загражденъ, а въ данную минуту, когда я пишу эти строки, меня почему-то невольно печалитъ сознаніе, что я также безвозвратно отрѣзанъ отъ извѣстной части моего прошлаго. Недаромъ одинъ персидскій поэтъ сказалъ: „Оконченная книга—тоже, что запечатанный ларчикъ; къ ней ничего нельзя прибавить и ничего нельзя отъ нея отнять. Поэтому станемъ молиться Аллаху, чтобъ ея содержаніе было хорошо».

Сочиненіе, которое я теперь оканчиваю, было начато частью ради того, чтобы отдыхать за нимъ отъ болѣе серьезной работы, предпринятой мною, а частью потому, что я находилъ неудобнымъ вводить воспоминанія чисто личнаго характера въ обширный ученый трудъ, но въ то же время считалъ ихъ достаточно интересными, чтобъ познакомить съ ними читающій міръ. Впрочемъ, разсказъ о нашихъ приключеніяхъ, пожалуй, никогда бы не пришелъ къ концу, еслибъ имъ не заинтересовались Рейбёрнъ и Янгъ, которые постоянно уговаривали меня продолжать его.

— Видите, профессоръ,—говорилъ Янгъ, — я ничего не имѣю противъ большой книги, которую вы пишете; конечно, она будетъ въ своемъ родѣ великолѣпна, но вѣдь во всемъ божьемъ мірѣ навѣрно найдется какихъ нибудь три чудака, способныхъ прочесть въ ней болѣе десяти строкъ. Вотъ почему я такъ пристаю къ вамъ, чтобъ вы писали маленькую книжку,—ее-то ужь, конечно, прочтетъ кое-кто и за стѣнами сумашедшаго дома. Пускай, по крайней мѣрѣ, добрые люди знаютъ, какъ жутко намъ приходилось. Я бы не совѣтовалъ вамъ въ точности указывать, гдѣ лежитъ та замѣчательная долина, потому что намъ, пожалуй, опять понадобится вернуться туда; но относительно всего другаго будьте вполнѣ откровенны и разскажите все, какъ было. Можетъ быть, наши похожденія послужатъ кому нибудь въ пользу.

По мѣрѣ того какъ подвигался мой разсказъ, я прочитывалъ написанное вслухъ моимъ товарищамъ, и они, не стѣсняясь, дѣлали поправки въ моемъ сочиненіи. Впрочемъ, когда я касался въ своей книгѣ подвиговъ храбрости Рейбёрна и Янга, они возставали противъ меня и не соглашались, чтобы я ихъ описывалъ. Даже Пабло, покинувшій ради меня Мексику, чтобы не разставаться со мной до конца дней,

Digitized by Google

принимался противорѣчить мнѣ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ я упоминалъ о его неизмѣнной преданности и мужествѣ; по его мнѣнію, вполнѣ естественно быть преданнымъ тому, кого любишь, а еще болѣе естественно драться съ врагами, защищая себя и своихъ друзей.

Только одинъ членъ нашей экспедиціи съ полнымъ достоинствомъ принялъ отъ меня заслуженную дань похвалъ. Это былъ Эль-Сабіо. Пабло, конечно, хотѣлъ, чтобы я прочиталъ вслухъ ослику то, что было о немъ написано. — Только, пожалуйста, не все, сеньоръ, — серьезно замѣтилъ мальчикъ,—тамъ есть вещи, которыя могутъ огорчить нѣжное сердце моего Эль-Сабіо. Вѣдь онъ, право, нисколько не виноватъ, что доставилъ намъ столько затрудненій, когда мы переправляли его черезъ пропасть; а потомъ, неужели вы скажете ему, что собирались его съѣсть, когда мы пришли въ эту ужасную аллею смерти? Вѣдь онъ можетъ раньше времени посѣдѣть отъ такого удара. Нѣтъ, мы скроемъ отъ него всѣ непріятныя мѣста въ книгѣ, а прочтемъ только тѣ отрывки, гдѣ вы хвалите его красоту и умъ. По моему, не грѣшно бы написать объ немъ побольше. Мнѣ кажется, что вы слишкомъ сократили разсказъ о храбромъ сраженіи моего ослика со жрецами, когда онъ въ одиночку перебилъ ихъ такое множество своими копытами. Еще осмѣлюсь замѣтить вамъ, сеньоръ,—прибавилъ Пабло тономъ упрека, когда мы пошли всѣ вмѣстѣ къ навѣсу, гдѣ стоялъ Мудрецъ, сильно разжирѣвшій за послѣднее время на сытной пищѣ, въ нѣгѣ и холѣ,—въ вашей книгѣ нужно было непремѣнно упомянуть, сколько принесъ пользы Мудрецъ на обратномъ пути, когда онъ перевозилъ на своей спинѣ найденное сокровище по крутой дорогѣ черезъ ту ужасную пещеру; вѣдь онъ проработалъ такимъ образомъ много дней подъ рядъ. И, наконецъ, съ какою осторожностью везъ онъ на себѣ сеньора Рейбёрна съ крутаго горнаго спуска до маленькаго городка, гдѣ была желѣзнодорожная станція. Помните, какъ онъ бережно ступалъ изъ боязни повредить раненому?

Хотя Эль-Сабіо, повидимому, не замѣтилъ пропусковъ въ моемъ разсказѣ, тѣмъ не менѣе онъ слушалъ съ большимъ интересомъ и вниманіемъ отрывки, на которые указалъ мнѣ Пабло. По словамъ мальчика, осликъ даже поблагодарилъ меня

Digitized by Google

за похвальный отзывъ о немъ, потому что, когда чтеніе было окончено, онъ вытянулъ впередъ свою морду, положилъ на спину уши, твердо уперся въ землю маленькими ножками и, торжественно поднявъ хвость, заревѣлъ во всю мочь. Пабло нѣжно обнялъ его голову и прижалъ къ груди, повторяя съ глубокимъ чувствомъ:—Ну, теперь, Мудрецъ, ты убѣдился, что мы не только любимъ тебя за твою доброту и умъ, но также и почитаемъ за благородные подвиги.

Рейбёрнъ много хохоталъ, когда я передалъ ему эту забавную сцену въ тотъ же вечеръ; но Янгъ не одобрилъ моего поступка, видя въ немъ новое доказательство несовсѣмъ здороваго состоянія моего мозга. Мы сидѣли у меня въ библіотекѣ передъ каминомъ и мирно бесѣдовали, покуривая сигары. Вскорѣ намъ предстояло разстаться на нѣкоторое время: Рейбёрнъ хотѣлъ отправиться на слѣдующій день въ Идаго, гдѣ начиналась разработка рудниковъ, а Янгъ неожиданно вызвался сопутствовать ему. Грузовой агентъ скучалъ безъ занятія и не зналъ, куда ему дѣваться; что же касается его плана купить желѣзную дорогу Старой Колоніи, чтобы прогнать директора, то это ему не удалось.—Конечно,—говорилъ онъ,—мнѣ было бы пріятно насолить старому негодяю, какъ онъ насолилъ мнѣ, но вѣдь въ сущности все вышло къ лучшему: еслибъ я не потерялъ должности, то и теперь ѣздилъ бы, какъ прежде, съ желѣзнодорожнымъ грузомъ до конца своихъ дней. Поэтому, пускай себѣ мой непріятель живетъ спокойно на своемъ мѣстѣ. Мнѣ же хочется сдѣлать какое нибудь доброе дѣло на тѣ громадныя деньги, которыя я пріобрѣлъ въ долинѣ Аztлана. Вотъ почему я отправляюсь съ Рейбёрномъ въ Идаго и всю дорогу отъ Аннъ-Арбора до города Буазе стану угощать на свой счетъ желѣзнодорожную прислугу. Пускай бѣдные люди порадуются вмѣстѣ со мною.

Эта странная метода осчастливить человѣчество разсмѣшила насъ съ Рейбёрномъ. Потомъ Рейбёрнъ принялъ серьезную мину и сказалъ:—По моему, мы сдѣлаемъ хорошо, приведя въ порядокъ старинную церковь въ Морелiи. Я очень радъ, профессоръ, что вамъ пришла въ голову такая мысль. Это—самое лучшее средство почтить память фра-Антоніо; онъ такъ горячо любилъ свой храмъ и мы постараемся украсить его всѣмъ, что можно пріобрѣсти за деньги.

Digitized by Google

— Конечно,—согласился Янгъ,—но только я полагаю, что нашъ профессоръ ухитрится придать всѣмъ новымъ украшеніямъ, которыя мы туда помѣстимъ, такой видъ, какъ будто они просуществовали двѣсти лѣтъ. Сначала я былъ противъ реставраціи стараго зданія. Мнѣ хотѣлось выстроить первоклассный новый храмъ съ высокой колокольней, паровымъ отопленіемъ, электрическимъ освѣщеніемъ и большимъ органомъ, который потрясалъ бы своды, когда на немъ заиграютъ. Но падре также любилъ все старомодное, какъ и профессоръ; поэтому лучше сдѣлать все по его вкусу. Положимъ, мнѣ несовсѣмъ пріятно тратить деньги на католическую церковь. Когда я разсказалъ о своемъ намѣреніи моей старушкѣ-теткѣ, живущей въ Мельтонѣ, она страшно возмутилась, разбранила меня и не успокоилась даже тогда, когда я прибавилъ, что ради покойнаго падре готовъ поѣхать въ Римъ и пожать руку самому папѣ. Дѣйствительно,—продолжалъ грузовой агентъ серьезнымъ тономъ, причемъ его голосъ замѣтно дрогнулъ,—я радъ сдѣлать въ память фра-Антоніо что угодно, потому что никогда въ жизни не встрѣчалъ человѣка такой ангельской доброты, какъ падре. И когда я только вспомню, что онъ спасъ всѣмъ намъ четверымъ нашу ничтожную жизнь, пожертвовавъ своей собственной, которая стоила въ десять разъ больше нашихъ четырехъ, вмѣстѣ взятыхъ—я забываю, что францисканецъ исповѣдывалъ другую религію. Клянусь честью, я готовъ проломить голову всякому, кто осмѣлится сказать, что онъ не былъ самымъ умнымъ и совершеннѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ!

Пабло уловилъ слово „падре“ въ непонятной ему англійской рѣчи Янга и, когда мальчикъ поднялъ на меня глаза изъ своего уголка, я замѣтилъ, что они наполнились слезами. Да и глаза Рейбёрна подозрительно блеснули, когда онъ вдругъ отвернулся въ сторону, чтобы вытряхнуть въ огонь пепелъ изъ своей трубочки. Передо мной также всѣ предметы задернулись на минуту легкимъ туманомъ, когда нѣжное и вмѣстѣ съ тѣмъ горькое воспоминаніе объ умершемъ другѣ взволновало мнѣ сердце.

Мои гости скоро ушли: намъ не хотѣлось переводить разговора на обыденные житейскіе вопросы. Пабло я приказалъ ложиться спать и остался въ библіотекѣ одинъ. Мнѣ хотѣлось

Digitized by Google

просмотрѣть въ тотъ вечеръ рефератъ, который я собирался въ скоромъ времени прочесть на засѣданіи археологическаго института, но мои мысли блуждали далеко и неудержимо стремились къ недавнему прошлому, такъ что я былъ принужденъ отложить въ сторону перо.

Поздній часъ и одиночество располагали къ задумчивости; я мысленно переживалъ все время моего знакомства съ фра-Антоніо съ перваго дня, когда увидалъ его колѣнопреклоненнымъ передъ распятіемъ въ ризницѣ, до послѣдняго момента мученической кончины подвижника.

И пока я вспоминалъ нашу нѣжную дружбу съ фра-Антоніо и варварскую жестокость его мучителей, мною овладѣла такая невыносимая тоска, такое горькое сожалѣніе, что я не зналъ, куда дѣваться. Но вдругъ въ моей душѣ возникло твердое убѣжденіе—оставшееся непоколебимымъ до сихъ поръ—что изъ любви къ фра-Антоніо я долженъ радоваться его трагическому концу. Вѣдь когда я встрѣтилъ его первый разъ въ церкви С. Франциско въ Морелiи, погруженнаго въ пламенный религіозный экстазъ, юный, чистый сердцемъ монахъ съ его возвышенными помыслами вымаливалъ себѣ именно тотъ мученическій вѣнецъ, котораго и сподобился по волѣ божіей въ языческомъ городѣ Кулхуаканѣ. Эта странная мысль всецѣло поглотила меня и надо мной какъ будто раздался голосъ падре, говорившій: „Я стремлюсь заслужить иную жизнь, безконечную, славную, и переселиться туда, гдѣ нѣтъ ни смерти, ни грѣха, ни страданія“.

Конецъ.

Digitized by Google

КАВКАЗСКІЯ ПРЕДАНІЯ И ЛЕГЕНДЫ [1]).

I. Духи горнаго монастыря.

I.

Высоко по темному небу плыветъ луна. День, съ его томительнымъ зноемъ, съ его мертвящей тишиной, прошелъ, и теперь по долинѣ, съ горныхъ вершинъ, окружающихъ ее, вѣетъ прохладой. Древняя столица Грузіи [2]) оживилась. Но это не то обыкновенное оживленіе, которое замѣчается каждый вечеръ съ закаатомъ горячаго солнца и съ дуновеніемъ сумеречной прохлады... Нѣтъ, въ этотъ вечеръ чувствуется, что поднявшаяся суетня и оживленіе скрываютъ за собой какое нибудь торжество или ожиданіе радостнаго событія. На плоскія крыши домовъ, расположенныхъ ярусами другъ надъ другомъ, высыпалъ народъ, шумя и веселясь: гдѣ слышится крикливая оживленная рѣчь, гдѣ веселые и удалые звуки зурны и барабана, гдѣ спокойные, мечтательные и унылые стоны джіанури или мествири [3]). Съ другихъ крышъ подымается тоненькой струйкой дымокъ отъ курящагося кальяна, или чувствуется удушливый запахъ угара отъ мангала [4]), на которомъ жарится вкусный шашлыкъ. Горятъ смоляные факелы, бьютъ барабаны и тулумбасы, слышатся мѣрные удары

---

[1]) Первыя двѣ легенды („Ночи Тамары“ и „Старый Гудъ“) были напечатаны въ „Наблюдателѣ“ 1890 г., №№ 11 и 12.

[2]) Мцхетъ—теперь первая почтовая станція отъ Тифлиса.

[3]) Туземные инструменты примитивнаго устройства.

[4]) Родъ жаровни.

Digitized by Google

въ ладоши, въ тактъ отплясываемой лезгинки. На лихомъ скакунѣ, побрякивая серебряной шашкой о серебряное стремя, съ высоко поднятой надъ головой плетью, лихо проскачетъ какой нибудь джигитъ и сразу, взмахнувъ и ударивъ плетью по лошади, на всемъ скаку остановитъ ее, такъ что заднія ноги у нея подогнутся. За городомъ, за стѣной, далеко по долинѣ разъѣзжаютъ вооруженные съ ногъ до головы всадники въ желѣзныхъ сѣтчатыхъ шлемахъ; и тутъ костры и факелы, шатры, говоръ и пѣсни...

Огромный дворецъ грузинскаго царя Ираклія, стоящій на самомъ берегу Куры, темными массами выдѣляется на этомъ праздничномъ фонѣ, и въ немъ все сравнительно тихо. Давно уже погашены огни, и внутри его все успокоилось. Внизу, въ подвальномъ окнѣ, еще виденъ красноватый свѣтъ подъ мангаломъ, около котораго собралась дворцовая челядь, передавая другъ другу впечатлѣнія пережитаго дня, да наверху, въ угловой высокой башнѣ, выходящей въ тѣнистый, роскошный садъ, свѣтится тусклый лампадный огонекъ передъ образомъ Самебы [1]). У растворенаго окна сидитъ, вся въ бѣломъ, прекрасная златокудрая Эна, приближенная дѣвушка царской дочери. Въ опочивальнѣ царевны, прекрасной, какъ божій день, чернокудрой красавицы, стройной, какъ высокая раина, все тихо. Она давно уже улеглась на свою тахту, и сонъ смежилъ ея усталыя очи. Она много хлопотала днемъ, а теперь, отъ утомленія и отъ приготовленій къ завтрашнему торжественному дню—она уснула крѣпкимъ дѣвичьимъ сномъ. Но въ башенномъ окнѣ еще мерцалъ свѣтъ. Тамъ, смотря широко раскрытыми глазами въ темную бездну сада, вдыхая полною грудью густой запахъ цвѣтущей бѣлой акаціи, замечталась молодая Эна. Она мечтала о томъ, что скоро ей придется разстаться съ своей милой подругой—царевной. Пріѣдетъ завтра молодой женихъ, осетинскій князь Омаръ, возьметъ ее за себя замужъ и заживутъ они въ какомъ нибудь замкѣ счастливо и весело, какъ молодые орлы на высотахъ горъ. Придется ей, одинокой сироткѣ, вернуться въ родимый аулъ, гдѣ не осталось у нея ни родныхъ, ни друзей, ни подругъ. А красивъ, должно быть, этотъ молодой

[1]) Богородица.

Digitized by Google

джигитъ, князь-женихъ!—мечтала она. Много чудныхъ разсказовъ слышала она, за эти дни, о его геройскихъ подвигахъ, о его богатствѣ, силѣ, ловкости и могуществѣ... Яркая луна плыла по темносинему небу; на немъ горѣли не менѣе яркія звѣзды и переливались краснымъ пламенемъ разноцвѣтныхъ огней. Кура текла величаво и спокойно, и блескъ луны отражался расплавленнымъ серебромъ въ ея темныхъ водахъ. Высокіе тополи и раины чернѣли на прозрачномъ фонѣ неба. Смѣшанный запахъ розъ, олеандровъ, акацій и еще какихъ то цвѣтовъ поднимался густыми парами и вливался ей въ грудь, туманилъ голову, тревожилъ ея мечты. Она опьянѣла отъ этой ночи, отъ этого запаха, отъ шума рѣки, отъ дуновенья прохладнаго вѣтерка. И ей захотѣлось любить, излить на кого нибудь накопившуюся въ ней нѣгу, обнять и прижать къ своей дѣвичьей груди какого нибудь молодаго красавца. И вдругъ безумныя мечты овладѣли ею:

— Что... если? Еслибъ князь Омаръ полюбилъ ее, одинокую, бѣдную сироту? Какое это было бы счастье!...—И она представляла себѣ, какъ онъ завтра пріѣдетъ, взглянетъ на нее, и этотъ взглядъ прожжетъ ей душу, покоритъ и его сердце. Откажется онъ отъ невѣсты, похититъ ее, Эну, изъ этого окна, скроется во мракѣ тѣнистаго сада и умчитъ ее на своемъ борзомъ конѣ въ далекую, скалистую Осетію, поселится съ ней на какой нибудь недоступной вершинѣ, въ каменномъ замкѣ съ подземными ходами, и будутъ они жить долго и счастливо, любить нѣжно и страстно...

Но глаза богородицы были устремлены на нее съ образа грустно и строго.

Она опомнилась... Вспомнилась ей пѣсенка матери, которую та часто напѣвала ей въ дѣтствѣ, и она, отбросивъ свои дурныя мысли, запѣла вполголоса:

Озеру ль съ моремъ сравниться глубокимъ?
Женщинѣ ль умной ссору завесть?
Рѣчкѣ ль разлиться потокомъ глубокимъ?
Можно ль вѣнокъ изъ колючки заплесть?
Выкинь изъ памяти мысли дурныя,
Будь ты довольна своею судьбой,
Вспомни, когда же другъ съ другомъ родные
Врань завели изъ-за рѣчи пустой?

Digitized by Google

Съ удàвомъ змѣё ль водяной потягаться?
Барану-ль простому архада [1]) сразить,
Горшку-ль съ чугуномъ вдругъ задумалось драться?
Воронё-ль орла поразить?
Выкинь изъ памяти мысли дурныя,
Пшеница на камнѣ врядъ ли взрастетъ,
Пусть твои мысли сіяютъ святыя,
Сталь же на солнцѣ вѣдь только блеснетъ [2])...

Но грѣшныя мысли не покидали ея, ночь раздражала, запахъ опьянялъ. Въ шумѣ рѣки она слышала смутныя рѣчи, а въ дуновеньѣ вѣтерка чуяла страстныя ласки. И безумно захотѣлось ей любви молодой и сильной, безумной, какъ ея грезы, страстной, какъ эта ночь. Она прислонилась златокудрой головкой къ окну, заломила прекрасныя бѣлыя руки, и глухія рыданья огласили погрузившійся въ темноту ночи душистый садъ. Кругомъ въ городѣ давно все умолкло; потухли костры; замолкли пѣсни. Все успокоилось передъ утреннимъ разсвѣтомъ. Луна блѣднѣла, звѣзда за звѣздой умирала, небо свѣтлѣло. Наверху въ башнѣ закрылось окно. Она потушила лампаду и легла на софу...

II.

За нѣсколько верстъ отъ столицы, по узкой каменистой тропѣ между скалами, въ клубахъ пыли скачетъ князь-женихъ къ своей невѣстѣ, въ сопровожденіи огромной свиты преданныхъ людей, слугъ и друзей. Его молодое, ретивое сердце горитъ джигитскою страстью. Наслышался онъ необыкновенныхъ вещей о красотѣ царской дочери. Бродячіе рапсоды, приходившіе къ нимъ въ Осетію, восторженно славили ее въ своихъ монотонныхъ пѣсняхъ, которыя они пѣли по вечерамъ, сидя гдѣ нибудь въ углу узкой и высокой залы, въ одинокой башнѣ на вершинѣ скалы, въ то время, когда молодые беки и князья кутили за столами, послѣ дневнаго похода на туровъ и каменныхъ барановъ. Унылая мелодія ме-

1) Горный, такъ называемый, „каменный баранъ".
2) Древняя, народная грузинская пѣсня.

Digitized by Google

ствири сопровождала пѣніе рапсодовъ, но слова пѣсни звучали восторгомъ и обожаніемъ. „Хороша и блестяща, какъ роза, стройна, какъ родимая чинара“, пѣли они про царевну: «она сіяетъ, какъ горный хрусталь въ замкѣ своего отца, царя Ираклія... Черныя очи ея темнѣе ночи, бѣлые зубы бѣлѣе жемчуга; она быстра, какъ горная лань“:.. Много храбрыхъ князей, удальцовъ и джигитовъ искали ея руки, многіе изъ дальнихъ и чужеземныхъ странъ нарочно съ опасностью жизни являлись къ Ираклію свататься за его красавицей-дочкой, но всѣмъ она отказывала, всѣ ей приходились не по душѣ. Она принимала ихъ радушно, каждаго одѣляла вниманіемъ и ласкою, чѣмъ еще болѣе отуманивала ихъ головы, ранила ихъ влюбленныя сердца. Но никому изъ нихъ не удалось покорить ея сердце. А почему? А потому, что тѣ же рапсоды, бродя изъ году въ годъ, изъ одной страны въ другую, посѣщали и домъ молодой красавицы. И у нея они пѣли пѣсни; и отъ нихъ она услыхала въ первый разъ имя красавца Омара; они ей напѣли про его мужественную красоту, львиное сердце, желѣзную руку, орлиный взглядъ. И покорили они ея дѣвичье сердце лучше и скорѣе, чѣмъ всѣ посѣщавшіе дворъ джигиты...

Въ этихъ мечтахъ скачетъ Омаръ по дорогѣ къ своей невѣстѣ. Съ полгода тому назадъ, онъ засылалъ къ отцу ея сватовъ съ богатыми дарами, съ караваномъ верблюдовъ, нагруженныхъ дорогими шолковыми тканями, коврами, серебромъ, драгоцѣнными камнями. Посольство было принято и отпущено съ благопріятной вѣстью. Сильно обрадовался молодой князь и, не долго думая, собрался въ путь. Снарядилъ онъ и конвой, и въ одну лунную ночь, такую же, какъ вотъ эта ночь, — послѣдняя, которую онъ проводитъ въ одиночествѣ, хотя и вблизи своей невѣсты, — собрался въ путь. Какъ давно это было! Какимъ длиннымъ и томительнымъ путемъ показалась ему эта дорога, ему, который привыкъ по недѣлямъ и мѣсяцамъ не слѣзать съ коня. Но теперь Омаръ уже близко. Скоро, скоро, завтра утромъ онъ увидитъ свою красавицу-невѣсту, а тамъ недолго ждать и того времени, когда онъ повезетъ ее обратно въ свою горную Осетію. Да и ждать-то будетъ легко, глядя въ ея прекрасныя очи. Ночь застала его у входа въ долину; послѣдніе отроги грозныхъ

Digitized by Google

горъ, оставшихся позади, постепенно понижаясь, перешли въ рядъ невысокихъ холмовъ и растаяли въ долинѣ, слившись съ нею, съ ея роскошной растительностью, звонкими ручьями, благоухающими цвѣтами. Конвой расположился на ночлегъ: неприлично было являться во дворецъ ночью. Омару подстелили богатый персидскій коверъ, и онъ улегся на немъ, положивъ подъ голову свое сѣдло, покрытое расшитымъ чепракомъ. Но ему не спалось. Онъ глядѣлъ въ темно-синее небо, на ярко блиставшія крупныя звѣзды, и весь отдался мечтамъ...

„Вотъ ихъ много звѣздъ на этомъ небѣ, — думалъ онъ,— но одна изъ нихъ ярче и прекраснѣе всѣхъ остальныхъ. Какъ она красива и блестяща! Не она ли свѣтитъ теперь надъ моей красавицей—Агундой? Не она ли, забравшись черезъ окно, льетъ свое сіяніе на ея сомкнутыя очи, на ея дѣвичій станъ, покоющійся сномъ на широкой тахтѣ [1])? Агунда, Агунда! Мечтаешь ли ты о своемъ джигитѣ?!..

Задолго до восхода солнца, чуть только утро забрежжило на сосѣднихъ холмахъ, онъ уже былъ на конѣ и скакалъ по дорогѣ; едва только первые лучи восходящаго солнца разсѣяли предразсвѣтную мглу и пестро расцвѣтили долину, какъ онъ увидѣлъ передъ собой городъ. Онъ осадилъ коня, слѣзъ съ сѣдла, оправился, умылся изъ кувгана [2]) утренней свѣжей водой и торжественно совершилъ свой въѣздъ. Столица была уже на ногахъ; звонко раздавались по улицамъ пѣсни, далеко по долинѣ проносился громъ барабановъ и звуки зурны. Все ликовало. Его встрѣтили съ почетомъ и проводили во дворецъ. Сердце громко колотилось въ его груди, когда онъ входилъ въ богатую и обширную залу дворца. Вотъ его встрѣтилъ царь и дружески привѣтствовалъ длинной рѣчью, съ турьимъ рогомъ въ рукахъ, наполненнымъ искрометнымъ виномъ. Когда рѣчь кончилась, и Омаръ выпилъ предложенный ему рогъ, онъ взглянулъ передъ собой и увидѣлъ сидящую на тахтѣ царевну... Боже, что это? Отчего въ душѣ его поднялась тревога, отчего яркая краска залила его лицо, отчего глаза быстро забѣгали, а не сосредото-

[1]) Диванъ безъ спинки, покрытый коврами.
[2]) Металлическій кувшинъ съ узкимъ горломъ.

Digitized by Google

чились неподвижно на лицѣ царевны?... Увы! Онъ не зналъ, на комъ остановить свой очарованный взоръ. Царевна безспорно прекрасна, и бродячіе рапсоды не обманули его въ своихъ пѣсняхъ ни единымъ словомъ. Густая волна волосъ обрамляла ея блѣдное лицо, на которомъ горѣли глаза, мрачные и очаровательные, какъ безлунная лѣтняя ночь. И губы ея были розовыя, какъ лепестки душистой розы, и зубы были бѣлѣе кристалла. Да, она была прекрасна, какъ ему и пѣли рапсоды... Лучшей красавицы онъ не видѣлъ ни въ Осетіи, ни въ иныхъ земляхъ, гдѣ ему доводилось бывать — это вѣрно... Но рядомъ съ ней, съ красавицей-царевной, сидѣла другая дѣвушка, тоже прекрасная, еще прекраснѣе первой. Если царевна олицетворяла собою темную ночь, то златокудрая Эна — яркій, сіяющій, радостный день. Улыбкой лѣтняго дня, свѣжестью ранней весны, благоуханіемъ полевыхъ цвѣтовъ вѣяло отъ нея,—и отъ ея голубыхъ, какъ небо, глазъ не могъ отвести своего взора молодой и уже несчастный женихъ. Грозная молнія мелькнула въ черныхъ глазахъ царевны; темнѣе тучи нахмурилось ея лицо; губы поблѣднѣли и искривились злобной и недоброй усмѣшкой... Вяло прошелъ день. Никто почти не замѣтилъ этого происшествія, но царевна была не въ духѣ, нахмурилась и скоро передъ вечеромъ удалилась къ себѣ въ опочивальню. Жениху тоже было не по себѣ, и онъ радъ былъ, когда ему представилась возможность удалиться въ свои покои.

И въ эту ночь онъ не спалъ, а мечталъ, какъ и наканунѣ, когда его посѣщали грезы о невѣстѣ. Но теперь та, другая, наполняла его душу; и радостный день, который она олицетворяла собою, былъ ему милѣе сумрачной ночи. И одинъ только лучъ, лучъ золотаго солнца былъ ему теперь отраднѣе и желательнѣе мерцанья всѣхъ звѣздъ. А ночь душная и ароматная, напоенная запахомъ цвѣтущаго миндаля, магноліи и бѣлой акаціи, несущимся изъ царскаго сада, врывается въ окно его комнаты, тревожитъ, волнуетъ, терзаетъ его. Звѣзды яркія и лучезарныя глядятъ на него съ купола прозрачнаго неба, но, кажется ему, глядятъ онѣ теперь укоризненно и строго. Онъ избѣгаетъ смотрѣть на нихъ. А луна высоко плыветъ по небу и срываетъ покровъ съ окутаннаго тьмою сада, обнажая кусты цвѣтущихъ растеній, вырывая изъ мрака

Digitized by Google

ночи аллеи и скамейки, бросая на все свой серебряный свѣтъ... Гдѣ-то, въ отдаленномъ углу сада, запѣлъ свою нѣжную пѣсню соловей. Вдали, сливаясь съ Курой, шумитъ Арагва. И шумъ двухъ рѣкъ-сестеръ навѣваетъ ему волшебные сны, любовныя грезы. Лунный блескъ мѣшаетъ этимъ грезамъ и манитъ волшебной силою въ садъ. Душно, невыносимо душно въ комнатѣ, да и не спится ему; сны наяву мѣшаютъ ему уснуть укрѣпляющимъ сномъ. Онъ выходитъ въ садъ. Что это? Не видѣнье ли появилось въ окнѣ, приходящемся какъ разъ надъ его комнатой. Не она ли это, не чудная ли Эна въ задумчивой позѣ, купаясь въ лунныхъ лучахъ, сидитъ у окна и смотритъ въ садъ? Да, это она. Тогда онъ отходитъ въ тѣнь, скрывается за густолиственной акаціей, и пѣсня, когда-то слышанная имъ у рапсодовъ, неудержимо просится ему въ душу. Онъ дрожащимъ голосомъ начинаетъ ее. И нѣжно, и тихо льется она по волшебному саду и сливается съ пѣніемъ соловья, и оба они поютъ, упоенные дивною ночью, оба влюбленные, оба свободные. Кто можетъ имъ помѣшать? „Въ эту чудную лѣтнюю ночь“,—поетъ онъ,—„прогони всѣ сомнѣнія прочь, всѣ печали, все горе земное. Дай услышать твой голосъ волшебный, дай на себя наглядѣться, дай насладиться тобою. Ты—мой рай, мое блаженство. Предъ тобою всѣ дѣвы отчизны — что̀ звѣзды предъ яркой луной“.

Такъ пѣлъ онъ, и пѣснь его неслась по саду и достигла до окна, на которомъ сидѣла Эна. И жадно внимала она той пѣснѣ ночной, жадно слушала порывистыя рѣчи молодаго красавца, который теперь стоялъ подъ ея окномъ.

— Эна! Радостный день моей жизни, солнце души моей, звѣзда моего счастья, — шептали его губы, и шопотъ этотъ зажегъ страсть въ душѣ златокудрой красавицы.

Въ противоположномъ флигелѣ замка открылось окно, и на его освѣщенномъ фонѣ показалась фигура царевны... Она видѣла все, она все услышала. Видѣла она Эну, Омара, видѣла, какъ онъ простиралъ къ ней руки, какъ она жадно слушала его рѣчи. И пѣсни его, и его рѣчи она услыхала. Измѣнница-луна, царица ночи, какъ бы сочувствуя сумеречной красотѣ Агунды, ярко освѣтила эту картину и выдала ихъ тайну.

Digitized by Google

— Милый джигитъ, свѣтлоокій князь! — шептала Эна.

Крикъ женской ярости прорѣзалъ благоухающую ночь. Испуганный соловей сразу замолкъ и въ саду воцарилась зловѣщая тишина... Окно въ противоположномъ флигелѣ съ шумомъ захлопнулось. Князь вздрогнулъ. „Откуда этотъ крикъ?“— подумалъ онъ. Но Эна, закрывая отъ ужаса и стыда лицо красивыми бѣлыми руками, трепетно прошептала:

— Горе намъ, великое горе! Насъ услыхала царская дочь.

III.

Прошло около года. Тяжелыя тучи низко бѣжали по сѣрому небу, разрываясь объ острыя вершины скалистыхъ горъ. Унылый и безконечный дождь мелкой сѣтью заволакивалъ угрюмыя окрестности. Цѣлое море голыхъ и непривѣтливыхъ скалъ; надъ ними клочки оборванныхъ тучъ, а подъ ними — шумъ быстро скачущаго горнаго ручья. Темныя ущелья, узкія разщелины въ скалахъ и глубокія долины, лишенныя растительности, только увеличивали тоскливость и одичалость природы. На одной изъ скалъ, высоко вознесенный надъ землей, стоитъ маленькій каменный монастырь. Узкая тропа, высѣченная въ горахъ, какъ змѣя, вьется по скату, и путь по этой тропѣ труденъ, какъ путь въ рай, ибо, при малѣйшей неосторожности, камни скатываются изъ подъ ногъ, и направо и налѣво разверзаются зіяющія пропасти. Все вокругъ безмолвно. Только рѣка шумитъ гдѣ-то на самомъ днѣ бездны, но шумъ ея не достигаетъ монастыря. Только изрѣдка печальные звуки монастырскаго колокола огласятъ окрестность, отдадутся эхомъ по скаламъ, и съ послѣднимъ отзвукомъ печально и безнадежно замрутъ гдѣ-то вдали.

Сегодня звуки эти раздаются все чаще и чаще. Сегодня рѣдкій праздникъ въ обители. Въ монастырь прибываетъ молодая монахиня, только что постриженная въ столицѣ царя Ираклія. Монахини вышли изъ монастыря встрѣтить свою новую подругу. По обычаямъ ихъ обители, никто изъ мужчинъ не имѣлъ права переступить ихъ порога. Поэтому конвой,

Digitized by Google

сопровождавшій вновь прибывшую, оставилъ ее у первой ступени тропы и удалился, а она одна поднялась къ монастырю. Кто бы узналъ молодую красавицу Эну въ этомъ скромномъ черномъ одѣяніи съ поблекшими щеками, съ потухшими глазами? Но это была она. Царская дочь, распаленная гнѣвомъ, велѣла ей постричься въ монахини и сослала ее въ этотъ дальній, всѣми забытый, уединенный монастырь. Кто переступалъ разъ его порогъ, навѣки погребалъ себя тамъ. Никто больше не увидитъ красавицы Эны!

Видѣлъ ее только одинъ человѣкъ—это князь Омаръ. Со вчерашняго дня онъ сторожитъ ее за однимъ каменнымъ могильнымъ крестомъ. Онъ поднялся на гору вчера, во время бури, и цѣлую ночь провелъ безъ пищи и прикрытія, въ ожиданіи ея появленія. Такая же буря клокотала въ его сердцѣ, какъ вчера на горахъ; огонь жегъ его душу и раны терзали его сердце. Онъ смотрѣлъ на Эну, возмущенный и злобный, а она, умиротворенная, задумчивая и кроткая, тихо прошла мимо него и скрылась въ воротахъ обители, какъ видѣнье, какъ духъ. Стройное пѣніе огласило окрестность; еще нѣсколько ударовъ колокола, и все смолкло. Больше ничего и не нужно было князю; онъ удостовѣрился, что она здѣсь, въ монастырѣ; въ одномъ изъ оконъ онъ увидѣлъ ея черную статную фигуру—это было окно ея кельи.

Когда наступили сумерки, князь вышелъ изъ своей засады и очутился подъ этимъ окномъ. Теперь не свѣтили ему звѣзды, не было на небѣ луны; тяжелыя черныя тучи ползли въ вышинѣ, и изъ нихъ, какъ слезы, капалъ дождь. Заунывный вѣтеръ завывалъ между скалами. Одинокая монахиня, склонившись въ углу своей кельи передъ образомъ Богоматери, шептала молитву. И вдругъ, среди безмолвной тишины ночи, она услыхала знакомый голосъ, издали донесшійся до нея:

Предъ тобою всѣ дѣвы отчизны
Что звѣзды предъ яркой луной...

Вся зардѣвшись отъ испуга и радости, она открыла окошко. Подъ нимъ стоялъ ея возлюбленный. Она готова была ринуться внизъ, упасть въ его объятія, ускакать съ нимъ на край свѣта... но ликъ богоматери также строго смотрѣлъ на нее изъ полутемнаго угла, освѣщенный желтымъ пламенемъ мерцающей лампады, какъ тогда, когда она мечтала, вглядываясь

Digitized by Google

въ роскошный садъ царскаго дворца,—и она съ болью въ сердцѣ сдержала свой порывъ и прошептала чуть слышно:

— Уйди, мой джигитъ, радость души моей, уйди: я навѣки принадлежу Богу...

Окно захлопнулось. Понуря голову, медленно спускался по скаламъ князь, обдумывая планъ мщенія.

На другое утро, Омаръ на лихомъ скакунѣ мчался домой. Ему нечего было придумывать планъ мщенія. По дорогѣ ему встрѣтился лазутчикъ, который отыскивалъ его цѣлую недѣлю, чтобы объявить, что царь Ираклій изготовился идти въ походъ на Осетію, дабы наказать дерзкаго оскорбителя его дочери. Омаръ зналъ, что если онъ объѣдетъ двухъ-трехъ владѣтельныхъ князей горной Осетіи, то вся страна подымется, какъ одинъ человѣкъ, и, спустившись съ высотъ въ долины Грузіи, потокомъ разольется по нимъ и наводнитъ ихъ ужасомъ и стонами. Не въ первый разъ хищнымъ осетинамъ драться съ робкими грузинами; не въ первый разъ возвращаться имъ въ неприступныя орлиныя гнѣзда свои съ богатою добычей, съ караванами ковровъ, драгоцѣнныхъ тканей, бурдюковъ вина, фруктовъ и толпою заложниковъ. Эта война ему не страшна. Онъ ѣхалъ по горной тропинкѣ и задумался. Онъ думалъ о тѣхъ временахъ, когда Грузія была могущественна и славна. Тѣ времена давно прошли, и отъ нихъ ничего не осталось, какъ ничего не осталось отъ ихъ царицы Тамары, кромѣ сказочной славы. „Что можетъ быть добраго отъ женщины“, разсуждалъ онъ, „а ужь когда женщина правитъ государствомъ—толку мало бываетъ“. Онъ зналъ, что при Тамарѣ юношество училось въ Греціи, въ Аѳинахъ, что подданные ея говорили на 35 языкахъ, и гордо улыбнулся, сравнивая свою осетинскую молодежь, полную отваги и дикой храбрости, съ образованнымъ, но изнѣженнымъ и избалованнымъ грузинскимъ юношествомъ. Онъ уважалъ царицу Тамару, какъ храбрую женщину, но не признавалъ за нею способности правительницы, такъ какъ она не съумѣла укрѣпить государство, хотя побѣдоносно воевала съ турками, персами и всякими иными хищными племенами. Но только что ея не стало, и опять сосѣди начали разорять и грабить Грузію, у которой не было теперь ни войска, ни богатствъ, ни энергичнаго правителя. Изъ разсказовъ рапсодовъ и старыхъ людей своего аула онъ зналъ,

Digitized by Google

что Тамара, дочь Георгія III, два раза была замужемъ: сначала за Георгіемъ, сыномъ Андрея Боголюбскаго, котораго обвинила впослѣдствіи въ разныхъ государственныхъ преступленіяхъ и сослала въ Стамбулъ, для того чтобы выйти замужъ за Сослана-Давида, осетинскаго князя. Омаръ опять улыбнулся. Это льстило его самолюбію, и онъ старался вообразить себя на мѣстѣ Сослана: онъ съумѣлъ бы прибрать и Тамару, и Грузію къ своимъ рукамъ, и теперь ему не пришлось бы воевать съ грузинами, которыхъ онъ сдѣлалъ бы своими подданными. Что касается Ираклія, добродушнаго и слабаго царя, онъ не боялся его. Теперь онъ ѣхалъ домой собирать войско; онъ позволитъ своимъ воинамъ вдосталь натѣшиться въ удаломъ набѣгѣ и поживиться дарами благодатной страны; онъ теперь силой возьметъ Агунду и женится на ней, чтобы отомстить за Эну, образъ которой носился передъ нимъ, не покидая его ни днемъ, ни ночью. А что касается до того, чтобы погубить Агунду, то на этотъ счетъ жестокій и мстительный Омаръ не задумывался. На это есть тысячи способовъ, и отчего бы ему не примѣнить способа, который примѣнила когда-то царица Тамара къ опостылѣвшему ей мужу? И радостная улыбка озарила его лицо.

Полчища осетинъ наводнили Грузію. Царь Ираклій только что собрался подойти къ подножію Кавказскаго хребта, чтобы броситься на Осетію, какъ уже осетины потокомъ хлынули съ горъ, и въ Кайшаурской долинѣ разыгралась битва. Грузины бѣжали. Осетины преслѣдовали ихъ по цвѣтущимъ долинамъ Грузіи и гнали изъ аула въ аулъ. Одѣтые въ красные кафтаны, на красивыхъ, но изнѣженныхъ карабахскихъ коняхъ, не выдерживали грузины напора полудикихъ полчищъ. Омаръ стоялъ уже подъ ихъ столицей. Два мѣсяца длилась осада. Царь Ираклій бѣжалъ въ Турцію, гдѣ вскорѣ и умеръ, и столица должна была со дня на день сдаться. Омаръ, сидя въ своемъ шатрѣ, терпѣливо ждалъ этого дня. А пока онъ развлекался, попивая изъ турьихъ роговъ въ черной серебряной оправѣ душистое вино, шутилъ съ своими приближенными, вспоминалъ голубые, какъ вешнее небо, глаза красавицы Эны и ея губы, красныя, какъ вѣнчикъ граната. По вечерамъ заставлялъ онъ рапсодовъ пѣть ему пѣсни отчизны, и самъ игралъ на джіанурѣ, разукрашенной серебр-

Digitized by Google

ромъ, мѣдью и стеклянными бусами. Но все это ему надоѣло; ему надоѣло это вынужденное бездѣйствіе, и хотя онъ выѣзжалъ въ набѣги, чтобы пограбить еще уцѣлѣвшіе дальніе аулы, но это его не удовлетворяло и ему хотѣлось добиться своего.

Однажды ночью, послѣ попойки, когда онъ легъ уже на тахту и положилъ себѣ подъ голову мутаку [1]), собираясь заснуть до утра, онъ услышалъ шумъ за пологомъ шатра. Черезъ нѣсколько минутъ, войлокъ шатра распахнулся, и онъ увидѣлъ женскую фигуру въ сопровожденіи своей стражи. Это была Агунда. Дикая радость блеснула въ его глазахъ. Наконецъ цѣль его достигнута! Она была также прекрасна, какъ годъ тому назадъ, даже еще прекраснѣе. Она стала еще блѣднѣе, и глаза ея стали еще больше, еще выразительнѣе. И въ глазахъ этихъ онъ прочелъ мольбу о пощадѣ, глубокое горе и безумную, гордую ненависть.

— Что ты сдѣлала съ Эной?—спросилъ ее Омаръ.

Лицо Агунды исказилось, гнѣвный огонекъ блеснулъ въ ея черныхъ глазахъ. Она презрительно улыбнулась и сказала сквозь зубы:

— Я приказала ее умертвить.

Онъ улыбнулся въ отвѣтъ на эту ложь.

— Чего же ты отъ меня хочешь?—спросилъ онъ ее.

— Я пришла просить пощады, побѣдитель. О, нѣтъ нѣтъ, не для себя,—гордо прибавила она, уловивъ улыбку на лицѣ Омара.—Со мной ты можешь дѣлать, что хочешь. Нѣтъ, я прошу за мой народъ, за осажденный городъ. У насъ уже три дня нѣтъ воды, и мы умираемъ съ голоду. Ты мстишь мнѣ и моему отцу. Но мой отецъ умеръ, а я... вся въ твоей власти... сними же осаду съ города и освободи ничѣмъ неповинныхъ людей...

— Довольно, Агунда,—отвѣтилъ ей Омаръ. — Выслушай мое рѣшеніе. Я могъ бы поступить съ тобой жестоко, могъ бы приказать умертвить тебя, какъ ты сдѣлала это съ Эной... Не улыбайся такъ радостно и гнѣвно, я не доставлю тебѣ этого удовольствія. Я добрѣе тебя. Я сниму осаду на слѣдующихъ условіяхъ: ты сдѣлаешься моей женой, и тогда я

[1]) Длинная подушка - валикъ, набитая шерстью.

Digitized by Google

отведу назадъ своихъ джигитовъ. Но знай, малѣйшая измѣна съ твоей стороны—и тебя постигнетъ участь Эны.

Онъ хлопнулъ три раза въ ладоши. Вошли воины въ кольчугахъ изъ заржавленнаго отъ долгаго пути желѣза. Они взяли Агунду и отвели ее въ сосѣдній шатеръ, приставивъ къ ней бдительную стражу. На другое утро столица сдалась, и въ мцхетскомъ храмѣ Агунда была обвѣнчана съ Омаромъ. Въ этотъ день, съ наступившимъ вечеромъ, въ столицѣ было не такъ уже весело, какъ въ тотъ день, когда сюда ждали Омара, какъ жениха. Не было костровъ, не было пѣсенъ, не было плясокъ. Омаръ сейчасъ же послѣ свадьбы вернулся за городскія стѣны, въ свой шатеръ, гдѣ провелъ ночь съ молодой женой. Въ станѣ и вокругъ шатра всю ночь кипѣло бѣшеное веселье. Осетины пили и пировали, ссорились при дѣлежѣ награбленной добычи и снова мирились. Празднуя свадьбу своего князя, они джигитовали и кричали, но къ утру все утихло; пьяные и усталые, всѣ улеглись спать. Только часовой ходилъ вокругъ шатра Омара и слышалъ гнѣвныя рѣчи новобрачныхъ, среди поцѣлуевъ и бѣшеныхъ ласкъ. На утро Омаръ вышелъ изъ шатра и собралъ своихъ воиновъ. Всѣ усѣлись и Омаръ держалъ имъ рѣчь:

— Храбрые воины, храбрые джигиты, — говорилъ онъ имъ: — вчера еще вы привели ко мнѣ молодую, черноокую Агунду. Она просила у меня пощады для своего народа. Я пощадилъ ее; я снялъ осаду съ города, я спасъ ея подданныхъ отъ голодной смерти. Мало того, я женился на ней. И какова же ея благодарность? Знаете ли вы, что въ эту первую брачную ночь она покушалась убить меня? Меня, своего избавителя, своего мужа и повелителя? Чего достойна такая женщина?

— Смерть ей, смерть!—закричала пьяная и непроспавшаяся толпа.—Сбросить ее со скалы въ Арагву. Привязать ее къ хвосту бѣшеной лошади!

Омаръ сдѣлалъ знакъ, и все смолкло.

— Я рѣшилъ иначе. Я не хочу ея смерти. Пусть она живетъ. Я рѣшилъ посвятить ее Богу...

Эти слова онъ произносилъ намѣренно громко, чтобы ихъ услышала Агунда.

— Я отвезу ее въ монастырь, въ самый дальній горный

Digitized by Google

монастырь, и запру ее въ уединенную келью. Пусть тамъ, на вершинахъ нашихъ родимыхъ горъ, гдѣ царятъ орлы и бури, коротаетъ она вѣкъ свой. Пусть не видитъ она вовѣки цвѣтущихъ долинъ своей родины; пусть забудетъ она о яркихъ и пахучихъ цвѣтахъ дворцоваго сада, пусть вовѣки не услышитъ пѣсенъ соловья. Пусть изъ узкаго рѣшетчатаго окна своей кельи любуется она снѣговыми полями да жалкимъ терновникомъ и колючками; пусть слушаетъ протяжный свистъ совы и изрѣдка полюбуется на розовыя крылышки каменнаго скворца, рѣдкаго гостя на этихъ высотахъ. Пусть звукъ монастырскаго колокола замѣнитъ ей зурну и джіанури...

— Да будетъ!—хоромъ отвѣтили осетины, и этотъ приговоръ, хуже всякаго смертнаго приговора, услыхала бѣдная Агунда.

Когда Омаръ вошелъ въ шатеръ, Агунда въ безсильномъ бѣшенствѣ билась головой о тахту. Лицо ея исказилось отъ гнѣва и глаза метали свирѣпыя молніи. Она узнала теперь Омара. Она почуяла всю силу его мщенія, его желѣзную волю и его твердое, какъ сталь, сердце. Онъ не отступится отъ своихъ словъ и ея судьба рѣшена. Страстная, молодая, цвѣтущая Агунда должна будетъ провести всю свою жизнь въ заброшенномъ, забытомъ монастырѣ, въ борьбѣ съ своими страстями, мечтами и грезами...

Черный рядъ монахинь, выровнявшись въ узенькой церкви горнаго монастыря, ожидалъ новопосвященную. Мѣрные удары колокола разливаются по вершинамъ угрюмыхъ скалъ. Лампады и свѣчи тускло мерцаютъ передъ потемнѣвшими образами въ полумракѣ каменныхъ сводовъ. Внизу, на площадкѣ, раздались рѣзкіе звуки серебряныхъ роговъ. Это пріѣхала Агунда въ сопровожденіи свиты. Отсюда она должна подняться къ темнымъ стѣнамъ монастыря. Она шла медленно, понуря голову. Передъ ея глазами высились стѣны гробницы, въ которой она должна была погрести себя до конца своей жизни. По бокамъ узкой тропинки стояли могильные кресты, которые должны были напоминать ей о непривѣтливомъ и угрюмомъ мѣстѣ ея вѣчнаго отдохновенія. А надъ нею гудѣлъ колоколъ, какъ бы хороня ее. Она вошла. Едва под-

Digitized by Google

няла она голову, какъ безумный крикъ, не то гнѣва, не то радости, раздался изъ ея устъ.

— Эна!—крикнула она. — Эна здѣсь!..—Въ бѣшеной злобѣ подошла она къ ней и, не стѣсняясь святостью мѣста, излила передъ ней всю горечь, накопившуюся у нея на душѣ противъ Омара и противъ нея, Эны. Изъ-за несчастной любви ея жениха и мужа къ Энѣ погибъ ея отецъ, жестоко натерпѣлся ея народъ,—и вотъ погибаетъ она сама. Въ ярости рвала она на себѣ черныя одежды и дико озиралась кругомъ. Ее увели въ келью. Тамъ, передъ образомъ Самебы, она распростерлась на войлочномъ коврѣ, сквозь который чувствовался все таки сырой холодъ каменнаго пола. Она пробовала молиться, но молитва застывала на ея поблѣднѣвшихъ губахъ, и онѣ изрыгали только святотатственныя проклятія.

Такъ прошла ночь. На утро съ колокольни монастырской церкви раздался погребальный звонъ. Глухо прошелъ онъ по дикимъ утесамъ и эхомъ разнесся далеко по горамъ: кроткую златокудрую Эну нашли на постели мертвою. Глаза ея были широко раскрыты и налиты кровью, лицо посинѣло, а на губахъ присохла предсмертная пѣна. Шопотъ прошелъ между монахинями. „Она ее задушила!“—шептали онѣ. Агунда исчезла. Всѣ поиски не привели ни къ чему. Только въ день похоронъ Эны нашли, наконецъ, Агунду. На остромъ выступѣ скалы, заросшей колючками и терновникомъ, на небольшой высотѣ отъ глубокой и мрачной пропасти повисъ ея трупъ. Колючки и терніи, а также острые камни, искровянили и обезобразили ея лицо, когда-то столь красивое; монашеское платье висѣло вокругъ тѣла, изодранное въ клочья. Она не долетѣла до дна пропасти, когда бросилась въ нее, послѣ преступленія. Надъ трупомъ ея носились, кружась въ воздухѣ, горные орлы. Снова загудѣлъ колоколъ. Агунду зарыли въ каменистую почву, но не на общемъ кладбищѣ, а внизу, на скатѣ къ той пропасти, куда она бросилась. Монахини набожно молились объ упокоеніи обѣихъ душъ и служили усиленныя службы объ очищеніи оскверненнаго убійствомъ и самоубійствомъ монастыря. Онѣ ходили на обѣ могилы. Могилка Эны была украшена чахлыми и блѣдными цвѣтами горныхъ ущелій и глядѣла весело, насколько это

Digitized by Google

возможно въ угрюмыхъ скалахъ; могила Агунды была дика и угрюма, какъ и вся ея жизнь. На могилу Эны прилетали горные скворцы съ розовыми крылышками и хохлатки-удоды; надъ могилой Агунды ухала сова, настороживъ свои острыя уши, дико вращая своими выпученными глазами и наводя на всѣхъ ужасъ. Суевѣрныя и испуганныя монахини набожно крестились, проходя мимо, и шептали молитвы. Онѣ были увѣрены, что души обѣихъ покойницъ переселились въ птицъ, которыя посѣщали ихъ могилы. Говорили еще, что каждую ночь, надъ пропастью подъ монастырской стѣной, витаетъ воздушная, свѣтлая тѣнь, а внизу съ острыхъ камней простираетъ къ ней руки другая тѣнь, сквозь бѣлые покровы которой чернѣетъ темное тѣло... И цѣлую ночь изъ пропасти доносятся глухіе стоны и дикіе вопли, перемѣшанные съ унылымъ свистомъ совы.

Съ восходомъ зари, лишь только первые лучи утренняго солнца блеснутъ на блѣдномъ небѣ, обѣ тѣни исчезаютъ, чтобы въ слѣдующую ночь появиться снова, на страхъ и ужасъ благочестивыхъ монахинь.

II. КРАСАВИЦА ЭХСИНА.

(легенда столовой горы).

I.

Старое сказаніе.

Въ стародавнія времена, изъ плоскостной Осетіи въ Грузію шла по ущельямъ и долинамъ извилистая горная тропа между исполинами Кавказскаго хребта. Внизу, перепрыгивая съ камня на камень, бушевалъ Терекъ; вверху по скаламъ ютились, какъ орлиныя гнѣзда, уединенные, рѣдкіе аулы. Горная тропа шла, извиваясь съ одного берега рѣки на другой, то вздымаясь по бортамъ почти отвѣсныхъ скалъ, то вдругъ низвергаясь въ бездну, по узкой лощинкѣ. Рѣдко,

Digitized by Google

рѣдко проходилъ по дорогѣ кочующій караванъ верблюдовъ, направляясь въ Персію или возвращаясь оттуда; на ночь останавливался онъ въ какомъ нибудь придорожномъ аулѣ на ночевку, потому что и днемъ-то было идти не безопасно. Но аулы попадались рѣдко, и если ночь застигала караванъ на дорогѣ, онъ располагался на ночлегъ, гдѣ придется, въ угрюмыхъ скалахъ, и представлялъ тогда изъ себя вооруженный лагерь. Высоко надъ дорогой, въ центрѣ Джераховскаго ущелья, на дикихъ отвѣсныхъ скалахъ пріютился небольшой аулъ. Нѣсколько убогихъ саклей сиротливо примазались къ самому краю обрыва и совершенно сливались съ камнемъ скалы. Воинственные осетины, населявшіе аулъ, изрѣдка спускались внизъ на дорогу, останавливали караваны и одинокихъ путниковъ, отважившихся на рискованное путешествіе, и возвращались въ свое гнѣздо съ награбленной добычей, которую дѣлили между собою, что всегда, впрочемъ, кончалось рѣзней. Аульная жизнь текла однообразно: день походилъ на день, ночь на ночь. Всякій доподлинно зналъ, что дѣлается на дворѣ у сосѣда, сколько появилось отбитыхъ коней у него въ табунѣ, сколько народилось барашковъ, кому и что удалось награбить въ лихомъ набѣгѣ...

Тоскливо текла жизнь. Только по праздникамъ собирались иногда обитатели аула на плоской крышѣ какой нибудь сакли— послушать разсказъ столѣтняго старца Аслана. Чудныя и страшныя вещи разсказывалъ древній старикъ: онъ еще помнилъ тѣ времена, когда землю населяли страшныя чудовища, злые волшебники и волшебницы, великаны, пожиравшіе людей, и тому подобные обитатели. Когда Асланъ начиналъ разсказывать, сидя на крышѣ, въ огромной мохнатой папахѣ, поджавши подъ себя ноги, у всѣхъ захватывало дыханіе и всѣ старались не проронить ни единаго звука изъ его размѣренной, плавной рѣчи, дышащей огнемъ юности. Сѣдой, какъ лунь, весь въ мельчайшихъ, безчисленныхъ морщинахъ, изсохшій старикъ монотонно велъ свой разсказъ, самъ едва ли слыша то, что говорилъ. Голова его тряслась отъ старости, а бронзовое лицо, обрамленное длинной серебряной бородой, не выражало ни малѣйшаго волненія, ни малѣйшаго участія къ разсказу и было какъ бы изваяно изъ камня. Изрѣдка только изъ подъ густыхъ нависшихъ бровей сверкнетъ острый, какъ

Digitized by Google

сталь, взоръ его очей, все еще молодыхъ, полныхъ огня и жизни. Но чаще, среди разсказа, онъ вдругъ засыпалъ подъ звукъ своей монотонной рѣчи, и во время его дремоты слушатели молчали, а нѣкоторые, наиболѣе суевѣрные, шептали другъ другу: „Асланъ бесѣдуетъ съ Великимъ Духомъ, не надо мѣшать ему". И хотя разсказъ старика останавливался на мѣстѣ, полномъ жгучаго интереса, никто не рѣшался прерывать его таинственной дремы. Иногда старикъ просыпался и продолжалъ разсказъ съ того самаго мѣста, на которомъ остановился, какъ будто и не прерывалъ его; чаще же онъ не просыпался въ теченіе нѣсколькихъ часовъ и тогда уже не могъ рѣшительно припомнить, о чемъ говорилъ, и разсказъ оставался недоговореннымъ, а слушатели дополняли его своимъ собственнымъ воображеніемъ. И странное дѣло: Асланъ никогда не возвращался къ прежнимъ разсказамъ. Даже когда ему припоминали прежнія сказанія и старались навести на старую тему, онъ отрицательно качалъ головой и говорилъ, что ничего не помнитъ и что онъ никогда не говорилъ о томъ, про что ему напоминали. Каждый разъ онъ разсказывалъ новую исторію. Душа его, казалось, жила въ волшебномъ мірѣ грезъ и видѣній, и кто зналъ, разсказываетъ ли онъ видѣнное и испытанное, или же только ему пригрезившееся?

Лучше всего старикъ разсказывалъ въ сумерки. Въ этомъ узкомъ ущельѣ, солнце поздно входило и рано заходило за высокія стѣны горъ; ночь наступала быстро и неожиданно, и чѣмъ темнѣе становилось на небѣ, тѣмъ сбивчивѣе и туманнѣе дѣлался разсказъ, къ концу котораго изъ устъ старика вырывались какія-то таинственныя слова и смутныя рѣчи, которыхъ никто изъ присутствующихъ не понималъ. Старый Урызмагъ, на саклѣ котораго чаще всего собирались слушатели, приходилъ, въ такихъ случахъ, въ неподдѣльный ужасъ и торопился отослать во внутренность сакли своего сына, юнаго Магомета, и маленькую дочь Уари, которые всегда съ затаеннымъ страхомъ и горячимъ любопытствомъ внимали рѣчамъ древняго старика. Рано развившіяся дѣти Урызмага тосковали въ печальной обстановкѣ унылаго аула. Юное сердце Магомета давно уже кипѣло отвагой и желаніемъ сильныхъ ощущеній. Ему неудержимо хотѣлось пострансствовать по бѣлому свѣту,

Digitized by Google

хоть однимъ глазомъ воочію убѣдиться въ существованіи одного изъ тѣхъ могучихъ великановъ или одной изъ тѣхъ злыхъ волшебницъ, которые до сихъ поръ, по словамъ Аслана, населяютъ неприступныя вершины горъ, скрываясь отъ взоровъ непосвященнаго человѣка. Много чуднаго наслушался онъ о славной и страшной царицѣ Тамарѣ, о старомъ, могучемъ Гудѣ, ворочающемъ весной и поздней осенью камни и скалы, засыпающемъ обвалами и снѣгами всѣ дороги и дышащемъ на путниковъ ледянымъ холодомъ; о мужественной Томираидѣ, о великанахъ и людоѣдахъ, о Духѣ Зла и о Великомъ Духѣ, и о многомъ другомъ. Глаза его, полные отваги, горѣли безумнымъ мужествомъ, рука судорожно сжимала кинжалъ, кровь приливала отъ сердца къ головѣ... Давно уже что-то смутное и таинственное творилось въ его душѣ. Разсказы о красавицахъ, волшебницахъ горъ, наполняли его сладкимъ трепетомъ. Онъ не могъ равнодушно слышать описаній женской красоты; какая-то странная и пріятная дрожь пробѣгала по его юному тѣлу; голова горѣла въ огнѣ и ему становилось жутко и душно. Его тянуло куда-то вдаль, туда, гдѣ царила таинственная красавица, и ему хотѣлось сжать эту красавицу въ своихъ сильныхъ объятіяхъ, хотя бы за это пришлось поплатиться жизнью.

Въ одинъ душный лѣтній вечеръ, жители собрались на крышу урызгмаговской сакли. Старый Асланъ сидѣлъ уже тамъ, важно поджавъ подъ себя ноги, тряся отъ старости своей бѣлой бородой и бормоча какія-то непонятныя рѣчи. Всѣ усѣлись вокругъ него. Старикъ былъ въ духѣ. — Разскажи намъ о красавицѣ Эхсинѣ, — просили его. Но онъ отрицательно качалъ головой. Тогда многіе подумали, что онъ не слышитъ просьбы, и повторили ее громче. Онъ опять закачалъ головой и тихо сказалъ:

— Жива, жива еще!... Великій Духъ будетъ катить обвалъ, а въ такую ночь нельзя говорить о томъ, что живо. — Всѣ посмотрѣли на небо. Оно было прозрачно и чисто. На немъ зажигались блѣдныя звѣзды. Нигдѣ ни облачка. И хотя было душно, но ничто не предвѣщало грозы. Но всѣ знали по опыту, что если Асланъ говоритъ, что Великій Духъ будетъ катить обвалъ, значитъ неминуемо будетъ гроза. Многіе слышали, что красавица Эхсина оби-

Digitized by Google

таетъ на сосѣдней горѣ и управляетъ окрестными долинами и скалами, на одной изъ которыхъ расположился ихъ аулъ. И всѣмъ хотѣлось знать исторію Эхсины. Поэтому просьбы возобновились съ удвоенною силою. Старикъ наклонилъ голову, какъ бы прислушиваясь къ какому-то очень отдаленному звуку. Потомъ улыбка прошла по его вообще неподвижному лицу. Онъ еще помолчалъ нѣсколько и медленно произнесъ:

— Обвалъ катится еще далеко... Хорошо, я разскажу вамъ про Эхсину.

Всѣ притаили дыханіе.

— Аллахъ, Биллахъ, Таллахъ!—произнесъ Асланъ.— Давно это было... Тогда это было, когда люди не были еще такими мелкими и тщедушными, когда землю населяли могучіе великаны. Да, давно это было, давно. — Потомъ онъ замолчалъ и сосредоточился.

— Валлахъ! — воскликнулъ онъ вновь и собралъ дрожащей рукой въ кучку свою сѣдую бороду, погладилъ ее и распустилъ. Всѣ знали, что когда онъ примется разглаживать свою бороду, то разсказъ будетъ интересный и длинный.

Слушатели сосредоточились.

— Въ тѣ давнія времена, — заговорилъ старикъ, закрывая глаза, что онъ дѣлалъ всегда, начиная повѣствованіе,— въ тѣ давнія времена, жилъ на свѣтѣ могучій повелитель и было у него семь женъ. Подданные его были великаны и всѣ они населяли горы. Всѣ они были охотниками и добывали себѣ пищу на охотѣ за дикими вепрями, турами и прочими животными, населявшими лѣса, на вершинахъ горъ. Но въ государствѣ великановъ не было воды. Только въ тѣ дни, когда Великій Духъ посылалъ на землю воду съ неба, великаны утоляли свою жажду, собирая падавшую влагу въ огромные каменные кувшины; когда же влаги долго не бывало, они пили кровь убиваемыхъ ими животныхъ и тогда свирѣпѣли и истребляли другъ друга. У царя великановъ было семь женъ... — Тутъ Асланъ задумался и примолкъ. Потомъ онъ вдругъ встрепенулся и продолжалъ:

— Всѣхъ онъ любилъ одинаково, ибо всѣ были прекрасны. Каждой изъ женъ онъ посвящалъ по одному дню въ недѣлю. Всѣ онѣ дѣлали много добра своему народу, любили

Digitized by Google

своего царя и мужа, усердно работали, ткали ковры для украшенія царскаго дворца и мирно жили между собою, какъ сестры... Въ то время какъ одна изъ нихъ по очереди услаждала досуги царя, другія шесть поджидали ее, радостно встрѣчали по возвращеніи изъ царскихъ покоевъ и слушали ея разсказы. Она говорила о ласкахъ, которыми осыпалъ ее царь, о его обхожденіи съ ней, о любви къ ней, и всѣмъ становилось весело, и всѣ радовались ея счастью. Потомъ наступала очередь другой, третьей, и такъ до послѣдней. Царь былъ очень добръ, не только къ своимъ женамъ, но и ко всѣмъ своимъ подданнымъ. Для всѣхъ былъ открытъ его дворецъ и готовъ его столъ. Но все это продолжалось лишь до одного печальнаго случая. Однажды, въ весеннее яркое утро, младшая жена, Эхсина, отправилась въ горы, далеко отъ своего жилища. Ей захотѣлось подышать свѣжимъ воздухомъ, набѣгаться въ волю по свѣтло-зеленой весенней травѣ. Солнце ярко свѣтило и птички пѣли веселыя пѣсни. Эхсина увлеклась прогулкой и зашла довольно далеко. Когда солнце было уже высоко на небѣ, она почувствовала утомленіе и голодъ. Ей захотѣлось освѣжиться, отдохнуть и поѣсть. Но солнце пекло ее своими весенними лучами, ѣсть было нечего и она, потерявъ дорогу, не знала, куда идти. Пойдетъ по одному направленію—все какъ будто знакомыя мѣста, но черезъ нѣсколько шаговъ она убѣждается, что никогда не бывала въ этихъ мѣстахъ. Пойдетъ по другому — та же исторія. Долго плутала она по лѣсамъ и горамъ; а на небѣ за это время скапливались тучи и слышались какъ бы отдаленные раскаты грома. Изъ лѣса, пріютившагося на верхней площадкѣ горы, у подножія которой она стояла, доносились до нея чудные звуки невѣдомой пѣсни. Потъ градомъ лилъ съ ея лица, но она сдѣлала послѣднее усиліе и направилась къ лѣсу. Долго шла она: зной душилъ ее, на ногахъ она ощущала путы — какъ будто кто-то мѣшалъ ей идти, а вмѣстѣ съ тѣмъ что-то гнало ее туда, и она не могла остановиться. Войдя въ лѣсъ, она почувствовала прохладу; здѣсь было много травы, много тѣнистыхъ и вѣтвистыхъ деревьевъ, и ей захотѣлось отдохнуть подъ однимъ развѣсистымъ деревомъ. Но звуки долетали до нея изъ глубины лѣса и ее влекло къ нимъ. Чѣмъ дальше она углублялась въ чащу, тѣмъ ей становилось легче идти.

Digitized by Google

На нее вѣяло все бо́льшей и бо́льшей прохладой и ароматами цвѣтовъ. И вдругъ... она увидала озеро. До сихъ поръ никто изъ великановъ, подданныхъ царя, не видѣлъ столько воды; до сихъ поръ всѣ — и она въ томъ числѣ — думали, что вода падаетъ только съ неба, и никогда не воображали себѣ, что вода можетъ скопиться на землѣ, и что земля ее не поглотитъ. Эхсина была изумлена и очарована. Она сначала ничего не поняла, но потомъ подошла ближе къ горному озеру и сѣла на берегу. Изъ озера доносились къ ней звуки. Чей-то сладкій и волшебный голосъ, какъ бы изъ самой глубины, пѣлъ: „Войди, войди, красавица, безъ страха и сомнѣнія, въ живительную струю моихъ владѣній. Ты почувствуешь легкость, какой никогда не чувствовала на землѣ, прохладу бо́льшую, чѣмъ подъ сѣнью дерева...“ Она колебалась, но потомъ вдругъ сразу рѣшилась и, раздѣвшись, бросилась въ воду. Она долго барахталась въ озерѣ и почувствовала вдругъ, что ее тянетъ что-то къ низу. Она испугалась, нагнулась надъ озеромъ и увидѣла въ гладкой его поверхности свой чудный образъ. Она ему улыбнулась и подняла руку, чтобы поправить свои распустившіеся волосы; отраженіе сдѣлало тоже. Она засмѣялась, и образъ въ озерѣ тоже засмѣялся. Тогда она поняла, что видитъ саму себя, и ей стало легко и весело на душѣ. Она никогда не воображала себя такой красавицей и долго еще стояла надъ озеромъ, любуясь собой. А пѣніе доносилось до нея изъ глубины озера, и она слышала хвалебные гимны своей красотѣ...

„—Становилось темно; между верхушками деревьевъ виднѣлось небо, быстро покрывавшееся тучами. Ей давно слѣдовало уйти, но она не могла этого сдѣлать, любуясь своей красотой. Стемнѣло, и она уже не видѣла больше своего отраженія. Вдругъ грянулъ громъ и блеснула молнія. Тогда она еще разъ увидѣла свой образъ въ озерѣ. Она нагнулась надъ водой и поцѣловала его, замочивъ себѣ губы. Ей вдругъ захотѣлось обладать собой, и она начала жадно пить воду. И отрадная прохлада прошла по ея утомленному тѣлу. Однако, пора было идти. Она тронулась въ путь и не могла достаточно надивиться, какъ ей теперь стало легко и отрадно идти назадъ. Въ ушахъ ея раздавались звуки озерной пѣсни,

Digitized by Google

въ глазахъ стоялъ чудный образъ ея красоты. Она шла, полная какой-то дикой радости. Это былъ послѣдній день ея счастья. Теперь, по возвращеніи домой, все ей казалось неприглядным и некрасивымъ. Какимъ мрачнымъ и скучнымъ показался ей дворецъ; какимъ старымъ и некрасивымъ — ея мужъ; какими уродами глядѣли ея подруги — жены царя. Теперь въ каждомъ изъ окружающихъ она стала замѣчать недостатки, которыхъ прежде не видала. И вмѣстѣ съ тѣмъ она сознавала, что—красивѣе всѣхъ. Образъ, видѣнный ею въ озерѣ, не покидалъ ея. До сихъ поръ она жила и не знала различія между красотой и уродствомъ; теперь все стало для нея ясно. Она возмечтала о себѣ, стала горда и высокомѣрна, сдѣлалась нетерпимой къ окружающимъ, презрительно относилась къ другимъ женамъ и требовала отъ нихъ послушанія, поклоненія и восторговъ. Она перестала работать и заставляла ихъ работать на себя. Она скрыла ото всѣхъ существованіе озера, но сама ежедневно ходила къ нему и купалась въ немъ. Холодная струя воды благотворно дѣйствовала на ея тѣло, которое съ каждымъ разомъ становилось свѣжѣе и бѣлѣе. И каждый разъ она слышала таинственный шопотъ или сладкозвучное пѣніе изъ глубины водъ: „Ты прелестнѣе всѣхъ женъ на свѣтѣ, ты царица надъ всѣми женщинами міра. Старый царь великановъ слѣпъ и глупъ, что равняетъ тебя съ шестью другими женами. За обладаніе тобою можно отдать весь міръ... И если ты согласишься полюбить меня, если ты снизойдешь до меня, я награжу тебя вѣчностью, я еще больше украшу твое тѣло, я дамъ твоимъ глазамъ несокрушимую силу...“ — Кто ты? — спрашивала испуганная и счастливая Эхсина. „—Я духъ этого озера, я духъ этихъ горъ... Когда кто нибудь изъ твоихъ подданныхъ уничтожаетъ другаго, знай: я вожу его рукой; когда великаны, истомленные жаждой, пьютъ животную кровь и потомъ истребляютъ другъ друга въ жестокой рѣзнѣ, знай: я толкаю ихъ на это дѣло. Я потому не даю воды имъ, чтобы они истребляли другъ друга... Я силенъ и могущественъ и могу погубить человѣка...“ Она начинала дрожать отъ страха, потому что тоже была человѣкомъ. Тогда она слышала громовой раскатъ хохота и, вслѣдъ затѣмъ, опять сладкія рѣчи: „—Не бойся, красавица: тебя я не трону. По-

Digitized by Google

люби меня, и ты будешь властвовать всѣми и никогда не умрешь". Она возвращалась домой, мечтательная и веселая. Окружающіе ее удивлялись происшедшей съ ней перемѣнѣ. Шесть женъ огорчались ея поведеніемъ и недоумѣвали. Старый царь тоже замѣтилъ съ ея стороны охлажденіе. И онъ очень огорчился и сказалъ: „—Что съ тобой, моя Эхсина? Ты уже не та теперь, какою была прежде?"—Нужно быть слѣпымъ и глупымъ,—отвѣтила она, отворачиваясь отъ него,—чтобы не видѣть моей красоты и не восхищаться ею. — Но старикъ не понялъ ея, потому что никогда не смотрѣлся въ озеро и не понималъ разницы между красотой и уродствомъ. Теперь, когда одна изъ шести женъ возвращалась во дворецъ къ своимъ подругамъ и по обыкновенію разсказывала имъ о ласкахъ, которыя расточалъ ей старый царь въ эту ночь, Эхсина презрительно смѣялась и говорила: „Это потому, что онъ слѣпъ и глупъ. Развѣ бы онъ могъ ласкать тебя, послѣ того какъ держалъ меня въ своихъ объятіяхъ, еслибы понималъ разницу между добромъ и зломъ, еслибы могъ понять, что̀ значитъ красота?"

„—Жоны слушали ее со смущеніемъ и недоумѣніемъ. „Посмотрите на меня!"—продолжала Эхсина, воодушевляясь. — „Потрогайте мои шолковые волосы, всмотритесь въ мои черные глаза, въ бѣлизну моей кожи". И она быстро раздѣвалась до-нага и становилась во всемъ блескѣ своей красоты передъ женами. „У кого изъ васъ такія красивыя стройныя ноги? У кого такая полная грудь? Благодарите судьбу, что вы можете смотрѣть на меня, любоваться мной и не ослѣпнуть отъ сіянія моей красоты..."

„—Жоны слушали ее со смущеніемъ и не понимали смысла ея словъ, потому что никогда не смотрѣлись въ озеро. „И я всегда останусь такой, какъ теперь",—продолжала Эхсина, —„а вы всѣ состарѣетесь, какъ вашъ старый царь, и сдѣлаетесь еще болѣе некрасивыми, чѣмъ теперь. Я же буду все хорошѣть да хорошѣть и глаза мои будутъ имѣть несокрушимую силу.

„—Она каждый день ходила къ озеру, все больше и больше восхищалась собой и никакъ не могла примириться съ мыслью, что никто не умѣетъ оцѣнить ея красоты, никто не можетъ понять прелести ея обнаженнаго тѣла. И ей захотѣлось вла-

Digitized by Google

сти надъ людьми, такой власти, чтобы она могла всѣми повелѣвать, даже и царемъ, чтобы она могла всѣхъ наказывать, кто только осмѣлится не восхищаться ею; и ей захотѣлось, чтобы глаза ея имѣли несокрушимую силу. И она бросилась въ озеро съ крикомъ: «Я твоя, о, духъ озера, возьми меня, дѣлай со мной, что̀ хочешь, только дай мнѣ власть повелѣвать міромъ, дай мнѣ несокрушимую силу глазъ, дай мнѣ вѣчность, чтобы я не старѣлась, а съ каждымъ днемъ становилась все лучше и лучше».—Иди сюда, я все тебѣ дамъ!—услышала она изъ глубины озера. Она бросилась въ него. Что-то сильное потянуло ее къ низу. Она лишилась чувствъ. Долго ли она была въ такомъ состояніи — она не помнила. Когда же очнулась, то увидѣла, что лежала подъ кустомъ розъ и чувствовала въ себѣ какую-то необыкновенную силу. Мимо нея пролетѣлъ скворецъ: она взглянула на него и... о, чудо! онъ тотчасъ же превратился въ камень и упалъ къ ея обнаженнымъ ногамъ. Между тѣмъ, жены царя великановъ прослѣдили, куда она ходитъ, и отправились вслѣдъ за ней. Онѣ тоже выкупались въ озерѣ и увидѣли свои отраженія на его поверхности. И Эхсина изъ своего розоваго куста видѣла, какъ онѣ возвращались назадъ, и слышала ихъ распри и ссоры. Каждая изъ нихъ восхваляла теперь свою красоту передъ другою. Каждая хвалилась своимъ тѣломъ.—«Я сама не хуже Эхсины!» кричала одна. «Я видѣла себя въ озерѣ. А такъ какъ я лучше тебя, то, значитъ, и лучше Эхсины", кричала другая. И всѣ онѣ спорили, бранились и ссорились между собою. Съ тѣхъ поръ, въ мірѣ пошли вѣчныя распри между женщинами. Когда онѣ удалились, Эхсина встала и пошла. Она чувствовала во всемъ тѣлѣ какую-то особую бодрость и силу.—«Я ихъ накажу за ихъ дерзкое мнѣніе»,—говорила она злобно.—«Онѣ осмѣливаются сравнивать меня съ собою»!.. Когда она пришла домой на свою гору, то застала шесть женъ въ изступленномъ состояніи; онѣ жестоко ругались между собой и бѣшено спорили. Старый царь бродилъ между ними и не зналъ, что̀ ему дѣлать: онъ не узнавалъ своихъ тихихъ и покорныхъ женъ и кидался отъ одной къ другой, стараясь ихъ усмирить, но все было тщетно. Онѣ его не слушали и упрекали старостью и глупостью. Но онъ ничего не понималъ, потому что не смотрѣлся въ озеро!

Digitized by Google

„—Въ это время появилась Эхсина. — «Вы смѣете себя сравнивать со мною»! гнѣвно воскликнула она. „Хорошо же! Я вамъ покажу! Смотрите же на мою красоту и дивитесь ей вѣчно!“ Всѣ обернулись, и чудо совершилось: неотразимая сила очей Эхсины окаменила ихъ всѣхъ. Старый царь и шесть его женъ превратились въ глыбы камня и застыли въ тѣхъ положеніяхъ, въ которыхъ ихъ застали слова Эхсины. Теперь они были ничто иное, какъ и окружающія ихъ скалы“.

Асланъ умолкъ. Онъ снова нагнулъ свою голову на бокъ, какъ бы прислушиваясь къ чему-то. Дѣйствительно издали доносился смутный гулъ отдаленныхъ раскатовъ грома.

— Аллахъ! — пробормоталъ Асланъ.—Великій Духъ, Великій Духъ!..

— Что же было дальше, что было дальше?—спрашивали его оторопѣлые слушатели, сдержаннымъ шопотомъ.

— Она и теперь живетъ на вершинѣ, — указывая дрожащимъ пальцемъ на гору, вырисовывшуюся изъ чернаго фона неба, говорилъ Асланъ.—Озерный духъ наградилъ ее вѣчностью, такъ какъ самъ былъ вѣченъ, чтобы наслаждаться безъ конца ея красотою; онъ наградилъ ее даромъ окаменять людей, чтобы никто не могъ воспользоваться ея красотою и близко подойти къ ней... Всѣ, кто былъ около нея, превратились въ камень. Она и теперь живетъ тамъ... и все вокругъ нея — камень... Давно, давно уже она живетъ на горѣ и — вотъ она возроптала. Ей скучно стало въ ея каменномъ одиночествѣ и она стала тосковать... Но Духъ Зла, Духъ Озера не покидалъ ея...

Ближе раздался громовой раскатъ.

— Аллахъ! — торопливо заговорилъ Асланъ. — Аллахъ! Тогда Великій Духъ обѣщалъ освободить ее изъ заточенія, если найдется хотя одна женщина, которая согласится сознаться передъ ней въ томъ, что она некрасива. Но всѣ женщины находятъ, что онѣ красивы, и ни одна не хочетъ сознаться въ своемъ безобразіи. И Эхсина все еще тамъ, все тамъ...

Асланъ задремалъ. Въ воздухѣ было душно; на небѣ показались теперь яркія звѣзды между тяжелыми черными тучами... Блеснула молнія, грянулъ сильный и раскатистый ударъ перваго весенняго грома. Асланъ вздрогнулъ, проснул-

Digitized by Google

ся, прошепталъ: „Аллахъ! Аллахъ!“—и снова погрузился въ дремоту.

Съ неба упали крупныя капли дождя. Крыша опустѣла. Всѣ разошлись.

II.

Каменное царство.

Всю ночь не спалъ молодой Магометъ. Всю ночь бушевала кровь въ немъ, какъ снаружи бушевала гроза:—она приливала къ его разгоряченной головѣ, сердце билось учащенно и молодыя страстныя грезы не давали ему уснуть. Спертый воздухъ сакли душилъ его; молодое тѣло трепетало отъ напора молодой страсти. Дивный образъ красавицы Эхсины носился передъ его воспаленнымъ взоромъ, блуждавшимъ въ темнотѣ напроглядной ночи.

Въ эту ночь онъ превратился въ мужчину и ему захотѣлось во что бы ни стало увидать чудную Эхсину. Безумное желаніе всецѣло овладѣло имъ. Никакіе доводы разсудка не могли бы удержать его. Нѣсколько дней прошло, и Магометъ чувствовалъ, какъ онъ мужаетъ. Онъ росъ и превращался въ сильнаго мужчину. Вмѣстѣ съ нимъ росло и его чувство. Во время охоты или набѣга, онъ мечталъ объ Эхсинѣ; охота ему не удавалась, потому что онъ теперь постоянно промахивался, а разъ ему едва удалось ускакать цѣлымъ и невредимымъ изъ набѣга. Мысли о красавицѣ не давали ему покоя. Которую уже ночь онъ не спалъ и не могъ сомкнуть глазъ ни на минуту. Стройный образъ Эхсины приходилъ мучить его. Наконецъ, онъ рѣшился. Раннимъ утромъ, на зарѣ, когда въ аулѣ всѣ еще спали, онъ отправился въ горы. Гора, на которую указывалъ старый Асланъ, къ тотъ достопамятный вечеръ, высилась передъ нимъ грозной громадой. Казалось, до нея—рукой подать. Но чѣмъ ближе онъ къ ней подвигался, тѣмъ она отступала все дальше и дальше. Вершина ея терялась въ облакахъ и была кое-гдѣ покрыта снѣгами. Чѣмъ выше онъ взбирался, тѣмъ мрачнѣе и угрюмѣе становилось вокругъ. Зелень долинъ переходила въ низкій и чах-

Digitized by Google

лый кустарникъ; еще выше росъ уже одинъ терновникъ и колючки; онъ подымался еще и еще, и эти послѣдніе признаки жизни исчезали, уступая мѣсто голому и непривѣтному камню и скаламъ. Теперь онъ уже поднялся такъ высоко, что дышать было трудно. Ярко-синее небо блистало вверху, а кругомъ—камень, камень и камень. Горные орлы кружились надъ нимъ, закрывая иногда солнце и бросая широкую тѣнь вокругъ него. И казалось ему, что эта тѣнь не предвѣщала ничего добраго. Сердце его какъ-то больно сжималось. Изрѣдка встрѣчались ему между скалами туры и каменные бараны. И казалось ему, что они грустно, грустно на него смотрятъ—и во взглядѣ ихъ онъ читалъ себѣ предостереженіе. И странное дѣло: на этой высотѣ они не боялись его, этого забредшаго сюда человѣка, и близко, близко подходили къ нему. Онъ не зналъ, долго ли онъ шелъ, но очень усталъ и легъ отдохнуть у подножья одной высокой скалы. На вершинѣ ея показалась какая-то странная, таинственная фигура. Это не былъ человѣкъ и не былъ духъ. Изъ глазъ его исходили лучи, а рѣчь звучала необыкновенной мелодіей.

— Ты хочешь видѣть Эхсину?—спросило его странное существо.

— Да, да, хочу!—отвѣтилъ Магометъ.

— Знаешь ли ты, что ее нельзя видѣть безнаказанно? Знаешь ли, что я, духъ, которому она отдалась добровольно, наградилъ ее чудесными дарами и оберегаю отъ человѣческаго взора? Знаешь ли, что ты превратишься въ камень, какъ только взглянешь на нее? Знаешь ли, что этотъ утесъ, подъ которымъ ты стоишь теперь, былъ когда-то славнымъ джигитомъ? Вернись, пока еще не поздно... Вернись въ свой родной аулъ, въ свою саклю. Въ аулѣ немало дѣвушекъ, которыми ты можешь безнаказанно любоваться. За одинъ только взглядъ на Эхсину, ты лишишься жизни и превратишься въ безчувственный камень. Когда ты проснешься поутру на зарѣ, ты услышишь странные звуки... Они будутъ исходить изъ окружающихъ тебя скалъ, это будутъ стонать люди, увидавшіе красоту Эхсины и съ тѣхъ поръ превращенные въ камень волшебнымъ ея взглядомъ. Каждую весну однѣ скалы издаютъ стоны, а другія проливаютъ слезы о прошлой жизни, о покинутыхъ семьяхъ, о любимыхъ людяхъ. Каждый разъ, какъ ты увидишь горный ручей—знай, что

Digitized by Google

это текутъ людскія слезы тѣхъ смѣльчаковъ, которые удостоились чести увидѣть Эхсину... Ты не боишься этого? Ты хочешь непремѣнно ее увидѣть?

— Да, да, хочу непремѣнно. Я согласенъ превратиться въ скалу, въ утесъ, въ камень, лишь бы до превращенія я могъ насладиться ея красотой, о которой столько наслышался...

— Ты будешь ее видѣть.—Духъ исчезъ. И Магомету почудились странные стоны. Онъ прислушался и понялъ, что стонъ исходитъ изъ скалы, подъ которой онъ спалъ. Стоны росли и росли, какъ росла его тревога, какъ росло его желаніе увидѣть Эхсину. Со всѣхъ сторонъ доносились до него печальные звуки.

Занималась заря. Небо алѣло и покрывалось яркимъ пурпуромъ восходящаго солнца. Повѣяло прохладой. Магометъ проснулся. Рѣшеніе его было твердо.

Онъ бодро пошелъ впередъ.

— Куда ты идешь, безумецъ? Ты забылъ стараго Урызмага, который умретъ съ тоски, потерявъ тебя навѣки. Ты забылъ Уари—свою любимую сестру... Несчастный, ты никогда, никогда уже больше ихъ не увидишь!

— Вернись, юный джигитъ, пока еще не поздно. Есть возвратъ. Одно усиліе разума и воли, одинъ шагъ назадъ—и ты спасенъ!..—Бѣдная, бѣдная Тамара! Я тебя не увижу болѣе... Умерла ли ты съ горя, тщетно поджидая твоего безумнаго жениха?..

Это стонали скалы. Магометъ въ ужасѣ бѣжалъ отъ этихъ воплей, затыкалъ себѣ уши, но онъ шелъ впередъ, все впередъ. Наконецъ, онъ подошелъ къ огромной саклѣ. Во внутрь ея вело огромное, черное зіяющее отверстіе, украшенное горнымъ хрусталемъ и мѣдными бляхами. И хрусталь, и мѣдь сіяли на солнцѣ и рѣзали ему глаза. Изъ грота доносились до него звуки волшебной музыки.

И вдругъ, на темномъ фонѣ отверстія показалось чудное свѣтлое видѣніе. О, что въ сравненіи съ этой необыкновенной красавицей всѣ дѣвы, которыхъ онъ видѣлъ когда-то въ родномъ аулѣ? Никогда, никогда онъ не видалъ такихъ дивныхъ, свѣтлыхъ шолковыхъ кудрей, такихъ большихъ и добрыхъ глазъ, такого бѣлаго, нѣжнаго тѣла. Все исчезло изъ его па-

Digitized by Google

мяти: все, что онъ любилъ когда-то, чѣмъ полна была его жизнь,—все это вдругъ исчезло, какъ будто никогда и не бывало. Стоять здѣсь передъ ней, этой волшебницей горъ, наслаждаться ея видомъ, забыть о всемъ существующемъ—вотъ что теперь наполняло его! О, тысячу разъ правъ былъ старый Асланъ, разсказывая объ ея красотѣ, но только словъ человѣческихъ не существовало, чтобы эту красоту можно было достойно описать. Только теперь онъ понялъ, что значитъ жить, только теперь онъ понялъ всю прелесть жизни, вблизи этого созданія. И безумныя слезы радости и счастья потекли изъ его глазъ, въ первый разъ за всю его короткую жизнь. Онъ хотѣлъ поднять руку, чтобы смахнуть эти слезы... и—о, чудо! Рука его не двигалась. Онъ напрягалъ всѣ свои силы, всю свою мощь, но рука оставалась недвижима. Тогда онъ попробовалъ крикнуть... но звуки не шли изъ его горла. И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ почувствовалъ тяжесть въ ногахъ; ему казалось, что ноги его начали вростать въ землю; кровь стыла въ его жилахъ и онъ ощущалъ какую-то тягость во всѣхъ суставахъ; онъ слышалъ, какъ сердце переставало биться. Въ ужасѣ онъ пробовалъ бѣжать, но ноги его были крѣпко связаны съ землею. И вдругъ въ глазахъ его потемнѣло. Онъ еще успѣлъ увидѣть, какъ волшебница также неожиданно исчезла въ темномъ отверстіи грота, какъ появилась въ немъ. Затѣмъ наступила черная, безпробудная ночь. Все было кончено. Магомета больше не существовало: онъ превратился въ камень...

Въ аулѣ царило смущенье.

Магометъ исчезъ, исчезъ навсегда. Всѣ поиски не повели ни къ чему. Отецъ его Урызмагъ заболѣлъ. Уари сидѣла въ саклѣ и плакала. Она была храбрая дѣвушка и въ храбрости не уступала своему погибшемубрату. Охотники разсказывали, что они слышали въ горахъ, будто кто-то видѣлъ Магомета направляющимся къ волшебному гроту. Этого было достаточно. Уари тотчасъ же пошла въ саклю къ Аслану. Тамъ постороннихъ никого не было. На коврѣ сидѣлъ только самъ столѣтній старикъ, въ глубокой дремотѣ, качая головой и изре-

Digitized by Google

кая какія-то странныя и непонятныя слова. Глаза его были закрыты.

— Асланъ, Асланъ!—громко позвала дѣвушка.—Можно ли спасти брата?—Великій духъ пришелъ за душой моей!—пробормоталъ старикъ.—Пора, пора. Сто долгихъ лѣтъ прошло, съ тѣхъ поръ какъ я увидѣлъ свѣтъ. Аллахъ, я готовъ...

— Я тебя спрашиваю, можно ли спасти брата?—кричала ему надъ самымъ ухомъ Уари.

Аслаиъ, казалось, понялъ ее. Онъ пересталъ качать головой, наклонилъ ее на бокъ и даже чуть-чуть открылъ глаза.

— А, это ты, Эхсина? Зачѣмъ ты пришла ко мнѣ? Тебя я не могу спасти. И всѣхъ тѣхъ я не могу спасти, кого погубила твоя красота. Нѣтъ, это не во власти Аслана. Но если я предстану передъ Великимъ Духомъ, я буду просить его за тебя. Пусть онъ внушитъ какой либо дѣвушкѣ прійти къ тебѣ и громко объявить, что она некрасива. Но это трудно, Эхсина. Съ тѣхъ поръ какъ ты открыла озеро и посмотрѣлась въ него, а съ тобой и другія женщины, съ тѣхъ поръ женщины поняли свою красоту; ее стали цѣнить даже тѣ, которыя некрасивы. И женщина лучше умретъ, чѣмъ сознается, что она некрасива. Да... Ты сама виновата. Вотъ тебя и заточилъ Злой Духъ. И долго ты будешь томиться, и много, много погубишь людей. Я ничего не могу для тебя сдѣлать...

Тогда Уари рѣшилась.

— Я не дамъ больше никому погибнуть. Пусть погибъ братъ, пусть я погибну, но больше никто. И кто знаетъ? можетъ быть Великій Духъ смилостивится надъ братомъ и надо мной, и намъ будетъ хорошо за наше самоотверженіе.

Уари мчалась, какъ вихрь. Она не помнила, долго ли бѣжала по горамъ, она не знала даже, туда ли она бѣжитъ, куда нужно. Она не замѣчала, какъ день смѣнялся ночью, какъ снова всходило солнце, какъ горѣли звѣзды. Она мчалась межъ камней. Печальные стоны преслѣдовали ее. И вдругъ ей показалось, что она слышитъ совсѣмъ близко около себя:

— Уари, Уари, что ты дѣлаешь, бѣдная сестра?

Она остановилась, какъ вкопанная.

— Братъ! Магометъ! Это ты.

Digitized by Google

И совершенно безсознательно, не помня себя, громко и отчетливо крикнула:

— О, Эхсина, дивная красавица, взгляни на меня, бѣдную, некрасивую дѣвушку.

Изъ грота показалось бѣлое видѣніе. Оно стало отдѣляться отъ земли, все выше и выше подыматься къ верху, и Уари услыхала мелодичный голосъ, вѣщавшій ей:

— Благодарю тебя, добрая дѣвушка. Я спасена, я свободна.

Видѣніе растаяло въ воздухѣ; около Магомета образовалась новая скала, изъ разщелины которой капала на землю вода, чистая, какъ кристалъ, какъ первыя слезы невинной дѣвушки.

Говорятъ въ народѣ, что старый Урызмагъ, узнавъ о гибели обоихъ дѣтей своихъ, самъ собрался въ путь, чтобы имѣть печальное удовольствіе еще разъ увидать передъ смертью своихъ несчастныхъ двухъ дѣтей, превращенныхъ въ камень. Онъ достигъ до роковаго мѣста и послѣ долгихъ, утомительныхъ поисковъ узналъ своего сына, по тихому стону „скалы Магомета“, и свою дочь, по каплямъ кристальной воды, сочившимся изъ разщелины „скалы Уари“. Онъ вознесъ у этихъ двухъ гробницъ умилостивительную жертву Великому Духу и построилъ надъ двумя священными для него камнями одну общую часовню.

Говорятъ, онъ недолго прожилъ послѣ этого, и похороненъ на вершинѣ горы, гдѣ жила красавица Эхсина, близь двухъ милыхъ ему скалъ.

Разсказываютъ, что скалы эти цѣлую зиму и осень стоятъ безмолвно, а ранней весной, изъ одной скалы исходятъ тихіе стоны, а изъ другой текутъ ручейки. И ручейки эти, сливаясь со слезами, капающими изъ многочисленныхъ окружныхъ скалъ, низвергаются въ долины, соединяясь другъ съ другомъ, образуя ручьи и питая ими большую рѣку, текущую въ обширное озеро-море. Стоны скалъ, тоже ранней весной, соединяются въ общій гулъ, который несется далеко по горамъ и разносится по долинамъ гулкимъ эхомъ,— и тогда люди говорятъ, что въ горахъ обрушился снѣговой

Digitized by Google

обвалъ отъ растопившихся, подъ вліяніемъ весенняго солнца, вешнихъ водъ. И не догадываются непосвященные люди, что шумъ обвала—это стоны людскіе, а журчащіе ручьи — людскія слезы.

Еще разсказываютъ въ народѣ, что черезъ много, много вѣковъ всѣ эти скалы вдругъ оживутъ, превратятся въ людей съ ихъ первымъ образомъ,—и тогда наступитъ общее царство счастья и веселья, изобилія и ликованья. И не будетъ тогда злыхъ и бѣдныхъ людей, а всѣ будутъ хорошими, добрыми и богатыми.

В. Свѣтловъ.

Digitized by Google

НА СМЕРТЬ Л. И. ПАЛЬМИНА.

Разыгралась мятель, бьетъ о землю крыломъ
И съ своей стародавней подругою,
Безпріютной, холодною вьюгою,
Издѣвается гнѣвно надъ свѣтомъ, тепломъ,
Надъ весенней несбывшейся грезою
И надъ бѣдной плакучей березою,
Что, во мракѣ блестя бѣлоснѣжной корой,
Наклонилась съ тоской и тревогою
Надъ могилой поэта убогою
И какъ будто бы стонетъ порой.

Другъ мятелей и вьюги, морозъ-исполинъ
Надъ полями, рѣками, озерами
Заигралъ леденящими взорами,
Понастроилъ чертоги изъ снѣга и льдинъ,
Все сковалъ своей властью холодною,
Насмѣялся надъ жизнью свободною,
Насладился безумною злобой своей
И, всеобщимъ кичась цѣпенѣніемъ,
Тщится мощнымъ своимъ дуновеніемъ
Кровь и мысль леденить у людей.

Пусть ликуетъ могучій морозъ! Но пока
На весну, на пору обновленія,
На весеннюю роскошь цвѣтенія
У людей еще въ сердцѣ надежда крѣпка;
Пока есть еще чувство свободное
И стремленье къ добру благородное,
Пока живъ на землѣ хоть единый поэтъ,—
Не прочна его власть леденящая

Digitized by Google

И не онъ—властелинъ, а живящая
Вѣра въ правду, свободу и свѣтъ!

Рано, рано поэтъ нашъ умолкъ и угасъ...
Надъ могилой его одинокою
Мы стояли съ тоскою глубокою;
Но въ насъ вѣра живетъ: онъ не умеръ для насъ...
Пѣснь его, намъ дышавшая силою,
Не удержится тѣсной могилою,
Не замолкнетъ, какъ онъ, вмѣстѣ съ нимъ не умретъ.
Но, миря насъ съ житейскими муками,
Будетъ звать насъ пѣвучими звуками
Къ свѣту, правдѣ и братству впередъ.

Н. Аксаковъ.

Digitized by Google

Французская выставка 1891 г. въ Москвѣ.

Изъ собранныхъ нами, передъ отъѣздомъ въ Москву, свѣдѣній о московскихъ выставкахъ оказывалось, что французская выставка мизерна, среднеазіатская представляетъ кое-что любопытное и, наконецъ, постоянная международная не даетъ ничего и вмѣсто намѣченнаго іюня могла открыться не ранѣе сентября. Но всѣмъ этимъ неблагопріятнымъ для туриста предсказаніямъ, особенно же относительно французской выставки, мы не давали слишкомъ большой вѣры, такъ какъ руководствовались соображеніями инаго рода.

Культура Франціи стоитъ такъ высоко, что a priori трудно было бы представить, чтобы французы могли организовать, за тридевять земель отъ Парижа, выставку, скудную любопытными и поучительными экспонатами. И дѣйствительно, хотя цѣль полнаго, всесторонняго ознакомленія русскихъ съ французскимъ товаромъ даннаго времени едва ли могла быть достигнута путемъ этой именно выставки, тѣмъ не менѣе на ней экспонировано было множество предметовъ, заслуживающихъ серьезнаго вниманія и даже удивленія посѣтителя. Выставка имѣла чисто-демонстративный характеръ. Вы могли осматривать предметъ со всѣхъ сторонъ, даже вынувъ его изъ витрины — при содѣйствіи бюро выставки—но ожидать поясненій, описаній не представлялось никакой возможности. Такимъ образомъ, посѣтитель, запасшись каталогомъ, оказывался предоставленнымъ самому себѣ и рисковалъ на каждомъ шагу то пропустить вещь достойную вниманія, то остановиться на предметѣ, имѣющемъ второстепенный интересъ. Журналъ выставки, издававшійся разъ въ недѣлю, знакомилъ съ экспонируемыми предметами далеко недостаточно, такъ какъ на половину посвящаемъ былъ разнымъ новостямъ (политическаго и общественнаго характера), не имѣющимъ ника-

Digitized by Google

кого отношенія къ выставкѣ, а на половину хотя и касался послѣдней, но какъ-то сдержанно и слишкомъ отрывочно. Многія существенныя подробности точно намѣренно были имъ игнорируемы, а несущественныя являлись нежданно-непрошенно. «Русскія Вѣдомости» толковѣе всѣхъ говорили о выставкѣ и, во всякомъ случаѣ, лучше спеціальнаго «Журнала Выставки», такъ что читавшій ихъ статьи могъ найти несравненно болѣе свѣдѣній о выставленныхъ предметахъ. Наконецъ, встрѣчавшіеся по временамъ на выставкѣ представители разныхъ фирмъ большею частью оказывались простыми хранителями экспонатовъ или ходячими указателями цѣнъ и деталей чисто внѣшняго свойства.

Однимъ словомъ, выставка представляла образцы всевозможныхъ товаровъ, по которымъ можно было наглядно ознакомиться съ современнымъ состояніемъ французской промышленности, но предпочтительно съ внѣшней, формальной стороны. Таковы слабыя стороны выставки. Посмотримъ на стороны хорошія. До настоящаго времени, установителями моды несомнѣнно были и остаются французы. Все, что вы видите на изящной дамѣ, да большею частью и на мужчинѣ со вкусомъ; все, въ чемъ одѣтъ и обутъ современный европеецъ, все это—или французскаго происхожденія, или скопировано, модифицировано съ французскаго. Публика удивляется на выставкѣ, что видитъ почти все давно знакомое, что встрѣчаетъ только мелкія уклоненія отъ того, что красуется на окнахъ петербургскихъ, московскихъ, одесскихъ и прочихъ россійскихъ магазиновъ. Разница лишь та, что на выставкѣ все болѣе свѣжо, болѣе ново, болѣе роскошно; что тамъ представлено то самое en gros, что въ Россіи видишь en détail. Оно и понятно: люди жили и пробавлялись парижскимъ, ліонскимъ, бордосскимъ и инымъ французскимъ товаромъ; люди привыкли одѣваться, ѣсть, пить, даже кланяться и любезничать по французски; люди освоились съ французскими терминами, съ французскими bons-mots, и вдругъ этихъ людей хотятъ удивить новизною предметовъ, привезенныхъ изъ Франціи и установленныхъ на Ходынскомъ полѣ въ Москвѣ! Само собою вышло нѣкое недоразумѣніе. Мечтали увидать что-то новое, пикантное, quelque chose d'extraordinaire, и вдругъ увидали tout comme chez nous à... Moscou.

Однако, шутки въ сторону. Французы на выставкѣ показали по всѣмъ частямъ отличнѣйшіе экземпляры всякаго товара и дали полную возможность ознакомиться, какъ далеко ушла, въ промышленномъ, техническомъ и научномъ отношеніи, великая Франція,—эта по-истинѣ передовая страна въ мірѣ. Вѣками шедшая впереди другихъ европейскихъ націй, безконечно изумляв-

Digitized by Google

шая міръ грандіозными явленіями въ сферѣ науки, искусства, политики, соціальныхъ преобразованій—французская нація снова дала возможность убѣдиться, что она остается вѣрною вѣковымъ традиціямъ своего величія и своего прогресса...

Такъ какъ всѣ павильоны выставочнаго зданія по длинѣ своей расположены были радіусами и связаны на периферіи по своей ширинѣ, то посѣтители могли бы, повидимому, безпрепятственно переходить изъ одного павильона въ другой и продѣлывать кругъ за кругомъ, еслибы связь намѣренно не была пресѣчена между двумя павильонами. Если посѣтитель, начавъ осмотръ съ главнаго входа, принималъ направленіе вправо, то могъ разсчитывать ознакомиться съ предметами болѣе или менѣе серьезнаго, научнаго характера: предъ нимъ являлись одна за другой детали учебнаго, санитарнаго, полицейскаго дѣла, пищеваго довольствія и, наконецъ, машиннаго дѣла; если же, наоборотъ, посѣтитель направлялся влѣво, то попадалъ въ царство роскоши и моды, въ отдѣлъ золотыхъ и бриллiантовыхъ вещей, мебели, зеркалъ, одежды и, наконецъ, какъ бы ради контраста съ запасами культурнаго богатства—къ разрушительнымъ экспонатамъ военнаго и морскаго дѣла. Завершалось все это русскимъ рестораномъ. Вправо и влѣво отъ входа по периферіи, между павильонами шли залы съ художественными произведеніями живописи и скульптуры. Публика болѣе всего тѣснилась во второй изъ описанныхъ половинъ выставки, около золотыхъ и бриллiантовыхъ издѣлій, modes et robes, тогда какъ правая половина казалась сравнительно пустою и скучною. А между тѣмъ, для характеристики страны или, точнѣе, того города, который снабдилъ выставку наибольшимъ числомъ цѣнныхъ и любопытныхъ вещей, эта правая половина представляла высокій интересъ въ глазахъ образованнаго меньшинства посѣтителей. Учебная, статистическая и санитарная части выставки изобиловали подробностями, заслуживающими самаго серьезнаго вниманія того, кто желалъ ознакомиться съ современнымъ состояніемъ жизни міровой столицы. Вотъ на этой-то половинѣ мы и считаемъ справедливымъ и полезнымъ остановиться подольше.

По народному образованію, болѣе всего экспонатовъ имѣлось отъ школъ начальныхъ. Французы поняли, что школа важна не только въ отношеніи умственнаго и нравственнаго воспитанія, но и въ отношеніи санитарнаго режима ребенка. И, дѣйствительно, планы и фотографіи всѣхъ подробностей школьной жизни учащихся показываютъ, что современныя воззрѣнія спеціалистовъ по педагогіи и гигіенѣ начинаютъ играть выдающуюся роль въ жизни

Digitized by Google

школы и учащихся. Шрифты учебниковъ, письменныя тетради, школьная мебель, устройство классныхъ комнатъ, относительно ихъ величины, силы свѣта и распредѣленія учащихся, отвѣчаютъ болѣе или менѣе строго требованіемъ физіологіи и гигіены. Видно, что былое безцеремонное посягательство невѣжества на зрѣніе, дыханіе, кровообращеніе у дѣтей уступаетъ мѣсто внимательному уходу за физіологическими подробностями ихъ организаціи. Надо замѣтить, что во Франціи, въ послѣднія десятки лѣтъ, забота о дѣтяхъ, начиная со дня рожденія, составляетъ заслугу не только правительства, но не менѣе того—частныхъ лицъ и обществъ. Дѣти всякаго возраста, всякаго класса, всевозможныхъ условій происхожденія, находятъ въ этой странѣ пріютъ и возможность нравственнаго и умственнаго развитія. Особенно обнаружилось это, начиная съ несчастныхъ для Франціи 1870—71 годовъ, когда война унесла столько жертвъ мужскаго пола и оставила столько сиротъ на попеченіи бѣдныхъ матерей-вдовъ. На выставкѣ можно было получить понятіе объ обстановкѣ самыхъ разнообразныхъ школъ; имѣлись фотографіи школъ начальныхъ, коммунальныхъ, материнскихъ, профессіональныхъ и т. д. Особенно интересны были снимки школъ коммунальныхъ, на которыхъ наглядно представлялись занятія и времяпровожденіе учащихся, напр., видъ дворовъ, простаго и крытаго, которыми пользуются дѣти для игръ, для работъ, даже для завтрака. Маленькая столовая съ сервированнымъ къ обѣду столомъ, съ бутылками вина (vin du pays), ясно показываетъ и цѣлесообразную дисциплину заведенія, и вниманіе къ здоровью учащихся. Классная комната для рисованія, съ освѣщеніемъ чрезъ большія окна сбоку и сверху, напоминаетъ богатыя заведенія... Словомъ, впечатлѣніе выносится самое отрадное. Что касается рисованія и ручнаго труда, то результаты занятій этими предметами едва ли оставляютъ желать чего либо лучшаго. Правда, французскія дѣти наслѣдуютъ рѣдкія качества отъ своихъ родителей, отличающихся, не въ примѣръ другимъ націямъ, эстетическими дарованіями и счастливой тѣлесной организаціей, тѣмъ не менѣе въ доброкачественности экспонированныхъ ученическихъ работъ долженъ быть признанъ и вполнѣ удовлетворительный методъ обученія искусствамъ и ремесламъ. Въ ряду экспонатовъ поражали не только работы взрослыхъ учащихся, достигающихъ высокой степени отчетливости и изящества, но и работы дѣтей по рисованію съ натуры, воспроизведенныя на память или по рисункамъ, избраннымъ по вкусу самихъ учащихся. Вообще означенныя работы несомнѣнно доказываютъ, что сознаніе важности и необходимости, въ педаго-

Digitized by Google

гическомъ отношеніи, искусствъ и ремеслъ вполнѣ проникло въ убѣжденіе школьной администраціи во Франціи и что обученіе имъ значительно посодѣйствуетъ умственному, а въ силу этого и нравственному, развитію юныхъ учащихся.

Францію, по всей справедливости, можно назвать страною иниціативы въ дѣлѣ великихъ открытій и изобрѣтеній, и каждый, знакомый съ ея исторіей, можетъ легко привести на память немало геніальныхъ идей, брошенныхъ французами въ многоразличныхъ областяхъ наукъ, искусствъ и промышленности. Къ тому же многія нововведенія, считавшіяся по теоріи необходимыми и желательными, но витавшія въ облакахъ долгіе годы, весьма часто во Франціи впервые находили себѣ практическое примѣненіе. Не идя далеко, обратимся для доказательства къ одному экспонату выставки: фотографическому снимку измѣренія дѣтей, поступающихъ въ начальную школу. Врачи и физіологи давно уже признаютъ настоятельную необходимость въ антропометрическихъ изслѣдованіяхъ учащихся; мнѣніе это раздѣляютъ и современные педагоги. Однако, все это жило пока въ головѣ спеціалистовъ, не проникая въ жизнь школы. Въ разныхъ странахъ производились изрѣдка, ex abrupto измѣрительные набѣги на учащихся, но, чтобы вести это дѣло систематически, долгими періодами—до этого еще очень и очень далеко. Но вотъ французы сознали важность антропометріи въ школѣ,—и что же? Въ короткое время, измѣреніе учащихся стало во Франціи такимъ же обыкновеннымъ дѣломъ, какъ собираніе статистическихъ данныхъ педагогическаго характера. На упомянутомъ фотографическомъ снимкѣ изображены въ разныхъ подходящихъ положеніяхъ—новички школы, а на нихъ измѣряются детали разныхъ частей—кѣмъ же? — старшими учениками, отроками лѣтъ 13—14. Въ другихъ мѣстахъ думали-гадали, кому предоставить механическій трудъ антропометрическихъ измѣреній учащихся, откуда взять средства оплачивать этотъ трудъ и пр., и пр., а французы рѣшили и просто, и хорошо. Цифры получаются и точныя, и многочисленныя, разъ только избраны и обучены подходящіе къ дѣлу юные антропометры...

Въ отдѣлѣ учебномъ, до сихъ поръ не удостоивались—сколько намъ извѣстно — ни малѣйшаго вниманія печатные школьные журналы по педагогической и санитарной части, а между тѣмъ, просмотрѣвъ ихъ, посѣтитель могъ бы съ удовольствіемъ усмотрѣть, съ какой добросовѣстностью и тщаніемъ французскіе педагоги относятся къ учащимся, къ ихъ умственному и тѣлесному режиму. Медицинскій надзоръ установленъ, въ настоящее время,

Digitized by Google

во всѣхъ школахъ Парижа и голосъ врача не остается гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, гласомъ враждебнымъ школьной администраціи. Напротивъ, къ врачу-гигіенисту обращаются на каждомъ шагу за совѣтомъ и указаніями, врача этого боятся, если онъ находитъ тѣ или другія санитарныя упущенія и неисправности, и вообще къ врачу относятся, какъ къ спеціалисту, неизбѣжному въ подходящихъ случаяхъ. Вотъ почему, напримѣръ, книга, озаглавленная: «Registre du médecin-inspecteur», и указывающая всѣ подробности медицинскаго надзора за школою, пріобрѣтаетъ въ глазахъ понимающаго посѣтителя самое серьезное значеніе. Представляется несомнѣнная гарантія въ обезпеченіи здоровья дѣтей, въ предупрежденіи ихъ заболѣваемости, въ пресѣченіи той или другой заразной болѣзни, и т. д. Правда, не истекло еще и десятилѣтія, какъ вошелъ въ силу санитарный надзоръ въ парижскихъ школахъ; правда, что надзоръ этотъ еще не установился строго въ смыслѣ, желаемомъ медиками, и требуетъ дальнѣйшихъ пополненій и усовершенствованій; но великое дѣло и то, что надзоръ признанъ необходимымъ, допущенъ на дѣлѣ и приноситъ уже спасительные плоды.

Нѣкій диссонансъ представлялъ собою примкнувшій къ учебному отдѣлу экспонатъ проф. Беркана: статистическая карта заикъ въ Россіи. Г. Беркань, командированный въ Россію съ научною цѣлью отъ французскаго правительства, прочелъ въ «обществѣ дѣтскихъ врачей» въ Петербургѣ рефератъ о заиканіи и его лѣченіи—это было 28 сент. 1890 г.—а весною настоящаго года, т. е. черезъ полгода, явилась на выставкѣ новая работа автора—карта заикъ. Зная трудность собиранія статистическихъ свѣдѣній вообще, а тѣмъ паче по такому вопросу, какъ наличность числа заикъ въ Россіи, и видя отчетливое и наглядное изображеніе на картѣ этого числа въ разныхъ мѣстностяхъ европейской Россіи, невольно приходишь въ сомнѣніе относительно научнаго достоинства подобной карты. Темныя ея краски бьютъ въ глаза, а расположенный подъ нею ярлычокъ съ объявленіями Беркана о способѣ лѣченія заикъ и съ предложеніемъ обращаться къ нему за справками на Большую Кисловку—скажемъ откровенно — не во вкусѣ и обычаяхъ порядочныхъ русскихъ... Кстати замѣтимъ, что въ объявленіяхъ срокъ лѣченія значится отъ 20 — 30 дней, тогда какъ срокъ этотъ, 28 сент. 1890 г., въ обществѣ врачей, объявлялся отъ 2 до 3 мѣсяцевъ. Видимо, способъ г. Беркана замѣчательно усовершенствовался за полугодіе!..

Величайшую услугу на выставкахъ приноситъ въ послѣднее время фотографія. Она даетъ возможность легко и наглядно изо-

Digitized by Google

бражать какъ внѣшнюю, такъ и внутреннюю сторону любаго учрежденія. Картина часто живѣе всякаго описанія даетъ понятіе о фактахъ и явленіяхъ изъ жизни людей, и во всякомъ случаѣ оставляетъ слѣдъ въ памяти болѣе прочный, чѣмъ книга. Кромѣ того, фотографія дозволяетъ теперь наносить мгновенныя движенія тѣлъ на бумагу и рядами этихъ снимковъ буквально оживотворяетъ изображеніе. Словомъ, безъ фотографіи не мыслима теперь никакая выставка; совершенствованіе ея идетъ не по днямъ, а по часамъ, и въ будущемъ трудно предвидѣть, какія великія выгоды и удобства готовитъ она въ научномъ и практическомъ отношеніи. Благодаря фотографіи, на французской выставкѣ въ Москвѣ оказалось множество альбомовъ, чрезвычайно интересныхъ для ознакомленія съ различными учрежденіями и работами. Такъ, напримѣръ, по строительной части имѣлись фотографическіе снимки парижскихъ работъ по канализаціи, по устройству мостовъ, по добыванію строительнаго матеріала, по всевозможнымъ деталямъ зданій, какъ то: Mont de piété, Bibliothèque municipale, Hôspice de Bicêtre, Hôpital de Nathaniel Rothschild и т. п. Особенное вниманіе обращалъ на себя альбомъ парижской полицейской префектуры, съ портретами арестованныхъ. Портреты сняты всѣ дважды: en face и въ профиль. Наиболѣе интереса представляли портреты лицъ, повторно арестованныхъ, причемъ можно было прослѣживать любопытную мѣну физіономій и всей вообще внѣшности, и читать по нимъ психологическую исторію жизни преступника. Кстати замѣтимъ, что по сосѣдству съ альбомомъ преступниковъ вывѣшена была коллекція фарфоровыхъ глазъ, воспроизведенныхъ эмалью, имѣвшая цѣлью представить всѣ оттѣнки глазъ, наблюдаемыхъ въ родѣ человѣческомъ. Такихъ глазъ было 126. Это въ своемъ родѣ замѣчательный образецъ художественной техники, который, впрочемъ, можетъ быть оцѣненъ только людьми, болѣе или менѣе знакомыми съ дѣломъ. Мгновенными фотографическими снимками съ большимъ успѣхомъ пользуются въ послѣднее время врачи и физіологи,—и вотъ мы на выставкѣ нашли чрезвычайно поучительныя изображенія людей въ разные моменты ихъ движенія, снятыя въ физіологическомъ кабинетѣ извѣстнаго проф. Марэя. Такъ какъ фигура схватывается на бумагу въ одну двадцатую часть секунды, то понятно, что является возможность уловить движенія во время бѣга или какой либо игры во всѣхъ существенныхъ деталяхъ. И дѣйствительно, переходя отъ одной фигуры къ другой, вы получаете ясное понятіе, напр., о французскомъ боксѣ, о подробностяхъ прыганья, скораго и медленнаго бѣга и т. п. Еще, по-

Digitized by Google

жалуй, интереснѣе приложеніе мгновенной фотографіи къ изображенію тѣлесныхъ движеній у лицъ, находящихся въ болѣзненномъ состояніи. Мы встрѣтили характерные снимки нервныхъ и психическихъ больныхъ изъ Сальпетріера, схваченные во время припадка столбняка, каталепсіи, истеріи, въ состояніи гипноза и т. д. Ничего, конечно, подобнаго невозможно воспроизвести рукою хотя бы и самаго искуснаго художника.

На выставкѣ, описанная фотографія дополняла, впрочемъ, только то, что каждый посѣтитель могъ найти изложеннымъ въ книгахъ, планахъ, діаграммахъ, гравюрахъ, экспонированныхъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Кто хотѣлъ бы вообще ознакомиться съ какой бы ни было деталью Парижа, тотъ легко могъ бы найти указаніе въ экспонатахъ. Трудно перечесть богатство содержанія этихъ послѣднихъ и потому лишь для примѣра укажемъ на нѣсколько подробностей. Положимъ, вы пожелали бы ознакомиться съ разростаніемъ французской столицы въ территоріальномъ отношеніи: на выставкѣ имѣлось не менѣе тридцати самыхъ отчетливыхъ плановъ, начиная съ того времени, когда на мѣстѣ нынѣшняго Парижа существовала бѣденькая Лутеція, упоминаемая Страбономъ, Аміаномъ Марцелиномъ и др., и кончая Парижемъ 1889 года. Вы желали бы поинтересоваться кладбищами, и къ вашимъ услугамъ являлись такіе планы, по которымъ можно отыскать мѣсто чуть не каждой могилы на томъ или другомъ кладбищѣ. Мало того. Благодаря графическимъ изображеніямъ, вы могли видѣть въ картонахъ и на стѣнахъ, въ мельчайшихъ подробностяхъ, составъ жителей Парижа, распредѣленіе ихъ по домамъ, по сословіямъ, по возрастамъ, по заболѣваемости и смертности; могли видѣть движеніе по городу по трамваямъ, по омнибусамъ въ численномъ отношеніи; могли ознакомиться со многими болѣзнями, особенно заразными, касательно распространенія ихъ въ разныхъ частяхъ города и пр., и пр. Особенно наглядно рисовалось одно учрежденіе, чрезвычайно симпатичное какъ по идеѣ своей, такъ и по выполненію: это—муниципальная библіотека Парижа. Помимо ея описанія и фотографій, экспонирована была масса картоновъ съ рисунками и моделями разныхъ техническихъ производствъ. Любопытно то, что приходящій въ эту библіотеку можетъ не только на мѣстѣ, но и у себя дома, пользоваться ея книгами и вещами, по мѣрѣ надобности. Ремесленнику трудно имѣть хорошіе образцы рисунковъ и моделей, и потому работы его рискуютъ долго держаться старыхъ, отжившихъ фасоновъ. И вотъ библіотека снабжаетъ его всѣмъ подходящимъ: книгами, художественными гра-

Digitized by Google

вюрами по части работъ на деревѣ, на мѣди, на серебрѣ и пр., лучшими образчиками тканей, вышивокъ и т. д. И все отпускается даромъ и на долгіе сроки. Мы еще только мечтаемъ о музеяхъ для нашихъ кустарей, а въ Парижѣ эта идея давно уже вошла въ жизнь и приноситъ благодѣяніе тысячамъ мелкихъ ремесленниковъ...

Не менѣе симпатичное учрежденіе—для людей неимущихъ, и особенно въ тяжкія минуты жизни — это Mont de piété, нашъ «ломбардъ», но съ тою разницею, что туда принимаютъ въ залогъ за ничтожный процентъ не одно золото или серебро, а всевозможныя малоцѣнныя вещи: старый тюфякъ, одѣяло, подушку... словомъ, тамъ дается бѣдняку возможность выкарабкаться изъ критическаго положенія, пустивъ въ оборотъ чуть не послѣднюю нижнюю одежду и сапоги, и на вырученные франки спастись отъ голодной смерти до пріисканія новаго заработка или какого нибудь обезпеченія. Въ pendant этимъ учрежденіямъ идетъ Dispensaire Love (лѣчебница) для дѣтей. Читаете вы на доскѣ: «лѣчебныя ванны, резервуаръ соленой воды, души, электричество, массажъ, гимнастика, 22,000 консультацій въ годъ, 6,000 ваннъ и 500 оспопрививаній. Содержаніе годичное: 10,000 франковъ» Должно быть, выгодная афера,—думаете вы:—хорошенькій гешефтъ для содержателя! Очень ошибаетесь. Все обозначенное на доскѣ существуетъ для бѣдныхъ дѣтей (до 16 л.) безплатно, безъ разсчетовъ на какой либо чинъ или орденокъ. Это совсѣмъ не «акробатство благотворительности».

Наряду съ этимъ не мѣшаетъ упомянуть объ Hôspice des enfants assistés (воспитательный домъ) т. е. о модели, сдѣлавной братьями Реньяръ и представляющей питомникъ для истощенныхъ и сифилистическихъ дѣтей, которыхъ нельзя кормить естественнымъ путемъ. Вы видите двѣ комнаты; въ каждой изъ нихъ по четыре дѣтскихъ кровати и по одной кровати для прислужницы. Средняя комната служитъ столовой, она же и кухня. Въ параллель жилой половинѣ идутъ два дворика (съ деревьями) и между ними стойло для десяти ослицъ. Къ соскамъ одной изъ нихъ приложился ребенокъ — онъ отлично исправляетъ свою священную обязанность сосанія, а ослица жуетъ безмятежно свой кормъ. Бывшій доцентъ вѣнскаго университета, д-ръ Шрейберъ, видя подобную сцену на мѣстѣ въ Парижѣ, писалъ слѣдующее: «надо удивляться, съ какимъ спокойствіемъ и терпѣніемъ ослица выноситъ эту процедуру. Точно она сознаетъ благородство своей службы, точно одушевляется какою-то материнскою гордостью, какою-то материнскою радостью, когда младенецъ

Digitized by Google

держитъ ея сосокъ во рту». Весьма кстати на выставкѣ озаботились показать настоящее состояніе того отдѣленія Hôpice de Bicêtre, гдѣ содержатся дѣти. Тамъ имѣется до 400 дѣтей и дѣйствуетъ образцовая школа. Еще весьма недавно дѣти въ Бисетрѣ находились въ ужасномъ положеніи, вмѣстѣ съ неизлѣчимыми больными и взрослыми сумашедшими. Но въ 1879 г., со вступленія новаго директора, доктора Бурневиля, все измѣнилось. Построены были павильонныя зданія съ садами, съ крытыми галереями, со всѣми необходимыми приспособленіями для дѣтей четырехъ категорій: большихъ, малолѣтнихъ, порочныхъ и больныхъ. Изъ возрастныхъ дѣтей каждый субъектъ находитъ себѣ занятіе по своимъ силамъ и наклонностямъ. Идіоты—и тѣ, повидимому, недаромъ ѣдятъ хлѣбъ-соль, но ихъ утилизируютъ, сколько возможно, по части ручнаго труда. Въ заведеніи практикуются игры (напр., игра въ кегли, крокетъ и др.) и обращается ревностное вниманіе на тѣлесное развитіе дѣтей. Большой альбомъ фотографій (болѣе 50-ти рисунковъ) даетъ случай ознакомиться съ существенными подробностями жизни дѣтей въ Бисетрѣ. Снимки—около 3½ вершк. въ длину и 5 вершк. въ ширину. Видны жилыя и рабочія помѣщенія, службы, сцены изъ жизни дѣтей. Весьма интересны и вполнѣ заслуживаютъ подражанія: комната для десяти ваннъ общихъ—свѣтлая, веселая,—и комната для ваннъ ножныхъ, съ 24 ванночками, по 12-ти съ каждой стороны. Такой роскоши мы не находимъ и въ богатыхъ воспитательныхъ заведеніяхъ! Хороша внутренность дортуара съ двойнымъ свѣтомъ (каждое окно въ 14 стеколъ: по 2 въ ширину и по 7-ми въ вышину), на 12 кроватей. Есть помѣщеніе для порочныхъ дѣтей, особый лазаретъ и отдѣлъ для заразныхъ.

Посѣтители выставки небрежно проходятъ мимо всѣхъ этихъ экспонатовъ, большею частью не удостоивая взглядомъ не только планы и діаграммы, но и альбомы фотографій... А между тѣмъ учиться, да учиться слѣдовало бы на этихъ экспонатахъ, и учиться ради примѣненія на пользу родныхъ, русскихъ дѣтей...

Мало интереса для нашей публики представляла, наряду съ педагогической, и санитарная часть города Парижа, между тѣмъ какъ по этой послѣдней экспонированы были предметы первостепенной важности. По канализаціи Парижа, по водоснабженію, по мѣрамъ противъ заразныхъ болѣзней, по оздоровленію города вообще имѣлись весьма цѣнные экспонаты. Самое первое мѣсто принадлежало, конечно, экспонатамъ по канализаціи. Для интересующагося этимъ предметомъ не оставалось желать ничего большаго: на лицо состояли всѣ существенныя детали дѣла, а

Digitized by Google

нѣкоторыя изъ нихъ даже являлись въ порядкѣ историческаго ихъ развитія. Можно было по планамъ и рисункамъ прослѣдить ходъ любой водяной или сточной трубы, начиная съ жилаго помѣщенія, кухни или умывальной и кончая заключительнымъ резервуаромъ. Весь *подземный Парижъ* представленъ былъ самымъ наглядпымъ образомъ со всею сѣтью его связей съ *Парижемъ наружнымъ*, видимымъ. Кромѣ того, картину канализаціи завершала картина окончательнаго удаленія всѣхъ нечистотъ, картина орошенія полей въ Женевильс и роскошнаго произрастанія на нихъ различныхъ плодовъ и овощей.

Мы не будемъ говорить о книжномъ и типографскомъ отдѣлѣ, такъ какъ намъ пришлось бы входить въ извѣстныя образованнымъ читателямъ подробности того, что было сдѣлано вообще, и въ особенности въ нынѣшнемъ столѣтіи, французами по части выдѣлки бумаги, книгопечатанія и переплетнаго мастерства. На выставкѣ можно было видѣть множество экспонатовъ, основательно знакомящихъ не только съ современнымъ состояніемъ этихъ отраслей искусствъ и ремеслъ, но и частію съ историческимъ ходомъ ихъ развитія. Не можемъ умолчать объ одномъ, особенно интересномъ экспонатѣ, а именно: о рельефномъ планѣ писчебумажной фабрики Дарблэ въ Эссонѣ. Помѣщенъ онъ въ стеклянномъ ящикѣ, имѣющемъ аршина полтора вышины, около 5 арш. въ длину и около $3^1/_2$ въ ширину. Фабрика Дарблэ занимаетъ пространства около 93 тысячъ кв. метровъ, имѣетъ 18 километровъ желѣзнодорожнаго пути, 14 гидравлическихъ двигателей, 62 паровыя машины въ 3,500 силъ. Работаетъ на ней $2^1/_2$ тыс. рабочихъ. Выдѣлывается въ день около 100 тыс. кило бумаги. На планѣ видно распредѣленіе всѣхъ построекъ и путей сообщенія. Позади этого колоссальнаго экспоната стоитъ витрина съ превосходными произведеніями фабрики.

Въ отдѣлѣ типографскомъ имѣется крайне поучительный экспонатъ, озаглавленный словами: «Haro-frères. Embaumement. Conservation des peintures sur bois (Братья Аро. Бальзамированіе. Сохраненіе картинъ на деревѣ). Въ поясненіе разсказывается слѣдующее: въ картинахъ на деревѣ древесный матеріалъ нерѣдко подвергается (особенно въ южныхъ странахъ) порчѣ и разрушенію, благодаря нарожденію въ немъ особаго рода насѣкомыхъ изъ породы термитовъ, которыя истачиваютъ дерево и образуютъ въ немъ извилистые ходы (галереи), гдѣ и кладутъ яица. Дерево отъ этого превращается въ подобіе рыхлой губки, легко вывѣтривающейся и грозящей совершенно разрушить полотно и картину. Чтобы помочь горю, реставраторъ картины переносилъ ее на другое, новое полотно,

Digitized by Google

причемъ картина подвергалась, конечно, многимъ опаснымъ случайностямъ. Способъ же (точнѣе говоря: секретъ) бр. Аро даетъ возможность предохранить дерево отъ всякой опасности для картины. Они опораживаютъ всѣ выдолбленные въ деревѣ ходы отъ насѣкомыхъ и древесной пыли, а для убіенія случайно оставшихся тамъ насѣкомыхъ и ихъ яицъ впрыскиваютъ особую жидкость, которая, твердѣя, дѣлаетъ дерево неуязвимымъ для насѣкомыхъ. Полотно и самая картина не подвергаются при этомъ ни малѣйшей порчѣ. Кромѣ того, бр. Аро выставили семь картинъ, чтобы демонстрировать пріемы сниманія картинъ и переноса ихъ на другое полотно. Картины изображаютъ портреты одной и той же эпохи и одного и того же художника (эпохи Людовика XIV). Одинъ портретъ (повидимому, духовнаго лица) сохранился такимъ свѣжимъ, что можно было бы счесть его недавно нарисованнымъ, еслибы только потрескавшіяся отъ времени краски не выдавали года рисовки портрета. Вообще, работа братьевъ Аро представляетъ верхъ искусства въ своемъ родѣ.

Фотографическій отдѣлъ, хотя не поражалъ обиліемъ экспонатовъ, зато представилъ образцовыя вещи по части работъ парижскихъ фотографовъ. Фирма Надаръ справедливо привлекала публику прелестными снимками. Не говоря о портретахъ во весь ростъ актрисъ Вальянъ-Кутюрье и Дешанъ, поражавшихъ отчетливостью работы и жизненностью изображенія,—кабинетные и меньшихъ размѣровъ портреты разныхъ лицъ (въ томъ числѣ, многихъ парижскихъ знаменитостей) отличались замѣчательнымъ совершенствомъ выполненія и изяществомъ отдѣлки. Превосходными оказались, равнымъ образомъ, экспонаты Брауна: снимки съ различныхъ картинъ знаменитыхъ маэстро живописи, какъ-то: Рафаэля, Мурильо, Рембрандта и друг. Кстати, очень хороши были экспонаты различныхъ фотографическихъ аппаратовъ и приспособленій, изумляющихъ неспеціалиста по части фотографіи, — этой необычайно быстро и успѣшно совершенствующейся отрасли человѣческихъ знаній.

Было чѣмъ полюбоваться на выставкѣ и по части оптическихъ инструментовъ и часоваго мастерства. Всевозможныхъ сортовъ бинокли, подзорныя трубы, спектроскопы, микроскопы лучшихъ фирмъ Парижа отличались неоспоримыми достоинствами въ сравненіи съ подобными аппаратами другихъ странъ Европы. Въ ряду экспонатовъ часоваго мастерства чрезвычайно интересенъ былъ наборъ часовыхъ механизмовъ Жапи. Тутъ представлялись типы часовыхъ колесныхъ приборовъ, изготовленныхъ на

Digitized by Google

фабрикѣ Вокуръ съ ея основанія, т. е. съ 1770 года по 1840 г. Періоды, къ какимъ относятся эти механизмы, равняются иногда 5, 10 годамъ, чаще—15, 20-ти. Для ознакомленія съ исторической стороной дѣла, коллекція эта—разумѣется, крайне важна и вполнѣ демонстративна. Въ одномъ павильонѣ съ только что описанными экспонатами, находились и экспонаты по части медицины и фармаціи. Выдающеюся можно назвать коллекцію препаратовъ изъ папье-машэ д-ра Озу. Представлено было болѣе ста нумеровъ, какъ мускулатуры всего человѣка, такъ и отдѣльныхъ органовъ и ихъ частей; кромѣ того, превосходныя модели лошади, змѣи, нѣкоторыхъ насѣкомыхъ, грибовъ, различныхъ растеній и т. д. Все это составляетъ въ настоящее время незамѣнимое пособіе при преподаваніи сравнительной анатоміи.

Хирургическіе инструменты, предметы по электротерапіи, всевозможныя механическія приспособленія при лѣченіи наружныхъ болѣзней, средства къ переноскѣ и соотвѣтственному содержанію больныхъ—были экспонированы въ превосходныхъ, довольно многочисленныхъ образцахъ. Наряду съ химическими препаратами, не обошлось, конечно, безъ патентованныхъ средствъ, и потому глазамъ публики представились всѣмъ извѣстныя, излюбленныя аптечныя произведенія, какъ-то: горчичники Риголло, papier-Fayard, бумага Фрюно отъ одышки, астмы и кашля, capsules Mothes отъ грѣховныхъ недуговъ юности, пилюли Бланкара отъ малокровья, бумажки Мура для истребленія мухъ и пр. и пр. Надо, впрочемъ, воздать должное французамъ въ томъ отношеніи, что составъ большинства ихъ патентованныхъ средствъ не составляетъ ни для кого секрета и потому распространенность этихъ средствъ объясняется не таинственностью, а тщательнымъ и изящнымъ приготовленіемъ препаратовъ, отчасти и доставляемою ими пользою. Кстати скажемъ, что на выставкѣ имѣлись аптечные препараты отъ Pharmacie centrale de France. Это казенное учрежденіе—какъ говорятъ люди компетентные—отличается такимъ честнымъ и добросовѣстнымъ отношеніемъ къ дѣлу, что едва ли найдется частная аптека или лабораторія, которая могла бы конкурировать съ нею въ этомъ именно отношеніи. Это великое достоинство казеннаго учрежденія мы не привыкли встрѣчать въ другихъ европейскихъ государствахъ. Что же касается вообще химическихъ средствъ, то французы вполнѣ успѣшно конкурируютъ по части ихъ приготовленія съ другими странами, если даже не могутъ считаться первыми въ Европѣ.

Направляясь далѣе вправо, мы проходимъ корзинное, футлярное и щеточное отдѣленія. Остановимся на одной вещи, полезной

Digitized by Google

въ гигіеническомъ отношеніи: это—на половой щеткѣ, избавляющей отъ пыли при метеніи комнаты. Правда, о достоинствахъ подобной щетки можно судить только по болѣе или менѣе долговременномъ ея употребленіи, тѣмъ не менѣе недостатки ея и теперь уже бросаются въ глаза. Во-первыхъ, она дорога (5 р.), во-вторыхъ, сдѣлана изъ довольно слабой, тонкой щетины, а, въ третьихъ, ею можно пользоваться только для метенья открытыхъ, свободныхъ мѣстъ, и потому для выметанія угловъ и узкихъ проходовъ требуется при ней другая, меньшая щетка или ветошка. Словомъ, едва ли эта гигіеническая щетка имѣетъ за собою будущность... О пищевыхъ продуктахъ выставки трудно было бы судить за невозможностью имѣть пробы ихъ для изслѣдованія. Пробовать можно было только вина, особенно шампанское, которое, за выгодную для продавцовъ цѣну, дѣйствительно, предлагалось охотникамъ, но все это въ концѣ концовъ нельзя считать удобнымъ способомъ для оцѣнки и рекомендовать для будущихъ выставокъ. Въ экипажномъ отдѣлѣ, гдѣ имѣлись образцовыя кареты и коляски, и изящнѣйшіе разнообразные велосипеды, мы не нашли, на чемъ можно было бы особенно остановиться. Всего болѣе насъ заинтересовалъ одинъ экспонатъ, поставленный въ сарай съ сельско-хозяйственными машинами,—экспонатъ любопытный, ускользнувшій отъ вниманія весьма многихъ посѣтителей. Мы говоримъ о модели (изъ папье-машэ) лошади и кузнеца съ рабочимъ — модели, сдѣланной съ цѣлью показать наибезопаснѣйшій способъ ковки лошади. Посредствомъ ремней, искусно закрѣпленныхъ на туловищѣ и конечностяхъ животнаго, всякое рѣзкое движеніе оказывается невозможнымъ, и потому кузнецъ спокойно можетъ распоряжаться любой ногой лошади для ковки, для перевязки въ случаѣ пораненія и проч. Фигуры сдѣланы такъ искусно, что иной могъ бы счесть куколъ за живыхъ существъ, особенно въ сумерки или при слабомъ свѣтѣ. Въ связи съ этимъ экспонатомъ расположена клѣтка, а внутри ея собака изъ папье-машэ, изображающая сцену бѣшенства. Оскаленные зубы, бѣшеные глаза и поза нападенія очень вѣрны дѣйствительности. Въ сельско-хозяйственномъ отдѣлѣ нѣчто оригинальное представляли экспонаты Алжира и Туниса. Не смотря на свою малочисленность, они отличались нѣкоторыми особенностями въ приготовленіи и въ рисункахъ тканей. Шкуры и головы барановъ въ одной витринѣ показывали крупные размѣры и своеобразную красоту этого рода животныхъ. Шерсть ихъ весьма недурна.

Прогулка вправо отъ главнаго входа выставки, какой мы и

Digitized by Google

держались, завершилась отдѣломъ машинныхъ. Имъ же, какъ мы говорили, заканчивался вообще серьезный, дѣловой, болѣе или менѣе будничный отдѣлъ.

Первый входный павильонъ и расположенные отъ него влѣво другіе павильоны представляли совсѣмъ другой характеръ:—характеръ роскоши и моды, изящества, вкуса и изысканности работы. Не говоря о прелестныхъ фарфоровыхъ и стеклянныхъ издѣліяхъ, болѣе или менѣе знакомыхъ намъ и по русскимъ магазинамъ, мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи припомнить кое-что изъ видѣннаго въ отдѣлѣ вещей бронзовыхъ. Нѣкоторые экспонаты были до того художественно-хороши, что любоваться ими можно было по нѣскольку разъ съ возрастающимъ увлеченіемъ. Во многихъ предметахъ посѣтитель находилъ, можно сказать, не роскошныя издѣлія, выставленныя для продажи, а предметы, взятые изъ какой нибудь глиптотеки или скульптурнаго музея. Вы видѣли предъ собою 3живыя статуи, живыя до того, что, казалось, вотъ-вотъ онѣ заговорятъ, захохочутъ или заплачутъ передъ вами. И особенно хорошо удалась эта иллюзія на фигурахъ, изображающихъ типъ южный, напр., мавританскій или индѣйскій. Бронзовый оттѣнокъ кожи съ искусно-окрашенными тканями одежды и украшеній головы, шеи и рукъ—все это до того оживотворяло металлъ, что болѣе совершеннаго подражанія природѣ воображеніе рѣшительно не могло и представить. Находились субъекты, которые отходили въ негодованіи на цѣны этихъ чудныхъ экспонатовъ. Но вѣдь безъ настоящаго художника, безъ спеціалиста, немыслимо сдѣлать подобныя вещи,—слѣдовательно, возможно ли продавать ихъ за пятакъ? Разсказываютъ, что за серебряный сервизъ знаменитаго Бушерона, оцѣненный въ 38 т. фр., приходилось выплатить мастеру-художнику болѣе 20 тыс., франковъ. Да, для этого сервиза понадобилось три года работы! Кто понимаетъ, во что́ обходится хозяину магазина изящная металлическая вещь, тотъ, конечно, не будетъ удивляться тѣмъ цѣнамъ, какія намѣчены были на бронзовыхъ издѣліяхъ, напр., Отто и Шарпантье, на серебряныхъ—Кристофля, Фроманъ-Мериса и др. Не будучи достаточно компетентными въ художественныхъ произведеніяхъ, мы предоставляемъ другимъ говорить о спеціальныхъ деталяхъ этихъ произведеній на выставкѣ, и потому ограничиваемся лишь выраженіемъ личныхъ впечатлѣній. Сомнѣваемся однако, чтобы кому либо понравились менѣе, чѣмъ намъ, образцовыя скульптурныя произведенія: статуя Мефистофеля—работы Антокольскаго, бронзовая ваза—работы Барріаса и мн. др. Считаемъ излишнимъ говорить

Digitized by Google

и о мебели, о зеркалахъ, о тканяхъ, кружевахъ, обуви и косметическихъ произведеніяхъ. Все это, не смотря на привлекательность, до такой степени извѣстно, что описаніе могло бы представить для читателя интересъ лишь въ томъ случаѣ, если бы шло изъ подъ пера особеннаго знатока дѣла.

Въ военномъ отдѣлѣ вниманіе «штатскаго» человѣка обращаютъ на себя аппараты инженеровъ Женеста и Гершера: снарядъ для полученія очищенной (стерилизованной) воды, снарядъ для походной булочной, аппаратъ для вентиляціи. Не лишенъ интереса и павильонъ съ манкенами разныхъ представителей французской арміи. Начиная съ классической фигуры жандарма и кончая печальной фигурой интендантскаго писаря, передъ взоромъ нашимъ являются одинъ за другимъ всѣ чины французской кавалеріи, артиллеріи и пѣхоты. Кромѣ лицъ военныхъ, состоящихъ на дѣйствительной службѣ, выставлены манкены учащихся, а именно: студента изъ Ecole de médecine, воспитанника Политехнической школы, ученика военной Сенъ-Сирской школы и ученика изъ Ecole prytanée de la Flèche. Особенно оригинальны фигуры алжирскаго и сенегальскаго спаговъ, коннаго африканскаго стрѣлка въ красной—въ родѣ поварскаго колпака—шапкѣ, зуава, тюркоса, альпійскаго егеря. Изящество одежды, искусное распредѣленіе фигуръ и подходящая декорировка всего entourage'а придаютъ сценѣ весьма оживленный видъ и содѣйствуютъ болѣе отчетливому ознакомленію съ дѣломъ. Вообще, идею устройства такой коллекціи нельзя не назвать весьма счастливою и даже заслуживающею подражанія для будущихъ выставокъ.

Въ заключеніе повторимъ, что французская выставка въ Москвѣ имѣла характеръ демонстративный, наглядный, — слѣдовательно, отвѣчала обычнымъ требованіямъ, возлагаемымъ на промышленную выставку. Не отвѣчающіе этимъ требованіямъ экспонаты, какъ бы случайно попавшіе на выставку, казалось, должны были нарушать гармонію цѣлаго, если не служить лишнимъ балластомъ. Это несовсѣмъ вѣрно. Къ промышленной выставкѣ вполнѣ подходятъ экспонаты, изображающіе въ культурномъ отношеніи ту страну, откуда они идутъ. Съ культурой же тѣсно связаны демографическія, санитарно-статистическія, топографическія и другія данныя страны; данныя же эти не всегда могутъ говорить зрѣнію, осязанію и вообще внѣшнимъ органамъ чувствъ, а неизбѣжно требуютъ цифроваго, словеснаго изложенія. Вотъ почему печатный матеріалъ служитъ чрезвычайно цѣннымъ дополненіемъ всей демонстративной части на выставкѣ и для серьезно интересующагося экспонатами по тому или другому отдѣлу составляетъ

Digitized by Google

важнѣйшее подспорье при ихъ изученіи. Французская выставка—какъ мы выше и замѣтили—дала въ этомъ отношеніи весьма много. Отчеты по всѣмъ частямъ государственнаго хозяйства имѣлись на лицо; всѣ статистическія данныя могли быть отысканы въ различныхъ ежегодникахъ, рапортахъ, заключеніяхъ комисій, тщательно напечатанныхъ и изданныхъ на счетъ французскаго правительства или ученыхъ обществъ. Представлены были и отдѣльныя монографіи по разнообразнымъ спеціальнымъ деталямъ статистики, санитарнаго дѣла, журнальной и научной дѣятельности и пр., чтобы показать, съ какимъ тщательнымъ вниманіемъ главные представители французской націи и французскаго правительства относятся къ благосостоянію родной страны и какъ строго держатся они указаній современнаго знанія на пользу и процвѣтаніе народа.

Французская выставка еще разъ доказала, что французы остаются вѣрными традиціи своихъ предковъ и съ честью несутъ знамя одного изъ передовыхъ народовъ современной Европы.

А. Виреніусъ.

Digitized by Google

ПИПИСТРЕЛЛО.

(Разсказъ Уида).

Я ничего больше, какъ Пипистрелло,—не больше, чѣмъ одинъ изъ круглыхъ коричневыхъ камешковъ, которые вѣтеръ гонитъ лѣтомъ внизъ по высохшему руслу Тибра. Я—Пипистрелло, шутъ, наѣздникъ, жонглёръ, гимнастъ, разукрашенный блестками; игрушка публики, бѣгающая, прыгающая, смѣющаяся надъ собой, и надъ которой всѣ также смѣются; живущая лишь по милости своихъ гибкихъ членовъ, какъ ея собратъ, танцующій медвѣдь, и ея родственница, обезьяна въ красной курточкѣ и шляпѣ съ перомъ.

Я—Пипистрелло; мнѣ двадцать пять лѣтъ, я силенъ, какъ вы видите, и красивъ, какъ говорятъ женщины. Я одолѣю всякаго, самаго сильнаго мужчину, могу сломать желѣзную палку о свое колѣно, обогнать самую быструю лошадь и почти безъ всякаго усилія вырвать съ корнемъ молодой дубъ. Я силенъ, жизнь моя въ полномъ расцвѣтѣ, я никогда не бывалъ боленъ и мать моя жива. А между тѣмъ я приговоренъ къ смерти и завтра умру на эшафотѣ. Если ничего не произойдетъ чрезвычайнаго между настоящей минутой и завтрашней зарей,—я умру съ восходомъ солнца. И ничего не произойдетъ, конечно; да и зачѣмъ? Я только Пипистрелло, только Пипистрелло! Народъ любилъ меня, это правда, но это не причина, чтобы законъ пощадилъ меня. Да я и не желаю пощады—нѣтъ!

Они приходятъ и смотрятъ на меня—мужчины и женщины, дѣвушки и дѣти. Немногіе изъ нихъ плачутъ и одинъ маленькій ребенокъ бросилъ мнѣ своей маленькой ручонкой половину краснаго граната. Но бо́льшей частью они смѣются. Уличныя дѣти всегда смѣются при видѣ, какъ большой черный быкъ со своей смѣлой рогатой головой падаетъ подъ ударомъ мясника. Улица

Digitized by Google

всегда находитъ это смѣшнымъ. Быкъ этотъ могъ бы разнести толпу, какъ сѣверный вѣтеръ разноситъ пыль, еслибъ онъ былъ свободенъ; но онъ въ неволѣ, и его сила не поможетъ ему. Молотъ сражаетъ его, и толпа смѣется. Жители стараго города Орте хорошо меня знаютъ. Я всю свою жизнь странствовалъ по всей Италіи и исходилъ ее вдоль и поперекъ. Гдѣ бы ни была ярмарка или какой нибудь праздникъ, тамъ непремѣнно появлялся и я, Пипистрелло, среди пестрой толпы. Никакая жизнь не можетъ назваться дурной, если намъ свѣтитъ солнце, освѣжаетъ насъ дождь, если мы свободны идти, куда угодно, и ничто не заслоняетъ намъ неба. Отецъ мой велъ такой же образъ жизни до меня; онъ умеръ въ Генуѣ, на глазахъ публики, переломивъ себѣ спину при паденіи съ трапеціи, какъ переламывается сухая вѣтка. Я былъ тогда уже довольно большимъ ребенкомъ и, во время представленій, артисты перебрасывали меня изъ рукъ въ руки, какъ мячикъ или апельсинъ. Мать моя была нѣжное, молодое и ласковое созданье, полное ласки для своихъ, но застѣнчивая и пугливая съ чужими. Она была дочь бѣднаго ткача. Мой отецъ сошелся съ ней въ Этруріи и, хотя онъ никогда не потрудился оформить свое сожитіе передъ мэромъ, онъ всегда любилъ ее и обращался съ ней съ большимъ уваженіемъ. Она была очень чистая и честная женщина. Увы, бѣдная душа! Теперь ея волосы бѣлы, какъ снѣгъ, и, говорятъ, она сошла съ ума. Тѣмъ лучше для нея, если она лишилась способности сознавать что либо; но я боюсь, что умалишенные все понимаютъ и видятъ, не смотря на мракъ, въ который они погружены. Когда мой отецъ умеръ въ Генуѣ, мать моя возненавидѣла жизнь артистовъ и, порвавъ всѣ связи съ гимнастами, его товарищами, собрала всѣ свои небольшія деньги въ маленькій кожаный мѣшочекъ и удалилась со мной въ старый городъ Орте, гдѣ еще жила моя бабушка, вдова ткача. Труппа желала оставить меня при себѣ, потому что, хотя мнѣ минуло всего пять лѣтъ, я былъ очень ловокъ, легокъ, безстрашенъ и совсѣмъ не боялся, когда они перебрасывали меня по воздуху черезъ всю сцену, какъ живой мячъ, во время представленій.

Орте былъ тогда совсѣмъ такимъ же, какъ и теперь; я думаю, что очень древніе города никогда не мѣняются. Если вы хотите попробовать измѣнить ихъ, вамъ надо будетъ совсѣмъ сломать и уничтожить ихъ. Орте зналъ еще этрусковъ; онъ очень хорошо можетъ обойтись безъ моднаго населенія. Въ Орте моя мать и бабушка жили вмѣстѣ, въ одной комнатѣ, смотрѣвшей на рѣку; это была большая комната со сводами, съ рѣшетчатыми

Digitized by Google

окнами, съ толстыми каменными стѣнами,—комната, когда-то составлявшая часть дворца. Моя мать была еще тогда очень молода и красива; но красота ея носила отпечатокъ серьезности и глубокой печали. Она улыбалась мнѣ иногда, но я ни разу не слыхалъ ея смѣха. Она никогда не смѣялась съ того страшнаго дня, когда при яркомъ солнечномъ сіяніи, среди толпы, въ виду генуэзскаго залива, мой отецъ упалъ съ высоты на землю, какъ падаетъ орелъ, сраженный молніей.

У моей матери было много жениховъ. Она была красива, какъ мадонны нашихъ старыхъ художниковъ; она была прилежна, и всѣ, жившіе въ ея маленькомъ міркѣ, знали, что она со временемъ получитъ небольшое поле и рыжую корову, принадлежавшія моей бабушкѣ за городскими воротами Орте. Всѣ эти женихи, конечно, много занимались мной, часто ласкали и приносили мнѣ томаты, зеленыя фиги, сверчковъ въ проволочныхъ клѣткахъ, жареную рыбу и игрушки. Но мать моя не смотрѣла ни на одного изъ нихъ. Когда глаза женщины вѣчно опущены къ могилѣ,—какъ могутъ ихъ отяжелѣвшія отъ слезъ вѣки подняться, чтобы взглянуть на новаго влюбленнаго? Она отталкивала ихъ всѣхъ постоянно, и жила одинокая и печальная, на свои небольшія средства, на нашемъ просторномъ чердакѣ. Мы ѣли мало, наша постель была жестка, и мать и бабушка много работали, чтобы доставить намъ пропитаніе. Но когда богатый фермеръ посватался за нее, предлагая ей честный и законный бракъ, она, цѣлуя меня и плача надо мной, повторила: «Нѣтъ, нѣтъ! Я буду вѣрна твоему отцу; пусть будетъ, что будетъ!» Фермеръ скоро утѣшился; онъ женился на толстой крестьянкѣ, обладавшей красивой ниткой жемчуга и золотыми браслетами, а я продолжалъ расти при моей матери, тамъ, гдѣ Тибръ золотится утренней зарей и катитъ свои тяжелыя волны подъ вѣтвями плакучихъ ивъ. Мои дѣтскія силы увеличивались подъ лѣтнимъ зноемъ и я росъ, какъ молодой стебель высокой кукурузы. Я пасъ корову, рѣзалъ тростникъ, рубилъ дрова и всегда былъ веселъ, даже когда мать посылала меня къ старому священнику, учившему меня читать по молитвеннику. Она желала сдѣлать изъ меня монаха, но одна мысль объ этомъ заставляла меня содрогаться отъ ужаса. Я любилъ лазить на дубы, качаться на кленахъ, влѣзать на крыши, на башни и на мачты кораблей. Что же я дѣлалъ бы въ монашеской рясѣ и въ крашеной бѣлой кельѣ? Уфъ! Я зажималъ себѣ уши и убѣгалъ каждый разъ, когда моя бѣдная мать начинала говорить о монастырѣ.

Мои члены вѣчно готовы были плясать, и кровь моя посто-

Digitized by Google

янно кружилась и весело кипѣла въ моихъ жилахъ. Сдѣлаться священникомъ: какая странная мысль!—я никогда не могъ забыть своего веселаго, свѣтлаго дѣтства, когда мой отецъ подбрасывалъ меня на воздухъ, какъ мячикъ; я никогда не могъ забыть радостныхъ криковъ толпы, цѣлаго моря человѣческихъ лицъ, громкаго, открытаго смѣха народа, блеска расшитаго золотомъ костюма, упоенія аплодисментовъ. Мнѣ было тогда пять лѣтъ, но я все помнилъ, а иногда ночью горько плакалъ объ этихъ погибшихъ для меня дняхъ. Если вы разъ услышите голосъ публики, привѣтствующей, одобряющей и вызывающей васъ, вы уже не въ состояніи будете жить безъ него; вамъ всегда будетъ недоставать этого звука, какъ звона мѣдныхъ цимбаловъ, ласкающаго вашу душу. Сынъ артиста никогда не будетъ въ состояніи спокойно сидѣть въ школѣ, какъ дѣти башмачниковъ, кузнецовъ и винодѣловъ. Вся жизнь моя кипѣла, пѣнилась и трепетала во мнѣ безпрерывно, какъ крылья ласточки, когда наступаетъ часъ для полета и въ ней пробуждается стремленіе къ югу. Я всѣми моими силами обожалъ мою блѣдную, прелестную мать, но, не смотря на это, отправляясь къ священнику съ книгами за спиной, я часто думалъ—будетъ ли это уже слишкомъ дурно, если я заброшу книги въ рѣку и убѣгу въ поле? И, дѣйствительно, я часто убѣгалъ, блуждая по окрестностямъ Орте, какъ горный заяцъ; влѣзалъ на колокольни церквей, сдиралъ флюгера или звонилъ въ колокола и производилъ тысячи другихъ шалостей; но къ ночи всегда возвращался къ моей матери. Мнѣ казалось, что было бы жестоко и низко бросить ее. Я одинъ остался у нея на свѣтѣ.

«Ты обѣщаешь мнѣ быть умнымъ и спокойнымъ, Пиппо?»—постоянно шептала мнѣ бѣдняжка. И я всегда искренно отвѣчалъ: «да». Но можетъ ли птица обѣщать не летать, когда она инстинктивно почувствуетъ приближеніе весны? Можетъ ли молодой жеребенокъ стоять спокойно, когда онъ чувствуетъ, какъ земля уходитъ изъ подъ его копытъ? Я никогда не хотѣлъ быть непослушнымъ, но какъ-то всегда случалось, что черезъ десять минутъ послѣ того, какъ я уходилъ отъ нея, я уже оказывался на верху какой нибудь колокольни, гдѣ голуби летали вокругъ моей кудрявой головы. Я такъ былъ счастливъ тамъ, на высотѣ, смотря внизъ на старый городъ, покрытый пылью, какъ туманомъ; на женщинъ и мужчинъ, двигавшихся, какъ въ муравейникѣ; на историческую рѣку, казавшуюся узкой перекрученной лентой; на дворцы и памятники, укутанные тѣмъ же сѣрымъ пыльнымъ покрываломъ. Я такъ былъ счастливъ тамъ!—а они толковали о томъ, чтобы сдѣлать меня монахомъ, когда я не хотѣлъ и слышать объ

Digitized by Google

этомъ; они мечтали превратить меня въ писца какого нибудь нотаріуса. Быть монахомъ, писцомъ, когда каждое дерево призывало меня къ себѣ и каждая птица звала улетѣть съ собой?!

Я плакалъ объ этомъ горячими и горькими слезами, обжигавшими мнѣ лицо, когда я лежалъ въ травѣ, на берегу стараго Тибра, сжимая голову въ своихъ рукахъ. Вѣдь мнѣ не было еще двѣнадцати лѣтъ, и мысль, что меня навѣкъ запрутъ въ Орте, что я посѣдѣю и состарѣюсь, какъ нашъ нотаріусъ, надъ скучными книгами, только ссорившими другъ съ другомъ сосѣдей, была ужасна,—она разрывала мое сердце. Но я любилъ мою мать и потому чинилъ свои перья и старался писать какъ можно лучше, говоря своимъ товарищамъ: «я не могу больше гнуть желѣзо, прыгать и обгоняться. Черезъ годъ я поступлю въ контору нотаріуса ни буду письмомъ зарабатывать хлѣбъ; моя мать этого желаетъ и слѣдовательно, такъ должно быть». И я всѣми силами старался не смотрѣть на совъ, кружившихся вокругъ башни, или на старую рѣку, бѣжавшую внизъ къ Риму, потому что вода звала и манила меня къ себѣ, а птицы приглашали улетѣть вмѣстѣ съ ними. Вы не можете понять, если вы не родились для этого, какъ я, какое наслажденье лѣзть все выше и выше, пока зеленая земля, наконецъ, совсѣмъ подъ вами побѣднѣетъ, люди все уменьшаются и уменьшаются, и дѣлаются не больше пылинокъ, а дома кажутся лишь кучками песку. Воздухъ вокругъ васъ дѣлается все прозрачнѣе, большія черныя крылья птицъ совсѣмъ касаются вашего лица, а вы сидите верхомъ на балкѣ возлѣ колоколовъ, рядомъ съ какимъ нибудь каменнымъ лицомъ, высѣченнымъ здѣсь болѣе тысячи лѣтъ тому назадъ, котораго, быть можетъ, никто съ тѣхъ поръ и не видалъ; а бѣлыя облака такъ близко возлѣ васъ, что вамъ кажется, что вы въ нихъ купаетесь, а вѣтеръ разрываетъ туманъ и проносится надъ вами, чтобы спуститься внизъ, къ землѣ, и куралесить въ лѣсахъ и моряхъ. Люди такъ далеко, а небо такъ близко отъ васъ; поля и долины теряются въ туманѣ, отдѣляющемъ ихъ отъ васъ; шумъ живущихъ людскихъ массъ лишь слабо достигаетъ вашего слуха и звучитъ нѣжно, какъ тихое жужжанье пчелъ надъ бѣлыми цвѣтами акаціи, среди свѣтлаго мая. Но вы этого не понимаете, вы, бѣдные труженики въ городахъ, со страхомъ наблюдающіе за лицами богачей. И я, для котораго жизнь на открытомъ воздухѣ была радостью, восторгомъ, я былъ обреченъ сдѣлаться писцомъ у нотаріуса; я, прозванный Пипистрелло (летучая мышь) потому что вѣчно кружился на воздухѣ, я долженъ былъ сдѣлаться писцомъ, потому что такъ рѣшили мои мать и бабушка, и самъ старый нотаріусъ, жившій на

Digitized by Google

углу и добывавшій хлѣбъ тѣмъ, что «вносилъ мечъ», гдѣ только могъ, въ дѣла своихъ сосѣдей. Онъ былъ старый мошенникъ, но моя мать этого не знала; онъ обѣщалъ быть хорошимъ, вѣрнымъ хранителемъ моей юности, и она вѣрила, что онъ могъ сохранить меня отъ всѣхъ превратностей судьбы. Она хотѣла быть увѣренной, что я никогда не подвергнусь опасностямъ карьеры моего отца; ей хотѣлось всегда видѣть меня за своимъ столомъ передъ тарелкой жиденькаго супа. Бѣдная мать!

Одинъ случай въ Орте совсѣмъ иначе устроилъ мою судьбу чѣмъ она того желала. Однажды на восходѣ солнца, въ вербное воскресенье, я услышалъ рѣзкій звукъ визгливой флейты, металлическій звукъ цимбаловъ, восторженные крики мальчишекъ и громъ маленькаго барабана. Этотъ барабанъ билъ передъ труппой гимнастовъ и жонглёровъ, проходившихъ черезъ Реджіо-Эмилія. Труппа остановилась на маленькой площади, выжженной солнцемъ и окруженной старыми развалившимися домами; я побѣжалъ вмѣстѣ со всѣми подростками, чтобы посмотрѣть на гимнастовъ. Орте нарядился по случаю праздника; старый, пыльный и забытый свѣтомъ, онъ весело украсился въ тотъ же день пальмами, лиліями, сиренью и вѣтками ивы; а его жители, честные и веселые, одѣтые въ свои лучшія платья и наполнявшіе улицы, церкви и таверны, всѣ, какъ одинъ человѣкъ, послѣ обѣдни столпились вокругъ странствующихъ артистовъ. Это происходило въ апрѣлѣ, за городскими стѣнами и по берегамъ Тибра, все еще невполнѣ вошедшаго въ свои берега послѣ зимы; здѣсь виднѣлись тысячи прелестныхъ царскихъ кудрей и ярко-красныхъ и желтыхъ тюльпановъ среди зеленѣющей ржи. Ароматъ цвѣтовъ и травъ врывался въ городъ и наполнялъ его узкія и мрачныя улицы; лодочники прикрѣпили зеленыя вѣтки къ мачтамъ своихъ судовъ; среди вечерней тишины слышались пѣсни сверчковъ, и даже комары такъ весело жужжали, что хотѣлось послать имъ привѣтствіе, за то что они своей маленькой флейтой возвѣщали пріятную новость: «лѣто пришло». Ахъ, эти веселыя лѣта моей юности! Я—старикъ теперь; да, старикъ, хотя мнѣ всего двадцать пять лѣтъ. Я бросился смотрѣть на гимнастовъ, какъ бабочка летитъ на огонь. Въ Италіи всѣ, безъ исключенія, любятъ полишинеля, нѣмаго или говорящаго, сдѣланнаго изъ дерева или состоящаго изъ тѣла и костей, и потому весь Орте спѣшилъ на площадь подъ палящимъ лѣтнимъ солнцемъ. Я смотрѣлъ, дрожалъ, смѣялся; я рыдалъ отъ восторга. Такъ много лѣтъ не видалъ я своихъ братьевъ! Развѣ они не были всѣ моими братьями?

Въ это вербное воскресенье, когда нашъ мрачный и пыльный

Digitized by Google

Орте былъ такъ полонъ зелени и цвѣтовъ, какъ старый кувшинъ, полный fleurs d'oranges къ свадебному дню,—довольно блестящая труппа гимнастовъ явилась повеселить его жителей; труппа состояла изъ старика и его пяти сыновей, красивыхъ и, конечно, очень сильныхъ юношей. Они влѣзали другъ другу на плечи и составляли живую пирамиду; гнули и ломали желѣзныя палки, перерубали овцу однимъ ударомъ меча; однимъ словомъ, они дѣлали все то, что̀ когда-то дѣлалъ мой отецъ. Что касается меня, я смотрѣлъ на нихъ пораженный, очарованный, ослѣпленный, какъ бы опьянѣвъ отъ восторга и почти обезумѣвъ отъ наплыва воспоминаній, жегшихъ меня, какъ лава, въ то время какъ я напряженно слѣдилъ за каждымъ ихъ подвигомъ, за каждымъ взрывомъ аплодисментовъ толпы. Страшная вещь—эти унаслѣдованныя воспоминанія, переданныя намъ съ кровью. Я смотрѣлъ на гимнастовъ, упоенный радостью, обезумѣвшій отъ воспоминаній и страстнаго влеченія—а моя мать назначала мнѣ карьеру писца и хотѣла запереть меня на всю жизнь съ перомъ въ рукѣ, для того чтобъ я сѣялъ сѣмена ненависти, преступленія и людскаго горя, раздувая пламя злобы и страстей изъ-за полдесятины земли или нѣсколькихъ золотыхъ! Она желала сдѣлать меня писцомъ у нотаріуса... Я смотрѣлъ на этихъ людей, казавшихся мнѣ столь счастливыми; смотрѣлъ на этихъ ловкихъ, стройныхъ, сильныхъ юношей въ трико, блестѣвшемъ, какъ зеленая кожа змѣи, въ залитыхъ золотомъ блестящихъ костюмахъ, въ бархатныхъ шапочкахъ, украшенныхъ бѣлыми перьями—и неудержимая сила заставила меня воскликнуть: «возьмите меня, возьмите меня съ собой!» Старый король труппы пристально взглянулъ на меня. Когда представленіе окончилось, онъ перепрыгнулъ черезъ канатъ, отдѣлявшій арену отъ публики и, обнявъ меня своими сильными руками, воскликнулъ: «Клянусь Богомъ! Это ты, маленькій Пиппо». Онъ былъ товарищемъ моего отца. Короче говоря, когда маленькая труппа покинула Орте, я отправился съ ней.

Это было очень дурно. Моя бѣдная мать спала, ничего не подозрѣвая, когда я передъ зарей пролѣзъ сквозь рѣшетку окна и тихо пробрался къ парому на Тибрѣ, гдѣ и соединился съ моими новыми друзьями. Это было очень дурно; но я не могъ поступить иначе: судьба была сильнѣе меня. Старикъ не безпокоился о томъ, къ хорошему или дурному поступку онъ поощрилъ меня. Онъ предчувствовалъ во мнѣ гимнаста, который сдѣлаетъ ему честь и заставитъ дукаты звучать вдвое веселѣе въ его кошелькѣ. Къ тому же, я ничего ему не стоилъ. Съ этого времени

Digitized by Google

я, дѣйствительно, началъ жить. Я часто плакалъ, чувствуя искреннія угрызенія совѣсти; когда проходилъ мимо распятія у дороги, я дрожалъ отъ раскаянія и ужаса; но все шелъ дальше, затягивалъ сильнѣе поясъ вокругъ своего расшитаго золотомъ костюма и, не смотря на всѣ угрызенія совѣсти, былъ счастливъ. Когда я былъ уже очень, очень далеко, я написалъ моей матери—и бѣдняжка поняла, что не было уже никакихъ средствъ заставить меня вернуться къ ней. Дѣти — эгоисты; въ дѣтствѣ мало чувства. Когда ребенокъ страдаетъ, онъ призываетъ свою мать, но когда онъ счастливъ—увы!—онъ рѣдко думаетъ о ней. Французскій поэтъ Викторъ Гюго обожаетъ дѣтство; но онъ ошибается: дѣтство часто болѣе жестоко, болѣе сурово, неумолимо и жадно, чѣмъ старость.

Я былъ очень счастливъ, полный силы и успѣха; мои товарищи сдержали слово и научили меня всѣмъ своимъ фокусамъ, всѣмъ подвигамъ. Скоро я превзошелъ своихъ учителей въ ловкости и смѣлости, и сдѣлался славой ихъ труппы. Лѣтомъ мы странствовали по обширнымъ долинамъ Ломбардіи и низкимъ тосканскимъ горамъ; зимой показывали свои доблестные подвиги въ Римѣ, въ Неаполѣ, въ Палермо; мы останавливались вездѣ, гдѣ солнце насъ пригрѣвало и гдѣ народъ любилъ смѣяться. Отъ времени до времени, я вспоминалъ о мо й матери и посылалъ ей деньги. Я слегка вздрагивалъ, когда видѣлъ изображеніе мадонны, потому что всѣ мадонны улыбаются, какъ улыбается намъ въ дѣтствѣ наша мать. Я думалъ о ней, но не вернулся домой. Я былъ Пиппстрелло—жонглёръ и гимнастъ. Я былъ юный геркулесъ въ расшитой блестками туникѣ, вмѣсто львиной кожи. Я былъ на тысячу лѣтъ, на тысячу верстъ далекъ отъ ребенка въ Орте. Богъ справедливъ! Справедливо, что я умираю здѣсь, потому что въ годы своего счастья забылъ мою мать.

Я жилъ при блескѣ солнца, передъ чуткой итальянской толпой, пожиная своимъ искусствомъ рядъ тріумфовъ; и я забылъ мою мать, одинокую въ своей старой комнатѣ надъ Тибромъ, совсѣмъ одинокую, потому что бабушка моя умерла. Что я убилъ ее, это ничего не значитъ. Я бы снова сдѣлалъ то же самое, еслибы мнѣ пришлось начать жизнь снова. Да, не останавливаясь, безъ всякаго милосердія, я повторилъ бы свой поступокъ. Но моя мать—она жила одинокая и сошла съ ума. Вотъ мое преступленіе. Я былъ высокій, сильный юноша и женщины говорили, что я красивъ; я велъ шумную жизнь, постоянно находился въ движеніи и сдѣлался тѣмъ же, чѣмъ до меня былъ мой отецъ. Такъ говорили всѣ. Но я любилъ читать, а мой отецъ никогда не от-

Digitized by Google

крывалъ книги; и въ память теплой вѣры моей матери, я обнажалъ голову каждый разъ, какъ проходилъ мимо иконы или церкви, что̀ также не входило въ привычки моего отца. Въ эти годы я собралъ много денегъ, очень много, по крайней мѣрѣ, для странствующаго артиста, но онѣ исчезали также скоро, какъ и появлялись. Я никогда не былъ порочнымъ человѣкомъ, игрокомъ или пьяницей; но мои тяжелыя монеты быстро вылетали изъ моего кармана, потому что я былъ веселъ и любилъ разыгрывать роль любовника. Я пожилъ хорошо, это вѣрно. Я не знаю жизни богачей и аристократовъ, но увѣренъ, что она мрачнѣе и скучнѣе моей.

Въ Италіи жизнь требуетъ такъ немного: воздухъ и свѣтъ, жиденькое красное вино, теплый вѣтерокъ, горсть маиса или кисть винограда, старая гитара и ниша, въ которой можно выспаться ночью у фонтана, журчащаго и напѣвающаго свою пѣсенку мхамъ и мрамору — вотъ и все, что̀ нужно для счастья въ Италіи. И все это нетрудно получить; по крайней мѣрѣ, такъ было тогда. Я никогда не былъ очень бѣденъ, но каждый разъ, какъ деньги звенѣли въ моемъ карманѣ, я угощалъ всю нашу труппу и полъ-города, и смѣхъ нашъ раздавался до зари. Я всегда былъ ничего больше, какъ Пипистрелло—гимнастъ, который прыгалъ и боролся, и также легко подымалъ быка, какъ другіе поднимаютъ ребенка. Безъ сомнѣнія, умнымъ людямъ такая жизнь кажется глупой, а святымъ — грѣховной. Но я родился для нея; другая жизнь была для меня невозможна. Когда деньги сыпались на меня, какъ дождь, и я могъ облегчить чье нибудь наболѣвшее сердце, подкрѣпить больнаго мальчика хорошимъ обѣдомъ, осчастливить какого нибудь ребенка горстью мѣдной монеты, дать бѣдной собакѣ постель и друга, помочь нагруженному и усталому мулу,—я никогда не пропускалъ подобнаго случая; а что̀ же больше могъ сдѣлать простой гимнастъ? Послѣ такихъ случаевъ, я всегда спалъ спокойно. Когда умеръ старикъ, бывшій товарищъ моего отца, наша труппа распалась, поссорившись изъ-за его наслѣдства. Пять братьевъ по обыкновенію дошли до ножей. Въ Италіи человѣкъ также натурально хватается за ножъ, какъ дитя за грудь матери. Утомленный ссорами братьевъ, я покинулъ ихъ, составилъ свою маленькую труппу изъ однихъ только молодыхъ людей, и весело переходилъ съ ней съ одного мѣста на другое, отъ моря до моря. Въ это время мы находились на югѣ. Я былъ очень популяренъ въ народѣ. Когда я оканчивалъ свои нумера, какъ гимнастъ, я пѣлъ съ акомпанементомъ мандолины, импровизовалъ и заставлялъ публику

Digitized by Google

смѣяться и плакать. Нѣкоторые болѣе понимающіе люди говорили мнѣ, что я могъ бы сдѣлаться великимъ актеромъ или великимъ пѣвцомъ. Можетъ быть, но я всегда оставался только странствующимъ артистомъ Пипистрелло. Я слишкомъ нуждался въ свѣжемъ воздухѣ, въ движеніи и въ примѣненіи моихъ физическихъ силъ, чтобы согласиться запереть себя подъ крышей театра, гдѣ горятъ сотни лампъ.

Однажды, когда мы странствовали въ мрачной Калабріи, выжженной іюльскимъ солнцемъ, съ запыленными алоэ и маисовыми полями, я внезапно почувствовалъ угрызенія совѣсти; я вспомнилъ свою мать, одинокую въ Орте. Сотни разъ вспоминалъ я о ней, но стыдился провѣдать ее — я, который такъ низко ее бросилъ. Въ этотъ день мои угрызенія были сильнѣе моего стыда. Я былъ хозяиномъ моей маленькой труппы и сказалъ: «здѣсь жарко, мы пойдемъ по дорогѣ къ Риму, вдоль Тибра». Такъ мы и сдѣлали. Мы работали и играли дорогой, проходя черезъ Базиликату, Кампанію и Лаціумъ, пока наконецъ не дошли до Орте,—стараго, скучнаго, сѣраго города, ютившагося по берегу Тибра. Мое сердце билось, колѣни дрожали и я подумалъ: «что если она умерла?» Я оставилъ своихъ товарищей пить и отдыхать въ тавернѣ у городскихъ воротъ, и пошелъ искать ее одинъ. Я нашелъ домъ, нашелъ мрачное рѣшетчатое окно, выходившее на Тибръ; темныя каменныя стѣны грозно смотрѣли на улицу. У фонтана, къ которому я тысячу разъ бѣгалъ въ дѣтствѣ, женщина совсѣмъ старая и сѣдая черпала воду. Я посмотрѣлъ и не узналъ ея; я видѣлъ только женщину слабую и старую. Но она, наполнивъ мѣдный кувшинъ, обернулась и увидѣла меня; кувшинъ выпалъ изъ ея рукъ, и она съ раздирающимъ душу крикомъ упала къ моимъ ногамъ. Тогда я узналъ ее! Когда, при блескѣ горячаго, яркаго солнца, я увидѣлъ, какъ въ эти десять лѣтъ моя мать постарѣла, согнулась и посѣдѣла,—въ тѣ десять лѣтъ, которыя я провелъ въ блескѣ, весельѣ и радости,—я понялъ, что согрѣшилъ противъ нея великимъ грѣхомъ: грѣхомъ жестокости, пренебреженія и низкаго эгоизма. Она еще была молода, когда я оставилъ ее; молода и красива, безъ одного сѣдаго волоска въ черныхъ, какъ смоль, волосахъ. Женихи увивались вокругъ ея красоты, какъ пчела вокругъ цвѣтовъ, при сіяніи осенняго солнца. А теперь—теперь это была совсѣмъ старуха. Она не упрекала меня; она сказала только: «Мой сынъ, мой сынъ! Слава Богу! Слава Богу!» и эти слова она со слезами, и вся дрожа, повторяла безпрестанно. Да, такія женщины бываютъ на свѣтѣ.

Когда свѣтлый, жаркій лѣтній день превратился въ сѣроватую,

Digitized by Google

освѣщенную свѣтляками ночь, я легъ на узкую постель, на которой когда-то спалъ ребенкомъ, и мать поцѣловала меня передъ сномъ, какъ цѣловала когда-то ребенка. Этотъ поцѣлуй, казалось, очищалъ меня отъ всѣхъ грѣховъ, совершонныхъ вдали отъ нея, исключая, конечно, моего непростительнаго грѣха противъ нея. Утромъ она открыла ящикъ старой конторки и показала мнѣ все, что я прислалъ ей въ эти десять лѣтъ; все оставалось петронутымъ—какъ деньги, такъ и подарки. «Я ничего не хотѣла брать, потому что ты не давалъ мнѣ всего этого самъ»,— сказала она. Рыданія поднялись въ моей груди.

Было очень рано; она попросила меня идти съ нею къ обѣднѣ. Я пошелъ, чтобы сдѣлать ей удовольствіе. Всю дорогу я смотрѣлъ на ея старую, слабую, согбенную фигуру, на ея сѣдые волосы подъ желтымъ платкомъ, и во мнѣ зародилось такое чувство, какъ будто я убилъ ее. Это одинокое старое созданье не походило на мою мать, напоминавшую мадонну Рафаэля, когда я оставилъ ее. Я никогда уже не могъ сдѣлать ее такой, какой она была прежде. «Это мой сынъ»,— говорила она сосѣдямъ; но она говорила это скорѣе съ грустью, чѣмъ съ гордостью, потому что ненавидѣла мое призваніе; но Орте думалъ иначе. Орте толпился, чтобы посмотрѣть на меня, потому что онъ уже слышалъ о Пипистрелло, о своемъ собственномъ Пипистрелло, который мучилъ его своими дѣтскими шалостями, а теперь прославился въ городахъ и селеніяхъ, какъ самый сильный мужчина Италіи. И, дѣйствительно, я былъ такимъ, и моя мать, смотря на меня глазами полными слезъ, говорила: «Ты — портретъ своего отца. О, мой милый, дорогой мой! будь остороженъ!»

Бѣдняжка, она ничего не видѣла передъ собой, кромѣ паденія сильнаго человѣка въ Генуѣ, во время одного изъ представленій въ циркѣ. Но я боюсь надоѣсть вамъ.—Нѣтъ?—Я оставилъ свое вышитое золотомъ платье и всѣ аттрибуты своего званія въ тавернѣ у своихъ товарищей, боясь взволновать ихъ видомъ мою мать и возбудить въ ней горькія воспоминанія. Но Орте, почти спавшій на берегу Тибра,—какъ нимфа, знакомая мнѣ по латинскимъ книгамъ въ школѣ,—Орте, которому нечего было дѣлать въ продолженіе длиннаго скучнаго дня, среди іюньскаго бездождія, требовалъ, чтобъ я показалъ ему свое искусство. Я не съумѣлъ противиться желанію народа и гордился тѣмъ, что могу показать все, что умѣю я, Пипистрелло, котораго такъ часто били въ дѣтствѣ за то, что онъ лазилъ за чужими каштанами и грушами. Итакъ, когда день сталъ свѣжѣть, я отдѣлилъ краснымъ канатомъ кругъ около себя и моихъ товарищей, на большой

Digitized by Google

полянѣ за городомъ, — и весь Орте собрался сюда съ закатомъ солнца, привѣтствуя меня восторженными криками, какъ будто Пипистрелло былъ король или герой. Толпа всегда такова: непостоянна и глупа, шумна и невѣжественна, какъ попугай, измѣнчива, какъ вѣтеръ. Этотъ же самый народъ бросалъ въ меня каменьями, когда меня вели въ тюрьму: — тотъ самый народъ, который меня привѣтствовалъ и праздновалъ мое возвращеніе въ первый день пріѣзда въ Орте. Теперь, конечно, нѣкоторыя женщины плачутъ и одинъ ребенокъ принесъ мнѣ половину гранаты. Это еще больше, чѣмъ выпадаетъ на долю падшихъ идоловъ, потому что чернь жестока: это — животное, ласкающееся и пресмыкающееся, а потомъ раздирающее свою жертву.

Былъ сухой іюнь, какъ я уже сказалъ. Я утолилъ угрызенія совѣсти въ тщеславіи и радости показать Орте все, что̀ могу сдѣлать силой своихъ мускуловъ. Мы не очень храбрый и не очень сильный народъ, поэтому сила и смѣлость кажутся очень красивыми на нашей родинѣ и производятъ много шума среди насъ. Я обладалъ и силой, и смѣлостью, и народъ былъ въ восхищеніи отъ всего, что̀ я дѣлалъ. Я напрягъ всѣ свои силы и на площади, отграниченной краснымъ канатомъ, выказалъ все свое искусство, какъ будто публикой моей были все только короли. Никакое одобреніе не льститъ такъ самолюбію, какъ то, которое человѣкъ вынуждаетъ у недоброжелательныхъ ему людей, а я зналъ, что Орте долго былъ противъ меня за мои мальчишескія шалости и мое бѣгство. Откровенно говоря, я ничего не дѣлалъ теперь, что̀ было бы опаснѣе, чѣмъ то, что̀ я дѣлалъ въ дѣтствѣ, влѣзая на вершину креста на колокольнѣ и садясь на него верхомъ; но жители Орте тогда называли это богохульствомъ, а теперь величали гимнастикой и аплодировали мнѣ такъ долго и громко, что могли бы разбудить мертвыхъ этрусковъ, спавшихъ въ своихъ могилахъ.

Наконецъ, я дошелъ до фокуса, который далеко не былъ труднѣйшимъ для меня, но который всегда казался удивительнымъ для толпы. Это былъ фокусъ моего стараго учителя—удержать всѣхъ своихъ пятерыхъ сыновей на плечахъ. Но я превзошелъ его, потому что удерживалъ на своихъ плечахъ по семи человѣкъ, и самый верхній изъ нихъ держалъ на головѣ маленькаго Феба. Ребенокъ, котораго мы называли Фебомъ, потому что нашли его при восходѣ солнца и потому что у него были такія золотистыя кудри—золотистыя, какъ ранункулы—былъ маленькое брошеное существо, подобранное нами въ Апуліи на берегу моря. Онъ былъ нѣжный, веселый, безпечный мальчикъ, котораго мы

Digitized by Google

всѣ любили и которому скоро успѣли внушить безстрашіе, позволявшее намъ бросать его, какъ мячъ, во время представленій. Онъ всегда восхищалъ публику—этотъ хорошенькій ребенокъ. Я думаю, ему не было и четырехъ лѣтъ; онъ былъ всегда веселъ и постоянно смѣялся. Для него все было лишь шуткой, какъ и для меня, въ его годы. Я никогда не думалъ, что было жестоко пользоваться имъ для нашихъ представленій, — я самъ былъ такъ счастливъ во время ихъ, когда-то. Вдругъ, когда я стоялъ, выпрямившись и держа на плечахъ семерыхъ гимнастовъ, изъ которыхъ самый верхній держалъ на головѣ нашего крошечнаго Феба; въ ту самую минуту, когда я продѣлывалъ этотъ маневръ, такъ всегда мнѣ удававшійся,—среди моря обращенныхъ ко мнѣ лицъ, при блескѣ заходящаго солнца, я увидалъ глаза одной женщины. Она слегка наклонилась впередъ, опершись щекой на руку. На головѣ ея были накинуты черныя кружева, прикрѣпленныя желтыми цвѣтами надъ лѣвымъ ухомъ. Она смотрѣла на меня и слегка улыбалась. Мои глаза встрѣтились съ ея глазами чрезъ воздушное пространство, освѣщенное пурпуровымъ сіяніемъ заходящаго солнца, окрасившаго краснымъ цвѣтомъ пыль на аренѣ, какъ кровь на полѣ битвы. Я почувствовалъ какъ бы ударъ кинжала; въ глазахъ у меня потемнѣло; я слегка дрогнулъ; черезъ секунду я пришелъ въ себя, но мое минутное движеніе наполнило ужасомъ моихъ товарищей. Седьмой, самый верхній, чувствуя, какъ человѣческая пирамида дрогнула подъ нимъ, невольно, безсознательно протянулъ руки, чтобы спастись. Онъ не потерялъ равновѣсіе, но уронилъ ребенка. Тотъ упалъ, какъ падаетъ на землю сорвавшееся съ вѣтки яблоко. Наступила минута ужаснаго молчанія. Затѣмъ мои товарищи спрыгнули на землю, спотыкаясь, толкая другъ друга и не зная, что́ начать. Публика съ крикомъ вскочила, порвала веревку и хлынула на арену... Я нагнулся и поднялъ ребенка. Онъ былъ мертвъ!

Онъ сломалъ себѣ шею при паденіи, ударившись о землю затылкомъ, и лежалъ на пескѣ, какъ маленькая мертвая овечка; крошечная мишурная корона свалилась съ его кудрей, маленькія ножки подвернулись, ротикъ полураскрылся, какъ цвѣтокъ. Это было ужасно. Публика говорила со мной. Я не видѣлъ и не слышалъ ея. Наконецъ толпа разошлась; одни говорили возбужденно, другіе онѣмѣли отъ ужаса, котораго они только что были свидѣтелями. Я поднялъ то, что́ за минуту было маленькимъ Фебомъ, и отнесъ на рукахъ въ домъ моей матери. Она сидѣла дома, одинокая, какъ жила уже болѣе десяти лѣтъ. Увидавъ мертваго ма

Digitized by Google

лютку въ блестящемъ расшитомъ костюмѣ, она поняла безъ словъ. «Еще одна жизнь?»—сказала она только. Она вспомнила о моемъ отцѣ, потомъ взяла мертваго ребенка, положила къ себѣ на колѣни, качала у своей груди и стряхивала песокъ съ его красивыхъ золотистыхъ кудрей. «Народъ всегда идетъ въ надеждѣ, что увидитъ чью нибудь смерть»,—сказала она наконецъ.—«Вотъ зачѣмъ они идутъ. Ты убилъ этого ребенка для ихъ удовольствія. Это жестоко».

Я вышелъ изъ дому и чувствовалъ себя убійцей этого маленькаго, свѣтлаго, невиннаго созданія, которое бѣгало съ нами по пыльнымъ дорогамъ, вдоль печальныхъ береговъ моря, подъ деревьями въ лѣсу, смѣясь и чирикая, какъ птичка. А когда наконецъ усталость одерживала верхъ, онъ протягивалъ свои ручонки и его сажали на большой барабанъ, на которомъ онъ сидѣлъ, какъ маленькій король. Бѣдный, маленькій мертвый Фебъ! Моя мать сказала правду: публика стремится къ намъ, чтобы видѣть нашу смерть, а когда дѣйствительно ее увидитъ, она пугается и отворачивается отъ насъ. То же самое случилось въ этотъ вечеръ въ Орте. «Развѣ я виноватъ?»—страстно воскликнулъ я передъ своими товарищами и въ душѣ повторилъ: «развѣ я виноватъ? эта женщина смотрѣла на меня». Кто она была? Сквозь боль, возбужденную во мнѣ смертью ребенка, этотъ вопросъ не переставалъ мучить меня. Она казалась такой странной, такъ непохожей на всѣхъ остальныхъ, хотя она была вся въ черномъ, съ кружевомъ на головѣ, что довольно обыкновенно въ нашей мѣстности. Всю ночь я видѣлъ передъ собой ея лицо, прекрасное лицо съ темными глазами и съ ниспадающими волосами, похожее на мраморную голову Антиноя въ Римѣ.

Маленькій Фебъ лежалъ эту ночь въ домѣ моей матери, осыпанный лиліями, съ горящей у его ногъ маленькой свѣчей, на которую налетали бабочки. Сидя при немъ въ эту ночь, чтобъ отгонять крысъ, массами приходившихъ ночью съ Тибра въ тѣ дома, которые стояли на рѣкѣ, я видѣлъ передъ собой только лицо матери. Нехорошо началось мое возвращеніе домой! Я не хотѣлъ больше ни давать представленій въ Орте, ни странствовать съ моими товарищами. Я распустилъ свою труппу и предоставилъ имъ идти своей дорогой. У меня было достаточно денегъ, чтобы прожить безъ дѣла нѣсколько мѣсяцевъ: этого было довольно. Я чувствовалъ, что видъ красной веревки, шитой золотомъ куртки и ожидающей толпы будетъ ужасенъ для меня; а когда-то я такъ любилъ все это! Маленькаго Фебa положили въ темную землю, какъ клали сотни лѣтъ до него маленькихъ дѣтей этрусковъ, а я

Digitized by Google

положилъ съ нимъ его маленькую корону и дѣтскій костюмъ, какъ этруски клали съ своими дѣтьми ихъ игрушки. Бѣдный маленькій человѣчекъ! Мы научили его играть смертью, а его игрушка оказалась сильнѣе его. Послѣ его похоронъ, я пустился на поиски за той женщиной, лицо которой увидѣлъ въ толпѣ. Моя мать никогда не спрашивала меня, откуда я приходилъ или куда шелъ. Смерть Феба разрушила робкую радость, съ которою она привѣтствовала мое возвращеніе—счастье пришло къ ней слишкомъ поздно. Если горе долго сидѣло у чьего нибудь очага, трудно разогрѣть снова пепелъ прошлаго счастія: онъ остается мертвымъ и холоднымъ навсегда. Мое время шло печально; страшная тишина замѣнила веселье и шумъ моей прошлой жизни; страшное безмолвіе наступило послѣ безумныхъ криковъ восторга и громкаго счѣха толпы; иногда мнѣ казалось, что я самъ умеръ вмѣсто Феба. Постоянная надежда найти ту женщину, которую я разъ увидѣлъ, все время не покидала меня. Я исходилъ всѣ окрестности, влекомый все одной этой надеждой. Дни обратились въ недѣли. Я бродилъ несчастный, какъ собака безъ крова и хозяина.

Наконецъ, я увидѣлъ ее! Съ своей girella на плечѣ, служившей мнѣ предлогомъ бродить по берегу рѣки, я пришелъ въ ту часть Этруріи, гдѣ,—какъ я зналъ по книгамъ въ школѣ,—древніе этруски когда-то собирались въ боевомъ порядкѣ, ожидая Фабія. Мѣстность тамъ очень красива или, по крайней мѣрѣ, казалась мнѣ такой. Дубовые лѣса спускаются къ берегамъ Тибра; издали виднѣется снѣгъ на Апеннинахъ; маленькіе города, Джіова и Пенна, бѣлѣютъ на холмахъ Умбріи; на низкихъ поляхъ растутъ въ перемежку виноградъ, оливки, маисъ и рожь. Здѣсь находится нашъ Лагерелло, который,—какъ говорятъ ученые,—ничто иное, какъ озеро Вадимонъ, о которомъ упоминаетъ Плиній. Впрочемъ, объ этомъ я ничего не знаю; теперь это маленькая несчастная лужа, поросшая тростникомъ и населенная лягушками. Возлѣ этой-то лужи я снова увидѣлъ ее. Какъ безумный, я бросился прямо въ воду, но тростникъ и лиліи запутали меня въ свои сѣти; длинныя травы и водяныя растенія сплелись въ непроницаемую массу. Я стоялъ такъ по поясъ въ водѣ, не въ состояніи двинуться впередъ, какъ бѣдная скотина,—про которую разсказываетъ Плиній, — принимавшая всю эту зелень за сухую почву и утопавшая такимъ образомъ посреди озера. Она посмотрѣла на меня, слегка разсмѣялась и исчезла. До заката солнца я узналъ, кто она, отъ крестьянина, пришедшаго сюда рѣзать тростникъ. Недалеко отъ Лагерелло находится вилла Санта-Ало-

Digitized by Google

изъ; вокругъ ея стѣнъ тянется темный меланхоличный лѣсъ, остатокъ того знаменитаго лѣса, котораго въ древности римляне боялись, какъ границы ада. Тибръ протекаетъ совсѣмъ рядомъ съ этой виллой, желтый и туманный; черные буйволы приходятъ къ его берегу на водопой, а въ кустарникахъ, окаймляющихъ его, милліонами водятся змѣи и жабы; онъ течетъ печальный, вѣчно печальный, осенью окутанный туманомъ, а лѣтомъ высохшій и мелкій, съ поднимающимися вредными испареніями надъ его пустымъ русломъ.

Вилла скучна и мрачна, какъ и самый Тибръ. Выстроенная изъ камня въ прошлые вѣка, она стоитъ безцвѣтная, темная, безъ сада или какой нибудь зелени, съ окнами, закрытыми, какъ глаза слѣпца. Такою была и есть Санта-Алоиза. Въ старину, безъ сомнѣнія, вилла эта была величественна, полна блестящей феодальной роскоши и оглашалась шумомъ и звономъ оружія солдатъ; теперь, пораженная нищетой и пустая, она одиноко и безмолвно смотритъ на протекающій внизу Тибръ, этотъ ужасный Тибръ, поглотившій столько золота, столько сокровищъ и красоты, скрывшій столько труповъ и преступленій, и протекающій теперь въ безмолвіи между ядовитыми болотами. Я всегда боялся Тибра. Санта-Алоиза принадлежала древнему роду графовъ Марчіони. Одинъ изъ ихъ рода все еще жилъ и владѣлъ старыми стѣпами и землями своихъ предковъ, хотя старое богатство давно рушилось. Таддео Марчіони почти не отличался отъ своихъ собственныхъ крестьянъ; онъ былъ некрасивъ, жаденъ, не воспитанъ и жестокъ. Онъ былъ владѣтелемъ виллы, — это правда, но онъ жилъ въ бѣдности, и эта красавица уже семь лѣтъ была его женой. Пятнадцати лѣтъ, ея отецъ, священникъ, выдававшій себя за ея дядю, обвѣнчалъ ее съ Таддео Марчіони. Она прожила семь убійственныхъ лѣтъ въ этомъ мрачномъ лѣсу, у желтыхъ водъ рѣки, среди зловредныхъ болотъ. Бракъ сдѣлалъ ее графиней,—вотъ и все. Во всемъ другомъ онъ осудилъ ее заживо запереться въ могилѣ.

Жизнь нашихъ итальянскихъ женщинъ довольна весела въ городахъ; но въ деревнѣ онѣ скоро дѣлаются блѣдны и безцвѣтны, какъ крылья ночной бабочки. Онѣ не любятъ природы, воздуха, лѣсовъ, полей,—цвѣты ничего не говорятъ имъ. Онѣ не смотрятъ ни на цвѣты, ни на звѣзды. Единственно, что нравится имъ, это: черная маска и шопотъ любви, тайное свиданіе, уличный шумъ и букеты карнавала. Что имъ дѣлать въ одиночествѣ, среди дикой природы деревни, когда онѣ дышатъ свободою лишь подъ прикрытіемъ маски и домино? Путешествен-

Digitized by Google

ники, пробѣгающіе нашу страну и видящіе розовыя смѣющіяся уста нашихъ женщинъ на балконахъ въ Берлигаччіо и Пентоллаччіа, никогда не поймутъ громадной, неутѣшной тоски, тяготящей надъ жизнью нашихъ женщинъ въ маленькихъ провинціальныхъ городахъ или деревенскихъ домахъ, разсѣянныхъ по холмамъ и долинамъ. У нихъ для развлеченія есть лишь священникъ да капелла, вотъ и все.

Въ Италіи нѣтъ другаго выбора, какъ между крестьянкой, работающей въ полѣ, почернѣвшей отъ палящаго солнца, согбенной подъ тяжестью своей ноши, и барыней, живущей между спальней и исповѣдальницей, выходящей изъ своихъ покоевъ лишь ночью, — подобно свѣтлякамъ, блистающимъ только во тьмѣ, — и живущей тайной любовью и ежедневными сплетнями. Что же дѣлать такимъ женщинамъ въ своихъ скучныхъ, однообразныхъ виллахъ? Онѣ ненавидятъ шумъ вѣтра и видъ деревьевъ, бѣгутъ отъ собаки и кричатъ во время грозы, не хотятъ читать и изучаютъ лишь... сладкую «науку страстей». Все это я узналъ позднѣе; а въ тотъ день, бродя промокшій и продрогшій, я видѣлъ передъ собой лишь мрачную тѣнь огромнаго замка, служившаго прежде крѣпостью, рѣшетчатыя окна, обитыя желѣзомъ двери и поросшіе травой бастіоны. Она заставила меня убить Феба, а я жилъ лишь для того, чтобъ опять увидать ея лицо. Иногда мнѣ кажется, что любовь—глубочайшая тайна жизни; простое желанье, страсть и нѣжность не могутъ объяснить ее. Вы проводите годы среди толпы и ничего не знаете о ней; вдругъ вы встрѣчаетесь глазами съ глазами чуждаго вамъ до тѣхъ поръ человѣка и навѣкъ теряете свою свободу. Вотъ любовь! Кто скажетъ: откуда она приходитъ? Это стрѣла боговъ, спускающаяся съ неба и низвергающая насъ въ адъ. Мы ничего не можемъ сдѣлать противъ этого. Тихо пошелъ я домой съ наступленіемъ вечера. Я видѣлъ ея глаза одинъ разъ среди толпы въ Орте, въ другой разъ возлѣ лужи, бывшей прежде озеромъ Вадимонъ, и уже принадлежалъ ей навѣкъ. Объясните мнѣ это, вы, мудрые люди, имѣющіе про все такія длинныя рѣчи! Нѣтъ, вы можете быть мудры, но разрѣшить это—не въ вашей власти.

Моя мать и я мало говорили въ то время. Нашъ домъ былъ печаленъ; смерть ребенка и мое долгое отсутствіе оставили въ немъ какой-то холодъ. Мы обѣдали вмѣстѣ большею частью молча; ей было больно, что я только Пипистрелло-жонглёръ, а не солидный, любимый гражданинъ Орте, занимающійся торговлей и имѣющій свое почетное мѣсто въ церкви и на рынкѣ. Каждый день она ждала, что я снова отправлюсь странствовать; она

Digitized by Google

знала, что съ каждымъ днемъ уменьшаются въ моемъ кошелькѣ деньги; каждый день она выслушивала вопросъ сосѣдей: «А вашъ Пиппо? не хочетъ ли онъ, наконецъ, совсѣмъ поселиться здѣсь, взять жену и начать какое нибудь дѣло?» Бѣдная мать! Сыновья другихъ женщинъ спокойно сидѣли дома, были почтенными отцами семействъ, мирными подданными своего короля, и весело курили трубки на порогѣ своихъ домовъ, покончивъ дневныя работы. Она была бы такъ счастлива, еслибъ я былъ похожъ на нихъ, а я былъ только жонглеръ и гимнастъ, игрушка публики, сломавшаяся на глазахъ всего Орте. Мой отецъ никогда не дѣлалъ такой ошибки. Онъ ни разу не убилъ ребенка, довѣрившагося его силѣ; онъ самъ упалъ и умеръ. Эту разницу между нами я постоянно читалъ въ глазахъ матери, когда встрѣчался съ ними. Она дѣлала маленькіе букеты изъ простыхъ цвѣтовъ и носила ихъ на крошечную могилку Феба—моей жертвы. Разъ я сказалъ ей: «я не виноватъ; я отдалъ бы свою жизнь, чтобы спасти его». Она мнѣ отвѣтила ва это: «еслибы ты тогда согласился остаться дома, ребенокъ былъ бы живъ». «Нѣтъ,—подумалъ я,—еслибъ она не посмотрѣла на меня»,—но я промолчалъ. Я хранилъ воспоминаніе объ этой женщинѣ въ своемъ сердцѣ, и день, и ночь бродилъ вдоль озера, рѣки и болотъ, окружавшихъ Санта-Алоизу. Разъ или два я видѣлъ Таддео Марчіони, стараго графа; это былъ сѣдой, согнувшійся дряхлый старикъ, съ худощавымъ лицомъ и длинными крѣпкими челюстями; но ее я не видалъ ни разу въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль. Въ Лагерелло водится рыба. Я взялъ маленькую сѣть, опустилъ ее въ воду и съ утра до вечера сидѣлъ на берегу. Я ждалъ появленія видѣнія, которое разъ уже являлось мнѣ тамъ; рыба приходила и уходила, а я все сидѣлъ.

Однажды, наскучивъ ждать и поймавъ хорошую рыбу, я вытащилъ ее въ тростникъ, сложилъ въ кошелку и, взваливъ ее на плечи, прямо пошелъ къ мрачнымъ стѣнамъ Санта-Алоизы. Воротъ не было; осока, покрывающая здѣсь равнины, росла у самыхъ стѣнъ огромнаго дома. Вокругъ простирались поля, засаженныя сѣровато-зелеными оливковыми деревьями; возлѣ дома не было ни сада, ни газоновъ; все, что не было болотомъ, было вспахано и засѣяно. Огромныя двери были заперты. Я смѣло вошелъ черезъ маленькую боковую дверь и очутился въ большихъ пустыхъ мраморныхъ сѣняхъ, гдѣ царили тишина и сырость. Тамъ сидѣла старая, бѣдно одѣтая женщина, которая и позвала своего господина. Таддео Марчіони вошелъ, посмотрѣлъ рыбу и сталъ торговаться, колеблясь и хитря, какъ любятъ это дѣлать скупцы.

Digitized by Google

и наконецъ отказался. «Рыба слишкомъ дорога», сказалъ онъ. Я бросилъ кошолку на полъ со словами: «Графъ, дайте мнѣ стаканъ вина—и она ваша». Это ему понравилось; онъ приказалъ служанкѣ взять рыбу и велѣлъ мнѣ слѣдовать за собой. Онъ привелъ меня въ комнату съ каменными сводами и налилъ мнѣ дрожащей рукой стаканъ mezzo-vino. Я взглянулъ на него; онъ былъ худъ, сѣдъ и дуренъ собой. Я могъ бы раздавить его одной рукой.

Эти большія старыя виллы въ пустынныхъ мѣстностяхъ Италіи обыкновенно полны жизни:—женщины спѣшатъ собирать шелковичныхъ червей или идутъ въ ткацкую, работники по разнымъ дѣламъ то и дѣло являются къ хозяину. Но Санта-Алоиза была безмолвна и пуста. Проходя мимо одной отворенной двери, я увидѣлъ *ее*. Она сидѣла, ничего не дѣлая, въ комнатѣ, полинявшія драпировки которой были сѣры, какъ ткань паука; она была красива, какъ могутъ быть красивы женщины лишь разъ или два въ цѣлое столѣтіе. Она посмотрѣла на меня, и мнѣ показалось, что она улыбнулась. Я вышелъ съ пылающей головой и отуманенными глазами. Я видѣлъ только ея улыбку, мгновенную улыбку, подобіе которой было причиной смерти маленькаго Феба. И я чувствовалъ, что она узнала меня, хотя видѣла только разъ въ расшитомъ золотомъ бархатномъ костюмѣ, а теперь я былъ въ засученныхъ до колѣнъ панталонахъ и синей полотняной блузѣ, по обычаю крестьянъ, живущихъ по берегу Тибра.

Я уже выходилъ, когда старая служанка дернула меня за рукавъ и прошептала: «Вернитесь на минутку; она желаетъ видѣть васъ». Мое сердце дрогнуло, потомъ замерло. Я снова повернулся къ дому и съ дрожащими колѣнями вошелъ въ комнату, гдѣ мрачныя драпировки покрывали стѣны. Она смотрѣла на меня, сидя въ бездѣйствіи, въ обнаженной, печальной комнатѣ; ея лицо напоминало Венеру нашего Тиціана.

— Ребенокъ умеръ?—спросила она.

Я пробормоталъ что-то, самъ не зная.

— Отчего вы дрогнули тогда?—спросила она съ мелькающей улыбкой на прелестныхъ устахъ.—Вы кажетесь такимъ сильнымъ и смѣлымъ.

Откуда у меня явилась смѣлость отвѣтить ей, какъ я отвѣтилъ, не знаю; но знаю, что я сказалъ:

— Вы смотрѣли на меня!

Она слегка нахмурилась, потомъ разсмѣялась. Безъ сомнѣнія она знала это раньше.

— Такъ у васъ не желѣзные нервы, какими они должны бы быть,—сказала она безпечно.—Ну, что же! Народу надо было

Digitized by Google

видѣть чью нибудь смерть: онъ это любитъ; вы должны это знать. Принесите завтра еще рыбы моему мужу. Теперь ступайте.

Я весь дрожалъ. Я сказалъ ей прямо въ глаза смѣлыя и дерзкія слова, а она все таки велѣла мнѣ вернуться! Безъ сомнѣнія, еслибъ я былъ человѣкъ благороднаго происхожденія, я бы упалъ къ ея ногамъ и признался бы ей въ своей безумной, пылкой страсти: она сама вызывала на грубое признаніе—на страстное нахальство. Но я былъ лишь странствующій артистъ — бѣдный, необразованный человѣкъ, полу-Геркулесъ, полу-дуракъ. Я дрожалъ и молчалъ. Когда я вышелъ на воздухъ, я почувствовалъ какое-то опьяненіе, какъ бы отъ пѣнистаго молодаго вина, возбуждающаго умъ и дѣлающаго человѣка веселымъ до глупости. Она велѣла мнѣ вернуться!

Въ этотъ день моя мать обѣдала одна. Наступившая ночь нашла меня у Лагерелло. Я закинулъ сѣти; ночевалъ въ хижинѣ пастуха. Я забылъ Феба и видѣлъ только ея лицо. На что она была похожа? Не съумѣю вамъ сказать этого. Она была похожа а Венеру Тиціана. Подите, посмотрите на нее; я говорю о той, которая играетъ съ маленькой собачкой во дворцѣ Питти. Съ этой красотой, полураскрывшейся, какъ бутонъ гранатнаго цвѣтка, она была отдана Таддео Марчіони; и здѣсь она прожила семь лѣтъ, заключенная въ каменныхъ стѣнахъ. Живя такъ, женщина дѣлается святой или дьяволомъ. Таддео Марчіони забылъ или никогда не зналъ этого. Онъ оставлялъ ее въ своихъ комнатахъ, какъ оставлялъ фигуры на драпировкахъ, не думая о томъ, что ея красота сдѣлается наконецъ безцвѣтной, какъ полинявшія фигуры на стѣнахъ. Онъ забылъ объ этомъ—онъ забылъ! Его кровь обращалась ужь только медленно, онъ былъ почти слѣпъ; жена едва ли даже казалась ему красивой. Вблизи жили лишь нѣсколько крестьянъ, священникъ, ровесникъ Таддео Марчіони; и хотя Орте находился въ пяти миляхъ, ревнивый старикъ красавицы запиралъ жену въ этой тюрьмѣ, какъ нѣкогда мужъ заперъ Піа Толомея въ замкѣ на Маремахъ, гдѣ она и нашла свою смерть.

Въ эту ночь я съ нетерпѣніемъ ожидалъ зари, съ нетерпѣніемъ ждалъ, чтобъ утро перешло въ день. Вся прелесть этого перехода пропала для меня. Я только считалъ часы съ тревожнымъ нетерпѣніемъ. Бѣдные глупцы! Часы нашей жизни въ общемъ такъ немногочисленны, а мы все стремимся сократить ихъ и бросаемъ за собой, едва воспользовавшись ими, какъ дитя бросаетъ свое сломанныя игрушки. Знойное утро уже ярко царило во-

Digitized by Google

кругъ, когда наконецъ я рѣшился собрать рыбу, попавшуюся ночью въ мою girella, и отправился въ Санта-Алоизу. Вредныя испаренія висѣли надъ поросшими тростникомъ болотами; земля трескалась отъ жара; все жаждало влаги, все казалось изнуреннымъ, блѣднымъ, мрачнымъ, умирающимъ. Окрестности Тибра всегда имѣютъ такой печальный видъ въ августѣ.

— Марчіони нѣтъ дома!—сказала мнѣ старая мрачная баба, которую я видѣлъ наканунѣ.—Но войдите и покажите вашу рыбу синьорѣ Флавіи.

Старой, мрачной и дикой казалась эта вилла Марчіони. Она могла бы заключать въ себѣ сотни слугъ: въ ней также много комнатъ, какъ въ огромныхъ дворцахъ Рима; но эта старуха была здѣсь единственной служанкой. Въ огромныхъ старыхъ сѣняхъ съ рѣзными щитами надъ колоннами и умбрійскими фресками на потолкѣ, старуха накрывала своимъ господамъ на столъ, приносила имъ сюда луковый супъ и блюдо pasta, а сама садилась за прялку и что-то бормотала себѣ подъ носъ. День за днемъ, годъ за годомъ повторялось все то же самое. Жизнь здѣсь проста и умѣренна, и представляетъ мало пріятнаго. Будничный образъ жизни въ величественныхъ старыхъ домахъ Италіи можно сравнить съ крапивой и репейникомъ, вставленными въ древнюю маіоликовую вазу, на которой нарисованы рыцари и ангелы. Вы понимаете, что я хочу сказать, вы, которые знаете Италію. Помните ли вы картины Карначчіо и Джентиле? Говорятъ, такова была жизнь, которую когда-то видѣла наша Италія въ своихъ городахъ и виллахъ; такая жизнь нужна ей. Иногда, когда вы остаетесь одни въ большихъ оставленныхъ дворцахъ, духи язычества проносятся передъ вами, и вы чувствуете, что они болѣе подходящи къ этимъ дворамъ и заламъ, чѣмъ нынѣшнее живущее поколѣніе.

— Синьора Флавія хочетъ взглянуть на рыбу,—сказала старуха, прихрамывавшая въ этотъ день.

«Синьора Флавія!» Сколько разъ слышалъ Тибръ это имя, вылетавшее изъ устъ влюбленнаго при тихомъ звукѣ мандолины, или среди шума пира и битвъ, или произнесенное страшнымъ шопотомъ отравителемъ, тихо подкрадывающимся, чтобы бросить ядъ въ бокалъ съ виномъ. Синьора Флавія! Вся Италія, казалось, жила въ этомъ имени, вся любовь, все несчастье. Есть какое-то очарованіе въ нѣкоторыхъ именахъ. Синьора Флавія!—именно такой женщинѣ, какъ она, надо было носить это имя; женщинѣ съ тонкими бровями, горящими глазами и съ устами, подобными лепесткамъ, сложеннымъ въ сердцѣ розы; женщинѣ, ко-

Digitized by Google

торая утромъ преклоняетъ колѣни передъ исповѣдникомъ, а ночью смѣшивается съ толпами масокъ и отуманиваетъ своей любовью мужчинъ. Синьора Флавія... Это имя (оно такъ много говорило мнѣ) глупо останавливалось на моихъ губахъ; я стоялъ передъ ней, какъ дуракъ. Никогда прежде не было во мнѣ недостатка въ храбрости и смѣлости; теперь же я дрожалъ. Я не спалъ всю ночь, смотря на сѣрыя, мрачныя стѣны ея дома, отдѣлявшагося отъ темной зелени оливковыхъ деревьевъ и яснаго блеска звѣздъ; и она знала это, очень хорошо знала. Я видѣлъ это по ея лицу. Ее звали синьора Флавія, а я былъ Пиппистрелло—жонглёръ. Что же я могъ сказать ей? Я могъ бы упасть къ ея ногамъ, цѣловать или убить ее; но я не могъ говорить. Безъ сомнѣнія, я казался ей только несчастнымъ мужикомъ, великаномъ и дуракомъ. Она оперлась на большую древнюю мраморную вазу, ея подбородокъ покоился на ея рукѣ. Нѣсколько ярко-красныхъ цвѣтовъ были приколоты на ея груди; ихъ ароматъ доносился до меня. Ее окружали разрушеніе и запустѣніе бѣдности, ужаснѣе, чѣмъ бѣдность нищихъ; но такъ должна была глядѣть синьора Лукреція въ тѣ дни, когда Борджіа былъ намѣстникомъ Бога на землѣ. Она не взглянула на рыбу, но задумчиво смотрѣла на меня.

— Вы очень сильны?—спросила она вдругъ.

Я только разсмѣялся. Это было все равно, какъ еслибъ она сказала, что волъ подъ ярмомъ силенъ, или что Тибръ течетъ бурно.

— Зачѣмъ вы сдѣлались рыбакомъ? зачѣмъ бросили свою арену?

Я слегка вздрогнулъ. «Послѣ паденія ребенка»... пробормоталъ я, думая, что она поймете угрызеніе, которое сдѣлало мнѣ ненавистнымъ мое прежде любимое призваніе.

— Это была не ваша вина, — сказала она съ мечтательной улыбкой.—Говорятъ, у меня дурной глазъ...

— Это правда, синьора!—отвѣчалъ я смѣло, но тотчасъ я почувствовалъ дрожаніе въ груди, испугавшись своей смѣлости. Въ ея прекрасныхъ глазахъ ясно отразились презрѣніе и холодная насмѣшка.

— Такъ зачѣмъ же вы не уходите?—спросила она съ безпечной улыбкой, разсматривая свои красные цвѣты.

— Потому что я скорѣе готовъ умереть отъ вашего взгляда, чѣмъ жить вдали отъ васъ!—произнесъ я въ своемъ безуміи.—Синьора, я большой, безполезный дуракъ; до сихъ поръ я только прыгалъ, лазилъ и показывалъ себя публикѣ. Я великъ и силенъ, какъ волъ, но тотъ работаетъ, а я никогда не работалъ

Digitized by Google

Я показывалъ себя публикѣ, и она бросала мнѣ деньги, — это глупая жизнь, недостойная ни человѣка, ни животнаго. О, да! я хорошо это знаю теперь. И я убилъ Феба, потому что вы смотрѣли на меня, а моя мать, любившая меня всю свою жизнь, состарѣлась преждевременно по моей винѣ. Я безжалостный дуракъ, я—шарлатанъ. Теперь, когда я сбросилъ свой расшитый костюмъ, вы видите, какой я грубый мужикъ. А между тѣмъ, во всемъ этомъ великомъ громадномъ мірѣ нѣтъ ни одного человѣка, который могъ бы любить васъ такъ, какъ я люблю, видѣвъ васъ всего два раза.

Я остановился; звукъ моего собственнаго голоса пугалъ меня; мрачныя драпировки на стѣнахъ колыхались и кружились вокругъ меня. Я видѣлъ ее, какъ сквозь туманъ, облокотившуюся обѣими руками на разбитую мраморную вазу. Минутная улыбка скользнула по ея лицу. Она казалась довольной и не разсердилась, какъ я боялся, но выслушала меня, не протестуя. Безъ сомнѣнія, она все это знала прежде, чѣмъ я заговорилъ.

— Вы очень сильны,—сказала она наконецъ. — У сильныхъ людей всегда бываетъ какая нибудь слабая струна. Еслибы графъ Таддео васъ слышалъ, онъ бы...

Какая-то внезапная мысль поразила ее и она громко разсмѣялась; ея алыя губы дрожали отъ смѣха.

— Но что жъ онъ могъ бы сдѣлать? Вы раздавили бы его въ одной рукѣ, какъ могли бы раздавить ящерицу. Бѣдный Таддео! Онъ торговался съ вами вчера за рыбу и далъ вамъ разбавленнаго водой вина, не правда ли? Таковъ Таддео всегда!

Она снова засмѣялась, но ея смѣхъ звучалъ такъ жестоко, что я онѣмѣлъ и не рѣшался снова заговорить съ ней. Я стоялъ передъ ней, какъ дуракъ.

— Знаете ли вы, что онъ богатъ?—сказала она вдругъ, кусая своими прелестными зубками лепестокъ, отдѣлившійся отъ ея букета.—Да, Таддео богатъ. Вотъ почему мой отецъ, который былъ священникомъ, продалъ меня ему. У Таддео спрятано золото въ землѣ, въ деревьяхъ, въ стропилахъ и камняхъ дома; у него есть золото въ римскихъ и иностранныхъ банкахъ; у него есть корабли, драгоцѣнности, и онъ отдаетъ деньги въ ростъ. Онъ богатъ, а живетъ, какъ сѣрый паукъ въ углу подвала. Онъ заперъ меня здѣсь. Мы ѣдимъ черный хлѣбъ, мы не видимъ здѣсь живой души; только разъ или два въ годъ я ѣзжу въ Орте или въ Непи. И мнѣ всего двадцать три года, и я вижу свое лицо въ зеркалѣ!—Она остановилась; грудь ея поднималась, красивыя

Digitized by Google

тонкія брови сдвинулись въ горькомъ гнѣвѣ на свою судьбу; она забыла обо мнѣ. Я ждалъ молча; я не смѣлъ заговорить.

Все это была правда; она была женою Таддео Марчіони, заключенная въ этомъ домѣ, какъ въ тюрьмѣ; ея молодость пропадала здѣсь напрасно, красота была скрыта отъ свѣта, и ея озлобленная душа сгорала въ собственномъ своемъ огнѣ. Я любилъ ее, но какую пользу могла ей принести любовь человѣка, не обладавшаго ничѣмъ на свѣтѣ, кромѣ силы своихъ мускуловъ? Она вдругъ вспомнила обо мнѣ и движеніемъ руки велѣла удалиться.

— Отдайте вашу рыбу служанкѣ. Я не могу заплатить вамъ за нее, у меня никогда нѣтъ ни копѣйки. Но—вы можете прійти въ другой разъ. Принесите еще рыбы, принесите больше.

Затѣмъ она удалила меня еще болѣе повелительнымъ жестомъ. Я вышелъ изъ темнаго, наглухо запертаго дома на свѣтлый и жаркій воздухъ августовскаго дня, отуманенный страстью и надеждой. Она знала, что я люблю ее, и все таки велѣла мнѣ вернуться.

Я не знаю, какъ много или какъ мало это значитъ въ другихъ странахъ; но здѣсь въ Италіи это имѣетъ лишь одно значеніе, достаточное для того, чтобы заставить забиться счастьемъ сердце влюбленнаго. Но надежда—слишкомъ великое слово, чтобы можно было назвать ею робкую радость, наполнявшую мою грудь. Я всю эту ночь пролежалъ безъ сна, въ хижинѣ пастуха, прислушиваясь къ кваканью лягушекъ въ Лагерелло и пѣнію сверчковъ среди ночной тишины. Хижина была пуста; пастухъ, овцы и собаки ушли въ горы. Въ одномъ углу лежали сушеныя травы; я легъ на нихъ и смотрѣлъ на звѣзды, дрожавшія надъ моей головой въ глубокой синевѣ небесъ. Казалось, онѣ жили. Въ милѣ отъ меня, между мной и звѣздами, возвышалось величественное мрачное зданіе Санта-Алоизы. Боже, какъ это было странно! Я велъ грубую жизнь — я не былъ святошей и всегда былъ готовъ пошутить, поплясать или завести интригу съ хорошенькой женщиной. Иногда женщины, высоко стоявшія въ обществѣ, бросали благосклонный взглядъ на арену, какъ дамы въ Испаніи, во время боя быковъ, чтобы выбрать себѣ любовника за его силу. Но я всегда при этомъ оставался равнодушнымъ. Я любилъ, смѣялся и уходилъ со счастливой свободой странствующаго артиста. Но я всегда оставался равнодушнымъ. Теперь же вдругъ весь міръ показался мнѣ мертвымъ; умерло небо, умерла земля и во всемъ мірѣ жила только пара женскихъ глазъ: они смотрѣли въ мою душу и сжигали ее дотла. Пом

Digitized by Google

маете ли вы, что я хочу сказать? — Нѣтъ? — Ну, такъ вы не знаете, что такое любовь. Я пролежалъ безъ сна всю ночь — короткую, жаркую ночь, когда золотой отблескъ заката едва успѣетъ погаснуть на западѣ, а востокъ уже загорается прозрачной зарей. А! восходъ солнца. Я увижу его еще только одинъ разъ, увижу, сквозь эти рѣшетки, лишь небольшую полоску его надъ Тибромъ, не болѣе. А когда онъ снова освѣтитъ своимъ розоватымъ блескомъ небо и окраситъ рѣку и долину, я уже умру и, обезглавленный, буду лежать подъ землей; надъ моимъ же мозгомъ и черепомъ будутъ сидѣть ученые съ ножемъ и скальпелемъ, и, можетъ быть, скажутъ другъ другу, какъ они однажды говорили при мнѣ въ одномъ музеѣ: «Хорошее лицо, красивый лобъ, тонкія линіи; странно, что онъ сдѣлался убійцей». Что же! пусть будетъ странно. Еслибы я даже прожилъ еще четыреста лѣтъ, солнце все же никогда не взошло бы для меня такъ, какъ оно всходило до смерти Феба. Въ тѣ дни я жилъ лишь для того, чтобы уловить тѣнь на рѣшетчатыхъ окнахъ, увидѣть ручку, открывающую занавѣсь, и высовывающуюся изъ окна головку, укутанную покрываломъ. Я былъ несчастливъ, а между тѣмъ никогда еще не бывалъ такъ счастливъ. Стрѣла боговъ, попадая въ насъ, поражаетъ на смерть, но и наполняетъ упоеніемъ.

Я былъ такой глупецъ — такой глупецъ! Когда она сказала мнѣ такъ много, я не сказалъ ей ничего; послѣдняя минута моего свиданья съ ней преслѣдовала меня безконечной болью. Еслибъ я былъ смѣлѣе, еслибъ только схватилъ ее въ свои объятья и поцѣловалъ! Лучше было бы пережить одну такую минуту и потомъ умереть за нее, чѣмъ быть прогнаннымъ ею, какъ несчастный, глупый трусъ. Я не могу сказать вамъ, какъ проходили длинные, жаркіе дни; они были ужасны своей засухой для страны, но они были раемъ для меня. Вредныя испаренія были особенно густы въ это лѣто, и крестьяне болѣли. Тибръ протекалъ медленно и надъ нимъ поднимались зловонные пары; тучи комаровъ кружились надъ Лагерелло и его тростниками, а юговосточный вѣтеръ дулъ, не переставая и принося съ собой песокъ пустыни. Но для меня это лѣто было прелестно, и я продолжалъ жить въ пустой хижинѣ пастуха, продолжалъ ловить рыбу, когда было возможно, и отъ времени до времени видалъ ее. Я жилъ только надеждой видѣть ея лицо. У нея былъ дурной глазъ. Ну, что же, пусть онъ принесетъ мнѣ всѣ несчастья въ мірѣ, лишь бы прожить день въ его сіяніи! Такъ говорилъ я въ своемъ ослѣпленіи, самъ не понимая, что говорилъ. Я долженъ былъ казаться безумнымъ крестьянамъ,

Digitized by Google

приходившимъ къ высохшему озеру. Я питался горстью маиса, коркой хлѣба, закидывалъ сѣти въ воду и разъ или два ходилъ въ Санта-Алоизу, но былъ отосланъ старой Маріэттой. Августъ прошелъ и наступило время сбора винограда, который здѣсь созрѣвастъ раньше, чѣмъ на равнинахъ Ломбардіи и Тосканы. Но сборъ въ Санта-Алоизѣ былъ не великъ, потому что почти вся принадлежащая къ ней земля была засажена оливковыми деревьями. Когда начали сборъ съ нѣсколькихъ небольшихъ лозъ, я предложилъ свои услуги. Не весело было во владѣніяхъ Таддео Марчіони; народъ былъ бѣденъ и мраченъ. Лихорадка, приносимая испареніями съ рѣки и болотъ, сократила число крестьянъ и ослабила оставшихся въ живыхъ; моя сила явилась желанной помощницей этимъ больнымъ созданіямъ, пораженнымъ лихорадкой.

День сбора винограда былъ очень жаркій; дождя не было. Волы, запряженные въ повозки, представляли одни кости и кожу; языки ихъ сохли и распухали въ запекшихся ртахъ. Трава вся высохла и скотина голодала; все вокругъ казалось несчастнымъ и задыхающимся въ ожиданіи грозы. Среди обожженныхъ, безплодныхъ полей и темносѣрыхъ оливковыхъ лѣсовъ возвышался передъ нами огромный, старый квадратный домъ, мрачный и таинственный; этотъ мавзолей, заключавшій въ себѣ живыхъ людей, наводилъ на меня ужасъ.

Наступила ночь, когда послѣдній возъ, нагруженный корзинами винограда, медленно, скрипя колесами, направился къ подваламъ Санта-Алоизы. За нимъ слѣдовало нѣсколько рабочихъ, ослабленныхъ лихорадкой, и нѣсколько женщинъ, дрожавшихъ отъ той же болѣзни. Я шелъ за возомъ, подталкивая его, чтобы помочь усталымъ воламъ. Наступила ночь. Луны не было; изрѣдка вспыхивалъ фитиль въ мѣдной лампочкѣ, наполненной масломъ. Дворъ и подвалъ были громаднаго размѣра; въ старину, въ Санта-Алоизѣ проживало до полуторы тысячи человѣкъ. Въ темнотѣ, при вспыхивающей лампѣ, я разглядѣлъ Таддео Марчіони, ходившаго взадъ и впередъ; онъ отдавалъ приказанія своимъ крикливымъ голосомъ, бранился, вездѣ подозрѣвая воровство. Онъ не видалъ меня, вполнѣ поглощенный своимъ виноградомъ и бранью, которою онъ осыпалъ рабочихъ. Я отошелъ въ сторону и прислонился къ колоннѣ у воротъ, почернѣвшихъ отъ старости и сырости. Часы на старой башнѣ пробили три часа ночи. Вдругъ старая служанка Маріэтта прошептала мнѣ на ухо:

Digitized by Google

— Войдите; ей нужно поговорить съ вами. Идите въ комнату съ драпировками по ту сторону дома, вы помните ее?

Кровь быстро задвигалась въ моихъ жилахъ. Ничего лучшаго я не просилъ у судьбы. Я проскользнулъ вдоль старыхъ стѣнъ, оставляя на среднемъ дворѣ хозяина дома, поглощеннаго своей работой, и съ нѣкоторымъ трудомъ нашелъ маленькую боковую дверь, черезъ которую уже раньше проходилъ въ домъ. Какъ и тогда, я дрожалъ всѣмъ тѣломъ, и вдругъ почувствовалъ себя некрасивымъ, неловкимъ, глупымъ животнымъ, способнымъ испугать женщину. Я былъ въ поту отъ работы среди жаркаго дня, покрытъ пылью, одѣтъ въ грубую холстинную рубашку съ обнаженными до колѣнъ ногами, на которыхъ виднѣлись пятна отъ винограднаго сока—и я смѣлъ любить эту женщину — я! Да, я любилъ ее, хотя она убила Феба. Умъ мой помутился; я не владѣлъ собой и едва дышалъ, Голова моя кружилась; я спотыкался, проходя безконечными коридорами и галереями, какъ въ тотъ день, когда Фебъ упалъ на песокъ моей арены. Наконецъ я дошелъ, самъ не знаю какъ, до комнаты Agazzi, едва освѣщенной лампою, спускавшейся на цѣпочкѣ съ потолка. Въ полумракѣ я увидалъ женщину съ роковымъ взглядомъ, съ розовыми устами, съ чертами Лукреціи и Венеры, — женщину, во всѣ вѣка губившую мужчинъ. Тогда я забылъ, что я—рабочій, крестьянинъ, жонглёръ, гимнастъ, бродяга; что я одѣтъ въ грубую холстину, что я грязенъ, невѣжественъ и грубъ. Я помнилъ только мою любовь—мою любовь, неизмѣримую, какъ небо, всемогущую, какъ божество. Я упалъ передъ ней на колѣни и могъ только произнесть сдавленнымъ голосомъ: «я вашъ, я вашъ!»

Я даже не просилъ ея быть моей. Я былъ ея рабомъ, орудіемъ, ея слугой, вещью, которую она могла любить или бросить по желанію. Я дрожалъ, я рыдалъ. Мнѣ казалось, что я никогда прежде не зналъ, чѣмъ могла быть любовь. Она все время молчала, но позволила мнѣ цѣловать ея платье, ноги, каменный полъ, на которомъ она стояла. Наконецъ, она заговорила:

— Вы—странное созданье; вы любите меня,—дѣйствительно любите — да?

Тогда я заговорилъ внѣ себя. Я ничего не помню, что я сказалъ; она молча слушала меня, стоя, вся выпрямившись надо мной. Комната была лишь слабо освѣщена, лампа качалась на своихъ бронзовыхъ цѣпяхъ. Я ничего не видалъ, кромѣ глазъ этой женщины, покорявшихъ своимъ огнемъ мою волю. Она слегка наклонила голову; ея голосъ звучалъ очень тихо, когда она

Digitized by Google

снова заговорила: «Я давно все это знала; да, вы любите меня, но какъ? Какъ?»

Какъ? Я не зналъ словъ, которыя могли бы высказать ей это. Такихъ словъ нѣтъ ни на какомъ языкѣ. Взглядъ можетъ высказать все. Я взглянулъ на нее. Она вздрогнула, какъ будто я больно коснулся ея, но скоро овладѣла собой.

— Но какъ?—прошептала она очень тихо, склоняя надо мной свою прекрасную голову и почти касаясь моей головы.—Но какъ? Достаточно ли, чтобы?...

Она остановилась. Достаточно ли? Достаточно — для чего? Чтобы отвергнуть небо, вызвать адъ, рѣшиться на смерть и муки, сдѣлать все, что можетъ сдѣлать человѣкъ; кто же могъ бы сдѣлать больше?

— И я люблю тебя, — да, я.

Она проговорила эти слова очень тихо; вечерній вѣтерокъ, ласкающій розы, не могъ быть нѣжнѣе ея голоса. Она коснулась губами моихъ волосъ.

— Я люблю тебя, — повторила она,—потому что ты силенъ, ты силенъ.

Стоя передъ ней на колѣняхъ, я заключилъ ее въ свои объятія, прижалъ къ себѣ; я упивался райскимъ виномъ, лишающимъ человѣка разсудка. Но она остановила меня и отстранилась кротко и безъ гнѣва.

— Нѣтъ,—сказала она,—не теперь еще, не теперь...

Потомъ она прибавила еще тише:

— Ты долженъ заслужить меня.

Заслужить ее? Я не понялъ, что она хотѣла сказать. Я зналъ очень хорошо, что я не заслуживалъ своего счастья, я, несчастный гимнастъ, вышедшій изъ народа, которому тромомъ служили ярмарочныя подмостки. Но съ той минуты, какъ она сказала, что любитъ меня, мои мысли спутались и, какъ безумныя, кружились въ моей головѣ. Высоко на колокольняхъ и башняхъ, въ дни моего дѣтства, окруженный голубымъ воздухомъ и смотря внизъ на населенный міръ, я мечталъ о разныхъ безумныхъ и возвышенныхъ дѣлахъ,—дѣлахъ героическихъ, фантастическихъ, сплетенныхъ изъ легендъ о святыхъ и поэмъ о странствующихъ миннестреляхъ. Въ то время какъ она говорила мнѣ эти слова, всѣ старыя прекрасныя мечты снова ожили въ моемъ воспоминаніи. «Если она желаетъ, чтобы я сдѣлался солдатомъ ради нея»... подумалъ я.

Она смотрѣла на меня, сжигая мою душу своими глазами,

Digitized by Google

дѣлавшимися все темнѣе и ярче, какъ виды Тибра, освѣщенные золотистой луной.

— Ты долженъ заслужить меня,— повторила она.— Ты долженъ освободить меня. Ты силенъ.

— Я готовъ,— отвѣчалъ я. Я все еще стоялъ передъ ней на колѣняхъ. У меня на груди висѣлъ грубой работы крестъ, который въ дѣтствѣ надѣла на меня мать. Я коснулся рукой этого креста, въ знакъ клятвы въ своей вѣрности.

— Я готовъ,—повторилъ я.—Чего же вы хотите?

Она отвѣчала:

— Ты долженъ освободить меня. Ты силенъ.

Даже тогда я все еще не понялъ ея.

— Освободить! — повторилъ я. — Вы согласитесь бѣжать со мной?

Она сдѣлала гордое, нетерпѣливое, презрительное движеніе, немного отодвинулась и еще больше выпрямилась. Глаза ея сверкали страшнымъ блескомъ. Она была такъ прекрасна, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ страшна въ эту минуту, какъ тотъ дикій звѣрь, который однажды при мнѣ, сломавъ свою клѣтку, выскочилъ въ публику и котораго я задушилъ своими собственными руками. Она прошептала сквозь стиснутые зубы:

— Ты долженъ убить его.

Я вскочилъ на ноги. Среди жаркой ночи, ледяной холодъ проникъ въ мою кровь, въ мои члены, въ мое сердце. Убить его? Кого? Старика? Я—молодой, сильный любовникъ его жены? Я смотрѣлъ на нее. Что такое эшафотъ, на который я взойду завтра, когда я пережилъ ту страшную минуту! Она все смотрѣла на меня глазами чародѣйки.

— Ты долженъ убить его,—сказала она коротко.—Тебѣ это будетъ такъ легко. Если ты меня любишь, ты это сдѣлаешь. Если нѣтъ — прощай.

Ужасъ охватилъ меня. Я молчалъ. Я былъ уничтоженъ. Мрачныя тѣни большой комнаты окружали насъ, какъ таинственный туманъ; блѣдныя фигуры на обояхъ казались духами, поднявшимися изъ могилъ, чтобы свидѣтельствовать противъ насъ; удушливая жара ночи тяготѣла надъ нашими головами, какъ желѣзная рука. Призракъ раздѣлялъ насъ. Привидѣніе подлаго преступленія стало между нами.

— Ты не любишь меня,—произнесла она тихо. Она сдѣлалась нетерпѣлива, раздражительна и была видимо разсержена; глухая злоба кипѣла въ ней. Она не чувствовала страха. Я дышалъ съ трудомъ. Мнѣ казалось, что меня душатъ.

Digitized by Google

Убить его? Убить! Эти страшныя слова, какъ эхо, звучали въ моихъ ушахъ. Убить слабаго старика? Это было бы хуже, чѣмъ преступленіе. Это была бы подлость.

— Ты не любишь меня, — повторила она съ презрѣніемъ. — Уйди... уйди!

Крикъ мольбы вырвался изъ глубины моей души.

— Что хотите, что хотите, только не это! Потребуйте моей жизни, и я вамъ отдамъ ее.

— Я прошу то, что мнѣ нужно.

Говоря это, она выпрямилась во весь ростъ, стоя подъ блѣднымъ свѣтомъ лампы. Ея чудная красота сіяла въ этомъ тихомъ свѣтѣ, какъ большой бѣлый цвѣтокъ датуры подъ лучами осенняго солнца. Безграничное, безжалостное презрѣніе сверкало въ ея глазахъ. Она презирала меня — человѣка, вышедшаго изъ народа, простаго гимнаста, годнаго лишь на то, чтобы сдѣлаться убійцей по приказанію своей любовницы.

Это было по итальянски; но я не смѣлъ убить слабаго старика среди мрака нѣжной лѣтней ночи, чтобы найти за это награду на груди его жены. Между нами наступило молчаніе. Ея взглядъ, полный презрѣнія, покоился на мнѣ; вся красота ея искушала, взывая ко мнѣ: «Убей, убей, убей — и все это будетъ твое!» Потомъ глаза ея наполнились слезами; ея гордая красота смягчилась нѣжной мольбой и она воскликнула, простирая ко мнѣ руки:

— А! Ты не любишь меня; въ тебѣ нѣтъ жалости. Тебѣ все равно, буду ли я жить, или умру здѣсь; ты не хочешь спасти меня. Ты силенъ, какъ левъ; ты такъ силенъ, и все таки боишься.

Я дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Да, я боялся — боялся ея, боялся самого себя. Я дрожалъ; она все смотрѣла на меня; ея до того пылавшіе глаза сдѣлались влажны и нѣжны.

— На войнѣ, въ открытой борьбѣ, все, что хотите,—произнесъ я тихо.—Но старика... тайно... сдѣлаться убійцей...

Голосъ измѣнилъ мнѣ. Я взглянулъ на свѣтъ лампы, дрожавшій надъ нами; мнѣ казалось, что это жизнь Таддео Марчіони, висѣвшая на волоскѣ, благодаря намъ. Она выпрямилась еще разъ. Ея слезы высохли отъ страшной, тупой злобы. Она громко крикнула мнѣ:—Ты трусъ! Уйди!

Я еще разъ бросился къ ея ногамъ, схватилъ ея платье, цѣловалъ ея ноги.

— Все, что вы хотите!—воскликнулъ я въ страшныхъ муче-

Digitized by Google

віяхъ.—Все, что̀ хотите. Но отнять жизнь у слабаго старика — это было бы ужасно. Я не трусъ; я смѣлъ. Только трусы убиваютъ слабыхъ. Я не могу. Да вы и не хотите этого? Нѣтъ, нѣтъ! Это сонъ, это кошмаръ. Я обожаю васъ, отдаюсь вамъ и тѣломъ, и душой. Но убить слабаго старика, котораго я могу раздавить въ своей рукѣ также легко, какъ легко муху утопить въ стаканѣ вина — нѣтъ, нѣтъ!

— Это или ничего, — отвѣчала она съ презрѣніемъ.

Холодный потъ выступилъ у меня на лбу, въ агоніи этого страшнаго часа. Я готовъ былъ отдать за нее жизнь, но убить старика тайно — вся душа моя возмущалась противъ этого.

— Но вы любите меня, — воскликнулъ я, и рыданіе вырвалось изъ моей груди.

— Ты отказываешься сдѣлать это дѣло?—переспросила она.

— Да!

Тогда она оттолкнула меня отъ себя съ силой тигрицы.

— Дуракъ! Ты вообразилъ, что я люблю тебя? Ты былъ нуженъ. Вотъ и всѣ.

Лампа потухла; мы очутились въ полномъ мракѣ. Я протянулъ руки, но встрѣтилъ лишь пустое пространство. Не знаю, былъ ли я уже одинъ: я ничего не чувствовалъ, ничего не слыхалъ, ничего не видалъ. Странная слабость овладѣла мной; всѣ мои члены дрожали и не слушались меня; я лишился чувствъ. Когда я пришелъ въ себя, я открылъ глаза. Вокругъ меня все еще было темно, но блѣдный свѣтъ проникалъ въ комнату; луна взошла и ея блѣдные лучи проникали сквозь желѣзныя рѣшетки высокихъ окопъ. Я вспомнилъ все.

Я поднялся съ усиліемъ, ощущая во всемъ тѣлѣ сильную боль, вслѣдствіе паденія на каменномъ полу. Страшное отупѣніе—отупѣніе ужаса овладѣло мной. Я чувствовалъ себя старымъ, совсѣмъ старымъ. Мысль о моей матери блеснула въ моемъ умѣ въ первый разъ послѣ многихъ дней. Моя бѣдная мать! При свѣтѣ луны, я попытался найти выходъ изъ этой проклятой комнаты и дошелъ до галереи. Всюду царило молчаніе. Я не зналъ, который часъ. Небо достаточно освѣщало большіе и мрачные коридоры. Я нашелъ дверь, чрезъ которую вошелъ въ домъ, и на меня пахнуло воздухомъ все еще такимъ же горячимъ, какимъ онъ былъ въ полдень. Я вышелъ на большой открытый дворъ. Надъ нимъ стояла луна, поднявшаяся поздно, круглая, золотистая и блестящая. Я взглянулъ на нее; она показалась мнѣ странной и незнакомой. Я тихо шелъ по двору, ведомый однимъ лишь инстинктомъ, какъ смертельно раненая собака. Я прошелъ

Digitized by Google

черезъ весь дворъ. Мое сердце было тяжело; оно лежало, какъ камень, въ моей груди; кровь обратилась во мнѣ въ ледъ. Кругомъ меня возвышались безмолвныя, сѣрыя, строгія стѣны Санта-Алоизы. Моя нога коснулась чего-то, лежащаго на землѣ. Я нагнулся, чтобы посмотрѣть. Это была какая-то безформенная масса, дубовая колода или мраморная плита; но я не могъ оторвать отъ нея глазъ: они были какъ бы прикованы къ ней.

Луна таинственно освѣщала этотъ предметъ. Я долго смотрѣлъ, стоя неподвижно на одномъ мѣстѣ. И я увидѣлъ, что такое была эта безформенная масса: это было тѣло Таддео Марчіони; онъ былъ мертвъ и лежалъ лицомъ внизъ, распростертый на камняхъ; сзади въ шеѣ у него былъ воткнутъ ножъ, оставленный тамъ убійцэй. Его ударили сзади.

Я смотрѣль, я понялъ: это было ея дѣло. Я нагнулся, дотронулся до тѣла, перевернулъ его лицомъ къ свѣту, искалъ въ немъ хоть искры жизни. Ея не было. Былъ нанесенъ всего одинъ ударъ, но ударъ вѣрный. Страшная гримаса исказила его беззубый ротъ; глаза вышли изъ орбитъ, руки были стиснуты: смерть была быстрая, внезапная и ужасная. Я вынулъ глубоко вонзившійся ножъ; тотъ самый, которымъ я срѣзалъ виноградныя кисти наканунѣ.

Она, безъ сомнѣнія, вытащила его изъ-за моего пояса, когда я упалъ къ ея ногамъ.

— Я понимаю,—сказалъ я мертвому старику.—Это ея дѣло.

Ротъ мертвеца, казалось, смѣялся. Окно, выходившее на дворъ, отворилось. Чей-то голосъ громко кричалъ. Это былъ ея голосъ: она звала на помощь. Изъ безмолвнаго дома послышались поспѣшные шаги; пламя факела, въ рукѣ одного изъ прибѣжавшихъ на ея крики крестьянъ, смѣшивалось съ блѣднымъ свѣтомъ луны. Она сама прибѣжала босая, съ распущенными волосами, какъ бы только что вставъ съ постели; прекрасная въ своемъ безпорядкѣ, она громко кричала:

— Убійца, убійца!

Я понялъ все.

Она хотѣла послать меня на эшафотъ вмѣсто себя. Ножъ принадлежалъ мнѣ: этого было достаточно, чтобы предать меня суду. Провосудіе слѣпо! Она громко кричала; меня схватили; между нами лежалъ мертвецъ, распростертый на камняхъ и утопавшій въ крови. Я взглянулъ на нее; она не дрогнула. Но она забыла, что я былъ силенъ; силенъ, какъ левъ, какъ волъ, какъ орелъ. Она забыла это.

Однимъ движеніемъ я отбросилъ отъ себя державшихъ меня

Digitized by Google

людей; однимъ прыжкомъ я очутился возлѣ нея. Я схватилъ ее въ свои объятья почти обнаженную, едва прикрытую бѣльемъ и распущенными волосами, всю бѣлую, какъ мраморъ, при свѣтѣ луны. Я схватилъ ее въ свои объятья, цѣловалъ ея губы; я прижималъ къ своему сердцу ея бѣлую грудь и въ то же время вонзилъ въ эту прелестную грудь свой ножъ, еще окрашенный кровью убитаго мужа.

— Я мщу за Феба,—прошепталъ я ей.

Теперь вы знаете, за что я буду казненъ и почему моя мать сошла съ ума.

Довольно! я усталъ.

Дайте мнѣ заснуть спокойно.

. . . . . .

И когда солнце взошло—онъ заснулъ.

Digitized by Google

ПОРТРЕТЪ.

Портретъ, когда-то сердцу милый,
Виситъ, заброшенный давно;
Покрыто пылью, паутиной,
Пятномъ чернѣетъ полотно.

И, мимолетно созерцая,
Скользнетъ по немъ холодный взглядъ:—
Черты безжизненно сухія
Ему такъ мало говорятъ.

Но ты взглянулъ любовнымъ взоромъ,—
И эти тусклыя черты
Вмигъ оживились, улыбнулись
Огнемъ духовной красоты.

А. Глинъ.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Финансовая и торговая война.—Походъ жидовъ и биржи противъ Россіи.—Альфонсъ Ротшильдъ въ роли патріота своего отечества.—Русскіе банки, помогающіе пониженію русскаго рубля.—Берлинскіе крахи и жидовскія самоубійства.—Антисемитскія движенія.—Меланхолическая рѣчь Франца-Іосифа и вѣнскій переполохъ.—Овація Бисмарку.—Недовольство правительствомъ въ Пруссіи. — Смерть виртембергскаго короля и его характеристика.—Споръ на престолѣ.—Неурожай въ Германіи.—Клятва жида и процессъ Блейхредера.—Закрытіе конгресса соціалистовъ и расколъ въ этой партіи.—Англійскія болѣзни: инфлуэнца и руссофобія.—Что такое памирскій вопросъ?—Г-жа Новикова и англійскія пожертвованія въ пользу голодающихъ.—Смерть Парнеля.—Положеніе Франціи. — Русскій министръ иностранныхъ дѣлъ въ Парижѣ.—Болгарскіе мученики.

На обычномъ банкетѣ, при вступленіи въ должность новаго лондонскаго лордъ-мэра, англійскій премьеръ сказалъ рѣчь, въ которой повторилъ увѣренія въ томъ, что миру не угрожаетъ ни малѣйшее облачко. Но въ то же время маркизъ Салисбюрц прибавилъ, что народы вообще переносятъ войну въ область торговли и финансовъ. Безспорно, курсовыя и товарныя битвы, дѣйствуя цифрами и пошлинами, а не ружьями и пушками, не истребляютъ столько народа, зато лишаютъ его благосостоянія, а часто даже и просто средствъ существованія. Ихъ можно, правда, пріобрѣсти вторично, и на частныхъ лицахъ, какъ на цѣлыхъ государствахъ, тарифныя и биржевыя пораженія не оставляютъ такихъ тяжелыхъ слѣдовъ, какъ потери сраженій и провинцій. Но однако постоянная, упорная борьба противъ кредита какого нибудь государства, систематическое пониженіе всѣхъ его бумагъ, нарушаютъ правильное теченіе дѣлъ въ цѣлой странѣ. И такую войну ведетъ противъ насъ, въ лицѣ своей биржи, вотъ уже нѣсколько лѣтъ, сосѣдняя, «дружественная» имперія, увѣряющая въ то же время въ своей преданности къ намъ. Берлинская биржа, находящаяся въ рукахъ жидовъ, фанатически преслѣ-

Digitized by Google

дуетъ русскій кредитъ и старается убить его всѣми средствами, а прусское правительство, вмѣсто того чтобы положить конецъ интригамъ и подкопамъ, открыто помогаетъ имъ, не позволяя имперскимъ банкамъ принимать въ залогъ русскія бумаги и облагая привозимый изъ Россіи хлѣбъ непомѣрными, «боевыми» пошлинами. Нѣмецкіе жиды озлобились на насъ, особенно въ послѣднее время, за то, что ихъ соотечественникамъ, непомѣрно расплодившимся въ Россіи, не позволяютъ переходить за черту западныхъ губерній, чтобы спасти отъ жидовской эксплуатаціи наши внутреннія провинціи. Послѣ неудачныхъ попытокъ иноземнаго жидовства принудить измѣнить существующіе у насъ законы о евреяхъ—извѣстно, что адресъ о равноправности ихъ, посланный лондонскимъ лордъ-мэромъ изъ жидовъ, былъ возвращенъ ему безъ отвѣта—взбѣшенные семиты принялись мстить намъ пониженіемъ нашего курса.

Когда, въ прошломъ году, на лондонской биржѣ произошелъ крахъ банкирскаго дома Беринга, понесшаго огромныя потери отъ паденія южно-американскихъ бумагъ, ликвидацію эту остановила помощь англійскаго государственнаго банка, французскаго національнаго и нашего министерства финансовъ. Но крахъ для лондонской биржи не могъ пройти безслѣдно: бразильскія бумаги упали съ тѣхъ поръ на 65 проц., уругвайскія на 60, аргентинскія на 30 и чилійскія на 16; къ этому присоединилось еще паденіе рентъ: португальской на 49 проц.; греческой на 24, испанской на 16, итальянской на 10. Владѣльцы этихъ фондовъ потеряли до двухъ третей своего состоянія, вложеннаго въ эти цѣнности. Кромѣ того, европейскія биржи переполнены массою желѣзнодорожныхъ акцій и облигацій, сильно понизившихся въ цѣнѣ, до того, что лучшія въ цѣломъ мірѣ англійскія желѣзныя дороги даютъ среднимъ числомъ только 4 проц. дивиденда и только одна сѣверная лондонская дорога доходитъ до $7^1/_2$ проц. Объ этихъ убыткахъ европейская журналистика, получая внушенія отъ биржи, упорно молчитъ и поднимаетъ крикъ только о паденіи русскихъ бумагъ, проливая крокодиловы слезы о голодѣ въ Россіи и шаткости русскихъ финансовъ. Все это дѣлается для того, чтобы склонить владѣльцевъ русскихъ бумагъ—къ продажѣ ихъ, и этимъ еще болѣе понизить ихъ курсъ. Между тѣмъ лондонская биржа сознаётся сама, что у нея очень мало русскихъ бумагъ, да и берлинская не могла бы вести понижательнаго похода противъ нашего кредита, еслибы не пользовалась поддержкой нѣкоторыхъ петербургскихъ банковъ и парижскаго дома Ротшильдовъ. Глава этого дома, жидовско-французскій гражданинъ баронъ Альфонсъ Ротшильдъ, озлобленный тѣмъ, что ему не удалась продѣлка съ конверсіей русскихъ желѣзнодорожныхъ акцій и что въ послѣднемъ трехпроцентномъ займѣ Россія не прибѣгала къ его услугамъ, повелъ дѣло, съ помощью берлинскихъ друзей, такъ, что не только заемъ этотъ, покрытый въ $7^1/_2$ разъ, упалъ на парижской биржѣ

Digitized by Google

на 10 проц., но и французская государственная рента понизилась на 2 процента. Содѣйствовать паденію бумагъ страны, въ которой считаешься гражданиномъ—съ жидовско-космополитической точки зрѣнія вполнѣ понятно и извинительно, но французское правительство взглянуло на это иначе и министръ финансовъ погребовалъ у Ротшильда объясненія. Тотъ сначала отвѣчалъ, что подагра мѣшаетъ ему прибыть изъ своей виллы въ Парижъ, но потомъ долженъ былъ явиться къ министру, гдѣ, вѣроятно, ему сдѣлано было такое убѣдительное «внушеніе», нисколько не гипнотическое, что онъ тотчасъ же напечаталъ свою тронную рѣчь Европѣ, оповѣщая ее, что его оклеветали самымъ недостойнымъ образомъ, распустивъ слухъ, будто онъ относится враждебно къ послѣднему русскому займу. Слухъ этотъ совершенно неоснователенъ и отношенія барона къ правительству, интересующемуся русскими фондами, были всегда самыми лучшими. Хотя тонъ манифеста этой жидовской державы, обращающейся съ Франціей, «какъ равный съ равнымъ», полонъ комизма, также какъ и увѣренія пресмыкающихся передъ Ротшильдомъ газетъ, что патронъ ихъ удостоилъ министровъ откровеннымъ объясненіемъ, но кто же повѣритъ жиду, которому его талмудъ предписываетъ обманывать гойевъ? И «внушеніе» Рувье не позволитъ только заклятому врагу христіанства и Россіи явно вести противъ нихъ подкопы, а отъ тайныхъ попытокъ вредить намъ сколько можно—семитъ никогда не откажется.

Доказательствомъ этого служитъ то, что послѣ «внушенія», которому, по слухамъ, предшествовали даже дипломатическія жалобы, за нашу сторублевку въ Берлинѣ давали только 188 марокъ, а не 265, какъ въ прошломъ году, и марка стоила уже 53 копѣйки, а франкъ, вѣроятно, ради франкорусскихъ симпатій, поднялся до 43 копѣекъ. Съ такимъ систематическимъ, неуклоннымъ пониженіемъ, ни разу не измѣнившимся въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ, вгонятъ франкъ въ полтинникъ, не смотря на всѣ отчеты, что золота у насъ непочатые запасы. А тамъ, съ помощью Іеговы, потянутъ франкъ и къ рублю, особенно если мы сами будемъ помогать этому, какъ дѣлали до сихъ поръ. При каждой мѣсячной расплатѣ, берлинская биржа, говоря ея терминомъ, «покрывается» русскими рублями и для своей цѣли требуетъ этихъ рублей у единомышленниковъ на другихъ биржахъ и въ иностранныхъ банкахъ. И наши жиды и банки очень усердно высылали прежде въ Берлинъ массы кредитныхъ рублей въ размѣрѣ, далеко превышающемъ обычныя банковыя требованія. Теперь петербургскіе банки отказались удовлетворять приказы берлинскихъ спекулянтовъ, но прусскіе жиды обратились къ посредничеству польскихъ жидовъ и переслали въ Варшаву, по словамъ корреспондента «Новаго Времени», для залога въ конторѣ государственнаго банка, русскія кредитныя бумаги, за которыя въ три дня получили около четырехъ мильоновъ кредитныхъ рублей. Говорятъ,—прибавляетъ корреспондентъ,—что за это вар-

Digitized by Google

шавскіе банкиры, помимо обычныхъ комиссіонныхъ, получили за кажды сто рублей по три марки. Въ биржевомъ мірѣ эта манипуляція предста вляется самымъ обыкновеннымъ явленіемъ, но для стороннаго наблюд теля это—возмутительный жидовскій гешефтъ, завѣдомо направленный в вредъ экономическимъ и государственнымъ интересамъ Россіи. Вѣдь во же эти—варшавскіе жиды и банкиры считаются русскими подданными, каждый изъ нихъ въ каждую данную минуту готовъ продать Россію. И эта операція производится совершенно открыто. Банкиръ, у котораго весь инвентарь его конторы не превышаетъ 15-ти тысячъ, очень раз вязно является въ государственный банкъ и закладываетъ на полмиллиона русскихъ процентныхъ бумагъ, полученныхъ имъ изъ Берлина, для тог чтобы еще больше понизить нашъ рубль и создать финансовыя затрудне нія русскому правительству. Въ виду милліонныхъ требованій на выдач ссудъ, государственный банкъ увеличилъ залоговый процентъ, но это и парализовало сдѣлку берлинскихъ и варшавскихъ жидовъ. И чѣмъ огра диться отъ этихъ разбойниковъ биржи и мошенниковъ гешефта! Алчность жидовъ къ наживѣ такъ велика, что они, стремясь къ ней, ро няютъ и кредитъ той страны, гдѣ живутъ.

Въ Берлинѣ нѣсколько дней господствовала сильная паника не на одной биржѣ, вслѣдствіе банкротства нѣсколькихъ банкирскихъ, конечно жидовскихъ, домовъ. Сначала лопнулъ банкъ Вольфа-Гиршфельда, потомъ Фридлендера-Зоммерфельда, затѣмъ Мааса и еще трехъ крупныхъ фирмъ. Вольфа и Мааса арестовали, а братья Фридлендеръ застрѣлились. Но и этотъ рѣдкій случай самоубійства животолюбивыхъ жидовъ не возвратилъ, конечно, ограбленнымъ ими бѣднякамъ вкладовъ, внесенныхъ въ жи довскіе банки. Правда, виноваты и нѣмцы, несущіе въ эти разбойничьи притоны свои сбереженія изъ-за лишняго процента, и за это ихъ сильно осуждалъ извѣстный ораторъ-антисемитъ Штекеръ, обсуждавшій на сходкѣ въ Берлинѣ банковскіе крахи и разгромъ, которому едва не подверглись нѣкоторыя конторы, осажденныя народомъ. Штекеръ обви нялъ не исключительно евреевъ, но и христіанъ, у которыхъ раз вита страсть къ роскоши и легкой наживѣ. Страсть эту ораторъ при писываетъ вліянію еврейскихъ элементовъ, развращающихъ общественную жизнь. Главная причина краховъ — роскошная жизнь банкировъ, бриллианты и наряды ихъ женъ, лукулловскіе обѣды, на которыхъ всякій воръ и мошенникъ считается порядочнымъ человѣкомъ, потому что на немъ изящный фракъ. Другой ораторъ, на той же сходкѣ, собравшей громадную массу народа, профессоръ Вагнеръ, приписывалъ общую жажду денегъ въ Германіи — государственнымъ лотереямъ. Благодаря продажѣ дорогихъ билетовъ въ раздробь и по частямъ, въ этихъ лотереяхъ участвуютъ бѣднѣйшіе классы общества. И тѣ же власти, которы

Digitized by Google

запрещаютъ и караютъ всякую азартную игру, постоянно плодятъ лотереи, только потому, что онѣ государственныя.

Берлинскіе крахи до того тревожно настроили нѣмцевъ, что паника на биржѣ повторилась и въ Вѣнѣ. При открытіи делегацій, Францъ-Іосифъ произнесъ рѣчь, которую бисмарковская гамбургская газета удачно назвала «меланхолической». Въ ней, вмѣстѣ съ обычными увѣреніями въ прочности мира и тройственной лиги, звучала какая-то унылая жалоба на тяжелыя времена и необходимость постояннаго увеличенія военныхъ расходовъ. Императорское краснорѣчіе до того противорѣчило мирному тону министерскихъ рѣчей, только что произнесенныхъ нѣмецкими и англійскими премьерами, что австрійскій премьеръ долженъ былъ, въ свою очередь, сочинить рѣчь, коментирующую августѣйшія ламентаціи. Кальноки тянулъ знакомую пѣсню о миролюбіи государей, о благахъ, приносимыхъ человѣчеству тройственнымъ союзомъ, да пожалѣлъ, что Сербія выбилась изъ подъ опеки Австріи, которая, при всемъ желаніи, не можетъ признать Кобурга болгарскимъ княземъ, въ виду могущихъ возникнуть отъ этого затрудненій. Министерскіе коментаріи успокоили нѣсколько тревожное настроеніе Вѣны, какъ вдругъ въ вечернемъ оффиціозномъ листкѣ явилось сообщеніе о бесѣдѣ Франца-Іосифа съ однимъ изъ членовъ делегаціи, президентомъ польскаго клуба Яворскимъ, которому императоръ поручилъ будто бы передать отъ его имени, что онъ считаетъ положеніе дѣлъ очень серьезнымъ, такъ какъ голодъ въ Россіи усугубляетъ опасность войны, и хотя Россія еще не кончила своихъ вооруженій, но, благодаря послѣднему займу, заручилась крупными денежными средствами. Казалось бы: какое отношеніе можетъ быть между голодомъ и войной?—но вѣнская биржа не задавалась никакими соображеніями. Ей нужно было только играть на пониженіе, — и она разомъ повалила всѣ, самыя солидныя бумаги; даже государственная рента упала на $2^1/_2$ процента. Въ нѣсколько часовъ масса упавшихъ на биржѣ цѣнностей достигла ста милліоновъ гульденовъ. Пока обнародовано было оффиціозное извѣстіе, что императоръ не говорилъ ничего подобнаго Яворскому, жиды и банкиры скупили понижавшіяся бумаги, съ тѣмъ, конечно, чтобы потомъ перепродать, когда извѣстіе, уронившее ихъ, окажется ложнымъ. Скупали ихъ и члены парламента, очень хорошо знавшіе, что вся эта паника неосновательна. Самъ жидъ Шепсъ, редакторъ «Вечерняго листка», напечатавшій эту сплетню, получилъ въ одинъ вечеръ порядочный кушъ, играя на пониженіе и потомъ продавая повысившіяся бумаги. Но эта биржевая продѣлка, хотя въ ней не было ничего новаго, возбудила благородное негодованіе въ парламентѣ: депутаты потребовали въ парламентѣ примѣрнаго наказанія жидовской газеты; министерство собиралось въ чрезвычайныя засѣданія для обсужденія этого инцидента; графъ Таафе придалъ этому, въ сущности мелкому, случаю значеніе

Digitized by Google

первокласснаго внутренняго событія; прокуроръ началъ уже судебное преслѣдованіе противъ Шепса, который, однако, нисколько не смущенъ этимъ и очень развязно объявляетъ, что получилъ ложное извѣстіе не отъ кого иного, какъ онъ самого делегата Яворскаго, что онъ и берется доказать документально на судѣ. Процессъ обѣщаетъ поэтому быть интереснымъ, если его не замнутъ участвующія въ немъ офиціальныя и вліятельныя лица. И теперь уже одна газета говоритъ, что Яворскій могъ не понять словъ императора и видѣлъ въ нихъ только новое доказательство, что Россія вѣчно грозитъ войной Европѣ, даже и тогда, когда страдаетъ отъ голода. А противъ Россіи всякія измышленія, не исключая биржевыхъ утокъ, дѣло вполнѣ патріотическое. Давно ли вся нѣмецкая печать предостерегала капиталистовъ отъ подписки на новый русскій заемъ? «Times» прямо кричитъ о банкротствѣ Россіи, а что говорятъ о русскихъ финансахъ не однѣ вѣнскія, но и такія солидныя германскія газеты, какъ «Norddeutsche», «Kölnische», «Kreuzzeitung». Въ нихъ война противъ Россіи и ея финансовъ начата еще Бисмаркомъ, котораго всѣ нѣмцы считаютъ славою, величіемъ и спасеніемъ своего отечества. Недаромъ же, при проѣздѣ черезъ Берлинъ 76-тилѣтняго опальнаго канцлера, рьяные патріоты до того пожимали ему руку, что надо было сдѣлать перевязку, чтобы остановить кровь, выступившую изъ пальцевъ.

Дѣйствительно, берлинцы сдѣлали самый восторженный пріемъ своему старому идолу, въ то время когда вагонъ, привезшій его изъ Варцина, переходилъ на рельсы, по которымъ Бисмаркъ отправлялся въ свое другое помѣстье—Фридрихсруэ. Онъ провелъ проѣздомъ въ Берлинѣ всего часа два, но эти часы были сплошною овацією человѣку, который, по увѣренію органовъ прусскаго правительства, потерялъ всякую популярность. Громадная манифестація доказала, что власти думали напрасно скрыть проѣздъ Бисмарка черезъ столицу. И его привѣтствовалъ не простой народъ, а интеллигенція Берлина. Напрасно полиція устроила въ двухъ вокзалахъ деревянные барьеры — они были разнесены въ щепки многочисленною толпою, бросавшеюся къ вагонамъ, на рельсы, кричавшею: «остановитесь! до свиданія въ рейхстагѣ! не покидайте насъ!» Даны кидали цвѣты. Бисмаркъ благодарилъ, называя всѣхъ друзьями, даже прослезился. Полиція, не пропускавшая народъ къ вокзалу, подверглась оскорбленіямъ. Арестовали множество студентовъ. Раздавались голоса: «какая гнусная неблагодарность—запрещать чествовать величайшаго патріота. Мы не забудемъ васъ, не смотря ни на какія приказанія». Противъ ни въ чемъ неповинныхъ городовыхъ поднялись палки и зонтики. Дѣло дошло бы до свалки, еслибы поѣздъ не поспѣшили отправить далѣе. Соціалистскія газеты говорятъ, что въ этой встрѣчѣ высказалось болѣе всего враждебное

Digitized by Google

отношеніе къ правительству и его политикѣ, а Бисмаркъ былъ только предлогомъ манифестацій, выражавшихъ недовольство нынѣшнимъ ходомъ дѣлъ.

А что этимъ положеніемъ недовольны всѣ въ Германіи—кромѣ правящихъ ею лицъ—это не подвержено сомнѣнію. Сессія рейхстага возобновилась въ угнетенномъ настроеніи. Боялись, при ея открытіи, какой нибудь уже не меланхолической, а задирательной рѣчи, но все обошлось благополучно: императоръ даже уѣхалъ въ этотъ день изъ Берлина куда-то на охоту и мирныя пренія народныхъ представителей можетъ нарушить только появленіе въ палатѣ Бисмарка. Но онъ заявилъ, что приметъ участіе въ преніяхъ, когда внесены будутъ торговые трактаты, то есть не раньше конца января. Никакихъ неожиданныхъ пассажей не было и со стороны повелителя Германіи, находящагося теперь въ болѣе спокойномъ настроеніи. По мнѣнію многихъ, онъ недоволенъ Россіей болѣе всего потому, что Бисмаркъ совѣтуетъ—сблизиться съ нею. Удивила нѣсколько выходка Вильгельма во время пребыванія въ Мюнхенѣ, сдѣлавшаяся только теперь извѣстной, хотя ее долго скрывали. Посѣтилъ онъ, между прочимъ, и тамошнюю городскую ратушу, гдѣ ему предложили вписать свое имя въ книгу почетныхъ гостей. Онъ исполнилъ это, сдѣлавъ для чего-то такую приписку: suprema lex—regis voluntas. Многія, даже нѣмецкія, газеты высказали открыто свое неудовольствіе на то, что императоръ проповѣдуетъ такіе сомнительные афоризмы въ конституціонной странѣ, гдѣ законъ выше всякой королевской власти. Да и къ чему понадобилось ему сообщать о своихъ абсолютистскихъ убѣжденіяхъ баварцамъ, и безъ того нерасположеннымъ къ нему. Даже «National-Zeitung» отозвалась весьма несочувственно объ этой выходкѣ, а газета Бисмарка явно обвинила Вильгельма въ стремленіи водворить въ Германіи принципъ абсолютизма, и какъ ни странно это обвиненіе молодаго монарха строгимъ поборникомъ всякихъ произвольныхъ и неконституціонныхъ мѣръ, оно произвело впечатлѣніе въ Германіи, особенно въ южной, гдѣ только правители преклоняются передъ Пруссіей, а народъ съ трудомъ выноситъ ея деспотическій гнетъ. Покровительствуя Гогенцоллернамъ, судьба съ октября послала имъ еще новаго приверженца въ лицѣ виртембергскаго короля, тоже Вильгельма II. Покойный Карлъ I всегда былъ противникомъ прусскаго режима. Четвертый монархъ королевства, созданнаго въ 1806 году Наполеономъ I изъ швабскаго герцогства, Карлъ I не совершилъ никакихъ блестящихъ подвиговъ, не выигрывалъ сраженій, но, вступивъ на тронъ въ 1863 году, уничтожилъ всѣ реакціонныя мѣры своего отца, Вильгельма I, и прогналъ отъ двора даже поэта Гакландера, осмѣивавшаго либеральныя идеи. Свобода печати была возстановлена. Король не противился объединенію Германіи, но хотѣлъ, чтобы оно совершилось не подъ главенствомъ Пруссіи. Въ 1866 году онъ сталъ на сторону Австріи, но она начала войну безъ

Digitized by Google

всякаго плана и единства дѣйствій. Командующій майнской арміею генералъ Фогель фонъ-Фалькенштейнъ разбилъ по очереди ганноверцевъ, баварцевъ, баденцевъ, гессенцевъ и нассаусцевъ, а затѣмъ, въ нѣсколько часовъ, уничтожилъ виртембергскую армію при Таубербишофсгеймѣ. Сраженіе при Садовой положило конецъ войнѣ. Карлъ I долженъ былъ покориться побѣдителямъ, подписать пражскій трактатъ, уплатить значительную контрибуцію и заключить съ Пруссіей секретную военную конвенцію, отдававшую виртембергскую армію подъ начальство Гогенцоллерновъ. Съ тѣхъ поръ Карлъ игралъ пассивную роль. Онъ не будировалъ противъ германскаго императора, но и не разыгрывалъ въ Берлинѣ роль вассала. Во время 25-тилѣтняго юбилея своего царствованія, онъ получилъ въ Штутгартѣ визитъ своего сюзерена, хотя и не просилъ объ этомъ и самъ не отдалъ визита. Онъ много способствовалъ умственному, артистическому и экономическому развитію Виртемберга, но чувствовалъ отвращеніе отъ военщины, парадовъ и маневровъ. Самъ онъ былъ очень образованъ и любилъ литературу, живопись, скульптуру. Учителемъ его былъ поэтъ Маттисонъ, товарищами, по ученію въ тюбингенскомъ университетѣ, и друзьями—поэты: Густавъ Швабъ и Шлатербергъ. Бракъ его не былъ счастливъ: у него не было дѣтей; болѣе 20-ти лѣтъ, онъ страдалъ тяжкой болѣзнью, отъ которой и умеръ. Но, получивъ богатое приданое за женою, онъ украсилъ Штутгартъ великолѣпными зданіями, построилъ много дворцовъ и виллъ, устроилъ Кенигсбау по образцу миланскихъ и генуэзскихъ галерей, собралъ въ Розенштейнѣ коллекцію замѣчательныхъ картинъ, возобновилъ съ большими издержками старый ульмскій соборъ, тюбингенскій университетъ, а въ паркѣ Шлосгартенъ, соединяющемъ Штутгартъ съ Канштадтомъ, воздвигнулъ цѣнныя статуи. Любитель цвѣтовъ, онъ устроилъ роскошные сады въ своей лѣтней резиденціи, Фридрихсгафенѣ, на берегу Констанцскаго озера. Но болѣе всего онъ прославилъ Виртембергъ учрежденіемъ сельскихъ школъ, получившихъ европейскую извѣстность. При немъ, въ странѣ замѣтно развилось народное образованіе. Доступный для всѣхъ сословій, чуждый преувеличенныхъ понятій о своемъ достоинствѣ, онъ дѣлалъ много добра, безъ всякаго участія канцеляріи въ его благодѣяніяхъ, и Виртембергъ искренно оплакивалъ «послѣдняго статскаго короля», какъ его называли противники милитаризма. Но этотъ же умный и гуманный монархъ былъ подверженъ странной слабости, объясняемой отчасти его болѣзненнымъ состояніемъ: онъ занимался спиритическими фокусами и вполнѣ подчинялся вліянію своего любимца Джонсона, молодаго секретаря сѣверо-американскаго посольства въ Штутгартѣ. Этотъ ловкій янки представилъ королю своего соотечественника, авантюриста Вудокъ-Севеджа. Втроемъ они устраивали спиритическіе сеансы, для которыхъ отведенъ былъ даже особый дворецъ. Странные слухи ходили въ Герма-

Digitized by Google

ніи объ этихъ собраніяхъ: — подъ предлогомъ вызова духовъ, американцы вытягивали у короля огромныя суммы и продавали его покровительство разнымъ проходимцамъ. Вудокъ-Севеджъ сдѣланъ былъ барономъ. Но общественное мнѣніе возстало противъ наглой эксплуатаціи слабостей довѣрчиваго и болѣзненнаго монарха. Первый министръ Митнахтъ, для успокоенія народнаго волненія, потребовалъ удаленія спиритовъ. Король долженъ былъ уступить и разстался со своими друзьями, но не измѣнилъ своей привязанности и оставилъ имъ въ своемъ завѣщаніи значительныя суммы. Эта непонятная слабость не уменьшила однако популярности Карла I среди его подданныхъ. Преемникъ его и племянникъ Вильгельмъ II—совершенно другаго характера: онъ похожъ на своего тезку и вполнѣ покоренъ ему. Получивъ низшіе военные чины въ войну 1870 года, когда ему было 22 года, онъ сдѣлался дивизіоннымъ генераломъ въ 1883 году и генераломъ отъ кавалеріи въ 1888 г. Въ манифестѣ о своемъ восшествіи на престолъ онъ говорилъ объ обязанности подчиняться трактатамъ, на которыхъ основана имперія. На это партія націоналистовъ замѣтила, что не существуетъ никакихъ трактатовъ между нѣмецкими монархами, добровольно избравшими прусскаго короля императоромъ и принявшими имперскую конституцію. Все это, впрочемъ, не болѣе какъ теоретическія тонкости, которыя не могутъ поколебать основъ имперіи.

Не поколеблетъ ихъ и сепаратизмъ южныхъ державъ, съ которымъ упорно борется общегерманскій патріотизмъ, стоящій за единеніе отечества. Опасны для этого единенія всюду продолжающіяся вооруженія, истощающія экономическія силы страны, но еще опаснѣе общее экономическое разстройство главы имперскаго союза—самой Пруссіи. Европа кричитъ о голодѣ въ Россіи и видитъ въ немъ какое-то небывалое, грандіозное бѣдствіе. Если судить по относительнымъ размѣрамъ нашего отечества и Пруссіи, бѣдствіе должно казаться ей громаднымъ, но и ея экономическое положеніе немногимъ лучше. Во всей восточной и западной Пруссіи неурожай ржи и картофеля—повсемѣстный, а такъ какъ рожь производится почти исключительно въ этихъ двухъ областяхъ и чернымъ хлѣбомъ питается вся германская армія и весь ея рабочій людъ, то выходитъ, что неурожай ржи распространенъ по всей Германіи, и вся она ѣстъ теперь чужой, покупной хлѣбъ, вдобавокъ обложенный высокою пошлиною. Правда, прусское безхлѣбье произошло только отъ безпрерывныхъ дождей нынѣшняго лѣта, сгноившихъ урожай, а нашъ неурожай обострился засухой, которая сожгла всѣ кормы и погубила скотъ, но у насъ все таки на двухъ третяхъ пространства хлѣбъ уродился, и его въ запасѣ еще достаточно не въ однихъ только амбарахъ у кулаковъ и скупщиковъ—какъ объявило объ этомъ правительство, запретивъ въ ноябрѣ вывозъ за границу и пшеницы. Если у насъ спекулянты подняли цѣны на хлѣбъ, то въ Пруссіи

Digitized by Google

онъ обложенъ правительствомъ по 50 марокъ за тонну, то есть, считая на наши деньги, одинъ казенный налогъ равняется, кромѣ стоимости самой ржи и помола, 43-мъ копѣйкамъ на пудъ. У насъ выдано уже 64 милліона рублей на сѣмена и на продовольствіе голодающихъ; помогаетъ много и частная благотворительность, и общество принимаетъ всѣ мѣры, чтобы помочь бѣдѣ; а въ Пруссіи общество не даетъ ни гроша и молчитъ о недостаткѣ хлѣба, правительство же не только не дѣлаетъ никакихъ ссудъ, но и не думаетъ снять, хоть бы до будущей жатвы, свои боевыя пошлины. Картофелю также уродилось въ Германіи въ половину меньше противъ прошлаго года и безъ покупки хлѣба за границей нѣмцы не обойдутся, а мы до этого еще не доходили.

Кромѣ окончательнаго разстройства благосостоянія, Германіи грозятъ евреи и соціалисты. Послѣднія продѣлки жидовскихъ банкировъ, биржевиковъ, журналистовъ и разныхъ подонковъ берлинской сволочи до того возбудили нѣмецкое общество противъ семитовъ, что въ рейхстагѣ внесено прошеніе—укротить этихъ нахальныхъ паразитовъ законодательными и административными мѣрами. Въ сентябрѣ нынѣшняго года французскіи евреи праздновали столѣтіе признанія за ними революціею гражданскихъ правъ. Но они добились равноправности съ большимъ трудомъ и незначительнымъ большинствомъ, за три дня до закрытія учредительнаго собранія, послѣ того какъ въ теченіе двухъ лѣтъ національное собраніе четырнадцать разъ отвергало проэктъ объ ихъ эмансипаціи. Теперь жидовъ во Франціи до 68,000, но они засѣли во всѣхъ правительственныхъ мѣстахъ, отъ которыхъ зависятъ общественные интересы. Издатель газеты «Gaulois», жидъ Мейеръ похвасталъ, что больше четверти префектовъ—жиды, и это возмутило даже редакцію «Figaro», которая задаетъ вопросъ: «гдѣ же наше равенство, если ничтожное иноплеменное меньшинство господствуетъ надъ громаднымъ большинствомъ французскихъ гражданъ»? Но французскіе жиды все же гораздо болѣе полированы, чѣмъ нѣмецкіе, нерѣдко совершающіе и убійства, какъ въ недавнемъ процессѣ берлинскаго бездѣльника Гейнце. Вильгельмъ II такъ возмутился подробностями этого кроваваго и грязнаго процесса, что приказалъ принять самыя строгія мѣры противъ проститутокъ и особенно противъ альфонсовъ, которыхъ онѣ содержатъ.

Сильно взволновала публику также брошюра: «Клятва жида», и, по поводу ея, соціальныя газеты, наряду съ консервативными, требуютъ разслѣдованія дѣла. Въ 1865 году замужняя женщина, еврейка Кронеръ вошла въ связь съ извѣстнымъ банкиромъ-милліонеромъ и евреемъ Блейхредеромъ. Черезъ три года, Кронеръ развелась со своимъ мужемъ и жила открыто съ банкиромъ, но еще черезъ три года Блейхредеръ женился и пожелалъ удалить свою бывшую любовницу изъ Берлина. Она согласилась на это за извѣстную сумму и годовую ренту, которую ей уплачи-

Digitized by Google

валъ адвокатъ изъ жидовъ, Калишъ. Но жадная еврейка этимъ не удовольствовалась и очень часто бомбардировала банкира требованіемъ новыхъ суммъ, угрожая открыть ихъ прежнюю связь женѣ банкира. Тотъ постоянно исполнялъ всѣ наглыя вымогательства Кронеръ, но, наконецъ, надоѣло ли ему это, или потому, что посредникъ между ними, Калишъ, умеръ, только въ 1875 году жидъ, произведенный въ это время въ бароны, объявилъ, что онъ вовсе не знаетъ Доротеи Кронеръ и не имѣетъ къ ней никакихъ обязательствъ. Тогда въ 1880 г. озлобленная жидовка обратилась въ судъ съ гражданскимъ искомъ противъ Блейхредера, заявляя, что данное имъ обязательство было у нея украдено, и представляя множество свидѣтелей, знавшихъ объ этомъ обстоятельствѣ и объ ихъ отношеніяхъ. Брошюра доказываетъ, какъ пристрастно веденъ былъ процессъ, въ которомъ банкиру покровительствовали всѣ: судьи, прокуроръ, слѣдователи и въ особенности полиція. Бывшій оберъ-полицмейстеръ Берлина, Мадай не разъ призывалъ Кронеръ и запугивалъ ее карою властей, въ угоду мильонеру. Наконецъ, банкиру было предложено судомъ: признать искъ Кронеръ или подтвердить присягою, что онъ не давалъ ей никакихъ обязательствъ. И Блейхредеръ не задумался принести торжественную клятву, Manifestation Eid, что никогда не выдавалъ Кронеръ никакого денежнаго документа. Тогда она перенесла дѣло въ уголовный судъ, гдѣ заявила о лжеприсягѣ банкира, представляя свидѣтельство трехъ лицъ, присягнувшихъ, что они знали отъ покойнаго Калиша о существованіи документа. Дѣло пошло по разнымъ инстанціямъ, съ наглымъ извращеніемъ фактовъ въ пользу банкира, и дошло до высшаго судебнаго учрежденія, камеръ-герихта. Испуганные пособники Блейхредера рѣшили съ помощью денегъ избѣжать опасности безпристрастнаго слѣдствія. Кронеръ получила 60,000 марокъ за примиреніе, отреклась отъ своего обвиненія и дѣло замолкло съ 1884 года, но его подняла вновь появившаяся брошюра, опубликовавшая слѣдственные акты и спрашивавшая: что же послѣ этого значитъ присяга и клятва жида? Конечно, алчная жидовка не заслуживаетъ никакого участія, банкиръ поплатился за свою связь десятками лѣтъ непріятностей и волненій, и высшая власть явно была въ этомъ дѣлѣ на его сторонѣ, желая сохранить для государства «полезнаго» финансоваго дѣятеля. Но гдѣ же во всемъ этомъ правда и правосудіе? Бѣдныхъ мошенниковъ вѣшаютъ, а богатыхъ производятъ въ бароны. Еврейское вліяніе развращаетъ судебныя учрежденія. За Блейхредеромъ есть и добрыя дѣла; онъ теперь шестидесятилѣтній, полуслѣпой старикъ, но это не оправдываетъ его клятвопреступленія, его ложной присяги, за которую онъ долженъ быть наказанъ. Дѣло его слѣдовало довести до конца, не смотря на отказъ Кронеръ отъ обвиненія и своего иска.

Незадолго до открытія въ Римѣ конгресса мира, уже разошедшагося безъ всякихъ результатовъ, хотя и съ благими намѣреніями, въ Эрфуртѣ

Digitized by Google

собирался конгрессъ соціалистовъ. Мы говорили уже въ прошломъ мѣсяцѣ объ его открытіи. На немъ, прежде всего, окончательно перессорились партіи старыхъ умѣренныхъ вожаковъ и молодыхъ крайнихъ адептовъ. Старые вожаки, какъ Бебель и Либкнехтъ, давно уже принимаютъ во вниманіе желаніе большинства добиться улучшенія рабочаго быта мирнымъ путемъ; они не одобряютъ насильственныхъ мѣръ, признаютъ патріотизмъ и, участвуя въ рейхстагѣ, надѣются путемъ парламентскихъ преній достигнуть общественныхъ реформъ. Молодая партія хочетъ дѣйствовать только путемъ революціи, забывая, что за господствомъ народа и анархіею наступаетъ реакція и торжествуютъ такія ретроградныя идеи, которыя казались окончательно похороненными. Смѣшно надѣяться, что соціальная революція превратитъ людей въ ангеловъ. Существованіе соціальнаго общества, гдѣ всѣ будутъ жить безо всякой личной цѣли, не желая и не получая никакого личнаго вознагражденія за свой трудъ и довольствуясь лишь сознаніемъ, что трудъ этотъ служитъ на пользу общую—чистая утопія. Комунизмъ первыхъ христіанъ обусловливался ихъ вѣрою, но соціалисты хотятъ «отмѣнить религію прежде всѣхъ другихъ злоупотребленій». Четыре дня молодая и старая партія переругивались между собою, и конгрессъ закончился тѣмъ, что исключили изъ числа соціалистовъ десять членовъ молодой партіи съ книгопродавцемъ Вернеромъ и обойщикомъ Вильдбергомъ во главѣ. Предсѣдателемъ конгресса былъ жидъ Зингеръ. Не смотря на то, что этотъ милліонеръ-фабрикантъ обращается со своими рабочими не лучше, чѣмъ другіе эксплуататоры, живетъ роскошно въ своемъ дворцѣ въ Тиргартенѣ, ѣздитъ по желѣзнымъ дорогамъ въ своемъ вагонѣ, не смотря на все это, онъ считается апостоломъ бѣдняковъ и проповѣдникомъ коммунизма. Надо быть истымъ жидомъ, чтобы умудриться—помирить такія противорѣчія и всю жизнь съ успѣхомъ балансировать между «насими и васими». Въ прочтенномъ отчетѣ о положеніи партіи соціалистовъ много любопытныхъ цифръ. Доходъ ея въ нынѣшнемъ году—223,866 марокъ, расходы 134,943; изъ нихъ 107,000 на вспомоществованіе «товарищамъ» во время стачекъ, до 6,000 на судебныя издержки по разнымъ процессамъ, 32,000 на «распространеніе ученія» (allgemeine Agitation), 8½ тысячъ на выборныя издержки и 17,000 жалованья депутатамъ, не получающимъ никакого содержанія въ рейхстагѣ. Всѣхъ соціалистскихъ журналовъ 70, считая новую иллюстрированную газету «Die neue Zeitung». О конечныхъ цѣляхъ соціализма ораторы благоразумно умалчивали и несомнѣнно, что въ этой партіи много патріотовъ и шовинистовъ, примкнувшихъ къ ней только потому, что они недовольны дѣйствіями правительства. Такъ, Фольмаръ громилъ его за равнодушіе къ бѣдствіямъ народа, и въ то же время осыпалъ клеветами Россію. Между делегатами конгресса были и дамы, какъ Иреръ, популярнѣйшая изъ соціалистокъ, играющая видную роль въ своей партіи, Сто-

Digitized by Google

лакъ изъ Берлина, Нейнбахъ изъ Гамбурга, Цофштоленъ, Фогель и др. Исключенная изъ эрфуртскаго конгресса, партія крайнихъ анархистовъ въ лицѣ Вернера, Ауербаха и др. устроила въ Берлинѣ сходку, гдѣ отвела душу, ругая на чемъ свѣтъ стоитъ «умѣренныхъ, составившихъ заговоръ съ буржуазіей и измѣнившихъ основнымъ принципамъ соціализма». За это Бебель, Либкнехтъ и Зингеръ отняли у отщепенцевъ денежныя пособія комитета: Бруно Вилле лишился мѣста преподавателя въ берлинской школѣ рабочихъ, у Бучинскаго отнято редакторство главнаго органа соціализма, газеты «Vorwärts», и бывшій редакторъ принялся опять шить сапоги; Вильдбергу отказали отъ должности кассира «Вольнаго театра»; Вернера уволили изъ типографіи, въ которой онъ работалъ. Это, конечно, еще болѣе озлобило партію крайнихъ, и теперь она на ножахъ со своими бывшими братьями. Къ чему поведетъ этотъ расколъ — увидимъ въ близкомъ будущемъ.

Въ Англіи свирѣпствуютъ двѣ болѣзни: новая—инфлуэнца и старая—руссофобія. Старая выразилась придирками газетъ, какъ смѣли русскіе выслать съ Памира какого-то англійскаго капитана и прогнать оттуда же китайцевъ, сбирающихся поэтому вернуться весною, съ многочисленною арміею. Газетные толки оказались, какъ всегда, раздутымъ пуфомъ; заговорили о занятіи русскими Памира, хотя эта дикая горная возвышенность, поднимающаяся на 18,000 футовъ надъ уровнемъ моря, принадлежитъ намъ со времени присоединенія къ русскимъ владѣніямъ коканскаго ханства, нынѣшней Ферганской области, южныя границы которой, перейдя Заалайскій хребетъ, подвинулись къ Гиндукушу. Но, пріобрѣтя эту пустынную границу, по которой только въ рѣдкихъ мѣстахъ, на покатостяхъ горныхъ пастбищъ, кочуютъ номады-киргизы, русскія войска не поставили тамъ опорныхъ пунктовъ, а только изрѣдка высылали охотничьи команды для обхода негостепріимнаго, суроваго края. Одинъ изъ этихъ отрядовъ прошелъ нынѣшнимъ лѣтомъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ до 1800 верстъ по невозможнымъ дорогамъ, переваламъ и ущельямъ. Отряду удалось найти новый перевалъ черезъ Гиндукушъ къ истокамъ Инда; но дальнѣйшее движеніе на югъ не входило въ планъ экспедиціи и она вернулась обратно. На пути встрѣтила она англійскаго капитана королевскихъ драгунъ со странной фамиліей—Younghusband, что по русски значитъ: «молодой супругъ». Этотъ капитанъ собирался изъ Кашгара, черезъ Ваханъ, перебраться въ Индію съ полнымъ комфортомъ, везя съ собою роскошную палатку, со всѣми приспособленіями къ удобному путешествію. Капитанъ былъ чрезвычайно любезенъ съ начальникомъ отряда, относившимся къ нему также съ уваженіемъ, но освѣдомившимся, есть ли у «молодаго супруга» пропускной листъ для безпрепятственнаго прохода черезъ наши владѣнія. Такого листа у капитана не оказалось, и ему пришлось вернуться обратно въ Кашгаръ, хотя это

Digitized by Google

нисколько не нарушило дружественныхъ отношеній англичанина къ нашимъ офицерамъ. Дальше, на берегахъ Аличура, отрядъ нашъ встрѣтилъ еще одного англійскаго поручика, Давидсона, и также безъ пропускнаго листа. Тамъ же дозоръ нашъ наткнулся на китайскіе пикеты, собиравшіе подать съ киргизовъ, кочующихъ на нашей землѣ. Къ начальнику нашего отряда, полковнику Іонову, пріѣхалъ мандаринъ, которому было предложено—очистить отъ китайскихъ пикетовъ наши владѣнія. Китаецъ согласился съ законностью этого требованія и выступилъ со своею командою на Сарыканъ. Вотъ и вся эта исторія, которую англичанамъ такъ хотѣлось раздуть въ «памирскій вопросъ».

Развитіемъ инфлуэнцы англичане обязаны самимъ же себѣ. По Европѣ они же развезли ее изъ Азіи на своихъ безчисленныхъ торговыхъ судахъ. Но не смотря на это, нашелся эдинбургскій врачъ и профессоръ, развязно печатающій въ газетахъ, что инфлуэнца зарождается въ Россіи и именно въ русскихъ церквяхъ, «въ атмосферѣ, насыщенной дыханіемъ тысячъ самаго грязнаго и жалкаго народа въ Европѣ» (by the dirtiest and most destressed people in Europe). Англійскій ученый не хочетъ знать, что русскій мужикъ по субботамъ ходитъ въ баню, чего, конечно, не дѣлаетъ даже не самый оборванный обитатель лондонскаго Вестъ-Энда. Но какова руссофобія «просвѣщенныхъ мореплавателей», если они обвиняютъ Россію даже въ инфлуэнцѣ! Недавно извѣстная наша писательница О. Новикова, живущая въ Лондонѣ, получила отъ неизвѣстнаго жертвователя пять фунтовъ стерлинговъ въ пользу нашихъ голодающихъ и, въ то же время, «Times» заявилъ о пожертвованіи 56.000 фунт. ст. въ пользу еврейскихъ земледѣльцевъ, страдающихъ отъ голода въ Россіи. Г-жа Новикова, принося благодарность за 5 фунтовъ, замѣтила въ печати, что христіанская Англія не выразила никакого матерьяльнаго сочувствія къ нашимъ голодающимъ, а жертвуетъ большую сумму несуществующимъ лицамъ, такъ какъ въ губерніяхъ, гдѣ свирѣпствуетъ голодъ, нѣтъ еврейскихъ земледѣльцевъ, а тамъ, гдѣ находятся немногія еврейскія колоніи, нѣтъ голода. Такое обличеніе фарисейской лжи не понравилось «Times'у» и газета съ бранью обрушилась на г-жу Новикову, но даже руссофобскій «Standard», въ передовой статьѣ, взываетъ къ своимъ соотечественникамъ—помочь голодающимъ крестьянамъ юго-восточной Россіи. «Голодъ—одинъ изъ тѣхъ бичей природы, который весь міръ дѣлаетъ родственнымъ», говоритъ «Standard», а «Pall-Mall» объявляетъ: «Когда дѣло касается Россіи, британскіе предразсудки не знаютъ никакихъ границъ; обязательства сильнѣйшаго въ свѣтѣ правительства считаются ни во что. Для этого невѣжества во всемъ, что̀ касается Россіи—нѣтъ больше извиненій. Пусть новый лордъ-мэръ приметъ болѣе достойную насъ политику. Чтобы дать этому толчокъ—я послалъ г-жѣ Новиковой свою лепту, вмѣстѣ съ сердечными симпатіями». Колибы у

Digitized by Google

жидовствующей «Times» было хоть сколько-нибудь стыда, газета послѣдовала бы примѣру своихъ собратій, но этотъ органъ разъѣвшихся фарисеевъ даже о смерти Парнеля отозвался въ холодныхъ выраженіяхъ, потому что онъ стоялъ за голодающихъ ирландцевъ. Смерть эта хотя и была неожиданностью,—такъ какъ агитаторъ умеръ сорока четырехъ лѣтъ,—но она не произвела разстройства въ партіи гомрулеровъ. Парнель умеръ политически годъ тому назадъ, когда, вслѣдствіе скандальнаго процесса съ капитаномъ О'Ши и интриги съ его женою, онъ потерялъ довѣріе ирландскаго народа и духовенства, и поддержку Гладстона. Потомъ, стараясь возвратить свое прежнее вліяніе въ Ирландіи, онъ держалъ себя такъ странно на выборахъ и митингахъ что заставлялъ сомнѣваться въ своемъ здравомысліи, и хотя вернулъ къ себѣ нѣсколькихъ приверженцевъ, женившись на разведенной капитаншѣ, но потерялъ весь престижъ въ странѣ и въ парламентѣ, и партія его выбрала себѣ другого вождя. Несомнѣнно даровитый ораторъ и политическій дѣятель, онъ, какъ человѣкъ, мало въ комъ возбуждалъ участія и смерть его не произвела никакихъ перемѣнъ въ положеніи ирландскаго вопроса. Онъ подвинется впередъ только въ будущемъ парламентѣ, когда либеральная партія снова возьметъ власть въ свои руки, а этого уже недолго дожидаться.

Франція все это время занята больше всего русскими дѣлами: русскимъ займомъ, пріѣздомъ великихъ князей, праздниками въ Шербургѣ, Брестѣ и Алжирѣ, по случаю прибытія нашихъ судовъ, наконецъ пребываніемъ въ Парижѣ нашего министра иностранныхъ дѣлъ. Послѣднее обстоятельство возбуждаетъ особенно сильные толки въ обществѣ и журналистикѣ. Одни хотятъ видѣть въ пріѣздѣ г. Гирса доказательство заключенія союза съ Франціей, другіе даже въ его фамиліи видятъ признакъ его расположенія къ Германіи. Болѣе благоразумные видятъ въ визитѣ простую дипломатическую вѣжливость. Министръ провелъ лѣто въ Италіи, лѣчился въ Виебаденѣ, бесѣдовалъ съ итальянскимъ премьеромъ, представлялся королю Гумберту,—не могъ же онъ не заѣхать въ Парижъ, гдѣ къ тому же у него сынъ при посольствѣ, какъ не могъ, на обратномъ пути черезъ Берлинъ, неповидаться съ германскимъ канцлеромъ и не представиться императору Вильгельму. Понятно, что бесѣды съ министрами не могли быть лишены политическаго значенія, но отъ обмѣна мыслей о положеніи дѣлъ до заключенія трактатовъ—большое разстояніе и для этого министры не имѣютъ обыкновенія пріѣзжать въ чужое государство. Да и какую прочность могутъ имѣть договоры съ правительствомъ, зависящимъ отъ каприза палаты, гдѣ депутаты и радикалы, стакнувшись между собою, могутъ во всякое время опрокинуть министерство, хотя и пользующееся довѣріемъ страны. Теперь у него большинство въ парла-

Digitized by Google

ментѣ, но кто поручится, что оно будетъ и завтра? Еще недавно была попытка, по второстепеннымъ вопросамъ, избавиться отъ нѣкоторыхъ членовъ кабинета, который, однако, понявъ тактику палаты, объявилъ, что считаетъ себя солидарнымъ со своими товарищами по управленію и, въ случаѣ обвиненія одного министра, подастъ въ отставку въ полномъ составѣ. Это рѣшеніе удержало «опрокидывателей» министерствъ отъ дальнѣйшихъ попытокъ, но надолго ли? И теперь уже стачка углекоповъ, возникшая въ сѣверной Франціи въ огромныхъ размѣрахъ и выборы въ Лиллѣ анархиста Лафарга, сидящаго въ тюрьмѣ, въ члены палаты грозитъ большими затрудненіями кабинету. А между тѣмъ, экономическое положеніе Франціи никогда не было такимъ блестящимъ, какъ теперь. Жаловались въ палатѣ на тягость налоговъ, доходящихъ до 90 франковъ съ человѣка, но умышленно упустили изъ виду отношеніе этого налога къ общему богатству страны. Принявъ это во вниманіе, во Франціи налогъ составляетъ лишь 13 процентовъ общихъ капиталовъ, тогда какъ въ Италіи онъ достигаетъ 25-ти процентовъ, въ Испаніи 15-ти; только въ Германіи и Англіи онъ меньше (12 и 10 проц.), но и эта разница значительно вознаграждается во Франціи всевозможными выгодами, доставляемыми государствомъ плательщикамъ податей. Народное богатство, промышленность, торговля постоянно увеличиваются. Въ прошломъ году правительство потребовало кредита въ 800 милліоновъ франковъ,—предложено было 14 милліардовъ; въ нынѣшнемъ году, на русскій заемъ въ 500 милліоновъ подписались почти на 4 милліарда. И въ то же время, какая блестящая армія защищаетъ эту цвѣтущую Францію!

Несчастная Болгарія еще разъ напомнила о себѣ Европѣ, совершенно равнодушно относящейся къ правительству страны, составленному изъ палачей и разбойниковъ. Матери, жены и сестры лицъ, обвиняемыхъ въ сообщничествѣ по дѣлу объ убійствѣ болгарскаго министра Бельчева, подали представителямъ державъ въ Софіи записку о вопіющемъ нарушеніи законности и конституціи болгарскими властями при арестованіи лицъ, подозрѣваемыхъ въ томъ, что имъ извѣстны убійцы. Правительство пользуется этимъ дѣломъ, чтобы съ ожесточеніемъ преслѣдовать противниковъ нынѣшняго порядка вещей въ странѣ. Княжество сдѣлалось театромъ невозможныхъ звѣрствъ. Для примѣра, записка приводитъ одинъ изъ подвиговъ Стамбулова. Восемнадцатилѣтній юноша Тюфектіевъ былъ неоднократно подвергнутъ пыткѣ. Послѣднюю пытку онъ не выдержалъ и умеръ, когда ему сожгли руки и ноги, смазанныя керосиномъ. Семь съ половиною мѣсяцевъ тянется слѣдствіе въ комиссіи, гдѣ нѣтъ ни одного лица судебнаго вѣдомства. Матери и жены обращаются къ человѣколюбію иностранныхъ агентовъ и просятъ хотя бы о позволеніи видѣться съ заключенными. Наши «Славянскія Извѣстія» давно

Digitized by Google

уже печатали письма несчастныхъ жертвъ стамбуловскаго режима и еще недавно одинъ изъ подвергавшихся пыткѣ описывалъ подробно, какъ ему сжали ноги въ широкое желѣзное кольцо, подвѣсили подъ мышки, а къ рукамъ привязали бревно фунтовъ въ 20 и жандармъ, приставленный къ мученику, билъ его кнутомъ по лицу и по головѣ всякій разъ, когда онъ опускалъ руки подъ тяжестью бревна. Каравелова сѣкутъ по нѣскольку разъ въ мѣсяцъ, какъ только онъ отдохнетъ немного и отлежится. Все это давно извѣстно въ Европѣ, но никто и не подумаетъ положить конецъ этой болгарской инквизиціи, отъ которой бѣжалъ и самъ «министръ юстиціи (?)» Тончевъ, бросивъ свой портфель и свое отечество. Французская газета «Temps» обращается къ принцу Фердинанду и говоритъ, что его честь требуетъ пролить яркій свѣтъ на подвиги Стамбулова. Да какая же честь у этого Кобурга? И напрасно газета напоминаетъ о брошюрѣ Гладстона: «Болгарскія звѣрства» (Bulgarian atrocities) взволновавшую Англію. Тогда ей было выгодно заступиться за болгаръ, а теперь, когда эти же болгары, достигнувъ власти, систематически и официально совершаютъ звѣрства, на которыя врядъ ли бы рѣшились даже варвары среднихъ вѣковъ, гуманные англичане и не подумаютъ подать свой голосъ въ защиту терзаемыхъ мучениковъ...

НОВЫЯ КНИГИ.

К. Ф. Хартулари. **Итоги прошлаго. 1866 — 1891. Очерки уголовныхъ процессовъ и судебныя рѣчи. Спб. 1891.**

Авторъ этой книги, которая интереснѣе всякаго романа, потому что выхвачена прямо изъ жизни,—одинъ изъ талантливыхъ и симпатичныхъ представителей сословія присяжныхъ повѣренныхъ,—посвятилъ свой трудъ двадцатипятилѣтію судебныхъ учрежденій. Въ предисловіи къ книгѣ, заключающей въ себѣ до 600 страницъ, авторъ передаетъ факты, предшествовавшіе введенію судебныхъ учрежденій и сопровождавшіе первоначальную ихъ дѣятельность, не касаясь послѣдующихъ событій въ судьбѣ этихъ учрежденій и замѣчая, что событія эти настолько серьезны и сложны, что обсужденіе ихъ требуетъ отдѣльнаго и самостоятельнаго труда, къ которому авторъ и «надѣется приступить со временемъ». Будемъ надѣяться на скорое осуществленіе этого благаго намѣренія. Исторія четверть вѣковаго развитія судебныхъ установленій особенно интересна для рѣшенія вопроса о причинѣ ихъ современнаго положенія, которое нельзя признать вполнѣ удовлетворительнымъ. Многое измѣнилось съ тѣхъ поръ и

Digitized by Google

въ формѣ, и въ практикѣ гласнаго суда, и далеко не все измѣнилось къ лучшему. Г. Хартулари, какъ лицо, принадлежащее къ первоначальному составу присяжныхъ повѣренныхъ, лучше другихъ можетъ разсказать послѣдствія, а, можетъ быть, и причины этихъ измѣненій. Изъ 27-ми первыхъ повѣренныхъ, между которыми не было ни одного жида, теперь осталось только семеро. Девять человѣкъ умерли, остальные оставили это званіе. А кто замѣнилъ ихъ?.. Названіе, данное авторомъ книгѣ, не совсѣмъ точно: это не «итоги прошлаго», а выборъ болѣе интересныхъ и выдающихся уголовныхъ процессовъ, затрогивающихъ многія стороны нашей нравственности и общественной жизни, и въ которыхъ г. Хартулари былъ защитникомъ подсудимыхъ. И во всѣхъ своихъ 26-ти рѣчахъ онъ является строго-логичнымъ юристомъ, не гоняющимся за хлесткими, блестящими фразами, не прибѣгающимъ къ пріемамъ балаганнаго ораторства, не разводящимъ крупицы истины въ океанѣ многословія. Многія изъ его рѣчей можно прочесть въ 10—15 минутъ. Никогда не бралъ онъ защищать по найму не только отъявленныхъ мошенниковъ, но и сомнительныхъ личностей. Прежде всего онъ убѣждался въ невиновности подсудимаго и потому рѣчи его убѣдительно дѣйствовали на присяжныхъ засѣдателей, на судей, на публику; дѣйствуютъ и теперь на читателя своею спокойною разсудительностью, неотразимою логикою. До г. Хартулари, сборникъ своихъ защитительныхъ рѣчей издали его товарищи: гг. Спасовичъ и Андреевскій. О книгѣ г. Спасовича мы уже говорили: онъ является въ ней блестящимъ казуистомъ, нерѣдко софистомъ, заставляющимъ удивляться его дарованію, но не его убѣжденіямъ. О г. Андреевскомъ нечего было говорить: онъ и на судебной трибунѣ такой же поэтъ, какимъ былъ до появленія на адвокатскомъ поприщѣ. Если въ кабацкомъ прощалыгѣ, пьяномъ писарѣ, убивающемъ свою невѣсту, онъ видитъ русскаго Ромео, это доказываетъ не трезвый взглядъ на жизнь, а необузданность поэтической фантазіи. Ничего подобнаго такому увлеченію нѣтъ во всей 25-тилѣтней дѣятельности г. Хартулари. Это типъ дѣльнаго, даровитаго адвоката, сознающаго важность своей обязанности.

И какіе любопытные типы и событія возобновляетъ эта книга въ памяти общества, такъ скоро забывающаго все, что волновало его лѣтъ двадцать тому назадъ! Первымъ выдающимся процессомъ 1867 года было дѣло чиновника Протопопова, ударившаго въ лицо своего директора за то, что онъ отдалъ другому мѣсто, на которое чиновникъ, служившій усердно 23 года, предъявлялъ свои права. Это печальное дѣло рисуетъ яркую картину нашего чиновничьяго міра, въ которомъ нерѣдко судьба человѣка зависитъ отъ каприза и произвола начальника, и существуютъ даже какіе-то «пункты», по которымъ каждый подчиненный можетъ быть уволенъ потому, что физіономія его кажется неблагонадежною. Мудрено ли, что этотъ удобо-растяжимый терминъ «неблагонадежности» довелъ до

Digitized by Google

умоизступленія бѣднаго чиновника, рѣшившагося на грубое насиліе. Г-ну Хартулари пришлось дважды защищать Протопопова по этому дѣлу, потому что, оправданный присяжными засѣдателями въ окружномъ судѣ, чиновникъ судился еще по протесту прокурора въ кассаціонномъ департаментѣ сената. Но и высшая судебная власть въ Россіи оставила безъ послѣдствій прокурорскій протестъ. Первое засѣданіе уголовнаго кассаціоннаго департамента сената открылось, впрочемъ, еще въ 1866 году процессомъ другаго чиновника покрупнѣе, тайнаго совѣтника Гаевскаго, судимаго за растрату денегъ во ввѣренномъ ему духовно-учебномъ управленіи при синодѣ. Вмѣстѣ съ Гаевскимъ судился казначей Яковлевъ и прикосновенный къ дѣлу купецъ Боровъ, виновный только въ томъ, что бралъ взаймы деньги у Яковлева. Гаевскій возражалъ «спокойно и съ достоинствомъ», не признавая себя виновнымъ въ растратѣ казенныхъ суммъ и поддѣлкѣ документовъ для этой цѣли. Но въ концѣ слѣдствія, послѣ цѣлаго ряда неблагопріятныхъ для него свидѣтельствъ, потерялъ самоувѣренность и, не смотря на блестящую защиту г. Спасовича, былъ признанъ виновнымъ безъ всякаго снисхожденія присяжными засѣдателями, которые тогда еще участвовали въ процессахъ, обсуждавшихся сенатомъ. Г. Хартулари защищалъ въ этомъ дѣлѣ купца Борова, конечно, оправданнаго присяжными. Другаго купца, Волкова, почтенный адвокатъ защищалъ отъ самодурства извѣстнаго комерціи совѣтника Степана Овсянникова, въ 1868 году властно управлявшаго хлѣбною торговлею въ Петербургѣ и еще не сбиравшагося поправить свои дѣла поджогомъ мельницы на Обводномъ каналѣ. Волковъ, владѣтель буксирнаго парохода, велъ суда этого Мамая изъ Шлиссельбурга въ столицу, но буря разбила ихъ и Овсянниковъ вздумалъ взыскивать многотысячные убытки съ Волкова, хотя, въ то же время, бо́льшую часть спасеннаго, хотя и подмоченнаго, хлѣба сбылъ военному министерству, ссылаясь на несчастье, происшедшее «отъ воли божіей». На судѣ, комерціи совѣтникъ не хотѣлъ, однако, признать эту волю и обвинялъ Волкова въ погибели унжаковъ съ хлѣбомъ. Дѣло это, рѣшенное въ пользу Овсянникова старымъ судомъ, было пересмотрѣно въ петербургской палатѣ и въ искѣ убытковъ Овсянникову отказано. Защищалъ г. Хартулари и унтеръ-офицера, сознавшагося въ кражѣ со взломомъ, и прапорщика Разнатовскаго, стрѣлявшаго въ свою жену изъ револьвера. Повидимому, такія лица не заслуживали участія, но оказалось, что унтеръ-офицеръ совершилъ преступленіе въ припадкѣ сильнаго запоя и, взломавъ сундукъ своей жилицы, болѣе семи лѣтъ квартировавшей у него, на другой же день бросился ей въ ноги и покаялся, хотя она и не думала подозрѣвать его. Разнатовскаго же до покушенія на убійство довела жена-мегера, обманывавшая мужа и такъ обращавшаяся со своими дѣтьми, что бѣднякъ носилъ на груди клокъ волосъ своей дочери, вырванный чадо-

Digitized by Google

любивою матерью у дѣвочки за то, что она дурно вязала чулки. Пьяница былъ оправданъ присяжными, а прапорщикъ присужденъ къ четырехнедѣльному аресту. Защищалъ г. Хартулари и одного изъ участниковъ въ убійствѣ фонъ-Зона, и въ поддѣлкѣ духовнаго завѣщанія С. Лавровымъ и А. Зарудныхъ, и француженку Жюжанъ, обвиненную въ отравленіи 16-тилѣтняго Познанскаго, и флигель-адъютанта Н. М. Баранова, обвинявшаго въ пристрастіи управляющаго морскимъ министерствомъ, и писателя Лѣскова, незаконно притянутаго къ суду эстляндскимъ оберландгерихтомъ. Былъ онъ также защитникомъ трехъ государственныхъ преступниковъ: Владиміра Орлова (Нечаевское дѣло 1871 года), Степана Кардашева (1877) и Тимофея Михайлова (въ мартѣ 1881 г.). Каждой рѣчи предпослано изложеніе хода дѣла и дается физіономія процесса, кромѣ дѣлъ о государственныхъ преступникахъ, гдѣ приводятся только однѣ рѣчи безъ поясненій. Вообще книга г. Хартулари, хотя и относится къ прошлому, но представляетъ гораздо болѣе интереса, чѣмъ всякое современное произведеніе. Написана она вполнѣ логично и литературно, и только изрѣдка встрѣчаются «презумпція», «импозантность» и другіе заморскіе термины, безъ которыхъ можно было бы обойтись.

Г. П. Сазоновъ. **Вопросы хлѣбной промышленности и торговли**, разработанные земскими учрежденіями (1865—1890). Спб. 1891.

Въ настоящій тяжелый годъ, переживаемый Россіей, хлѣбный вопросъ стоитъ, конечно, на первомъ планѣ, и всякое, относящееся къ нему, изслѣдованіе возбуждаетъ общій интересъ. Тѣмъ болѣе трудъ такого знатока нашего сельскаго быта, какъ г. Сазоновъ, не можетъ быть оставленъ безъ вниманія. Неутомимый изслѣдователь крестьянской земельной собственности, горячій боецъ за неотчуждаемость крестьянскихъ земель, молодой ученый, ближе другихъ изучившій на мѣстѣ запутанныя условія деревенскаго хозяйства, болѣе другихъ способенъ сказать вѣское слово, дать полезный совѣтъ въ трудную пору, переживаемую чуть не половиной нашей земли, которая теперь болѣе велика, чѣмъ при Рюрикѣ, но уже далеко не такъ обильна, благодаря мало измѣнившимся съ тѣхъ поръ сельскохозяйственнымъ и другимъ порядкамъ. Къ сожалѣнію, новая книга г. Сазонова не даетъ отвѣтовъ на вопросы, волнующіе современное общество. Она начата полтора года тому назадъ, когда мы еще и не думали о голодовкѣ, отъ которой придется поправляться въ теченіе многихъ лѣтъ. Происхожденіе книги официальное: департаментъ окладныхъ сборовъ поручилъ автору составить очеркъ дѣятельности земскихъ учрежденій по разработкѣ вопросовъ о хлѣбной промышленности, привлекающихъ «въ настоящее время особое вниманіе министерства финансовъ», прибавляетъ г. Сазоновъ. Еще бы не привлекать, когда «житница Европы» на половину опустошена вывозомъ за границу даже подсолнечныхъ выжимокъ, за что жидовствующая Европа опять вгоняетъ въ полтину нашъ

Digitized by Google

горемычный кредитный рубль. Съ дѣятельностью нашихъ земскихъ учрежденій г. Сазоновъ былъ давно знакомъ и на практикѣ, и какъ дѣятельный сотрудникъ по изданію и составленію «Земскаго ежегодника», издаваемаго вольно-экономическимъ обществомъ. Къ сожалѣнію, и это полезное изданіе, выпуску котораго въ свѣтъ много содѣйствовалъ г. Сазоновъ въ теченіе трехъ лѣтъ, остановилось въ 1886 году, и составителю пришлось просматривать десятки тысячъ томовъ для извлеченія изъ нихъ всего, что относится къ хлѣбной промышленности. У насъ—394 земства, и многія изъ нихъ издаютъ ежегодно по два, даже по три тома протоколовъ своихъ собраній; иные изъ этихъ протоколовъ выходятъ литографированными, даже писанными и безъ оглавленій. Но и съ этимъ громаднымъ матеріаломъ, накопившимся въ теченіе 25-лѣтняго существованія земства, можно было бы еще справиться, еслибы въ петербургскихъ библіотекахъ были полные экземпляры изданій земства; ихъ однако нѣтъ, не только уѣздныхъ, но даже губернскихъ, ни въ публичной библіотекѣ, ни въ частныхъ, ни въ офиціальныхъ книгохранилищахъ департаментовъ: хозяйственнаго, окладныхъ сборовъ, земледѣлія и сельской промышленности, Г. Сазоновъ говоритъ, однако, что этотъ недостатокъ не могъ существенно отразиться на его книгѣ, такъ какъ болѣе важные вопросы изъ уѣздныхъ собраній всегда переносятся въ губернскія. А вопросы эти, касающіеся хлѣбнаго дѣла, изложены составителемъ не въ видѣ сухаго перечня постановленій, а въ формѣ точной передачи хода всего дѣла съ мотивами, преніями и главными данными, приводившими собраніе къ опредѣленному постановленію. Этотъ логичный способъ изложенія сохраненъ вездѣ, гдѣ въ матерьялахъ управы не встрѣчалось отсутствіе разработки вопросовъ. Составитель сгруппировалъ всѣ вопросы хлѣбной промышленности въ двѣнадцати главахъ, самые заголовки которыхъ опредѣляютъ уже ихъ значеніе. Начинаетъ онъ съ элеваторовъ и переходитъ къ обложенію и надзору земства за торговлею и промыслами, хотя въ постановленіяхъ управъ разсматриваются далеко не всѣ виды обложенія. Затѣмъ излагаются: вопросъ о продажѣ хлѣба на мѣру или на вѣсъ, попытки организаціи сбыта продуктовъ, значеніе и роль посредниковъ, поставка провіанта въ армію, сельско-хозяйственное винокуреніе, телеграфныя свѣдѣнія о цѣнахъ—предметы разнообразные и обширные, еще болѣе расширяемые составителемъ; такъ напр., при поставкѣ провіанта говорится и о подрядѣ изготовленія обуви въ войска. Послѣднія главы посвящены тарифамъ, желѣзнодорожному и таможенному, и представленіямъ правительству по вопросамъ желѣзнодорожнаго хозяйства. Здѣсь, въ видахъ полноты, кромѣ хлѣбной промышленности, разсматриваются тарифы и на другіе сельско-хозяйственные продукты: скотъ, сѣно, лѣсъ, соль, плоды и пр. Такое расширеніе предметовъ изслѣдованія, конечно, нисколько не лишнее, но нельзя не упрекнуть автора

Digitized by Google

за то, что онъ совершенно устранилъ изъ своего изложенія всякую критику. Мнѣнія такого компетентнаго лица по многимъ сельско-хозяйственнымъ вопросамъ были бы весьма важны, а между тѣмъ г. Сазоновъ не выражаетъ нигдѣ своихъ сужденій и вполнѣ объективно относится къ спорнымъ вопросамъ, нигдѣ не высказывая своихъ убѣжденій, не обнаруживая своихъ симпатій, «какъ дьякъ, въ совѣтахъ посѣдѣлый, спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ». Этотъ существенный недостатокъ книги г. Сазонова дѣлаетъ ее канцелярскимъ, мертвенно-официальнымъ произведеніемъ, пригоднымъ только для справокъ, тогда какъ, не говоря уже объ интересѣ содержанія, самый распорядокъ предмета въ книгѣ доказываетъ, что составитель ея не ограничивался передачею однихъ постановленій собраній, а слѣдилъ за преніями и отмѣчалъ въ нихъ всякую дѣльную мысль. Зачѣмъ же г. Сазоновъ обезцвѣтилъ самъ свой трудъ и неужели у насъ департаментское сочиненіе должно непремѣнно представлять эѳіопскую сушь? Вѣдь имѣетъ же департаментъ свой взглядъ на тотъ или другой вопросъ и могъ бы поручить составителю книги изложить этотъ взглядъ, если не хотѣлъ видѣть въ казенномъ изданіи мнѣній частнаго лица. Все это какъ-то не по европейски. Мы бы хотѣли также видѣть въ трудѣ г. Сазонова если не общіе выводы по болѣе важнымъ предметамъ, то, по крайней мѣрѣ, указанія на то, къ чему склоняется большинство управъ по тому или другому вопросу. Къ концу своей объемистой книги въ 540 страницъ составитель приложилъ алфавитный указатель фамилій, но для насъ важно не то, что говорилъ Карповъ или Сидоровъ, а о чемъ они говорили—и потому гораздо нужнѣе былъ бы указатель не лицъ, а предметовъ. Все это не уменьшаетъ однако значенія работъ г. Сазонова, столько потрудившагося уже на общую пользу.

Вас. Ив. Немировичъ-Данченко. **Кама и Уралъ**—очерки и впечатлѣнія. Спб. 1891.

Нашъ блестящій разсказчикъ и романистъ, давно уже знакомый русскимъ читателямъ, принадлежитъ въ то же время къ числу такихъ изслѣдователей Россіи, котораго будутъ изучать этнографы, желающіе ознакомиться, въ особенности, съ мѣстностями нашего отечества, отдаленными отъ столицъ и центровъ цивилизаціи. Изучивъ всѣ уголки нашей земли, талантливый авторъ рисуетъ такія картины современнаго быта русскаго народа, надъ которыми остановятся историки и мыслители. И въ вышедшей нынѣ огромной книгѣ въ 750 страницъ, составленной изъ очерковъ, печатавшихся въ петербургскихъ и московскихъ журналахъ, встрѣчаются, по словамъ автора, «все тѣ же впечатлѣнія, тѣ же печальныя картины народной мощи, скованной невозможными экономическими условіями, исторически развившимися». Правда, онъ описываетъ Уралъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ, но, и послѣ того, «тамъ измѣнилось немногое: пре-

Digitized by Google

вели желѣзную дорогу, но она не улучшила быта рабочихъ и положенія заводовъ». А этотъ бытъ до того непривлекателенъ, что съ трудомъ вѣрится возможности существованія описываемой авторомъ жизни этого подземнаго царства рудниковъ и копей. Почти каждая изъ 66-ти главъ книги представляетъ такія стороны народной жизни, которымъ пора бы отойти въ область преданій. Мы не говоримъ о такихъ типахъ, какъ купецъ первой гильдіи и пермскій чиновникъ, изображающіе подъ пьяную руку медвѣдя и первобытнаго человѣка; это скорѣе анекдоты и, во всякомъ случаѣ, исключенія. Мы причисляемъ къ исключеніямъ даже министра, пріѣзжавшаго въ 1876 году на Уралъ, знакомиться съ мѣстными нуждами, хотя описаніе бесѣды этого министра—верхъ юмора и жизненности. «Пишутъ: собраться туда-то всѣмъ. Собрались, ждемъ. Является самъ его высокопревосходительство. Ничего, не кусается, пожалъ двумъ-тремъ руки, кивнулъ головою и сейчасъ въ позу. Еще съ дороги не отдохнулъ, а ужь два пальца за̀ бортъ, ногу впередъ, грудь колесомъ и—«милостивые государи! я васъ созвалъ для того, чтобы выслушать, узнать, какія мѣры необходимы для процвѣтанія края. Прошу говорить со мной откровенно, какъ будто съ равнымъ». Только мы собрались ротъ раскрыть: нуждъ-то у насъ не обобраться, а у него ужь новая ораторская поза... «Но прежде, милостивые государи, чѣмъ вы сообщите мнѣ ваши законныя желанія, прошу у васъ позволенія сообщить вамъ мои собственные взгляды. Когда я былъ въ Саксоніи и Силезіи»... и пошелъ, и пошелъ. Часъ говорилъ, два говорилъ, до поту насъ прошибъ, наконецъ кончилъ. «Ну, теперь, господа, надѣюсь, мы поняли другъ друга—до свиданія»! и ушелъ къ себѣ. Мы поняли, что насъ онъ выслушаетъ завтра. Послали узнать—давно уже уѣхалъ дальше, говорятъ». Эта сцена также похожа на анекдотъ; но гдѣ жизненная правда бьетъ въ глаза во всей ея неприглядности—это, напримѣръ, въ главахъ, гдѣ говорится о томъ, какъ казенные заводы отдавались въ приданое дочери важнаго лица въ Петербургѣ, выходившей замужъ за артиллерійскаго полковника, да еще сестрорѣцкому и тульскому заводамъ вмѣнили въ обязанность брать ружейные стволы не въ Златоустѣ, гдѣ они дѣлаются лучше, а именно на заводѣ, поступившемъ въ приданое,—знакомая черта той эпохи, когда высокопоставленныя лица говорили: «дать такому-то полкъ; пусть поправитъ свое состояніе». Затѣмъ чрезвычайно типичны описанія: шуваловскихъ солеварень, артемьевскаго рудника угольныхъ копей, рабочаго ада—троицкаго рудника; подробности о томъ, какъ Никита Демидовъ топилъ людей въ подземельѣ; подвиговъ Строгоновыхъ, Лазаревыхъ, Всеволожскихъ; березовскаго пріиска и его золотоискателей, и пр. Но если перечислять болѣе интересныя мѣста книги, пришлось бы перебрать почти всѣ главы. Отъ наблюдательности автора не ускользаетъ ни одинъ выдающійся фактъ. Общихъ выводовъ онъ не представляетъ; стройной си-

Digitized by Google

стемы въ картинахъ нѣтъ; все довольно отрывочно и эпизодично, но все до того рельефно, написано такъ живо, что, кажется, самъ присутствуешь на всѣхъ этихъ сценахъ, изъ которыхъ иныя поражаютъ своимъ безобразіемъ. Кажется, вмѣстѣ съ авторомъ бесѣдуешь съ этимъ простымъ людомъ, сохраняющимъ и въ забитомъ состояніи свое долготерпѣніе, добродушіе, свой незлобивый юморъ и надежду на лучшія времена. Встрѣчаются и типы озвѣрѣлыхъ людей, доведенныхъ до крайности преслѣдованіями и вопіющими несправедливостями; но нигдѣ эти несчастные, обездоленные людьми и судьбою, не прибѣгаютъ къ массовымъ насиліямъ,— излюбленному способу защиты западнаго пролетарія. Только въ послѣдней главѣ авторъ разсказываетъ о бунтѣ рабочихъ на бессемеровскомъ заводѣ, возникшемъ изъ-за рабочихъ книжекъ. И тутъ безпорядки произошли отъ того, что никто не хотѣлъ растолковать крестьянамъ, въ чемъ дѣло. Придутъ къ мировому, у того надпись: «совѣтовъ не даю». Священникъ только тяжко вздыхаетъ да увѣщеваетъ народъ, что «нѣсть начальства аще не отъ Бога», или: «Господь наказуетъ строптивыхъ». Въ рабочихъ книжкахъ крестьяне были названы «заводскими мастеровыми» и потому думали, что ихъ поворотятъ въ крѣпостные. Вотъ заключительныя слова автора объ изслѣдованномъ имъ краѣ: «Золотымъ дномъ кажется этотъ край съ его неисчерпаемыми богатствами, гдѣ все таки ухитрились довести населеніе чуть не до голодовокъ. Хищнически разрабатываются здѣсь сокровища, и милліоны, добытые изъ нѣдръ земныхъ, праздно разбрасываются на вѣтеръ... И жаль становится этихъ заброшенныхъ крестьянъ, больно за захолустья, гдѣ въ вѣчной нуждѣ своей бьется до кроваваго пота рабочій, не зная сегодня, будетъ ли онъ сытъ завтра!»

Александръ Кругловъ. **Среди насъ.** Повѣсти и разсказы. Спб., 1891.

А. В. Кругловъ—несомнѣнно беллетристъ даровитый и симпатичный; разсказы его помѣщаются почти во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ и читаются съ интересомъ, а потомъ выходятъ отдѣльными сборниками. Хотя онъ пишетъ не очень давно, но такихъ сборниковъ вышло уже девять, да три печатаются. Кромѣ того, онъ издалъ двадцать книгъ для дѣтей, такъ что можетъ быть причисленъ и къ педагогамъ, и къ беллетристамъ. Но и въ своихъ разсказахъ онъ выказалъ много таланта, наблюдательности, знанія людей и вѣрную оцѣнку ихъ дѣйствій. Прежде всего—онъ не пессимистъ, и это одно уже придаетъ его очеркамъ жизнь и разнообразіе. Начавъ со своихъ «Живыхъ душъ», выдержавшихъ уже два изданія, онъ пишетъ большею частью въ томъ же успокоительномъ и жизнерадостномъ настроеніи, хотя и изображаетъ нерѣдко картины человѣческихъ бѣдствій. Къ падшимъ людямъ онъ относится даже слишкомъ снисходительно, какъ въ разсказѣ: «Страшный дядя», которымъ начинается новый, вышедшій нынѣ, сборникъ: «Среди

Digitized by Google

насъ». Это—исторія неисправимаго пьяницы, погубившаго свою карьеру, всю свою жизнь изъ страсти къ водкѣ, доводящей его до состоянія животнаго. Можетъ ли литература интересоваться такими несчастными созданіями, возмущающими не только эстетическое, но и всякое человѣческое чувство? Эти извращенныя, несомнѣнно болѣзненныя натуры съ постоянно отуманенными понятіями, съ безсильною волею, убитою алкоголизмомъ, подлежатъ изслѣдованію медиковъ и психіатровъ, а не писателей. А между тѣмъ г. Кругловъ чрезвычайно симпатично относится къ одному изъ такихъ маніяковъ и разсказываетъ въ повѣсти «Страшный дядя» о его добромъ, великодушномъ поступкѣ. Человѣкъ, который не можетъ выдержать двухъ дней, чтобы не напиться до одурѣнія, до того, что пропиваетъ все свое платье, какое ему только что сдѣлала мать, является въ отрепьяхъ къ этой матери, которой онъ всѣмъ обязанъ, и почти насильно вырываетъ у нея четыре тысячи рублей, доставшіяся ему по наслѣдству. Деньги эти онъ, конечно, тотчасъ же хочетъ нести въ кабакъ, но при сценѣ съ матерью была и сестра его, вдова съ маленькой дочкой, и дѣвочка, испуганная оборванцемъ, назвала его «страшнымъ дядей». Племянница съ матерью живутъ въ страшной бѣдности, и пьяницѣ, взявшемуся уже за ручку кабацкой двери, приходитъ мысль отдать эти тысячи своей сестрѣ, оставляя, конечно, и себѣ на выпивку. Онъ такъ и дѣлаетъ, и потомъ пропадаетъ. Поступокъ его, конечно, великодушный, но, совершонный несознательно, въ пьяномъ видѣ, теряетъ все свое значеніе. Полчаса тому назадъ, онъ хотѣлъ силою отнять у матери деньги; успѣй онъ войти въ кабакъ, и доброе намѣреніе улетучилось бы, конечно, вмѣстѣ съ деньгами. То, что дѣлается подъ вліяніемъ минуты, необдуманно, безъ сознанія, не можетъ быть истинно добрымъ дѣломъ. Весьма вѣроятно, что человѣкъ, только что поднимавшій руку на свою мать, раскается въ увлеченіи добрымъ дѣломъ, и авторъ напрасно старается заинтересовать читателя судьбою своего «страшнаго дяди». Гораздо интереснѣе слѣдующая повѣсть: «На чужомъ полѣ». Героиня ея, дочь небѣднаго человѣка, обладающая хорошимъ голосомъ, влюбляется въ студента-нигилиста. Этотъ герой, которому авторъ для чего-то далъ фамилію Лермонтова, какъ и слѣдуетъ нигилисту, презираетъ музыку, и Людмила бросаетъ ее, перестаетъ учиться пѣть, а такъ какъ герой ея въ это время куда-то исчезаетъ—вѣроятно, «идетъ въ народъ»,—то она рѣшается послѣдовать его примѣру, въ предѣлахъ возможности. Но женская пропаганда какихъ бы то ни было идей въ нашихъ деревняхъ просто не мыслима,—и вотъ Людмила отправляется въ какое-то захолустье обыкновенною сельской учительницею со скромной цѣлью—обучать грамотѣ ребятишекъ по звуковому методу. Типъ этотъ мастерски очерченъ г. Кругловымъ и вообще весь разсказъ веденъ тонко и умѣло. Менѣе даровитый и болѣе увлекающійся писатель наговорилъ бы много о призваніи женщины, о великой жертвѣ, приносимой народу,

Digitized by Google

привелъ бы сцены борьбы съ людьми и обстоятельствами, и сцены эти еслибы даже не подвинчивать ихъ тона, могли быть и вѣрны, и интересны. Но ничѣмъ этимъ не пользуется авторъ ради эффекта: всю дальнѣйшую судьбу героини разсказываетъ онъ въ одной бесѣдѣ съ нею, черезъ семь лѣтъ послѣ ея ухода изъ отцовскаго дома. Просто, безъ громкихъ фразъ, дѣвушка говоритъ: «бѣгу съ поля битвы, дезертирую, убѣдившись, что я не на мѣстѣ». Голосъ ея пропалъ, она почти все время хворала, не успѣла обучить и полсотни ребятъ, и такъ плохо учила, что другая на ея мѣстѣ,—«человѣкъ дюжинный», настоящій, полезный работникъ—сдѣлала бы въ пять разъ больше... «Я хотѣла быть полезной имъ, обиженнымъ, обойденнымъ, а между тѣмъ оказалось, что и пользу надо приносить умѣючи. Я люблю народъ. Это хорошіе, честные люди, въ нихъ гораздо больше правды, чѣмъ въ насъ; только надо знать ихъ, умѣть сродниться съ ихъ жизнью. Чтобы работать для нихъ, надо отъ многаго отказаться, со многимъ примириться. Я не приходилась къ нимъ и, считая это барствомъ, хотѣла побороть себя, закалить. Я нарочно стала себѣ во всемъ отказывать: выносила мерзкую пищу, холодъ, грязь, одиночество, грубость старшины, подчиненность попу, писарю; выслушивала любезности, пошлости, выговоры, терпѣла, потому что они, обиженные и униженные, терпятъ еще больше — и все таки не могла вынести такой жизни: терпѣла мѣсяцъ, и въ одинъ день портила все, чего достигала съ такими усиліями. И я увѣрена, что даже тѣ, для кого я терпѣла — не любили меня, не понимали, считали больною». Всѣ эти фразы и множество другихъ (напримѣръ, объ искусствѣ и артистахъ) до того психически вѣрны, что надо удивляться умѣнью автора подмѣчать самые тонкіе оттѣнки чувствъ. Тѣмъ же практическимъ, трезвымъ взглядомъ на жизнь отличается третья повѣсть сборника: «Пачка писемъ». Женатому, но увлекающемуся писателю бывшая возлюбленная возвращаетъ его письма и, перечитавъ ихъ, онъ вспоминаетъ сцены и обстоятельства своего недавняго увлеченія. Разсказъ отличается жизненною правдою: письма дышатъ искренностью, хотя авторъ ихъ лжетъ на каждой строкѣ — только потому, что не договариваетъ. «Жена моя,—пишетъ онъ,—рѣдкая, симпатичная женщина, умна, доброй души и любитъ меня. Вы не выше ея, даже можетъ быть хуже, но она—тихій прудъ, слишкомъ спокойна. Вы—пѣна шампанскаго, бурное, капризное море». Все это совершенно вѣрно. Надо было только прибавить аргументъ, которымъ испорченное и расшатанное человѣчество оправдывало всегда многоженство и многоувлеченіе: двѣ лучше, чѣмъ одна. И герой увлекается до того, что хочетъ бросить жену, такъ какъ возлюбленная не желаетъ дѣлиться. Но жена, ни однимъ словомъ не упрекнувшая мужа — заболѣваетъ опасно, и онъ остается съ нею. Непреодолимая страсть превращается въ обыденное чувственное увлеченіе. Конечно, это развязка случайная. Не захворай жена, мужъ

Digitized by Google

испортилъ бы и ея жизнь, и свою, и своей возлюбленной; но вѣдь человѣкъ не создаетъ обстоятельствъ и большею частью принужденъ имъ подчиняться. Послѣ этой прекрасной повѣсти, остальные четыре разсказа можно было бы и не помѣщать вторично въ сборникѣ. «Въ сумерки» — хорошая, но недодѣланная сцена, въ которой бѣдная мать проводитъ ночь за передѣлкой платья для своей дочери, чтобы 17-лѣтняя дѣвушка могла потанцовать на скромномъ вечерѣ. «Не ко двору» —разсказъ объ интеллигентномъ столярѣ въ уѣздномъ городѣ, любящемъ читать книги и разсуждать объ астрономіи. У него грубая, не понимающая его жена, отъ которой онъ уходитъ въ Сербію добровольцемъ, гдѣ его и убиваютъ. Тутъ выведенъ также интеллигентный, но грубый нѣмецъ, говорящій ломанымъ русскимъ языкомъ, что̀ подъ конецъ дѣлается невыносимо. «Луша» — неотдѣланная исторія хорошенькой швеи, въ которую влюбляется чиновникъ и бросаетъ ее, послѣ того какъ оспа обезобразиваетъ ее, но Луша выходитъ за богатаго прикащика. Неизвѣстно, что̀ хотѣлъ сказать авторъ этой повѣстью. Въ послѣднемъ разсказѣ: «Проснулась», героиня даетъ слово студенту-медику выйти за него, когда онъ сдѣлается врачомъ, и выходитъ за богатаго помѣщика, а врачъ, женившись на другой, интеллигентной женщинѣ, совершенно счастливъ. Когда она узнала объ этомъ, въ ней «проснулось» чувство, только какое? раскаянія или досады на чужое счастье? Авторъ этого не объясняетъ.

Домра и сродные съ ней музыкальные инструменты русскаго народа. Историческій очеркъ *Ал. С. Фаминцына*, съ рисунками и нотами. 1891.

Вотъ уже болѣе десяти лѣтъ, какъ почтенный авторъ изслѣдуетъ въ своихъ сочиненіяхъ малоизвѣстную область въ исторической жизни нашихъ предковъ. Начиная съ изученія склада народно-русской пѣсенной рѣчи, разсматриваемой въ связи съ напѣвами, онъ написалъ замѣчательное изслѣдованіе о божествахъ древнихъ славянъ, оставшееся, къ сожалѣнію, неоконченнымъ. Въ 1888 году онъ издалъ подробную и интересную монографію: «Скоморохи на Руси», затѣмъ составилъ музыкально-этнографическій этюдъ: «Древняя индо-китайская гамма, съ указаніемъ на ея проявленіе въ русскихъ народныхъ напѣвахъ». Въ прошломъ году представилъ историческій очеркъ о нашемъ народномъ инструментѣ—гусляхъ; наконецъ, теперь пополнилъ это изслѣдованіе исторіею домры и сродныхъ ей инструментовъ: балалайки, кобзы, бандуры, торбана и гитары. Такимъ образомъ, изъ нашихъ народныхъ музыкальныхъ инструментовъ остаются неизученными авторомъ только смычковые: гудокъ или скрипка, и лира (рыле), но они составятъ предметъ особой монографіи. Какъ въ этюдѣ о гусляхъ, г. Фаминцынъ собралъ и высказалъ о домрѣ все, что̀ дошло до насъ объ этомъ инструментѣ и его видоизмѣненіяхъ отъ балалайки до гитары. Не смотря на распространенность домры у нашихъ предковъ, они не оставили ни изображенія, ни

Digitized by Google

даже описанія его, такъ что многіе, и даже такой знатокъ, какъ Даль, считали домру инструментомъ духовымъ, производя названіе ея отъ санскритскаго и литовскаго корня, означающаго глаголъ: дуть. Костомаровъ причислялъ ее къ ударнымъ инструментамъ. Но въ старинныхъ дворцовыхъ записяхъ начала XVII вѣка сохранились свидѣтельства о деньгахъ, выдаваемыхъ домрачеямъ, т. е. игравшимъ на домрахъ, на покупку домерныхъ струнъ. При Михаилѣ Ѳедоровичѣ, особенно въ палатахъ царицы, часто играли домрачеи, а между тѣмъ народу строго запрещалось приглашать ихъ въ домъ: гдѣ появятся домры, велѣно ихъ жечь и ломать. Домру предки наши заимствовали у калмыковъ и бурятъ; у нихъ, также у татаръ, остяковъ, монголовъ и киргизовъ, сохранилось ея изображеніе и описаніе. Родоначальникомъ восточной домры (дамбура) былъ арабско-персидскій танбуръ, какъ прототипомъ средневѣковой лютни—древне-египетскіе струнные инструменты. Фетисъ нашелъ изображеніе такого инструмента и на ассирійскихъ барельефахъ, но это сомнительно. Югозападные славяне заимствовали лютню у своихъ европейскихъ сосѣдей, но домра сѣверныхъ славянъ несомнѣнно восточнаго происхожденія и, въ свою очередь, была родоначальницей русской балалайки. Это названіе, въ его первоначальной формѣ: «балабайка», г. Фаминцынъ производитъ отъ глагола «балакать», пустозвонить, и разсказываетъ дальше всю исторію ея развитія и усовершенствованія, также какъ кобзы,—инструмента, бывшаго въ употребленіи у половцевъ, татаръ, турокъ, венгерцевъ, румынъ, южныхъ славянъ и литовцевъ, тогда такъ балалайка не пошла дальше Россіи. Малорусская и польская бандура является также у итальянцевъ, испанцевъ, французовъ, англичанъ и нѣмцевъ, а торбанъ (теорба) у поляковъ и въ западной Европѣ. Особенно любопытна разсказываемая г. Фаминцынымъ исторія развитія гитары, превратившейся у насъ изъ цыганскаго инструмента въ высоко-мелодическій. Жаль, что авторъ ничего не говоритъ о ея примѣненіи къ арфѣ подъ названіемъ «гитарфа». Вообще монографія г. Фаминцына, не смотря на ея спеціальность и техническія подробности, читается съ большимъ интересомъ; рисунки, помѣщенные въ текстѣ, очень хороши; между ними встрѣчаются и снимки съ фресокъ X вѣка, открытыхъ недавно въ Кіевѣ-Софійскомъ соборѣ, и гдѣ, между прочимъ, изображенъ и домрачей. Изданіе въ большую четверку со множествомъ рисунковъ и 146-ью страницами нотъ—очень изящно.

Digitized by Google

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

Свѣдѣнія о продовольственномъ, финансовомъ и экономическомъ положеніи Россіи.—Чего слѣдовало ожидать послѣ появленія этихъ свѣдѣній?—Неоправдавшіяся надежды.—Скачки курса.—Застой въ торговлѣ.—Ломаніе рубля нашими „купецкими“ людьми. — Status quo ante.—Чѣмъ объяснить это явленіе?—Злостная дѣятельность спекуляціи. — Какія обстоятельства благопріятствуютъ спекулятивной горячкѣ?—Свѣдѣнія о пожертвованіяхъ въ пользу голодающихъ.—Некультурность и инертность общества.—Необходимость учрежденія центральнаго органа для собиранія пожертвованій.—Доморощенная политика одной газеты.—Хлѣбныя залежи на желѣзныхъ дорогахъ.—Мѣры къ устраненію этихъ залежей.

На дняхъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» опубликованы были нѣкоторыя данныя относительно возможнаго продовольствія населенія до будущаго урожая и тѣхъ послѣдствій, которыми можетъ отразиться неурожай нынѣшняго года на финансовомъ и экономическомъ положеніи Россіи. Упомянутыя данныя,—говорится въ правительственномъ сообщеніи,—признано было полезнымъ передать во всеобщее свѣдѣніе, потому что они могутъ служить для правильной оцѣнки истиннаго положенія дѣлъ. Въ виду этого, и мы признаёмъ полезнымъ остановить на нихъ вниманіе нашихъ читателей. Какъ извѣстно, съ цѣлью удержать въ Россіи запасы хлѣба, необходимаго для обсѣмененія и продовольствія населенія до будущаго урожая, высочайшими указами 28 іюля, 16 октября и 3 ноября, воспрещенъ вывозъ изъ Россіи всѣхъ зерновыхъ хлѣбовъ и картофеля, а равно и пищевыхъ продуктовъ, изъ нихъ приготовляемыхъ. Судя по всѣмъ имѣющимся свѣдѣніямъ, запасы хлѣба, которые останутся въ Россіи въ силу упомянутаго воспрещенія, будутъ,—по словамъ правительственнаго органа, — достаточны для удовлетворенія нуждъ населенія *до урожая 1892 г.* Но такъ какъ населеніе земледѣльческихъ губерній извлекаетъ средства и для существованія, и для исполненія повинностей изъ продажи хлѣба, то для воспособленія этому населенію, поставленному въ нынѣшнемъ году въ особенно трудное положеніе, ассигновано до 60 милліоновъ рублей изъ имѣющейся свободной наличности государственнаго казначейства. «Наличность эта,—по заявленію правительственнаго органа,—вслѣдствіе благопріятнаго исполненія росписей по-

Digitized by Google

слѣднихъ трехъ лѣтъ, возрасла весьма значительно и по отчет государственнаго контроля за 1890 годъ составляетъ 220 мил ліоновъ рублей, а потому даетъ полную возможность для покры тія какъ вышеназваннаго экстраординарнаго ассигнованія, так и предвидѣвшихся въ росписи 1891 г. изъ сего источника чрез вычайныхъ расходовъ, и, наконецъ, также для покрытія испол ненная въ 1891 году досрочнаго погашенія государственнаго долга». Мало того, за исполненіемъ всѣхъ этихъ расходовъ, из вышеназванной наличности государственнаго казначейства еще долженъ оказаться,—по словамъ правительственнаго органа,— немалозначительный остатокъ на потребности 1892 года, на удовлетвореніе которыхъ пойдетъ также выручка *реализуемаго* нынѣ трехпроцентнаго займа, согласно его назначенію.

Государственные доходы въ 1891 году поступаютъ менѣе удовлетворительно, нежели въ 1890 году; дѣйствительный раз мѣръ недопоступленія за 1891 годъ опредѣлится лишь въ начал будущаго года, но нынѣ уже можно видѣть, что, при осторожно составленныхъ предположеніяхъ о доходахъ на 1891 годъ, ожи даемый недоборъ не окажетъ существеннаго вліянія на равновѣ сіе росписи 1891 года. Дѣйствительно, въ 1890 году поступил доходовъ обыкновенныхъ, вмѣстѣ съ оборотными, 943.685,770 р.; поступленіе же по росписи 1891 г. предположено всего въ сумм 900.757,570 руб., т. е. на 43 мил. рублей менѣе. Въ дѣйстви тельности же, поступленіе за девять первыхъ мѣсяцевъ 1891 год отстало отъ 1890 года всего только на $10^1/_2$ мил. рублей, а по сему есть основаніе полагать, что доходы, въ общемъ, за 1891 годъ, вѣроятно, не останутся позади росписи.

Наконецъ, относительно вліянія неурожая нынѣшняго года на нашъ международный торговый балансъ, въ правительственном сообщеніи указывается на то, что результаты торговаго обмѣн за послѣдніе годы были особенно благопріятны для Россіи, а по тому предстоящее уменьшеніе нашего вывоза въ нынѣшнемъ год намъ также не страшно. Такъ, «если взять послѣдовательны годовые періоды, отъ 1-го сентября каждаго года по 31-е авгу ста слѣдующаго года, то окажется, что, въ общемъ, Россія по лучала въ годъ иностранныхъ товаровъ по европейской границ на 372 мил. и отпускала своихъ произведеній на 700 мил., и томъ числѣ хлѣбовъ, запрещенныхъ теперь къ вывозу, на 368 мил. такихъ хлѣбовъ вывезено, съ 1-го сентября сего года по наст ящее время, на сумму около 80 мил.; если положить, что в 1891—1892 году нашъ отпускъ уменьшится на все недовез везенное въ нынѣшнемъ году до средняго размѣра количеств хлѣбовъ (288 милліоновъ), то международный торговый баланс въ нашу пользу, вмѣсто прежней средней величины въ 32 милліоновъ руб. (700 — 372), сведется лишь къ 40 милліонам (700—368+80—372), т. е. потерпитъ очень сильное уменьшен хотя и не представитъ собою избытка ввоза надъ вывозом Изъ этого видно, что, даже въ нынѣшнемъ году, собствен торговыя международныя отношенія не потребуютъ пріобрѣтен Россіею золота на заграничныхъ рынкахъ; необходимость тако

Digitized by Google

пріобрѣтенія можетъ быть вызвана, однако, приливомъ въ Россію нашихъ фондовъ, а также платежами за границей по нашимъ долговымъ обязательствамъ. Послѣдняя причина, однако, едва ли окажетъ замѣтное дѣйствіе. Россія имѣетъ прямые источники доходовъ въ золотѣ, сполна покрывающіе платежи по государственному долгу, — и, сверхъ того, въ послѣдніе благопріятные годы было обращено особое вниманіе на усиленіе у насъ золотого резерва. Резервъ этотъ доведенъ теперь въ государственномъ казначействѣ до 86½ милліоновъ и въ государственномъ банкѣ до 120 милліоновъ золотыхъ руб., и это независимо отъ 75 милліоновъ руб. золотомъ, составляющихъ обезпеченіе временнаго выпуска 75-ти милліоновъ кредитныхъ рублей; въ эти итоги не включена вовсе выручка новаго трехпроцентнаго золотаго займа и не включенъ также размѣнный фондъ, составляющій 210 милліоновъ рублей золотомъ.

Итакъ, если судить по этимъ даннымъ, то намъ, строго говоря, отчаиваться незачѣмъ. Правда, вышеприведенное правительственное сообщеніе также констатируетъ, что мы теперь переживаемъ тяжелое время, но все же удостовѣряетъ, что остающіеся у насъ запасы хлѣба будутъ достаточны для удовлетворенія продовольствія населенія до урожая будущаго 1892 г., что хотя поступленія нынѣшняго года значительно сократятся, тѣмъ не менѣе дефицита въ государственномъ бюджетѣ не предвидится, въ виду крайне осторожно составленной росписи на нынѣшній годъ, и что наконецъ, хотя, вслѣдствіе запрещенія вывоза зерновыхъ хлѣбовъ и изготовленныхъ изъ нихъ пищевыхъ продуктовъ, нашъ вывозъ долженъ значительно уменьшиться, тѣмъ не менѣе торговый балансъ все таки окажется въ нашу пользу, и — что важнѣе всего — мы вполнѣ обезпечены запасомъ золота для нашихъ разсчетовъ по международнымъ долговымъ и торговымъ обязательствамъ. Все это безспорно весьма утѣшительно. Но вотъ что странно. Вышеприведенное правительственное сообщеніе было опубликовано 9 ноября. Казалось бы, что послѣ этого наша дѣловая жизнь должна бы войти, — какъ это предсказывала одна петербургская газета, — въ болѣе опредѣленное, хотя и не широкое, русло, курсъ нашъ долженъ бы сразу поправиться, и вообще наше финансовое и экономическое положеніе должно бы улучшиться, или по меньшей мѣрѣ сдѣлаться болѣе устойчивымъ. А, между тѣмъ, въ торговомъ мірѣ все еще царитъ какой-то столбнякъ, и финансовые «крахи» разростаются не по днямъ, а по часамъ; курсъ нашъ въ одинъ и тотъ же день дѣлаетъ скачки вверхъ и внизъ на нѣсколько марокъ, — словомъ все остается in statu quo ante, какъ было до опубликованія вышеприведеннаго правительственнаго communiqué. Чѣмъ объяснить это странное явленіе? Скажутъ, пожалуй, что вина здѣсь падаетъ на спекуляцію, которая пользуется удобнымъ случаемъ наживы. Конечно, въ подобномъ объясненіи есть и доля правды, но только *доля* правды, а *не вся* правда. Для того чтобы читатели не могли упрекнуть насъ въ голословности или поверхностности сужденія, мы позволимъ себѣ пояснить нашу мысль нѣ-

Digitized by Google

которыми абстрактными соображеніями, а затѣмъ постараемся подтвердить ихъ примѣрами и фактами изъ нашей обыденной жизни. Надобно замѣтить, что съ абстрактной точки зрѣнія спекуляція считается «душою торговли». Вознагражденіе, получаемое торговцемъ, зависитъ главнымъ образомъ отъ его умѣнья пользоваться «конъюнктурою»: онъ долженъ покупать товаръ *тамъ* и *тогда*, гдѣ и когда онъ дешевъ, и продавать тамъ, гдѣ онъ дорогъ. Отъ подобнаго умѣнья торговца пользоваться обстоятельствами обыкновенно имѣютъ немаловажную пользу какъ производители, такъ и потребители. Первые получаютъ большіе барыши на свои произведенія; вторые — болѣе дешевые предметы потребленія. Такимъ образомъ, спекуляція, какъ явленіе вполнѣ нормальное въ торговой дѣятельности, безспорно приноситъ большую пользу народному хозяйству, потому что, благодаря *нормальной* спекуляціи, устанавливающей равновѣсіе между спросомъ и предложеніемъ въ разныхъ мѣстахъ и въ различныя времена года, сглаживаются всѣ вредныя послѣдствія, создаваемыя конъюнктурой: цѣны на предметы потребленія становятся болѣе или менѣе равномѣрными всегда и вездѣ. Но все сказанное относится исключительно къ спекуляціи *нормальной*, имѣющей цѣлью нивеллировку цѣнъ на предметы потребленія въ разныхъ мѣстахъ и въ разныя времена года. Напротивъ того, какъ только спекуляція переступаетъ эту *нормальную* грань, она становится простой *игрою* — крайне вредной для общественной жизни. Самый вопросъ о томъ: вредна ли спекуляція въ данномъ конкретномъ случаѣ, сводится къ тому, въ какой степени спекуляція переступила *нормальную* границу. Распознать это, однако, нетрудно. Съ экономической точки зрѣнія, спекуляція обозначаетъ всякій разсчетъ, всякое предугадываніе или предусмотрѣніе будущихъ явленій и обстоятельствъ, которыя пока (т. е. въ моментъ составленія разсчета) еще покрыты мракомъ неизвѣстности, иначе говоря, осуществленіе или наступленіе которыхъ еще сомнительно. Такъ, напримѣръ, нерѣдко теплая зима предвѣщаетъ хорошій исходъ будущему урожаю. Въ виду этого, спекуляція, разсчитывая на изобиліе хлѣба, — слѣдовательно, на низкія цѣны, — старается содѣйствовать скорѣйшему потребленію существующаго запаса хлѣба, т. е. болѣе ускоренному пониженію цѣнъ на хлѣбъ посредствомъ распродажи сбереженныхъ отъ потребленія запасовъ по болѣе дешевымъ цѣнамъ. Обратное дѣйствіе, напротивъ того, можетъ имѣть случившійся впослѣдствіи, въ маѣ мѣсяцѣ, ночной морозъ: спекуляція начинаетъ серьезно опасаться могущаго быть неурожая, воздерживается отъ ускоренной распродажи сбереженныхъ запасовъ, чтобы имѣть потребный запасъ въ будущемъ, и тѣмъ самымъ, хотя она временно вызываетъ вздорожаніе хлѣба, способствуетъ установленію болѣе низкихъ цѣнъ на хлѣбъ въ будущемъ. Конечно, спекуляція можетъ въ томъ или другомъ случаѣ ошибаться въ своихъ разсчетахъ и соображеніяхъ. Но это обстоятельство тѣмъ не менѣе не умаляетъ значенія спекуляціи для нивеллировки цѣнъ и, слѣдовательно, не разрушаетъ ея полезной роли въ народномъ хо-

Digitized by Google

зяйствѣ. Такимъ образомъ, спекуляція можетъ считаться *нормальной* лишь до тѣхъ поръ, пока она держится въ предѣлахъ *равномѣрнаго распредѣленія предметовъ потребленія* въ извѣстномъ районѣ въ разныя времена года. Коль скоро же она переступаетъ названную границу, она становится вредной для хозяйственной дѣятельности страны. Рѣшить же вопросъ, переступила ли спекуляція въ томъ и другомъ случаѣ вышеуказанную границу, также нетрудно. Для этого стоитъ только обратить вниманіе на тенденцію къ систематическому повышенію цѣнъ, которою она задается въ извѣстный моментъ. Такъ напримѣръ, въ настоящее время можно прямо сказать, что спекулятивная дѣятельность нашихъ хлѣбныхъ торговцевъ, направленная съ опредѣленной тенденціей къ систематическому повышенію цѣнъ на хлѣбъ, ничего общаго съ *нормальной*, такъ сказать, здоровой спекуляціей не имѣетъ. А если это такъ, то, разумѣется, ей нужно противодѣйствовать и, по возможности, уничтожать ее въ корнѣ. Какія же однако мѣры принять противъ подобной *вредной* спекуляціи? По общему правилу, подобнаго рода спекуляція возможна лишь тогда, когда вся окружающая обстановка ей благопріятствуетъ. Дѣло въ томъ, что предметъ ненормальной спекуляціи, или—что то же самое—спекулятивной игры, всегда и вездѣ составляютъ исключительно «гнилыя» цѣнности. Поэтому, гдѣ и когда обнаруживается спекулятивная игра, тамъ и тогда безспорно имѣются на лицо такія сомнительныя данныя, которыя даютъ ей возможность ловить рыбу въ мутной водѣ. И вотъ намъ думается, что если въ настоящее время всѣхъ нашихъ хлѣбныхъ торговцевъ обуяла вредная для народнаго хозяйства спекулятивная горячка, то это происходитъ оттого, что во всемъ, что̀ касается нашей теперешней «злобы дня»,—т. е. вопроса: какъ прокормить милліонное голодающее крестьянское населеніе,—царитъ полная неурядица. Въ самомъ дѣлѣ, давно ли то время, когда мы всѣ восторгались чуткостью и отзывчивостью нашего общества къ бѣдѣ, постигшей Россію въ нынѣшнемъ году. Да и какъ было не восторгаться, когда мы чуть ли не каждый день читали въ газетахъ о пожертвованіяхъ въ пользу голодающаго населенія, поступающихъ со всѣхъ концовъ Россіи? По этому поводу одна петербургская газета даже выдала нашему обществу открытый похвальный листъ. «Если мы обратимся къ нашему обществу—писала названная газета—то должны признать наличность такихъ проявленій общественнаго участія къ бѣдствію, постигшему наше отечество, что приходится не упрекать въ чемъ нибудь наше общество, а лишь свидѣтельствовать о его истинно-великодушномъ порывѣ на помощь пострадавшимъ. Общество не заставило себя разжалобливать. Оно встрепенулось при первыхъ же, еще недостаточно опредѣленныхъ, свѣдѣніяхъ о размѣрѣ бѣдствія. Общественныя пожертвованія полились щедро и изобильно. Кромѣ того, общественное участіе къ нуждающимся выражается и прямою благотворительною дѣятельностью среди нуждающихся—распредѣленіемъ собранныхъ пособій, снабженіемъ пищею, одеждою, а частью и топливомъ».

Соображая приведенный фактъ въ связи съ тѣмъ, что и пра-

Digitized by Google

вительство, и земство,—почти съ самаго появленія слуховъ о предстоящемъ неурожаѣ во многихъ плодороднѣйшихъ губерніяхъ Россіи,—стали оказывать посильную помощь нуждающимся, вышеназванная газета вполнѣ основательно задалась вопросомъ: «что же, однако, значатъ появившіяся въ газетахъ извѣстія и разсказы о повальномъ тифѣ въ пострадавшихъ мѣстностяхъ, о пухнущихъ съ голода людяхъ, о цѣлыхъ деревняхъ, безусловно голодающихъ, объ избіеніи массами рабочаго скота для полученія шкуръ, за невозможностью кормить его, и проч. и проч.? Какимъ образомъ могло случиться, что цѣлые уѣзды, какъ напр., шадринскій, пермской губерніи, изъ котораго присланъ печатный протоколъ уѣзднаго благотворительнаго комитета съ вопіющими цифрами и фактами о мѣстной нуждѣ, остаются совсѣмъ безъ хлѣба? Что же всѣ подобныя сообщенія значатъ? Нѣтъ ли тутъ—не говоримъ: чьей либо вины—а нѣтъ ли тутъ какого недоразумѣнія? Короче сказать: есть ли въ Россіи голодъ, или нѣтъ? И если нѣтъ голода, котораго—повторяемъ это—не должно и не можетъ быть въ цивилизованной странѣ, то чѣмъ объяснить даже отдѣльные случаи столь отчаянной голодовки?»

Но—увы!—недоумѣнія газеты скоро объяснились. Оказалось, что мы только потому такъ восторгались сочувствіемъ нашего общества къ бѣдѣ, постигшей наше отечество, что не знали настоящихъ размѣровъ поступившихъ пожертвованій, которыя, строго говоря, крайне мизерны. На дняхъ «Правительственный Вѣстникъ» опубликовалъ свѣдѣнія объ этихъ пожертвованіяхъ, поступившихъ черезъ посредство учрежденій министерства внутреннихъ дѣлъ, а также мѣстныхъ благотворительныхъ комитетовъ и попечительствъ, образованныхъ со спеціальною цѣлью помощи голодающимъ. Такія же свѣдѣнія обнародованы главнымъ управленіемъ общества «Краснаго Креста» и с.-петербургскимъ епархіальнымъ комитетомъ.

Вотъ эти свѣдѣнія:

Самыя крупныя средства доставили учрежденія «Краснаго Креста»—945,594 руб. 16 коп.; но изъ этой суммы 445.501 р. 46 коп. были прямо отчислены изъ запасныхъ суммъ этого благотворительнаго общества. Число пожертвованій, поступившихъ собственно по поводу голода, простирается только до 500,092 руб. 70 коп. Кромѣ того, пожертвованія пищевыми продуктами общество «Краснаго Креста» исчисляетъ въ 53 вагона. Оцѣнивая эти продукты, приблизительно, въ 50,000 руб. (считая по 600 пудовъ хлѣба на вагонъ), мы получимъ, что въ учрежденія «Краснаго Креста» поступило всего пожертвованій на сумму около 550 000 рублей. Въ министерство внутреннихъ дѣлъ и въ образованные имъ комитеты и попечительства поступило пожертвованій на сумму 268,425 руб. 98 коп., да черезъ петербургскій епархіальный комитетъ набралось нашей «ленты» въ пользу голодающихъ—161,954 р. 55½ коп. Всего на всего это составитъ *980,380 руб. 53½* коп.!

Итакъ, вотъ сколько собрано пожертвованій въ пользу голодающаго населенія, которое можно опредѣлить въ двадцать мил-

Digitized by Google

ліоновъ людей! Допустимъ однако, что еще не всѣ свѣдѣнія о пожертвованіяхъ собраны; что, кромѣ уже поступившихъ пожертвованій, еще предстоятъ постоянные взносы въ пользу голодающихъ, которые жертвуются чиновниками и служащими въ частныхъ учрежденіяхъ, въ видѣ ежемѣсячныхъ вычетовъ изъ получаемаго ими содержанія, и что, наконецъ, многія пожертвованія дѣлаются частными лицами непосредственно голодающимъ, въ видѣ отпуска имъ даровыхъ обѣдовъ, одежды, обуви и проч. Но все же нельзя не признать, что всѣ подобныя пожертвованія, въ сравненіи съ громадной массой голодающаго населенія, просто ничтожны. Что же послѣ этого удивительнаго, если при такомъ равнодушіи *всего* общества къ бѣдѣ, постигшей многомилліонное крестьянское населеніе, находятся *отдѣльные* кулаки, пользующіеся удобнымъ моментомъ и для наживы? Отъ равнодушія до жестокосердія одинъ только шагъ. Если поэтому *общество* наше, въ цѣломъ *его составѣ*, оказывается почти равнодушнымъ къ нуждѣ въ насущномъ хлѣбѣ пострадавшаго отъ неурожая населенія, то *жестокосердіе* отдѣльныхъ кулаковъ въ этомъ дѣлѣ менѣе всего удивительно. Злые люди и негодяи существуютъ во всякомъ обществѣ, даже самомъ культурномъ и высоконравственномъ. Противъ подобныхъ подонковъ общества — послѣднее въ *своей совокупности* возстаетъ и старается выбросить ихъ изъ своей среды. Но *какъ* и *кому* бороться противъ некультурности, граничащей съ жестокосердіемъ, *всего* общества?! Тутъ одними репрессивными мѣрами ничего не подѣлаешь, а нужна цѣлая *система* перевоспитанія. Но какъ только заходитъ рѣчь о «системѣ», мы дальше словъ и благопожеланій нейдемъ. Взять хоть бы вопросъ, стоящій теперь на очереди, — объ организаціи системы общественной помощи. Вотъ уже нѣсколько недѣль, какъ всѣ толкуютъ о необходимости учрежденія центральнаго органа для объединенія всѣхъ мѣропріятій борьбы съ постигшимъ насъ бѣдствіемъ. Казалось бы, что тутъ мудренаго въ этомъ вопросѣ? А между тѣмъ онъ все еще остается открытымъ и дѣло помощи народной нуждѣ все еще пребываетъ въ прежнемъ хаотическомъ состояніи. Вѣдь всякій понимаетъ, что одной правительственной помощью нельзя обойтись въ такомъ дѣлѣ, гдѣ нужда такъ разнообразна и индивидуальна, что для борьбы съ нею требуется дружное дѣйствіе всѣхъ и каждаго изъ насъ. Вѣдь мало прокормить населеніе, — надо еще поставить его на ноги, поддержать нравственно, предохранить отъ болѣзней, ухаживать за тѣми, которые уже сдѣлались жертвами истощенія, и т. д., и т. д. Впрочемъ, и то сказать, что далеко не всѣ у насъ проникнуты сознаніемъ надлежащихъ размѣровъ нынѣшней народной бѣды. А происходитъ это отъ того, что у насъ нашлись оптимисты, которые стали распространять мнѣніе, что вовсе нѣтъ голода, что толки о немъ крайне преувеличены, а если въ нѣкоторыхъ губерніяхъ дѣйствительно хлѣбъ не уродился, то во многихъ другихъ губерніяхъ есть достаточный его запасъ, которымъ можно продовольствовать и пострадавшія губерніи. Но

Digitized by Google

бѣда, молъ, въ томъ, что народъ, получая пожертвованія, не то пропиваетъ ихъ, не то желаетъ продовольствоваться на даровой паекъ, уклоняясь отъ работы, которую ему предлагаютъ. Во всѣхъ этихъ толкахъ, быть можетъ, и есть доля правды. Но, во всякомъ случаѣ, для того чтобы пожертвованія поступали и не прекращались, необходимо,—какъ справедливо замѣчаетъ одна петербургская газета,—чтобы всѣ знали, что дѣлается въ деревнѣ, чтобы истинная картина бѣдствія не изображалась общими стереотипными фразами, а предстала воочію передъ глазами публики, затрогивая сердце каждаго и возбуждая добрыя чувства и состраданіе къ ближнему. Между тѣмъ, такихъ описаній, такихъ правдивыхъ картинъ народной нужды появляется мало; мы точно боимся обезпокоить свои нервы. Если печальное изображеніе дѣйствительности и всплываетъ изъ какого нибудь уголка, то всѣ мы стараемся, прежде всего, о томъ, чтобы ослабить впечатлѣніе, чтобы разными оговорками предупредить «обобщенія» и убѣдить добрыхъ людей, что имъ нечего безпокоиться, что это единичный случай, а въ общемъ все обстоитъ благополучно. При такомъ отношеніи къ народному бѣдствію, само собою разумѣется, можно разсчитывать не на ростъ пожертвованій, а скорѣе—на притупленіе общаго къ нимъ вниманія. Кстати, нельзя не упомянуть здѣсь о весьма характерной «политикѣ» въ разсматриваемомъ вопросѣ, которую обнаружилъ редакторъ-издатель «Гражданина», кн. Мещерскій. Послѣдній, какъ извѣстно, первый забилъ въ набатъ и поднялъ въ своей газетѣ тревогу на всю Россію по поводу голода. Въ «Гражданинѣ» была заведена особая рубрика (съ 12-го сентября) подъ рекламистымъ заглавіемъ: «Отдѣлъ хлѣбныхъ нуждъ и помощи»; издатель газеты испросилъ себѣ даже спеціальное разрѣшеніе на сборъ пожертвованій и сталъ печатать всевозможные «проэкты» и воззванія, исходящіе, будто бы, отъ читателей «Гражданина».

Этими путями князю Мещерскому удалось собрать болѣе 3,000 р. Но, по невѣдомой причинѣ, тому же «Гражданину» вздумалось теперь объявить своего рода походъ противъ общественной помощи. Въ этой газетѣ стали появляться обычныя инсинуаціи и обвиненія противъ другихъ газетъ, обсуждающихъ вопросъ о голодѣ. Насколько прежде кн. Мещерскій трезвонилъ и преувеличивалъ бѣдствіе, настолько онъ теперь умаляетъ его... И вотъ, въ послѣднее время, пожертвованія стали поступать слабѣе... За цѣлую недѣлю въ «Гражданинѣ» получено не болѣе 45 рублей... Да и изъ прежде собранныхъ 3,167 руб. 92 коп. кн. Мещерскій отправилъ по принадлежности только 1,050 руб.; остальные же 2,117 руб. 92 к. *остаются* до сихъ поръ въ кассѣ «Гражданина».

«Не знаемъ,—говоритъ по этому поводу одна петербургская газета, — въ какой мѣрѣ кн. Мещерскій имѣетъ право *задерживать* довѣренныя ему деньги; но нѣтъ сомнѣнія, что подобныя отношенія къ дѣлу «хлѣбныхъ нуждъ и помощи» способны только ослабить дальнѣйшій притокъ пожертвованій и самое представленіе о народной нуждѣ».

Digitized by Google

Къ счастью однако, среди публицистовъ, кн. Мещерскій оказался *единымъ* представителемъ, охлаждающимъ интересъ общества къ народной нуждѣ. Недаромъ во всѣхъ нашихъ періодическихъ изданіяхъ «политика» князя Мещерскаго встрѣтила единогласный, дружный отпоръ. Наилучшимъ доказательствомъ той энергіи, съ которой наша печать хлопочетъ въ пользу нуждающихся, можетъ служить возбужденный ею вопросъ о хлѣбныхъ залежахъ на нѣкоторыхъ желѣзныхъ дорогахъ. Оказывается, что въ то время какъ цѣлыя губерніи нуждаются въ хлѣбѣ, а земства, городскія управы и правительственныя учрежденія озабочены изысканіемъ средствъ къ пропитанію населенія, на станціяхъ многихъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ чуть не по мѣсяцамъ лежатъ милліоны пудовъ хлѣба! Фактъ задержанія грузовъ на станціяхъ—далеко не новый въ лѣтописяхъ нашего желѣзнодорожнаго дѣла. Помнится, что когда, года три тому назадъ, у насъ на югѣ объявился каменноугольный кризисъ, виноватою въ этомъ оказалась владикавказская и еще какая-то желѣзная дорога, у которыхъ,—какъ сначала утверждали,—нѣтъ ни достаточнаго количества паровозовъ, ни необходимаго запаса вагоновъ, ни, наконецъ, потребнаго числа машинистовъ, кочегаровъ и проч. Но это утвержденіе впослѣдствіи оказалось совершенно неосновательнымъ. Стоило только появиться властному приказу свыше,—объ устраненіи всякой медленности въ отправкѣ грузовъ, залежавшихся на упомянутыхъ дорогахъ, — приказу, который былъ осуществленъ посредствомъ командировки на мѣсто чрезвычайнаго распорядителя, — и дѣло приняло тогда совершенно другой оборотъ. Спрашивается, объясняются ли теперешнія хлѣбныя залежи на желѣзныхъ дорогахъ все тою же малою «провозной» способностью, или же незначительной «грузопропускной» (т. е., что на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ мало станцій, гдѣ могли бы расходиться встрѣчные поѣзда, мало стрѣлокъ, запасныхъ путей и т. д.), или же причина этихъ фатальныхъ залежей на упомянутыхъ дорогахъ кроется въ чемъ-то другомъ? Вполнѣ основательный отвѣтъ на этотъ вопросъ дала, по нашему мнѣнію, одна петербургская газета, выразивъ этотъ отвѣтъ въ весьма опредѣленномъ предложеніи установить въ дѣлѣ хлѣбоснабженія «единоначаліе». Дѣло въ томъ, что, по справедливому замѣчанію названной газеты, въ отношеніи желѣзныхъ дорогъ, у насъ существуетъ чрезвычайно странный предразсудокъ. Всѣ думаютъ, что желѣзная дорога можетъ возить до безконечности. Милліонъ пудовъ, такъ милліонъ, десять милліоновъ, такъ и десять милліоновъ и даже болѣе, и какъ то, такъ и другое въ одно и то же время. Между тѣмъ желѣзныя дороги, какъ и все на свѣтѣ, существуютъ во времени и въ пространствѣ, и сила ихъ также имѣетъ свои непереходимые предѣлы. Конечно, желѣзныя дороги, при обыкновенныхъ условіяхъ работающія неполными графиками, въ трудную минуту способны значительно усиливать свою дѣятельность путемъ займа чужихъ вагоновъ, путемъ уменьшенія обычной безопасности движенія, пуская по-

Digitized by Google

ѣзды на болѣе близкомъ другъ отъ друга разстояніи и т. п. Но и это все обязательно имѣетъ предѣлъ, далѣе котораго никакое прибавленіе энергіи людей не заставитъ мертвыя массы передвигаться во времени, котораго на самомъ дѣлѣ уже нѣтъ, такъ какъ все имѣющееся въ распоряженіи оказывается израсходованнымъ. Этотъ-то послѣдній предѣлъ наивысшей дѣятельности желѣзныхъ дорогъ и можетъ быть достигнутъ только при общей комбинаціи движенія по всей свѣти, всегда болѣе или менѣе принимающей участіе въ усиленной дѣятельности какой либо одной дороги или нѣсколькихъ группъ.

Въ виду этого, наиболѣе странными должны быть признаны тѣ предложенія, которыя, нисколько не сообразуясь съ тѣмъ, что теперь зима,—а въ зимнее время дѣятельность желѣзныхъ дорогъ можетъ затормозиться совершенно независимо отъ административной распорядительности, напримѣръ, снѣжными заносами и т. п.,—сводятся къ тому, чтобы увеличить провозоспособность нашихъ дорогъ немедленной укладкой новыхъ путей, расширеніемъ станцій и постройкой громаднаго новаго подвижнаго состава. Подобныя предложенія въ высшей степени наивны, потому что для осуществленія ихъ потребуется немало времени, а между тѣмъ дѣло снабженія хлѣбомъ не терпитъ ни малѣйшаго отлагательства. Не подлежитъ, однако, никакому сомнѣнію, что въ обширной Россіи много хлѣба, но хлѣбъ этотъ, по общему мнѣнію, лежитъ на окраинахъ, далекихъ отъ голодающаго центра и сѣверо-востока государства. Обильный урожай на сѣверномъ Кавказѣ оцѣнивается запасами въ размѣрѣ около сорока милліоновъ пудовъ. Югъ самой Россіи обладаетъ также еще многими милліонами пудовъ хлѣба. Въ Одессѣ, въ Николаевѣ и въ Ростовѣ-на-Дону имѣющіеся запасы нельзя цѣнить менѣе двадцати милліоновъ пудовъ, готовыхъ быть выброшенными на хлѣбный рынокъ. На сѣверѣ запасы менѣе и общій итогъ хлѣбныхъ грузовъ, находящихся въ Ревелѣ, Ригѣ и Перновѣ, опредѣляютъ, по официальнымъ свѣдѣніямъ, въ количествѣ 15 тысячъ вагоновъ, или всего около 9 милліоновъ пудовъ. Но этотъ хлѣбный грузъ, остановленный въ портахъ Балтійскаго моря, главнымъ образомъ состоитъ изъ овса. Въ общемъ, можно сказать, что хлѣба пока довольно. Вопросъ, слѣдовательно, лежитъ *въ средствахъ и способахъ скорѣйшаго и дешевѣйшаго передвиженія этихъ грузовъ* туда, гдѣ въ нихъ чувствуется наибольшая необходимость.

А, между тѣмъ, въ этомъ передвиженіи хлѣбныхъ грузовъ нѣтъ до сихъ поръ ни плана, ни системы. Некому даже указать желѣзнымъ дорогамъ: какъ велика будетъ общая масса грузовъ, которые надо передвинуть; гдѣ пункты наибольшаго ихъ скопленія, и въ какой промежутокъ времени такая операція должна быть совершена. До чего, въ этомъ отношеніи, все неисправно, показываетъ приводимый газетами невѣроятный фактъ, что покуда министерство путей сообщенія хлопочетъ о перевозкѣ хлѣбныхъ грузовъ за самую минимальную ставку, по которой еще возить воз-

Digitized by Google

можно, и направляетъ грузы зерна въ сторону заволжскихъ губерній, оттуда же вывезено по казенной сызрано-вяземской дорогѣ, за послѣдній мѣсяцъ, около $3^1/_2$ милліоновъ пудовъ хлѣба! Какой же, спрашивается, толкъ возить даромъ хлѣбъ въ эту сторону, если его сейчасъ же вывезутъ оттуда, и притомъ куда? Никто не знаетъ. Всѣ бросились закупать хлѣбъ на Кавказъ, гдѣ онъ будто бы дешевъ. Однако, появленіе тамъ неимовѣрно большаго спроса послужитъ только къ поднятію мѣстныхъ цѣнъ; между тѣмъ, для доставки всѣхъ 40 милл. пудовъ имѣющагося тамъ хлѣба,—принимая во вниманіе, что владикавказская дорога съ трудомъ можетъ отправлять въ день двѣсти вагоновъ зерна, даже если не будетъ снѣжныхъ заносовъ,—потребуется не менѣе десяти мѣсяцевъ. Правда, что часть хлѣба могла бы быть, въ размѣрѣ полутора милліона пудовъ, вывезена и моремъ. Но такъ какъ «русское общество пароходства и торговли» объявило наименьшій фрахтъ по семи копѣекъ съ пуда, считая мѣшки, выгрузку и нагрузку, то для дальнѣйшаго передвиженія грузовъ отъ Одессы на тысячу верстъ, при ставкѣ въ $^1/_{100}$, придется желѣзнымъ дорогамъ брать всего три копѣйки за все разстояніе, на что эти дороги уже, конечно, безъ собственнаго разоренія не могутъ согласиться. Вотъ, слѣдовательно, какъ стоитъ дѣло, не потому, что желѣзныя дороги отказываются возить, но потому, что онѣ не знаютъ и не могутъ знать, куда возить и сколько возить.

«Очевидное дѣло,—говоритъ одна газета,—что здѣсь передъ нами—вопросъ организаціи, и притомъ не частной организаціи движенія грузовъ по главнымъ артеріямъ, но и *по всей сѣти желѣзныхъ дорогъ*, и по всѣмъ инымъ путямъ сообщенія. Вотъ почему полезно и необходимо немедленно же, покуда время еще терпитъ, *соединить все дѣло перевозки хлѣба въ однихъ властныхъ рукахъ*, которыя могли бы съ полною свободою управлять движеніемъ этихъ грузовъ по всѣмъ дорогамъ, съ единственною и твердо опредѣленною цѣлью: перевезти съ юга и съ запада государства какъ можно болѣе хлѣбныхъ грузовъ въ мѣста неурожайныя, и притомъ въ кратчайшій срокъ. Понятно, что когда будетъ выработана программа и организована подходящая власть для управленія этимъ грузовымъ движеніемъ, задача сдѣлается сама по себѣ уже гораздо менѣе трудной. Нельзя будетъ ждать ни какихъ либо исключительныхъ заваловъ станцій хлѣбными грузами, ни перерывовъ, сколько нибудь продолжительныхъ въ этомъ движеніи, которое во всю предстоящую намъ зиму должно быть непрерывнымъ. Агенты по перевозкѣ хлѣба, повинуясь одной общей волѣ, будутъ направлять грузы во всѣ стороны, занимая перевозкой всѣ дороги, не пугаясь и кружныхъ путей, лишь бы въ данный моментъ всегда двигалось наибольшее количество груженыхъ вагоновъ къ намѣченному складу. Имъ же придется и наблюдать, чтобы какъ отправители, такъ и получатели этихъ грузовъ не задерживали вагоновъ долѣе необходимаго, убирали хлѣбъ со станцій, по возможности, сейчасъ же по его прибытіи и не возили бы его назадъ. Само собой понятно, что всѣ тѣ, кто будетъ

Digitized by Google

завѣдывать этимъ важнѣйшимъ въ настоящую минуту дѣломъ, должны быть облечены достаточною властью и правами, чтобы не отдавать приказаній, которыя можно бы съ удобствомъ обходить. Только въ этихъ условіяхъ все дѣло можетъ быть сдѣлано быстро, «скоро и дешево».

Со всѣми этими разсужденіями мы вполнѣ соглашаемся, добавляя отъ себя, что, при надлежащей организаціи передвиженія хлѣбныхъ грузовъ, и «злостная спекуляція» нашихъ хлѣбныхъ кулаковъ прекратится сама собою.

Digitized by Google

ФОНОГРАФЪ.

(Фельетонъ «Наблюдателя»).

И СМѢХЪ, И ГОРЕ.

(Литературныя и общественныя замѣтки).

Парижъ, какъ настоящая „всемірная столица". — Обиліе иностранцевъ и удобства жизни, имъ предлагаемыя.—Различные маштабы парижскаго комфорта.—Парижъ при Наполеонѣ III-ьемъ и теперь.—«Каскадная имперія» и ея фривольныя созданія.—Степенность и добропорядочность республиканской буржуазіи. — Интенсивность труда во Франціи.—Прирожденное изящество вкуса.—Попытки «четвертаго класса» забрать господство.—Люди умѣренные и интрансигенты.— Идея русско-романскаго союза въ противоположность англо-нѣмецкому.

I.

... И вотъ я опять въ Парижѣ, — въ этой вѣчно-завлекательной, вѣчно-оживленной, вѣчно суетящейся и веселящейся „столицѣ мірѣ," у которой Берлинъ такъ тщетно старался и еще старается отнять пальму первенства, во славу нѣмецкихъ штыковъ и прусской... глупости. Уже въ пятый разъ на своемъ вѣку посѣщаю я берега Сены и каждый разъ молодѣю духомъ, бодрюсь физически и запасаюсь цѣлою массою впечатлѣній на всю длинную петербургскую осень, съ ея противною слякотью, съ оглушительно-гремящими мо-

Digitized by Google

стовыми, съ унылыми, зелеными лицами влачащагося люда, со всѣмъ дѣловымъ бездѣльемъ канцелярскаго гнѣзда и комерческой обители...

Когда-то незабвенный Василій Кирилловичъ Тредьяковскій, поучившись „элоквенціи“ у парижскихъ гризетокъ, восклицалъ въ неудержимомъ паѳосѣ:

Красное мѣсто! Драгой берегъ сенскій!
Кто тя не любитъ, развѣ бѣ духъ звѣрскій!

Этимъ самымъ „звѣрскимъ духомъ“ заразились нынѣ сыны нѣмецкаго фатерланда, и спятъ и видятъ, какъ бы имъ— если ужь не снести съ лица земли, то, по крайней мѣрѣ, обезличить, принизить, парализовать шумный центръ европейской жизни, донынѣ приковывающій къ себѣ и взоры, и симпатіи всего образованнаго міра. Впрочемъ, „страшенъ сонъ да милостивъ Богъ“, гласитъ одна благочестивая русская пословица, а другая, столь же благочестивая, присовокупляетъ: „Богъ дастъ, свинья не съѣстъ“. Подъ прикрытіемъ этихъ двухъ щитовъ народной мудрости, да почіетъ спокойно новѣйшій Вавилонъ!

Въ двѣ первыя поѣздки (1863 и 1869 гг.) я видѣлъ Парижъ еще подъ господствомъ „второй имперіи“ и, вмѣстѣ со всѣми благонамѣренными „подданными“ Наполеона III-ьяго, праздновалъ jour Napoléon (15-ое августа), когда изящные огни великолѣпной иллюминаціи заливали все огромное пространство отъ Arc d'Etoile вплоть до Тюльери, а движеніе экипажей прекращалось само собой, по физической невозможности прорѣзать сплошную массу гуляющихъ. Затѣмъ, въ послѣдніе разы (начиная со всемірной выставки 1889 года) я наслаждался парижской жизнью уже подъ этикеткой „третьей республики“—и могъ, слѣдовательно, сопоставлять въ своей памяти нравы и идеи двухъ различныхъ періодовъ французской исторіи.

II.

Парижъ тѣмъ именно и хорошъ, тѣмъ и привлекаетъ къ себѣ такую массу иностранныхъ гостей со всѣхъ концовъ

Digitized by Google

вселенной, что это—самый гостепріимный городъ на земномъ шарѣ и что онъ каждому изъ своихъ безчисленныхъ посѣтителей предлагаетъ всевозможныя удобства и удовольствія, смотря по его состоянію, вкусу и степени образованія. Отъ Бельвиля до Булонскаго лѣса, отъ Boulevard St. Germain до Gare St. Lazar, французская столица представляетъ одну *сплошную гостинницу*, въ которой могутъ найти себѣ соотвѣтствующее мѣсто и путешественникъ, швыряющій вокругъ себя груды золота, и скромный туристъ, разсчитывающій тратить не болѣе 10—15 франковъ въ сутки. Рядомъ съ громадными палаццо-отелями (Continental, Hôtel du Louvre, Grand Hôtel и пр.), гдѣ нельзя найти комнаты дешевле 8—10 франковъ въ сутки, a table d'hôte стоитъ 6 франковъ за кувертъ,—помѣщаются, въ двухъ шагахъ отъ нихъ, менѣе шикарные и совсѣмъ скромные отельчики, въ которыхъ цѣна комнатъ спадаетъ уже до 3—5 франковъ, а обѣдъ вы можете получить тутъ же, въ ближайшемъ ресторанѣ, за 2—3 франка. Есть даже обѣды отъ полутора франка до франка 75 сантимовъ, но тутъ уже пускаются въ ходъ фальсификація и недоброкачественность провизіи, замаскировываемой пикантными соусами и подливками. Впрочемъ, одинъ изъ русскихъ, проживающій въ рабочемъ кварталѣ Монружъ и вынужденный горькими обстоятельствами питаться чѣмъ Богъ послалъ, старался увѣрить меня, что и за полтора франка онъ получаетъ здоровый и сытный обѣдъ.

На подмогу большимъ и малымъ отелямъ, съ ихъ собственными ресторанами и буфетами, приходятъ такъ называемые hôtels meublés, не держащіе своего стола, и просто меблированныя комнаты, гдѣ, при мѣсячной платѣ, а тѣмъ болѣе по полугодіямъ, можно имѣть приличное помѣщеніе за 2 франка въ день. Многое зависитъ, конечно, отъ мѣста, въ которомъ вы ищете для себя квартиру и столъ. На Итальянскомъ бульварѣ и на смежномъ съ нимъ Boulevard des Capucines, на Rue Rivoli, на Avenue de l'Opéra, возлѣ Палерояля и Лувра, вы рискуете, конечно, заплатить дороже и за помѣщеніе, и за продовольствіе, и за товары, покупаемые въ магазинахъ; но отойдите не очень далеко въ сторону, наприм., на Boulevard St Dénis, на Rue St. Honoré, Rue de Richelieu,

Digitized by Google

Rue Vivienne (двѣ послѣднія улицы выводятъ васъ прямо на самые бойкіе бульвары) — и вы сейчасъ ощутите на всемъ чувствительную разницу для вашего кармана, безъ ущерба, однако, для качества вещей. Можно сказать положительно, что та вещь, за которую вы здѣсь, при умѣломъ выборѣ, платите 2—3 франка, у насъ на Руси (съ провозомъ, таможенной пошлиной и пр.) обходится уже въ 3 и даже 5 рублей, смотря по рубрикѣ тарифа. Я помню, напр., что мой сосѣдъ по вагону, купившій въ Парижѣ кружевъ для дѣтей по 2 франка за метръ, заплатилъ одной пошлины въ Вержболовѣ по 4 франка—и такимъ образомъ, не считая издержекъ провоза, французскій товаръ въѣхалъ къ намъ по 6 франковъ за метръ. Но процвѣтаетъ ли отъ этой, почти запретительной, пошлины производство русскихъ кружевъ? Что-то не слыхать...

Помимо недорогой цѣны отельныхъ и меблированныхъ помѣщеній,—и наемъ отдѣльныхъ квартиръ поражаетъ своею дешевизною, сравнительно съ петербургскими, а тѣмъ болѣе съ московскими бѣшеными цѣнами. Конечно, мѣсто играетъ и тутъ значительную роль, но опять же не такую громадную, какъ у насъ. Кромѣ того, не мѣшаетъ замѣтить, что при тѣхъ удобствахъ сообщенія, которыми пользуются парижане, разъѣзжающіе съ одного конца города на другой по желѣзной „поясной“ дорогѣ, въ трамваяхъ, омнибусахъ и недорогихъ фіакрахъ (по таксѣ), вопросъ о мѣстѣ квартиры почти не имѣетъ значенія даже для лицъ, обязанныхъ являться на службу къ опредѣленному часу. Кто запасся табличками движенія трамваевъ и омнибусовъ, тотъ никуда не опоздаетъ при самой небольшой долѣ предусмотрительности. Но и недалеко отъ центровъ движенія,—по крайней мѣрѣ, не на окраинахъ города,—можно найти совершенно удобную, порядочную квартиру въ 4—6 комнатъ за 1000—1500 франковъ въ годъ, что составляетъ для насъ, даже по теперешнему скверному курсу, только 400 — 600 рублей, а въ прошломъ году составляло лишь 300 и 450 р. Нечего и говорить о томъ, что понятія о комфортѣ, необходимомъ для жильца, стоятъ у парижскаго домовладѣльца на иномъ уровнѣ, чѣмъ у нашихъ разбогатѣвшихъ лабазниковъ и прàсоловъ, не счи-

Digitized by Google

тающихъ, напр., неудобствомъ хожденіе на задній дворъ для естественныхъ надобностей, или стучаніе кулакомъ въ ворота для вызова дворника. Въ Москвѣ, напр., нѣкоторые „нетерпѣливые“ жильцы вынуждены бываютъ—даже не въ захолустьяхъ первопрестольной столицы—перелѣзать черезъ заборъ, чтобы не замерзнуть на улицѣ, пока полупьяный дворникъ (типъ, мало похожій на французскаго concierge'а) напялитъ свой тулупъ и доберется, спотыкаясь въ снѣжныхъ сугробахъ, до калитки.

Не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что живущіе здѣсь на отдѣльныхъ квартирахъ не испытываютъ той „муки-мученской“ съ прислугою, до которой доведены мы съ нашими Лукерьями, Матренами, Григоріями и Пафнутіями. Въ то время какъ эти Лукерьи и Пафнутьи все еще не могутъ забыть прелестей крѣпостнаго права,—когда „при чубукахъ“ состояло по пяти лакеевъ, при моськѣ Биби — три горничныхъ, а при самой барынѣ цѣлый штатъ „сѣнныхъ дѣвушекъ“,—французская *одна прислуга*, получая въ небольшомъ семействѣ 40 франковъ въ мѣсяцъ (10 р. по номинальной стоимости французскихъ денегъ) дѣйствительно замѣняетъ собой всякую прислугу: и кухарку, и горничную, и лакея. Она и убираетъ комнаты—да такъ, что ни о какой пыли, ни о какихъ блохахъ и клопахъ помину нѣтъ—и готовитъ кушанье, и чиститъ сапоги и ботинки, и моетъ дѣтское бѣлье, и успѣваетъ, кромѣ того, исполнять разныя экстренныя порученія хозяевъ. На рынокъ она ходитъ большею частію не одна, а позади своей барыни, которая сама выбираетъ провизію, даже въ зажиточныхъ семействахъ, никогда не забывая, что содержимое кастрюлей попадаетъ въ желудокъ къ ней, къ ея мужу и дѣтямъ. Но зато французская прислуга имѣетъ свои опредѣленные часы для ѣды, для отдыха и прогулки, и очень дорожитъ своимъ свободнымъ временемъ. Ее нельзя, напр., позже условленнаго срока поднимать съ постели и посылать въ погребъ за бутылкой вина или пива. При частомъ повтореніи подобныхъ посылокъ, она возропщетъ и откажется отъ мѣста; всѣ же свои договоренныя обязанности исполняетъ вѣжливо и акуратно, съ обычной французской предупредительностью и смышленостью. Для отказа

Digitized by Google

отъ мѣста, со стороны ли хозяина, или со стороны прислуги, существуетъ здѣсь извѣстный терминъ (8 дней), въ теченіе котораго вы всегда найдете новую прислугу, а ваша служанка—подходящее мѣсто. Натурально, что въ случаѣ столкновеній съ прислугою здѣсь нельзя „давать волю рукамъ"—и это обстоятельство, кажется, приходится не по нутру многимъ россіянамъ. Но мыслимо ли допустить ручную расправу въ странѣ, гдѣ каждый garçon, каждый domestique, каждый cocher, сбросивъ свои служебныя принадлежности, идетъ въ избирательный округъ подавать голосъ за того или другаго депутата; гдѣ всѣ они пользуются, вмѣстѣ съ своими нанимателями, неотъемлемыми общественными и политическими правами французскаго гражданства?

Правда, отъ нѣкоторыхъ французовъ я слыхалъ и жалобы на прислугу; но это показываетъ только слишкомъ высокій уровень ихъ культурной требовательности. Я же, съ своей стороны, только любовался всегда распорядительностью, чистоплотностью, быстротою французскихъ гарсоновъ и ихъ surveillants въ самыхъ людныхъ отеляхъ, и невольно припоминалъ, по сравненію съ ними, нашихъ лѣнивыхъ, неповоротливыхъ, грязныхъ буфетчиковъ и „половыхъ". Тамъ, гдѣ одинъ гарсонъ исправно услужитъ десяти посѣтителямъ, — тамъ, при нашихъ нравахъ, потребовалось бы десять „услужающихъ", которые все таки переколотили бы вдвое болѣе посуды и перепачкали бы втрое больше столоваго бѣлья...

III.

Съ внѣшней стороны, наполеоновскій Парижъ, — городъ разнузданныхъ преторіанцевъ, продавшихъ свои шпаги искателю приключеній; шикарныхъ кокотокъ, торговавшихъ мѣстами свѣдома или безъ вѣдома своихъ покровителей; лукавыхъ и сластолюбивыхъ princes de l'église, притиравшихся на императрицыной половинѣ въ Тюльери; набившихъ карманы биржевыхъ игроковъ на повышеніе и пониженіе,—представлялъ, конечно, больше блеска и занимательности для праздная иностранца, чѣмъ нынѣшній республиканскій Парижъ,

Digitized by Google

очищенный отъ этихъ, роскошныхъ снаружи, но гнилыхъ внутри, декорацій большаго европейскаго центра.

Наполеону нужно отдать ту справедливость, что онъ значительно измѣнилъ къ лучшему физіономію стараго, средневѣковаго Парижа: проложилъ нѣсколько новыхъ бульваровъ и улицъ, переломалъ грязные закоулки, не столько потому, что они портили внѣшній видъ города, сколько потому, что въ нихъ удобно было баррикадироваться при уличномъ сраженіи; асфальтировалъ мостовыя, опять таки въ тѣхъ видахъ, чтобы плиты и камни не шли на баррикадированіе улицъ; воздвигнулъ новыя громадныя зданія и памятники, освѣжилъ воздухъ фонтанами и пр. Всю эту ломку и чистку города онъ производилъ отчасти во имя droit au travail, давая хорошій заработокъ тысячамъ каменотесовъ и плотниковъ, ибо до конца дней сохранялъ нѣкоторыя соціалистическія симпатіи своей юности.

О внутреннемъ содержаніи третьей имперіи, конечно, и говорить нечего: оно достаточно раскрыто міру и въ историческихъ документахъ, и въ романахъ Золя, безпощадно анатомировавшаго всю жизнедѣятельность этого безобразнаго политическаго агломерата. Парижскія улицы, при послѣднемъ Наполеонѣ, сіяли и блистали... но не тѣмъ блескомъ, какимъ горятъ настоящіе самоцвѣтные камни, а тѣмъ обманчивымъ жидкимъ мерцаніемъ, какимъ обладаютъ хорошо приготовленные фальшивые „діаманты“ Лорá-Кателэ. Въ этомъ странномъ, полуфантастическомъ мірѣ все было напускное, дѣланное; все отзывалось битьемъ на эффектъ и искусственнымъ прикрашиваньемъ, начиная отъ рыжихъ париковъ на модныхъ львицахъ сезона и кончая кажущимся политическимъ всемогуществомъ „цезаря“,—всемогуществомъ, такъ легко опрокинутымъ въ преисподнюю послѣ первыхъ военныхъ неудачъ. Теперь только перезрѣлыя кокотки въ Біаррицѣ, появляясь по старой памяти въ казино, на концертахъ, или парадируя на plage'ѣ передъ кабинами купальщиковъ, поднимаютъ завѣсу того вальтасарова пиршества, которое шло по всей Франціи, почти наканунѣ седанскаго погрома. Самый Біаррицъ, съ его голыми, мрачными утесами, съ неумолчнымъ прибоемъ бѣшеныхъ волнъ, которыя сбиваютъ съ ногъ самихъ baigneur'овъ; съ его ве-

Digitized by Google

ликолѣпными, прихотливо украшенными виллами, — самый этотъ Біарриць созданъ по капризу меланхолическаго мечтателя на тронѣ, и до сихъ поръ носитъ на себѣ отпечатокъ его руки.

Но то Біарриць, а Парижъ... Парижъ уже почти эмансипировался отъ господства желтогривыхъ кокотокъ, „военной фанфаронады“ (по выраженію Золя) и благочестивыхъ патеровъ, которые, скрѣпя сердце, готовы уже примириться съ республиканскимъ режимомъ, лишь бы онъ не лишалъ ихъ „казеннаго содержанія“. Конечно, казовая сторона парижской жизни потускнѣла значительно: она не блещетъ всѣми переливами радуги, не мечется въ глаза, не оглушаетъ васъ трескотнею и шумомъ; но внутренній ростъ народнаго благосостоянія во всѣхъ его отрасляхъ, внутреннее политическое развитіе націи несомнѣнно и далеко двинулись впередъ. Народное образованіе, напр., сдѣлало въ 20 лѣтъ такіе успѣхи, какихъ прежде не могло достигнуть и въ нѣсколько столѣтій. Народное богатство,—какъ бы ни растрачивали его неумѣлые финансисты и администраторы, — растетъ не по днямъ, а по часамъ, благодаря все возрастающей интенсивности и производительности народнаго труда. Къ изящному вкусу, давно составляющему отличительную черту французскаго племени, присоединяется болѣе тщательная выработка фабрикатовъ, болѣе внимательное отношеніе къ условіямъ прочности и добротности — и французская промышленность затмѣваетъ нынѣ всю европейскую. Въ литературѣ, наукѣ и политической жизни, Франція также не оскудѣваетъ талантами: имена ея беллетристовъ, критиковъ, историковъ, натуралистовъ и политическихъ людей извѣстны всему образованному міру и за ихъ дѣятельностью съ участіемъ и вниманіемъ слѣдитъ все, не коснѣющее въ обскурантизмѣ, человѣчество.

Да, третья республика родилась, что называется, „въ сорочкѣ“, хотя сорочка эта и густо смочена благородной французской кровью, подъ Гравелотомъ и Седаномъ. Ея враги, тайные и явные: всѣ „интрансигенты“ въ родѣ Рошфора, отрицающаго всякую форму правленія, какъ только она перешла въ дѣйствительность; всѣ претенденты — кто на королевскій,

Digitized by Google

кто на императорскій тронъ; всѣ наиболѣе буйные представители „четвертаго класса“, еще не отвыкшіе дѣйствовать булыжникомъ и горящимъ керосиномъ вмѣсто слова и избирательнаго бюллетеня,—всѣ эти враги не страшны народу, который дожилъ уже до такой высокой степени политической свободы и политической терпимости, что допускаетъ у себя на улицахъ „розничную продажу“ самыхъ ярыхъ пасквилей на правительство, въ досужую минуту пробѣгаетъ ихъ—и не торопится гнать это правительство, и не строитъ противъ него баррикадъ. Для выраженія справедливыхъ требованій „четвертаго класса“ (о нихъ уже говорилось въ нашемъ журналѣ, въ послѣднемъ „Парижскомъ письмѣ“) открыто въ республикѣ достаточно легальныхъ путей, и отъ благоразумія правящихъ классовъ зависитъ ихъ болѣе или менѣе полное удовлетвореніе, сообразно дѣйствительнымъ потребностямъ государственнаго развитія. Что же касается до бонапартистовъ и орлеанистовъ, то они совсѣмъ стушевались, не имѣя ни вождей, ни средствъ для серьезной агитаціи. Послѣдняя амальгама всѣхъ оппозиціонныхъ элементовъ, соединившихся въ образѣ буланжизма, также прекратила свое существованіе, убитая наповалъ пистолетнымъ выстрѣломъ отчаявшагося въ успѣхѣ самоубійцы-генерала.

Вообще республиканскій режимъ упрочился здѣсь окончательно и, для лучшей защиты себя отъ нѣмецкихъ замысловъ, проэктируетъ, въ отпоръ англо-германскому соглашенію—русско-романскій союзъ, изъ Франціи, Италіи, Испаніи и Россіи. Россія уже привлечена въ этотъ союзъ, если и не оформленный бумажнымъ договоромъ, то, во всякомъ случаѣ, вполнѣ соотвѣтствующій нашимъ интересамъ и сердечнымъ симпатіямъ. Имя русскаго теперь пользуется во Франціи всевозможнымъ почетомъ. О нашемъ государѣ говорятъ съ одинаковымъ уваженіемъ и правительственные органы печати, и самые непримиримые оппозиціонные листки. На всемъ далекомъ пути, отъ Парижа до Аркашона (возлѣ испанской границы) я слышалъ русскій гимнъ и всякія добрыя пожеланія нашему отечеству. Приведу одну маленькую, но характеристичную черточку. Какъ то, осматривая въ Парижѣ Jardin des Plantes, я подошелъ къ отдѣленію огромныхъ черепахъ и

Digitized by Google

крокодиловъ, куда доступъ былъ открытъ только по особымъ билетамъ. Но стоило только мнѣ предъявить привратнику свою визитную карточку съ русскимъ именемъ и званіемъ, какъ двери передо мной растворились настежъ, и я услыхалъ любезное напутствіе: „Votre nom de Russe, monsieur, vous ouvre chez nous toutes les portes. Soyez le bienvenu“.

И пусть мы надолго будемъ для Франціи дорогими гостями!

Ефимъ Простосердовъ.

Парижъ.

Digitized by Google

«ЭТО ВЪ ПОРЯДКѢ ВЕЩЕЙ».

Если воришка украдкой
Стянетъ пятакъ и проѣстъ,—
«Это безнравственно, гадко!»
Слышится общій протестъ.
Если жъ съ сумою пускаетъ
Тузъ горемычныхъ людей,
Крупные куши срываетъ,—
«Это въ порядкѣ вещей!»
Женщина, если открыто
Друга себѣ заведетъ,
Мы закричимъ пресердито:
«Вотъ вамъ развратница, вотъ!»
Если жъ, негласно для свѣта,
Куча «амàнтовъ» у ней,—
Мы не нарушимъ секрета:
«Это въ порядкѣ вещей».
Если, тоской угнетаемъ,
Выпьетъ мужикъ нашъ подчасъ,
Мы на него нападаемъ:
«Въ пьянствѣ, каналья, погрязъ!»
Если жъ въ стѣнахъ ресторана
Мы прокутимъ пять ночей,
Это не кажется странно:
«Это въ порядкѣ вещей!»
Если кто, съ цѣлью достойной,
Гласно бичуетъ развратъ,—
«Онъ человѣкъ безпокойный!»
Всюду о немъ говорятъ,

Digitized by Google

Ибо вошло намъ въ привычку
Прятать грѣшки отъ очей,
Тайно срывать же «клубничку»—
«Это въ порядкѣ вещей!!»

Невскій Житель.

НА ЛИТЕРАТУРНОЙ НИВѢ.

Неурожай по части хлѣба,
Зато проэктовъ урожай;
Къ спасенью мѣръ у насъ такъ много—
Подъ рядъ любую выбирай.
Вотъ «Гражданинъ»... И въ годъ голодный
Онъ также требуетъ—каковъ?—
Не насыщенія желудковъ,—
«Успокоенія умовъ!»
Графъ Левъ Толстой, покушавъ сытно,
Запѣлъ все ту же пѣсню вновь:
«Не хлѣбъ народу, вѣрьте, нуженъ,
Любовь нужна ему, любовь!..»
Нотовичъ карту взялъ Россіи,
Провелъ «осѣдлости» черту,
Ткнулъ пальцемъ въ центръ неурожая
И смѣло высказалъ мысль ту:
Что «въ нашемъ западномъ районѣ
Подъ рядъ за нѣсколько вѣковъ
Все урожай, въ Россіи жъ—голодъ,
А потому, что *нѣтъ жидовъ*...
Гевалтъ! Спасительность жидовства
Я доказать всегда берусь;
Мы—Богомъ избранное племя—
Сосемъ народъ, но кормимъ Русь»!
Подъ шумъ рѣчей про суррогаты,
Любовь безплотную и кнутъ,
Вдругъ ощутилъ одинъ философъ

Digitized by Google

Мессіанизма страшный зудъ.
Принявши гордый видъ пророка,
За увлеченье прежнихъ дней
Задать «интеллигенту» баню
Онъ спохватился поскорѣй.
«Отъ соучастія въ ошибкахъ
Меня въ дни юности самъ Богъ
Для просвѣтленія Россіи
Рукой заботливой сберегъ,
Чтобъ живъ, здоровъ, благополученъ
Теперь я ринулся на тѣхъ,
Кто опочилъ въ борьбѣ жестокой:
Неурожай—ихъ смертный грѣхъ!
Не вѣдали политиканы,
Что удобреніе полей—
Реформъ, принциповъ и теорій
Намъ, право, всяческихъ нужнѣй.
Твоя обязанность—культура,
Ее ты свято исполняй:
Долой свободу, идеалы!
Садись и землю удобряй!»
Такъ къ намъ взываетъ гласомъ трубнымъ
Іеремія Соловьевъ,
На страшный судъ свой призывая
Живыхъ и даже мертвецовъ.
Быть можетъ, намъ его совѣты
Хоть чѣмъ нибудь послужатъ въ прокъ,
Но въ обличительныхъ укорахъ
Страхъ запоздалъ онъ, какъ пророкъ,
И объ ошибкахъ пережитыхъ
О «гладѣ, морѣ»—обо всемъ,
Что́ ужь свершилося,—съ апломбомъ
Пророчитъ заднимъ онъ числомъ.
Даръ прорицанія сюрпризомъ
Открылъ въ себѣ сей славный россъ:
Онъ издали провидитъ муху,

Digitized by Google

Къ нему ужь сѣвшую на нось.
Неурожай хлѣбовъ въ Россіи...
За то—о, Русь, не унывай!—
На пажитяхъ литературныхъ—
На ахинею урожай...

ГИМНЪ КОСТОЛОМКАМЪ.

Хороши на славу
Наши костоломки;
Скромны ихъ доходы,
Подвиги ихъ громки.
До приплатъ, авансовъ
Лакомки большія.
Весь секретъ ихъ жизни—
Въ словѣ: «гарантія».
Всѣ мосты, плотины
Строилъ духъ наживы...
На пути молитесь,
Чтобъ остались живы!
Крѣпко ставятъ сваи
Наши инженеры,
Только жаль, при этомъ
Хапаютъ безъ мѣры...
Здѣсь стропила лопнутъ,
Тамъ сорветъ плотину—
И, глядишь, весь поѣздъ
Валится въ трясину.
Знать судьбу заранѣ
Трудно человѣку:
Къ мѣсту ли пріѣдешь,
Попадешь ли въ рѣку?..
Пассажиръ трепещетъ

Digitized by Google

Колеи коварной.
Но увы!—не лучше
Съ частью и товарной.
Въ «съѣздахъ» все разводятъ
Вѣчно тары-бары,
А на трактахъ южныхъ
Громоздятъ товары.
Русь снабдить не могутъ
Закавказскимъ хлѣбомъ—
И гноятъ усердно
Подъ открытымъ небомъ.
Изъ-за костоломокъ
Держитъ Русь діету,
Говоря спасибо
Нѣкоему *Зету*.
Кто-то догадался,
Какъ помочь тутъ горю:
«Нѣтъ пути на сушѣ,
Такъ махнемъ по морю».
Такъ-то оказалась
Русь страной *безпутной*.
Кто же ловитъ рыбу
Тутъ въ водицѣ мутной?

Л. Балалайкинъ.

Digitized by Google

РАЗМЫШЛЕНІЕ ОДНОГО ГАЗЕТЧИКА.

«На берегу пустынныхъ волнъ»
Весьма вонючаго канала
Стоялъ онъ, думъ тревожныхъ полнъ:
— «Ну, братцы, ну, совсѣмъ пропала
Газета «*Новости*». Сенатъ
Отвергнулъ приговоръ палаты—
И вотъ теперь плясать ужь радъ
Земельный Тульскій банкъ проклятый...
Но погодите ликовать!
Еще не сидя *въ одиночкѣ*,
Моихъ враговъ могу трепать
Я цѣлый годъ—и въ каждой строчкѣ.
Пусть мнѣ другой процессъ грозитъ
За рядъ печатныхъ оскорбленій,
Я отсижу, какъ истый жидъ—
За «*совокупность преступленій*».

Е. П

Digitized by Google

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ТКРЫТА ПОДПИСКА на ежедѣльный иллюстрированный журналъ литературы, политики и современной жизни

НИВА 1892 г.

со многими безплатными приложеніями и преміями.

Гг. подписчики „НИВЫ“ получатъ въ теченіе 1892 года:

№№ художественно-литературнаго журнала „Нива“, въ каждомъ № отъ 6—10 рисунковъ и въ теченіе года около 1500 столбцовъ текста.

КНИГЪ ежемѣсячнаго безплатнаго литературнаго приложенія, подъ заглавіемъ „СБОРНИКЪ НИВЫ“, содержащихъ въ себѣ романы, повѣсти, раззы, популярно-научныя статьи и проч. лучшихъ современныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей; въ числѣ этихъ 12 книгъ, какъ самостоятельное изданіе и какъ

ГЛАВНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМІЯ:

за Іюль 1892 г. сочиненія **гриневдова**,
„ Августъ 1892 г. сочиненія **полежаева** и
„ Сентябрь 1892 г. сочиненія **козлова**.

Каждое собраніе сочиненій будетъ издано въ отдѣльномъ томѣ, подъ редакціею **И. Введенскаго**, съ портретами авторовъ, гравированными на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ. Цѣна каждаго тома для неподписчиковъ 1 руб.

ГЛАВНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРЕМІЯ:

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ „НИВЫ“, заключающій въ себѣ:

КАРТИНЪ исполненныхъ fac-simile по картинамъ извѣстнѣйшихъ художниковъ, а именно: 1) „Лунная ночь на берегу Чернаго моря, изъ „Сухумъ-Кале“ проф. И. К. Айвазовскаго, 2) „Вечеръ“ акад. А. Н. Бенуа, „Морской каналъ въ С.-Петербургѣ“, проф. А. П. Боголюбова, 4) „У колодца“ проф. Н. Д. Дмитріева-Оренбургскаго, 5) „Фатьма“ Н. Зихеля, 6) „Спряталась“, худ. М. Котляревскаго, 7) „Изъ дѣтства Петра Великаго“ проф. Н. А. Кошелева, „Близь Ай-Петри въ Крыму“ проф. Л. Ф. Лагоріо, 9) „Бояринъ“ проф. К. Е. Маковскаго, 10) „У яблоковъ“, худ. В. И. Навозова. Размѣръ картинъ 10 вершк. вышины и $7^1/_2$ вершк. ширины. Картины разошлются въ изящной папкѣ, украшенной рисункомъ акад. С. Александровскаго.

№№ безплатнаго ежемѣсячнаго приложенія „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“, содержащихъ до 500 модныхъ гравюръ.

ЛИСТОВЪ безплатнаго ежемѣсячнаго приложенія рукодѣльныхъ и выпильныхъ работъ (около 600) и до 400 чертежей выкроекъ въ натуральную величину.

СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ на 1892 г., печатанный красками.

Подписная цѣна на годовое изданіе „НИВЫ“ со всѣми вышепоименованными приложеніями и преміями:

Безъ доставки въ С.-Петерб. . .	5 р. —
съ доставкою въ С.-Петерб. . .	6 р. 50 к.
Безъ доставки въ Москвѣ (въ конт. Н. Н. Печковской)	6 р.
Съ пересылк. во всѣ города и мѣстности Россіи.	7 р.
ЗА ГРАНИЦУ	р.

Требованія просятъ адресовать въ С.-Петербургъ, въ главную контору журнала НИВА (Ф. МАРКСУ), Невскій просп., № 6.

Digitized by Google

1812 — БОЛЬШАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ УЧЕНАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА — 1892.

(ВЫХОДЯЩАЯ БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ВОСЬМИДЕСЯТЫЙ).

Съ 1 января 1892 года будетъ выходить ежедневно въ ДВУХЪ изданіяхъ:

ПЕРВОЕ ИЗДАНІЕ

ВЪ ФОРМАТѢ БОЛЬШИХЪ СТОЛИЧНЫХЪ ГАЗЕТЪ

СЪ ЕЖЕМѢСЯЧНЫМИ, ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ И КНИЖКАМИ

«РОМАНЫ и ПОВѢСТИ».

Выдающіяся событія изъ придворнаго и военнаго міра, а также всѣ важныя новости дня столичной, внутренней и иностранной жизни, печатаются по сообщеніямъ спеціальныхъ корреспондентовъ газеты, одновременно съ другими дорогими изданіями, а потому газета „Сынъ Отечества“ въ первомъ (большомъ) изданіи вполнѣ замѣняетъ собою

ДОРОГУЮ ПО ПОДПИСНОЙ ЦѢНѢ ГАЗЕТУ И ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Кромѣ ежедневныхъ нумеровъ газеты, подписчики перваго (большаго) изданія получаютъ безплатно:

1) По воскресеньямъ особое иллюстрированное приложеніе, отпечатанное на веленевой и глазированной бумагѣ, въ видѣ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАГО ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА,

гдѣ помѣщаются: историческіе и современные (оригинальные и переводные), повѣсти, разсказы и стихотворенія. Болѣе 300 рисунковъ, а именно: портреты историческихъ и современныхъ (русскихъ и иностранныхъ) общественныхъ дѣятелей, историческія, бытовыя и современныя иллюстраціи, имѣющія непосредственное отношеніе къ событіямъ и „злобѣ дня“ за текущую недѣлю. Каррикатуры, шахматныя, шашечныя задачи и проч.

2) КНИЖКИ «РОМАНЫ И ПОВѢСТИ». Каждая книжка отъ 160 до 200 стр., что въ теченіе года составитъ цѣнную „Домашнюю Библіотеку“.

3) ДВѢНАДЦАТЬ НУМЕРОВЪ «МОДЫ И РУКОДѢЛЬЯ», замѣняющихъ собою для семействъ спеціальный модный журналъ.

4) СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ, отпечатанный въ три краски (разсылается при первомъ нумерѣ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

НА ПЕРВОЕ (БОЛЬШОЕ) ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ

СЪ ЕЖЕМѢСЯЧНЫМИ, ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ ИЛЛЮСТРИР. ПРИЛОЖЕНІЯМИ и КНИГАМИ

„РОМАНЫ и ПОВѢСТИ“:

На годъ (съ доставкою въ Спб. и пересылкою по Имперіи) 8 руб.

На полгода 4 руб. На три мѣсяца 2 рубля.

Гг. ГОДОВЫЕ подписчики ПЕРВАГО или ВТОРАГО изданія газеты „СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“, внесшіе сполна подписную сумму, имѣютъ право получить ОДНО изъ ЧЕТЫРЕХЪ новыхъ художественныхъ изданій (картину или альбомъ), а именно: 1) Большая картина Профессора Ѳ. Бруни—„МОЛЕНІЕ О ЧАШѢ“. Большія картины профессора Ю. Ю. Клевера: 2) „ЛУННАЯ НОЧЬ НА РѢКѢ“ и 3) „ЗАКАТЪ СОЛНЦА ЗИМОЮ ВЪ ЛѢСУ“; Художественный альбомъ, состоящій изъ „ПЯТНАДЦАТИ АКВАРЕЛЕЙ художника Н. Н. Каразина:—„РУССКАЯ ЖИЗНЬ и ПРИРОДА ВЪ КАРТИНАХЪ“, наклеенныхъ на японскій картонъ и вложенныхъ въ изящную папку. Всѣ предлагаемыя картины отпечатаны въ 17—28 красокъ. За пересылку одного выбраннаго художественнаго изданія, уплачивается ОДИНЪ рубль, а за остальныя по ДВА рубля. Подробное иллюстрированное объявленіе высылается по требованію безплатно.

Адресъ Главной Конторы: Спб., Невскій просп., у Аничкина моста, д. № 68—40.

Digitized by Google

1835 **ОТКРЫТА ПОДПИСКА.** 1892

НА БОЛЬШОЙ СЕМЕЙНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЖИВОПИСНОЕ

Годъ изданія 57-й. **ОБОЗРѢНІЕ** Годъ изданія 57-й.

ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА ПОЛУЧАТЪ:

ПЯТЬДЕСЯТЪ ДВА НУМЕРА, выходящихъ еженедѣльно, въ воскресенье, состоящихъ изъ двухъ—трехъ листовъ большаго формата, на зеленевой бумагѣ, съ 7—10 рисунками большаго альбомнаго размѣра.

КРОМѢ ТОГО ПРИ НУМЕРАХЪ ЖУРНАЛА БУДЕТЪ ВЫДАНО

135 БЕЗПЛАТНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ: 135

12 КНИГЪ «романы, повѣсти, разсказы и стихотворенія», выходящихъ въ первое воскресенье каждаго мѣсяца, въ размѣрѣ отъ 12—15 листовъ въ 8 д. (200—250 страницъ).—**22 НУМЕРА** «Парижскихъ модъ».—**24 НУМЕРА** «Образцовъ для дамскихъ изящныхъ рукодѣлій».—**12 ВЫКРОЕКЪ** въ натуральную величину костюмовъ.—**ЧЕТЫРЕ НУМЕРА** «Образцовъ для вышиванія».—**12** «Новѣйшихъ музыкальныхъ пьесъ».—Стѣнной календарь.

НОВЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ЖУРНАЛУ НА 1892 ГОДЪ:

24 нумера «**ЖИЗНЬ и ХОЗЯЙСТВО**» и **24** нумера «**ЧТЕНІЕ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА**»
Въ концѣ года составятъ **ДВА** томика (съ иллюстраціями) въ 800 страницъ.

ПРЕМІЯ НА ВЫБОРЪ ИЗЪ ТРЕХЪ НИЖЕСЛѢДУЮЩИХЪ:

1) Художественный альбомъ изъ **ПЯТНАДЦАТИ** акварелей художника **Н. Н. КАРАЗИНА:**

РУССКАЯ ЖИЗНЬ и ПРИРОДА ВЪ КАРТИНАХЪ.

Картины альбома отпечатаны въ **17—20 КРАСОКЪ** и наклеены на цвѣтной японскій картонъ съ золотою каемкою и вложены въ изящную папку, отпечат. въ 20 красокъ и золотомъ.

2) Двѣ большія картины, отпечатанныхъ въ 28 красокъ, съ оригиналовъ извѣстнаго пейзажиста, Профессора Императ. Акад. Худож. **Ю. Ю. КЛЕВЕРА:**

ЛУННАЯ НОЧЬ НА РѢКѢ и ЗАКАТЪ СОЛНЦА ЗИМОЮ ВЪ ЛѢСУ.

Объ эти картины составляютъ pendants и были на выставкѣ 1891 г.

3) Большая картина, отпечатанная въ 22 краски, съ знаменитаго художественнаго произведенія Профес. Императ. Акад. Худож. **Ѳ. БРУНИ.**

МОЛЕНІЕ О ЧАШѢ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ ПРЕЖНЯЯ:

На годъ 8 р. На полгода 4 р. 50 к. На три мѣсяца 2 р. 50 к.

Годовые подписчики, желающіе получить въ премію **ОДНО** изъ **ТРЕХЪ** новыхъ предлагаемыхъ на выборъ изданій, уплачиваютъ за пересылку выбранной ими картины или альбома—**ОДИНЪ** рубль, а за остальныя по **ДВА** рубля за каждый экземпляръ (съ пересылкою).

Разсрочка допускается, но исключительно чрезъ Главную Контору.

С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, домъ 68—40.

Подробное иллюстрированное объявленіе высылается по требованію безплатно.

НОВОСТИ ДНЯ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА,

съ портретами государственныхъ и общественныхъ дѣятелей.

ИЗДАНІЯ ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ ВЪ 1892 ГОДУ.

Вступая въ десятый годъ нашего изданія, намъ нѣтъ необходимости распространяться о его задачахъ и цѣляхъ, нѣтъ надобности говорить и о его прочно установившемся успѣхѣ.

Для обширнаго круга нашихъ читателей все это давно и ясно опредѣлилось, и мы увѣрены въ дальнѣйшемъ ихъ сочувствіи и поддержкѣ, тѣмъ болѣе, что разъ и всегда заявили себя какъ непримиримые враги всякой рутины и употребляемъ всѣ усилія, чтобы дать читателю богатый матеріалъ по всѣмъ интересующимъ его областямъ. Съ технической стороны веденіе „Новостей Дня“ поставлено согласно послѣднему слову газетнаго дѣла.

Что касается содержанія нашей газеты, то оно настолько живо и всесторонне, что вполнѣ отвѣчаетъ запросамъ читателя. Особенное вниманіе обращено на отдѣлъ ежедневныхъ телеграммъ отъ нашихъ собственныхъ корреспондентовъ. Всѣ важныя и интересныя свѣдѣнія изъ Петербурга сообщаются намъ немедленно по телеграфу, и это имѣетъ особенное значеніе для нашихъ провинціальныхъ читателей, получающихъ такимъ образомъ, благодаря центральному положенію Москвы, всѣ извѣстія ранѣе, чѣмъ они появляются въ другихъ изданіяхъ. Въ общемъ, всѣ наши старанія сводятся къ тому, чтобы создать общедоступную газету, и нельзя сказать, чтобы эти старанія намъ не удавались. Богатый матеріалъ „Новостей Дня“ распредѣляется въ слѣдующихъ отдѣлахъ:

Дѣйствія правительства.—Оффиціальный отдѣлъ. Телеграммы — отъ собственныхъ корреспондентовъ и „Свернаго телеграфнаго агентства“. Хроника — факты и слухи—изъ области административной, экономической, художественной и т. п. Политическое обозрѣніе—политическая и общественная жизнь иностранныхъ государствъ. „Новости Дня“ даютъ нѣсколько разъ въ мѣсяцъ подробные отчеты своихъ спеціальныхъ корреспондентовъ жизни Парижа, Берлина, Вѣны, Рима и др. — „За день“, „Фонограммы“, „Мелочи“—замѣтки о злобахъ столичной жизни. Московскія новости—полный отчетъ о событіяхъ и происшествіяхъ прошедшаго дня; свѣдѣнія о предстоящемъ; отчеты о засѣданіяхъ сословныхъ, ученыхъ и благотворительныхъ учрежденій. „Новости Дня» въ историческихъ справкахъ—историческіе очерки. Спортъ—свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ спорта. Театръ и музыка—рецензіи, краткія замѣтки, сообщенія и слухи изъ области театра и музыки. „Театральный альбомъ“, „Театральные памятные дни“.

Петербургъ—постоянныя извѣстія изъ жизни приневской столицы отъ спеціальнаго корреспондента. Провинція—жизнь городовъ и деревень. Въ царствѣ Фемиды—судебная хроника; отчеты о выдающихся процессахъ; отчеты о наиболѣе характерныхъ по бытовымъ подробностямъ процессахъ у мировыхъ судей, въ коммерческомъ судѣ и проч. Разныя извѣстія—масса мелочей. Заботы редакціи распространились и на полноту биржеваго, торговаго и справочнаго отдѣла. Кромѣ всего этого, въ „Новостяхъ дня“ помѣщаются научно-популярные фельетоны, рефераты, читанные въ засѣданіяхъ ученыхъ обществъ, въ популярномъ изложеніи, систематизированные и обработанные въ особомъ отдѣлѣ: „Среди ученыхъ“. Ежедневно печатаются романы и повѣсти извѣстныхъ авторовъ. Для наступающаго 1892 года въ портфелѣ редакціи имѣется нѣсколько оригинальныхъ романовъ и повѣстей.

Съ первыхъ январскихъ нумеровъ въ „Новостяхъ Дня“ будетъ помѣщаться повѣсть П. М. Невѣжина—„Голодуха“. Годовымъ подписчикамъ за 50 к. высылается романъ А. М. Пазухина—„Ополченная Россія“, продающійся по 2 р. за экземпляръ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 1892 ГОДЪ. Съ дотавк. въ Москвѣ: на 12 м. 8 р., на 11 м. 7 р. 50 к. на 10 м. 7 р., на 9 м. 6 р. 50 к., на 8 м. 6 р., на 7 м. 5 р. 50 к., на 6 м. 5 р., на 5 м. 4 р. 50 к., на 4 м. 3 р. 70 к., на 3 м. 2 р. 90 к., на 2 м 1 р. 90 к., на 1 м. 1 р. Съ пересылк. въ города: на 12 м. 9 р., на 11 м. 8 р. 50 к., на 10 м. 8 р., на 9 м. 7 р., на 8 м. 6 р., 50 к., на 7 м. 6 р., на 6 м. 5 р. 50 к., на 5 м. 5 р.; на 4 м. 4 р.; на 3 м. 3 р., на 2 м. 2 р., на 1 м. 2 р. Съ пересылк. за границу: на 12 м. 13 р.; на 11 м. 12 р. 90 к., на 10 м. 12 р. на 9 м. 10 р., 90 к., на 8 м. 6 р. 70 к., на 7 м. 8 р. 80 к., на 6 м. 7 р. 90 к., на 5 м. 9 р. 70 к., на 4 м. 5 р. 60 к., на 3 м. 4 р. 70 к., на 2 м. 3 р., р., на 1 м. 1 р. 60 к. Адресъ: Москва, Мясницкая, д. Ананова, контора газеты „Новости Дня“.

Digitized by Google

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

РУССКАГО ПАЛОМНИКА

О ПОДПИСКѢ НА 1892-Й ГОДЪ.

Открывая съ 19-го сего октября подписку на „Русскій Паломникъ“ 1892 года, мы не будемъ распространяться о его задачахъ и цѣляхъ: въ теченіи семилѣтняго существованія „Русскаго Паломника“, онѣ достаточно выяснились для нашихъ читателей. Ограничимся напоминаніемъ, что, представляя собою первый опытъ изданія въ Россіи иллюстрированнаго журнала религіозно-нравственнаго содержанія, „Русскій Паломникъ“ имѣлъ въ виду дать православному русскому обществу и народу, православной русской семьѣ и школѣ, назидательное и вмѣстѣ интересное чтеніе въ формѣ сколько общедоступной, столько же и вполнѣ литературной. Многочисленные рисунки въ текстѣ служатъ какъ для поясненія текста, такъ и для возбужденія въ читателяхъ большаго интереса къ тому роду литературныхъ произведеній, которыя составляютъ содержаніе „Русскаго Паломника“.

Обѣщая съ прежнимъ усердіемъ трудиться и въ наступающемъ 1892-мъ году мы конечно не преминемъ сдѣлать въ журналѣ всякія улучшенія и усовершенствованія, какія потребуются.

Между прочимъ въ журналѣ будутъ продолжаться:

БИБЛІЯ ВЪ КАРТИНАХЪ, съ подлиннымъ текстомъ Священнаго Писанія, и начатый въ нынѣшнемъ году ДНЕВНИКЪ ОТЦА ІОАННА КРОНШТАДТСКАГО. Въ прилагаемыхъ къ журналу отдѣльныхъ книжкахъ будутъ помѣщены: ВѢКЪ АПОСТОЛЬСКІЙ, исторія христіанской церкви первыхъ вѣковъ, которая можетъ служить продолженіемъ знаменитаго произведенія Дикона, печатающагося въ „Русскомъ Паломникѣ“ въ нынѣшнемъ году. БИБЛЕЙСКІЕ МУЖИ, отдѣльныя жизнеописанія изъ того собранія, къ которому принадлежатъ помѣщенныя въ предыдущихъ годахъ жизнеописанія Праотца Авраама и Боговидца Моисея. ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКІЯ ПОВѢСТВОВАНІЯ И РАЗСКАЗЫ. Въ видѣ безплатной преміи будетъ дана отпечатанная красками картина класснаго художника 1-й степени С. Я. Лучшева: ЧУДО МИЛОСТИ БОЖІЕИ 17-го ОКТЯБРЯ 1888 ГОДА, высоко-художественное произведеніе даровитаго художника, писанное на конкурсъ и изображающее тезоименитыхъ Августѣйшему Семейству святыхъ и Господа Саваоѳа, посылающаго съ небесъ Ангела для охраны Царя, Царицы и дѣтей Ихъ.

Кромѣ того, редакція предоставляетъ новымъ подписчикамъ на „Русскій Паломникъ“, не получавшимъ нашъ журналъ въ настоящемъ году, право получить ПОРТРЕТЪ ОТЦА ІОАННА КРОНШТАДТСКАГО, за 60 к., съ упаковкою и пересылкою.

Подписная цѣна „Русскаго Паломника“ на годъ **6** рублей.

Адресъ редакціи „Русскаго Паломника“: С.-Петербургъ, Владимірскій проспектъ, 13.

Редакторъ-издатель А. И. Поповицкій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 ГОДЪ.

(ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

НА ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ,

Въ 1892 году журналъ будетъ выходить ежемѣсячно книжками въ 30 листовъ. РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ будетъ издаваться по прежней программѣ, при сотрудничествѣ слѣдующихъ лицъ: Н. Д. Ахшарумовъ, кн. М. Н. Волконскій, П. И. Вейнбергъ, В. П. Клюшниковъ, М. В. Крестовская, Котъ-Мурлыка, гр. А. А. Кутузовъ. К. Н. Леонтьевъ, Н. С. Лѣсковъ, Е. Л. Марковъ, К. Орловскій, Я. П. Полонскій, гр. Е. А. Саліасъ, А. А. Смирновъ, Д. И. Стахѣевъ, А. Стерви, А. А. Фетъ, А. П. Чеховъ, П. П. Шатохинъ, І. І. Ясинскій, (Максимъ Бѣлинскій), П. В. Безобразовъ, Л. Б. Бертенсонъ, А. А. Берзенко, Н. П. Вагнеръ, С. Васильевъ, А. Н. Весе-

Digitized by Google

ловскій. А И. Воейковъ, Л. Н. Вороновъ, Георгіевскій, Н. М. Горбовъ, В. А. Грингмутъ, Н. Я. Гротъ, И. И. Дубасовъ, Н. Ю. Зографъ. Н. Д. Кашкинъ, А. А. Кирѣевъ, Н. А. Любимовъ, Л. Н. Майковъ, А. И. Незеленевъ, Э. Л. Радловъ, С. А. Рачинскій, В. И. Сафоновъ. В. В. Святловскій, Вл. С. Соловьевъ, М. П. Соловьевъ, Н. Н. Страховъ, Бретъ-Гартъ (Bret-Harte), Dr. H. Brunnhofer, П. Буржэ (Paul Bourget), М. де-Вогюэ (Melchior de-Yogüé). Г. Вольшингеръ. (Henri Welsching:r), П. Леруа-Больё (Paul Ler.y-Beauli u). Э. Гартманъ (Eduard von Hartmann), Ж. Симонъ Jules Simon), В. Стэдъ (William Stead) и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: за годъ. Съ пересылкой и доставкой во всѣ города Россійской Имперіи 15 р. 50 к. За полгода 8 р. За границу: за годъ 19 р., за полгода 10 р. Отдѣльные №№ продаются въ конторѣ журнала по 1 руб. 50 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ конторѣ журнала: Москва, Тверской бульваръ, д. Зыкова, № 46, и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ. При подпискѣ въ конторѣ журнала допускается разсрочка подписной платы по полугодіямъ и четвертямъ года.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 ГОДЪ.

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ЮЖНЫЙ КРАЙ

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ: I. Правительственныя распоряженія. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики и общественной жизни. III. Обозрѣніе газетъ и журналовъ. IV. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ „Южнаго Края“ и „Сѣвернаго телеграфнаго агенства“. V. Послѣднія извѣстія. VI. Городская и земская хроника. VII. Вѣсти съ юга: корреспонденціи „Южнаго Края“. VIII. Со всѣхъ концовъ Россіи (корреспонденціи „Южнаго Края“ и извѣстія другихъ газетъ). IX. Внѣшнія извѣстія: заграничная жизнь, послѣдняя почта. X. Наука и искусство. XI. Фельетонъ: научный, литературный и художественный. Беллетристика. Театръ. Музыка. XII. Судебная хроника. XIII. Критика и библіографія. XIV. Смѣсь. XV. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XVI. Календарь. XVII. Справочныя свѣдѣнія. Дѣла, назначенныя къ слушанію и резолюціи по нимъ округа Харьковской судебной палаты. XVIII. Сторонія сообщенія. XIX. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи. Кромѣ того, газета получаетъ постоянныя извѣстія изъ Петербурга и Москвы. Въ „Южномъ Краѣ“ помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политиковъ имѣющіе отношенія къ текущимъ событіямъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Безъ доставки. На годъ 10 р. 50 к. На 6 мѣс. 6 р. На 3 мѣс. 3 р. 50 к. На 1 мѣс. 1 р. 20 к. Съ доставкою. На годъ 12 р. На 6 мѣс. 7 р. На 3 мѣс. 4 р. На 1 мѣс. 1 р. 40 к. Съ перес. иногородн. На годъ 12 р. 50 к. На 6 мѣс. 7 р. 50 к. На 3 мѣс. 4 р. 50 к. На 1 мѣс. 1 р. 60 к.

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка и объявленія принимаются въ *Харьковѣ*—въ главной конторѣ газеты „Южный край“, на Николаевской площади, въ домѣ Питры.

Редакторъ-Издатель А. А. Іозефовичъ.

Digitized by Google

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 ГОДЪ НА

НОВОРОССІЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ

ГАЗЕТУ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЭКОНОМИЧЕСКУЮ и ЛИТЕРАТУРНУЮ,

самую большую и распространенную на югѣ Россіи между русскимъ населеніемъ

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ).

„Новороссійскій Телеграфъ", по примѣру большихъ столичныхъ газетъ, выходитъ ежедневно, не исключая понедѣльниковъ и дней послѣпраздничныхъ, (не менѣе 330 №№ въ годъ). (И во всякомъ случаѣ, такое же количество, какое выпустятъ другія одесскія газеты).

Наша семнадцатилѣтняя редакторская дѣятельность (не фактивная) позволяетъ намъ, не прибѣгая къ обычнымъ рекламамъ и обѣщаніямъ, заявить, что, ежегодно улучшая нашу газету и постепенно увеличивая ея форматъ, мы достигли того, что „Новороссійскій Телеграфъ" пользуется лестнымъ вниманіемъ большинства русскаго населенія края. Немало средствъ, труда и энергіи затратили мы для того, чтобы поставить нашу газету на ту степень самостоятельности и независимости, до которой она доведена въ нынѣшнемъ ея положеніи. Направленіе „Новор. Телеграфа" рѣзко отличается отъ направленія другихъ мѣстныхъ газетъ, и потому намъ незачѣмъ опредѣлять его при объявленіяхъ о подпискѣ. Скажемъ только, что мы держимъ знамя русской газеты, обязанной защищать въ краѣ русскіе интересы, которые у насъ попираются инородными племенами. Главныя литературныя силы газеты нашей остаются въ томъ-же составѣ, что и въ прежнее время. Изъ столичныхъ литературныхъ дѣятелей приметъ участіе извѣстный петербургскій фельетонистъ Буква (г. Василевскій), украшающій страницы „Новор. Телеграфа" четырнадцать лѣтъ. Изъ мѣстныхъ литературныхъ силъ будутъ принимать участіе: профессоръ В. И. Шерцль, М. В. Неручевъ, Зео (по беллетристическому отдѣлу) и др. Обзоръ иностранной литературы будетъ вестись доцентомъ всеобщей литературы, А. Ю Шепелевичемъ. Въ Парижѣ, Лондонѣ, Петербургѣ, Москвѣ и Варшавѣ у насъ имѣются постоянные корреспонденты. Въ будущемъ году редакція будетъ по прежнему помѣщать рисунки, касающіеся современныхъ событій, и портреты выдающихся дѣятелей. Кромѣ телеграммъ „Сѣв. Тел. Агентства", мы даемъ постоянно, въ теченіи цѣлаго года, телеграммы отъ нашихъ столичныхъ корреспондентовъ, которые какъ по вопросамъ внутренней жизни, такъ и внѣшней политики государства, всегда присылаютъ свои сообщенія раньше „Сѣв. Тел. Агентства" и вмѣстѣ съ тѣмъ въ болѣе обстоятельной формѣ.

„Новороссійскій Телеграфъ" имѣетъ въ своей программѣ отдѣлъ „Юридической хроники", предоставляющій редакціи право разбора и обсужденія судебныхъ рѣшеній; кромѣ того, редакція пользуется правомъ помѣщать рефераты судебныхъ засѣданій военно-окружнаго суда. Эти права имѣютъ не всѣ мѣстныя газеты.

Подписка принимается: въ Одессѣ, въ конторѣ редакціи, на Преображенской улицѣ, домъ Либмана, и въ отдѣленіяхъ газеты: при типографіи, Новая улица, домъ г. Озмидова, и на Молдованкѣ, Петропавловская улица, домъ г. Озмидова. Кромѣ того, подписка принимается: въ Кишиневѣ, въ библіотекѣ А. Т. Грашенко. (Губернская улица, домъ Шилькреда), въ книжномъ магазинѣ М. О Шаха. Въ Николаевѣ, въ книжномъ магазинѣ г. Шаха, въ Херсонѣ, въ библіотекѣ г. Михайлова.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: безъ доставки и пересылки: на 1 мѣс.—1 р. 20 к., на 2 мѣс.—2 р. 50 к., на 3 мѣс.—3 р. 50 к., на 4 мѣс.—4 р. 50 к., на 5 мѣс.—5 р. 50 к., на 6 мѣс.—6 р. 50 к., на 7 мѣс.—7 р. 50 к., на 8 мѣс.—8 р. 50 к., на 9 мѣс.—9 р. 50 к., на 10 мѣс.—10 р. 50 к., на 11 мѣс.—11 р., на 12 мѣс.—12 р.; съ доставкою и пересылкой: на 1 мѣс.—1 р. 20 к., на 2 мѣс.—2 р. 75 к., на 3 мѣс.—4 р., на 4 мѣс.—5 р. 50 к., на 5 мѣс.—6 р. 50 к., на 6 мѣс.—7 р. 50 к., на 7 мѣс.—9 р., на 8 мѣс.—10 р., на 9 мѣс.—11 р., на 10 мѣс.—12 р., на 11 мѣс.—13 р., на 12 мѣс.—14 р.

За-границу къ стоимости экземпляра въ Россіи слѣдуетъ прибавлять на пересылку за каждый мѣсяцъ по 60 коп., въ годъ 7 руб. 20 коп.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка въ уплатѣ подписныхъ денегъ, если о ней будетъ заявлено въ началѣ, при годовой подпискѣ. Взносы разсроченной платы могутъ быть или полугодовые (по 7 р. къ 1-му января и къ 1-му іюня), или по четвертямъ года (по 3 р. 50 к. къ 1-му января, 1-му марта, 1-му іюня и 1-му

Digitized by Google

сентября), т. е., всегда за мѣсяцъ впередъ до наступленія срока разсрочки. Для извѣстныхъ, земскихъ и городскихъ учрежденій, а также для лицъ, служащихъ въ этихъ учрежденіяхъ, допускается подписка въ кредитъ, по письменнымъ официальнымъ бумагамъ чрезъ казначеевъ, съ условіемъ высылки денегъ въ теченіе первыхъ 3-хъ мѣсяцевъ 1892 года.

Для свѣдѣнія подавателей объявленій. Объявленія, печатаемыя въ „Новороссійскомъ Телеграфѣ“, расклеиваются на слѣдующихъ главныхъ станціяхъ юго-западной желѣзной дороги: Одесса, Кіевъ, Кишиневъ, Елисаветградъ, Балта, Гопта, Тирасполь, Бендеры, Волочискъ, Казатинъ, Бѣлостокъ, Граево, Жмеринка, Фастовъ, Бердичевъ, Винница, Бирзула, Унгены, Раздѣльная и др., всего на 40 станціяхъ юго-западныхъ линій имѣющихъ протяженіе до 2500 верстъ и обнимающихъ районъ семи южныхъ и юго-западныхъ губерній.

СПИСОКЪ ПОЛУЧАТЕЛЕЙ ГРУЗОВЪ, привозимыхъ въ Одессу по желѣзной дорогѣ, и свѣдѣнія о наложенныхъ платежахъ печатаются также въ „Новороссійскомъ Телеграфѣ“. Редакторъ-издатель М. Озмидовъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ

НА 1892-Й ГОДЪ (ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Газета будетъ выходить въ прежнемъ объемѣ, постоянно пополняясь различными отдѣлами, согласно своей обширной программѣ. Главное вниманіе редакціи обращено на возможно широкое развитіе областного отдѣла, сельско-хозяйственнаго и торгово-промышленнаго. Въ газетѣ постоянно печатаются обстоятельныя торговыя свѣдѣнія и цѣны орловскаго, елецкаго и другихъ ближайшихъ къ Орлу рынковъ и мѣстностей. На вѣрность торговыхъ сообщеній обращается особое вниманіе. Во всѣхъ уѣздныхъ городахъ орловской и смежныхъ губерній редакція имѣетъ своихъ корреспондентовъ. ПОДПИСКА ОТКРЫТА на прежнихъ условіяхъ: съ доставкой на домъ въ Орлѣ и пересылкой въ другіе города на годъ 7 руб., на одиннадцать мѣс. 6 р. 50 к., на десять мѣс. 6 руб., девять мѣс. 5 руб. 50 коп., восемь мѣс. 5 р., семь мѣс. 4 р. 50 к., шесть мѣс. 4 руб., пять мѣс. 3 руб. 50 к., четыре мѣс. 3 руб., три мѣс. 2 р. 40 к., два мѣс. 1 руб. 70 коп., одинъ мѣс. 90 к., полмѣсяца 50 коп.

Для удобства подписчиковъ подписка принимается и съ разсрочкой на слѣдующихъ условіяхъ: по полугодіямъ—въ январѣ и іюнѣ по 3 руб. 50 к., по третямъ года—въ январѣ, апрѣлѣ и іюлѣ по 2 р. 35 коп., помѣсячно—по 1 руб. и на другихъ, удобныхъ для подписчиковъ и конторы, условіяхъ. Для ознакомленія газета высылается безплатно. Подписка также принимается на всѣ сроки и съ каждаго числа текущаго мѣсяца, но тогда къ подписной цѣнѣ срока приплачивается, только иногородныя, за первый мѣсяцъ 15 коп. почтовыхъ. За перемѣну адреса иногородные уплачиваютъ 20 копѣекъ, причемъ необходимо сообщать прежній адресъ. Копѣйки могутъ быть высылаемы марками. Плата за объявленія: за каждую строку петита въ 40 буквъ въ одинъ столбецъ или за занимаемое строкой мѣсто, позади текста, въ первый разъ уплачивается 10 коп. и 5 коп. со строки въ слѣдующіе разы. На первой страницѣ, впереди текста плата вдвое дороже. За объявленія, печатаемыя отъ 10 до 100 разъ, дѣлается уступка отъ 10 проц. до 40 проц. За годовыя объявленія, не менѣе 100—150 разъ, уступка 50 проц.

Подписка на газету и пріемъ объявленій. Въ Орлѣ: въ отдѣленіи конторы, въ книжномъ магазинѣ и публичной библіотекѣ „Орлов. Вѣстн.“, Болховская, д. 17. Въ книжномъ магаз. Кашкина, Шемаева и Хализева. Въ конторѣ редакціи и типографіи газеты, на Зиновьевской, д. № 2, близъ корпуса. Въ Ельцѣ: въ конторѣ компаніи „Надежда“ у г. Рощупкина и въ книжной лавкѣ Давыдова, на Торговой улицѣ. Въ Москвѣ и Петербургѣ во всѣхъ конторахъ объявленій. Въ Курскѣ: книжные магазины Кашкина и Переплетенко. Въ Варшавѣ: въ агентствѣ объявленій Райхмана. Въ Парижѣ: въ агентствѣ объявленій и телеграммъ Гаваса и комп., Place de la Bourse.

Digitized by Google

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 ГОДЪ НА

ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

НА ГОДЪ . . . 5 р.
НА 8 МѢС. . . 4 р.
НА 6 МѢС. . . 3 р.

ДЕНЬ

НА 4 МѢС. . . 2 р.
НА 2 МѢС. . . 1 р.
НА 1 МѢС. . . 50 к.

За границу
НА ГОДЪ 10 р.

Объявленія по 10 коп.
ЗА СТРОКУ.

Адресъ: С.-Нетербургъ, Невскій просп., д. 20.

360 №№ въ годъ. 12 кн. романовъ, разсказовъ и очерковъ.

Редакторъ *И. В. Скворцовъ.*
Издатель *А. А. Гревe.*

При подпискѣ на годъ допускается разсрочка—1-й взносъ 2 или 1 р. — послѣдующіе по 1 р.

1892 ГОДЪ — ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА — 58-й г. ИЗДАНІЯ

НУВЕЛЛИСТЪ

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ФОРТЕПІАНО И МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА.

Съ 1-го Января 1892 года „Нувеллистъ“ вступаетъ въ пятьдесятъ третій годъ своего существованія и будетъ издаваться подъ той-же редакціею и по той-же программѣ, какъ и въ предъидущіе года. „Нувеллистъ“ будетъ выходить, какъ и прежде, перваго числа каждаго мѣсяца, тетрадями отъ 28 до 35 страницъ музыки, большаго нотнаго формата. Годовой экземпляръ „Нувеллиста“ составитъ обширный томъ, болѣе чѣмъ въ 400 стран. и будетъ содержать до ста избранныхъ салонныхъ пьесъ, танцевъ и романсовъ. Каждая тетрадь музыкальнаго номера будетъ содержать въ себѣ: 1) Четыре или пять салонныхъ пьесъ. 2) Одинъ или два танца. 3) Двѣ легкія пьесы для дѣтей. 4) Русскій романсъ.—Сверхъ того, въ теченіе года въ „Нувеллистѣ“ будутъ помѣщены двѣ пьесы въ четыре руки. Въ теченіе 1892 года въ „Нувеллистѣ“ будутъ помѣщены двѣнадцать новыхъ оперныхъ фантазій: Рубинштейнъ А., „Купецъ Калашниковъ“. Чайковскій, П. „Пиковая Дама“. Вагнеръ „Лоэнгринъ“. Соловьевъ, Н. „Кузнецъ Вакула“. Масканьи „Другъ Фрицъ“ (новая опера). Массенэ „Эсклармондъ“. Монюшко „Галька“. Гуно „Ромео и Юлія“. Россини „Отелло“. Шель „Тамара“. Верди „Аида“. Мейерберъ „Пророкъ“. Музыкально-Театральная Газета будетъ выходить въ продолженіи музыкальнаго сезона—въ Январѣ, Февралѣ, Мартѣ, Апрѣлѣ, Сентябрѣ, Октябрѣ, Ноябрѣ и Декабрѣ. Кромѣ огромнаго количества музыкальныхъ пьесъ и Музыкально-Театральной Газеты, подписчики получатъ безплатныя ПРЕМІИ полную оперу для фортепіано въ 2 руки, или же другія музыкальныя сочиненія по ихъ выбору, изъ 80 нумеровъ и въ теченіе года два художественно-исполненныхъ портрета знаменитыхъ музыкальныхъ дѣятелей. Подписная цѣна 5 руб. Съ доставкою и пересылкою 6 руб.

Для Гг. служащихъ допускается разсрочка черезъ ихъ казначеевъ. Разсрочные подписчики платятъ: городскіе—при подпискѣ 2 р., къ 1 Іюля 2 р. и къ 1 Сентября 1 р.; иногородные—при подпискѣ 2 р., къ 1 Іюля 2 р. и къ 1 сентября 2 р.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ „Нувеллиста“ при музыкальной торговлѣ М. Бернарда, Большая Морская, № 26. Въ Москвѣ у П. И. Юргенсона, Неглинный проѣздъ № 10.

Редакторъ А. Бернардъ. Издатель Н. Бернардъ.

Digitized by Google

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ безъ приложеній НА ГОДЪ

4 Р.

съ пересылкой по Имперіи.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА.

ЕЖЕДНЕВНАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ, УЧЕНАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

(ВЫХОДЯЩАЯ БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

ВТОРОЕ ИЗДАНІ безъ приложе НА ГОД

4 Р.

съ пер сылкой Импери

съ 1-го Января 1892 г. будетъ выходить ежедневно

ВЪ ДВУХЪ ИЗДАНІЯХЪ:

ПЕРВОЕ ИЗДАНІЕ ВЪ форматѣ БОЛЬШИХЪ СТОЛИЧНЫХЪ ГАЗЕТЪ СЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ

1) По воскресеньямъ особаго иллюстрированнаго приложенія въ видѣ ежедѣльнаго иллюстрированнаго журнала. 2) Книжекъ „Романы и повѣсти“. Каждая книжка содержитъ 160—200 страницъ. 3) „Моды и рукодѣлія“ 12 номеровъ, замѣняющихъ для семьи „Модный журналъ“. 4) „Стѣнной календарь“ въ три краски.

ВТОРОЕ (ОБЩЕДОСТУПНОЕ) ИЗДАНІЕ

(БЕЗЪ ПРИЛОЖЕНІЙ).

Въ ВИДУ все болѣе расширяющейся потребности въ нашемъ обширномъ Отечествѣ въ серьезномъ и живомъ печатномъ словѣ, доступномъ наиболѣе широкому кругу читателей самыхъ различныхъ классовъ и достояній, существующая нынѣ высокая цѣна на газету „Сынъ Отечества“, не смотря на ея крайнюю умѣренность является тѣмъ не менѣе для преобладающаго числа провинціальныхъ читателей — **отвѣчающей ихъ матеріальнымъ средствамъ.** Помимо этого, серьезныя нужды, вызванныя въ настоящее время экономическими затрудненіями большинства нашихъ внутреннихъ губерній, нигдѣ не исключаютъ, однако, возможности обходиться безъ такого печатнаго органа, который могъ бы служить наиболѣе полнымъ вѣстникомъ новостей, получаемыхъ со всѣхъ концовъ міра и быть, въ то-же время, компетентнымъ безпристрастнымъ оцѣнщикомъ и толкователемъ совершающихся событій. Пробѣлъ этотъ является между тѣмъ весьма ощутительнымъ какъ въ духовной, такъ и въ экономической жизни читателей, принадлежащихъ къ кругу людей съ ограниченными матеріальными средствами, но имѣющихъ самую настоятельную необходимость въ дешевой и возможно полной ежедневной газетѣ, служащей безразлично интересамъ всѣхъ сословій и удовлетворяющей таковымъ въ возможно широкой мѣрѣ.

Обширныя редакціонныя средства газеты „Сынъ Отечества“, а равно и поставленная ротаціонной машины въ ея типографіи, печатающей отъ 15 до 18 тысячъ экземпляровъ въ часъ (съ фальцовкой), даютъ намъ возможность пойти на встрѣчу помянутымъ весьма существеннымъ нуждамъ многочисленныхъ провинціальныхъ читателей.

Форматъ ВТОРАГО изданія будетъ меньше ПЕРВАГО, но, во всякомъ случаѣ значительно больше существующихъ въ настоящее время дешевыхъ ежедневныхъ изданій, что дастъ намъ возможность знакомить читателей на страницахъ ВТОРАГО изданія въ сжатомъ изложеніи, ОДНОВРЕМЕННО СЪ ДРУГИМИ ДОРОГИМИ ИЗДАНІЯМИ, со всѣми дающимися извѣстіями и повостями изъ внутренней и иностранной жизни, телеграммами, корреспонденціями и проч.

Подписная цѣна на ВТОРОЕ изданіе газеты „СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“

(БЕЗЪ ПРИЛОЖЕНІЙ).

На годъ ЧЕТЫРЕ руб. На полгода ДВА руб. На три мѣсяца ОДИНЪ руб.

(Съ доставкою въ С.-Петербургѣ и пересылкою по Имперіи).

Адресъ Главной Конторы: Спб., Невскій просп., у Аничкина моста, д. 60.

ДЕШЕВЫЯ И ПОЛЕЗНЫЯ
ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ИЗДАНІЯ
ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ:

1) ХУДОЖЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ АЛЬБОМЪ
„СОРОКЪ КАРТИНЪ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ"
(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ОПИСАНІЯ КАРТИНЪ).

1) Проповѣдники христіанства въ Кіевѣ, В. П. Верещагина; 2) Убіеніе Аскольда и Дира на берегу Днѣпра, В. Топоркова; 3) «Не посрамимъ земли русской»; 4) Первыя жертвы христіанъ въ Кіевѣ; 5) Князь Владиміръ разсматриваетъ изображеніе «Страшнаго суда», М. Лебедева; 6) Князь Владиміръ у Рогнѣды; 7) Крещеніе князя Владиміра; 8) Князь Михаилъ Чернигонскій въ ордѣ. Лосева; 9) Юноша Варлаамъ и Антоній Печерскій, А. Земцова; 10) Іоаннъ III раэрываетъ ханскую грамоту; 11) Іоаннъ IV и Сильвестръ во время пожара въ Москвѣ, А. Земцова; 12) Іоаннъ Грозный и калики перехожіе, В. Шварца; 13) Іоаннъ Грозный принимаетъ посольство Ермака, С. Растворовскаго; 14) Іоаннъ Грозный и Василиса Мелентьевна, Г. Сѣдова; 15) Іоаннъ Грозный, его мамка и Малюта Скуратовъ; 16) Смерть шута Гвоздева, Н. В. Неврева; 17) «Дорогой гость», Н. В. Неврева; 18) Судъ Божій (изъ романа „Князь Серебряный»); 19) Борисъ Годуновъ умоляетъ Іоанна Грознаго пощадить сына; 20) Митрополитъ Филиппъ и Іоаннъ Грозный; 21) Борисъ Годуновъ и астрологъ, Н. В. Неврева; 22) Игра въ шахматы, В. Шварца; 23) Летаргическій совѣтъ князя Юрія Дмитріевича Краснаго, Селезнева; 24) Послѣднія минуты Годуновыхъ, К. Венига, 25) Убіеніе Ѳеодора Борисовича Годунова, К. Маковскаго; 26) Смерть Басманова, И. Творожникова; 27) Царица Марѳа и Лжедмитрій, А. Земцова; 28) Послѣднія минуты Лжедмитрія, К. Лебедева; 29) Іезуитъ, утѣшающій Марину Мнишекъ послѣ убіенія Лжедмитрія. М. П. Клодта; 30) Патріархъ Гермогенъ въ заключеніи, П. Чистякова; 31) Посольство въ домъ князя Пожарскаго, А. Савицкаго; 32) Смерть Ивана Сусанина, А. Земцова; 33) Стрѣлецкій бунтъ во время дѣтства Петра I. А. Корзухина; 34) Спускъ на воду перваго ботика въ селѣ Измайловѣ: 35) Петръ I-й среди заговорщиковъ, Шарлеманя; 36) Пугачевъ и Гриневъ въ домѣ Шварина; 37) Башкиры, уводящіе плѣнныхъ изъ Казани; 38) Военный совѣтъ въ Филяхъ, Кившенко; 39) Бѣгство Наполеона изъ Москвы (7 октября 1812 г.); 40) Плѣнные французы въ 1812 году, Прянишникова.

Большинство картинъ воспроизведены съ оригиналовъ, хранящихся въ Императорскомъ Эрмитажѣ и музеѣ Академіи Художествъ.

ЦѢНА 2 РУБ., ВЪ ПАПКѢ 2 РУБ. 25 КОП.

2) АЛЬБОМЪ
ГАЛЛЕРЕЯ ИЗВѢСТНѢЙШИХЪ РУССКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ,
Состоящій изъ **десяти картинъ**, отпечатанныхъ въ 17—25 красокъ:

1) «**Самозванецъ и Ксенія**» (истор. жанръ), *И. В. Неврева*; 2) «**Меньщиковъ въ ссылкѣ**» (истор. жанръ), *В. Сурикова*; 3) «**Варка варенья**» (сельск. жанръ), *В. Г. Маковскаго*; 4) «**Жестокій романсъ**» (жанръ), *Н. М. Прянишникова*; 5) «**Разлучница**» (сельск. жанръ), *К. Трутовскаго*; 6) „**Стряпчій**" (жанръ), *В. Г. Маковскаго*; 7) „**Сватовство**", *Н. В. Неврева*; 8) „**Возвращеніе изъ школы**", *Г. Ѳ. Рыбакова*; 9) „**Хуторъ зимою**", *П. Н. Дубовскаго*; 10) „**Стадо коровъ**" *П. А. Эллерта*.

ЦѢНА 2 РУБ., ВЪ ПАПКѢ 2 РУБ. 25 КОП.

3) АЛЬБОМЪ
„ЖАНРЪ И ПЕЙЗАЖЪ"
СТО КАРТИНЪ РУССКИХЪ и ИНОСТРАННЫХЪ ХУДОЖНИКОВЪ.

ЦѢНА 2 РУБ., ВЪ ПАПКѢ 2 РУБ. 25 КОП.

Обращаемъ вниманіе любителей и знатоковъ картинъ на эти дешевыя и художественныя изданія.

Для желающихъ эти альбомы имѣются въ изящныхъ переплетахъ изъ шагреневаго коленкора, съ черной и золотомъ, цѣною отъ 2 до 5 р. За пересылку альбомовъ 50 к.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ: Спб., Невскій пр., у Аничкина моста, №№ 63—40.

Digitized by Google

КОНТРАКТЪ

«БУДИЛЬНИКА» СЪ ПОДПИСЧИКОМЪ НА 1892 ГОДЪ.

Мы, заслуженный юмористическій журналъ „Будильникъ“ и россійскій подписчикъ, заключаемъ сей контрактъ на 1892 годъ въ нижеслѣдующемъ: 1) Я, подписчикъ, обязуюсь, въ видахъ собственныхъ выгодъ, какъ можно скорѣе подписаться на „Будильникъ“. 2) Я, „Будильникъ“, обязуюсь выдавать подписчику, въ теченіе года, 50 нумеровъ журнала, разнообразнаго серьезно-юмористическаго и веселаго содержанія, съ карикатурами и рисунками въ краскахъ. 3) Въ каждомъ нумерѣ *уловивъ* „злобу дня“, еще злѣе оную нарисовать и описать. 4) Слѣдить за политикой, не допускать въ оной никакихъ отступленій. 5) Не давать спуска провинціи. Забраться во всѣ города и городишки и вывести на свѣжую воду всѣхъ ея сомнительныхъ дѣльцовъ. 6) Я, подписчикъ, обязуюсь читать все отъ строки до строки и даже между строкъ. 7) Я, „Будильникъ“, за такое примѣрное поведеніе, обязуюсь дать въ награду подписчику: 8) Напечатать библіографическую рѣдкость — одинъ изъ первыхъ русскихъ юмористическихъ журналовъ Екатерининскихъ временъ,—„Всякая всячина“. 9) Я, „Будильникъ“, обязуюсь дать вторую награду—напечатать нѣкоторыя „веселыя“ пьесы, имѣвшія успѣхъ на столичныхъ сценахъ. 10) Я, „Будильникъ“, получивъ со всѣхъ концовъ Россіи отзывы о докторахъ и адвокатахъ, обязанъ, въ видѣ третьей награды, дѣлиться съ подписчиками этими отзывами. 11) Кромѣ всего этого, я, „Будильникъ“, обязуюсь выдать подписчикамъ небывалую премію:

БАСНИ КРЫЛОВА ВЪ ЛИЦАХЪ.

Для сего я долженъ: а) Избрать 10 лучшихъ басенъ дѣдушки Крылова. б) Дать полный текстъ оныхъ. в) Иллюстрировать каждую басню примѣнительно къ нашей общественной жизни и составить изъ 10 басенъ и 10 иллюстрацій изящнѣйшій альбомъ. г) Заключить его въ обложку, съ портретомъ дѣдушки Крылова и аллегорически-ехидными изображеніемъ его любимыхъ персонажей.

12) Я, годовой подписчикъ, обязуюсь съ душевнымъ прискорбіемъ доплатить за оную премію, сверхъ подписной платы, еще одинъ рубль.

Адресъ редакціи, по которому слѣдуетъ пересылать деньги:

Москва, Тверская, д. Гинцбурга, ред. журнала „Будильникъ“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ, въ Москвѣ, безъ преміи — 8 р., съ преміей — 9 р., для иногородныхъ, безъ преміи 9 р., съ преміей 10 р.; на шесть мѣсяцевъ въ Москвѣ, 4 р. 50 коп., для иногородныхъ 5 руб. (безъ права на премію).

Примѣчаніе. Кому трудно внести всю годовую плату, тотъ можетъ (съ правомъ на премію) подписаться съ разсрочкой, внеся при подпискѣ пять рублей, а остальные уплатить до іюня.

Digitized by Google

ИЗДАНІИ „ЦИРКУЛЯРОВЪ" САРАТОВСКАГО ГУБЕРНАТОРА.

Вышедшая въ Саратовѣ брошюра: **«Циркуляры, указанія и рѣчи»** (1887 91 г.), Начальника Саратовской губерніи, Генеральнаго Штаба Гене--Лейтенанта А. И. Косича—продается *въ пользу пострадавшихъ отъ не-кая* Саратовской губерніи, по 1 рублю за экземпляръ.

За полученіемъ брошюры слѣдуетъ обращаться въ г. Саратовъ, въ Упра-іе Краснаго Креста.

нижныхъ магазинахъ обѣихъ столицъ, въ лучшихъ провинціальныхъ и на танціяхъ желѣзн. дорогъ продается НОВАЯ КНИГА **А. В. КРУГЛОВА**

СРЕДИ НАСЪ.

ести и разсказы (20 печатн. листовъ) цѣна 1 р. 25 к. съ пер. 1 р. 50 к.

городныхъ просятъ обращаться: С.-Петербургъ, книжный магазинъ Н. П. Карбасникова.

~~23445~~

18100

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ № 12-го

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

«НАБЛЮДАТЕЛЬ»

		Стран.
I.	Свои-чужіе. Романъ А. В. Круглова. (*Оконч.*) . . .	3
II.	Мечта. Стихотвореніе К. М. Фофанова	73
III.	Новѣйшія наблюденія надъ нравами обезьянъ. М. И. Венюкова.	74
IV.	Сафо въ гостяхъ у Эрота. Стихотвореніе М. Лохвицкой .	89
V.	Пророкъ. Разсказъ Д. С. Мережковскаго	92
VI.	Иванъ Александровичъ Гончаровъ. (Опытъ литературной характеристики). В. В. Чуйко.	109
VII.	Буреломъ. (Переписка двухъ пріятелей). А. В.	128
VIII.	Изъ зимняго альбома. Два стихотворенія А. Коринфскаго	169
IX.	Сокровищница ацтековъ. Романъ изъ современной древности. (*Оконч.*) Томаса Жанвье.	172
X.	Кавказскія преданія и легенды. В. Свѣтлова	280
XI.	На смерть Л. И. Пальмина. Стихотвореніе Н. Аксакова.	314
XII.	Французская выставка 1891 г. въ Москвѣ. А. С. Вирениуса	316
XIII.	Пиппистрелло. Разсказъ Уида.	333
XIV.	Портретъ. Стихотвореніе А. Гангелина.	366

Современное обозрѣніе.

XV.	Политическая хроника	1
XVI.	Новыя книги	17
XVII.	Наши внутреннія дѣла	29
XVIII.	Фонографъ. (Фельетонъ «Наблюдателя»). 1) И смѣхъ, и горе (Литературныя и общественныя замѣтки). Ефима Простосердова	41
	2) Стихотворенія: Невскаго Жителя, Л. Балалайкина и Е. П.	51

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google